



Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

### **Правила использования**

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.  
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.  
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.  
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.  
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

### **О программе Поиск книг Google**

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

### **Usage guidelines**

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

### **About Google Book Search**

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>



NYPL RESEARCH LIBRARIES



3 3433 08191274 7













# РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ Н. КАТКОВЫМЪ

NEW YORK  
PUBLIC LIBRARY  
ASTOR LENOX AND  
TILDEN FOUNDATION

000001

ТО ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

1876 110

## Я Н В А Р Ъ

### СОДЕРЖАНИЕ:

- I. ВОЕННАЯ ЖИЗНЬ ВЪ ВАРШАВѢ, СЪ 1815 ПО 1831 ГОДЪ. Эпизодъ изъ исторіи лейбъ-гвардіи Уланскаго Его Величества полка. В. В. Бресговскаго.
- II. МОИ ПЕРВЫЯ ИСПЫТАНІЯ И УСПѢХИ, СОБЛАЗНЫ И ДѢЛА. Воспоминанія Одиссея Полухроніадеса, загорскаго Грека. Гл. I—VII. К. Н. Леонтьева.
- III. ЕКАТЕРИНИНСКАЯ КОМИССИЯ 1767 — 1769. Гл. I—III. П. В. Вланка.
- IV. ПѢСНИ КАВКАЗСКИХЪ ГОРЦЕВЪ. Стихотвореніе. А. А. Фета.
- V. РАЗРУШЕННАЯ НЕВѢСТА. Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ съ эпилогомъ. Д. В. Аверкіева.
- VI. ДВѢ СУДЬБЫ. Романъ Уилки Колликса. Переводъ съ англійскаго. Гл. I—IV.
- VII. АННА КАРЕНИНА. Романъ. Часть третья. Гл. XI—XXVIII. Графа Л. Н. Толстаго.
- VIII. О СВЯЗИ МЕЖДУ ЯВЛЕНІЯМИ РАЗВИТІЯ ГОДОВОЙ ЖИЗНИ РАСТЕНІЯ И ПОТРЕБНЫМЪ ДЛЯ ЭТИХЪ ЯВЛЕНІЙ КОЛИЧЕСТВОМЪ ТЕПЛОТЫ. Я. Я. Цвѣткова.
- IX. ПО ВОПРОСУ О НАЙМѢ РАБОЧИХЪ. А. А. Фета.
- X. МЕДИУМИЗМЪ И ФИЛОСОФІЯ. Воспоминанія о профессорѣ Московскаго университета Юркевичѣ. А. Н. Аксакова.
- XI. КРИТИКИ ТОГО БЕРЕГА. Гл. I—X. А. С. Шкляревскаго.
- XII. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. А.

### ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

КАКЪ МЫ ТЕПЕРЬ ЖИВЕМЪ. Романъ Антона Тролопа. Переводъ съ англійскаго. Колецъ первой части. Часть вторая. Гл. I.



110

## О ПОДПИСКѢ

н а

# РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Годовое изданіе  
изъ двѣнадцати еже  
году стоить въ М  
юставки, ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ  
съ доставкой на домъ въ Москвѣ и въ Петер-  
бургѣ ШЕСТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ и съ почто-  
вою пересылкой во всѣ мѣста Россіи СЕМНАД-  
ЦАТЬ РУБЛЕЙ.

Подписка принимается: въ Москвѣ, отъ го-  
родскихъ подписчиковъ въ конторѣ Универси-  
тетской Типографіи, на Большой Дмитровкѣ, и  
въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на  
Страстномъ Бульварѣ; отъ иногородныхъ и за-  
граничныхъ подписчиковъ, въ конторѣ редак-  
ціи, въ домѣ Университетской Типографіи. Пе-  
тербургскіе подписчики подписываются могутъ  
въ книжномъ магазинѣ А. Ѡ. Базунова, на Нев-  
скомъ Проспектѣ.

Редація отвѣчаетъ за исправное полученіе книжекъ предъ тѣми изъ подписчиковъ кои обратятся непосредственно въ контору редакціи и въ контору Университетской Типографіи

Служащимъ можетъ быть дѣлаема разсрочка за ручательствомъ казначеевъ или начальства

За заграничную доставку слѣдуетъ высылать кредитными рублями или въ векселяхъ на Москву, или на Петербургъ, по слѣдующему разчету

Въ государства Германскаго Почтоваго Союза: Р.  
въ Италію, Бельгію, Францію, Нидерланды, Швейцарію, Сербію, Румынію, Англию, Данію, Швецію, Грецію, Европейскую Турцію, Испанію, Португалію, Норвегію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. . . . . 18

Въ прочія мѣста за границей по предварительному соглашенію съ редакціей.

# О ПОДПИСКѢ НА МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ 1876 года.

*Московскія Вѣдомости* будутъ выходить въ 1876 году е же мѣсяцѣ, за исключеніемъ дней слѣдующихъ за табельными праздниками которые приходятся на недѣль, причемъ, въ случаѣ полученія важныхъ вѣостей, послѣднія сообщаются читателямъ въ табельные дни особыми прибавленіями. По понедѣльникамъ (кромѣ слѣдующихъ за двумя праздничными днями) издается, какъ и прежде, полный листъ газеты, но безъ передовой статьи.

Въ 1876 году будетъ издаваться три раза въ недѣлю и больше, смотря по рѣшенію казенныхъ объявленій и объявленій.

Подписка при Московскій Типографіи въ Большой Дмитровкѣ и Страстного бульвара.

Подписныя цѣны за *Московскія Вѣдомости* въ 1876 году слѣдующія:

### ВЪ МОСКВѢ, БЕЗЪ ДОСТАВКИ:

Безъ казенныхъ объявленій:	Съ казенными объявленіями:
На 3 мѣсяца..... 3 р. 75 к.	На 3 мѣсяца..... 4 р. 50 к.
„ 6 мѣсяцевъ ..... 7 „ 50 „	„ 6 мѣсяцевъ ..... 8 „ 50 „
„ 12 „ ..... 13 „ — „	„ 12 „ ..... 15 „ — „

ВЪ МОСКВѢ, СЪ ДОСТАВКОЙ ЧЕРЕЗЪ РАЗНОЩИКОВЪ РЕДАКЦІИ, ВЪ БАНДЕРОЛЯХЪ И СЪ ПОЧТОВОЮ ПЕРЕСЫЛКОЙ ВО ВСѢ МѢСТА ИМПЕРІИ: \*

Безъ казенныхъ объявленій:	Съ казенными объявленіями:
На 3 мѣсяца..... 5 р. — к.	На 3 мѣсяца..... 5 р. 50 к.
„ 6 мѣсяцевъ ..... 9 „ — „	„ 6 мѣсяцевъ ..... 10 „ — „
„ 12 „ ..... 16 „ — „	„ 12 „ ..... 18 „ — „

\* Въ этихъ цѣнахъ заключаются слѣдующіе почти 16% подписной цѣны (съ доставкой) и сверхъ того плата за бандероль и печатный адресъ.

**Цѣна съ доставкой за границу:**

	БЕЗЪ КАЗЕННЫХЪ ОБЪЯВ.		
	На 3 мѣс.	На полг.	На год
Въ государства входящія въ составъ Всеобщаго Почтоваго Союза: въ Англiю, Францiю, Австрiю, Бельгiю, Германiю, Грецию, Дакiю, Италию, Испанию, Норвегiю, Швецию, Швейцарiю, Португалию, Молдавию, Валахию, Сербiю, Европейскую Турцию, Голландiю, Черногорiю и Сѣверо-Американскiе Соединенные Штаты . . . . .	6 р. 50 к.	12 р. 50 к.	23 р.
	СЪ КАЗЕННЫМИ ОБЪЯВ.		
	На 3 мѣс.	На полг.	На год
Въ государства входящія въ составъ Всеобщаго Почтоваго Союза: въ Англiю, Францiю, Австрiю, Бельгiю, Германiю, Грецию, Дакiю, Италию, Испанию, Норвегiю, Швецию, Швейцарiю, Португалию, Молдавию, Валахию, Сербiю, Европейскую Турцию, Голландiю, Черногорiю и Сѣверо-Американскiе Соединенные Штаты . . . . .	8 р.	14 р.	28 р.

Въ иностранныя государства выше не упомянутыя подписка принимается по соглашенiю съ редакцiей.

Отъ священно- и церковно-служителей православнаго исповѣданiя въ девяти западныхъ и во всѣхъ привислинскихъ и прибалтiйскихъ губернiяхъ принимается подписка по уменьшенной цѣнѣ, на сроки: 9 р. въ годъ безъ казенныхъ объявленiй; 11 р. въ годъ съ казенными объявленiями; 5 р. за полгодъ безъ казенныхъ объявленiй, 6 р. за полгода съ казеннымъ объявленiями.

Редакцiя проситъ иногородныхъ присылать адреса четк написанные, съ обозначенiемъ *ближайшей почтовой станцiи въ которой раздаются газеты подписчикамъ*, а при перемѣнѣ адреса прилагать 10 к. или почтовую марку въ ту же цѣну.



# РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ



# РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ

издаваемый

**М. КАТКОВЫМЪ**

ТОМЪ СТО ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

**МОСКВА.**

Въ Университетской типографіи (Катковъ).  
На Страстномъ Бульварѣ.

**1876**

THE NEW YORK  
PUBLIC LIBRARY  
660031  
ASTOR, LENOX AND  
TILDEN FOUNDATIONS.  
R 1913 L

# ВОЕННАЯ ЖИЗНЬ ВЪ ВАРШАВѢ

СЪ 1815 ПО 1831 ГОДЪ

ВЪ ИСТОРИИ ЛЕЙБЪ-ГВАРДИИ УЛАНСКАГО ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ПОЛКА

## I.

Поруганіе разоренной Москвы отомщено было великодушнѣе императора Александра въ сохраненныхъ стѣнахъ Парижа. Русскія войска, эти „сѣверные варвары“, освободивъ безплатную и порабощенную Европу, съ торжествомъ возвращаясь, покрытыя славой, въ предѣлы далекаго отечества, между тѣмъ какъ представители цивилизованныхъ державъ послѣдствовали въ Вѣну, на великій конгрессъ, гдѣ должно было рѣшаться будущее устройство и взаимныя отношенія умиротворенной Европы и гдѣ ея географической картѣ предстояло подвергнуться весьма существеннымъ измѣненіямъ. Императоръ Александръ, занявшій теперь первенствующую роль и потому окруженный тайною завистью спласенныхъ имъ правительствъ, прежде всего позаботился о судьбѣ Поляковъ. Еще въ 1813 году, при занятіи Герцогства Варшавскаго, великодушный государь, забывая зло нанесенное Поляками Россіи, указалъ имъ полное свое благожелательство. Въмѣсто того чтобы ввести военное положеніе, какъ это обыкновенно

дѣлали въ подобныхъ случаяхъ Французы, онъ безо всякихъ перемѣлъ оставилъ въ Польшѣ все ея административное земское устройство, ненарушимо сохранивъ за нимъ всю ея власть и, мало того, принялъ еще на себя всѣ расходы по управленію Герцогствомъ Варшавскимъ.

Сюзникамъ нашимъ болѣе всего былъ желателенъ новый раздѣлъ этого Герцогства между тремя сосѣдними державамъ на томъ основаніи что созданное Наполеономъ, оно постоянно служило ему главнымъ и покорнымъ орудіемъ всѣхъ ея завоевательныхъ плановъ на сѣверѣ.

Узнавъ объ этихъ намѣреніяхъ, Поляки употребили все усилія для предотвращенія грозившей имъ будущности. Съ этою цѣлью всѣ воеводства Герцогства повергли къ столамъ императора Александра свое единодушное желаніе и мольбу принять ихъ соединенными подъ его скипетръ. „Императоръ говорили они: „можетъ управлять нами впредь по своему желанію, мы же только просимъ чтобъ онъ не допустилъ насъ подпасть подъ владычество нѣмецкое, потому что Поляки составляютъ одно племя съ Русскими.“ \*

Не давая до окончанія войны никакихъ обѣщаній, императоръ Александръ, по заключеніи мира, очень ласково принялъ въ Парижѣ депутацію отъ Наполеоновскихъ польскихъ легионовъ и старался успокоить ее относительно будущаго „Польская армія“, сказалъ онъ, „сохранить свое прежнее устройство“, и указывая на бывшаго при семъ цесаревичу Константина прибавилъ: „командовать ею будетъ мой братъ мой“.

Съ открытіемъ Вѣнскаго конгресса, рѣшеніе судьбы Польковъ явилось однимъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ. Представители европейскихъ державъ соглашались скорѣе подлить всю Польшу вторично, чѣмъ видѣть ее возстановленною подъ вліяніемъ Россіи. Но императоръ Александръ тѣмъ до сопротивлялся этимъ настояніямъ: онъ стоялъ тогда единственнымъ защитникомъ польскаго дѣла.

Межъ тѣмъ Поляки въ уныломъ и боязливомъ настроеніи духа ожидали рѣшенія участи своего отечества и, жадно прислушиваясь ко всякимъ извѣстіямъ, сплетнямъ и слухамъ всю свою надежду основывали единственно на великодушнаго Александра.

\* Ф. Смитъ. *Исторія Польскаго возстанія и войны 1830 и 1831 годовъ*; ч. I, гл. I, стр. 6.



Однимъ изъ первыхъ радостныхъ извѣстій въ этомъ отроженіи былъ для нихъ приказъ генераль-фельдмаршала графа Барклая-де-Толли отданный по арміи, въ которомъ оловѣщаюся что „корпусъ войскъ польскихъ, предавшихся совершенно во власть и покровительство августѣйшаго государя императора нашего, имѣеть на сихъ дняхъ, по высочайшему его императорскаго величества соизволенію, вступить въ городъ Варшаву“. Объявляя объ этомъ по арміи, Барклай-де-Толли поручалъ корпуснымъ и другимъ частнымъ начальникамъ „внушить всѣмъ подчиненнымъ ихъ о дружественномъ обращеніи съ сими войсками“ \*.

Вмѣстѣ съ этимъ приказомъ, и Полякамъ, и русской арміи стало извѣстно что цесаревичъ Константинъ Павловичъ остается въ Варшавѣ на постоянное жительство. Для его высочества привалялись отдѣлявать два особые дворца: для зимняго помѣщенія Брюлевскій палацъ, а для лѣтняго Бельведеръ, расположенный на краю города, въ южной его части, среди прекраснѣйшей мѣстности. Городъ готовился къ торжественной встрѣчѣ. Вмѣстѣ съ цесаревичемъ, въ видѣ его почетной гвардіи, должны были вступить въ Варшаву нѣкоторыя части русскихъ гвардейскихъ полковъ, преимущественно тѣхъ гдѣ его высочество числился шефомъ. Это были баталіонъ Литовскаго, баталіонъ Финляндскаго, дивизіонъ Уланскаго полковъ и полубатарея гвардейской конной артиллеріи. Высочайшій приказъ объ отдѣленіи дивизіона засталъ лейбъ-гвардіи уланскій полкъ на походѣ изъ Парижа въ отечество, въ мѣстечкѣ Шпейде-Мюлле. Эскадроны: его высочества и 2й немедленно же отдѣлились отъ полка и подъ командой полковника Заборинскаго 2го выступили въ Варшаву.

17го сентября назначено было парадное вступленіе гвардейскаго отряда въ столицу Польши, подъ командой самого цесаревича. За нѣсколько дней предъ симъ части этого отряда прибыли въ окрестности Варшавы и расположились по деревнямъ. Его высочество хотѣлъ показать свою гвардію во всемъ блескѣ военнаго щегольства. Людямъ дано было нѣсколько дней на изготовку. Въ назначенный день къ одиннадцати часамъ утра лейбъ-уланскіе эскадроны, въ составѣ двадцати рядовъ во взводѣ, выстроились на шоссе предъ Вольскою заставой, вмѣстѣ съ остальными частями

\* Приказъ по арміи отъ 18го августа 1814 года, за № 161, въ Варшавѣ.

отряда. Сюда прибылъ къ нимъ цесаревичъ и съ музыкою повелъ въ городъ, гдѣ отрядъ проходилъ церемоніальнымъ маршемъ предъ генераль-фельдмаршаломъ Барклаемъ-де-Толли, который въ тотъ же день отдалъ этимъ воинскимъ частямъ полную похвалу въ особомъ приказѣ по арміи. „Бывъ очевидцемъ“, писалъ Барклай: „и свидѣтелемъ той отличной храбрости и безпримѣрнаго мужества съ какимъ сіи самыя войска, вмѣстѣ съ товарищами своими, сражались на полѣ чести и увѣковѣчили славу государя и отечества своего, и тѣхъ величайшихъ и долговременныхъ трудовъ какіе они въ войнѣ переносить должны были, я не могъ не удивляться что послѣ всего того войска сіи возвращаются съ такою исправностію и устройствомъ во всѣхъ генерально частяхъ которыя превзошли всякое мое чаяніе и ожиданіе. Бодрости и веселый видъ людей доказываютъ наилучшее поведеніе о нихъ ихъ начальниковъ; чистота и единообразіе въ одежаніи, въ оружіи и въ ружейной аммуниціи, и содержаніе лошадей въ хорошемъ тѣлѣ удостовѣряютъ въ строгомъ наблюденіи порядка службы. Вмѣняя въ особую честь командовать столь отличными войсками, пріятнымъ поставляя долгомъ изъявить истинную благодарность мою баталіоннымъ и эскадроннымъ начальникамъ и всѣмъ гг. офицерамъ за рѣдкое и примѣрное усердіе ихъ къ службѣ.“

Такими словами заключалъ генераль-фельдмаршалъ свой похвальный отзывъ о гвардейскомъ отрядѣ.

Гвардія цесаревича расположилась въ самомъ городѣ. Лейбъ-уланскій дивизионъ зимовалъ въ Мировскихъ казармахъ.

По воспоминаніямъ современниковъ, это было самое веселое и цвѣтущее время Варшавы, которая представлялась имъ „какою-то счастливою Аркадіей, тихимъ пристанищемъ послѣ продолжительной боевой и трудной жизни“. \* Умѣренный климатъ, дешевизна, удобства жизни и веселое общество, все это дѣлало службу въ Варшавѣ чрезвычайно привлекательною для русскихъ офицеровъ, духъ которыхъ какъ нельзя болѣе совпадалъ съ наклонностями и привычками варшавской жизни; ибо разгулъ, торжества, лиры, вино и карты составляли отличительныя черты нашей военной молодежи того времени. По замѣчанію одного изъ современ-

\* *Воспоминанія* К. П. Козакова. (*Русская Старина* 1873 г. IV, стр. 423).

шковъ, \* русскіе офицеры вели себя въ Варшавѣ „какъ сильные благородные рыцари Баярдова времени“; въ особенности щедрость ихъ была изумительна. Деньги сыпались безъ счета. Сидятъ они, напримѣръ, въ какомъ-нибудь изъ лучшихъ трактировъ, — лучшими почитались тогда Виленскій, Гамбургскій, Англійскій и Дрезденскій, — вдругъ приходитъ бѣдный старикъ съ дочерью: онъ играетъ на скрипкѣ, она на арфѣ; сыграла, пропѣла нѣсколько арій и, глядишь, куча серебра очутилась предъ нею. Приходитъ бѣдная монахиня-шаритка, одна изъ сестеръ милосердія, проситъ чтобъ ей заказали какую-нибудь работу, и одинъ ротмистръ даетъ ей тутъ же тысячу рублей и велитъ сшить себѣ три ма-вешки! Поляки дивились русскимъ офицерамъ, воображая что всѣ они громадные богачи, тогда какъ, напротивъ, большая часть изъ нихъ были вовсе не богаты, а только тароваты на удачу, привыкнувъ ставить ребромъ и жизнь, и по-свѣдую копѣтку. \*\* Дворянство польское, въ виду неуверенности относительно намѣреній императора Александра, старалось заискивать расположенія Русскихъ и ничего не цѣнило для достиженія этой цѣли. Знатнѣйшіе магнаты слѣзили открывать свои богатые палацы для принятія новыхъ гостей. Смирняя въ себѣ чувство вражды, старались они потопить его въ роскошныхъ лирахъ, гдѣ испивалось полными чашами вино за братское соединеніе двухъ славянскихъ племенъ и вѣчную ихъ дружбу. Богъ вѣсть насколько все это было искренно, но только наши Русскіе вѣрили имъ слово и не желая оставаться въ долгу у польскаго гостеприимства, кто какъ могъ, отплачивали Полякамъ тѣмъ же и здѣсь-то высказывалась вся широкая русская натура. Варшава заликовала, загремѣла музыкой, празднествами, увеселеніями. „Никогда еще не было вылито столько вина какъ въ эту эпоху“, замѣчаетъ современникъ. \*\*\* Въ особенности отличались широтой и радушіемъ лиры и сходки у бывшего командира лейбъ-уланъ генерала-отъ-кавалеріи барона Меллера-Закомельскаго. Одинъ изъ его банкетовъ закончился, напримѣръ, слѣдующимъ образомъ: послѣ изобильнаго обѣда и игры въ „фараонъ“, гдѣ столы засыпаны были золотомъ, радушный хозяинъ около полуночи велѣлъ приготовить у

\* 6. Н. Гашка. *Письма русскаго офицера*. Изд. 1870, стр. 90.

\*\* Ibid. стр. 91.

\*\*\* Коззаконъ, стр. 425.

себя во дворѣ шестьдесятъ саней, въ которыя стали разсаживаться бѣольшую часть гостей по одиночкѣ и къ каждому изъ нихъ сажали по музыканту, вмѣнивъ ему въ непремѣнную обязанность во всю дорогу играть что хочетъ на своемъ инструментѣ. Во главѣ этой своеобразной процессіи везла огромный транспарантъ съ приличными изображеніями и надписями, и вся вереница саней тянулася въ теченіе полтора часа по Новому Свѣту и другимъ главнымъ улицамъ.

Варшава представляла въ ту эпоху самый оживленный видъ: городъ обстраивался, украшался; эмигранты польскіе получивъ широкую амнистію, толпами возвращались въ свои дома и помѣстья; увеселенія и празднества становились все чаще и чаще; русская военная молодежь дружилась съ польскою, и духъ прежней вражды, казалось, уже исчезалъ по немногу; польскія красивыя ланны переставали коситься на „Москалей“, и наши уланы въ угодность имъ ломая свой языкъ заговорили по-польски. Казалось, все идетъ какъ нельзя лучше: свобода, слияніе, дружба и братство, и вотъ, въ довершеніе всего, 12го (24го) декабря, въ день рожденія императора Александра, новая конституція была обнародована въ Польшѣ Русскій военный кружокъ былъ въ полномъ убѣжденіи что этотъ великодушный актъ императорской милости къ нашимъ недавнимъ закоренѣлымъ врагамъ окончательнао закрѣпитъ между ими и нами честныя братскія узы, какъ вдругъ непосредственно вслѣдъ за обнародованіемъ конституціи, стали замѣчать наши офицеры какое-то недовольство и какъ будто охлажденіе къ себѣ со стороны Поляковъ. Не имѣя права надѣяться ни на что и нежданно получивъ гораздо болѣе того р чемъ еще столь недавно едва дерзали робко мечтать, Поляки вдругъ перестали обращать вниманіе на милостивый даръ ихъ великодушнаго побѣдителя. Помня только то чего не удалось получить имъ (то-есть полное возстановленія въ границахъ 1772 года), они стали роптать и утверждать что государь далъ имъ конституцію съ такою мыслію никогда не выполнять ее. При этомъ нисколько не принималось ими въ соображеніе простое логическое воорженіе Русскихъ которые говорили имъ что еслибы видъ императора дѣйствительно были таковы, то онъ могъ бы вовсе не давать никакой конституціи.

Великодушный монархъ очень хорошо зналъ объ этомъ клеветническомъ ропотѣ, но наперекоръ фактамъ, не желая

мозаировываться въ Полякахъ, относилъ всѣ подобныя промедленія къ ничтожному меньшинству, которое никогда, нигдѣ и ни чѣмъ не бываетъ довольно.

Онъ искренно хотѣлъ осчастливить народъ Польскій и потому, руководствуясь желаніями и чувствами польской интеллигенціи, назначилъ своимъ намѣстникомъ въ Варшавѣ, то есть поставилъ во главѣ правленія, не цесаревича Константина, а заклятаго, стараго врага Россіи и ревностнаго республиканца прежнихъ дней, генерала Заіончека. Этотъ послѣдній не замедлилъ составить все управленіе по гражданской части изъ людей завѣдомо принадлежавшихъ къ партіи самой враждебной для Россіи. Великій князь Константинъ Павловичъ, вопреки желаніямъ и надеждамъ какъ мѣстнаго русскаго кружка, такъ и вообще русскихъ людей, въ силу настояній Чарторыйскаго и лицъ его партіи, не принималъ никакого участія въ управленіи Царствомъ и скромно ограничился только ролью главнокомандующаго польскою арміей.

Русскій отрядъ въ началѣ 1815 года ожидалъ было возвращенія въ отечество, но бѣгство Наполеона съ острова Эльбы и появленіе его вновь во Франціи рѣшили дѣло иначе. Послѣ пятимѣсячнаго похода, вызваннаго этимъ неожиданнымъ событіемъ, войска, на обратнотъ пути, прошли Польшу, и гвардейскій отрядъ, въ томъ же составѣ, оставленъ былъ на постоянныхъ квартирахъ въ Варшавѣ, при особѣ цесаревича. Служившіе тогда помнятъ еще какъ сильно затуманились они при этомъ распорядженіи. Хотя мѣсто было остаться при начальникѣ имя котораго отмѣчалось въ недавнихъ военныхъ событіяхъ; хотя и утѣшительно было служить на глазахъ того кто, усвоивъ себѣ военную жизнь и служба примѣромъ самоотверженія, могъ такъ близко и вѣрно отличить велицецѣрное усердіе русскаго войска; къ тому же и стоянка въ Варшавѣ обшцала свои удобства и удобства: но многіе изъ офицеровъ были уроженцами Петербурга и коренныхъ русскихъ провинцій, гдѣ были родныхъ и состоянія; ихъ тянуло на родину.... Однакъ, съ теченіемъ времени, тоска по родному краю мало-по-лику умѣрилась и, наконецъ, излѣчилась при мысли что русскіе гвардейцы остаются здѣсь на стражѣ, впереди другихъ, и первые, въ случаѣ войны, могутъ сойтись съ неприятелемъ.\*

\* В. Матвѣевъ, стр. 4.

При откомандированіи 1го дивизиона лейбъ-улань, командиромъ его былъ полковникъ Заборинскій; начальникомъ жъ гвардейскаго Варшавскаго отряда вскорѣ назначень былъ генераль-майоръ Веревкинъ, а командующимъ гвардейскою кавалеріей съ конною полубатареей сдѣланъ генераль-майоръ Альбрехтъ.

Въ 1815 году приступлено было къ формированію польской арміи и Литовскаго корпуса, на что не безъ опасеній за будущее глядѣли русскіе люди.

Такъ, напримѣръ, предсѣдатель временнаго управленія Герцогства Варшавскаго, В. С. Ланской, извѣщая государя что манифестъ о созданіи Царства Польскаго „не произвелъ такого вліянія какого ожидать бы можно отъ народа болѣе чувствительнаго“ и что „объявленіе титула короля и увѣреніе въ будущемъ конституційномъ правленіи принимается не за милость, но за опасеніе послѣдствій отъ бѣглеца изъ Эльбы“\*, вмѣстѣ съ тѣмъ высказывалъ съ полною и благородною откровенностью свой взглядъ на идею о созданіи особаго польскаго войска. „Все благосердіе твое“, говорилъ онъ монарху, „и всѣ усилія наши не могутъ быти сильны сблизить къ намъ народъ и вообще войско польское коего прежнее буйное поведеніе и сообразныя оному склонности противны священнымъ нашимъ правиламъ, и потому если я не ошибаюсь, то въ формируемомъ войскѣ питаемъ мы змія, готоваго всегда излить на насъ ядъ свой.“ В. С. Ланской заключалъ свое письмо подтвержденіемъ что намъ „ни въ какомъ случаѣ считать (разчитывать) на Поляковъ не можно“\*\*.

Тѣмъ не менѣе, государь желалъ остаться вѣрнымъ своему великодушному обѣщанію, и формирование продолжалось. Русскіе полки поступившіе въ составъ Литовскаго корпуса носили по преимуществу названія по городамъ западнаго края; уроженцы этого края какъ офицеры, такъ и солдаты нарочно переводились изъ всѣхъ частей нашей арміи на службу въ Литовскій корпусъ, который весь размѣщенъ былъ на постоянныхъ квартирахъ въ западныхъ губерніяхъ и на границѣ Царства Польскаго. Рекруты набираемые въ районѣ

\* Писано еще до Ватерлооскаго сраженія.

\*\* Вселюдаяннѣйшее письмо В. С. Ланскаго къ императору Александру I, отъ 4го мая 1815. (*Русск. Арх.* 1863, изд. 2е, стр. 539).



младнаго края точно также поступали на укомплектованіе того корпуса. То же самое дѣлалось и по отношенію къ польской арміи, для которой кадромъ послужили боевые польскіе легіоны, отдавшіеся милосердію императора Александра во Франціи. Выѣстъ съ этими мѣрами, и Варшавскій отрядъ русской гвардіи начиналъ все болѣе и болѣе принимать литовско-польскую окраску. Такъ, въ 1817 году, въ пріѣздъ цесаревича въ Петербургъ, изъ всѣхъ полковъ и батарей гвардіи были имъ выбраны уроженцы западнаго края и въ сентябрѣ мѣсяцѣ отправлены въ Варшаву на укомплектованіе гвардейскаго отряда\*. Точно такой же выборъ произвелъ цесаревичемъ и между офицерами гвардейскихъ полков\*\*, и между выпускными воспитанниками кадетскихъ корпусов\*\*\*, да кромѣ того обѣ армейскія кирасирскія дивизіи и нѣкоторые изъ легко-кавалерійскихъ полковъ отдали всѣхъ своихъ Литвиновъ на пополненіе кавалерійскихъ частей гвардейскаго отряда\*\*\*\*. Въ то же время множество лицъ польской и литовской шляхты и обывателей поступало въ варшавскіе русскіе полки на правахъ вольноопредѣляющихся. Наконецъ, нижніе чины отправленные по выздоровленіи изъ заграничныхъ госпиталей, при слѣдованіи чрезъ Варшаву, были представляемы цесаревичу, и его высочество дѣлалъ лично выборъ изъ нихъ, оставляя у себя преимущественно уроженцевъ западнаго края†. Русскіе офицеры Варшавскаго отряда отправлены были въ качествѣ инструкторовъ въ польскіе полки и обязаны были обучать ихъ сообразно требованіямъ русскаго устава. Такъ, для обученія польскихъ уланскихъ полковъ, отъ нашихъ уланъ, по выбору цесаревича, отправлены были: полковникъ Заборинскій, штабъ-ротмистръ Крыловъ, корнеты: Марковичъ, баронъ Франкъ и Бычковъ, да кромѣ того съ каждаго эскадрона по два унтеръ-офицера и по два рядовыхъ, особенно ловкихъ, толковыхъ и знающихъ дѣло. Полковникъ Герштенцвейгъ, въ городѣ Ленчицѣ, формировалъ конныя польскія батареи.

\* Приказы по гвардейскому корпусу 1817, за №№ 288, 291, 298 и 310.

\*\* Приказъ по гвард. корп. 1817, № 288.

\*\*\* Воспоминаніи М. К. Максимовича.

\*\*\*\* Приказы по гвардейскому кавалерійскому отряду въ Варшавѣ въ 1816 и 1817 годы, и приказъ по полку отъ 17го января 1818, § 3.

† В. Матвѣевъ, стр. 5.

Въ это же время при лейбъ-уланскихъ эскадронахъ учреждена была школа верховой ѣзды, „для усовершенствованія людей въ семь искусствъ, введенія единообразной посадки и постоянныхъ правилъ обученія во всей кавалеріи“. \* Варшавская школа основана одновременно съ подобною же въ Петербургѣ, и государь императоръ повелѣлъ чтобы люди 2й и 3й уланскихъ и обѣихъ конно-егерскихъ дивизій, въ составѣ одного штабъ-офицера отъ дивизіи, одного оберъ- и двухъ унтеръ-офицеровъ отъ каждаго полка, ежегодно направляемы были въ Варшавскую школу, которую цесаревичъ отдалъ въ вѣдѣніе генерала Альбрехта. Лейбъ-уланцы обязаны были постоянно давать имъ для ученія своихъ лошадей, и притомъ самыхъ лучшихъ, что составляло неизмѣнный предметъ огорченія для эскадронныхъ командировъ. \*\*

Съ прибытіемъ лошадей испуленныхъ особо-командированнымъ офицеромъ и людей переведенныхъ изъ гвардейской и армейской кавалеріи, лейбъ-уланскій дивизионъ, 20го марта 1817 года, раздѣленъ былъ на четыре эскадрона, съ назначеніемъ въ каждый эскадронныхъ и взводныхъ командировъ, а также полнаго комплекта унтеръ-офицеровъ.

Къ сему времени все уже подготавливалось къ тому чтобы изъ этихъ эскадроновъ образовать отдѣльный полкъ. Въ мастерскихъ и швальняхъ готовилось новое обмундированіе по рисункамъ формъ которые заказывалъ цесаревичъ въ Петербургѣ знаменитому военному жанристу того времени художнику Орловскому. \*\*\* Сукно на постройку обмундированія выдано было тонкое, англійское. Мундиръ оставленъ прежній, только желтый приборъ замѣненъ бѣлымъ, и эполеты даны имъ бѣлаго гаруса, съ густою невисячею бахрамою синія шапки прежняго образца замѣнены желтыми, по формѣ полковъ Литовской уланской дивизіи, съ бѣлымъ же приборомъ и съ изображеніемъ въ щитѣ гербоваго орла, вмѣстѣ Св. Георгія,—литовскаго всадника, „пого́ни“. Что же касаетъ ся лошадей, то опредѣленной масти для нихъ не полагалось, требовалось только чтобы ростъ лошади былъ не ниже двухъ

\* Имѣнное предписаніе генералъ-инспектора кавалеріи, цесаревича Константина, генералъ-майору Альбрехту, отъ 24го января 1817 года, за № 278.

\*\* Приказъ по полку отъ 2го января 1818 года, § 2.

\*\*\* См. письма цесаревича Константина къ Опочиницу. *Русская Старина*, 1873, кн. VII, стр. 457.

шниль и не выше двухъ аршинъ съ двумя верхками. Подъ трубачей и адъютантовъ шли лошади самыхъ фантастическихъ мастей: пѣгя и чалыя, буланья и соловья; но эскадроны старались попомянуться, по возможности, одностаями ковами. Такимъ образомъ 1й дивизионъ ѣздилъ на гнѣ-ныхъ, 3й эскадронъ на рыжихъ, а 4й—на вороныхъ. Цесаревичъ не жаловалъ только бурыхъ лошадей и всегда велѣлъ ихъ прятать куда-нибудь подалеже, въ заднюю шеренгу, чтобы въ глаза не попадались.

Слуста семь мѣсяцевъ послѣ раздѣленія лейбъ-уланскаго дивизиона на четыре эскадрона, цесаревичъ повелѣлъ называться имъ „лейбъ-гвардіи уланскимъ Литовскаго корпуса полкомъ“, \* но названіе это сохранилось неолго, да и въ Петербургѣ официально оно не было принято.

Въ 7й день декабря 1817 года послѣдовалъ высочайшій приказъ въ силу котораго Варшавскіе уланскіе эскадроны названы лейбъ-гвардіи уланскимъ ево императорскаго высочества цесаревича Константина Павловича полкомъ, \*\* то-есть 1й дивизионъ, удвоенный людьми западно-русскаго происхожденія изъ другихъ гвардейскихъ и кавалерійскихъ частей, въ сущности возвращенъ къ своему первобытному полковому названію 1803 года, съ добавленіемъ къ прежнему *лейбъ* новаго слова *гвардіи*. Вместе съ тѣмъ, новосформированнымъ полкомъ велѣно было взять старшинство подъ тѣми частями которыя дали имъ начало. \*\*\* Командиромъ уланы цесаревича назначенъ генералъ-майоръ Александръ Ивановичъ Альбрехтъ. Высочайшій приказъ доставленъ былъ въ Варшаву 14го декабря, и на слѣдующій день (15го) лейбъ-уланы цесаревича уже въ новой формѣ парадировали на разводѣ предъ своимъ августѣйшимъ шефомъ.

1го февраля 1818 года въ Варшаву доставлены были отъ великаго министра серебряныя трубы (числомъ 22) всемилощивѣйше пожалованныя полку государемъ императоромъ. На этихъ трубахъ находится изображеніе Георгіевскаго кре-

\* Приказъ по полку, отъ 24го октября 1817 года, § 4. Точно также въ кирасирскому (въ послѣдствіи а.-гв. Подольскому) полку, сформированному въ то время, велѣно было называться а.-гв. кирасирскимъ Литовскаго корпуса полкомъ.

\*\* Приказъ по гвардейскому корпусу, отъ 18го декабря 1817 года, № 4-1.

\*\*\* Приказъ цесаревича, отъ 14го декабря 1817 года, за № 28.

ста и надпись: „*Д-ва. уланскому его императорскаго высочества полку за отличные подвиги оказанные въ достопамятную кампанію благополучно оконченную въ 1814 году.*“

Въ полку однако не было своего музыкальнаго хора, которымъ онъ обзавелся только къ осени 1818 года.

Въ настоящее время, когда наши гвардейскіе полки пользуются прекрасно организованными полковыми оркестрами, читателю, вѣроятно, не безынтересно будетъ познакомиться съ составомъ кавалерійскаго хора того времени. Въ этотъ составъ входили двадцать пять нижеслѣдующихъ музыкальных инструментовъ, общая стоимость которыхъ равнялась, по тогдашнимъ цѣнамъ, 1.270 рублямъ: два фагота, четыре валторны, четыре кларнета, четыре флейты, двѣ трубы, большой барабанъ (турецкій), барабанъ малый, одинъ контръ-фаготъ, одинъ тромбонъ, два чекала, металлическій треугольникъ, металлическія тарелки и бубень.

Подъ звуки этого хора полкъ проходилъ церемоніаломъ въ конномъ строю на парадъ 24го февраля 1819 года, по случаю освященія вновь пожалованныхъ полку Георгіевскихъ штандартовъ, съ надписью: *За отличіе при пораженіи и изгнаніи непріятели изъ предѣловъ Россіи 1812 года.* Въ строй были выведены всѣ русскіе варшавскіе полки, предъ которыми православное духовенство на площади торжественно отправляло обрядъ освященія знаменъ и штандартовъ соборныхъ у аналоя. Предъ каждымъ изъ полковъ командиромъ онаго громогласно была прочитана высочайшая грамота, и затѣмъ воинскіе стяги, при звукахъ музыки и непрерывномъ „ура“, были отвесены въ ряды. Препровождалъ въ свой полкъ высочайшую грамоту, его высочество въ особомъ рескриптѣ выражалъ надежду „что сей знакъ монаршаго благоволенія послужитъ явнымъ поощреніемъ къ службѣ его императорскаго величества всѣхъ вообще и каждого изъ чиновъ полка, дабы и впредь быть въ полной мѣрѣ достойными онаго.“\*

---

\* Рескриптъ цесаревича Уланскому имени его высочества полку отъ 7го декабря 1817 года.

## II.

Порядокъ службы и воинскихъ занятій въ Варшавѣ, благодаря трудамъ и вниманію, а также и умѣнью цесаревича, былъ доведенъ до образцовой степени, такъ что и великій князь Михаилъ Павловичъ изъ Петербурга, и королевскіе бригады изъ Берлина нарочно пріѣзжали бывало въ Варшаву поглядѣться на войска цесаревича и научиться у него этому замѣчательному искусству доводить одиночное и общее фронтовое образованіе войскъ, въ относительно короткое время и безъ употребленія особенно крутыхъ мѣръ, до высокаго совершенства. Тайна этого умѣнья крылась въ самомъ цесаревичѣ, въ его личномъ характерѣ и военной опытности: онъ зналъ чего и насколько можно требовать отъ солдата, умѣлъ разыскать когда слѣдуетъ, а еще болѣе умѣлъ поощрять, поощрять и щедро награждать за дѣло. Солдаты постоянно видѣли что самъ великій князь, наравнѣ съ нимъ, хотѣлъ переносить всѣ трудности службы, не требуетъ отъ людей того чего самъ не въ состояніи былъ бы для примѣра имъ исполнить, заботливо входитъ въ солдатскій бытъ, умѣетъ помятно и кстати говорить съ солдатомъ,—и въ этомъ-то крылась вся тайна его искусства. Главное дѣло въ томъ что цесаревича любили, и для того чтобы встрѣтить его довольную улыбку, ласный взглядъ его привѣтливыхъ голубыхъ глазъ и радостно произнесенное „спасибо, ребята! По чаркѣ водки, по фунту мяса на брата!“ для этого солдаты готовы были что-называется изъ кожи лѣзть, работать напролетъ и дня и ночи. И замѣчательно вотъ что: въ то время когда этого-формалистическая, мертвая система Аракчеева, пригнанная командирами его школы къ войскамъ русской арміи расположеннымъ внутри Имперіи, давала такіе печальные результаты въ количествѣ побѣговъ, самоубійствъ и преступленій—эти грустные явленія въ Варшавскомъ отрядѣ составляли очень рѣдкіе, исключительные факты. Въ томъ загадочнымъ образомъ убѣждаютъ насъ даяны полковникъ мѣсячныхъ отчетовъ. Цесаревичъ, въ большинствѣ случаевъ, почти исключительно принималъ одно наказаніе: высылку въ армейскія части. Онъ прежде всего и болѣе всего старался дѣйствовать на самолюбіе человѣка.

Взглянемъ же теперь на тотъ порядокъ занятій и службъ, которымъ пріѣзжали заимствовать высокіе гости цесаревича.

Цесаревичъ вставалъ съ постели очень рано, — зимою въ шесть, а лѣтомъ въ четыре часа утра, и даже ранѣе. Въ восемь часовъ зимою и въ пять во время лагерныхъ сборовъ онъ уже выходилъ въ приемную, одѣтый въ форму, какая полагалась въ данный день по правиламъ устава о гарнизонной или лагерной службѣ, и принималъ коменданта, вышшихъ начальниковъ частей, если тѣмъ была къ нему какая либо надобность, а также и офицеровъ представлявшихъ по разнымъ случаямъ и наряженныхъ въ должности. Тутъ же представляемы были и нижніе чины, какъ-то: вахмистры эскадроновъ его высочества, дневные лѣшіе ординарцы вновь поступившіе въ полкъ, вновь обмундированные, вновь произведенные въ унтеръ-офицеры и вахмистры и, наконецъ, рекруты. Послѣ этого пріема его высочество выѣзжалъ къ разводу, который отбывался въ очень рѣдкихъ случаяхъ.

Съ окончаніемъ лагерныхъ сборовъ, въ теченіе всей осени, зимы и раннею весной, военный день обыкновенно начинался разводомъ, который постоянно происходилъ въ девять часовъ утра, среди города, въ лучшей его части, на Саксонской Площади. Цесаревичъ почти всегда лично присутствовалъ при этой церемоніи, гдѣ въ случаѣ надобности отдавалъ парольныя приказанія. Въ нарядѣ развода входилъ полковой караулъ, конные ординарцы и, по очереди отъ полковъ гвардейской кавалерійской дивизіи, караулъ во дворецъ „Королевскія Лазетки“. Караулы отъ нашего полка по особому желанію его высочества, непремѣнно должны были прежде парадировать при разводѣ, а потомъ уже отправляться на свои посты. Обыкновенно выводилось въ строю отъ полка 18 рядовыхъ съ трубачомъ, при одномъ оберъ-двухъ унтеръ-офицерахъ. Парадировалъ со взводомъ ординарцевъ того эскадрона отъ котораго наряжался караулъ, приходившій изъ казармъ на площадь въ восемь часовъ утра. Караульная очередь велась между Подольскимъ кирасирскимъ, лейбъ-уланскимъ и польскимъ гвардейскимъ конноегерскимъ полками. Въ послѣдствіи же, а именно съ 1824 года къ этой очереди примкнули и Гродненскіе гусары. Къ разводу назначался еще, тоже въ очередь съ другими полками, к

на разѣздѣ, въ составѣ двѣнадцати-ряднаго взвода, при трубачѣ, одномъ оберъ- и трехъ унтеръ-офицерахъ, который шлется на площадь тоже къ восьми часамъ и, по окончаніи развода, въ присутствіи цесаревича смѣнялся съ церемоніей съ разѣздомъ предшествовавшаго дня. Изъ числа офицеровъ непременно должны были присутствовать на площади всѣ кто занималъ въ тотъ день какія-либо дежурства при своихъ частяхъ, какъ-то: дежурный по полку (обыкновенно ротмистръ или штабъ-ротмистръ изъ старшихъ), четыре дежурные по эскадронамъ (отъ штабъ-ротмистра до корнета включительно), которые послѣ развода должны были безотлучно находиться при своихъ эскадронахъ; затѣмъ одинъ оберъ-офицеръ за приказаніемъ (должность эту исправлялъ всегда по смѣнѣ одинъ изъ дежурныхъ по эскадронамъ предшествовавшаго дня) и, наконецъ, конный ординарецъ.

Сверхъ того, по очереди отъ полковъ дивизіи назначались: караульный въ Королевскія Лазенки, дежурный офицеръ и унтеръ-офицеръ по Уяздовскому госпиталю и одинъ, какъ сказано уже, въ разѣздѣ со взводомъ. Изъ штабъ-офицеровъ же по дивизионной очереди наряжался одинъ дежурный по карауламъ 3го отдѣленія. Но кромѣ дежурныхъ, при разводѣ обязательно должны были присутствовать всѣ наличные офицеры эскадрона отъ котораго въ тотъ день сдѣланъ караульный нарядъ. Должностнымъ же и офицерамъ остальныхъ эскадроновъ въ будніе дни, за исключеніемъ какихъ-либо особыхъ случаевъ, дозволялось и не присутствовать, употребляя это время на служебныя занятія со въѣзными частями. За то въ праздничные и воскресные дни всѣ безъ исключенія офицеры полка находились при разводѣ. Форма одежды была такая же какъ въ Петербургѣ, съ тою разницею что въ обыкновенные дни офицеры въ городѣ могли носить черныя шалки, какъ назывались тогда полтурные вице-кивера, обтянутые клеенкой. Съ 1го октября мушкетерные лацканы закрывались, люди переходили на зимнее положеніе, и тогда уже разводъ при открытыхъ лацканахъ производился только въ исключительныхъ торжественныхъ случаяхъ; по воскресеньямъ же, зимой, офицеры должны были одѣвать къ разводу лядушки и шарфы.

Съ 17го января 1818 года въ разводахъ начинается участвовать въ конномъ строю, вмѣсто одного взвода, цѣлый эскадронъ, выводя во фронтъ по 15ти рядамъ, съ комплектomъ

эскадронныхъ трубачей и съ 12ю унтеръ-офицерами. Люди выѣзжали на эту церемонію не иначе какъ въ полной боевой амуниціи, сѣдая полнымъ походнымъ вьюкомъ, и являлись на Саксонскую Площадь къ восьми часамъ утра. послѣ развода очередной взводъ смѣнялъ съ церемоніей вчерашній разѣздъ, а остальные три взвода возвращались домой въ казармы. Эти наряды „въ разѣздъ“ цѣлаго эскадрона дѣлались въ очередь съ другими конными полками, обыкновенно, по праздничнымъ днямъ, либо по желанію цесаревича а въ высокаторжественныхъ случаяхъ въ разѣздъ назывался всегда эскадронъ его высочества и парадировалъ съ штандартомъ.

Каждый воскресный и праздничный день русскіе полки посылали отъ себя особыя части, каждая въ количествѣ двухъ взводовъ, при трехъ офицерахъ и соответственномъ числѣ унтеръ-офицеровъ, въ церковный парадъ. Хоръ музыки на значался по очереди. Къ одиннадцати часамъ утра взводы эти прибывали въ Замковую церковь, и по окончаніи божественной литургіи цесаревичъ на Зигмунтовой Площади пропускать ихъ мимо себя церемоніальнымъ маршемъ, поздравляя иногда людей съ праздникомъ. Но изъ всѣхъ зимнихъ парадовъ этого рода съ особенною торжественностію дѣлался Крещенскій. Войска русскаго отряда стояли шпалерами отъ Королевскаго Замка, или „Бурга“, какъ тогда его называли до берега Вислы, гдѣ устраивалась „Иордань“ для освященія воды и окропленія ею всѣхъ русскихъ знаменъ и штандартовъ.

Съ началомъ мая мѣсяца лѣхота и артиллерія выступали въ лагерь на Повонзковское Поле, и съ этого времени разводы производились уже по лагерному положенію въ восемь часовъ утра, за Повонзковскою заставой, безъ особой церемоніи. При этомъ офицеры не наряженные въ караулъ совершенно освобождались отъ присутствованія при разводѣ какъ и всегда впрочемъ когда разводъ дѣлался за городомъ. Дежурные офицеры смѣнялись уже сами по себѣ, безъ особыхъ формальностей, обыкновенно послѣ ученія, а равно и домашніе полковые караулы послѣ ученія же заступали свой постъ на полковой гауптвахтѣ. Но по праздничнымъ днямъ даже и въ лагерное время разводы производились въ городѣ, на Саксонской Площади, въ девять часовъ, а равно и церковный парадъ къ обычному времени отправлялся въ Замковую церковь. Въ лагеряхъ же отправлялось съ большою торжественностію только католическое богослуженіе.



Съ выходомъ пѣхоты въ поле, кавалерія поочередно пошла въ Повонзковскій лагерь особый взводъ „на ликеть“, то продолжалось во все время лѣтнихъ оборотъ. Городскіе караулы, которые обыкновенно содержала пѣхота, дважды въ году были занимаемы кавалерійскими частями: при уходѣ пѣхоты въ лагерь и при возвращеніи ея изъ лагерей въ Варшаву. Это дѣлалось каждый разъ въ теченіе двухъ, трехъ дней, чтобъ облегчить пѣхотинцамъ внутреннее устройство своего быта, хозяйства и помѣщенія въ палаткахъ и лотомъ въ казармахъ. Во время же пребыванія государя императора въ Лазенковскомъ дворцѣ и кромѣ того въ лѣтнюю пору, начиная съ 20го іюня, разводы производились исключительно отъ кавалерійскихъ полковъ, въ Лазенкахъ, на площадѣ, въ восемь часовъ утра, ежедневно, до начала трапезнаго довольствія.

Какъ одну изъ особенностей тогдашней гарнизонной службы въ Варшавѣ надо отмѣтить караульные порядки наблюдавшіеся въ дни католической Страстной недѣли. Съ наступленіемъ этихъ дней въ польскихъ костелахъ, какъ извѣстно, совершенно прекращается колокольный звонъ, зашита деревянными колотушками и трещетками. Выѣтъ съ этихъ и по Варшавскому гарнизону всегда отдавался приказъ чтобы воинскія части заступающія караулы не били въ барабаны и не трубили ни утрекней, ни вечерней зарей, а также и при смѣнѣ.

Въ тѣхъ случаяхъ когда весь караулъ требуется въ ружье, часовой у фронта обязанъ былъ вызывать его на платформу ударомъ въ колоколь, а словами: „караулъ вонъ!“ Чести въ эти дни не отдавалось никому, штыки оставались отомкнутыми, и ружья въ сошкахъ ставились прикладами не внизъ, какъ обыкновенно, а вверхъ, въ родѣ того какъ иъ-когда бралось „на погребеніе.“ Этотъ порядокъ караульной службы наблюдался вплоть до Свѣтло-Христовой заутрени.\*

Въ первые годы нашего пребыванія въ Варшавѣ, когда наступали католическіе „гробы“, \*\* то для придачіи большей торжественности этому обряду, во всѣ варшавскіе костелы наряжались отъ русскихъ и польскихъ войскъ особыя команды,

\* Относительно постановки ружей и отмыканія штыковъ въ 1830 году послѣдовала отмѣна.

\*\* Гробы составляютъ плащаницы православныхъ.

въ родѣ почетныхъ карауловъ. Но въ 1830 году, когда въ массѣ городскихъ обывателей глухое раздраженіе противъ „Москалей“ достигло уже значительной степени, вѣдѣно было не посылать болѣе „для обхода Христовыхъ гробовъ“ ни нѣхъ чиновъ „россійскихъ войскъ“, ни командами, ни даже по одиночкѣ, хотя бы они и принадлежали къ католическому вѣроисповѣданію. \* Эта предосторожность указываетъ на степень польскаго раздраженія и ненависти къ русскому мундиру. Даже русскимъ офицерамъ воспрещалось показываться въ эти дни верхомъ или въ экипажахъ поблизости костеловъ, подъ тѣмъ предлогомъ чтобы не увеличивать стѣсненія въ людныхъ улицахъ. Но запрещеніе это не простиралось на офицеровъ и солдатъ польской арміи: и тѣ другіе во время „гробовъ“ и Пасхи могли свободно присутствовать вездѣ гдѣ угодно.

Великимъ Постомъ православные солдаты кавалерійскихъ полковъ говѣли дивизіонами, вмѣстѣ со своими офицерами исповѣдывались у отряднаго священника и причащались въ Замковой церкви. Католики же и лютеране посылались въ свои храмы особыми командами, при офицерахъ. Великій князь наблюдалъ въ средѣ своихъ подчиненныхъ за неукоснительнымъ выполненіемъ обрядовъ религіи. Эти обряды чуждой намъ средѣ католическаго населенія отличались особеннымъ блескомъ. Въ страстные дни, напримѣръ, къ выносу плащаницы наряжался особый парадъ отъ всѣхъ русскихъ полковъ съ ихъ музыкой, а также и всѣ полковыя лѣвчіе, соединявшіеся въ одинъ общій хоръ громадныхъ размѣровъ. Крестные ходы совершались съ большою торжественностію. Къ церковному же параду на Свѣтлое Христово Воскресеніе назначались обыкновенно два сборныя взвода, въ пятнадцать рядовъ каждый, въ составъ которыхъ входило отъ каждаго эскадрона по пятнадцати рядовыхъ, два унтеръ-офицера, и сверхъ того три трубача. Съ этими людьми цесаревичъ христосовался за заутреней, а въ девять часовъ утра являлись къ его высочеству въ Брюлевскій дворецъ всѣ офицеры и классные чиновники, вахмистры, ординарцы назначенные на сей день, и по четыре унтеръ-офицера отъ каждаго эскадрона. Привѣявъ поздравленія и перхристосовавшись со всѣми, великій князь обмѣнивался

\* Приказъ по полку отъ 30го марта 1830 года § 12.

министрами и фельдфебелями краснымъ личкомъ и обдѣль присутствовавшихъ нижнихъ чиновъ денежными подарками. Со дня Свѣтлаго Христова Воскресенія улавы начинали носить открытые лацканы и, если позволяло состояніе погоны, не закрывали ихъ уже вплоть до урочнаго осенняго срока.

15го апрѣля бывалъ обыкновенно весенній парадъ всѣмъ полкамъ Варшавскаго гарнизона и войскамъ расположеннымъ въ окрестныхъ городкахъ и мѣстечкахъ. Польскою пѣхотой цесаревичъ постоянно оставался очень доволенъ. На весеннемъ парадѣ 1830 года она въ особенности угодила его высочеству щегольской чистотой одежды и церемониальнымъ маршемъ которымъ проходила „отлично хорошо“ какъ взводъ, такъ и колоннамъ. Умѣя щедро награждать, цесаревичъ, однако, въ случаѣ надобности, умѣлъ и взыскивать, дѣйствуя преимущественно на самолюбіе служащихъ и въ особенности старшихъ начальниковъ. Подольскіе кирасиры въ 1830 году удовлетворяли его высочество менѣе прочихъ полковъ во фронтномъ отношеніи. Изъявляя свою благодарность войскамъ за парадъ 15го апрѣля, великій князь замѣтилъ въ письменномъ приказѣ что лейбъ-гвардіи Подольскій кирасирскій полкъ „выступалъ нечисто, а въ особенности 1й и 2й эскадроны, которые какъ рысью, такъ и галопомъ, проходили неровно, флаговые унтеръ-офицеры не держали дистанціи и не ровнялись; г. офицеры вообще дурно сидѣли на лошадяхъ, а особливо г. полковникъ, баронъ фонъ-Франкъ, сидитъ на лошади хуже какъ рекрутъ только-что прибывшій въ полкъ.“ Удививъ на этотъ разъ, какъ и всегда впрочемъ, найденныя „во всѣхъ отношеніяхъ въ отличности“. Пожаловавъ нижнимъ чинамъ всѣхъ удовлетворительныхъ частей по чаркѣ водки и футу мяса на человѣка, его высочество отдалъ въ приказѣ выговоръ командиру Подольскаго кирасирскаго полка, генералъ-лейтенанту Кноррингу 2му, „за нечистое выступленіе въ парадъ и найденныя по фронту улущенія“ и приказалъ „производить ежедневно сему полку ученье до того времени пока не будетъ доведенъ до надлежащей фронтной исправности“.

За неисправность кирасиръ пришлось платиться и улавамъ, такъ какъ Кноррингъ, будучи бригаднымъ командиромъ,\*

\* Первую бригаду Варшавской гвардейской кавалерійской дивизіи составляли полки а.г. Подольскій кирасирскій и Уламскій цесаре-

предписалъ обоимъ полкамъ производить ежедневныя конныя ученья внутри своихъ полковыхъ дворовъ. Уданы ворчали про себя, что это для того де сдѣлано чтобы кирасирамъ не такъ уже обидно было. \*

Вообще, цесаревичъ въ первой четверти 1830 года былъ особенно недоволенъ Подольцами и потому нерѣдко дѣлалъ имъ въ приказахъ выговоры. На дивизионномъ ученьи, 29го апрѣля, его высочество нашелъ что Подольскій кирасирскій полкъ „по фронту опустился“ и, изъявляя ему свое особенное неудовольствіе, приказалъ „всѣмъ онаго полка чинамъ то-есть отъ генерала до рядовыхъ, находиться безотлучно въ полковыхъ казармахъ впредь до дальнѣйшаго приказанія и производить ежедневно ученье (равно и сего, то-есть 29го числа, въ 4 часа пополудни) въ такой точно формѣ какъ были одѣты на бывшемъ сего числа ученьи“. А ученье было въ полковой боевой формѣ, съ полнымъ походнымъ выюкомъ. Наказаніе продолжалось до 1го мая, когда опять назначено было ученье всей дивизіи. На этотъ разъ полки найдены „во всѣхъ фронтовыхъ оборотахъ въ совершенной исправности“, за что и отдана благодарность его высочества всѣмъ генераламъ, штабъ- и оберъ-офицерамъ, нижнимъ чинамъ пожаловано по чаркѣ вина и фунту мяса, и вся дивизія на два дня освобождена отъ всякихъ занятій. „А Подольскій кирасирскій полкъ изъ назначеннаго ареста освобождается“, прибавлено въ заключеніе въ томъ же приказѣ.

Вообще, при взысканіяхъ за неисправности у цесаревича старшій никогда не избавлялся отъ отвѣтственности за ошибки младшаго: взыскивалось съ того и другаго. Однажды, напримѣръ, весной, въ праздничный день, проѣзжая съ церковнаго парада въ Бельведеръ, встрѣтилъ великій князь какого-то унтеръ-офицера польскихъ войскъ, который, вмѣсто казеннаго галстука, повязалъ себѣ на шею шелковый шарфъ и красовался своими длинными кудреватыми волосами. Въ это же время попались его высочеству еще два польскіе солдата одѣтые не въ установленной формѣ. Въ тотъ же день

---

вича, а вторую Польскій гвардейскій конно-егерскій и Гродненскій гусарскій. Начальникомъ этой дивизіи былъ генералъ польской службы генералъ-адъютантъ Курнатовскій.

\* Изъ воспоминаній и разказовъ В. Д. Лобанова, бывшаго вахмистра 4го ескадрона а.-гв. Уланскаго цесаревича полка.

сталъ былъ строгій выговоръ въ приказѣ полковымъ командирамъ этихъ солдатъ, а ротные ихъ командиры на трое сутокъ посажены на гаултахту.

Въ предупрежденіе подобныхъ случаевъ, для польскихъ и русскихъ войскъ была издана на обоихъ языкахъ особая книжка, подъ заглавіемъ: „Правила для солдатъ какимъ образомъ они должны поступать на службѣ и въ оной, сохраняя приличную осанку“. Вводные начальники обязательно должны были читать эту книжку своимъ солдатамъ какъ можно чаще и вразумительнѣе.

Поляки—извѣстные любители всякихъ, а въ особенности военно-парадныхъ зрѣлищъ, тѣмъ болѣе что въ тѣ времена ихъ національному самолюбію чрезвычайно льстило видѣть свое собственное народное войско, доведенное до такой высокой и блестящей стелени фронтоваго совершенства. Множество городскихъ обывателей и дамъ толпились по краямъ Саксовской Площади, когда цесаревичъ производилъ тамъ разводъ, и присутствовавшіе въ строю офицеры постоянно были осаждаемы просьбами прекраснаго и непрекраснаго пола провести ихъ поближе къ великому князю, откуда лучше можно бы видѣть церемонію. Поэтому офицеры подъ своимъ покровительствомъ всегда проводили на средину площади своихъ „цивильныхъ“ знакомыхъ и давали имъ мѣсто въ толпѣ военныхъ. Цесаревичъ обыкновенно смотрѣлъ на это весьма снисходительно, и только въ ожиданіи царскаго привѣта въ Варшаву напоминалъ царольнымъ приказаніемъ чтобъ офицеры присутствующіе на разводѣ въ строю стояли въ надлежащемъ порядкѣ, на своихъ мѣстахъ, по старшинству полковъ, не сближались бы къ свитѣ его величества, и цивильныхъ людей между себя не вводили бы, исключая только министровъ и сенаторовъ“. Разказываютъ что однажды извѣстный въ Варшавѣ комическій актеръ французской труппы, Мерэ (Mairet), талантъ и личность котораго весьма были любимы великимъ княземъ, желая проскользнуть въ офицерскую толпу, очутился и залутался какими-то судьбами между рядами солдатъ. За это нарушеніе военного благочинія цесаревичъ велѣлъ его тутъ же свести на гаултахту; но, разумѣется, арестъ Мерэ продолжался не долго: сейчасъ же послѣ развода велѣно было его выпустить. На другой день Мерэ въ какомъ-то водевилѣ разыгрывалъ роль солдата національной гвардіи, которому капитанъ гро-

зять арестомъ за улуценіе по службѣ. „Нѣтъ, это ужъ черезъ-чуръ скучно!“ воскликнулъ вдругъ Мерé экспромтомъ, разумѣется отъ себя: „вчера на гаултахтѣ, сегодня на гаултахтѣ; это вы что не похоже!“ Цесаревичъ очень смѣялся этой шуткѣ.

Ежегодно 4го юня въ Варшавѣ торжественно справлялось особое празднество въ честь учрежденія Царства Польскаго и по этому поводу дѣлался большой парадъ всѣмъ войскамъ собраннымъ въ лагеряхъ и въ городѣ, то-есть всей польской арміи и русскому отряду, на обширномъ полѣ, за фольваркомъ Парижъ, съ участіемъ въ церемоніи также и всѣхъ полковыхъ обозовъ. Обыкновенно вся Варшава, разодѣтая по праздничному, высылала и лѣшкомъ, и верхомъ, и въ экипажахъ на это рѣдкое зрѣлище. Тутъ же привозилось и общее поздравленіе съ этимъ днемъ намѣстнику Царства, генералу Заіончеку, въ отношеніи котораго великій князь соблюдалъ особый этикетъ: во всѣ высокаторжественныя дни русскіе офицеры и самъ царевичъ со свитой, въ полной парадной формѣ, собирались утромъ въ Брюлевскомъ дворцѣ и оттуда отправлялись въ „Намѣстниковскій палацъ“ принести поздравленіе представителю царя Польскаго.

Между тѣмъ, однажды навсегда установленный порядокъ занятій шелъ своимъ чередомъ въ теченіе цѣлаго года. Въ 1817 году упражненія въ верховой ѣздѣ въ зимнее время производились въ Саксонскомъ манежѣ и были распределены такимъ образомъ что каждый эскадронъ имѣлъ возможность одинъ разъ въ недѣлю пользоваться манежемъ въ теченіе цѣлаго дня. Вторникъ и среда отдавались 1му дивизиону, а пятница и суббота 2му. Эскадронныя ученія не прекращались и зимой. Когда дозволяло состояніе погоды, морозъ не превышалъ 10—12 градусовъ, очередной эскадронъ приходилъ на Саксонскую Площадь и упражнялся въ дѣлѣ фронта и въ разныхъ эволюціяхъ по эскадронному уставу того времени. Люди выѣзжали въ спенсерахъ и иногда и фуражкахъ, но всегда съ полнымъ вооруженіемъ, сѣдая лѣшадей „съ переднимъ вьюкомъ“.

Ученія эти, по возможности, производились черезъ день. Въ 1818 году на манежную ѣзду стали налегать уже менѣе. Эскадроны пользовались Саксонскимъ манежемъ уже не цѣлый день напролетъ, а только по пяти часовъ, такимъ образомъ что, напримѣръ, отъ 7 до 11 утра занимался эскадронъ

его высочества; отъ 11 до 12 унтеръ-офицерская сѣдла сего эскадрона; затѣмъ отъ 12 до 5, 2й эскадронъ, а отъ 5 до 6 его унтеръ-офицерская сѣдла. Въ тѣ дни когда не бывало военныхъ занятій людей обучали лѣшему строю на полковомъ дворѣ или на плацу, выводя каждый эскадронъ въ составѣ двухъ двадцатипятирядныхъ взводовъ, а также практиковали въ стрѣльбѣ въ цѣль изъ pistols, для чего и, въ видахъ экономіи, отпускали изъ Модлинскихъ запасныхъ парковъ чугуныя пули. Каждымъ взводомъ отдѣльно занимался его командиръ, по всемъ частямъ строевого, умственнаго и нравственнаго образованія; а при этихъ занятіяхъ обязаны были присутствовать также и субалтернъ-офицеры которые числились въ тѣхъ взводахъ, но не командовали ими. За небрежность, отсутствіе или неумѣлость взводнаго начальника отвѣчалъ эскадронный командиръ удостоившій его къ командованію взводомъ. Этотъ порядокъ, честь введенія коего исключительно принадлежитъ цесаревичу, постоянно наблюдался во всей строгости, и такимъ образомъ будущіе дѣльные эскадронные и полковые командиры въ практической школѣ цесаревича подготавливались и выработывались исподволь, еще съ перваго офицерскаго чина. Они, между прочимъ, обязаны были твердо знать въ лицо и по фамиліи всѣхъ людей своей части и всѣхъ безъ изятія унтеръ-офицеровъ своего полка; его высочеству тѣмъ легче было повѣрять ихъ въ этомъ отношеніи что самъ онъ отлично зналъ бѣльшую часть людей въ полкахъ своего отряда.

— Какъ, сударь, зовутъ у васъ этого молодца? спрашивалъ онъ иногда у молодаго офицера, указывая на любого улана, когда случилось ему завернуть въ манежъ или на полковой дворъ во время взводныхъ занятій.

Молодой офицеръ, если не твердо помнилъ имя и не могъ сразу же бойко и увѣренно назвать его, обыкновенно, въ смущеніи потуплялъ взоры.

— Такъ какъ же зовутъ его? Не знаете....

— Вановатъ, ваше высочество!

— Ну, такъ я вамъ, сударь, напомню. Его зовутъ такъ-то. Стыдно!

И называя имя человека великій князь перѣдко называлъ и губернію изъ которой тотъ былъ родомъ. Память у него была изумительная. \*

\* Изъ разказовъ М. К. Максимовича.

Съ началомъ марта, числа около 6го, въ полкахъ начинался эскадронный кампаментъ, т.-е. занятія собственно маневромъ прекращались, и эскадроны приступали къ полевымъ ѣздамъ и къ фланкерскимъ учениямъ. Собирались для этихъ учений либо у арсенала, къ 12ти часамъ дня, либо на плацъ предъ Уяздовскимъ госпиталемъ, и выходили обыкновенно во всей боевой амуниции и съ полнымъ вьюкомъ. Вообще надо замѣтить что въ Варшавѣ полевые учения иначе и не производились какъ только съ полнымъ походнымъ вьюкомъ и боевымъ вооруженіемъ. Послѣ нѣсколькихъ учений эскадроны сводились въ дивизіоны и начиналось ученіе дивизіонное. Затѣмъ, около 20го апрѣля всѣ части армейскихъ конно-польскихъ войскъ (сводный дивизіонъ конно-егерской и уланской дивизій и команды конно-артиллерійскихъ ротъ) прикомандированныя „для узнанія порядка службы“ къ кавалеріи русскаго отряда, возвращались въ свои полки и батареи для занятій въ весеннемъ сборѣ, а наши приступали къ полковымъ учениямъ на Мокотовскомъ Полѣ. Тутъ же происходили и дивизіонныя ученія пѣше-по-конному и, наконецъ, къ началу мая бригадныя и дивизіонныя въ конномъ строѣ. Юль отдавался травѣ; но лошади уже не выгонялись въ табуны, какъ прежде, а пользовались свѣжею кошеною травой на конюшняхъ. Въ это время люди получали отдыхъ отъ строевыхъ занятій.

Съ началомъ іюля мѣсяца эскадроны посылали отборныя команды нижнихъ чиновъ въ Лазенковскую школу плаванія состоять при которой на это время назначался отъ каждого полка особый оберъ-офицеръ, постулавшій въ распоряженіе начальника школы, полковника Валентино. Здѣсь нижніе чины постепенно и систематически обучались искусству плаванія, сначала отдѣльно, потомъ съ лошадью, потомъ цѣлыми командами, съ лошадьми и безъ оныхъ. Это было занятіе весьма полезное и вполне необходимое для истиннаго кавалериста, который со своимъ конемъ не долженъ останавливаться ни предъ какими преградами, мало-мальски доступными физическимъ силамъ человѣка и его лошади. Курсы обученія продолжались отъ двухъ до трехъ лѣтнихъ сезоновъ продолжавшихся каждый около двухъ мѣсяцевъ и, въ концѣ концовъ, кавалеристы съ конями своими обязаны были переплыть Вислу. Пѣхота имѣла свою отдѣльную школу плаванія, устроенную въ болѣе широкихъ размѣрахъ, непо-



шеку отъ Варшавы, въ Мармонтъ, на берегу Вислы, и для плотниковъ обученіе этому искусству считалось даже болѣе обязательнымъ чѣмъ для кавалеристовъ. Занятія плаваніемъ въ гѣхотѣ продолжались постоянно, въ теченіе трехмѣсячныхъ лагерныхъ оборовъ подъ Повонками. Полный курсъ оканчивался экзаменомъ, въ присутствіи цесаревича и главнначальствующихъ лицъ, послѣ чего каждому человѣку признаваному достойнымъ выдавался особый патентъ. Для полученія патента требовалось чтобъ ученикъ, пройдя всѣ семь классовъ въ школѣ, могъ пробыть на водѣ два часа сразу, переламывать Вислу въ мундирѣ и панталонахъ, съ оружіемъ въ рукѣ, и умѣть въ различныхъ позахъ и положеніяхъ бросаться въ воду съ семисаженой высоты. \* Не каждый, конечно, могъ достигать полнаго совершенства, но вообще плаваніе въ войскахъ шло хорошо, люди обучались ему весьма охотно. Его высочество ежегодно производилъ общій смотръ плаванія на Вислѣ, подъ Бѣлянами. Люди баталіономъ подходили къ берегу, часть изъ нихъ отряжалась въ работу и принималась тутъ же вязать плоты изъ заранее приготовленнаго матеріала, или завладѣвала на время нѣсколькими рыбацкими челнами. Остальные же люди, разувшись и сложивъ салоги вмѣстѣ съ аммуницией на плоты или въ лодки, по командѣ начальника, съ ружьями въ лѣвой рукѣ, стройно бросались въ воду по-зводно или ротами, или даже цѣлыми баталіономъ. Офицеры, со шпалой въ рукѣ, обязаны были находиться каждый впереди своей части. Искусство доходило до того что люди не только могли держаться въ водѣ почти въ вертикальномъ положеніи, но даже стрѣлять, производя по сигналамъ бѣглый огонь или залпу залпами. Переламывъ Вислу, они, послѣ минутнаго отдыха, а иногда и безъ омаго, пускались назадъ, либо же обухшись и разобравъ патронныя сумы, тотчасъ начинали на томъ берегу какой-нибудь односторонній маневръ, раскидывали цѣпь, производили атаку, потомъ отступленіе и возвращались тѣмъ же путемъ, т.-е. вплавь, отстрѣливаясь въ водѣ своею цѣпью и производя разныя эволюціи, въ родѣ изложенія плечомъ и перемѣны фронта, въ виду предполагаемаго приближенія флотиліи. Все это теперь могло бы показаться невѣроятнымъ, еслибы не было еще въ живыхъ

\* Рукописныя записки и воспоминаванія М. К. Максимовича.

нѣкоторыхъ свидѣтелей и участниковъ этихъ лихихъ упражненій. Первоначально обучали плаванію нѣсколько прусскихъ сержантовъ, но по прошествіи двухъ первыхъ лѣтъ у насъ выработались уже собственные инструкторы - плавальщики. По окончаніи урока, ученики получали каждый свою порцію водки, которая хранилась въ особыхъ ящикахъ подъ ключомъ у этихъ инструкторовъ; предъ кулакомъ же употребленіе не только водки, но даже и лива строго воспрещалось.

Съ половины іюля прекращалось въ кавалеріи травяное довольствіе и начинались снова ученія, тѣмъ же порядкомъ на Мокотовскомъ Полѣ: сначала одно или два полковыя, а затѣмъ прямо дивизіонныя. Выводили на эти ученія рано люди должны были быть въ полной готовности къ 5ти и даже къ 4½ часамъ утра, но тутъ уже допускалось, въ видѣ облегченія, одѣтыми быть въ спенсерахъ или въ лейбикахъ смотря по погодѣ. Ученья слѣдовали черезъ день, и его высочество не пропускалъ почти ни одного. Офицеръ посылаемый отъ каждаго полка за приказаніемъ долженъ былъ являться въ Бельведеръ равнѣ четырехъ часовъ утра и почти всегда былъ допускаемъ въ спальню великаго князя. Его высочество постоянно почивалъ не иначе какъ на кожаномъ походномъ матрацѣ, съ кожаной подушкой въ головѣхъ и покрывался своею старою шикелью. На балконѣ у него въ лѣтнее время всегда стояло лѣть большихъ бабокъ—одна съ угремъ, который предъ дождемъ мутитъ воду, другая съ лягушкой и деревянною лѣсенкой и т. п. Всѣ эти приспособленія замѣняли цесаревичу барометръ. Разбуженный камердинеромъ своимъ Фризе, который словицалъ о прибытіи офицеровъ присланныхъ за приказаніями, его высочество посылалъ его на балконъ посмотреть въ какомъ состояніи находятся угри и лягушки, и если положеніе этихъ животныхъ предвѣщало ненастье, то сейчасъ же слѣшилъ отправить офицеровъ въ казармы съ объявленіемъ что ученье отказано. Непри терпя промедленія въ дѣлахъ и будучи аккуратенъ въ высшей степени, цесаревичъ никогда не любилъ тревожить людей понапрасну. Такимъ образомъ, до возвращенія посланныхъ офицеровъ, люди никогда не приступали къ слѣдовкѣ.

Относительно поддержки на постоянной высотѣ всего вни

\* Изъ разказовъ М. К. Максимовича.

нии и отчетливости эволюцій на ученіяхъ, у цесаревича была своя сноровка, выработанная опытомъ. Бывало послѣ рускаго смотра, гдѣ полки постоянно удостоивались особыхъ мнѣній и благодареній, его высочество, давъ имъ нѣсколько дней на отдыхъ, снова назначалъ дивизионное ученье, и если нѣсколько замѣчалъ какую-либо разницу въ стройности и отчетливости маневровъ и построеній противъ послѣдняго царскаго смотра, то ужь навѣрное выскажетъ начальникамъ свое порицаніе на плацу же и отдастъ въ приказѣ что онъ „съ крайнимъ неудовольствіемъ замѣтилъ дивизию сію во всѣхъ частяхъ опущенною, а въ особенности гг. оберъ- и унтеръ-офицеровъ, которые совсѣмъ не знаютъ своего дѣла во фронтѣ“, за что и „давалось на замѣчаніе“ начальникамъ дивизіи, бывшихъ бригадъ, полковымъ командирамъ и всѣмъ штабъ- и оберъ-офицерамъ. Всѣ ужь такъ и знали заранее что послѣ такого царскаго смотра навѣрное будетъ „всѣобщая гололомошка“, для того чтобы не считали себя совершенствомъ и дѣла своего не забывали. Но первое же ученье послѣ „гололомошки“ всегда сопровождалось похвалою, благодарностью его высочества и щедрою наградою нижнимъ чинамъ. Все это необычайно привлекало къ нему русскіе полки и заставляло признавать его авторитетъ въ специально-военномъ, фронтовомъ отношеніи строже и выше всѣхъ остальныхъ авторитетовъ въ мірѣ. „Царь похвалитъ—изъ милости похвалятъ, потому онъ, батюшка, солдата обидѣть жалѣетъ, а ужь какъ великій князь похвалялъ, значить точно за дѣло“, говорили солдаты, и таково было ихъ незыблемое, самое заглавное убѣжденіе. \*

Во и 3го августа начальники дивизіи, генералъ-адъютантъ Куратовскій, производилъ обыкновенно инспекторскій смотръ уланскому полку. Первый день была „выкладка“ казенныхъ солдатскихъ вещей на полковомъ дворѣ, и опросъ претензій, а второй день—выводка „государевымъ строевымъ лошадямъ“. Послѣ инспекторскаго смотра начинались на полковомъ же дворѣ конныя ученія. Люди выѣзжали въ строй въ шарняхъ сменерахъ и на уздечкахъ, за исключеніемъ трубачей, которые ѣздили съ мундштуками, а офицеры въ сюртукахъ и на англійскихъ сѣдлахъ, и всѣ были въ готовности уже къ 5½ часамъ утра. Эти конныя ученія чередовались

\* Изъ разказовъ В. Д. Лобанова.

съ лѣшими по-конному, во дворѣ же, и съ дивизионными и Мокотовскомъ Полкѣ, въ присутствіи его высочества.

Къ 20му числу августа пѣхота Варшавскаго гарнизона возвращалась въ свои городскія казармы, и съ этого же времени гвардейскіе кавалерійскіе полки переставали высылать въ лагерь на пикетъ свои конные взводы, а въ началѣ сентября числа около бго, войска выступали на общіе маневры, которые впрочемъ не бывали продолжительны. Затѣмъ, послѣ короткаго отдыха, кавалерія нѣкоторое время занималась практикой аванпостной службы и малой войны, а съ 1го октября переходила къ обычнымъ зимнимъ занятіямъ.

Жизнь солдатамъ было хорошее. Зимой вставали въ шесть часовъ утра, дѣлали свой туалетъ и сейчасъ же шли на конюшни къ утренней уборкѣ, затѣмъ возвращались въ столовыя залы къ завтраку, который обыкновенно состоялъ изъ горячаго супа или изъ похлебки съ бычьими гусаками, послѣ завтрака очередная часть отправлялась на Саксонскую Площадь въ разводъ, остальные же эскадроны въ девять часовъ выходили кто въ манежъ, а кто на домашнее ученье. Строевыя занятія хотя и происходили ежедневно, но для людей не были обременительны, занимая собою полтора много два часа въ сутки. Такъ-называемымъ „пунктикамъ“ по волѣ великаго князя, учили только рекрутъ, въ первое время поступления въ полкъ, а потомъ уже изъ практики каждый человекъ и безъ затверживанья зналъ ихъ прекрасно. Въ обученіи же людей налегали преимущественно на развитіе ловкости и силы во владеніи своимъ оружіемъ, на полное усвоеніе искусства верховой ѣзды, на одиночную лѣтшую выправку и „фронтную развязку“ и, наконецъ, на стройность шага и всѣхъ поворотовъ какъ въ лѣшемъ, такъ и въ конномъ строѣ. Что касается сигналовъ, то люди усвоили ихъ практически, изъ навыка. Начальство, подѣ зоркимъ и попечительнымъ глазомъ великаго князя — по выраженію стараго ветерана \* — „было не лютое, справедливое, солдатамъ никогда не тѣснило“, и потому люди несли службу какъ должно, не тяготясь ею, доказательствомъ чему опять таки служатъ ничтожное количество побѣговъ и рѣдкости тѣлесныхъ наказаній, насколько можно это видѣть изъ мѣсячныхъ отчетовъ и полковыхъ приказовъ. Ровно въ полдень садились люди за обѣдъ, получая въ посту цѣн и

\* В. Д. Лобанова.

бѣтъ съ рыбой, а въ мясоѣдъ съ говядиной и затѣмъ ка-  
 ту-либо кашу съ масломъ, а по праздникамъ пироги и  
 иногда жареное. Мясa шло по фунту на человѣка и выда-  
 ны его „дѣлянками“, то-есть отвѣсными порціями, а хлѣба  
 эта и полагалось по три фунта, но безъ вѣсу, а такъ, сколь-  
 ко съѣшь, во всю свою волю, — и приносили его въ эскадро-  
 ны обыкновенно съ утра большими караванами. Хлѣбъ всегда  
 былъ свѣжій, отлично выпеченный, такъ что и офицеры  
 ѣдали его за лакомство. Вивная порція изъ жалуемыхъ це-  
 саревичемъ денегъ отпускалась два, а иногда три раза въ  
 недѣлю. На экономическія средства выдѣлялась свой до-  
 машній крепкій квасъ, поддушенный матой и подслащенный  
 медовою ситой. Въ восемь часовъ, послѣ вечерней уборки,  
 трубилъ на ужинъ, за которымъ люди получали горохъ, по-  
 лебку, кашаду и вообще что случится, только не то что  
 было въ обѣдъ или на завтракъ. Послѣ ужина садовала об-  
 щая молитва и затѣмъ вслѣдъ за вечернею переключкой  
 чинамъ расходились по койкамъ, за чистотой и свѣжестью  
 которыхъ имѣлось постоянное наблюденіе. Рядовые получали  
 въ треть жалованья 5 рублей 65 копѣекъ, а унтеръ-офицеры  
 7 рублей (то-есть 20 рублей ассигнаціями въ треть). Сло-  
 вомъ сказать, условія жизни были прекрасныя, да и трудно  
 было бы быть заботливѣе цесаревича относительно этихъ  
 условій. Рядкій день проходилъ безъ того чтобъ его колазка  
 не остановилась предъ тою или другою эскадронною казар-  
 мой. Иногда его высочество приказывалъ выносить къ себѣ  
 порцію, а чаще всего самъ шелъ на кухню и пробовалъ изъ  
 котловъ; затѣмъ бывало зайдетъ въ казарму, велитъ отки-  
 нуть нѣсколько одеялъ и простынь, освидѣтельствуетъ опрят-  
 ность бѣлья, чистоту воздуха, количество градусовъ тепла,  
 перекинется нѣсколькими ласковыми словами съ дежур-  
 нымъ по эскадрону офицеромъ и съ людьми; коли все на-  
 правлено въ должномъ порядкѣ скажетъ спасибо вахмистру и  
 направляется по конюшнямъ. Самъ бывало провѣрить како-  
 во зачищены лошади, свѣжа ли подстилка, хорошъ ли фу-  
 ражъ; завернетъ и въ цейхаузъ, и на кузавцу, и въ мастер-  
 скія, словомъ, ничего не упустишь изъ-подъ своего зоркаго  
 любящаго глаза. Люди постоянно на опытъ видѣли эту  
 отеческую попечительность цесаревича и дѣла ее въ серд-  
 цѣ, несомненно приучались любить его какъ отца роднаго.\*

\* Изъ разказовъ В. Д. Лубанова.

Его высочество былъ необыкновенно щедръ. За каждыя удачный разводъ, за каждое хорошее ученье произведенныя въ его присутствіи, не говоря уже о большихъ смотрѣхъ парадакъ, онъ постоянно жаловалъ людямъ по чаркѣ вина фунту мяса, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и по рублю изъ собственной шкатулки. Когда какой-либо унтеръ-офицеръ во вращеніи изъ временнаго домашняго отпуску, то обязанъ былъ представляться его высочеству утромъ въ Бельведеръ или въ Брилевскомъ дворцѣ въ полной парадной формѣ. Точно также и уходившіе „въ чистукъ“ являлись къ нему прощаться, причемъ великій князь благодарилъ ихъ за службу и одѣлялъ по нѣскольку червонцевъ на дорогу.

Старшіе вахмистры, многіе унтеръ-офицеры и даже рядовые изъ людей лично ему извѣстныхъ получали отъ него двойной окладъ жалованья, который онъ производилъ имъ опять-таки изъ собственной шкатулки. Но въ особенности заботился его высочество въ этомъ отношеніи о недостаточныхъ семейныхъ людяхъ. Въ первые годы варшавской стоянки многіе нижніе чины, что называется, зря женились на мѣстныхъ урженкахъ-безприданницахъ и потомъ вскорѣ начинали сожалѣть и раскаиваться, не имѣя достаточно средствъ чтобы вести порядочный образъ жизни. Входя въ это положеніе, цесаревичъ оказывалъ поддержку всѣмъ достойнымъ изъ нихъ черезъ генерала Альбрехта поручалъ эскадронамъ командирамъ отговаривать своихъ нижнихъ чиновъ отъ неосторожнаго вступленія въ бракъ и какъ можно тщательнѣе проиhrать имѣютъ ли невѣсты сами по себѣ достаточно средствъ къ безбѣдному существованію. Великій князь всегда самъ осматривалъ вновь прибывавшихъ рекрутовъ и, смотря наружности, склонностямъ и способностямъ, распределялъ ихъ по родамъ оружія и по полкамъ. Каждый рекрутъ, съ самаго мѣсяца послѣ вступленія въ полкъ, былъ представленъ его высочеству въ качествѣ лѣтшаго ординарца, приче цесаревичъ могъ наглядно судить объ успѣхахъ первоначальной его выучки. Каждому подобному ординарцу онъ жаловалъ не менѣе червонца, а то и два, и три, смотря потому сколько понравился.\*

Страстно любя службу, великій князь Константинъ Павловичъ искренно любилъ и лучшихъ ея дѣятелей; онъ лич-

\* Изъ разказовъ В. Д. Лобанова.

нѣмъ всѣхъ подкомандныхъ офицеровъ, а изъ старшихъ, до ротмистра и капитана включительно, рѣдкаго не знавалъ по имени и отчеству, причѣмъ и обращался къ нимъ такимъ образомъ, а не по чинамъ и титуламъ, когда бывалъ въ хорошемъ расположеніи духа; въ минуты же шутовости, добродушно, но отнюдь не въ обиду, называлъ иныхъ офицеровъ тѣми кличками какія въ шутку даны имъ были въ добромъ дружельскомъ кругу однополовчанъ-товарищей. Такимъ образомъ, напримѣръ, въ нашемъ полку ротмистра Чуйкова называли въ шутку Циттеномъ, за то что, при всѣхъ своихъ отличныхъ достоинствахъ, онъ былъ не совсѣмъ-то ловокъ и красивъ на лошади.\*

Комедекъ его высочества всегда былъ открытъ для нуждящихся офицеровъ, и многіе, въ видѣ негласнаго пособія, получали отъ него лично второй окладъ жалованья. Щедростью его иногда даже злоупотребляли. Такъ, напримѣръ, поручикъ М., въ ноябрѣ 1818 года, представилъ генералу Альбрехту при рапортѣ залечатанный пакетъ на имя его высочества. Вскрывъ конвертъ, великій князь прочелъ письмо, въ которомъ поручикъ М. просилъ „о пожалованьи“ ему съ братомъ ни болѣе ни менѣе какъ пятидесяти тысячъ рублей! Цесаревичъ поручилъ Альбрехту объявить братьямъ М. что, признавая сію сумму не соразмѣрною, и совершенно неадекватною высочайшаго соизволенія не можетъ на оную позволить, онъ не рѣшается представить государю императору подобную просьбу, и самъ не имѣетъ возможности удовлетворить ей.\*\* И замѣчательно что эта великая просьба ни мало не повредила въ глазахъ цесаревича служебнымъ отношеніямъ поручика М., который въ послѣдствіи дослужился до вышшаго положенія.

Вообще можно сказать что тѣ добрыя, чисто родственныя отношенія къ своему полку, начало которымъ положилъ цесаревичъ въ 1803 году, еще упрочились, стали, если можно, еще тѣше и задушевнѣе съ переходомъ 1го дивизиона въ Варшаву и съ образованіемъ изъ него новаго лейбъ-гвардіи уланскаго его высочества полка. Великій князь, напримѣръ, никогда не отказывалъ если офицеръ или солдатъ просилъ его

\* Изъ разказовъ барона А. Ф. Розена.

\*\* Писемкіе великаго князя цесаревича генералу Альбрехту отъ 1го декабря 1818 года, за № 3.897, и предписаніе генерала Альбрехта въ полкъ отъ 4го декабря того же года, за № 1.191.

въ крестыя отцы своему новорожденному ребенку, и щедро посылалъ, а то иногда и самъ клалъ „на зубокъ“ подъ подушку родильницъ; нерѣдко бывалъ посаженнымъ отцомъ и свадьбахъ своихъ офицеровъ, удостоивалъ пріѣзжать въ Замковую церковь къ обряду вѣчанія и, если позволяло время, то въ квартиру молодыхъ—пожелать имъ, съ бокаломъ въ рукѣ, счастливаго супружества. Когда кто-либо изъ офицеровъ заботѣвалъ серьезнымъ образомъ, его высочество поручалъ собственному медику слѣдить за правильнымъ ходомъ лѣченія и не только посылалъ ординарца справляться о здоровьи но иногда и самъ, бывало, неожиданно посѣтитъ больного, утѣшитъ, ободритъ его и, какъ скоро замѣтитъ нужду, то молча сунетъ подъ подушку нѣсколько крупныхъ ассигнаціи. При похоронахъ почти всегда пріѣзжалъ онъ къ выносу, шель нѣкоторое время за гробомъ, особенно же если покойный былъ однимъ изъ старшихъ офицеровъ или его любимцемъ.

Хороши въ Варшавѣ военные всегда съ парадомъ. Принадлежалъ ли покойный къ польскому или русскому войску—офицеры того или другаго безразлично обязаны были и установлена форма являться къ выносу гроба и провожать его до заставы, а своего однополчанина до самой могилы. При опусканіи гроба въ могилу, трубачи играли „походъ“, а люди находившіеся въ строю эскорта выпускали три залпа изъ пистолетовъ. То же самое уставное правило строго наблюдалось и относительно нижнихъ чиновъ. Для погребенія умершаго солдата обыкновенно назначался парадъ пѣшій 12ти-рядный взводъ отъ того эскадрона которому принадлежалъ покойный, при двухъ унтеръ-офицерахъ и одномъ трубачѣ, подъ командой оберъ-офицера того же эскадрона. Нерѣдко, по просьбѣ товарищей покойнаго, весь музыкальный хоръ, съ разрѣшенія полковаго командира, сопровождалъ гробъ до могилы. Погребали усопшаго не иначе какъ въ полной парадной формѣ, а кресты и медали, если таковыя у него были при жизни, полагались на крышкѣ гроба. Людямъ провожавшаго взвода, все равно какъ и для офицерскихъ похоронъ, выдавалось по три холостыхъ патрона для прощальныхъ залповъ или „для разстрѣла“, какъ выражались они. \*

\* Полковые приказы и разказъ В. Д. Лобанова.



Цесаревичъ былъ вспыльчивъ. Въ особенноти когда дѣло касалось нераднвостн и улущеній по службѣ, либо по фронту, гдѣвъ его былъ грозенъ и дѣлалъ сильное впечатлѣнне; но если эти порывы и могли налетать на него со всею внезапностью, то они проходили весьма легко и скоро, не оставлал никакихъ горестныхъ послѣдствій для человека навлекшаго на себя минутную вспышку его вмсочества. Если цесаревичъ и бывалъ иногда неправъ, то онъ никогда не затруднялся открыто и прямо предо всѣми сознаться въ своей ошибкѣ и старался выискать возможность чтобы со всею деликатностью вознаградить такъ или иначе потерпѣвшаго. Лучшею же наградой было его доброе, душевное слово и обращенне. Когда онъ былъ въ духѣ и хотѣлъ кому-либо сказать ласку, то обыкновенно бралъ того слегка обѣими руками за уши и, притянувъ къ себѣ, цѣловалъ въ лицо \*. Зналъ что цесаревичъ по своему произволу никогда никого не сдѣлалъ несчастнымъ, но всегда со всею страстностью стремился поддержать и защитить подчиненныхъ, всѣ они, отъ генерала до послѣдняго солдата, были ему преданы всею душой. При всей строгости тогдашнихъ порядковъ, его вмсочеству нравились смѣлыя, честныя выходки, и онъ никогда не забывалъ ихъ. Умъ его былъ склоненъ къ шутовству и остротѣ. Онъ самъ бойко и остро говорил на рускомъ и французскомъ языкахъ, ловнмалъ шутку и охотно принималъ ее даже и тогда когда она была обращена къ нему лично. Онъ) очень любилъ театръ, охотно и часто присутствовалъ на польскихъ и французскихъ спектакляхъ \*\*; въ обществѣ же это былъ блистательный, оригинальный человекъ, очаровательный по своему остроумно и любезный съ женщинами, какъ и его державный родитель императоръ Павелъ. \*\*\* Въ наружности великаго князя въ особенноти дѣлалъ прнятное впечатлѣнне его большнє голубые глаза, въ которыхъ свѣтилось много ума и силъ, и его прнятная, открытая улыбка. Въ немъ видно было горькое и такое крѣпкое, мускулистое сложенне что онъ легко отдѣлялся отъ всѣхъ придворныхъ кавалеровъ; въ

\* Воспомнання П. А. Козакова. *Русская Старина* 1870, стр. 496.

\*\* Ка. П. А. Вяземскнй, „Лнстки изъ записной книжки начатой въ 1818 году“ *Русскнй Архивъ* 1873 года, стр. 1.788.

\*\*\* *Записки графини А. Д. Баудовой*. Ibid. стр. 2.068.

ясномъ взглядѣ его видна была и душа ясная. Это былъ воин и душой, и тѣломъ, со всею военною ловкостью \*. Его въ сочувствіе, устранивъ себя отъ политики и государственнаго управленія дѣлами Царства Польскаго, велъ жизнь самую скромную, вполнѣ семейную. Дежурные адъютанты и ординарцы почти всегда были приглашаемы къ его обѣду. Главное же занятіе и вмѣстѣ развлеченіе его состояло въ совѣщаніи строевой службы войскъ польскихъ и русскихъ \*\*. Много усиленныхъ трудовъ и терпѣнія нужно было ему для того чтобы ввести въ польскихъ войскахъ дисциплинарные порядки и отношенія.

На первыхъ порахъ въ Варшавѣ нижніе чины польскіе русскіе обнаруживали взаимно враждебныя чувства, которые нерѣдко доходили до ссоръ и даже до дракъ, особенно въ недалекомъ сосѣдствѣ Варшавскихъ казармъ, гдѣ чаще всего повторялись эти столкновенія. Въ подобныхъ случаяхъ начальники прибѣгали къ мѣрамъ строгости и не допускали послабленій; наказанія слѣдовали за наказаніями, но вражда не уменьшалась. Наконецъ, съ разрѣшенія цесаревича, были приняты другія мѣры къ возможному сближенію русскихъ солдатъ съ польскими, причемъ, между прочимъ, старались сблизить ихъ посредствомъ общихъ обѣдовъ, угощеній, товарищескихъ собраній и т. п. Хотя при такомъ направленіи вражда, повидимому, уменьшалась, солдаты мирились, но это были лишь наружныя отношенія; искренней же пріязни между ними все-таки не существовало \*\*\*.

Офицеры обоихъ войскъ тоже косовато посматривали другъ на друга, и это затаенно-враждебное отношеніе начало прежде со стороны Поляковъ, которые не удовлетворясь неравною имъ конституціей и географическими границами проявляли плохо скрытое озлобленіе свое вообще противъ Русскихъ. Въ особенности это чувствовалось со стороны военной молодежи. Варшавское офицерство встрѣчалось обыкновенно въ двухъ ресторанахъ на Длугой улицѣ: у Француза Александра Шево и у паки Нейманъ, трактиръ котораго пользовался въ военномъ кругу наибольшою популяр-

\* Письма принцессы Саксенъ-Кобургской о Русскомъ Дворѣ. *Русскій Архивъ* 1869, стр. 1.091—95.

\*\* Запѣтки И. Ульямова. *Русскій Архивъ* 1867, стр. 703, и П. А. Вяземскій, *ibid.* 1873, стр. 1.788.

\*\*\* Воспоминанія М. К. Максимовича, стр. 7—8.

ств, такъ какъ тамъ, для приваеченія лубайки, были и арфетки, и табль-д'отъ, и женская прислуга. Но при этихъ встрѣчахъ все какъ-то не казалось дѣло обличенія: Русскіе, бывало, сидятъ въ одномъ концѣ, Поляки въ другомъ и явно показываютъ нежеланіе имѣть что-либо общее съ „Москалями“. Къ ненавистному имъ слову „Москалей“ причисляли они и тѣхъ изъ своихъ кровныхъ соотечественниковъ которые служили въ полкахъ русскаго отряда \*.

Великій князь душевно скорбѣлъ объ этихъ отношеніяхъ и вслѣдствіи стремился водворить полное братство между Поляками и Русскими. Съ этою цѣлью, между прочимъ, онъ оказывалъ особенное покровительство смѣшаннымъ бракамъ своихъ офицеровъ. Въ этотъ періодъ времени многіе изъ нашихъ поженились на Полякахъ, вошли въ польскія семейства, въ польское общество и по наружности казались какъ будто игра эта дѣйствительнѣе многихъ. Но увы! Печальныя послѣдствія доказали что это была только наружность. Поляки, по тѣмъ или другимъ практическимъ соображеніямъ, хотя и роднились съ русскими офицерами, но сердце и душа ихъ все-таки были далеки.

Въ ряду существенныхъ средствъ обличенія считались также пиры, балы и празднества, которые, по инициативѣ начальниковъ, устраивались офицерскими обществами разныхъ полковъ, причемъ остальное офицерство получило приглашенія. Особеннымъ блескомъ отличались лѣтніе, лагерные праздники. Пѣхотный лагерь по преимуществу замѣчательнѣе былъ необыкновенною красотой. Длинная тѣмная аллея велъ по фронту и раздѣляла полки одинъ отъ другаго. Полковые, бригадные и дивизіонные командиры развели вокругъ своихъ барачковъ изящные сады, гдѣ, среди роскошнаго выбора фонтановъ и деревьевъ, видѣлись статуи и красивыя бесѣдки. Щеголя другъ предъ другомъ убранствомъ помѣщеній, командиры войскъ устраивали, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, пиры на которые стекалась обыкновенно вся блестящая молодежь Варшавы и цвѣтъ лучшихъ красавицъ. Музыка гремѣла повсюду и танцы продолжались далеко за полночь, при блестящей, разноцвѣтной иллюминаціи, и оканчивались фейерверками. Все это примаанивало громадную

\* Изъ разказовъ М. К. Максимовича.

массу гублики, такъ что пѣхотный лагерь служилъ постояннымъ гульбищемъ для жителей Варшавы. \*

Несмотря однако на всѣ усилія великаго князя, искренняго, задушевнаго сближенія между массою польскихъ и кружкомъ русскихъ офицеровъ все-таки не послѣдовало. И общіе обѣды, и балы, и празднества, и смѣшанные браки — ничто не могло изгладить той неприязни, которую, несмотря на всю официальную любезность польскихъ начальниковъ Русскіе инстинктивно чувствовали къ себѣ со стороны Поляковъ.

Тѣмъ не менѣе, до 1826 года рѣзкія проявленія этой неприязни случались какъ отдѣльными, одиночными вспышками. Общее чувство находило нужнымъ, пока до времени, прикрывать себя личиною лести и преданности и заглушаться музыкой и тостами пировъ, цвѣтами и блескомъ праздниковъ

### III.

Въ первые два года существованія Царства Польскаго недовольство, порожденное разочарованіемъ относительно разныхъ политическихъ фантазій и государственныхъ границъ, не заявляло себя однако никакими рѣзкими проявленіями и ограничивалось только разными кляузами о будто бы „незаконныхъ“ дѣйствіяхъ и поступкахъ русскихъ полковъ. Разсматривая въ полковомъ архивѣ дѣла этого времени невольно убѣждаешься что не только муниципальныя, но даже и военныя польскія власти пользовались малѣйшимъ предлогомъ чтобы сдѣлать русскимъ войскамъ какую-нибудь „незаконную“ придирку, подвести подъ нихъ какую-нибудь, опять же таки „незаконную“, каверзу; то обвиняютъ уланъ въ самовольномъ занятіи квартиръ, лишутъ бумагу, отношенія, заставляютъ начальство дѣлать выговоры, — и потомъ вдругъ оказывается что квартиры заняты все не самовольно, а по назначенію чиновника польской администраціи; то жалуется что уланы якобы портятъ вещи находящіяся въ занимаемыхъ ими на первое время польскихъ казармахъ, а по повѣркѣ выходитъ что вещи обозначены

---

\* Воспоминанія К. П. Козакова. *Русская Старина* 1873 годъ. кн. IV, стр. 443.

в польскомъ же инвентарѣ находятя въ полной цѣлости и совершенной исправности; то вдругъ новыя претензіи, затѣвъ де уланъ трутъ нюхательный и крошатъ курительный табакъ для собственнаго употребленія, тогда какъ эта статья отдава на откупъ, по условію съ „государствомъ“; то вдругъ обвиненіе въ сбытѣ фальшивой монеты, въ кражѣ съ барки холста и вина, въ грабежѣ у какой-то Еврейки мѣшечка съ драгоценными вещами, — и олять наряжаются коммиссіи, идутъ свидѣствія, допросы, доносы, отписки и новыя клаузы, — а въ концѣ-концовъ, по самому точному разсѣдованію, оказывается что фальшивая монета сбыта польскимъ ково-егеремъ, вино съ холстомъ стащено съ барки польскими салерами и Еврейка ограблена польскими же гренадерами.

Клаузы доходили даже до такихъ комическихъ размѣровъ что какая-то „обывателька“ Юзефа Плевчичская, находила возможнымъ жаловаться и требовать взысканія со своего постольца, поручика Франковского, за то что у него слишкомъ часто бывають гости. \* Общій смыслъ всѣхъ этихъ клаузъ достаточно очевиденъ: онѣ служили удобнымъ и дешевымъ средствомъ вымѣщать на „Москаляхъ“ досаду по поводу своихъ политическихъ разочарованій и, посредствомъ всевозможныхъ гиперболическихъ разказовъ и сплетень, ослаблять ихъ и дѣлать ненавистными въ глазахъ польскаго общественнаго мнѣнія. \*\*

Послѣ двухлѣтней подготовки, посвященной организаціи гражданскихъ управленій, опредѣленію круга ихъ дѣятельности и взаимной связи, а также введенію необходимыхъ учрежденій, императоръ Александръ лично открылъ, 15го (27го) мая 1818 года, первый сеймъ польскій, — открылъ его блистательною рѣчью, которая, основываясь на внутреннемъ его убѣжденіи, вся была исполнена чувствами любви и полагая довѣрія къ Полякамъ. Открытіе сейма сопровождалось рядомъ военныхъ торжествъ, смотровъ, разводовъ и парадовъ, на которыхъ лейбъ-гвардіи уланскій цесаревича полкъ

\* Журн. вход. бумагъ за 1817—18 годы. Поак. арх. кн. № 220 и 221.

\*\* Замѣчательно что исторія Ямбургскаго уланскаго полка за этотъ самый періодъ времени представляетъ намъ рядъ подобныхъ же клаузъ, каверъ и подвоховъ со стороны польской администраціи и польскихъ помѣщиковъ западно-русскихъ губерній.

имѣлъ счастье впервые представляться государю императору и удостоился полного одобренія монарха.

Цесаревичъ любилъ и умѣлъ показать войска служившимъ подъ его начальствомъ и ему всегда пріятно было присутствіе на этихъ смотрахъ и ученьяхъ высокихъ лосѣтителей. Немногіе ветераны того времени помнятъ еще пріѣзды великихъ князей Николая и Михаила Павловичей, принца Вильгельма Прусскаго, короля Виртембергскаго и др. Императоръ же и въ слѣдующемъ 1819 году, прѣздомъ черезъ Варшаву, удостоилъ нашъ полкъ, въ числѣ прочихъ войскъ, своего смотра и благоволенія, а на 1е (13е) сентября 1820 года готовилось открытіе новаго сейма и съ нимъ новый рядъ торжествъ и ларадовъ, какими обыкновенно сопровождался въ столицѣ Польши каждый пріѣздъ государя, великихъ князей и иностранныхъ принцевъ.

Государь императоръ пріѣхалъ въ Варшаву еще за двѣ недѣли до открытія, 15го августа, вечеромъ. На послѣдній ночлегъ въ Пулавахъ къ его величеству выѣхалъ на встрѣчу цесаревичъ и государь вмѣстѣ съ нимъ въѣхалъ въ Варшаву въ одной коляскѣ и остановился въ „Бургѣ“. Пребываніе императора въ Варшавѣ на этотъ разъ было довольно продолжительно. До открытія сейма его величество осматривалъ войска, русскія и польскія, дѣлалъ маневры, отдѣльно каждому и обомъ войскамъ вмѣстѣ.

То было время глухихъ броженій и внутреннихъ волненій, которыя болѣе или менѣе тревожили всю западную Европу и, конечно, оказывали свое вліяніе на Польшу, искони уже весьма къ нимъ склонную. Новый Варшавскій сеймъ, безъ всякихъ вѣскихъ основаній, а единственно ради игры въ либеральную оппозицію, съ предубѣжденіемъ принялъ проекты законовъ предложенные правительствомъ и почти безъ соѣщанія отвергнулъ ихъ. Такимъ образомъ, хорошія отношенія между Высочайшею властію и польскими подданными были разрушены и всѣ дарованныя имъ благодѣянія разомъ и окончательно забыты. Съ этихъ поръ тайныя общества, сходки, заговоры стали еще многочисленнѣе. Правительству по необходимости пришлось принимать мѣры предосторожности, а это всего болѣе раздражало революціонеровъ, которымъ хотѣлось бы чтобы правительство спокойно и безпрепятственно дозволяло имъ работать для низверженія самого же себя, но такъ какъ такого дозволенія, конечно, ни въ ка-

кимъ случаѣ быть не могло, то они и вопіяли на всю Европу объ угнетеніи и преслѣдованіяхъ.

Вскорѣ послѣ сейма, продолжавшагося до октября, императоръ отправился на конгрессъ въ Лайбахъ. Возстаніе въ Греціи, движеніе карбонаровъ въ Италіи,—все это заставляло сильно поговоривать о войнѣ. Были слухи что русскую армию предполагается двинуть въ Италію, и что русскій Варшавскій отрядъ первымъ войдетъ въ составъ авангарда. Въ Лайбахъ были вызваны Ермоловъ, Дибичъ, генералъ Нейгартъ, генералъ-интендантъ Кавкринъ и нѣсколько штабъ-офицеровъ, долженствовавшихъ войти въ составъ главнаго штаба дѣйствующей арміи. Главнокомандующимъ назначался Ермоловъ. Войска гвардейскаго корпуса придвинулись къ западнымъ границамъ Имперіи, а Варшавскій отрядъ еще ранѣе получилъ повелѣніе изготвиться къ походу чрезъ австрійскія владѣнія. Однако, около половины апрѣля 1821 года, вопросъ о войнѣ разрѣшился дипломатическимъ путемъ, и государь повелѣлъ остановить дальнѣйшее движеніе авангарда, который въ то время уже приближался къ границамъ Галиціи.

Между тѣмъ, заботы цесаревича объ организаціи польской арміи и Литовскаго корпуса продолжались рядомъ неуспѣшныхъ трудовъ и стараній. Въ особенности первые годы формировація польскихъ войскъ стоили ему многихъ непріятностей и огорченій, причиною которыхъ, главнѣйшимъ образомъ, были разнузданныя привычки и лонятія Поляковъ о принципахъ воинской дисциплины.

Однако, послѣ нѣсколькихъ твердыхъ и крѣпкихъ мѣръ принятыхъ въ отношеніи нарушителей дисциплины и субординаціи, Поляки сдѣлались на счетъ службы неизмѣримо пунктуальнѣе Русскихъ и доводили свой педантизмъ до того что офицеры ихъ дѣлая сутки отбывали въ караулѣ не разстегивая чешуи и не снимая перчатокъ—чего, однако, имъ вовсе не запрещалось,—но за то потомъ, между своими, они, вздыхая, жаловались на „тиранническія“ требованія русскихъ служебныхъ порядковъ, перенесенныхъ на польскую почву. Любимѣйшимъ изъ польскихъ полковъ у цесаревича былъ 4й линейный, извѣстный подъ именемъ „Чвартаковъ“\*. Это были своего рода польскіе „Архаровцы“, забубенныя,

\* Русскіе полки Варшавскаго отряда въ шутку называли „чвартаковъ“ четвертаками или четвериками.

безшабашныя, отлѣтыя головы, которымъ и въ хмѣльномомъ и трезвомъ состояніи равнѣ было „море по колѣна“. Въ 4-й полкъ изъ всей остальной польской пѣхоты переводили порочныхъ и штрафованныхъ людей, и тамъ ихъ вышколивали и переребатывали на новый ладъ. За то не было полка исправнѣе, лучше и щеголеватѣе во фронтовомъ отношеніи; по этому онъ всегда былъ любимой забавой великаго князя, который зналъ въ „Чвартакахъ“ по имени не только всѣхъ офицеровъ, фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ, но и большую часть рядовыхъ и, постоянно ставя этотъ полкъ въ образецъ прочимъ, всегда чувствовалъ веселое расположеніе духа, когда бывало выводилъ его на ученье.\*

Окончательная организація польской арміи и отдѣльнаго Литовскаго корпуса была выполнена только въ первой половинѣ 1823 года, послѣ чего цесаревичъ отправился въ Петербургъ и просилъ государя осчастливить его смотромъ всѣхъ сформированныхъ имъ войскъ. Съ этою цѣлью весь Литовскій корпусъ, вся польская армія и русскій Варшавскій отрядъ въ полномъ своемъ боевомъ составѣ были стянуты въ лагерный сборъ подъ Брестомъ-Литовскимъ. Польскіе и русскіе варшавскіе полки стояли лагеремъ по берегу Буга, около мѣстечка Тираслоа, а Литовскій корпусъ расположенъ былъ по сую сторону рѣки, на тѣсныхъ квартирахъ, въ окрестностяхъ Бреста. Въ этомъ же году было положено чтобы регулярные конные полки имѣли одношерстныхъ лошадей и каждому разъ-навсегда присвоена была какая-либо звѣстная масть. Въслѣдствіе этого между эскадронами полковъ каждой дивизіи былъ произведенъ соответственный обмѣнъ, причемъ лейбъ-улааны цесаревича получили гнѣдыхъ лошадей, на которыхъ должны были впервые представиться государю подъ Брестомъ. Съ тѣхъ поръ нашъ полкъ служить на лошадяхъ гнѣдой масти. Государь императоръ обѣщалъ исполнить желаніе цесаревича, и въ половинѣ августа 1823 года, послѣ маневровъ гвардейскаго корпуса, изволилъ выѣхать въ путешествіе по нѣкоторымъ русскимъ провинціямъ, а черезъ мѣсяць прибылъ въ Брестъ-Литовскъ, въ сопровожденіи великихъ князей Николая и Михаила Павловичей. Въ свитѣ государя находились: графы

\* Воспоминанія М. К. Максимовича.—Замѣтки И. Ульянова Русск. Арх. 1867 и Воспоминанія К. П. Колакова Русск. Старина 1873.



Аракчеевъ и баронъ Дибичъ, исполнявшій на этотъ разъ должность начальника штаба его величества, вмѣсто князя Волковскаго. 17го сентября въ пять часовъ утра, громадная масса соединенныхъ войскъ стояла уже въ нѣсколькихъ лигахъ на обширномъ лѣсномъ полѣ. Вскорѣ прибылъ государь со своею блестящею свитой русскихъ и польскихъ генералъ и флигель-адъютантовъ; цесаревичъ поскакалъ къ нему на встрѣчу съ праваго фланга и подавъ строевой рапортъ, а затѣмъ при звукахъ англійскаго гимна \* и при умолкающемъ ура! стотысячной арміи, начался объѣздъ войскъ. Церемональнымъ маршемъ полка проходили сперва по-дивизионно, а потомъ колоннами. День стоялъ ясный и тихій. Всѣ войска были въ отличнѣйшемъ положеніи, какъ русскія такъ и польскія. Восторгъ сіялъ на лицѣ цесаревича, который былъ счастливъ что представленіемъ вѣрнымъ ему войскъ вполнѣ удовлетворилъ ожиданіямъ своего державнаго брата. Смотръ, являвшій собою одно изъ рѣдкихъ по своей громадности военно-торжественныхъ зрѣлищъ, окончился около пяти часовъ пополудни; государь отъ души благодарилъ цесаревича и его помощниковъ и войска и всѣхъ частныхъ начальниковъ. Людямъ даны были щедрыя денежныя и порціонныя награды. На слѣдующій день его величество занимался частными осмотрами въ которыхъ отдѣльнымъ воинскимъ частямъ и разнымъ заведеніямъ въ городѣ, въ особенности военнаго госпиталя, а на 19е число назначенъ былъ общій арміямъ большой двухсторонній маневръ, который начался въ шесть часовъ утра и продолжался до шести часовъ пополудни. Всѣ эволюціи пѣхоты, конницы и артиллеріи производимы были съ замѣчательною быстротою, стройностію и въ отличнѣйшемъ порядкѣ. Императоръ былъ вполнѣ доволенъ маневрами и многократно въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, благодарилъ цесаревича за отличное состояніе вѣрныхъ ему армій.

Къ крайнему прискорбію всѣхъ, на маневрахъ этихъ случилось весьма непріятное происшествіе. Во время слѣдованія императора по фронту польской кавалеріи, его вели-

\* Англійскій гимнъ, до времени сочиненія флигель-адъютантомъ и начальникомъ Придворной Пѣвческой Капеллы А. Ф. Львовымъ музыка на слова В. А. Жуковскаго *Боже Царя храни*, служилъ для русской арміи во время національныхъ гимновъ.

чество изволилъ потребовать къ себѣ одного полковника, для отдачи ему какого-то приказанія. Полковникъ подскакалъ къ государю съ правой стороны и, выслушавъ слова его поворотилъ свою лошадь вправо, причѣмъ она вдругъ лягнула и подковою задней ноги ударила въ правое берцо императора. \* Несмотря на довольно сильный ударъ по такому чувствительному мѣсту, государь не показалъ наружно ни малѣйшаго чувства сильной боли и оставался верхомъ до самаго окончанія маневровъ, ни мало не измѣняя своего положенія. По возвращеніи же на квартиру, его величество тотчасъ потребовалъ своего медика баронета Вилье, который нашелъ правое берцо распухшимъ въ такой мѣрѣ что салотгаль нельзя было снять, а пришлось разрѣзать его чтобъ осмотрѣть ногу. Ушибъ оказался довольно сильный, но императоръ, наложивъ на него компрессъ изъ гулардовой воды, снова одѣлся въ походную форму и немедленно вышелъ къ обеденному столу, къ которому приглашено было слишкомъ двѣсти человекъ генераловъ и штабъ-офицеровъ обѣихъ армій. Цесаревичъ чрезвычайно встревожился этимъ приключеніемъ и уже отдавалъ было приказаніе строжайше изслѣдовать всѣ обстоятельства дѣла, которыя, по его мнѣнію, были тѣмъ важнѣе что виновнымъ явился офицеръ польской арміи. Но государь, узнавъ о распорядженіи великаго князя, тотчасъ же приказалъ оставить происшествіе безъ всякаго изслѣдованія и выразилъ свое желаніе чтобы полковникъ отнюдь не былъ признаваемъ виновнымъ въ этомъ неприятномъ приключеніи. На другой день, 20го сентября, его величество, страдая отъ боли въ ногѣ, выѣхалъ изъ Бреста въ Волынскую губернію.

Этотъ смотръ оставилъ собою какъ бы особую эпоху въ жизни участвовавшихъ въ немъ войскъ. Въ настоящее время корпусные сборы стали дѣломъ весьма обыкновеннымъ, но въ тѣ времена, когда войска далеко не отличались тою подвижностію какаа требуется современными условіями военна-

\* Въ изложениіи этого происшествія мы придерживаемся редакціи лейбъ-медика его величества А. Д. Тарасова (см. *Русскую Старину* 1871 года кн. XII, стр. 612). Другой же очевидецъ, М. К. Максимовичъ, свидѣтельствуеъ что это былъ не полковникъ польской кавалеріи, а бригадный генералъ 25й дивизіи Литовскаго корпуса, Феле, лошадь котораго, будучи круто поворочена на заднѣ при салотгаль, лягнула государя въ ногу.

и дѣла, собрать довольно быстро дѣлающую армию, какъ сдѣлалъ это цесаревичъ, было дѣломъ весьма не легкимъ и вполнѣ обнаружало образцовый порядокъ въ какомъ находились въ части военного хозяйства и администраціи въ войскахъ славянскихъ его высочествомъ. Служаки того времени, въ ихъ воспоминаніяхъ, обыкновенно раздѣляли эпохи своей жизни и службы „до смотра подъ Брестомъ и послѣ него“.

Къ 1824 году относится учрежденіе Гродненскаго гусарскаго полка на правахъ молодой гвардіи. Формировалъ его, по порученію цесаревича, нашъ старый одолочанинъ, полковникъ Карлъ Евстафьевичъ Штрайтманъ, который и былъ назначенъ командиромъ Гродненцевъ. Учрежденіемъ этого полка окончилось формированіе Варшавской гвардейской кавалерійской дивизіи и вмѣстѣ резервнаго корпуса войскъ, составившихъ подъ начальствомъ цесаревича Константина Павловича. \* Полки лейбъ-гвардіи: Подольскій кирасирскій и уланскій цесаревича составили первую бригаду, а Гродненскій съ польскимъ конно-егерскимъ—вторую. Начальникомъ этой дивизіи назначенъ былъ польской службы генералъ Куратовскій.

Весною 1825 года русскія войска Варшавскаго отряда опять имѣли счастье видѣть въ своей средѣ императора Александра Павловича. Но это было уже въ послѣдній разъ. На весну этого года назначенъ былъ третій срочный сеймъ въ Варшавѣ и государь предположилъ принять личное участіе въ его открытіи. Любовь его къ Полякамъ къ этому времени намного уже охладѣла. Изъ горькаго опыта услѣдовалъ, наконецъ, убѣдиться что за всѣ его добрыя намѣренія, за всѣ дары и благодѣанія ему заплачено ненавистью и неблагодарностью.

4го апрѣля, на третій день Пасхи, назначенъ былъ выѣздъ въ высочайшее путешествіе изъ Царскаго Села. Въ 7½ часовъ утра его величество выѣхалъ со свитомъ, еще по снѣгу, при полномъ располѣвѣ и разливѣ рѣкъ; но чѣмъ далѣе къ юго-западу, тѣмъ путешествіе становилось пріятнѣе: начинала отъ Ружанъ, уже съ каждою верстой замѣчалось посте-

\* Корпусъ этотъ состоялъ: 1) изъ кавалерійской дивизіи, 2) сводной гвардейской и гренадерской дивизіи, 3) конной артиллеріи гвардейской легкой № 34 батареи и гвардейской польской батареейной (старая), 4) пѣшей артиллеріи гвардейской роты № 51 и гренадерской артиллерійской бригады.

ленное развитіе весенней природы. Погода была очаровательная, и когда 15го апрѣля государь вѣхалъ въ Варшаву—весна была уже въ полномъ развитіи: всѣ сады благоухали, и великолѣпные каштаны Уjazdовской аллеи красовались въ полномъ цвѣтѣ. На другой день по прибытіи его величества, цесаревичъ началъ представлять своему державномъ брату войска, сначала по частямъ, а потомъ на общемъ маршѣ, послѣ котораго, спустя нѣсколько дней, сдѣланы были большіе маневры въ окрестностяхъ Варшавы. Императоръ на этотъ разъ вообще былъ очень доволенъ войсками, которыя по справедливости заслужили своимъ отличнымъ состояніемъ полное благоволеніе и награды его величества.

Между тѣмъ 1го (13го) мая начались въ Замкѣ засѣданія сейма. Императору ежедневно представлялся протоколъ преній, изъ котораго онъ не рѣдко съ прискорбіемъ усматривалъ что депутаты, вмѣсто сужденій о благоустройствѣ и общихъ интересахъ Царства, занимаются пустыми спорами еще болѣе пустою игрой въ совершенно безсмысленную оппозицію, исполненную однихъ лишь общихъ красиво-пустозвонныхъ фразъ, да разными мелочными дразгами и личными счетами между собою. Спустя двадцать дней по прибытіи въ Варшаву, его величество предпринялъ путешествіе для обозрѣнія нѣкоторыхъ воеводствъ (губерній) Царства, и здѣсь то имѣлъ онъ случай воочию убѣдиться въ тѣхъ плодахъ матеріальнаго благосостоянія какіе доставлены были его попечительностью этой странѣ, еще столь недавно бѣдствовавшей и разоренной. Въ какіе-нибудь десять лѣтъ по всѣмъ главнымъ направленіямъ были устроены прекрасныя шоссе, сѣвныя дороги; земледѣліе, скотоводство и садоводство доведены до возможнаго совершенства; промышленность повсюду видимо возрастала; разные заводы и фабрики, преимущественно суковныя, обращали на себя своимъ цвѣтущимъ состояніемъ особенное вниманіе государя. Простой сельскій людъ вездѣ на пути благословлялъ и благодарилъ своего царя; зато интеллигентные представители на шумномъ сеймѣ металъ свои перуны.

По возвращеніи въ Варшаву, государю императору благоугодно было самому лично закрыть засѣданіе сейма, который уже окончивалъ свои занятія. 1го іюня, въ десятомъ часу утра, начался съѣздъ высшихъ сановниковъ и депутатовъ въ королевскій Замокъ. Войска Варшавскаго отряда встрѣяли

были на Зигмунтовой Площади, фронтомъ ко дворцу. Прекрасный день придавалъ еще болѣе блеска этому торжественному государственному собранію. Около полудня, императоръ, въ полной генеральской польской формѣ, взшелъ на тронъ, поставленный въ сеймовой залѣ. Тронная рѣчь его величества, произнесенная на французскомъ языкѣ, произвела на слушателей глубокое впечатлѣніе. Одинъ изъ очевидцевъ \* замѣчаетъ что никогда еще не удостоивался онъ видѣть императора Александра „въ такомъ поражающемъ, кеземномъ величіи“, что во взорѣ его „изумительно выражались: могущество, провидательность, кротость и благоволеніе“. Эта рѣчь была послѣднимъ общественнымъ актомъ императора Александра Іго въ Польшѣ. Въ этотъ день и нашъ русскій отрядъ въ послѣдній разъ имѣлъ счастье видѣть его.

На другой день рано утромъ его величество выѣхалъ изъ Варшавы.

Не прошло и полугода какъ Россія была поражена горестною вѣстью о кончинѣ государя. Первое извѣстіе о семъ пришло въ Варшаву 25го ноября вечеромъ. Въ это время у цесаревича гостилъ великій князь Михаилъ Павловичъ. Движеніе въ городѣ и въ войскѣ сдѣлалось необычайное. Всѣ готовились къ присягѣ и ждали только приказаній. Къ Брюссельскому дворцу безпрестанно подѣзжали отовсюду гонимы, азытанты, наконецъ и сами начальники, сановники церкви и гражданскихъ управленій; но приѣма не было и дежурный азытантъ его высочества передавалъ всѣмъ одно и то же, что „приказанія въ свое время будутъ объявлены, а пока все остается попрежнему“ \*\*.

Наконецъ, приказаніе было отдано и войска русскаго отряда вмѣстѣ со всею Польшей присягнули на вѣрноподданство его императорскому величеству государю императору Николаю Павловичу.

Первымъ актомъ высочайшей милости новаго монарха къ шефъ-гвардіи уланскому цесаревича полку было пожалованіе грамоты на серебряныя Георгіевскія трубы, полученныя полкомъ въ даръ отъ императора Александра Іго еще въ 1818 году. Грамота эта удостоена высочайшей подписи въ 1826

\* Д. Е. Тарасовъ. *Русская Старина* 1872 года, кн. III, стр. 385.

\*\* Воспоминанія П. А. Колзакова. *Русск. Стар.* 1870, кн. V, стр. 497.

году, въ приспомятый день вступленія русскихъ войскъ въ Парижъ 19го марта.

Первому командиру нашего полка, генералъ-лейтенантъ Альбрехту, не довелось представить свой полкъ на высочайшій смотръ новому государю. Послѣ десятилѣтняго образцоваго командованія уланами цесаревича и вмѣстѣ съ тѣмъ первую гвардейскую кавалерійскую бригадой, Александръ Ивановичъ скончался въ 1828 году, искренно оплаканный цесаревичемъ, и сослуживцами и подчиненными. Высочайшимъ приказомъ отъ 14го іюля того же года, на мѣсто покойнаго назначенъ былъ генералъ-майоръ Иванъ Васильевичъ Марковъ 3й, начавшій службу свою въ 1807 году корнетскаго чина въ лейбъ-уланскомъ цесаревича полку продолжавшій ее безъ перерыва, по переименованіи полка въ лейбъ-гвардіи уланскомъ и, наконецъ, въ лейбъ-гвардіи уланскомъ его высочества.

Въ 1829 году императоръ Николай Ій, царь Польскій, вѣнчался на царство въ столицѣ Польши.

1го мая пріѣхалъ въ Варшаву великій князь Михаилъ Павловичъ, а 4го мая, послѣ обѣдни, цесаревичъ вмѣстѣ съ его высочествомъ отправились въ Яблонну на встрѣчу государя императора, который со своею августѣйшею супругой и Государемъ Наслѣдникомъ, прибывъ для коронованія изъ Птербурга, остановился на ночлегъ въ Яблоннѣ.

Великіе князья возвратились въ Варшаву въ тотъ же вечеръ, а на другой день съ утра стали собираться войска становились шпалерами вдоль улицъ, отъ самой Модлинск заставы.

Ій эшелонъ войскъ былъ поставленъ за полверсты отъ заставы, близъ того мѣста гдѣ были отведены и извѣстно устроены два домика для государя и императрицы. Въ 10<sup>1</sup>/<sub>2</sub> часовъ утра всѣ уже стояли на назначенныхъ мѣстахъ. День былъ ясный и теплый. Великіе князья въ половинѣ 10го выступили изъ замка верхами, а за ними вся свита поскакала чрезъ новый Вислинскій мостъ на Прагу и остановилась у двухъ мѣшковъ, гдѣ ожидали уже прибытія великихъ князей четь польскіе министра и Н. Н. Новосильцевъ, сидѣвшіе въ золотыхъ каретахъ. Президентъ города съ депутатами назначенными для поднесенія хлѣба-соли стояли тутъ же, вмѣстѣ съ лицами свиты. Народу кругомъ, по улицамъ, въ окнахъ на кровляхъ было видимо-невидимо. Въ 11 часовъ завидѣли

на дорогѣ государя императора, подъѣзжавшаго въ открытой коляскѣ, вмѣстѣ съ Государемъ Наслѣдникомъ. Подъѣхавъ къ домику, его величество вмѣстѣ со своимъ Августѣйшимъ Сыномъ тотчасъ же сѣли на лошадей. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ поднесъ императору строевой рапортъ,—и всѣ двинулись вслѣдъ за его величествомъ вдоль по фронту трехъ кавалерійскихъ полковъ, стоявшихъ за заставой. То были Подольскіе кирасиры, польскіе гвардейскіе конно-егеря и польскій же 1й конно-егерскій его императорскаго высочества Государя Наслѣдника полкъ. Вслѣдъ затѣмъ къ другому домику подъѣхалъ экипажъ императрицы—и ея величество вышла изъ кареты. Государь же императоръ, доѣхавъ до заставы, вернулся назадъ, и тутъ-то президентъ города встрѣтилъ его съ хлѣбомъ-солью. Его величество послалъ городскую депутацію къ императрицѣ, которой и была поднесена хлѣбъ-соль, вмѣстѣ съ привѣтствіемъ президента, и самъ, сойдя съ лошади у порога своей квартиры, отправился вмѣстѣ съ Государемъ Наслѣдникомъ и великими князьями къ завтраку, по окончаніи котораго, сигнальная ракета возвѣстила начало торжественнаго въѣзда царя Польскаго въ свою столицу.

Его величество со свитой сѣлъ верхомъ, императрица помѣстилась въ парадной каретѣ одна, и блистательный, великолѣпный кортежъ тронулся къ заставѣ. Кирасирскія трубы первыми грянули „походъ“, который, по мѣрѣ приближенія кортежа, былъ переиначиваемъ другими полками,—и вотъ, при грохотѣ лупшекъ и звукахъ гимна, при русскомъ „ура!“ и польскихъ „виватахъ“, при звонѣ колоколовъ со всѣхъ костельныхъ башенъ, медленно двигалась процессія по разукрашеннымъ, праздничнымъ улицамъ веселой Варшавы. Видъ былъ торжественный. Вниманіе войскъ и громадной массы зрителей изъ народа жадно устремлялось на царя и на его отрока-Сына, ѣхавшаго почти о-бокъ со своимъ родителемъ, и затѣмъ перебѣгало безчисленными взорами на привѣтливое лицо императрицы, дарившей величаво-ласковые поклоны изъ открытыхъ оконъ своей пышной кареты.

Наконецъ, въ половинѣ перваго часа, кортежъ прибылъ къ замку, и царственные особы, въ сопровожденіи громадной и блистательной свиты, войдя подъ стѣну его древнихъ покоевъ, направились прежде всего въ церковь, гдѣ былъ отслуженъ молебень. На сей день церемонія этимъ и кончилась.

Когда всё развѣхались, государь императоръ отправился в Брюлевскій дворецъ, сдѣлать визитъ цесаревичу и его супругѣ, а затѣмъ, всѣ лица царственной семьи собрались на семейный обѣдъ въ королевскій замокъ. Съ наступленіемъ тихаго, теплаго вечера, весь городъ заблесталъ роскошною иллюминаціей: въ особенности хорошо былъ иллюминированъ общественный садъ Красинскаго. На Краковскомъ предмѣстьи и на Новомъ Свѣтѣ окна и балконы, украшенные днемъ коврами и драпировками, блистали теперь огненными фестонами и гирляндами. Во многихъ мѣстахъ свѣтились транспаранты съ вензелями Н и А, а предъ дворцомъ сверкалъ щитъ громадныхъ размѣровъ. Народъ толпился въ улицахъ и встрѣтилъ громадными „виватами“ государя, когда его величество изволилъ проѣхать вечеромъ въ открытой коляскѣ въ Брюлевскій дворецъ, къ цесаревичу Константину.

На другой день былъ разводъ на Саксонской Площади, гдѣ отборный караулъ, составленный изъ самыхъ лучшихъ молодцовъ и красавцевъ нашего полка, имѣлъ счастье впервые представляться императору Николаю I. Погода какъ нельзя болѣе благопріятствовала церемоніи; множество любопытныхъ стеклось вокругъ площади смотрѣть на парадъ; всѣ балконы и окна были наполнены дамами. Императрица смотрѣла изъ оконъ квартиры генерала Куруты. Ровно въ 10 часовъ на площадь прибылъ его величество вмѣстѣ съ Государемъ Наслѣдникомъ и пошелъ по фронту. Послѣ развода было представленіе всей свиты цесаревича и начальствующихъ лицъ, которыхъ его высочество самъ представлялъ государю императору поименно. Въ Саксонскомъ Саду, гдѣ тоже было множество народа, играла музыка, и Государь Наслѣдникъ ходилъ туда гулять.

Въ оба слѣдующіе дня, 7го и 8го мая, тоже происходили разводы и представленіе императрицъ во дворцѣ всей гвардіи и штабъ-офицеровъ арміи, при чемъ былъ „baise-main“, а 9го мая, въ 9<sup>1/2</sup> часовъ утра русское и польское войско было выстроено для высочайшаго смотра на Мокотовскомъ Полѣ. Государь прибылъ на плацъ верхомъ, въ лентѣ Бѣлаго Орла, императрица же въ парадной коляскѣ цугомъ съ верховыми жокеями, и рядомъ съ его величествомъ изволила проѣхать по фронту, вмѣстѣ съ камеръ-фрейлиной графиней Орловой. Войска стояли въ дивизіонныхъ и баталіонныхъ колоннахъ въ четыре линіи. Приближаясь къ Іму конно-



ерскому полку, его величество приказалъ Государю Наслѣднику, какъ шефу этого полка, стать предъ онымъ и потомъ парадировать во главѣ его фронта. Появленіе одинадцатилѣтняго царственнаго Отрока на флангѣ шефскаго эскадрона привело въ вѣтузіазмъ солдатъ сего полка. Послѣ высочайшаго объѣзда начался церемоніальный маршъ, причемъ цесаревичъ Константинъ самъ велъ парадъ. Пѣхота проходила по-взводно, кавалерія по-эскадронно, и потомъ всѣ вообще войска густыми колоннами. Государь Наслѣдникъ представлялъ свой полкъ его величеству. Парадъ окончился въ полдень, и государь императоръ остался имъ чрезвычайно доволенъ, благодарилъ цесаревича и всѣхъ начальниковъ отдѣльных частей, а нижнимъ чинамъ, кромѣ щедрой мясной и винной порцій, пожаловалъ еще по рублю на человѣка.

Въ первомъ часу того же дня, предъ Брюлевскимъ дворцомъ, собрались герольды съ ассистентами и конвоемъ польско-гвардейскаго конно-егерскаго полка. Въ сопровожденіи генерала Викентія Красивскаго, поѣхали они до Замковой площади Зигмунта, гдѣ остановились предъ дворцомъ и читали манифестъ о коронаціи, разбрасывая печатные экземпляры его толпамъ народа. Отсюда, раздѣлившись на два отряда, поѣхали они по всѣмъ улицамъ Варшавы и на всѣхъ площадяхъ читали то же объявленіе. 12го мая, еще съ восьми часовъ утра, русскія и польскія войска стали занимать назначенныя имъ мѣста на Замковой Площади и въ ближайшихъ улицахъ; артиллерія расположилась по берегу Вислы. Камерійскіе солдаты были разставлены шпалерами отъ самаго дворца, изъ сенатской комнаты, до дверей Свято-Явскаго кафедральнаго собора. Промежъ ихъ рядовъ простирался деревянный помостъ, устланный сукномъ малиноваго цвѣта. Въ половинѣ 10го часа начался съѣздъ во дворецъ. Вся дворцовая площадь и пристроенная галлерей уже кишѣли народомъ,—стеченіе публики было громадное. День стоялъ превосходный, но жаркій; знамена и флаги не колыхались. Въ 11 часовъ изъ дворца тронулась процессія съ государственными регаліями и короною къ кафедральному костелу, а въ первомъ часу, по освященіи всѣхъ этихъ вещей послѣ литургіи, возвратилась съ ними въ комнаты государя. Черезъ полчаса регаліи вынесены были въ тронную залу и заняли мѣсто противъ трона. Тогда императоръ изволилъ выдти вмѣстѣ

съ августѣйшею супругой и сталъ на свое мѣсто. Примасть прочелъ молитву и провозгласилъ его величество королемъ Польскимъ. При семъ послѣднемъ словѣ надъ Вислою грянули пушки. Затѣмъ первые сановники облекли государя въ порфиру поднесенную примасомъ вмѣстѣ съ короной, скипетромъ и державой. Все это было поднесимо его величеству вышнимъ сановникомъ польской церкви въ постепенномъ порядкѣ и съ приличествующими молитвами. Царскую корону государь самолично возложилъ на свою голову. Затѣмъ двое великихъ князей, Константинъ и Михаилъ Павловичи, подвели къ нему императрицу, которая преклонила колѣна, и онъ надѣлъ на свою августѣйшую супругу орденскую цѣпь Бѣлаго Ора и корону, послѣ чего ея величество стала съ нимъ рядомъ у трона. Государь преклонилъ колѣно и произнесъ молитву на французскомъ языкѣ, по окончаніи которой опустилась на колѣни императрица, вмѣстѣ со всѣми присутствовавшими, и сталъ читать молитву примасъ. За симъ началось шествіе. Шестнадцать полковниковъ несли балдахинъ надъ императрицей, шестнадцать генераловъ, держа за пышныя кисти, шли при немъ ассистентами. Государь, въ коронѣ и порфирѣ, со скипетромъ и державой въ рукахъ, вышелъ изъ воротъ замка и сталъ впереди; за нимъ шли великіе князья Константинъ и Михаилъ, потомъ подъ балдахиномъ императрица, при которой ассистентами были графъ Соболевскій и графъ Красинскій; потомъ шелъ Государь Наслѣдникъ съ супругой цесаревича Константина, а за ними уже весь дворъ и свита. Грянули пушки, колокола, музыка, *ура* и *сваты*, знамена преклонились предъ шествовавшимъ монархомъ. Блестящія дамы аристократическаго круга наполняли галлерею, нарочно устроенную при дворцѣ, откуда видъ былъ неподобный. Все это въ совокупности являло одно изъ рѣдкихъ и торжественнѣйшихъ зрѣлищъ. По выслушаніи благодарственнаго молебна въ каѳедральномъ костелѣ, высочайшая процессія тѣмъ же порядкомъ возвратилась въ замокъ, и къ двумъ часамъ дня торжество коронаціи было окончено.

Начался длинный рядъ праздниковъ, торжествъ, баловъ и банкетовъ. Множество лицъ обоихъ половъ получили почетныя званія и награды чинами и орденами. Царь Польскій щедрою рукой разсыпалъ вокругъ себя милости и благоволеніе своимъ подданнымъ.

16го мая, послѣ развода, вся свита собралась у костела Св. Александра и верхами ожидала пріѣзда государя, который прибылъ въ половинѣ перваго часа. Въ этотъ день былъ народный праздникъ на площади. Противъ Уяздовскаго госпиталя были накрыты столы на 10.000 человекъ и приготовлены разныя увеселенія и представленія, кругомъ устроены кстрады для зрителей, а въ срединѣ роскошный шатеръ для царской фамилии, свиты и иностранныхъ особъ. Около часу прибылъ сюда государь и поѣхалъ верхомъ за коляской императрицы, сопровождаемый длинною вереницей блистательной свиты. Обѣхавъ по каштановымъ аллеямъ мѣсто народнаго пира, царская фамилія вошла въ шатеръ, и тогда, по третьей ракетѣ, началось угощеніе. Народу со зрителями собралось до 50.000; видъ былъ безподобный и погода весьма благопріятствовала празднеству. Его величество, подъ копей паршества, проѣхалъ верхомъ между всеми столами, при громкихъ кликахъ народа.

18го мая, утромъ, государь императоръ дѣлалъ на Мокотовскомъ Полѣ смотръ и ученіе гвардейской кавалерійской дивизіи и остался весьма доволенъ войсками. Всѣмъ офицерамъ нашего полка отдамо было въ приказѣ высочайшее благоволеніе, а вечеромъ этого дня они въ особенности были польщены тѣмъ что на балу у графа Замойскаго его величество, вмѣстѣ съ цесаревичемъ Константиномъ, изволили присутствовать въ мундирахъ нашего полка, и оставались до двухъ часовъ ночи, дая, въ теченіе этого бала, многихъ изъ нашихъ уланъ милостивымъ своимъ вниманіемъ.

Цесаревичъ Константинъ въ обыкновенные дни всегда носилъ сюртукъ Подольскаго кирасирскаго полка, на балахъ же появлялся не иначе какъ въ нашей уланской формѣ. Въ тѣ времена, всѣ военные, за исключеніемъ однихъ уланъ, обязаны были являться на балы не иначе какъ въ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ; цесаревичъ же не любилъ ни чулокъ, ни башмаковъ, и отсюда его предпочтеніе для баловъ нашей уланской формы \*.

На слѣдующій день, 19го мая, пріѣхалъ въ Варшаву Вильгельмъ, принцъ Прусскій, нынѣ его величество императоръ Германскій, и присутствовалъ у развода вмѣстѣ съ государемъ, а вечеромъ со всею царскою фамиліей въ театрѣ, гдѣ

\* Воспоминанія и разказы М. К. Максимовича.

давали новую польскую оперу, нарочно сочиненную по случаю торжествъ коронаціи. 22го мая императрица вмѣстѣ съ привѣтомъ Вильгельмомъ изволила выѣхать въ Берлинъ, а 23го въ полдень оставилъ Варшаву и государь императоръ, отправившись за Калишъ для свиданія съ королемъ Прусскимъ. Блистательный концертъ знаменитаго Паганини закончилъ длинный рядъ варшавскихъ торжествъ и праздниковъ\*.

Въ слѣдующемъ 1830 году государь императоръ вновь посетилъ Варшаву, въ виду открытія сейма. Пребываніе его величества въ столицѣ Польши въ этомъ году продолжалось двѣнадцать дней, съ 7го по 19е іюня. 8го іюня, по обыкновенію, праздновали день учрежденія Царства Польскаго, и вмѣстѣ съ симъ открытіе сейма. Начавшись съ этого дня, военныя торжества слѣдовали одно за другимъ. Войска были собраны въ лагерѣ. 9го іюня на Мокотовскомъ Полѣ государь смотрѣлъ ученіе полковъ польской уланской дивизіи, а 10го польской же конно-егерской. 14го іюня, раннимъ утромъ училась въ присутствіи его величества гвардейская кавалерійская дивизія со своею артиллеріей, а 19го іюня всѣмъ войскамъ расположеннымъ въ городѣ и его окрестностяхъ сдѣланъ былъ общій двухсторонній маневръ, послѣ котораго государь императоръ оставилъ Варшаву, закрывъ наканунѣ засѣданія сейма. Награды его величества, по обыкновенію, были весьма щедры: за каждый разводъ, за каждый парадъ, смотръ и ученье произведенные въ его присутствіи оны жаловала людямъ по рублю денегъ, по фунту мяса и винную порцію; офицерамъ же, всѣмъ безъ исключенія, выражалъ свое монаршее благоволеніе и благодарность. При этомъ и великій князь Константинъ Павловичъ, въ одномъ изъ своихъ приказовъ, заявилъ что войска „въ полной мѣрѣ удовлетворили его ожиданіямъ“, выражалъ увѣренность что „всемиловѣннѣшія его императорскаго величества благоволенія, объявленныя войскамъ неоднократно, послужатъ для нихъ вящимъ поощреніемъ къ усугубленію ихъ стараній и усердія, дабы и впредь, въ лучшемъ еще устройствѣ и блистательнѣйшемъ видѣ, могли они представляться предъ лицо

\* Разказъ о торжествахъ коронаціи 1829 года составленъ на основаніи полковыхъ приказовъ, разказовъ М. К. Максимовича и диваника П. Козакова. (*Русская Старина*, 1873, кн. IV, стр. 448—455).

милостивѣйшаго государя и удостоиться счастія заслужить высоконааршее благоволеніе“.

Въ этотъ же пріездъ въ Варшаву его величество изволилъ пожаловать полку, для ежедневнаго употребленія, пятнадцатъ серебряныхъ трубъ съ надписью: „лейбъ-гвардіи уланскаго его императорскаго высочества полка“.

Прослѣдивъ представленный здѣсь очеркъ военного быта и жизни въ Варшавѣ съ 1814 по 1830 годъ, читатель можетъ видѣть что эта жизнь, при всѣхъ своихъ удобствахъ и служебныхъ выгодахъ, являлась почти непрерывнымъ рядомъ военныхъ и общественныхъ торжествъ и праздниковъ. Служба, конечно, всегда стояла на первомъ планѣ, да и какъ было не служить, какъ было не заниматься своимъ дѣломъ, если цесаревичъ не уставалъ ободрять и поощрять всѣхъ безъ исключенія своихъ подчиненныхъ къ прямому и дѣятельному исполненію ихъ долга, всегда цѣня и отличая усердіе и честное отношеніе къ дѣлу. Но были и свои слабыя стороны, о которыхъ вотъ что говоритъ одинъ изъ современниковъ: „Шесть годъ за годомъ въ непрерывныхъ весельяхъ и удовольствіяхъ. Казалось *повидимому* что два единоплеменные народа, прежде такъ долго враждовавшіе между собою, должны были наконецъ слиться въ неразрывныхъ узахъ братства и любви. Русскіе всѣ заговорили по-польски; вся наша военная молодежь обзавелась „коханками“ и ломышляла только о любовныхъ интригахъ, о танцахъ и другихъ увеселеніяхъ; а красивыми ланшами такъ щедро надѣлена Варшава. Какъ войско Аннибала, очарованное въ стѣнахъ Калуи, съ безлечностью предавалось всѣмъ прелестямъ веселой жизни, такъ и русское воинство въ Варшавѣ, прельщенное и ослабленное, утопало въ наслажденіяхъ чувственныхъ, не заботясь о будущемъ и не думая вовсе что могутъ настать когда-нибудь худшія времена.“\*

И эти времена наконецъ настали.

ВСЕВОЛОДЪ КРЕСТОВСКІЙ.

\*Воспоминанія Козакова, *Русская Старина* 1873, кн. IV, стр. 443.

---

# МОИ ПЕРВЫЯ ИСПЫТАНІЯ И УСПѢХИ, СОБЛАЗНЫ И ДѢЛА

---

ВОСПОМИНАНІЯ ОДИССЕЯ ПОЛИХРОНИАДЕСА, ЗАГОРСКАГО  
ГРЕКА \*

---

## I.

Я слова беру перо, мой добрый другъ. Я обѣщаль тебѣ *когда-нибудь*, когда придется, еще и еще разказать о моей юности, о первыхъ и робкихъ шагахъ моихъ на жизненномъ пути земномъ, загадочномъ пути, тернистомъ и прекрасномъ; на этомъ пути неудержимаго теченія, котораго и самый близкій, завтрашній кочлеъ сокрытъ для насъ за страшною завѣсой никѣмъ не разгаданной тайны...

Ты похвалилъ мои первые отрывки. Они понравились тебѣ больше чѣмъ я ожидалъ, сознаюсь величественно. Тѣмъ лучше. Твое сочувствіе ободряетъ меня. Не искусство мое нравится тебѣ, мой другъ, повѣрь мнѣ; тебѣ нравится правда жизни, изображаемая мной.

Я буду продолжать; но прошу тебя не думай чтобъ это было такъ легко и просто, какъ ты можешь-быть полагаешь.

Все это далеко отъ меня; съ тѣхъ поръ прошло лѣтъ десять. И я иной, и все вокругъ меня другое.

Теперь мнѣ скоро тридцать лѣтъ. Я женатъ уже второй

---

\* Повѣствованіе это состоитъ въ ближайшей связи съ разказомъ того же автора *Мое дѣтство и наша семья*, помѣщеннымъ въ №№ 6, 7 и 8 *Русскаго Вѣстника* 1875; большая часть дѣйствующихъ лицъ въ обоихъ разказахъ одни и тѣ же.

разъ, женатъ по любви; я счастливъ въ бракѣ, ты знаешь— я не бѣдѣю, я богатъ скорѣе. У ногъ моихъ играютъ наши дѣти.

Предъ окнами моими не долина Янины, не безлѣсная гора тихаго, суроваго и живописнаго Эпира: предъ ними течетъ Дунай, извиваясь въ камышахъ по плоскимъ полямъ Добруджи и Молдавіи; не мулы, тяжело навьюченные, всходятъ медленно по каменнымъ уступамъ; здѣсь пароходы спѣшатъ опередить другъ друга съ шумомъ, свистомъ, дымомъ и толпой. Здѣсь ларуса кораблей бѣлѣютъ предъ самыми домами моими, а не сѣвѣ далекихъ и родныхъ высотъ.

Другая жизнь, другіе люди, встрѣчи, чувства вовсе новыя, нынѣ, чѣмъ были *тамъ, тогда!*...

Ты помнишь ли на чемъ остановился мой первый разказъ?

Ты помнишь—я остался въ городѣ одинъ безъ отца и безъ матери, безъ покровителей и почти безъ денегъ... Добрый отецъ мой благословилъ меня и уѣхалъ въ Тульчу.

„Что-то ждетъ меня въ Янинѣ? Что-то ждетъ меня молодого, глупаго одинокаго и всѣмъ теперь въ этомъ городѣ чужаго?“ такъ думалъ я, когда разстался съ нимъ въ хану.

Проливая слезы, возвращался я шагомъ на мулѣ къ городу, который такъ красиво разсыпался туда и сюда тихими и веселыми предмѣстьями по узкой и зеленой долинкѣ, между двумя высокими стѣнами обнаженныхъ горъ. Озеро было тихо, и въ лазурныхъ водахъ его суровою и прекрасною твердыней воздвигалась турецкая крѣпость на дикихъ скалахъ, поросшихъ древнимъ плющомъ и кустарникомъ. На тонкомъ мшистомъ крѣпостномъ звалѣ ходжа мусульманъ къ полдневной молитвѣ, и его голосъ, звучный, сильный и пріятный, издали долеталъ до меня....

Подъ городомъ мирно паслись стада овецекъ, бряцающая по звонкамъ; и весь городъ какъ-будто бы весело покоился въ радостномъ сіяніи яснаго зимняго полудня. И мое взволнованное сердце поемному утихало и открывалось для болѣе угѣшительныхъ чувствъ...

Подъѣхалъ я къ высокой стѣнѣ, за которой была скрыта церковь Св. Марины, сошелъ съ мула и сказалъ себѣ: „Теперь смотри, *морé*\* Одиссей!.. Ты самъ отцу сказалъ что у тебя

\* *Морé*—глупый, глупелькій; на Востоку почти заклятое слово и употребляется въ родѣ нашего слова *братъ*.

есть свой разумъ; а ты самъ знаешь, несчастная твоя голова, что начало всякой премудрости есть страхъ Божій. Смотри же теперь!"

Я разсѣдлалъ мула, поставилъ его на мѣсто и пошелъ поклониться отцу Арсенію. Старикъ принялъ меня благодушнѣе и даже радостно.

— Теперь-то мы тебя Яніотомъ настоящамъ сдѣлаемъ. сказалъ онъ.

И я сталъ жить у него. Очень скоро привыкъ я къ тихому церковному двору. Мнѣ пришлось по вкусу его просторъ, его чистота; большія каменные плиты которыми онъ былъ мощенъ; понравились мнѣ и могилы около церкви; онъ всѣмъ имѣли видъ деревянныхъ саркофаговъ и во всѣхъ нихъ съ одного конца была стеклянная дверка, за которой родные умершихъ зажигали лампадки. Когда вечеромъ, въ темнотѣ за церковью, сіяли эти кроткія звѣзды родственной любви, я думалъ, глубоко вздыхая, о чемъ-то и печальномъ и пріятномъ, о чемъ-то дальнемъ, дальнемъ, и утѣшительномъ и страшномъ.... О чемъ?.. Теперь я понимаю, тогда я погялъ и сказать не умѣлъ.

Началъ я въ училище ходить. Увидалъ я тамъ множество дѣтей и большихъ юношей, такихъ же какъ и я. Учителя хвалили мои познанія. Одинъ изъ нихъ заставилъ меня изложить на новомъ и простомъ греческомъ языкѣ отрывокъ изъ Омира. Я изложилъ. Учитель былъ доволенъ и спросилъ: „Ты не ученикъ-ли господина Несториди?“ Я сказалъ: „Да, господинъ учитель, я ученикъ господина Несториди.“— „Браво тебѣ, папикарь ты мой, bravo и наставнику твоему почтенному.... Высокословесный человекъ твой наставникъ господинъ Несториди, онъ похвальба и слава нашему знаменитому Эпирю!.. bravo тебѣ, bravo!“

Потомъ учитель оставилъ меня и спросилъ у другихъ большихъ учениковъ:

— А чтѣ же это за боги эти у Омира, которые все бранятся между собой какъ наши лодочники и носильщики, и всякому смраду грѣха и невоздержности всей безсмертною душой свей предаются?

Всѣ молчали. Одинъ изъ учениковъ сказалъ наконецъ:

— Это все неправда. Это все глупости и сказки!

Хитрый учитель помолчалъ и потомъ вдругъ обратясь ко мнѣ сказалъ:



— Ты, Загорецъ, скажи мнѣ одну вещь: ты кто такое... Турокъ ты, или Нѣмецъ, или Армянинъ!..

Я помнилъ всѣ уроки Несторидины и быстро воскликнулъ:

— Я Эллинь! господинъ учитель, я Эллинь! Мы всѣ здѣсь Эллины....

— Прекрасно! однако чему же ты радъ?.. Эллины древніе были ослы или неразумныя малыя дѣти... такъ говоритъ вотъ этотъ товарищъ твой. Они, говоритъ онъ, все глупости сочиняли.

Такъ изловчился учитель лукавый; но на этого рода вещи и у меня были, какъ говорится, очень „открытые глаза“.

Я минуточку, только одну минуточку, помедлилъ въ недоумѣніи и потомъ вдругъ сказалъ такъ:

— Нѣтъ, господинъ учитель, простите! Наши великіе предки, знаменитые Эллины, были одарены возвышенною мудростью. Но они не были просвѣщены вѣрой истинною. Они поклонялись собственнымъ слабостямъ и страстямъ; они боготворили злыхъ духовъ и демоновъ злобы, блуда, лжи и коварства...

Учитель отступилъ отъ меня на шагъ съ удивленіемъ и сказалъ еще разъ:

— Bravo тебѣ, Загорскій юноша! bravo тебѣ! а откуда ты это знаешь, скажи мнѣ, молодой мудрецъ?

Я опустилъ глаза и сказалъ, краснѣя:

— Вотъ знаю!...

Учитель улыбаясь настаивалъ; я тогда поднялъ на него смущенные отъ радости глаза мои и сказалъ:

— Я читалъ объ этомъ въ житіи Св. Екатерины Великомученицы. Она была царскаго рода и очень образована. Она все знала....

Тутъ у меня голосъ прервался отъ стыда и волненія; но учитель самъ покраснѣлъ отъ удовольствія и, потрепавъ меня ласково по плечу, сказалъ:

— Сиди! сиди!. Успокойся! Изъ тебя выйдетъ, я вижу, такой именно человекъ какихъ намъ нужно теперъ. Кланяйся отъ меня господину Несториди, когда будешь ему писать, и скажи ему что мы всѣ давно его ждемъ сюда и что я первый жажду его просвѣщенной бесѣды, какъ елень источниковъ водныхъ!

Такъ помогъ мнѣ Богъ въ этотъ день! И возвращаясь

домой, я сказалъ себѣ опять: „Эй, морé Одиссей несчастный!.. Все хорошо пока, все хорошо!“

Все хорошо, все отлично, мой добрый другъ, но тѣ соблазнительные и прекрасные демоны которымъ воздвигали столбчатые храмы наши блистательные предки, эти коварныя бѣсы безсмертны; они незримо живутъ и въ нашихъ совѣстныхъ слабыхъ сердцахъ; они рѣютъ неслышными тѣнями вокругъ, гаумясь надъ нашими грѣхами и поднося безпрестанно къ жаднымъ устамъ юности благоухающую чашу наслажденія, на днѣ которой скрытъ ядъ духовной гибели и муки поздняго покаянія!..

Однажды (дня черезъ два не больше послѣ моего перваго триумфа въ гимназiи) около меня сѣлъ одинъ ученикъ, ужь большой и по виду мнѣ сверстникъ, но въ самомъ дѣлѣ онъ былъ постарше меня. Одѣтъ онъ былъ по-европейски широкою шляпу свою любилъ носить на бокъ съ особымъ молодечествомъ. Лицомъ онъ былъ красивъ, смѣлъ, весель прiятель, хотя и очень смуглъ; глаза у него были черные огневые. Онъ захотѣлъ самъ познакомиться со мной и сказалъ мнѣ что онъ сынъ греческаго драгомана, старика, котораго я зналъ уже въ лицо. Имя этому юношѣ было Аристидъ. Отецъ его былъ съ Ионическихъ острововъ, а мать Италiянка.

Аристидъ въ тотъ же день увелъ меня изъ училища къ себѣ домой; потомъ пришелъ и къ намъ на дворъ Св. Марины, и мы стали съ тѣхъ поръ постоянно вмѣстѣ ходить и проводить время. Въ первые же дни нашей дружбы онъ началъ учить меня худу и говорилъ: „Стой, я тебѣ на все открою глаза!“ Онъ зналъ всѣ тайныя городскiя исторiи надъ всѣмъ смѣялся; представлялъ учителей; зналъ всѣ кафеи, всѣ самые дальнiе переулки въ городѣ; зналъ кто кого любить и кто кого ненавидитъ. Онъ разказывалъ мнѣ множество анекдотовъ, полныхъ соблазна. Меня одни изъ нихъ смѣшили, другiе ужасали, но смущали и тревожили меня равно тѣ и другiе... „Много ты знаешь, Аристидъ!“ говорилъ я ему; а онъ хвалился: „Погоди еще, ты и лучше этого отъ меня услышишь!“

Несмотря на то что Аристиду было только всего восемнадцать лѣтъ, онъ уже старался нравиться женщинамъ и дѣвушкамъ и проводилъ иногда цѣлые вечера въ бѣдномъ предмѣстiи Канлы-Чешме, которое у насъ имѣетъ очень худую славу

Онъ прекрасно ѣздилъ верхомъ, никого не боялся и не стыдился, ходилъ и въ разные консульства, посѣщалъ и самыхъ простыхъ людей, и вездѣ заводилъ и дружбу и ссоры. Ссорился съ учителями и переставалъ ходить въ школу, а бралъ уроки дома, да и то когда вздумается, потомъ опять возвращался въ училище. Онъ былъ большой другъ съ молодымъ Туркомъ Джемилемъ. Отецъ Джемила былъ тотъ самый драхмъ Сеферъ-эффенди, съ длиннымъ и горбатымъ краснымъ носомъ, который ласкалъ меня и говорилъ мнѣ персидскіе стихи „о стройномъ киларистѣ“ когда мы съ отцомъ гостили у доктора. Джемилю было семнадцать лѣтъ. Мальчикъ онъ былъ тоже красивый, но бѣлокурый, съ большими тихими голубыми глазами, лѣнивый, немного глупый и отцомъ ужасно избалованный. По цѣлымъ часамъ занимался онъ голубями, цыплятами, барашками раскрашенными на спинѣ и головѣ розовою краскою. Пѣсни пѣлъ сидя на камнѣ у воротъ отцовскихъ, или игралъ на улицѣ съ самыми маленькими дѣтьми; или по цѣлымъ часамъ бросалъ въ потолокъ бумажками, скрученными въ трубочки и разжеванными съ одного конца, и веселился что онѣ прилипали къ потолку. Старый эффенди никогда его не бранилъ, и когда заставлялъ его за такими пустяками, утѣшался самъ и дрожа отъ радости и смѣха говорилъ: „дита!! *дѣсу-дѣсу!*!“ И кончено.

Дружба Аристиды съ Джемилемъ была такъ велика что они иногда по цѣлымъ днямъ не расставались. Уходили вмѣстѣ на охоту; верѣдко старый эффенди, котораго драгоманъ греческій навималъ чтобы давать Аристиду уроки турецкаго языка, посылалъ вмѣсто себя сына или приглашалъ Аристиду къ себѣ, и тогда вмѣсто уроковъ начинались шалости и шутки.

Въ турецкой азбукѣ есть буквы: „*айенъ, гайенъ*“ и еще „*лаъ-алифъ*“ и „*вау*“. Вотъ они оба вмѣстѣ и начнутъ прыгая твердить сперва: *айенъ-гайенъ! айенъ-гайенъ!*... А потомъ закричатъ вмѣстѣ: *лаъ-алифъ-вау!* изо всѣхъ силъ, и дразнить другъ друга: *вау! вау! вау!* а старый эффенди хочеть и радуется на нихъ.

Они и ему то же: *вау! вау!*; и онъ не только не сердится, а еще и самъ принимаетъ въ этомъ участіе. Приподнимается дрожащими ногами на дылочки и тоже къ нимъ на встрѣчу длиннымъ носомъ своимъ киваетъ какъ птица и кричить: „*вау!*“

Я бѣднаго и добраго старика этого душевно полюбилъ и думая о немъ и телерь, когда уже его давно нѣтъ на свѣтѣ верѣдко повторяю то въ чемъ сознаются въ минуту искренности и примиренія всѣ не мусульманскіе жители Турціи „что ужь добрѣе добраго Турка не найти человѣка на свѣтѣ!“

Онъ и мнѣ, и Аристиду радъ былъ всегда, какъ бы собственнымъ дѣтямъ своимъ, какъ роднымъ братьямъ своего обожаемаго Джемиля.

Онъ встрѣчалъ насъ и трясся, и смѣяся, и восклицая: „Добро пожаловать! Милости просимъ! Счастливаго утра вамъ!“ Меня всегда подергаетъ за щеку рукой и заговоритъ иногда опять о „Киларисѣ“ или начнетъ возвышенно декламировать по-турецки:

„Однажды я былъ огорченъ и спряталъ голову мою въ воротникъ моей одежды. Но внезапно принесся изъ степи вѣтръ, наловившій благоуханіями рая... Я взглянулъ и увидалъ предъ собою щеку, подобную слоеной кости, обдѣланной въ драгоценное черное дерево юныхъ кудрей...“

Такія онъ вещи мнѣ говорилъ и мы всѣ смѣялись, слушая его; а съ Аристидомъ онъ обращался иначе. Привѣтствуя его, онъ сжималъ свой слабый, старческій кулакъ, чтобъ изобразить его силу и отвагу, и говорилъ по гречески: *Ина!* \* паликаръ! *Бобѣ!* \* человѣкъ! *бобѣ!* \* Или, указывая мнѣ на него съ отеческою радостью восклицалъ: „Что намъ съ нимъ дѣлать? *Дели-Канлы!* Бѣшеная юная кровь!“

Аристидъ начальствовалъ надъ нами; у него было гораздо больше олытности чѣмъ у насъ съ Джемилемъ и потому во всѣхъ увеселеніяхъ и шалостяхъ и предпріятіяхъ онъ предводилъ, а я, и еще больше Джемиль, повинивались ему. Я говорю особенно Джемиль. Если случалось что Джемиль чего-нибудь не хотѣлъ или на что-нибудь не соглашался, Аристидъ упрощивалъ его ласковыми словами: „Ага ты мой прекрасный! Паликаръ ты мой! Киларисъ ты! Алельсинъ ты! лимонъ ты мой!...“ И лѣнивый Джемиль, потягиваясь и зѣвая, соглашался. Иногда, когда онъ уже очень упорствовалъ, то Аристидъ махая на него прямо рукою называлъ его безстраха и совѣсти: „Э! ты старая турецкая дрянь!“ или напротивъ того молча бралъ его обѣими руками за его

\* Междометіа, служащія для изображенія силы, ума или молодечества.

сѣтія полныя щечки и говорилъ: „Поди сюда, дитя мое!“ и дѣлалъ его въ губы и въ глаза. Тогда Джемилъ шелъ за нѣмъ покорно, какъ идетъ за хозяиномъ раскрашеный всякою аггенокъ. Я дивилася этой дружбѣ и снѣжности съ которой Аристидъ бранилъ Джемилъ. Но Аристидъ однажды стѣчалъ мнѣ:

— Ты бѣдный Турко-райя и потому боишься. А я Грекъ свободнаго королевства! Кого мнѣ бояться? А кто меня обязать для того вотъ что готово... И, нагнувшись, онъ досталъ изъ сапога своего складной широкій и преострый ножъ.

— Снѣжный же ты молодецъ! сказалъ я, вдыхая и завидуя.

Отъ времени до времени, послѣ прилежныхъ занятій, мнѣ было очень весело видѣться съ Аристидомъ и Джемилемъ. Джемилъ хотя былъ и не умелъ и не разговорчивъ, но всегда радъ былъ меня видѣть, вводилъ меня къ отцу и угощалъ въ изобиліи всякими сладостями, кофеемъ и табакомъ, на который денегъ у меня еще не было; что касается до Аристиды, то устоять противъ него когда онъ былъ ласковъ или веселъ было очень трудно. Многое впрочемъ не нравилось мнѣ въ шалостяхъ и во вкусахъ его; часто они были вовсе не дѣтскіе и не женскіе; совсѣмъ другаго рода, непохожіе ни на „*айен-гаденъ*!“ ни на бумажныя трубочки Джемилы. Радъ Аристидъ взялъ съ собою на гулянье, которое было заготовлено въ праздникъ, нитки и иглоу и смилъ таконько въ тѣснотѣ платья двумъ небогатымъ женщинамъ; онъ хотѣлъ разойтись; платье у одной разодралось. Женщины начали кричать и ссориться; мужа и знакомые вступились. Занятіе подошло унимать. Я отъ страха и стыда сидѣлъ полумертвый и такъ и ждалъ что насъ съ Аристидомъ изобьютъ или сквѣтятъ и отведутъ къ лашѣ; а онъ сидѣлъ около меня на камнѣ спокойно и смотрѣлъ равнодушно и только мнѣ шепталъ: „молчи! молчи!“

Ничаго обругать, старуху на улицѣ толкнуть, товарища въ училищѣ прибить, дѣвущкѣ, проходя мимо, сказать непристойность,—все это нравилось Аристиду. Джемилъ самъ ничего ни худаго, ни хорошаго, ни вреднаго, ни забавнаго выдумать не могъ, во всѣмъ дурнымъ поступкамъ Аристиды онъ смѣялся и радовался отъ души и говорилъ только: „Аманъ! Аманъ! Смотри, смотри, что онъ дѣлаетъ!“ И прыгалъ и руколаескалъ тогда отъ восторга.

Меня же все это очень огорчало и безпокоило мою совесть. Я нередко уходилъ отъ нихъ съ досадою, или укорялъ ихъ напоминая что это грѣхъ, что это жалко или страшно.

Джемила на минуту тогда задумывался и смотрѣлъ безпокойно то на меня, то на Аристиду. Но Аристидъ толкалъ меня, говоря: „Молчи ты! у пола живешь и самъ скоро погъ будешь... Убирайся, если тебѣ что не нравится... Вареная ты говядина, а не папикарь.“

Потомъ на другой день въ училищѣ или на улицѣ онъ съ улыбкой и ласковыми словами протягивалъ мнѣ руку, обнималъ меня и я снова ему поддавался.

## II.

Могла ли нравиться отцу Арсенію моя дружба съ Аристомъ и Джемилемъ?

Конечно не могла. Отецъ Арсеній, былъ священникъ старинный, по старинному хорошій. Онъ не учился богословію ни въ Константинополѣ, ни въ Кіевѣ, ни въ европейскихъ городахъ, не зналъ германской вышней апологетики, зналъ которую, быть-можетъ, и справедливо гордится теперь наше новое духовенство. Для него все было ясно, просто и неизблемо. „Старое православіе одно хорошо; остальное все неправда; все даже смѣшно и нестерпимо глупо!“

Когда онъ говорилъ: „о политизмдс“ (просвѣщеніе), надъ было ловимать подъ этимъ словомъ „христіанство“, и христіанство настоящее, идеальное, то христіанство которое иные зовутъ „мистическимъ“, безъ всякаго прямаго отношенія къ земному блаженству всего рода человѣческаго; однимъ словомъ, то христіанство которое и я зову истиннымъ и которому я, теперь уже зрѣлый человѣкъ и семьянинъ необходимый, какъ ты знаешь, остался вѣренъ, вопреки во всемъ слабостямъ, всѣмъ слабостямъ моимъ и глубокимъ грѣховнымъ паденіямъ; вопреки тому что съ равныхъ лѣтъ я началъ слышать вокругъ себя советамъ иное, вопреки растлѣвающимъ примѣрамъ и грубо-чувственнымъ и самымъ изящнымъ, самымъ вѣжнымъ и тихо искусительнымъ примѣрамъ.

И теперь, живя не въ горахъ незабвенной моей родины но на дальней чужбинѣ, среди иной природы, на берегахъ мутнаго, торговаго и многолюднаго Дуная, среди иныхъ людей

и самъ уже совсѣмъ иной, настолько измѣнившійся ма-  
ленько дѣловя обремененная осенними плодами разнится отъ  
многого полудикаго побѣга, который просить ухода и забот-  
ливой прививки отъ рукъ искуснаго садовника. И теперь,  
говорю я, съ любовью и почтеніемъ хранить сердце мое па-  
мять о старцѣ этомъ и добромъ, и строгомъ, и простомъ за  
то что онъ поддерживалъ во мнѣ въ самый опасный и вос-  
дѣдливый возрастъ мой тѣ чистыя, суровыя преданія, ко-  
торыхъ духовный ароматъ наполнялъ воздухъ вокругъ очага  
нашей Загорской семейной сватыши.

Отецъ Арсеній не читалъ мнѣ безпрестанныхъ наставленій:  
онъ и не умѣлъ ихъ долго читать; онъ становился красно-  
рѣчивѣе лишь подъ вліяніемъ очень сильнаго чувства досады  
или радости. У него была дурная привычка въ обыкновенное  
время безпрестанно повторять одни и тѣ же слова, самая  
извѣстная: „Будьте здоровы! будьте здоровы! Кланяюсь  
вамъ, кланяюсь вамъ, кланяюсь! Отчего? отчего? отчего?“  
и на этомъ нерѣдко останавливалась его рѣчь.

Но его собственный образъ жизни былъ уже самъ по себѣ  
наставленіемъ.

И вотъ и теперь я съ улыбкой (съ такой улыбкой съ ка-  
кой я желалъ бы чтобы мой собственный сынъ вспоминалъ  
обо мнѣ!) вспоминаю о сѣдинахъ его; вижу предъ собой его  
исобыкновенно длинную бѣлую бороду, которую онъ иногда  
брызгалъ шутя за козлецъ и, приподнимая его, говорилъ: „не  
Арсеніемъ надо звать меня, а недостойнымъ Онуфриемъ,  
Онуфриемъ, Онуфриемъ грѣшнымъ! а? а? а?“ (Потому что  
Св. Онуфрія великаго пустынника изображаютъ съ сѣдою  
бородой до колѣвъ и ниже).

И твердилъ онъ опять: „Онуфрій! Онуфрій!“ и смѣялся, и  
хотѣлъ, и веселился такимъ своимъ простымъ словамъ.

Вставалъ онъ рано, рано до свѣту, шелъ служить въ цер-  
ковь или прочитывалъ то что нужно по уставу; домой воз-  
вращаясь, садился у горящаго очага, выпивалъ одну турец-  
кую чашечку кофе и долго молча курилъ агарянской нарчи-  
е, размышляя предъ огнемъ очага... Это была его дань пла-  
ти и турецкому на насъ вліанію. Потомъ онъ занимался.  
Онъ заботился о переводѣ всего Св. Писанія съ греческаго  
на албанскій языкъ. Онъ полагалъ что и творенія нѣкото-  
рыхъ св. отцовъ, какъ разъясняющихъ болѣе въ приложеніи  
къ жизни евангельское ученіе, необходимо было бы пере-

вести на этотъ языкъ. Онъ самъ былъ родомъ Албанецъ его мать, столѣтняя старица, которая тогда еще была жива и жила въ одномъ дальнемъ горномъ селеніи, ни словъ не знала по-гречески.

Многіе люди высшаго класса въ Яниѣ укоряли отца Арсенія за эти ученые труды его. Они говорили ему: „Оставилъ бы ты, старче, лучше въ покоѣ своихъ Арнаутовъ *блѣшати никогѣ!* Азбуки у нихъ своей, слава Богу, нѣтъ: написана она, какъ слышно было у насъ, на капустныхъ листьяхъ вы ее съѣли. Оно и лучше такъ. Не довольно развѣ съ насъ столькохъ народностей, которыя какъ левелы пробивались по всему Востоку изъ-подъ благодатныхъ восточныхъ эллинской пшеницы? Молдо-Валахи, Сербы, Болгары-дьяволы, Кудо-Влахи, изъ которыхъ намъ неизвѣстно еще что даясь выйдеть. Останутся дикіе Арнауты при своемъ неписьменномъ языкѣ, падеть скоро Турція и мы овладѣемъ хоть ими посредствомъ нашего божественнаго языка, такъ какъ быть и нравы ихъ схожи съ нашими, и станутъ они хорошими Греками, какъ стали Судіоты и другіе подобныимъ, ибо они прямо изъ варварской гомерической безграмотности своей влились въ свѣтлый потокъ нашего вѣковѣчнаго эллискаго просвѣщенія. А утвердишь ты языкъ ихъ писаніемъ, хотя бы нашими буквами, хотя бы турецкими, и вырастетъ еще одна голова у этой ужасной Гидры, съ которою даже Ираклу всеильнаго греческаго ума не подѣ статъ бороться, ибо разнородныя главы эти, которыя зяютъ и насъ и съ Дуная, и изъ Балканскихъ ущелій, и съ Черногорскихъ высотъ, и изъ дальней Арабской Сиріи, — всѣмъ этимъ зящимъ главамъ'одина неизмѣримо обширный желудокъ-кормилецъ открытъ въ гилерборейскомъ мракѣ Невскихъ береговъ! Да и что за языкъ этотъ вашъ арнаутскій Іонъ-Предтеча, „Іоаннисъ Прѣдромосъ“, по-албански выходитъ „Яни-Перідромосъ“— „Яни-чума“. Это даже и грѣхъ-бы такъ говорить и писать; а такъ говорится и переводится.“

Такъ полусмута, полусерьезно говорили отцу Арсенію иныя кулцы, доктора и ученые наставники наши. Такъ говорилъ Куско-бей, такъ говорилъ особенно Несториди нашъ, когда былъ въ Яниѣ. Если была въ словахъ этихъ и шутка, то лишь потому что всѣ люди это знали: не справиться старцу и съ сотою долей того труда который онъ желалъ бы свершить. Но отецъ Арсеній былъ истинный, искренній полтъ



онъ былъ и патриотъ, конечно какъ всякій Грекъ, но пристрастіе *политическое* никогда не могло въ немъ исказить и затмить вполне *духовнаго*, настоящаго православія, простой и великой мысли о *загробномъ спасеніи многихъ душъ*, осужденныхъ неизбежно здѣсь на землѣ вѣчно страдать и вѣчно грѣшнить!

И на всѣ эти умныя рѣчи, въ которыхъ, надо сознаться, было много односторонней истины, съ точки зрѣнія нашего греческаго этно-филиетизма, отецъ Арсеній отвѣчалъ свое: „Нѣтъ, добрый человѣче мой, нѣтъ. Надо и этихъ ржавыхъ людей просвѣтить истиннымъ свѣтомъ!.. Когда еще они выучатся такому высокому языку, какъ эллипскій, а пока пусть на своемъ читаютъ. А Греки не пропадутъ до скончанія міра, не бойся, не бойся, не бойся! Говорятъ, Петръ Великій Россійскій сказалъ: „Музы, покинувъ Грецію, обойдутъ весь міръ и снова возвратятся на свою родину...“ Не бойся, Россія и Греція—вотъ два столпа вселенскаго православія, и Греки, самъ Господь нашъ Богъ милосердный хранитъ!“

Имѣлъ случалось слышать въ домѣ отца Арсенія такіе слоры и не только слышать, но даже и понимать ихъ такъ хорошо, какъ только могъ понимать я ихъ въ тѣ годы. Выразить и разказать словами я тогда не могъ, конечно, и соютой доли того что могу выразить теперь; но понимать полу-сознательно, полу-чувствомъ, полу-мыслью, я понималъ очень много и тогда.

Въ минуты свободныя отъ своихъ занятій отецъ Арсеній училъ азбуку своихъ маленькихъ внучатъ; иногда шутилъ и смѣялся съ ними, заботливо вникалъ въ ихъ распри, разспрашивалъ подробно, мирилъ и даже билъ ихъ иногда, но не крѣпко, не гнѣваясь въ сердцѣ своемъ и приговаривая: „Еще хочешь? еще? морѣ-мошеникъ ты этакой? А?“

Ме бѣдными онъ былъ милостивъ и жалостливъ и нерѣдко закурчалъ богатымъ людямъ, ходя по домамъ и выдрашиная у нихъ для этихъ бѣдныхъ деньги, когда у него самого не доставало. Старый Бичо, Бакырѣ-Алмазъ иногда, принимая его у себя, восклицалъ: „Ужь вижу я, ты опять хочешь, мой полтъ, размочить меня легонечко, чтобы поскорѣй въ царство ушко пропустить меня въ рай!.. Нѣтъ, дай ужъ немножко во грѣсахъ отдохнуть, сердечный ты мой!“

Но отецъ Арсеній настаивалъ смѣясь, и шутилъ настаивая, и хоть не много, но добывалъ денегъ отъ почтеннаго архонта, который и самъ впрочемъ былъ человѣкъ набожный и добрый.

Меня старецъ самъ иногда будилъ рано и полусоннаго велъ съ собой въ церковь, напоминалъ какого святаго седьмаго дня, заставлялъ лѣтъ и читать, чтобы не отставать отъ церковной діаконіи, а по большимъ праздникимъ и по воскреснымъ днямъ я и всегда лѣлъ и читалъ Апостола, какъ дома въ Загорахъ.

Могъ ли такой старецъ благосклонно относиться къ моему новой дружбѣ съ молодымъ сорви-головой Корфіотомъ и съ Турченкомъ, который какъ почти Турчата всѣ у насъ считался нѣсколько развращеннымъ?

Послѣ того какъ Аристидъ и Джемилъ посѣтили меня раздѣла, отецъ Арсеній спросилъ у меня: „Часто ты бываешь у этого *калдырилъ-челибелъ*, у этого *граниталъ мостовой* (улицы наго барина)?“

Я солгалъ и сказалъ что рѣдко. Мнѣ было такъ весело съ Аристидомъ! „Какъ знаешь,“ сказалъ священникъ: „только я скажу тебѣ, берегись ты такихъ молодцовъ.“ Большому на первый разъ ничего не сказалъ; а я посѣтилъ только предупредить моихъ друзей, чтобы они на нашъ дворъ не ходили за мною часто, и что я и самъ ихъ найду гдѣ нужно. И стали мы почти неразлучною троицей: то Аристидъ, то у Джемилъ въ домѣ, то за городомъ, то дальнихъ кофеенъ на дужайкахъ, и все смѣхъ громкій, веселыя лѣсни, разговоры непрстойные, пересуды и насмѣшки надъ старшими... Я заботился только объ одномъ, чтобы не слишкомъ опаздывать вечеромъ; тогда бы отецъ Арсеній замѣтилъ что я уже слишкомъ много гдѣ-то гулялъ и узналъ бы истину.

Аристидъ не разъ уговаривалъ меня сходить съ нимъ вмѣстѣ въ *предмѣстье* и посѣтить которую-нибудь изъ лучшихъ городскихъ *сетеръ*. Онъ говорилъ:

— Куда хочешь: хочешь къ Амиѣ, хочешь къ Вьенѣ, хочешь къ Ницѣ; хочешь, наконецъ, къ черной Арабкѣ Бесире? Я ихъ всѣхъ знаю. Арабка—это любопытнѣе; у Амины волосы очень густые и длинныя; Вьена лучше всѣхъ смѣяться и шутить умѣетъ; а Ница первая по красотѣ и такая благородная, какъ самая важная мадама. Въ шелковомъ черномъ платьѣ, и родинка на щекѣ, и даже братъ у нея родной офицеромъ въ Эладѣ служить. Ее наши любили. Куда хочешь?

И вздыхалъ и говорилъ что мнѣ страшно и грѣхъ.

Онъ называлъ меня дуракомъ и опять немного погодя предлагалъ то же.

— Видь не въ монахи же ты готовишься.!

— Грѣхъ! отвѣчалъ я ему.

И было мнѣ очень жалко чистоты моей.

Однако я рѣшился наконецъ и пошелъ съ нимъ. Онъ повелъ меня къ Вьенѣ, которую онъ больше другихъ любилъ и веселый нравъ.

Было тогда темный вечеръ; вѣтеръ дулъ сильный: листья въ садахъ шумѣли, мнѣ казалось, какъ-то сильнѣе и страшнѣе обшкловеннаго. Аристидъ несъ фонарь; я шелъ за нимъ и сердце мое крѣпко билось. Наконецъ привелъ онъ меня въ узкій и темный переулокъ, по глубокой грязи, и остановился у маленькаго казатки въ большой и длинной стѣнѣ.

Онъ хотѣлъ уже постучаться, но я остановилъ его и сказалъ ему:

— Аристидъ, душа моя, Аристидъ!.. Подожди!.. Окажи мнѣ, именемъ Бога тебя умоляю, что мы тамъ будемъ дѣлать? Умоляю тебя!..

— Не бойся! не бойся, глупый, отвѣчалъ Аристидъ, — ничего мы не будемъ худаго дѣлать. Сядемъ, поклонимся старухѣ теткѣ и Вьенѣ самой. Онъ скажутъ: „Добраго вечера. Какъ ваше здоровье?“ А мы скажемъ: „Благодарю васъ, какъ ваше?“ Онъ опять: „Благодарю васъ...“ Потомъ варенаго хорошаго и кофе намъ подадутъ, вина и сигарки.... Мы поговоримъ благородно и вѣжливо, и уйдемъ.

Еслибъ онъ не упоминалъ о винѣ, я бы можетъ-быть пошелъ сильнѣе; но мысль о винѣ напугала меня еще больше. Я подумалъ что могу напиться пьянъ и тогда кто знаетъ на что я рѣшуся!.. Я вспомнилъ въ этотъ мигъ кроткія очи матери, воздвѣтыя къ небу съ мольбою, отца большаго и трудолюбиваго на дальнемъ Дунаѣ въ борьбѣ со злыми людьми; веселый, правда, но опытный, испытующій взглядъ отца Арсенія и густыя брови Несториди, который такъ сердечно ненавидѣлъ всякій развратъ.... Ночь была такъ темна... Листья надъ страшною стѣной такъ страшно шумѣли...

— Нѣтъ! сказалъ я, — нѣтъ, Аристидъ, лусги меня... Я стыжуся...

Аристидъ началъ стучаться.

— Постой, Аристидъ, говорилъ я, — постой!..

— Зачѣмъ?

— Говорятъ тебѣ, я стыжусь... Боже мой! Боже!... Стыжусь я; морé Аристидъ мой, стыжуся..

Аристидъ оттолкнулъ меня отъ замка и началъ орать стучаться. Но въ эту минуту я вырвалъ изъ другой руки его фонарь (онъ былъ мой, а не его) и убѣжалъ домой по камнямъ и грязи, преслѣдуемый его проклятіями и бранью.

Я два три послѣ этого былъ печаленъ, вздыхалъ, молчалъ, твердилъ слова псалма: „Окропиши мя иссопомъ, и очищуся; омыени мя, и лаче снѣга убѣюся“; уроки даже, которые я всегда вытверживалъ такъ прилежно, и тѣ не давались мнѣ.

Мнѣ казалось что и отецъ Арсеній, и старушка парамана его, учителя всѣ и на улицѣ всѣ встрѣчае на лицѣ моемъ видать душу мою и говорятъ себѣ: „Вотъ онъ, этотъ распутный мальчишка Одиссей, который вчера былъ у блудной Вьены... не подходите къ нему и не пускайте его къ себѣ въ домъ!..“

Однако я напрасно тревожился. Никто не говорилъ мнѣ о Вьенѣ, никто даже и не замѣтилъ моего волненія и моей тоски. Отецъ Арсеній не наблюдалъ меня внимательно; у него были иныя заботы. Ему нужно было что-нибудь болѣе ясное, чтобы привлечь все его вниманіе на состояніе моей нравственности. Это ясное не замедлило случиться.

Черезъ мѣсяцъ послѣ моего ночного бѣгства отъ дверей Вьены, я встрѣтилъ на улицѣ Джемма. Я давно у него не былъ и онъ сталъ звать меня къ себѣ.

У него была привычка довольно мило ласкаться и ломаться, когда онъ кого-нибудь изъ сверстниковъ о чемъ-нибудь просилъ, и расположеніе его ко мнѣ было кажется искреннее.

— Пойдемъ ко мнѣ, говорилъ онъ ласкаясь,—я тебѣ скажу, все у меня есть.. Все! все! Табакъ есть, конфеты есть, варенье изъ вишенъ есть... кофе есть... раки есть. Аристадъ придетъ.

Я зашелъ; пришелъ скоро Аристидъ и началъ угощать меня раки, смѣшанною съ водой, и предлагалъ закусывать сладостями и самъ пилъ приговаривая: „Я все думаю о томъ, когда ты человѣкомъ будешь!“ Я выпилъ три стаканчика, мнѣ понравилось; я выпилъ шесть, выпилъ еще и не совсѣмъ пьяный, а не такой какъ всегда, пошелъ домой.

Дорогой со мной поровнялся старый кавасъ Ставри, поздоровался и спросилъ объ отцѣ моемъ. Я, будучи уже какъ

былъ себя, началъ говорить съ нимъ на улицѣ пространно и громко, разсуждая о дѣлахъ какъ большой и опытный пукъ.

— Да, Ставри ага мой! оказалъ я важно и небрежно:—да, офенди мой, въ варварской въ этой странѣ жить трудно хорошему человѣку. Отецъ мой, конечно, какъ ты знаешь, человѣкъ хорошаго общества и состояніе имѣеть значительное по нашему мѣсту и въ дружбѣ величайшей состоитъ съ такими важными людьми какъ господинъ Благовъ и господинъ Бакъевъ и вашъ эллинскій консулъ... Съ докторомъ Коешино въ родствѣ и въ древнѣйшей пріязни...

— Ну, Коешино чтѣ! оказалъ Ставри:—Коешино дуракъ! Онъ никакихъ порядковъ не хочетъ знать...

Съ этими словами кавасъ хотѣлъ проститься и уйти отъ меня, но я удержалъ его за руку и началъ такъ громко увѣщавать его чтобъ онъ взялъ въ расчетъ общественное положеніе отца, безпорядки турецкой администраціи и мои собственные усилія на поприщѣ науки, для будущаго благоденствія нашей семьи, увѣщавалъ его такъ шумно и многозначительно, что прохожіе не разъ оглядывались на насъ и самъ Ставри, понявъ въ чемъ дѣло, порывался уйти. Много разъ останавливался я его почти насильно, увѣряя что „хотя этотъ свѣтъ и суетный, однако трудиться необходимо“, и что „весомѣнно за грѣхи нашихъ протцевъ, великое Эллинское племя находится въ томъ жалкомъ положеніи въ которомъ мы его видимъ теперь...“

— Богъ! все это Богъ! восклицалъ я, указывая на небо.

— Оставь ты, дитя, теперь има Божіе, сказалъ мнѣ наконецъ старшій кавасъ.—Иди отдохни. Ты вынмалъ, я вижу...

Меня это замѣчаніе нисколько не смутило. Мы были уже у воротъ Св. Марина; я опять на минуту удержалъ Ставри и отвѣчалъ ему:

— Это ты правъ, киръ-Ставри. Но, знаешь самъ, выпить съ друзьями не грѣхъ... И Песамолавецъ сказалъ: „Вино веселитъ сердце человеческое, и хлѣбъ сердце человеческое укрѣпляетъ...“

Ставри наконецъ вырвался у меня, а я взошелъ шумно на дворъ, напивъ одну насмѣшливую пѣсню про Ялинскую дѣвцу, которая когда-то съ равныхъ лѣтъ, „проклятая“, постриглась въ монахини и хотѣла жить свято, „въ расѣ и съ четками“, у церкви Св. Марина, а потомъ выходила на встрѣчу

юношамъ и говорила: „Прекрасный юноша! приди въ мою келью, мы будемъ тамъ одни и я лежу тамъ завернувшись въ расу, какъ свѣжій сыръ въ полотнѣ.“

Никогда я не позволялъ себѣ лѣть громко на дворъ у отца Арсенія и тѣмъ болѣе такія свободныя лѣсны. Я прошелъ прямо на кухню и не замѣтилъ что отецъ Арсеній сѣдитъ за мной изъ открытаго окна. Въ кухнѣ я началъ разсуждать громко и шутить со старою параманой.

Взялся помогать ей, все раслѣвая громко „о молодой червѣцѣ“, и началъ укорять ее въ томъ что женщина она и хорошаа, но не умѣетъ дѣлать такъ вкусно иныя кушанья какъ дѣлаетъ моя мать...

Парамана смѣялась и уговаривала меня не кричать...

— Возьми лучше отнеси всѣ эти тарелки наверхъ, сказала она.

Я взялъ пять, шесть тарелокъ въ обѣ руки и, стоя посреди кухни, запѣлъ героическую лѣсню:

„Олимпъ и Киссамось—двѣ горы спорятъ—  
„И говоритъ Олимпъ...“

Въ эту минуту въ кухню вошелъ отецъ Арсеній, лосмо трѣлъ на меня съ минутой пристально, подошелъ и далъ мнѣ сильную пощечину, не говоря ни слова.

Я успѣлъ только воскликнуть „за что!“ и уронилъ всѣ тарелки, которыя и разбились въ дребезги.

Послѣ этого мнѣ сдѣлалось дурно, я упалъ на кровать и заснулъ крѣпкимъ сномъ до самой ночи.

Поздно проснулся я, большой, усталый, огорченный, хотѣлъ выйти на свѣжій воздухъ, но дверь моя была залепта снару жи на ключъ. Я понялъ что отецъ Арсеній хотѣлъ наказать меня, покорился и, отворивъ окно, долго сидѣлъ у него, прохлаждая себѣ голову... Я не въ силахъ былъ ни разсуждать ни плакать и только все шепталъ: „Маменька моя! маменька! что они со мной сдѣлали! Маменька моя милая, что они сдѣлали съ бѣдною моею головкой!“

На другой день отецъ Арсеній взялся уже и за увѣщаніе долго говорилъ мнѣ:

— Шутовство, шутовство... разврать, разврать!..

Я поклонился ему въ ноги, прося ластырскаго прощенія и въ умилевіи души моей, поколебавшись немного, разказалъ ему и о Вьенѣ, и о побѣгѣ моемъ. Увидавъ мое расказаніе

сприскъ обрадовался и смягчился, началъ смѣяться и хвалить меня за то что я ушелъ.

— А то бы я тебѣ шесть мѣсяцевъ Св. Тайнъ не далъ прообщаться, прибавилъ онъ.

Однако, хотя сердечно онъ мнѣ все тотчасъ же простилъ и пожалѣлъ меня, но прибавивъ что по Писанію „тотъ отецъ сына не любитъ, который его не наказываетъ“, велѣлъ мнѣ три мѣсяца по шести земныхъ поклоновъ утромъ и вечеромъ класть за увлеченія мои; съ захожденіемъ солнца приказалъ каждый день впередъ быть дома и отъ Аристиды, разбойника и мерзавца, удалиться какъ можно болѣе.

— И отъ Джемилы, старче? спросилъ я покорно.

— И отъ него тоже, сказалъ отецъ Арсеій.— Чтò за дружба у христіанскаго юноши со врагомъ своей вѣры и націи! Она же и сквернѣ всакихъ полны... И чтò ты выиграешь отъ этой дружбы?.. Когда бы еще какой омылъ лаши или великаго бѣла онъ былъ. Интересъ бы былъ. А какой интересъ ты отъ Джемилы получишь?..

Я поклонила еще разъ священнику въ ноги, рѣшилася повиноваться ему и цѣлую недѣлю избѣгалъ даже встрѣчи съ Аристомомъ ввѣ школы и къ Джемилю не ходилъ. Я замѣтилъ что послѣ этого и самыя уроки, которые я выучивалъ и при прогулкахъ съ ними все-таки не душно, гораздо болѣе стали меня занимать, когда все мое вниманіе устремилось на нихъ однихъ, и велѣлъ за горькимъ расказаніемъ на умиланную душу мою сошла нѣкая неслыханно спокойная и сладкая благодать.

Я все вздыхала, но пріятно и утѣшительно, молилася весело, училася прилежно и бодро, и благословлялъ старика за его ко мнѣ строгость.

Аристидъ и Джемилъ, соскучившись безъ меня, пришли ко мнѣ сами, но едва только они ступили на дворъ Св. Марины, какъ отецъ Арсеій вышелъ съ лакой и началъ бить ею крѣпко Аристиду. Аристидъ какъ ни былъ дерзокъ и силенъ, но не осмѣлился поднять руку на стараго іерея и бороться съ нимъ, а только приговаривалъ: „Чтò ты, старче! Чтò ты съ ума сошелъ...“ уклонялся отъ его ударовъ и бѣжалъ со двора.

Онъ, впрочемъ, не казался ни разсерженнымъ, ни испуганнымъ, и, убѣгая со двора, даже громко смѣялся, а за калит

кой закричалъ: „юхга! \* полтъ! юхга!...“ и ушелъ. Джемилъ, на-противъ того, былъ очень пораженъ и испуганъ; онъ широко раскрылъ глаза, сначала не зная что дѣлать, глядя на то какъ старецъ пресѣдовалъ съ жезломъ своимъ Аристида, а потомъ, подобравъ помы своей длинной одежды, кинулся то-же бѣжать. Его отецъ Арсеній не тронулъ, вѣроятно чтобы не имѣть неприяностей съ Турками, и только молча погрозила ему, когда онъ, согнувшись, проскользнулъ мимо него въ калитку.

Я сначала смѣялся надъ бѣгствомъ моихъ пріателей и надъ триумфомъ отца Арсенія, который возвратился ко мнѣ сияющій отъ радости и твердилъ со смѣхомъ: „Вотъ я какъ! Вотъ я ихъ какъ!..“

Но потомъ, подумавъ, я сталъ очень опасаться чтобы Аристида и Джемилъ гдѣ-нибудь меня не побили или по крайней мѣрѣ словами бы не оскорбили на базарѣ, или гдѣ-нибудь еще при людяхъ не задумали бы и мнѣ кричать: „юхга! юхга!“

### III.

Однако ни увѣщанія и угрозы отца Арсенія, ни изгнаніе Аристида и Джемилъ со двора Св. Марины, ни даже собственное мое столь искреннее покаянiе не могли бы, вѣроятно, подѣйствовать на меня такъ какъ подѣйствовало одно ужасное зрѣлище... Оно надолго отвратило меня отъ общества Аристида и Джемилъ. Особенно отъ молодыхъ Турчатъ я зло-клялася съ тѣхъ поръ удаляться и долго бѣгалъ отъ нихъ, какъ отъ страшной проказы.

Это было въ одинъ праздничный день. Я только-что вышелъ, послѣ литургіи, съ нашего церковнаго двора и сталъ смотрѣть туда и сюда, раздумывая куда бы лучше пойти и, по правдѣ сказать, очень желалъ встрѣтить какъ-нибудь нечаянно Аристида... Какъ вдругъ я увидѣлъ что по ближайшей улицѣ кучками-кучками слѣзшихъ куда-то народъ...

Наши Греки и Буцо-Влахы, Албанцы, Евреи и Турки, Турчанки въ зеленыхъ одеждахъ своихъ, дѣти и даже иныя взрослые бѣжали и прыгали по камнямъ, стараясь обогнать другихъ. Въ толпѣ стоялъ гулъ отъ голосовъ.

Я самъ побѣжалъ туда, и не успѣлъ перебѣжать нашу

\* Поворачиваясь возгласъ: въ родѣ шканья и свиста.



лицу какъ почувствовалъ что меня кто-то нагналъ и тронулъ смъ рукой. Я оглянулся и увидалъ Аристидеа...

Я очень обрадовался ему и онъ, сверкая глазами, воскликнулъ:

— Идемъ, идемъ скорѣе, человѣка убивать будутъ. Турка будутъ рвать...

— Какъ рвать? Чтò такое?

Аристидеа разказалъ мнѣ послѣднее что это дѣло не очень новое и началось еще до моего прїезда изъ Загоръ. Два молодыхъ Турка, почти такіе же юности какъ мы съ нимъ, мѣсяцевъ пять тому назадъ, поспорили и побрались между собой. Одинъ изъ нихъ ударилъ другаго въ лицо; обиженный хотѣлъ постращать его карманамъ ножомъ, но тотъ одѣлалъ неосторожное движеніе и ножъ вошелъ ему весь въ животъ. Судили ихъ по шаріату и родные убитаго выкулу не дали, а потребовали по старому закону „кровь за кровь“. Аристидеа говорилъ еще что отецъ убитаго лавочникъ, который на базарѣ продаетъ чернильницы, лодовѣчники и другія такого рода вещи; отецъ же убійцы писецъ хорошій“. Онъ уже все узналъ и развѣдалъ. Онъ даже зналъ что убійцу зовутъ Самдъ, а убитаго звали Мустафа.

Мы скоро добжиали до конца города и увидали что на площади предмѣстьемъ Киялы-Чемме столпилось уже множество народа. Другіе догоняли насъ.

Съ Аристидеомъ пробиться впередъ было не долго. Мы пробившись и я увидалъ... Ахъ! Нѣтъ, никогда въ жизни я не забуду этого.

Кругомъ палача и его жертвы стоялъ отрядъ солдатъ; ружья ихъ были заряжены и они безпрестанно отстреливали толпу прикладами; два офицера съ обнаженными саблями стояли молча и угрюмо и только изрѣдка всматривали сурово туда и сюда.

Високий, Самдъ, отомлъ по срединѣ и горько плакалъ. Ему было не болѣе восемнадцати лѣтъ... На немъ были опрятные новые шальвары, и его пестрая ваточная курточка на шеѣ и плечахъ была открыта и отвернута.

Палачомъ взялся быть за небольшую плату одинъ оборванный Цыганъ-водовозъ; который на ослѣ развозилъ по домамъ ключевую воду. Онъ былъ очень грязенъ, черенъ и оборванъ. На лицѣ его было написано безпокойство и печаль (онъ въ первый разъ въ жизни поднималъ ножъ на человѣка);

за старымъ поясомъ его былъ заткнутъ большой и дорогой ятаганъ, который онъ досталъ гдѣ-то, говорятъ, нарочно и въ этомъ случаю, и еще другой ножъ поменьше.

Въ кругу же, около офицеровъ, стояли и родные убитаго отецъ, пожилой Турокъ-лавочникъ, въ полосатомъ халатѣ, фескѣ, полный, румяный и сѣдой, и двѣ Турчанки, — одна была жена его, а другая сестра, тетка убитому юношѣ.

Отецъ былъ спокоенъ и печаленъ; обѣ женщины кричали...

Но могу ли я изобразить тебѣ вѣрно какъ это все вдругъ мнѣ представилось... Все представало вдругъ: и лапачъ оборваный и встревоженный, и отецъ задумчивый, и эти женщины, которыя кричали и махали руками въ страшномъ изступленіи... Только и слышно было: „Проклятый! проклятый Нѣтъ! нѣтъ!.. Нельзя... Крови хочу... крови!..“ Такъ кричали эти двѣ фурии; длинные, тонкіе носы ихъ выставлялись черезъ покрывало, которое не мѣшало видѣть ни худобы ихъ ни глазъ, сверкающихъ огнемъ изступленной злобы. „Крови крови!“ твердили онѣ себѣ. Тетка казалась еще изступленнѣе матери. Она начинала крикъ, а мать вторила ей.

Офицеръ сказалъ имъ: „Постойте! дайте сказать словечко добѣ!“ Изъ толпы влупили въ кругъ дядю убійцы. (Отецъ его заболѣлъ отъ горя, и братъ пришелъ на мѣсто казни чтобы еще разъ попытать счастья и воспользоваться) дядя той выкула денежнаго, которую разрѣшалъ убійцѣ законъ.)

Онъ былъ одѣтъ въ сюртукъ и феску, худощавъ и не стар еще. Лицо его было желтое отъ ужаса и горя... И руки ноги его дрожали... Войдя въ кругъ, онъ послѣшнью кивнулъ къ кулцу, схватилъ лоду его платя и восклицая по-гречески:

— Эффенди! Эффенди! Господинъ мой! Во имя Бога Великаго... Согласись уступить... Ты отецъ и братъ мой тотъ отецъ... Посмотри на него, онъ дитя... Двадцать тысячъ пиастровъ!.. Двадцать тысячъ пиастровъ, все что у насъ есть... Возьми!..

Мальчикъ также въ эту минуту бросился въ ноги кулцу, что онъ говорилъ, я разсмыслить за рыданіями его не могъ. Я слышалъ только что онъ говорилъ: „нечаянно!“

Купецъ молчалъ; опустивъ голову на грудь и заложивъ руки за халатъ свой, онъ, казалось, былъ погруженъ въ глубокое раздумье.

— Возьми! возьми деньги! Возьми, (Мехмедъ-ага! кричала толпа.

Я закричалъ громко:

— Возьми, эффенди! возьми!

— Несчастное дитя! О! несчастный! кричали другіе и женскіе голоса и мужскіе.

Мехмедъ-ага обратился къ толпѣ и къ дядѣ убійцы и сказалъ, указывая на женщинъ:

— Я согласенъ; пусть онѣ согласятся...

Мальчикъ подползъ по землѣ къ матери убитого и сказалъ, стараясь охватить ея ноги, такимъ ужаснымъ голосомъ что кажется камень растаялъ бы, слушая его:

— Ханумъ! Ханумъ-эффендимъ... Боюсь я, боюсь... Мать моя, барашекъ ты мой.. Слышишь... боюсь я, боюсь!

И она старалась поцѣловать ея желтую туфлю и руки лопы и загнулъ голову назадъ, открывая глаза свои полные слезъ....

Даже Аристидъ, который смотрѣлъ [положивъ подбородокъ въ мое плечо и держалъ меня, обнявъ за станъ, сказалъ:

— Ухъ! какая *холодная* \* вещь! и сжалъ меня руками, содрогаясь....

А я стоялъ полумертвый отъ жалости и ужаса, но уйти къ концу не хотѣлъ.... Не могъ бы даже; толпа безпрестанно расширяла на насъ и съ трудомъ и грознымъ крикомъ и ударами прикладовъ солдаты безпрестанно расширяли кругъ.

Поднялся общій шумъ и воля; офицеры и солдаты кричали на народъ; мальчикъ рыдалъ и кричалъ; толпа начинала реветь въ негодованіи.... Но громче всѣхъ раздавался голосъ нестройной тетки. Офицеръ схватилъ, наконецъ, за плечо Цыгана и, испугавши его, грозно оказалъ ему:

— Копчай!

Цыганъ схватилъ Саида. Я не стану изображать тебѣ ужасъ бѣднаго юноши. Я не могу передать тебѣ съ какими испуганными мольбами онъ обращался, влачаясь по землѣ, то къ самому Цыгану, то къ офицерамъ... Это выше моего описанія.... Но я бы желалъ чтобы ты вообразилъ себѣ весь этотъ нестерпимый ужасъ, который былъ написанъ на его лицѣ, почти дѣтскомъ....

\* Холодная вещь, холодный человекъ—на Востока въѣсто протина вещь, неприятный человекъ.

И если ты и это выразишь, то не знаю выразишь а ты что посѣдовало за этимъ....

Цыганъ не умѣлъ убивать людей; онъ въ первый разъ въ жизни поднималъ руку съ ножомъ, и поднималъ ее изъ нѣсколькихъ золотыхъ на душу ни въ чемъ предъ нимъ виновную....

Наконецъ одинъ изъ офицеровъ взялъ подъ руку Саида и приподнявъ его, сказалъ ему ласково:

— Дитя мое! Покорись твоей несчастной участи.... Такъ Богъ желаетъ.... Что ты сдѣлаешь противу Бога....

Саидъ тогда воскликнулъ:

— Аллахъ! Аллахъ! и глубоко вздохнувъ сталъ на колѣна предъ Цыганомъ и протянулъ ему шею....

Что съ нимъ дѣлалъ Цыганъ—я не видалъ... Я закрылъ весь въ слезахъ и бросился въ толпу чтобы не видеть болѣе. Я слышалъ только пронзительный визгъ. Я слышалъ олатревъ толпы и громкую команду офицеровъ.... И олатревъ новый визгъ.

Еще нѣсколько минутъ и не стало бѣднаго Саида....

Въ народѣ продолжали раздаваться проклятія и вопли негодования.... Вдругъ кто-то закричалъ:

— Бей палача! Рви на куски Цыгана! Бей его! Амаемъ старухамъ!.. Бейте этихъ вѣдьмъ!..

Я оглянулся и увидалъ что солдаты съ остервенѣніемъ отбивались прикладами отъ толпы и офицеры подставляли сабли своимъ, которые сапшкомъ бросались впередъ.... У одного деревенскаго паликара изъ Чамурьи (я его зналъ; его звали Яли) шла кровь изъ руки.... Его слегка ранили чѣмъ-то, вѣрно оттого что онъ радъ былъ случаемъ наложить его руку на Цыгана-мусульманина и на двухъ старыхъ Турчанокъ.... На носилакахъ, покрытыхъ чѣмъ-то бѣлымъ и кровавымъ, уносили трупъ Саида и около носилокъ шелъ его дядя.... Я взглянулъ на него и увидалъ предъ собою такое спокойное и печальное лицо, что спокойствіе это мнѣ показалось кажется еще отрапаше и жалче криковъ несчастнаго Саида....

Народъ, отбитый солдатами, скоро успокоился и отрядъ съ офицерами направился къ городу, охраняя палача и рожь убитого.... Я долго сѣдилъ издали за зелеными фредуэ этихъ двухъ женщинъ и думалъ: „Какой же джонъ крови и мщенія долженъ былъ обитать въ ихъ сердцахъ!...“

что же было бы съ нами, христіанами, если такимъ Турчан-камъ и Туркамъ дана была бы надъ нами полная воля!...“  
Тамъ начала разсѣиваться и расходиться по домамъ. Я взглянулъ глазами Аристиды, котораго оттолкнулъ въ ту минуту когда хотѣлъ отвести взоры свои отъ ужасной сцены холоднаго убійства... Онъ скоро и самъ нагналъ меня и сказалъ опять съ улыбкой, какъ бы находя удовольствіе все-цѣло во мнѣ ужасъ:

— Ты *kröd vragma!* (Какая неприятная вещь!) Ты не видалъ, а я видалъ какъ онъ его, бѣднаго, повалилъ и перерѣзалъ горло ему какъ барану.... Прежде хотѣлъ ему сзади голову отрубить, но не умѣлъ.... Ударилъ разъ... Саидъ какъ закричить.... Только кровь поилась.... А потомъ бѣднѣйка ужъ и не кричалъ, а все молча терпѣлъ, когда онъ его....

Я заткнулъ уши и просилъ его перестать. Впрочемъ онъ и самъ былъ очень блѣденъ, и только чрезвычайная сила духа его, отвага и желаніе подразнить меня и представить себя самого безжалостнымъ, только эти чувства внушали ему бодрость. Мы прошли нѣсколько времени молча и наконецъ онъ сказалъ мнѣ:

— У меня есть нѣсколько піастровъ.... Зайдемъ въ кофейню, въ Лутцу, выльемъ холодной воды и кофе.... А то боюсь я чтобы тебя не стошнило, или чтобы ты въ обморокъ не упалъ.... Ты очень блѣденъ, душечка!

Это онъ сказалъ безъ всякой насмѣшки, но съ тою лаской и любезностью которая всегда такъ смягчала мнѣ сердце; она смягчала и теперь.

Мы скоро пришли въ предмѣстье Лутцу, спросили себѣ стула, кофе и холодной воды и сѣли на лужку, лицомъ къ озеру и горамъ и спиной къ городу. Народу не было никого въ это время. Въ кофейнѣ только два человѣка играли въ шашки. Предмѣстья издали казались такъ мирны и тихи. Долина зеленѣла, зеленѣло то самое поле на которомъ убилъ Саидъ; и на дальнихъ сивихъ горахъ бѣлѣли широкія тѣла снѣга, такъ неподвижно и спокойно блистая!..

Я созерцалъ, умиrotворяя въ себѣ взволнованную душу... Буракъ и кофе пилъ, вздыхая. Аристидъ, тоже не говоря ничего, залѣлъ прекрасную лѣсню, подъ которую налягутъ на свадьбахъ въ дальней Этивѣ:

Веселитесь молодые, веселитесь дѣвушки—  
 А день идетъ все къ вечеру....  
 А Харонъ \* дни наши,  
 По одному, по одному все отсчитываетъ....  
 Ну, такъ давайте же земаю эту топтать, веселяся,  
 Ту земаю которая насъ пожретъ....

Нѣтъ у Харона разбора,  
 Вѣрности нѣтъ у него никакой!...  
 Маадеицезъ отъ груди беретъ  
 И старцеви не оставляетъ...  
 Придадимъ-ка еще, пристукнемъ ногами ту земаю...  
 И пласка маша лустъ станетъ вкуоѣе....

Веселитесь молодые, веселитесь вы дѣвушки,  
 Радуйтесь въ прохладѣ молодости вашей,  
 Смотрите—придетъ время  
 Когда и васъ съѣстъ гробовая доска....  
 Ну, такъ давайте же земаю эту топтать веселяся,  
 Ту земаю которая насъ пожретъ....

Въ эту земаю, по которой мы ходимъ ногами,  
 Въ нее всѣ мы пойдемъ;  
 Она подъ травкой своей, подъ зеленой,  
 Поѣдаетъ плаицаровъ молодыхъ,  
 И подъ цвѣточками подъ своими  
 Вотъ дѣвушекъ молодыхъ и дѣвчонокъъ.  
 Ну, такъ дайте ей еще ногою,  
 Дайте хорошенько....

Веселитесь молодчики, дѣвушки веселитесь!  
 До того года проживетъ ли кто?  
 У Харона есть рѣшеніе:  
 Ни душа ни одной въ живыхъ не оставитъ,  
 И архонтовъ, и большихъ людей,  
 И всякую остальную бѣдную бѣдность, —  
 Всѣхъ ждетъ ихъ и насъ Харонъ  
 Молодыхъ, стариковъ и дѣтей....

Такъ пѣвалъ Аристидъ долго, а я слушалъ его. И стало мнѣ  
 легче, хотя и грустно.

Я попросилъ его снова спѣть пѣсню. Онъ опять задалъ  
 а я сталъ опять слушать.

Наконецъ мы встали. Аристидъ лавеселѣлъ вовсе и гово-  
 рилъ мнѣ, смѣясь:

\* Смерть

— Поидемъ теперь къ Джемилю. Я буду ему разказывать, им увидишь, какъ онъ будетъ бояться.

Но я сказалъ:

— Ни за что теперь къ Туркамъ не пойду. Далеко пусть будутъ отъ меня теперь всѣ Турчата молодые! Пусть Господь Богъ меня спасетъ отъ нихъ....

Аристидъ называлъ меня съ превзвѣномъ „несчастливымъ“ и съ пять пальцевъ наложилъ на лицо: „вотъ тебѣ всѣ пять и глаза твои!“ \* и ушелъ, а я возвратился къ отцу Арсенію.

Къ Джемилю послѣ этого я вовсе пересталъ ходить и кланялся ему только на улицѣ; но съ Аристидомъ я долго бы не нашелъ причины, ни охоты, ни силы прервать (такъ съ нимъ было всегда весело: такой онъ былъ занимательный, „курюзный“ какъ у насъ говорятъ), еслибъ онъ самъ вскорѣ не уѣхалъ въ Корфу. Черезъ недѣлю какую-нибудь послѣ изгнана молодого Турка, онъ поссорился съ однимъ изъ учителей нашихъ. Ученики подняли шумъ; больше всѣхъ шумѣлъ сынъ Куско-бея, того красавца въ грязномъ сюртукѣ, котораго такъ ненавидѣлъ нашъ докторъ Коевино; Аристидъ на этотъ разъ былъ гораздо менѣе виноватъ. Но учитель, боясь оскорбить сына богача всемогущаго въ городѣ и въ самой Портѣ, воскликнулъ, обращаясь къ Аристиду: „Замолчишь ли ты, негодяй, шутъ маскарадный?“ и поднялъ на него книгу которую держалъ въ рукѣ. Боже мой! какъ сверкнули громами очи у моего Аристида!... Онъ только поднялъ плечами, улыбнулся и сказалъ, приступая къ учителю: „Это ты меня-то, меня, учитель? Ты, морѣ, не въ своемъ умѣ, братио!“ Далъ ему разъ по книгѣ, книга полетѣла изъ рукъ; а мой Аристидъ надѣлъ свою широкую европейскую шляпу, загнувъ ее на бокъ и вышелъ съ триумфомъ изъ школы.

Разказавъ дома отцу; отецъ огорчился и, опасаясь чтобъ онъ совсѣмъ здѣсь не излѣнился и не потерялъ головы, отправилъ его въ Корфу. Тогда еще были тамъ Англичане; я былъ у нихъ одинъ дальній родственникъ Англичанинъ, человекъ очень суровый и ученый. Къ нему отправилъ его отецъ.

Аристидъ, прощаясь со мной, говорилъ пожимая плечами:

— Мнѣ все равно!.. Что меня рѣжетъ?.. И тамъ и здѣсь одно и то же. Тамъ еще лучше. Тамъ Европа. Тамъ мнѣ будутъ

\* Обычай на Востоку жечь превзвѣна или брани.

женщины и дѣвушки сами изъ оконъ платками звали дѣлать. Она мнѣ вотъ такъ, а я ей вотъ такъ тоже платкомъ.. И сейчасъ понимаемъ другъ друга.... Ты знаешь ли какой клефть? И какой злодѣй? Я такой злодѣй, какъ въ той не стикъ поется:

Яви тотъ да Яваки, да распутамъ Яви  
Обводитъ все дѣвушекъ, проводитъ прекрасныхъ...

Вотъ я чтó! сынъ мой любезный ты Одиссей!

И опять шляпу на бокъ; обнялъ меня, поцѣловалъ и утѣхалъ; а я остался, и мнѣ сначала стало безъ него гораздо скучнѣе.

#### IV.

Долго говорили въ городѣ о казни Саида. Давно ничего подобнаго въ Янии не видали; законъ этотъ прилагался не часто и не всѣ родные были такъ жестоки и требовательны какъ мать и тетка убитаго Мустафа. Иные христіане, попроще или лояльѣе, восклицали: „Тѣмъ лучше! Пусть Турки рѣжутся между собой. Съ нами они этого дѣлать не могутъ такъ легко теперь... Державы не допустятъ... А за этотъ ананеевскій родъ кто заступникъ? Развѣ одинъ Леси, старичокъ.“ Другіе радовались что консулы напишутъ своимъ правительствамъ объ этомъ происшествіи, и во всѣхъ европейских столицахъ будутъ знать какіе ужасы дѣлаются въ Турціи. Но были и такіе которые выкали въ дѣло гораздо глубже и качая головой, и вздыхая, говорили печально: „Еще есть крѣпость духа у мусульманъ! Не правительство желало такой казни, а семья требовала приложенія закона во всей его древней строгости!.. Непріятно христіанину видѣть что его враги еще такъ преданы своему суровому, кровавому закону! Увы намъ! Увы!.. Мы здѣсь заняты нашими мелкими раздорами, въ Эладѣ министерство падаетъ за министерствомъ, а мусульмане все терпятъ, все перекосятъ, мирятся молча со всѣми тягостями, и съ тѣми которыя на нихъ навлагаетъ правительство, пытающееся хоть для виду стать прогрессивнымъ, и съ тѣми которыя отъ нихъ требуетъ Король.“

Докторъ Коевино, который многое понималъ такъ вѣрно и тонко, даже и въ политикѣ, хотя онъ ее и ненавидѣлъ (ло



тому вѣроятно что всѣ архонты, учителя и доктора наши на Востокѣ много занимаются ею), судилъ объ этомъ дѣлѣ именно такъ какъ я сейчасъ сказалъ. Но онъ не вздыхалъ и не печалился, какъ другіе Греки, согласные съ нимъ во мнѣніи, а восклицалъ почти радостно, на зло всѣмъ соотечественникамъ своимъ: „О! Средніе Вѣка! О! bravo! Средніе Вѣка! Ха-ха! ха-ха! Какая мрачная, величавая картина!.. Ка-кая трагическая сила духа есть еще у этого племени и въ той религіи! Деньги! 20.000 піастровъ!.. На что намъ деньги?.. Мы презираемъ ихъ, хотя мы и бѣдаме!.. Мы жаждемъ крови!.. Мы мщениа хотимъ!.. О! что за возвышенный ужасъ!.. Архонтъ бы нашъ, учитель нашъ премудрый—не 20.000!.. О, с! Онъ 20 піастровъ взялъ бы съ радостью за умерщвленіе сына!“

Исаакидесъ, вѣчный революціонеръ, послалъ тотчасъ двѣ корреспонденціи объ этомъ въ Аѳины и въ Триестъ... Я читалъ (отецъ Арсеній доставалъ и запрещенныя въ Турціи гатки) Исаакидесъ постарался описать дѣло еще мрачнѣе чѣмъ оно было, но предназначено оставляя кое-что 'въ туманѣ'... Напримеръ, Саидъ, всѣ это знали, разсерженнымъ подставилъ товарищу ножъ: Исаакидесъ писалъ что они *сгнали* и что ссоры вовсе не было. Онъ даже нарочно не называлъ казненаго по имени, не говорилъ что онъ Турокъ, и выражался такъ: „*одинъ несчастный юноша*“, „*одно селенство*...“ Издали люди невнимательные или незнакомые съ турецкою жизнью могли думать что казнили Грека. Корреспонденціи кончались пышными фразами о варварствѣ, о равнодушіи Европы... О русской крови бесполезно пролитой подъ стѣнами Севастополя...

Бессулам, вѣроятно, всѣ что-нибудь писали объ этомъ. На мѣстѣ казни были почти всѣ драгоманы; а самъ мелькомъ видѣлъ ихъ форменныя фуражки; одинъ Востанджи-Оглу не успѣлъ побывать и не узналъ даже ничего объ этомъ времени. Г. Бакъевъ былъ очень разгнѣванъ на него за это улушкеніе, и онъ былъ правъ; всѣ забыли что изъ Русскаго консулата не было на мѣстѣ казни ни чиновника, ни даже казаса. Мамолу-кавасозъ, всегдашній мой покровитель и другъ, тотчасъ же вспомнилъ обо мнѣ (онъ какъ-то уже успѣлъ узнать—всезнающій!—что я тамъ былъ) и предложилъ г. Бакъеву мои услуги. Г. Бакъевъ былъ очень радъ и вечеромъ въ самый день казни Саида за мной прислали, посадили въ

канцелярію и заставила все разказать что я видѣлъ, без прибавленія и утайки. Я разказалъ. Г. Бакѣевъ сказалъ мнѣ довольно холодно: „Мегсі“; а Бостанджи-Оглу тутъ же за мѣтилъ: „Не хорошо что ученикъ гимназіи и совѣтъ постронній мальчишкѣ исполняетъ вашъ долгъ!“

Бѣднѣйшій *Московъ-Яуды* потулилъ очи и краснѣлъ, извѣщаясь и называя г. Бакѣева даже „господинъ консулъ“, а г. Бакѣевъ.

Воля ли Божія была на то, или такое особое стеченіе обстоятельствъ, только отецъ мой и я, мы во всемъ и всегда стояли на пути этому очень свѣдущему въ языкахъ и трудолюбивому, но все-таки неспособному, ничтожному и даже нѣсколько низкому молодому человѣку! Со временемъ эти отношенія приняли характеръ настоящей ненависти и явной борьбы, которая кончилась для меня полнымъ триумфомъ.

Меня, ученика неопытнаго и застѣнчиваго, какая-то незримая, но сильная волна житейскаго теченія приподнимала, какъ бы приносила къ порогу Русскихъ и къ Русскому консульству. Еще до возвращенія отца моего и г. Благова, какъ будто мнѣ чувствовалось что я уже теперь не просто рабъ беззащитный, а сынъ русскаго драгомана, который и въ Портѣ можетъ сдѣлать при случаѣ больше самого консула, и во вниманіе объ этомъ часто, какъ богу-Гермесу, окрмляла мои ноги и хоть на минуту, до приподнимало меня отъ земли силой и гордостью! Оставаясь все Эллиномъ, я почти Русскій теперь!.. Никто меня не обидитъ!.. Какъ это прекрасно и утѣшительно! думалъ я... Я сказалъ: „какая-то незримая волна житейскаго теченія“... Да! Это было до такой степени справедливо, что я самъ почти и не замѣчая того, еще тогда почти ребенкомъ, началъ *дѣлать дѣла*... И въ митрополіи, въ консульствахъ, и въ самой Портѣ... *высокой* и страха Портѣ... И показалось мнѣ очень скоро многое не такъ ужъ высоко, и не черезъ силу страшно!

Первое дѣло мое, и сразу въ самой Портѣ, было вотъ такое: Нужно было защитить отъ неистовой Гайдуши доктора Коевино, и я защитилъ его... Ты удивишься? Слушай, и увидишь что это сдѣлалось все просто и легко.

Былъ въ Ядивѣ у насъ [еще другой докторъ (докторомъ насъ хорошихъ и ученыхъ въ Европѣ много), по фамиліи Арванитаки. Онъ былъ уже старъ и жемать давно на Греческіе острова съ одного изъ дальнихъ острововъ...

ты, какъ житель Эладды, самъ лучше меня, я думаю, знаешь, какъ много на островахъ красивыхъ женщинъ; а же-  
лалъ тебѣ что онѣ гораздо оживленнѣе и чувствительнѣе  
мнѣ явнскихъ дамъ и дѣвицъ.

Гдѣ Арванитаки хотя въ то время была уже не очень мо-  
лода, но еще красива, разговорчива, бойка и какъ слышно,  
тогда таготилась однообразною, тихою жизнью нашего горо-  
да. Я видѣлъ самъ поздне не разъ какъ она смѣло и много  
разговаривала съ Благовымъ и другими консулами, тогда  
какъ наши явнскія дамы, надо правду сказать, обыкновенно  
ограничивались во время визитовъ и при встрѣчахъ съ ино-  
странными разспросами о здоровьи и погодѣ или замѣчанія-  
ми о томъ что „здѣсь Турція, варварство“, что „здѣсь при-  
езжему изъ Европы должно показаться все не хорошо“. Всѣ  
говорили почти одно и то же и очель мало; разница была въ  
томъ что мадамъ Бакыр-Алмазъ говорила степенно и ти-  
химъ голосомъ; мадамъ Несториди говорила явжно, склоняя  
головку на сторону, какъ милый анемонъ, а мадамъ така-  
то кричала пронзительно и на весь домъ: „Туречина! Туре-  
чина! Господинъ консулъ! Туречина! Дороги у насъ дурныя,  
несчастныя, непроѣздныя!“

Вотъ и вся разница.

Мадамъ Арванитаки хотя и прожила уже около десяти  
лѣтъ въ Явнѣ и одѣвалась по-явнски, въ очель широкое  
и короткое платье на огромномъ кринолинѣ, изъ-подъ кото-  
раго были видны изрѣдка цвѣтныя турецкіе шальвары, хотя  
носила расшитый цвѣтною, узенькій платочекъ, прикрѣплен-  
ный лишь на одной сторонѣ головы, но и взглядъ ея былъ  
лицепалый, и походка иная, и рѣчь, какъ сказалъ, гораздо  
богаче смѣлая и занимательная чѣмъ у другихъ дамъ.

Даже одна лустая вещь... У насъ есть одинъ обычай: ко-  
гда, на вопросъ о здоровьи, знакомый отвѣтитъ что онъ самъ  
здоровъ, или жена его, или сынъ, или кто-нибудь близкій,  
то приличіе требуетъ сказать непременно: „Мнѣ это очель  
непріятно...“ Нельзя воскликнуть: „Ахъ! Чтѣ такое? Чтѣ у  
тебя?.. Какое горе!.. Боже!..“ Это можно, но послѣ, а прежде  
сказать надо: „мнѣ это непріятно“, хотя бы и небрежно, и  
улыбаясь, и холодно, изображая на лицѣ своемъ „чтѣ мнѣ,  
братъ, до тебя за дѣло!“ Но сказать нужно... Оно какъ-то  
само и не подумавъ говорится. И точно, всѣ явнскія да-  
мы, всѣхъ классовъ общества, и богатыя и бѣдныя, и безгра-

мотыля и въ лучшей школѣ обученныя, говорятъ это прѣтствоіе точно такимъ же тономъ какимъ бы онѣ сказали вамъ: „сегодня вторникъ, а не среда!“ Только одна мадам Арванитакіи умѣла придать ожалѣнію своему въ подобныхъ случаяхъ какую-то живую и пріятную театральность: „Бже мой! Ваша жена? Ваша жена нездорова? Почему? Чѣмъ? Какъ мнѣ это непріятно! Какъ мнѣ жаль... Повѣрите! Такая молодая, милая!.. Еще недавно она какъ юный ангелъ шла по улицѣ!.. Чтò съ ней! Чтò съ ней!“ И человѣку пріятно было слышать эти восклицанія даже и тогда когда онъ могъ сомнѣваться въ ихъ искренности...

У мадамъ Арванитакіи были двѣ маленькія дочери; она за нималась ими; но можетъ-быть ей все-таки было дома оченъ скучно.

Постояннымъ гульбищъ общественнымъ, баловъ, театровъ у насъ нѣтъ; въ домахъ другъ друга посѣщаютъ рѣдко.. Самъ Арванитакіи былъ, какъ я уже сказалъ, и тогда не молодой, гораздо старше женою; сѣдой, въ очкахъ, всегда съ табатеркой, смиреннымъ, простодушнымъ, весь погруженнымъ въ чтеніе и задумчивость, собою не приглядный, низенькій! Когда я позднѣе сталъ встрѣчать больше людей разныхъ націй и разнороднаго воспитанія, я всегда, вспоминая о скромномъ, честномъ, ученомъ и безхитростномъ Арванитакіи, находилъ что онъ больше похожъ на германскаго профессоръ чѣмъ на Грека; видно было что долгая жизнь въ Германіи пришлась вполнѣ ему по природѣ. Греческаго въ немъ было только имя, языкъ и, конечно, то сильное патріотическое чувство, которое есть стихія всякой греческой души! Сверхъ своихъ серіозныхъ медицинскихъ познаній Арванитакіи былъ замѣчательный теологъ и зналъ отлично каноническое право. Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ почтенныхъ Грековъ которые и пренебрегая полудикою родиной своей возвращаются домо изъ Европы съ большимъ запасомъ знаній и потомъ живутъ у насъ *по намѣлу* въ однообразномъ трудѣ и честной незвѣстности.

Итакъ черноокая мадамъ Арванитакіи тосковала, она сверхъ того болѣла чѣмъ-то и доктору Коевино довѣряла большъ чѣмъ мужу. Людямъ очень близкимъ она и созавалась въ этомъ, говоря съ улыбкой: „Я очень уважаю господина Арванитакіи и всѣ считаютъ его очень знающимъ врачомъ; но чтò ж мнѣ дѣлать! У него нѣтъ той божественной искры въ умѣ кото

раи есть у этого безумнаго Коевино.“ И въ этомъ она была права. Когда Коевино хотѣлъ, онъ былъ врачъ превосходный, находчивый, изобрѣтательный, внимательный. Онъ часто посѣщалъ домъ скромнаго Арванитакъ, по долгу просиживалъ; особенно въ тѣ часы когда старикъ старательно обходилъ своихъ больныхъ, Коевино разказывалъ ей о томъ что дѣлала Франческа да Римини, или о томъ что на Марсѣ есть атмосфера и океанъ, а на Лувѣ вѣроятно нѣтъ.

Человѣку впечатлительному съ Коевино могло быть иногда томительно, и даже пожалуй и страшно отъ чрезмѣрной быстроты и силы его душевныхъ измѣненій, вспышекъ гнѣва и восторговъ, необдуманной смѣлости и самаго ребяческаго излоушя и страха... Но скучать съ нимъ было трудно.

Такимъ образомъ посѣщая часто мадамъ Арванитакъ и врача ея, Коевино вмѣстѣ съ тѣмъ и развлекалъ ее много. Она очень дорожила его обществомъ.

Однажды она созналась ему что смолоду умѣла писать стихи, отыскала тетрадку и подарила ему на память слѣдующее свое стихотвореніе:

Въ часъ полуднй, вечернй,  
Когда выхожу я  
На берегъ пустынный  
Глубоко тоскую...

Луна моя, луночка,  
Прощу я свѣти мнѣ  
Дорогой утѣсистою  
Чтобы легче шти мнѣ....

Чтобъ видѣть мнѣ море  
И слышать мнѣ волны  
О скалы какъ бьются  
Страданія поны!

И мой путь не легкій,  
И я молодая  
По другу прекрасному  
Томаюсь, изнываю....

Коевино въ восторгѣ возвратился домой, рыкая какъ левъ. Онъ никогда не сочинялъ стиховъ, сѣлъ за перо, хотѣлъ писать, не могъ и наконецъ отвѣтилъ ей слѣдующимъ блестящимъ взрывомъ страсти, которой онъ выписалъ изъ нечитаннаго сборника и отнесъ ей на другой день, какъ бы косвенно объясняясь ей этимъ самымъ въ любви:

Ахъ! поцѣлуй  
 Одинъ разъ въ ротъ!  
 Ну вотъ!..  
 Тысячу въ грудь....  
 Дай мнѣ вздохнуть!  
 Ахъ! образумься —  
 Что ты, въ умѣ ли?  
 О! я не я!  
 Глаза потемнѣли —  
 Убилъ ты меня... и т. д. \*

Къ несчастію Коевино дома г-жу Арванитаки не засталъ и неосторожно отдалъ записку со стихами служанкѣ.

Служанка въ простотѣ своей отдала мужу. Арванитаки оскорбился и просилъ жену не принимать Коевино такъ часто наединѣ безъ крайности. На слѣдующій день Коевино явился щеголемъ одѣтый и довольный изобрѣтательностью своей чтобъ узнать что *будетъ дальше*.... поймутъ ли его и, если можно, то и насладиться побѣдой.... Мадамъ Арванитаки начала жаловаться на ревность скучнаго мужа. Вдругъ застучали въ дверь.... Арванитаки, встревоженный за честь свою возвратился раньше обыкновеннаго.... Коевино предпочиталъ остаться въ гостиной и не подать никакого вида; но мадамъ Арванитаки, не желая слышать новыхъ старческихъ утомительныхъ упрековъ, почти насильно втолкнула его въ стѣнной шкафъ и приперла. Арванитаки взошелъ, посмотрѣлъ туда и сюда и прямо къ шкафу; отперъ его и увидалъ Коевино тамъ съ вѣнскою тросточкой, въ *жакетонъ*, со шляпой круглой, въ свѣжихъ перчаткахъ и съ *rinse-nez!*..

Арванитаки тотчасъ отошелъ, сѣлъ на диванъ и, приподнявъ на лобъ очки, чтобъ они не мѣшали ему утирать платкомъ слезы, началъ плакать и сказалъ:

— Я живу, думаю только о томъ чтобы никого не обидѣть и не оскорбить!... Зачѣмъ же меня люди такъ безжалостно оскорбляютъ!..

Докторъ Коевино былъ иногда очень добръ и совѣстливъ; онъ вышелъ, до крайности смущенный и пристыженный кроткими жалобами собрата. Его игра въ легкую италіанскую

\* Это плохое и даже гораздо хуже чѣмъ плохое стихотвореніе действительно изъ сборника и принадлежитъ, если не ошибаюсь, одному изъ лучшихъ аеинскихъ поэтовъ, одному такъ-сказать изъ *лауреатовъ* новыхъ Аевъ. *Аст.*

страсть причинила глубокое горе человеку которого онъ съ уважалъ.

Онъ пришелъ домой печальный и взволнованный. Раздѣлся, налѣз турецкую шубку свою, феску, велѣлъ съ гора приготовить чай на балконѣ (потому что день былъ теплый) по-русски, съ самоваромъ, который ему выписалъ изъ Одессы Благонъ и на которомъ онъ всегда глѣдя утѣшался; сѣлъ у столика, закурилъ наргиле и, пригласивъ Гайдушю сѣсть съ собою, началъ ей, какъ старому другу, извѣщать свое горе и каяться и хвалиться и тосковать что обидѣлъ ближняго и восхищаться стихами...

Гайдушя сидѣла, пила чай и слушала.. Но когда Коевино кончилъ, она внезапно вскочила такъ что чуть-чуть не опрокинула на доктора самоваръ, связала свои вещи въ узелокъ, ушла со двора и потомъ опять вернулась и съ дикимъ хохотомъ сказала:

— Смотри, докторъ, что я сдѣлаю. Я подамъ лашѣ прошеніе, чтобы простили того злодѣя который хотѣлъ меня зарѣзать и сжечь твой домъ; черезъ меня онъ въ цѣлѣхъ работаетъ; я же и вылушу его. Ты знаешь, докторъ ты мой, какая я собака?... Я собака изъ ластушней овчарки.... отъ которой волки дрожать и трепещутъ! Выйду я за него, за пашкара, замужъ и тогда.... посмотри ты что будетъ тебѣ... на двемъ ни ночью не будетъ тебѣ покоя! Прощай!

Что было дѣлать доктору? Онъ былъ ужасно перелуганъ. Куда броситься за помощью? Къ кому итти? Ближе всего было идти къ г. Корбетъ-де-Леси, такъ какъ Коевино былъ подданный Ионическихъ острововъ... Онъ и пошелъ, но.... буря и погибель!... Леси осмѣялъ его и даже позволилъ сказать себѣ что такія дѣла съ Гайдушей, съ убійцами заключенными въ тюрьму, нейдутъ такому *дусентльмену*. Вообрази себѣ ярость Коевино! Съ тѣхъ поръ онъ не ступилъ на порогъ своего консула и далъ себѣ клятву посвятить его только тогда развѣ когда онъ будетъ, умирая, звать его какъ лучшаго, именно лишь какъ *лучшаго* врача! Но теперь, сейчасъ, что дѣлать?... Страхъ его былъ также быстръ и требователенъ какъ и всѣ другія его чувства и страсти! Итти въ Багдаду? Врагъ... Къ Бостанджи-Оглу? Глулъ; не понимаетъ его, доктора, не цѣнитъ... гаулъ! Къ Бреше? Необразованъ; грубъ. Къ Австрияду? добрый поваръ. Къ Греку? Медленъ, остороженъ. Скажетъ: подождите еще немного. Куда? Прямо

въ Порту? Стыдно, неудобно! И вотъ напередъ, наконецъ Пришелъ ко мнѣ взволнованный и блѣдный; прямо ко мнѣ въ комнату; залерса со мною и шелотоуъ, почти со слезами на глазахъ и обнимая крѣлко и цѣлуя, разказалъ все какъ взрослому другу:

— Ты сынъ русскаго драгомана, мое сокровище... Тебѣ Сабри-бей, этотъ милый мой Сабри-бей такъ хвалилъ. Иди мое сокровище, къ нему сейчасъ, только къ Сабри-бею.... И скажи ему вотъ какъ: вашъ другъ Коевино страдаетъ отъ этой Мегеры! Помѣшайте ей сдѣлать это дѣло... Записки писать, понимаешь, а не желалъ бы... И объ Арванитики не говори ни слова... А только о Мегерѣ и объ убійцѣ.

Я не вѣрилъ что въ силахъ буду что-нибудь сдѣлать. Но рѣшился и пошелъ охотно.

Мегера была уже и сама въ Портѣ и прыгала, хромая и сверкая взорами, по большимъ сѣнямъ съ прошеніемъ въ рукахъ. Сабри-бей, выслушавъ меня, много смѣялся и сказалъ: „Бѣдный докторъ!“ Потомъ пошелъ одинъ къ Ибрагиму; потомъ кликнулъ меня туда же и Ибрагимъ, улыбаясь заставилъ меня повторить все. Я повторилъ все смиренно и почтительно стоя у отъѣвъ. Потомъ кликнули Гайдушу и беи начали ее серьезно допрашивать:

— Ты можешь замужъ за этого наказаннаго человѣка желаешь? сказалъ Сабри-бей.

— Это воля Божья, отвѣчала Гайдуша.

— Нѣтъ, сказалъ Ибрагимъ важно,—ты должна говорить здѣсь всю правду. За искренность твою будетъ тебѣ и награда. Хотѣла бы за него замужъ? Говори, баба, когда тебѣ приказываютъ...

— Какая же дѣвушка не хочетъ замужъ... отвѣчала Гайдуша, улыбаясь.

— Ты говоришь... дѣвушка? А? Никакъ ты сказала: дѣвушка?... насмѣшливо присовокупилъ Сабри.

— Незамужняя то-есть женщина, отвѣчала ловкая Гайдуша очень весело, принимая эти шутки за добрый признакъ благосклонности къ ея дѣлу. (На меня она взглянула, войдя, но вѣрно ей и въ голову не пришло что я по этому же дѣлу здѣсь!)

— Какже ты хочешь освободить этого злодѣя и простить ему и стать его женою, когда у тебя и теперь на лицѣ видны слѣды его злѣвства?



- Богъ велитъ прощать обиды, бей мой.
- Прекрасно. А бѣднаго доктора какъ же ты оставишь, кто же будетъ смотрѣть его? спросилъ Ибрагимъ.
- Брать его? оказалъ Сабри.
- Развѣ онъ худо съ тобой обращается?
- Нѣтъ, отвѣчала Гайдуша.—Дай Богъ ему здоровья и многотіа... Онъ взялъ меня въ слухавки сиротой и мужичкой медовской; а дочь носильщика простаго. А онъ изъ меня теперь человѣка сдѣлалъ, который все понимаетъ и умъ мой развила даже, бей эффеиди мой. Но докторъ человѣкъ большой, нѣтъ связи, отношенія, званіе прекрасное, а я желаю устроить тоже мою судьбу и освободить этого человѣка который уже довольно былъ во мѣня правительствомъ наказанъ.

Турки помолчали и потомъ Ибрагимъ, принявъ опять серьезный видъ, сказалъ спокойно:

- Этого нельзя... Иди по добру, по здорову. Вонъ!
- Гайдуша поблагодарила, но сказала твердо:
- Прошу васъ, бей эффеиди мой, отдать это прошеніе мое самому пашѣ господину нашему.

Ибрагимъ бросилъ ей назадъ прошеніе и отвѣчалъ:

- Несчастная! Иди вонъ! Не ты наказала разбойника, а казнить (государство). Не твоей мордѣ которую онъ разрывалъ дѣла, а нужемъ порядокъ въ городѣ. Слышишь?

- Бей эффеиди мой... осмѣлилась еще сказать Гайдуша. Но Ибрагимъ привсталъ немного съ дивана и Гайдуша выскочила въ дверь какъ молнія.

Бои захотали громко и я засмѣялся, но слегка и всѣмъ лицомъ моимъ показывая что я никогда не позволю себѣ забыть въ какомъ высокомъ мѣстѣ я, недостойный, пребываю въ этотъ мигъ.

Я поблагодарилъ обоихъ беевъ, низко поклонился имъ и вышелъ очень довольный, конечно, собой и первымъ ходатаяствомъ своимъ въ Портѣ. „Вотъ что значитъ тѣмъ отда моего и руской флагъ!.. И я, мальчикъ, сдѣлалъ дѣло, благодаря тому что этотъ флагъ и эта тѣль меня освѣляютъ...“

Но и эта радость моя была очень непродолжительна. За воротами коняка меня ожидала фурия. Я не ожидалъ никакъ се тутъ встрѣтить и, не принявъ никакого участія въ сценѣ съ ея бѣдами, я думалъ что она не обратила на меня вниманія.

Едва только вышелъ я со двора на улицу какъ Гайдуша внезапно кинулась на меня и закричала такъ что прохожіе остановились.

— Это ты, *bastardo*, это ты, змѣя, подкрался узвать меня... Проклятый!.. Вы все съ отцомъ своимъ, загорская дериженщина, путаетесь во все. Подожди, подожди! Почеркнешь и ты скоро, три раза проклятый, чтобы тебя взялъ Харонъ скорѣе отъ лица земли... Подождите!.. И отецъ твой осатанѣтъ, а тебѣ говорю, я!.. И ты, *bastardo*, ни въ чемъ успѣха не будешь имѣть... И матери твоей глупой пусть Богъ никогда грѣховъ ея не проститъ... А! Чтобы вы всѣ никогда не спаслись ни въ этомъ свѣтѣ, ни въ будущемъ...

— Стой, стой, кира-Гайдуша, за что ты насъ проклинаешь! воскликнулъ я въ ужасѣ и точно вся внутренность моя содрогнулась отъ этихъ искреннихъ и пламенныхъ проклятій... У этой женщины было столько энергіи и въ духѣ, и въ рѣчахъ, и въ движеніяхъ, и во взорѣ!

— За что? за что?.. Смотрите на этого невиннаго и бѣднаго мальчика! Подожди... долнуть у отца твоего больше его глаза, долнуть... И что вы такое? Что вы? Развѣ вы изъ настоящей архонтской городской семьи? Развѣ въ васъ какое-нибудь особое благородство есть? Какая-нибудь фантазія? Образованность? Делкатные вы люди что ли?.. Знаете ли что у меня, дуракъ ты, больше ума чѣмъ у всей вашей семьи!..

Я не зналъ куда укрыться отъ отида и ужаса; Жиды, которыми полонъ этотъ кварталъ, обступили насъ и сжѣлились. На счастье мое, одинъ изъ турецкихъ солдатъ, находившихся по близости, обратилъ вниманіе на волю Гайдуша, подошелъ и обратился къ ней, спокойно спросилъ ее:

— Зачѣмъ ты здѣсь, блудница, такъ громко кричишь?.. Здѣсь конакъ наши бавко.

— Конакъ наши?... вспыхнулъ еще больше въ лицѣ повторила изступленная женщина. (Должно-быть она горѣла желаніемъ и нашу оскорбить въ этотъ мигъ, но удержалась.)

— А если къ нашимъ бѣднымъ людей добрые люди не пускаютъ?...

— А не пускаютъ, значитъ не надо; должно идти домой сказалъ ей спокойно старый солдатъ, взялъ ее за плечи, повернулъ, толкнулъ хорошенько въ спину и кладыкровымъ промолвилъ:

— *Гиде, роску!* (маршъ, блудница!) Однимъ маховеніемъ рти разогналъ Жидовъ и сказалъ мнѣ строго: — И ты, мамі, иди домой.

Я приваюсь, грѣшный человѣкъ, благословилъ въ эту минуту и власть султана, и беевъ, и солдатъ! Я бы съ радостью мучилъ старому воину пять, десять піастровъ бакчину; но говорилъ уже тебѣ что мать моя рѣдко позволяла отцу дать мнѣ деньги; она, ты это знаешь, все боялась чтобъ я не пошелъ *куда-нибудь*... туда куда, по ея мнѣнію, уже давно глоратно влекли меня мой высокій ростъ, мои восемнадцать лѣтъ и розы воздержной и здоровой юности, которыя все больше и больше расцвѣтали на моихъ щекахъ. Однако я вынулъ изъ карманъ два піастра, подошелъ тиховько къ солдату, сказалъ почтительно и робко: „Ага мой, я васъ благодарю!“ и положилъ ему деньги въ руку. Солдатъ сурово взглянулъ на меня, на деньги, приложилъ руку къ груди и замолчалъ молча.

„Добрый воинъ, подумалъ я:—ничего худаго мнѣ не одѣлалъ а отъ вѣдьмы бѣшеной спасъ! Дай Богъ ему жить и счастья! Нѣтъ, хорошіе люди эти Турки, чтѣ говорить!...“

Я воспѣшилъ обрадовать и утѣшить доктора. Онъ побился безъ сужавки дня два, а на третій Гаидуса снова пришла къ нему и они надолго помирились. Онъ кричалъ ей: „А-а! ты воалаа теперъ мою силу въ Портѣ! Поняла? Постигла?“

Со мной съ тѣхъ поръ онъ навсегда пересталъ обращаться мѣло и вебрежно, а все ласкалъ и обнималъ, и звалъ: „сокролице мое!“ Незадолго до этой исторіи я пришелъ къ нему просить немного денегъ взаймы на табакъ; онъ все переспрашивалъ у меня: „На табакъ? на табакъ?“ и досталъ очень медленно и далъ немного, съ недовольнымъ выраженіемъ лица. А послѣ этого дѣла онъ самъ, встрѣчая меня, тотчасъ отводилъ въ сторону и заботливо и тихо спрашивалъ: „Табакъ есть?“ И если не было, послѣшнко каллъ мнѣ въ руку большую серебряную монету и настаивалъ: „Возьми! возьми, мой Адовисъ! Возьми, мое сокровище!“

Такое было мое первое дѣло въ Портѣ.

## V.

Другое дѣло, въ которомъ мнѣ волей и неволей пришлось принимать участіе и за которое я пострадалъ не мало, былъ гораздо важнѣе ссоры доктора съ Гайдушей. Если гнѣвъ и проклятія Гайдуши причинили мнѣ много стыда на улицѣ, заставили меня вознести къ небу даже мольбу за долголѣтіе султана и его слугъ, то въ этой второй исторіи я прошелъ черезъ такіа минуты страха которыя я не испытывалъ ни на озерѣ ночью, когда мнѣ казалось что лодочникъ съ большими усами хочетъ насъ утопить за то что г. Бакъевъ называлъ *рамазанъ* праздникомъ фанатизма, ни при видѣ кази Саида.

На озерѣ я не чувствовалъ ни крайней мѣрѣ за собой съ мимъ противъ Турокъ никакой вины и преступленія; во время казни я былъ пораженъ больше жалостью чѣмъ страхомъ за себя.... Но теперь... Слушай и радуйся, мой патріотъ!

Есть въ Эмирѣ нѣкто полъ Коста. Кто только его не знаетъ! И какъ его не звать! Голосъ у него громкій, ростъ высокій, видъ безстрашный, взглядъ орлиный; онъ уже не молодъ—бородка и кудри его давно сѣдѣютъ, но лицо его, тонкое и твердое, мнѣ кажется, до сихъ поръ еще молодежь моего и въ то время на немъ не было еще ни одной морщины. У него въ предмѣстьѣ есть небольшой домикъ; есть поладь еще не старая, румяная и полная; есть двое дѣтокъ; но нѣтъ ни прихода, ни денегъ... Приходъ у него отягали за „постоянное внимательство въ мелодобаяющія дѣла“. Приходъ по столкнѣ турецкихъ властей отягаль у него самъ янискій владыка. И владыку утомилъ полъ Коста необузданнымъ и безпкойнымъ нравомъ своимъ. Престарѣлый владыка искалъ лишь спокойствія и мира. Довольно съ него было и тѣмъ ответственности которую онъ несъ предъ Портой, какъ главный представитель народа своей епархіи, народа, ты знаешь, мѣстами угнетеннаго *въ чифликѣхъ* у беевъ-земельныхъ владѣльцевъ (изъ нихъ очень немногіе, увѣ! похожи на богороднаго Абдурраима), за то мѣстами независимаго, тревожнаго, воинственнаго, склоннаго къ распрямъ, возстаніямъ, разбою, по одной лишь страсти къ геройству и молодечеству. Довольно было съ бѣднаго владыки распрей и оппозиці

иных архонтовъ, которые претендовали распоряжаться безъ жребія совѣсти суммами *благодѣтелей*; которые хотѣли тобъ ихъ дѣти въ училищѣ имѣли особыя права (какъ ты видѣлъ въ исторіи учителя съ отчаяннымъ моимъ Аристи-комъ); довольно было съ преосвященнаго и того что богатые дѣлота не признавали равными себѣ не только бѣдныхъ и порабощенныхъ земледельцевъ Янинской долины, не только стійскихъ героев-клефтовъ, которые въ случаѣ борьбы за отчизну сумѣли бы снова напомнить дѣланіями своими кровью и блестящія времена Марковъ Бодарисъ и Дзавели; кѣтъ, они не хотѣли равнять съ собою и насъ, богатыхъ и грамотныхъ Загорцевъ, во всей Турціи, Греціи и Молдаво-Валакіи знаменитыхъ умомъ, изворотливостью, учемостью, жертвами денежными и трудами на пользу родины... Митрополиту приходилось съ утра и до ночи думать то о томъ чтобы паша не подозрѣвалъ его въ сообщничествѣ съ недобрыми, то о томъ чтобы бѣдные Греки не роптали на него за потворство богатымъ; чтобы богатые не сочли его ленивогомъ и не потребовали у патріарха его смѣны, не набрали бы сотни подписей подъ жалобой на него; чтобы консула, наконецъ, не писали бы противъ него въ свои посольства—однѣмъ что онъ „слишкомъ туркофилъ и даже по-турецки говорить охотѣе чѣмъ по-гречески“; а другой—что онъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ людьми подозрительными и буйными, что онъ можетъ-быть предсѣдатель какой-нибудь тайной *гетеріи* революціонной, орудіе греко-русскихъ кровей и подколовъ. Ему хотѣлось отдохнуть на диванѣ, почитать спокойно, грѣя у жаровни старыя кости, а тутъ при-смали отъ пашы его требовать въ Порту немедленно.. Пои-скало двое Грековъ; они вырѣзали въ дальнихъ горахъ турецкихъ караульныхъ. Одинъ изъ этихъ ужасныхъ, растре-панныхъ людей, съ длинными волосами, съ лицомъ звѣр-скимъ и безстыднымъ, ссылался на него, увѣряя что вла-дѣлецъ его знаетъ давно и что онъ совсѣмъ не тотъ убійца, а человекъ миролюбивый и хорошій. И вотъ ему надо было лечь на кола и спѣшить въ Порту и отречься отъ этого человека и усовѣщевать его....

Привѣчалъ къ нему изъ дальняго сельскаго прихода молодой и красивый священникъ и показывалъ съ гнѣвомъ и болью сивія лянна на тѣлѣ и царапины глубокія и гово-рилъ что его поймали ночью какіе-то люди христіане и

Арнауты-Турки вмѣстѣ... и пытали, и увѣчили, и убить хотѣли... И что онъ дойдетъ до патріарха, и до пословъ великихъ державъ, и до визиря великаго, и до султана самого, если его не удовлетворять и не накажутъ примѣрно оскорбителей и мучителей этихъ; что онъ, если его не удовлетворять сразу, приметъ мусульманство или католичество, лишь бы найти себѣ защиту и путь ко мщению... Поднималъ опять владыка тяжелое и старческое тѣло свое съ мягкаго дивана и сѣдла на коня и вѣхалъ... И вотъ оказывалось что молодой священникъ былъ волокита и обольститель, что онъ былъ именно тѣмъ чѣмъ хвастался Аристидъ: „Яни и все тотъ же Янаки, да распутный Яни!“ И что Арнаутамъ-сосѣдамъ и крестьянамъ-Грекамъ наскучили его грѣхи и его любострастные интриги, отъ которыхъ не могла защитить ни христианская святая семейнаго очага, ни мусульманскіе затворы; нѣсколько молодцовъ и той и другой вѣры согласились поймать его ночью и наказали сурово и крѣпко. Турки-чиновники и беи радовались и смѣялись этому позору и говорили одобрительно: „Хорошій полтъ красивый, очень красивый полтъ! прекрасный полтъ!“ И владыка былъ посрамленъ...

Полагая что Корбетъ-де-Леси (особенно въ политическомъ смыслѣ) близокъ къ Портѣ и что дружба съ нимъ елискили послужитъ на пользу общую и отвратитъ вѣчныя подозрѣнія въ руссофильствѣ, владыка искалъ подружиться со старымъ причудникомъ; но Леси ему не вѣрилъ и, между прочимъ, однажды вотъ что сдѣлалъ съ нимъ. Въ нашемъ домѣ который занималъ англійскій консулъ, была небольшая прекрасная турецкая баня (въ Эпирѣ это встрѣчается гораздо рѣже, чѣмъ въ восточныхъ областяхъ Турціи; у насъ народъ турецкихъ бань не любитъ и думаетъ что муро свѣтлое отъ нихъ выходитъ изъ тѣла.) Однажды святой \* Янискій жаловался что здѣсь нѣтъ такихъ хорошихъ бань какъ въ Царьградѣ и Адрианополѣ; Леси велѣлъ исполнить свои приказанья нарочно нанять двухъ банщиковъ, ловкихъ ребятъ, и пригласилъ митрополита. Митрополитъ съ радости поѣхалъ и вымылся; но въ ту минуту когда лежалъ въ банѣ на хорошей постелѣ, весь укутанный и съ чубукомъ въ рукѣ, онъ собирался насладиться въ мирѣ этой земно

\* Такъ называются архіереи и митрополиты на Востоцѣ.

мостью, вдругъ двери растворились и предсталъ смѣясь смъ красивый, выбритый и сѣдой Корбетъ-де-Леси; а за нимъ стояла гг. Благовъ, Бакъевъ, Бостанджи-Оглу и англійскій драгоманъ, очень злой и насмѣшливый человекъ. Что хотѣлъ этимъ доказать капризный старикъ? Не хотѣлъ ли онъ унижить епископа или доказать Благову что митрополитъ англофилъ и больше ему другъ, чѣмъ Благову? Какъ бы то ни было, Благовъ вышелъ изъ этого, по обыкновенію, хорошо; онъ поцѣловалъ руку у владыки, сѣлъ около него на ложе и началъ говорить съ нимъ и расхваливать турецкія бани, потомъ самъ поправилъ ему одѣянія его на ногахъ и съ поспѣшностью принялъ изъ рукъ его чубукъ, не давши времени прислужнику взять его, когда владыка сдѣлалъ одно лишь движеніе....

Корбетъ-де-Леси надобно стоять въ жару и онъ вышелъ; тогда взглянувъ значительно на его спину, владыка простеръ руки къ Благову и удивительно прошепталъ: „Сынъ мой! Что дѣлать!... Знаешь!“ „Знаю, знаю!“ сказалъ Благовъ, опять поцѣловалъ его десницу и вышелъ.

И опять это все тотчасъ же разнеслось по городу; друзья архіерея хвалили его *тонкую дипломатію*, враги пожимали плечами и восклицали: „Этотъ человекъ не уважаетъ своего сана... Еслибъ я былъ патріархъ, я бы его баньщикомъ за наказаніе въ Царьградѣ сдѣлалъ. Въ былыя времена такъ дѣлали съ монахами виновными...“

Такъ было трудно и скучно иногда митрополиту, а тутъ еще отъ пола Кѡста локая нѣтъ. Вздохаетъ владыка и скажетъ себѣ: „Слава Тебѣ Господи, кончились главныя дѣла!.. Ся на колесницахъ, сія на конѣхъ, мы же во имя Господа Бога нашего призовемъ“.

Но нѣтъ, самое *главное* дѣло еще впереди. Полъ Кѡста не дремлетъ! то дѣвушку-христіанку изъ деревни трое Турокъ похитили и везутъ на мулѣ въ городъ, чтобы потурчить ее (съ ея согласія, такъ какъ ей одинъ изъ этихъ Турокъ поправился и обѣщалъ ей много денегъ). Полъ Кѡста одинъ нападаетъ на Турокъ при въѣздѣ въ городъ, отбиваетъ дѣвушку, стыдитъ ее, ведетъ въ митрополию, шумить... Правда, онъ поклонится прежде въ ноги владыкѣ, но вставши онъ говоритъ почти повелительно:

„Дѣлай свой долгъ, святой Янинскій, я свой кончилъ!“

600031

То случается такъ что маленькій сызъ лопа Кдсты ссорит-ся съ сосѣднимъ Турченкомъ; Турченокъ его бьетъ; мальчикъ бѣжитъ домой; Турченокъ за нимъ; попададя выходитъ изъ дверей и бьетъ маленькаго Турка; мать Турченка встѣпается и бьетъ попададю, срываетъ съ нея платочекъ, треплетъ ей косы; возвращается полъ Кдста и говоритъ: „Хорошо!“ Идетъ къ Турчанкѣ на дворъ, вызываетъ ее, внезапно припираетъ калитку—„око за око, зубъ за зубъ!“ срываетъ съ нея покрывало; треллетъ ея остриженные въ кружокъ волосы; бьетъ по щекамъ и уходитъ къ себѣ. По всему кварталу крикъ и вошь неистоваго негодованія. Турки собираются толпою; всякіе Турки: ходжи сердитые, кулды съ базара, Арнауты сельскіе, лодочники и носильщики оборванные и крѣпкіе; вошь и крики; камни летятъ въ двери и на дворъ лопа Кдста. Полъ Кдста ворота на залоръ; беретъ двухствольное ружье въ руки и говоритъ попададѣ: „Иди за мной и держи заряды.“ Онъ идетъ на небольшую вышку, которая у него есть около воротъ, съ окномъ прямо на улицу; отворяетъ окно; камни летятъ въ него, но онъ, повода грозными очами, румяный отъ какого-то полудражднаго гнѣва, взводитъ курки и прицѣливается... въ одного ходжу... ходжа бѣжитъ. „Разойдитесь всѣ! Кричите имъ полъ Кдста: слушайте меня...“ Турки ободряютъ другъ друга и снова камни летятъ въ окно; одинъ попадаетъ лопу въ грудь, онъ олять цѣлится и кричитъ: „Разойдитесь и позбвите солдаты. Иначе васъ накажетъ лаша. Не то время теперь, что вы думаете! И на васъ есть у ладшаха законъ. Отойди ты молодецъ я въ тебя стрѣльну.“ Молодецъ отходитъ, бѣгутъ за солдатами. „Ага мой!“ кричитъ полъ Кдста начальнику: „разгони народъ этотъ и веди меня къ лашѣ, если я виновать, а въ домѣ моемъ разбойничать я ихъ не пуцу. Ты помни, ага, что это долгъ твой и берегись.“

— Знаю, знаю! говоритъ мрачно чаушь. Совѣтуетъ людамъ разойтись по добру— по здорову, совѣтуетъ лопу положить ружье и выйти. Приставляютъ одного солдата къ дверямъ хранить домъ и дѣтей, а лопа и попададю ведутъ въ Порту, окруженныхъ толпою. Турчанка прибитая идетъ тоже и несетъ въ рукѣ клокъ волосъ своихъ.

Паша олять шлетъ за митрополитомъ. Полъ ничего не отрицаетъ; онъ считаетъ себя правымъ и самъ требуетъ удовлетворенія, ибо не должна была Турчанка врываться на его дворъ и безчестить его жену. Паша присуждаетъ его на



исадъ въ тюрьму; онъ самъ находитъ что Турчанка виновенъ, но Ибрагимъ и прогрессивный Сабри-бей, оба говорятъ что невозможно допустить такого преобладанія гауровъ... Несмысленное дѣло чтобы гауръ осмѣлился взойти въ турецкій дворъ и избить мусульманку. Только опасаясь консульскаго вниманія можно замѣнить ссылку тюрьмою. Поль въ свою очередь не дремлетъ; онъ находитъ себѣ помощника; онъ изъ тюрьмы пишетъ циркуляры консуламъ, онъ во всемъ пишетъ владыку; онъ пишетъ: „Невыносимыя гоненія которыя я претерпѣваю отъ святаго Янническаго превосходить мѣру моихъ силъ, истощенныхъ на полприщѣ служенія алтара Господня. Цивилизація иностранныхъ агентовъ такова что они легко поймутъ мое положеніе...“

Атенбрехеръ идетъ къ Бреше; Бреше идетъ къ Благову и Баркориди; всѣ идутъ къ равнодушному Корбетъ-де-Леси. Корбетъ-де-Леси полагаетъ что Порта права. Благовъ, неожиданно для Бреше и для всѣхъ, согласенъ съ нимъ и прибавляетъ что поль Коста подаетъ о себѣ очень дурное мнѣніе жалобами иностранцамъ на своего владыку... Бреше внѣ себя; ему хочется показать вездѣ свою власть и этотъ день, какъ и въ другіе, онъ, конечно, съ ранняго утра думалъ какъ бы еще устроить. Бреше опять грозится „снять кожу съ головы митрополита, de cet indigne pasteur!“ Но погорачившись онъ, однако, не дѣлаетъ ничего, ибо считаетъ пола Косту агентомъ Благова и не хочетъ за это ему помогать.

Благовъ между тѣмъ посылаетъ сказать полу что это ему полезно; пускай посидитъ немного и охладится отъ бурныхъ своихъ страстей.

Но самъ онъ его очень любитъ и открыто говоритъ и Бостаджи-Оглу, и Бакъеву, и доктору: „Что архонты? Архонты скука! Вотъ поль Коста! Такихъ я люблю... разбойниковъ!“ И черезъ недѣлю, не болѣе, онъ говоритъ митрополиту: „Поклонитесь за этого пола. Мнѣ его жалко. А объ облаченіи и о митрѣ я уже писалъ куда слѣдуетъ“... Вдѣтъ опять старикъ въ Порту; кланяется, проситъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ и общаетъ за первый же проступокъ лишить пола Косту прихода. Поль выходитъ, и благодаритъ митрополита, какъ будто онъ и не знаетъ что митрополитъ ничуть не желалъ его выпустить и владыка благословляетъ его на новые подвиги патриотизма и отваги, какъ будто и онъ не знаетъ о томъ что поль Коста писалъ: „Нестерпимыя гоненія, которыя святой Янни-

скій... "какъ будто онъ, владыка, не горюетъ, думая что консула давно написали объ этомъ всё ко всѣмъ своимъ дворамъ, кабинетамъ и посольствамъ что святыи Янинскій гонитель невинныхъ и кроткихъ служителей алтаря Господня въ угоду агарянамъ... Владыка Янинскій увѣренъ развѣ только въ одномъ Леси... Леси или вовсе ничего не писалъ, или писалъ что Порта умѣетъ еще покорять буйныхъ людей и встрѣчаетъ поддержку въ почтенномъ пастырѣ янинскихъ христіанъ.

И вотъ однажды, „однимъ печальнымъ четвергомъ и середию одною горькою“, я сидѣлъ послѣ полудня у окна и училъ прилежно урокъ. На широкиа плиты церковнаго двора лился потоками зимній дождь. Вдругъ вижу я идетъ, бѣжить по нашему двору женщина въ турецкой одеждѣ; она останавливается, открываетъ лицо, озирается со страхомъ, смотритъ въ окна наши... Я вижу что она очень блѣдна и худя, не стара, но и не первой молодости; собой еще не дурна. Я открываю окно съ удивленіемъ и хочу спросить „что ей?“, но въ эту минуту велѣдъ за ней бѣжить полъ Коста, тоже озирается, тоже смотритъ на наши окна... Потомъ бѣжить назадъ, со тѣніемъ затираетъ калитку нашу и кричитъ ей: „Иди, иди въ комнату скорѣе!“ Женщина бросается лоспѣшно въ нашу дверь... Я тоже выбѣгаю изъ моей комнаты и застаю ее лежащую у ногъ отца Арсенія, который взволнованъ немного, но весело смотритъ и повторяетъ: „Хорошо, хорошо, хорошо, хорошо! Опомнись, благословенная моя, опомнись!“

Турчанка молча держитъ одной рукой его рясу, а другую прижимаетъ къ сердцу и закрывши глаза шолотомъ восклицаетъ: „Христось и Всесвятая! О Всесвятая Дѣва моя!... Госпожа моя, помилуй меня, помилуй!“

— Помилуешь, помилуешь, говоритъ ей растроганный священникъ.

Входитъ полъ Коста; лицо его еще веселѣе чѣмъ у отца Арсенія; руки въ карманахъ рясъ: „Видишь насъ! Чтѣ мы такое!“ Входитъ парамана наша, несетъ воду свѣжую и даетъ пить Турчанкѣ. Выливши она вдругъ встаетъ и внезапно восклицаетъ со страстью и отчаяньемъ: „Нѣтъ, нѣтъ! Я погибла! Сердце мое испорчено и Харонъ меня скоро возьметъ.“ Потомъ опять садится на полъ, опять закрываетъ глаза и качая головой твердитъ: „Харонъ, Харонъ, Харонъ! буря и гибель моя... Смерть!“

— Что такое? Что такое? Я смотрю на всѣхъ съ изумленіемъ и люболытство пожираетъ меня.

Важу оба священника все веселы. Турчанку поднимаютъ и успокаиваютъ на диванѣ. Но она все держится за грудь и все говоритъ о Харонѣ, о лютой смерти неизбѣжной.

— Что жь Харонъ? Что жь Харонъ? замѣчаетъ отецъ Арсеній:—Что тутъ вреднаго? На томъ свѣтѣ вѣнецъ неуздаемый ты получишь.

— Сердце мое разрывается, учитель ты мой, говоритъ Турчанка.—Я давно больна и въ груди моей точно птичка живая крыльями бьется что-то, все бьется... Ахъ! Увы мнѣ! Увы мнѣ!

Священники уходятъ оба въ другую комнату; совѣщаются долго и опять приходятъ; парамана тогда говоритъ мнѣ съ улыбкой:

— Я знаю ее. Она маленькая еще потурчилась. Она была служанкой тогда у Раки-бей; потурчила ее; замужъ выдала; приданое дала; мужъ ее хорошій былъ молодець: высокій, цвѣтомъ цвѣлъ тогда. Правда что Турокъ онъ былъ. Ну что дѣлать! А въ 54мъ году его убили... Вотъ она, бѣдная, овдовѣла.... Что вдова? Вдова развѣ человекъ? Тихо пойдетъ по улицѣ—люди скажутъ: „она ломается такъ нарочно“; скоро пойдетъ—люди скажутъ: „Она мужа хочетъ.... за мужемъ бѣжить!“ Да! И такъ дѣло противное и этакъ дѣло худое. Несчастіе!

— А теперь чего она хочетъ? спросилъ я у параманы.

Но прежде чѣмъ услѣла парамана отвѣтить, Турчанка встала быстро съ дивана и взявши мою руку воскликнула съ жаромъ:

— Ты, дитя мое, хочешь знать чего я хочу? Чего я хочу, ты спрашиваешь? Спроси ты у меня самой, лаикаръ мой молодецкій! Я хочу умереть въ Христовой вѣрѣ... Я хочу чтобы Св. Георгій Янинскій Новый изцѣлилъ меня и хочу чтобы перестала трелетать эта птичка живая, которая въ груди моей такъ дѣлается.... скоро, скоро, скоро. И потемнѣетъ въ глазахъ моихъ.... И я падаю. А если мнѣ умереть судьба скоро, хочу чтобы меня лопы хоронили, не ходжи, лопы.... Вотъ чего я хочу, лаикаръ ты мой, мальчикъ ты мой хорошій. И боюсь я Турокъ, боюсь я быть съ ними, боюсь что они или убьютъ меня какъ-нибудь или настрашаютъ меня и издохну я въ грѣхѣ какъ собака.

Священники возвратились задумчивые. Полъ Коста сказалъ.

— Хорошо, теперь я самъ привелъ ее сюда днемъ черезъ огороды и дивлюсь только одному, какъ это настъ съ ней никто изъ Турокъ не примѣтилъ... Днемъ, посудите! Полъ Коста съ Турчанкой бѣжить... Но въ митрополию черезъ базаръ вести днемъ?... Базаръ не огороды... Буря и гибель моя! что дѣлать? Мнѣ бы только до мощей Св. Георгія Ялинскаго довести ее. И тамъ бы я ее въ надеждѣ на помощь мученика оставилъ...

Пуще всего, полъ Коста не хотѣлъ чтобы митрополитъ зналъ объ его участіи: не зная о немъ онъ охотѣе защитилъ бы Турчанку. Всѣ предлагали свои совѣты. Отецъ Арсеній говорилъ: „пусть парамана ее отведетъ“; парамана говорила: пусть одна дойдетъ; развѣ не ходятъ Турчанки? Больше нашего по улицамъ гуляютъ; а я боюсь. Можетъ-быть Турки теперь ужъ узнали что она съ поломъ куда-то убѣжала и ищутъ ее“... Турчанка говорила ей: „Радость ты моя! Что мнѣ дѣлать?.. Теперь я боюсь одна идти... Разорвутъ меня Турки!“

— Не разорвутъ! Зачѣмъ рвать! сказалъ насмѣшливо полъ Коста.—А лучше вотъ что я скажу... И взглянувъ на меня онъ спросилъ:—Это кто такой этотъ молодчикъ?

Отецъ Арсеній сказалъ ему кто я. Тогда полъ Коста обратился ко мнѣ и сказалъ:

— Я тебѣ, молодецъ, скажу такое мое слово: сдѣлай ты душегубительное дѣло. До вечера ждать нельзя; надо слѣшить пока митрополитъ еще въ ковакѣ; у паши. Переодѣвемъ ее въ платье параманы; черный платокъ большой ей на голову накинешь; и ты веди ее во имя Божіе и во славу Его!... А мы слѣдомъ за вами съ отцомъ Арсеніемъ.

Прошу тебя, суди самъ, до какой степени должно было такое порученіе казаться мнѣ страшнымъ и какъ я содрогнулся, услышавъ такія слова.

— Учитель! сказалъ я, чувствуя что ноги у меня слабѣютъ:—учитель... Я еще малъ для такихъ дѣлъ.

Полъ Коста смѣрилъ меня съ ногъ до головы (я былъ почти одного роста съ нимъ) и глаза его засверкали злобно.

— Правда что ты малъ! И потомъ толкнувъ ногою, воскликнулъ съ отчаяніемъ:—Говорить намъ теперь много, христіане вы мои, некогда!

У отца Арсенія глаза тоже блистали и онъ сказалъ мнѣ:

— Иди, иди, Одиссей. Я тебѣ говорю, иди... Это великое дѣло спасти душу и вырвать ее изъ рукъ врага.. Иди, я тебѣ говорю, и не бойся... Христосъ и Всесвятая доведутъ тебя въ цѣлости до митрополіи... Никто ее въ этой одеждѣ не смѣетъ и на тебя меньше обратятъ вниманія чѣмъ на мѣхъ поповъ. Идетъ малый съ матерью—и только.

Свещенники были, разумѣется, правы и время было дорого. Я рѣшился идти, восклицая мысленно: „о Боже! поддержи меня... Я не Ариогидъ... въ груди моей не желѣзо и въ ноги не сталь вложена... Доведи меня только живаго съ этой блудою женщиной до митрополіи черезъ этотъ многолюдный базаръ, гдѣ сидятъ и ходятъ такіе брадатые и длинноусые Агаравы, враги Твои, Христе Боже мой, и я каанусь что бытъ только немного разбогатѣю, то сдѣлаю серебряную ручку на икону Матери Твоей, въ нашемъ Загорскомъ параклетѣ *Широчайшей Небесъ*.“

— Идемъ! сказалъ я бодро Турчанкѣ, когда она переодѣлась и покрылась большою черною шалью, какъ греческая цюва.

Я часто замѣчалъ и поздвѣе что послѣ усердной молитвы умъ мой свѣтаѣлъ и я становился умнѣе и находчивѣе. Выхода изъ дверей Св. Марины я вмѣсто того чтобы вести Назлі (такъ ее звали) прямо въ митрополію, довелъ ее поспѣшно до воротъ Русскаго консульства (оно было несравненно ближе отъ насъ) и кинулся въ нихъ озираясь. Назлі молча вбѣжала за мною.

Посреди большого двора стоялъ предъ Бостанджи-Оглу Маноли, подпершись руками и говорилъ ему:

— Нѣтъ! Несчастный Бостанджи-Оглу... Этого не будетъ, что ты желаешь... чтобы я шагъ впереди предъ тобой, какъ предъ консуломъ, или вице-консуломъ \*, или предъ первымъ драгоманомъ ихъ... Я всегда буду ходить съ тобой рядомъ, въ тѣхъ поръ пока самъ господинъ Благовъ не прикажетъ итти. Потому что до учености твоей мнѣ нѣтъ дѣла, и ты мнѣ нѣтъ важный и не великій и даже довольно низкій, я тебѣ скажу, и обкрадываешь господина Благова...

— Гдѣ ты видѣлъ что я краду, оселъ! воскликнулъ Бостанджи-Оглу.

— Нужда мнѣ видѣть большая! сказалъ Маноли насмѣшливо.

\* Вице-консулъ—секретарь консульства.

Я кинулся къ Маноли и сказалъ ему съ энтузіазмомъ:

— Киръ-Маноли, золотой мой, надо скорѣе свести эту же щину въ митрополію... Она лотурчена и хочетъ возвратиться на лоно церкви... Ты знаешь, я еще малъ для такихъ дѣлъ. И я пойду съ вами неподалеку... Только надо вамъ веселее.. Вы человекъ воинственный и вооруженный, а я что могу?

Бостанджи-Оглу тогда вмѣшался и сказалъ сердито:

— Хорошо ты говоришь, что ты малъ еще. Зачѣмъ тебѣ то въ политическія дѣла влутываться? Я не могу отпустить Маноли. Господина Бакъева нѣтъ дома теперь и безъ слѣса его кавассы не должны вмѣшаться въ подобныя дѣла.

— Хорошо и ты, сказалъ ему на это спокойно старикъ Ставри.—Успокойся. А ты, молодецъ, скажи какое это дѣло.

Но я сказалъ что говорить некогда, что послѣ все узнаю. Но что меня отецъ Арсеній прислалъ; Назли говорила то самое и умоляла. Тогда Ставри сказалъ:

— Такъ мы даже оба пойдемъ; но не такъ какъ ты, Одайсей мой, говоришь. Ты иди съ ней впередъ, чтобы было такъ замѣтно, и чтобы не говорили безъ нужды про кавальство, а если что случится, мы съ Маноли будемъ близки.

— Bravo! воскликнулъ Маноли, расправилъ усы, поднялъ плечи и пошелъ быстро къ воротамъ.

Мы съ Назли за нимъ; за нами Ставри.

— Куда? куда? Вы съ ума сошли, кричалъ мнѣ вслѣдъ оскорбленный Бостанджи-Оглу.—Куда? Вы потеряли оба голову! Вы меня, драгомана, не слушаете, а слушаете пустякъ мальчишку.

И онъ махалъ своимъ зонтикомъ и руками; но мы шли слѣшили молча черезъ широкій дворъ.

— Анаеема вамъ всѣмъ! Чтобы вамъ до митрополіа вслѣдъ дуракамъ не дойти, сказалъ наконецъ въ изступленіи „мѣшковскій Яуды“ и успокоился.

Дорогой я шелъ нарочно не слѣша и постоянно ободол себя мыслью что въ двадцати какихъ-нибудь шагахъ за мной сѣдять два такихъ испытанныхъ помощника съ атаганомъ и усамъ, „съ желѣзомъ въ груди и со сталью въ ногахъ“; чувствовалъ уже такой боязни какъ прежде. А когда мы Назли вошли подъ старую крышу темнаго базара и за мной вокругъ меня люди въ тѣнотѣ, а какъ ольгавъ шелъ впередъ и ничего уже не помнилъ... Одну секунду

только я ужаснулся. Уже поворачивая къ митрополіи, увидѣла предъ собою внезапно страшнаго дервиша Хаджи-Сулеймана съ сѣкирой въ рукахъ:

— Га! га! закричалъ онъ такъ звѣрски что всѣ прохожіе остановились:—Га! га! Рогачъ, негодяй, куда ты бѣжишь?

Визы также въ страхѣ остановилась и закрыла еще больше лицо платкомъ. У меня подломились ноги, но я вспомнилъ однако что это вѣроятно обычная ласка юродиваго, и то онъ узналъ меня, вспомнилъ какъ я подавалъ ему варенье и кофе у доктора и радовался встрѣчѣ... Чтѣ было мать? Онъ все стоялъ и кричалъ сердито:

— Рогоносецъ! Гранитель мостовой ты эдакій... Съ жемчужинами бѣгаешь... Га! га!... Анаеема... На, цѣлуй мою руку...

Купцы въ лавкахъ хохотали; я, наконецъ, приложила къ рукѣ которую онъ мнѣ протягивалъ и хотѣлъ идти. Каждый изъ насъ былъ дорогъ... Кавассовъ я потерялъ изъ виду въ толпѣ... Дервишъ, какъ только я поцѣловалъ его руку, улыбъ и хотѣлъ идти, но вдругъ (о! ужасъ вспомнить) обратился къ Назли и сказалъ ей:

— Ты мать ему вѣрно? Я твоего мужа знаю, зачѣмъ ты черное носишь?...

Я сказала:

— Мать, мать... Мы слышимъ, Хаджи, очень слышимъ... (А когда тѣмъ человѣкъ десять любопытныхъ уже окружили насъ).

Въ эту минуту раздался голосъ Ставри:

— Айда, айда! Впередъ, Одиссей... Айда! Хаджи, не мѣшай...

И мы прошли благополучно и эту подводную скалу, о которую чуть-чуть было не разбилось все мое мужество. Ворота митрополіи были близко; но мы долго еще слышали брань Хаджи-Сулеймана; теперь онъ, стоя на мѣстѣ, бранилъ моего спасителя Ставри: „Разбойникъ! Разбойникъ!“

Наконецъ, наконецъ, наконецъ стукнула за мной калитка; я вдохнулъ какъ плавецъ выброшенный волною на берегъ, при всѣхъ подвѣлъ руки къ небу и сказалъ:

— Нынѣ отлучаеша раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ!

Назли, какъ только почувствовала то же чтѣ и я, что она въ безопасномъ мѣстѣ и окружена одними друзьями, внезапно скинула съ головы шаль, какъ изстуженная бросилась

въ маленькую церковь Св. Георгія Нового Янискаго, упи на землю около мраморной гробницы его и восклицала: „Стой мученикъ мой... спаси меня!... Пожалѣй меня, святой мой... Не дай мнѣ погибнуть какъ ты погибъ самъ; *елейсонъ му Кирие! елейсонъ му!*“

Сбѣжались за нею въ параклисъ всѣ мы; кавассы, я, женщины, которая жила при митрополіи, сторожъ и *кдилънафтъ*... \* И дѣти женщинъ, и слуги епископа. Всѣ за тѣмъ вошли и самъ отецъ Арсеній съ торжественнымъ радостнымъ лицомъ. Двое нищихъ приковыляли на костыляхъ

Назла лежала, припикнувъ лицомъ и губами къ холодному мрамору и только шептала: „*елейсонъ му! Агіе! елейсонъ му!*“

И мы всѣ растроганные стояли вокругъ нея и повторяли тихо и всѣ дружнымъ хоромъ: „*Елейсонъ и масъ, о Тео елейсонъ и масъ!*“

## VI.

Пока мы съ Назлою и кавассами шли въ митрополію, по пришло, пока отецъ Арсеній и кавассы и всѣ мы утѣша Назлою у гробницы Св. Георгія и вмѣстѣ съ нею молились о спасеніи, полкъ Коста послѣдшилъ въ Порту и тамъ въ толпѣ просителей и другихъ людей, призываемыхъ по дѣламъ, я шелъ какого-то такого человѣка который взялся доложить митрополиту о томъ что въ митрополію прибѣжала Турчанка желающая принять христіанство. (И это было не такъ просто какъ кажется: митрополитъ сидѣлъ у паши въ советѣ, и къ тому же полкъ Коста, какъ я уже сказалъ, не жаллъ показываться самъ на глаза владыкѣ, потому что владыка готовъ былъ всегда съ недовѣріемъ и гнѣвомъ отнестись къ „его дѣламъ“). Наконецъ владыку вызвали и сказали ему: „Одна Турчанка въ митрополіи желаетъ принять христіанство.“

Митрополитъ послѣдшво возвратился въ приемную паши воскликнулъ:

— Видите, эфенди мой! До чего враги мои злобы; они подослали въ митрополію Турчанку искать обращенія нарочно съ цѣлію разстроить меня съ вами и вселить въ васъ и мнѣ недовѣріе.

\* Лампадовозжигатель; при церквахъ на Востокѣ есть такая должность.



Царь просилъ его усложниться и доверчиво совѣтовалъ ему послать своего собственнаго митрополитскаго кавасса чтобъ узнать настоящимъ образомъ въ чемъ дѣло.

Митрополитъ, однако, во гнѣвъ (все подозрѣвая Куско-беа и другихъ враговъ своихъ въ интригѣ), приказалъ кавассу въ присутствіи лашы:

— Выгнать эту жеащину вонъ тотчасъ же!

Кавассъ пришелъ и засталъ насъ всѣхъ у гроба Св. Герасима такъ какъ я разказалъ. Онъ сказалъ Назли:

— Уходи вонъ сейчасъ! Владыка такъ приказалъ.

Но Назли отвѣчала спокойно:

— Нѣтъ, я отъ святаго мученика не пойду. Онъ меня не пускаетъ.

Никто изъ присутствовавшихъ кавасса не поддержалъ, и отецъ Арсеній прибавилъ отъ себя:

— Куда ей идти отсюда?

Когда кавассъ извѣстилъ владыку о томъ что Назли уходитъ не хочетъ, митрополитъ сѣлъ на коня и пріѣхалъ самъ.

Онъ вошелъ разгнѣванный, руки его дрожали, лицо было тревоженное. Мы всѣ молча низко, низко поклоунились.

Отецъ Арсеній сдѣлалъ ему три земныхъ поклона. Назли же сказала, прижавши лицомъ къ холодному мрамору гробницы.

— Это ты привелъ ее? спросилъ владыка отца Арсенія.

— Я, старче, я, я... сказалъ отецъ Арсеній, весело и безъ какого-либо смущенія.

— Ты?

И митрополитъ долго глядѣлъ на него молча и подавая при этомъ гнѣва которая килѣла видимо въ немъ... Потомъ сказалъ:

— Что жь, это хорошо... Не слодобимся ли мы съ тобой истиннаго вѣнца за это?... А? какъ ты скажешь?...

— Простите... сказалъ Арсеній и еще разъ поклоунился въ ноги.

Владыка продолжалъ все еще бороться съ своими чувствами и потому видимо взвѣшивалъ каждое свое слово. Обращаясь къ Назли, онъ сказалъ ей тихо, но съ негодованіемъ, указавшимъ въ голосѣ и взглядѣ:

— Встань, благословенная, подожди, поцѣлуй мою десницу. Не смѣй взглянуть на себя, что ты за человѣкъ.

Назли встала и тотчасъ же, улавъ ему въ ноги, сказала что и проникающимъ въ сердце голосомъ:

— Старче мой! милый мой старче!... Барашекъ ты мой старче... я скоро умру... мой старче!...

И качая головой она сѣла на полъ у ногъ его и заплакала. Потомъ сказала:

— Поди сюда поближе, деслогъ ты мой, эффеуди ты мой лаша ты мой! дай руку свою...

Митрополитъ тронутый подошелъ ближе, нагнулся къ ней и подавъ ей руку; она поцѣловала ее, потомъ приложивъ руку его къ своей груди, въ которой такъ сильно билось сердце, вдругъ закричала раздирающимъ голосомъ:

— Слышишь? слышишь ты какъ оно бьется?... Слышишь море *деспотиму*? Умру я, море *деспотиму*, и не хочу я умирать Турчанкой, слышишь ты?...

Тогда митрополитъ повѣрилъ ей, лицо его измѣнилось и успокоилось. Онъ сталъ спрашивать у отца Арсенія, кто онъ и откуда, изъ какой семьи и какихъ лѣтъ была потурчанка и когда задумала обратиться.

Выслушавъ все внимательно митрополитъ позволилъ ей оставаться тутъ пока, а самъ велѣлъ опять подать себѣ коню и вышелъ изъ церкви, говоря отцу Арсенію со вздохомъ:

— Хорошо это! Но посмотримъ теперь что намъ съ речичкой со всей этой дѣлать... Консуловъ извѣстить бы и съ другой стороны... поскорѣе...

Отецъ Арсеній повторялъ съ радостью:

— Извѣстимъ! Извѣстимъ... Извѣстимъ... Хорошо! Хорошо! Все хорошо... Все слава Богу... Извѣстимъ... Извѣстимъ!

Лошадь подавали; я бросился держать стремя; тогда толпа владыка замѣтилъ меня и сказалъ:

— А! и ты, благословенный, здѣсь?...

Онъ подавъ мнѣ руку и прибавивъ, обращаясь къ отцу Арсенію:

— Ты бы самъ здѣсь съ ней остался; а къ Русскому и Эллину можно хоть бы и его послать. Онъ мальчишкѣ разный и отецъ его драгоманъ ихній... Не такъ замѣтно будишь какъ если отъ насъ кто-нибудь пойдетъ... Какъ ты думаешь сынъ мой?

Я сказалъ: какъ прикажете; и ужъ ободренный первыми успѣхомъ, одушевленный мыслью о спасеніи бѣдной Наполеонъ усложненный тѣмъ что теперь одинъ, безъ Назли, я про безопаснѣе, я полетѣлъ какъ на крыльяхъ въ Русское государство. Изъ осторожности я все-таки обшелъ базаръ

длинно кругомъ и миновалъ благополучно всѣ тѣ мѣста гдѣ бы могъ встрѣтить Турокъ. Но я боялся напрасно. Еще въ мѣстѣ не многіе знали объ этомъ событіи.

Гораздо труднѣе было мое положеніе въ консульствахъ. Визскаго консула я не засталъ дома; побѣждалъ къ отцу Аристану, къ драгоману, и его не засталъ; прихожу на Русскій дворъ, Ставри говоритъ:

— Поди въ домъ Бакъева, тамъ и Бостанджи-Оглу чай есть, потому что у Бакъева сегодня Французъ и Австріецъ въ гостяхъ.

Я спѣшу къ Бакъеву и только-что отворяю калитку на дворъ его, прямо мнѣ навстрѣчу monsieur Бреше съ своимъ пассомъ. За нимъ австрійскій консулъ и самъ Бакъевъ.

Я постороился поспѣшно и не зналъ что мнѣ дѣлать. Они уходили, и я не смѣлъ остановить ихъ и сказать въ чемъ дѣло. Никто мнѣ этого не поручалъ и не приказывалъ.

Къ счастью самъ Бакъевъ увидавъ меня сказалъ:

— А! вотъ и самый этотъ Одиссей!...

Я повѣлъ что они уже знаютъ о дѣлѣ Назай. (Въ самомъ дѣлѣ Бостанджи-Оглу вѣрно обдумавъ послѣ что онъ не имѣетъ права пренебречь этимъ, послѣшилъ отыскать управляющаго и разказалъ ему.)

Консула остановились, и Бреше повелительно обратясь ко мнѣ съ уничтожающихъ взглядомъ и строгимъ голосомъ сказалъ:

— Vous en savez quelque chose?

Я сказалъ только что отвѣлъ въ митрополию одну Турчанку, которая желаетъ обратиться въ христіанство...

— Et ce coquin de Déspot-effendi que fait-il maintenant?

Я сказалъ:

— Je n'en sais rien monsieur le Consul. Меня не онъ пригласилъ, а самъ пришелъ.

— Онъ, я думаю, ничего не дѣлаетъ! продолжалъ monsieur Бреше.— Онъ любитъ только, какъ всѣ они, чтобъ ему говорили: „Севасмиотамѣ! Паниеротамѣ!“ Qu'en dites-vous, monsieur

Амбасадеръ? Vous en savez quelque chose vous aussi? Пусть будетъ такъ, мы займемся этимъ дѣломъ....

И потомъ прибавилъ съ презрѣніемъ и гадкою усмѣшкой:

— Надо, однако, согласиться что все это ужасно глупо. Но я полагаю что перспектива стать вѣчно невнимкою и еже-

дневно обладаемою гуріей въ раю Магомета гораздо забавнѣе чѣмъ проводить время въ томъ блаженствѣ созерцательномъ которое общаетъ намъ христіанскій клиръ.... Sont-ils bêt ces gens-là avec leurs conversions.... Еслибы тутъ была ея любовь кака-нибудь, какъ часто бываетъ, я еще понимаю. Ne serait-elle pas la maîtresse de ce petit jeune homme par hasard? Cela serait moins bête....

Я съ недоумѣніемъ и горестью слушалъ какъ попираетъ этотъ отвратительный человѣкъ наши священныя чувства стоялъ въ почтительномъ молчаніи и съ радостью замѣтилъ что Бакъевъ даже и не улыбнулся въ отвѣтъ на грязную и безстыдную рѣчь Брешэ; что касается до Ашенбрехера, онъ улыбнулся насильно, покраснѣлъ и смутился; онъ былъ *папистанъ* и жена его славилась у насъ какъ набожная и толочка, которой чувство, съ одной стороны, доходило до фанатизма и противу насъ, а съ другой, принуждало ее иогискать молитвы и въ православномъ храмѣ.

Помолчавъ, Ашенбрехеръ обратился ко мнѣ очень вѣжливо и даже искательно и началъ спрашивать: изъ какого квартала Назлі и все что я о ней знаю.

Обо всемъ томъ что я зналъ про нее я сказалъ, но теряя головы, я продолжалъ умалчивать и о томъ что я видѣлъ и слышалъ въ митрополіи, и объ участіи попа Коси и отца Арсенія. Я не хотѣлъ никого запутывать и боялся портить дѣло. Но Ашенбрехеръ былъ лукавъ и лживъ. Онъ очень тонко (и все съ самою сладкою улыбкой склоняясь ко мнѣ) спрашивалъ меня, и такъ и иначе стараясь провѣстать въ какую-нибудь тайну, которую онъ подозрѣвалъ во всемъ этомъ.

— Вы, значитъ, сами отвели ее въ митрополію?

— Самъ отвелъ.

— А какъ же вы съ Турчанкой вмѣстѣ по улицѣ шли? Здѣсь сейчасъ на это обращаютъ всѣ вниманіе.

— Она была въ христіанской одеждѣ.

— А! она была въ христіанской одеждѣ! Хорошо. А гдѣ жь она переодѣлась?

— Она дома такъ была уже одѣта.

Я начиналъ лгать, и съ ужасомъ чувствовалъ что кровь приливаетъ ко мнѣ въ лицо.

— А! она была дома такъ одѣта? Вы ее, значитъ, привели изъ дома взяли....

— Из дома прямо, господинъ консулъ... продолжалъ я, какъ бы увлекаемый въ бездну этимъ жирнымъ и ласковымъ словомъ.

— Изъ Камлы-Чешмэ? сказалъ Ашенбрехеръ особенно ласково прищуривъ глаза (я полагалъ: это предмѣстье имѣетъ очень дурную славу); но я рѣшился стоять на своемъ и сказать:

— Да! оттуда.

Консула всё улыбнулся. Брешэ сказалъ:

— Je vous disais qu'il y a quelque chose!

Но Бакъевъ спасъ меня, сказавъ имъ:

— Не будемъ мучить больше этого бѣднаго юношу; онъ конфузится. Къ тому же я полагаю что надо заняться этимъ деломъ поскорѣе, пока фанатизмъ мусульманъ не разгорѣлся... Это и намъ облегчитъ дѣло, если только онъ захочетъ быть справедливымъ.

Брешэ сказалъ:

— Это правда! И тотчасъ же обратясь къ своему кавассу спросилъ за своимъ драгоманомъ, monsieur Какачио, и вслѣдъ за тѣмъ всё они трое ушли, оставивъ меня одного.

Я сказалъ себѣ: „слава Богу! все хорошо!“ И пошелъ домой въ церковь Св. Марины.

Но едва только я поравнялся съ домою одной турецкой школы, которая была не очень далеко отъ насъ при мечети, какъ вдругъ выбѣжала изъ нея толпа дѣтей и начала кричать мнѣ: „гяуръ! морэ! гяуръ! брэ! гяуръ!“ и осыпала меня камнями. Одинъ изъ нихъ попалъ мнѣ въ спину и крѣпкошибъ; другой, поменьше; въ голову. Я не зналъ куда мнѣ бѣжать: дѣти были со всѣхъ сторонъ, и прыгали, и кричали, и кричали меня. Сбоку раздался громкій смѣхъ. Я оглянулся. На углу стояли двое молодыхъ Турокъ; младшій былъ семилѣтъ, \* другой немного постарше, *софта*, \*\* въ бѣлой чалмѣ. Ожнувшись къ нимъ я сказалъ по-турецки: „На что жь такой стыдъ и срамъ... Что я сдѣлалъ?...“ Едва я только выговорилъ это, лицо молодого сеиса оостервенилось, онъ оглянулся туда и сюда, кинулся на меня, повалилъ меня однимъ ударомъ и началъ бить ногами и руками такъ сильно что я

\* Кошачь.

\*\* Ученикъ вышшаго духовнаго мусульманскаго училища, студентъ махариі турецкой.

не въ силахъ былъ уже защищаться... Я началъ кричать. Но и дѣти подняли такой общій вопль что, конечно, голос моего слышать было нельзя... Наконецъ, усладивъ свою злобу, сеишь всталъ и ударивъ меня еще разъ ногою въ грудь, сказалъ: „собака!“ и отошелъ. Софта не билъ меня, онъ стоялъ около, смотрѣлъ и смѣялся. Потомъ когда сеишь всталъ съ земли, на которой онъ такъ безжалостно попрадалъ меня, софта помогъ мнѣ встать и только давъ мнѣ одну пощечину толкнулъ и сказалъ: *гидъ! пезевенгъ!* (иди! сводникъ!)

Я пошелъ домой поправляя на себѣ одежду со слезами въ глазахъ. Лицо мое было исцарапано и бокъ очень сильно билъ. Когда я пришелъ домой, онъ весь былъ красный послѣ этого еще долго не могла сойти червота отъ кроваваго ушиба.

## VII.

Я шелъ домой пылая мщеніемъ. Не боль одна, не воспоминаніе о страхѣ за жизнь мою, который я испыталъ когда этотъ сильный конюхъ повалилъ меня на мостовую; нѣтъ гордость моя, мое самолюбіе было глубоко оскорблено... Какъ меня, который считалъ себя сыномъ архонтскимъ, меня, дубаго и единственнаго сына загорскаго торговца, *Эмнора* меня, котораго самъ господишь Благовъ удостоивалъ бравоуважающею рукою своею за плечо и съ которымъ онъ дружески шутилъ въ Загорахъ... меня избилъ на улицѣ бѣлый грамотный варваръ, *обръзанный* Турокъ, оборванный и вѣчно нючій конюхъ... Какъ защититься?.. Какъ отомстить ему? Какъ преувеличить даже мои страданія чтобъ его наказали строго?... Въ волненіи моемъ, въ смятеніи и гнѣвѣ я вдру забылъ обо всемъ что могло меня утѣшить и ободрить. Я забылъ о томъ что я потерпѣлъ лобомъ и оскорбленъ *во имя Христа*, забываясь о спасеніи души человѣческой я забылъ и о русскомъ флагѣ, котораго тѣнь и меня *состоитъ* освящать, ибо хотя я самъ не что иное какъ жалкій *райя*, но отецъ мой теперь драгоманъ русскій и уравненъ въ менно въ правахъ со счастливыми подданными того великаго православнаго Самодержца, котораго сіяющій портретъ гордо красуется въ черкесской одеждѣ на стѣнѣ нашего загона.

\* *Эмнорскъ*—*кунецъ* богатый, negociантъ.

свои жилища!... Я обо всемъ этомъ забылъ и, думая лишь о томъ въ груди и сливъ, сокрушаясь только о стыдѣ моемъ и безславіи, пришелъ домой къ отцу Арсенію и сѣвъ въ гнѣвъ у параманы, горько заплакалъ....

Когда добрая женщина эта съ участіемъ спросила что со мной, я показалъ ей царапины на лицѣ моемъ, молча снялъ одежду и показалъ ей знаки на тѣлѣ и закрывъ лицо руками, снова заплакалъ.

На политическія дѣла у насъ всѣ люди смыслены и всѣ понимаютъ ихъ съ быстротой молніи... Парамана тотчасъ же сказала:

— Раздѣвсья, ложись скорѣе въ постель; задавать Русскіе Турокъ за это дѣло... Будь покоенъ... Только ты больше стои и жалуйся, а я сейчасъ пойду въ консульство.

И накинувъ платокъ, тотчасъ ушла. Не прошло и получаса какъ моя комната была полна людей. Отецъ Арсеній сидѣлъ около моего изголовья и твердилъ: „За Христа, святую гору ты повесь это, за Христа“... И смѣялся, и веселился, а бороду свою знаменитую гладилъ. Малолетокъ стоялъ опершись на саблю и, приподнимая усы, бранилъ Турокъ и называлъ ихъ „необразованные звѣри“. Парамана вздыхала, приподнявшись у моихъ ногъ; скоро и докторъ Коевино взошелъ, сверкая глазами и никому не кланяясь и ни на кого не глядя, весь преданный наукѣ и дружбѣ ко мнѣ, склонился надо мной заботливо и ощущалъ мой пульсъ.

Бостанджи-Огау и тотъ пришелъ и тотъ былъ внимателенъ и повторялъ: „Видите, видите! Не перерѣзать ли надо всю эту агарянскую сволочь?“

Сосѣди въ некоторые пришли; даже дѣти чужія набѣжали въ отворенныя двери, потому что влучата отца Арсенія извѣстали ихъ о томъ что Турки „убили нашего Одиссея“.

Наконецъ и самъ господинъ Бакѣвъ оказался въ дверяхъ; всѣ встали и разступились предъ нимъ. Отецъ Арсеній сѣвши ошестить ему мѣсто около меня; онъ первый поклонился доктору и спросилъ его, опасны ли лобки для моего здоровья... Коевино сказалъ что они ничуть не опасны, но что если хотятъ дать дѣлу законный ходъ, то лучше послать въ консульство докторомъ, который состоитъ на турецкой службѣ, чтобъ онъ освидѣтельствовалъ меня скорѣе, пока всѣ знаки свѣжи....

Господинъ Бакѣвъ тотчасъ же послалъ за этимъ докто-

ромъ, а самъ началъ спрашивать меня о томъ какъ бы дѣло. Кто были эти Турки, я не зналъ, но другіе по описанію моему сейчасъ догадались.

Такимъ образомъ дѣло *Назлі* соединилось съ дѣломъ *Одиссея* и многіе еще гораздо позднѣе шутя говорили: „во время того вопроса который зовется Назлі-Одиссей, или Одиссей-Назлі“.

Еще ни разу прежде въ жизни моей я не ощутилъ такъ живо какъ въ эти дни, для меня столь незабвенные, ту тѣсную связь которая объединяла всѣхъ насъ православныхъ и Грековъ, и Русскихъ, въ общемъ нравственномъ интересѣ.

Я не говорю о заботахъ доброй параманы, которыя были даже излишни, ибо кромѣ сильной боли въ ушибенныхъ мѣстахъ, у меня не было никакой болѣзни; не говорю объ отцѣ Арсеніи; онъ считалъ особымъ долгомъ обо мнѣ печиться. Нѣтъ, я говорю обо всѣхъ другихъ людяхъ. Кое-кому посѣщалъ меня каждый день, несмотря на то что рисковалъ безпрестанно встрѣтить у меня людей которыхъ онъ считалъ теперь ненавидимыми себѣ врагами, Бакѣва и самого Исаакидеса... Да! Исаакидесъ вмѣшался въ это... И какъ это бываетъ нерѣдко въ жизни, именно въ тѣхъ людяхъ которые мнѣ меньше всѣхъ нравились я видѣлъ въ этомъ случаѣ наибольшее рвеніе. Исаакидесъ и Бѣстанджи-Оглу одинъ изъ *туркобаги*, другой желая отличиться въ судахъ больше всѣхъ другихъ въ этомъ случаѣ дѣйствовали въ моемъ духѣ, въ духѣ того отмщенія обиды, который продолжалъ одушевлять меня.

Г. Бакѣвъ, хотя и посѣтилъ меня, но видимо ему такихъ дѣлъ не хотѣлось гдѣ будетъ предстоять трудная борьба съ турецкими изворотами и оттяжками. Онъ какъ-то брезгливо садился около меня на стулъ, брезгливо издали разсматривалъ на тѣлѣ моемъ красноту, обнаженную врачами; не разъ спрашивалъ врачей: „Вѣдь это, видимо, вовсе не серьезно?“ Замѣтилъ было даже и мнѣ самому: „Такимъ молодымъ людямъ какъ вы, не слѣдовало бы мѣшаться въ политическія дѣла... особенно когда они сами себя защитить не умѣютъ... Предоставьте это старшимъ и болѣе храбрымъ чѣмъ вы...“

Однако, на слѣдующій же день прислалъ за мной Бѣстанджи-Оглу чтобы меня вести въ *истинтакъ*, на слѣдствіе.

Затрудненіе было въ томъ, признають ли Турки право Русскаго консульства защищать меня. Отецъ мой, какъ ты по-



нны вѣроятно, имѣлъ греческій паспортъ, и требовалъ отъ Турокъ чтобъ они признали его подданнымъ Эллинскаго владѣннаго королевства. Теперь онъ былъ сдѣланъ русскимъ дипломатомъ, такъ что у насъ было двѣ законныя иностранныя защиты; но я рожденъ былъ имъ еще въ турецкомъ вѣдѣствѣ и онъ, какъ и многіе другіе христіане Востока, и прочъ былъ имѣть въ родствѣ своемъ и въ семьѣ своей людей различнаго подданства. Это прежде было очень выгодно для торговыхъ и тяжбныхъ дѣлъ; это и теперь иногда удобно. Есть дѣла которыя легче устроить подъ флагомъ русскимъ, другія подъ англійскимъ и иными европейскими, а были всегда и такія дѣла (напримѣръ, до послѣдняго времени по вопросамъ о поземельной и недвижимой собственности) для которыхъ прямая зависимость отъ Турокъ была часто выгоднѣе всякаго иностраннаго подданства. Вотъ поэтому и мой отецъ не слѣдилъ безъ крайности снабдить меня какою-нибудь иностраннымъ видомъ, вотъ поэтому я и до сихъ поръ остаюсь турецкимъ подданнымъ, ибо позднѣе поладилъ съ Турками какъ нельзя лучше.

Итакъ, слабый и неспособный г. Вакъевъ колебался... Онъ, по обычаю своему, не надѣясь на себя одного, пошелъ къ нѣкимъ западнымъ консульствамъ извѣщать и совѣтоваться. Онъ пришелъ къ Леси, разказалъ ему о Назли и обо мнѣ, и спросилъ что онъ думаетъ... (Боставджи-Оглу былъ съ нимъ, и онъ обо всемъ разказывалъ послѣ; говорили и другіе люди). Леси долго смотрѣлъ въ потолокъ, улыбался, и наконецъ только сказалъ:

— Я провожу черту глубокаго различія между дѣломъ Турчанки Назли, о которомъ меня давно уже извѣстили, и дѣломъ молодого Полихроніадеса, о которомъ вы мнѣ даете весьма свѣдѣнія. Я твердо убѣжденъ что дѣло Назли относится къ области явнскаго митрополита, и консульство каталонскаго подобнаго прозелитизма должно пребыть лишь въ наблюдательной позиціи, руководствуясь увѣренностью что проповѣданія въ Оттоманской Имперіи стараніями союзныхъ державъ Запада, уже давно объявлены свободными. Это во дѣлу Назли. Переходя же къ дѣлу молодого Полихроніадеса, котораго вы, какъ я вижу, предпочитаете называть *Одиссеємъ*, я, продолжая проводить ту глубокую черту о которой уже разъ упомянулъ, выражу вамъ слѣдующее мнѣніе. Хотя отецъ господина Полихроніадеса, Полихроніа-

десъ такъ-сказать старшій, драгоманъ вашъ, и имѣть правъ на вашу защиту, но сынъ не драгоманъ и правъ на защиту вашу не имѣетъ и долженъ самъ, если желаетъ, обратиться прямо и непосредственно къ оттоманскимъ властямъ. Если же онъ не совершеннолѣтній, то можно найти руководителя хотя бы въ лицѣ того почтеннаго іерея въ домѣ котораго онъ по вашимъ словамъ обитаетъ.

Г. Бакъевъ пошелъ къ Бреше. Бреше выслушалъ его сказалъ:

— C'est votre affaire... Après tout cela m'est indifférent. Ma monsieur de Lecy est un peu fatigant, pour ne pas dire autre chose...

— Чтò бы сдѣлали вы, еслибъ это былъ сынъ ваше драгомана?

Бреше тогда сказалъ:

— Я? Конечно, я бы послалъ его въ Порту отъ себя много. И еслибы мнѣ не дали сейчасъ удовлетворенія... то бы сталъ затрудняться только вопросомъ: кому изъ Турокъ надавать пощечинъ, предсѣдателя свидѣственной коммисіи или Ибрагимъ-бею, который давно уже раздражае мнѣ нервы... или, наконецъ, сдѣлать сцену самому отарол коллаку, лашѣ этому.

— Современны ли и законны ли такія средства? попровадь было колко сказать Бакъевъ.

На это Бреше, величаво поднявшись съ дивана, воскликнула

— Monsieur, все то современно чтò поддерживаетъ великую Францію, передовой націи во всемъ человѣчествѣ.

Чтò сказалъ добрый и толстый поваръ съ Австрійски Ллойда?

— Il rovero ragazzo! Il est bien gentil, le pauvre enfant, et sa robe de chambre turque (олять турецкій халатикъ! Оля саванъ турецкій! Олять печать отъверженія... Боже! Когда же вернется отецъ мой и дастъ мнѣ денегъ на европейскія платья, на одежду прогресса и моды благородныхъ людей. Надо, надо взять мѣры... Хотя съ этими Турками очтрудо; они ужасно хитры... И свидѣтелей, замѣтьте, никакихъ не было при этомъ несчастіи.

Нашъ Элливъ Киркориди былъ полезенъ всѣмъ имъ. Самъ поспѣшилъ придти къ Бакъеву и сказалъ ему:

— Есть тутъ одно обстоятельство важнѣе всего. Между нами будь сказано, вашъ писецъ Бостанджи-Оглу, человѣкъ зн

дѣ прекрасно языки и очень хорошій, очень хорошій юноша, и онъ не очень опытенъ, не опытенъ, больше ничего. У васъ же вѣтъ хорошаго драгомана. Если вы хотите непремѣнно защищать Одиссея, то я предложу вамъ моего старика (это былъ отецъ Аристиды); а если не хотите, скажите, я самъ возьмусь за эту защиту, такъ какъ этотъ Одиссей все-таки былъ эллискаго подданнаго и, если мы даже не достигнемъ того чтобы люди которые его любили были наказаны, то по крайней мѣрѣ всѣ узнаютъ что оскорбленія такого рода не остаются пренебреженными, и что на нихъ есть какой-нибудь судъ.

Киркориди сказалъ это все твердо и рѣшительно. Исаакъ, вездѣ преслѣдуя Турокъ, подливалъ масла въ огонь; онъ и греческому консулу и русскому управляющему внушалъ одно и то же.

— Неужели такая обида останется безъ отмщенія и пройтись безъ слѣда?... Неужели? неужели?

Г. Бакъевъ рѣшилъ послать меня въ *истинтакъ*, но всегда бѣзтактный, вдругъ неумѣство возгордился противъ осторожнаго и умнаго нашего Киркориди и драгомана его не взявъ, и послалъ все-таки Бостанджи-Оглу, мотать тамъ предъ Турками своею длинною и острою жидовскою бородкой. Паша уступилъ, призналъ мое право.

Пошли мы... Бостанджи-Оглу моталъ бородкой, сидя рядомъ съ председателемъ Туркомъ, въ восторгѣ отъ такого почета. Я сидѣлъ напротивъ, смиренно на стулѣ съ обложенною грубою и спиной и показывалъ огромное лятно, которое изъ краснаго уже становилось синимъ и желтымъ.

На старомъ грязномъ диванѣ, который шелъ вокругъ всей комнаты, сидѣли другіе чиновники, и судьи и всѣ курили. На другихъ стульяхъ сидѣли лицемѣрно потуливъ глаза свои оскорбители, софта и сенсъ... Ихъ допрашивали. Сабрибей былъ въ числѣ членовъ и, разумѣется, не оказывалъ ниъ никакого особеннаго вниманія и былъ холоденъ.

Предсѣдатель, медленный Турокъ, жирный и невѣроятно хитрый и опытный, расспрашивалъ по очереди и меня и моихъ противниковъ... Но явно что они были научены и говорили очень коротко и просто, что вовсе и не видали меня. Ихъ выпускали обоихъ вмѣстѣ въ прихожую за заавѣску и они совѣтовались тамъ сколько хотѣли...

Бостанджи-Оглу предложилъ пригласить докторовъ. Пред-

сѣдатель на это тихо сказалъ: „Мы и сами видимъ знаки. На что же докторовъ беспокоить... Свидѣтелей нѣтъ, сказалъ онъ потомъ обращаясь къ Сабри-бею, и Сабри сказалъ кланяясь ему быстро: „Эветъ! эффендимъ“.

Потомъ отложили засѣданіе на цѣлую недѣлю потому что были другія дѣла; черезъ недѣлю нашли причину еще отаждать; кто-то изъ членовъ былъ боленъ и были опять болѣе важныя дѣла; нашли тѣло убитаго человѣка въ ямѣ за горой домъ... Деревенскія женщины жаловались что ихъ тоже избивали на дорогѣ солдаты.

Такъ понемногу угасало мое дѣло, и у всѣхъ людей начиналъ проходить къ нему интересъ.

Угасало мое дѣло; угасало, казалось, и дѣло Назли... Въ то время когда меня прибили и когда моя комната была полна посѣтителей и друзей, Назли все оставалась въ митрополитѣ съ разрѣшенія самого пашы; митрополитъ боялся, или притворялся что боится ночнаго нападенія Турокъ. Онъ сказалъ пашѣ: „Я продержу ее до утра; но разставьте вокругъ стѣнъ моихъ аскеровъ“. И паша послалъ ему взводъ солдатъ со строгимъ приказомъ гнать всѣхъ Турокъ отъ митрополита. На другой день Назли освидѣтельствовалъ, по приказанію пашы, докторъ, нашелъ у ней болѣзнь сердца и приказавъ было отдать ее въ больницу, съ тѣмъ чтобы къ ней невозможно имѣли доступъ духовныя лица обоихъ исповѣданій.

Тогда полкъ Коста, отчаявшись въ помощи консульства и видя ея горе и отчаяніе, которое доходило даже до того что она боялась принимать лѣкарства и думала что Турки приказали доктору отравить ее, полкъ Коста сказалъ ей

— Знаешь что! Оставь это все; скажи что ты здорова и раскаялась и остаешься впредь навсегда Турчанкой. Вернись домой; я иначе сдѣлаю... На консульства нѣтъ надежды...

Посѣтилъ ее и отецъ Арсеній и сказалъ то же самое. Посѣтили ее и мусульманскіе ходжи, и она рѣшилась сказать имъ такъ какъ научили ее христіане.

— Мнѣ лучше, и я вернусь домой и останусь въ той вѣрѣ въ которой столько лѣтъ жила... Это все сдѣлала мнѣ боленность... Отъ нея я потеряла разумъ.

Сказать ей это стоило очень дорого! Она ежеминутно тревожилась чтобы не умереть отъ этихъ, хотя бы и *лживо* произнесенныхъ ею словъ. „Страшно, страшно, отецъ мой!“ говорила она отцу Арсенію и плакала.

Турокъ была радость по этому поводу. Иные прямо въ лив сѣлались лопу Коста и говорили: „Ушла куропатка изъ рукъ твоихъ!“ А лопъ Коста отвѣчалъ дервко: „Изъ моихъ рукъ ушла, да посмотрю изъ Божіихъ уйдетъ ли въ дьявольскія. Вотъ вопросъ, ага ты мой.“

И точно, не прошло и двухъ какихъ-нибудь недѣль послѣ этихъ стгахъ событій, какъ однажды вечеромъ вошелъ ко мнѣ лопъ Коста и сказалъ:

— Паша къ матери.

— Чтò писать? о чемъ? спросилъ я съ удивленіемъ.

Но лопъ Коста повелительно сказалъ:

— Паша, христіанинъ ты человекъ! и указавъ на столъ еще сердитѣе и повелительнѣе прибавилъ: — Садись, морѣ, хлѣсъ и не будь *вареною ещью*... Стыдно!

Я повиновался, и онъ продиктовалъ мнѣ письмо о томъ что христіане должны помогать другъ другу, о томъ что Назли страдаетъ нестерпимо отъ „звѣрей во образѣ человеквъ“, о томъ что госпожа Полихронидесъ славится своимъ благочестіемъ и добротой, и что Назли желаетъ поступить *паралелю* въ какой-нибудь удивенный и мирный монастырекъ шедло въ Загорахъ, гдѣ Турокъ вòвсе нѣтъ и гдѣ она можетъ и въ монахици постричься.

Я написалъ. Онъ подписалъ и прибавилъ: „Самъ я скверно пишу и не очень грамотно, а ты преусилъ равно и въ риторскомъ искусствѣ и въ словесныхъ наукахъ. Живи, Одиссея!“ Взялъ письмо и ушелъ.

На другой день еще до разсвѣта, Назли, переодѣтая въ старое платье полады, жены лопы Коста, вышла изъ дома своего тихонько за городъ. Тамъ ждалъ ее лопъ и другой молодецъ въ фустанелѣхъ съ двумя мулами (денегъ для найма муловъ выпросилъ отецъ Арсеній у кого-то изъ самыхъ богатыхъ архонтовъ). Молодецъ этотъ (скажу мимоходомъ чтобы порадовать еще разъ твой греческій патриотизмъ) былъ тотъ самый отчаянный ювоша который однажды грохнулъ Бакырѣ-Алмазу издали ножомъ чтобъ ему на праздникъ выдали помощь денежную изъ митрополиі, тотъ самый еще который былъ слегка раненъ когда рвался растерзать ливча-Цыгана послѣ казни Саида. Несмотря на его буйный и сварливый нравъ, въ немъ было много привлекательнаго и я съ нимъ любилъ его. Ростомъ небольшой, сложенія вòвсе не славнаго, легкій и ловкій, круглолицый и бѣдный какъ боль-

шая часть Арнаутовъ, бѣлокурый, еще безбородый вовсе, с очами отважными, онъ ремесломъ былъ просто башмачникъ и кормилъ трудами своими мать и двухъ сестеръ. Онъ былъ всегда веселъ, лѣлъ и плясалъ хорошо когда у господина Благова на дворѣ собирались молодцы танцовать и консула веселить; онъ былъ изъ первыхъ во всемъ. Это онъ бросилъ стаканъ выше дома и закричалъ, когда онъ не разбилъ: „крѣпка Россія“; онъ выбралъ турецкій обходъ и звалъ его больше старался господинъ Благовъ, когда ходилъ къ лашѣ просить чтобы выпустили молодцовъ изъ тюрьмы. Поль Коста иногда спрашивалъ у него:

— Сынъ ты мой! Яви мой! Мзльчикъ мой! Другъ ты мой когда будемъ Турокъ бить?...

— Сейчас! говорилъ Яви и засучивалъ широкіе арнаутскіе рукава свои выше локтей....

Поль Коста зналъ кому поручить безпомощную и заблудшую овцу стада Христова, которую не могли, или не хотѣли защитить какъ слѣдуетъ люди власти и вліянія. И Назли съ охотой довѣрилась этому герою.

Онъ благополучно отвезъ ее къ намъ въ село Франгадесъ съ лисьмомъ моимъ. Въ одномъ хану, при восходѣ солнца отдыхалъ даже вмѣстѣ съ какими-то Турками и рассказы валь имъ тысячу небылицъ о томъ что спутница его больная, сестра двоюродная госпожи Полихрониадесъ, жены русскаго драгомана, и ѣздила лѣчиться въ Янину, къ докторамъ и теперь возвращается восвоюси.... И Турки говорили имъ серьезно: Въ добрый часъ! Въ добрый часъ! И Назли отвѣчала имъ по-гречески: Благодарю васъ, ага мой!

Такъ легко и неожиданно просто кончаются самыя трудныя дѣла, когда придетъ имъ *этотъ добрый часъ* и когда созрѣютъ сами собою обстоятельства, помимо воли, даже самыхъ сильныхъ людей.

Назли давно уже не Назли. Она даже и не Елисавета, какъ была крещена, а мать Евпраксія. Поживъ недолго у матерной, она удалилась скоро въ одинъ изъ тѣхъ небольшихъ горныхъ монастырей нашихъ эгарскихъ, въ которыхъ, какъ въ Аеонскихъ лѣсныхъ и лустыняныхъ кельяхъ, живутъ по-двое, по-трое монаховъ, а верѣдко и одинъ всегда. Они всѣ мужскіе, но женщины пожилыя и основательныя. Они доускаются въ нихъ для прислуги и помощи. Сперва Назли мыла тамъ полы и бѣлье у одинокаго старца *игумена без*

брани, готовила ему его смиренный обѣдъ.... Здоровье ея въ гнѣвъ стало лучше. Она желала постричься, и игумень, звавъ двухъ-трехъ другихъ монаховъ со стороны, постригъ ее самъ въ маленькой церкви своей. Мать моя ѣздила смотрѣть на это пустынное, безлюдное и глубоко-трогательное постриженіе и всегда вспоминала о немъ съ самымъ искреннимъ чувствомъ удивленія и радости.

Не такъ давно (лѣтъ черезъ пять послѣ ея обращенія и бѣгства изъ Янины), я видѣлъ ее еще разъ. Я пріѣзжалъ съ Дунаа въ Загоры и посѣтилъ ее нарочно въ той пустынѣ куда она скрылась.

Монастырь этотъ построенъ на высокомъ холмѣ, недалеко отъ села. Мѣсто это очень дикое, суровое, нагое и печальное. Бѣлая высокая стѣна стараго и небольшого дома съ узкими окошками; крѣпкія ворота всегда запертыя; древняя изваянная церковь, снаружи простое строеніе съ череличною кровлей, внутри темные своды и высокій до потолка узкій шлювостасъ, старинный, весь въ позолотѣ и мелкихъ завиткахъ рѣзьбы, прекрасно сіяющей изъ мрака. На задней стѣнѣ по нашему обычаю иконописные портреты благодѣтеля этого храма, богатаго, не вывѣшаннаго времени Валахскаго князя (имя котораго я забылъ) и его супруги; князь почти въ царской восточной широкой одеждѣ; жена въ европейскомъ платьѣ, съ тонкою таліей, какъ бы въ корсетѣ, съ цвѣткомъ въ рукѣ, съ обнаженными по-бальному плечами.... Игумень дряхлый и простой старикъ, который смолоду звалъ еще самого Аллпашу Янивскаго и говаривалъ съ нимъ, но ничего любопытнаго сказать о немъ не умѣетъ. Вокругъ безмолвныя каменныя ущелья и утесы. Нѣсколько старыхъ огромныхъ деревьевъ, отъ которыхъ въ ненастные дни страшный шумъ... Назли—монахиня въ черномъ платочкѣ, въ черномъ ситцевомъ платьѣ.... Въ смиренной келейкѣ ея горитъ всегда лампада предъ иконой Св. Георгія Новаго Янивскаго, изображеннаго такъ какъ всегда изображаютъ его, въ фустанеллѣ и фескѣ, въ длинной багрянцѣ мученической, съ крестомъ въ одной рукѣ, съ пальмой страданія въ другой... Тишина и забвеніе.... и никому невидимый и микѣмъ не награждаемый трудъ и молитва... Я провелъ почти цѣлый вечеръ съ Назли. Это было лѣтнее; вечеръ былъ очень темный и чуть-чуть прохладный... Шумныя цикады уже замолкали... Въ воздухѣ вокругъ насъ стали свѣтлѣющія мухи... Мы сидѣли съ ней у открытаго

окна на старомъ и жесткомъ турецкомъ диванѣ... Назли жаловалась; она благодарила Бога, меня за тогдашнюю и мощь, священниковъ, митрополита, всѣхъ...

Хотя ей тогда уже было около тридцати-пяти лѣтъ, но она не казалась еще старою и, несмотря на страданія сердца, лица ея было не слишкомъ изнурено и не слишкомъ блѣдно; голубыя глаза ея были кротки и велики и даже скорѣе веселы, чѣмъ грустны. И отъ прежней жизни у нея осталась привычка, гонимая, какъ-то мило, то туда, то сюда, то впередъ, то назадъ двигать головой и шеей, какъ дѣлають воркующіе голуби.

Мы долго бесѣдовали; наконецъ я вздумалъ спросить ее — Какъ ты потурчилась? разкажи мнѣ.

Назли охотно разказала мнѣ, какъ ея родители были бѣдны какъ мать ея умерла, а отецъ былъ грубый и сердитый и дочникъ и билъ ее часто. Какъ поступила она въ домъ служанкой, еще маленькою дѣвочкой, къ турецкому бею, какъ ее тамъ ласкали, приучали, какъ было дома скучно и голодно иногда, а въ гаремѣ сыто и весело. И тамъ ее никогда не били, а доставляли ей всякія удовольствія и дарили ей вещи.

Между прочимъ она вотъ что сказала:

— И была у нихъ, я скажу тебѣ, Одиссей, одна комната въ гаремѣ зимняя, вся красная и вся заново отдѣланная; ни земляная, теплая, теплая зимой... И потолокъ пурпуровый, и стѣны, и диваны, и коверъ... И когда зажгутъ огонь въ очагѣ и сядемъ мы всѣ около: и хавумиса и я, и дѣти и гости, и служанки другія... блестятъ огонь въ потолокъ и въ стѣнахъ потому что все было вновь выкрашено, понимаешь... Такъ весело!.. Орѣхи ѣдимъ, смѣемся... Арабка одна лѣсью пѣла правда, лѣсая эта очень не хороша и проста... и даже стыдилъ ее лѣтъ...

Гдѣ мой орѣхъ?

Гдѣ мой орѣхъ?..

Дальше ты, я думаю, и самъ знаешь. И пляшетъ, и пляшетъ спиной только шевелить на одномъ все мѣстѣ. А мы всѣ смѣемся. Гдѣ же мнѣ у отца было такъ жить? Такъ они Одиссей, и совратили меня...

Я еще спросилъ ее:

— А замужъ какъ ты вышла?

Евпраксія улыбнулась, опять закачала головкой и покраснѣла:

— У монашенки ты такія вещи спрашиваешь, глупый!

Я сказалъ:



— Говори ужь! Я уѣду завтра и можетъ-быть никогда ты не увидишь меня. Утѣшь меня и вспомни что меня за тебя Грѣки тогда избивали.

Она сказала:

— Ну, вотъ я все не соглашалась потурчиться. Боялась Грѣка. А тамъ хозяйка сказала мнѣ: „мы тебя, Лиза, замужъ отдадимъ. А что за мужъ! Что за мужъ!“ И показала мнѣ его сперва тайкомъ, а такъ какъ я еще христіанка была, то она приказала мнѣ выйти туда гдѣ онъ сидѣлъ съ людьми и кубукъ ему подать. Было ему всего двадцать лѣтъ, а мнѣ шестнадцать. И онъ былъ кузнецъ и *малбантъ* который лодкарей куестъ. Зналъ онъ зачѣмъ пришелъ и былъ одѣтъ во все хорошее. Въ голубыхъ шальварахъ короткихъ, шнуркомъ чернымъ расшитыхъ и въ голубой курточкѣ шнуркомъ тоже чернымъ расшитой, и на головѣ феска новая, кругомъ голубымъ тонкимъ платочкомъ обвязана и кисточка у него наискось черная такъ приято лежала. А самъ онъ былъ бѣлѣйшій и чернобровый, и стыдливый, и еще я тебѣ одну вещь скажу... если хочешь, что мнѣ слишкомъ ужь понравилась.

И не говоря однако что понравилось Назли ужасно понравилась и закрылась руками, но я настаивалъ и она, открывъ лицо, сказала презабавно и притомъ съ испугомъ даже на лицо что я ее въ такое искушеніе ввожу:

— Пустое дѣло, Одиссей мой, вовсе пустое! Дѣтское дѣло!.. Прости ты мнѣ... Не знаю что такое что онъ себя все губы шнуркомъ облизывалъ немножко. Потрескавши онъ былъ у него — не знаю. Вотъ меня врагъ и побѣдилъ совѣтъ тутъ. Понравилась мнѣ эта такая гауплость и я потурчилась и вышла за него замужъ. А потомъ его убили въ 54мъ году Грѣки, и я осталась вдовою.

Такъ кончилось дѣло Назли.

А дѣло *Одиссея*? Местъ за побой? Не осталось ли все безъ послѣдствій?

Вѣтъ, мой другъ, дѣло мое кончилось тотчасъ по пріѣздѣ своемъ Благовъ, этотъ лучший герой моей юности, котораго я иногда хотѣлъ бы сравнить съ Алкивиадомъ, еслибъ Алкивиадъ не былъ порою ужь слишкомъ безстыденъ въ своемъ честолюбіи, въ своей силѣ и въ блескѣ своемъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

К. ЛЕОНТЬЕВЪ.

# ЕКАТЕРИНИНСКАЯ КОММИССІЯ

1767 — 1769

---

*Сборникъ Императорскаго Историческаго Общества т. IV, V  
и XIV. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Коммиссіи  
для сочиненія проекта новаго Уложенія. Д. Поляновъ, ч.  
II, III. С.-Пб., 1869—75. .*

Народныя сходки въ древней Руси были самымъ общимъ явленіемъ. Онѣ сохраняли, впрочемъ, свой издревле унаследованный характеръ даже и до сего времени въ срединѣ крестьянъ. Безформенныя, а иногда и безцѣльныя, сходки эти бывали не въ однихъ только большихъ городахъ, но во всѣхъ пригородахъ каждой волости, и если, напримѣръ въ Новгородѣ онѣ обставлялись нѣкоторыми формальностями, чрезъ созывъ народа собственно для сего поставлены *стѣсывалы колокололы*, то въ другихъ малыхъ мѣстахъ чемъ безразлично назывались и сборъ только властей сходки всѣхъ жителей известной мѣстности. Лѣтописцы обыкновенно выражаются: „собрались на сборище посадыки, сядкіе, бояре и *всѣ людѣ*“. Иногда въ лѣтописахъ при

мста къ этому именованіе *черныхъ людей*, *смердовъ* и *ху-  
дыхъ мужиковъ*. Точно также для народныхъ сходокъ не су-  
ществовало никакихъ опредѣленныхъ предметовъ совѣщаній.  
Государи, и народъ обсуждали все что сами считали потреб-  
нымъ для своихъ общественныхъ дѣлъ, а иногда собиралось  
и по офиціальному созыву для простаго объявленія  
царской воли \*. По мѣрѣ усиленія Московскаго государ-  
ства, народныя собранія вѣднвали свой прежній патріархаль-  
ный характеръ, и получивъ нѣкоторую форму устраивались  
уже не по случайной инициативѣ, а по верховнымъ созывамъ и  
иногда болѣе или менѣе опредѣленные предметы для сужденій.  
Извѣстно что Іоаннъ IV любилъ бесѣдовать съ народомъ;  
онъ не только держалъ рѣчи къ толпѣ въ церквахъ и на  
площадяхъ, но нерѣдко созывалъ выборныхъ то изъ „го-  
родовъ всякаго чина“ для примирительныхъ объясненій со  
своимъ народомъ, то „изъ высшихъ людей, духовенства и  
лучшихъ купцовъ“ для совѣщаній, напримѣръ, по поводу  
войны съ Литвой. Въ началѣ XVII столѣтія, не говоря уже  
о самопроизвольныхъ сходкахъ народа въ разныхъ мѣстахъ  
обширной Россіи, по поводу волненій въ государствѣ отъ  
самозванцевъ и отъ вторженія Поляковъ, въ эпоху трехлѣт-  
наго междоусобія,—всѣхъ правильныхъ царскихъ созывовъ  
на разнохарактерные соборы было 12, а именно: четыре,  
когда приглашалось только высшее духовенство и чины слу-  
жаваго сословія; на трехъ участвовали и торговые люди; на  
двухъ, кромѣ дворянъ, посадскихъ и боярскихъ дѣтей, при-  
глашаемы были и выборные отъ городовъ. Затѣмъ, въ 1649  
году, послѣ предварительнаго совѣта съ патріархомъ, митро-  
политами и всѣмъ священнымъ соборомъ и переговора съ  
боярами, окольными и думными людьми о примѣненіи къ  
русскимъ современнымъ государственнымъ и земскимъ дѣ-  
ламъ правилъ Св. Апостолъ и Св. Отцовъ, а также город-  
скихъ законовъ греческихъ царей, древнихъ указовъ вели-  
кихъ князей русійскихъ и боярскихъ приговоровъ, — царь

\* См. *Древняя Русь*, изд. 1867; *Вѣче и Князь*, историч. очерки  
А. Сергѣевича, изд. 1867; *Исторія Новгорода, Пскова и Вятки*,  
изд. Н. Коостомарова; *Исторія Россіи*, соч. С. Соловьева; *Домашній  
бытъ русскихъ царицъ*, соч. И. Забѣлина; *Полное собраніе сочине-  
ній Невольнаго*; *Юридическій Сборникъ* Мейера, изд. 1855; *Разказы*  
И. Валова, и пр.

Алексѣй Михайловичъ созвалъ на сѣздъ: по два человека изъ стольниковъ и стряпчихъ; тожь отъ московскихъ дворянъ и жильцовъ и отъ дворянъ другихъ большихъ родовъ и дѣтей боярскихъ; по одному представителю отъ малыхъ городовъ, по три человека изъ гостей, по два изъ гостиныхъ и суконныхъ сотенъ и, наконецъ, отъ черныхъ сотенъ, слободъ и городскихъ посадовъ по одному *доброму и слышному человеку*. На этихъ совѣщаніяхъ, подобно какъ и на Екатерининскомъ, были разсматриваемы новыя проекты законовъ, столь извѣстныхъ всѣмъ подъ именемъ *Общаго Улоуженія*. Наконецъ, послѣдній соборъ, на который были приглашены только духовныя лица и придворныя чины имѣлъ мѣсто въ 1653 году.\*

По прошествіи болѣе чѣмъ столѣтія послѣ того, императрица Екатерина II, манифестомъ 14го декабря 1766 года, созвала всероссійскій всесословный сѣздъ депутатовъ. Долговременный промежутокъ между прежними созывами народныхъ представителей и Екатерининскимъ сѣздомъ не могъ, конечно, имѣть вліянія какъ на большинство созванныхъ депутатовъ такъ и на другихъ лицъ, либо мало довѣрившихъ способностямъ отвыкшаго отъ самостоятельности народа, либо сверхъ должнаго ожидавшихъ отъ его избранныхъ чего-нибудь особеннаго замѣчательнаго. Вслѣдствіе этого, въ совѣщаніяхъ Екатерининской Коммисіи не могли не обнаружиться нѣкоторыя увлеченія депутатовъ, а со стороны цѣнителей этого всесословнаго сѣзда — или предубѣжденіе, или разочарованіе. Этими-то обстоятельствами и можетъ быть объясненъ нѣкоторый пессимизмъ во взглядахъ на Екатерининскій сѣздъ какъ самаго предсѣдателя оного А. И. Бибикова, такъ еще болѣе его сына, издавшаго въ свѣтъ записки о своемъ столѣтнемъ отцѣ.

Въ настоящее время, спустя болѣе ста лѣтъ послѣ Екатерининскаго созыва, можно уже безпристрастно ознакомиться съ документами, и изъ нихъ, а не изъ преданій дошедшихъ отъ современниковъ давно прошлой эпохи, слѣдуетъ извлечь истинное представленіе о свершившемся фактѣ, оцѣнивъ по дѣйствительному достоинству каждое изъ ег

\* Подробности объ этихъ созывахъ можно видѣть какъ въ самомъ *Улоуженіи царя Алексѣя Михайловича*, такъ и въ книгѣ *О вліяніи общества на организацію государства въ царскій періодъ русскои исторіи*, соч. Н. Хатѣбикова.

дешней. И вотъ именно такой трудъ принялъ на себя г. Полѣновъ, которому современное общество обязано признательностью какъ первому обратившему серьезное вниманіе на этотъ интересный фактъ нашей народной жизни. По изслѣдованіямъ произведеннымъ г. Полѣновымъ оказалось что наиболѣе полное собраніе документовъ отъ Екатерининской Коммиссіи находится въ архивѣ II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцелярии. Г. Полѣновъ дѣлитъ эти документы на три главные разряда: 1) *дневныхъ записокъ (журналовъ) засѣданій* большаго собранія Коммиссіи, такъ названнаго въ отличіе отъ малыхъ или частныхъ коммиссій, составившихся изъ отдельныхъ депутатовъ съ специальною цѣлью редакціи трудовъ общей коммиссіи или разсмотрѣнія какихъ-либо отдельныхъ вопросовъ; 2) *мнѣній депутатовъ* читанныхъ въ большомъ собраніи и 3) *подлинныхъ наказовъ данныхъ депутатамъ отъ вѣствъ сословій Имперіи*, также сѣдующихъ быть названными *малыми или частными*, въ отличіе отъ Большаго или Общаго Екатерининскаго Наказа, столь извѣстнаго своими нравственно-философскими наставленіями. Эти три разряда документовъ собраны и напечатаны въ изданіи г. Полѣнова, подъ заглавіемъ *историческія свидѣнія о Екатерининской Коммиссіи*, въ возможно точномъ хронологическомъ порядкѣ. Затѣмъ, актъ поднесенія Екатерины II званія „Великой Премудрой Матери Отечества“ и ея отвѣтъ хранятся въ архивѣ Правительствующаго Сената. Наконецъ, сверхъ того, частные наказы даннымъ избирателями своимъ депутатамъ должны находиться на сохраненіи въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ произносилась присяга избирателями, ибо туда, по указу императрицы, отдавались копии съ подлинныхъ наказовъ депутатамъ, съ отвѣтственностью за сохранность возложенною на старшихъ священниковъ.

Но, къ сожалѣнію, не всѣ документы были найдены г. Полѣновымъ; нѣкоторые вѣроятно затерялись. Главнѣйшую пору для нашей исторіи составляютъ безспорно мнѣнія предложеныя депутатами въ возраженіе на предъявленныя предположенія вѣстивъ естляндскихъ и лифляндскихъ провинцій притянутія. Въ *Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ* (1867, кн. IV), какъ указываетъ г. Полѣновъ, напечатанъ голосъ депутата Артемія Шашкова,

написанный имъ по этому предмету 13го декабря 1767; это мнѣніе, вѣроятно второе (ибо въ *дневныхъ запискахъ* помѣщено мнѣніе этого депутата о томъ же, въ засѣданіи 3 декабря), не было читано въ общемъ собраніи, если толь въ изданіи *Чтеній* сказаннаго Общества не произошла опечатка въ имени, такъ какъ въ засѣданіи 14го декабря записку въ дневную записку мнѣніе по тому же предмету депутата Льва Шишкова. Впрочемъ, хотя затеря нѣкоторыхъ документовъ и очень чувствительна для науки, но изъ краткихъ и ложений депутатскихъ мнѣній помѣщенныхъ въ дневныхъ запискахъ засѣданій, и изъ отзывовъ самой Екатерины притязаніяхъ эстляндскихъ и лифляндскихъ дворянъ, можъ составить себѣ довольно полное понятіе о главныхъ основаніяхъ которыми опровергалось ихъ требованіе о сохраненіи за нихъ сословіемъ древнихъ привилегій.

Во всякомъ случаѣ, труды г. Полѣнова представляютъ достаточный матеріалъ чтобы составить удовлетворительное полное повѣствованіе о Екатерининской Комиссіи. Принявъ на себя эту работу, я задавался мыслию чтобы по возможности правдивѣе, яснѣе и цѣльнѣе ознакомить читателей народомъ возрѣніемъ тогдашняго времени на общественное и государственное устройство. Поэтому, не стѣсняя хронологическимъ порядкомъ, въ какомъ размѣщены документы въ изданіи г. Полѣнова, я старался извлечь изъ нихъ всѣ отрывки мнѣній, по каждому изъ предметовъ совѣща отдѣльно. Само собою разумѣется что всѣ повторенія однихъ и тѣхъ же мыслей, что было неизбежно и что часто встречается во мнѣніяхъ депутатовъ, я собралъ подъ общей тѣмъ кой зрѣніа, а затѣмъ выставлены всѣ наиболее оригинальныя мысли, хотя бы и одиночно высказанныя, такъ какъ рѣдко бываетъ что наименѣе замѣтный взглядъ въ прѣдѣльный періодъ историческаго развитія народа становится господствующимъ въ послѣдующее время. Система принятая мною оказалась затруднительною, ибо не только въ наказахъ депутатамъ встрѣчается чрезвычайное разнообразіе предметовъ но и въ дневныхъ запискахъ помѣщались часто совершенно различныя мнѣнія на преже высказанныя взгляды. Съ другой стороны, многіе предметы сужденій до того имѣли близкую связь между собою что не рѣдко одна и та же мысль служить отвѣтомъ на нѣсколько вопросовъ, что особе

трудается при разборѣ дворянскихъ правъ и крѣпостнаго дѣла людьми. Вотъ почему, хотя я и старался по возможности избѣгать повтореній и ссылокъ, совершенно спеціализовать предметы сужденій не могъ; впрочемъ, полагаю что это обстоятельство не внесетъ темноты въ мое повѣствованіе и не нарушитъ принятаго мною плана.

Несмотря однако на усвоенную мною систему, исключаящую всякій хронологическій порядокъ, я по особымъ обстоятельствамъ нашелся вынужденнымъ принять раздѣленіе дѣлъ Комиссіи на два періода засѣданій, Московскій и С.-Петербургскій. Такой крупный хронологическій раздѣлъ не представляетъ неудобства, ибо основные взгляды депутатовъ, по всемъ предметамъ обсужденій, уже достаточно выяснились въ Москвѣ, такъ что на долю Петербургскаго періода остались большею частію только выводы изъ разсмотрѣнныхъ вопросовъ, что составляло почти исключительно занятія спеціальныхъ комиссій. Сочту себя вполне счастливымъ, если настоящая работа моя броситъ хотя слабый свѣтъ на занимающіе всѣхъ насъ сію минуту многоразличные общественные вопросы, во всемъ тождественные съ прошлыми; ибо основанія существеннаго благоустройства и народныхъ интересовъ неизмѣнно остаются одни и тѣ же во всѣ періоды народной жизни.

## I

Цѣль и устройство депутатскаго сѣзда.—Предварительныя заботы и труды Екатерины.—Сущность Наказа великаго Комиссіи.—Отношеніе Екатерины къ дѣлу сѣзда.—Время и порядокъ выбора депутатовъ.—Права и знаки отличія депутатовъ.—Сочувствіе народа къ сѣзду.—Торжественность избирательныхъ собраній.—Распредѣленіе и число депутатовъ.

Екатерина II, въ первые же три года своего царствованія, смотрѣла въ дѣйствовавшихъ законахъ гдѣ недостаточность, а гдѣ излишнюю регламентацію, и наконецъ „не ставшее различіе между непремѣнными и временными законами“ и несходство устарѣлыхъ законоположеній съ исторически вызванными новыми народными обычаями. Въ этомъ ея ясный и правдивый взглядъ призналъ „постоян-

ное прелятствіе къ правильному теченію правосудія“, помая это слово въ обширномъ смыслѣ государственнаго управленія. Екатерина II съ ужасомъ говорила въ то время о бѣдствіяхъ провинцій и рабской зависимости губернаторовъ отъ центральныхъ коллегій и стремилась вызвать самостоятельную провинціальную жизнь, связуя ее непосредственнымъ нравственнымъ общеніемъ съ верховною властію. Это глубоко обдуманная мысль Екатерина II болѣе или менѣе ясно выразила въ самомъ манифестѣ своемъ отъ 14го декабря 1766 года. Въ одной изъ своихъ записокъ, составленіе коихъ было любимѣйшимъ занятіемъ досуга императрицы въ связи съ ея литературными трудами, Екатерина II сознаетъ, что въ теченіе двухъ лѣтъ, до изданія манифеста, она много перечитала по спеціальному предмету устройства государства и потомъ начала про себя писать свой знаменитый *Наказъ Комиссіи*, долгое время не сообщая о своихъ занятіяхъ никому изъ приближенныхъ. „Послѣдую, какъ она выражаетъ единственно уму и сердцу своему, съ ревностнѣйшимъ желаніемъ пользы, чести и счастья Имперіи“, она трудилась втайнѣ, въ четырехъ стѣнахъ своего кабинета, о „благополучіи всѣхъ вообще и каждого въ особенности“ изъ живущихъ въ обширномъ государствѣ лицъ. И вотъ, когда свой кабинетный трудъ признала она достаточно ясно сложившимся, тогда и начала по частямъ прочитывать его, на своихъ интимныхъ беседахъ, наиболѣе приближеннымъ къ ней лицамъ, между которыми г. Подъновъ указываетъ на князя Гр. Гр. Орлова и графа Н. И. Павлова. Дѣйствіе произведенное этимъ чтеніемъ на интеллигентныхъ подданныхъ, стоявшихъ столь близко у престола, не могло не быть поражающимъ какъ по новизне и новости такого искреннаго отношенія верховной власти къ народу, такъ и по глубокомысленности и серьезности высказанныхъ императрицею принциповъ. „Mais sont des axiomes à renverser des murailles“, воскликнулъ графъ Павловъ по выслушаніи прочитанныхъ ему Екатериною статей Наказа.

Въ Московскій Коломенскій дворецъ призвала Екатерина нѣсколькихъ лицъ извѣстныхъ ей по своему разномыслию, предложила имъ прочесть оконченный ею Наказъ. Императрица сама вызывала пренія, каждая строка подвергала горячему спору, и по данному праву измѣнять и выбрасывать



и что большинство признавало нужнымъ, проектъ Екатериинскаго Наказа потерпѣлъ значительныя исправленія, иъ что, по словамъ самой императрицы, онъ былъ сокращенъ чтецами болѣе чѣмъ на половину. Тогда собственною рукою переписала она набѣло свой Наказъ, и ея рукопись хранится и доселѣ, въ серебряномъ ковчегѣ, въ залѣ общаго собранія Правительствующаго Сената. Изготовивъ такимъ образомъ правила коики должна была руководиться Комmissiа при составленіи органическихъ законовъ для государства, Екатерина, съ манифестомъ въ рукахъ, сама явилась въ Сенатъ чтобъ объявить свою волю о созывѣ народныхъ представителей для сочиненія проекта новаго уложенія. Проникнутые важностью и новизной указа, сенаторы единогласно призвали своею обязанностью прежде всего привести признательность монархическую отъ лица всѣхъ ея подданныхъ, на что и получили разрѣшеніе, и 24го декабря, явившись во дворецъ, выразили императрицѣ чувства ея подданныхъ къ „неутомимымъ трудамъ и матернему ко всему отечеству попеченію“. Наказъ Комmissiи былъ издаваемъ нѣсколько разъ, не какъ текстъ закона, чего отнюдь не признавали за нимъ и сама Екатерина и что признать было бы невозможно, ибо онъ состоитъ изъ пунктовъ не рѣшающихъ а умозаключающихъ, и ставить только тѣ философскія и христіанскія начала на коихъ должны быть построены государственные законы; но онъ перепечатывался какъ великое литературное произведеніе имѣющее общій интересъ. Хорошо знакомый людямъ науки, Наказъ Екатерины, къ сожалѣнію, все-таки мало извѣстенъ въ народной литературѣ, иъду тѣмъ какъ по красотѣ и достоинству своихъ мыслей онъ заслуживаетъ во всякое время обширной популяризаціи. Кънъ въ рукахъ изданіе онаго Императорскою Академіею Наукъ въ 1770 году, съ текстами на русскомъ, латинскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, я считаю нужнымъ, при описаніи Екатериинскаго съѣзда, коснуться въ общихъ чертахъ содержанія и значенія Наказа даннаго Комmissiи въ руководству.

Академическое изданіе Наказа украшено двумя вишѣтками въ началѣ и концѣ текста. *Передовая* вишѣтка представляетъ Екатерину II прижимающую къ сердцу книгу закона и

имѣющую позади себя богиню правосудія съ вѣсами въ рукахъ, а возлѣ рога изобилія къ которому приложенъ щитъ съ русскимъ гербомъ поддерживаемый крылатымъ гениемъ. Съ лѣвой стороны императрицы возвышаются темныя скалы прорываемыя грозowymi тучами; съ правой—видны просвѣщающееся небо и большая дорога, густо усаженная деревьями. *Конечная* вивьетка представляетъ памятникъ, съ вензелемъ Екатерины, который своимъ сияніемъ разгоняетъ тучи; внизу стоитъ сама императрица и правою рукою указываетъ на лежащія у ея подножья скипетръ, вѣсы и законъ. Государственное благосостояніе изображено въ видѣ обработанныхъ полей и правильно устроенныхъ поселеній сдвигующимся народомъ. У ногъ императрицы крылатый гений держитъ щитъ съ государственнымъ гербомъ. Съ другой стороны обрывъ; у памятника сидитъ богъ времени и за нимъ вооруженный ангелъ, копьемъ свергающій въ пропасть зло въ видѣ распростертаго челоуѣка съ зажженнымъ факеломъ въ рукахъ и со злымъ страхомъ въ лицѣ. Наказъ начинается молитвой, названною Екатериною заглавіемъ: „Господи, Бож мой: воуми ми и вразуми мя, да сотворю судъ людемъ Твоимъ по закону Святому Твоему судити въ правду“. Въмѣстѣ съ приложеніями, Наказъ содержитъ въ себѣ 655 статей въ 22 главахъ. Въ предисловіи обсуждается значеніе законовъ вообще. Первые двѣ главы Наказа опредѣляютъ положеніе Россіи и ея самодержавное управленіе; а ними слѣдуютъ общія разсужденія: о безопасности постановленій государственныхъ, о хранилищѣ законовъ, о состояніи всѣхъ въ государствѣ живущихъ, о законахъ вообще и о законахъ подробно, о наказаніяхъ, о производствѣ суда вообще, объ обрядѣ криминальнаго суда, о гражданскомъ обществѣ, о размноженіи народа въ государствѣ, о руководствѣ торговлѣ, о воспитаніи, о дворянствѣ, о среднемъ родѣ людей, о городахъ, о наслѣдствахъ, о составленіи и слогѣ законовъ, о разныхъ статьяхъ требующихъ разъясненія (гдѣ говорится о государственныхъ преступленіяхъ, о судахъ по особливымъ нарядамъ, о правилахъ весьма важныхъ и нужныхъ, и какъ узнавать что государство приближается къ паденію), и наконецъ заключеніе Наказа, въ которомъ обращаясь прямо къ Коммисіи, Екатерина II указываетъ средства какъ лучше лопать даваемая ею наставленія. З

тъ въ приложеніяхъ продолжаются по порядку главы: о быточнѣи называемомъ инако полиціей и о государственнѣи строительствѣ, инако камернымъ правленіемъ называемъ (о финансовомъ управленіи). Эти приложенія были написаны Екатериною II уже по открытіи Комми́ссіи, вѣроятно вызванныя обстоятельствами въ ходѣ дѣла, и были прианы въ Комми́ссію во время ея засѣданій. Содержаніе тѣхъ Наказа свидѣтельствуетъ о значительности Екатерины: она приводитъ примѣры изъ древней, средней и новой исторіи всѣхъ странъ, не исключая даже Китая и Японіи; мѣстами разказываются поучительныя анекдоты, приводятся изреченія ученыхъ и великихъ людей. Особенно замѣчательны мысли: о свободѣ и равенствѣ (въ главѣ V), о примѣненіи законовъ къ нравамъ, обычаямъ и степени развитія народа (въ главѣ VI), объ обязанности предоставлять рѣшеніе личному воззрѣнію судьи (въ гл. X), о значеніи и устройствѣ тюремъ (тамъ же), о вѣдннхъ отяготительныхъ налоговъ на уменьшеніе не только благосостоянія, но и самаго размноженія народа въ государствѣ (въ главѣ XII), о значеніи дворянства и вообще высшаго сословія въ государствѣ (въ гл. XV), о необходимости яснаго, простаго и краткаго изложенія законовъ (въ главѣ XIX) и др.

Но сочиненіе Наказа, ни созывъ депутатовъ не были однако изнатурымъ капризомъ неограниченной воли. Послѣдующее ревностное участіе Екатерины II въ трудахъ Комми́ссіи, постоянная заботливость о предоставленіи свободы въ сужденіяхъ, неудовольствіе за расточаемыя ей похвалы, показываютъ какъ серьезно смотрѣла императрица на это дѣло. Въ изданномъ ей *обрядѣ* (регламентѣ) управленія Комми́ссіею и особомъ указѣ генералъ-прокурору, Екатерина II настаивала на точномъ веденіи дневныхъ записокъ (журналовъ собранія), придавая имъ великую важность въ томъ отношеніи „чтобы на будущее время... выйти могли (въ нихъ) тѣ правила кои имъ въ наставленіе служить будутъ и отъ коихъ много зависитъ твердость нашего вышшняго зданія, которое менѣе бы насъ обременяло если бы мы не были лишены подобныхъ прошедшихъ вѣковъ записокъ...“ Съ другой стороны, она приказывала чтобы непремѣнно записывалось каждый день: тихо ли происходило собраніе, время прибытія депутатовъ и ихъ выхода, время упо-

требленное для чтенія каждаго дѣла и сужденій о немъ кто съ кѣмъ спорилъ, кто перемѣнялъ свое мнѣнiе и какъ состоялось рѣшенiе по слышавшему предмету. Словомъ, очевидно занимали даже мельчайшiя подробности въ вѣдѣнiяхъ Коммиссiи, и потому, не довольствуясь представляемыми ей ежедневными записками, она часто, по словамъ сенатора Бибикова, присутствовала сама невидимою при засѣданiяхъ и не рѣдко присылала къ маршалу Бибикову свои замѣчанiя; а затѣмъ, кромѣ приложений къ Наказу доставленныхъ въ Коммиссiю уже во время засѣданiй, она подавала ей новыя правила порядка при окончательныхъ пренiяхъ, къ которымъ было приступлено уже въ Петербургскiй періодъ засѣданiй. Въ этихъ правилахъ предписывается не только строго наблюдать чтобы по прочтенiи проектовъ законовъ каждый депутатъ говорилъ противъ опредѣленной какой-либо статьи; если же кто пожелаетъ высказаться противъ всего проекта, то поворачивать вопросъ такъ: должно ли быть тому проекту? Но ни въ какомъ случаѣ не допускалось, чтобы общими и неопредѣленными изреченiями коснуться всего сочиненiя, не имѣя раздѣленiя и не опровергая резюментами статей онаго, изъ чего“, пишетъ Екатерина, „послѣдовала бы только одна остановка и конфузiя.“ Далѣе Императрица настаиваетъ чтобы мнѣнiя къ рѣшенiю не подавались письменныя, а говорились ясно и кратко, не касаясь другихъ предметовъ: „причемъ объявить собранiю что такъ какъ теперь разсуждается уже о самомъ дѣлѣ то никому голосовъ на голоса не подавать, а давать прямо голоса о дѣлѣ, чтобы не отдаляться отъ предмета“. По выслушанiи такимъ образомъ всѣхъ голосовъ, маршалъ объявлялся сказать что онъ считаетъ долгомъ свести разныя мнѣнiя противъ каждой статьи по порядку и потомъ представлять сiе собранiю на окончательное рѣшенiе. Екатерина II указываетъ и самый порядокъ какъ должно сводить мнѣнiя, записывая противъ каждой статьи особо что такiе-то сказали то-то и т. д. Если противъ какой статьи возражаютъ не многiе, а кто-либо одинъ, то членъ дирекцiонной или частной коммиссiи изъ тѣхъ что сочиняли законопроектъ, долженъ защищать оный предъ собранiемъ словесно и потомъ, въ разсужденiи той статьи, приступить къ баллотажу. Если же многiе депутаты говорили противъ статьи

и рито́мъ разнo, то дозволить собранію прямо, кто подѣ-  
нѣтъ именовѣ пожелаетъ, подписаться, и въ которомъ мѣ-  
нѣ будетъ болѣе подписей, то и войдетъ въ конференцію,  
и прочія уничтожить, и затѣмъ равномѣрно членъ частной  
комми́ссіи можетъ защищать первоначальный проектъ зако-  
на. Для сохраненія же равенства съ обѣихъ сторонъ, можас  
дозволить подписавшимся выбрать между себя кого-либо кто  
бы защищалъ ихъ общее возраженіе. И тогда приступить къ  
делу: быть ли по мѣнѣю частной комми́ссіи или по  
мѣнѣю большинства собранія?

Такія отношенія Екатерины къ созванной ею Комми́ссіи  
отражались въ продолженіе всего времени ея засѣданій. И  
ея записочки на клочкахъ бумаги къ маршалу Бибикову,  
и разнородныя дополнителныя распоряженія вызывались  
почтио самимъ ходомъ дѣла; но предварительно написан-  
ны Императрицею ея основныя указанія, то-есть ея знаме-  
ный Наказъ былъ передакъ ею тотчасъ по открытіи Ком-  
ми́ссіи. Что же касается всего народа, то онъ былъ призванъ  
къ выбору повѣренныхъ представителей лишь Высочайшимъ  
мануфестомъ, обнародованнымъ не только чрезъ мѣстныя вла-  
сти, но и въ церквахъ. Распоряженіе объ обнародованіи мани-  
феста было сдѣлано Сенатомъ еще въ исходѣ декабря 1766 года;  
самое же объявленіе послѣдовало въ С.-Петербургѣ въ январѣ  
1767 года, а въ прочихъ мѣстностяхъ Россіи продолжалось  
до исхода февраля, такъ что съ первыхъ чиселъ марта уже  
во всей Россіи готовились къ выборамъ повѣренныхъ отъ  
народа въ Комми́ссію для сочиненія проекта новаго уло-  
женія. Депутаты призывались отъ всѣхъ сословій и со-  
стояній. Такимъ образомъ, обязывались прислать по одно-  
му депутату Сенатъ, Синодъ, всѣ коллегіи и канцеляріи (кро-  
мѣ губернскихъ и воеводскихъ); уѣздные дворяне отъ каж-  
даго уѣзда; тѣ мѣста которыя назывались полками, крейсами  
и иными наименованіями; жители каждаго города; одновор-  
ныя каждой провинціи; пѣхотные солдаты и разныхъ службъ  
чуждые люди, содержащіе ландмилицію, также отъ каж-  
дой провинціи особо; государственныя черносошныя и  
иные крестьяне; не кочующіе разныя народы, какого бы  
именія ни были, крещеные или некрещеные, отдѣльно отъ  
каждой провинціи; и наконецъ отъ казачьихъ войскъ и отъ  
Запорожскаго войска, для которыхъ впрочемъ число делу-

татовъ опредѣлялось высшимъ начальствомъ. Депутатамъ велѣно прибыть въ Москву черезъ полгода послѣ объявленія въ ихъ мѣстности манифеста, и по прїѣздѣ они должны были явиться въ Сенатъ. Депутаты изъ инородцевъ, не знавшихъ хорошо русскаго языка, обязывались имѣть при себѣ толмача и сверхъ того, по прибытіи своемъ въ Москву, изъ брать себѣ олекуна, на котораго и возлагалось ходатайство по ихъ дѣламъ въ Комиссіи. Такимъ олекуномъ и былъ выбранъ ими камеръ-юнкеръ Григорій Александровичъ Потекинъ.

Избраніе депутатовъ производилось по особо предписанномъ *обряду* и притомъ съ нѣкоторыми различіями по сословіямъ. Дворяне, по объявленію отъ мѣстнаго начальника, обязывались прибывъ въ городъ явиться къ нему, а начальникъ долженъ былъ записывать не только имена явившихся, но также день и часъ прибытія каждаго. Всѣ помѣщики которые по какой-либо прелятствію не могли сами прїѣхать на выборы, также женщины владѣвшія помѣстьями, могли присылать мѣстному начальнику свои отзвыы о томъ кого изъ дворянъ своего уѣзда они полагали бы выбрать въ депутаты. Старшинство между дворянствомъ наблюдалось не по чинамъ, а по времени прїѣзда каждаго и явки къ начальнику. Живущіе же въ городѣ дворяне уступали старшинство прїѣхавшимъ изъ деревень, и сами затѣмъ распредѣлялись уже по чинамъ. Отысканіе помѣщенія для сѣзда возлагалось на мѣстныхъ начальниковъ; но въ столицахъ вельможи самъ предлагали для этого свои дома. Собраніе открывалось чтеніемъ манифеста; затѣмъ дворянству предлагалось выбрать изъ своей среды предводителя, срокомъ на два года. Право бытъ избраннымъ въ предводители имѣли всѣ какъ состоящіе гдѣ либо на службѣ такъ и не служащіе, имѣющіе чины и не имѣющіе никакого чина, лишь бы избираемый владѣлъ въ данномъ уѣздѣ какимъ-либо помѣстьемъ и былъ не моложе 30 лѣтъ. Если избранный въ предводители не имѣлъ никакого титула, ни по чину, ни по званію, то назывался, въ письменныхъ и словесныхъ сношеніяхъ съ нимъ, *почтеннымъ*. Для предводителя тотчасъ же составлялось, за подписью всѣхъ присутствующихъ на выборахъ дворянъ, полномочіе не только на руководство выборами въ Комиссію, но и въ всѣ случаи, въ теченіе двухъ лѣтъ, которые будутъ касаться

выбора всѣхъ дворянъ живущихъ въ уѣздѣ. Это полномо-  
чїе передавалось на другой день мѣстному начальнику,  
и съ представленіемъ ему дворянами избраннаго ими  
предводителя, и тогда начальникъ самъ вручалъ полномочіе  
избраннику, а при ономъ списокъ дворянъ уѣзда какъ при-  
шедшихъ, такъ и приславшихъ отъ себя увѣдомленія, и на-  
копедъ подлинныя отзывы послѣднихъ. Спустя три дня, и  
не болѣе недѣли, предводитель долженъ былъ назначить день  
и мѣсто избранія депутата въ Комми́ссію, причемъ мѣстный  
начальникъ уже не вмѣшивался болѣе ни во что въ дѣлѣ  
выборозъ кромѣ приведенія выборщиковъ къ присягѣ въ  
церкви, послѣ литургіи и молебствія съ водоосвященіемъ,  
и чѣмъ сѣдовало прочтеніе манифеста, со всѣми къ не-  
му приложеніями. Въ депутаты можно было выбирать и изъ  
отсутствующихъ дворянъ, но избранный долженъ быть не  
моложе 25 лѣтъ. Чины не принимались въ расчетъ какъ и  
при выборахъ предводителя; оговаривалось что депутатъ  
долженъ быть честнаго, незасорнаго поведенія, не быв-  
шій ни въ какихъ штрафахъ, подозрѣніяхъ и явныхъ  
порочахъ. На выборы депутата полагался срокъ не бо-  
лѣ шести дней. Если случалось что одно и то же лицо бы-  
ло избрано въ депутаты отъ двухъ собраній, то оно полу-  
чало право, за одинъ изъ уѣздовъ, передовѣрять данное  
ему довѣріе кому-либо другому уже по своему личному  
выбору; то же дозволялось и въ случаѣ болѣзни и иныхъ  
пречинъ. Выбранному депутату, также какъ и предводителю,  
выдавалось отъ наличныхъ дворянъ полномочіе, съ пра-  
вомъ передать оное другому лицу, по его усмотрѣнію, и при-  
томъ также съ правомъ, кромѣ указанныхъ ему пунктовъ  
въ наказѣ, заявлять и ходатайствовать обо всемъ что онъ  
лично сочтетъ нужнымъ или полезнымъ для его довѣрителей.  
Впрочемъ, избранному депутату, во многихъ изъ наказовъ,  
вмѣнялось въ обязанность доводить до свѣдѣнія предводите-  
ля о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и заявленіяхъ, для сообщенія  
оныхъ избирателямъ, и отъ него получать, въ чемъ потре-  
буется, указанія. Сочиненіе депутатскаго наказа поручалось  
иногда дворянамъ изъ среды наличныхъ. Въ депутатскихъ на-  
казахъ должны были обозначаться только предметы обще-  
ствяннымъ пользѣ и нуждѣ, но не дозволялось вносить въ  
нихъ частныя жалобы, подлежащія судебному разбиратель-

ству. Если въ депутаты избирался предводитель, то на эту должность тотчасъ же избиралось другое лицо. Предводителю вручивъ избранному депутату его полномочіе и данный ему наказъ, доводилъ объ окончаніи выбора до свѣдѣнія мѣстнаго начальника, а тотъ доносилъ Правительствующему Сенату.

Отличіе въ порядкѣ выборовъ по городамъ заключалось главнѣйше въ томъ что малонаселеннымъ изъ нихъ, имѣвшимъ менѣе пятидесяти домовъ, во избѣжаніе отягощенія предоставлялось на волю присылать или не присылать от себя депутата. За то многочисленные города дѣлились въ части, изъ коихъ отъ каждой назначалось горожанамъ не менѣе ста человѣкъ выборщиковъ. Право участія въ выборахъ принадлежало каждому домовладѣльцу, безъ различія сословій; а вмѣсто предводителя выборщики обязывались избрать изъ своей среды городского голову, подъ тѣми же условіями какія были указаны выше для избираемыхъ въ предводители и депутаты. Городскому головѣ присваивался титулъ *степеннаго*. Наконецъ, отсутствующіе и женщины вовсе не имѣли права участія въ городскихъ выборахъ собраніяхъ. Выборы у *однодворцевъ, служилыхъ людей* старыхъ службъ, содержащихъ ландмилицію, государственныхъ черносошныхъ и ясачныхъ *крестьянъ* и *пѣхотныхъ солдатъ*, производились по слѣдующему *обряду*: отъ каждаго погоста (прихода) выбирался повѣренный, всѣми домохозяевами или имѣющими земельные участки, подъ условіемъ однако чтобы повѣренный не только былъ самъ домою или землевладѣльцемъ, но былъ бы женатъ и даже имѣлъ бы дѣтей, былъ бы не моложе 30 лѣтъ, никогда не былъ бы въ наказаніяхъ, подозрѣніяхъ, ябедахъ или явныхъ порокахъ, поведенія добраго и не зазорнаго. Эти повѣренные должны были затѣмъ снабжаться отъ жителей погостовъ довереннымъ письмомъ, за подписью священника и не менѣе семи домохозяевъ, а въ письмахъ выставялось даруемое имъ право заявить уѣздному повѣренному о нуждахъ и недостаткахъ погоста. Погостные повѣренные были обязаны явиться въ назначенное для ихъ сбора мѣсто, свои повѣренные письма вручить мѣстному начальнику, и по распоряженію сей послѣдняго они приступали къ выбору уѣзднаго повѣреннаго изъ своей среды. Такимъ же образомъ избирались и въ провинціальныя депутаты.



Депутатамъ назначалось жалованье на все время ихъ полномочія, и изъ жалованья, по опредѣленію Правительствующаго Сената, не было произведено вычета и за время роспуска депутатовъ, между сроками Московскаго періода закладной и созывомъ въ С.-Петербургъ, а напротивъ, сверхъ жалованья, тѣмъ же указомъ Сената, были ассигнованы депутатамъ прогонныя деньги до Петербурга, выданы были имъ подорожныя на ямскія подводы, о чемъ и было дано особымъ указомъ Сената ямской конторѣ. Но при томъ, г. Подъновымъ не выяснено изъ документовъ были ли обложены избиратели особымъ сборомъ на покрытіе ихъ этихъ расходовъ по каждому мѣстному управленію, и жалованье это было принято на счетъ общихъ средствъ мѣстныхъ? Не выяснено также въ какомъ размѣрѣ полагалось жалованье, и былъ ли размѣръ опредѣляемъ избирателями или особымъ распоряженіемъ правительства. Кроме жалованья, депутатамъ были предоставлены нѣкоторыя привилегіи, а именно: 1) всякій депутатъ, на всю свою жизнь, несмотря ни на какое преступленіе, освобождался отъ смертной казни, пытокъ и всякаго тѣлеснаго наказанія; а такъ какъ депутаты были поставлены подъ особую охрану императрицы, то судъ былъ обязанъ не приводить въ исполненіе никакаго своего рѣшенія безъ доклада государыни; 2) имѣнія депутатовъ, со дня ихъ выбора, освобождались отъ конфискаціи во всѣхъ случаяхъ, развѣ за долги; 3) нанесшіи оскорбленіе депутату подвергались двойному противъ обыкновеннаго наказанію; 4) если депутатъ состоялъ на какой-либо службѣ, то депутатское жалованье производилось ему сверхъ получаемаго имъ оклада; 5) депутатъ имѣлъ право передавать свое полномочіе кому пожелаетъ, но не иначе какъ съ дозволенія Коммиссіи и съ тѣмъ чтобы представляемый имъ имѣлъ тѣ же качества какія требуются отъ депутата вообще и при томъ соблюдая чтобы дворянинъ передавалъ дворянину, горожанинъ — горожанину и т.д.; 6) депутатамъ были даны особые для ношенія въ столицѣ знаки, которые затѣмъ оставались у нихъ на всю жизнь; знаки эти были золотыя овальныя медали на золотыхъ цѣпочкахъ, съ изображеніемъ съ одной стороны великаго имени ея величества, а съ другой — пирамиды увѣнчанной императорскою короной, съ подписью:

„Блаженство каждаго и всѣхъ“, а внизу: „1766 годъ 14 кабря.“ Депутатамъ изъ дворянъ было дозволено внести эти знаки въ свои гербы. Изъ документовъ собранныхъ г. Полѣновымъ не видно однако распространялись ли эти права на депутатовъ лично кѣмъ-либо вмѣсто себя поставленныхъ а не выбранныхъ обществами, и сохранялись ли они за тѣми депутатами которые, устранившись отъ дѣла по болѣзни и инымъ причинамъ, въ засѣданіяхъ Коммиссіи затѣмъ участвовали.

Изъ приведенныхъ документовъ по выборамъ видно что лица предварительно избранныя на болѣе постоянныя должности предводителей дворянства, при выборѣ ихъ въ депутаты, охотно отказывались отъ первыхъ званій чтобы только занять мѣсто въ Коммиссіи. Съ другой стороны, конечно по одной новости созыва, но вѣроятно и по интересу къ дѣлу большое число экземпляровъ манифеста было затѣбовано и разобрано обывателями разныхъ мѣстъ, въ особенности въ Петербургѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напримѣръ Волоколамскомъ, сочувствіе дворянъ къ объявленному созыву выразилось особеннымъ торжествомъ. Сверхъ обыкновеннаго русскимъ правамъ гостепріимства, у предводителя объѣдомъ, предъ чтеніемъ депутатскаго наказа, производилась палѣба изъ лушекъ, а въ самомъ наказѣ была выражена всеподданнѣйшая благодарность и заявлено о возсылаемыхъ за здравіе императрицы теплыхъ молитвахъ ко Вышнему; наконецъ, вечеромъ зажженъ былъ фейерверкъ въ которомъ было изображено имя Ея Величества, а по сѣкамъ начальныя литеры В. М. И. П. В. О., что означало: *благволеніе матернее, исполненіе подданнымъ, блаполучіе общества.* Во всѣхъ депутатскихъ наказахъ и являлось чувство благодарности государынѣ за призы подданныхъ къ составленію проекта Уложенія; а въ очень многихъ изъ дворянскихъ наказовъ постановлено было благодарствовать о разрѣшеніи соорудить, на счетъ дворянъ, монументъ Екатеринѣ II. Современные свидѣнія, заявляемые въ одномъ мѣстѣ г. Полѣновъ, свидѣтельствуютъ что во всѣхъ случаяхъ выборовъ соблюдалась чрезвычайная тишина и обнаруживалась особенная ревность и усердная охота совершенію предначертаннаго великою государынею для Московскаго дворянства, въ своемъ наказѣ, яснѣе други

выразило свое сочувствіе мысли Екатерины II, заявивъ что мнѣреніе дать отечеству новыя, съ перемѣнившимися государственными обстоятельствами и... правами всякаго званія граждавъ сходственнѣйшія и на естественной справедливости основанныя законы, пребудеть не только у насъ у потомковъ нашихъ, но и въ самыхъ *дѣлнлахъ свѣта*, первымъ непоколебимымъ монументомъ мудрости, челолюбія и неувядаемой славы Ея Императорскаго Величества." И даѣе, за изъявленіемъ благодарности, наказъ утверждаетъ что „оное (дворянство) все отъ мала до велика заглагаетъ собственное свое и будущихъ родовъ блаженство въ частливомъ совершеніи предпринимаемаго нынѣ великаго дѣла, которое промысломъ Всемогущаго очевидно предоставлено было великой душѣ Екатерины Вторыя....“ Въ заключеніе, въ числѣ многихъ другихъ увѣдовъ, испрашивая позволеніе соорудить, изъ собственныхъ средствъ дворянъ, въ честь и славу государыни особое зданіе которое имѣло бы всѣ свойства монумента, Московское дворянство исчисляетъ эти свойства такъ: „но такимъ монументомъ, который бы въ сооруженіи своемъ огромностью предпріятія, совершенствомъ художества и пользою намѣренія, соответствовалъ еще въ сѣнхъ нашихъ до позднѣйшихъ вѣковъ, знатности толь обширной Имперіи, великости дѣлъ и подвиговъ новой нашей законодательницы и истинному благу отечества, о коемъ она толь неуспѣшно трудиться и лещись изволить къ достойному умиленію Европы, отчасти сорадающейя, отчасти завидующейъ благоденствію и возвышенію нашему.“ Помято что почти такихъ восторженныхъ, свойственныхъ нашей русской широкой натурѣ, во въ данномъ случаѣ имѣвшихъ достойный поводъ, заявленій со стороны почти всѣхъ избирателей, и сами депутаты, чуть не при каждой рѣчи, щедро изливая въ засѣданіяхъ Коммиссіи свою признательность монарху за дарованное имъ право начертать проекты государственныхъ узаконеній.

Отчасти также сочувствіемъ, а еще болѣе новизною дѣла, въ замѣ выборовъ во всѣхъ городахъ, и въ особености конечно въ столицахъ, было привлекаемо большое число зрителей изъ всякаго сословія. Впрочемъ, и торжественность обстановки при выборахъ могла быть уже сама по себѣ заманчива для народа. Выборщикамъ разсылались объявленія, въ

которыхъ между прочимъ совѣтовалось имъ предварительна сноситься между собою и имѣть совѣщаніе о томъ какіе нужды слѣдуетъ внести въ депутатскій наказъ. При сѣздѣ выборщиковъ, каждому выдавался билетъ съ нумеромъ ея мѣста. Посреди залы былъ поставленъ портретъ Екатерины II, а предъ нимъ стоялъ столъ покрытый краснымъ сукномъ съ золотымъ галуномъ. На столѣ помѣщались ящики, въ столицахъ покрытые краснымъ бархатомъ, также обшитыя золотымъ галуномъ, а на ящикахъ тарелки съ шарами и з ними серебряныя блюда для ссыпки избирательныхъ и неизбирательныхъ шаровъ. Посреди ящиковъ ставилась на столъ большая чернильница и возлѣ нея манифестъ, съ приложеніями въ бархатномъ перелетѣ. Первые ряды вокругъ стола заняты были стульями, а сзади—скамьями съ наклеенными на нихъ нумерами. Размѣщеніе на скамьяхъ, по давнему *обряду*, было въ такомъ порядкѣ: впереди занимали мѣста женатыя имѣющія дѣтей, потомъ женатыя бездѣтныя, за ними вдовыя и наконецъ холостыя; званія же и титулы въ соображеніе не принимались, и потому высшимъ государственнымъ чинамъ не рѣдко приходилось сидѣть рядомъ съ простолюдинами. Впрочемъ, сановники сами, для устранения всякаго отлучія отъ избирателей другихъ званій, пріѣзжали въ собраніе безъ орденовъ и знаковъ и особыхъ украшеній. При чтеніи Высочайшаго манифеста, выборщики вставали съ мѣстъ, поклонившись изображенію императрицы. Въ столицахъ и большихъ городахъ, для выборовъ городскихъ головъ и депутатовъ, избирались повѣренныя отъ каждой городской части такъ чтобы числомъ было сто. Случилось что въ Петербургѣ, на первыхъ порахъ, были выбраны въ городской повѣренныя исключительно лица принадлежащія къ высшему сословію; тогда генералъ-полицеймейстеръ не въ приказаніи а въ совѣтѣ, объяснилъ выборщикамъ что лица высшаго сословія, будучи большею частію обязаны служебными дѣлами и притомъ недостаточно знакомые съ потребностями города не всегда могутъ быть удовлетворительными представителями, и потому, добавивъ оныя, не полезнѣе ли было бы выбрать въ повѣренныя жителей изъ всякаго званія наиболѣе способныхъ и знающихъ городскія нужды. Совѣтъ этотъ имѣлъ однако не настолько сильное дѣйствіе какъ было можно ожидать по его практичности; такъ, въ слѣдующихъ горо-

изъ частяхъ, лицъ, и то изъ высшаго купеческаго сосло-  
 вѣ было выбрано только по 2, 4 и 7 на 20, и только од-  
 на часть выбрала 7 купцовъ на 8 савонниковъ. Въ Мос-  
 квѣ повторилось то же самое обстоятельство и точно  
 также; только отъ двухъ городскихъ частей, послѣ за-  
 гнавія, было выбрано изрядное число лицъ купеческа-  
 го сословія и фабрикантовъ; большинство же повѣрен-  
 ныхъ осталось все-таки за дворянскимъ сословіемъ. Что  
 касается до выбора городскихъ головъ и депутатовъ,  
 то на обѣ эти должности и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ  
 были удостоены избранія дворяне; между тѣмъ, въ число  
 составителей депутатскихъ наказовъ, выборщики по  
 преимуществу, иногда даже единогласно, выбирали людей  
 изъ купеческаго званія. Конечно фактъ этотъ, въ связи съ  
 непрекословною готовностію савонниковъ и лучшихъ дво-  
 рыкъ занимать мѣсто въ собраніяхъ рядомъ съ простолю-  
 дцами, тѣмъ болѣе знаменателенъ что постоянно повто-  
 рается и повывѣтъ, и ясно говоритъ за себя. Къ описанію  
 выборовъ вообще остается прибавить еще то что въ Москвѣ  
 императрица сама изъ Грановитой Палаты смотрѣла на  
 лестіе дворянъ-избирателей въ соборъ на молитву и для  
 принесенія должной присяги. Всѣ выборы, какъ городскіе  
 такъ и дворянскіе, происходили всюду совершенно въ од-  
 номъ и томъ же порядкѣ, который впрочемъ былъ указанъ  
 Высочайше утвержденнымъ и одинаковымъ для всѣхъ мѣстъ  
*брадоль*.

Замѣчательнъ по своимъ подробностямъ и нѣкоторымъ от-  
 личіямъ рапортъ въ Сенатъ лифляндскаго генераль-гу-  
 бернатора, цѣликомъ приведенный въ *Сборникъ документовъ*  
 г. Полънова. Генераль-аншефъ Браунъ доноситъ что, во  
 исполненіе Высочайшаго повелѣнія, онъ нашель нужнымъ  
 призвать къ себѣ регирунгсъ-рата и представителя отъ ры-  
 царства, для совѣта съ ними: всѣхъ ли дворянъ созвать въ  
 свое мѣсто, въ Ригу, или по крейсамъ? И признали они за  
 лучшее произвести выборы отъ всѣхъ крейсовъ дворянъ  
 въ Ригѣ, кромѣ Эзелской провинціи, для которой по даль-  
 ности ея разстоянія учинить собраніе въ городѣ Аренсбургѣ.  
 Съѣхавшееся въ Ригу рыцарство, съ своей стороны, при-  
 звало за полезное выбрать изъ двухъ дистриктовъ по  
 одному предводителю отъ дистрикта и по два депутата,

съ тѣмъ чтобы, съ надлежащими отъ дворянства наставленіями, ѣхать изъ нихъ двоимъ въ Москву въ Коммиссію счищенія проекта новаго Уложенія, а двумъ остаться на мѣстахъ, на тотъ конецъ что если кто изъ депутатовъ заблѣдетъ, умретъ или по инымъ причинамъ „при Коммиссіи быть кому быть не можно“, то на мѣсто такого былъ посланъ отъ предводителя одинъ изъ запасныхъ депутатовъ. Генераль-губернаторъ мнѣніе это, хотя и несогласное съ дворянскими правами депутатамъ, апробовалъ и затѣмъ пригласилъ рыцарство приступить къ выборамъ маршала, члѣны дворяне и исполнили „безъ всякаго прекословія, порядкомъ и тихимъ образомъ“. Отъ Эстляндскаго дистрикта были выбраны два депутата, но оба отсутствующіе, а потому, на случай отказа кого-либо изъ нихъ, генераль-губернаторъ допустилъ выборъ еще третьяго депутата; въ Литовскомъ же дистриктѣ произошло между дворянами несогласіе: кому изъ двухъ выбранныхъ депутатовъ ѣхать. Спорили объ этомъ восемь дней, пока наконецъ согласились на одномъ, но кандидатъ къ нему, какъ доноситъ генераль-губернаторъ, при отсылкѣ рапорта еще не былъ точно назначенъ. Въ Эзельской провинціи выборы прошли какъ слѣдуетъ, и притомъ безъ неуказаннаго въ манифестѣ кандидата къ депутату. Далѣе о мѣщанствѣ Риги генераль-губернаторъ пишетъ что выборы происходили „со всякою тихостью и благоговѣніемъ (sic) и безъ всякаго противорѣчія“, такъ что генераль-губернаторъ приписываетъ имъ за это „отличную честь къ ихъ усердію“ и признаетъ ихъ заслуживающими „стойкой похвалы“, причемъ восхваляетъ и самихъ выборныхъ предводителя и депутата. Что же касается прочихъ малыхъ городовъ и мѣстечекъ, куда генераль-губернаторъ межъ прочимъ относитъ Дерптъ и Перновъ, то тамъ отчасти за многочисленностію мѣщанъ и ихъ бѣдностью, отчасти за неимѣніемъ способныхъ людей, въ депутаты было выбрано некого потому свое полномочіе и голосъ предоставляютъ они выбраному отъ Рижскаго мѣщанства депутату, чего однако апробовать не рѣшился, а доноситъ на распоряженіе Сена. Въ заключеніе, въ 12мъ пунктѣ своего рапорта, генераль-губернаторъ, несмотря на то что выше похвалялъ избранныхъ предводителя и депутата въ обоихъ дистриктахъ, доноситъ однако что Лифляндское рыцарство, приступивъ къ выбо-

зводителей и депутатовъ въ свое товарищество, не принимая многихъ дворянъ и не дворянъ, имѣющихъ деревни, но въ Архангелскомъ дворянствѣ не записанныхъ, и когда одинъ изъ таковыхъ, полковникъ Вейсманъ, бывъ уполномоченъ и съ прочихъ, вошелъ къ нему объ этомъ съ жалобой, то хотя онъ съ своей стороны и настаивалъ на ихъ принятiи, однако дворянство упорствовало, о чемъ г. Вейсманъ вторично обратился письменно къ генералъ-губернатору. Вслѣдствiе сего генералъ-губернаторъ всю эту переписку, съ прочими подлежащими документами, представляетъ на разсмотрѣнiе Прiятельствующаго Сената, съ ожиданiемъ на сiе указа отъ Ея Императорскаго Величества. Но какое послѣдовало по сему случаю распоряженiе, того неизвѣстно.

По времени прибытiя депутатовъ въ Москву, каждый изъ нихъ записывался въ Сенатъ въ соответственную губернiю, а о самыхъ губернiяхъ, на представленномъ Екатери́нѣ II большомъ императорскомъ титулѣ, было ею собственноручно подписано: „губернiямъ сидѣть по сей титулатурѣ“. Такимъ образомъ С.-Петербургская губернiя была поставлена послѣ Московской и Киевской, и Иркутская послѣ Сибирской, а остальные семь, не значащiяся въ титулѣ, помѣщены были въ концѣ списка. Именнаго списка всѣхъ депутатовъ въ числѣ собранныхъ г. Полъновымъ документовъ не находится; а изъ азбучнаго указателя именъ депутатовъ подававшихъ свои мнѣнiя въ Комми́ссiю и представившихъ наказы было что въ первомъ московскомъ засѣданiи такихъ депутатовъ было:

Отъ дворянъ.....	48
отъ городовъ.....	50
отъ присутств. мѣстъ.....	8
отъ Лифа, земства и городовъ.....	6
отъ шляхты.....	4
отъ одиодворцевъ, крестьянъ и пѣхотныхъ солдатъ.....	14
отъ казаковъ и войсковыхъ депутатовъ.....	14
и отъ Татаръ, Башкиръ и иныхъ племенищъ.....	9

Всего же подавались мнѣнiя отъ 148 депутатовъ. Общее число депутатовъ, по указанiю сенатора Бабикова, прости-

ралось до 652; а заведенія въ Москвѣ, какъ значится у г. Полянова, были открыты при созвѣдѣ 460 депутатовъ. Труды Коммиссiи, начатыя въ Москвѣ, были окончены ею въ Петербургѣ.

## II.

Церемонiя открытiя Коммиссiи.—Выборъ марша.—Дѣйствiя Екатерининскаго Наказа на депутатовъ.— Поднесенiе титула императрицѣ.—Значенiе и число подкоммиссiй.—Права и обязанности должностныхъ лицъ при Коммиссiи.— Материалы для преймъ.

По указу отъ 24го iюля 1767 года, послѣдовало открытiе въ Москвѣ Коммиссiи Уложенiя, въ 30й день iюля.

Депутаты, согласно предписанному порядку, въ семь часовъ утра собрались въ Чудовъ монастырь, гдѣ находились подъ распоряженiемъ исправлявшаго должность до того времени а въ самое 30е число iюля утверждаемаго въ званiи генераль-прокурора, князя Александра Алексѣевича Вяземскаго Императрица Екатерина II, въ императорской мантiи, съ малю короной на головѣ, выѣхала изъ Анненгофъ (Головинскаго дворца), въ 10 часовъ въ Кремль. Шестнадцать парадныхъ экипажей, въ которыхъ были размѣщены: церемонiи-мейстеръ, придворные кавалеры великаго князя, камеръ-юнкеры, секретарь государыни, полные генералы и гофмаршалъ съ жезлами,—ѣхали впереди. За ними шли лѣшкомъ гофъ-фурьеры, камеръ-лакеи и лакеи и ѣхали верхомъ ѣздовые казаки, ясальничiй и полковникъ, потомъ опять слѣдовали лѣшіе скороходы, аралы и придворные гайдуки, всѣ въ богатыхъ придворныхъ либреехъ. Карета императрицы въ восемь лошадей медленно подвигалась за этимъ кортежемъ, а ее сопровождали верхомъ оберъ-штаб-мейстеръ генераль-адъютанты, штаб-мейстеръ и генераль-полицеймейстеръ. Слѣдомъ за каретой шелъ взводъ кавалергардовъ подъ командою ихъ шефа, графа Григорья Григорьевича Орлова; а за симъ ѣхали въ каретахъ великiй князь Павелъ Петровичъ и потомъ оберъ-гоф-мейстерина, статсъ-дамы и фрейлины. Когда императрица вступила въ Успенскiй соборъ, то изъ Чудова монастыря тронулось шествiе депутатовъ, по два въ рядъ, впереди отъ высшихъ правительственныхъ учрежденiй и присутственныхъ мѣстъ, а за ни



и, по указавшему выше порядку губерній, прежде отъ ворякъ, потомъ отъ городовъ, и наконецъ депутаты отъ прочихъ сословій. Это шестіе велъ генераль-прокуроръ, съ жезломъ въ рукахъ. Въ соборъ были допущены всѣ депутаты исповѣдующіе христіанскую вѣру; остальные поставлены были внѣ храма. Въ Успенскомъ соборѣ литургію, а затѣмъ и соборный молебенъ совершалъ депутатъ Комми́ссiи отъ Синода, митрополитъ новгородскій, преосвященный Димитрій, съ пятью архіереями. По окончаніи службы, императрица посѣдовала во дворецъ, а депутаты въ это время подписывали принятую ими присягу, текстъ которой былъ составленъ особвенно для настоящаго случая. Послѣ обычныхъ обѣщаній вести дѣло „въ правилахъ богоугодныхъ, человеколюбіе вселяющихъ и добродравіе къ сохраненію блаженства и спокойствія рода человѣческаго,“ въ присягѣ заключалось обращеніе къ Богу о томъ „чтобы ниспослала силу отвратить сердце и помышленіе отъ сѣблоти, происходящей отъ пристрастіа... изъ коихъ страстей могла бы родиться суровость въ мысляхъ и жестокость въ сердцахъ.“ Такимъ образомъ, и въ проектѣ новаго государственнаго уложенія, долженствовавшего обрисовать всю систему государственнаго строя, Екатерина II вводила основаніемъ не только человеколюбіе коимъ обезпечивается благополучіе и спокойствіе народа, но и милосердіе, которое не допускало бы жестокихъ началъ въ управленіи. Когда депутаты вошли въ аудіенцъ-залу, гдѣ ожидала ихъ она императрица, стоявшая на тронѣ, со знаменитыми Наказомъ и Обрядами (регламентами) лежавшими на столѣ покрытомъ краснымъ бархатомъ, и окруженная великими княземъ, высшими придворными лицами, чужестранными министрами, статсъ-дамами, фрейлинами и другими знатыми дамами, то послѣ привѣтствія высказавшаго императрицѣ отъ лица депутатовъ митрополитомъ Димитріемъ, вице-канцлеръ князь Голицынъ, отъ имени Ея Величества, выразилъ депутатамъ удовольствіе какое она ощущаетъ при видѣ ихъ усердіа къ споспѣшествованію великому дѣлу на которое они созваны. Повторивъ затѣмъ въ Наказѣ что желаніе государыни состоитъ въ томъ чтобы „видѣть свой народъ столь счастливымъ и довольнымъ, сколь далеко человѣческое счастье и довольствіе прости-

ратся можетъ на сей землѣ“, вице-канцлеръ продолжалъ: „Начинайте же сіе великое дѣло и помните при каждой строкѣ оного что вы имѣли случай себѣ, ближнему вашему и вашимъ потомкамъ показать сколь велико было ваше радѣніе о общемъ добрѣ, о блаженствѣ рода человѣческаго, о вселеніи въ сердце людское добродѣтели и человеколюбія, о тишинѣ, спокойствіи, безопасности каждаго и блаженствѣ любезныхъ согражданъ вашихъ. Вы имѣете случай прославить себя и вашъ вѣкъ и приобрести себѣ почтеніе и благодарность будущихъ вѣковъ. Отъ васъ ожидаютъ примѣра всея подсолнечныя народы; очи на васъ обращены. Слава ваша въ вашихъ рукахъ, и путь къ оной вамъ открытъ. Отъ согласія вашего во всѣхъ сихъ полезныхъ отечеству дѣлахъ зависѣть будетъ и совершенность оныхъ.“ Этою рѣчью заключилось торжество открытія Коммиссіи, и депутаты, послѣ допущенія ихъ къ цѣлованію руки императрицы, удалились изъ залы.

31го іюля 1767 было первое засѣданіе Коммиссіи въ Гравитой Палатѣ, куда депутаты стали собираться въ семь часовъ утра; а въ десять часовъ, генералъ-прокуроръ предложилъ имъ завѣтъ мѣста. Засѣданіе началось чтеніемъ *обрѣда*, излагавшаго весь порядокъ въ ходѣ дѣла и въ управленіи Коммиссіей. Въ собраніи находилось 428 человекъ, но несмотря на число присутствующихъ лицъ, вниманіе и тишина ничѣмъ не нарушались. По прочтеніи *обрѣда*, чтѣ продолжалось около получаса, депутаты были приглашены къ выбору маршаля (предсѣдателя) Коммиссіи, на чтѣ было имъ дано полчася времени: для совѣщаній. Согласіемъ депутатовъ, конечно, не могло обойтись безъ нѣкотораго шума, даже отъ вставанія съ мѣсть для передачи прокурору ихъ записокъ; но разногласія въ выборѣ выражались безъ досады и негодованія, а лицепріятій, по указаніямъ г. Полѣнова, вовсе замѣчаемо не было; впрочемъ, голосъ большинства сосредоточился самъ собою на графахъ Иванѣ и Григорьѣ Григорьевичахъ Орловыхъ, причемъ предпочтеніе вѣроятно было бы дано послѣднему, еслибы не послѣдовало гласныхъ заявленій отъ нѣкоторыхъ изъ депутатовъ что, за множествомъ поручаемыхъ императрицею дѣлъ графу Григорью Григорьевичу Орлову, они признаютъ выборъ его неумѣстнымъ. Вотъ почему выборъ палъ по преимуществу на его брата, графа

Имя Григорьевича, получившаго на баллотировкѣ 278 избирательныхъ противъ 150 неизбирательныхъ голосовъ; тѣмъ же и графъ Григорій Григорьевичъ получилъ 228 голосовъ противъ 200. Затѣмъ самое большое число избирательныхъ шаровъ было на сторонѣ графа Захарія Григорьевича Чернышева, получившаго 179 бѣлыхъ противъ 49 черныхъ, и наконецъ слѣдующимъ за нимъ былъ Александръ Ильичъ Бибииковъ, у котораго оказалось 165 избирательныхъ и 263 неизбирательныхъ шаровъ. Прочія пять лицъ были еще болѣе забаллотированы. Графъ Орловъ тотчасъ же, выразивъ собранію признательность за честь оказаннаго ему довѣрія, отказался отъ обязанности маршала, ссылаясь на множество дѣлъ, и собраніе уволило его; но на такое же заявленіе со стороны Графа Чернышева, признаннаго собраніемъ кандидатомъ, за отстраненіемъ графа Орлова, собраніе отвѣчало отказомъ.

По сохранившимся въ семействѣ Бибииковыхъ документамъ и домашнимъ преданіямъ, приведеннымъ въ *Запискѣ* сына маршала, можно думать однако что Екатерина II уже предназначила Александра Ильича Бибиикова быть маршаломъ Комиссіи. Такъ еще при выборѣ предводителей и депутатовъ, императрица приказала Александру Ильичу немедленно лично отправиться въ Кострому, гдѣ онъ и присутствовалъ на выборахъ и потомъ отъ 8го марта доносилъ императрицѣ о благоуспѣшномъ окончаніи дѣла и объ избраніи его въ депутаты, причемъ и самый наказъ ему отъ двора былъ самимъ же имъ составленъ. Екатерина II это указала свое довольство этимъ исходомъ, ибо 17го она благоволила посѣтить лично деревенскій домъ Бибииковыхъ на берегу Волги, гдѣ приняла обѣдъ и отдыхъ, и созвала отца Александра Ильича и все ихъ семейство въ присутствіи своего благоволенія. Послѣ этого Александръ Ильичъ былъ причисленъ къ свитѣ ея величества и въ числѣ другихъ приближенныхъ участвовалъ въ занятіяхъ Екатерины по переводу Мормонтелева *Велизарія*, въ занятіяхъ такъ гармонировавшихъ съ предпріятымъ императрицею дѣломъ созыва народныхъ избранниковъ. По всѣмъ признакамъ, не удивительно что когда собраніе остановилось на двухъ кандидатахъ которые отказывались, генералъ-прокуроръ, ссылаясь на ст. IV Обряда, представилъ

отъ себя новымъ кандидатомъ Александра Ильича Биби-  
ва, на чтò собраніе, какъ пишетъ г. Полъновъ, изъяви  
полное согласіе, и чтò по существу оно и не могло бы  
вергнуть, въ виду того что генералъ-прокуроръ воспо-  
зовался даннымъ ему правомъ, котораго собраніе не могъ  
никакъ лишить его. Этимъ же предположеніемъ объясняет-  
ся и резолюція императрицы: „какъ графъ (Иванъ) Орловъ  
просилъ о увольненіи, а графъ Чернышевъ обязалъ  
многими дѣлами, то быть предводителемъ костромскому де-  
путату Александру Бибикову.“ Александръ Ильичъ Биби-  
ковъ, руковадъ собраніемъ, заслужилъ отъ нихъ уваженіе  
къ себѣ, а Лифляндское рыцарство, особымъ дипломомъ, въ  
открытія Коммисіи въ 1769 году, сопричислило Александ-  
ра Ильича со всѣми его потомками къ своему сословію, да-  
въ право пользоваться всѣми отъ россійскихъ государей утвер-  
жденными привилегіями, противъ сохраненія коихъ впр-  
чемъ рѣзко высказалось большинство Коммисіи. „Примѣ-  
чанія достойно, пишетъ сенаторъ Бибиковъ (стр. 64 *Записокъ*,  
изд. 1865 года), что рыцарство сихъ завоеванныхъ  
провинцій поставило всегда изъясненіемъ великаго отъ  
себя уваженія вписаніе въ свое сословіе россійскихъ дворян-  
скихъ фамилій, и что кротостью правленія и великодушіемъ  
россійскихъ государей предоставлено завоеваннымъ нем-  
рушимо пользоваться правами столь аествыми и для самихъ  
побѣдителей.“

Во второе засѣданіе Коммисіи, послѣдовавшее спустя три  
дня послѣ перваго, а именно уже по утвержденіи импер-  
трицею маршала собранія, генералъ-прокуроръ вручилъ, из-  
товленный собственно по поводу созыва, свой жезлъ Алек-  
сандру Ильичу Бибикову, и послѣ того собраніе пр-  
ступило къ чтенію Екатерининскаго Наказа депутатамъ  
чтò продолжалось и въ слѣдующее засѣданіе Коммисіи.  
Пораженные глубиною мысли и теплотою чувствъ, дѣйстви-  
тельно выдающихся въ этомъ Наказѣ, депутаты въ первый  
же день чтенія внесли въ дневную записку слѣдующую  
революцію: „Всѣ основанія которыя должны служить пр-  
вилами въ сочиненіи благоразумныхъ, справедливыхъ  
ясныхъ законовъ изображены и объяснены въ этомъ Наказѣ.  
Разсужденія подкрѣплены примѣрами. Человѣколюбіе  
можетъ простираться даже того предѣла который послѣ-

шесть въ статьяхъ касающихся до наказаній и пытки.“  
 Къ слѣдующее засѣданіе, послѣ рѣчи вновь избраннаго мар-  
 ша, въ которой Бабиковъ подготовилъ вниманіе депутатовъ  
 въ слушанію продолженія чтенія Наказа, собраніе въ своей  
 первой запискѣ отиѣтило между прочимъ что „еслибы за-  
 писывать все что въ Наказѣ достойно особливаго примѣча-  
 нія, то надлежало бы весь Наказъ списать.“ Затѣмъ собраніе  
 вело въ дневную записку только слѣдующія, по мнѣнію  
 депутатовъ, наиболѣе „важныя истинныя изображенныя крат-  
 кими рѣчами: *Гоненія человѣческіе умы раздражаютъ. Нача-  
 тья основанія храниться должны. Чѣмъ больше казни  
 умножаются, тѣмъ больше умножается опасность государ-  
 ственная. Лучше чтобы государь ободралъ, а законы угрожа-  
 ли.“* Въ дневной запискѣ сказано еще слѣдующее: „по-  
 сѣ многихъ правилъ нужныхъ блаженству рода человѣче-  
 ского, указано въ ст. 520: *все сіе можетъ похвалиться ласка-  
 тельныя, которые по вся дни встѣлъ земнымъ обладателямъ  
 говорятъ что народы изъ для нихъ сотворены; однакожъ мы  
 буждемъ и за славу себѣ вмѣняемъ сказать что мы сотворены  
 для нашего народа.“* Въ заключеніе, собраніе депутатовъ вы-  
 рвало впечатлѣніе произведенное на нихъ общимъ чте-  
 ніемъ Наказа: „сердечное движеніе, чувствіе до высшей  
 степени доведенное, на лицахъ всѣхъ было начертано. Мно-  
 гие плакали, но сіи слезы умножились когда прочли статью  
 въ которой сказано: *Богъ сохрани чтобы послѣ окончанія сего  
 законодательства былъ какой народъ больше справедливъ и  
 действительно больше процвѣтающъ. Намъ реніе законовъ на-  
 нынѣ было бы не исполнено: несчастіе до котораго я дожить  
 не желаю.“* Впечатлѣніе произведенное еще при выборѣ депу-  
 татовъ обнародованнымъ манифестомъ, заключающимъ въ  
 себѣ тѣ же заботливыя и теплыя чувства императрицы о  
 благосостояніи ея подданныхъ, подкрѣпленнымъ глубоко про-  
 думанными разсужденіями въ Наказѣ, вызвали несомнѣнно  
 единое единодушное согласіе депутатовъ на предложеніе  
 привести благодарность императрицѣ за „неисчетную  
 заботу оказанную ею всему народу“. Для испрошенія на сіе  
 позволенія государыни, была избрана депутадія изъ четы-  
 рехъ лицъ: депутата отъ Синода митрополита Димитрія, де-  
 путата отъ Сената князя Михаила Волковскаго, депутата отъ  
 Орловскаго уѣзда графа Федора Орлова и депутата отъ

Дерптскаго уѣзда Александра Вцальбоа; но прежде, по предложенію преосвященнаго Димитрія, было тутъ же въ засѣданіи Коммиссіи отсауждено молебствіе о здравіи и многолѣтіи Екатерины II.

На представленіе депутатовъ было назначено стоать отъ дѣльное время что въ промежутокъ состоялись еще два засѣданія Коммиссіи, въ которыхъ неудовлетворенное возжеленіе выразилось наконецъ мыслью поднести государынѣ титулъ *Премудрой и Великой Матери Отечества*. Эта утвержденная собраніемъ формула поглотила цѣлое засѣданіе въ продолженіе котораго депутаты въ значительномъ числѣ окружали аналогъ составителей *дневныхъ записокъ*, съ требованіемъ отмѣтки о желаніи своемъ представить отъ себя проекты титула. Кромѣ этого, маршалу подавали за многочисленными подписями отдѣльныя заявленія о томъ предметѣ и вѣроятно, какъ полагаютъ и г. Полѣновъ именно эти два засѣданія, бурно посвященныя восхваленію Екатерины II, вызвали съ ея стороны одну изъ отрывковыхъ записочекъ, такъ часто присылавшихся ею къ маршалу, въ которой она выразилась: „Я велѣла имъ читать разсмотрѣніе законовъ, а они дѣлаютъ анатомію моихъ качествамъ“. Наконецъ, 12го августа, послѣ обѣдни, представлялись къ ней депутаты, во всемъ составѣ Коммиссіи Рѣчь держалъ маршалъ. По словамъ его сына, онъ съ трудомъ могъ начать отъ волненія. Въ рѣчи своей онъ выказывалъ сильное впечатлѣніе произведенное на депутатовъ Еказомъ Императрицы. Весь родъ человѣческой, сказалъ онъ долженъ былъ бы наименовать ее *Матерью Народовъ*, какъ первый долгъ въ этомъ лежитъ на Россіи, а потомъ и просить ее депутаты, отъ имени всѣхъ ея подданныхъ принять утвержденный Коммиссіей титулъ. Послѣ отвѣта рѣчи вице-канцлера князя Голицына, въ коей объявлено что Императрица желаетъ только „укрѣпленія депутатовъ правильныхъ мысляхъ“ для составленію проекта Уложенія, Екатерина II добавила сама: о „званіяхъ кои вы предлагаете чтобъ я отъ васъ приняла, на сіе отвѣтствую 1) на *Великая*, о моихъ дѣлахъ оставляю времени и поткамъ безпристрастно судить. 2) *Премудрая*: никакъ себя ковою назвать не могу, ибо одинъ Богъ премудръ и 3) *Матери отечества*: любить Богомъ вѣрныхъ мнѣ подданныхъ

изъ я за долге званія моего почитаю, быть любимомою отъ изъ соеъ мое желаніе. " Тѣмъ не менѣе въ послѣдовавшее за представленіемъ засѣданіе, собраніе, по предложенію марша-да постановило: о поднесеніи Императрицѣ титула составить протоколъ, съ прописаніемъ побудительныхъ къ тому при-казъ, и это опредѣленіе, со всѣми подписями депутатовъ на вѣчныхъ или заявленіяхъ, отослать въ Правительствующій Сенатъ. Въ концѣ Московскаго періода засѣданій, было мар-шаломъ объявлено Коммиссіи что Правительствующій Сенатъ въ повелѣніи собраніи всѣхъ департаментовъ, объявилъ ему что сенаторы не только весьма похваляютъ желаніе депута-товъ, но всеусердно соединяюсъ съ правдивостью оного, при-нести свою благодарность собранію и предоставляютъ себѣ искать случай отъ всего государства „произвестъ это же-ланіе къ употребленію“; самый же актъ постановлено хранить въ Сенатѣ, а опредѣленіе собранія напечатать въ газетахъ. И действительно, спустя три года, во время отсутствія им-ператрицы изъ С.-Петербурга, въ 1780 году, нѣкоторые изъ сановниковъ, вторично вознамѣрились поднести Екатерину II титулъ *Великой Матери Отчествна* (ужь опустивъ отвергну-тое ея званіе *премудрой*); но государыня была тверда въ волея рѣшеніи и, какъ указываетъ сенаторъ Бибииковъ въ своей *Замыскѣ*, выразила даже свое неудовольствіе „за пражненіе въ подобныя выдумкахъ“, и такимъ образомъ она возможность, по ея собственному приговору, времени и безпристрастнымъ потомкамъ сохранить за нею на вѣки одно званіе *Великой*.

Покончивъ съ представленіемъ въ Сенатъ своего протоко-ла о титулѣ, собраніе приступило къ окончательному выбо-ру *дирекціонной* или распорядительной коммиссіи, на обяван-нети которой лежало составленіе всѣхъ прочихъ частныхъ коммиссій. Сверхъ этого, Дирекціонная Коммиссія должна была просматривать всѣ вносимыя въ нее оконченыя части *законовъ*, соображая дѣтъ ли въ нихъ какого-либо несогласія съ *Наказомъ* и всѣ ли онѣ соответствуютъ основному тре-бованію выраженному въ Обрядѣ: *сохраненію чистоты Им-періи чрезъ добронравіе, народное благополучіе и человеколю-біе законами, изъ чего послѣдуетъ любовь, вѣрность и по-срамленіе къ государю*. Частныя коммиссіи были обяза-ны скрепдѣтельно подавать меморіи въ Дирекціонную, какъ

для того чтобы у сей послѣдней была постоянно на 1 успѣшность ихъ дѣятельности, такъ и для того чтобы неа же, въ случаѣ какихъ-либо отступленій отъ написанныхъ правилъ, частная коммиссія получала указъ должнаго направленія. Дирекціонная Коммиссія имѣла право измѣнять соображенія частныхъ, но съ тѣмъ что причинѣ сдѣланныхъ ею измѣненій она была обязана докладывать общему собранію при представленіи оныхъ на утвержденіе депутатовъ. Если въ сужденіяхъ общаго собранія и буждались вопросы не подходящіе подъ прямая правила Берлинскаго Наказа, то дирекціонная коммиссія обращала вновь такіе предметы на обсужденіе всѣхъ депутатовъ своимъ о нихъ разсужденіемъ и мнѣніемъ; рѣшенія въ этихъ случаяхъ полнаго собранія должны были уже въ точности исполняться Дирекціонною Коммиссіей. Канцелярія дирекціонной коммиссіи, какъ лабораторія будущихъ законоположеній, была поставлена конечно подъ непосредственнаго управленіе наиболее довѣренныхъ лицъ, генералъ-прокуроръ и депутатскаго маршала. Въ эту самую важную изъ всѣхъ прочихъ коммиссій были выбраны лучшіе люди изъ депутатовъ, и притомъ большинство изъ наиболее пользовавшихся расположеніемъ и довѣріемъ императрицы; членами ея, наряду прочимъ, значатся три представителя высшихъ правительственныхъ учрежденій: Синода, Сената и Главнаго Министра; потомъ семь представителей отъ дворянства были взяты по преимуществу изъ придворныхъ лицъ, и въ числѣ ихъ находились всѣ три брата Орловыхъ и Чернышевъ; конецъ пять представителей отъ городовъ, въ числѣ которыхъ отъ Москвы князь Голицынъ; остальные четыре депутата купеческаго званія, отъ провинціальнаго городовъ, избраны уже въ послѣдствіи, по поводу рѣшенія собранія чтобы каждое мѣсто члена Дирекціонной Коммиссіи были не по одному а по три кандидата.

Вторая коммиссія, по своему значенію, была *Экспедиционная*, которая, выражаясь болѣе обыкновенно въ настоящее время терминомъ, была собственно *редакціонная*, ибо гласно Обряду, обязанность этой коммиссіи состояла въ наблюденіи чтобы труды прочихъ коммиссій, а такія большаго собранія изложены были „по правиламъ яснаго и слога“, не измѣняя ни въ чемъ существа дѣла. Но



Експедиційна Комиссія замічала гдѣ-либо протизорѣчнѣ положеніяхъ, хотя бы Дирекціоною Комиссію, то їмъ обявана о томъ, по соотвѣтствію, тогчасъ же сообщала. Експедиційна Комиссія отвѣчала за окончаельную редакцію особенымъ докладомъ императрицѣ, что и такъ не вкрались двусмыслия, неясности, неопредѣленности, „неразумительность“ выраженій. Третья комиссія, иже какъ и тѣ двѣ, обязательная по Обряду, была для сбора данныхъ депутатамъ наказовъ отъ ихъ избирателей. Задача ея заключалась въ составленіи свода всѣмъ наказамъ: проектовъ и въ извлеченіи изъ оныхъ выписокъ, которыя, въ заключеніи общаго собранія, отсылались въ Дирекціонную Комиссію. Загнѣмъ ни число, ни существо частныхъ выписокъ въ Обрядѣ не опредѣлялись, а зависѣли отъ усмотрѣнія собранія и Дирекціонной Комиссіи, сообразно встрѣтившимся потребностямъ; въ Обрядѣ же упоминалось только о необходимости такихъ комиссій, соотвѣтственно предмету зачатій или, правильнѣе сказать, отдѣламъ проекта общаго законоположенія. Такія подкомиссія составились:

- 1) По разбору родовъ государственныхъ жителей (о сословіяхъ).
- 2) По правосудію (объ организаціи судовъ).
- 3) По имѣніямъ (о имущественномъ правѣ).
- 4) О средневъ родѣ людей.
- 5) О полиціи.
- 6) О городахъ.
- 7) Объ общемъ правѣ (гражданъ).
- 8) Для „остереженія“ протизорѣчій между воинскими и гражданскими законами.
- 9) О разнородіи народа, земледѣліи, домостроительствѣ и пр.
- 10) По образу сборовъ и образу расходовъ (налоги и финансовая часть вообще).
- 11) По рудокопанію, растенію и обереженію лѣзовъ и по промысламъ вообще.
- 12) Духовно-гражданская.
- 13) Объ училищахъ и (лицамъ) призрѣнія требующихъ.
- 14) О почтахъ и гостиницахъ (почтовыхъ ставціяхъ?).
- 15) По разнымъ установленіямъ касающимся лицъ.
- 16) По обязательствамъ (о договорахъ).

Такимъ образомъ, всѣхъ подкомиссій, съ тремя главными изъ общей Комиссiи для сочиненiя проекта новаго Уложенiя, было составлено 19. Частная комиссiи была обязана по выработкѣ какого-либо проекта, приглашать къ себѣ депутатовъ отъ тѣхъ присутствующихъ имѣть которыхъ положенiе касалось, съ тѣмъ что если эти лица въ чемъ-ли не соглашались съ мнѣнiями комиссiи, то были обязаны двухнедѣльный срокъ представить письменное заявленiе причинахъ своего несогласiя, послѣ чего частная комиссiи должны были пересмотрѣть вопросъ, съ правомъ и согласиться съ замѣчанiями правительственныхъ представителей, но съ обязанностью все дѣло представить въ Директивную Комиссiю. Число членовъ полагалось по пяти каждой частной комиссiи, причемъ они удерживали себѣ право въ общемъ собранiи, а по работамъ своимъ въ своихъ комиссiяхъ они имѣли право выбирать себѣ въ помощь еще отъ одного до двухъ депутатовъ, съ правомъ, однако, только совѣщательнаго, а не рѣшающаго голоса.

Общее управленiе надъ общею Комиссiей возлагалось на *маршала*, или *депутатскаго предводителя*, въ какомъ званiи, какъ было выше указано, и былъ утвержденъ А. И. Биковъ. Для соблюденiя порядка, вещественнымъ знакомъ служилъ ему жезлъ, ударомъ котораго открывалось засѣданiе, и если затѣмъ нарушалась тишина, то маршалъ возстановлялъ ее такимъ же ударомъ до двухъ разъ; но если и послѣ втораго раза не водворялся порядокъ, то маршалъ объявлялся удалиться изъ зады собранiя, и тогда засѣданiе тогда считалось какъ бы не бывшимъ. Маршалъ, по предварительномъ соглашенiи съ генераль-прокуроромъ, предводительствовалъ дѣлу общему собранiю депутатовъ, и затѣмъ наблюдалъ за правильнымъ ходомъ разсужденiй. Если предложенiе было письменное, то читалось два раза, изъ коихъ только въ второмъ чтенiи депутаты могли дѣлать свои замѣчанiя, причемъ желающiе дать мнѣнiе обязаны были вставать съ мѣста и предварительно объявлять ближайшему держателю двери записки о своемъ намѣренiи сдѣлать возраженiе, а тогда докладывалъ объ этомъ маршалу. При такихъ же заявленiяхъ отъ нѣсколькихъ депутатовъ соблюдалась маршаломъ очередь. Понятно что никому не дозволялось перебивать чужую рѣчь, а въ случаѣ нарушенiя этого правила маршалъ останавливалъ.

из виновнаго до двухъ разъ, а на третій подвергалъ его штрафу въ два рубля въ пользу Воспитательнаго Дома. Если же за сими мѣрами кто-либо оказывалъ невоздержаніе, то шюму отъ имени всего собранія запрещалось говорить, а мнѣнъ былъ онъ мнѣнія свои представлять письменно. Изъ сохранившихся дневныхъ записокъ видно что Краткія перекрестныя рѣчи въ собраніи не допускались, а каждый изъ возражающихъ долженъ былъ высказать все свое мнѣіе съуста полчаса послѣ заявленнаго. Говорившіе должны были обращаться лицомъ къ маршалу, и если кто высказывалъ кое мнѣіе болѣе получаса, то маршалъ прерывалъ его и предлагалъ подать оное письменно. Маршалъ назначалъ мѣсто и время для подныхъ собраній и былъ обязанъ наблюдать кто изъ депутатовъ постоянно посѣщалъ собраніе и кто поздно прѣвѣжалъ или рано уходилъ: такимъ дѣлались замѣчанія; если же кто, безъ уважительной причины, не присутствовалъ болѣе недѣли въ собраніи, то подвергался лени. Безъ маршала или генераль-прокурора собраніе считалось недѣйствительнымъ; но такъ какъ оба они вмѣстѣ завѣдывали и канцеляріей Дирекціонной Коммиссіи, то занятія ихъ могли быть раздѣлены такимъ образомъ что когда маршалъ присутствовалъ въ полномъ собраніи, то генераль-прокуроръ могъ сими находиться въ Дирекціонной Коммиссіи. И маршалу, и генераль-прокурору предоставлялось право присутствовать мнѣіе во всѣхъ коммиссіяхъ, ибо и тотъ и другой были обязаны имѣть подробное свѣдѣніе обо всемъ что происходило въ каждой изъ подкоммиссій. По словамъ сенатора Бибикова, маршалъ и генераль-прокуроръ должны были даже прѣсѣдать во всѣхъ частныхъ коммиссіяхъ, какъ и въ болѣе собраніи. Въ помощь себѣ генераль-прокуроръ и маршалъ выбирали по четыре лица изъ депутатовъ изъявившихъ согласіе на то; само-собою разумѣется что эти помощники не облакались правами избравшихъ ихъ, а обязывались только исполнять ихъ порученія.

Опредѣляемыя въ общую коммиссію лица для письменнаго производства состояли въ непосредственномъ завѣдываніи маршала и генераль-прокурора и назначались по Обряду „изъ способныхъ и добраго поведенія дворянъ“; а въ первоначальной редакціи, какъ видно изъ сенатской рукописи, было еще сказано чтобы „къ письменнымъ дѣламъ Коммиссіи

отнюдь не брать приказныхъ людей“. Эти назначаемы чиновники вели дневныя записки подъ наблюдениемъ особагъ самую Императрицей опредѣленнаго директора, именно графа Андрея Петровича Шувалова, извѣстнаго по похваламъ которыя воздавались тогдашними французскими писателямъ его французскимъ стихамъ. Сенаторъ Бибииковъ указываетъ при этомъ что однимъ изъ писемоводителей у Шувалова былъ Михаилъ Иларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ, въ послѣдствіи князь Смоленскій. Директоръ собиралъ всѣ записки послѣ каждаго засѣданія, и изъ нихъ составлялъ одну которую затѣмъ и представлялъ маршалу и генералъ-прокурору, а они доводили ее до свѣдѣнія Императрицы. Въ послѣдствіи, когда Коммиссія была уже въ полномъ дѣйствіи, Екатерина II издала секретный наказъ директору, въ которомъ, осмысляя на обрядъ, повелѣвала чтобы записки частныхъ комиссій находились подъ непосредственнымъ наблюдениемъ директора, который изъ нихъ составлялъ особый журналъ. Вместе съ тѣмъ, въ этомъ же наказѣ директоръ былъ поставленъ въ совершенно независимое положеніе, съ непосредственнымъ подчинениемъ только самой Императрицѣ; наконецъ, тутъ же Екатерина разъясняетъ что маршалъ, генералъ-прокуроръ и директоръ для того должны сидѣть рядомъ за однимъ столомъ что первый изъ нихъ „какъ явно дѣйствующій, имѣлъ бы близъ себя людей съ кѣмъ совѣтовать и чрезъ то получалъ бы приличный родъ помощи“. Впрочемъ, генералъ-прокуроръ имѣлъ для себя особый наказъ преимущественно на тотъ конецъ „чтобы противнаго разуму, въ пунктахъ постановленія содержащемуся Коммиссіею ничего сочлено не было“. Въ этомъ же наказѣ генералъ-прокурору излагались понятія о правахъ: 1) правъ божественное или святой вѣры; 2) право церковное, то-есть обряды на вѣрѣ основанныя; 3) право естественное; 4) правъ народное; 5) право государственное общее; 6) право государственное частное; 7) право гражданское, и 8) право домашнее или семейное. Для полноты обсужденій были допущены въ собраніе всѣ пріѣзжавшіе въ Москву, въ періодъ засѣданій, губернаторы, съ правомъ представлять въ Коммиссію свои замѣчанія объ умотрѣнныхъ ими въ своей губерніи нуждахъ и недостаткахъ; то же право, впрочемъ, имѣли и отсутствующіе начальники губерній. Являшіеся в

дпутствіе губернаторы пользовались стульями которые ставились предъ скамьями депутатовъ ихъ губерній. Рѣшающаго голоса они конечно не имѣли.

Чтеніе депутатскихъ наказовъ началось съ восьмага записки Комиссіи, и продолжалось въ теченіе пятнадцати мѣсяцевъ. Наказы данные сельскими обществами заключали въ себѣ по преимуществу ходатайства о самыхъ мелкихъ нуждахъ, не выходящихъ изъ тѣснаго круга вседневныхъ потребностей. Уменьшеніе повинностей, вообще увеличеніе земельныхъ надѣловъ, наконецъ жалобы на мѣстныхъ, и много совершенно частныхъ, неудобства и даже случаи пререканій со властями, вотъ почти вся суть наказовъ отъ крестьянъ. Замѣчательно только почти единогласное отъ всѣхъ заявленіе желанія мѣстными судами и желаніе судовъ словесныхъ. У вѣсковъ господствовало рѣшеніе сосредоточить право торговли въ своемъ сословіи и распространить крѣпостное право на рабочихъ въ пользу фабрикантовъ и заводчиковъ. У дворянъ главнѣйше высказывался протестъ противъ приобрѣтенія дворянскихъ правъ мелкими чиновниками, а лифляндцы и эстляндскіе представители дворянства настаивали на освобожденіи ихъ правъ, согласно дарованнымъ имъ привилегіямъ. Общее требованіе останавливалось на организаціи сунтовъ и на расширеніи выборнаго начала въ государствѣ. Въ теченіи чтеній наказовъ, маршалъ указывалъ собранію на XIII и XXII статьи Обряда, въ которыхъ устанавливалась порядокъ разсужденій о нихъ. Многие указы, какъ напримѣръ данные дворянствами уѣздовъ Судиславскаго (нынѣшняго города въ Костромской губерніи), Юрьевскаго (Юрьевъ-Польской, во Владимірской губерніи), Муромскаго и др. заключали въ себѣ только общія фразы довѣрія или хвалительныя мысли Екатерины II о созывѣ, и никакихъ замѣчаній о нуждахъ и потребностяхъ. Впрочемъ, отъ первыхъ изъ этихъ уѣздовъ, въ замѣтъ наказу депутату, послана была особая просьба непосредственно въ Комиссію, въ которой и излагались тѣ потребности о какихъ слѣдовало заявить въ депутатскомъ наказѣ. Московское дворянство, вмѣсто обычнаго въ большинствѣ наказовъ предложенія депутату предлагать Комиссіи что онъ самъ благоволитъ ссудить сверхъ выданнаго наказа, дало еще „полную власть“ своему депутату; а Шуйское, въ послѣднемъ пунктѣ своего наказа, выразилось что если будетъ отдѣлено

делутатомъ какое-либо улучшение, то „онъ можетъ дать сѣть предъ обществомъ по закону“, хотя такого уступленія ни въ одномъ изъ узаконенныхъ порядковъ по казано не было. Наконецъ, Суздальское дворянство, кромѣ вѣдѣнія въ которомъ подробно изложило свои нужды и польза передало своему депутату три особые мѣтнія для представленія въ Коммиссiи, но которыхъ однако между прочими напечатанными документами въ бумагахъ не оказалось. Кромѣ обсуждения наказовъ, общее собраніе разсматривало и обсуждало разнаго рода соответствующія законоположенія какъ на примѣръ о правахъ дворянства и купечества, начиная съ Уложенія царя Алексѣя Михайловича до современныхъ правительственныхъ установленій. Затѣмъ разсматривались дѣйствующіе законы относящіеся до христіанскихъ обрядовъ и обязанностей вѣрующихъ; потомъ разбирались законы о преступленіяхъ и наказаніяхъ, о правахъ собственности и другія узаконенія и правительственныя распоряженія, причѣмъ былъ не разъ затронутъ вопросъ о крѣпостности правъ.\*

### III.

Отчеты о дѣланіи депутатами своихъ обязанностей.—Случаи прѣдложеній.—Умолченіе депутатовъ частыя вопросы.—Отставленіе старинныхъ привилегій.

Послѣ объявленія депутатамъ объ утвержденіи Бибикъ маршаломъ собранія, было симъ послѣднимъ предложено въ сто разсылки повѣстокамъ прибавить листы къ Грановитой канцеляріи, къ сѣвѣжскимъ дворянамъ и другимъ удобнымъ мѣстамъ съ извѣщеніемъ о днѣ и часѣ засѣданій, и мѣра эта въ слѣдствіи оказалась достаточною для исправнаго сбора депутатовъ. Только къ исходу осени, а слѣдовательно послѣ послѣднихъ засѣданій, вѣроятно по причинѣ нѣкотораго утомленія депутатовъ, маршалъ былъ вынужденъ замѣтить что нѣкоторые изъ нихъ залаздываютъ прїѣздомъ въ Коммиссiю наибольшее число залоздалыхъ доходило не свыше шестидесяти лицъ, случаевъ же непрїѣзда на засѣданіе не видно дневныхъ записокъ. Съ другой стороны, въ дневныхъ запискахъ

\* Описание прѣдій и заключеній по каждому изъ предметовъ Уложенія будетъ имѣть мѣсто въ послѣдующихъ главахъ.

Слѣ часто встрѣчаются отиѣтки что въ теченіе засѣданія соображалась надлежащая благопристойность и тишина; впрочемъ, попадаются и такія въ которыхъ замѣчалось, въ особенности о депутатахъ отъ дворянства, что они не вовремя вставали съ мѣста, оборачивались лицомъ къ окнамъ, много и громко другъ съ другомъ разговаривали; иногда же бывалось и на то что неприличныя выраженія нѣкоторыхъ изъ депутатовъ возбуждали общій безпорядокъ, вслѣдствіе чего маршалъ бывалъ вынужденъ останавливать чтеніе. Иногда приходилось маршалу замѣчать депутатамъ что они недостаточно вслушиваются въ содержаніе читаемыхъ книгъ и подають голоса и возраженія совершенно къ нимъ не относящіяся, что, по замѣчанію маршала, кромѣ утруженія собранія, причиняетъ напрасную помѣху и замедленіе въ работахъ частныхъ комиссій. При этомъ онъ не безъ труда предложилъ чтобы тотъ изъ депутатовъ кто не вникнулъ въ читаемое, требовалъ вторичнаго прочтенія, или же въ положенное на то время самъ прочитывалъ дурно слышимое. Вообще изъ отиѣтокъ въ дневныхъ запискахъ видно что маршалъ, вопреки сообщенію его сына, сенатора Бибикова, былъ выгоднаго мнѣнія о депутатахъ. Въ заключительномъ засѣданіи Московскаго періода Комиссія, какъ высказалъ онъ свое одобреніе депутатамъ: „четыре съ половиною мѣсяца занятій Комиссіи въ Москвѣ... доказываютъ имъ къ предпринятому дѣлу ревность и усердіе, прилежаніе, вниманіе и точность въ соблюденіи даннаго отъ самодержавнейшей Самодержицы обряда.“ И дѣйствительно, внимательствомъ серьезнаго отношенія депутатовъ къ порученному имъ дѣлу могутъ служить, независимо отъ множества дѣльных мыслей и предложеній, еще и тѣ нѣсколько изъ поданныхъ въ Комиссію гдѣ выражается или прямой взглядъ на депутатскія обязанности, или очевидная ответственность о предварительной подготовкѣ къ своимъ запискамъ.

„Если въ подаваемыхъ господами депутатами правѣчаній на читаемые законы“, сказалъ депутатъ Барнаульскаго серебро-плавильнаго завода Иванъ Карышевъ, „не всѣ статьи оныхъ будутъ разобраны, и если, къ удовольствію отечества, многочисленныя идеи, несмотря на обширность столькихъ умовъ, не всѣ будутъ обняты, то всѣмъ извѣстно какому разсмотрѣнію эти законы должны

будутъ подвергаться въ послѣдствіи и какія лица должны и вынуть въ точность оныхъ. Поэтому можетъ ли быть ч бы какой-либо предметъ, влекущій за собой пользу госудаства, исчезъ отъ нашего взгляда?" „Неуслышная и матерскія попеченія государыни“, говорилъ депутатъ Перемышлскаго дворянства Левъ Нарышкинъ, „должны съ такою си воспламенять наши сердца ко всему тому что можетъ лнести пользу Россіи и обратить воѣ чувства наши къ добдѣтели что я пожелъ бы себѣ за преступленіе еслибы изъясилъ мысли мои сходствующія съ человѣколюбивы намѣреніями означенными въ Наказѣ.“ Слѣдомъ за симъ предваряя предложеніе мѣръ къ устройству врачебной пощи въ селеніяхъ, этотъ депутатъ высказываетъ съ кажаалостью и содраганіемъ сердца взиралъ онъ на болѣзныстрадавія простолюдиновъ, оставаемыхъ въ такомъ ткомъ видѣ безо всякой сторовней помощи. Впрочемъ, л вода примѣры такихъ честныхъ взглядовъ на свои обязанности, мы должны, по справедливости, отмѣтить и тоиные депутаты комментировали лучшіе тексты изъ Екарилинскаго Наказа, даже иногда показая ихъ смыслъ, едответственно въ видахъ отстаиванья своихъ личныхъ или сосельныхъ интересовъ, что особенно рѣзко выдѣлается въ требоіяхъ нѣкоторыхъ лицъ изъ торговаго класса на исклюительность ихъ права торговли, хотя бы въ явномъ ущерпрамыхъ производителей, въ особенности крестьянъ.

Изъ мнѣній предварительно подготовляемыхъ серьезнымъ изученіемъ предмета, слѣдуетъ указать на мнѣнія того же лутата Ивана Карышева и депутата отъ города ВологАндрея Блазнова, которые стараются разграничить прелюбопытнаго торговаго крестьянъ съ общимъ правомъ торговли л лицъ записанныхъ въ купеческомъ сословіи, дѣлали сомыкиузаконенія съ 1721 года, выставляя не только мѣсяцъ и чдо изданій оныхъ, но самыя статьи и пункты, и притопривода даже тѣ которыя не вошли въ Полное СобраЗаконное, а хранятся въ составѣ высочайшихъ резолюціймагистратскіе доклады. Точно также одиодворецъ Тамбской провинціи Василій Веденевъ, разсуждая „о праваблагородныхъ“, не только приводилъ статьи изъ Уложенцаря Алексея Михайловича, но даже указывалъ на сепарные указы, съ означеніемъ времени ихъ изданія и съ объясніемъ ихъ содержанія, исторически доказывая заселеніе Укр



нужными людьми и логично выводя потребность дворянства из нравственнѣ и умственнѣ образованіи. Депутатъ отъ Ярославскаго дворянства, князь Михаилъ Щербачевъ, разсуждая о правахъ на фабрики, приводилъ статистическія свѣдѣнія о производствѣ за время царствованія Петра Великаго, и на нихъ, а также на предшествующихъ императорскихъ распоряженіяхъ, утверждалъ свое заключеніе. Депутаты отъ города Воронежа, Семенъ Севастьяновъ, и отъ шляхетскаго Переяславскаго полка, Захаръ Ковалевъ, знакомили собраніе съ историческимъ ходомъ развитія солянаго промысла. Говоря о правахъ старшинъ малороссійскихъ полковъ на крѣпостное владѣніе крестьянами, депутатъ отъ шляхетства Нѣжинскаго и Батуринскаго полковъ, Гаврила Божичъ, развивалъ коренное основаніе общаго гражданскихъ учрежденій и устройство Малой Россіи. Депутатъ отъ Сибирскихъ казаковъ, Федоръ Андиферовъ, приводилъ историческія доказательства на право торговли народамъ обитающихъ на восточной окраинѣ Россіи, а въ концѣ мѣсяцъ ознакомилъ собраніе съ исторіей заселенія Сибири отъ временъ Іоанна Грознаго. Депутатъ отъ города Тамбова, Сидоръ Щелетильниковъ, опирался на указы Правительствующаго Синода, во времена царствованій Петра Великаго и Елизаветы Петровны, и на смыслъ выраженій изъ Священнаго Писанія, предлагалъ отнѣсти торгъ въ воскресные и праздничные дни. Депутатъ Уфимскаго казачьяго войска, Прокофій Сидоровъ, разказывалъ исторію построенія городовъ Уфы и Оренбурга и заселенія ихъ казаками. Депутатъ отъ дворян Самарскаго уѣзда, Иванъ Елагинъ, представилъ замѣчанія по многимъ отношеніямъ мнѣніе объ устройствѣ оленеводства на научныхъ данныхъ и весьма тщательно разработанное.

Въ числѣ депутатовъ, и конечно въ особенности отъ дворянства какъ высшаго сословія, слѣдуетъ еще отнести и то множество изъ нихъ, кромѣ приводимыхъ ниже случаевъ, не имѣвшихъ чувства другому свое какое-либо преимущество, личное или сословное превосходство. Вниманіе къ сословіямъ мнѣніямъ или предложеніямъ было всегда одинаковое къ какому бы кто сословію ни принадлежалъ и какъ бы кто ни стоялъ выше другихъ по своему образованію. Больше было указано что занятіе депутатовъ было распределено не по сословіямъ, а

по губерніямъ, и только однажды былъ случай требованія стороны депутата города Фридрихстада, Антона Вульфе о предоставленіи ему высшаго предъ другимъ депутат той же губерніи мѣста, и то не по личной, а по общественной привилегіи какою пользовался избравшій его городъ другими городами Выборгской губерніи; но и эту прѣбу маршалъ тотчасъ же отклонилъ, объяснивъ депутату по Обряду мѣста опредѣляются по губерніямъ, а старшинство дается тому кто прежде объявился. Если же случилось надмѣрное или неприличное отношеніе чье-либо мнѣнію другаго, то все собраніе, безо всякаго сословнаго различія, единогласно возмущалось и принимало и даже карательныя мѣры противъ нарушителей порядка спокойствія. Такъ депутатъ отъ дворянъ, графъ Гр. Орловъ, первый обратилъ вниманіе маршала на выраженіе дворянскаго же депутата отъ Верейскаго уѣзда, Степана Степанова, позволившаго себѣ, по прочтеніи наказа Каргопольскихъ крестьянъ, обозвать составителей оного „дѣльными и убогими“, причемъ графъ Орловъ, смягчивъ свое заявленіе предположеніемъ что вѣроятно эти слова вкрались въ публичномъ мнѣніи по ошибкѣ лица, а не по личному убѣжденію депутата Степанова, предложилъ маршалу, не признавъ оныхъ нужными спросить Верейскаго депутата дѣйствительно ли тѣ выраженія были внесены въ его мнѣніе по оному наказу. Маршалъ призвалъ Степанова къ отвѣту, который и объявленъ представити письменно; но послѣдствіемъ этого случая въ дальнѣйшихъ дневныхъ запискахъ не упоминается. Гораздо серьезнѣе было дѣло съ депутатомъ отъ яросскаго дворянства, Михаиломъ Глазовымъ, который въ выраженіи своемъ, поданномъ на голосъ Елецкаго депутата однопорцезвѣ, позволялъ себѣ, какъ отмѣчено въ дневныхъ запискѣ о засѣданіи 31го августа, приписывать Елецкому депутату „развратное мнѣніе“, поносить всѣхъ черноморскихъ крестьянъ, ругать Каргопольскій наказъ говоря что до его смѣчь, а депутата отъ Каргопольскихъ крестьянъ торчать, какъ отмѣчается въ дневной запискѣ, „истину предпочесть, доказавъ что въ послѣдствіи чинѣ можно дѣлать благородно“, депутатъ Глазовъ желалъ лишить депутата званія и всѣхъ депутатскихъ выгодъ. Такія неблагопріятныя выходы пріемы въ негоднваніе все собраніе, депутатъ отъ бергъ-коллегии, Андрей Нартовъ, съ мѣсто

и другими, тотчасъ же предложили исключить самого Глазова изъ числа депутатовъ; но противъ этого, и съ требованiемъ принудить Глазова чтобы онъ просилъ прощение обиженныхъ имъ лицъ и взыскать съ него за его поступокъ зной, выступили пятнадцать депутатовъ, а депутатъ отъ Рязанскаго дворянства, Дмитрiй Лихаревъ, заявилъ что если голосъ Глазова отдастся ему обратно, то и это онъ долженъ считать себѣ не малымъ стыдомъ. Вслѣдствiе такого разногласiя мѣнiй, произведена была баллотировка, и такъ какъ значительный перевѣсъ оказался на сторонѣ предложенiя пятнадцати, то въ засѣданiи бго сентября маршалъ вызвалъ депутата Глазова и прочелъ опредѣленiе особой Коммиссiи, въ которомъ послѣ изложенiя проступка и приговора п. 15 Обряда, постановлено: „возвратить съ выговоромъ депутату отъ Обоянскаго дворянства Михаилу Глазову его возраженiе, взять съ него пять рублей лени, которые въ подлежащее отослать мѣсто, да при всемъ собранiи простить ему у обиженныхъ прощениа“, что и было во всей точности немедленно приведено въ исполненiе.

Подобный указаннымъ примѣрамъ случай былъ еще съ депутатомъ отъ города Вологды, Андреемъ Блазновымъ, который во мѣнiи своемъ о правѣ торга крестьянъ выразился что „крестьяне, забывъ страхъ Божiй и государственные законы, торгуютъ какъ сущiе купцы и нагаиваютъ подрывъ коммерцiи.“ Маршалъ, находя эти выраженiя неприличными, предложилъ о семъ вопросъ собранiю, которое единогласно опредѣлило: возвратить депутату Блазову его мѣнiе съ выговоромъ чтобы впредь отъ такихъ выраженiй остерегался, что и было исполнено въ одно изъ послѣдующихъ засѣданiй. Понятно что всѣ эти предсказанiя доходили до свѣдѣнiя императрицы и не были оставлены ею безъ вниманiя. Такъ изъ частныхъ записокъ ея къ Александру Ильичу Бибикову, приведенныхъ сенаторомъ Бибиковымъ, видно что она указывала на такого рода случаи которые въ журналахъ Коммиссiи даже отиывались, вѣроятно потому что касались преимущественно личныхъ дѣйствiй депутатовъ внѣ собранiя. Такъ она проситъ маршала присовѣтовать какому-то депутату 'Д. вернуть депутатство свое, если сторожа слушаются его по его глупости и неосторожности, а если окажется онъ „въ явномъ зломъ“, то должно его отослать въ команду гдѣ онъ вѣдомъ

къ суду.“ Въ чемъ же именно состоялъ проступокъ это неизвѣстнаго депутата, того въ записочкѣ не объяснено, не объясняетъ и авторъ *Записки о жизни и службѣ Александра Ильича Бибикова*. Также остается необъясненною какая-то просьба, неизвѣстно кому поданная башкирскимъ депутатомъ, о которой Екатерина II пишетъ къ маршалу, что ей неизвѣстно точно ли наказъ башкирскихъ сосѣдей содержитъ въ себѣ то что депутатъ писалъ къ своему народу; а по „пункту о наймѣ олекуна за 600 рублей, который сомнителенъ,“ изволь депутата допросить полюбовно и „есть ли согаалъ, то послѣ по его отвѣтамъ будемъ судить о семъ дѣлѣ.“ Что же касается до приведеннаго сенатора Бибикова депутата Г., то очевидно что въ этомъ мѣстѣ записочка Екатерины II относится къ депутату отъ Оболянского дворянства Глазову, и притомъ была писана и приведена въ исполненіе состоявшагося надъ нимъ приговоръ собранія, ибо императрица предлагаетъ сдѣлать ему „крѣпкій выговоръ, дабы онъ впередъ осторожнѣе былъ и употребленія пера“; но, приписываетъ Екатерина II, „если Г. не покорится, и сдѣлають приговоръ объ исключеніи его, то не забудьте послѣдній пунктъ Обряда, есть ли чуждо складно онаго употребить способъ найдете, да будетъ ему стыдно и всѣхъ неудовольствіе на себѣ да повесеть.“

Кромѣ возникавшихъ пререканій, встрѣчались еще увѣченія депутатовъ вопросами и требованіями далеко выходящими изъ круга порученнаго Коммиссіи составленія проекта Уложенія. Цѣль Екатерины II конечно не могла быть вполне понята людьми не получившими достаточнаго образованія и впервые вызванными къ участию въ дѣлахъ государственнаго благоустройства. Слова манифеста о заявленіи нуждъ и потребностей въ депутатскихъ наказахъ, съ открыткою однако чтобы въ нихъ не писать никакихъ частныхъ жалобъ подлежащихъ вѣдѣнію суда, не могли быть вполне ясно поняты, а потому, кромѣ того что въ наказахъ отъ крестьянъ, какъ было выше замѣчено, помѣщались иногда мелочныя и частныя заявленія, но и въ с

\* Въ первой главѣ уже было сказано что олекуномъ отъ воиновъ изъ роду былъ поставленъ Гр. Ад. Потемкинъ, котораго кому было бы трудно заповорить во златѣ 600 р. денегъ съ башкирскаго депутата.

въ Комиссіи многіе депутаты не рѣдко предъявляли претензіи или жалобы совершенно частнаго характера и выходящія изъ предѣловъ компетенціи депутатовъ. Такъ напримеръ, по прочтеніи наказа саратовскихъ черносошныхъ крестьянъ, депутатъ отъ города Бахмута, Василій Селивановъ, предложилъ освѣдомиться на какомъ основаніи переведемъ верянами и прочими лицами принадлежащія имъ крестьяне и селенія отъ саратовскими черносошными крестьянами или, и если это сдѣлано посредствомъ самовольнаго завладѣнія, то ораторъ передастъ такой поступокъ на разсмотрѣніе Комиссіи. А депутатъ отъ однодворцевъ Тамбовской губерніи Василій Веденевъ идетъ еще далѣе: онъ предлагаетъ что если дѣйствительно лица разныхъ званій прислали крестьянъ изъ другихъ мѣстъ на земли состоящія въ округѣ саратовскихъ крестьянъ, то таковыхъ переселенцевъ призвать свести и притомъ изслѣдовать почему тѣ изъ этихъ переселенцевъ которые значатся принадлежащими кулцамъ и приказнымъ служителямъ не были, въ силу существующихъ указовъ, проданы въ положенный срокъ? Далѣе, вслѣдствіе помѣщеніи въ наказѣ жалобы саратовскихъ черносошныхъ крестьянъ на полицеймейстера города Саратова, тотъ же депутатъ полагаетъ: „строго воспретить полицеймейстеру поступать беззаконнымъ образомъ, а за сдѣланное имъ отлученіе положенныхъ въ подушный окладъ крестьянъ отъ конюшъ, подвергнуть его штрафу“. По послѣднему вопросу, депутатъ отъ города Енисейска, Степанъ Самойловъ, кончилъ до того что заявилъ свое согласіе съ 15ю статьей наказа саратовскихъ черносошныхъ крестьянъ о смѣнѣ саратовскаго полицеймейстера. Замѣчательно однако что на такого рода предложеніе, еще въ первый разъ тогда встрѣтившеся въ Комиссіи, не было никѣмъ обращено вниманія; въ одно же изъ послѣдующихъ засѣданій, когда депутатъ Бахмутскаго казачьяго полка, Илья Фаворовъ, представилъ Комиссіи какимъ образомъ дѣлаются казакамъ притѣсненія и берутся комендантомъ и солдатами его команды взятки, собраніе постановило возвратить ему его голосъ, такъ какъ о семъ предметѣ онъ долженъ доносить въ учрежденное на мѣсто. Не менѣе интересно предложеніе депутата отъ города Ярославля, Алексія Ярославцева, въ которомъ онъ, разсуждая о злоупотребленіяхъ иностранныхъ маклеровъ и браконьеровъ вообще и предлагая, въ устраненіе сего, опре-

дѣлать къ браковкѣ юфти на половину людей русскаго происхожденія, и только другую половину имѣть отъ иностранцевъ, прямо указываетъ на назначеніе въ число первыхъ арсланскаго кулца Сергѣя Шылева. Во многихъ случаяхъ однако, когда подаваемые мнѣнія не соответствовали обсуждаемому вопросу или вовсе не относились до указанныхъ заглѣтъ Комиссіи, маршалъ, въ силу постановленія собранія, возвращалъ ихъ подававшимъ депутатамъ. Впрочемъ, представленныя отъ депутатскихъ сословій свѣдѣнія о различныхъ частныхъ безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ по провинціямъ возникавшихъ по большей части вслѣдствіе разнообразія въ судопроизводствѣ и въ управленіи вообще, были въ послѣдствіи приняты во вниманіе Екатериной II, при изданіи уставовъ благочинія, объ учрежденіи намѣстничества, городской и земской полиціи, и др.

Въ заключеніе общаго обзора совѣщаній Комиссіи, нельзя не остановиться на партикуляризмѣ обнаруженномъ нѣкоторыми изъ депутатовъ. Такъ представитель города Оренбурга, Иванъ Кочевевъ, предъявивъ собранію всемилостивѣйше пожалованную 7го іюля 1834 года привилегію этому городу, жаловался, что съ нѣкотораго времени эта привилегія остается безъ дѣйствія и чрезъ то жители Оренбурга подвергаются разнаго рода притѣсненіямъ; а отсюда, по его мнѣнію, нельзя ожидать чтобы число жителей тамъ увеличивалось, — въ противъ и изстари живущіе стараются удалиться, такъ что если давняя городу привилегія восстановлена не будетъ, то городъ Оренбургъ подвергнется совершенному разстройству. Собраніе, оставивъ при дѣлахъ Комиссіи коліи какъ съ предложенія, такъ и съ приложеннаго къ оному текста привилегіи, первоначально постановило объявить Кочевеву чтобы онъ съ своимъ требованіемъ обратился куда слѣдуетъ по указамъ; но въ слѣдующее за симъ засѣданіе, по энергическомъ настояніи этого депутата отъ Оренбурга, собраніе согласилось представленныя имъ бумаги отослать въ Дирекціонную Комиссію на разсмотрѣніе и для внесенія въ законъ. Горько до продолжительнѣе, сложнѣе, но выѣстъ и неудачнѣе были обсуждения по привилегіямъ Лифляндскихъ и Эстляндскихъ городовъ и рыцарства. Первоначально представители этихъ провинцій просили чтобы привилегіи, данныя имъ во времена архіепископскаго, гермейстерскаго, римскаго императорскаго и польскаго владычества, не были уп-

цены изъ виду при составленіи положенія о правахъ русскаго дворянства; но когда значительное большинство депутатовъ нашло что для этихъ областей должнъ быть постановлены одинаковые со всѣмъ Русскимъ государствомъ законы, тѣмъ болѣе что еще въ царствованіе Елисаветы Петровны сами Лифляндцы и Эстляндцы находили недостаточными дѣйствующіе у нихъ законы и прислали въ Сенатъ проектъ объ ихъ измѣненіи, — когда за симъ, при разсмотрѣніи статей проекта о правахъ дворянства вообще, не было упомянуто объ исключительномъ положеніи Лифляндскаго и Эстляндскаго рыцарства, — то представители этихъ провинцій начали еще настоятельнѣе домогаться о сохраненіи ихъ древнихъ привилегій. Увлеченные ихъ примѣромъ, депутаты отъ Малороссійскихъ и Смоленской губерній подали въ Коммиссію такого же рода заявленія.

Маршалъ Бибииковъ, допустивъ чтеніе этихъ привилегій, изволилъ и пренія по онымъ. Въ преніяхъ было указано на то что въ завоеванныхъ губерніяхъ должнъ быть тѣ же самыя законы какъ и въ покорившемъ ихъ государствѣ, что законы XV и XVI вѣковъ не могутъ нынѣ служить основаніемъ для правъ, что Лифляндцы и Эстляндцы не несутъ многихъ тягостей какія лежатъ на русскихъ подданныхъ другихъ губерній и потому ничѣмъ не заслуживаютъ какихъ-либо отличій. Подобныя же отвѣты послѣдовали и депутату отъ города Риги, Іоанну Христофору Шварцу, на его отстаиваніе привилегій своего города. Особенно документально, по словамъ сенатора Бибиикова въ *Запискѣ* объ его отцѣ, было возраженіе депутата отъ камеръ-конторы лифляндскихъ, финляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ, Артемія Шипкова. Но несмотря на все это, упорныя настоянія не прекращались. Уже въ Петербургскій періодъ засѣданій, Дирекціонная Коммиссія прислала въ собраніе *наставленіе лифляндскимъ депутатамъ*, \* которое начинается тѣмъ что „не всѣ могутъ быть положены права здѣсь какія себѣ возмечать и написать возможно.“ Въ то же время маршалъ Бибииковъ, по повелѣнію императрицы, обративъ вниманіе на голосъ подданный депутатамъ отъ Сената княземъ Ми-

\* Отсюда до конца главы заимствовано; по преимуществу, изъ *Записки о жизни и службѣ А. И. Бибиикова*, составленной сенаторомъ Бибииковымъ.

хиломъ Волковскимъ, въ которомъ доказывается что „прежде сего Лифляндія и Малая Россія торжественно призвали сколь ихъ права не вразумительны, а правосудіе не достаточно, чего ради и учинили они многократныя прошенія объ исправленіи столь великаго для нихъ вреда составленіемъ новаго Уложенія“,—указалъ на противорѣчіе этихъ дѣйствій съ ихъ телерешными заявленіями и, сославшись на ст. XV даннаго Обряда, въ которомъ сказано что Коммиссія не должна ни въ чемъ другомъ упражняться кромѣ того для чего именно учреждена,—торжественно возвратилъ имъ подавныя ими заявленія, оставивъ только говоренныя ими на статьи проекта замѣчанія. Но лифляндскіе и эстляндскіе депутаты и затѣмъ не успокоились и подали вновь просьбы объ изъятіи ихъ изъ общаго законодательства, на что, по всѣмъ пунктамъ, императрица отвѣчала собственноручно, и опровергая привилегіи данныя Сигизмундомъ-Августомъ, и подъ шведскимъ правленіемъ уже отмѣненныя, такими рѣшительными словами отринула ихъ ходатайство въ частной запискѣ своей къ маршалу Бибикову: „я ничего подтвердить не буду что не въ силу Обряда мнѣ поднесется. Они подданные Россійской Имперіи, а я не Лифляндская императрица, но Всероссійская.“

(Продолж. слѣд.)

П. БЛАНКЪ.



# ПѢСНИ КАВКАЗСКИХЪ ГОРЦЕВЪ

ГРАФУ ЛЬВУ ТОЛСТОМУ.

Какъ ястребу, который просидѣлъ  
На жердочкѣ суконой зиму въ кѣткѣ,  
Питаюся настрѣленною птицей,  
Веселой охотникъ голубя несетъ,  
Съ надломленнымъ крыломъ, и, огладѣвъ  
Живую пищу, старый ловчій щуритъ  
Зрачокъ прилежный, поджимаетъ лерья,  
И вдругъ, внезапно, быстро какъ стрѣла,  
Возвзается въ трепещущую жертву,  
Кривымъ и острымъ клювомъ ей врѣзаетъ  
Мгновенно грудь, и, весело раскинувъ  
На воздухъ лерья, съ алчностью забытой  
Рветъ и глотаетъ трепетное мясо,  
Такъ бросилъ мнѣ Кавказскія ты пѣсни  
Въ которыхъ бьется и кипитъ та кровь,  
Что мы зовемъ поэзіей.... Слasiбо,  
Полакомилъ ты стараго ловца.

## I.

Станетъ насыль могилы моей просыхать —  
 И забудешь меня ты, родимая мать!  
 Какъ заглушить трава все кладбище въ конецъ,  
 То заглушить и скорбь твою, старый отецъ!  
 А обсохнутъ глаза у сестры у моей,  
 Такъ и вылетитъ горе изъ сердца у ней.

\* \* \*

Ты, горячая пуля, смерть носишь съ собой;  
 Но не ты ли была моей вѣрной рабой?  
 Земля черная, ты ли покроешь меня?  
 Не тебя ли топталъ я ногами коня?  
 Холодна ты, о! смерть, даже смерть храбреца,  
 Но я былъ властелиномъ твоимъ до конца.  
 Свое тѣло въ добычу земаѣ отдаю,  
 Но зато небеса примутъ душу мою.

## II.

Выйди мать наружу, посмотри на диво:  
 Изъ-подъ сѣтга травка проросла красиво.  
 Взлѣзь-ка мать на крышу — глянь-ка на востокъ —  
 Изъ-подъ льда ущелья вешній вонъ цвѣтокъ.

\* \* \*

Не пробиться травкѣ изъ-подъ груды сѣтговой,  
 Изъ льда ущелья цвѣтъ не виденъ ниждимый,  
 Никакого дива: влюблена-то ты,  
 Такъ тебѣ на сѣтгѣ чудятся цвѣты!..

А. ФЕТЪ.

# РАЗРУШЕННАЯ НЕВѢСТА \*

ДРАМА ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ СЪ ЭПИЛОГОМЪ

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

ПЕТРЪ II АЛЕКСОВЕВИЧЪ.

КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ДОЛГОРУКІЙ, оберъ-гоф-  
мейстеръ.

КНЯЗЬ ИВАНЪ АЛЕКСОВЕВИЧЪ ДОЛГОРУКІЙ, оберъ-камергеръ,  
фаворитъ.

КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ЛУКИЧЪ ДОЛГОРУКІЙ, членъ верховнаго тай-  
наго совѣта.

КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ВЛАДИМИРОВИЧЪ ДОЛГОРУКІЙ, генерал-  
фельдмаршалъ.

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСОВЕВИЧЪ ДОЛГОРУКІЙ

МАЛЕНЬКІЙ МИША ДОЛГОРУКІЙ.

ГРАФЪ СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ ШЕРЕМЕТЕВЪ.

ПЕСТЕРОВЪ, кавалергардъ.

Неострашный дипломатъ.

Прядорный.

АРИСТАРХЪ, камердинъ князя Алексѣя.

Сенатскій оберъ-секретарь.

ОСИПЪ ТИШИНЪ, подъячій.

БОГДАНЪ ЧЕЛИЩЕВЪ, сержантъ Преображенскаго полка.

\* Такъ называлась въ современныхъ официальныхъ бумагахъ княжна Екатерина Алексеевна Долгорукая по смерти своего августѣйшаго жениха.

СТЕЛЬКА, дворовый Нестерова.

Часовой.

1 } камеръ-лакеи.

КНЯГИНЯ ПРАСКОВЬЯ ЮРЬЕВНА ДОЛГОРУКАЯ, жена князя  
Алексы.

КНЯЖНА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢЕВНА ДОЛГОРУКАЯ, государыня-княжна.

КНЯЖНА ЕЛЕНА АЛЕКСѢЕВНА ДОЛГОРУКАЯ.

ГРАФИНЯ НАТАЛЬЯ ВОРИСОВНА ШЕРЕМЕТЕВА, въ послѣдствіи княгиня Долгорукая.

АННА РОДИОНОВНА, дальняя родственница Шереметевыхъ.  
Сѣстра Шереметевыхъ.

Придворные и военные кавалеры, дамы, члены дипломатическаго  
корпуса, кавалергарды, Преображенцы.

## ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ

(Январь 1730)

Зала въ Головинскомъ дворцѣ; двѣ двери въ задній стѣнѣ, бѣлая  
и черная двери; у стѣнъ боковыхъ два кавалергарда въ караулъ.—Обѣ  
заднія двери открыты и по соседней залѣ отъ времени до времени  
проходятъ разными лицами.—Вечеръ.—Благодѣтельное освященіе.

### ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Входятъ изъ правой задней двери; продолжая начатый разговоръ,  
ИНОСТРАННЫЙ ДИПЛОМАТЪ и ПРИДВОРНЫЙ.

Дипломатъ. Конечно,—и повѣрьте, я говорю отъ чистаго  
сердца,—конечно, императоръ обладаетъ многими и великими  
достоинствами. Онъ уменъ и силенъ не только талантъ; онъ  
ковокъ и притворивъ, и если укрѣпить природный умъ  
личными познаніями, то явится достойнымъ преемникомъ  
Великаго Петра.

Придворный. Все это справедливо, и прекрасно сказано.  
Но, извините, я не вижу какъ изъ этого слѣдуетъ  
шляхетство положенія Долгорукихъ при дворѣ. А вы, если не  
ошибаюсь, именно это хотѣли доказать мнѣ...

Дипломатъ. Не доказать, а только высказать нѣкое  
рѣшительное опасеніе. Видите ли, несмотря на всѣ блестящія ка...

ств, императоръ еще слишкомъ молодъ, а молодость невольна, себялюбива, не терпитъ узъ и при первой возможности гордоливо сбрасываетъ съ себя иго. А согласитесь что Долгорукіе, при своей гордости и заносчивости, легко могутъ оставить императора вспомнить что онъ и самодержавенъ и всевластенъ. Притомъ, такіе случаи какъ съ графомъ Умисимо...

Придворный. Но кто же виноватъ что этотъ несчастный сумасбродъ, влюбленный до безумія въ государыню-невесту, осмѣлился при всѣхъ поцѣловать ея руку съ большею смелостью чѣмъ то допускается этикетомъ...

Дипломатъ. Успокойтесь; разумеется никто, кромѣ са- того жалкаго безумца. Но, видите ли, говорятъ будто и княжна Долгорукая благосклонно смотрѣла на его любовь, но она часто видѣлась у одной нѣмецкой дамы и даже шла къ о свадьбѣ...

Придворный. Но княжна тогда еще и не мечтала о высокой чести быть невестой государя...

Дипломатъ. О, у меня и мысли не было осуждать князю!.. Напротивъ, я не нахожу словъ для похвалъ... Я знаю ее еще въ Варшавѣ, гдѣ она воспитывалась въ домѣ князя, посланника при тамошнемъ дворѣ... Она всегда казалась мнѣ дѣвицей очаровательной и предвѣщенной судьбою въ высокой долѣ; быть-можетъ нѣсколько излишне честолюбивой и самонадѣванной, но необыкновенно умной... И все это въ томъ: настолько ли она умна чтобы заставить забыть своего августѣйшаго жениха объ этомъ несчастномъ бракѣ, который не могъ не огорчить его юнаго и впечатлительнаго сердца...

Придворный. Будемъ надѣяться что государь уже забылъ объ этомъ и не вспомнитъ, если...

Дипломатъ. „Ему не станутъ напоминать“, хотите вы сказать?... А въ охотникахъ, какъ кажется, недостатка не будетъ?...

Придворный. Къ сожалѣнію...

Дипломатъ. Именно къ сожалѣнію. Я право не понимаю почему Долгорукіе такъ не любимы. Между ними есть люди выдающиеся. Князь Василій Лукичъ отличный дипломатъ, человекъ тонкаго ума и высокой образованности; фельдмаршалъ—искусный полководецъ... Конечно, фаворитъ и его окруженье горамъ и нѣсколько даже высокопоставлены, но это такъ

ловатно въ ихъ положеніи!.. И все-таки они не любимы, отчего? не понимаю.

**Придворный.** Именно оттого что они въ фаворѣ. Вышіе, наружно въ нихъ заискивая, въ тайнѣ завидуютъ имъ, забывая ихъ заслуги, видятъ въ царской милости одинъ случай.

**Дипломатъ.** Но другіе?

**Придворный.** Другіе поютъ съ чужаго голоса, и не сознаются, мы, Русскіе, охотѣе повторяемъ осужденія чужихъ похвалы. Наши сосѣди давно замѣтили что недоувѣрчивость другъ къ другу и простирающаяся отсюда недоброжелательность—ваша національная черта. Притомъ же, осужденіе ближняго льститъ самолюбію, мы чрезъ это точно выше ея становимся... Не даромъ же у насъ въ такомъ ходу послѣдствіе что добрая слава лежитъ, а худая бѣжитъ...

**Дипломатъ.** Я никакъ не ожидалъ встрѣтить въ васъ такого горячаго приверженца Долгорукихъ!

**Придворный (про себя).** Я, кажется, черезчуръ и горячился. (*Вслухъ:*) Я отнюдь не ихъ приверженецъ, а только желаю быть справедливымъ.

**Дипломатъ.** А если желаете быть справедливымъ, согласитесь что всѣ ежеминутно и не напрасно жаждутъ и роднаго возстанія: такъ-то любимы всѣми ваши Долгоруки!

**Придворный.** Съ этимъ позвольте не согласиться. Народъ отдыхаетъ послѣ тягостей и строгостей Петрова вѣка, и навѣрно благословляетъ нынѣшнее кроткое цѣлствованіе.

**Дипломатъ.** Отдыхаетъ! Вѣрнѣе, Россія быстро идетъ назадъ, возвращается къ варварству. Вашъ флотъ въ заблужденіи, ваша армія не въ силахъ выдержать ни одной серьезной битвы, въ дѣлахъ застой... Нѣтъ, вы удивляете меня! Можете ли, съ вашимъ умомъ, глядѣть на вещи глазами „старыхъ Русскихъ“? Повѣрьте, мой другъ, недалече то время, когда всѣ просвѣщенные Русскіе станутъ глядѣть на свое отечество глазами Европейцевъ... Но, виноваты. Мнѣ показалось что въ сосѣдней залѣ нашъ посланникъ; слышу засвидѣтельствовать ему свое почтеніе... До свиданья. Что до насъ спора, то событія рѣшатъ его и можетъ-быть скорѣе чѣмъ мы съ вами того ожидаемъ (*уходитъ въ правую заднюю дверь*)

## ЯВЛЕНИЕ II.

ПРИДВОРНЫЙ; потомъ изъ дѣвой задней двери КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ЛУКИЧЪ ДОЛГОРУКІЙ.

Придворный *(одинъ)*. Не проста говорилъ, и закорючку въ концѣ загнулъ не проста же. Пройти упредить князь Василій Лукича. Да вотъ и ояъ жалуетъ.

Князь Василій Лукичъ *(подходя)*. Ну что?

Придворный. Тѣ же рѣчи, ваше сіятельство: Россія погибаетъ и не напрасно де въ скорости бунта чають...

Князь Василій Лукичъ. И все то Долгорукіе наговорили?

Придворный. Истинно такъ; о вашемъ сіятельствѣ, широчемъ, съ отгнѣною похвалою отзывался.

Князь Василій Лукичъ. У всѣхъ-то у нихъ на умѣ одно пустомысліе: дѣлай де по-нѣмецкому, и процвѣтетъ Россія, а по-русскому дѣлать будешь, всеконечно погибнешь. Дать имъ, а не намъ честь Русской земли дорога! Охъ ужъ мнѣ сіи чужаго отечества патріоты!... А что еще?

Придворный. Про Миллѣзимо...

Князь Василій Лукичъ. Старое!

Придворный. Истинно такъ, ваше сіятельство, все то старое; только мнѣтся, будто нынѣ говорилъ съ особою важностью и нѣкимъ тайнымъ злорадствомъ, какъ бы предвидя скорый афронть вашей фамиліи.

Князь Василій Лукичъ. Гм.

Придворный. Притомъ же и Остерманчикъ нынѣ на прошлой вечеръ большимъ сказался...

Князь Василій Лукичъ. А какъ баронъ Андрей Остерманчикъ глазами болеетъ, другіе себѣ бѣды гляди. Такъ ли?

Придворный. Истинно такъ, ваше сіятельство, и мнѣ чается, не безъ затѣйки тутъ.

Князь Василій Лукичъ. Ладно. *(Помолчавъ:)* Ну, государь мой, благодарю васъ за неизмѣнное въ пользу фамиліи вашей радвіе, и *(трепля его по плечу)* будь покоенъ, послугъ моихъ не забуду. *(Придворный кланяется.)* А теперь поди голубчикъ, да обо всемъ князь Алексѣй Григорыча упреди.

*(Придворный уходитъ въ правыя боковыя двери.)*

## ЯВЛЕНІЕ III.

**КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ЛУКИЧЪ;** изъ лѣвыхъ заднихъ дверей **ФЕЛДМАРШАЛЬ ДОЛГОРУКІЙ,** въ мундирѣ полковника Преображенскаго полка.

Князь Василій Лукичъ. А, вотъ кто пожаловал. Нежданый гость, да желанный. Братъ князь Василій Володимировичъ, совсѣмъ ли въ здоровьи поправился? *(улыбуются.)*

Фельдмаршалъ. Спасибо, братъ князь Василій Лукичъ, совершенное, благодаря Господа, отъ недуга облегченіе получилъ... А государь? не выходилъ еще, знать... А племянница?...

Князь Василій Лукичъ. Въ скорости, чаю, выдутъ. *(Отворяется правая боковая дверь.)*

1й камеръ-лакей *(на порогъ).* Ш-ш!... Ш-ш!...

*(Изъ обѣихъ заднихъ дверей слышно входить придворные и военные кавалеры, дамы, члены дипломатическаго корпуса въ томъ числѣ Иностранный Дипломатъ.)*

## ЯВЛЕНІЕ IV.

**ТѢ ЖЕ;** 1й КАМЕРЪ-ЛАКЕЙ, ИНОСТРАННЫЙ ДИПЛОМАТЪ придворные и прочія лица; вскорѣ изъ правой боковой двери: 1й камеръ-лакей, камеръ-юнкеры, въ томъ числѣ **ПРИДВОРНЫЙ, КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ, КНЯГИНЯ ПРАСКОВЬЯ ЮРЬЕВНА, КНЯЖНА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢВНА.** Придворный переходитъ и ставовится подлѣ иностраннаго дипломата.

1й камеръ-лакей. Ш-ш! Ея высочество государыня невѣста.

*(Выходъ. Общій низкій поклонъ.)*

Фельдмаршалъ *(подходя къ князю):*  
*Екатеринъ).*

Племянница! за хворостью моею,  
Тебя не удосужился поздравить  
Со счастьемъ и честію великой.  
Какъ въ прошлый разъ съ тобой я говорилъ,  
Ты просто мнѣ племянницей была,  
Теперь ты — государыня моя,



А твой рабъ и твой слуга усердный.  
 Позволь же мнѣ, по должности моей  
 И во родству, подать тебѣ совѣтъ:  
 Смотри на августѣйшаго супруга  
 Не просто какъ на мужа; твердо помни:  
 Онъ государь тебѣ, и ты заботься  
 То только дѣлать что ему пріятно.—  
 Твоя фамилія хоть велика,  
 Но милостью Господнею, богата  
 И въ государствѣ нашемъ почтена,—  
 И если кто-нибудь изъ насъ попроситъ  
 Тебя о милости, то хлопочи  
 Не въ пользу имени, а въ пользу  
 Заслугъ и добродѣтели. И въ этомъ,  
 Петръ мнѣ, счастье свое найдешь,—  
 Чего тебѣ отъ всей души желаю.

*(Цѣлуетъ ея руку.)*

Придворный *(дипломату, которому все время рѣчи слышалъ какъ бы толковалъ или переводилъ ее)*. Какова рѣчь?

Дипломатъ *(дѣлаетъ знакъ, который можно толковать „умно, умно!“ и „ога ужъ мнѣ эти Долгоруки!“)*.

Княжна Екатерина *(цѣлуетъ фельдмаршала въ щеку)*.  
 Благодарю васъ, дялюшка, какъ племянница и государыня  
 наша, и вашъ добрый мнѣ совѣтъ навсегда схороню въ серд-  
 цѣ, пономѣтъ любви и благодарности къ вамъ...

Придворный *(какъ выше)*. Каковъ отвѣтъ?

Дипломатъ *(дѣлаетъ тотъ же знакъ)*.

Я камеръ-лакей *(на порогъ львыхъ боковыхъ дверей)*.  
 Ш-ш! его величество.

*(Слова: камеръ-пажи, камеръ-юнкеры, камергеры, Петръ; кавалергарды отда- ютъ честь.)*

## ЯВЛЕНИЕ V.

ТѢ ЖЕ: ПЕТРЪ и свита.

Петръ *(входя)*. Здорово, господа!

Всѣ. Вивать!

Петръ. Гдѣ мой оберъ-камергеръ?

Князь Алексѣй. Что прикажете, ваше величество?

Петръ. Я спрашиваю оберъ-камергера, а не оберъ-г-маршала. Не тебя, твоего сына.

Князь Алексѣй (*сильно смущенъ*). Котораго, ваше величество?

Петръ. Котораго? Одинъ только твой сынъ у меня оберъ-камергеромъ! Князь Иванъ. Отчего его здѣсь нѣтъ? Отчего не при насъ?

Князь Алексѣй. Запѣшкалъ видно, ваше величество. Я тотчасъ пошлю....

Петръ (*рѣзко, перебивая его рѣчь*). Не надо. А только вижу я, его отъ насъ отдаляютъ, хотятъ насъ лишить единственнаго друга (*пулуоборачивается чтобъ идти*).

Князь Алексѣй. Осмѣлюсь доложить вашему величеству: здѣсь государыня, невѣста ваша.

Петръ (*стоя полуетвернувшись*). Невѣста? Какая невѣста? У меня была ужъ невѣста, княжна Меншикова. Гдѣ теперь? (*Быстро поворачивается и уходитъ въ лѣвую сторону за нѣмъ сопровождавшіе его*).

## ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢ ЖЕ, безъ ПЕТРА и его свиты.

Князь Алексѣй (*съ движеніемъ, сквозь зубы*). Мальч

Князь Василиій Лукичъ (*быстро схвативъ его руку*). Удержись: сто ушей слушаютъ.

(*Минутное общее оупненіе*).

Дипломатъ (*Придворному, громко*). Nun, mein Herr, werden Sie jetzt sagen?

(*Эти слова словно выводятъ всѣхъ изъ оупненія; слышится громко и радостный говоръ; кой-кто и снѣгой повернулся къ Долгорукимъ*).

Князь Алексѣй (*про себя*). Заговорили. (*Топнувъ ногой*). Нѣтъ, рано еще. (*Громко и повелительно*) Господа, его личество не совѣмъ здоровъ, а потому не угодно ли не мѣшать и (*указывая на заднія двери*) обождать въ другихъ аптаментахъ.

(*Всѣ, кромѣ Придворнаго и Долгорукиа, уходятъ въ заднія двери слышны возгласы: „не здоровъ“, „какова дерзость!“*).

## ЯВЛЕНИЕ VII.

КНЯЗЬ, КНЯЖНА и КНЯГИНЯ ДОЛГОРУКИЕ; ПРИДВОРНЫЙ.

Князь Алексѣй (*кавалергардамъ*). Вы—затворить двери и стоять въ той залѣ на часахъ. Никого не впускать. Да чтобъ въ дверяхъ близко никто не подходилъ (*кавалергарды исполняютъ сказанное*). А то подсмотрщикъ да фискаловъ сейчасъ набѣжить!.. (*Придворному:*) Бѣги проворнѣй за князь Иваномъ; чтобъ сейчасъ шелъ. По именному, скажи, повелѣнію. Стой!.. И самъ сюда приходи: нуженъ будешь.

Придворный. Слушаю, ваша свѣтлость (*уходитъ съ правой боковой*).

## ЯВЛЕНИЕ VIII.

ТѢ ЖЕ, безъ ПРИДВОРНАГО.

Княжна Екатерина (*съ слезами, бросаясь къ отцу*). Бабушка!... Что жь это?... Я не переживу... Лучше въ монастырь...

Князь Алексѣй (*грозно*). Переставь. Время тутъ твоихъ гадризовъ слушать!.. (*Нѣжно:*) Ну, полно же, Катя, полно. Не труди своихъ ясныхъ глазышекъ, не хорошо, поблекнуть. Подай, успокойся....

Княжна Екатерина (*указывая на заднія двери*). Я не пойду туда....

Князь Алексѣй. И не надо. На свою половину пройди, успокойся. Да что жь ты, княгиня, стоишь! Веди же ее, веди...

Княгиня Прасковья (*взявъ дочь подъ руку*). Веду, князь мой, веду (*объ идутъ направо*).

Князь Алексѣй (*провожая ихъ*). Не бойтесь, поправимъ, все поправимъ. Чего! пустая тучка набѣжала, полчаса не пройдетъ, и солнышко проглянетъ.

(*Княжна и княгиня ушли съ правой боковой*).

## ЯВЛЕНИЕ IX.

ТѢ ЖЕ, безъ КНЯГИНИ и КНЯЖНЫ; потомъ ПРИДВОРНЫЙ (д  
раза), позже КНЯЗЬ ИВАНЪ АЛЕКСѢВИЧЪ, въ мундирѣ майо  
Преображенскаго полка.

Князь Алексѣй (*возвращаясь отъ дверей*). Ну, братья  
князья, что скажете?

Фельдмаршалъ. Всплылъ. Изъ-за Ивана слышалъ

Князь Василій Лукичъ. Изъ-за Ивана—правда;  
только раньше натолковано было, вѣрнѣе.

Князь Алексѣй. Изъ-за кого бы ни было, поправка  
надо. А какъ, чѣмъ?

Фельдмаршалъ. Безъ князь Ивана не поправишь.

Князь Василій Лукичъ. Одна надежда—на него.

Князь Алексѣй. Что жь онъ, злодѣй, неидетъ до  
дѣ?... Эхъ, обвинять бы только поскорѣй!...

Фельдмаршалъ. Обвинять! Нешто монастырей же  
скихъ оттого на Руси убудеть? Примѣры-те бывалые.

Князь Алексѣй. Охъ, князь Василій Володиміровичъ  
Ибездъ того сердце не на мѣстѣ, а ты!... Что жь это Иванъ  
злодѣй?... Ужь всегда ты такъ!.. А вотъ, идетъ кажись.

(*Справа: Придворный*).

Князь Алексѣй. Идетъ ли?

Придворный. За мной слѣшить, ваша свѣтлость.

Князь Алексѣй. Ну, голубчикъ, спасибо. Сослужи-  
еще службу. Иди ты въ апартаменты его величества и по  
кажи моимъ уменемъ дежурному камергеру не медля о кня  
Иванѣ доложить. А заупрямится дежурный—они всѣ, ча  
теперь насъ на дорогѣ въ Березовъ видятъ, не ближе!—та  
самъ тогда до государя дойди. Такъ-то; смѣйте.

Придворный. Саушаю, ваша свѣтлость.

(*Уходитъ налево; справа: князь  
Иванъ Алексѣевичъ*)

Князь Алексѣй (*сыну*). Наконецъ-то. Хорошо, нече  
сказать. Изъ-за своего упрямства чуть-было всей фамиліи  
погубилъ.

Князь Василій Лукичъ. Не хорошо, племянникъ,  
хорошо.

Фельдмаршалъ. Хоть и любимецъ ты мой, а нынѣ  
я тебя не похваляю.

Князь Иванъ. Господи! что случилось?

Князь Василий Лукичъ. А то случилось что, тебя жидя, государь вспылалъ, и сталъ кричать что нарочно тебѣ къ нему не допускають.

Князь Алексѣй. А сестры твоей ровно не замѣтилъ...

Фельдмаршалъ. Да вдобавокъ про Меншикову помянулъ....

Князь Иванъ. Коли я чѣмъ виноватъ, такъ тѣмъ развѣ что замѣшкалъ.

Князь Алексѣй. Замѣшкалъ! Не видѣлъ что-ль что и сестра пошла?

Князь Иванъ. Нечаялъ что государь такъ рано выйдеть.

Князь Алексѣй. Полно ужъ! Будто не знаю: изъ зависти все сдѣлалъ; золь что сестрѣ счастье, а не тебѣ; на пригласеніи, вишь, Елизаветѣ жениться не удалось. Злодѣй ты былъ и есть всему нашему роду!

Князь Василий Лукичъ. Полно и тебѣ, братъ Алексѣй; не время теперь старѣе перетраживать. А ты, князь Иванъ, не упрямясь.

Фельдмаршалъ. И я то жъ скажу. (Князь Ивану:) Ты знаешь, я самъ на эту затѣю, на сватовство-то, косо поглядывалъ, да дѣло-тъ сдѣлано, и не намъ, не Долгорукимъ, его портить и мѣшать другъ другу.

Князь Иванъ. Скажите, научите. Я все готовъ что прикажете.

Князь Василий Лукичъ. Primo, какъ государя увидишь, прощенье за промедленье испроси.

Фельдмаршалъ. Дѣльно.

Князь Василий Лукичъ. А secundo, къ слову и о сестрѣ замолвишь. Какъ сдѣлать, не учить тебя стать, съ мнѣшества при дворѣ живешь; коли захочешь, сумѣешь.

Князь Иванъ. Дядюшки, князья! Сейчасъ-вотъ батюшка допреквалъ меня, будто я всему роду злодѣй и завистникъ, и да, еѣ Богу, и въ мысли того никогда не держалъ. И чтобъ правоту свою доказать, все что въ силахъ употреблю, только бы вамъ угодное сдѣлать.

Князь Алексѣй. Вотъ это сыновній отвѣтъ! Вотъ опять у меня смѣхъ есть!.. Полно же, на отца-старика не дулся, — грѣхъ. Поди, поцѣлуй меня, помиримся.

Князь Иванъ. Батюшка! (Бросается цѣловать руку; отецъ обнимаетъ его).

(Слѣва: Придворный.)

Князь Василій Лукичъ. Доложилъ?

Придворный. Доложилъ, ваше сіятельство. Спросили: гдѣ князь Иванъ? Отвѣтствовалъ что здѣсь. Спросили еще: нѣтъ ли кого здѣсь? Доложилъ что ни души. Приказать изволили чтобъ князь Иванъ здѣсь ихняго прихода обождалъ; чайтельно, наединѣ видѣться хотять. (*Князь Ивану.*) И не повѣрите, ваша свѣтлость, какъ повеселили изволили только про васъ доложилъ.

Князь Алексѣй. Ну, слава Богу. (*Придворному.*) Спасибо, голубчикъ, въ вѣкъ не забуду. Стулай-ка да за дверью тутъ (*указавъ на заднюю стѣну*) наготовѣ будь. (*Придворный уходитъ.*) И мы, князья, пойдемте. (*Князья идутъ заднимъ дверямъ.*) Нѣтъ, нѣтъ, не туда. Не на насмѣшки и косые взгляды. Тогда имъ покажемся какъ опять въ силе будемъ; чтобъ не инако, какъ съ трепетомъ и почтеньемъ къ намъ взирали (*оба князя уходятъ направо*). Ну, Иванъ, и тебя, сынокъ мой, надѣюсь. Помни, каковъ ни есть, все и отецъ я тебѣ, и люблю какъ умѣю. Господь тебя благословитъ, (*креститъ, цѣлуетъ въ лобъ и спѣшно уходитъ направо*).

## ЯВЛЕНІЕ X.

КНЯЗЬ ИВАНЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ; сѣва: ПЕТРЪ; въ концѣ ПРИДВОРНЫЙ и затѣмъ разные лица, какъ выше; въ ихъ числѣ ИНОСТРАННЫЙ ДИПЛОМАТЬ.

Князь Иванъ (*какъ только лѣвая дверь зашевелилась сталъ на колѣни*). Прощенья прошу у вашего величества.

Петръ (*входя*). Это что? Зачѣмъ ты на колѣняхъ?

Князь Иванъ. Я слышалъ что имѣлъ великое несчастье своей неаккуратностью заслужить гнѣвъ вашего величества.

Петръ (*быстро подходя*). Полно, полно! Что ты! Встань!

Князь Иванъ. Не встану, не испросивъ прощенья у вашего величества.

Петръ (*подымая его*). Иванъ, встань же. Я приказываю я прощаю. Слышишь, прощаю и повелеваю. Только встань ради Бога, встань же скорѣе!

Князь Иванъ (*всталъ съ колѣнъ*). Не въ силахъ выразить благодарности вашему величеству за милостивое прощенье

Петръ. Перестань! Не смѣй мнѣ говорить такъ!.. Я вижу, а, а не ты; слышишь?... Вѣдь мы, не правда ли, вѣдь мы съ тобою попрежнему друзья?

Князь Иванъ. Вашему величеству угодно было неоднократно удостоивать меня этого имени....

Петръ. Чтò съ тобою, Иванъ, сегодня? Чтò съ тобою? Рѣшительно, не узнаю тебя. Слова отъ тебя ласковаго не добьешься. Одно наладилъ: „ваше величество!“ да „ваше величество!“ Вѣдь я приказывалъ, вѣдь я просилъ же тебя неоднократно какъ ты говоришь чтобы ты не смѣлъ, когда мы одни, называть меня ваше величество. Зови меня просто государь, говори мнѣ ты.

Князь Иванъ. Воля ваша, государь, для меня обязанна...

Петръ. Опять! зачѣмъ же *даша*, а не *твоя*? Ахъ, Иванъ, а я не зналъ что ты такой злой. У меня вотъ давно сердце арешало, а ты все, недобрый этакой, сердиться на меня.

Князь Иванъ. Смѣю ли я сердиться, государь.

Петръ. „На тебя, на тебя!“ Прибавь сейчасъ: „на тебя, государь“. Или вѣтъ, вѣтъ, не государь, а другъ мой. „На тебя, другъ мой“.

Князь Иванъ. На тебя, другъ мой.

Петръ. Ну, вотъ спасибо, Иванъ. Ты долженъ, ты обязанъ говорить мнѣ ты, быть моимъ другомъ. Вѣдь ты помнишь.... ахъ, Иванъ, помнишь ли ты?... давно это было, при Мещиковѣ еще.. Онъ тѣснилъ меня, Иванъ, я безъ его спроса не смѣлъ ни встать, ни сѣсть, ни слова вымолвить... Ахъ, я ужасно боялся страшнаго сего человѣка!.. Да, Иванъ, я былъ тогда одинъ, одинъ-одиношечекъ, и думалъ: „какое несчастіе быть государемъ, никто тебя не любитъ“. И ты тогда, я какъ теперь помню, а мнѣ въ ту минуту такъ грустно, такъ горько, Иванъ, было какъ никогда. И ты подошелъ, бросился предо мною на колѣни, назвалъ меня государемъ своимъ... Оттого я и теперь люблю когда ты зовешь меня просто государемъ. И отъ тебя узналъ я что могу быть свободенъ, что у меня можетъ быть своя воля, и еще больше, еще лучше: я узналъ что меня могутъ любить и что я, я самъ, Иванъ, могу любить! (*оттираетъ слезы*) И вѣрь, Иванъ, никогда я той минуты не забуду, а забуду, хоть на пшовецѣ забуду, то пусть про меня въ исторіи напишутъ что Петръ Второй былъ не добрымъ царь, а звѣрь неблагодарный!

Князь Иванъ (съ порывомъ, бросаясь ухватить его руку, Государь мой милый! Другъ мой!

Петръ (обнимая его). Нѣтъ, нѣтъ! поцѣлуй меня въ губы, такъ вотъ, крѣпче... Ну вотъ, спасибо!... Но у тебя во еще какъ будто печальные глаза, Иванъ. Отчего? Кто смѣлъ? Ахъ, Господи! я же еще спрашиваю. Знаю, я виноватъ, поступилъ глупо, какъ ребенокъ, какъ мальчишка!... Я оскорбилъ твою сестру, свою невѣсту... Да? вѣдь такъ? Вѣдь ты хотѣли сказать мнѣ твои глаза?...

Князь Иванъ (твердо). Государь, я никогда не желалъ твоей жевитбы на сестрѣ моей и никогда того не скрывалъ отъ тебя. Меня страшила и нынѣ страшитъ близость семьи моей къ престолу. Но, государь, такова была твоя воля, и если ты теперь разлюбилъ сестру мою, то удали ее отъ себя, и зачѣмъ же оскорблять публично, зачѣмъ давать врагамъ на шимъ..?

Петръ (прерывая его). Довольно! довольно! Я виноватъ. Мнѣ не слѣдовало... но я былъ такъ взволнованъ, мнѣ надо ворили... Будь покоенъ, я слѣлаю, я скажу... я знаю какъ.. (Отходя, про себя:) Что же я скажу ей?.. Ахъ! развѣ мнѣ несмотря на малые годы мои, мало притворствоваться приходилось... А нынѣ... нынѣ я притворюсь ради дружбы... (Громко, хлопая въ ладони:) Эй, кто тамъ?

(Изъ заднихъ дверей: Придворный.)

Петръ. Господинъ камеръ-юнкеръ! потрудитесь отворить двери и попросить всѣхъ сюда.

(Придворный исполняетъ.)

Князь Иванъ. А я, государь, поспѣшу обрадовать сестру. Петръ. Нѣтъ, остаюсь со мною. Встань такъ, поди меня, возьми меня подъ руку: пусть всѣ видятъ какъ любя тебя. (Увидя входящихъ придворныхъ и другихъ лицъ, тисла Идутъ. Опять мы съ тобою на сы.

Придворный. Приказаніе вашего величества исполнено.

Петръ. Благодаримъ васъ, господинъ камергеръ.

Князь Иванъ (тихо). Камеръ-юнкеръ, государь.

Петръ (громко). Нѣтъ, князь, мы не ошибаемся. (Придворному:) Господинъ камергеръ! попросите сюда государыню девѣсту нашу и родныхъ нашихъ.

(Придворный, не вспомянувъ отъ радости оплываетъ въ правую боковую дверь.)



Петръ (*тихо*). Онъ стоить награды: онъ способствовалъ къ заключенію дружбы нашей. (*Громко*.) А вы, князь Иванъ Лексевичъ, повѣрьте что мы никогда не измѣнимъ дружбы нашей къ вамъ.

Князь Иванъ. Государь!...

## ЯВЛЕНІЕ XI.

**ГЪ ЖЕ:** изъ правыхъ боковыхъ дверей: **КНЯЖНА, КНЯЗЬЯ** и **КНЯГИНЯ ДОЛГОРУКІЕ; ПРИДВОРНЫЙ.** Черезъ некоторое время за сценой звуку менуэта.

Петръ (*быстро подходитъ къ невѣстѣ и беретъ ее за руку*). Ваше высочество! Я извѣстился что неумышленно и печально оскорбилъ васъ. Мнѣ сказали что давеча, какъ я входилъ сюда, вы находились здѣсь, чего я, по тогдашней невнимательности моей, не примѣтилъ. И въ томъ прошу милостиваго вашего высочества извиненія (*цѣлуетъ ее руку*).

Княжна Екатерина (*цѣлуя его въ щеку*). Государь! если когда-либо можно было позавидовать несчастію, то въ настоящую минуту. Мимолетное горе мое привнесло мнѣ новое счастье, дозволивъ еще разъ убѣдиться въ любви вашего величества.

(*За сценой начинается музыка.*)

Петръ. Какъ вы добры, государыня! (*Еще разъ цѣлуетъ ее руку, и затѣмъ отойдя, въ задумчивости, про себя*.) Какъ все, какъ слѣдъ, сдѣлалъ. Иванъ, я примѣтилъ, доволенъ. А еще?... что жъ мнѣ дѣлать, Господи! когда мнѣ съ мною до того скучно что слова сказать не умѣю.

Княжна Екатерина. Государь, играютъ менуэтъ. Удобно ли вашему величеству....

Петръ (*подходя къ ней*). Вѣнчать, государыня... я разсѣялся... Съ великимъ моимъ удовольствіемъ.

(*Подаетъ ей руку. Придворные съ низкими поклонами разступаются. Петръ съ невѣстой и за ними Долгорукіе идутъ въ заднія двери. Дипломатъ, изъ глубины лѣвой стороны сцены, гдѣ стоялъ, съ недовольными лицомъ и жестами и опустивъ голову, идетъ къ авансценѣ; Придворный справа подходитъ къ нему.*)

Дипломатъ (*самъ съ собой*). Это все... все это...

Придворный (*подходя*). Ну что теперь съ, мой другъ скажете?

Дипломатъ. Все что здѣсь случилось сегодня, все это.. (*съ особою ненавистью*): господинъ камеръ-герръ!.. Все это совсѣмъ не согласно съ принципами здравой дипломатической науки.

(*Идетъ. Придворный вслѣдъ ему на съпѣливо кланяется.*)

(*Занавѣсъ.*)

## ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ

(4е января 1730)

### СЦЕНА ПЕРВАЯ

Госудинскій дворецъ. Комната на половникъ князей Долгорукихъ. Двери: правая, лѣвая и двѣ заднихъ; одна большая въ серединѣ другая малая въ правомъ углу. Кресло налѣво; два кресла направо

### ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Входитъ изъ большихъ заднихъ дверей, быстро и озираясь, НЕСТЕРОВЪ; онъ бѣденъ и видимо растроемъ; потомъ, оттуда же, АРИСТАРХЪ.

Нестеровъ (*одимъ*). Никого. Удачно проскользнулъ мимо аргусовъ стоглазыхъ. Гдѣ жь она? Куда ходъ? въ котораю дверь?

Аристархъ (*за сценой*). Это кто проскочилъ? Господи на минуточку отъ дверей отойти не дадутъ. (*Въ дверяхъ, грубо*.) Тебѣ чего?

Нестеровъ. Будь вѣжливъ: съ благороднымъ говоришь холопъ.

Аристархъ. Холопъ? Это я-то холопъ? Ну мѣтъ, господинъ Нестеровъ, шалишь. Извини, ваше благородіе, я до веча не призналъ васъ.

Нестеровъ. Такъ-то лучше: миромъ. Здравствуй, Гагрилицъ.

Аристархъ. Здравствуешь, ваше благородіе. А только тебѣ холопомъ меня звать, на это не согласенъ. Видишь, мне благородіе, человекъ я темный, а такъ понимаю: быть кто не можетъ тебѣ камердинъ такого свѣтлѣющаго князя, да еще, подымай выше, тестя государева нареченнаго, а зрѣчь, въ табель о рангахъ записанъ не былъ. Быть того, говорю, не можетъ. Ужь навѣрно не ниже кавалегвардовъ оставляешь.

Нестеровъ (*смѣлочись*). Выше, много выше.

Аристархъ. То-то, а ты: „хололъ“. Одначе, ваше благородіе, зачѣмъ пришелъ? У насъ того не любятъ тебѣ безюкладочно ходиши. Кого надо?

Нестеровъ. Княжну Катерину.

Аристархъ. Нѣтъ у насъ такой.

Нестеровъ. Слатилъ ты, старикъ, что ль?

Аристархъ. Ничего не слатилъ, а только ты, вижу, ваше благородіе, въ титулахъ до полнаго разума не дошелъ еще. Не княжна, — подымай выше: государыня-невѣста. Не сіятельство, шалку долой: ваше выочество. Такъ-то. Съ просьбой, что ль?

Нестеровъ. Да... съ просьбой.

Аристархъ. Такъ вотъ что, государь мой, — просьбу людей. Можетъ тебѣ аудіенцъ и выйдетъ.

Нестеровъ. Долга лѣсня, Гаврилычъ.

Аристархъ. Для скорости секретаря подмасли. А тебя, чай, приметъ; не только въ домъ бывалъ, но ведѣламъ у насъ въ Горенкахъ гащивалъ.

Нестеровъ. Лучше тебя ужъ подмаслить: возьми-ка это да и это... (*подаетъ деньги и письмо*).

Аристархъ (*взялъ деньги*). Это что? Червончикъ? Э, да ты видно, господинъ Нестеровъ, за поѣздку въ Питеръ разбогатѣлъ. Прежде червончиковъ у насъ не важивалось. Ну, шумай же (*спряталъ деньги въ карманъ, вынулъ и подставилъ табатерку*). Употребляешь? Нѣтъ? Напрасно: для глазъ твоихъ пользительно (*похлопалъ*). Слушай же, сударикъ мой, червончикъ-то я твой взять возьму, и на томъ вашему благородію благодарствую. А съ бумажкой—прочъ поди.

Нестеровъ. Аль опасешься чего?

Аристархъ. Первое дѣло, Богъ знаетъ что у тебя тутъ написано; можетъ цидулаъ какой велутациій. Это разъ (*защелкъ палецъ*). А второе, кабы княжѣ подать — подадъ бы,

потому: попался, нахлобучка и дѣлу конецъ. А государыни невѣстѣ: узнали, аль подглядѣлъ кто: *слово и дѣло*. Поимъ! Вотъ тебѣ два (*еще палецъ загнулъ*). Теперь третье: бумага къ этой я у тебя въ рукахъ не видалъ, и ты маѣ о ней и слова не говорилъ же. Это три (*еще палецъ загнулъ*). А за тѣмъ, и сказъ весь. (*Отворяя двери.*) Поди, ваше благородіе съ Богомъ.

Нестеровъ (*слушаетъ*). Эхъ, Аристархъ Гаврилычъ, какъ же такъ? Пожалѣй ты меня.

Аристархъ. Тебя жалѣю, а себя маѣ еще болѣ того жалъ, а потому: лоди (*смотритъ въ дверь*). Постой, развѣ вотъ чтѣ... Видишь, вонъ дурачокъ нашъ плетется, князекъ отъ юродивенькій, такъ съ нимъ не сладить ли... Ты емъ только растолкуй; коли пойметъ, сдѣлаетъ: услужавъ. И спросить съ него нечего—Божій человекъ.

Нестеровъ (*подумавъ*). Давай хоть его.

Аристархъ (*въ двери*). Эй, князенька, лодь сюда (*Князь Александръ подходитъ; Аристархъ его за плечи съ усильемъ подвигаетъ къ двери*). Толкуйте тутъ, а я за дверью постою (*вышелъ и дверь затворилъ*).

## ЯВЛЕНІЕ II.

НЕСТЕРОВЪ; КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСѢВИЧЪ.

Нестеровъ. Здравствуй, князь Александръ Алексѣвичъ! Помнишь ли меня?

Князь Александръ (*стараясь припомнить*). Ты... ты...

Нестеровъ. Я Нестеровъ.

Князь Александръ. Помню. Только на цѣна лехотъ. Ты добрый. Помню. Не дражайся.

Нестеровъ. Ну, слушай же, князь голубчикъ; весь умъ собери и слушай. Коли любишь ты меня, и сестрицу Катю риву коли любишь, такъ отдай ты ей это (*показываетъ письмо*); только съ глазу на глазъ отдай; чтобы никто, ни-ли единаго челоуѣкъ не видѣлъ. Понялъ ли? Отдашь ли?

Князь Александръ. Понялъ. Катѣ, когда одава. Отдавай. Давай.

Нестеровъ (*давая письмо*). Помни же: съ глазу на глазъ и какъ можно скорѣй, сегодня же. А я тебя, князь голубчикъ, любилъ и всегда любить буду (*цѣлуетъ его*).

Князь Александръ. Спасибо. Постои; чтобы не забыть вторю. Катъ, когда одна. Сегодня и чтобъ ни-ни... Такъ ли? Нестеровъ. Такъ, князь голубчикъ.

Князь Александръ. Прощай. *(Пробираясь около стѣны къ маленькой задней двери, твердитъ аполголоса:)* Катъ. *(Отъ того кто не дражится. И ни-ни (ушелъ.)*

Нестеровъ *(одина)*. Отдастъ. Не столь же глупъ чтобы дураковъ такихъ не запомнить. А теперь, Катерина Алексеевна, посмотримъ, какъ-то ваше высочество не придти захвте. Страхъ всему научить: и время найдеть, и мѣсто.

## ЯВЛЕНИЕ III.

НЕСТЕРОВЪ; въ большія задня: АРИСТАРХЪ и КНЯЗЬ ИВАНЪ ЛЕКСОВИЧЪ. Аристархъ входа становится такъ чтобы загородить отъ князя Нестерова.

Князь Иванъ. Батюшка не возвращался?

Аристархъ. Никакъ нѣтъ, ваша свѣтлость.

Князь Иванъ *(увидя Нестерова)*. Это кто еще?

Аристархъ. Съ просьбишкой къ его свѣтлости, ваша свѣтлость.

Князь Иванъ. Сказано: во внутреннея алпартаменты никого не пускать. Скоро фискаловъ нѣмецкихъ въ домъ лутать станете. *(Идетъ налево и потомъ остановившись, чрезъ окно:)* Чтò жь ты, алы оглохъ? Волъ эту шваль сейчасъ же! *(ушелъ налево.)*

Нестеровъ *(дѣлая нѣсколько порывистыхъ шаговъ)*. Цыль! И мнѣ это слово чрезъ плечо прямо въ лицо бросятъ? И а стерпѣлъ, за горло не схватилъ, не задушилъ!... Нѣтъ, князь Иванъ, берегись, я обиды никому ороду не радишь. И не будь теперь такого дѣла.... *(грозитъ)*.

Аристархъ *(подшелъ къ нему)*. Уйди ты, ваше благоуханье, отъ грѣха.

Нестеровъ. Безъ тебя, дуракъ, уйду *(уходитъ въ большую заднюю, сильно хлопнувъ дверьми)*.

Аристархъ *(ворчитъ вслѣдъ)*. Дуракъ, дуракъ! Немто въ пель-то о равгахъ дураковъ лишуть? *(ушелъ туда же.)*

## ЯВЛЕНІЕ IV.

Справа: КНЯГИНЯ ПРАСКОВЬЯ ЮРЬЕВНА и КНЯЖНА ЕЛЕНА АЛЕКСѢЕВНА. На минутѣ АРИСТАРХЪ.

Княгиня Прасковья. И вездѣ, говоришь, толкутъ  
Княжна Елена. Вездѣ, вездѣ.

Княгиня Прасковья. И у Голицыныхъ?

Княжна Елена. И у нихъ, и по всей Москвѣ.

Княгиня Прасковья. Постои-ка (стѣла направо)  
Аристархъ (тотъ показывается въ дверяхъ). Не вернулась еще

Аристархъ. Княжицъ вернулся, а князь-отъ не бивалъ еще, ваша свѣтлость.

Княгиня Прасковья. Хорошо. Стулай. (Аристархъ уходитъ; она про себя.) Что это у государя такъ долго змѣшкался? Ужь взаправду чего не случилось ли? Здѣсь ужь дождусь, наверху мочи нѣтъ сидѣть. (Дочери:) Да! ты бишь, что-то разказывать стала.

Княжна Елена. Говорю что вездѣ-то, вездѣ одно толкутъ.

Княгиня Прасковья. Да сядь ты, Алѣна. Чего ведаешься.

Княжна Елена. Ужь вы всегда, маменька (стѣла подлѣ матери).

Княгиня Прасковья. Сказывай.

Княжна Елена. Слушайте. Только, пожалуйста, по общему своему не перебивайте, а то не стану. Не любить государь—вотъ что говорятъ; а все оттого де что злой ему навязали. И правда вѣдь, маменька, что силой; сама скажу. И вотъ еще что: эта вслышка, намедни-то, балу, вторая, говорятъ, ужь была, а по третьей, говорятъ, абшидъ получить.

Княгиня Прасковья. Погодимъ что князь мой и рота съ скажетъ.

Княжна Елена. И лаленька ничего не можетъ. Государь и на него гнѣвнень, и одного не знаетъ: какъ отъ него отвязаться. Всѣ въ голось говорятъ.

Княгиня Прасковья. А ты точно рада!

Княжна Елена. Вовсе не рада. Съ чего вы это взяли? Мнѣ радоваться нечего. А только всегда говорила, и теперь повторяю: большую вы тогда съ лаленькой ошибку сдѣлали.

Вягигя Прасковья. Знаю, тебя бы въ царицы  
мо! Ишь, красавица какая уродилась!

Вяжна Елена. Чтò вы мнѣ вѣчно въ глаза тычете:  
уродъ да уродъ! Ну пусть дурнушка, пусть даже уродъ по  
вашему, хоть я вовсе не такъ дурна какъ вы себѣ въ голо-  
ву забрали! А только всегда скажу, я доброй сестры. И  
будь я на ея мѣстѣ, государь любилъ бы меня. Да-съ, ужь я  
стѣла бы его къ рукамъ прибрать. Не отходилъ бы отъ  
меня, и свадьбу бы давно ужь сыграли. Не вѣрите?

Вягигя Прасковья. Полно вздоръ болтать.

Вяжна Елена. Вздоръ? По вашему, пожаауй, и то  
взоръ что когда ихъ обручали корова съ кареты свалилась?  
Бакже! Всѣ въ голосъ тогда же сказали: дурна де примѣта,  
не бывать свадьбѣ. И я то же скажу, потому что не въ се-  
стру, люблю правду и всегда говорю. Да-съ, не быть ей го-  
сударыней.

Вягигя Прасковья. Говорю, замолчи.

Вяжна Елена. Я знаю, всѣ вы меня за правду не-  
видите. *(Вскакивая на ноги:)* Вы и за дочь-то меня не по-  
читаете. Я чтò для васъ? такъ, обѣсвокъ какой-то въ полѣ.  
*(Со слезами:)* Вы меня ужь лучше-бъ въ затралець сослали,  
съ холонками посуду мыть.

## ЯВЛЕНИЕ V.

Тѣ же; изъ большихъ задвижъ дверей КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ ГРИ-  
ГОРЬЕВИЧЪ, за нимъ АРИСТАРХЪ.

Князь Алексѣй *(въ дверяхъ Аристарху)*. Князь Ивана  
сюда попроси.

Аристархъ. Слушаю, ваша свѣтлость *(уходитъ налево)*.

Князь Алексѣй *(подходя къ жемъ)*. Эта о чемъ?

Вягигя Прасковья. Охъ, все то же! Свое, князь  
мнѣ, сказывай.

Вяжна Елена. Конечно, вы и лаленьку теперъ на-  
строите.

Князь Алексѣй *(стѣлз подлѣ жемъ, поцѣловаль ей  
руку, дочери:)* Молчи. Всѣ я твои глупыя рѣчи тверже *Отче-  
чамъ* знаю. Слушай, лоди къ сестрѣ. Только дерзить ей не  
снѣй. А войдешь, присядь пониже и ручку поцѣлуй и

вашимъ высочествомъ назови. Да сюда ее лопросишь. Что жъ стала? Аль не слышешь?

Княжна Елена (*угрюмо*). Слышу (*мотнула сердито головой и ушла направо*).

## ЯВЛЕНИЕ VI.

КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ и КНЯГИНЯ ПРАСКОВЬЯ ЮРЬЕВНА; вскорѣ сѣва КНЯЗЬ ИВАНЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ.

Княгиня Прасковья. Ну сказывай, князь мой.

(*Входитъ князь Иванъ.*)

Князь Алексѣй (*ему*). А, ваша свѣтлость, милости прошу! Что это, новое опять затѣялъ! Дая безъ твоихъ хитростей не проходитъ.

Князь Иванъ. Что прикажете, батюшка?

Князь Алексѣй. Этого-то я въ тебѣ, Иванъ, и не люблю. Самъ козвы строишь, а скажешь тебѣ про то: видомъ не видалъ, слыхомъ не слыхалъ.

Князь Иванъ. Не пойму, батюшка, о чемъ говорить изволите.

Князь Алексѣй. Упорствуй, притворствуй! Сказать прикажешь? (*Князь Иванъ не отвѣчаетъ.*) Слушай же. Пустяковъ у тебя сестра просила: чтобъ покоймой принцессы Натальи брилліанты поносить ей выдалъ, и въ томъ отказалъ.

Князь Иванъ. Безъ именнаго повелѣнія не выдамъ. И то довольно вещей безъ спросу на нашу половину взято.

Князь Алексѣй. Ишь, Нѣмецъ какой аккуратный выпускался! Да Катерина-то, чай, государю невѣста. Что его, все ея; что ея, все его.

Князь Иванъ. Будеть вполнѣ государыней, вполнѣ и повелѣвать будетъ.

Княгиня Прасковья. Эхъ, Иванъ, мущина ты и женскаго нашего дѣла понять не можешь. Государыней-то ей велика ли честь тѣ брилліанты носить! Дѣвочка она молоденькая, на первыхъ порахъ пощеголять хочется.

Князь Иванъ. Какъ вы мнѣ, матушка, выговорили, такъ вамъ и отвѣчу. Шкатулку мнѣ передать не трудно, только вспомните изъ-за шкатулки же, хоть не съ брилліантами, съ червонцами, и Мешиковымъ олада вышла.



Князь Алексѣй (*вскочивъ на ноги*). Да что у тебя, прости Господи! инаго слова что ль отцу съ матерью нѣту нѣкъ про Мешниковыхъ да про Мешниковыхъ твердить!

Князь Иванъ (*помолчавъ*). Батюшка! сколь ни стараюсь я угодить вамъ, не могу, а требовать отъ васъ со мною согласія—не смѣю. Объ одномъ прошу: не долго намъ вмѣстѣ жить, желаю, въ свой домъ переѣду, такъ на послѣднѣе-то...

Князь Алексѣй (*прерывая его*). Съ Богомъ! чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Князь Иванъ (*помолчавъ, взволнованно*). Больше ничего, батюшка, не прикажете?

Князь Алексѣй. Объ одномъ прошу: уйди ты съ глазъ долой поскорѣе.

(*Князь Иванъ постоявъ, точно сказать что желая, уходитъ видямо опечаленный*).

## ЯВЛЕНИЕ VII.

КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ, КНЯГИНЯ ПРАСКОВЬЯ ЮРЬЕВНА; потомъ КНЯЖНА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢВНА.

Княгиня Прасковья. Что-й-то ты, князь мой, ужь счелъ его. Въ уздѣ сыновей держи, да не задергивай.

Князь Алексѣй. Разстроилъ окъ меня, въ конецъ разстроилъ. Веселъ отъ государя пришелъ, радощень, а окъ!...

Княгиня Прасковья. Скажи чѣмъ государь-то лодовалъ, и гнѣвъ пройдетъ.

Князь Алексѣй. Правда (*садится подлѣ ѳены и ухватитъ ей руку*). Слушай же. Благосклоненъ былъ, весьма благосклоненъ. Цѣловалъ и въ любви своей утверждалъ. Оттого и замѣшкался; оттого... Но того мало...

Княгиня Прасковья. Что жь еще-то?

Князь Алексѣй. Такое—вся Москва, какъ узнаеть, знаетъ.

(*Справа: княжна Екатерина*)

Князь Алексѣй (*постыпно вставая*). Ш-ш, старуха: ея высочество. (*Подымая ѳену*.) Вставай, княгинюшка моя, приучайся предъ дочкой-государыней стоять пока садиться не прикажутъ. Тутъ вотъ становись, тутъ. (*Ставитъ ѳену*)

*нѣсколько позади себя; подходя къ дочери, полушутливо, полуторжественно:)* Ну-съ, ваше высочество, по рабской должности моей, честь имѣю васъ поздравить съ великою радостью.

Княжна Екатерина. Съ какою, батюшка?

Князь Алексѣй. А вотъ внимать извольте: послѣзавтрашняго числа, въ день Святаго Крещенія, имѣеть быть великій парадъ. Войска на Иордань поведетъ генераль-фельдмаршалъ, а ваше высочество изволите въ самахъ шествовать, а у васъ на запяткахъ за санями стоять назначень...

Княгиня Прасковья. Кто? кто? договаривай.

Князь Алексѣй. Самъ государь императоръ. Чтò жь, дочка, отца за такое устройство не поцѣлуешь? Ишь, радость какъ, слова отъ радости лишилась! Ну, да по отцовской власти, покуда ее имѣю, и самъ поцѣлаю (*цѣлуетъ*). А теперь, княгиня моя, пойдемъ-ка, кофейкомъ меня напоишь — время. Да совѣтъ съ тобой держать станемъ. А тебѣ вѣдь совѣтныя думы нигда, окромѣ коморки твоей, въ умъ не приходятъ. Такъ ли? (*Оба идутъ направо.*)

Княгиня Прасковья. Истинно, князь мой, такъ.

Князь Алексѣй. Совсѣмъ ты у меня старорусская хозяйка, княгиня. Въ своемъ углу ума и совѣтлива; при людяхъ скромна и невысказлива. Плетемся же, старая, плетемся (*обнявъ ее, уезжаетъ направо.*)

## ЯВЛЕНІЕ VII.

**КНЯЖНА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢВНА; потомъ КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСѢВИЧЪ и КНЯЖНА ЕЛЕНА АЛЕКСѢВНА.**

Княжна Екатерина (*одна, переходя нальво*). Послѣзавтра!... И въ виду всей Москвы, всего государства, всего свѣта!... Такъ, не обманулась я. Значить, могу я еще быть и ума, и чаровательна!... Разговоръ за менуэтомъ, — и честь небывалая, въ исторіи безпримѣрная!... (*Задумалась.*)

Княжна Елена (*въ правыхъ дверяхъ, удерживая входящаго князь Александра, шепотомъ*). Не лущу, говорю не лущу, пока не скажешь куда и зачѣмъ... Ишь, вырвался-таки!... Противный втакой!... Вотъ я тебѣ уже, злючка несносная!... У-у, уродъ!

(*Показываетъ ему языкъ и скрывается за дверью.*)

Князь Александръ (подходитъ, на цыпкахъ и озираетъ къ княжнѣ Екатеринѣ, и слегка дотронувшись до ея плеча, таинственнымъ шопотомъ, какъ и до конца). Сестрица...

Княжна Екатерина (слегка вздрогнувъ). А, это ты, сама? Что тебѣ, дружокъ?...

Князь Александръ. Надо. Только... (со странными жестами указываетъ на правую дверь).

Княжна Екатерина. Что тамъ?

Князь Александръ (продолжаетъ указывать на ту же дверь).

Княжна Екатерина (идя къ двери). Что такое? (Отвѣщаетъ и видитъ сестру.) А, это вы, княжна Елена Алексѣевна. Прекрасно: подсматривать за старшей сестрой и государыней вашей!

Княжна Елена (выбѣгая на сцену и почти наскочивая на сестру). Не признаю тебя государыней, не признаю. И никогда, подъ пыткой не признаю. И подсматривать мнѣ за тобой нечего; очень интересно какъ вы тутъ съ юродивымъ секретничать станете!... Я лучше въ манежъ, изъ ружья стрѣлять пойду. Гораздо занятнѣе, повѣрьте! (Церемонно присѣдая.) Bonjour, madame. Ха, ха, ха! (Съ хохотомъ утыкаетъ, сильно хлопнувъ дверью.)

## ЯВЛЕНІЕ IX.

КНЯЖНА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢВНА; КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСѢВИЧЪ.

Княжна Екатерина (про себя). Глупая дѣвочка. (Брату:) Ну, дружокъ?

Князь Александръ. Велѣлъ чтобъ ни-ни!... Погляди, еще погляди (указавъ на правую дверь).

Княжна Екатерина. Да вѣтъ же, убѣждала она (открыла дверь). Вотъ, видишь, дружокъ, никого вѣтъ; самъ взгляди.

Князь Александръ (глядитъ въ дверь; потомъ затворяетъ ее, отводитъ сестру и таинственно озираясь, быстро читаетъ ей письмо въ руку). Вотъ...

Княжна Екатерина. Что это? Письмо? Отъ кого?

Князь Александръ. Отъ Ме... Мек... Нестроева...

Княжна Екатерина (въ великомъ волненіи). Отъ Нестерова? Господи! *(Быстро отходитъ, открываетъ и читаетъ письмо.)*

Князь Александръ. Тихе!... Сказалъ чтобъ ни-ни!

Княжна Екатерина (сама съ собой). Онъ здѣсь!... И ждетъ отвѣта у крыльца... Ужасный человекъ! жестокой человекъ. *(Ложая руки.)* Господи мой Боже!... Сдохъ!...

Князь Александръ *(ластаетъ къ ней)*. Сестрица... скажи... Я все что сумѣю... Растолкуй толькоко...

Княжна Екатерина. Никто мнѣ помочь не можетъ, никто... развѣ Богъ... *(Отходя, сама съ собой.)* Онъ требуетъ... И сегодня же, сейчасъ же!... О, погубитель извергъ!... Развѣ... развѣ... Да, она такъ наивна, она пойметъ... Я налѣшу именемъ князь Ивана... она безумно любитъ его, готова для него на все... Да, такъ. *(Брату.)* Пойдемъ, Саша, пойдемъ; ты поможешь мнѣ *(слѣдуетъ отвѣтъ его за руку и быстро уводитъ въ правую дверь)*.

*(Живая перемѣна.)*

## СЦЕНА ВТОРАЯ.

Въ домѣ Шереметевыхъ. Старинная, со сводами и живописью и нѣжъ комната; мебель и прочее убранство новыя. Двери: задняя слѣва, ближе къ авансценѣ.

## ЯВЛЕНІЕ X.

Изъ заднихъ дверей входитъ ГРАФИНЯ НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА.

Графиня Наталья *(одна)*. Господи! страхъ какой! Никакъ въ себя придти не могу. Перечеть; авось лучше выразумѣю. *(Читаетъ записку.)* „Графиня Наталья Борисовна,—Обращаюсь къ вамъ какъ невѣстѣ брата нашего, надѣясь на любовь вашу къ нему и намъ. Дѣло великой тайны заставляетъ насъ видѣться секретнымъ образомъ с вами, персоной нашимъ довѣріемъ пользующейся. Онъ явится въ домъ вашъ подъ видомъ учителя на шлягахъ биться для младшаго вашего брата; отъ князь Ивана посланнымъ. З...

Имя васъ Богомъ чтобъ о томъ никто, ниже братъ нашъ, не зналъ и о приходѣ означенной особы никакого говору не было. Впрочемъ, не опасайся: съ помощію Божіею, грозную фамилію нашей опасность вполне отвратить надѣмся. Приѣздъ нашъ къ вамъ назначаемъ сегодня послѣ обѣда, третьяго часа въ началѣ. Благосклонная къ вамъ Екатерина“... Учителемъ придетъ!... И говору чтобы не было!... И князь Ивану опасность!... О! для него, голубчика моего, все сдѣлаю... А только... Нѣтъ, и думать не стану; батюшка-покойникъ, помню, говаривалъ: „Волю государеву усердно и не размысливая исполняй.“ Такъ и поступаю.... Учитель теперь...

## ЯВЛЕНІЕ XI.

ГРАФИНЯ НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА; ГРАФЪ СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Графъ Сергѣй (*пріотворяя заднюю дверь*). Сестрица...

Графиня Наталья. Войди, Сережа. (*Про себя*.) Его и пошлю....

Графъ Сергѣй (*сходя*). У старшего брата былъ: вонъ прислалъ.

Графиня Наталья. Охъ ужъ не напоминай мнѣ про него.... Чуть до слезъ не довелъ сегодня. Все съ насмѣшками да съ насмѣшками, да старшаго — точно не годомъ, много старѣ — изъ себя корчить.

Графъ Сергѣй. И мнѣ тоже съ выговоромъ: читать не только мѣшаешь, да и пошелъ: учусь де мало, и....

Графиня Наталья. Ахъ, объ ученіи-то!... И забыла было.... Помнишь, князь Ивана просилъ чтобъ учителя тебѣ ружью и на шлагахъ....

Графъ Сергѣй (*весело*). Аль прислалъ?

Графиня Наталья. Сходи-ка, не въ сѣняхъ ли дожидается?

Графъ Сергѣй (*съ движеніемъ къ заднимъ дверямъ*). Вѣгу, и чтобы меня сейчасъ учить началъ!...

Графиня Наталья. Постой. Тутъ не бѣгай, еще на брата старшаго наткнешься. А я объ учителя его не упреждаю....

Графъ Сергѣй (*съ грустью*). Какъ же теперь?

Графиня Наталья. Вотъ какъ сдѣлаемъ. Пройди ты здѣсь (*указала на лѣвую дверь*). Тутъ знаешь, чай, черезъ сѣнцы на малое крыльцо ходъ есть....

Графъ Сергѣй. Сестрица, да вѣдь сѣнцы тѣ не жидые, и по лѣстницѣ никто никогда не ходитъ!...

Графиня Наталья. Экой какой, а еще подъ Турку Шведа собираешься!...

Графъ Сергѣй. Турки не боюсь, и Шведа не боюсь, тутъ....

Графиня Наталья. А еще мущина! Тутъ-то никого а тамъ, того гляди, братецъ....

Графъ Сергѣй. Вѣдь я такъ только сказалъ что страшно. Я не боюсь, пойду (*дѣлаетъ нѣсколько шаговъ и возвращается*). Только, сестрица, перекрести-ка ты меня на дорогу.

Графиня Наталья. Изволь (*исполняетъ*). Слушай же Сережа. Черезъ заднія двери въ сѣни пройди. Тамъ еще, можетъ, просители есть, такъ ты вѣжливо спроси: „Которы мошь учитель присланный?“ И проводи сюда, тутъ, въ сѣняхъ, обождать попросишь. Да дорогой не громко съ нимъ говори. Бѣги же.

Графъ Сергѣй. Прощай (*убѣжалъ нальво*).

## ЯВЛЕНИЕ XII.

ГРАФИНЯ НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА; потомъ, изъ заднихъ дверей СѢННАЯ.

Графиня Наталья (*одна*). Слава Богу, негаданно все уладилось. И на себя-то не надивляюсь: каково съ Сережей хитро говорила. Такой хитрости за собой и не чаяла.

СѢННАЯ (*съ дверяхъ*). Ваше сіятельство, Анна Родионова пришла.

Графиня Наталья (*про себя*). Звать ли ее? (*Взглядываетъ на часы*.) Что жь, время есть еще.... (*Съ мной*.) Зови сюда.

(*Та ушла*).

## ЯВЛЕНІЕ XIII.

ГРАФИНЯ НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА; потомъ АННА РОДИОНОВНА.

Графиня Наталья (*одна*). Съ ней церемониться не стану; когда захочу, отлучу. А покуда чтобы страшныя мысли не приходили, до времени посижу съ ней....

(*Входитъ въ заднія двери: Анна Родіоновна.*)

Графиня Наталья (*идетъ на встрѣчу*). Здравствуйте, Анна Родіоновна (*цѣлуются*). Милости просимъ (*стѣли обѣд*). То жь вы васъ, сударыня моя, вовсе забыли? Правду видно вы говорить что въ новѣшнемъ вѣкѣ родствомъ пренебрегаютъ....

Анна Родіоновна. Что-й это вы, графиня-матушка!... а не грѣхъ вамъ.... Кто я такая чтобы вами пренебрегать?..

Графиня Наталья. Нѣтъ, нѣтъ, пренебрегаете....

Анна Родіоновна. Не домогала, ей Богу жь, матушка, не домогала.... Раматизмъ, аль.... ну Богъ его знаетъ какъ въ новѣшнему, по модному назвать—только вотъ этимъ самымъ лежала.

Графиня Наталья. И въ томъ вамъ, Анна Родіоновна, не довѣряю. Зачѣмъ бы къ вамъ нѣмецкой болѣсти приписаться?

Анна Родіоновна. Не слѣдь, ей Богу, не слѣдь бы, привязалась. Дохтура кликнула. Онь и объявилъ: вѣдь, говоритъ, мадамъ—мадамой, нехристь этакой! въ глаза мнѣ назвалъ—это, говоритъ, рахматизмъ у васъ. И мазь какую-то, катышками, дадь... какъ бишь? да, опольдинбокъ называется (*графиня усмѣхнулась*). Аль не такъ назвала? То жь, матушка-графинюшка, мочи моей нѣтъ, языкъ доносится: слова мудреныя такія пошлаи.

Графиня Наталья. И въ томъ не вѣрю, и про мазь не думаю.

Анна Родіоновна. Коли ужь всю-то правду сказать, въ причинка, графинюшка, была...

Графиня Наталья. А! Вотъ оно.

Анна Родіоновна. Грѣшнымъ дѣломъ подумала: тебѣ она такого важнаго лица невѣста обрученая; женихъ твой чай, еженевъ ѣздитъ, такъ гдѣ ужь намъ тутъ соваться!

Графиня Наталья. Чѣмъ же вы жениха моего описали?

Анна Родіоновна. Не опасалась, а не погаѣвит графинюшка, гордѣи онъ сказываютъ. Посланики, чу, по онъ кофѣи кушать изволить, по часамъ у него дожидаю такъ ужъ намъ, бѣднымъ людямъ, гдѣ!

Графиня Наталья. Такъ вотъ вы какого, Анна Родіоновна, о женихѣ моемъ мнѣнія! Гордѣи онъ! *(Горько)* А отчего жъ, сударыня моя, какъ мимо Преображенцевъ и проѣзжать случится: „это, говорятъ,—отца нашего не вѣдетъ?“

Анна Родіоновна. Не сердитесь, графинюшка, я в за чтѣ купила, за то продаю. А точно..

Графиня Наталья. Чтѣ точно-то? Ужъ все, все зывайте!..

Анна Родіоновна. Да, еѣ-Богу жъ, не свое. А пр сказать, точно, графинюшка, хотъ и не вѣрю я, мало него хорошаго слышно.

Графиня Наталья *(весьма горько)*. Такъ онъ зло по вашему, злодѣи?.. Такъ ужъ прямо его злодѣемъ и з те!.. А я вамъ вотъ чтѣ про злодѣство его разкажу. П ложе гораздо онъ былъ, а государъ и вовсе тогда малъ былъ. Такъ вотъ разъ входитъ онъ къ государю и вид тотъ бумагу подписывать собираетъ. Глянулъ онъ, ан приговоръ смертный. Вотъ князь Иванъ государя-то с за ухо возьми и укуси. Да, сударыня моя, не смѣи взялъ и укусилъ. „Чтѣ ты, Иванъ? государъ ему,—бо вѣдь.“ А онъ: „Больно, говорить,—такъ вспомни жъ какъ больно тому человѣку будетъ кому ты смерть подпис ешь.“ И не думайте онъ самъ мнѣ про то разказалъ, ст вой узнала. А спросила его...

#### ЯВЛЕНІЕ XIV.

ТѢ ЖЕ; КНЯЗЬ ИВАНЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ, изъ заднихъ дие

Князь Иванъ *(быстро входя)*. Наташа!

Графиня Наталья *(бросаясь и снимая его)*. В!

Князь Иванъ. Чтѣ это куда зашла, по всему искалъ.



Графиня Наталья. Матушки покойной горенка эта была, совѣтная,—вотъ и вздумалось... Да постой! Что ты тебя ласкаю, Валя... Послѣ того-то что про тебя знала... Ахъ, что узнала!..

Блазъ Иванъ (*спѣясь*). Что такое?

Графиня Наталья. Не хорошо, Валя, не хорошо. Не и не въ доめкъ бы, да вотъ Анна Родіоновна, спасибо, поумела...

Анна Родіоновна (*которая со времени прихода князя не присѣдала, иль не замѣченная, съ новыми присѣлками и сконфузленная*). Я, ваша свѣтлость?.. Да я, ей-богу... помилуйте!..

Графиня Наталья. Первое: гордъ ты очень. Вотъ на Родіоновна...

Анна Родіоновна (*присѣдала чуть не при каждомъ словѣ*). Да помилуйте, ваша свѣтлость!.. Да смѣю ли я... Охъ, тупица-графинюшка, совсѣмъ вы меня обезконфузили!..

Графиня Наталья. И мало того, Валя, зодъ ты еще... на Анна Родіоновна...

Анна Родіоновна (*какъ выше*). Не извольте, ваша свѣтлость, вѣрять, ваша свѣтлость!.. Шутѣмъ онѣ...

Графиня Наталья. И за это, Валя, поди сюда... (*отвѣщая съ стороны, ухмыляется и шепчетъ что-то на ухо*).

Анна Родіоновна (*какъ выше*). Охъ, ваша свѣтлость!.. Охъ, ваша свѣтлость! (*Про себя*): Ну, слава Богу, промежь насъ заговорили, а то отъ страху вовсе языкъ заделортовалъ... отъ моднаго хвостомъ присѣданья въ глазахъ ажъ потемнѣло... Ой, да не уйти ль ужъ мнѣ... (*хочетъ уйти*).

Графиня Наталья. Куда вы, Анна Родіоновна? Стойте. Вотъ Валя мой вамъ еще гордость свою докажетъ... Валя проси Анну Родіоновну чтобы на свадьбу къ намъ безотказно пріѣхала...

Блазъ Иванъ. Да, Анна Родіоновна, явите такую большую милость, не обидьте вы насъ съ Наташей...

Анна Родіоновна (*присѣдала опять*). Охъ, ваша свѣтлость...

Графиня Наталья. Ахъ, Валя, еще... (*опять отвѣщая и шепчетъ*).

Анна Родіоновна (*сама съ собою*). Ну, теперь у убѣгу... Ей Богу, убѣгу...! А то страхъ, ей Богу, страхъ (*Присѣдала, быстро и вполголоса*): Графинюшка... В свѣтлость... (*Пятакъ къ дверямъ*): Вотъ и ушла, ей Богу ушла (*быстро исчезаетъ за дверями*)!

## ЯВЛЕНІЕ XV.

ГРАФИНЯ НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА; КНЯЗЬ ИВАНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ; вскорѣ ГРАФЪ СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ, *сѣва*.

Графиня Наталья. Убѣжала-таки!..

Князь Иванъ. А я вѣдь, Наташа, на минутку только у насъ съ парадомъ этимъ крещенскимъ!.. Ахъ, да! не быть бы... Конечно, Анна Родіоновна безъ злобы говорилъ. А только, Наташа, коли услышишь про меня злое что... жетъ и правду услышишь, вѣдь не ангелъ я, человѣкъ... ты вѣрь, Наташенька, что то было пока тебя не зналъ, узналъ...

Графиня Наталья (*бросаясь уловить его*). Вѣ князь мой! Владыко мой, вѣрю!..

(*Вбѣгаетъ слѣва: графъ Сергѣй.*)

Графъ Сергѣй. Приведъ, Наташа, приведъ. (*У князя Ивана*): А, и онъ здѣсь... (*Цѣлуя его*): Здравствуй... в какъ звать тебя, шуриномъ или зятемъ, все сбиваюсь... все равно, братцемъ назову... Спасибо, родной, за учителя. А учитель, кажись, добрый,—въ недѣлю всему научить...

Князь Иванъ (*невѣсть*). Это онъ меня коритъ то что учителя на шлагахъ давно обѣщаль, да не прислалъ.

Графъ Сергѣй. Пришелъ, родной, пришелъ!..

Князь Иванъ. Кто пришелъ?..

Графиня Наталья (*съ нѣкоторымъ смущеніемъ*). Сударыня-невѣста прислала. Извѣстилась, видно...

Князь Иванъ. Вотъ какъ!.. А, понимаю! За мое тогда нее заступленье отблагодарить вздумала: самому спасибо сказать гордость не велить, тебѣ ласковость оказать надумалъ.

Графиня Наталья (*спохватясь*). Ахъ, Господи! торый-то часъ?

Князь Иванъ. Чтѣ ты?.. Третій скоро.

Графиня Наталья. Забыла сказать тебѣ; вѣдь с въ началѣ третьяго прѣвхать хотѣла. Письмомъ извѣсти

Князь Иванъ. Гм. *(Отводя невѣсту въ сторону:)* Виль ли, Наташа, на ласковость, конечно, ласковостью отнаться должно. Только не вѣрайся ты ей: Катерина еще еду какого даромъ не любила. И будетъ она тебя къ дѣлу правдекать,—откажись. Князь Иванъ, скажи, не прикажи. Я и самъ отъ дѣла вслѣдствию впредь отстраняться намеренъ, и отъ тебя того же прошу и требую...

Графиня Наталья. Будь, Ваня, покоенъ...

Князь Иванъ. Прощайте же *(уходитъ ее)*. И время, съ сестрой встрѣчаться не охота.

Графъ Сергѣй *(подходя)*. Бѣдешь!.. А мнѣ что на мысль пришло: взялъ бы ты меня съ собой прокатиться... Ахъ, только братецъ какъ...

Графиня Наталья. Ничего, я на себя возьму; скажу по отпустила...

Графъ Сергѣй. Вотъ такъ сестрица! Ай да милочка *(съ жаромъ уходитъ ее)*.

Князь Иванъ *(слу)*. Идемъ же. *(Идя къ дверямъ, невѣсту, тихо:)* Еще, Наташа... Учителя-то не лучше ли моего подобрать. А этотъ Богъ знаетъ еще зачѣмъ подосланъ. Пошла?

Графиня Наталья. Ладно, Ваня, сейчасъ его отпусти. На старшаго брата сверну; скажу: другаго ранѣ отпустилъ. А государыню отблагодарю.

Князь Иванъ. И чудесно. Прощай же *(уходитъ и уходитъ въ заднія двери)*.

Графъ Сергѣй. Прощай, сестрица *(быстро поцеловалъ сестру, убѣгаетъ за княземъ)*.

## ЯВЛЕНИЕ XVI.

ГРАФИНЯ НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА; въ концѣ СѢННАЯ.

Графиня Наталья *(одна, возвращаясь отъ дверей къ окну)*. Провесло тучу, слава Богу. А я еще себя хитрой считала. Гдѣ ужъ! Чуть въ бѣду не попала. Охъ, опять страхъ!.. И тоска, тоска одолеваетъ. А незнакомый человекъ тутъ, вонъ!.. Нѣтъ, лучше залру его, и ключъ послѣ государыни отдамъ. *(Заперла тѣсную дверь, и отходя:)* Да; князь говорить: въ дѣла не ввязаться... И Богъ съ ними, съ

дѣлами!.. Только если ему грозитъ что будетъ, то хотя не вѣстой, а женой стану, ему не сказавшись все сдѣлаю... (*Опѣскается на колышки.*) Господи, Господи!.. Коли Ивану грозитъ что, то лучше меня покарай, Господи, а его заступи и помилуй... (*встаетъ*).

Сѣнная (*въ заднихъ дверяхъ*). Боярышня...

Графиня Наталья. Знаю, бѣгу... (*спѣшитъ на вѣстичу*).

## ЯВЛЕНІЕ XVII.

ГРАФИНЯ НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА; КНЯЖНА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢЕВНА.

Графиня Наталья (*встрѣчая и цѣлуя руку княжны Государыня*).

Княжна Екатерина. Здравствуйте, графиня... Вы ли, какъ просила я, исполнили?

Графиня Наталья. Все, государыня.

Княжна Екатерина. Тотъ человекъ?

Графиня Наталья. Въ ближней комнатѣ, и вот ключъ отъ двери (*подала*).

Княжна Екатерина. Благодарю васъ, графиня, за такую благоразумную осторожность. Наблюдайте чтобъ никто не помѣшалъ нашему разговору.

Графиня Наталья. Сама черезъ комнату на-сторожь ставу...

Княжна Екатерина. Прекрасно. Затѣмъ... ахъ, писмо мое?

Графиня Наталья (*подавая*). Вотъ оно, государыня.

Княжна Екатерина (*пряча письмо*). Быть-можетъ вамъ самимъ, графиня, скоро придется вступить въ дѣла, отъ чего, впрочемъ, Господь васъ да избавитъ!—то знайте: всегда должно по возможности скрывать слѣды. Затѣмъ, отпущаю васъ, графиня.

Графиня Наталья (*низко присѣдая*). Государыня (*ушла*).

Княжна Екатерина (*одна, твердымъ шагомъ подходитъ къ львовымъ дверямъ, отпираетъ ихъ и толкнуетъ, громко и властно*). Господи въ Нестеровъ, войдите!

## ЯВЛЕНІЕ XVIII.

КНЯЖНА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢВНА; НЕСТЕРОВЪ, окрестивъ  
руки, осталовилася въ дверяхъ.

Нестеровъ.

Такъ вотъ какъ! Господишь, и по фамиль!..  
По-царски встрѣтила меня, по-царски..  
Да и гаядишь царицею... Властвуй,  
И гордый взглядъ, и видъ... И въ очи можешь  
Гладѣть мнѣ безъ смущенія и краски!..  
И бровь не шевельветъ!..

Княжна Екатерина.

Довольно. Помни:

Передъ тобой не прежняя княжна,  
А государыня твоя...

Нестеровъ (съ движеніемъ впередъ).

Для всѣхъ,

Отъ самыхъ высшихъ и до самыхъ низшихъ,  
Ты государыня!.. Но не забуду я,  
Будь пышнымъ ты дворомъ окружена,  
Одѣана порфирой и въ коронѣ,—  
На милыхъ ласкъ твоихъ, на обѣщаній,  
На тайныхъ нашихъ встрѣчъ, на подѣлаевъ,  
На страха робкаго что твой отецъ  
О всемъ узнаеть и меня погубить....  
И ты, какъ ни желай, забыть не можешь!

Княжна Екатерина.

Чего ты хочешь? Какъ ты смѣлъ меня  
Своимъ письмомъ безумнымъ потревожить?

Нестеровъ.

Коль я не смѣю,—зачѣмъ же ты пришла?  
Зачѣмъ же на призывъ мой послѣдила?

Княжна Екатерина.

Не ради страха и угрозъ твоихъ...

г. снп.

7\*

Нестеровъ.

Зачѣмъ же?—говори.

Княжна Екатерина.

Затѣмъ что знаю,

Себѣ на горе и рыданье знаю,  
Что ты, лишь бы поставить на своемъ,  
Готовъ на все...

Нестеровъ (*горько*).

Скажи: тебя жалѣя!..

Княжна Екатерина.

Вѣрь, или не вѣрь, мнѣ все равно. Я знала  
Что за доносъ безплодный и напрасный  
Тебя погибель и безчестье ждетъ.  
И хоть забыла я тебя, хотя ни разу  
Съ тѣхъ поръ какъ мы съ тобой безъ слезъ разстали,  
Не вспоминала про тебя,—а все же,  
Помимо воли, въ глубинѣ сердечной,  
Осталась капля жалости къ тебѣ...

Нестеровъ.

И я повѣрю сей сплетенной баснѣ!..  
Не испугалась ты? не трелетала?..  
Нѣтъ, лжешь ты, лжешь... Ты учена довольно,  
Исторію читала... А что въ ней  
Написано?—Твѣнь подозрѣнья—слышишь: *тѣнь*—  
Да не коснется Кесаря супруги!..  
А я—скажи лишь слово я,  
Одно лишь слово,—и пусть буду я  
Раздавленъ, обезчестенъ, замурованъ,—  
Но гибели и ты не избѣжишь!...

Княжна Екатерина.

Пускай погибну я. Но ты, палачъ,  
За что теперь мою лютуешь душу?  
Ужъ не за то ль что я тебя любила?...  
А! понимаю: твой расчетъ погибѣть:  
Съ моимъ отцомъ ты думаешь породниться

Нестеровъ.

Ты разочая шлюе...

Княжна Екатерина.

О, когда бы

Крупинка отъ моей великой славы  
 Передъ тобой улала,—чтобы ею  
 Хотя на мигъ владѣть, ты смѣло  
 Переступилъ бы черезъ десять труповъ!

Нестеровъ.

Оставимъ слоръ. Пусть я честолюбивъ,  
 Пусть я мечталъ о томъ чтобъ породниться  
 Съ твоимъ отцомъ, и знатность получить.  
 Но все-таки, коль ты меня любила  
 Какъ ты сейчасъ сказала; если жалость  
 Во мнѣ, какъ увѣряешь ты, жива  
 Въ твоемъ жестокомъ и заглошемъ сердцѣ,—  
 Могла бы ты, при нашемъ разставаньи,  
 И зная что на вѣкъ оно, сказать:  
 „Прости меня“ и „за любовь спасибо!“  
 Безъ ропота, клянусь, я уступилъ бы.—  
 Но ты смолчала, ты меня сочла  
 Такой ничтожной и презрѣнной тварью  
 Что можно раздавить безъ содраганья...  
 Услать меня подалѣе вельѣла  
 Чтобы не видѣлъ я твоихъ затѣй:  
 До свадьбы не вернется-моль, а тамъ  
 И пикнуть не посмѣеть!.. О! жестоко  
 Обидѣла меня ты; человекъ  
 Во мнѣ не пощадилъ ты!..

Княжна Екатерина.

О, Богомъ

Клянусь тебѣ,—я въ томъ не виновата.  
 Отецъ, замѣтивъ что меня ты любишь,  
 Услалъ тебя... А я, при разставаньи,  
 Не только что не знала, не мечтала,  
 И не могла мечтать о славной долѣ...  
 Лишь по твоемъ отъѣздѣ, государь  
 Сталъ отличать меня... И какъ случилось

Что стала я невѣстою—сама  
 Того не знаю... Разъ сидѣли мы, и долго,  
 Наединѣ, какъ вдругъ вбѣжалъ отецъ,  
 И на колѣни лавъ предъ государемъ,  
 Сталъ умолять чтобъ пощадилъ меня...  
 Какъ мальчикъ застыдился государь  
 И робкимъ голосомъ, чуть-чуть не плача,  
 Сталъ увѣрять что мнѣ добра желаетъ  
 И любить.... Слово подхватилъ отецъ,  
 Сталъ обнимать его, и въ тотъ же вечеръ  
 Благословили насъ...

Нестеровъ.

И ты забыла  
 Любовь, и честь, и вѣрности обѣты.

Княжна Екатерина.

Что жь было дѣлать мнѣ? Сказать отцу  
 Чтобы убилъ или молчать заставлялъ?  
 Открыться жениху, чтобъ цѣлый миръ  
 Указывать сталъ пальцемъ на меня,  
 И говорить съ злороднымъ подлымъ смѣхомъ:  
 „Вотъ, вотъ она, безстыдное созданье!“

*(Останавливается отъ рыданъ)*

Нестеровъ *(какъ бы невольнѣ)*

Мнѣ жаль тебя....

Княжна Екатерина.

А между тѣмъ вокругъ  
 Почетъ я видѣла и лесть внимала.  
 Когда же въ первый разъ народа крикъ  
 Меня привѣтствовалъ, и войскъ громада  
 Знамена преклонила предо мной,—  
 О! тутъ проснулась гордость. И она  
 Сказала мнѣ: „по узенькой тропинкѣ,  
 Идешь ты вверхъ опасною стезей:  
 Направо пропасть и лѣвѣво пропасть.  
 Тамъ, на верху—вершина счастья  
 Доступнаго для смертныхъ на землѣ.



Стремясь къ ней тяжчайшія злодѣяства  
 Не разъ свершали люди, забывая  
 О Богѣ правосудномъ.... Избирай:  
 Идти ли вверхъ или робкою душою  
 Стремглавъ низринуться со срамомъ въ бездну...  
 Я избрала.

Нестеровъ *(съ движеніемъ въол-  
нованнымъ)*.

Прощай.

Княжна Екатерина.

Остановился:

Теперь я въ свой чередъ спрошу тебя:  
 Зачѣмъ ты такъ свиданья добивался?

Нестеровъ.

Зачѣмъ?... О томъ сказать я не сумѣю....  
 Нездѣшней силою меня тянуло  
 Услышать голосъ твой, увидѣть очи...  
 Еще хотѣлось, съ бранью и тоскою,  
 Тебѣ высказать что высказалъ тебѣ.  
 Свое я сдѣлалъ. Больше: предо мною  
 Ты унижалася...

Княжна Екатерина.

Но ты молчанье

Мнѣ долженъ обѣщать...

Нестеровъ.

А! ты боишься...

Княжна Екатерина.

Подумай. Многое теперь могу я.  
 Скажи желанье,—я велю исполнить.

Нестеровъ.

Что можешь обѣщать ты мнѣ? Богатство?  
 Высокіе чины? Власть въ государствѣ?...  
 А что мнѣ въ нихъ когда я надъ тобою,  
 Надъ государыней моею, имѣю  
 Такую власть какой... О! еслибъ душу  
 Ты демону за славу продала,

И онъ не смогъ бы такъ ее измучить  
 Какъ я измучу....  
 Ты палачомъ своимъ меня звала:  
 Да, я палачъ души твоей. Отнынѣ  
 На площадяхъ, на куртагахъ придворныхъ,  
 Повсюду, знай, устраивать такъ буду  
 Что какъ бы ты меня ни избѣгала,—  
 Нежданно взглядъ твой встрѣтится съ моимъ.  
 И ты вздрогнешь, незримо для другихъ,  
 Повятво для меня.... И въ мигъ  
 Твое все счастье ядомъ отравится!...  
 Вотъ власть моя. А ты, въ замѣнъ такой  
 Ужасной власти—выкуль предлагаешь!...

Княжна Екатерина (*съ ужасомъ,  
себя*).

О, Господи помилуй!...

Нестеровъ.

А теперь

Прощай. Коль ты меня не потревожишь  
 Я буду кѣмъ какъ рыба... Да, еще:  
 Услышишь ты, на дняхъ быть-можетъ,  
 Что съ старшимъ братомъ я твоимъ повздорилъ.  
 Не опасайся: ты тутъ не при чемъ,  
 У насъ свои есть счеты... И... прощай! (*Съ порывомъ*)  
 О, какъ тебя люблю я, Катерина!...  
 И глубоко, всѣмъ существомъ моимъ,  
 Отъ всей души тебя я ненавижу!

(*Порывисто идетъ къ ней*).

Княжна Екатерина (*отступающая*).

Что хочешь сдѣлать ты? Убить меня?...

Нестеровъ (*охвативъ ее, стремительно улетѣтъ*).

Прощай.

(*Быстро уходитъ нальво*).

## ЯВЛЕНИЕ XIX.

КНЯЖНА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢЕВНА; потомъ изъ заднихъ дверей, ГРАФИНЯ НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА. Княжна, освободясь отъ истерика, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ задней двери и, безсильная, падаетъ на кофлинъ.

Княжна Екатерина (съ крикомъ).

Графиня!... Боже мой!... Спасите!... Охъ!...

Графиня Наталья (объгая).

Что съ вами, государыня?...

Княжна Екатерина (протягивая къ ней руки).

Наташа!...

Графиня Наталья (склонясь къ ней).

Сестрица! что съ тобой?

Княжна Екатерина (быстро вставая съ кофлинъ, и дѣлая нѣсколько быстрыхъ шаговъ къ авансценѣ, сама съ собою).

О, Боже мой!

Что, безумная, я испугалась?

Охъ общалъ молчать. А черезъ день,—

Восторгъ Москвы первопрестольной, слава!...

А такъ растерялась что едва

Не выдала себя пустой дѣвчонкѣ.

(Окончательно овладѣвъ собою, обращается къ графинѣ съ дружливой улыбкой). Графиня Наталья Борисовна!

Графиня Наталья. Государыня... ради Бога!... Вы

бы такъ взволнованы... Что князь Ивану?...

Княжна Екатерина. Успокойтесь, графиня. Правда,

я была взволнована, чуть не лишилась чувствъ... Но эта

нездорованность—порывъ радости. Князь Иванъ—внѣ опасности.

Графиня Наталья (бросаясь предъ ней на кофлинъ и

цѣлуя ея руки поцѣлуями). О, государыня!

(Занавѣсъ.)

## ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

(Ночь съ 18го на 19е января 1730 года)

## СЦЕНА ПЕРВАЯ.

У Нестерова. Небольшая и бѣдная комнатка, почти изба, задней стѣнѣ дверь. Сѣна отъ нея, немного отступя отъ стѣны простой столъ; на немъ нагорѣвшая свѣчка, вставлена въ дымяку; табакъ, трубки, нѣсколько книгъ; еще пустая съ отбитымъ горломъ бутылка. Два, три жалкихъ стула валято. Направо отъ дверей, у стѣны, лавка покрыта ковромъ съ постелью.

## ЯВЛЕНИЕ I.

СТЕЛЬКА, въ сѣраго сукна казакимѣ, немный и небритый  
потомъ НЕСТЕРОВЪ.

Стелька (*входя и озираясь*). Ишь, не вернулся еще я струхнулъ-было: молъ войду, а онъ дома ужь... Въ тишкѣ, чай, играть ушелъ, полуночникъ! Что-й-то выигралъ вѣтъ?... Коли счастье ему, и мнѣ деньги, а вѣтъ — мавка. (*Зажмывая на столъ свѣчу*.) Господи! свѣча-то и нагорѣла, а оплыла ай-ай!... (*Снимая со свѣчи*.) Ишь, у него лѣвъ задуть было... Вотъ не пригляди только за нимъ и бѣды бы... Долго ль: упалъ нагаръ на книгу раскрыту задрало! Отъ колѣвечной свѣчи и Москва когда-съ сго... сказываютъ. И лѣва про то сложена.

Нестеровъ (*быстро входя, въ плащъ и шляпъ*). Е го не было? (*бросаетъ шляпу на столъ*.)

Стелька. Кому въ такую пору быть! Спать тоже...

Нестеровъ. Скотъ! не разсуждай. (*Садясь, самъ съ собою*.) Неужто совѣмъ-таки не придется?

Стелька (*самъ съ собою*). Золъ, продулся видно.

Нестеровъ. Чтò жь стоишь? пошелъ.

Стелька. Слушаю-съ (*хочетъ идти*).

Нестеровъ. Стой. Трубку набей.. Или вѣтъ, не надо..  
(*Полмчавъ:*) Да! Спросить все забываю: никто меня не спрашивалъ?

Стелька. Лепортовалъ ужь вашему благородію что вѣтъ-та..

Нестеровъ. Да ты дома ли былъ?

Стелька. Помилуйте.. Гдѣ жь мнѣ быть?... Не по-мочникъ я.

Нестеровъ. Гдѣ?—въ кабацѣ.

Стелька. Помилуйте-съ.. Да я водки, и званія ея, то-съ, не знаю..

Нестеровъ. Гм. А Стелькой за что прозвали?

Стелька. Стелькой? Потому стелю.

Нестеровъ. Что стелешь-то?..

Стелька. Постелю вашему благородію стелю, вотъ и стелька.

Нестеровъ. Гм, философствуетъ тоже.. (*бросаетъ ему несколько червонцевъ*). На вотъ, на кормежку возьми.

Стелька. Чувствительно благодарствуемъ. (*Ползая на колыняхъ подбираетъ деньги и прячетъ ихъ за щекъ; про себя:*) Ошибся — выигралъ... А пьянствомъ тоже корить, а какъ человѣку не спиться, когда по червонцу что леу бросаешь? То-то, рассуди...

Нестеровъ (*самъ съ собою*). Господи, Господи! Какъ не знаешь чѣмъ время убить, съ этакимъ скотомъ рассу-ждать начнешь! (*Вслухъ:*) Что ты тутъ подъ ногами шарить?

Стелька (*на колыняхъ*). Вы сколько пожаловали? Три-съ?

Нестеровъ. Почему я знаю!

Стелька. Чувствительно что три-съ. А я два только вышелъ.

Нестеровъ. Пошелъ, скотъ; послѣ найдешь.

Стелька (*подымаясь съ колынь*). Слушаю-съ. (*Идетъ, но не безъ того чтобъ полъ глазами изслѣдовать и замѣтивъ унашій направо червонецъ, подходитъ къ нему на цѣпоч-кѣхъ, и опускаясь на колыни, про себя:*) Ишь, куда откатился! Ступай-ка къ братцамъ въ печурку (*прячетъ въ ротъ*).

Нестеровъ. Да ты уйдешь?

Стелька (*подымаясь съ колынь*). Сейчасъ. (*Про себя:*). Ишь, равкнулъ какъ: со страху чуть-было одного не про-глотнулъ. Охъ, а еще баринъ! (*ушелъ*.)

## ЯВЛЕНІЕ II.

Нестеровъ (одинъ).

И это жизнь!... О! какъ живу... Картѣжъ,  
Бездѣльная компанія, попойки!...  
Таковъ ли прежде былъ я? — Книга  
Моей любимицей была; за нею,  
Бывало, не видалъ какъ день пройдетъ....

*(Помолчавъ, встаетъ и начинаетъ  
ходить взадъ и впередъ.)*

Нѣтъ, я съума схожу! Не въ силахъ больше  
Что на яву случалось отличить  
Отъ соннаго мечтанья.... И теперь-вотъ  
Все кажется: намелви, на пирушкѣ,  
Я про княжну сболтнулъ.... Иль я вздремнулъ тамъ?  
Да, точно, я заснулъ.... Еще будили  
Какъ къ ужину идти.... Иль нѣтъ, не спалъ!..

*(Пройдясь еще, садится и задумъ  
вается.)*

О, Господи!... А князь Иванъ не идетъ,  
И не придетъ. Что жъ я тогда?... Пойду,  
Скажу ему.... Нѣтъ, вздоръ!... Охъ, все-то вздоръ!...  
Постой, постой!... О чемъ-то мнѣ хотѣлось  
Какъ только въ комнату вошелъ, припомнить....  
Да! пѣсня.... Пьяный пѣсю пѣлъ.... И въ ней,  
И въ пѣснѣ.... Да! какая-то княгиня  
Камеръ-лакея полюбила, вишь.  
Съ чего, не знаю самъ, но мнѣ пришло  
Что про меня сложили эту пѣсню...  
А что жъ ему-то было? Гм. Должно-быть  
Повѣсили иль голову срубили!..

*(Помолчавъ, порывисто вскакиваетъ)*

О, Господи! хотя бы смерть скорѣе!  
А то тоска, тоска, еще тоска!..

## ЯВЛЕНИЕ III.

НЕСТЕРОВЪ; КНЯЗЬ ИВАНЪ АЛЕКСѢВИЧЪ, въ плащѣ и шапкѣ  
которыхъ не смыкаетъ до конца сцены.

Князь Иванъ *(за сценой)*.

Здѣсь Нестеровъ?

Нестеровъ *(быстро идетъ и толкаетъ дверь)*.

Я Нестеровъ. Войдите.

Князь Иванъ *(вошелъ)*.

Ты самый тотъ что батюшкой моимъ  
Былъ въ Питербурхъ посыланъ съ порученьемъ?

Нестеровъ.

Такъ точно, ваша свѣтлость.

Князь Иванъ.

*Ты писалъ ко мнѣ,*

И многократно, будто бы мнѣ дѣло  
Великой тайности открыть имѣешь?

Нестеровъ.

Такъ точно, ваша свѣтлость.

Князь Иванъ *(переходя къ стулу)*.

Что за дѣло?

Ты во вчерашнемъ прибавлялъ что если  
Я тамъ не приду, то поздно будетъ....

Нестеровъ.

Такъ точно, ваша свѣтлость.

Князь Иванъ *(садясь)*.

Говори,

Но краткоъ будь.

Нестеровъ *(съ усиленною ясностью  
и растановкой)*.

Четвертаго числа,

Въ восьмомъ часу утра, я находился  
На вашей половинѣ во дворцѣ....

Князь Иванъ.  
Ну?

Нестеровъ *(какъ выше)*.

Въ комнатѣ я былъ какъ ваша свѣтлость  
Изволили войти.

Князь Иванъ.

Да говори же.

Нестеровъ *(какъ выше)*.

Вы не изволите-ль теперь припомнить  
Что проходя къ себѣ, вы обернулись  
И этакъ вотъ, черезъ плечо, надменно  
И глядя прямо мнѣ въ лицо, холопу  
Изволили вскричать: „вошь эту шваль!“

Князь Иванъ.

Не помню. Можетъ-быть. Но дѣло, дѣло...

Нестеровъ *(твердо, скрывая волненіе)*.

Извольте же сейчасъ за эту дерзость  
Просить прощенья у меня...

Князь Иванъ *(вставая)*.

Негодный!...

По должности твоей не могъ не знать ты  
Что государь оласно заболѣлъ...

Нестеровъ.

Да, ослою. Въ морозъ крещенскій  
Стоялъ, въ одномъ кафтанѣ, на заплатахъ....

Князь Иванъ.

Молчи. Ты зналъ что при его особѣ  
Я неотступно долженъ находиться,  
И смѣлъ меня, подъ видомъ важной тайны,  
Изъ-за такихъ бездѣльныхъ пустяковъ?...

Нестеровъ *(вынимая изъ ноженъ шпагу)*.

Готовься къ поединку.



Князь Иванъ.

Плутъ негодный!

Нестеровъ.

Самъ будешь таковымъ, хоть князь, когда  
За оскорбленье чести...

Князь Иванъ.

Честа, чести!...

Нестеровъ.

Послушай, князь: нашъ родъ — старинный родъ,  
Въ Смоленскомъ княжествѣ издавна славный,  
Шляхетный родъ....

Князь Иванъ.

Пошелъ съ своимъ ты родомъ!

Даль, трости я съ собой не захватилъ....

Нестеровъ (*весь блѣдный и дрожа  
встѣмъ тѣломъ, близко  
подходитъ къ князю*).

А! такъ-то ты! ты такъ! Не князь, мерзавецъ!

(*Бросаетъ шпагу назадъ отъ себя*).

Нѣтъ, шпаги не достоинъ ты... И знай

Что задушилъ бы я тебя, не будь

Моимъ ты гостемъ, а теперь, теперь...

(*Переходя нальво и становясь въ позу:*)

Вонъ, шваль, отсюда! Вонъ, сейчасъ!

Князь Иванъ.

Эй, люди!

Нестеровъ.

А! струсилъ.

Князь Иванъ.

И хотѣлъ позвать

Чтобъ приказать тебя поставить въ кнуты!...

А что не трусь я, — получи въ задатокъ...

(*Подожелъ и далъ ему пощечину.*)

Нестеровъ (*сперва ошеломленъ, по-  
томъ бросаясь на князя*).

А! такъ-то ты!...

Князь Иванъ *(отступивъ, обна-  
жилъ шпагу).*

Не подходи, убью!

Нестеровъ.

И шпаги нѣтъ при мнѣ!.. И мстить не въ силахъ!..  
О, Господи!.. Такъ знайте, ваша свѣтлость,  
Что я могу на вѣки погубить  
И васъ, и весь вашъ родъ проклятый — словомъ,  
Единымъ словомъ....

*(Снова хочетъ броситься на князя, тотъ  
подставляетъ шпагу.)*

Знай, твоя сестра,

Невѣста государева, меня  
Любила тайно....

Князь Иванъ.

Ты съ ума сошелъ!

Нестеровъ.

Спроси ее.

Князь Иванъ.

Спрошу. А ты, негодный,  
Отъ казни не уйдешь!.. *(Быстро уходитъ.)*

#### ЯВЛЕНІЕ IV.

Нестеровъ *(одинъ).*

О, Боже, Боже!

Что сдѣлалъ я? Что сдѣлалъ? Извергъ! извергъ  
Названья человека не достойный!..  
Ту дѣвушку которую любилъ ты,  
Кому недавно, въ гордомъ самомнѣньи,  
Ты вѣчное молчанье обѣщалъ!..  
Скорѣй за нимъ. Еще, дастъ Богъ, успѣю....

*(Быстро убѣгаетъ безъ плаща и шляпы.)*

*(Живая перемѣна.)*

## СЦЕНА ВТОРАЯ.

Имѣта въ Головинскомъ дворцѣ. Одни только двери, въ задней стѣнѣ. Направо, на первомъ планѣ, отступя отъ стѣны, бокомъ къ зрителю, стоить крытый краснымъ или зеленымъ сукномъ, обшитымъ вънизу золотымъ галуномъ съ кистями. На стоѣ все нужное для вечера и зажемыя свѣчи въ двухъ большихъ канделябрахъ; вокругъ стола четыре бархатныхъ стула съ высокими спинками. Направо, на первомъ планѣ, кресло. Остальная мебель ad libitum.

## ЯВЛЕНІЕ V.

Входятъ: КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ, КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ЛУКИЧЪ, ФЕЛЬДМАРШАЛЪ.

Князь Алексѣй (*входя*). Здѣсь, вѣрнѣе мнѣ, скрытнѣе. И дверь одна, да и въ ту черезъ корридоръ ходъ, а въ концѣ Арстархъ поставленъ. Никого, окромѣ князь Ивана, до насъ не допустить.

Фельдмаршалъ. О какой тайности говорить сюда звать?

Князь Василій Лукичъ (*занимая стулъ у стѣны*). А вотъ садись, братъ князь Василій Владиміровичъ, тотчасъ услышишь.

Фельдмаршалъ. Сѣлъ ужь (*садится у дальняго отъ зрителя конца стола; князь Алексѣй противъ князь Василіи Лукича*).

Князь Василій Лукичъ (*помолчавъ*). Государева такая болѣзнь и врачей за жизнь его опасеніе — сегодня Биометроста видѣлъ: „конечно, сказалъ, живъ не будетъ“ — нѣтъ вѣрныхъ подданныхъ, а особливо насъ, людей верховныхъ, крушить и заставляетъ опасаться за будущность. Того для мы, обще съ князь Алексѣй Григорычемъ, рѣшили тобы сперва намъ втроемъ келейно потолковать, а на чемъ стоимъ, послѣ о томъ объявить прочимъ нашей фамиліи членамъ.

Фельдмаршалъ. О чемъ толковать-то?

Князь Алексѣй. Надобно наследника выбирать.

Фельдмаршалъ. Да дайте, — коли такова ужь воля Господня, — душѣ-то государевой съ миромъ отойти, тогда и толкуйте. Отыметъ его Вседержитель, соборъ соберемъ и кого Господь на душу положитъ, того и наследникомъ поставимъ. Прямыхъ же наследниковъ довольно.

Князь Василій Лукичъ. То-то что довольно. Не безъ партій будетъ.

Фельдмаршалъ. Знамо не безъ партій. Не вы одни затѣваете. У князь Дмитрій Михайлыча Голицына, — подсылаю ужь ко мнѣ, — свои затѣи есть.

Князь Василій Лукичъ. Тѣмъ больше намъ готовымъ быть слѣдуетъ. Скажи-ка вотъ: ты на кого думаешь?

Фельдмаршалъ. Отвѣтилъ ужь: рѣшимъ на соборѣ.

Князь Алексѣй. А я мыслю (*указывая на потолокъ*) вотъ кому наследовать.

Фельдмаршалъ. Чтò ты вверхъ указалъ? Чтò тѣмъ сказать хотѣлъ?

Князь Алексѣй. Тому, разумѣлъ, наследовать кто и веру живеть: Катеринѣ.

Фельдмаршалъ (*приподымаясь*). Катеринѣ?

Князь Василій Лукичъ. Да, ей.

Фельдмаршалъ (*идетъ направо*). Катеринѣ? Да она то кто?

Князь Алексѣй (*тоже всталъ*). Невѣста государева обрученная.

Фельдмаршалъ. Неслыханное вы дѣло затѣваете! Какъ можно обрученной невѣстѣ быть Россійскаго престола наследницею? Кто захочетъ ея подданнымъ быть? Не только посторонніе, но я и прочіе фамиліи нашей члены, — никто и подданнымъ у нея быть не захочетъ. Княжна Катерина государемъ не вѣнчалась.

Князь Алексѣй. Хотя не вѣнчалась, все одно: обручалась.

Фельдмаршалъ. Вѣнчаніе иное, а обрученіе иное. Да и ея клятвы и въ супружествѣ за государемъ была, и тогда безъ сомнѣнія было бѣ. Да и говорить нечего. Пустое.

(*Отходитъ отъ нихъ въ сторону. Князь Алексѣй садится на прежнее мѣсто и обмѣнивается съ князь Василіемъ Лукичемъ нѣсколькими словами шепотомъ.*)

Князь Василій Лукичъ. Садись, князь Василій Дмитричъ, выслушай сперва.

Фельдмаршалъ (*подходя*). И сидя то жь повторю (*сѣлъ*).

Князь Василій Лукичъ. А вотъ посмотримъ. (*Достала и развертывая письмо*;) Послушай-ка что датскій министръ ко мнѣ пишетъ. (*Читаетъ*;) „Слухи носятъ что его величество весьма боленъ, и если престолъ Россійскій достается Гошштейнскому принцу, то Датскому нашему королевству съ Россіей дружбы имѣть нельзя. Обрученная невеста изъ вашей фамиліи и можно удержать престолъ за насъ, какъ прежде Меншиковъ и Толстой удержали за покойною императрицею Екатериною Алексѣевною. По знатности вашей фамиліи вамъ это сдѣлать можно; притомъ же вы больше силы и права имѣете.“ Вотъ видишь какъ иностранцы на дѣло смотрять.

Фельдмаршалъ. Первое, иностранцы намъ не указъ, второе, еслибъ не только датскій, но и цесарскій и цивильный не безъ сомнѣнія—согласны будутъ, да наши не согласятся, то ничего не сдѣлаете.

Князь Василій Лукичъ. Да наши-то кто?

Фельдмаршалъ. Да вотъ сказывалъ сейчасъ я вамъ про князь Дмитрій Михайловича, да заламятовали видно; вотъ, говорю, затѣи у него.

Князь Василій Лукичъ. Овъ кого же?

Фельдмаршалъ. Кого, говорить, ни изберете, все равно, а только, воля ваша, полегчить намъ себя надо.

Князь Василій Лукичъ. Въ какомъ смыслѣ?

Фельдмаршалъ. А въ такомъ же. Воли себѣ прибавить. Самодержавію не быть, а править намъ, людямъ старшимъ и вельможнымъ. Не по фавору, а по роду. Понялъ?

Князь Василій Лукичъ. Тò дѣло важное; разсудить должно.

Князь Алексѣй. Одначе и при Катеринѣ можно то устроить.

Фельдмаршалъ (*опять вскочилъ*). Опять свое! Аль величество, духовенство, народъ весь забылъ?

Князь Василій Лукичъ. А завѣщаніе будетъ?

Фельдмаршалъ. Будетъ ли?

Князь Алексѣй. Не сомнѣвайся, будетъ.

Фельдмаршалъ. А и будетъ, никто ему вѣрить не ста-

нетъ. Въ безпачетствѣ, скажутъ, государь писалъ. Мертвде рукой водили.

Князь Василій Лукичъ. Оставь ты хоть на время свою горячность-то. Присядь, услокойся (*фельдмаршасадится*). Коли мы этакъ другъ противъ друга идти будем конечно ничего не сдѣлаемъ.

Фельдмаршалъ. Чтò жь, маѣ ужь и слова сказать влзя!

Князь Василій Лукичъ. Вотъ ты, братъ Васил Володимировичъ, про шляхетство и прочихъ помянулъ: ко за нами сила будетъ, и они, вѣрь, прекословить не посмѣютъ.

Князь Алексѣй. А гвардія наша?

Князь Василій Лукичъ. Правда. Ты въ Преображенскомъ полку полковникъ, а князь Иванъ майоръ.

Князь Алексѣй. И въ Семеновскомъ спору не будешь?

Фельдмаршалъ (*опять вскакиваетъ*). Чтò вы ребята врете! Да стану я объ этомъ говорить, меня не только бранить, убьютъ. Костей мы съ князь Иваномъ соберемъ. Видно, уйти маѣ отъ васъ вовсе (*отошелъ въ сторону*).

Князь Алексѣй. (*тихо, черезъ столъ князь Василукичу*). Отпустить ли?

Князь Василій Лукичъ (*тихо же*). Отпусти. И остынетъ, согласенъ будетъ.

Фельдмаршалъ. Ну, прощайте.

Князь Василій Лукичъ. Прощай, братъ князь Василій Володимировичъ; только вотъ чтò маѣ на прощаніе отвѣтствуй: неужто жь, когда всѣ согласны будутъ, одинъ противъ всѣхъ пойдешь?

Фельдмаршалъ. Одинъ и у ками не споръ. Всѣ согласятся, и я отъ міра не прочь. Только никогда вы всѣ на согласье не приведете. На во вѣки вѣковъ. И амианъ.

(*Идутъ къ двери и встрѣчаютъ съ входящимъ князь Иванъ Алексѣевичемъ*).

## ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же; КНЯЗЬ ИВАНЪ АЛЕКСѢВИЧЪ.

Фельдмаршалъ. А! племянникъ пожаловалъ.

Князь Иванъ. А вы, дядюшка, развѣ уходите?

Фельдмаршалъ. Ухожу. И тебѣ мой совѣтъ: уходи и  
«Блаженъ мужъ», помнишь?

Князь Алексѣй. Чтѣ ты сына-то отъ отца отводишь?

Фельдмаршалъ. Не отвожу. Чай своя у него голова  
сидѣть есть,—разсудить. А хочешь меня, князь Иванъ,  
судить: не приступай. Къ нимъ, говорю, не приступай.  
И будетъ. Впрочемъ прощай.

*(Цѣлуетъ князь Ивана въ голову  
и уходитъ).*

## ЯВЛЕНІЕ VII.

Князь Иванъ подходитъ и ста-  
новится за стуломъ гдѣ тотъ сидѣлъ.

Князь Иванъ *(подходя)*.

Что это съ дядюшкой?

Князь Василій Лукичъ.

Самъ, чаю, знаешь

это месосный и стролтивный нравъ.

Чуть слово не по немъ,—вспылалъ, и радъ

разрушить все.... И рѣчь-то не о дѣлѣ,

а достороннемъ шла.

Князь Алексѣй *(сыну)*.

Чтѣ государь?

Князь Иванъ.

И съ часъ назадъ его оставилъ. Онъ уснулъ

и своимъ, какъ надо думать, укрѣпится

и къ утру легче станетъ.

Князь Василій Лукичъ.

Станетъ лучше,—

наибезъ отпоемъ. Но все же намъ

своей заботы оставлять не должно.

Готово завѣщанье. Вотъ, возьми *(подаетъ бумагу)*.

Князь Иванъ *(не двигаясь съ мѣ-  
ста)*.

Позвольте, дядюшка...

Князь Алексѣй (сыну, строго).

Безъ разговоръ.

Упорствовать не время. И не смѣй  
Безъ подписи являться. Богъ свидѣтель,  
Я прокляну тебя. Ступай же. Ну?

Князь Иванъ.

Сейчасъ... Сестра... Ну, словомъ, Катерина  
Наслѣдовать корону недостойна.

Князь Алексѣй (встаетъ).

Ка-акъ!... Отцовское проклятье  
Тебѣ ничто?...

Князь Василиій Лукичъ.

Псстой, братъ Алексѣй...

Пускай причину скажетъ.

Князь Алексѣй (сыну).

Говори.

Князь Иванъ.

Но, батюшка, кто назоветъ достойной  
Ту дѣвушку, не говорю княжну,  
Но самого что есть простаго званья,  
Которая такому жъ жениху,  
Съ нимъ обручась и вѣрность обѣщая...  
Другаго тайно и постыдно любить?  
Княжна же Катерина...

Князь Алексѣй.

Замолчи.

Помысли только: на кого клеветать!

Князь Иванъ (твердо).

Не клевета, а правда.

Князь Василиій Лукичъ.

Кто сказалъ?

Князь Иванъ.

А самый тотъ кого она любила..



Князь Василій Лукичъ.

Но какъ же? Прямо что ль пришелъ къ тебѣ  
И объявилъ, молъ мнѣ твоя сестра,  
Евѣстой будучи, въ любви открылась?... .

Князь Иванъ.

Сейчасъ лишь у него я былъ...  
Не по сему, а по иному дѣлу...  
Его постороннее... И онъ  
Довольно, мною оскорбленный, крикнулъ...

Князь Василій Лукичъ.

А ты и вѣришь!.. Мало ли что въ злобѣ  
Не на другихъ, на самого себя...

Князь Иванъ.

Тота и въ злобѣ онъ, но правду крикнулъ...  
Тотъ батюшка его довольно знаетъ...

Князь Алексѣй.

Кого?

Князь Иванъ.

Тотъ—Нестеровъ, кавалергардъ.

Князь Алексѣй.

Тотъ самый Нестеровъ что усылалъ я?

Князь Иванъ.

Тотъ самый.

Князь Алексѣй (*схватившись руками за голову и переходя направо, самъ съ собой*).

Господи мой Боже!.. Ояз!..

Тогда же сердце чуяло... О-о!..

(*Сльзъ, закрывъ лицо руками.*)

Князь Иванъ (*дмдъ, указывая на отца*).

Вы видите...

Князь Василій Лукичъ.

Одно пока я вижу:

Что твой отецъ безмѣрно оскорбленъ. —

О клеветѣ, злодѣя отыскавъ,

Разъищемъ мы... Ты не убилъ его?

Князь Иванъ.

Не тронулъ.

Князь Василій Лукичъ.

• Мало же сестру ты любишь!..

Князь Иванъ (*измѣряя дядю съ  
долъ съ головы  
ногъ*).

А, дядюшка!... Такъ таково-то

У васъ намѣренье.

Князь Василій Лукичъ (*вспыхнувъ*).

Какъ смѣешь ты

Столь дерзко на меня смотрѣть? Мальчишка!..

Иль смѣешь думать?.. Эхъ, Иванъ, Иванъ,

Недоброе ты мыслишь про сестру!..

Покоюнъ будь,—окажется виновной

Самъ завѣщанье разорву.

Князь Иванъ (*съ тѣмъ же  
долъ*).

А! разорвете...

(*Быстро повернувшись уходитъ.*)

### ЯВЛЕНІЕ VIII.

КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ЛУКИЧЪ и КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ ГРИГО  
ВИЧЪ, потомъ АРИСТАРХЪ. Князь Алексѣй усамхавъ что  
чаша, подымаетъ голову и убѣдись что сына нѣтъ, встаетъ и  
къ двери. Князь Василій Лукичъ быстро подходитъ къ мѣ

Князь Алексѣй.

Ушелъ Иванъ?.. Эй, Аристархъ! Сюда!

Князь Василій Лукичъ.

Одумайся. Чтò хочешь дѣлать ты?

Князь Алексѣй.

Чтò? Допросить, увѣриться хочу я..

Князь Василій Лукичъ.

И не боишься ложнымъ подозрѣваемъ

Родную дочь убить?

Князь Алексѣй.

Эхъ, братъ Василій!..

Иль ты отцовскихъ чувствъ понять не можешь?

Видь я отецъ ей... Аристархъ!.. Отецъ!..

Могу ли часъ одинъ, одно мгновенье

Въ сомнѣннн жить? Эй, Аристархъ! Живѣй!

Аристархъ *(въ дверяхъ)*.

Что прикажете, ваша свѣтлость?

Князь Алексѣй.

Зови сюда скорѣ Катерину.

Князь Василій Лукичъ.

Бать-можетъ спить...

Князь Алексѣй.

Гдѣ спать теперь.

И не ложилаcь: при-смерти женихъ. *(Аристарху:)*

Ступай же, чтобъ сейчасъ, сію минуту.

Аристархъ.

Слушаю, ваша свѣтлость.

*(Ушелъ)*.

## ЯВЛЕНІЕ ІХ.

КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ЛУКИЧЪ, КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

Оба идутъ къ авансценѣ.

Князь Василій Лукичъ.

Напрасно, братъ, напрасно. Впрочемъ, гибель

Еще возможность есть предотвратить.

Князь Алексѣй.

Какъ? чѣмъ?

Князь Василій Лукичъ.

А вотъ войдетъ, скажи ей

Что звалъ сказать... что государю лучше...

Князь Алексѣй.

Эхъ, князь Василій!..

Князь Василій Лукичъ.

Пусть она виновна,

Хоть я не перестану сомнѣваться

Пока вина не будетъ очевидна...

Но все же, согласись, не предъ тобой

Она отвѣтственна.

Князь Алексѣй.

Не предо мной?

Не предъ отцомъ? Предъ кѣмъ же?..

Князь Василій Лукичъ.

Передъ Богомъ.

А на землѣ предъ женихомъ своимъ.

Но тотъ предъ кѣмъ—замѣть: не есть, а можетъ

Виновной оказаться,—умираетъ.

*(Движеніе князь Алексѣя.)*

Дай досказать. Подумай что всегда

Предъ высшимъ надо забывать о низшемъ.

Не мы ей судьи; ихъ Господь расудитъ.

И помни что она—надежда наша,

И если мы допустимъ, князь Иванъ...

*(Новое движеніе князь Алексѣя.)*

Я понимаю что сказать ты хочешь:

Что горячусь напрасно, что невинна...

Князь Алексѣй.

Ну, что бы ни было, а все жь спрошу.

Князь Василій Лукичъ *(отходя на сцену)*

*прежнее мнѣ*

*сто за стѣною*

*ломъ.)*

Эхъ, Алексѣй!.. Не плакаться бѣ потомъ!..

*(Слѣзъ и заслонился канделябромъ.)*

## ЯВЛЕНИЕ X.

Тѣ же: КНЯЖНА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢВНА. Едва заслышавъ ее  
голосъ, князь Алексѣй идетъ къ ней и схватываетъ за руку, почти тащитъ  
въ заласкъ. Князь Василій Лукичъ, будто оставался безучастнымъ  
зрителемъ, все время зорко слѣдитъ за отцомъ и дочерью.

Княжна Екатерина (*въ дверяхъ*).

Вы, батюшка...

Князь Алексѣй.

А, это ты! Сюда!

И на колѣни предъ отцомъ пади,

И на колѣняхъ стои, со слезами,

Во всѣхъ дѣлахъ твоихъ негодныхъ кайся!

Княжна Екатерина (*про себя*).

О, Боже!

Князь Алексѣй.

Не притворствуй! Отвѣчай!

И помни: не чужому отвѣчаешь,

Передъ отцомъ стоишь.—Какъ ты посмѣла

Невѣстой будучи—и чьей невѣстой!..

Княжна Екатерина.

А! понимаю я кто ищетъ

Моей погубели. Тò князь Иванъ съ невѣстой.

Князь Алексѣй.

Невиновныхъ не вини. А совѣсть, совѣсть

Ты допроси свою. Она тебѣ

Все, дочка, скажетъ... Нестерова знаешь?

Княжна Екатерина.

Но батюшка, съ тѣхъ поръ какъ я невѣстой,

Вы сами знаете, могла ли я,

Хотя украдкой, Нестерова видѣть?

И если кто посмѣлъ...

Князь Алексѣй.

Но раньше, раньше!..

А! замолчала. Отымѣлъ языкъ,

И слово живое мертво предъ правдой!..

(*Нѣжно, почти умоляя*.)

Что жь ты молчишь? Оправдывай себя.  
Себѣ въ защиту хоть словечко молви.

Княжна Екатерина *(съ мертвенной  
холодностью)*.

Не бойтесь, батюшка. Позора вамъ я  
Не принесу. Я долгъ свой знаю. Ядъ,  
Иная ль смерть,—но къ завтрашнему утру  
Жива не буду.

Князь Алексѣй *(въ испугъ за нея)*.

Господи помилуй!

Что ты, безумная! Перекрестись.

## ЯВЛЕНИЕ XI.

Тѣ же; НЕСТЕРОВЪ, въ страшномъ разстройствѣ.

Нестеровъ *(за сценой)*.

Отъ государя! Прочь!

Князь Алексѣй.

Какое горе

Еще шумитъ на голову сѣдую?

*(Нестеровъ вошелъ.)*

А! это ты, разбойникъ! Погубитель!

Убійца, негодяй!

Нестеровъ *(сдѣлавъ нѣсколько шаговъ  
отъ двери сталъ  
на колыни)*.

Свѣтлѣйшій князь!

Я вашу дочь безчестно оболгалъ

И голову ловианую принесъ...

Княжна Екатерина *(Нестерову)*.

Немного опоздалъ: всего минуточку.

Князь Алексѣй *(спѣшно отводя ее)*.

Молчи, молчи! Молчи ты, Христа ради!

Нестеровъ *(про себя, ломая руки)*.

Минуточку! Господи! Всего минуточку!

Князь Алексѣй *(ему)*.

Тебя же...

Князь Василій Лукичъ *(оставая, прерываетъ его)*.

Братъ! Князь Алексѣй Григоричъ!

За дочерью скорѣе пригляди:

Едва жива стоитъ. А съ нимъ и я

Управляюся.

Князь Алексѣй *(бросился къ дочери)*.

Господи силы!

Вся помертвѣла. Руки словно ледъ.

*(Ведетъ и сажаетъ ее въ кресло направо.)*

Нестеровъ *(съ движеніемъ)*.

Что съ нею? Обморокъ?..

Князь Алексѣй.

Прочь! прочь поди!

Князь Василій Лукичъ *(повелительно)*.

Ты, Нестеровъ, поди ко мнѣ.

*(Нестеровъ повинуется, и дальѣ, кромя особо обозначенныхъ, его движенія согласуются съ репликами князь Василія; при особо рѣзкихъ выраженіяхъ послѣдняго, Нестеровъ вздрагивая скидываетъ на него глазами, но встрѣчая его холодный и упорный взглядъ, повинуется.)*

Князь Алексѣй *(около дочери)*.

О, Боже!

Ужели не очнется?... Эй, воды!...

Эй, спарту!... Аристархъ.... Воды!

*(Уходитъ почти бѣгомъ. Нестеровъ съ готомъ броситься на помощь.)*

Князь Василій Лукичъ *(уловивъ движеніе Нестерова)*.

Сядися.

Сознавшись устро въ клеветѣ, теперъ

Сознайся лисьменно *(подаетъ ему бумагу и перо)*.

Возьми. Пиши. *(Диктуетъ:)*

„Самъ объявляю что по доброй волѣ,  
Безъ принужденья, чьей-нибудь угрозы  
И не страшася мести, сознаюсь...“

*(Князь Алексѣй возвращается со стѣпной и водой, и начинаетъ приводить дочь въ чувство.)*

Князь Василій Лукичъ *(говоритъ)*.  
Ты вѣдь готовъ подъ пыткой подтвердить?

Нестеровъ *(твердо)*.  
Готовъ, и вынесу.

Князь Василій Лукичъ.  
Пиши же далѣ:  
„Что и готовъ подъ пыткой подтвердить...  
Что я по гнусности моей и злобѣ,  
Оклеветалъ княжну Екатерину...“

Князь Алексѣй *(около дочери)*.  
Ну слава Богу! Глазыньки открыла...

Князь Василій Лукичъ.  
„Невѣсту государеву.“

Нестеровъ *(написавъ и съ движеньемъ, какъ бы готовъ броситься къ княжнѣ)*.

Довольно-ль?

Князь Василій Лукичъ.  
Постой. Вѣдь ты повздорилъ съ князь Иваномъ?

Нестеровъ.  
Да, ссора вышла.

Князь Василій Лукичъ.  
Такъ прибавь: „боюсь  
Что князь Иванъ за дерзости мои...“  
Что жь бросилъ ты перо?... Пиши: „Боюсь  
Что князь Иванъ за дерзости мои,  
Чего весьма достойнъ былъ, накажетъ...“

Нестеровъ *(съ горечью)*.  
Теперь довольно ль?



Князь Василій Лукичъ.

Подпиши. Подай. *(Взявъ и просматривая бумагу.)*

И помни, еслибы въ моемъ дому  
Ты былъ,—то живъ не вышелъ бы. И—возвѣ!!..

Нестеровъ *(отсѣдя, про себя).*

Все, все терли. И не того достоинъ.

Князь Алексѣй *(какъ выше).*

Вотъ и дыханье поровнѣ стало.

Нестеровъ *(съ радостнымъ движеніемъ).*

Опомнилась?

Князь Алексѣй *(ему).*

Не подходи ты къ ней!

Иль снова хочешь отравить ее  
Возможной клеветой?

Нестеровъ *(умягченнымъ голосомъ).*

О, ваша свѣтлость!

Зачѣмъ кричите вы? Вѣдь ваша брань  
Въ отраду мнѣ. Желаете ли вы  
Меня унижить, оскорбить,—то знайте:  
Что ваша ласка разорветъ мнѣ сердце,  
И ваша тихая слеза убьетъ.

*(За сценой слышны рыданья; князь Василій быстро идетъ къ дверямъ, открываетъ ихъ и вводитъ князь Ивана.)*

## ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ же; КНЯЗЬ ИВАНЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ.

Князь Василій Лукичъ.

Да гсвора жь! Что сталося?

Князь Иванъ.

Не стало,

Не стало друга моего. Россія  
Второго императора лишилась.

*(Общее движеніе; задержанный вскрикъ).*

Промолвилъ только: „поскорѣй маѣ сани,  
Къ сестрѣ хочу поѣхать“, и скончался.

Княжна Екатерина.

О, батюшка!... Судьба: какъ разъ въ тотъ день,  
Какъ подѣ вѣнецъ идти.

Князь Алексѣй.

Охъ, Катя, Катя!

Катюшенька, Катюшечка моя!...

*(Становится предъ нею на колѣни и  
принимаетъ ее въ объятія.)*

Князь Василий Лукичъ *(князь Ивану)*.

Твоя сестра невинна. Клеветникъ

Сознался письменно. И ты обязанъ

Свою вину предъ нею искупить.

Вотъ завѣщанье. Ты его подпишешь.

Отъ государевой руки—твоей

Никто не сможетъ отличить: двѣ капли.

*(Приглашаетъ его движеніемъ идти къ  
столу. Князь Иванъ механически дѣ-  
лаетъ шагъ впередъ. Картина.)*

*(Занавѣсъ).*

## ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

(Апрѣль 1730)

Въ Горенкахъ, подмосковной князь Алексѣя. Трое дверей: лѣвая,  
задняя и правая.

### ЯВЛЕНІЕ I.

КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ, направо, КНЯЖНА ЕЛЕНА  
АЛЕКСѢВНА и КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСѢВИЧЪ, лѣво,  
сидятъ въ креслахъ. Немного погода, справа входитъ КНЯГИНЯ  
ПРАСКОВЬЯ ЮРЬВНА. Всѣ одѣты парадно.

Княгиня Прасковья *(входя)*. Все готово. Что жъ,  
князь мой, не перейти ли намъ туда?

Князь Алексѣй (*всталъ на стрѣчу жены*). Охъ ты, милоушка моя. Дай-ка вотъ ручку за хлопоты твои поцѣлуй, да садись-ка, княгинюшка моя (*цѣлуетъ руку и садится возлѣ себя*). Вотъ разрушенную нашу подождемъ, да выйдемъ всѣ вмѣстѣ.

Княгиня Прасковья. Это ты Катерину разрушенной прозвалъ?

Князь Алексѣй. Не я, въ народѣ зовутъ. Еще какъ въ скорости по смерти государевой, вѣдали мы съ ней и въ толпу попали. „Гляди, говорятъ слышимъ, невѣсту разрушенную везутъ.“

Княгиня Прасковья (*грустно*). Да!... (*спохватясь*). Выдетъ сейчасъ: одѣвается.

Княжна Елена (*точно ее укусила кто*). Одѣвается?

Князь Алексѣй (*ей*). Чтѣ съ тобою? Аль муха укусила? Такъ въ апрѣлѣ, кажись-бы, рано...

Княжна Елена. Вовсе не муха! Съ чего вы это взяли?... А только весьма удивлена буду если сестра цвѣтное платье надѣнетъ.

Князь Алексѣй. Чему-жь дивиться? Братъ, не чужой, женился.

Княжна Елена. И братецъ-то глупости затѣваетъ: въ мѣсяцъ трауръ, у сестры женихъ трехъ мѣсяцовъ нѣтъ какъ умеръ, а онъ—вѣнчаться!...

Князь Алексѣй. Молчи.—Эхъ, княгинюшка моя, не такъ бы свадьбу затѣвалъ кабы... И то: кого звать-то? Разсѣлась, врозь глядитъ вся наша фамилія. Другъ друга видѣть опасаемся, того гляди: „опять де затѣваютъ,“ заворчатъ. Ого-го-го! тяжелое времячко. Сердце держи покорливо, голову носи покорливо. (*Встряхнувшись, князь идетъ Еленѣ*.) Ну ты, вездѣсудка, всезнайка, скажи-ка гдѣ князь Иванъ?

Княжна Елена (*указавъ на заднія двери*). Тутъ вотъ, въ боковомъ крыльцѣ, стоятъ...

Князь Алексѣй. Чтѣ тамъ дѣлаетъ?

Княжна Елена. Почему я знаю? Должно-быть невѣсту выглядываетъ, не вѣдетъ ли; только напрасно, думаю.

Князь Алексѣй. Это еще почему?

Княжна Елена. Конечно, лаленька, не прійдетъ она. Ого! теперь за него; тогда иное дѣло, фаворитъ былъ.

А теперь... да и родные не пустятъ.

Князь Алексѣй. Экой языкъ у тебя!

Княжна Елена (*вскочивъ*). Ахъ, маменька! знаете я теперь даже рада что вы мнѣ не позволили въ черномъ платьѣ остаться. Вотъ чудесно-то будетъ: всѣ мы разрядились, все ждемъ, а невѣсты-то нѣтъ какъ нѣтъ!..

Князь Алексѣй (*строго*). Слово еще лжешь, вон вышлаю.

(Княжна Елена садится на свое мѣсто)

## ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же; сѣва: КНЯЖНА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢВНА.

Князь Алексѣй (*указывая женѣ на входящую дочь*). Вотъ она моя голубушка... Головка опущена, глазыньки потуплены... (*встаетъ и идетъ ей на встрѣчу*).

Княжна Елена (*вскочивъ, юркнула предъ отцомъ и добѣжавъ до сестры, всплескивая на нее руками*). Какова? въ цвѣтномъ!

Князь Алексѣй (*на княжну Елену*). Вонъ! (*Та вскрикиваетъ и убѣгаетъ направо; онъ подходитъ къ старшей дочери, ведетъ ее и сажаетъ подлѣ матери*). Иди, иди къ намъ, милая; садися тутъ-вотъ, подлѣ матери. (*Отходитъ немного, женѣ, любуясь дочерью*). Охъ; княгинюшка моя, сама скажи не красавица развѣ, не царицей глядишь? И была бы: злодѣи-завистники не похотѣли: царевну Анну выкрикнули. А лучше всѣхъ Голицынь съ своимъ полегченьемъ!.. Полегчить де себя да полегчить..... Вотъ и полегчили: Курляндку на шею себѣ посадили....

Княгиня Прасковья. Охъ, князь!.... Какія слова-перенесутъ еще....

Князь Алексѣй. Чего переносить: я только вирши Теофановъ маниръ слагаю. Вотъ и полегчили....

Княгиня Прасковья. Полно, полно!..

Князь Алексѣй. Ну, моихъ не хочешь, Теофановыхъ послушай. Какъ, бишь, восплѣвалъ-то онъ? (*Становится позу и декламируетъ*)

Солнце Анна возсіяло,

Черный—охъ, обмолвился—свѣтлый намъ дарсвала!

Августа-Анна  
 Богомъ въначая,  
 Ты красота,  
 Ты доброта,  
 Канальѣ Курляндцу веселіе  
 Велие!

*(При послѣднихъ стихахъ, княгиня вскакиваетъ и хочетъ броситься къ мужу; съ заднія двери: князь Иванъ.)*

### ЯВЛЕНІЕ III.

ТЪ ЖЕ; КНЯЗЬ ИВАНЪ АЛЕКСѢВИЧЪ.

Князь Алексѣй *(на движеніе жены)*. Не буду, княгинюшка, не буду.... *(Входящему сыну)*: А, Иванъ!... Что жь, мать?

Князь Иванъ. Сейчасъ. Идите же, батюшка...

Князь Алексѣй. Идемъ. Да ты-то, что жь, благословиться?

Князь Иванъ. Тотчасъ приду. Только если замѣшкаю какого, не погнѣвитесь.

Князь Алексѣй. Да что ты?... Ну, да ладно. Идемъ же, сынокъ.

*(Всѣ, кромѣ князь Ивана, уходятъ направо.)*

### ЯВЛЕНІЕ IV.

КНЯЗЬ ИВАНЪ АЛЕКСѢВИЧЪ; изъ заднихъ дверей: АННА РОДИОНОВНА, жаркая, и ГРАФИНЯ НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА, въ подвѣсчломъ платьѣ.

Князь Иванъ *(съ дверяхъ)*. Пожалуйста, сюда ложитесь.

*(Тѣ входятъ)*

Анна Родіоновна. Что-й-то, ваша свѣтлость, куда насъ завели? Не порядокъ, ей Богу-съ не порядокъ. Вамъ въ церкви насъ ждать надо..

г. схи.

8\*

Князь Иванъ. Извините ужь, Анна Родіоновна, думаетъ съ дороги оправиться захотите.

Анна Родіоновна. Развѣ что вотъ это, ваша свѣтлость. А дорога, признаться, ваша свѣтлость, адъ-дорога да и не ближняя: четырнадцать ихъ верстъ, что-ли, считаютъ. Охъ, ваша свѣтлость! ежечасно вѣдь думала что ни сама жива не доѣду, ни графинюшки своей не доведу.... Такъ оправиться приказываете?... Что жь, ваша свѣтлость, хоть оно и не порядокъ, да какъ вы приказываете, да и мы-то сами въ порядокъ....

Князь Иванъ *(тревожно)*. Чтò такое? *(Во время слѣдующей рѣчи, князь Иванъ стоитъ между невестой и Анной Родіоновной и протянувъ назадъ руку украдкой похититъ руку невесты и по временамъ быстро взглядываетъ въ ея сторону; графиня, сквозь слезы, радостно смотритъ на жениха)*.

Анна Родіоновна. Охъ, ваша свѣтлость!... Чтò у насъ на дому-то творилось! Ужь никто бы, увидѣвъ, не сказалъ что невесту сваряжаютъ; скорѣй: въ гробъ кладутъ, лоду малъ бы. Старшій-то братецъ у насъ въ ослѣ лежитъ, младшій съ недѣлю какъ изъ дому вовсе убѣжалъ; родныхъ никого, ни единого, ни-ни человѣка, — опасаются тоже, ваш свѣтлость... За всѣхъ я одна; я и мать посаженная и лоду жаве всѣ—все я-же. А я-то чтò? Я на графинюшку гляжу да плачу, а графинюшка моя сама плачетъ, и дѣвки стѣны на насъ глядя, всѣ навзрыдъ плачутъ *(отираетъ слезы)*. Охъ, ваша свѣтлость! стѣны-то дому отцовскаго и тѣ, какъ жись, плакали.... Отъ такого-то богатства да такъ выдавать! А графинюшка-то.... *(Взглянувъ на нее и всплеснувъ руками)* Мати Пресвятая Богородица! да она радостна стоитъ, улыбается... Ну, ваша свѣтлость, нельзя ужь сказать чтобъ слодой невесту выдавали... Одначе, заболталась я, ваша свѣтлость... Извольте жь, какъ приказали....

Князь Иванъ. Да, Анна Родіоновна, сдѣлайте мнѣ одолженіе: оставьте вы меня съ Наташей на минуточку.

Анна Родіоновна *(съ страшномъ изумленіи)*. Какъ ваша свѣтлость?

Князь Иванъ. Слово мнѣ ей надо сказать, важнѣе слово; послѣ, какъ разкажу вамъ, сами меня за то похвалятъ.

Анна Родіоновна. Охъ, ваша свѣтлость, да какъ же-съ! Не порядокъ, ей Богу-съ не порядокъ.

Князь Иванъ. Сдѣлайте, Анна Родіоновна, милость....

Анна Родіоновна. Охъ, ваша свѣтлость!... Да ужь коли  
мы не порядкомъ пошло, такъ.... (*Указывая на правыя двери:*)  
Сиди что ль, пройди?

Князь Иванъ (*провождая ее*). Сюда. Батюшкѣ съ матуш-  
кой скажите что сейчасъ. Боюсь не безпокоятся ли.

Анна Родіоновна. Ладно ужь, ладно. Только пройди  
зай?

Князь Иванъ. Прямо, все прямо; комнаты три пройде-  
те, и увидите.

Анна Родіоновна. Ладно ужь, ладно... А что не по-  
рядокъ, ваша свѣтлость, не порядокъ.

(*Ушла*).

## ЯВЛЕНИЕ V.

КНЯЗЬ ИВАНЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ; ГРАФИНЯ НАТАЛЬЯ БОРИ-  
СОВНА.

Графиня Наталья (*съ движеніемъ къ жениху*). Валя!  
что такое? Неспокоенъ ты, вижу; расстроенъ. Точно не радъ  
зай...

Князь Иванъ (*быстро подходя къ ней и цѣлуя ея руку*).  
Наташа, Наташа!... Добрая, хорошая моя!... Охъ, Наташа,  
много разъ начиналъ я говорить тебѣ, да не слушала ты... А  
теперь, ради Бога, ради всего святаго, выслушай ты меня...

Графиня Наталья (*тревожливо*). Что ты, Валя, что  
ты?

Князь Иванъ. Голубушка моя! Подумай только до чего  
пошло! Что Анна-то Родіоновна про сборы ваши рассказы-  
вала.. Вѣдь родные всѣ твои изъ-за меня отъ тебя отступи-  
лись... Всѣ насъ нынче, какъ чумныхъ, бѣгутъ. Вѣдь въ  
спальню, хоть еще не въ явную, въ тайную, а вѣдь не нынче,  
затра и явная придетъ... Ссылка, хуже можетъ-быть.

Графиня Наталья. Одно я, Валя, придумать только  
могу что разлюбилъ ты меня....

Князь Иванъ. Наташа, подумай, ради Бога подумай  
ника не поздно еще.

Графиня Наталья. А не разлюбилъ, такъ пожалѣй  
ты меня... Одно только подумай: какъ, отъ тебя отказавшись,  
жить буду?... Какъ наединѣ съ собой размышлять стану?...  
8°

„Какая же, скажу я себѣ,—дѣвушка ты недостойная; какъ въ фаворѣ женихъ твой была, любила его, а въ несчасты послѣдила разлюбить?“ И всечасно вѣдь, Валя, приходитъ мнѣ въ голову будетъ... Неужто жь меня не пожалѣешь?..

Князь Иванъ (*хочетъ обнять ее*). Наташа!..

Графиня Наталья (*отстраняя его, строго*). Полно Полно. О поцѣлуяхъ-ли предъ вѣнцомъ думать надо? (*Взяла его за руку и ведетъ къ правымъ дверямъ*). Пойдемъ-ка скорѣе, а то матушку съ батюшкой дожидать заставляешь грѣшно вѣдь.

(Оба ушли направо).

## ЯВЛЕНІЕ VI.

Черезъ нѣкоторое время по ихъ уходѣ, изъ заднихъ дверей НЕСТЕРОВЪ, въ простой сукна одморядкѣ съ поясомъ и въ русскихъ сапогахъ.

Нестеровъ (*одинъ*).

Сказали: свадьба... Время ли теперь?

А не теперь, когда же будетъ время?

И лучше даже... Гдѣ укрыться легче,

Въ лустомъ ли полѣ, или въ людской толпѣ?

И вотъ, я въ Гореакахъ опять!.. Но какъ?

Украдкой, воромъ, и въ какой одеждѣ....

Чтобъ въ случаѣ, какъ спросятъ, то солгать:

„Моль къ князю посланъ, и по дѣлу посланъ,

Отъ князь Василай Лукича, положимъ...“

Такимъ ли прежде я входилъ сюда?

Какъ сердце гордо билось, какъ гордо

На жизнь смотрѣлъ тогда!—Но гдѣ я?

А, помню эту комнату: отсюда,

Вотъ эти двери, ходъ къ княжнѣ.—Бывало

На цыпочкахъ и затаивъ дыханье,

Д трелеща чуть скрылнетъ половица,

Счастливыи крадся я.... Оставь мечтанье,

И пробудись для слезъ.... Идутъ.. Оля...

Ея походка.... Я ли не узнаю?



## ЯВЛЕНИЕ VII.

НЕСТЕРОВЪ; справа КНЯЖНА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢВНА. Она сидитъ въ глубокой задумчивости и не замѣчаетъ Нестерова; въ послѣдй сочувствія къ ея грусти, нѣкоторое время садится за нею глазами, не смѣя подойти.

Княжна Екатерина (*сама съ собою*).

Изъ радости не въ силахъ видѣть я... О Боже!

Иль это зависть? Нѣтъ, не зависть, нѣтъ!

Чему завидовать? Иль радость, счастье,—

Все это тысячамъ людей доступно,

И въ бѣдности, и въ самой низкой долѣ,

Повсюду гдѣ женихъ невѣсту любить....

И также рада, какъ она теперь,

Не меньше, будетъ и моя сѣнная,

Какъ подъ вѣнецъ съ возлюбленнымъ пойдетъ.

Не зависть, говорю я, нѣтъ. Иное,

Доселѣ мнѣ невѣдомое чувство:—

Какъ будто-бы душа моя больная

Вся сжалась, и тяжело ей дышать,

И жутко ей предъ чистою душою....

О, Боже!....

Нестеровъ (*подходя*).

Катерина!...

Княжна Екатерина.

Чей это голосъ?

Кто здѣсь? Кто звалъ меня? Кто ты?

Нестеровъ.

Ты не узнала?

Княжна Екатерина.

Господи!...

Нестеровъ.

Не бойся.

Княжна Екатерина.

И ты....

Нестеровъ.

Постой.—Я знаю, Катерина,  
 Въ твоей груди такъ много накопѣло  
 Что слово просится... Но удержиись....  
 Дай маѣ сперва сказать.—Я знаю  
 Что предъ тобой виновенъ, и не думай  
 Что я пришелъ съ желаньемъ оправдаться.  
 Я слово далъ тебѣ, и не исполнилъ,—  
 И вѣтъ маѣ оправданья!.. И ничто,  
 На оскорбленье брата твоего,  
 Ни чести горделивой униженье,  
 Ни бѣшеный порывъ,—ничто не можетъ  
 Безчестный мой поступокъ извинить.  
 И я просить не стану о прощеньи...  
 Ты не простишь, не въ силахъ, и—не надо!  
 И еслибъ ты,—не говорю простила,  
 Подумала простить,—тебя, клянуса,  
 Отъ всей души я сталъ бы презирать!..

Княжна Екатерина.

Что жъ хочешь ты? Напомнить униженье?  
 Разбередить еще живую рану?  
 Иль властью надо мною похвалиться?  
 О! правду ты сказалъ тогда: великой  
 И грозной властью ты владѣлъ.—Безумецъ!  
 Какъ ты рѣшился потерять ее?...  
 Но нынѣ, нынѣ... Я попятъ стараюсь  
 Что привело тебя, и не могу,  
 И въ мысляхъ лутаюсь...

Нестеровъ.

Ахъ, Катерина!

Измучился я дуемою что ты  
 Теперь въ несчастьи—вамъ грозитъ опасность,  
 И большая чѣмъ ждете вы, быть-можетъ,—  
 А я не только что помочь не въ силахъ,  
 Но и вдали тебя,—и вотъ пришелъ  
 Чтобъ умолять, рыдая, на колѣняхъ:  
 О! будь добра. О! не гоги меня.  
 Забудь хотя на мигъ,—и удостой  
 Со мной своимъ несчастьемъ подѣлиться!..

Позволь остаться мнѣ съ тобой. Не равнымъ  
Хочу я быть—твоимъ рабомъ послѣднимъ.  
И даже не рабомъ, ничтожной тварью,  
Не стоящей ни мести, ни презрѣнья,  
А для того лишь годной чтобы ею  
Всечасно помыкать!

Княжна Екатерина.

Довольно. Встань. *(Онъ встаетъ)*.

Не знаю я, отъ сердца говорилъ ты,  
Иль честолюбье... О! оно нерѣдко  
Насъ заставляетъ добрыми казаться,  
И жертвовать, и подвига желать...

Нестеровъ.

Не честолюбье, вѣтъ: одна любовь...

Княжна Екатерина.

Не знаю, говорю, чѣмъ ты подвигнуть...  
Но будь по твоему; я уступаю  
И вѣрю что меня еще ты любишь  
И не хочу ни проклинать тебя,  
Ни мстить, ни издѣваться надъ тобою!..  
Какъ я тебѣ повѣрила, повѣрь  
И ты... О, вѣкогда любимый,  
И дорогой, и близкій человекъ!  
На всѣ твои слова, на всѣ моленья  
Одно могу тебѣ я отвѣчать:  
Ты опоздалъ, ты опоздалъ вторично...  
Съ тѣхъ поръ какъ мы съ тобою врозь живемъ,  
Я испытала многое: и власть,  
И честь, и горе, и позоръ, и счастье...  
Не то ничтожное, пустое счастье  
Что всемъ такъ дорого, но то  
Высокое, доступное немногимъ,  
Что слава намъ даруетъ, подымая  
Надъ мелкодушною толлою; то счастье,  
Его же вѣдаютъ лишь люди силы  
И царственного духа!.. Но ни съ кѣмъ  
Ни счастьемъ не дѣлилась я, ни горя  
Не повѣрала никому. Я гордо  
Жила одна, стѣною неприступной

Какъ будто окруженная... Одна,  
 Для всѣхъ чужая и чуждаясь всѣхъ...  
 И мнѣ не надо ни любви покорной,  
 Ни рабскаго смиреннаго служенья!..  
 Лишь объ одномъ прошу тебя: уйди,  
 И на всегда, на вѣкъ, и... безъ рыданій.

Нестеровъ.

О, гордость сатанинская!.. Я зналъ  
 Что ты меня презрительно отвергнешь,  
 И все надѣялся, безумецъ!

Княжна Екатерина.

Переставь.

Ты видишь самъ: все кончено межъ нами.  
 Прощай (*отворачивается отъ него*).

Нестеровъ.

И отвернулась! Неужели  
 Не стою я прощанія иного?  
 Дай руку мнѣ твою поцѣловать  
 И выплакать любовь...

(*Она протягиваетъ ему руку; онъ поцѣвываетъ ее поцѣлуями и слезами.*)

Княжна Екатерина (*отрываетъ руку*).

Уйди... Уйди же...

Довольно: будь мужчиной, не ребенкомъ.

Нестеровъ.

Не оскорбляй, не унижай меня...  
 Не стою я... Я человекъ отлѣтый:  
 Мнѣ пулю въ лобъ, или на шею петлю,  
 Иного не осталось... О! прощай  
 И обѣдай одно: когда тоскою  
 Томиться будешь ты, въ тяжелыхъ думахъ  
 Хоть изрѣдка вспоминай о томъ  
 Что есть душа любящая тебя  
 Такъ пламенно, съ такою жгучей силой  
 Что для нея любовь—и жизнь, и смерть,  
 И вѣчное блаженство, и мученье!

(*Хочетъ поцѣловатьъ ея руку; она съ невольными, порывистыми движеніями склоняется къ нему и цѣлуетъ его.*)

За этотъ мигъ! За этотъ поцѣлуй!..

Еще одинъ, и... (*улыуется ея*) и прощай на вѣки!..

(*Быстро уходитъ съ заднія двери.*)

## ЯВЛЕНІЕ VIII.

**КНЯЖНА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢВНА; потомъ справа КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.**

Княжна Екатерина (*одна*).

Разчетъ оконченъ. Я теперь покойна,

Я снова съ гордостью своей одна...

О! еслибъ также я могла разстаться

Со всѣмъ на свѣтѣ.

Князь Алексѣй (*за сценой*).

Катя! гдѣ ты? Катя!..

Княжна Екатерина.

Вѣдь, батюшка...

Князь Алексѣй (*входитъ*).

А, вотъ!.. Ну, слава Богу...

Какъ сына отпустилъ, тебя хватился;

Сказали: вышла. Надо было мнѣ

Распорядиться кое-чѣмъ,—распорядился;

Пришелъ, сижу: не достаетъ кого-то,

Госкуется по комъ-то... Догадался,

Помель искать... Но что же ты ушла?

Иль нездоровится тебѣ, Катюша?

Княжна Екатерина.

Мнѣ стало тяжело... Сюда я вышла...

И вовремя... меня здѣсь дожидался...

Князь Алексѣй.

Что?

Княжна Екатерина.

Нестеровъ.

Князь Алексѣй.

Какъ онъ посмѣлъ? Зачѣмъ?

Злодѣй, разбойникъ, негодяй!.. И ты отца

Не кликнула на помощь... Ахъ, Катюша!..

Княжна Екатерина.

Зачѣмъ же, батюшка? Да и за что  
Бранить его? Вѣдь ежели меня  
Любилъ и любить кто на этомъ свѣтѣ,  
То онъ одинъ.

Князь Алексѣй.

То онъ одинъ! то онъ!  
И не грѣшно отца забыть, Катюша?

Княжна Екатерина.

Васъ, батюшка? О! вы меня любили,  
Вы такъ меня любили что не будь я  
Собою хороша, блестяща въ свѣтѣ,  
Не будь умна и не владѣй я тайной  
Всѣхъ очаровывать, хотя на время...  
И главное, не будь я той пружинкой  
Которою владѣя, вы могли  
Достигнуть вашихъ замысловъ—о! вы бы  
Не только что меня не приласкали  
Ни разу въ жизни, вы не знали бъ даже  
Есть я на свѣтѣ или нѣтъ меня!..

Князь Алексѣй.

И это мнѣ ты говоришь! Отцу!  
Или не я, назадъ всего минутой,  
Ласкалъ тебя, крушился по тебѣ?

Княжна Екатерина.

Да, ваша правда: съ той поры какъ горе  
Насъ постигло, вы меня ласкали  
Сильнѣе прежняго,—но почему?  
Не потому чтобъ вы меня любили,  
А потому что я теперь для васъ  
Последній отблескъ вашей бывшей славы,  
Последнее ея напоминанье!..  
Вамъ не на чѣмъ душой остановиться,  
Вамъ не на чѣмъ забыться хоть на мигъ,  
И вотъ для васъ я сдѣлалась игрушкой!..  
Не прерывайте!.. Завтра ли, сегодня,  
А время вамъ пришло за все разчесться!..

О! еслибъ долю, слабую лишь долю  
 Того вреда что сдѣлали вы мнѣ  
 Я возвратила вамъ,—давно бы пало  
 Отцовское проклятье на меня!..  
 Раставемся жь. Не бойтесь: надъ собой  
 Я ничего не сдѣлаю, и долго  
 Быть-можетъ, подъ одной и той же кровлей,  
 Намъ суждено еще прожить. Вѣдь насъ  
 Никто, ничто не въ силахъ разлучить.  
 И даже казнь что намъ теперь готовятъ,  
 Равно погубить насъ, не разлучая...  
 Но помните что съ этого мгновенья  
 Нѣтъ дочери у васъ: а вамъ чужая,  
 Чужая по душѣ, и никогда  
 Вамъ больше не слышать дочерней ласки,  
 Въ очахъ ея улыбки не видать...  
 О, никогда!.. До гроба и за гробомъ...

(Ушла нальво.)

### ЯВЛЕНИЕ IX.

КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ; потомъ справа КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ.

Князь Алексѣй (одинъ).

Такъ вотъ она, пришла Господня кара!..  
 Старикъ! припомни что весь вѣкъ ты сѣялъ,  
 Ростялъ, и холилъ, и въ душѣ лелѣялъ...  
 Правдивъ, о Господи! Твой судъ, правдивъ.  
 Князь Александръ (входя). Батюшка.... Время...  
 Иди...  
 Князь Алексѣй (оборачиваясь). А! сейчасъ. (Идя на-  
 право, самъ съ собою:) Иди, старикъ, новую дочь встрѣчать,  
 благословлять новое горе!

(Ушелъ.)

## ЯВЛЕНИЕ X.

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСѢВИЧЪ; ГРАФЪ СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ. Князь Александръ хотѣлъ было идти за отцомъ но видя что задняя дверь открывается, остался и съ любопытствомъ смотритъ на входящаго графа.

Князь Александръ (*про себя*). Это что за мальчишка? Графъ Сергѣй (*робко подходя и церемонно кланяя*). Решлеть мой, государь мой, вамъ отдаю.

Князь Александръ. Здравствуй... (*подходитъ съ стороны*). Ты чьихъ?

Графъ Сергѣй. Шереметевыхъ. А ты Долгорукий Князь Александръ. Долгорукий.

Графъ Сергѣй. Ну, такъ ты Саша... Родные вѣдь теперь: поцѣлуемся.

Князь Александръ. Изволь (*цѣлуются*). А ты какъ же звать?

Графъ Сергѣй. Экой недогадливый: Сережей. Что братъ Саша, отвѣчались они?

Князь Александръ. Отвѣчались, братъ Сере встрѣчаютъ...

Графъ Сергѣй. Вотъ что, братъ Саша, будь другомъ. Вѣдь ты хочешь мнѣ другомъ быть?..

Князь Александръ. Будь добрый... буду...

Графъ Сергѣй. Я буду. Вѣдь я и прежде бы къ вамъ вѣздилъ, да старшій братецъ не пускалъ; ну, а теперь я само собою совѣтъ большимъ буду... Ну, и у сестрицы встѣчься будемъ, то-есть не теперь, а вотъ какъ *все это* кчится, поняла?.. Ты вѣдь будешь любить мою сестрицу?

Князь Александръ. Если добрая...

Графъ Сергѣй. О, она добрая, добрѣй ея на свѣтѣ!.. Такъ вотъ что, другъ Саша, сбѣгай-ка за мнѣ сестрицей; шепни ей только что братъ Сережа пріѣхалъ, сейчасъ прибѣжитъ.

Князь Александръ. А самъ?..

Графъ Сергѣй. Никакъ, пойми ты, мнѣ нельзя... Сбѣгай же, дружокъ. Сбѣгаешь?

Князь Александръ. Ну, ладно.

(*Уходитъ направо*).



## ЯВЛЕНИЕ XI.

ГРОФЪ СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ: потомъ справа: КНЯГИНЯ  
НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА.

Графъ Сергѣй (*одинъ*). Слава Богу, устроилось. А дома  
къ плакалъ что сестрицу не засталъ... И не надоумь меня  
Митька-колюхъ до сихъ бы поръ все плакалъ. Вотъ мы съ  
ней на коней да сюда.... А молодецъ вѣдь онъ, Митька-то:  
онъ у насъ изо всей двора такой смѣлый.

Благиня Наталья (*входя*). Сережа!

Графъ Сергѣй (*бросаясь къ ней*). Наташа! (*Обни-  
мается*).

Благиня Наталья. Вотъ спасибо, Сережа, утѣшилъ  
и меня.

Графъ Сергѣй. Охъ, сестрица, хоть и страшно было,  
я не утерпѣлъ, прѣвхалъ.

Благиня Наталья. Чего жь страшился?

Графъ Сергѣй. Какъ же не страшно, сестрица? Я и  
Митьку колюха не дождая оставилъ, а самъ лѣши да  
бѣжалъ....

Благиня Наталья (*взявъ его за руку*). Ну, пойдемъ  
туда, ко всѣмъ. Тамъ и про Митьку, и про страхи до-  
знаемъ...

Графъ Сергѣй. Нѣтъ, нѣтъ... Я вѣдь на минутку  
ушелъ, и къ тебѣ одной... И чтобъ больше никого не видѣть.  
Ничего, онъ недоросль еще, какъ я же...

Благиня Наталья. Глуленькой! чего боишься, пой-  
демъ, мужа моего поздравить...

Графъ Сергѣй (*упираясь*). Нѣтъ, нѣтъ, Наташа... Развѣ  
укажь: указъ есть... Всѣ наши люди знаютъ, и Митька  
еще дорогой говорилъ.

Благиня Наталья. Какой указъ?

Графъ Сергѣй. А что всѣхъ кто съ Долгоруками раз-  
суживать будетъ, хватать и голову рубить...

Благиня Наталья. Вздоръ какой!

Графъ Сергѣй. Да ты, сестрица, не бойся; тебѣ ни-  
чего, потому какъ ты теперь женилась....

Благиня Наталья. И заболтался даже: „женилась“,  
какая... Вздоръ все... Пойдемъ же...

Графъ Сергѣй. Нѣтъ сестрица, не неволь пожалуетъ. А вотъ что, сестрица (*взявъ ее за обѣ руки и сталъ при ней*), поздравляю тебя, милая, и желаю всего; всего что толь пожелать можно (*цѣлуетъ ее*). Да еще: князь Ивану скажи (*за сценой шумъ*) Господи! что такое? Гости, видно, вамъ наѣхали... Ну, прощай, сестрица, а то увидать еи. Прощай (*крѣпко поцѣловалъ*). Нѣтъ, нѣтъ, не провожай! (*Бѣжитъ съ нея къ задней двери*). Прощай. Послѣ какъ услѣдуетъ все, я прѣйду, сейчасъ-же, сестрица, прѣйду. Прощай! (*Посылаетъ ей поцѣлуй рукой и убѣгаетъ*).

## ЯВЛЕНІЕ XII.

КНЯГИНЯ НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА; изъ заднихъ дверей: ОБЕРЬ-СЕКРЕТАРЬ СЕНАТА, БОГДАНЪ ЧЕЛИЩЕВЪ, Преображенъ.

Челищевъ (*за сценой*). Ха, ха, ха! какъ луганыи завпрыскуль!...

Княгиня Наталья (*исволью подвигаясь къ задней двери*). Господи! что тамъ такое?

Челищевъ (*входя*). А! вотъ она красавица (*вошелъ, нимъ остальные*).

Оберъ-секретарь (*проходя впередъ*). Полно, сержантъ стыдись. (*Княгиня Наталья*;) Не извольте, ваше сіятельствѣ безпокоиться: оны по грубости своей. И потрудитесь свѣтлости доложить что оберъ-секретарь изъ Сената, именнымъ указомъ....

Княгиня Наталья. Боже мой! Боже мой! Ваня, Ваня (*Убѣгаетъ съ крикомъ направо*).

## ЯВЛЕНІЕ XIII.

ТѢ ЖЕ, безъ КНЯГИНИ НАТАЛЬИ БОРИСОВНЫ.

Оберъ-секретарь. Эхъ, сержантъ, сержантъ!

Челищевъ. Да что жь, ваше, в'скоб'родіе! Намъ господина оберъ-камергера графа Югана Фанбирена прѣтайный: всячески имъ досаждаютъ. На счетъ де солдате грубости отнесется.

Оберъ-секретарь. А ты и радъ!... Давеча мальчишка шутилъ, теперь... И не разглядѣлъ, поди, кого... Сыновъ да въ блаженной памяти фельдмаршала Шереметева... А онъ мы, солдатамъ, кто былъ?—Отецъ.

Челищевъ (*почесывая затылокъ*). Отецъ. Что говорить: сынъ!..

Оберъ-секретарь. А князь Ивана своимъ отцомъ не былъ?..

Челищевъ. Охъ, ваше в'скоб'родіе, да нешто наша воля!

Оберъ-секретарь. И вы хороши: сегодня „отецъ, сынъ“, а завтра: „вотъ мы тебя, погоди ужъ!“ Грубыя сердца, необразованныя.

Челищевъ. Что жь, ваше в'скорб'родіе, грубостью кончить... Что дѣлать?—вотъ научи.

Оберъ-секретарь. А вотъ что: уведи солдатъ въ садъ, пока господивъ офицеръ не пріѣхалъ. А то видомъ своимъ страшнымъ дамъ напугаете... А указъ и безъ меня объявлю.

Челищевъ. Ладно, ваше в'скоб'родіе. (*Солдатамъ*) Намно-кругомъ! Маршъ!

(*Уходятъ въ заднія двери*).

#### ЯВЛЕНІЕ XIV.

ОБЕРЪ-СЕКРЕТАРЬ переходитъ на первый планъ кавказъ; справа: КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ, КНЯГИНЯ ПРАСКОВЬЯ ГРИГОРЬЕВНА, КНЯЗЬ ИВАНЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ, КНЯГИНЯ НАДЕЖДА БОРИСОВНА, АННА РОДИОНОВНА, нѣсколько позже АРИСТАРХЪ; въ самомъ концѣ ЧЕЛИЩЕВЪ и Преображенцы.

Князь Алексѣй (*за сценой*). Аристархъ! лишникъ тебе не допускали (*вошелъ; за нимъ естъ*). Ты съ чѣмъ, сегодня оберъ-секретарь, пожаловалъ?

Оберъ-секретарь. Именной указъ, ваша свѣтлость.

Князь Алексѣй. Читай.

Оберъ-секретарь. По титулу: (*Читаетъ*) „Понеже мы, вашимъ вѣрнымъ подданнымъ извѣстно есть, какимъ образомъ и противнымъ образомъ князь Алексѣй Долгорукой съ сыномъ своимъ князь Иваномъ, будучи при племянникѣ нашемъ, блаженной памяти Петрѣ Второмъ, имле-

раторъ и самодержецъ Всероссійскомъ, поступали и всячески приводили его, яко суще младаго монарха, отъѣзжать отъ Москвы въ дальнія и разныя мѣста, отлучая его величество отъ добраго и честнаго обхожденія.“...

Князь Алексѣй (*ворчливо, стоголоса*). Ишь, поохоту какъ расписали. (*Вслухъ*): Дальше.

Оберъ-секретарь (*читаетъ*). „И какъ прежде Мешиковъ, еще будучи въ своей великой силѣ, ненасытныи своимъ властолюбіемъ, его величество взявъ въ свои ответственныя руки, на дочери своей въ супружество оговорилъ такъ и онъ князь Алексѣй съ сыномъ своимъ его величество въ дѣтахъ такихъ которыя еще къ супручеству прислѣвали, Богомъ противнымъ образомъ и противно предку нашихъ обыкновенію, привели на сговоръ супружества дочери его, князь Алексѣевой, Катеринѣ...“

Князь Алексѣй. И не умри, былъ бы нѣтъ зятемъ.

Княгиня Прасковья. Князь мой...

Князь Алексѣй (*жестко*). Оставь. (*Оберъ-секретарю*)  
Читай.

Оберъ-секретарь (*читаетъ*). „Не храня его императорскаго величества дражайшаго здравія и не имѣя о томъ поличеній, непрестанными отъ Москвы отлучками, не токъ въ дѣтніе дни, но и въ самыя осеннія студеныя времена зимою, привели къ безлокойству, отъ чего его императорскаго величества здравію вредъ учинили...“

Князь Алексѣй. Да они ужъ лучше-бъ написали: уморилъ де его, уморилъ!.. Самому де въ фаворѣ жить надоть такъ чтобъ другимъ мѣсто очистить, государя уморилъ!..

Княгиня Прасковья. Опомнись ты! Иль жизнь тебе дорога?

Князь Алексѣй. Э, матушка, на то я и князь и рожденный чтобъ смерти не бояться. Слава Богу, русскій князь, не коюхъ курляндскій!.. Наши дѣды правду царю прямо въ глаза говаривали; хоть и головы имъ за то рубили, да мысли своей они не скрывали жь! (*Оберъ-секретарю*)  
нець читай. Куда?

Оберъ-секретарь (*читаетъ*). „И повеже всѣмъ твоимъ дерзости и преступленія чинилъ онъ князь Алексѣй съ сыномъ своимъ князь Иваномъ, за что по государственнымъ правамъ подлежали жестокому наказанію; однакожь

нать имъ не указываемъ, а повелѣваемъ ему, князь Алексѣю, со всѣми дѣтьми жить въ дальнихъ ихъ деревняхъ.“

Князь Алексѣй. Быть того не можетъ. Покажи. *(Оберъ-секретарь подходитъ и подаетъ бумагу; князь просматриваетъ ее:)* Гдѣ въ дальнихъ деревняхъ! *(Отходя оберъ-секретаря въ сторону, тихо:)* Помнишь меня?

Оберъ-секретарь *(тихо же)*. Могу-ли, свѣтаѣйшій князь и милостивый государь мой, забыть ваши ко мнѣ благожанія?

Князь Алексѣй *(также)*. А помнишь, говори: не окончится тѣмъ, не окончится вѣдь?

Оберъ-секретарь *(также)*. Сказываютъ: мѣсяцъ или за васъ въ локоѣ оставить, пока говоръ поуляжется....

Князь Алексѣй *(также)*. А тамъ?

Оберъ-секретарь *(также)*. Въ Березовъ, ваша свѣтлость.

Князь Алексѣй *(также)*. Спасибо, голубчикъ; въ вѣкъ не забуду *(улыуется его въ лобъ)*.

Оберъ-секретарь *(улыуя князя въ плечо)*. Ваша свѣтлость!

Князь Алексѣй *(отходя самъ съ собою)*. Такъ Березова-то не миновать! По степенямъ только: повадилн сперва, а тамъ добывать. Хитро. Не русская работа, вѣтъ!..

Княгиня Прасковья *(робко подходитъ къ мужу)*. Что, князь мой? Что сказалъ оль тебѣ?

Князь Алексѣй. А спрашивалъ, княгинюшка моя, что оставшихъ Долгорукихъ: всѣхъ порѣшилъ. *(Оберъ-секретарю, черезъ плечо:)* Всѣхъ вѣдь?

Оберъ-секретарь. Всѣхъ, ваша свѣтлость.

Князь Алексѣй. Ну, княгинюшка моя, идемъ въ догду собираться.

Аристархъ *(бросаясь къ его ногамъ)*. Ваша свѣтлость! Будь, государь, отцомъ роднымъ....

Князь Алексѣй. Чего тебѣ, Гаврилычъ?

Аристархъ. Засыпаютъ, вишь, тебя куда-то. А вѣдь безъ меня, государь, тебѣ ни встать, ни сѣсть, ни одѣться, ни раздѣться.... Такъ укажи, ваша свѣтлость, будь отцомъ, чтобъ куда тебя ни заслали и меня бы, стараго пса, туда-же....

Князь Алексѣй. Встань, Гаврилычъ; встань, вѣрный

рабъ мой (*тотъ встаетъ; князь утѣляетъ его*). Утѣшилъ, старикъ, утѣшилъ... Воля будетъ, съ собой возьму.

Аристархъ (*утѣля его руку*). Отецъ-благодѣтель.

Князь Алексѣй. Вотъ, княгинюшка, кто пожалѣлъ рабъ; а сынъ родной стоитъ...

Князь Иванъ (*съ движеніемъ къ отцу*). Батюшка!..

Князь Алексѣй (*отстраняя рукой*). Поздно, сынокъ поздно. Летемъ же, старая, летемъ (*идутъ направо тѣми шагами*).

Князь Иванъ. Наташа, про тебя вѣдь въ указѣ ни слова; проси...

Анна Родіоновна. Правда вѣдь, графинюшка, правда...

Княгиня Наталья. Постойте, Анна Родіоновна!.. ты, Ваня! Аль забылъ: Господь соединилъ, человекъ да и разлучаетъ. Да мнѣ теперь большимъ крестомъ перекреститъ ся: (*исполняетъ*) Слава Тебѣ, Господи, что повѣчана! Купи Ваня мой, и я туда.

Князь Иванъ (*обнимая ее*). Наташа!..

Князь Алексѣй. Стой, княгиня, стой. Не слышишь развѣ: Богъ дочь даетъ, дочь... Сюда, Наташа, на гробъ мою!..

Княгиня Наталья (*бросаясь къ нему*). Батюшка!

Князь Иванъ (*подходя*). Батюшка, давеча вы...

Князь Алексѣй. Появля: за жену дрожалъ; лоняла теперь, Ваня (*обнимаются*).

Анна Родіоновна (*припадая къ плечу княгини Натальи*). Графинюшка моя, графинюшка!..

Княгиня Наталья (*ей, тихо*). Не плачьте, Анна Родіоновна, а то и я, на васъ глядя, заплачу, мужа разстрою (*Громче*): Да и пустите, матушкѣ руку поцѣловать надо.

Княгиня Прасковья. Наташа! (*Обнимаетъ ее*.)

Князь Алексѣй. Васъ, Анна Родіонова, благодарю надо. Вы намъ жемчужину эту драгоценную привезали.

Анна Родіоновна. Охъ, ваша свѣтлость, да я что же! А я вотъ что вамъ, ваша свѣтлость, скажу и вамъ, ваша свѣтлость, и вамъ, княгиня старая, и вамъ, графинюшка охъ, обмолвилась!—и вамъ княгинюшка молодая—не тужите (*Князь Алексѣю*): Въ деревняхъ вѣдь, ваша свѣтлость, жи указано?

Князь Алексѣй (*вздвигнувъ*). Да, въ деревняхъ.

Анна Родионовна. Конечно, не въ Москвѣ, а проживете. А вы тѣ, ваша свѣтлость, ламатайте: звать не вовсе Господь на вашу фамилію Долгорукихъ прогнѣвался, коли *(защел за руку княгиню Наталью)* такую княгинюшку вамъ въ семью послалъ.

Князь Алексѣй. Правда, Анна Ро...

Челищевъ *(за сценой, громко)*. Пріѣхалъ. Вставай. Входи! *(Стукъ рулетей. Входятъ Преображенцы. Встаетъ и испуганно жмется другъ къ другу. Женскій вскрикъ. Картина.)*  
*(Занавѣсъ.)*

## Э П И Л О Г Ъ

(Лѣто 1738)

Березнѣ. Часть острожного двора, окруженнаго высокими тѣлами. Въ-за него виднѣются глава церкви да угрюмые кедръ и сосны. Выше часть избы, съ крыльцомъ. Направо, за первымъ плазомъ, огромный кедръ; подъ нимъ скамья, два, три простыхъ складныхъ кресла. Въ задней стѣнѣ, прямо противъ зрителя, огромная на за-веръ ворота; подлѣ нихъ, справа, калитка. Около воротъ ходитъ назадъ и впередъ часовой инвалидной команды. При поднятіи занавѣсы происходитъ сцена часовыхъ.

### ЯВЛЕНІЕ I.

КНЯЖНА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСОВНА сидитъ въ глубокой задумчивости подъ кедромъ; ЧАСОВОЙ.

Княжна Екатерина *(сама съ собой)*.

Восьмой ужъ годъ какъ мы живемъ въ изгнаньи,  
Четыре года какъ отецъ скончался,—  
А все я не могу рѣшить порою:  
Теперь ли вижу я тяжелый сонъ,  
Исповѣнный нужды, тревогъ и горя,  
Семейныхъ драгъ, заботъ несносныхъ  
О завтрашнемъ кускѣ,—иль тѣ, бмае,  
Блесснувшее ладучею звѣздой

На почернѣвшемъ августовскомъ небѣ,  
 Отраднымъ сномъ безсѣдно повеселось...  
 О! еслибъ мысль въ моемъ умѣ угасла,  
 И чувства гордыя остыли въ сердцѣ,  
 И красота на вѣки отцвѣла,—  
 О какъ бы счастлива была я, Боже!..  
 Но нѣтъ, я молода, сильна,  
 И въ зеркало разбитое глядя  
 Я чувствую что также хороша  
 И чаровать могу своей улыбкой...  
 Кого, кого? Оломаись, Катерина!  
 Въ острогѣ ты, кругомъ высокій тмъ;  
 Насулилась, нахмурилась природа  
 И точно сердится что красный день  
 Пришлось увидеть ей противъ воли!..  
 Вотъ твой дворецъ—кедровая изба...  
 И что еще?.. Да, лужица дражная  
 Гдѣ утки плащутся, твоя отрада..  
 И вотъ и все твои богатства. Больше  
 Нѣтъ ничего, лишь скука, скука, скука!..

Вотъ и сейчасъ: что станешь дѣлать ты?  
 Съ кѣмъ говорить начнешь? кому повѣришь  
 Свои мечты, свой затаенный стонъ?..  
 Вотъ часовой.. поговори-ка съ нимъ...  
 Быть-можетъ, добръ къ тебѣ онъ будетъ нынче,  
 А можетъ-быть и грубъ... Чего гордиться?  
 Онъ тоже человѣкъ. И у него  
 И радости свои, и огорченья.  
 Хоть радости его—стаканъ вина,  
 Сонъ непробудный да пирогъ пшееничный,  
 А горести—аресты да лобои;  
 Хотя все ваши чувства, мысли, думы  
 Такъ далеки, такъ межъ собой несхожи:—  
 Онъ тоже человѣкъ, и говорятъ  
 Онъ ближній твой.... Да, ближній по острогу...  
 Поговори же съ нимъ, спроси его...  
 О чемъ спросить?... Не все-ль тебѣ равно?  
 Эа, часовой!.. Молчать.... Послушай-ка, любезный,  
 Что князь Иванъ вернулся отъ обѣда?...  
 Молчать.... Скажи же, другъ мой..



Часовой. Убирайся!...

Княжна Екатерина. Не въ духъ ближній.... Да скажи-жь....

Часовой. Отстань!...

Княжна Екатерина. Не удалась бесѣда.... Что же дѣлать?

## ЯВЛЕНІЕ II.

ТЪ ЖЕ: КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСѢВВИЧЪ.

Князь Александръ (*входитъ слева, изъ-за избы, съ сильнымъ волненіемъ*). Сестрица!... Господи!... Сестрица!...

Княжна Екатерина. Что съ тобою, Саша? О чемъ встревожился, дружокъ? Обидѣли тебя? Вѣрно Лёля? Да?

Князь Александръ. Нѣтъ, нѣтъ, не обидѣли.... А правда.... обиженный я.... Богъ меня обидѣлъ.... Вѣдь ума у меня мало, сестрица? Мало вѣдь?... Скажи....

Княжна Екатерина. О чемъ растрогаться вздумалъ! Полаю, дружокъ, не ропщи. Ты хотя и не довольно умный, но человекъ добрый, простой.... А вѣдь это лучше, Саша.

Князь Александръ. Я не ропщу.... И не о томъ во все.... А вотъ по малоумію, всѣхъ васъ въ бѣду.... въ бѣду....

Княжна Екатерина. Какую ты бѣду причинить можешь? Показалось тебѣ!...

Князь Александръ (*съ сильнымъ сокрушеніемъ*). Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Слушай.... По порядку только.... Какъ надумалъ....

Княжна Екатерина. Садись-ка тутъ, возаѣ меня. Руку дай (*садятся; она беретъ его за руку*). И разказывай, дружокъ, я слушаю.

Князь Александръ. Ну, вотъ.... Да, такъ, такъ.... Помнишь, братъ Иванъ говорилъ.... Книжка у него еще, или картанка.... Твое обрученіе на ней, съ докопаннымъ императоромъ....

Княжна Екатерина. Можетъ и была у него такая книжка, — что жь изъ того?

Князь Александръ (озадченъ). Да? Да вѣтъ, ты не то... Ну, вотъ: глупый вѣдь я... что говорю, не думаю... А солдаты меня любятъ; князьёной Божьимъ прозвали... И я имъ все, про все... А книжка ли, картинка — забылъ... И какъ въ казарму войду, одинъ кричитъ: „книжка пришла!“ А другой: „не трожь князьёнки; не книжка онъ, картинка...“

Княжна Екатерина. И только-то всего?

Князь Александръ. Не сбивай... Ну, вотъ... Да, такъ такъ... И еще: съ братцемъ какъ-то поссорилась ты, кричали... А ты ему: „Ты больше виноватъ! Вспомни: заѣщанье подъ государеву руку подписалъ...“

Княжна Екатерина. Да вѣдь давно это было!

Князь Александръ. Давно?.. Не знаю... Я „давно“ и „недавно“ не знаю... Не разберу... Появля?.. Да слушай. Ну, вотъ: братъ бѣденъ сталъ и затресся весь... Мнѣ страшно, я бѣжать... И къ солдатамъ... „Князьёнка, говорятъ,—что съ тобой? Кто книжку нашу испугалъ?“... А я, глупый, и думалъ, и все... Отъ слова до слова... А въ избѣ подъячій. И не примѣтилъ..

Княжна Екатерина. Тихивъ?

Князь Александръ. Охъ.. Ти... Ти... Тихивъ. Точнее Подошевъ, сказалъ: „дуракъ умнаго наставилъ...“ И еще „правикъ тебѣ привезу...“ Я думалъ: добрый онъ... „И отчетъ спросилъ,—книжкой прозвали...“ Я ему все... И забылъ было. А теперь—какъ на ладокъ!..

Княжна Екатерина. Отчего жь ты теперь, Саша, вспомнилъ?

Князь Александръ. Солдаты говорятъ: „Будетъ ужъ! Бѣда!“ И еще: „строгости не даромъ.“

Княжна Екатерина. Какія строгости?

Князь Александръ. А?.. не знаешь?. Священникъ отъ Рождества Богородицы... Добрый такой... (отираетъ слезу). Въ ссылку его!..

Княжна Екатерина. Въ ссылку? Куда? За что?

Князь Александръ. Куда? (Махнувъ рукой:) Туада далеко... далеко... А за то что сестрѣ Лѣлѣ молебень пѣлъ безъ спроса, значить... Солдаты говорятъ: „День какой-то подозрительный...“

Княжна Екатерина. Полю, Саша! Какая отсылка, дружокъ. Видно тотъ священникъ добротой своѣ

Богу угодишь, и переведи его отсюда куда лучше. Не слыла отсюда уѣхать—милость.

Князь Александръ *(весело)*. Такъ милость? *(Вскакивая быстро крестясь мажками крестиками)* Слава Богу! Слава Богу! *(Опять съ тревогой)* А книжка? А завѣщанье?..

Княжна Екатерина. И книжка — пустяки. Быть-можетъ и была у князя Ивана книжка съ изображеніемъ какъ ея обручали, только врядъ ли онъ хранитъ ее. Не очень-то меня любить чтобы память о славѣ моей беречь. А и хранилъ—какое кому дѣло до такихъ пустяковъ.

Князь Александръ. И слава Богу.

Княжна Екатерина. А завѣщанье? Его кромѣ насъ никто не видѣлъ. И въ ходъ оно пущено не было. Я чаю, батюшка покойникъ тогда же его сжегъ. И теперь, чрезъ волю дѣтъ, и вниманія никто не обратитъ: было ли оно, нѣтъ ли...

Князь Александръ. Такъ не боаться?

Княжна Екатерина *(встаетъ)*. Нѣтъ, Саша, нѣтъ....

Князь Александръ. Душу облегчила... Слава Богу...

Разъ забуду вовсе... Да и забылъ ужь... Сестрица пойдемъ-ка утешекъ кормить...

Княжна Екатерина. Стулай одишь, а я.. Мнѣ надо... брата подождать.

Князь Александръ. Такъ я пойду.. И ничего?.. Можно веселу съ утешками быть?

Княжна Екатерина. Ничего; веселись себѣ съ утешками своими.

*(Князь Александръ уходитъ, припрыгивая, направо и вслѣбъ.)*

### ЯВЛЕНІЕ III.

ЧАСОВОЙ; КНЯЖНА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢВНА.

Княжна Екатерина *(сама съ собой)*.

О, Господи! Какъ Сашу утѣшала,

Тѣмъ утѣшеньямъ вѣрила сама.

А вотъ теперь, на каждое-то слово

Что я ему сказала,—слышу

Какъ будто шелчетъ кто: „не правда, нѣтъ!“

Ты говоришь: кто ставеть вспоминать

О пустякахъ такихъ? Найдутся люди,  
 Найдутся... о! найдутся, и охотно  
 Чтобъ васъ въ ковецъ сгубить, припомнятъ.“  
 И вотъ еще мнѣ кажется: не даромъ  
 И часовой грубилъ, а по приказу...  
 И если братъ войдетъ, то не посмѣю  
 Взглянуть ему въ глаза покойно... Боже!  
 Я невиновна; знаю то; но отчего же  
 Въ душѣ я слышу: „ты погубишь брата  
 Твоимъ упрекомъ, сказаннымъ во гнѣвѣ,  
 И словомъ необдуманнѣмъ твоимъ?..“  
 О, Господи! Иль мало испытаній,  
 И слезъ горючихъ, и тяжелыхъ вздоховъ,  
 Я вынесла за эти восемь лѣтъ!  
 Неужели жь теперь, какъ я невинна,  
 Меня ты покараешь страшной карой?

#### ЯВЛЕНИЕ IV.

КНЯЖНА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢВНА; КНЯЖНА ЕЛЕНА АЛЕКСѢВНА; ЧАСОВОЙ. Княжна Екатерина тихо идетъ къ крыльцу, и немного не доходя встрѣчается съ вышедшею изъ избы княжнѣ Еленой.

Княжна Елена (*становясь сестрѣ на дорогу, съ церемоннымъ присѣданьемъ*). Ахъ, ваше высочество, извините! Я и не знала что вы изволили выйти прогуляться...

Княжна Екатерина. Пропустите, пожалуйста.

Княжна Елена. Вы просите? Ахъ, ваше высочество приказывайте... Вѣдь я безъ васъ ничего не смѣю сдѣлать сама по себѣ ничего не значу; а ничтожество, а судьбой и вашей юлкѣ пришта. Вы при дворѣ, а при дворѣ; васъ и ссылаку и я вотъ по вашей высочайшей милости въ труппу живу.

Княжна Екатерина. Какъ ты зла! Какъ исказило лицо твое, и еслибъ ты могла теперь видѣть себя въ зеркало...

Княжна Елена. Ахъ, я знаю, я знаю: вы одна у насъ красавица. Вы одна всѣхъ прельщаете, и даже здѣсь острогѣ побѣду одержали!.. Мнѣ Тишинъ вѣдь сознал

люблю, говорить,—ее, и морально люблю, и персонально.“  
 Ха, ха, ха!

Княжна Екатерина (*отстраняя сестру рукой съ дивана*). Ахъ, оставь меня въ покоѣ.

(*Уходитъ съ избу.*)

## ЯВЛЕНИЕ V.

ЧАСОВОЙ; КНЯЖНА ЕЛЕНА АЛЕКСѢВНА.

Княжна Елена (*вслѣдъ сестрѣ*). Что вы такъ милостивы? Толкнули только? Вы бейте меня, бейте, ваше высочество. (*Сама съ собою*): Ушла... У, ненавижу!. И за что доля моя такая несчастная? Зачѣмъ я Долгорукой родилась? Ахъ, будь я Черкасской, или Саатыковой, была бы я теперь въ Петербургѣ, при дворѣ, на балахъ, на маскарадахъ, и залуэ давно бы выскочила... А тутъ... тутъ и людей-то нѣтъ; шери какіе-то, въ оленьи шкуры зашиты, ходятъ и на оубахъ ѣздятъ... Сторонка! Довольно сказать: льдины вмѣсто стеколъ въ окончины вставлены, и не таютъ... Правду нашу сержантъ Челищевъ говоритъ что сюда чертей только за провинность изъ ада посылають. „Задурить, говоритъ,—чертеку въ декаѣ, его сатана за хвостикъ да въ Березовъ и швыреть: прохладись-моль“. (*Стукъ въ калитку.*) Что это? стучитъ?.. Ну, вотъ теперь князь Иванъ со своей княгиней изъ церкви Господи! по двору-то покойно пройтись не дадутъ! А и кто тутъ всего три недѣли. (*Идя съ избу*): У, противные! У, гадкіе! У, ненавистные! Пойду, со власти спать займусь; хоть Березовъ весь провалясь, не шевельнуся (*ушла*).

## ЯВЛЕНИЕ VI.

ЧАСОВОЙ; КНЯЗЬ ИВАНЪ АЛЕКСѢВИЧЪ; КНЯГИНЯ НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА; МАЛЕНЬКІЙ МИША (*по 7му году*); позже, ввремя, КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСѢВИЧЪ. При послѣднихъ словахъ княжны Елены, часовой отворяетъ калитку и впускаетъ князя Ивана съ женою и сыномъ. Князь Иванъ въ простомъ плащѣ, а отпущенною бородою. Миша во французскомъ кафтанчикѣ.

Княгиня Наталья. Въ избу пойдемъ, или здѣсь остаемся?

Князь Иванъ. Тутъ посидимъ, недолго теломъ-то утѣшаться, нелѣлку всего...

Миша. Мама, я кушать хочу.

Княгиня Наталья. Бѣги, Миша, у работницы спроси она тебѣ пирожка дасть.

Миша. Ладно *(убѣгаетъ въ избу)*.

Князь Иванъ. Сказать тебѣ хотѣлъ, Наташа... А въ избѣ сестра Алена еще подслушаетъ, смѣяться станетъ. Чтò ее въ грѣхъ-то вводитъ... Садись-ка... *(стѣла)*.

Княгиня Наталья. Чтò, Ваня, скажешь? *(стѣла)*

Князь Иванъ. Изъ церкви шаи, вздохнулось мнѣ, а ты легонько этакъ за локотокъ меня тронула, и „скупаешь другъ мой?“ шепнула... А вѣдь право же, Наташа, напрасны твои страхи; не скупаю я, такъ вздохнулось.

Княгиня Наталья. Какъ чай, Ваня, не скупать... От блеска такого, отъ великолѣлія, и гдѣ?.. И главное, безвино другъ мой, страдаешь...

Князь Иванъ. Я-то безвино?.. Эхъ, Наташа, Наташа Нѣтъ, коли кто безъ вины виноватъ, такъ ты...

Княгиня Наталья. Чтò ты!.. Да мнѣ, другъ мой, что же?.. Какое я въ Москвѣ веселье видала? Только какъ тебѣ узнала, и счастье на меня проглянуло. И мнѣ, кромѣ тебѣ ничего и никого не надо... Чтò бѣднѣе-то тутъ? Такъ живемъ же, слава Богу... Я жена, а женѣ: гдѣ мужъ, тамъ и рай... какія вины за собой напелъ?.. Вся вина твоя что въ фаворъ былъ... А не скупать тебѣ нельзя: съ малолѣтства ко двоимъ привыкъ...

Князь Иванъ. Охъ, Наташа!.. Отлучилъ меня Господь отъ двора, и слава Ему, Вседержителю... Вѣрь, другъ мой, какъ кафтанъ этотъ надѣлъ да бороду отпустилъ, тогда только почувствовалъ себя человѣкомъ предъ Богомъ и предъ людьми... А раньше — платье золотомъ шитое, да чванясь съ гордостью, да зависть и еще, можетъ-быть, похуже чтò во мнѣ говорили, за меня думали, поступать наставляя Шумиха чтò носилъ заслоняла отъ меня и людей, и Богъ Нѣтъ, не безгрѣшникъ я, не Іовъ многострадальный!.. Гдѣ на меня, не жалѣть, радоваться надо, да Бога благодарить что при жизни за грѣхи пострадать допустилъ.

Князь Александръ *(который вошелъ при послѣднихъ словахъ князь Ивана, теперь подходитъ, грустно глядитъ княгиню Наталью, приближается къ ней, гладитъ ее по лобъ и со вздохомъ, цѣлуя ее въ лобъ)*. Бѣдная моя!

Благиня Наталья. Что ты, Саша?

Блязь Александръ (*уходя, качая головой, про себя*).

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ (*ушелъ въ избу*).

Блязь Иванъ (*безпокойно*). Что съ нимъ?

Благиня Наталья. Какъ всегда онъ...

Блязь Иванъ. Нѣтъ, Наташа, никогда не видывалъ  
такъ онъ таково грустенъ былъ. Недоброе, вѣрь, что-нибудь  
случится.

Благиня Наталья. Господь, Валя, съ тобою... Чему  
каброму быть!

Блязь Иванъ. Нѣтъ, у такихъ, какъ онъ, предчувствія  
необычныя бываютъ. За простоту Господь предвидѣнье имъ  
вмываетъ...

Благиня Наталья (*стараясь отвлечь мужа отъ  
сумасшедшихъ мыслей*). Можетъ и къ добру грусть его... Ма-  
ло ли что, Валя, случится можетъ... Подумай только: онъ  
претъ, или она... Нѣтъ, что я говорю! Не дай Богъ ни чьей  
смерти!.. А просто, Валя, фавора онъ лишится, а вѣдь онъ  
главнѣйшій фамилія вашей гонитель. Вотъ и олять, другъ мой,  
ка дворъ ты!..

Блязь Иванъ. Ко двору не пойду, а въ Москву  
ѣхать бы не для себя, ради Миши.

Благиня Наталья (*съ облегченнымъ сердцемъ*). Ну вотъ,  
Мишѣ-то и поговоримъ. Давно желала. Конечно, въ грамотѣ  
онъ, слава Богу, повенному успѣваетъ, Псалтырь началъ, а  
не же...

(*Стукъ въ калитку.*)

Блязь Иванъ. Кто тамъ? Погляди, Наташа. (*Она  
идетъ и отходитъ чтобы видѣть кто войдетъ.*)

## ЯВЛЕНІЕ VII.

БЛЯЗЬ ИВАНЪ АЛЕКСѢВИЧЪ; КНЯГИНЯ НАТАЛЬЯ БОРИ-  
СЛОВА ЧАСОВОЙ; ТИШИНЪ. Часовой впускаетъ его. Ташинъ  
рѣшетъ дверь, съ сухими, замын глазами, сытѣльскій и чистѣльскій,  
сидитъ такъ и вкрадчивы, говоритъ сухимъ ровнымъ голосомъ,  
онъ сухой же и когда смѣется не отлачишь, точно ли онъ смѣетъ-  
ся, или крахтитъ, или кашляетъ.

Блязь Иванъ. Кто?

Благиня Наталья. Подъѣхій.

Блязь Иванъ (*вставая*). Охъ, уйдемъ скорѣе. Что съ  
необычнымъ человѣкомъ встрѣчатся (*оба идутъ къ избу*).

Тишинъ (*изъ глубины, подходя*). Эй, кто тамъ, постой!  
(*Князь Иванъ остановился и обернулся*). А, князь Иванъ Алек-  
сѣвичъ! Здравствуй. Вотъ что, братецъ, въ избу идешь, вѣ-  
шли-ка старшую княжву. Скажи: его высокоблагородіе, го-  
ловня Тишинъ дожидается; по самовукаѣишему-молю дѣла  
(*Князь и княгиня ушли въ избу*).

## ЯВЛЕНІЕ VIII.

ЧАСОВОЙ; ТИШИНЪ.

Тишинъ. Эй, часовой! (*Тотъ подходитъ*.) Возьми-ка во-  
ордеръ, сержанту отдашь. (*Даетъ бумагу*.) И чтобы тутъ  
избой зову моего дожидался. Стулай.

Часовой. Слушаю, ваше благородіе (*беретъ бумагу  
уходитъ налево за избу*.)

Тишинъ (*оставшись одинъ*.) Хе, хе, хе! Посмотри  
что-то скажетъ. А мысля: весьма мою пропозицію апробуетъ.  
Хе, хе, хе!..

## ЯВЛЕНІЕ IX.

ТИШИНЪ; КНЯЖНА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢВНА.

Княжна Екатерина (*съ крыльца*).  
Чего тебѣ?

Тишинъ.

Княжна! Решлектъ вижайшій  
Отъ вашего мизернаго раба...

Княжна Екатерина.  
Ахъ, перестань!.. И говори скорѣе...

Тишинъ.

Благоволите съ высоты своей  
Слуститься долу... Хоть сказать по правдѣ,  
Вы стоя на возвышенномъ крыльцѣ  
Мнѣ мнитесь въ сіяніи престола.

Княжна Екатерина (*сходя и подя  
къ нему*).

Я много разъ тебя просила, Тишинъ,  
Чтобъ говорилъ со мной безъ краснорѣчья...  
Что надо? оказывай или вонъ стулай.



Т и ш и н ъ.

Намеченность вашу радостно приѣмаю  
 Какъ бы сладчайшій медъ... Прошу, княжна,  
 Ассанцію мнѣ оказать, и въ дѣлѣ  
 Великой важности. Чтò бѣ вы оказали  
 Когда бы васъ отсель перевели,  
 Не говорю въ Москву, а такъ положимъ:  
 Въ Тобольскій городъ?

Княжна Екатерина.

Боже! Неужели

Ты милость объявить пришелъ?

Т и ш и н ъ.

Не милость;

Нной резонъ тò можетъ учинить.

Княжна Екатерина.

Какой резонъ? Не понимаю.

Т и ш и н ъ.

Тотчасъ,

По пунктамъ, ясно изложу вамъ дѣло.

Резонъ таковъ: когда бы вашихъ братьевъ

По какой причинѣ,—а возможно

И исключительный казусъ подыскать—

Перевели отсель, то васъ, конечно,

Я разумю: васъ, слабѣйшій полъ,

Хотя прекрасный полъ, но все жъ слабѣйшій...

А, хе!...

Княжна Екатерина.

О, Боже мой! Да объясни же....

Т и ш и н ъ.

Въ семь казусъ не стали бѣ, говорю,

Въ острогъ васъ держать, но всекомечно

Перевели бы въ дальній монастырь;

Съ левольнымъ постриженіемъ, понятво...

Однако же, княжна, для васъ возможно

Сей дисперации и сей фатиги,—

Я разумю монастырь— избѣгнуть....

Княжна Екатерина.

Какъ избѣжать?... И почему отсюда  
Увозятъ братьевъ?

Тишинъ.

Созвольте рая

О первомъ пунктѣ разсудить, княжна....  
О вашихъ братьяхъ изложу особо....  
Но помните что ихъ переведутъ  
Лишь по моимъ стараньямъ... А избѣгнуть .

Княжна Екатерина.

Да говори же: чѣмъ?

Тишинъ.

Закономъ бракомъ.

Княжна Екатерина.

Я ничего не понимаю.

Тишинъ.

Тотчасъ...

Хе, хе!.. Имѣю честь, равно и счастье,  
Вамъ сердце предложить и съ онымъ руку...

Княжна Екатерина.

Съ ума сошелъ ты!. Говори о братьяхъ...

Тишинъ.

Позвольте: не исчерпанъ первый пунктъ.  
Вы выикните: не знатенъ я, конечно,  
И не богатъ, но человекъ съ достаткомъ,  
Имѣю домъ въ Тобольскѣ преизрядный,  
И въ ономъ домѣ есть...

Княжна Екатерина.

Я повторяю

Что ты съ ума сошелъ!

Тишинъ.

Вы, можетъ, мните

Что дворъ не согласится на сей бракъ?  
Но дворъ довольно будетъ извѣстася  
Что вы желаете...

Княжна Екатерина.

Иль ты забылъ

Съ кѣмъ говоришь? Кто я, кто ты, негодный?

Припомни: государя твоего  
Была я обрученной невѣстой...

Тишинъ.

Хе, хе!.. Тѣмъ лестнѣй намъ... Хе, хе! Притомъ  
Что я не пара вамъ?.. Я благородецъ,  
А чинамъ я—губернскій секретарь.

Княжна Екатерина.

О братьяхъ что?

Тишинъ.

Такъ не согласны вы?

Княжна Екатерина.

И спрашивать еще оны смѣть!.. Боже!..

Тишинъ (со злобой).

Такъ для чего жь извѣтъ я подавалъ?

И моноталъ за васъ?

Княжна Екатерина.

Какой извѣтъ?

Тишинъ.

О запискѣ съ книжкой запрещенной.

Княжна Екатерина.

На братьевъ подавъ ты доносъ, и смѣлъ  
Ко мнѣ придти потомъ, и предлагать мнѣ!..

Тишинъ.

Но что же въ томъ? Вѣдь ихъ, за ихъ продерзость,  
И безъ того...

Княжна Екатерина.

О! оны не понимаютъ

Какъ мерзость оны....

Тишинъ.

Корите вы доносомъ,—

Но что жь я учинилъ? Я ло присягъ

И вѣрности моей къ тому обязанъ....

Притомъ же, всякій извинить меня  
Что красотою ангельской лѣтвенный...

Княжна Екатерина.

А, красота!... О, эта красота!

Она вела меня на троякъ; она же

Въ шлагале привела.... Не доставало,

Того не доставало только чтобъ она

И братьевъ погубила... Боже, Боже!..  
 И вотъ и тѣ пришло, пришло!... А я—  
 Сегодня я еще о ней мечтала,  
 И берегла ее!... Назадъ два года  
 Была здѣсь осла... Я тогда болясь  
 Не только въ церковь, выйти на крыльцо,  
 Чтобъ легкій вѣтеръ не пахнулъ заразой  
 И красоты моей не погубилъ!..  
 О! еслибъ знала я что будетъ нынче,  
 Я въ кровь бы исцарала лицо,  
 И къ первому больному я припала бъ,  
 И цѣловала бы его чтобъ ядъ  
 Впитался въ жилы, и меня болѣзнь  
 Обезобразила.... О, Боже, Боже!

*(Со страшными рыданіями  
 даетъ на колѣни и бѣтсѣ.)*

Тишинъ.

Такъ не согласны?... Эй, сержантъ! Челищевъ!

### ЯВЛЕНІЕ X.

ТѢ ЖЕ; слыва изъ-за избы ЧЕЛИЩЕВЪ; за нимъ солдаты; бо-  
 шество съ ружьями, два безъ нихъ.

Тишинъ.

Колодника сюда!... А караулъ?... А, вотъ оны! *(Самъ съ собою)*  
 На нихъ, на нихъ всю злобу изволю я,  
 Живыми изъ суда не выйдутъ. Хе, хе, хе!

*(Челищевъ, при словахъ „ко-  
 ника сюда“ ушелъ изъ избы.)*

### ЯВЛЕНІЕ XI.

ТИШИНЪ, КНЯЖНА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢВНА, солдаты;  
 избы: ЧЕЛИЩЕВЪ, КНЯЗЬ ИВАНЪ АЛЕКСѢВИЧЪ, КНЯЖНА  
 НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА; позже КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСѢ-  
 ВИЧЪ.

Князь Иванъ *(на крыльцѣ)*.

Что надобно? *(Садится.)*

Тишинъ.

Челищевъ, кандалы!

*(Челищевъ уходитъ за...*

Княгиня Наталья.

О, Боже мой!... Ахъ, Ваня, Ваня!

Тишинъ (ей).

. Раю

Заплакала; еще услышь восталь.

Княгиня Наталья (бросаясь предъ нимъ на колѣни).

Скажи мнѣ, добрый человекъ, скажи

Что провинулся онъ? За что, за что же

Его хотять со мною разлучить?

Князь Иванъ (подходя и подымая жену).

Не улажайся передъ нимъ, княгиня.

Тишинъ (ему).

Делаете узнать за что берутъ?

Такъ вотъ извольте-ка спросить сестрицу

Да брата Александру...

Княжна Екатерина (съ движеніемъ).

Братъ Иванъ!...

Не вѣрь ему. Клявусь невинна я!

По простотѣ проговорился Саша

О заглядываю. (Князь Иванъ отворачивается отъ нея.)

Иль ему повѣрилъ?...

(Слѣва: Челищевъ съ двумя парами кандаловъ, которые передаетъ одному изъ солдатъ безъ ружей.)

Тишинъ.

А, кандалы!... Сейчасъ набить, сейчасъ!...

Княгиня Наталья.

Я за тобой! Не отойду я, Ваня!

(На князь Ивана солдаты надѣваютъ кандалы; князь Александръ выбѣгаетъ изъ избы.)

Тишинъ.

А вотъ и братецъ!... Полюбуйся-ка!..

Князь Александръ.

Иванъ, Иванъ!... Да гдѣ жь мой ножъ, гдѣ онъ?

(Выхватываетъ изъ-за голенища ножъ и хочеть зарѣзаться.)

Челищевъ (*поспѣшно хватается  
за руку*).

Господь съ тобой!... (*Ножъ падаетъ*.)

Князь Александръ.

Иванъ!... вотъ онъ!... лежитъ въ  
Возьми его, убей меня, коль любишь!...

Тишинъ.

И этого въ желѣза! (*Приказаніе его исполняется*.)

Ишь, звѣренокъ! (*Поднял ножъ*.)

И что торопитесь!... На смерть идете.

(*Княгиня Наталья съ воплемъ припадаетъ  
къ мужу*.)

Княжна Екатерина (*Тишину*).

Безбожный человекъ!... Да замолчи же...

Князь Иванъ (*цѣлуя жену*).

Не плачь, Наташа.. Милостивъ Господь!...

Прощай, прощай!... И не крушись, не бойся...

Мы свидимся еще: жива надежда въ сердцѣ.

Княгиня Наталья.

Ахъ, Валя, другъ мой!... Пусть меня возьмутъ

И къ цѣли прикуютъ съ тобою вмѣстѣ!

Князь Иванъ.

Сейчасъ, Наташа.. Вмѣстѣ мы пойдемъ...

Лашъ Мишу приведи.. Благословяю я...

Княгиня Наталья.

Да, да. Иду. Сейчасъ иду.. Охъ, Валя, Валя...

(*Уходитъ въ избу, оглядываясь на мужа*.)

Князь Иванъ (*про себя*).

О, Господи! Благослови его

И воспою Тебя что дакъ познать мнѣ

Твое святое имя. (*Тишину, убѣдась что жена ушла*.)

Ну, веди.

Тишинъ.

А сьма-то?

Князь Иванъ.

Веди же, говори.

Насышишься еще на пыткахъ стонувъ,  
И слезъ насмотришься.. Пойдемъ, братъ Саша.

*(Взявъ брата за руку, идетъ къ калит-  
кѣ. Тишинъ, Челищевъ и солдаты спѣ-  
шатъ за ними.)*

Княжна Екатерина *(бросаясь за бра-  
томъ).*

А мнѣ, Иванъ, а мнѣ!... Скажи хоть слово!...

*(Солдаты штыками не допускаютъ ея  
къ брату. Всѣ, кромѣ ея, ушли. Ка-  
литка осталась отворенною.)*

### ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

КНЯЖНА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢЕВНА. Изъ избъ: МАЛЕНЬКІЙ  
МИША и КНЯГИНЯ НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА.

Княжна Екатерина *(одна).*

Повѣрилъ онъ! Повѣрилъ клеветѣ!

Миша *(выскочивъ на крыльцо ранъ-  
ше матери).*

Что жь, маменька?... Вѣдь папа-го ушелъ...

*(Сходитъ съ крыльца.)*

Княгиня Наталья *(выбѣгая)*

Не можетъ быть?... Гдѣ жь онъ?... Гдѣ жь онъ?...

*(Сшла съ крыльца.)*

Княжна Екатерина *(съ движеніемъ  
къ ней).*

Сестрица!...

Княгиня Наталья.

Оставь меня!.. Ахъ, Миша, Миша!...

Видимъ за нимъ! За нимъ ловсюду!... Ваня!

*(Быстро уходитъ съ калитку, уводя  
сына.)*

Княжна Екатерина (одна).

О, Господи!... Не знать мнѣ отъ людей  
 Ни жалости, ни вѣры, ни участья!...  
 Повѣрилъ братъ, повѣрила невѣстка  
 И завѣщаютъ дѣтямъ ненавидѣть  
 И проклипать меня! (Падая на колѣни:)

О, Сердцевѣдецъ!

Ты видящій мои всѣ тайны,  
 Ты слышащій мои рыданья,  
 О, заступи меня, всемогущій Боже!

(Падаютъ лицомъ на землю.)

(Занавѣсъ)

Д. АВЕРКІЕВЪ.



---

---

# ДВѢ СУДЬБЫ

---

РОМАНЪ

УИЛКИ КОЛЛИНЗА

---

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

---

ВВЕДЕНІЕ

РАЗКАЗЪ О ЗВАНОМЪ ОВЪДѢ НАПИСАННЫЙ ОДНИМЪ ИЗЪ  
ГОСТЕЙ

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ какъ я и жена моя по-  
ѣхали Соединенные Штаты чтобы посѣтить въ первый  
разъ Англію.

Мы были конечно снабжены рекомендательными письмами.  
Въ числѣ ихъ было письмо брата моей жены рекомендовав-  
шего насъ англійскому джентльмену котораго онъ считалъ  
однимъ изъ своихъ старѣйшихъ и лучшихъ друзей.

— Вы познакомитесь съ мистеромъ Джоржемъ Джерме-  
номъ въ весьма интересный періодъ его жизни, оказалъ мнѣ  
мой зять прощальное съ нами. — По послѣднимъ извѣстіямъ  
онъ только-что женился. Я ничего не знаю о его женѣ, не знаю

какъ онъ сошелся съ ней, но я увѣренъ что Джорджъ Джерменъ, холостой или женатый, ради меня окажетъ вамъ самый радушный пріемъ.

На другой день по пріѣздѣ въ Лондонъ мы завесли наше рекомендательное письмо въ домъ мистера Джермена.

На слѣдующее утро мы отправились осмотрѣть зданіе имѣющее самый живой интересъ для Американцевъ—Лондонскую Башню (Тоуеръ). Граждане Соединенныхъ Штатовъ находятъ что видъ этого памятника добрыхъ старыхъ временъ оживляетъ въ нихъ благодарностъ къ ихъ національнымъ республиканскимъ учрежденіямъ. Когда мы вернулись въ гостиницу, карточки мистера и мистрисъ Джерменъ показали намъ что онъ уже отдалъ намъ визитъ. Въ этотъ же день вечеромъ мы получили приглашеніе отобѣдать у новобрачной четы. Занеска отъ мистрисъ Джерменъ къ моей женѣ предупредила насъ чтобы мы не ожидали встрѣтить большое общество. „Это первый обѣдъ который мы даемъ возвратясь изъ путешествія подлѣ нашей свадьбы (писала мистрисъ Джерменъ и вы познакомитесь только съ не многими старыми друзьями моего мужа.“

Въ Америкѣ, а также, какъ я слышалъ, и на континентѣ Европы, получившій приглашеніе на обѣдъ старается явиться въ домъ пригласившаго пунктуально въ назначенное время. Въ одной только Англіи господствуетъ неучливое обыновеніе заставлятъ хозяина ждать полчаса или болѣе безъ всякой уважительной причины и не принося другаго извиненія кромѣ общепринятаго „жалѣю что опоздалъ“.

Прибывъ въ домъ мистера и мистрисъ Джерменъ въ назначенный ими часъ мы были вполнѣ вознаграждены за нашу пунктуальность приведшую насъ въ ихъ гостиную получивъ раньше другихъ гостей.

Въ ихъ пріемѣ было столько чистосердечнаго радушія такъ мало церемонности что мы готовы были вообразить себя въ нашей родной странѣ. Хозяйка намъ понравилась намъ съ перваго взгляда, въ особенности жея. Хотя она не была въ строгомъ смыслѣ слова красавицей, но она престо обворожила насъ. Безыскусственная прелесть въ ея лицѣ и манерахъ, простая грація въ ея движеніяхъ, мелодичность ея голоса на насъ Американцевъ дѣйствозаки неостраши. Притомъ такъ пріятно было видѣть несомнѣнно счастливыи бракъ, видѣть двухъ людей у которыхъ воѣ лучшія надежда

иния и симпатии были очевидно общими, которые как будто родились чтобы быть мужем и женой. Къ концу первой полчасовой оторочки мы все четверо разговаривали так дружески и доверчиво как будто были давними друзьями.

Пришло восемь и въ комнату вошелъ первый изъ английскихъ гостей.

Позабывъ его имя я долженъ попросить позволенія обзвать его какой-нибудь буквой азбуки. Пусть онъ будетъ мистеръ А. Когда онъ вошелъ въ комнату на лицахъ нашихъ хозяевъ выразилось изумленіе. Они ожидали что онъ будетъ не одинъ и мистеръ Джерменъ предложилъ ему любезствующій вопросъ.

— А ваша жена? спросилъ онъ.

Мистеръ А извинился за свою отсутствующую супругу въ слѣдующихъ словахъ:

— Она сильно простудилась. Она очень сожалѣетъ что не могла прійхать и поручила мнѣ извиниться за нее.

Едва онъ успѣвалъ выговорить эти слова, какъ вошелъ другой одноклѣй джентльменъ. Приблизая опять къ азбукѣ, я назвалъ его мистеромъ В. Опять я замѣтилъ что наши хозяева были поражены увидавъ его одного и были нѣсколько удивлены услышавъ что мистеръ Джерменъ предложилъ и ему свой любезствующій вопросъ.

— А ваша жена?

Отвѣтъ съ небольшимъ измѣненіемъ былъ тотъ же самый который мы уже слышали отъ мистера А.

— Мнѣ очень жаль. Мистрисъ В страдаетъ сильною головною болью. Она подвержена головнымъ болямъ. Она поручила мнѣ извиниться за нее.

Мистеръ и мистрисъ Джерменъ переглянулись. Лицо мужа это выражало что это второе объясненіе возбуждало въ немъ изумленіе. Жена сохранила спокойное самообладаніе. Прошла минута, безмолвная минута. Мистеръ А и мистеръ В ушли съ виноватымъ видомъ въ уголъ комнаты. Моя жена и я разсматривали картины.

Мистрисъ Джерменъ первая прервала нестерпимое молчаніе. Еще двухъ особъ не доставало для пополненія приглашеннаго общества.

— Не прикажете ли подавать обѣдъ, Джорджъ? спросила мистрисъ Джерменъ. — Или мы еще подождемъ мистера и мистрисъ С?

— Мы подождемъ еще пять минутъ, отвѣчалъ онъ отъ виста и не спуская глазъ съ угла въ которомъ пріютились какъ провинившіеся мистеръ А и мистеръ В.

Дверь гостиной отворилась. Мы всѣ знали что ждали еще третью замужняя дама, мы всѣ взглянули на дверь напряженномъ ожиданіи, мы всѣ тайно желали увидать мистрисъ С. Неужели эта очаровательная, хотя и незнакомая намъ особа не обрадуетъ насъ своимъ появленіемъ? Я дрогаюсъ вспоминая эту минуту. Мистеръ С вошелъ въ комнату, мистеръ С вошелъ одинъ.

При появленіи этого новаго гостя, нашъ хозяинъ внезапно измѣнилъ свой обычный вопросъ.

— Ваша жена больна? спросилъ онъ.

Мистеръ С былъ пожилой человекъ, мистеръ С, судя по видимому, жилъ во времена когда старыя законы учтивости были еще въ силѣ. Онъ замѣтилъ своихъ двухъ женатыя друзей въ углу, замѣтилъ отсутствіе ихъ женъ и привнесъ извиненіе за свою жену съ видомъ человека искренно скорбующаго.

— Мистрисъ С такъ жалѣеть. У нея такая сильная простуда. Она такъ огорчена что не могла сопровождать меня.

При этомъ третьемъ извиненіи мистеръ Джерменъ не могъ сдержать своего негодованія.

— Двѣ сильныя простуды и одна сильная головная боль, сказалъ онъ съ пролическою учтивостью. — Не знаю какъ единодушны бываютъ ваши жены, джентльмены, когда здоровы, но когда онѣ больны, ихъ единодушіе изумительно.

Лишь только онъ выговорилъ эти рѣзкія слова, какъ случился дождь, и онъ доложилъ что обѣдъ поданъ.

Я имѣлъ честь вести въ столовую мистрисъ Джерменъ. Только легкое дрожаніе ея руки, лежавшей на моей руке выдавало сознаніе горькаго оскорбленія нанесеннаго ей нашими старыми друзьями ея мужа. Мое сочувствіе къ ней умягчилось. Только женщина много выстрадавшая могла вести нравственную пытку такого положенія съ такимъ самообладаніемъ съ какимъ вынесла его съ начала до конца вечера эта женщина.

Не покажутся ли употребленія мною слова слишкомъ сильными? Взгляните на ея положеніе съ точки зрѣнія которой смотрѣли на него въ то время посторожнѣе, а и мисъ жена.

Этот обедъ былъ первый который мистеръ и мистрисъ Джерменъ давали своимъ друзьямъ носая своей свадьбы. Три изъ друзей мистера Джермена, всѣ трое женатые, были приглашены съ ихъ женами для знакомства съ мистрисъ Джерменъ и повидимому приняли приглашеніе безъ всякихъ оговорокъ. Какія открытія сдѣлали они въ промежутокъ между полученіемъ приглашенія и обѣдомъ? Этому мы не могли узнать, но было ясно что въ этотъ промежутокъ всѣ три пары рѣшили не сопровождать своихъ мужей на обѣдъ мистрисъ Джерменъ и мужа повидимому такъ одобряли грубую мучивость своихъ женъ что ограничились самыми избитыми извиненіями. Можно ли было наместо женщинъ въ самомъ началѣ ея замужней жизни и въ присутствіи ея мужа и двухъ друзей изъ другой страны оскорбленіе горьче этого? И развѣ „матка“ сличкомъ едальное слово для обозначенія того что женщина была выстрадавъ въ такомъ положеніи чувствительная женщина? Я этого не думаю.

Мы заняли наши мѣста за столомъ. Не требуйте отъ меня описанія этого несчастнаго обѣда. Мнѣ и думать-то о немъ тяжело.

Жена моя и я старались всѣми силами поддерживать разговоръ и направлять его на безобидныя темы. Тяжелый трудъ нашъ мы на себя и усиліяхъ нашихъ далеко не могли ободрить насъ. Какъ мы ни старались забыть о немъ, но три пустыхъ мѣста за столомъ и три отсутствующія женщины давали намъ себя самымъ неутѣшительнымъ образомъ. Какъ мы ни старались ободрить себя, но мы всѣ были подъ вліяніемъ грустнаго заключенія къ которому приводили эти три пустыхъ мѣста. Сличкомъ было ясно что внезапно разнесся какой-то ужасный слухъ повредившій репутаціи бѣдной женщины предавшей за столомъ и оразу уренившей ее во мнѣніи старыхъ друзей ея мужа. Послѣ извѣстій въ гостиной и въ виду пустыхъ мѣстъ за столомъ что могли сдѣлать на облегченіе холостъ гости, какъ бы ни были они дружески расположенны къ нимъ? Они могли только проститься при первой возможности и предоставить повозвращавшимъ самимъ утѣшать другъ друга.

Надо отдать справедливость тремъ джентльменамъ обозначеннымъ на этихъ страницахъ буквами А, В и С, имъ было совѣстно за себя и за своихъ женъ что они не замечали уходить. Спустя нѣсколько минутъ встали и мы чтобы

послѣдовать ихъ примѣру. Мистрисъ Джерменъ съ жаромъ попросила насъ подождать.

— Подождите нѣсколько минутъ, прошептала она бросивъ взглядъ на мужа.—Я хочу сказать вамъ кое-что прежде чѣмъ вы уйдете.

Она отошла отъ насъ и взявъ подъ руку мужа увела его на противоположную сторону комнаты. Они убѣжились нѣсколькими словами вполголоса. Свѣщаніе кончилось тѣмъ что мужъ поднесъ къ губамъ руку жены и сказалъ ей:

— Дѣлай какъ знаешь, малая, я предоставляю это тебѣ.

Онъ сѣлъ и задумался. Мистрисъ Джерменъ отперла шкафы на противоположной сторонѣ комнаты и вернулась къ намъ одна, неся въ рукахъ небольшой портфель.

— Никакими словами не выразить какъ я вамъ благодарна за вашу доброту, сказала она съ величайшею простотою и вѣстѣ съ величайшимъ достоинствомъ.— Вы выказали мнѣ при самыхъ сомнительныхъ обстоятельствахъ такое сочувствіе какъ будто я вамъ старый другъ. Все чѣмъ я могу отплатить вамъ это открыть вамъ всю правду и предоставить вамъ судить самимъ достойна ли я того что вы сдѣлали для меня сегодня.

Глаза ея наполнились слезами. Она подождала чтобъ овладѣть собою. Моя жена и я попросили ее не говорить болѣе. Ея мужъ подошелъ къ намъ и присоединилъ свои просьбы къ нашимъ. Она поблагодарила насъ, но осталась при своемъ намѣреніи. Какъ многія глубоко чувствующія натуры она могла быть твердой когда считала это нужнымъ.

— Мнѣ нужно сказать еще нѣсколько словъ, продолжала она обратившись къ моей женѣ.—Вы единственная женщина удостоившая своимъ присутствіемъ нашъ обѣдъ. Я знаю причину почему не пріѣхали другіе. Не мнѣ судить правъ онъ или нѣтъ въ томъ что отказываются съѣсть за нашимъ столомъ. Мой милый мужъ, которому вся моя жизнь известна такъ же хорошо какъ мнѣ самой, выразилъ желаніе пригласить этихъ женщинъ. Онъ ошибочно полагалъ что его мнѣ иже обо мнѣ будутъ и мнѣиеніемъ его друзей и мы онъ, ни не ожидали что найдется человекъ, кто онъ, мы еще сами не знаемъ, который откроетъ мнѣ несчастія моей прошлой жизни. Изъ признательности къ вашей добротѣ я обязанъ сказать вамъ о себѣ то что знаютъ другіе. Обстоятельства при которыхъ я сдѣлалась женою мистера Джермена, въ мнѣ

которых отношеніи весьма замѣчательны. Они передали безъ всякой утайки въ небольшомъ разказѣ написанномъ ими мужемъ предъ нашей свадьбой для одного отсутствующаго родственника навѣиенъ котораго онъ очень дорожитъ. Рукопись въ этомъ портфелѣ. Послѣ случившагося сегодня я прошу васъ какъ объ особой милости для насъ, чтобы вы прочли эту рукопись. Вы сами рѣшите, когда узнаете все, достойна ли я знакомства съ честною женщиной или нѣтъ.

И она протянула намъ руку съ милою и грустною улыбкой. Моя впечатлительная жена отбросила съ своею обыкновенною живостью всѣ формальности и поцѣловала ее. При этомъ указательствѣ сестринскаго участія твердость такъ долго поддерживавшая бѣдную женщину измѣнила ей. Она залилась слезами.

Я сочувствовалъ ей не меньше моей жены, но къ сожалѣнію не могъ, по примѣру жены, поцѣловать ее. Спускаясь по лѣстницѣ я уловилъ удобную минуту и сказалъ нѣсколько ободрительныхъ словъ ея мужу проводившему насъ до двери.

— Прежде чѣмъ я открою это, сэръ, сказалъ я указывая на портфель который несъ подъ мышкой,—я увѣренъ въ одно: еслибъ я не былъ женатъ, я позавидовалъ бы вамъ.

Онъ въ свою очередь указалъ на портфель.

— Прочтите что я написалъ здѣсь и вы поймете что заставили меня выстрадать сегодня мои лживые друзья.

На слѣдующее утро жена моя и я открыли портфель и прочли страшную исторію женитьбы Джорджа Джермена.

## РАЗКАЗЪ

ИСТОРИЯ ЛЮБВИ ДЖОРДЖА ДЖЕРМЕНА РАЗКАЗАННАЯ ИМЪ САМИМЪ

### I. Зеленое Озеро.

Возстаньте, мои воспоминанія, изъ-за темнаго лабиринта прошедшаго, изъ-за радостей и огорченій двадцати лѣтъ жизни. Возстаньте, мои дѣтскіе годы у зеленаго, нависшаго берега большого озера. Вернитесь ко мнѣ, моя возлюбленная, въ эту прелесть твоего десятилѣтняго возраста. Будемъ жить опять, актедъ мой, какъ мы жили въ нашемъ первомъ

раю лока грѣхъ и горе не подяли своихъ лылающихъ мече и не изгнали насъ въ свѣтъ.

Былъ мартъ мѣсяцъ. Послѣднія зимнія птицы плавали по озеру которое мы на нашемъ суффококомъ нарѣчїи называли Зеленоводнымъ.

Куда бы оно ни извивалось, изумрудные берега и нависши надъ нимъ деревья бросали на него свою зеленую тѣнь были причиною его названїя. Въ маленькомъ заливѣ на южной сторонѣ стояли лодки, а же держалъ свою яруску лодочку особо въ маленькой естественной бухтѣ. Въ такомъ же заливѣ на сѣверной сторонѣ была устроена западня для ловли дикихъ утокъ которыя зимовали тысячами на нашемъ озерѣ.

Моя маленькая Мери и я вышла вмѣстѣ рука въ руку чтобы посмотреть на охоту за послѣдними зимними птицамъ.

Наружная сторона оригинальной птичьей западни подвѣшана была надъ водой въ видѣ ряда дугообразныхъ арокъ сделанныхъ изъ гибкихъ вѣтвей и покрытыхъ тонкою сѣткою Арки и покрывавшая ихъ сѣть, мало-по-малу уменьшалась къ мѣрѣ уменьшенїя ширины залива, образовали надъ нимъ великій сводъ. Внутренняя сторона залива была обведена плетнемъ достаточно высокимъ чтобы закрывать отъ птицъ человека на козлахъ и собаку. Въ плетнѣ на нѣкоторомъ разстоянїи одно отъ другаго было нѣсколько небольшихъ отверстїй, чрезъ которыя могла бы проходить небольшая собака.

Въ то время мнѣ было тринадцать, а Мери десять лѣтъ. Нашимъ спутникомъ и провожатымъ къ озеру былъ отецъ Мери. Этотъ добрый человекъ служилъ управляющимъ в имѣнїи моего отца. Кромѣ этого онъ былъ большой мастеръ приманивать утокъ. Собака помогавшая ему, небольшой чинный терьеръ, тоже искусный мастеръ своего дѣла, обладалъ въ равной степени двумя завидными качествами: добродѣшїемъ и здравымъ смысломъ.

Собака слѣдовала за управляющимъ, а мы слѣдовали за собакой.

Подойдя къ изгороди окружавшей западною собаку съ нѣмъ ожиданїи дальнѣйшихъ приказанїй. Управляющїй и дѣти согнулись за изгородью и взглянули въ отверстїя изъ которыхъ открывался видъ на все озеро. День былъ безвѣтряный; ни малѣйшая рябь не подергивала гладкой поверхности



нам, легкія сѣрмя облака заволакивали небо и скрывали лице.

Мы смотрѣли въ отверстія. Стая дикихъ утокъ въ недалекихъ разстояніи отъ залива безмятежно расплакала перья и безмятежной поверхности воды.

Управляющій взглянулъ на собаку. Собака взглянула на управляющаго и спокойно поднявшись съ мѣста, пролѣзла въ крайнее отверстіе съ наружной стороны чтобы показаться уткамъ на узкой окраинѣ берега, по другую сторону изгороди.

Сначала одна утка, потомъ другая, потомъ множество другихъ замѣтили собаку.

Новый предметъ появившійся на удивленно оцѣнѣ мгновенно возбуждалъ въ птицахъ сильнѣйшее любопытство. Волкъ сталъ медленно поплылъ къ странному четвероногому неизвѣстно стоявшему на берегу. Другія утки парами и тройками послѣдовали за вожакомъ. Подплывъ ближе, осторожными птицами остановились и стали разглядывать четвероное явленіе на безопасномъ разстояніи.

— Тримъ! прошепталъ управляющій стоявшій на козлахъ люди изгороди.

Услышавъ свое имя собака удалилась за изгородь и скрылась для птицъ. Птицы остались на мѣстѣ удивленныя и неподвижныя. Спустя нѣсколько времени собака вышла опять въ слѣдующее отверстіе, на нѣсколько шаговъ ближе къ внутреннему краю залива.

Вторичное появленіе терьера мгновенно возбуждало новый приступъ любопытства въ птицахъ. Онъ единодушно бросились впередъ, потомъ мгновенно остановились опять, въ этотъ разъ подъ первою аркой западни. Собака опять скрылась, а удивленныя птицы остались опять въ ожиданіи. Прошло опять нѣсколько времени и Тримъ вышелъ опять въ третье отверстіе, еще ближе къ внутреннему краю залива. Неполное любопытство увлекало птицъ все дальше и дальше подъ роковыми арки западни. Маневръ былъ повторенъ въ четвертый и въ пятый разъ. Когда Тримъ вышелъ изъ послѣдняго отверстія, утки въ послѣдній разъ подвинулись ближе и остановились опять. Управляющій дернулъ веревки. Сеть съ прикрѣпленною къ ней тяжестью ушла вертикально въ воду и преградила выходъ изъ западни. Десятки утокъ были пойманы благодаря только ихъ любопытству и безъ

другой приманки кромѣ маленькой собаки. Нѣсколько часовъ спустя онъ всѣ перерѣзанныя были уже на пути къ Лондонскому рынку.

Когда кончилась послѣдній актъ любопытной комедіи въ западѣ, Мери положила руку на мое плечо и поднявши на цыпочки прошептала мнѣ на ухо:

— Джорджъ, пойдите со мною домой. Я покажу вамъ кое-что поинтереснѣе утокъ.

— Что такое?

— Это сюрпризъ. Я не скажу заранее.

— А вы поцѣлуете меня?

Прелестное маленькое созданіе обняло мою шею своими тонкими загорѣлыми руками и отвѣчало:

— Сколько хотите, Джорджъ.

Сказано это было и сдѣлано какъ съ ея стороны такъ съ моею совершенно невинано. Добродушный управляющій отвернувшись на минуту отъ своихъ утокъ, увидаетъ насъ въ объятіяхъ другъ-друга. Онъ погрозналъ намъ своимъ тостымъ пальцемъ и улыбулся какому-то грустною, сомнѣвающимся улыбкой.

— О, мастеръ Джорджъ, мастеръ Джорджъ, сказалъ онъ. Что скажете вашъ батюшка когда вернется домой и узнаетъ что его сынъ и наследникъ цѣлуется съ дочерью управляющаго.

— Когда отецъ мой вернется, отвѣчалъ я съ величавымъ достоинствомъ,—я открою ему всю правду. Я скажу что я рѣшился жениться на вашей дочери.

Управляющій расколотился и повернулся опять къ своимъ уткамъ.

— Пусть ихъ, пробормоталъ онъ про себя.—Они еще дѣлаютъ. Теперь еще нѣтъ надобности разлучать ихъ.

Намъ съ Мери очень не нравилось когда насъ называли дѣтьми. Мы считали другъ-друга десятилѣтнею женщицею и тринадцатилѣтнимъ джентльменомъ. Въ негодование управляющаго мы оставили его и направились рука въ руку къ коттеджу.

## II. Два юныя сердца.

— Онъ растетъ слишкомъ быстро и слишкомъ умнѣ для мальчика своихъ лѣтъ, сказалъ докторъ моей матери.

— Возьмите его изъ школы, сударыня, на полгода. Пусть онъ бѣгаетъ окошко хочетъ на чистомъ воздухѣ и если вы когда-нибудь увидите у него въ рукахъ книгу отнимите ее.

Эти слова рѣшили мою участь навсегда.

По совѣту доктора я, одинокій мальчикъ, не имѣвшій ни братьевъ, ни сестеръ ни товарищей моихъ лѣтъ, былъ оставленъ въ нашемъ одинокомъ сельскомъ домѣ. Дочь управляющаго, какъ и я, была единственнымъ ребенкомъ у своихъ родителей и у нея, какъ и у меня, не было товарищей. Мы встрѣтились когда бродили по пустыннымъ берегамъ озера. Сначала мы сдѣлались неразлучными друзьями, затѣмъ дружба перешла въ любовь. Предъ моимъ возвращеніемъ въ школу мы дали другъ другу слово быть мужемъ и женой когда вырастемъ.

Въ моихъ словахъ нѣтъ шутки. Какъ ни отравно покажется это „умнымъ людямъ“, мы двое дѣтей были влюблены другъ въ друга, если только я понимаю что называется любовью.

У насъ не было другихъ удовольствій кромѣ тѣхъ которыя мы находили въ обществѣ другъ друга. Мы ненавидѣли ночь потому что она разлучала насъ. Мы умоляли нашихъ родителей позволить намъ спать въ одной комнатѣ. И сердился на свою мать, а Мери ролгала на своего отца когда они смѣялись надъ нами и спрашивали какую другую идею придумаемъ мы послѣ этой. Обращаясь къ моему зрѣлому возрасту я могу припомнить много счастливыхъ часовъ, но никакія радости позднѣйшаго времени не могутъ сравниться съ невозможнымъ счастьемъ котормъ было пренормально мое юное сердце когда мы съ Мери гуляли въ лѣсу, когда я катался въ ней въ моей лодкѣ по озеру, когда мы встрѣчались послѣ лѣтней ночной разлуки и бросались въ объятія другъ друга какъ будто не видались нѣсколько мѣсяцевъ.

Что влекло насъ такъ сильно другъ къ другу въ такомъ возрастѣ когда влеченіе половъ еще не пробуждается?

Мы этого не знали и не старались узнать. Мы повиновались безознательному побужденію любить другъ друга какъ тогда повиновался безознательному побужденію летать.

Не подумайте что мы обладали какими-нибудь качествами или способностями которыя отличали насъ отъ другихъ дѣтей нашего возраста. Въ насъ не было ничего особеннаго. Меня въ школѣ называли умнымъ мальчикомъ, но были тысячи другихъ такихъ же умныхъ мальчиковъ которые въ другихъ школахъ также стояли во главѣ своихъ классовъ и получали награды. Наружно я тоже не отличался ничѣмъ особеннымъ кромѣ того что былъ высокъ не по годамъ. Въ Мери также не было ничего выдающагося. Она была слабымъ ребенкомъ съ кроткими сѣрыми глазами и блѣднымъ цвѣтомъ лица, чрезвычайно скрытная, чрезвычайно застѣчивая и молчаливая со всѣми кромѣ меня. Привлекательность ея въ то время состояла въ безмысленной чистотѣ и нѣжности выраженія лица и въ прелесть рыжеватотемномъ цвѣтѣ волосъ переливавшихся множествомъ отблѣсковъ. Два совершенно обыкновенные ребенка съ внешней стороны мы были соединены другъ съ другомъ какою-то таинственною внутреннею связью которой не могли определить не только мы сами, но и люди поумнѣ насъ.

Вы вѣроятно пожелаете узнать принимали ли наши старшіе какія-нибудь мѣры чтобы заглушить нашу любовь другъ къ другу въ то время когда она еще была невинною любовью мальчика и дѣвочки.

Отецъ мой не принималъ никакихъ мѣръ по той простой причинѣ что не жилъ въ то время дома.

Онъ былъ человекъ безпокойнаго, предприимчиваго характера. Наслѣдовавъ нѣжныя обремененные долгами оныя задался честолюбивою цѣлью увеличить свои доходы собственными стараніями и достигнуть парламентскихъ отличій. Одинъ его старинный другъ эмигрировавшій въ Америку предложилъ ему принять участіе въ какомъ-то земледѣльческомъ предпріятіи въ западныхъ штатахъ, которое по его словамъ могло обогатить ихъ обоихъ. Мой эгоцентричный отецъ отъ жаромъ ухватился за эту идею. Прошло болѣе года какъ онъ уѣхалъ отъ насъ въ Америку и мы знали о немъ изъ его писемъ только то что онъ надѣялся вернуться съ къ намъ въ скоромъ времени въ завидномъ положеніи богатаго человека.

Что же касается моей блѣдой матери, нѣжнѣйшаго и добрейшаго существа въ мірѣ, видѣть меня счастливымъ было все чего она желала.

Нашъ невинный дѣтскій романъ интересовалъ и забавлялъ. Она шутила съ отцомъ Мери насчетъ будущаго соединенія двухъ фамилій, шутила безъ всякой мысли о будущемъ, безъ всякаго предчувствія того что ожидало насъ по возвращеніи моего отца. „Догадывайтесь дни злоба (и добро) его“, было любимымъ девизомъ моей матери всю ея жизнь. Она дѣлала успокоительное мнѣніе управляющаго уже приведенное на этихъ страницахъ: „Они еще дѣти, теперь еще нѣтъ надобности разлучать ихъ.“

Одна только членъ нашей фамиліи взглянулъ на дѣло серьезно и практически.

Братъ моего отца, посѣтивъ насъ въ нашемъ уединеніи, открылъ что происходило между мною и Мери и сначала былъ естественно расположенъ смѣяться надъ нами. Болѣе внимательныя наблюденія измѣнили его образъ мыслей. Онъ рѣшилъ что мать моя была безразсудная женщина, что управляющій (преданныйшій слуга какой когда-либо существовалъ) сдѣлалъ свою дочь орудіемъ для достиженія корыстныхъ цѣлей, а что я идиотъ разившій свои природныя задатки безразсудства въ необычайно ранній періодъ жизни. Когда къ такимъ заключеніямъ дядя поговорилъ съ матерью предложилъ ей увести меня въ Лондонъ и держать тамъ подъ тщательнымъ надзоромъ въ его домѣ и вліаніе его дѣтей не заставить меня образумиться.

Мать моя не рѣшалась принять это предложеніе, она любила меня лучше дяди. Пока она все еще колебалась, пока моя мать съ нетерпѣніемъ ждалъ ея отвѣта, я самъ рѣшилъ немедленно выскочить изъ дома.

Я оставилъ письмо въ которомъ объявилъ что никакія земныя силы не разлучатъ меня съ Мери и обѣщалъ вернуться и просить прощенія у матери лишь только дядя уйдетъ. Всѣ письма остались тщетными. Дядя уѣхалъ предкаказавъ что обѣщанію фамилію и грозилъ написать обо всемъ отцу съ помощью же почтой.

Гдѣ же я скрывался въ это время?

Я былъ спрятанъ съ вѣдома управляющаго въ спальнѣ матери. А знала ли это мать управляющаго? спросите вы. Мать управляющаго знала это, отвѣчаю я. Она не только знала это, она торжествовала, торжествовала не изъ нежности къ своимъ родителямъ, но отъ сознанія исполненнаго долга.

Что же это была за страшная старуха? Позвольте ми представить ее вамъ и пусть она говоритъ сама за себя в старая бабушка моей вѣжвой Мери, Сивилла новѣйши времяъ, хорошо извѣстная въ бывшее время въ нашей час Суффока госпожа Дермоди.

Я какъ будто вижу ее олять предъ собой какъ сидѣла она въ гостиной красиваго коттеджа своего сына у сама окна съ книгой или вязаніемъ. Это была маленькая, столетняя, сухая старушка съ провинцательными черными глазами, сѣдыми бровями, съ высокими морщинастымъ лбомъ и густыми сѣдыми волосами опрятно подобранными по старомоднымъ челчиномъ. Носились слухи (и справедливы слухи) что госпожа Дермоди была леди по происхожденію воспитанію и что она добровольно отказалась отъ своихъ преимуществъ выйдя замужъ за человека который былъ значительно ниже ея по общественному положенію. Что бы ни думали объ ея бракѣ ея родные, но сама она никогда раскаивалась въ немъ. Для нея память ея мужа была священъ его духъ она считала своимъ духомъ хранителемъ, бодрствовавшимъ надъ ней днемъ и ночью.

Держась этой вѣры она была однако далека отъ грубо-матеріальныхъ идей позднѣйшаго времени соединяющихъ присутствіе духовъ съ корыстными лутнями, съ верченіемъ столовъ и стульевъ. Больше благородное суевѣріе госпожи Дермоди составляло основную часть ея религиозныхъ воззрѣній, выраженіе которыхъ она нашла въ мистическомъ ученіи Эмануэля Сведенборга. Творенія Сведенборга были ея священными книгами которыя она читала. Она примѣшала къ его ученію объ ангелахъ и отшедшихъ духахъ, о аккъ близнему и о чистотѣ жизни свои собственные лья фантазій и проповѣдывала свои религиозныя доктрины только своимъ домашнимъ, но обходя съ этою цѣлью своихъ сосѣдей ближнихъ и дальнихъ.

Послѣ смерти жены сына она была неограниченною властительницей въ его домѣ и ея хозяйственная дѣятельность внушала ей такую же гордость какъ и ея общенія съ ангелами духами. Она вела долгіе разговоры съ своимъ покойнымъ мужемъ не стѣсняясь ни чьимъ присутствіемъ и поря простодушныхъ свидѣтелей вѣчнымъ ужасомъ. Съ ея мистической точки зрѣнія любовь соединявшая насъ съ Богомъ была слишкомъ священна и слишкомъ прекрасна что

и ей можно было примѣнять узкія практическія прамы сѣта. Она писала для насъ краткія формулы молитвъ и хвалебій которыя мы должны были произносить при истреблѣніи и прощаніи другъ съ другомъ. Она торжественно велѣвала сыну смотрѣть на насъ какъ на существа выше предназначенныя другъ для друга и безсознательно цѣпа по предопредѣленной тропѣ начало которой было на нбѣ, а конецъ въ лучшемъ мірѣ среди ангеловъ. Представьте что я авилася къ этой жеициѣ и сообщала ей о жни отчаянія что я рѣшилася лучше умереть чѣмъ помыслиться на время дяди разлучить меня съ Мери и вы не будете болѣе удивляться что я нашла убѣжище въ собственной комнатѣ гослужи Дермоди.

Когда опасность миновала и я могъ вернуться домой, я сдѣлала большую ошибку. Благодаря при прощаніи мою добрую покровительницу я прибавила, лобуждаемый дѣтскимъ чувствомъ чести:

— Будьте увѣрены, сударыня, что я не выдамъ васъ. Моя мать не узнаетъ что вы спрятали меня въ своей спальнѣ.

Сидѣла положила свою сухую руку на мое плечо и грубо качала меня опять на стулъ съ котораго я только-что встала.

— Мальчикъ! сказала она произывая меня своими блестящими черными глазами:— Неужели ты смѣешь думать что я когда нибудь такая вещи которыя сама стыжусь? Неужели ты думаешь что я стыжусь того что сдѣлала теперь? Никогда. Твоя мать можетъ власть въ такое же заблужденіе на мой счетъ. Я налпшу твоей матери.

Она надѣла свои большіе круглые очки въ черепаховой оправѣ и сѣла писать лисьмо. Когда мысли ея остановились на словахъ, когда она не находила подходящаго выраженія, она нажималась черезъ плечо какъ будто за ней стояло какое-то видимое существо сѣдившее за тѣмъ что она писала, и совѣтовавшися съ духомъ своего мужа какъ съ живымъ существомъ улыбалась и принималась снова за лисьмо.

— Вотъ, сказала она протягивая мнѣ оконченное лисьмо въ жесткомъ монаршаго благоволенія. — Здѣсь выражено его величїе. Иди, мальчикъ. Я прощаю тебя. Отдай мое лисьмо своей матери.

Съ такимъ формальнымъ, разчитаннымъ достоинствомъ въ жесткостяхъ и выраженїяхъ она говорила всегда.

Я отдалъ письмо матери. Мы вмѣстѣ прочли его и повились ему. Вотъ что писала по внушенію всегда бодрствашаго надъ ней духа ея мужа гжа Дермоди:

„Сударыня! Мой поступокъ можетъ показаться вамъ слѣкомъ большою смѣлостью съ моей стороны. Я помогла шему сыну Джорджу воспротивиться авторитету его деи Я поощрила вашего сына Джорджа въ его намѣреніи ося върнымъ временно и вѣчно моей вучкѣ Мери Дермо

„Я считаю долгомъ объяснить вамъ какія причины подали меня поступить такъ.

„Я вѣрую что всякая истинная любовь предопредѣлена освящена на небесахъ. Души которымъ предназначено бы соединенными въ лучшемъ мірѣ имѣють божественное вшеніе находить одна другую и вступать въ союзъ въ этм мірѣ. Только тѣ браки и счастливы въ которыхъ соединидуши дѣйствительно предназначенны одна для другой.

„Когда родственныя души встрѣтятся, никакія земнысилы не въ состояніи разлучить ихъ навсегда. Покоя божественному опредѣленію, рано или поздно онѣ олятъ и дуть одна другую. Свѣтское благоразуміе можетъ направихъ по совершенно различнымъ путямъ; свѣтское благоуміе можетъ ввести ихъ въ заблужденіе и побудить ихъ влитъ въ земной, непрочный союзъ. Но это ничего не значи. Неминуемо придетъ время когда такой союзъ окажется инымъ и непрочнымъ, когда двѣ разлученныя души найдолятъ одна другую и соединятся на вѣки вѣковъ, соединся, говорю вамъ, вопреки всѣмъ человѣческимъ законамъ всѣмъ человѣческимъ понятіямъ о добрѣ и злѣ.

„Вотъ моя вѣра. Я доказала ея истину моею собственжизнью. Дѣвушкой, женой и вдовой я держалась этой в и нашла ее хорошей.

„Я была рождена, сударыня, въ томъ классѣ общества кторому принадлежите вы. Я приняла низкое матеріальноеіе которое обозначается свѣтскимъ словомъ „образован. Благодаря Богу, родственныи духъ встрѣтился съ моухомъ когда я была еще молода. Я познала истиннуюовь и вступила въ истинный союзъ, когда мнѣ не былодвадцати лѣтъ. Я вышла замужъ, сударыня, за челоина принадлежавшаго къ сословію изъ котораго Христось иралъ апостоловъ, я вышла замужъ за земледѣльца. Никакземными словами не передать какъ я была счастлива и



подождала нашъ союзъ на землѣ. Но его смерть не разлучила насъ. Онъ помогаетъ мнѣ теперь писать это письмо. В мой послѣдній часъ я увижу его стоящимъ среди ангеловъ и ожидающимъ меня на берегу свѣтзарной рѣки.

Теперь вы поймете какъ я смотрю на связь соединившую насъ дѣтей въ самомъ началѣ ихъ земнаго поприща.

Вѣрите мнѣ что поступокъ предложенный вамъ братомъ моего мужа былъ бы святотатствомъ и профанаціей. Я сказала вамъ смѣло что я считаю добрымъ дѣломъ то что сказала чтобы помѣшать вашему родственнику привести въ исполненіе его намѣренія. Вы конечно не думаете чтобы могла считать серіознымъ препятствіемъ къ союзу предельному да небесахъ неравенство общественнаго положенія вашихъ дѣтей. Освободитесь и вы, молю васъ, отъ стойкихъ и противныхъ христіанству сословныхъ предубежденій. Развѣ мы не всѣ равны предъ Богомъ? Развѣ мы всѣ равны, даже въ этомъ мірѣ, предъ болѣзью и смертью. Неудайте меня. Отъ этого зависитъ не только счастье моего сына, но и ваше собственное спокойствіе. Я предостерегаю васъ, сударыня, что вамъ не удастся, какъ вы ни стараетесь, помѣшать этимъ двумъ родственнымъ душамъ ступить рано или поздно въ брачный союзъ. Разлучите ихъ и на васъ падетъ отвѣтственность за всѣ жертвы, несчастія и несчастья чрезъ которыя пройдутъ вашъ Джорджъ и Мери чтобы соединиться вновь въ позднѣйшей жизни.

Теперь душа моя облегчена, теперь я сказала все.

Если я высказалась слишкомъ смѣло или неумышленно обидела васъ какимъ-нибудь другимъ образомъ я прошу у васъ прощенія и остаюсь, сударыня, вашей преданною слугою и доброжелательницей.

„Елена Дермоди.“

Такъ кончалось письмо.

Для меня оно нѣчто болѣе оригинальнаго образца въ столѣтнемъ родѣ. Я нахожу въ немъ пророчество странно предвѣщающее позднѣйшими событіями въ жизни Мери и ее сестры, событіями которыя будутъ описаны на этихъ страницахъ.

Моя мать оставила это письмо безъ отвѣта. Она какъ и всѣ изъ ея бѣдныхъ сосѣдей нѣсколько боялась господи и кроме того у нея было врожденное отвращеніе къ такимъ разсужденіямъ о тайнахъ духовной жизни.

Еще нѣсколько недѣль мы съ Мери наслаждались своимъ счастьемъ безъ всякой помѣхи. Конецъ насталъ когда всего менѣе ожидали его. Однажды утромъ мать моя была поражена письмомъ отъ отца въ которомъ онъ уведомилъ что ему пришлось вернуться совершенно неожиданно въ Англiю и что онъ былъ уже въ Лондонѣ, гдѣ его задерживаютъ неотложныя дѣла. Мы должны были ожидать его со дня на день.

Это извѣстiе преисполнило мою мать ужасными предчувствiями о шаткости американскихъ предпрiятiй отца. Внезапный отъѣздъ изъ Америки и странная задержка Лондонѣ казались ей зловѣщими. Въ тѣ темные дни когда я пишу желѣзная дорога и электрической телеграфъ были еще только смутными видѣнiями въ умѣ изобрѣтателя. Такiя быстрыя сообщенiя какъ теперь были невозможны намъ оставалось только ждать и надеяться.

День проходилъ за днемъ и мы знали объ отцѣ изъ краткихъ писемъ только то что дѣла все еще задерживаютъ его въ Лондонѣ. Въ то утро когда Мери и я отправились съ управляющимъ Дермоди къ птичьей закладкѣ мой отецъ все еще не обрадовалъ насъ своимъ возвращенiемъ.

### III. Сведенборгъ и Сивилла.

Теперь я могу продолжать мой разказъ съ того пункта которомъ прервалъ его въ первой главѣ.

Мери и я (какъ вы вѣроятно помните) оставили управляющаго у сада и отправились вдвоемъ въ его коттеджъ.

Подойдя къ садовой калиткѣ мы увидели слугу изъ нашего дома поджидавшаго меня съ порученiемъ отъ матери.

— Барыня проситъ васъ вернуться поскорѣе домой стережь Джорджъ. Пришло письмо отъ барыни. Онъ уведомляетъ чтобы мы ждали его сегодня.

Внимательное лицо Мери омрачилось.

— Такъ вы увидите, Джорджъ, не взглянувъ на то что я приготовила для васъ, сказала она.

Я вспомнилъ объ обѣщанномъ сюрпризѣ ожидавшемъ въ коттеджѣ. Могъ ли я обмануть ея ожиданiя? Молодая возлюбленная готова была расслакаться при мысли объ этомъ.

Я рѣшилъ остаться и попросилъ слугу передать матушкѣ то я вернусь чрезъ полчаса.

Мы вошли въ коттеджъ.

Госпожа Дермоди сидѣла по обыкновенію у окна держа на столѣхъ одну изъ мистическихъ книгъ Емануэля Сведенборга. При нашемъ появленіи она торжественно подняла руку и сдѣлала намъ знакъ чтобы мы удалились въ нашъ любимый уголъ не заговаривая съ ней. Помѣшать Сивиллѣ когда она читала свои книги считалось въ домѣ великимъ преступленіемъ. Мы тихо удалились на свои мѣста. Мери сидѣла спиной, пока сѣдая голова бабушки наклонившаяся надъ книгой и ея густыя брови сдвинувшіяся въ напряженнѣе вниманіи не показали что она углубилась опять въ чтеніе. Тогда и только тогда осторожная дѣвочка встала, удалилась на цыпочкахъ въ свою спальню и возвратилась неся въ рукахъ что-то тщательно завернутое въ ея лучшемъ батистовомъ платкѣ.

— Это-то и есть сюрпризъ? спросилъ я шепотомъ.

— Угадайте что это такое, сказала Мери также шепотомъ.

— Что-нибудь для меня?

— Для васъ. Продолжайте угадывать. Что же такое?

Я высказалъ три предположенія и всѣ три ошибочныя.

Мери рѣшилась помочь мнѣ.

— Говорите буквы по порядку пока я не остановлю васъ, сказала она.

Я началъ: *а, б, с, г, д, е, ф*. На *ф* она остановила меня.

— Это названіе вещи, сказала она,—и начинается оно съ *ф*.

Я началъ угадывать:—фазанъ, филикъ, фунтъ.... и не могъ придумать ничего болѣе.

Мери вздохнула и покачала головой.

— Вы не хотите постараться, сказала она.—Вы на цѣмъ году старше меня. Что если послѣ всѣхъ моихъ трудовъ вы скажете что такіе лустяки не могутъ интересовать никого большаго мальчика какъ вы? Продолжайте же угадывать.

— Я не угадаю.

— Вы должны.

Я отказываюсь.

Но Мери не хотѣла позволить мнѣ отказаться. Она пошла возымъ намекомъ.

— Вы сказали мнѣ однажды что вамъ пріятно было имѣть одну вещь для вашей лодки.

— Давно это было? спросилъ я.

— Давно, давно. Предъ началомъ зимы. Когда падали листы и вы взяли меня однажды покататься на лодкѣ. Вы ужь были, Джорджъ!

Упрекъ совершенно справедливый какъ относительно меня такъ и относительно всѣхъ моихъ собратьевъ и старшихъ юныхъ. Забываетъ всегда его любовь, помнитъ всегда ея любовь. Мы были еще дѣти, но мы представляли уже тысячи мужчинъ и женщинъ.

Мери вышла изъ терлѣвѣя. Забывъ о страшномъ преступленіи бабушки, она прыгнула и вытряхнула изъ платка свѣтаиственный подарокъ.

— Вотъ, воскликнула она.—Видите теперь что это такое

Я вспомнилъ наконецъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ я выразилъ желаніе имѣть новый флагъ для моей лодки теперь Мери дарила мнѣ флагъ. На зеленомъ фонѣ были вышиты бѣлый голубокъ съ масляною вѣтвью во рту, вышитой золотомъ. Видно было что работа сдѣлана неопытными дѣтскими пальцами, но какъ преданно запомнила моя маленькая подруга мое желаніе, какъ терлѣвѣя втыкала она иглу въ нарисованный узоръ, сколько часовъ провела она этимъ дѣломъ! Какъ описать мою гордость, моею благодарностью, мое счастье? Я тоже позабылъ о присутствіи Сивиллы занятой чтеніемъ, я заключилъ маленькую труженицу мои объятія и цѣловалъ ее пока у меня захватило духъ.

— Мери, воскликнулъ я въ первомъ порывѣ восторга, мой отецъ вернется сегодня. Я поговорю съ нимъ немедленно и завтра женюсь на васъ.

— Мальчикъ! раздался торжественный голосъ на другой сторонѣ комнаты. — Поди сюда.

Сивилла взяла меня за руку съ важностью которая была для меня новостью въ ней.

— Цѣвишь ты эту игрушку? спросила она указывая на флагъ.—Спрячь ее, воскликнула она прежде чѣмъ я успѣлъ отвѣтить.—Спрячь ее, или ее отнимутъ у тебя.

— Для чего же спрятать? возразилъ я. — Я навяжу ее на мачту моей лодки.

— Ты никогда не навяжешь ее на мачту твоей лодки!

ими словами она отняла у меня флагъ и спрятала его со страшною ловкостью въ карманъ моего сюртука.

— Не ищите его, бабушка, сказала Мери жалобно.

Я повторилъ мой вопросъ.

— Почему я никогда не навяжу его на мачту моей лодки? Старушка положила руку на закрытый томъ Сведенборга лежавшій на ея козлахъ.

— Три раза открывала я сегодня эту книгу, сказала она,— и ни разу слова пророка предувѣдомляли меня о приближающемся горѣ. Дѣти! Горе предвѣщается вамъ. Я гляжу туда,— указала она на лучъ солнца разстилавшійся по комнатѣ,— и вижу въ божественномъ свѣтѣ моего мужа. Онъ грустно качаетъ головой и указываетъ своей безошибочною рукой на насъ. Джорджъ и Мери, вы предназначены другъ для друга. Будьте всегда достойны вашего предназначенія, будьте всегда достойны самихъ себя.— Она замолчала, голосъ измѣнился. Она взглянула на насъ съ грустною вѣжностью какъ будто предчувствуя близкую разлуку.— Станьте на козлы,— сказала она тихимъ голосомъ въ которомъ слышались слезы и горе.— Я благословляю васъ и помолюсь надъ вами можетъ-быть въ послѣдній разъ въ этомъ домѣ. Станьте на козлы.

Мы опустились на козлы у ея ногъ. Я слышалъ какъ билось сердце Мери когда она жалась ко мнѣ все ближе и ближе. Я чувствовалъ что и мое сердце забилось быстрее отъ какого-то неопредѣленнаго страха.

— Да благословить и да сохранить Господь Джорджа и Мери въ этой жизни и въ будущей. Да приметъ Господь подъ свой покровъ союзъ предопредѣленный Его мудростью. Аминь. Да будетъ. Аминь.

При послѣднихъ словахъ ея дверь коттеджа отворилась и мой отецъ, сопровождаемый управляющимъ, вошелъ въ комнату.

Госпожа Дермоди медленно подвигалась на ноги и взглянула на него со строгою провинцательностью.

— Настало, сказала она. — Оно смотритъ глазами, оно будетъ говорить голосомъ этого человѣка.

Мой отецъ первый прервалъ послѣдовавшее молчаніе. Онъ обратился къ управляющему.

— Вы сами видите, Дермоди, сказалъ онъ.— Сынъ мой въ ищемъ коттеджъ когда ему сѣдуетъ быть дома.

Отецъ глянулъ на меня. Я стоялъ объявъ Мери и дожидаясь возможности заговорить.

— Джорджъ, сказалъ онъ съ жесткою уаибкой всегда появлявшеюся на его лицѣ когда онъ сердился и хотѣлъ скрыть это.—Ты разыгрываешь изъ себя дурака. Оставь эту дѣвочку и иди ко мнѣ.

Теперь настало мнѣ время объясниться. По вѣщности я былъ еще мальчикъ, но чувствамъ я внезапно сдѣлался мужчиной.

— Я радъ что вы вернулись домой, лала, сказалъ я.—Эта дѣвочка Мери Дермоди. Я люблю ее и она любитъ меня. Я хочу жениться на ней лишь только вы и мама признаете это возможнымъ.

Отецъ расхохотался. Но прежде чѣмъ я рѣшился заговорить опять его расположеніе духа измѣнилось. Онъ замѣтилъ что Дермоди тоже сдѣлалъ видъ что эта сцена забавляла его. Отецъ мгновенно обезумѣлъ отъ гнѣва.

— Мнѣ рассказывали объ этомъ адскомъ безуміи, сказалъ онъ,—но я не хотѣлъ вѣрить. Кто вскружилъ глаулу голову этого мальчика? Кто поощрялъ его волочиться за этимъ ребенкомъ? Если это вы, Дермоди, это худшее дѣло какое вы сдѣлали въ своей жизни.

И прежде чѣмъ управляющій успѣлъ сказать что-нибудь въ свою защиту, отецъ обратился опять ко мнѣ.

— Слышишь что я говорю? Я приказываю тебѣ оставить эту дѣвочку и идти со мною домой.

— Слышу, лала, отвѣчалъ я.—Но побывъ съ вами я вернусь опять къ Мери.

Какъ ни сердился отецъ, но онъ былъ положительно ошеломленъ моею смѣлостью.

— Дерзость этого идиота превосходитъ всякое вѣроятіе воскликнулъ онъ.—Я говорю тебѣ что ты никогда болѣе не войдешь въ эти двери. Тебя научили здѣсь противиться мнѣ. Тебѣ вбили въ голову вещи о которыхъ мальчикъ твоихъ лѣтъ не долженъ имѣть помятія, а скажу болѣе—съ которыми не познакомилъ бы тебя ни одинъ честный человекъ.

— Извините, сэръ, вмѣшался Дермоди почтительно и вмѣстѣ твердо.—Хозяинъ въ раздраженіи пользуется преимуществомъ говорить много лишняго человеку который служить ему, и вы вышли изъ всякихъ границъ. Вы оскорбляете меня, сэръ въ присутствіи моей матери и моего ребенка.

Отецъ прервалъ его.

— Остальное вы можете не высказывать, сказалъ онъ.— Мы бога не хозяинъ и не слуга. Когда смилъ мой началъ таскаться въ вашъ коттеджъ и играть въ любовь съ вашей дочерью вы обязаны были затворить для него свои двери. Вы уступали вопреки своей обязанности. Я не доверяю вамъ богу. Я даю вамъ мѣсячный срокъ, Дермоди, затѣмъ вы оставите ваше мѣсто.

Управляющій твердо принялъ вызовъ отца. Онъ не былъ богу добродушнымъ, скромнымъ человѣкомъ какимъ я зналъ его до сихъ поръ.

— Позвольте мнѣ отказаться отъ вашей мѣсячной отсрочки, сэръ, сказалъ онъ.— Вы не будете имѣть возможности повторить то что сказали мнѣ сейчасъ. Я сегодня же принимаю вамъ счеты, а завтра уѣду.

— На этотъ разъ мы сойдемся, сказалъ отецъ.— Чѣмъ скорѣе вы уѣдете, тѣмъ лучше.

Онъ перешелъ комнату и положилъ руку на мое плечо.

— Выслушай меня, сказалъ онъ дѣлая посадымую попытку овладѣть собою.— Я не хочу спорить съ тобой въ присутствіи отлученнаго слуги. Съ этими гаулостами надо покончить. Оставь этихъ людей укладывать ихъ пожитки и войдемъ со мною домой.

Его тяжелая рука напиравшая на мое плечо какъ будто выжимала изъ меня духъ сопротивленія. Я уступилъ на столько что свизошелъ до просьбы.

— О, папа, папа, не разлучайте меня съ Мери, воскликнулъ я.— Посмотрите какая она прекрасная и добрая. Она вынула флагъ для моей лодки. Позвольте мнѣ приходить къ ней. Я не могу жить безъ нея.

Я не могъ продолжать. Моя бѣдная маленькая Мери залилась слезами. Но ни мои моальбы, ни ея слезы не поколебали отца.

— Иди домой добровольно или ты привудишь меня увести тебя силой. Выбирай что хочешь, но я во что бы то ни стало разлучу тебя съ этою дѣвочкой.

— Ни вы и ни одинъ смертный не въ силахъ разлучить насъ, раздавался голосъ за нами.— Откажитесь отъ этого заблужденія пока еще не поздно, хозяинъ.

Мой отецъ быстро обернулся и увидалъ госпожу Дермоди стоявшую въ полномъ свѣтѣ окна. Въ началѣ спора она уда-

лилась въ уголъ за каминомъ и оставалась тамъ въ ожиданіи пока послѣдняя угроза отца не побудила ее вмѣшаться.

Съ минутой они глядѣли другъ на друга. Отецъ вѣроятно считалъ унижительнымъ для себя отвѣчать ей и обратился опять ко мнѣ.

— Я медленно проговорю: разъ, два, три, сказалъ онъ.— Прежде чѣмъ я дойду до послѣдняго числа ты долженъ рѣшить покорись ли ты мнѣ добровольно или подвергаешься униженію быть уведеннымъ насильно.

— Куда бы вы ни увели его, сказала госпожа Дермоди, — онъ вездѣ будетъ на пути къ женитьбѣ на моей внучкѣ.

— А гдѣ буду я? позвольте спросить, обратился къ ней отецъ не выдержавшій на этотъ разъ.

Отвѣтъ послѣдовалъ немедленно въ слѣдующихъ поразительныхъ словахъ:

— Вы будете на пути къ гибели и къ смерти.

Отецъ мой отвернулся отъ пророчицы съ презрительною улыбкой.

— Разъ! произнесъ онъ начиная считать.

Я стиснулъ зубы и схватилъ Мери обѣими руками. Я вслѣдовалъ долю характера отца и ему пришлось теперь убраться въ этомъ.

— Два! произнесъ онъ подождаясь немного.

Мери подняла свои дрожащія губы къ моему уху.

— Пустите меня, Джорджъ, прошелтада она. — Я не могу выносить этого. Посмотрите какъ онъ хмурится. Я знаю что онъ сдѣлаетъ вамъ больно.

Отецъ подвѣлъ указательный палецъ въ видѣ предостереженія что готовится произнести *три*.

— Остановитесь! воскликнула госпожа Дермоди.

Отецъ оглянулся на нее опять съ насмѣшливымъ изумленіемъ.

— Извините, сударыня, сказалъ онъ. — Имѣете вы сообщить мнѣ что-нибудь особенное?

— Мужъ! возразила Сивилла.— Зачѣмъ ты говоришь легкомысленно? Развѣ я говорю съ тобой легкомысленно? Я предостерегаю тебя что ты долженъ склонить свою волю предъ волей которая могущественнѣе твоей. Души этихъ дѣтей родственныя души. Они соединены и для временной и для вѣчной жизни. Положи между ними землю и моря и они все же будутъ вмѣстѣ, они будутъ сообщаться въ видѣнахъ,



они будутъ являться другъ другу во свѣтѣ. Свяжи ихъ земными узлами, жени своего сына, когда придетъ время, на другой женщинѣ, отдай мою внучку за другаго мужчину и все это будетъ бесполезно. Говорю тебѣ что все это будетъ бесполезно. Ты можешь обречь ихъ горю, ты можешь довести ихъ до грѣха — день ихъ соединенія на землѣ все же останется днемъ предопредѣленнымъ на небесахъ. Онъ настанетъ! Онъ неминуемо настанетъ! Покорись пока еще есть время покориться. Я вижу твою гибель, я вижу печать смерти на твоемъ лицѣ. Уйди и предоставь этимъ посвященнымъ идти вмѣстѣ по темнымъ путямъ міра подъ защитой ихъ невѣдлости, при свѣтѣ ихъ любви. Иди и да проститъ тебя Господь.

Отецъ противъ своей воли былъ пораженъ силой убѣжденія внушившей эти слова. Мать управляющаго произвела на него впечатаніе трагической актрисы на сценѣ. Она оставила насмѣшливый отвѣтъ на его губахъ, но она не поколебала его желѣзной воли. Лицо его было жестче чѣмъ когда-либо когда онъ обратился опять ко мнѣ.

— Послѣдній шансъ, Джорджъ, сказалъ онъ и подождавъ моего произнесъ:— три!

Я не сдѣлалъ никакаго движенія, не сказалъ ни слова.

— Такъ ты этого хочешь? сказалъ отецъ, сжавъ крѣпче мою руку.

Я крѣпче сжалъ Мери и сказалъ ей шепотомъ:— „я не покину тебя“. Она повидимому не слыхала меня, она дрожала съ головы до ногъ, у нея вырвался слабый крикъ ужаса. Дермоди внезапно выступилъ впередъ. Прежде чѣмъ отцу удалось оттащить меня отъ двери, Дермоди шепнулъ мнѣ на ухо: „вы можете отдать ее мнѣ, мистеръ Джорджъ“, и освободилъ свою дочь изъ моихъ объятій. Она съ мольбой протянула ко мнѣ опять свои тонкія ручки. „Прощай, милый“, сказала она тихо и голова ея опустилась на грудь ея отца. Мой отецъ повлекъ меня къ двери. Въ безпомощномъ горѣ и въ ярости я сопротивлялся со всею силой какаю у меня осталась и кричалъ обращаясь къ моей возлюбленной: „я люблю тебя, Мери! Я вернусь къ тебѣ! Я не женюсь ни на комъ кромѣ тебя.“ Отецъ увлекалъ меня шагъ за шагомъ все дальше и дальше. Когда я бросилъ на мою возлюбленную послѣдній взглядъ, голова ея все еще лежала на груди отца. Ея бабушка стояла возлѣ гроба моему отцу своими иссохшими

руками и повторяя въ истерическомъ изступленіи свое страшное предсказаніе: „Иди! Ты идешь къ своей гибели, ты идешь къ своей смерти!“ Голосъ ея все еще звучалъ въ моихъ ушахъ когда дверь коттеджа затворилась за мной. Все было кончено! Скромный міръ моей дѣтской любви и моихъ дѣтскихъ радостей исчезъ какъ сонъ. Предо мной открылся міръ моего отца, страшная пустыня лишенная любви и радостей. Да проститъ мнѣ Господь—какъ я ненавидѣлъ отца въ ту минуту.

#### IV. Заванъ съ опускается.

Остальную часть дня и слѣдующую ночь я просидѣлъ арестованный въ моей комнатѣ подъ надзоромъ слуги на преданность котораго отецъ могъ положиться.

На слѣдующее утро я сдѣлалъ попытку бѣжать, но былъ пойманъ прежде чѣмъ успѣлъ выбраться изъ дома. Заключенный опять въ мою комнату, я написалъ Мери и всунулъ письмо въ руку прислуживавшей мнѣ горничной. Безполезно. Мой бдительный стражъ залодозривъ дѣвушку, послѣдовалъ за ней и отнялъ у нея письмо. Оно было затѣмъ разорвано собственными руками отца.

Позже въ этотъ день матери моей позволено было поглядѣться со мной.

Она была совершенно неспособна, бѣдная, заступиться за меня или послужить какимъ-нибудь другимъ образомъ моимъ интересамъ. Отецъ сразилъ ее извѣстіемъ что она и я должны отправиться съ нимъ немедленно въ Америку.

— Все что у него есть до послѣдняго фардинга будетъ употреблено на это ненавистное предпріятіе, сказала мнѣ мать.—Онъ добылъ денегъ въ Лондонѣ, онъ отдалъ этотъ домъ въ наемъ какому-то богатому купцу на семь лѣтъ, онъ продалъ серебряную посуду и драгоценности доставшіяся мнѣ отъ матери. Все это будетъ поглощено землею въ Америкѣ. У насъ не осталось дома, Джорджъ, и мы волей или неволей должны послѣдовать за нимъ.

Часъ слуста предъ нашимъ домомъ уже стояла почтовая карета.

Отецъ самъ повелъ меня къ экипажу. Я сдѣлалъ отчаянное усиліе противъ котораго не устояла даже его рѣшимость

и шивался у него. Я любѣжалъ, я полетѣлъ по тропикѣ которая вела къ коттеджу Дермоди. Дверь была отворена, въ гостиной не было никого. Я прошелъ въ кухню, я прошелъ въ верхнія комнаты. Вездѣ пустота. Управляющій уѣхалъ и везъ съ собой и мать свою и дочь. Ни одного друга, ни одного соседа не было вблизи съ порученіемъ ко мнѣ, я не имѣлъ ни письма, ни какого-либо другаго указанія по которому могъ бы узнать куда они удалились. Послѣ оскорбительныхъ словъ моего отца гордость Дермоди прѣвѣшила ему оставить какое-нибудь указаніе на свое будущее мѣсто-пробываніе, онъ не хотѣлъ чтобъ отецъ подумалъ что это указаніе оставлено съ намѣреніемъ привлечь меня опять къ Мери. У меня не было никакихъ вещественныхъ воспоминаній о моей возлюбленной кромѣ зеленого флага вышитаго ея руками. Мебель стояла еще въ коттеджѣ. Я сѣлъ возлѣ пустаго стула Мери въ нашемъ любимомъ углу, поглядѣлъ на зеленый флагъ и залился слезами.

Легкое прикосновеніе заставило меня придти въ себя. Отецъ уступилъ настолько что предоставилъ матери сходить за мной и вернуть меня къ экилажу.

— Мы здѣсь не найдемъ Мери, Джорджъ, сказала она ласково. — Но намъ можетъ-быть удастся узнать о ней что-нибудь въ Лондонѣ. Пойдемъ со мной.

Я всталъ и молча подалъ ей руку. Когда мы подошли къ двери явчто особенное на всегда безукоризненно чистомъ косякѣ, близко къ полу, привлекло мое вниманіе. Взглянувъ пристальнѣе я увидалъ что это были слова написанныя карандашомъ, потомъ узналъ дѣтскій, не установленный почеркъ моей подруги. „Прощай, милый, не забывай Мери“, прочелъ я.

Я опустился на колѣни и поцѣловалъ написанное. Это было для меня облегченіемъ, это было какъ будто прощальное прикосновеніемъ къ ея рукѣ. Послѣ этого я покорно поспѣдовалъ за матерью.

Въ эту ночь мы прибыли въ Лондонъ.

Моя добрая мать сдѣлала для меня все что возможно было сдѣлать въ ея положеніи. Она написала тайно къ повѣреннымъ своей фамиліи, дала имъ описаніе наружности Дермоди, его матери и дочери и просила завести справки о нихъ во всѣхъ лондонскихъ почтовыхъ конторахъ и у двухъ родственниковъ Дермоди жившихъ въ Лондонѣ. Сдѣлавъ

это она сдѣлала все что было въ ея силахъ. Ни у неа, ни у меня не было достаточно денегъ чтобы напечатать объявленіе въ газетахъ.

Недѣлю спустя мы отплыли въ Соединенные Штаты. Въ эту недѣлю я два раза справлялся у юристовъ и оба раза узнавалъ что лоиски ихъ не увѣнчались никакимъ успѣхомъ.

Этимъ кончается первая эпоха исторіи моей любви.

Въ теченіе долгихъ десяти лѣтъ послѣ этого я ни разу не встрѣчался съ моей маленькой Мери и даже не знала дожила ли она до зрѣлаго возраста или нѣтъ. Я хранилъ зеленый флагъ съ вышитымъ голубкомъ. Все остальное изъ нашихъ золотыхъ дней у Зеленаго Озера было поглощено водами забвенія.

*(Продолженіе слѣдуетъ.)*

# АННА КАРЕНИНА \*

## РОМАНЪ

### XI.

Никто кромѣ самыхъ близкихъ людей къ Алексию Александровичу не зналъ что этотъ съ виду самый холодный и бесчувственный человѣкъ имѣлъ одну, противорѣчившую ему складу своего характера, слабость. Алексѣй Александровичъ не могъ равнодушно слышать и видѣть слезы ребенка или женщины. Видъ слезъ приводилъ его въ растерянное состояніе, и онъ терялъ совершенно способность соображенія. Правитель его канцеляріи и секретарь знали это предувѣдомляли просительницъ чтобъ отнюдь не плакали на не хотятъ испортить свое дѣло. „Онъ разсердится и не захочетъ васъ слушать“, говорили они. И дѣйствительно, въ этихъ случаяхъ душевное расстройство, производимое на Алексіа Александровича слезами, выражалось торопливымъ извѣщеніемъ. „Я не могу, не могу ничего сдѣлать. Извольте выждать!“ кричалъ онъ обыкновенно въ этихъ случаяхъ. Когда, возвращаясь со скачекъ, Анна объявила ему о своихъ отношеніяхъ къ Вронскому и тотчасъ же вслѣдъ за

\* См. Русск. Вѣстн. №№ 1, 2, 3 и 4й 1875 года.

этимъ, закрывъ лицо руками, заплакала, Алексѣй Алексан-  
дровичъ, несмотря на мучительную боль и злобу къ ней, ко-  
торая онъ испыталъ при этомъ, почувствовалъ въ то  
время приливъ того душевнаго разстройства которое на  
его всегда производили слезы. Зная это и зная что выра-  
женіе въ эту минуту его чувствъ было бы несоответствен-  
положенію, онъ старался удержать въ себѣ всякое прояв-  
леніе жизни и потому не шевелился и не смотрѣлъ на нее.  
Отъ этого-то и происходило то странное выраженіе мертв-  
ности на его лицѣ, которое такъ поразило Анну.

Когда они подѣхали къ дому, онъ высадивъ ее изъ ка-  
реты и сдѣлавъ усилие надъ собой, съ привычною учти-  
стою простился съ ней и произнесъ тѣ слова которыя ни  
чему не обязывали его; онъ сказалъ что завтра сообщитъ  
ей свое рѣшеніе.

Слова жены, подтвердившія его худшія сомнѣнія, произ-  
ли жестокою боль въ сердцѣ Алексѣя Александровича. Но  
эта была усилена еще тѣмъ страннымъ чувствомъ физи-  
ческой жалости къ ней которую произвели на него ея слезы.  
Но оставшись одинъ въ каретѣ, Алексѣй Александровичъ  
къ удивленію своему и радости, вдругъ почувствовалъ сов-  
шенное освобожденіе и отъ этой жалости и отъ мучившей  
его въ послѣднее время сомнѣній и страдающей ревности.

Онъ испытывалъ чувство человѣка выдержавшаго до  
болѣзней зубъ; когда послѣ страшной боли и ощущенія  
го-то громаднаго, больше самой головы, вытягиваемаго  
челюсти, больнои вдругъ, не вѣря еще своему счастью, ч-  
стствуетъ что не существуетъ болѣе того что такъ до  
отравляло его жизнь, приковывало къ себѣ все вниманіе  
что онъ опять можетъ жить, думать и интересоваться не  
только своимъ зубомъ. Это чувство испыталъ Алексѣй А-  
лександровичъ. Боль была странная и страшная, но теперь  
прошла; онъ чувствовалъ что можетъ опять жить и думать  
не объ одной женѣ. Одно что оставалось, это было раздѣ-  
леніе на нее, за то что она такъ долго портитъ его жизнь.

— Безъ чести, безъ сердца, безъ религіи, испорченная жи-  
тельница! Это я всегда зналъ и всегда видѣлъ, хотя и стара-  
лся жалѣя ее, обманывать себя, но я это всегда видѣлъ, ска-  
залъ себѣ. И ему дѣйствительно казалось что онъ всегда  
видѣлъ; онъ припоминалъ подробности ихъ прошедшей жи-  
зни которыя прежде не казались ему чѣмъ-либо дурнымъ, а

въ эти подробности ясно показывали что она всегда была искренною. „Я ошибся, связавъ свою жизнь съ нею, но въ шикъ моей вѣтъ ничего дурного, и потому я не могу быть несчастливъ. Виновать не я“, говорилъ онъ себѣ, „но она. Но не вѣтъ дѣла до нея. Она не существуетъ для меня...“

Все что постигнуть ее и сына, къ которому точно также какъ и къ ней пережвивались его чувства, перестало занимать его. Одно что занимало его теперь, это былъ вопросъ: какъ какъ наилучшимъ, наилучшимъ, удобнымъ образомъ себя и потому справедливымъ образомъ отряхнуться отъ той грязи которою она забрызгала его въ своемъ лакеи, и продолжать идти по своему пути дѣлательной, честной и полезной жизни.

„Я не могу быть несчастливъ отъ того что презрѣнная женщина сдѣлала преступленіе, я только долженъ найти наилучшій выходъ изъ того тяжелаго положенія въ которое она ставитъ меня. И я найду его“, говорилъ онъ себѣ, хмурясь больше и больше. „Не я первый, не я послѣдній.“ И не говоря объ историческихъ примѣрахъ, начиная отъ освѣженнаго въ памяти всѣхъ *Прекрасною Еленою* Менделѣемъ, дѣлалъ случаи современныхъ невѣрностей женъ мужьямъ нашего свѣта возникъ въ воображеніи Алексѣя Александровича. „Дарьяловъ, Полтавскій, князь Карибановъ, графъ Паскуинъ, Драмъ... Да, и Драмъ... такой честный, дѣльный человекъ... Семеновъ, Чагинъ, Сиговинъ“, вспоминалъ Алексѣй Александровичъ. „Положимъ, какой-то неразумный ridicule падаетъ на этихъ людей, но я никогда не видѣлъ въ этомъ ничего кромѣ несчастія и всегда сочувствовалъ ему“, говорилъ себѣ Алексѣй Александровичъ, хотя это и было неправда и онъ никогда не сочувствовалъ несчастіямъ этого рода, а тѣмъ выше цѣнилъ себя, чѣмъ чаще были примѣры паденья изысканныхъ своимъ мужьямъ. Это несчастіе которое падаетъ постигнуть всякаго. И это несчастіе постигло меня. Было только въ томъ, какъ наилучшимъ образомъ переместить мое положеніе.“ И онъ сталъ перебирать подробности образъ дѣлательныхъ людей находившихся въ такомъ же какъ и онъ положеніи.

„Дарьяловъ драгся на дуэли...“

Дуэль въ юности особенно привлекала мысли Алексѣя Александровича, именно потому что онъ былъ физически

робкій человекъ и хорошо зналъ это. Алексѣй Александровичъ безъ ужаса не могъ подумать о пистолетѣ на него и направленномъ, и никогда въ жизни не употреблялъ никакаго оружія. Этотъ ужасъ смолоду часто заставлялъ его думать о дуэли и примѣривать себя къ положенію въ которомъ ему было подвергать жизнь свою опасности. Достигнувъ успеха и твердаго положенія въ жизни, онъ давно забылъ объ этомъ чувствѣ; но привычка чувства взяла свое, и стража свою трусость и теперь оказался такъ силенъ что Алексѣй Александровичъ долго и со всѣхъ сторонъ обдумывалъ и ласкалъ мыслью вопросъ о дуэли, хотя и впередъ зналъ что онъ ни въ какомъ случаѣ не будетъ драться.

„Безъ сомнѣнія наше общество еще такъ дико (не то что въ Англіи) что очень многіе“,—и въ числѣ этихъ многіхъ были тѣ мнѣніемъ которыхъ Алексѣй Александровичъ особенно дорожилъ,—„посмотрять на дуэль съ хорошей стороны; какой результатъ будетъ достигнуть? Положимъ, я вызову дуэль“, продолжалъ про себя Алексѣй Александровичъ, и живо представилъ себѣ ночь которую онъ проведетъ послѣ вызова, пистолетъ на него направленный, онъ содрогнулся, и началъ что никогда онъ этого не сдѣлаетъ, но продолжалъ обдумывать предположеніе. „Положимъ, я вызову его на дуэль. Положимъ, меня научатъ, поставятъ, я пожму гашетку“, говорилъ онъ себѣ, закрывая глаза, „и окажется что я убилъ его.“ Все это было такъ безсмысленно что Алексѣй Александровичъ потрясъ головой чтобъ отогнать эти глупыя мысли. „Какой смыслъ имѣетъ убійство человека для того чтобъ опредѣлить свое отношеніе къ преступной женѣ сыну? Точно также я долженъ буду рѣшать что долженъ дѣлать съ ней. Но что еще вѣроятнѣе и что несомнѣнно будетъ — я буду убитъ или раненъ. Я, невиноватый человекъ жертва — убитъ или раненъ. Еще безсмысленнѣе. Но ма этого: вызовъ на дуэль съ моей стороны будетъ поступокъ не честный. Развѣ я не знаю впередъ что мои друзья и когда не допустятъ меня до дуэли—не допустятъ того что жизнь государственнаго человека, нужнаго Россіи, подверглась опасности. Что же будетъ? Будетъ то что я, зная впередъ что никогда дѣло не дойдетъ до опасности, захотѣлъ только придать себѣ этимъ вызовомъ нѣкоторый ложный блескъ. Это нечестно, это фальшиво, это обманъ другихъ и самого себя. Дуэль же мыслима, и никто не ждетъ ея отъ меня. Цѣль же



стоитъ въ томъ чтобъ обезпечить всю репутацію, нужную ей для безпрепятственнаго продолженія своей дѣятельности.<sup>6</sup> Мужская дѣятельность, и прежде въ глазахъ Алексѣя Александровича имѣвшая большое значеніе, теперь представлялась ему особенно значительна.

Обсудивъ и отвергнувъ дуэль, Алексѣй Александровичъ обратился къ разводу, другому выходу избранному имъ которыми изъ тѣхъ мужей которыхъ онъ вспомнилъ. Перебирая въ воспоминаніи всѣ извѣстные случаи разводовъ (ихъ было очень много въ самомъ высшемъ, ему хорошо извѣстномъ обществѣ), Алексѣй Александровичъ не нашелъ ни одного гдѣ бы цѣль развода была та которую онъ имѣлъ въ виду. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мужъ уступалъ или продавалъ невѣрную жену, и та самая сторона которая являлась въ виду не имѣла права на вступленіе въ бракъ, вступала въ вымышленныя, мнимо узаконенныя отношенія съ новымъ супругомъ. Въ своемъ же случаѣ, Алексѣй Александровичъ видѣлъ что достиженіе законнаго, т.-е. такого развода гдѣ была бы только отвергнута виновная жена—невозможно. Онъ видѣлъ что сложныя условія жизни, въ которыхъ находилась она, не допускали возможности тѣхъ грубыхъ доказательствъ которыхъ требовалъ законъ для уличенія преступности жены; видѣлъ то что извѣстная утонченность этой жизни не допускала и примѣненія этихъ доказательствъ, если бы они и были, что примѣненіе этихъ доказательствъ грозило бы ему въ общественномъ мнѣніи болѣе чѣмъ ее.

Попытка развода могла привести только къ скандальному процессу, который былъ бы находкой для враговъ Алексѣя Александровича, для клеветы и униженія его высокаго положенія въ свѣтѣ. Главная же цѣль, опредѣленіе положенія съ наименьшимъ разстройствомъ, не достигалась и черезъ разводъ. Кромѣ того, при разводѣ, даже при попыткѣ развода, очевидно было что Анна разрывала сношенія съ мужемъ и соединялась съ своимъ любовникомъ. А въ душѣ Алексѣя Александровича, несмотря на полное, теперь, какъ ему казалось, презрительное равнодушіе къ женѣ, оставалось въ отношеніи къ ней одно чувство—нежеланіе того чтобъ она беспрепятственно могла соединиться съ Вронскимъ, чтобы преступленіе ея было для нея выгодно. Одна мысль эта такъ раздражала Алексѣя Александровича что только представлявъ себѣ это, онъ замычалъ отъ внутренней боли и при-

подвѣлся и перемѣнилъ много въ каретѣ, и долго посаѣ то нахмуренный, закрывавъ свои зѣбкія и костлявыя ноздри пушистымъ пледомъ.

Кромѣ формальнаго развода, можно было еще поступить какъ Карибановъ, Паскудинъ и этотъ добрый Драмъ, т. е. есть развѣхаться съ женой, продолжалъ онъ думать успѣшнѣе; но и эта мѣра представляла тѣ же неудобства павора, какъ и при разводѣ, и главное это точно также какъ и формальный разводъ, бросало его жену въ объятія Вроцкаго. „Нѣтъ, это невозможно, невозможно!“ олять при малой перевертыватъ свой пледъ, громко заговорилъ онъ „Я не могу быть несчастливъ, но и она и онъ не должны быть счастливы.“

Чувство ревности, которое мучило его во время неустойчивости, прошло въ ту минуту когда ему съ болью было выдернуть зубъ словами жены. Но чувство это замѣнилось другимъ: желаніемъ чтобъ она не только не торжествовала, но получила возмездіе за свое преступленіе. Онъ признавалъ этого чувства, но въ глубинѣ души ему хотѣлось чтобъ она пострадала за нарушение его спокойствія чести. И вновь перебравъ условія дуэли, развода, разлуки вновь отвергнувъ ихъ, Алексѣй Александровичъ убѣдился что выходъ былъ только одинъ — удержать ее при себѣ, скрывъ отъ свѣта случившееся и употребивъ всѣ заботы мѣры для прекращенія связи и главное, въ чемъ самъ же себѣ онъ не признавался, — для наказанія ея. „Я долже объявить свое рѣшеніе, что обдумавъ то тяжелое положеніе въ которое она поставила семью, всѣ другіе выходы будутъ хуже для обѣихъ сторонъ чѣмъ внѣшнее situatio, и что таковое я согласенъ соблюдать, но подѣ стѣгивъ условіемъ исполненія съ ея стороны моей воли, — есть прекращенія отношеній съ любовникомъ.“ Въ подтвержденіе этого рѣшенія, когда оно уже было окончательно принято, Алексѣю Александровичу пришло еще одно важное соображеніе. „Только при такомъ рѣшеніи я поступаю и образно съ основами религіи“, сказалъ онъ себѣ, „только въ этомъ рѣшеніи я не отвергаю отъ себя преступную жену даю ей возможность исправленія и даже — какъ ни тяжело это мнѣ будетъ — посвящаю часть своихъ силъ на исправленіе и спасеніе ея.“ Хотя Алексѣй Александровичъ и зналъ что онъ не можетъ имѣть на жену нравственнаго вліянія

то изъ всей этой попытки исправленія ничего не выйдетъ кромѣ дж; хотя переживая эти тяжелыя минуты, онъ и не подумалъ ни разу о томъ чтобъ искать руководства въ религи, тогда, когда его рѣшеніе совпадало съ требованіями, какъ ему казалось, религи, эта религіозная санкція его рѣшенія давала ему полное удовлетвореніе и отчасти успокоеніе. Ему было радостно думать что и въ столь важномъ жизненномъ дѣлѣ никто не въ состояніи будетъ сказать что онъ не поступилъ согласно съ правилами той религи которой знамя онъ всегда держалъ высоко среди общаго охлажденія и равнодушія. Обдумывая дальнѣйшія подробности, Алексѣй Александровичъ не видѣлъ даже почему его отношенія къ женѣ не могли остаться такія же почти какъ и прежде. Безъ сомнѣнія, онъ никогда не будетъ въ состояніи возвратитъ ей своего уваженія; но не было и не могло быть никакихъ причинъ ему разстраивать свою жизнь и страдать вслѣдствіе того что она была дурная и невѣрная жена. „Да, пройдетъ время, все утраченное время и отношенія востановятся прежнія, скажи себѣ Алексѣй Александровичъ, то-есть, востановятся въ такой степени что я не буду чувствовать разстройства въ теченіи своей жизни. Она должна быть несчастлива, но я не виноватъ и потому не могу быть несчастливъ.“

## XII.

Подъѣзжая къ Петербургу, Алексѣй Александровичъ не только вполнѣ остановился на этомъ рѣшеніи, но и составилъ въ своей головѣ письмо, которое онъ напишетъ женѣ. Войдя въ швейцарскую, Алексѣй Александровичъ взглянулъ на письма и бумаги принесенныя изъ министерства и велѣлъ вестя за собой въ кабинетъ.

— Отложить и никого не принимать, сказалъ онъ на вопросъ швейцара съ нѣкоторымъ удовольствіемъ, служившимъ признакомъ его хорошаго расположенія духа, ударяя на словѣ „не принимать“.

Въ кабинетѣ Алексѣй Александровичъ прошелся два раза и остановился у огромнаго письменнаго стола. Онъ потрещалъ пальцами, зажегъ двѣ свѣчи и, послѣдшне сѣвъ, разложилъ письменныя принадлежности. Подумавъ съ минуту, онъ сложилъ локти на столъ, склонивъ голову, подумалъ съ

минуту и началъ писать, ни одной секунды не останавливаясь. Онъ писалъ безъ обращенія къ ней и по-французски, употребляя мѣстоименіе „вы“, не имѣющее того характера близости который оно имѣетъ на русскомъ языкѣ.

„При послѣднемъ разговорѣ нашемъ, я выразилъ вамъ мое намѣреніе сообщить свое рѣшеніе относительно предмета этого разговора. Внимательно обдумавъ все, я лишь теперь съ цѣлью исполнить это обѣщаніе. Рѣшеніе мое слѣдующее каковы бы ни были ваши поступки я не считаю себя въ правѣ разрывать тѣхъ узъ которыми мы связаны властью свыше. Семья не можетъ быть разрушена по капризу, при изволу или даже по преступленію одного изъ супруговъ и наша жизнь должна идти какъ она шла прежде. Это необходимо для меня, для васъ, для нашего сына. Я вполне увѣренъ что вы раскаетесь и раскаиваетесь въ томъ что служить поводомъ настоящаго письма, и что вы будете содѣйствовать мнѣ въ томъ чтобы забыть прошедшее. Въ противномъ случаѣ, вы сами можете предположить что что ожидаетъ васъ и вашего сына. Обо всемъ этомъ боюсь подробно надѣюсь переговорить при личномъ свиданіи. Такъ какъ время дачнаго сезона кончается, я просилъ бы васъ переѣхать въ Петербургъ какъ можно скорѣе, не позѣ вторника. Всѣ нужныя распоряженія для вашего переѣзда будутъ сдѣланы. Прошу васъ замѣтить что я приписываю особенное значеніе исполненію этой моей просьбы.

„А. Каренинъ.“

PS. „При этомъ письмѣ деньги которыя могутъ понадобиться для вашихъ расходовъ.“

Онъ прочелъ письмо и остался имъ доволенъ, особенно тѣмъ что онъ вспомнилъ приложить деньги; не было ни же стокаго слова, ни упрека, но не было и свисходительности. Главное же былъ золотой мостъ для возвращенія. Сложивъ письмо и загладивъ его большимъ массивнымъ ножомъ слоеной кости, и уложивъ въ конвертъ съ деньгами, онъ съ удовольствіемъ, которое всегда возбуждаемо было въ немъ обращеніемъ со своими хорошо устроенными письменными принадлежностями, позвонилъ.

— Перелашъ курьеру чтобы завтра доставилъ Аннѣ Аркадьевнѣ на дачу, сказалъ онъ и всталъ.

— Слушаю, ваше превосходительство; чай въ кабинетъ прикажете?

Алексѣй Александровичъ велѣлъ подать чай въ кабинетъ, и играя массивнымъ ножомъ, пошелъ къ креслу, у котораго была приготовлена лампа и начатая французская книга о евгубическихъ надписяхъ. Надъ кресломъ висѣлъ овальный въ золотой рамѣ прекрасно сдѣланный знаменитымъ художникомъ портретъ Аллы. Алексѣй Александровичъ изглазлъ на него. Непроницаемые глаза насмѣшливо и много смотрѣли на него, какъ въ тотъ послѣдній вечеръ изъ объясненія. Невыносимо нагло и вызывающе подѣйствовали на Алексѣя Александровича видъ отлично сдѣланнаго художникомъ чернаго кружева на головѣ, черныхъ волосъ и бѣлой прекрасной руки съ безымяннымъ пальцемъ покрытымъ перстнями. Алексѣй Александровичъ вздрогнулъ такъ что губы затряслись и произвелъ звукъ „брр“. Онъ отвернулся, жестко сѣлъ въ кресло и раскрылъ книгу. Онъ попробовалъ читать, но викакъ не могъ возстановить въ себѣ весна живаго прежде интереса къ евгубическимъ надписямъ. Онъ смотрѣлъ въ книгу и думалъ о другомъ. Онъ думалъ не о женѣ, но объ одномъ возникшемъ въ послѣднее время усложненіи въ его государственной дѣятельности, которое въ это время составляло главный интересъ его службы. Онъ чувствовалъ что онъ глубже чѣмъ когда-нибудь вникалъ теперь въ это усложненіе и что въ головѣ его нарождалась—онъ безъ самообольщенія могъ сказать—капитальная мысль, должнаствующая расслутать все это дѣло, возвыситъ его въ служебной карьерѣ, уронитъ его враговъ и лотому принесетъ величайшую пользу государству. Какъ только человекъ, установивъ чай, вышелъ изъ комнаты, Алексѣй Александровичъ всталъ и пошелъ къ письменному столу. Подвинувъ на середину портфель съ текущими дѣлами, онъ съ чуть замѣтною улыбкой самодовольства вынулъ изъ стойки карандашъ и погрузился въ чтеніе вытребованнаго имъ сложнаго дѣла, относившагося до предстоящаго усложненія. Усложненіе было такое: особенность Алексѣя Александровича какъ государственнаго чловѣка, та особенная ему одному свойственная характерная черта которую имѣетъ каждый выдвигающійся чиновникъ, та которая вмѣстѣ съ его упорнымъ честолюбіемъ, сдержанностью, честностью и самоувѣренностью, сдѣлала его карьеру, состояла въ ненависти, въ пренебреженіи даже къ

бумажной официальнойности и въ прямомъ, насколько возможно, отношеніи къ живому дѣлу. Вслѣдствіе этого особенность дѣятельности Алексѣя Александровича составляли сокращеніе переписки чиновниковъ и потому экономность. Случилось же что въ знаменитой комиссіи 2 іюня, въ которой участвовалъ Алексѣй Александровичъ и въ которой онъ насодилъ этою самою экономностью многимъ враждебнымъ лицамъ, выказавъ смѣло излишніе неплодотворные расходы вслѣдствіе бумажнаго отношенія къ дѣлу, случилось что въ этой комиссіи невѣткѣ на отместку было выставлено дѣло объ орошеніи полей Зарайской губерніи, находившееся въ министерствѣ Алексѣя Александровича и представлявшее рѣзкій примѣръ неплототворности расходовъ и бумажнаго отношенія къ дѣлу. Алексѣй Александровичъ зналъ что это было справедливо. Дѣло орошенія полей Зарайской губерніи было начато предшественникомъ предшественника Алексѣя Александровича. И дѣйствительно, на это дѣло было потрачено и тратилось очень много денегъ и совершенно непроизводителью, и все дѣло это очевидно ни къ чему не могло привести. Алексѣй Александровичъ, вступивъ въ должность тотчасъ же повялъ это и хотѣлъ было наложить руки на это дѣло; но въ первое время когда онъ чувствовалъ себя еще не твердо, онъ зналъ что это затрогивало слишкомъ много интересовъ и было неблагоприятно; потомъ же онъ, завявшись другими дѣлами, просто забылъ про это дѣло. Оно какъ и всѣ дѣла, шло само собою по силѣ инерціи. (Многочисленныя люди кормилось этимъ дѣломъ, въ особенности одно очень нравственное и музыкальное семейство: всѣ дочери играли на струнныхъ инструментахъ. Алексѣй Александровичъ зналъ это семейство и былъ посаженнымъ отцомъ у одной изъ старшихъ дочерей). Поднятіе этого дѣла враждебнымъ министерствомъ было, по мнѣнію Алексѣя Александровича, нечестно, потому что въ каждомъ министерствѣ были не такія дѣла, которыя никто по известнымъ служебнымъ приличіямъ не поднималъ. Теперь же если уже ему бросали эту перчатку, то онъ смѣло поднималъ ее и требовалъ назначенія особой комиссіи для изученія и проверки трудовъ комиссіи орошенія полей Зарайской губерніи, но за то уже онъ не давалъ никакого слуску и тѣмъ господамъ. Онъ требовалъ и назначенія еще особой комиссіи о дѣлѣ объ устройствѣ иородцевъ. Дѣло объ устрой-

ствѣ инородцевъ было случайно поднято въ комитетѣ 2 юня и съ энергіею поддерживаемо Алексѣемъ Александровичемъ, какъ не терпящее отлагательства по плачевному состоянію инородцевъ. Въ комитетѣ дѣло это послужило поводомъ къ пререканію нѣсколькихъ министерствъ. Министерство враждебное Алексѣю Александровичу доказывало что положеніе инородцевъ было весьма цвѣтущее, и что предполагаемое переустройство можетъ погубить ихъ процвѣтаніе, а если что есть дурнаго, то это вытекаетъ только изъ неисполненія министерствомъ Алексѣя Александровича предписанныхъ закономъ мѣръ. Теперь Алексѣй Александровичъ намѣренъ былъ требовать, во первыхъ: чтобы составлена была новая коммиссія, которой поручено бы было изслѣдовать на мѣстѣ состояніе инородцевъ; во вторыхъ, если окажется что положеніе инородцевъ дѣйствительно таково какимъ оно является въ имѣющихся въ рукахъ комитета официальныхъ данныхъ, то чтобы была назначена еще другая новая ученая коммиссія для изслѣдованія причинъ этого безотрадннго положенія инородцевъ съ точекъ зрѣнія: а) политической, б) административной, в) экономической, г) этнографической, д) матеріальной и е) религіозной; въ третьихъ, чтобы были затребованы отъ враждебнаго министерства свидѣнія о тѣхъ мѣрахъ которыя были въ послѣднее десятилѣтіе приняты этимъ министерствомъ для предотвращенія тѣхъ невыгодныхъ условій въ которыхъ нынѣ находятся инородцы, и въ четвертыхъ, наконецъ, чтобы было потребовано отъ министерства объясненіе о томъ почему оно, какъ видно изъ доставленныхъ въ комитетъ свидѣній, за №№ 17.015 и 18.808, отъ 5 декабря 1863 года и 7 юня 1864, дѣйствовало прямо противоположно смыслу кореннаго и органическаго закона томъ . . . , статья 18, и примѣчаніе въ статьѣ 36. Краска оживленія покрыла лицо Алексѣя Александровича, когда онъ быстро писалъ себѣ конспектъ этихъ мыслей. Исписавъ лѣтъ бумаги, онъ всталъ, позволилъ и передалъ записочку къ правителю канцеляріи о доставленіи ему нужныхъ справокъ. Вставъ и пройдясь по комнатамъ, онъ опять взглянулъ на портретъ, нахмурился и презрительно улыбнулся. Почитавъ еще книгу о евгубическихъ надписяхъ и возобновивъ интересъ къ нимъ, Алексѣй Александровичъ въ 11 часовъ пошелъ спать, и когда онъ лежалъ въ постели вспомнилъ о сбитіи съ женой, оно ему представилось уже совсѣмъ не въ такомъ мрачномъ видѣ.

## XIII.

Анна упорно и съ озлобленіемъ противорѣчила Вронскому когда онъ уговаривалъ ее открыть все мужу, именно потому что она считала свое положеніе ложнымъ, нечестнымъ, и что она всею душой желала, но не имѣла духа сдѣлать этого. Возвращаясь съ мужемъ со скачекъ, въ минуту волненія неожиданно для нея самой, у ней вырвалось это признаніе. Но сказавъ эти слова, она съ новою силой поняла весь ужасъ безвыходности и стыда своего положенія; закрывъ лицо руками, она заплакала. Послѣ того какъ мужъ оставилъ ее, она утѣшала себя, говоря что она рада что теперь все опредѣлится и по крайней мѣрѣ не будетъ лжи и обмана. Ей казалось несомнѣннымъ что теперь положеніе ея навсегда опредѣлится. Оно можетъ быть дурно, это новое положеніе но оно будетъ опредѣленно, въ немъ не будетъ неясности и лжи. Та боль которую она причинила себѣ и мужу, высказавъ эти слова, будетъ вознаграждена теперь тѣмъ что все опредѣлится, думала она. Но когда въ этотъ же вечеръ она увидалась съ Вронскимъ, она не сказала ему о томъ что произошло между ею и мужемъ, хотя для того чтобы положеніе опредѣлилось надо было сказать ему. Нѣсколько разъ она хотѣла сказать, нѣсколько разъ она начинала даже, но ни разу не могла выговорить. Неловкое для нея самолюбіе удерживало ее.

Когда она проснулась, на другое утро, первое что представилось ей были слова которыя она сказала мужу, и слова эти ей показались такъ ужасны что она не могла понять теперь какъ она могла рѣшиться произнести эти странные грубые слова. Но слова были сказаны. Что же произошло спрашивала она себя. Алексѣй Александровичъ уѣхалъ, ничего не сказавъ. Я видѣла Вронскаго и не сказала ему. Еще въ ту самую минуту какъ онъ уходилъ, она хотѣла воротиться и сказать ему, но раздумала, потому что было странно почему она не сказала ему въ первую минуту. „Отчего я хотѣла и не сказала ему?“ И въ отвѣтъ на этотъ вопросъ горячая краска стыда разлилась по ея лицу. Она поняла что что ее удерживало отъ этого, она поняла что ей было стыдно. Ея положеніе которое казалось уясненнымъ вчера вече-



домъ, вдругъ ей представилось не только не уясненнымъ, но безвыходнымъ. Ей стало страшно за позоръ о которомъ она прежде и не думала. Когда она только думала о томъ что сдѣлаетъ ея мужъ, ей приходили самыя страшныя мысли. Ей приходило въ голову что сейчасъ прѣдетъ управляющій выгонять ее изъ дома, что позоръ ея будетъ объявленъ всему міру. Она спрашивала себя куда она поѣдетъ, когда ее выгонять изъ дома, и не находила отвѣта.

Когда она думала о Вронскомъ, ей представлялось что онъ не любитъ ея, что онъ уже начинаетъ тяготиться ею, что она не можетъ предложить ему себя, и чувствовала враждебность къ нему за это. Ей казалось что тѣ слова которыя она сказала мужу и которыя она безпрестанно повторяла въ своемъ воображеніи, что она ихъ сказала всѣмъ и что всѣ ихъ слышали. Она не могла рѣшиться взглянуть въ глаза тѣмъ съ кѣмъ она жила. Она не могла рѣшиться позвать дѣвушку и еще меньше сойти внизъ и увидеть сына и гувернантку.

Дѣвушка, уже давно прислушивавшаяся у ея двери, вошла сама къ ней въ комнату. Анна вопросительно взглянула ей въ глаза и испуганно покраснѣла. Дѣвушка извинилась что вошла, сказавъ что ей показалось что позвонили. Она принесла платье и записку. Записка была отъ Бетси. Бетси напоминала ей что нынче утромъ къ ней съѣдутся Лиза Мерклова и баронесса Штольдъ съ своими поклонниками, Калужскимъ и старикомъ Стремовымъ, на партію крокета. „Пріѣзжайте хоть посмотрѣть, какъ изученіе нравовъ. Я васъ жду“, кончала она.

Анна прочла записку и тяжело вздохнула.

— Ничего, ничего не нужно, сказала она Аннушкѣ переставившей флаконы и щетки на уборномъ столикѣ.— Поди, я сейчасъ одѣнусь и выйду. Ничего, ничего не нужно.

Аннушка вышла, но Анна не стала одѣваться, а сидѣла въ томъ же положеніи, опустивъ голову и руки и изрѣдка содрагалась всѣмъ тѣломъ, желая какъ бы сдѣлать какой-то жестъ, сказать что-то и олять замирая. Она безпрестанно повторяла: „Господи помилуй! Господи помилуй!“ Но ни „Господи“, ни „помилуй“ не имѣли для нея никакого смысла. Мысль искать своему положенію утѣшеніе или разрѣшеніе въ религіи была для нея, несмотря на то что она никогда не сомнѣвалась въ религіи въ которой была воспитана,

также чужда какъ искать разрѣшенія въ законахъ и бумагахъ, съ которыми имѣлъ дѣло Алексѣй Александровичъ. Ей не только было тяжело, но она начинала испытывать страхъ предъ новымъ, никогда не испытаннымъ ею душевнымъ состояніемъ. Она чувствовала что въ душѣ ея все начинаетъ двоиться, какъ двоится иногда предметы въ усталыхъ глазахъ. Она не знала иногда чего она боится, чего желаетъ. Боится ли она и желаетъ ли она того что было или того что будетъ и чего именно она желаетъ — она не знала.

„Ахъ, что я дѣлаю!“ сказала она себѣ почувствовавъ вдругъ боль въ обѣихъ сторонахъ головы. Когда она опомнилась, она увидала что держать обѣими руками свои волосы около висковъ и сжимаетъ ихъ. Она вскочила и стала ходить.

— Кофей готовъ и мамзель съ Сережей ждутъ, сказала Аннушка вернувшись опять и опять заставъ Анну въ томъ же положеніи.

— Сережа? Что Сережа? оживляясь вдругъ спросила Анна, вспомнивъ въ первый разъ за все утро о существованіи своего сына.

— Онъ провинился, кажется, отвѣчала улыбаясь Аннушка.

— Какъ провинился?

— Персики у васъ лежали въ угольной, такъ, кажется, они потихонечку одинъ скушали.

Напоминаніе о сынѣ вдругъ вывело Анну изъ того безвыходнаго положенія въ которомъ она находилась. Она вспомнила ту отчасти искреннюю, хотя и много преувеличенную роль матери живущей для сына, которую она взяла на себя въ послѣдніе годы, и съ радостью почувствовала что въ томъ состояніи въ которомъ она находилась, у ней есть держава независимая отъ положенія въ которое она ставеть къ мужу и къ Вронскому. Эта держава—былъ сынъ. Въ какое бы положеніе она ни стала, она не можетъ покинуть сына. Пускай мужъ оловоритъ и выгонитъ ее, пускай Вронскій охладѣетъ къ ней и продолжаетъ вести свою независимую жизнь (она опять съ желчью и упрекомъ подумала о немъ), она не можетъ оставить сына. У ней есть дѣль жизни. И ей надо дѣйствовать, дѣйствовать чтобъ обезлечить это положеніе съ сыномъ, чтобы его не отняли у ней. Даже скорѣе, какъ можно скорѣе надо дѣйствовать пока его не отняли у ней. Надо взять сына и уѣхать. Вотъ одно что ей надо теперъ

дѣль. Это рѣшеніе дало ей цѣль и успокоило ее. А ей нужно было успокоиться, выдти изъ этого мучительнаго положенія. Мысль о прямомъ дѣлѣ, связывавшемся съ сыномъ, о томъ чтобы сейчасъ же увѣхать съ нимъ куда-нибудь, придала ей силу и бодрость.

Она быстро одѣлась, сошла внизъ и рѣшительными шагами вошла въ гостиную, гдѣ по обыкновенію ожидалъ ее кофе и Сережа съ гувернанткой. Сережа въ своей бѣленькой курточкѣ стоялъ у стола подѣ зеркаломъ и согнувшись спиной и головой, съ выраженіемъ напряженнаго вниманія, которое она знала въ немъ, и которымъ онъ былъ похожъ на отца, по-то дѣлалъ съ цвѣтами которые онъ привезъ.

Гувернантка имѣла особенно строгій видъ. Сережа произвольно, какъ это часто бывало съ нимъ, вскрикнулъ: — А, мама! и остановился въ нерѣшительности: идти ли къ матери здороваться и бросить цвѣты, или додѣлать вѣнокъ, и съ цвѣтами идти?

Гувернантка, поздоровавшись, длительно и опредѣлительно стала разказывать проступокъ сдѣланный Сережей, но Анна не слушала ея; она думала о томъ, возьметъ ли она ее съ собою. „Нѣтъ, не возьму“, рѣшила она. „Я уѣду одна, съ сыномъ“.

— Да, это очень дурно, сказала Анна, и взявъ сына за плечо, не строгимъ, а робкимъ взглядомъ, смутившимъ и обрадовавшимъ мальчика, посмотрѣла на него и поцѣловала. — Оставьте его со мной, сказала она удивленной гувернанткѣ, и не выпуская руки сына, сѣла за приготовленный съ кофею столъ.

— Мама! Я... а... не... сказалъ онъ, стараясь понять по ея выраженію что ожидаетъ его за персикъ.

— Сережа, сказала она какъ только гувернантка вышла изъ комнаты, — это дурно, но ты не будешь больше дѣлать этого... Ты любишь меня?

Она чувствовала что слезы выступаютъ ей на глаза. „Развѣ я могу не любить его?“ говорила она себѣ вникая въ его запутанный и вмѣстѣ обрадованный взглядъ. „И неужели онъ будетъ заодно съ отцомъ чтобы казнить меня? Неужели онъ пожалѣетъ меня?“ Слезы уже текли по ея лицу, и чтобы скрыть ихъ она порывисто встала и почти выбѣжала на террасу.

Послѣ грозныхъ дождей послѣднихъ дней наступила хо-

лодная, ясная погода. При яркомъ солнцѣ сквозившемъ сквозь обмытые листья, въ воздухѣ была упорная, безжалостная холодность.

Она вздрогнула и отъ холода и отъ внутренняго ужаса съ новою силою охватившихъ ее на чистомъ воздухѣ.

— Поди, поди къ Mariette, сказала она Сережѣ вышедшему было за ней и стала ходить по высыхающимъ доскамъ террасы. „Неужели они не простятъ меня, не поймутъ какъ это все не могло быть иначе?“ сказала она себѣ.

Остановившись и взглянувъ на колебавшіяся отъ вѣтривершины осыны съ обмытыми ярко блистающими на холодномъ солнцѣ листьями, она поняла что они не простятъ, что все и всё къ ней теперь будутъ безжалостны какъ это небо какъ эта зелень. И опять она почувствовала что въ душѣ у ней начинало двоиться. „Не надо, не надо думать, сказала она себѣ. Надо собираться. Куда? Когда? Кого взять съ собою? Да, въ Москву, на вечернемъ поѣздѣ. Аннушка и Сережа, и только самыя необходимыя вещи. Но прежде надо написать имъ обоимъ.“ Она быстро пошла въ домъ, въ свой кабинетъ, сѣла къ столу и написала мужу:

„Послѣ того что произошло, я не могу болѣе оставаться въ вашемъ домѣ. Я уѣзжаю и беру съ собою сына. Я знаю законы и не знаю потому съ кѣмъ изъ родителей долженъ быть сынъ; но я беру его съ собою, потому что безъ него я не могу жить. Будьте великодушны, оставьте мнѣ его.“

До сихъ поръ она писала быстро и естественно, но призывъ къ его великодушію, котораго она не признавала, и необходимость заключить письмо чѣмъ-нибудь трагическимъ, остановили ее.

„Говорить о своей винѣ и своемъ раскаяніи я не могу потому что...“

Опять она остановилась, не находя связи въ своихъ мысляхъ. „Нѣтъ, сказала она себѣ, ничего не надо“, и рывавъ письмо, переписала его, исключивъ упоминаніе о великодушіи, и запечатала.

Другое письмо надо было писать къ Вронскому. „Я объявила мужу“, писала она, и долго сидѣла не въ силахъ думи писать далѣе. Это было такъ грубо, такъ неженственно. „И потомъ что же могу я писать ему?“ сказала она себѣ. Опять краска стыда покрыла ея лицо, вспомнила

его спокойствіе, и чувство досады къ нему заставило ее разорвать на мелкіе клочки листокъ съ написанною фразой. „Ничего не нужно“, сказала она себѣ, и сложивъ бюваръ пошла наверхъ, объявила гувернанткѣ и людямъ что она идетъ нынче въ Москву и тотчасъ принялась за укладку вещей.

## XIV.

По всѣмъ комнатамъ дачнаго дома ходили дворянки, садовники и лакеи выносили вещи. Шкафы и комоды были раскрыты; два раза бѣгали въ лавочку за бичевками; по полу лежала газетная бумага. Два сундука, мѣшки и увязанные шеды были свесены въ переднюю. Карета и два извозчика стояли у крыльца. Анна, забывшая за работой укладку внутреннюю тревогу, укладывала, стоя предъ столомъ, въ своемъ кабинетѣ свой дорожный мѣшокъ, когда Аннушка обратила ее вниманіе на стукъ подъѣзжающаго экипажа. Анна взглянула въ окно, и увидела у крыльца курьера Александра Александроича который звонилъ у входной двери.

— Поди узнай что такое, сказала она, и съ спокойною готовностью на все, сложивъ руки на козлахъ, сѣла на кресло. Лакей привнесъ толстый пакетъ надписанный рукою Александра Александроича.

— Курьеру приказано привезти отвѣтъ, сказалъ онъ.

— Хорошо, сказала она, и когда человѣкъ вышелъ, она тяжело вздохнула и помедлила открывать. — Что будетъ, то будетъ! проговорила она, быстрыми пальцами разрывая письмо. Пачка заклеенныхъ въ бандеролькѣ переплетенныхъ ассигнацій выпала изъ него. Руки ея затряслись. Она выскоблала письмо и стала читать съ конца. „Я сдѣлаю приготовленія для переезда, я приписываю значеніе исполненію моей просьбы,“ прочла она въ концѣ. Она пробѣжала дальше, назадъ, прочла все и еще разъ прочла письмо все сначала. Когда она кончила, она почувствовала что ей холодно, и что надъ ней обрушилось такое страшное несчастіе каково она не ожидала.

Она раскаивалась утромъ въ томъ что она сказала мужу и желала только одного чтобъ эти слова были какъ бы не сказаны. И вотъ письмо это признавало слова несказанными

и давало ей то чего она еще утромъ такъ страстно желала. Но теперь это письмо представлялось ей ужаснѣе всего что только она могла себѣ представить.

„Правъ! правъ!“ проговорила она съ однимъ и страдальческимъ блескомъ въ глазахъ. „Разумѣется онъ всегда правъ, онъ христіанинъ, онъ великодушень! Да, низкій, гадкій чело-вѣкъ!“ сказала она. „И этого никто, кромѣ меня, не понимаетъ и не пойметъ; и я не могу растолковать. Они говорятъ: религиозный, нравственный, честный, умный чело-вѣкъ; но они не видятъ что я видѣла. Они не знаютъ какъ онъ во-семь лѣтъ душилъ мою жизнь, душилъ все что было во мнѣ живаго, что онъ ни разу и не подумалъ о томъ что я живая женщина которой нужна любовь. Не знаютъ какъ на каж-домъ шагѣ онъ оскорблялъ меня и оставался доволенъ собой. Я ли не старалась, всѣми силами старалась найти оправданіе своей жизни? Я ли не пыталась любить его, любить сына когда уже нельзя было любить мужа? Но пришло время, и поняла что я не могу больше себя обманывать, что я жи-вая, что я не виновата что Богъ меня одѣлалъ такою, что мнѣ нужно любить и жить. И теперь что же? Убилъ бы онъ меня, убилъ бы его, я все бы перенесла, я все бы простила но нѣтъ, онъ... Какъ я не угадала того что онъ сдѣлаетъ. Онъ сдѣлаетъ то что свойственно его низкому характеру. Онъ останется правъ, а меня, погибшую, еще хуже, еще ниже погубить...“ „Вы сами можете предположить то что ожидаетъ васъ и вашего сына“, вспомнила она слова изъ письма. „Это угроза что онъ отниметъ сына, и вѣроятно ли ихъ главному закону это можно. Но развѣ я не знаю зачѣмъ онъ говоритъ это? Онъ не вѣритъ и въ мою любовь къ сыну или презираетъ (какъ онъ всегда и подсмѣивался), презира-етъ это мое чувство, но онъ знаетъ что я не брошу сына не могу бросить сына, что безъ сына не можетъ быть да-же моя жизнь даже съ тѣмъ кого я люблю. Но что броситъ сына и убивавъ отъ него, я поступлю какъ самая позорная гадкая женщина; онъ знаетъ это, и знаетъ что я не въ силахъ буду сдѣлать этого.“

„Наша жизнь должна идти какъ прежде“, вспомнила она дру-гую фразу письма. Эта жизнь была мучительна еще прежде она была ужасна въ последнее время. Что же это будетъ теперь? „И онъ знаетъ все это, знаетъ что я не могу раск-рывать въ томъ что я дышу, что я люблю; знаетъ что кр-“

тъ лжи и обмана изъ этого ничего не будетъ; но ему лучше продолжать мучить меня. Я знаю его, я знаю что онъ какъ рыба въ водѣ плаваетъ и наслаждается во лжи. Но нѣтъ, я не доставлю ему этого наслажденія, я разорву эту его паутину лжи, въ которой онъ меня хочетъ опутать; пусть будетъ что будетъ. Все лучше лжи и обмана. Но какъ? Боже мой! Боже мой! Была ли когда-нибудь женщина такъ несчастна какъ я?..“

— Нѣтъ, разорву, разорву! вскрикнула она вскакивая и удерживая слезы. И она подошла къ письменному столу чтобы написать ему другое письмо. Но она въ глубинѣ души своей уже чувствовала что она не въ силахъ будетъ ничего разорвать, не въ силахъ будетъ выйти изъ этого прежняго положенія, какъ оно ни ложно и ни безчестно.

Она сѣла къ письменному столу, но вмѣсто того чтобы писать, сложивъ руки на столъ, положила на нихъ голову и заплакала, всхлипывая и колеблясь всей грудью какъ плачутъ дѣти. Она плакала о томъ что мечта ея объ усовершеніи, опредѣленіи своего положенія, разрушена навсегда. Она знала впередъ что все останется по-старому и даже гораздо хуже чѣмъ по-старому. Она чувствовала что то положеніе въ свѣтѣ которомъ она пользовалась, и которое утромъ казалось ей столь ничтожнымъ, что это положеніе дорого ей, что она не будетъ въ силахъ промѣнять его на позорное положеніе женщины бросившей мужа и сына и соединившейся съ любовникомъ; что сколько бы она ни старалась, она не будетъ сильнѣе самой себя. Она никогда не испытаетъ свободы любви, а навсегда останется преступною женой подъ угрозой ежедневнаго обличенія, обманывающею мужа для позорной связи съ человѣкомъ чуждымъ, независимымъ, съ которымъ она не можетъ жить одною жизнью. Она знала что это такъ и будетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ это было такъ ужасно что она не могла представить себѣ даже чѣмъ это кончится. И она плакала не удерживалась, какъ плачутъ наказанная дѣти.

Послѣдовавшіеся шаги лакея заставили ее очнуться и скрывъ отъ него свое лицо, она притворилась что пишетъ.

— Курьеръ проситъ отвѣта, доложилъ лакей.

— Отвѣта? Да, сказала Анна,—пускай подождетъ. Я позволю, Что я могу писать?“ думала она. „Что я могу рѣшить сама? Что я знаю? Чего я хочу? Что я люблю?“ Опять она почувствовала что въ душѣ ея начинается двояться. Она

испугалась опять этого чувства и ухватилась за первый представившійся ей предлогъ дѣятельности, который могъ бы отвлечь ее отъ мыслей о себѣ. „Я должна видѣть Алексѣя (такъ она мысленно называла Вронскаго), онъ одинъ можетъ сказать мнѣ что я должна дѣлать. Поѣду къ княгинѣ Тверской, можетъ-быть тамъ я увижу его,“ сказала она себѣ, совершенно забывъ о томъ что вчера еще когда она сказала ему что не поѣдетъ къ княгинѣ Тверской, онъ сказалъ что поэтому и онъ тоже не поѣдетъ. Она подошла къ столу, написала мужу: „Я получила ваше письмо. А.“ — и позволивъ, отдала лакею.

— Мы не ѣдемъ, сказала она вошедшей Аннушкѣ.

— Совсѣмъ не ѣдемъ?

— Нѣтъ, не раскладывайте до завтра, и карету оставить.

Я поѣду къ княгинѣ.

— Какое же платье приготовить?

## XV.

Общество партіи крокета, на которое княгиня Тверская приглашала Анну, должно было состоять изъ двухъ дамъ съ ихъ поклонниками. Двѣ дамы эти были главныя представительницы избраннаго, новаго, петербургскаго кружка, въ подражаніе подражанію чему-то, называвшіяся *les sept merveilles du monde*. Дамы эти принадлежали къ кружку, правда, высшему, но совершенно враждебному тому который Анна посѣщала. Кромѣ того старшій Стремовъ, одинъ изъ влиятельныхъ людей Петербурга, поклонникъ Лизы Меркаловой, былъ по службѣ врагъ Алексѣя Александровича. По всѣмъ этимъ соображеніямъ Анна не хотѣла ѣхать, и къ этому ея отказу относились намеки записки княгини Тверской. Теперь же Анна въ надеждѣ увидать Вронскаго пожелала ѣхать.

Анна пріѣхала къ княгинѣ Тверской раньше другихъ гостей. Въ то время какъ она входила, лакей Вронскаго съ разчесанными бакенбардами, похожій на камеръ-юнкера или товарища прокурора, входилъ тоже. Онъ остановился у двери и, слявъ фуражку, пропустилъ ее. Анна узнала его и тутъ только вспомнила что Вронскій вчера сказалъ что не поѣдетъ. Вѣроятно онъ объ этомъ прислалъ записку.



Она слышала, слышала верхнее платье въ передней, какъ лакей, выговаривавшій даже р какъ камеръ-юнкеръ, сказалъ: „отъ графа княгиня“, и передалъ записку.

Ей хотѣлось спросить гдѣ его баринъ. Ей хотѣлось вернуться назадъ и послать ему письмо чтобъ онъ пріѣхалъ къ ней, или самой ѣхать къ нему. Но ни того, ни другаго, ни третьяго нельзя было сдѣлать: уже впереди слышались объѣзжающіе о ея пріѣздѣ звонки и лакей княгини Тверской уже сталъ въ полуоборотъ у отворенной двери, ожидая ея прохода во внутреннія комнаты.

— Княгиня въ саду, сейчасъ доложить. Не угодно ли поговорить въ садъ? доложилъ другой лакей въ другой комнатѣ.

Положеніе нерѣшительности, неясности было все то же какъ и дома; еще хуже, потому что нельзя было ничего предпринять, нельзя было увидать Вронскаго, а надо было оставаться здѣсь, въ чуждомъ и столь противоположномъ се настроенію обществѣ; но она была въ туалетѣ, который, она знала, шелъ къ ней; она была не одна, вокругъ была эта привычная торжественная обстановка праздности, и ей было легче чѣмъ дома; она не должна была придумывать что ей дѣлать. Все дѣлалось само собой. Встрѣтивъ шедшую къ ней Бетси въ бѣломъ, поразившемъ ее своею элегантною туалетѣ, Анна улыбнулась ей какъ всегда. Княгиня Тверская шла съ Тушкевичемъ и родственницею барышней, къ малому счастью провинціальныхъ родителей, проводившей это у знаменитой княгини.

Вѣроятно въ Аннѣ было что-нибудь особенное, потому что Бетси тотчасъ замѣтила это.

— Я дурно спала, отвѣчала Анна, взглядываясь въ лакея который шелъ имъ на встрѣчу и, по ея соображеніямъ, несъ намъ Вронскаго.

— Какъ я рада что вы пріѣхали, сказала Бетси.—Я устала и только-что хотѣла выпить чашку чаю пока они пріѣдутъ. А вы бы пошли,—обратилась она къ Тушкевичу,—съ Машей попробовали бы крокетъ-гроундъ тамъ гдѣ подстригли. Мы съ вами успѣемъ по душѣ поговорить за чаемъ, we'll have a cosy chat, не правда ли? обратилась она къ Аннѣ съ улыбкой, пожимая ея руку, державшую зонтикъ.

— Тѣмъ болѣе что я не могу пробыть у васъ долго, мнѣ необходимо къ старой Вреде. Я уже сто лѣтъ общалась, ока-

знала Анна, для которой ложь, чуждая ея природѣ, сдѣлалась не только проста и естественна въ обществѣ, но даже доставляла удовольствіе. Для чего она сказала это, чего она за секунду не думала, она никакъ бы не могла объяснить. Она сказала это потому только соображенію что такъ какъ Вронскаго не будетъ, то ей надо обезпечить свою свободу и попытаться какъ-нибудь увидеть его. Но почему она именно сказала про старую фрейлину Вреде, къ которой ей нужно было какъ и ко многимъ другимъ, она не умѣла бы объяснить, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ потомъ оказавшись, она, придумывая самая хитрыя средства для свиданія съ Вронскимъ, не могла придумать ничего лучшаго.

— Нѣтъ, я васъ не лущу ни за что, отвѣчала Бетси, внимательно вглядываясь въ лицо Анны. — Право, я бы обидѣлась еслибы не любила васъ. Точно вы боитесь что мое общество можетъ компрометтировать васъ. Пожалуста намъ чаю въ маленькую гостиную, сказала она какъ всегда прищуривая глаза при обращеніи къ лакею.

Взявъ отъ него записку, она прочла ее.

— Алексѣй сдѣлалъ намъ ложный прыжокъ, сказала она по-французски, — онъ лишаетъ что не можетъ быть, прибавила она такимъ естественнымъ, простымъ тономъ, какъ будто ей никогда и не могло приходить въ голову чтобы Вронскій имѣлъ для Анны какое-нибудь другое значеніе какъ игрока въ крокетъ. Анна знала что Бетси все знаетъ, но слушая какъ она при ней говорила о Вронскомъ, она всегда убѣждалась на минуту что она ничего не знаетъ.

— А! равнодушно сказала Анна, какъ бы мало интересуюсь этимъ и продолжала улаиваясь: — Какъ можетъ ваше общество компрометтировать кого-нибудь?

Эта игра словами, это скрываніе тайны, какъ и для всѣхъ женщинъ, имѣло большую прелесть для Анны. И не необходимость скрывать, не дѣль для которой скрывалось, но самый процессъ скрыванія увлекалъ ее. — Я не могу быть католическіе палы, сказала она. — Стремозъ и Лиза Меркалова — это славки славокъ общества. Потомъ они приняты вездѣ и я — она особенно ударила на я — никогда не была строга и нетерпима, мнѣ просто некогда.

— Нѣтъ, вы не хотите, можетъ-быть, встрѣчаться со Стремозовымъ? Пускай они съ Алексѣемъ Александровичемъ ломаютъ кольца въ комитетѣ, это насъ не касается. Но въ свѣтѣ

то самый любезный человек, какого только я знаю, и страстный игрокъ въ крокетъ. Вотъ вы увидите. И несмотря на скверное его положеніе стараго влюбленнаго въ Лизу, надо видѣть какъ онъ вылутывается изъ этого смѣшнаго положенія. Онъ очень милъ. Сафо Штольцъ, вы не знаете? Это юный, совсѣмъ новый тонъ.

Бетси говорила все это, а между тѣмъ же веселому, умному взгляду ея, Анна чувствовала что она понимаетъ отчасти ея положеніе и что-то затѣваетъ. Онъ были въ маленькомъ кабинетѣ.

— Однако надо написать Алексію, и Бетси сѣла за столъ, написала нѣсколько строкъ, вложила въ конвертъ.—Я пишу чтобъ онъ пріѣхалъ обѣдать. У меня одна дама къ обѣду остается безъ мушкетера. Посмотрите, убѣдительно ли? Видите, я на минутку васъ оставляю. Вы пожалуйста запечатайте и отошлите, сказала она отъ двери,—а мнѣ надо сдѣлать распоряженія.

На минуты не думая, Анна сѣла съ письмомъ Бетси къ столу и не читая приписала внизу: „Мнѣ необходимо васъ видѣть. Пріѣжайте къ саду Вреде. Я буду тамъ въ 6 часовъ“. Она запечатала, и Бетси вернувшись при ней отдала письмо.

Дѣйствительно, за чаемъ, который имъ принесли на столѣ-подносѣ, въ прохладную, маленькую гостиную, между двумя женщинами завязался а осознать какой и общала княгиня Тверская до пріѣзда гостей. Онъ пересуживали тѣхъ кого ожидали, и разговоръ остановился на Лизѣ Меркуловой.

— Она очень мила и всегда мнѣ была симпатична, сказала Анна.

— Вы должны ее любить. Она бредитъ вами. Вчера она подошла ко мнѣ послѣ скачекъ и была въ отчаяніи что не могла васъ. Она говоритъ что вы настоящая героиня романа, и что еслибъ она была мужчиною она бы надѣлась за васъ тысячу гуляевъ. Стремовъ ей говоритъ что она и такъ ихъ дѣлаетъ.

— Но скажите пожалуйста, я никогда не могла понять, сказала Анна помогавъ нѣсколько времени и такимъ тономъ который ясно показывалъ что она дѣлала не праздный вопросъ, но что то что она спрашивала было для нея важнѣе чѣмъ бы сѣдовало. — Скажите пожалуйста, что такое ея

отношеніе къ князю Калужскому, такъ-называемому Мишкѣ? Я мало встрѣчала ихъ. Чтѣ это такое?

Бетси улыбулась глазами и внимательно поглядѣла на Анну.

— Новая манера, сказала она. Онѣ все избрали эту манеру. Онѣ забросили челпы за мельницы. Но есть манера, и манера какъ ихъ забросить.

— Да, но какія же ея отношенія къ Калужскому?

Бетси неожиданно весело и неудержимо засмѣялась, что рѣдко случалось съ ней.

— Это вы захватываете область княгини Маркоі. Это вопросъ ужаснаго ребенка,—и Бетси видимо хотѣла, но не могла удержаться, и разразилась тѣмъ заразительнымъ смѣхомъ какимъ смѣются рѣдко-смѣющіеся люди.—Надо у нихъ спросить, проговорила она сквозь слезы смѣха.

— Нѣтъ, вы смѣетесь, сказала Анна тоже неволью заразившаяся смѣхомъ,—но я никогда не могла понять. Я не понимаю тутъ роли мужа.

— Мужъ? Мужъ Лизы Меркаловой носить за ней плаеды и всегда готовъ къ услугамъ. А чтѣ тамъ дальше въ самомъ дѣлѣ никто не хочетъ знать. Знаете, въ хорошемъ обществѣ не говорятъ и не думаютъ даже о нѣкоторыхъ подробностяхъ туалета. Такъ и это.

— Вы будете на праздникѣ Роандаки? спросила Анна чтобы переменить разговоръ.

— Не думаю, отвѣчала Бетси и не глядя на свою пріятельницу и отставивъ мизинецъ, осторожно стала наливать маленькія прозрачныя чашки душистымъ чаемъ. Подвинувъ чашку къ Аннѣ, она достала пахитоску, и вложивъ въ серебряную ручку закурила ее.

— Вотъ видите ли, я въ счастливомъ положеніи, уже безъ смѣха начала она взявъ въ руку чашку.—Я понимаю васъ и понимаю Лизу. Лиза, это одна изъ тѣхъ наивныхъ натуръ которыя какъ дѣти не понимаютъ чтѣ хорошо и чтѣ дурно. По крайней мѣрѣ она не понимала когда была очень молода. И теперь она знаетъ что это непониманіе идетъ къ ней. Теперь она, можетъ-быть, нарочно не понимаетъ, говорила Бетси съ тонкою улыбкой.—Но все-таки это ей идетъ. Видите ли, на одну и ту же вещь можно смотрѣть трагически и сдѣлать изъ нея мученье, и смотрѣть просто и даже весело. Можетъ-быть вы склонны смотрѣть на вещи слишкомъ трагически.

— Какъ бы я желала знать другихъ такъ какъ я себя  
знаю, сказала Анна серьезно и задумчиво.—Хуже ли я дру-  
жить или лучше? Я думаю хуже.

— Ужасный ребенокъ, ужасный ребенокъ! повторила Бет-  
си.— Но вотъ и они.

## XVI.

Послышались шаги и мужской голосъ, потомъ женскій  
шумъ и смѣхъ, и вслѣдъ затѣмъ вошли ожидаемые гости.  
Сафо Штольдъ и сіяющій преизбыткомъ здоровья молодой  
девушка, такъ-называемый Васька. Видно было что ему въ  
ротъ пошло литаніе кровяною говядиною, трюфлями и бур-  
бонскимъ. Васька поклонился дамамъ и взглянулъ на нихъ.  
Только на одну секунду. Онъ вошелъ за Сафо въ гости-  
ную и по гостиной прошелъ за ней какъ будто былъ къ ней  
позванъ и не спускалъ съ нея блестящихъ глазъ какъ  
будто хотѣлъ съѣсть ее. Сафо Штольдъ была блондинка съ  
красными глазами. Она вошла маленькими, бойкими, на кру-  
пныхъ каблучкахъ туфель, шажками, и крѣпко, по-мужски  
жала дамамъ руки.

Анна ни разу не встрѣчала еще этой новой знаменитости  
и была поражена и ея красотою, и крайностью до которой  
она доведетъ ея туалетъ и смѣлостью ея манеръ. На го-  
ловѣ ея изъ своихъ и чужихъ, нѣжно золотистаго цвѣта  
волосъ, былъ сдѣланъ такой эшафодажъ прически что го-  
лова ея равнялась по величинѣ стройно выгуклому и очень  
высокому спереди бюсту. Стремительность же впередъ  
была такая что при каждомъ движеніи обозначались изъ-  
подъ платья формы коленъ и верхнія части ноги и не-  
мало представлялся вопросъ о томъ гдѣ дѣйствительно  
ноги, въ этой подстроенной колеблющейся горѣ, кончается  
взвѣсшащее, маленькое и стройное, столь обнаженное сверху  
и столь спрятанное свади и внизу тѣло.

Веста послѣдшила познать ея съ Анной.

— Можете себя представить, мы чуть было не раздавили  
васъ солдатъ, тотчасъ же начала она разказывать, подми-  
гнувъ, улыбаясь и назадъ отдергивая свой хвостъ, который  
и сразу слишкомъ перекинула въ одну сторону.—Я ѣхала  
въ Васькой.... Ахъ да, вы не знакомы.—И она назвавъ его  
именемъ, представила молодого человѣка и покраснѣвъ, звуча-

но засмѣялась своей ошибкѣ, то-есть тому что она незнакома  
моя назвала его Васькой. Васька еще разъ поклонился Ан  
нѣ, но ничего не сказалъ ей. Она обратилась къ Сафо:—Па  
проиграно. Мы прежде пріѣхали. Расплачивайтесь, говори  
онъ улыбаясь.

Сафо еще веселѣе засмѣялась.

— Не теперь же, сказала она.

— Все равно я получу послѣ.

— Хорошо, хорошо. Ахъ, да! вдругъ обратилась она  
хозяйкѣ:—хороша я... Я и забыла.... Я вамъ привезла гос  
Вотъ и онъ.

Неожиданный молодой гость котораго привезла Сафо  
котораго она забыла, былъ однако такой важный гость  
несмотря на его молодость, обѣ дамы встали, встрѣчая е

Это былъ новый поклонникъ Сафо. Онъ теперь какъ  
Васька по пятамъ ходилъ за ней.

Вскорѣ пріѣхалъ князь Калужскій и Лиза Меркалова  
Стремовымъ. Лиза Меркалова была худая брюнетка съ  
точнымъ лѣнивымъ типомъ лица и прелестными, неизт  
вимыми, какъ всѣ говорили, глазами. Характеръ ея темн  
туалета (Анна тотчасъ же замѣтила и оцѣнила это) бы  
совершенно соответствующій ея красотѣ. Насколько С  
была крута и подбориста, настолько Лиза была мягка и  
лучшеяна.

Но Лиза на вкусъ Анны была гораздо привлекательнѣе.  
Сейчасъ только Бетси говорила про нее Аннѣ что она ви  
на себя томъ невѣдающаго ребенка. Но когда Анна увидѣла  
ее, она почувствовала что это была неправда. Она то  
была невѣдающая, испорченная, но милая и безответная  
щина. Правда что томъ ея былъ такой же какъ и томъ С  
также какъ и за Сафо за ней ходилъ какъ пришитые и л  
рали ее глазами два поклонника, одинъ молодой, другой  
рикъ, но въ ней было что-то такое что было выше того  
ее окружало, въ ней былъ блескъ настоящей воды брил  
та среди стеколъ. Этотъ блескъ свѣтился изъ ея прел  
ныхъ, дѣйствительно волшебныхъ глазъ. Усталый и  
стѣ страстный взглядъ этихъ окруженныхъ темными  
гомъ глазъ поражаалъ своею совершенною искренно  
Взглянувъ въ эти глаза, каждому казалось что онъ уз  
ее всю, и узнавъ не могъ не полюбить. При видѣ Анны  
ея лицо вдругъ освѣтилось радостною улыбкой.

— Ахъ, какъ я рада васъ видѣть! сказала она, подходя къ ней. — Я вчера на скачкахъ только-что хотѣла дойти до васъ, а вы уѣхали. Мнѣ такъ хотѣлось видѣть васъ именно вчера. Не правда ли, это было ужасно? сказала она, глядя на Анну своимъ взглядомъ, открывавшимъ, казалось, всю душу.

— Да, я никакъ не ожидала что это такъ волнуешь, сказала Анна, краснѣя.

Общество поднялось въ это время чтобъ идти въ садъ.

— Я не пойду, сказала Лиза улыбаясь и подсаживаясь къ Аннѣ. — Вы тоже не пойдете? что за охота играть въ крокетъ.

— Нѣтъ, я люблю, сказала Анна.

— Вотъ, вотъ какъ вы дѣлаете что вамъ не скучно? Намъ взглянешь—весело. Вы живете, а я скучаю.

— Какъ скучаете? Да вы самое веселое общество Петербурга, сказала Анна.

— Можетъ-быть тѣмъ которые не нашего общества, еще скучае, но намъ, мнѣ навѣрно не весело, а ужасно, ужасно скучно.

Сафо, закуривъ папиросу, ушла въ садъ съ двумя молодыми людьми. Бетси и Стремовъ остались за часомъ.

— Какъ скучно! сказала Бетси. — Сафо говоритъ что она вчера очень веселилась у васъ.

— Ахъ, такая тоска была! сказала Лиза Меркалова. — Мы уѣхали всѣ ко мнѣ послѣ скачекъ. И все тѣ же, и все тѣ же! Все одно и то же. Весь вечеръ провалялись по диванамъ. Что же тутъ веселаго? Нѣтъ, какъ вы дѣлаете чтобы вамъ не было скучно? опять обратилась она къ Аннѣ. — Стоить взглянуть на васъ и видишь, вотъ женщина которая можетъ быть счастлива, несчастна, но не скучаетъ. Научите какъ вы это дѣлаете?

— Никакъ не дѣлаю, отвѣчала Анна краснѣя отъ этихъ значивыхъ вопросовъ.

— Вотъ это лучшая манера, вмѣшался въ разговоръ Стремовъ. Стремовъ былъ человекъ лѣтъ пятидесяти, полусѣдой, не свѣжій, очень некрасивый, но съ характернымъ и умнымъ лицомъ. Лиза Меркалова была племянница его жены, и она проводила всѣ свои свободные часы съ нею. Встрѣтивъ Анну Каренину, онъ, по службѣ врагъ Алексея Але-

Ксандровича, какъ свѣтскій и умный человѣкъ постаралъ быть съ нею, женой своего врага, особенно любезнымъ.

— „Накакъ“, подхватилъ онъ тонко улыбаясь,—это лучшее средство.—Я давно вамъ говорю, обратился онъ къ Лизе Меркаловой,—что для того чтобы не было скучно надо не думать что будетъ скучно. Это все равно какъ не надо бояться что не заснешь если боишься бессонницы. Это самое сказала вамъ Анна Аркадьевна.

— Я бы очень рада была еслибы сказала это, потому что это не только умно, это правда, улыбаясь сказала Анна.

— Нѣтъ, вы скажите отчего нельзя заснуть и нельзя скучать?

— Чтобы заснуть надо поработать и чтобы веселиться надо тоже поработать.

— Зачѣмъ же я буду работать когда моя работа никому не нужна, а нарочно и притворяться я не умѣю и не хочу.

— Вы несправимы, сказалъ Стрёмовъ, не глядя на нее опять обратился къ Аннѣ.

Рѣдко встрѣчая Анну, онъ не могъ ничего ей сказать кромѣ пошлостей, но онъ говорилъ эти пошлости о томъ когда она переѣзжаетъ въ Петербургъ, о томъ какъ ее любитъ графиня Лидія Ивановна, съ такимъ выраженіемъ которое показывало что онъ отъ всей души желаетъ быть ей приятнымъ и показать свое уваженіе и даже больше.

Вошелъ Тухкевичъ, объявивъ что все общество ждетъ игроковъ въ крокетъ.

— Нѣтъ, не уѣзжайте пожалуйста, просила Лиза Меркалова узнавъ что Анна уѣзжаетъ. Стрёмовъ присоединился къ ней.

— Слушкомъ большой контрастъ, сказалъ онъ,—взять съ этого общества къ старухѣ Вреде. И потомъ для васъ вы будете случаемъ пошлословить, а здѣсь вы только видите другія, самыя хорошія и противоположныя заискусственные чувства, сказалъ онъ ей.

Анна на минуту задумалась въ нерѣшительности. Лестничныя этого умнаго человѣка, наивная, дѣтская симпатія которую выражала къ ней Лиза Меркалова и вся эта приятная, свѣтская обстановка, все это было такъ легко, а казалось ей такое трудное, что она съ минуту была въ нерѣшительности не остаться ли, не отдалить ли еще тяжелую ми-



блесна? Но вспомнивъ что ожидаетъ ее одну дома если она не приметъ никакого рѣшенія, вспомнивъ этотъ страшный для нея и въ воспоминавіи жестъ когда она влезла съими руками за волосы, она простилась и уѣхала.

## XVII.

Вронскій, несмотря на свою легкомысленную съ виду свѣтлую жизнь, былъ человѣкъ ненавидѣвшій безпорядокъ. Еще сплodu, бывши въ корпусѣ, онъ испыталъ униженіе отъ нея когда онъ, залутавшись, попросилъ займы денегъ, и съ тѣхъ поръ онъ ни разу не ставилъ себя въ такое положеніе.

Для того чтобы всегда вести свои дѣла въ порядкѣ, онъ, смотря по обстоятельствамъ, чаще или рѣже, разъ пять въ годъ, уединялся и приводилъ въ ясность всѣ свои дѣла. Онъ называлъ это посчитаться, или *faire la lessive*.

Проснувшись поудно на другой день послѣ скачекъ, Вронскій, не брѣясь и не кулаясь, одѣлся въ китель, и разложилъ на столѣ деньги, счеты, письма, принялся за работу. Метрицкій, зная что въ такомъ положеніи онъ бывалъ сервить, проснувшись и увидавъ товарища за письменнымъ столомъ, тихо одѣлся и вышелъ, не мѣшая ему.

Всякій человѣкъ, зная до малѣйшихъ подробностей всю сложность условій его окружающихъ, невольно предполагаетъ что сложность этихъ условій и трудность ихъ усвоенія въ только его личная, случайная особенность, и никакъ не знаетъ что другіе окружены такою же сложностью своихъ условій какъ и онъ самъ. Такъ и казалось Вронскому. И онъ не безъ внутренней гордости и не безъ основанія думалъ что всякій другой давно бы залутался и при этомъ былъ бы поступать не хорошо еслибы находился въ такихъ же трудныхъ условіяхъ. Вронскій же чувствовалъ что до сихъ поръ онъ еще никогда не поступалъ не хорошо, что именно теперь ему необходимо учестся и уяснить свое положеніе для того чтобы не залутаться и не быть при этомъ поступать не хорошо.

Сперва за что, какъ за самое легкое, взялся Вронскій были свои дѣла. Выписавъ своимъ мелкимъ почеркомъ на двѣнадцати листкѣ все что онъ долженъ, онъ подвел итогъ и нашелъ что онъ долженъ семнадцать тысячъ съ сот-

нами, которая оаъ откинулъ для ясности. Сосчитавъ деньги и банковую книжку, оаъ назвалъ что у него остается 1.8 руб., а полученія до Новаго Года не предвидится. Переписавъ списокъ долгамъ, Вронскій переписалъ его, но подразливъ на три разряда. Къ первому разряду относились долги которые надо было сейчасъ же заплатить, или во всякомъ случаѣ для уплаты которыхъ надо было имѣть готовыя деньги чтобы при требованіи не могло быть минуты замедленія. Такихъ долговъ было около четырехъ тысячъ: 1.500 лошадей и 2.500 поручительство за молодого товарища невскаго, который при Вронскомъ проигралъ эти деньги и леру. Шулеръ былъ уличенъ и позорно выгнанъ. Вронскій принимая въ этомъ уличеніи участіе, тогда же хотѣлъ дать деньги (оаъ были у него), но Веневскій и Яшвинъ ставили на томъ что заплатить они, а не Вронскій, который и не игралъ. Все это было прекрасно, но Вронскій видя что въ этомъ грязномъ дѣлѣ, въ которомъ оаъ хотя и принималъ участіе только тѣмъ что ввѣлъ на словахъ ручательство за Веневскаго, ему необходимо имѣть эти 2.500 чтобы ихъ бросить мошеннику и не имѣть съ нимъ болѣе никакихъ разговоровъ. Итакъ, по этому первому важнѣйшему отчасти надо было имѣть 4.000. Во второмъ отдѣлѣ, восемь тысячъ, были менѣе важныя долги. Это были долги преимущественно скаковой конюшнѣ, поставщику овса и сѣна, Англичанамъ и т. д. По этимъ долгамъ надо было тоже раздать тысячи для того чтобы быть совершенно спокойнымъ. послѣ отдѣла долговъ—въ магазины, въ гостиницы и портному, (такіе о которыхъ нечего думать. Такъ что нужно было по крайней мѣрѣ, 6.000, а было 1.800 только на текущіе расходы. Для человека со 100.000 дохода, какъ опредѣляли состояніе Вронскаго, такіе долги, казалось бы, не могли быть затруднительны; но дѣло въ томъ что у него далеко не этихъ 100.000. Огромное отцовское состояніе, приносящее одно до 200.000 годоваго дохода, было нераздѣляемо между братьями. Въ то время какъ старшій братъ женился на кучу долговъ на бѣдной дѣвушкѣ Варѣ Чирковой, дочери кабриста безо всякаго состоянія, Алексѣй уступилъ своему брату весь доходъ съ имѣній отца, выговоривъ только 25.000 въ годъ, которыхъ, какъ оаъ оказалъ ему, будутъ недостаточны пока оаъ не женится. А можно быть и весьма вѣроятно, этого никогда не будетъ,

шесть лет тогда. И братъ командуя однимъ изъ самыхъ добрыхъ полковъ и только-что женившись не могъ не принять этого подарка. Ему только-только достало этого дохода чтобы зажить всѣ дыры. Мать, имѣвшая свое отдѣльное сословіе, кромѣ выговоренныхъ 25.000, давала ежегодно Александру еще тысячь 20 и Александръ проживалъ ихъ всѣ. Въ послѣднее время мать, поссорившись съ нимъ за его связь и отъѣздъ изъ Москвы, перестала присылать ему деньги. И вѣдѣніе этого Вронскій, уже сдѣлавъ привычку жизни на 4000 и получивъ въ этомъ году только 25.000, находился теперь въ затрудненіи. Чтобы выйти изъ этого затрудненія, онъ не могъ просить денегъ у матери. Послѣднее ея письмо къ нему имѣло на каунѣ, гнѣвъ въ особенности раздражило то что въ немъ были намеки на то что она готова была выдать ему для успѣха въ свѣтѣ и на службѣ, а не для сына которая скандализировала все хорошее общество. Желаніе матери купить его оскорбило его до глубины души и еще больше охладило его къ ней. Еще менѣе могъ онъ отречься отъ всего подарка брату. Онъ зналъ что стоило ему сказать слово и братъ его, несмотря на его разгульную жизнь и безвольной умъ, честавійшій человѣкъ въ мірѣ, — тотъ же не только раздѣлится, но какъ бы это ни стѣснило, потребуетъ чтобы братъ взялъ вексель на все прожитое. Но онъ не могъ отречься отъ сказаннаго великодушнаго слова, хотя и чувствовалъ теперь, смутно предвидя нѣкоторыя случайности его связи съ Карениной, что великодушное слово это было сказано легкомысленно, и что ему, не женамъ, могутъ повадниться всѣ сто тысячъ дохода. Но отъ себя велья было. Ему стоило только вспомнить братишку, вспомнить, какъ эта милая, славная Варя при всякомъ случаѣ наломывала ему что она помнитъ его великодушіе и цѣнить его, и онъ чувствовалъ что отнять назадъ уже онъ могъ также мало какъ прибить женщину, украсть и продать. Стало-быть и это было невозможно; было воля и должно одно, на что онъ и рѣшился безъ минуты колебанія занять деньги у ростовщика, десять тысячъ, въ чемъ не было затрудненія, урѣзать вообще свои расходы и продать скаковыхъ лошадей. Рѣшивъ это, онъ тотчасъ же написалъ записку Роландаки, посылавшему къ нему не разъ предложеніемъ купить у него лошадей. Потому послалъ за Роландакою и за ростовщикомъ, и разложилъ по отчетамъ

тѣ деньги которыя у него были. Окончивъ эти дѣла, онъ писалъ холодный и рѣзкій отвѣтъ на письмо матери. И томъ, доставъ изъ бумажника три записки Анны, онъ раздумчиво улыбкой перечелъ ихъ, сжегъ и, вспомнивъ съ вчерашней разговору съ нею, задумался.

Жизнь Вронскаго тѣмъ была особенно счастлива что него былъ сводъ правилъ несомнѣнно опредѣляющихъ что должно и не должно дѣлать. Сводъ этихъ правилъ нимаъ очень малый кругъ условій, но за то правила бы несомнѣнны, и Вронскій, никогда не выходя изъ этого круга, никогда ни на минуту не колебался въ исполненіи того, что должно. Правила эти несомнѣнно опредѣляли что нужно платить шулеру, а портному не нужно, что лгать не надощивамъ, но женщинамъ можно, что обманывать нельзя кого, но мужа можно, что нельзя прощать оскорбленій можно оскорблять и т. д. Всѣ эти правила могли быть разумны, не хороши, но они были несомнѣнны, и исполняя ихъ Вронскій чувствовалъ что онъ спокоенъ и можетъ соко носить голову. Только въ самое послѣднее время по поводу своихъ отношеній къ самой Аннѣ, Вронскій началъ чувствовать что сводъ его правилъ не вполнѣ опредѣлялъ всѣ условія, и въ будущемъ представлялись трудныя и сомнѣныя, въ которыхъ Вронскій ужъ не находилъ руководящей нити.

Теперешнее отношеніе его къ Аннѣ и къ ея мужу было него просто и ясно. Оно было ясно и точно опредѣлено сводѣ правилъ которыми онъ руководствовался.

Она была порядочная женщина, подарившая ему свою любовь, и онъ любилъ ее, и потому она была для него жена достойная такого же и еще большаго уваженія чѣмъ конная жена. Онъ далъ бы отрубить себѣ руку прежде чъ позволить себѣ словомъ, намекомъ, не только оскорбить, но не выказать ей величайшаго уваженія, на какое то можетъ разчитывать женщина.

Отношенія къ обществу тоже были ясны. Всѣ могли подозрѣвать это, но никто не долженъ былъ смѣть говорить въ противномъ случаѣ онъ готовъ былъ заставить говорить молчать и уважать не существующую честь женщины которую онъ любилъ.

Отношенія къ мужу были ясны всего. Съ той минуты какъ Анна полюбила Вронскаго, онъ считалъ одню

право на нее неотъемлемымъ. Мужъ былъ только ивашнее и  
внѣшнее лицо. Безъ сомнѣнія онъ былъ въ жалкомъ по-  
ложеніи, но что же было дѣлать? Одно, на что имѣлъ право  
мужъ, это было на то чтобы потребовать удовлетворенія съ  
оружіемъ въ рукахъ, и на это Вронскій былъ готовъ съ пер-  
вой минуты.

Но въ послѣднее время являлись новыя, внутреннія отно-  
шенія между нимъ и ею, пугавшія Вронскаго своею неопре-  
дѣленностью. Вчера только она объявила ему что она бере-  
менна. И онъ почувствовалъ что это извѣстіе и то чего она  
знала отъ него, требовало чего-то такого что не определено  
никоимъ кодексомъ тѣхъ правилъ которыми онъ руководство-  
вался въ жизни. И дѣйствительно, онъ былъ взятъ врасплохъ,  
и въ первую минуту когда она объявила о своемъ положе-  
ніи, сердце его подсказало ему требованіе оставить мужа.  
Онъ сказалъ это, но теперь обдумывая онъ видѣлъ ясно  
что лучше было бы обойтись безъ этого; и вмѣстѣ съ тѣмъ,  
говоря это себѣ, боялся—не душно ли это?

«Если я сказалъ оставить мужа, то это значитъ соединить-  
ся со мной: готовъ ли я на это? Какъ я увезу ее теперь,  
когда у меня нѣтъ денегъ? Положимъ, это я могъ бы устро-  
ить... Но какъ я увезу ее, когда я на службѣ? Если я сказалъ  
это, то надо быть готовымъ на это, то-есть выйти въ отставку.»

И онъ задумался. Вопросъ о томъ выйти или не выйти въ  
отставку привелъ его къ другому тайному, ему одному из-  
вѣстному, едва ли не главному, хотя и затаенному интересу  
сей его жизни.

Честолюбіе была старинная мечта его дѣтства и юности,  
мечта, въ которой онъ и себѣ не признавался, но которая  
была такъ сильна что и теперь эта страсть боролась съ его  
работою. Первые шаги его въ свѣтѣ и на службѣ были  
успѣшны, но два года тому назадъ онъ сдѣлалъ грубую ошиб-  
ку. Онъ, желая выказать свою независимость и полноту  
силъ, отказался отъ предложеннаго ему положенія, надеясь  
на отказъ этотъ придастъ ему большую цѣну, но ока-  
залось что онъ былъ слишкомъ смѣлъ, и его оставили;  
несчастнейшей - невольной сдѣлавъ себѣ положеніе человека неза-  
висимаго, онъ носилъ его, весьма тонко и умно дер-  
жа себя такъ какъ будто онъ ни на кого не сердил-  
ся, но считалъ себя никѣмъ обиженнымъ, и желаетъ толь-  
ко того чтобы его оставили въ покоѣ, потому что ему

весело. Въ сущности же ему еще съ прошлаго года, когда онъ уѣхалъ въ Москву, перестало быть весело. Онъ чувствовалъ что это независимое положеніе человѣка который все бы могъ, но ничего не хочетъ, уже начинается сглаживаться, что многіе начинаютъ думать что онъ ничего бы не могъ кромѣ того какъ быть честнымъ и добрымъ молодымъ. Надѣлавшая столько шума и обратившая общее вниманіе овязъ его съ Карениной, придавъ ему новый блескъ успокоила на время точившаго его червя честолюбія, но на дѣлю тому назадъ этотъ червь проснулся съ новою силою. Его товарищъ съ дѣтства, одного круга, одного общества товарищъ по корпусу, Серлуховской, одного съ нимъ впуска, съ которымъ онъ соперничалъ и въ классѣ, и въ гимнастикѣ, и въ шалостяхъ, и въ мечтахъ честолюбія, на дняхъ вернулся изъ Средней Азіи, получивъ тамъ два чина и отличіе рѣдко даваемое столь молодымъ генераламъ.

Какъ только онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, заговорилъ о немъ какъ о вновь поднимающейся звѣздѣ первой величины. Ровесникъ Вронскому и одноклассникъ, онъ былъ генералъ и ожидалъ назначенія которое могло имѣть вліяніе на ходъ государственныхъ дѣлъ, а Вронскій былъ хоть и независимый, и блестящій, и любимый прелестною женщиной, былъ ротмистръ въ полку, которому предоставляли быть независимымъ сколько ему угодно. „Разумѣется я не завидую и не могу завидовать Серлуховскому, но его возвышеніе показываетъ мнѣ что стоить выждать время и карьера человека какъ я можетъ быть сдѣлана очень скоро. Три года тому назадъ онъ былъ въ томъ же положеніи какъ и я. Выйдя въ отставку, я сожгу свои корабли. Оставаясь въ службѣ, я ничего не теряю. Она сама сказала что не хочетъ измѣнять свое положеніе. А я съ ея любовью не могу завидовать Серлуховскому.“ И закручивая медленнымъ движеніемъ усы, онъ всталъ отъ стола и прошелся по комнатѣ. Глаза его блестѣли особенно ярко, и онъ чувствовалъ твердое, спокойное и радостное состояніе духа которое ходило на него всегда послѣ уясненія своего положенія. Все было, какъ и послѣ прежнихъ счетовъ, чисто и ясно. Онъ побрался, одѣлся, взялъ холодную ванну и вышелъ.

## XVIII.

— А я за тобой. Твоя стирка нынче долго продолжалась, сказалъ Петрицкій.—Что жь, кончилось?

— Кончилось, отвѣчалъ Вронскій, улыбаясь одними глазами и покручивая кончики усовъ, такъ осторожно какъ будто послѣ того порядка въ который приведены его дѣла, всякое слишкомъ смѣлое и быстрое движеніе можетъ его разрушить.

— Ты всегда послѣ этого точно изъ бани, сказалъ Петрицкій.—Я отъ полковаго командира, тебя ждутъ.

Вронскій не отвѣчалъ и глядѣлъ на него видимо думая о другомъ.

— Да, это у него музыка? сказалъ онъ, прислушиваясь къ долетавшимъ до него знакомымъ звукамъ трубныхъ басовъ, полкъ и вальсовъ.—Что за праздникъ?

— Серпуховской-Машковъ пріѣхалъ.

— Аа! сказалъ Вронскій:—я и не зналъ.

Улыбка его глазъ заблестѣла еще ярче.

Разъ рѣшивъ самъ съ собою что онъ счастливъ своею любовью, пожертвовалъ ей своимъ честолюбіемъ, взявъ по крайней мѣрѣ на себя эту роль, Вронскій уже не могъ чувствовать ни зависти къ Серпуховскому, ни досады на него за то что онъ, пріѣхавъ въ полкъ, пришелъ не къ нему первому. Серпуховской былъ добрый пріятель, и онъ былъ радъ ему.

— А, я очень радъ.

Полковой командиръ, Деминъ, занималъ большой помѣщачій домъ. Все общество было на просторномъ нижнемъ балконѣ. На дворѣ, первое что бросилось въ глаза Вронскому были вѣселики въ кителяхъ стоявшіе подлѣ боченка съ водкой и здоровая веселая фигура полковаго командира, окруженнаго офицерами: выйдя на первую ступень балкона, онъ громко перекрикивалъ игравшую Офенбаховскую кадранъ музыку, что-то приказывалъ и махалъ стоящимъ въ сторонѣ солдатамъ. Кучка солдатъ, вахмистръ и нѣсколько унтеръ-офицеровъ подошли вмѣстѣ съ Вронскимъ къ балкону. Вернувшись къ столу, полковой командиръ опять вышелъ съ бокаломъ на крмьцо и провозгласилъ тостъ:

„За здоровье нашего бывшего товарища и храбраго генерала князя Серлуховскаго. Ура!“

За полковымъ командиромъ съ бокаломъ въ рукѣ улыбаясь вышелъ и Серлуховской.

— Ты все молодеешь, Бондаренко, обратился онъ къ прямо предъ нимъ стоявшему, служившему вторую службу молодцоватому краснощекому вахмистру.

Вронскій три года не видалъ Серлуховскаго. Онъ возмужалъ, отпустивъ бакенбарды, но онъ былъ такой же стройный, не столько поражавшій красотой сколько нѣжностью и благородствомъ до малѣйшихъ подробностей лица и сложенія. Одна перемѣна которую замѣтилъ въ немъ Вронскій было то тихое, постоянное сіяніе которое устанавливается на лицахъ людей имѣющихъ успѣхъ и увѣренныхъ въ признаніи этого успѣха всеми. Вронскій зналъ это сіяніе и тотчасъ же замѣтилъ его на Серлуховскомъ.

Сходя съ лѣстницы Серлуховской увидалъ Вронскаго. Улыбка радости еще болѣе освѣтила лицо Серлуховскаго. Онъ кивнулъ кверху головой, приподнялъ бокалъ приветствуя Вронскаго и показывая этимъ жестомъ что не можетъ прежде не подойти къ вахмистру который, вытянувшись уже складывалъ губы для поцѣлуя.

— Ну вотъ и онъ! вскрикнулъ полковой командиръ. — А мнѣ сказалъ Яшвинъ что ты въ своемъ ирачномъ духѣ.

Серлуховской поцѣловалъ во влажныя и свѣжія губы молодца вахмистра и обтирая ротъ платкомъ подошелъ къ Вронскому.

— Ну какъ я радъ, сказалъ онъ пожимая ему руку и отводя его въ сторону.

— Займитесь имъ! крикнулъ полковой командиръ, занятый распоряженіемъ о томъ чтобы всѣмъ солдатамъ было выдана водка.

— Отчего ты вчера не былъ на скачкахъ? Я думалъ увидать тамъ тебя, сказалъ Вронскій оглядывая Серлуховскаго.

— Я пріѣхалъ, но поздно. Виновать, прибавилъ онъ и обратился къ адъютанту:— пожалуйста отъ меня прикажите раздать сколько выйдетъ на человека.

И онъ торопливо досталъ изъ бумажника три сторублевныя бумажки и покраснѣлъ.

— Вронскій! Съѣсть что-нибудь или пить? спросилъ Яшвинъ. — Эй, давай сюда графу поѣсть. А вотъ это пей.



Кутежъ у полковаго командира продолжался долго.

Пили очень много. Качали и подкидывали Серлуховскаго. Потомъ качали полковаго командира. Потомъ предъ пѣснями плясали, самъ полковой командиръ съ Петрицкимъ. Потомъ полковой командиръ, уже нѣсколько ослабѣвши, сѣлъ на дворѣ на лавку и началъ доказывать Яшвину преимуществу Россіи предъ Пруссіей, особенно въ кавалерійской тактѣ, и кутежъ на минуту затихъ. Серлуховской вошелъ въ душъ, въ уборную, чтобъ умыть руки и нашелъ тамъ Вронскаго; Вронскій обливался водой. Онъ, снявъ китель, подставилъ шею подъ струю умывальника, растиралъ ее и голову руками. Они оба тутъ же сѣли на диванчикъ и у нихъ начался разговоръ очень интересный для обоихъ.

— Я о тебѣ все зналъ черезъ жену, сказалъ Серлуховской. — Я радъ что ты часто видалъ ее.

— Она дружна съ Варей и это единственныя женщины петербургскія съ которыми мнѣ пріятно видѣться, улыбаясь отвѣчалъ Вронскій. Онъ улыбался тому что предвидѣлъ тему на которую обратится разговоръ, и это было ему пріятно.

— Единственныя? улыбался переспросилъ Серлуховской.

— Да, и я о тебѣ зналъ, но не только чрезъ твою жену, строгимъ выраженіемъ лица запрещаая этотъ намекъ, сказалъ Вронскій. — Я очень радъ былъ твоему успѣху, но нисколько не удивленъ. Я ждалъ еще больше.

Серлуховской улыбнулся. Ему очевидно было пріятно это слыше о немъ, и онъ не находилъ нужнымъ скрывать это.

— Я напротивъ, признаюсь откровенно, ждалъ меньше. — Но я радъ, очень радъ. Я честолюбивъ, это моя слабость, и я признаюсь въ ней.

— Можеть-быть ты бы не признавался еслибы не имѣлъ успѣха, сказалъ Вронскій.

— Не думаю, опять улыбаясь сказалъ Серлуховской. — Не скажу чтобы не стоило жить безъ этого, но было бы скучно. Разумѣется, я можеть-быть ошибаюсь, но мнѣ кажется что я имѣю нѣкоторыя способности къ той сферѣ дѣятельности которую я избралъ, и что въ моихъ рукахъ власть, какаа бы она ни была, если будетъ, то будетъ лучше чѣмъ въ рукахъ многихъ мнѣ извѣстныхъ, съ сіяющимъ сознаніемъ успѣха сказалъ Серлуховской. — И потому, чѣмъ ближе къ этому тѣмъ я больше доволенъ.

— Можетъ-быть это такъ для тебя, но не для всѣхъ. Я то же думалъ, а вотъ живу и нахожу что не стоить жить только для этого, сказалъ Вронскій.

— Вотъ оно! Вотъ оно! смѣясь сказалъ Серлуховской. — Я же началъ съ того что я слышалъ про тебя, про твой отказъ... Разумѣется я тебя одобрилъ. Но на все есть манера. И я думаю что самый постулокъ хорошъ, но ты его сдѣлалъ не такъ какъ надо.

— Чтò сдѣлано, то сдѣлано, и ты знаешь я никогда не отрекаюсь отъ того что сдѣлалъ. И потомъ мнѣ прекрасно.

— Прекрасно—на время. Но ты не удовлетворишься этимъ. Я твоему брату не говорю. Это милое дитя также какъ этотъ нашъ хозяинъ. Вонъ онъ!—прибавилъ онъ прислушиваясь къ крику „ура!“—и ему весело, а тебя не это удовлетворяетъ.

— Я и не говорю.

— Да не это одно. Такіе люди какъ ты нужны.

— Кому?

— Кому? Обществу. Россіи. Россіи нужны люди, нужна партія, иначе все идетъ и пойдетъ къ собакамъ.

— То-есть что же? Партія Бертелева противъ русскихъ коммунистовъ?

— Нѣтъ, сморщившись отъ досады за то что его подозрѣваютъ въ такой глупости, сказалъ Серлуховской. — *Tout ça est une blague.* Это всегда было и будетъ. Никакихъ коммунистовъ нѣтъ. Но всегда людямъ интриги надо выдумать вредную, опасную партію. Это старая штука. Нѣтъ, нужна партія власти людей независимыхъ какъ ты и я.

— Но почему же? Вронскій назвалъ нѣскольکو имѣющихъ власть людей. — Но почему же они не независимые люди?

— Только потому что у нихъ нѣтъ или не было отъ рожденія независимости состоянія, не было имени, не было то близости къ солнцу въ которой мы родились. Ихъ можно купить или деньгами, или лаской. И чтобъ имъ держаться, имъ надо выдумывать направление. И они проводятъ какую-нибудь мысль, направление, въ которое сами не вѣрятъ, которое дѣлаетъ зло; и все это направление есть только средство имѣть казенный домъ и столько-то жалованья. *Cela n'est pas plus fin que ça,* когда поглядить въ ихъ карты. Можетъ быть я хуже, глупѣе ихъ, хотя я не вижу почему я долженъ быть хуже ихъ. Но у меня и у тебя есть уже навѣ

ное одно важное преимущество, то что насъ труднѣе купить. И такіе люди болѣе чѣмъ когда-нибудь нужны.

Вронскій слушалъ внимательно, но не столько самое содержание его словъ занимало его сколько то отношеніе къ дѣлу Серлуховскаго уже думающаго бороться съ властью и губящаго въ этомъ мѣрѣ уже свои симпатіи и антипатіи, тогда какъ для него были по службѣ интересы эскадрона. Вронскій поваялъ тоже какъ могъ быть силенъ Серлуховской всюю несомнѣнною способностью обдумывать, понимать вещи, своимъ умомъ и даромъ слова, такъ рѣдко встрѣчающимся въ той средѣ въ которой онъ жилъ. И, какъ ни совѣстно это было ему, ему было завидно.

— Все-таки мнѣ не достаетъ для этого одной главной вещи, отвѣчалъ онъ,—недостаетъ желанія власти. Это было, но прошло.

— Извини меча, это неправда, улыбаясь сказалъ Серлуховской.

— Нѣтъ, правда, правда... теперь, чтобъ быть искреннимъ, прибавилъ Вронскій.

— Да, правда *теперь*, это другое дѣло; но это *теперь* будетъ не всегда.

— Можетъ-быть, отвѣчалъ Вронскій.

— Ты говоришь, *можетъ-быть*, продолжалъ Серлуховской какъ будто угадавъ его мысли,—а я тебѣ говорю *назвѣрно*. И для этого я хотѣлъ тебя видѣть. Ты поступилъ такъ какъ должно было. Это я понимаю, но *персеверировать* ты не долженъ. Я только прошу у тебя *carte blanche*. Я не покровительствую тебѣ.... Да и отчего же мнѣ не покровительствовать тебѣ, ты столько разъ мнѣ покровительствовалъ? Надѣюсь что наша дружба стоитъ выше этого. Да,—сказалъ онъ нѣжно какъ женщина, улыбаясь ему.—Дай мнѣ *carte blanche*, выходи изъ полка, и я втяну тебя незамѣтно.

— Но я счастливъ, ты пойми, мнѣ ничего не нужно, сказалъ Вронскій,—какъ только то чтобы все было какъ было.

— Ну хорошо, ты самъ сказалъ это.

Серлуховской всталъ и сталъ противъ него.

— Ты самъ сказалъ это. Но послушай: мы ровесники, *можетъ-быть* ты больше числомъ зналъ женщинъ чѣмъ я.—Улыбаясь жесты его говорили что Вронскій не долженъ бояться, что онъ нѣжно и осторожно дотронется до большого мѣста.— Но я женатъ, и повѣрь что узнавъ одну свою жену (какъ

кто-то писалъ) которую ты любишь, ты лучше узнаешь всѣхъ женщинъ чѣмъ еслибы ты зналъ ихъ тысячи.

— Сейчасъ придемъ! крикнулъ уже Вронскій заглавшему въ комнату офицеру и звавшему ихъ къ полковому командиру.

Вронскому хотѣлось теперь дослушать и узнать что онъ скажетъ ему.

— И вотъ тебѣ мое мнѣнiе. Женщины — это главный камень преткновения въ дѣятельности человѣка. Трудно любить женщину и дѣлать что-нибудь. Для этого есть только одно средство съ удобствомъ безъ помѣхи любить, это женитьба. Какъ бы, какъ бы тебѣ сказать что я думаю, говорилъ Серпуховской, любившій сравненiя,—постой, постой, говорилъ онъ, отыскивая свое сравненiе.—Да, какъ нести fardeau и дѣлать что-нибудь руками можно тогда когда fardeau увязано на спину, а это женитьба. И это я почувствовалъ женившись. У меня вдругъ опростались руки. Но безъ женитьбы тащить за собой этотъ fardeau, руки будутъ такъ полны что ничего нельзя дѣлать. Посмотри Мазанкова, Кривола. Они погубили свои карьеры изъ-за женщинъ.

— Какiя женщины! сказалъ Вронскій, вспоминая Французку и актрису съ которыми были въ связи названы два человѣка.

— Тѣмъ хуже, чѣмъ прочiе положенiе женщины въ свѣтѣ тѣмъ хуже. Это все равно какъ уже не то что тащить fardeau руками, а вырывать его у другаго.

Разговоръ этотъ живо напомнилъ Вронскому Анну.

— Ты никогда не любилъ, тихо сказалъ онъ, глядя передъ собой влюбленными глазами.

— Можетъ-быть. Но ты вспомни что я сказалъ тебѣ еще: женщины всѣ матеріальнѣе мужчинъ. Мы дѣлаемъ и любви что-то огромное, а онъ всегда terre-à-terre.

— Сейчасъ, сейчасъ! обратился онъ къ вошедшему лакею. Но лакей не приходилъ ихъ звать опять, какъ онъ думалъ. Лакей принесъ Вронскому записку.

— Вамъ человѣкъ принесъ отъ княгини Тверской.

Вронскій распечаталъ письмо и вслухнулъ.

— У меня голова заболѣла, я пойду домой, сказалъ онъ Серпуховскому и не желая скрывать отъ него.

— Ну такъ прощай. Даетъ carte blanche? Послѣ погоримъ, а найду тебя въ Петербургѣ.

## XIX.

Былъ уже шестой часъ, и потому чтобы поспѣть вовремя и вмѣстѣ съ тѣмъ не ѣхать на своихъ лошадяхъ которыхъ всѣ знала, Вронскій сѣлъ въ извозничью карету Яшвина и велѣлъ ѣхать какъ можно скорѣе. Извозничья старая, штерожьстванная карета была просторна. Онъ сѣлъ въ уголъ, уткнувъ ноги на переднее мѣсто и задумался.

Смутное сознаніе той ясности въ которую были приведены его дѣла, смутное воспоминаніе о дружбѣ и лести Серпуховскаго-Мамкова, считавшаго его нужнымъ человекомъ и главное ожиданіе свиданія, все соединилось въ общее впечатлѣніе радостнаго чувства жизни. Чувство это было такъ сильно что онъ невольно про себя улыбался. Онъ спустилъ ноги, заложилъ одну на колено другой и взявъ ее въ руку, ощущалъ упругую икру ноги, зашибленной вчера при паденіи, и вздохнулъ нѣсколько разъ всею грудью.

„Хорошо, очень хорошо,“ сказалъ онъ самъ себѣ. Онъ и прежде часто испытывалъ радостное сознаніе своего тѣла, но никогда онъ такъ не любилъ себя, своего тѣла, какъ теперь. Ему пріятно было чувствовать эту легкую боль въ сильной ногѣ, пріятно было мышечное ощущеніе движеній своей груди при дыханіи. Тотъ самый ясный, холодный августовскій день, который такъ безнадежно дѣйствовалъ на Анну, казался ему возбуждительно оживляющимъ и освѣжалъ его разгорѣвшееся отъ обливанія лицо и шею. Запахъ брильянта отъ его усовъ казался ему особенно пріятнымъ на этомъ свѣжемъ воздухѣ. Все что онъ видѣлъ въ окно кареты, все въ этомъ холодномъ чистомъ воздухѣ, на этомъ блѣдномъ свѣтѣ заката было также свѣжо, весело и сильно какъ и онъ самъ, и крыши домовъ блестяція на лучахъ спускавшагося солнца, и рѣзкія очертанія заборовъ и угловъ построекъ, и фигуры изрѣдка встрѣчающихся пѣшеходовъ и экипажей, и неподвижная зелень деревьевъ и травъ, и поля съ правильно прорѣзанными бороздами картофеля, и косыя тѣни падавшія отъ домовъ и отъ деревьевъ, и отъ кустовъ, и отъ самыхъ бороздъ картофеля. Все было такъ красиво и похоже на хорошевыи лейзажъ, только что оконченный и покрытый лакомъ.

— Пошелъ, пошелъ, сказалъ онъ кучеру высунувшись въ окно, и доставъ изъ кармана трехрублевую бумажку, сувнулъ ее оглянувшемуся кучеру. Рука извозчика оцупала что-то у фонаря, послышался свистъ кнута и карета быстро покати-лась по ровному шоссе, и еще пріятнѣе дышалось свѣжимъ воздухомъ, и еще красивѣе смѣнялись ландшафты.

„Ничего, ничего мнѣ не нужно, кромѣ этого счастья“, ду-малъ онъ глядя на костяную шпичку звонка въ проме-жуткѣ между окнами и воображая себя Анну такую какою онъ видѣлъ ее въ послѣдній разъ. „И чѣмъ дальше, тѣмъ больше я люблю ее. Вотъ и садъ казенной дачи Вреде. Гдѣ же она тутъ? Гдѣ? Какъ? Зачѣмъ она здѣсь назначила свиданіе и пишетъ въ письмѣ Бетси,“ подумалъ онъ теперь только; но думать было уже некогда. Онъ остановилъ кучера не доѣзжая до аллеи, и отворивъ дверцу, на ходу выскочилъ изъ кареты и пошелъ въ аллею ведущую къ дому. Въ аллеѣ ни-кого не было; но оглянувшись направо онъ увидалъ ее. Ли-цо ея было закрыто вуалемъ, но онъ обхватилъ радостнымъ взглядомъ особенное ей одной свойственное движеніе поход-ки, наклона плечъ и постанова головы, и тотчасъ же будто электрическій токъ пробѣжалъ по его тѣлу. Онъ съ новою силой почувствовалъ самого себя, отъ упругихъ движеній ногъ до движенія легкихъ при дыханіи, и что-то защеколело его губы.

Сойдясь съ нимъ, она крѣпко пожала его руку.

— Ты не сердись что я вызвала тебя? Мнѣ необходимо было тебя видѣть, сказала она, и тотъ серьезный и строгій складъ губъ который онъ видѣлъ изъ подъ вуали сразу измѣнилъ его душевное настроеніе.

— Я, сердиться! Но какъ ты пріѣхала, куда?

— Все равно, сказала она, кладя свою руку на его, — поб-демъ, мнѣ нужно переговоры.

Онъ полагалъ что что-то случилось, и что свиданіе это не будетъ радостное. Въ присутствіи ея онъ не имѣлъ своей воли. Не зная причины ея тревоги, онъ чувствовалъ уже что та же тревога невольна сообщалась и ему.

— Что же? что? спрашивалъ онъ, сжимая локтемъ ея руку стараясь прочесть въ ея лицѣ ея мысли.

Она прошла молча нѣсколько шаговъ, собираясь съ ду-хомъ, и вдругъ остановилась.

— Я не сказала тебѣ вчера, начала она, быстро и тяже-

нна,—что возвращаясь домой съ Александромъ Александровичемъ, я объявила ему все... сказала что я не могу быть его женой, что... и все сказала.

Онъ слушалъ ее, невольно склоняясь вѣсмиъ станомъ, какъ бы желая этимъ смягчить для нея тяжесть ея положенія. Но какъ только она сказала это, онъ вдругъ выпрямился и лицо его приняло гордое и строгое выраженіе.

— Да, да, это лучше, тысячу разъ лучше. Я понимаю какъ тяжело это было, сказалъ онъ, но она не слушала его словъ, она читала его мысли по выраженію лица. Она не могла знать что выраженіе его лица относилось къ первой привлекшей Вронскому мысли, о неизбѣжности теперь дуэли. Ей никогда и въ голову не приходила мысль о дуэли, и поэтому это нисколько выраженіе строгости она объяснила иначе.

Получивъ письмо мужа она знала уже въ глубинѣ души что все останется по-старому, что она не въ силахъ будетъ преоблечь своимъ положеніемъ, бросить сына и соединиться съ любовникомъ. Утро проведенное у княгини Тверской еще болѣе утвердило ее въ этомъ. Но свиданіе это все-таки было для нея чрезвычайно важно. Она надѣялась что это свиданіе измѣнитъ это положеніе и спасетъ ее. Если онъ при этомъ извѣстнѣ рѣшительно, страстно, безъ минуты колебанія скажетъ ей:—брось все и бѣги со мной, она броситъ сына и пойдетъ съ нимъ. Но при первой встрѣчѣ съ нимъ она нашла въ немъ только чувство оскорбившее ее въ эту минуту теперь ей показалось что онъ колебался.

— Мнѣ нисколько не тяжело было. Это сдѣлалось само-собой, сказала она раздражительно, и вотъ... она достала письмо мужа изъ перчатки.

— Я понимаю, понимаю, перебилъ онъ ее взявъ письмо и читая его и стараясь успокоить,—я одного желаю, я одно просилъ—разорвать это положеніе чтобы посвятить свою жизнь твоему счастью.

— Зачѣмъ ты говоришь мнѣ это? сказала она. — Развѣ я могу сомнѣваться въ этомъ? Еслибъ я сомнѣвалась...

— Кто это идетъ? сказалъ вдругъ Вронскій, указывая на выходящихъ на встрѣчу двухъ дамъ:—Можетъ-быть знаютъ что-то, и онъ послѣдственно направился увлекая ее за собою на новую дорожку.

— Ахъ, мнѣ все равно! сказала она. Губы ея задрожали. Ему показалось что глаза ея со странною злобой смотрѣ-

ли на него изъ-подъ вуала. — Такъ я говорю что не въ этомъ дѣло, я не могу сомнѣваться въ этомъ; но вотъ что онъ пишетъ мнѣ. Прочти. Она опять остановилась.

Опять какъ и въ первую минуту, при извѣстїи объ ея разрывѣ съ мужемъ, Вронскій, читая письмо, невольнo отдаѣлся тому естественному впечатлѣнїю, которое вызывало въ немъ отвращеніе къ оскорбленному мужу. Теперь когда онъ держалъ въ рукахъ его письмо, онъ невольнo представлялъ себѣ тотъ вызовъ который вѣроятно нынче же или завтра онъ найдетъ у себя самую дуэль, во время которой онъ съ тѣмъ самымъ холоднымъ и гордымъ выраженїемъ, которое и теперь было на его лицѣ, выстрѣливъ въ воздухъ, будетъ стоять подъ выстрѣломъ оскорбленнаго мужа. И тутъ же въ его головѣ мелькнула мысль о томъ что ему только-что говорилъ Сергѣевъ и что онъ самъ утромъ думалъ, что лучше не свозывать себя, и онъ зналъ что эту мысль онъ не можетъ передать ей.

Прочтя письмо, онъ подымаѣ на нее глаза и во взглядѣ его не было твердости. Она поняла тотчасъ же что онъ уже самъ съ собой прежде думалъ объ этомъ. Она знала что что бы онъ ни сказалъ ей, онъ скажетъ не все что онъ думаетъ. И она поняла что послѣдняя надежда ея была обманута. Это было не то чего она ожидала.

— Ты видишь что это за человѣкъ, сказала она дрожащимъ голосомъ,—онъ...

— Прости меня, но я радуюсь этому, перебилъ Вронскій Ради Бога, дай мнѣ договорить, прибавилъ онъ умоляющимъ взглядомъ дать ему время объяснить свои слова. — Я радуюсь, потому что это не можетъ, никакъ не можетъ остаться такъ, какъ онъ предполагаетъ.

— Почему же не можетъ? сдерживая слезы проговорилъ Анна, очевидно уже не приписывая никакого значенія тому что онъ скажетъ. Она чувствовала что судьба ея была решена.

Вронскій хотѣлъ сказать что послѣ неизбежной, по мнѣнїю, дуэли это не могло продолжаться, но сказалъ дру-

— Не можетъ продолжаться. Я надѣюсь что теперь оставишь его. Я надѣюсь.—Онъ смутился и покраснѣлъ что ты позволишь мнѣ устроить и обдумать нашу жи-  
Завтра.. началъ было онъ.

Она не дала договорить ему.



— А смысл? вскрикнула она.— Ты видишь что онъ лжетъ, что оставить его, а я не могу и не хочу сдѣлать это.

— Но ради Бога, что же лучше? Оставить сына или промѣнить это унизительное положеніе?

— Для кого унизительное положеніе?

— Для всѣхъ, и больше всего для тебя.

— Ты говоришь унизительное... не говори этого. Эти слова не имеютъ для меня смысла, сказала она дрожащимъ голосомъ. Ей не хотѣлось теперь чтобы онъ говорилъ неправду.

Ей оставалась одна его любовь и она хотѣла любить его.—

Ты пойми что для меня, съ того дня какъ я полюбила тебя, не переѣнилось. Для меня одно и одно, это твоя любовь.

Если она моя, то я чувствую себя такъ высоко, такъ твердо,

что ничто не можетъ для меня быть унизительнымъ. Я горда

въ этомъ положеніемъ, потому что.... горда тѣмъ... горда...

она не договорила, чѣмъ она была горда. Слезы стыда и

гнѣва задушили ея голосъ. Она остановилась и зарыдала.

Онъ почувствовалъ тоже что что-то поднимается къ его

сердцу, щиплетъ ему въ носу, и онъ въ первый разъ въ жив-

отъ почувствовалъ себя готовымъ заплакать. Онъ не могъ

и сказать что именно такъ тронуло его; ему было жалко

и онъ чувствовалъ что не можетъ помочь ей и вмѣстѣ съ

нею зналъ что онъ виною ея несчастья, что онъ сдѣлалъ

это нехорошее.

— Развѣ не возможенъ разводъ? сказалъ онъ слабо. Она

отвѣчая покачала головой.— Развѣ нельзя взять сына и

такъ оставить его?

— Да; но это все отъ него зависитъ. Теперь я должна

идти къ нему, сказала она сухо. Ея предчувствіе что все

идетъ по-старому—не обмануло ея.

— Во вторникъ я буду въ Петербургѣ и все рѣшится.

— Да, сказала она.— Но не будемъ больше говорить про это.

Марья Анна, которую она отсылала и велѣла пріѣхать къ

ней въ садъ Вреде, подѣлала. Анна просталась съ нимъ

и пошла домой.

## XX.

Въ понедѣльникъ было обычное засѣданіе комиссіи 2го

и Алексѣй Александровичъ вошелъ въ залу засѣданія,

поздоровался съ членами и предсѣдателемъ какъ и обыкно-

венно, и сѣлъ на свое мѣсто, положивъ руку на пригото-  
 ленныя предъ нимъ бумаги. Въ числѣ этихъ бумагъ лежа-  
 и нужныя ему справки и набросанный конспектъ того за-  
 ленія которое онъ намѣревался сдѣлать. Впрочемъ, ему  
 не нужны были справки. Онъ помнилъ все и не счита-  
 нужнымъ повторять въ своей памяти то что онъ скажетъ.  
 Онъ зналъ что когда наступитъ время и когда онъ увидитъ  
 предъ собой лицо противника, тщетно старающагося при-  
 себѣ равнодушное выраженіе, рѣчь его выльется сама со-  
 лучше чѣмъ онъ могъ теперь приготовиться. Онъ чувст-  
 валъ что содержаніе его рѣчи было такъ велико что каж-  
 слово будетъ имѣть значеніе. Между тѣмъ, слушая обыч-  
 докладъ, онъ имѣлъ самый невинный, безобидный видъ. Ни-  
 не думалъ, глядя на его бѣлыя, съ напухшими жилами ру-  
 такъ нѣжно длинными пальцами ощупывавшія оба края  
 жавшаго предъ нимъ листа бѣлой бумаги, и на его съ-  
 раженіемъ усталости на бокъ склоненную голову, что с-  
 часъ изъ его устъ выльются такія рѣчи которыя прои-  
 дуть страшную бурю, заставятъ членовъ кричать, пер-  
 вая другъ друга, и предсѣдателя требовать соблагоденія  
 рядка. Когда докладъ кончился, Алексѣй Александровичъ  
 своимъ тихимъ тонкимъ голосомъ объявилъ что онъ  
 етъ сообщить нѣкоторыя свои соображенія по дѣлу  
 устройствѣ ивородцевъ. Вниманіе обратилось на него.  
 ксѣй Александровичъ откашлялся и не глядя на своего  
 тивника, но избравъ, какъ онъ всегда дѣлалъ при  
 изнесеніи своихъ рѣчей, первое сидѣвшее предъ нимъ ли-  
 маленькаго, смирнаго старичка, не имѣвшаго никогда  
 кого мѣня въ комиссіи, началъ излагать свои сообра-  
 нія. Когда дѣло дошло до кореннаго и органическаго  
 кона, противникъ вскочилъ и началъ возражать, но не  
 лично, какъ признали всѣ. Стрёмовъ, тоже членъ  
 миссіи и тоже задѣтый за живое, сталъ оправдываться  
 и вообще произошло бурное засѣданіе; но Алексѣй Але-  
 дровичъ восторжествовалъ и его предложеніе было при-  
 были назначены три новыя комиссіи, и на другой де-  
 извѣстномъ петербургскомъ кругу только и было рѣчи  
 объ этомъ засѣданіи. Успѣхъ Алексѣя Александровича  
 даже больше чѣмъ онъ ожидалъ.

На другое утро, во вторникъ, Алексѣй Александровичъ  
 проснувшись, съ удовольствіемъ вспомнилъ вчерашнее

Иду и не могъ не улыбнуться, хотя и желалъ казаться равнодушнымъ, когда правитель канцеляріи, желая польстить ему, сообщилъ о слухахъ дошедшихъ до него о происшествіи въ комиссіи.

Занимаясь съ правителемъ канцеляріи, Алексѣй Александровичъ совершенно забылъ о томъ что нынче былъ вторникъ, день назначенный имъ для пріѣзда Анны Аркадьевны, и былъ удивленъ и неприятно пораженъ когда человекъ пришелъ доложить ему о ея пріѣздѣ.

Анна пріѣхала въ Петербургъ рано утромъ; за ней была послана другая карета по ея телеграммѣ, и потому Алексѣй Александровичъ могъ знать о ея пріѣздѣ. Но когда она пріѣхала, онъ не встрѣтилъ ея. Ей сказали что онъ еще не вышелъ и занимается съ правителемъ канцеляріи. Она велѣла сказать мужу что пріѣхала, прошла въ свой кабинетъ и занялась разборомъ своихъ вещей, ожидая что онъ придетъ къ ней. Но его не было; она вышла въ столовую, подъ предлогомъ распоряженія, и нарочно громко говорила сказала что Алексѣй Александровичъ придетъ сюда; но онъ не вышелъ, хотя она слышала что онъ выходилъ къ дверямъ кабинета, провожая правителя канцеляріи. Она знала что онъ по обыкновенію скоро уйдетъ по службѣ, и ей хотѣлось по этому видѣть его, чтобъ отношенія ихъ были опредѣленны.

Она прошла въ залъ и съ рѣшимостью направилась къ нему. Когда она вошла въ его кабинетъ, онъ въ видѣ удивленія, очевидно готовый къ отъѣзду, сидѣлъ у маленькаго стола, на который облокотилъ руки и уныло смотрѣлъ передъ собой. Она увидала его прежде чѣмъ онъ ее, и она знала что онъ думалъ о ней.

Увидавъ ее, онъ хотѣлъ встать, раздумалъ, потомъ лицо его вспыхнуло, чего никогда прежде не видала Анна, и онъ быстро всталъ и пошелъ ей на встрѣчу. Онъ смотрѣлъ на нее, но не въ глаза ей, а выше, на ея лобъ и прическу. Онъ пошелъ къ ней, взялъ ее за руку и попросилъ сѣсть. Анна знала что онъ былъ особенно блѣденъ и руки его тряслись. Это было не то чего она ожидала. Она, готовясь къ своему свиданію, учила себя презирать, обвинять его, оправдывать себя, но увидавъ его такимъ, ей стало жалко, и она чувствовала что она даже не смѣетъ жалѣть его.

— Я очень радъ что вы пріѣхали, сказалъ онъ, овладѣвъ собой и садясь подлѣ нея. — Нѣсколько разъ онъ хотѣлъ

начать говорить, но останавливался. Она не знала что ей говорить. И такъ молчаніе продолжалось довольно долго.—Сережа здоровъ? сказалъ онъ, и не дожидаясь отвѣта прибавилъ:—я не буду обѣдать дома нынче, и сейчасъ маѣ надо ѣхать.

— Я хотѣла ѣхать въ Москву, сказала она.

— Нѣтъ, вы очень, очень хорошо сдѣлали что пріѣхали.

Опять установилось молчаніе.

Чувствуя что она не можетъ говорить съ нимъ ни о чемъ прежде чѣмъ не пойметъ какія будутъ ихъ отношенія и видя что онъ не въ силахъ самъ начать говорить объ этомъ она начала:

— Алексѣй Александровичъ, сказала она взглядывая на него и не опуская глазъ подъ его устремленнымъ на нее прическу взоромъ,—я преступная женщина, я дурная женщина, но я то же что я была, что я сказала вамъ тогда, пріѣхала сказать вамъ что я не могу ничего перемѣнить.

— Я васъ не спрашивалъ объ этомъ, сказалъ онъ вдругъ рѣшительно и съ ненавистью глядя ей прямо въ глаза,—я такъ и предполагалъ.—Подъ вліаніемъ гнѣва онъ видимо овладѣлъ опять вполнѣ всѣми своими способностями.—Но какъ я вамъ говорилъ тогда и писалъ, заговорилъ онъ рѣзкимъ тонкимъ голосомъ,—я теперь повторяю что я не обязанъ этого знать. Я игнорирую это. Не всѣ жены такъ добры какъ вы чтобы такъ слышать сообщать столь *пріятное* извѣстіе мужьямъ.—Онъ особенно ударилъ на словѣ „пріятное“.—Игнорирую это до тѣхъ поръ пока свѣтъ не знаетъ этого пока мое имя не опозорено. И потому я только предупреждаю васъ что наши отношенія должны быть такіа какія они всегда были, и что только въ томъ случаѣ если вы *компрометируете* себя, я долженъ буду принять мѣры чтобы огрѣдить свою честь.

— Но отношенія наши не могутъ быть такими какъ всегда, робкимъ голосомъ заговорила Анна, съ испугомъ глядя на него.

Когда она увидала опять эти спокойные жесты, усмѣху этотъ произительный, дѣтскій и насмѣшливый голосъ, отращиваніе къ нему уничтожило въ ней прежнюю жалость и она только боялась, но во что бы то ни стало хотѣла уяснить свое положеніе.

— Я не могу быть вашею женой, когда я... дача было она.

Она засмѣялася злымъ и холоднымъ смѣхомъ.

— Должно-быть тотъ родъ жизни который вы избрали отразился на вашихъ помятыхъ. Я настолько уважаю или презираю и то и другое... я уважаю прошедшее ваше и презираю настоящее.... что я былъ далеко отъ той интерпретаціи которую вы дали моимъ словамъ.

Анна вздохнула и опустила голову.

— Впрочемъ не понимаю, какъ, имѣя столько независимости какъ вы, продолжалъ онъ разгораясь,—объявляя мужу прямо о своей невѣрности и не находя въ этомъ ничего предосудительнаго какъ кажется, вы находите предосудительнымъ исполненіе въ отношеніи къ мужу обязанности жены?

— Алексѣй Александровичъ! Что вамъ отъ меня нужно?

— Мне нужно чтобы я не встрѣчалъ здѣсь этого человѣка и чтобы вы вели себя такъ чтобы ни *святъ*, ни *прислуга* не могла обвинить васъ... чтобы вы не видали его. Кажется это не много. И за это вы будете пользоваться правами честной жены, не исполняя ея обязанностей. Вотъ все что я хочу сказать вамъ. Теперь мне время вѣхать. Я не обѣдаю дома. Она встала и направилась къ двери.

Анна встала тоже. Она молча поклонившись пропустила ее.

## XXI.

Ночь проведенная Левинымъ на конѣ не прошла для него даромъ: то хозяйство которое онъ велъ опротивѣло ему и потеряло для него всякій интересъ. Несмотря на превосходный урожай, никогда не было или по крайней мѣрѣ никогда ему не казалось чтобы было столько неудачъ и столько враждебныхъ отношеній между имъ и мужиками какъ нынѣшній годъ, и причина неудачъ и этой враждебности была теперь совершенно понятна ему. Предель которого онъ испытывалъ въ самой работѣ, происшедшее вслѣдствіе того сближеніе съ мужиками, зависть которую онъ испытывалъ къ нимъ, къ ихъ жизни, желаніе перейти въ эту жизнь, которое въ эту ночь было для него уже не мечтою, но предпріемъ, подробности исполненія котораго онъ обдумывалъ, все это такъ измѣнило его взглядъ на хозяйство что

онъ не могъ уже никакъ находить въ немъ прежняго интереса и не могъ не видѣть того неприятнаго отношенія его къ работникамъ которое было основой всего дѣла. Стада улучшенныхъ коровъ такихъ же какъ Пава, вся удобренная, вспаханная плугами земля, девять равныхъ полей, обсаженныхъ лозинами, девяносто десятинъ глубоко запаханнаго навоза, рядовыя сѣмки и т. п., все это было прекрасно еслибъ это дѣлалось имъ самимъ или имъ съ товарищами, людьми сочувствующими ему. Но онъ ясно видѣлъ теперь (работа его надъ книгой о сельскомъ хозяйствѣ, въ которомъ главнымъ элементомъ хозяйства долженъ былъ быть работникъ, много помогла ему въ этомъ), онъ ясно видѣлъ теперь что то хозяйство которое онъ велъ была только жестокая и упорная борьба между имъ и работниками, въ которой на одной сторонѣ, на его сторонѣ, было постоянное напряженное стремленіе передѣлать все на считаеый лучшимъ образомъ на другой же сторонѣ—естественный порядокъ вещей. И въ этой борьбѣ, онъ видѣлъ что при величайшемъ напряженіи силъ съ его стороны и безо всякаго усилія и даже и мѣрениа съ другой, достигалось только то что хозяйство шло ни въ чью и совершенно напрасно лортились прекрасныя орудія, прекрасная скотина и земля. Главное же, только совершенно даромъ пропадала направленная на это дѣло энергія, но онъ не могъ не чувствовать теперь, какой смыслъ его хозяйства обижался для него, что цѣль его энгіи была самая недостойная. Въ сущности, въ чемъ состояла борьба? Онъ стоялъ за каждый свой грошъ (и не могъ стоять потому что стоило ему ослабить энергію и ему не достало денегъ расслачиваться съ рабочими), а они толпились за то чтобы работать спокойно и пріятно, то-есть такъ какъ они привыкли. Въ его интересахъ было то что каждый работникъ сработалъ какъ можно больше, притомъ чтобы не забывался, чтобы старался не сломать вѣлки, ковыли, граблей, молотилки, чтобы онъ обдумывалъ то что онъ дѣлаетъ; работнику же хотѣлось работать какъ можно пріятнѣе, отдохнуть и главное беззаботно и забывшись, не размышляя. Въ вышннее лѣто, на каждомъ шагу, Левинъ видѣлъ. Онъ посылалъ скосить клеверъ на сѣно, выбравъ плохія сѣтины, проросшія травой и помыью, не годныя на сѣна,—ему скашивали подъ рядъ лучшія сѣменные десятины оправдываясь тѣмъ что такъ приказалъ прикащикъ и т.

шли его тѣмъ что сѣно будетъ отличное; но онъ зналъ что это происходило отъ того что эти десятины было косить легче. Онъ посылалъ сѣноворошилку трясти сѣно, ее ломали на первыхъ рядахъ, потому что скучно было мужику сидѣть на козлахъ подъ махающими надъ нимъ крыльями. И ему говорилъ: „не извольте безлокоитъ, бабы живо растрясуть.“ Пауги оказывались не годящимися потому что работнику не приходило въ голову опустить поднятый рѣзецъ и, юрочая силою, онъ мучалъ лошадей и портилъ землю, и его просили быть покойнымъ. Лошадей запускали въ лешенцу, потому что ни одинъ работникъ не хотѣлъ быть ночнымъ сторожемъ, и несмотря на приказаніе этого не дѣлать, работники чередовались стеречь ночное, и Ванька, проработавъ весь день, заснулъ и казался въ своемъ грѣхѣ, говоря: „воля ваша“. Трехъ лучшихъ телокъ окормили, потому что безъ водопоя выпустили на клеверную отаву и никакъ не хотѣли вѣрить что ихъ раздуло клеверомъ, а рассказывали въ утѣшеніе какъ у сосѣда сто двѣнадцать головъ въ три дня выпало. Все это дѣлалось не потому что кто-нибудь желалъ зла Левину или его хозяйству, напротивъ, онъ зналъ что его любили, считали простымъ баринкомъ (что есть высшая похвала), но дѣлалось это только потому что хотѣлось весело и беззаботно работать, и интересы его были имъ не только чужды и неопытны, но фатально противоположны ихъ самымъ справедливымъ интересамъ. Уже давно Левинъ чувствовалъ недовольство своимъ отношеніемъ къ хозяйству. Онъ видѣлъ что лодка его течетъ, но онъ не находилъ и не искалъ течи, можетъ-быть нарочно обманывая себя. Онъ презиралъ всѣ другія открытыя ему дѣятельности, и считалъ одну земледѣльческую дѣятельность серіозною и настоящею, и любилъ ее одну. Ему бы ничего не оставалось еслибъ онъ разочаровался въ ней. Но теперь онъ не могъ болѣе себя обманывать. То хозяйство которое онъ велъ стало ему не интересно и отвратительно, и онъ не могъ больше имъ заниматься.

Въ этому еще присоединилось присутствіе въ тридцати верстахъ отъ него Щербацкой, которую онъ хотѣлъ и не могъ видѣть. Дарья Александровна Облонская, когда онъ былъ у нея, звала его пріѣхать: пріѣхать съ тѣмъ чтобы возобновить предложеніе ея сестрѣ, которая, какъ она давала чувствовать, теперь приметъ его. Самъ Левинъ, уви-

давъ Кити Щербацкую, появляя что онъ не переставалъ любить ее, но онъ не могъ ѣхать къ Обловскимъ зная что она тамъ. То что онъ сдѣлалъ ей предложеніе и она отказала ему, клало между нимъ и ею непреодолимую преграду. „Я не могу просить ее быть моею женою потому только что она не можетъ быть женою того кого она хотѣла“, говорилъ онъ самъ себѣ. Мысль объ этомъ дѣлала его холоднымъ и враждебнымъ къ ней. „Я не въ силахъ буду говорить съ ней безъ чувства упрека, смотрѣть на нее безъ злобы, и она только еще больше возненавидитъ меня, какъ и должно быть. И потому, какъ я могу теперь, послѣ того что мнѣ сказала Дарья Александровна, ѣхать къ нимъ. Развѣ я не могу не показать что я знаю то что она сказала мнѣ. И я пріѣду съ великодушіемъ простить, помиловать ее. Я предъ нею въ роли прощающаго и удостоивающаго ее своей любви!.. Зачѣмъ мнѣ Дарья Александровна сказала это? Случайно бы я могъ увидать ее и тогда все бы сдѣлалось само собой, но теперь это невозможно, невозможно.“

Дарья Александровна прислала ему записку, прося у него дамское сѣдло для Кити. „Мнѣ сказали что у васъ есть сѣдло, писала она ему. Надѣюсь что вы привезете его сами.“

Этого уже онъ не могъ переносить. Какъ умная, деликатная женщина могла такъ унижать сестру! Онъ написалъ десять записокъ и всѣ разорвалъ, и послалъ сѣдло безъ всякаго отвѣта. Написать что онъ пріѣдетъ — нельзя, потому что онъ не можетъ пріѣхать; написать что онъ не можетъ пріѣхать, потому что что-нибудь мѣшаетъ или онъ уѣзжаетъ — это еще хуже. Онъ послалъ сѣдло безъ отвѣта, и съ сознаниемъ что онъ сдѣлалъ что-то стыдное, на другой же день передавъ все опостылѣвшее хозяйство прикащику, уѣхалъ въ дальній уѣздъ къ другу своему Свѣжскому, около котораго были прекрасныя дулелиныя болота и который недавно писалъ ему прося исполнить давнишнее намѣреніе побывать у него. Дулелиныя болота въ Суровскомъ уѣздѣ давно соблазняли Левина, но онъ за хозяйственными дѣлами все откладывалъ эту поѣздку. Теперь же онъ радъ былъ уѣхать и отъ соседства Щербацкихъ и главное отъ хозяйства именно на охоту, которая во всѣхъ горестяхъ служила ему лучшимъ утѣшеніемъ.



## XXII.

Въ Суровскій уѣздъ не было ни желѣзной, ни почтовой дороги, и Левинъ ѣхалъ на своихъ въ тарантасѣ.

На половинѣ дороги онъ остановился кормить у богатаго мужика. Лысый, свѣжій старикъ съ широкою, рыжею бородою, сѣдою у щекъ, отворилъ ворота прижавшись къ веревѣ чтобы пропустить тройку. Указавъ кучеру мѣсто подъ навѣсомъ на большомъ, чистомъ и прибранномъ новомъ дворѣ съ обгорѣвшими сохами, старикъ попросилъ Левина въ горницу. Чисто одѣтая молодая, въ калошкахъ на босу ногу, согнувшись подтирала полъ въ новыхъ сѣняхъ. Она испугалась вбѣжавшей за Левинымъ собаки и вскрикнула, но тотчасъ же засмѣялась своему иску, узнавъ что собака не тронетъ. Показавъ Левину засученною рукой на дверь въ горницу она спрятала опять согнувшись свое красивое лицо и продолжала мыть.

— Самоваръ? спросила она.

— Да, пожалуста.

Горница была большая съ голландскою печью и пергородкой. Подъ образами стоялъ раскрашенный узорами столъ, лавка и два стула. У входа былъ шкафчикъ съ посудой. Станки были закрыты, мухъ мало и такъ чисто что Левинъ позаботился о томъ чтобы Ласка бѣжавшая дорогой и кулавшаяся въ лужахъ не натолкала полъ, и указалъ ей мѣсто въ углу у двери. Оглянувъ горницу, Левинъ вышелъ на задній дворъ. Благовидная молодая въ калошкахъ, качая пустымъ ведромъ на коромыслѣ, сбѣжала впереди его за водою къ колодцу.

— Живо у меня, весело крикнулъ на нее старикъ и подошелъ къ Левину. — Чтѣ, сударь, къ Николаю Ивановичу Свѣжскому ѣдете? Онъ тоже къ намъ заѣзжаетъ, словоохотно началъ онъ облакачиваясь на лерилъ крыльца. Но старикъ не успѣлъ дослушать отвѣта, ворота опять заскрипѣли и на дворъ въѣхали стариковы работники съ поля съ сохами и боровами. Залряженные въ сохи и бороны лошади были сытыя и крупныя. Работники очевидно были семейные: двое были молодые въ ситцевыхъ рубахахъ и картузахъ; другіе двое были наемные, въ ласковыхъ рубахахъ. Одинъ старикъ, другой молодой малый. Сзади всѣхъ въѣхалъ востроглазый маль-

чикъ. Онъ сидѣлъ бокомъ на большомъ, игреновомъ жеребцѣ и одинъ за другимъ лущилъ и ѣлъ стебли молочая, который онъ придерживалъ подъ мышкой.

— Чтò, отлакали? спросилъ старикъ и отойдя отъ крмыца, подошелъ къ лошадямъ и принялся распрягать.

— Чтò это у тебя лакали? спросилъ Левинъ.

— Картошки пролаживали. Тоже земаицу держимъ. Ты, Федотъ, мерина-то не пускай, а къ колодѣ поставь, ивуу запряжемъ.

— Чтò, батюшка, сошники-то я приказывалъ взять, принесъ что ли? спросилъ большой ростомъ, здоровенный малый, очевидно сынъ старика.

— Во... въ саяяхъ, отвѣчалъ старикъ сматывая кругомъ снятыя вожжи и бросая ихъ на земь.—Живо! Наладь поколѣ пообѣдаютъ.

Левинъ смотрѣлъ все время на то какъ отпрягали и собирали на другую работу, и привычный, хозяйскій глазъ его видѣлъ тутъ такіе приемы какихъ никогда онъ не видѣлъ въ своихъ рабочихъ.

Спорость дѣла, толковитость, охота, съ которыми все дѣлалось, сытость лошадей, было все то самое чего онъ тщетно желалъ и никогда не могъ достигнуть въ своемъ хозяйствѣ.

Благовидная молодайка съ полными, оттягивавшими ей плечи ведрами, прошла въ сѣни. Появились откуда-то еще бабы молодая, красивая, средняя и старая некрасивая съ дѣтьми и безъ дѣтей.

Самоваръ загудѣлъ въ трубѣ; рабочіе и семейные, убранныя съ лошадейми, пошли обѣдать. Левинъ, доставъ изъ коляски свою провизію, пригласилъ съ собой старика налиться чаю.

— Да чтò, уже пили вынче, оказалъ старикъ очевидно съ удовольствіемъ принимая это предложеніе.—Нешто для компаніи.

За чаемъ Левинъ узналъ всю исторію старикова хозяйства. Старикъ снялъ десять дѣтъ тому назадъ у помѣщицы сто двадцать десятинъ, а въ прошломъ году купилъ ихъ, и снималъ еще триста у сосѣдняго помѣщика. Малую часть земли, самую плохую, онъ раздавалъ внаймы, а десятинъ сорокъ въ полѣ пахалъ самъ своею семьей и двумя наемными рабочими. Старикъ жаловался что дѣло шло плохо. Но Левинъ понималъ что онъ жаловался только изъ

приличія, а что хозяйство его процвѣтало. Еслибы было плохо, онъ не купилъ бы по ста пяти рублей землю, не женилъ бы трехъ сыновей и племянника, не построился бы два раза послѣ пожаровъ и все лучше и лучше. Несмотря на жалобы старика, видно было что онъ справедливо гордъ своимъ благосостояніемъ, гордъ своими сыновьями, племянникомъ, нестяжками, лошадьми, коровами и въ особенности тѣмъ что держится все это хозяйство. Изъ разговора со старикомъ Левинъ узналъ что онъ былъ и не прочь отъ новопреденій. Онъ сѣялъ много картофеля, и картофель его, который Левинъ видѣлъ подѣвжалъ, уже отцвѣталъ и завялымъ, тогда какъ у Левина только зацвѣталъ. Онъ пахалъ подъ картофель плугою, какъ онъ называлъ плугъ, взятый у помѣщика. Онъ сѣялъ пшевицу. Маленькая подробность о томъ что пропалавая режь, старикъ прополохну режью кормилъ лошадей, особенно порадила Левина. Сколько разъ Левинъ видя этотъ пропадающій прекрасный кормъ хотѣлъ собирать его; но всегда это оказывалось невозможно. У мужика же это дѣлалось, и онъ не могъ нахваляться этимъ кормомъ.

— Чего же бабенкамъ дѣлать? Вынесутъ кучки на дорогу, а телега подѣдетъ.

— А вотъ у насъ, помѣщиковъ, все плохо идетъ съ работниками, сказалъ Левинъ подавая ему стакавъ съ чаемъ.

— Благодаримъ, отвѣчалъ старикъ, взялъ стакавъ, но отказался отъ сахара, указавъ на оставшійся обгрызенный имъ комокъ.—Гдѣ же съ работниками вести дѣло? сказалъ онъ.—Раззоръ одинъ. Вотъ хоть бы Свѣжсковъ. Мы знаемъ какая земля—макъ, и тоже не больно хвалятся урожаемъ. Все недо-смотрѣ.

— Да вотъ ты же хозяйничаешь съ работниками.

— Наше дѣло мужицкое. Мы до всего сами. Плохъ,—и онъ; и своими управимся.

— Батюшка, Филогенъ велѣлъ дегтю достать, сказала воншащая баба въ калошкахъ.

— Такъ-то, сударь, сказалъ старикъ вставая, перекрестился продолжительно, поблагодарилъ Левина и вышелъ.

Когда Левинъ вошелъ въ черную избу чтобы вызвать своего кучера, онъ увидалъ всю семью мужиковъ за столомъ. Бабы прислуживали столъ. Молодой здоровенный сынъ, съ лошадью ртомъ кашки, что-то разказывалъ смѣшное и всѣ

хотѣли, и въ особенности весело баба въ калошкѣхъ, подливавшая щи въ чашку.

Очень можетъ быть что благовидное лицо бабы въ калошкѣхъ много содѣйствовало тому впечатлѣнію благоустройства, которое произвелъ на Левина этотъ крестьянскій домъ, но впечатлѣніе это было такъ сильно что Левинъ никакъ не могъ отдѣлаться отъ него. И всю дорогу отъ старика до Свіяжскаго, вѣтъ, вѣтъ и опять вспоминалъ объ этомъ козайствѣ, какъ будто что-то въ этомъ впечатлѣніи требовало его особеннаго вниманія.

### XXIII.

Свіяжскій былъ предводитель въ своемъ уѣздѣ. Онъ былъ пятью годами старше Левина и давно женатъ. Въ домѣ его жила молодая его свояченица, очень симпатичная Левину дѣвушка. И Левинъ зналъ что Свіяжскій и его жена очень желали выдать за него эту дѣвушку. Онъ зналъ это несомнѣнно, какъ знаютъ это всегда молодые люди такъ-называемые женихи, хотя никогда никому не рѣшился бы сказать этого, и зналъ тоже и то что несмотря на то что онъ хотѣлъ жениться, несмотря на то что по всѣмъ даннымъ эта весьма привлекательная дѣвушка должна была быть прекрасною женой, онъ также мало могъ жениться на ней даже еслибъ онъ и не былъ влюбленъ въ Цербацкую, какъ онъ не могъ улетѣть на небо. И это знаніе отравляло ему то удовольствіе которое онъ надѣялся имѣть отъ поѣздки къ Свіяжскому.

Получивъ письмо Свіяжскаго съ приглашеніемъ на охоту, Левинъ тотчасъ же подумалъ объ этомъ, но несмотря на это рѣшилъ что такіе виды на него Свіяжскаго есть только его ни на чемъ не основанное предположеніе и потому онъ все-таки поѣдетъ. Кроме того во глубинѣ души ему хотѣлось испытать себя, примѣрится опять къ этой дѣвушкѣ. Домашняя же жизнь Свіяжскихъ была въ высшей степени пріятна, и самъ Свіяжскій, самый лучший тапъ земскаго дѣятеля какой только зналъ Левинъ, былъ для Левина всегда чрезвычайно интересенъ.

Свіяжскій былъ одинъ изъ тѣхъ всегда удивительныхъ для Левина людей, разсужденіе которыхъ, очень послѣдовательное, хотя и никогда не самостоятельное, идетъ само по себѣ, и жизнь, чрезвычайно опредѣленная и твердая въ своемъ на-

правоси́и, идетъ сама по себѣ и совершенно независимо и луги всегда въ разрѣзъ разсужденіямъ. Свѣжскій былъ человѣкъ чрезвычайно либеральный. Онъ презиралъ дворянство и считалъ большинство дворянъ тайными, отъ робости только не выражавшимися крѣпостниками. Онъ считалъ Россію погибшею страной въ родѣ Турціи и правительство Россіи столь дураками что никогда не позволялъ себѣ даже серьезно критиковать дѣйствія правительства, и вмѣстѣ съ тѣмъ служилъ и былъ образцовымъ дворянскимъ предводителемъ, и въ дорогу всегда надѣвалъ съ кокардой и съ краснымъ околышемъ фуражку. Онъ полагалъ что жизнь человѣческая возможна только за границей, куда онъ и уѣзжалъ жить при первой возможности, а вмѣстѣ съ тѣмъ велъ въ Россіи очень сложное и усовершенствованное хозяйство и съ чрезвычайнымъ интересомъ слѣдилъ за всемъ и зналъ все что дѣлалось въ Россіи. Онъ считалъ русскаго мужика стоящимъ по развитію на переходной ступени отъ обезьяны къ человѣку, а вмѣстѣ съ тѣмъ на земскихъ выборахъ охотнѣе всѣхъ пожималъ руку мужикамъ и выслушивалъ ихъ мнѣнія. Онъ не вѣрилъ ни въ чохъ, ни въ смерть, но былъ очень озабоченъ вопросомъ улучшения быта духовенства и сокращенія приходовъ, причемъ особенно желалъ чтобы церковь осталась въ его селѣ.

Въ женскомъ вопросѣ онъ былъ на сторонѣ крайнихъ сторонниковъ полной свободы женщинъ и въ особенности ихъ права на трудъ, но жилъ съ женою такъ что всѣ любовались ихъ дружною бездѣтною, семейною жизнью и устроилъ жизнь своей жены такъ что она ничего не дѣлала и не могла дѣлать кромѣ общей съ мужемъ заботы какъ получше и повеселѣе провести время.

Еслибы Левинъ не имѣлъ свойства объяснять себѣ людей съ самой хорошей стороны, характеръ Свѣжскаго не представлялъ бы для него никакого затрудненія и вопроса. Онъ бы сказалъ себѣ: дуракъ или дрянъ, и все бы было ясно; но онъ не могъ сказать дуракъ, потому что Свѣжскій былъ несомнѣнно не только очень умный, но очень образованный и необыкновенно просто носящій свое образованіе человѣкъ. Не было предмета котораго бы онъ не зналъ, но онъ показывалъ свое знаніе только когда бывалъ вынуждаемъ къ этому. Еще меньше могъ Левинъ сказать что онъ былъ дрянъ, потому что Свѣжскій былъ несомнѣнно честнымъ,

добрый, умный человекъ, который весело, оживленно, постоянно дѣлалъ дѣла высоко цѣнимые всеми его окружающими, и уже навѣрное никогда сознательно не дѣлалъ и не могъ сдѣлать ничего дурнаго.

Левинъ старался понять и не понималъ, и всегда, какъ на живую загадку, смотрѣлъ на него и на его жизнь. Одно что могъ себѣ говорить и говорилъ Левинъ о немъ: это было то что онъ всю жизнь не зналъ ни страстей, ни утратъ, ни униженій, ни нужды. Одна забота и горе которыя онъ могъ знать, думалъ Левинъ, это была забота и горе о томъ что ему дѣлать и какъ бы повеселѣе прожить, хотя этой заботы не бывало замѣтно: такъ естественно и просто шли у него дѣла, обязанность; забава, одно за другимъ. Онъ былъ то что мужики называютъ: человекъ неламаемый. Но Левинъ все-таки не могъ понять какъ онъ могъ устроить свою жизнь такъ чтобы не знать страстей, нужды, утратъ, униженій, разочарованій, и почему для него въ жизни была только пустая форма времени, которую надо было только наполнять какъ можно лучше.

Они были дружны съ Левинымъ, и поэтому Левинъ позволялъ себѣ допытывать Свѣжскаго, добираться до самой основы его взгляда на жизнь; но всегда это было тщетно. Каждый разъ какъ Левинъ пытался проникнуть дальше открытыхъ для всѣхъ дверей приемныхъ комнатъ ума Свѣжскаго, онъ замѣчалъ что Свѣжскій слегка смущался, чуть замѣтный ислугъ выражался въ его взглядѣ какъ будто онъ боялся что Левинъ пойметъ его, и онъ давалъ добродушный и веселый отпоръ.

Теперь, послѣ своего разочарованія въ хозяйство, Левину особенно пріятно было побывать у Свѣжскаго. Не говоря о томъ что на него просто весело дѣйствовалъ видъ этихъ счастливыхъ, довольныхъ собою и всеми, голубковъ, ихъ благоустроеннаго гнѣзда, ему хотѣлось теперь, чувствуя себя столь недовольнымъ своею жизнью, добраться въ Свѣжскомъ до того секрета который давалъ ему такую ясность, определенность и веселость въ жизни. Кромѣ того, Левинъ зналъ что онъ увидитъ у Свѣжскаго помѣщиковъ сосѣдей, и ему теперь особенно интересно было поговорить, послушать хозяйство тѣ самые разговоры объ урожаѣ, наймѣ рабочихъ и т. п., которые, Левинъ зналъ, пріятно считать чѣмъ-то очень низкимъ, но которые теперь для Левина казались од-

ни важными. „Это, может-быть, не важно было при крѣпостномъ правѣ или не важно въ Англіи. Въ обоихъ случаяхъ самыя условія опредѣлены; но у насъ теперь, когда все перевернулось и только укладывается, вопросъ о томъ какъ уложатся эти условія есть только одинъ важный въ Россіи“, думалъ Левинъ.

Охота оказалась хуже чѣмъ ожидалъ Левинъ. Болото вышло и думелей совсѣмъ не было. Онъ проходилъ цѣлый часъ и принесъ только три штуки, но за то принесъ, какъ и всегда съ охоты, отличный аппетитъ, отличное расположеніе духа и то возбужденное умственное состояніе которымъ всегда сопровождалось у него сильное физическое движеніе. На охотѣ, въ то время когда онъ, казалось, ни о чемъ не думалъ, нѣтъ, нѣтъ и опять ему волюминался старикъ со всюю семьей и впечатлѣніе это какъ будто требовало къ себѣ не только вниманія, но и разрѣшенія чего-то съ нимъ связаннаго.

Вечеромъ, за чаемъ, въ присутствіи двухъ помѣщиковъ, пріѣзжавшихъ по какимъ-то дѣламъ олеки, завязался тотъ самый интересный разговоръ какого и ожидалъ Левинъ.

Левинъ сидѣлъ подлѣ хозяйки у чайнаго стола и долженъ былъ вести разговоръ съ нею и сволочницей, сидѣвшею противъ него. Хозяйка была круглолицая, бѣлокурая и невыжкая фенциала; вся сіяющая ямочками и улыбками. Левинъ старался черезъ нее выпытать рѣшеніе той для него важной загадки которую представлялъ ей мужъ; но онъ не имѣлъ полной свободы мыслей, потому что ему было мучительно неловко. Мучительно неловко ему было отъ того что противъ него сидѣла сволочница, въ особенномъ, для него, какъ ему казалось, надѣтомъ платьѣ, съ особымъ въ видѣ трапеціи вырѣзомъ на бѣлой груди; этотъ четырехугольный вырѣзъ, несмотря на то что грудь была очень бѣлая, или особенно потому что она была очень бѣлая, мешалъ Левину свободы мысли. Онъ воображалъ себѣ, вѣроятно ошибочно, что вырѣзъ этотъ сидѣлъ на его счетъ, и считалъ себя не въ правѣ смотрѣть на него, и вмѣстѣ съ тѣмъ не хотѣлъ смотрѣть на него. Но чувствовалъ что онъ виноватъ ужъ за одно то что вырѣзъ сидѣлъ. Левину казалось что онъ кого-то обманываетъ, что ему сдается обмануть что-то, но что объяснить это никакъ нельзя, и потому онъ безпрестанно краснѣлъ, былъ безпокоенъ и нелов-

вокъ. Неловкость его сообщалась и хорошенькой сволоченьцѣ. Но хозяйка, казалось, не замѣчала этого, и нарочно втравивала ее въ разговоръ.

— Вы говорите, продолжала хозяйка начатый разговоръ, что мужа не можетъ интересовать все русское. Напротивъ онъ веселъ бываетъ за границей, но никогда такъ какъ здѣсь. Здѣсь онъ чувствуетъ себя въ своей сферѣ. Ему стоило дѣла и онъ имѣеть даръ всѣмъ интересоваться. Ахъ, вы были въ нашей школѣ?

— Я видѣлъ.... Это лающемъ обитый домикъ?

— Да, это Настинъ дѣло, сказала она указывая на сестру.

— Вы сами учите? спросилъ Левинъ стараясь смотрѣть мимо вырѣза, но чувствуя что куда бы онъ ни смотрѣлъ въ сторону, онъ будетъ видѣть вырѣзъ.

— Да, я сама учила и учу, но у насъ прекрасная учительница. И гимнастику мы ввели.

— Нѣтъ, я благодарю, я не хочу больше чаю, сказалъ Левинъ, и чувствуя что онъ дѣлаетъ неучтивость, но въ силахъ болѣе продолжать этотъ разговоръ, краснѣя всталъ. — Я слышу очень интересный разговоръ, прибавилъ онъ и подошелъ къ другому концу стола, у котораго сидѣлъ хозяинъ съ двумя помѣщиками. Свѣжскій сидѣлъ бокомъ къ столу, облокоченною рукой поворачивая чашку, другою сходя въ кулакъ свою бороду и поднося ее къ носу и она выпускала, какъ бы нюхая. Онъ блестящими, черными глазами смотрѣлъ прямо на горячившагося помѣщика съ седыми усами и видимо находилъ забаву въ его рѣчахъ и не охотно слушалъ его. Помѣщикъ жаловался на народъ. Левину являлось что Свѣжскій зналъ такой отвѣтъ на жалобы помѣщика который сразу уничтожилъ бы весь смыслъ его рѣчи, что по своему положенію онъ не могъ сказать этого и сходилъ не безъ удовольствія найдя комическую сторону рѣчи помѣщика.

Помѣщикъ съ седыми усами былъ очевидно закоренѣлый крѣпостникъ и деревенскій старожилъ, страстный сельскій хозяинъ. Признаки эти Левинъ видѣлъ и въ одеждѣ, старомодномъ, потертомъ сюртукѣ, видимо непривычномъ помѣщику, и въ его умныхъ, нахмуренныхъ глазахъ, и въ сильной русской рѣчи, и въ усвоенномъ, очевидно долгимъ образомъ, повелительномъ тономъ и въ рѣшительныхъ движеніяхъ большихъ, красивыхъ, загорѣлыхъ рукъ съ однимъ старымъ обручальнымъ кольцомъ на безымянкѣ.



— Только если бы не жалко бросить что заведено... трудовъ можно много.. махнулъ бы на все рукой, продалъ бы, пошелъ бы какъ Николай Ивановичъ... Елену слушать, сказалъ помѣщикъ съ освѣтвшимся его умное, старое лицо пріятною улыбкой.

— Да вотъ, не бросаете же, сказалъ Николай Ивановичъ Свияжскій, — стало-быть разчеты есть.

— Разчетъ одинъ что дома живу, не покупное, не навятое. Да еще все надѣешься что образумится народъ. А то гирете ли, это пьянство, распутство! Всѣ передѣлились, ни лошадевки, ни коровенки. Съ голоду дохвѣтъ, а возьмите его въ работники наймите, онъ вамъ коровить напортитъ, да еще къ мировому судья.

— За то и вы пожалуетесь мировому судья, сказалъ Свияжскій.

— Я пожалуюсь? Да ни за что въ свѣтъ! Разговоры такіе водятся что и не радъ жалобѣ. Вотъ на заводѣ взяли затки, ушли, что жь мировой судья? Оправдалъ. Только и держится все волостнымъ судомъ, да старшиной. Этотъ отлоретъ его по старинному. А не будь этого, бросай все! Бѣги на край свѣта!

Очевидно помѣщикъ дразнилъ Свияжскаго, но Свияжскій не только не сердился но видимо забавлялся этимъ.

— Да вотъ, ведемъ же мы свое хозяйство безъ этихъ мѣръ, сказалъ онъ улыбаясь, — я, Левинъ, они.

Онъ указалъ на другаго помѣщика.

— Да, у Михаила Петровича идетъ, а спросите-ка какъ? Это развѣ рациональное хозяйство?

— У меня хозяйство простое, сказалъ Михаилъ Петровичъ. — Благодарю Бога. Мое хозяйство все, чтобы денежки въ осеннимъ податямъ были готовы. Приходятъ мужички: батюшка, отецъ, вызволь. Ну, свои все сосѣди мужики, жалко. Ну дашь на первую треть, только скажешь: помини, ребята, я вамъ помогъ, и вы помогите когда нужда — посѣвъ и осевай, уборка сѣна, житво — ну и выговорить по дружбѣ съ тяга. Тоже есть безсовѣстные и изъ нихъ, это правда.

Левинъ, зная давно эти патріархальныя приемы, переглянулся съ Свияжскимъ и перебилъ Михаила Петровича, обращаясь опять къ помѣщику съ сѣдыми усами.

— Такъ вы какъ же полагаете? спросилъ онъ: — какъ же теперь надо вести хозяйство?

— Да также и вести какъ Михаилъ Петровичъ, или отдал излолу, или внаиымъ мужикамъ, это можно, но только эти самымъ уничтожается общее богатство государства. И земля у меня при крѣпостномъ трудѣ и хорошемъ хозяйствѣ приносила самъ-девятъ, она излолу принесетъ самъ-третей. Погубила Россію эмаксилациа.

Свіаѣжскій поглядѣлъ улыбающимися глазами на Левина, даже сдѣлалъ ему чуть замѣтный насмѣшливый знакъ; Левинъ не находилъ слова помѣщика смѣшнымъ, онъ по малъ ихъ больше чѣмъ онъ понималъ Свіаѣжскаго. Многое изъ того что дальше говорилъ помѣщикъ, доказывая почему Россія погублена эмаксилацией, показалось ему даже очвѣрнымъ, для него новымъ и непровержимымъ. Помѣщикъ очевидно говорилъ свою собственную мысль, что такъ рѣдъ бываетъ, и мысль къ которой онъ приведенъ былъ не же ниѣмъ занять чѣмъ-нибудь правдыи умъ, а мысль котора выросла изъ условій его жизни, которую онъ высидѣлъ своимъ деревенскомъ уединеніи и со всѣхъ оторонъ об малъ.

— Дѣло, изволите видѣть, въ томъ что всякій прогресс совершается только властью, говорилъ онъ очевидно же. Теперь показать что онъ не чуждъ образованію.— Возьмите реформы Петра, Екатерины, Александра. Возьмите европскую исторію. Тѣмъ болѣе прогрессъ въ земледѣльческомъ быту. Хоть картофель, и тотъ вводился у насъ силой. Всадкой тоже не всегда пахали. Тоже ввели ее можетъ-бы при удѣлахъ, но наѣрно ввели силою. Теперь въ наше время, мы, помѣщики, при крѣпостномъ правѣ вели свое хозяйство съ усовершенствованіями, и сушилки, и вѣялки, и во навоза, и всѣ орудія, все мы вводили своею властью, и мужики сначала сопротивлялись, а потомъ подражали намъ. Теперь при уничтоженіи крѣпостнаго права, у насъ отвалила хозяйство наше-то, гдѣ оно подыято на высокій уровень должно опуститься къ самому дикому первобытному состоянию. Такъ я ловимаю.

— Да почему же, если оно рационально, то вы мож наймомъ вести его? сказалъ Свіаѣжскій.

— Власти нѣтъ-съ. Кѣмъ я его буду вести? позво спросить.

„Вотъ она рабочая сила главный элементъ хозяйства подумалъ Левинъ.

— Рабочими.

— Рабочіе не хотятъ работать хорошо и работать хороши орудіями. Рабочій нашъ только одно знаетъ — валить, какъ свинья, пьлалмй и испортить все что вы ему дадите. Лошадей ополить, обрью хорошую оборветъ, колесо шинованное сбить, прольетъ, въ молотилку шкворень лустить, чтобы ее сломать. Ему тошно видѣть все что не по его. Отъ этого и спустился весь уровень хозяйства. Земли заброшены, выросли полянками, или розданы мужикамъ, и гдѣ производили миллионы, производятъ сотни тысячъ четвертей, общее богатство уменьшилось. Еслибы сдѣлали то же, да съ расчетомъ....

И онъ началъ развѣивать свой планъ освобожденія, при которомъ были бы устранены эти неудобства.

Левина не интересовало это, но когда онъ кончилъ, Левинъ вернулся къ первому его положенію и сказалъ, обращаясь къ Свѣжскому и стараясь вызвать его на высказываніе своего серьезнаго мнѣнія:

— То что уровень хозяйства спускается и что при нашихъ отношеніяхъ къ рабочимъ нѣтъ возможности вести выгодно рациональное хозяйство, это совершенно справедливо, сказалъ онъ.

— Я не нахожу, уже серьезно возразилъ Свѣжскій, — я только вижу то что мы не умѣемъ вести хозяйство и что напротивъ, то хозяйство которое мы вели при крѣпостномъ правѣ не то что слишкомъ высоко, а слишкомъ низко. У насъ нѣтъ ни машинъ, ни рабочаго скота хорошаго, ни управленія настоящаго, ни считать мы не умѣемъ. Спросите у хозяина, онъ не знаетъ что ему выгодно, что невыгодно.

— Итальянская бухгалтерія, сказалъ промически помѣщикъ. — Тамъ какъ ни считай, какъ вамъ все перепортятъ, барыша не будетъ.

— Зачѣмъ же перепортятъ? Дрянную молотилку, російскій толчачекъ вашъ, ломаютъ, а мою паровую не ломаютъ. Лошаденку расейскую, какъ это? тасканской породы, что за вѣсть таскать, вамъ испортятъ, а заведете першероновъ вывѣютъ битюковъ, ихъ не испортятъ, и такъ все. Намъ выше надо поднимать хозяйство.

— Да было бы изъ чего, Николай Ивановичъ. Вамъ хорошо, а я сына въ университетѣ содержи, малыхъ въ гимназій воспитывай, такъ мнѣ першероновъ не купить.

— А на это банки.

— Чтобы послѣднее съ молотка продали. Нѣтъ, благодарю.

— Я не согласенъ что нужно и можно поднять еще выше уровень хозяйства, сказалъ Левинъ.—Я занимаюсь этимъ и у меня есть средства, а я ничего не могъ сдѣлать. Банки мнѣ знаю кому полезны. Я по крайней мѣрѣ на что ни затрачивалъ деньги въ хозяйствѣ, все съ убыткомъ: скотина—убытокъ, машины—убытокъ.

— Вотъ это вѣрно, засмѣявшись даже отъ удовольствія подтвердилъ помѣщикъ съ сѣдыми усами.

— И я не одинъ, продолжалъ Левинъ,—я сошлюсь во всѣхъ хозяйствѣхъ ведущихъ рационально дѣло, всѣ за рѣдкимъ исключеніями ведутъ дѣло въ убытокъ. Ну, вы скажите, что ваше хозяйство выгодно?

Этотъ вопросъ со стороны Левина былъ не совсѣмъ добрымъ совѣстнымъ. Хозяйка за чаемъ только-что говорила ему что они нынче лѣтомъ приглашали изъ Москвы Нѣмца знатной бухгалтеріи, который за пятьсотъ рублей вознагражденіемъ учелъ ихъ хозяйство и нашелъ что оно приноситъ убытъ 3.000 съ чѣмъ-то рублей. Она не помнила именно сколько, и кажется Нѣмецъ вычиталъ до четверта колѣйки.

Во взглядѣ Свіяжскаго, Левинъ замѣтилъ то мимоходомъ выраженіе услуга которое онъ замѣчалъ когда хотѣлъ прорикнуть да еще пріемныхъ комнатъ ума Свіяжскаго.

Помѣщикъ, при уломиваніи о выгодахъ хозяйства Свіяжскаго, улыбнулся, очевидно зная какой могъ быть барышъ сосѣда и предводителя.

— Можетъ-быть невыгодно, отвѣчалъ Свіяжскій.—Это только доказываетъ или что я плохой хозяинъ, или что я затрачиваю капиталъ на увеличеніе ренты.

— Ахъ рента! съ ужасомъ воскликнулъ Левинъ.—Можетъ быть есть рента въ Европѣ гдѣ земля стала лучше отъ положеннаго на нее труда, но у насъ вся земля становится хуже отъ положеннаго труда, стало-быть нѣтъ ренты.

— Какъ нѣтъ ренты? Это законъ.

— То мы въ законѣ: рента ничего для насъ не обѣщаетъ, а напротивъ залучаетъ. Нѣтъ, вы скажите, какъ что о рентѣ можетъ быть....

— Хотите простокваши? Маша, пришли намъ сюда и простокваши или малины, обратился онъ къ женѣ.—Нынче мѣчательно поздно малина держится.

И въ самомъ пріятномъ расположеніи духа Свіяжскій всталъ и отошелъ, видимо соскучившись этимъ разговоромъ.

Левинъ еще продолжалъ разговоръ съ помѣщикомъ стараясь доказать ему что все затрудненіе происходитъ отъ того что мы не хотимъ знать свойствъ привычекъ нашего рабочаго; но помѣщикъ былъ, какъ и всѣ люди самобытно и уединенно думающіе, туго къ пониманію чужой мысли и особенно пристрастенъ къ своей. Онъ настаивалъ на томъ что русскій мужикъ есть свинья и любитъ свинство, и чтобы вывести его изъ свинства нужна власть, а ея нѣтъ, нужна палка, а мы стали такъ либеральны что замѣнили тысячекратною палку вдругъ какими-то адвокатами и заключеніями, при которыхъ негодныхъ волющихъ мужиковъ кормятъ хорошимъ хлебомъ и высчитываютъ имъ кубическіе футы воздуха.

— Отчего вы думаете? говорилъ Левинъ, стараясь вернуть къ вопросу что нельзя найти такого отношенія къ рабочей силѣ при которой работа была бы производительна.

— Никогда этого съ русскимъ народомъ не будетъ. Стань, и свиньями останутся.

— Какъ же новыя условія могутъ быть найдены? сказалъ Свияжскій, поѣвъ простоквашу, закуривъ папиросу и опять выходя къ спорящимъ. Онъ, очевидно, влоялъ теперь разсуждалъ мнѣніе желчнаго помѣщика о русскомъ народѣ.

— Всѣ возможныя отношенія къ рабочей силѣ опредѣлены и изучены, сказалъ онъ.—Остатокъ варварства, первобытная дикая съ круговою порукой, сама собой распадается, крепостное право уничтожилось, остается только свободный трудъ и формы его опредѣлены и готовы и надо брать ихъ. Интрак, подеанный, фермеръ, и изъ этого вы не выйдете.

— Но Европа не довольна этими формами.

— Не довольна и ищетъ новыхъ. И найдетъ вѣроятно.

— Я про то только и говорю, отвѣчалъ Левинъ.—Почему вы не ищите съ своей стороны?

— Потому что это все равно что придумывать вновь формы для постройки желѣзныхъ дорогъ. Они готовы, при-

— Но если они намъ не приходятся, если они глупы? говорилъ Левинъ.

— Опять онъ замѣтилъ выраженіе недовольства и испуга Свияжскаго.

— Да, это: мы шалками закидаемъ, мы нашли то чего Европа. Все это я знаю, но извините меня, вы знаете

ли все что сдѣлано въ Европѣ по вопросу объ устройствѣ рабочихъ?

— Нѣтъ, плохо.

— Этотъ вопросъ занимаетъ теперь лучшіе умы въ Европѣ. Шульце-Деличевское направленіе... Потому вся эта громадная литература рабочаго вопроса, самаго либеральнаго Ласалевскаго направленія... Мильгаузенское устройство, это уже фактъ, вы вѣрно знаете.

— Я имѣю понятіе, но очень смутное.

— Нѣтъ, вы только говорите, вы вѣрно знаете все это хуже меня. Я разумѣется не социальный профессоръ, меня это интересовало, и право, если васъ интересуетъ, займитесь.

— Но къ чему же они пришли?

— Вивоватъ.....

Помѣщики встали, и Свѣжскій, опять оставивъ Левину въ его непріятной привычкѣ заглядывать въ то что слышится въ приемныхъ комнатахъ его ума, пошелъ провожать своихъ гостей.

#### XXIV.

Левину невыносимо скучно было въ этотъ вечеръ съ дамами: его, какъ никогда прежде, волновала мысль о томъ что то недовольство хозяйствомъ которое онъ теперь испытывалъ есть не исключительное его положеніе, а общее у всѣхъ въ которомъ находится дѣло въ Россіи, что устройство какого-нибудь такого отношенія рабочихъ гдѣ бы они ни жили таки какъ у мужика на половинѣ дороги есть не мечта, а задача которую необходимо рѣшить. И ему казалось что эту задачу можно рѣшить и должно попытаться это сдѣлать.

Простившись съ дамами и обѣщавъ пробыть завтра цѣлый день съ тѣмъ чтобы вмѣстѣ взять верхомъ осматривать интересный провалъ въ казенномъ лѣсу, Левинъ въ своемъ зашелъ въ кабинетъ хозяина чтобы взять книги по бочемъ вопросу которыя Свѣжскій предложилъ ему. Кабинетъ Свѣжскаго была огромная комната, обставленная мебелью съ книгами и съ двумя столами, однимъ массивнымъ письменнымъ, стоявшимъ по серединѣ комнаты, и другимъ круглымъ, уложеннымъ звѣздой вокругъ лампы, на которыхъ лежали послѣдними нумерами газетъ и журналовъ.

У письменнаго стола была стойка съ подраздѣленными золотыми ярлыками ящичками различнаго рода дѣлъ.

Свяжскій досталъ книги и сѣлъ въ качающееся кресло.

— Что это вы смотрите? сказалъ онъ Левину, который, оставившись у круглаго стола, переглядывалъ журналы.

— Ахъ, да тутъ очень интересная статья, сказалъ Свяжскій про журналъ который держалъ въ рукахъ.— Оказывается, прибавилъ онъ съ веселымъ оживленіемъ,— что главнымъ изобрѣтеніемъ раздѣла Польши былъ союзъ не Фридрихъ. Оказывается....

И онъ съ свойственною ему ясностью разсказалъ вкратцѣ эти новыя, очень важныя и интересныя открытія. Несмотря на то что Левина занимала теперь больше всего мысль о хозяйствѣ, онъ, слушая ховяина, спрашивалъ себя: „Что тамъ и мнѣ сидить и почему, почему ему интересенъ раздѣлъ Польши?“ Когда Свяжскій кончилъ, Левина неловко спросилъ: „Ну такъ что же?“ Но ничего не было. Было только интересно то что „оказывалось“. Но Свяжскій не объяснилъ и не вышелъ нужнымъ объяснить почему это было ему интересно.

— Да, но меня очень заинтересовалъ сердитый помѣщикъ, сказалъ Левина. — Онъ умелъ и много правды творилъ.

— Ахъ, подите! Закоренѣлый, тайный крѣпостникъ, какъ на всѣ, сказалъ Свяжскій.

— Коихъ вы предводитель...

— Да, только я ихъ предводительствую въ другую сторону, сказалъ Свяжскій.

— Меня очень интересуетъ вотъ что, сказалъ Левина,— онъ правъ что дѣло наше, то-есть рациональнаго хозяйства, не идетъ, что идетъ только хозяйство ростовщическое, какъ у того тихонькаго, или самое простое. Кто въ этомъ виноватъ?

— Разумѣется, мы сами. Да и потому не правда что оно идетъ. У Васильчкова идетъ.

— Заводъ....

— Но я все-таки не знаю что васъ удивляетъ. Народъ почти на такой низкой степени и матеріальнаго и нравственнаго развитія что очевидно онъ долженъ противодѣйствовать всему что ему чуждо. Въ Европѣ рациональное хозяйство идетъ, потому что народъ образованъ, стало-быть у насъ надо образовывать народъ, вотъ и все.

— Но какъ же образоватъ народъ?

— Чтобъ образоватъ народъ, нужны три вещи: школы, школы и школы.

— Но вы сами сказали что народъ стоитъ на низкой ступени матеріальнаго развитія: чѣмъ же тутъ помогутъ школы?

— Знаете, вы напоминаете мнѣ анекдотъ о совѣтахъ болюшеву. „Вы бы попробовали слабительное. Давали: хуже. Попробуйте лѣвки. Пробовали: хуже. Ну такъ ужъ только молитесь Богу. Пробовали: хуже.“ Такъ и мы съ вами. Я говорю политическая экономія, вы говорите—хуже. Я говорю социализмъ—хуже. Образование—хуже.

— Да чѣмъ же помогутъ школы?

— Дадутъ ему другія потребности.

— Вотъ этого я никогда не понималъ, съ горячностью возражалъ Левинъ.—Какимъ образомъ школы помогутъ народу улучшить свое матеріальное состояніе? Вы говорите школы, образование дадутъ ему новыя потребности. Тѣмъ хуже потому что онъ не въ силахъ будетъ удовлетворить имъ. Какимъ образомъ знаніе сложенія и вычитанія и катихизиса поможетъ ему улучшить свое матеріальное состояніе, я никогда не могъ понять. Я третьяго дня вечеромъ встрѣтилъ бабу съ груднымъ ребенкомъ и спросилъ ее куда она идетъ. Она говоритъ: „къ бабкѣ ходила, на мальчика крикса нашла, такъ носила лѣчить“. Я спросилъ какъ бабка лѣчитъ криксу. „Ребеночка къ курамъ на насѣсть сажаетъ и привариваетъ что-то.“

— Ну вотъ чтобъ она не носила лѣчить криксу на насѣсть, для этого нужно... весело улыбаясь, сказалъ Свѣжскій.

— Нѣтъ, перебилъ Левинъ,—это лѣченіе для меня только подобіе лѣченія народа школами. Народъ бѣдѣетъ и необразованъ—это мы видимъ также вѣрно, какъ баба видитъ криксу, потому что ребенокъ кричитъ. Но почему отъ этой бѣдности и необразованія помогутъ школы, также непонятно какъ непонятно почему отъ крикса помогутъ куры на насѣсть. Надо помочь тому отъ чего онъ бѣдѣетъ.

— Ну въ этомъ вы по крайней мѣрѣ сходитесь со Свѣжскимъ котораго вы такъ не любите; онъ говоритъ тоже образование можетъ быть средствомъ большаго благосостоянія и удобства жизни, частыхъ омовеній, какъ онъ говоритъ но не умѣнія читать и считать...

— Ну вотъ, я очень радъ, или напротивъ, очень не



что сошлеса со Спенсеромъ, только это я давно знаю. Школы не помогутъ, а поможетъ такое экономическое устройство на которомъ народъ будетъ богаче, будетъ больше досуга и тогда будутъ и школы.

— Однако во всей Европѣ теперь школы обязательны.

— А какъ же вы сами согласны въ этомъ со Спенсеромъ? спросилъ Левинъ.

Но въ глазахъ Свияжскаго мелькнуло выраженіе испуга и онъ улыбаясь сказалъ:

— Нѣтъ, эта крикса превосходна. Неужели вы сами сомнѣвались?

— Самъ...

Левинъ видѣлъ что такъ и не найдетъ онъ связи жизни того человѣка съ его мыслями. Очевидно ему совершенно было все равно къ чему приведетъ его разсужденіе; ему думалось было только процессъ разсужденія. И ему непріятно было когда процессъ разсужденія заводилъ его въ тупой переулочекъ. Этого только онъ не любилъ и избѣгалъ, переносилъ разговоръ на что-нибудь пріятно веселое.

Всѣ впечатлѣнія этого дня, начиная съ мужика на поле и до дороги и бабы въ калошкахъ, которое служило какъ бы основнымъ басомъ всѣхъ вышнихъ впечатлѣній и мыслей, сильно возбуждали Левина. Этотъ мимолетный Свияжскій разговоръ при себѣ мыслитъ только для общественнаго употребленія и очевидно имѣющій другія какія-то тайныя для него основы жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ съ толпой, имя которой легионъ, руководящій общественнымъ мнѣніемъ судящими ему мыслями, этотъ озлобленный помѣщикъ совершенно правый въ своихъ разсужденіяхъ, вымученныхъ думаньемъ, но не правый своимъ озлобленіемъ къ цѣлому классу и самому лучшему классу Россіи; собственное недовольство своею дѣятельностью и смутная надежда найти поправку всему этому, все это сливалось въ чувство внутренней тревоги и ожиданія близкаго разрѣшенія.

Оставшись въ отведенной комнатѣ, лежа на пружинномъ матрацѣ, подкидывавшемъ неожиданно при каждомъ движеніи его руки и ноги, Левинъ долго не спалъ. Ни одинъ разговоръ со Свияжскимъ, хотя и много умнаго было сказано имъ, не интересовалъ Левина, но доводы помѣщика требовали обсужденія. Левинъ невольно вспоминалъ всѣ его

слова и поправлялъ въ своемъ воображеніи то что онъ отвѣчалъ ему.

„Да, я долженъ былъ сказать ему: Вы говорите что хозяйство наше неидетъ потому что мужикъ ненавидитъ всѣ усовершенствованія и что ихъ надо вводить властью; но еслибѣ хозяйство совсѣмъ не шло безъ этихъ усовершенствованій вы бы были правы; но оно идетъ и идетъ только тамъ гдѣ рабочій дѣйствуетъ сообразно съ своими привычками, какъ у старика на половинѣ дороги. Ваше и наше общее невѣжество хозяйствомъ доказываетъ что виноваты мы или рабочие. Мы давно уже ломимъ по-своему, по-европейски, спрашиваясь о свойствахъ рабочей силы. Попробуемъ принять рабочую силу не идеальной рабочей силой, а *русскими мужиками* съ его инстинктами и будемъ устраивать сообразно съ этимъ хозяйство. Представьте себѣ, долженъ бы я былъ сказать ему, что у васъ хозяйство ведется какъ у старика, что вы нашли средство заинтересовать рабочихъ въ успѣхѣ работы и нашли ту же середину въ усовершенствованіяхъ которую они признаютъ, и вы не истощая почвы получите вдвое, втрое противъ прежняго. Раздайте пополамъ, отдайте половину рабочей силѣ, та разность которая замѣ останется будетъ больше, и рабочей силѣ останется больше. А чтобы сдѣлать это, надо спустить уровень хозяйства и заинтересовать рабочихъ въ успѣхѣ хозяйства. Какъ это сдѣлать? Это вопросъ подробностей; несомнѣнно что это возможно.

Мысль эта привела Левина въ сильное волненіе. Онъ спалъ половину ночи обдумывая подробности для приведенія мысли въ исполненіе. Онъ не обираясь уѣзжать на другой день, но теперь рѣшилъ что уѣдетъ рано утромъ мой. Кроме того, эта сволочница съ змрѣвомъ въ лампѣ производила въ немъ чувство подобное стыду и раскаянію въ совершенномъ дуракомъ поступкѣ. Главное же нужно было ѣхать, не откладывая, надо успѣть предложить мужикамъ новый проектъ, прежде чѣмъ поспѣетъ мое, съ тѣмъ чтобы сдѣлать его уже на новыхъ основаніяхъ. Онъ рѣшилъ перевернуть все прежнее хозяйство.

## XXV.

Исполненіе плана Левина представляло много трудностей; но онъ бился сколько было силъ и достигъ хотя и не того чего онъ желалъ, но того что онъ могъ, не обманывая себя, вѣрить что дѣло это стоить работы. Одна изъ главныхъ трудностей была та что хозяйство уже шло, что нельзя было остановить все и начать все сначала, а надо было на ходу переааживать машину.

Когда онъ, въ тотъ же вечеръ какъ пріѣхалъ домой, сообщилъ прикащику свои планы, прикащикъ съ видимымъ удовольствіемъ согласился съ тою частью рѣчи которая показывала что все дѣлаемое до сихъ поръ было вздоръ и невыгодно. Прикащикъ сказалъ что онъ давно говорилъ это, но что его не хотѣли слушать. Что же касалось до предложенія сдѣланнаго Левинымъ принять участіе какъ лайщику вѣстѣ съ работниками во всемъ хозяйственномъ предпріятіи, то прикащикъ на это выразилъ только большое удивленіе и никакого опредѣленнаго мнѣнія, а тотчасъ заговорилъ о необходимости на завтра свезти остальные смолы ржи и послать двоить, такъ что Левинъ почувствовалъ что телерь не до этого.

Заговаривая съ мужиками о томъ и дѣлая имъ предложенія сдачи на новыхъ условіяхъ земель, онъ тоже сталкивался съ тѣмъ главнымъ затрудненіемъ что они были такъ заняты текущею работою для что имъ некогда было обдумывать выгоды и невыгоды предпріятія:

Наивный мужикъ, Иванъ скотникъ, казался, цомялъ вполнѣ предложеніе Левина принять съ семьей участіе въ выгодахъ скотнаго двора и вполнѣ сочувствовалъ этому предпріятію. Но когда Левинъ вѣшалъ ему будущія выгоды, на лицѣ Ивана выражалась нѣкоторая тревога и сожалѣніе что онъ не можетъ всего дослушать и онъ лоспѣшно находилъ себѣ какое-нибудь не терпящее отлагательства дѣло: или браться за вины докидывать сѣно изъ денника, или наливать воду, или подчищать навозъ.

Другая трудность состояла въ необходимомъ недоверіи крестьянъ къ тому чтобы дѣлъ помѣщика могла состоять въ чемъ-нибудь другомъ чѣмъ въ желаніи обработать ихъ сколько

можно. Они были твердо увѣрены что настоящая цѣль его (что бы онъ ни сказалъ имъ) будетъ всегда въ томъ чего онъ не скажетъ имъ. И сами они, высказываясь, говорили многое, но никогда не говорили того въ чемъ состояла ихъ настоящая цѣль. Кромѣ того (Левинъ чувствовалъ что желчный помѣщикъ былъ правъ), крестьяне первымъ и неизмѣннымъ условіемъ какого бы то ни было соглашенія ставили то чтобы они не были принуждаемы къ какимъ бы то ни было новымъ приемамъ хозяйства и къ употребленію новыхъ орудій. Они соглашались что плугъ пахать лучше, что скоролашка работаетъ успѣшнѣе, но они находили тысячи причинъ почему нельзя было имъ употреблять ни то, ни другое, и хотя онъ и убѣжденъ былъ что надо спустить уровень хозяйства, ему жалко было отказаться отъ усовершенствованій, выгода которыхъ была такъ очевидна. Но несмотря на всѣ эти трудности, онъ добился своего, и къ осени дѣло пошло или по крайней мѣрѣ ему такъ казалось.

Сначала Левинъ думалъ сдѣлать все хозяйство, какъ оно было, мужикамъ работникамъ и прикащику на новыхъ товарищескихъ условіяхъ, но очень скоро убѣдился что это невозможно и рѣшился подраздѣлить хозяйство. Скотный дворъ, садъ, огородъ, покосы, поля раздѣленные на нѣсколько отдѣловъ должны были составить отдѣльныя статьи. Главнѣйшій Иванъ скотникъ, лучше всѣхъ, казалось Левину, появившійся дѣло, подобравъ себѣ артель, преимущественно изъ своей семьи, сталъ участникомъ скотнаго двора. Дальнее поле лежавшее восемь лѣтъ въ залежахъ подъ кустами, было взято съ помощью умнаго плотника Федора Рѣзунова шестью семьями мужиковъ на новыхъ общественныхъ основаніяхъ, и мужикъ Шураевъ слялъ на тѣхъ же условіяхъ всѣ огороды. Остальное осталось по-старому, но эти три статьи были началомъ новаго устройства и вполнѣ занимали Левина.

Правда что на скотномъ дворѣ дѣло шло до сихъ поръ не лучше, чѣмъ прежде, и Иванъ сильно противодействовалъ теплому помѣщенію коровъ и саивочному маслу, утверждая что коровѣ на холоду потребуется меньше корму и что сметанное масло спортѣе и требовалъ жалованья какъ и встарину, и нисколько не интересовался тѣмъ что деньги получаемыя имъ были не жалованье, а выдача впередъ доли барыша.

Правда, что компанія Федора Рѣзунова не передвинула лодъ по сѣвѣ лугами, какъ было уговорено, оправдываясь тѣмъ что время коротко. Правда, мужики этой компаніи хотя и условились вести это дѣло на новыхъ основаніяхъ, называли эту землю не общою, а изпольною, и не разъ и мужики этой артели и самъ Рѣзуновъ говорили Левину: получили бы денежки за землю, и вамъ покойнѣе, и вамъ бы развяза. Кромѣ того мужики эти все откладывали лодъ разными предлогами условленную съ вами постройку на этой землѣ скотнаго двора и риги и оттянули до зимы.

Правда, Шураевъ, снятые имъ огороды хотѣлъ было раздать по мелочамъ мужикамъ. Онъ, очевидно, совершенно прерратно и, казалось, умысленно превратилъ условія на которыхъ ему была сдана земля.

Правда, часто разговаривая съ мужиками и разъясняя имъ всѣ выгоды предпріятія, Левинъ чувствовалъ что мужики слушаютъ при этомъ только лѣніе его голоса и знаютъ твердо что что бы онъ ни говорилъ, они не дадутся ему въ обманъ. Въ особенности чувствовалъ онъ это когда говорилъ съ самымъ умнымъ изъ мужиковъ, Рѣзуновымъ, и замѣчалъ ту игру въ глазахъ Рѣзунова которая ясно показывала и насмѣшку надъ Левинымъ и твердую увѣренность что если будетъ кто обмануть, то ужъ никакъ не онъ Рѣзуновъ.

Несмотря на все это, Левинъ думалъ что дѣло шло, и что строго ведя счеты и настаивая на своемъ, онъ докажетъ имъ въ будущемъ выгоды такого устройства, и что тогда дѣло пойдетъ само собой.

Для эти, вмѣстѣ съ остальнымъ хозяйствомъ, оставшимся на его рукахъ, вмѣстѣ съ работой кабинетною надъ своею книгой, такъ занимали все дѣло Левина, что онъ почти и не задумывалъ на охоту. Онъ узналъ въ концѣ августа о томъ что Облоевскіе уѣхали въ Москву отъ ихъ человека привезшаго къ нему сѣдло. Онъ чувствовалъ что не отвѣтивъ на письмо Марьи Александровны, своею невѣжливостью, о которой онъ былъ краской стыда не могъ вспоминать, онъ ожегъ свои карьеры и никогда ужъ не пойдетъ къ нимъ. Точно также онъ разсчиталъ и со Свѣжскимъ, уѣхавъ не проставшись. Но онъ къ нимъ тоже никогда не пойдетъ. Теперь это ему было все равно. Дѣло новаго устройства своего хозяйства представляло его такъ какъ еще ничто никогда въ жизни. Онъ перечиталъ книги данныя ему Свѣжскимъ, и выписавъ то

чего у него не было перечиталъ и политико-экономическія и социалистическія книги по этому предмету и, какъ онъ ожидалъ, ничего не нашелъ такого что относилось бы до принятаго имъ дѣла. Въ политико-экономическихъ книгахъ, въ Миллѣ, напимѣръ, котораго онъ изучалъ перваго, съ большимъ жаромъ, надѣясь всякую минуту найти разрѣшеніе занимавшихъ его вопросовъ, онъ нашелъ выведенные изъ положенія европейскаго хозяйства законы, но онъ никакъ не видѣлъ почему эти законы должны быть общіе, тѣмъ болѣе что они были неприменимы къ Россіи. То же самое онъ видѣлъ и въ социалистическихъ книгахъ: или это были прекрасныя фантазіи, не применимыя, какъ онъ давно зналъ, которыми увлекался еще бывъ студентомъ, или поправки, починки того положенія дѣла въ которое поставлена была Европа и съ которымъ земледѣльческое дѣло въ Россіи не имѣло ничего общаго. Политическая экономія говорила что законы по которымъ развилось и развивается богатство Европы суть законы всеобщіе и несомнѣнные. Социалистическое ученіе говорило что развитіе по этимъ законамъ ведетъ къ гибели. Главное же, ни то ни другое не давало не только отвѣта, но ни малѣйшаго намека на то что ему Левину, и всѣмъ русскимъ мужикамъ и землевладѣльцамъ дѣлать съ своими милліонами рукъ и десятинъ чтобъ они были наиболѣе производительны для общаго благосостоянія.

Уже разъ взявшись за это дѣло, онъ добросовѣстно перечитывалъ все что относилось къ его предмету и намѣревался оселью ѣхать за границу чтобъ изучить еще это дѣло на мѣстѣ, съ тѣмъ чтобы съ нимъ уже не случалось болѣе по этому вопросу того что такъ часто случалось съ нимъ по различнымъ вопросамъ. Только начнетъ онъ, бывало, понимать мысль собесѣдника и излагать свою, какъ вдругъ ему гоняться: А Кауфманъ, а Джонсъ, а Дюбуа, а Мичели? Вы читали ихъ. Прочтите; они разработали этотъ вопросъ.

Онъ видѣлъ теперь ясно что Кауфманъ и Мичели ничего не имѣютъ сказать ему. Онъ зналъ чего онъ хотѣлъ. Онъ видѣлъ что Россія имѣетъ прекрасныя земли, прекрасныя рабочіе и что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ у мужика лодовикъ дороги, рабочіе и земля производятъ много, въ бошннствѣ же случаевъ когда по-европейски прикладываетъ капиталъ производить мало и что происходитъ это только отъ того что рабочіе хотятъ работать и работаютъ хоро-

однимъ имъ свойственнымъ образомъ и что это противодѣйствіе не случайное, а постоянное, имѣющее основанія въ духѣ народа. Онъ думалъ что Русскій народъ, имѣющій призваніемъ заселять и обрабатывать огромныя незанятая пространства, сознательно, до тѣхъ поръ пока всѣ земли не заняты, держался нужныхъ для этого приемовъ и что эти приемы совсѣмъ не такъ дурны, какъ это обыкновенно думаютъ. И онъ хотѣлъ доказать это теоретически въ книгѣ и на практикѣ въ своемъ хозяйствѣ.

## XXVI.

Въ концѣ сентября былъ свезенъ лѣсъ для постройки двора на отведенной артели земель и было продано масло отъ коровъ и раздѣленъ барышъ. Дѣло шло. Левинъ ждалъ только поставки пшеницы чтобы получить деньги и ѣхать за границу. Уже съ недѣлю шли дожди, не давая убрать оставшіеся въ полѣ хлѣба и картофеля и остановили всѣ работы и даже поставку пшеницы. По дорогамъ была непролазная грязь; двѣ мельницы слесло лаводкомъ, и погода все становилась хуже и хуже. На Левина, въ особенности когда онъ бывалъ внѣ дома, непогода дѣйствовала всегда особенно возбуждительно.

Онъ выѣхалъ рано утромъ верхомъ на дальнее поле съ тѣмъ чтобы выбрать тамъ мѣсто для двора и риги и оттуда ѣхать на посадку лѣса, которая производилась на другомъ концѣ его земли. Несмотря на продолжавшійся цѣлый день вчеръ и дождь, онъ побывалъ вездѣ гдѣ хотѣлъ, и не только сдѣлалъ чтó хотѣлъ, но и неожиданное пріятное дѣло: онъ сошелся съ сосѣднимъ дворникомъ, къ которому заѣзжалъ обсушиться, о сдачѣ ему участка земли на товарищескихъ условіяхъ.

Былъ четвертый часъ когда онъ, хотя и мокрый отъ ручья которме по кожану заливались ему то за шею, то за голову, но въ самомъ бодромъ и возбужденномъ состояніи духа, возвращался домой. Непогода къ вечеру разошлась еще хуже: крупа такъ больно стегала всю вымокшую, трясущуюся и головой лошадей что она шла бокомъ, но Левину вслѣдъ башмакомъ было хорошо, и онъ весело поглядывалъ вокругъ себя то на мутные ручья бѣжавшіе по колеямъ, то

на нависшія на каждомъ оголенномъ сучкѣ капли, то на близку пятна нерастаявшей крупы на доскахъ моста, то на сочный, еще мясистый листъ вяза который обвѣзался густымъ слоемъ вокругъ раздѣлагаго дерева.

„Пообѣдаю, докончу лотомъ о рентѣ. Завтра прійдетъ дворникъ, а въ середу уѣду. Какъ все просто, легко теперь, когда я появляю свое дѣло и ничего не жду.“

Человѣкъ вышедшій принять лошадь объявилъ что Пареевъ Денисычъ умираетъ и присылалъ за нимъ. Пареевъ Денисычъ былъ дядька Сергѣя Иваныча, жившій со многими старухами и стариками на пенсію у Левина. Левинъ поморщился. Онъ встрѣчалъ иногда этихъ стариковъ и старухъ; но никогда не думалъ о нихъ. Онъ зналъ только что такъ надо имъ жить у него и получать мѣсячину. И зналъ что они стары и должны скоро умереть, но еще меньше думалъ объ этомъ.

Теперь его звали зачѣмъ-то къ умирающему и ему это неприятно и досадно было, тѣмъ болѣе что хотѣлось ѣсть, но нельзя было отказаться.

Онъ отряхнулся какъ мокрая собака и не раздѣваясь пошелъ на дворю. Ласка, встрѣтившая его, выбѣжала за нимъ и радуясь тому что онъ идетъ лѣшкомъ, а не ѣдетъ, махая хвостомъ, осторожно перескочивъ грязь, взвизгивая ожидала его на лужку предъ домомъ.

Видъ Ласки напомнилъ ему то что наканунѣ взбѣсилаась гончая собака, Помчистка. Онъ вернулся.

— Кузьма! Что убили Помчистку?

— Некому найти, отвѣчалъ Кузьма. — Охотникъ залезъ второй день.

— Ну такъ возьми Ласку, какъ бы не укусила. Пошла домой! Да обѣдать подавай, а сейчасъ яриду.

И не думая о томъ куда и зачѣмъ онъ идетъ, сгибая голову отъ косыхъ капель бившихъ его въ лицо и глядя только подъ ноги на слякоть дороги, усыпанную круглыми, желтыми листьями березы, кое-гдѣ завѣженными колесами, онъ дошелъ до двора и вошелъ въ сѣни дома гдѣ жилъ старикъ. Въ сѣняхъ никого не было. Но за дверью старика слышались голоса. Левинъ отворилъ дверь. Тяжелый болящій запахъ вырвался изъ нея. Левинъ остановился на порогѣ. Въ первой комнатѣ никого не было, но за перегородкой слышались, и слышны были торопливые голоса и звуки воды которая лилась на полъ.



— Да ты говори, оказалъ одинъ женскій голосъ:—заколе-  
тесть, тогда не одѣнешь.

Левинъ понялъ что старикъ умеръ. Онъ перекрестился и  
ишелъ назадъ въ сѣни, но не шелъ домой. Ему почему-то  
совѣстно было уйти, хотя онъ и зналъ что здѣсь ему дѣлать  
ничего. Онъ испытывалъ чувство недоумѣнья о томъ что  
надо сдѣлать ему при этомъ случаѣ. И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ  
чувствовалъ что что-то надо сдѣлать. Онъ перекрестился ког-  
да узналъ что старикъ умеръ, но теперь ему совѣстно было за  
то что онъ перекрестился, какъ и всегда совѣстно бывало,  
когда онъ дѣлалъ то во что не вѣрилъ.

Изъ горницы вышла старуха ходившая за старикомъ.  
Увидавъ Левина, она сказала ему что старикъ кончился и  
что онъ только убрали его. Она разказывала ему подроб-  
ности его смерти; но Левинъ не слушалъ ея. „Жалко что  
нея не было, можетъ-быть онъ что-нибудь хотѣлъ сказать  
мнѣ,“ сказалъ онъ и хотѣлъ выдти. Но опять чувство упрека  
за что-то остановило его. Въ сѣни вошла другая женщина и  
поклонившись барину прошла въ дверь. Можетъ-быть требуетъ  
еще что-то, подумалъ Левинъ и вслѣдъ за  
старухой вошелъ къ покойнику. Старичокъ лежалъ на доскѣ  
одѣтый въ синій фракъ, бѣлые лавталоны и новые башмаки,  
еще не покрытый простыней. Левинъ постоялъ, посмот-  
рѣлъ, перекрестился еще разъ и вышелъ унося съ собой  
то же чувство недоумѣнья и упрека.

Онъ шелъ опустивъ голову. Вдругъ что-то бѣлое пока-  
залось ему направо. Онъ взглянулъ — это была Помчичка.  
Она лежала на почернѣвшей отъ мокроты кучѣ соломы у  
кошмачи, положивъ свою съ бѣлою проточеною голову на  
лапы и смотрѣла на Левина, какъ ему показалось. Онъ не  
останавливаясь вглядѣлся въ нее. Въ полутьмѣ онъ не могъ  
разобрать выраженіе ея лица.

— Помчичка, ффю, ва! свистнулъ онъ.

Собака подвинулась шатаясь и двинулась къ нему. „Пожалуй и  
точно бѣшеная“, подумалъ онъ и прибавилъ шагу. Въ сорока  
шагахъ впереди былъ дощъ прикащика, въ двадцати шагахъ  
сзади была собака. Онъ опять оглянулся. Собака подвигалась  
къ нему медленною рысью. На ходу онъ разглядѣлъ ее всю.  
Ротъ былъ открытъ, хвостъ поджатъ и она бѣжала, шатаясь  
въ сторону въ сторону, не разбирая дороги и брызгая  
лапами по лужамъ. Вся эта прежде ласковая, веселая собака

имѣла страшный, не собачій видъ. Это была не собака, а какое-то неизвестное существо. Чѣмъ болѣе она приближалась, тѣмъ менѣе она была похожа на себя и тѣмъ яснѣе было то мовое существо которое принявъ на себя видъ собаки приближалось къ нему.

Ужась, какого никогда не испытывалъ Левинъ, схватилъ его, онъ бросился бѣжать своими сильными, быстрыми ногами что было духа. Ужась, который онъ испытывалъ, казалось не могъ быть сильнѣе; но въ ту минуту какъ онъ побѣждалъ ужась еще усилился. Какъ сумашедшій онъ влетѣлъ въ двери снѣней управляющаго и не въ силахъ отвѣтить на вопросы жены прикащика, выбѣжавшей къ нему въ снѣи, долго не могъ отдышаться. Опомившись онъ посмѣялся надъ своимъ страхомъ, и взявъ кочергу отворилъ дверь. У угла, шатаясь, стоялъ пьяный охотникъ.

— Ну, легки вы, сударь, бѣгать, сказалъ онъ посмѣиваясь. — Чего ее бояться-то?

— Гдѣ же она? спросилъ Левинъ.

— Да вотъ сюда влѣзла.

Охотникъ указалъ на подвальное окно подъ домомъ прикащика, и чтобы показать свою храбрость, кивнулъ аралникъ, опустился на колѣни и никто не успѣвъ остановить его какъ онъ уже полѣвъ головой впередъ въ подвальное окно, которое только могло пропустить его тѣло.

— Вишь-то что дѣлаетъ, сказалъ прикащикъ.

— Куда ты? крикнулъ Левинъ.

Но охотникъ уже влѣвъ до лопатки тѣла и барахтаясь слабыми, пьяными, въ широкихъ, дырчатыхъ порткахъ, ногами, стараясь пролѣзть дальше, или вылезть назадъ, но не въ силахъ сдѣлать ни того, ни другаго.

Левинъ подбѣжалъ, обхватилъ охотника ниже пояса, вытаскивалъ его назадъ и поставилъ на ноги.

— Эка, собаки испугались. Я ее залпаю, бурчалъ что-то Семеновъ бессильно раскрывая ротъ и размазывая рукою грязь подъ глазами.

— Приберите его, а окло забейте, сказалъ Левинъ, и пошелъ къ себѣ.

Переодѣвшись и пообедавъ одинъ съ книгою, какъ и обыкновенно, Левинъ вернулся опять къ тому бодрому разговору женію духа, въ которомъ онъ пріѣхалъ съ поля. Только ирѣдка, безо всякой связывающей мысли, возникали въ

воображеніи впечатлѣнія, то шатающейся по лужамъ съопущеннымъ хвостомъ собаки и ужаса предъ нею, то вымазанное грязью лицо, безжизненные пьяные глаза, раскрытый ротъ охотника и его худыя, бѣлыя ноги въ прорваннахъ лоткахъ, то вывернутыя стулны мертвого старичка въ ныхъ башмакахъ. Впечатлѣнія эти представлялись то въ одномъ, то въ другомъ порядкѣ, но всегда вмѣстѣ. Онъ не останавливался на этихъ впечатлѣніяхъ, зная что тутъ не о чемъ думать, и продолжалъ свои обычныя занятія.

Послѣ наряда, то-есть распоряженій по работамъ завтрашняго дня и пріема всѣхъ мужиковъ имѣвшихъ до него дѣла, Левинъ пошелъ въ кабинетъ и сѣлъ за свою работу; Агаея Михайловна съ чудкомъ усѣлась тутъ же.

Пописавъ нѣсколько времени Левинъ вдругъ опять съ необыкновенною живостью вспомнилъ мертвеца въ башмакахъ, охотника, собаку. Онъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ.

— Да нечего скучать, сказала ему Агаея Михайловна.— Ну что вы сидите дома, ѣхали бы на теплыя воды, благо собрались.

— Надо дѣло докончить, Агаея Михайловна.

— Ну, какое ваше дѣло! Мало вы развѣ и такъ мужиковъ наградили, и то говорятъ: вашъ баринъ отъ царя за то милость получить. И чудно: что вамъ о мужикахъ заботиться?

— Я не о нихъ забочусь, я для себя дѣлаю.

Агаея Михайловна знала всѣ подробности хозяйственныхъ плановъ Левина. Левинъ часто со всѣми подробностями и тонкостями излагалъ ей свои мысли и нерѣдко спорилъ съ нею и не соглашался съ ея объясненіями. Но теперь она совсѣмъ иначе поняла то что онъ сказалъ ей.

— О своей душѣ, извѣстное дѣло, лучше всего думать надо, сказала она со вздохомъ.—Вонъ Пареевъ Денисычъ даромъ что неграмотный былъ, а такъ померъ что дай Богъ всякому, сказала она.—Причастили, особоровали.

— Я не про то говорю, сказалъ онъ, желая не думать о мертвомъ.—Я говорю что я для своей выгоды дѣлаю. Мнѣ выгоднѣе если мужики лучше работаютъ.

— Да ужъ вы какъ ни дѣлайте, онъ коли дѣлтай, такъ все будетъ чрезъ лень колоду валить. Если совѣсть есть, будетъ работать; а нѣтъ, ничего не сдѣлаешь.

— Ну да вѣдь вы сами говорите, Иванъ лучше сталъ за скотиной ходить?

— Я одно говорю, отвѣтила Агаея Михайловна очевидно не случайно, но со строгою послѣдовательностью мысли, — жениться вамъ надо, вотъ что.

Левинъ видѣлъ что нынче Агаея Михайловна находилась въ томъ расположеніи духа что она не станетъ съ нимъ разсуждать, и потому онъ не отвѣчая ей сѣлъ опять за свою работу, изрѣдка только прислушиваясь въ тишинѣ къ звуку ея спицы и вспоминая то о чемъ онъ не хотѣлъ вспоминать.

Въ девять часовъ посыпался колокольчикъ и глухое колебаніе кузова по грязи.

— Ну вотъ вамъ и гости пріѣхали, не скучно будетъ, сказала Агаея Михайловна, вставая и направляясь къ двери, но Левинъ перегналъ ее. Никогда какъ нынче онъ не былъ радъ гостю какому бы ни было.

## XXVII.

Это былъ радостный гость, братъ Николай. Но въ первую минуту какъ онъ увидалъ его, Левинъ понялъ что изъ всѣхъ гостей которые могли пріѣхать, это былъ тотъ котораго онъ не желалъ бы видѣть. Левинъ не могъ еще разсмотрѣть вѣдшихъ перемѣнъ происшедшихъ въ братѣ съ тѣхъ поръ какъ онъ не видѣлъ его, но первое впечатлѣніе показало ему что свиданіе это будетъ не только не радостное, но страшно мучительное.

Николай Левинъ стоялъ въ передней, дергаясь длинною худую шею и срывая съ нея шарфъ. Какъ только Константинъ увидалъ этотъ лихорадочный блескъ глазъ, эти еще больше выдавшіеся маслаки щекъ, въ особенности когда онъ увидалъ эту улыбку, смиренную и покорную, онъ почувствовалъ что судороги сжимаютъ ему горло.

— Вотъ я пріѣхалъ къ тебѣ, сказалъ Николай глухимъ голосомъ, ни на секунду не слуская глазъ съ лица брата. — Я давно хотѣлъ, да все нездоровилось. Теперь же я очень поправился, говорилъ онъ, обтирая свою бороду большими худыми ладонями.

— Да, да! отвѣчалъ братъ, цѣлуясь съ нимъ. И ему вдругъ страшно стало, когда онъ цѣлуясь почувствовалъ губами это сухое тѣло и увидалъ вблизи эти большіе странно свѣтащіеся глаза.

За вѣсколько недѣль предъ этимъ Константинъ писалъ ему что по продажѣ той маленькой части которая оставалась у нихъ недѣленною въ домѣ, братъ имѣлъ получить теперь свою долю около 2.000 рублей. Николай сказалъ что онъ дѣйствалъ теперь получить эти деньги и главное побывать въ своемъ гнѣздѣ, дотронуться до земли чтобы набраться какъ богатыри силы для предстоящей дѣятельности. Несмотря на увеличившуюся сутуловость, несмотря на поразительную съ его ростомъ худобу, движенія его какъ и обыкновенно были быстры и порывисты. Константинъ провелъ его въ кабинетъ.

Николай Дмитричъ переодѣлся особенно старательно, чего прежде не бывало, причесалъ свои рѣдкіе, прямые волосы и улыбаясь вошелъ наверхъ.

Онъ былъ въ самомъ ласковомъ и веселомъ духѣ, какимъ въ дѣтствѣ его часто помнилъ Константинъ Левинъ. Онъ упоминалъ даже и о Сергѣѣ Ивановичѣ безъ злобы. Увидавъ Агаею Михайловну, онъ пошутилъ съ ней и разспрашивалъ про старыхъ слугъ. Извѣстіе о смерти Пареева Денисыча непріятно подѣйствовало на него. На лицѣ его выразился испугъ; но онъ тотчасъ же оправился.

— Вѣдь онъ ужъ старъ былъ, сказалъ онъ и перемѣнилъ разговоръ.— Да вотъ проживу у тебя мѣсяцъ, два, а потомъ въ Москву. Ты знаешь мнѣ Мягковъ обѣщаль мѣсто и я поступаю на службу. Теперь я устрою свою жизнь совсѣмъ иначе, продолжалъ онъ.— Ты знаешь, я удалилъ эту женщину.

— Марью Николаевну? Какъ, за что же?

— Ахъ, ова гадкая женщина! Кучу непріятностей мнѣ сдѣлала. Но онъ не разказалъ какія были эти непріятности. Онъ не могъ сказать что онъ прогналъ Марью Николаевну за то что чай былъ слабъ, главное же за то что она ухаживала за нимъ какъ за больнымъ.

— Потомъ вообще теперь я хочу совсѣмъ перемѣнить жизнь. Я, разумѣется, какъ и всѣ, дѣлалъ гаупости, но сожалѣніе — послѣднее дѣло, а его не жалѣю. Было бы здоровье, а здоровье, слава Богу, поправилось.

Константинъ слушалъ и придумывалъ и не могъ придумать что сказать. Вѣроятно Николай почувствовалъ то же, онъ сталъ разспрашивать брата о дѣлахъ его; и Константинъ былъ радъ говорить о себѣ, потому что онъ могъ говорить и дитворяясь. Онъ разказалъ брату свои планы.

Николай Левинъ слушалъ, но очевидно не интересовался этимъ.

Константинъ Левинъ и это почувствовалъ. Эти два человека были такъ родны и близки другъ другу что малѣйшее движеніе, тонъ голоса говорилъ для обоихъ больше чѣмъ все что можно сказать словами.

Теперь у нихъ обоихъ была одна мысль, подавлявшая все остальное. Но ни тотъ ни другой не смѣли говорить о ней, и потому все что бы они ни говорили, не выразивъ того что одно занимало ихъ, все было ложь. Никогда какъ нынче Левинъ не былъ такъ радъ тому что кончилась вечеръ и надо было идти спать.

Никогда ни съ какимъ постороннимъ, ни на какомъ официальномъ визитѣ онъ не былъ такъ ненатураленъ и фальшивъ какъ онъ былъ нынче. И сознаніе, и раскаяніе въ этой ненатуральности дѣлало его еще болѣе ненатуральнымъ. Ему хотѣлось плакать надъ своимъ умирающимъ любимымъ братомъ, и онъ долженъ былъ слушать и поддерживать разговоръ о томъ какъ онъ будетъ жить.

Такъ какъ въ домѣ было сыро и одна только комната топлева, то Константинъ уложилъ брата спать въ своей спальнѣ за перегородкой.

Николай Левинъ легъ и спать или не спать, но какъ больно ворочался, кашлялъ и когда не могъ откашляться, что-то ворчалъ. Иногда когда онъ тяжело вздыхалъ, онъ говорилъ: Ахъ Боже мой! Иногда какъ мокрота душила его, онъ съ досадою выговаривалъ: „А! чортъ!“ Константинъ долго не спалъ слышавъ его и думая. Мысли его были самая разнообразныя, и конецъ всѣхъ мыслей былъ одинъ: смерть. Смерть, неизбежный конецъ всего, въ первый разъ съ неотразимою силою представилась ему. И смерть эта, та самая которая была въ сложившихъ, слегка вывернутыхъ ногахъ Пареева Девисыча, котораго была въ Помчашкѣ, въ пьяномъ охотникѣ, тутъ въ этомъ любимомъ братѣ, съ просонковъ стонущемъ и безразлично привычкѣ призывавшемъ то Бога, то чорта, была совсѣмъ не такъ далека какъ ему прежде казалось. Она была и немъ самомъ—онъ это чувствовалъ. Не нынче, такъ завтра не завтра такъ черезъ тридцать лѣтъ, развѣ не все равно что такое была эта неизбежная смерть, онъ не только зналъ, не только никогда и не думалъ объ этомъ, но не умелъ и не смѣлъ думать объ этомъ.

„Я собираюсь жить, Агаея Михайловна говорит: жениться, я работаю, я хочу сдѣлать что-то, а я и забылъ что все кончится, что смерть.“ Онъ сидѣлъ на кровати въ темнотѣ скорчившись и обнявъ свои колѣни и, сдерживая дыханіе отъ напряженія мысли, думалъ. Но чѣмъ болѣе онъ напрягалъ мысль, тѣмъ только яснѣе ему становилось что это несомнѣнно такъ, что дѣйствительно онъ забылъ, просмотрѣвъ въ жизни одно маленькое обстоятельство,—то что прилетѣть смерть и все кончится, что ничего и не стояло начинать, и что помочь этому никакъ нельзя. Да, это ужасно, но это такъ. „Да вѣдь я живъ еще. Теперь-то что же дѣлать, что думать?“ Онъ зажегъ свѣчу и осторожно всталъ и пошелъ къ зеркалу и сталъ смотрѣть свое лицо и волосы. Да, въ вискахъ были сѣдые волосы. Онъ открылъ ротъ. Зубы задніе начинали портиться. Онъ обнажилъ свои мускулистые руки. Да, силы много. Но и у Пареева Денисыча такія же были руки, и у него, который тамъ дышетъ остатками легкихъ, было тоже здоровое тѣло. И вдругъ ему вспомнилось какъ они дѣтскими кнѣстѣв дожились спать и ждали только того чтобы Федоръ Богданычъ вышелъ за дверь, чтобы кидать другъ въ друга подушками и хохотать, хохотать неудержимо, такъ что даже страхъ предъ Федоромъ Богданычемъ не могъ остановить это черезъ край бывшее и лѣнящееся сознаніе счастья жизни. А теперь, вывернутая стулѣмъ, Помчичка, бьющаяся голыми ногами пьянаго охотника, и эта скривившаяся лустая трубка... и я не знающій зачѣмъ и что со мной будетъ...

— Бха! Кха! А, чортъ! Что возишься, что ты не спишь? кликнулъ его голосъ брата.

— Такъ, я не знаю, бессонница.

— А я хорошо спалъ, у меня теперь ужъ нѣтъ пота. Помотри, поцупай рубашку. Нѣтъ пота?

Константинъ Левинъ поцупалъ, ушелъ за перегородку, потушилъ свѣчу, но долго еще не спалъ. Только-что, только-что ему немного уяснилась вопросъ о томъ какъ жить, какъ существовать, поставился новый неразрѣшимый вопросъ—смерть.

Ну онъ умираетъ, ну онъ умретъ къ веснѣ, ну какъ жить ему? Они говорятъ приготовить: причастіи, соборомъ. Что же я-то могу сказать ему? Что я знаю про это? Я забылъ что это есть.

## XXVIII.

Константинъ Левинъ уже давно сдѣлалъ замѣчаніе что когда съ людьми бываетъ неловко отъ ихъ излишней уступчивости, покорности, то очень скоро сдѣлается невыносимо отъ ихъ излишней требовательности и придирчивости. Онъ чувствовалъ что это случится и съ братомъ. И дѣйствительно кротости брата Николая хватило не надолго. Онъ съ другаго же утра сталъ раздражителемъ и старательно придирался къ брату, затрогивая его за самыя больныя мѣста.

Константинъ Левинъ чувствовалъ себя виноватымъ и не могъ поправить этого. Онъ чувствовалъ что еслибъ они оба не притворялись, а говорили то что-называется говорить по душѣ, т.-е. только то что они точно думаютъ и чувствуютъ то они только бы смотрѣли въ глаза другъ другу и Константинъ только бы говорилъ: ты умрешь, ты умрешь, ты умрешь, а Николай только бы отвѣчалъ: знаю что умру; м боюсь, боюсь, боюсь. И больше бы ничего они не говорили еслибы говорили только по душѣ. Но такъ нельзя было жить, и потому Константинъ пытался дѣлать то что онъ всю жизнь пытался и не умѣлъ дѣлать и то что по его вѣдѣнію многіе такъ хорошо умѣли дѣлать и безъ чего нельзя жить: онъ пытался говорить не то что думаетъ и постоянно чувствовалъ что это выходило фальшиво, что братъ его ловить на этомъ и раздражается этимъ.

На третій день Николай вызвалъ брата высказать о немъ свой плачь и сталъ не только осуждать его, но старательно смѣшивать его съ коммунизмомъ.

— Ты только взялъ чужую мысль, но изуродовалъ ее хочешь прилагать къ неприменимому.

— Да я тебѣ говорю что это не имѣетъ ничего общаго. Они отвергаютъ справедливость собственности, капитала, сѣдственности, а я, не отрицая этого главнаго ступеня (Левину было противно самому что онъ употреблялъ такія слова, но съ тѣхъ поръ какъ онъ увлекся своею работою онъ нѣсколько сталъ чаще и чаще употреблять не-русскія слова), хочу только регулировать трудъ.

— То-то и есть, ты взялъ чужую мысль, отрѣзалъ отъ нее все что составляетъ ея силу и хочешь увѣрить что это что-то новое, сказалъ Николай, сердито дергаясь въ своемъ галстукѣ.

— Да моя мысль не имѣетъ ничего общаго....



— Тамъ, злобно блестя глазами и презрительно улыбаясь, говорилъ Николай Левинъ, — тамъ по крайней мѣрѣ есть предметъ, какъ бы сказать, геометрическая — ясности, несомнѣнности. Можетъ-быть это утопія. Но допустимъ что можно сдѣлать изъ всего прошедшаго *tabula rasa*. Нѣтъ собственности, нѣтъ семьи, то и трудъ устроится, но у тебя ничего нѣтъ....

— Затѣмъ ты смѣшиваешь? а никогда не былъ коммунистомъ.

— А я былъ, а нахожу что это преждевременно, но разумно и имѣетъ будущаость какъ христіанство въ первые вѣка.

— Я только полагаю что рабочую силу надо разсматривать съ естественнаго наблюдательской точки зрѣнія, то-есть изучить ее, признать ея свойства и...

— Да это совершенно напрасно. Эта сила сама находитъ, по степени своего развитія, извѣстный образъ дѣятельности. Бездѣ были рабы, потомъ *metayers*, и у насъ есть изпольная работа, есть аренда, есть батрацкая работа, чего жъ ты ищешь?

Константинъ Левинъ вдругъ разгорячился при этихъ словахъ, потому что въ гаубиваѣ души онъ боялся что это было правда, правда то что онъ хотѣлъ балагурить между коммунизмомъ и опредѣленными формами и что это едва ли было возможно

— Я иду средство работать производительно и для себя и для рабочаго. Я хочу устроить... отвѣчалъ онъ горячо.

— Ничего ты не хочешь устроить, просто, какъ ты всю жизнь жилъ, тебѣ хочется оригинальничать, показать что ты не просто эксплуатируешь мужиковъ, а съ идеею.

— Ну ты такъ думаешь и оставь, отвѣчалъ Левинъ, чувствуя что мускулы лѣвой щеки его неудержимо прыгаютъ.

— Ты не имѣлъ и не имѣешь убѣжденій, а тебѣ только бы утѣшать свое самолюбіе.

— Ну и прекрасно, и оставь меня.

— И оставлю. И давно пора, и убирайся къ чорту, и очень радъ что пріѣхалъ.

Какъ ни старался потомъ Константинъ успокоить брата, Николай ничего не хотѣлъ слышать, говорилъ что гораздо лучше разѣхаться, и Константинъ видѣлъ что просто брату необходима стала жизнь.

Николай уже совсѣмъ собрался уѣзжать, когда Константинъ опять пришелъ къ нему и не натурально просилъ извинить если чѣмъ-нибудь оскорбилъ его.

— А, великодушнѣе, сказалъ Николай и улыбнулся.—Что тебѣ хочется быть правымъ, то могу доставить тебѣ это удовольствіе. Ты правъ, но я все-таки уѣду.

Предъ самымъ только отъѣздомъ Николай подѣловался съ нимъ и сказалъ вдругъ странно серьезно взглянувъ на брата:

— Все-таки не поминай меня духомъ Костя, и голосъ его дрогнулъ.

Это были единственныя слова которыя были сказаны искренно. Константинъ Левинъ полагалъ что подъ этими словами подразумевалось: ты видишь и знаешь что я плохъ и можетъ-быть мы больше не увидимся. Константинъ Левинъ полагалъ это и слезы брызнули у него изъ глазъ. Онъ еще разъ подѣловалъ брата, но ничего не могъ и не умѣлъ сказать ему.

На третій день послѣ отъѣзда брата и Константинъ Левинъ уѣхалъ за границу. Встрѣтившись на желѣзной дорогѣ съ Щербацкимъ, двоюроднымъ братомъ Кити, Левинъ очень удивилъ его своею мрачностью.

— Что съ тобой? спросилъ его Щербацкій.

— Да ничего, такъ, веселаго на свѣтѣ мало.

— Какъ мало? вотъ поѣдемъ со мной въ Парижъ вмѣстѣ какого-то Мюлуза. Посмотрите какъ весело.

— Нѣтъ ужъ я кончилъ. Мнѣ умирать пора.

— Вотъ такъ штука! смѣясь, сказалъ Щербацкій.—Я только приготовился начинать.

— Да и я такъ думалъ недавно, но теперь я знаю что скоро умру.

Левинъ говорилъ то что онъ истинно думалъ въ это послѣднее время. Онъ во всемъ видѣлъ только смерть или приближеніе къ ней. Но затѣянное имъ дѣло тѣмъ болѣе занимало его. Надо же было какъ-нибудь доживать жизнь, пока не пришла смерть. Темнота покрывала для него все; но именно въ слѣдствіе этой темноты онъ чувствовалъ что единственною руководительною нитью въ этой темнотѣ было его дѣло и онъ изъ послѣднихъ силъ схватился и держался за него.

(До слѣд. №.)

ГРАФЪ ЛЕВЪ ТОЛСТОЙ.

---

# О СВЯЗИ МЕЖДУ ЯВЛЕНИЯМИ РАЗВИТІЯ ГОДОВОЙ ЖИЗНИ РАСТЕНІЯ И ПОТРЕБНЫМЪ ДЛЯ ЭТИХЪ ЯВЛЕНІЙ КОЛИЧЕСТВОМЪ ТЕПЛОТЫ \*

---

Одно изъ наиболее замѣтныхъ и наиболее интересныхъ для насъ послѣдствій непрерывно въ теченіе тысячелѣтій повторяющейся взаимной смѣны временъ года въ нашихъ странахъ представляютъ явленія жизни растеній. Жизненная дѣятельность въ нихъ зимой бываетъ наименьшая; однолѣтнія же растенія вовсе не остаются жить на зиму, а совершаютъ полный свой жизненный путь, то-есть произрастаніе, цвѣтеніе, созрѣваніе плодовъ и засыханіе или истлѣніе, въ теченіе лѣта, причѣмъ къ лѣту же относимъ часть весны и осени. Растенія многолѣтнія остаются и на зиму, но большая часть изъ нихъ въ нашихъ странахъ теряетъ листья; съ наступленіемъ же теплыхъ весеннихъ дней на растеніи появляются листья, цвѣты и потомъ лѣтомъ плоды. Съ наступленіемъ осеннихъ холодовъ жизнедѣятельность растенія уменьшается, листья на немъ зимой опадаютъ, словомъ, оно, такъ-сказать, совершило годовой кругъ своей жизни и

---

\* Читано на годовичномъ собраніи Петровской Земледѣльческой Академіи въ концѣ истекшаго года.

зимой отдыхаетъ, засыпаетъ до появленія новой весны, когда оно просыпается и начинаетъ новый свой годовою кругъ, въ которомъ явленія повторяются въ прежнемъ порядкѣ. Общеизвѣстность и, такъ-сказать, вседневность указываемыхъ здѣсь явленій вѣроятно была одною изъ причинъ того что подробное ихъ изученіе началось только весьма недавно, едва ли болѣе чѣмъ за пятьдесятъ лѣтъ до настоящаго времени. Правда что и тщательное изученіе разныхъ метеорологическихъ обстоятельствъ, очевидно имѣющихъ вліяніе на жизнь растеній, какъ-то температуры, влажности и т. п., тоже началось, сравнительно говоря, очень недавно, такъ какъ порядочные общедоступные инструменты для метеорологическихъ наблюденій стали извѣстны не болѣе какъ за полтора столѣтія лѣтъ, а организація наблюденій, могущая повести къ правильнымъ выводамъ, еще и того моложе.

Разсматривая подробно вышеупомянутый годовою кругъ жизни какого-либо растенія, замѣтили прежде всего что время потребное растенію для исполненія своей годовою задачи, то-есть время отъ появленія почекъ или отъ прозябанія растенія до созрѣванія плодовъ на немъ, въ разныхъ мѣстахъ не одно и то же. На основаніи этого должно ожидать и дѣйствительно оказывается что различны также промежутки времени между одинаковыми фазами развитія жизни одного и того же растенія въ разныхъ мѣстахъ, то-есть, напримѣръ различно время между прозябаніемъ какого-нибудь растенія и появленіемъ цвѣтовъ на немъ въ разныхъ мѣстахъ наблюденія. Слѣдующій примѣръ уяснитъ и докажетъ это. Въ Валуйскомъ уѣздѣ, Воронежской губерніи, лежащемъ почти подъ одинаковою широтой съ Брюсселемъ въ Бельгіи, обильное цвѣтеніе происходитъ 40 днями позже чѣмъ въ Брюсселѣ, цвѣтеніе растеній 27 днями позже, созрѣваніе древесныхъ и кустарныхъ плодовъ позже только 11 днями; наконецъ, созрѣваніе зерновыхъ хлѣбовъ въ уѣздѣ этомъ происходитъ 11 днями раньше чѣмъ въ Брюсселѣ; „прямое слѣдствіе и ясное доказательство могущественнаго дѣйствія болѣе сильнаго жаровъ лѣта, заставляющихъ растенія совершать въ нашемъ материковомъ климатѣ годичные циклы своего развитія въ гораздо кратчайшій періодъ чѣмъ подъ одинаковою широтой въ Западной Европѣ“.\*

\* Веселовскій, *О климатѣ Россіи*, стр. 27.

Ученые стараются найти въ этомъ разнообразіи какое-либо единство, что-либо постоянное, словомъ, пытались открыть здѣсь какой-либо законъ. Прежде всего предположили что растеніе достигаетъ опредѣленной степени развитія тогда когда температура того мѣста гдѣ оно находится доходитъ до известной постоянной величины, для всѣхъ мѣстъ одинаковой. Но предложеніе это не долго существовало въ наукѣ, отчасти по своей неопредѣленности, отчасти по привѣсь своей теоретической и фактической невѣрности. Дѣйствительно, здѣсь не видно какую температуру слѣдуетъ разумѣть: просто ли среднюю температуру тѣхъ сутокъ въ теченіе которыхъ наблюдаемое растеніе достигаетъ до известной степени своего развитія, или же среднюю температуру той недѣли, мѣсяца и т. д., въ которые оказанное обстоятельство имѣетъ мѣсто. \* Далѣе, при многихъ растеніяхъ, особенно многолѣтнихъ, оказывается что напримѣръ цвѣтеніе наступаетъ въ разныхъ странахъ при совершенно разныхъ температурахъ. Такъ напримѣръ, на вязѣ (*Ulmus campestris*) цвѣты появляются среднимъ числомъ, въ Петербургѣ 19го мая в. ст., въ Брюсселѣ 28го марта в. ст. А средняя суточная температура около этого времени въ Петербургѣ 9°Ц., въ Брюсселѣ 7°Ц. Сирень (*Syringa vulgaris*) разцвѣтаетъ въ Брюсселѣ 1 мая в. ст., при температурѣ около 11°Ц., въ Москвѣ 2 июня в. ст., при температурѣ около 14°Ц., въ Петербургѣ 10 июня нов. ст., при температурѣ около 13°Ц. На березѣ (*Betula*

\* Среднею суточною температурой какого-нибудь мѣста въ данную сутку называется одна двадцатьчетвертая доля суммы двадцати четырехъ температуръ, которыя показываетъ въ этомъ мѣстѣ въ тѣни стоящій термометръ на открытомъ воздухѣ въ полдень, въ часъ пополудни, въ два часа пополудни и т. д. до одиннадцати часовъ пополудни. Въ метеорологіи предлагаются болѣе легкіе способы для приблизительнаго опредѣленія средней суточной температуры. Среднею температурой известнаго промежутка времени въ нѣсколько сутокъ называютъ среднее арифметическое число изъ всѣхъ среднихъ суточныхъ температуръ въ этотъ промежутокъ. Средняя температура года есть одна двѣнадцатая доля суммы двѣнадцати среднихъ температуръ всѣхъ мѣсяцевъ въ году. Среднею температурой опредѣленнаго дня въ году (напримѣръ 21 ноября), въ безъ означенія въ которомъ году, называютъ или среднее арифметическое число изъ среднихъ суточныхъ температуръ этого дня въ разные годы, или (чаще) близкое къ этому число, выводимое изъ какой формулы.

alba) цвѣты появляются въ Брюсселѣ 12 апрѣля н. ст. при температурѣ около  $9^{\circ}$  Ц., въ Москвѣ 8 мая н. ст., при температурѣ около  $11^{\circ}$  Ц., въ Петербургѣ 22 мая, при температурѣ около  $10^{\circ}$  Ц. То же замѣчаніе можно сдѣлать и относительно другихъ фазъ развитія растеній, какъ-то появленія листьевъ, созрѣванія плодовъ и такъ далѣе. Впрочемъ и само по себѣ понятно что наступленіе одной и той же средней суточной температуры въ разныхъ мѣстахъ далеко не есть единственное условіе развитія растенія: для этого необходимо также чтобы тепло дѣйствовало на растеніе въ теченіе извѣстнаго времени. Если же температура весной возрастаетъ весьма быстро, какъ напримѣръ въ Европейской Россіи и вообще въ странахъ съ континентальнымъ климатомъ, то понятно что достиженіе растеніемъ извѣстной степени развитія будетъ соответствовать тамъ высшей суточной температурѣ, чѣмъ въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ весеннее повышеніе ея происходитъ гораздо медленнѣе.

При болѣе тщательномъ разсмотрѣніи зависимости между возрастаніемъ температуры весной и дѣтомъ и развитіемъ растеній естественно всею казалось предположить что достиженію какой-либо опредѣленной степени своего развитія при одинаковыхъ прочихъ обстоятельствахъ, растеніе извѣстнаго вида требуетъ опредѣленнаго же постояннаго количества теплоты, а потому количество это должно быть однимъ и то же для растеній одного и того же вида во всѣхъ мѣстахъ. Но такъ какъ оно сообщается растенію въ одномъ мѣстѣ быстрѣе, въ другомъ медленнѣе, что неоспоримо слѣдуетъ изъ наблюденій надъ температурой въ разныхъ мѣстахъ, то и оказывается что промежутки времени между одинаковыми фазами развитія одного и того же растенія въ разныхъ мѣстахъ различны. Кажущаяся естественность таково взгляда не мало способствовала тому что онъ скоро сдѣлался общепринятымъ и пользуется расположеніемъ ученыхъ даже и до настоящаго времени. Но произведенное съ теченіемъ времени болѣе подробное изученіе предмета заставило повидимому отказаться отъ упомянутаго взгляда. О этомъ ниже будемъ говорить подробнѣе. Теперь же обратимъ вниманіе на то что относительно способа измѣренія количества теплоты, получаемого растеніемъ въ извѣстное время мнѣнія ученыхъ раздѣлились. Одни предлагали принимать

нру этого количества сумму всѣхъ среднихъ ежечасныхъ температуръ въ теченіе рассматриваемаго времени. Другіе считая сумму квадратовъ упомянутыхъ температуръ мѣрой количества теплоты получаемаго растеніемъ въ данный промежутокъ времени. Первый способъ измѣренія оправдывается слѣдующими соображеніями. Данный промежутокъ времени разобьемъ на довольно мелкія части (равной величины), каждую изъ нихъ представимъ прямою незначительной длины, всѣ эти мелкія прямая расположимъ по порядку такъ чтобы онѣ составили одну непрерывную горизонтальную прямую; въ какой-либо точкѣ каждой изъ такихъ мелкихъ прямыхъ поставимъ къ нимъ (напр. вверхъ) перпендикуляры, которые, слѣдовательно, всѣ будутъ вертикальны; на каждой перпендикулярѣ откладываемъ число градусовъ, показываемое какъ слѣдуетъ установленнымъ термометромъ въ какой-либо моментъ соотвѣтствующаго этому перпендикуляру промежутка времени, причѣмъ разумѣется представляемъ одинъ градусъ стоградуснаго термометра какой-либо прямою незначительной длины. Наконецъ соединимъ полученныя такимъ образомъ верхніе концы всѣхъ перпендикуляровъ непрерывною кривою линіей. При помощи этого построенія можемъ найти температуру въ какой-либо моментъ времени, содержащейся внутри всего нашего данного промежутка. Для этого слѣдуетъ на вышеупомянутой горизонтальной прямой найти точку соотвѣтствующую данному моменту, провести черезъ нее вертикальную прямую до пересѣченія съ построенною кривою и посмотрѣть сколько частей соотвѣтствующихъ одному градусу находится въ этой прямой. Количество теплоты содержащейся въ воздухѣ около растенія въ каждый моментъ можно принять пропорціональнымъ температурѣ воздуха, то-есть перпендикуляру къ горизонтальной прямой въ точкѣ соотвѣтствующей рассматриваемому моменту. Совокупность же всѣхъ такихъ перпендикуляровъ, рядомъ поставленныхъ, во всѣ моменты промежутка есть какъ бы площадь ограниченная горизонтальною прямою, двумя крайними перпендикулярами и верхнею кривою. Но совокупность эта пропорціональна общему количеству теплоты находившемуся въ воздухѣ около растенія въ теченіе всего рассматриваемаго промежутка времени, то-есть количеству теплоты предоставленному въ распоряженіе растенія. А потому можно сказать что количество

это пропорціонально названной выше площади. Но площадь, какъ доказывается въ геометріи, приблизительно пропорціональна суммѣ перпендикуляровъ проведенныхъ къ горизонтальной прямой, начиная съ крайняго, на разстояніи другъ отъ друга равномъ единицѣ длины, если только единица эта незначительна въ сравненіи съ длиной всей горизонтальной прямой. А потому, полагая что единица длины соответствуетъ часовому промежутку времени, заключаемъ что количество теплоты о которомъ здѣсь идетъ рѣчь приблизительно пропорціонально суммѣ температуръ въ моменты отстоящіе другъ отъ друга на одну часть, а следовательно также пропорціонально одной двадцатьчетвертой доли этой суммы, то-есть за мѣру упомянутого количества теплоты можетъ быть принята сумма среднихъ суточныхъ температуръ въ теченіе всего рассматриваемаго промежутка времени.

Мнѣніе ученыхъ предлагавшихъ принять за мѣру количества теплоты, предоставляемаго въ распоряженіе растений въ известное время, сумму квадратовъ среднихъ суточныхъ температуръ въ теченіе этого времени, основывается почти на тѣхъ же самыхъ соображеніяхъ какъ и первое только что рассмотрѣнное мнѣніе. Вся разниця въ томъ что малкія длины, соответствующія малымъ промежуткамъ времени помѣщаются рядомъ одна подле другой по порядку въ окружности круга, описаннаго произвольнымъ радіусомъ (этотъ кругъ назовемъ основнымъ), а температура въ какой либо промежутокъ откладывается на радіусъ, соответствующее данному промежутку, начиная отъ центра круга, причемъ радіусъ, если нужно, продолжается. Количество теплоты находившейся въ воздухѣ въ теченіе цѣлаго рассматриваемаго промежутка можетъ быть принято пропорціональнымъ площади ограниченной двумя крайними радіусами кривою, соединяющею концы всѣхъ радіусовъ, получившейся по отложеніи соответствующихъ температуръ на радіусахъ. Площадь же эта, какъ доказывается въ геометріи, приблизительно пропорціональна суммѣ квадратовъ радіусовъ проведенныхъ, начиная съ крайняго, въ точки на окружности основнаго круга находящіяся на единицѣ разстоянія одна отъ другой, считая по этой самой окружности если только единица эта незначительна въ сравненіи съ длиной дуги между крайними радіусами. А потому если единица длины соответствуетъ суточному промежутку времени



то количество теплоты предоставляемое въ распоряженіе растенію въ данное время приблизительно пропорціонально суммѣ квадратовъ среднихъ суточныхъ температуръ въ это время. Должно замѣтить что здѣсь необходимо предположить измѣненіе температуры въ теченіе сутокъ весьма незначительнымъ. Вообще этотъ способъ измѣренія количества теплоты о которомъ здѣсь идетъ рѣчь отличается отъ перваго способа меньшею послѣдовательностью и, пожалуй, большею искусственностію; онъ не столь улобительнъ какъ первый.

Но не только въ отношеніи къ способамъ измѣренія количества теплоты, предоставляемаго въ распоряженіе растенію, замѣчаемъ разногласіе между учеными, еще болѣе различныхъ мнѣній встрѣчаемъ въ отвѣтъ на вопросъ о томъ съ какого момента считать пробужденіе растенія отъ зимняго сна для исполненія годоваго круговорота своей жизни. Принимая во вниманіе что вода играетъ здѣсь весьма важную роль, будучи одною изъ главныхъ составныхъ частей растеній и способствуя ихъ литацію, вообще согласилась считать пробужденіе растенія съ момента наступленія такой средней суточной температуры при которой таетъ ледъ, то-есть температуры 0°. Но такъ какъ результаты теоретическихъ вычисленій сдѣланныхъ въ этомъ предположеніи оказались несогласными съ наблюденіями, какъ увидимъ ниже, то стали предполагать моменты пробужденія растеній при наступленіи другихъ температуръ, а не 0°. Кроме того, во многихъ мѣстахъ западной и, можно сказать, вездѣ въ южной Европѣ (апримѣръ у насъ въ Россіи, въ Крыму и за Кавказомъ) средняя суточная температура въ теченіе всего года остается выше 0°. Въ такихъ мѣстахъ пробужденіе растеній иные считаютъ со времени наступленія наименьшей средней суточной температуры; съ этого момента температура начинаетъ постоянно повышаться, и растеніе, такъ-сказать, оживаетъ. Другіе предлагаютъ для легкости считать среднія суточные температуры просто съ 1 января н. ст.

При всѣхъ этихъ изслѣдованіяхъ имѣются въ виду только среднія числа. Конечно какой-нибудь мѣсяцъ въ иной годъ можетъ оказаться теплѣе чѣмъ въ другой; въ такомъ случаѣ и растенія въ первый годъ разцвѣтутъ ранѣе чѣмъ во второй. Но среднимъ числомъ изъ многихъ лѣтъ какой-либо данный мѣсяцъ будетъ имѣть опредѣленную темпе-

ратуру, и время разцвѣтанія какого-либо растенія будетъ падать также на опредѣленный день въ году. Среднія числа помогаютъ удалять изъ изслѣдованія причины непостоянныя, оказывающія вліяніе на рассматриваемое явленіе то въ одну, то въ другую сторону. Къ числу такихъ непостоянныхъ причаевъ въ нашемъ случаѣ относится напримѣръ направленіе вѣтра, которое иногда повышаетъ, иногда понижаетъ температуру; относится также большая или меньшая дождливость, иногда способствующая, иногда препятствующая разцвѣтанію растеній и т. п. Вліяніе всѣхъ этихъ причаевъ на годовую жизнь растеній съ большимъ удобствомъ можетъ быть изслѣдовано отдѣльно, послѣ того какъ сдѣлается извѣстнымъ вліяніе главнѣйшей причины именно годовыхъ измѣненій температуры.

Сравненіе рассматриваемой теоріи съ наблюденіями оказывается вообще не въ пользу ея справедливости: растенія одного и того же вида въ разныхъ мѣстахъ не достигаютъ одинаковой степени развитія въ тѣ моменты въ которыхъ итоги среднихъ суточныхъ температуръ, начиная отъ сутокъ съ температурою  $0^{\circ}$ , или съ наименьшею положительною, становятся одинаковыми. Другими словами, оказываются не одинаковыми итоги среднихъ суточныхъ температуръ, начиная отъ сутокъ съ температурою  $0^{\circ}$ , или съ наименьшею положительною, до того времени въ которое растеніе какого либо вида достигаетъ одной и той же степени развитія въ разныхъ мѣстахъ. Примѣрами могутъ служить слѣдующія числа. Отъ упомянутаго начала до появленія первыхъ цвѣтовъ на сирени и растеніяхъ цвѣтущихъ около того же времени, итогъ среднихъ суточныхъ температуръ составляетъ въ Брюсселѣ  $550^{\circ}$ , въ Петербургѣ  $460^{\circ}$ . Тѣ же итоги для леваго вьюнка (*Convolvulus arvensis*) и растеній цвѣтущихъ около того же времени составляютъ въ Брюсселѣ  $1.470^{\circ}$ , въ Петербургѣ  $910^{\circ}$ . Не одинаковою оказывается также въ разныхъ мѣстахъ при одной и той же фазѣ развитія растенія извѣстнаго вида и сумма квадратовъ среднихъ суточныхъ температуръ, которую, по вышесказанному, также предлегалъ принять за мѣру количества теплоты предоставляемаго въ распоряженіе растенію въ извѣстный промежутокъ времени. Въ указанныхъ выше примѣрахъ (для появленія первыхъ цвѣтовъ на сирени и колокольчикѣ) сумма эта составляетъ въ Брюсселѣ  $3.780^{\circ}$  и  $17.760^{\circ}$ , а въ Петербургѣ  $4.41$  и  $11.530^{\circ}$ .

Стало-быть высказанное выше предположеніе о связи между степенью развитія годовой жизни растенія и возрастаніем температуръ въ теплое время года оказывается несогласнымъ съ наблюденіями. Причина такого обстоятельства можетъ лежать или въ невѣрности самой гипотезы, или въ неправильности ея примѣненія къ объясненію явленій. Должно согласиться что неправильность здѣсь весьма возможна, и причины ея довольно различны. Прежде всего бросается въ глаза произволъ способа измѣренія количества теплоты доставляемой растенію: какъ сказано, одни измѣряютъ это количество суммой среднихъ суточныхъ температуръ, другіе—суммой ихъ квадратовъ. Можетъ-быть ни тотъ, ни другой способъ не правиленъ, и рассматриваемое количество должно быть измѣряемо какъ-нибудь иначе. Но должно, впрочемъ, замѣтить что первый способъ по справедливости можно считать за самый простой и естественный. Кроме того, произвольно также предположеніе что растенія начинаютъ пользоваться для своего годового развитія предоставляемою имъ теплотою именно съ тѣхъ поръ когда средняя суточная температура достигнетъ  $0^{\circ}$  или наименьшаго положительнаго значенія. Можетъ-быть пользованіе это начинается съ какого-либо другаго времени, напримѣръ со времени достиженія среднею суточною температурой величины  $1^{\circ}$  или  $2^{\circ}$  и т. под. Впрочемъ упомянутые выше итоги оказались неизменно такими даже и тогда когда начали считать ихъ не со времени нулевой средней суточной температуры, а съ момента достиженія ею другаго значенія. Полагая также что не слѣдуетъ ли принять за нуль термометра въ настоящемъ случаѣ не точку соответствующую температурѣ таянія льда, а точку соответствующую какой-либо другой температурѣ, напримѣръ  $2^{\circ}$  и т. под. Но и при такой обработкѣ наблюденій вышеупомянутые итоги не оказались равными для однихъ и тѣхъ же степеней годового развитія растенія въ разныхъ мѣстахъ. (Подробности относящіяся сюда вычисленій и соображеній можно найти въ *Annales de l'Archiv für wissenschaftliche Kunde Russlands* IV, 1847; VIII; 103; въ *Linsser's, Die periodischen Erscheinungen im Pflanzenleben in ihrem Verhältniss zu den Wärmeerscheinungen*, 1867; *Géographie botanique raisonnée*, par Alph. Bravais, и др.). Далѣе, замѣчено было что растенія во-обще согреваются непосредственно падающими на нихъ

лучами солнца; между тѣмъ какъ среднія суточные температуры выводятся изъ наблюдений надъ термометромъ помѣщеннымъ въ тѣни. И такъ какъ количества теплоты получаемыя растеніями въ каждый моментъ не могутъ быть пропорціональны температурамъ показываемымъ термометромъ въ тѣни въ этотъ моментъ, то и общее количество теплоты предоставляемое растенію въ какой-либо промежутокъ времени не будетъ пропорціонально суммѣ средних суточныхъ температуръ въ этотъ промежутокъ. Для получения правильной мѣры упомянутого количества сѣдуетъ обратить вниманіе на такъ-называемую инсоляцію и наблюдать показанія термометра стоящаго не въ тѣни, а на солнце — то-есть подъ непосредственнымъ вліяніемъ солнечныхъ лучей. Такъ какъ подобныя наблюденія произведены до настоящаго времени въ немногихъ мѣстахъ, то и нельзя подвергнуть справедливость этого замѣчанія какой-либо рѣшительной повѣркѣ. Противъ него возражаютъ: что хотя часть растенія дѣйствительно подвержена непосредственному дѣйствию солнечныхъ лучей, однако остальная часть его, и притомъ довольно значительная, въ особенности для растеній древесныхъ и кустарниковъ, находится въ тѣни сѣдовательно, показанія одного выставленнаго на солнце термометра здѣсь также не могутъ имѣть рѣшительной силы. Предполагали также (по крайней мѣрѣ при сравненіи въ мѣсяцъ достиженія растеніемъ одинаковой степени своего доваго развитія въ одномъ и томъ же мѣстѣ въ разные годы) что сумма наибольшихъ суточныхъ показаній выставленнаго на солнце термометра въ теченіе всего промежутокъ времени въ который растеніе развивается будетъ одинаковою для одинаковыхъ степеней развитія растенія въ одномъ и томъ же мѣстѣ въ разные годы. Наблюденія надъ годовымъ развитіемъ растенія въ разныхъ мѣстахъ не были обработаны съ только-что указанной точки зрѣнія; во многихъ случаяхъ здѣсь сѣдуетъ, по видимому, обратить вниманіе и на продолжительность времени въ теченіе котораго выставленный на солнце термометръ удерживаетъ близкую наибольшей температуру. Сѣдуетъ также принять въ разсчетъ и то обстоятельство что значительная часть весьма многихъ растеній находится не на солнцѣ, а въ тѣни. Обращали также вниманіе на то что длинный лѣтній день въ сѣверныхъ странахъ подвергаетъ растенія значительному влія-

свѣта, которое своимъ дѣйствиємъ вознаграждаетъ меньшее количество теплоты предоставляемое растенію на сѣверѣ. Но хотя продолжительность лѣтнаго дня въ болѣе сѣверныхъ странахъ значительное чѣмъ въ южныхъ, за то полученная высота солнца тамъ менѣе; а слѣдовательно слабѣе и сила дѣствія солнечнаго свѣта. Отсюда видно что противъ мнѣнія о вознагражденіи недостатка дѣствія теплоты на растенія въ сѣверныхъ странахъ дѣйствиємъ свѣта можно возражать.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ петербургскимъ ученымъ Ливассеромъ, теперь уже умершимъ, отвергнута была правдливость самой гипотезы постоянства суммы среднихъ суточныхъ температуръ (считая отъ наступленія сутокъ со среднею температурой  $0^{\circ}$  или съ наименьшею положительною) для одинаковыхъ степеней развитія годовой жизни растенія. Сдѣланные имъ подробныя вычисленія дали вѣроятность другому предположенію о связи между развитіемъ растеній и повышеніемъ температуры въ теплое время года. Именно оказалось что растенія одного и того же вида въ разныхъ мѣстахъ для развитія своего до одной и той же степени (напримѣръ до появленія листьевъ, первыхъ цвѣтговъ, зрѣлыхъ плодовъ и пр.) требуютъ одной и той же доли всего количества теплоты предоставляемаго въ распоряженіе растенію въ теченіе года. А послѣднее количество измѣняется суммой всѣхъ положительныхъ среднихъ суточныхъ температуръ въ теченіе года. Потому если напримѣръ въ одномъ изъ разсматриваемыхъ мѣстъ сумма эта составляетъ  $2.000^{\circ}$ , а въ другомъ  $4.000^{\circ}$ , и въ первомъ мѣстѣ цвѣты на какомъ-либо растеніи появляются когда сумма всѣхъ среднихъ суточныхъ температуръ, начиная отъ сутокъ со среднею температурой  $0^{\circ}$  или съ наименьшею положительною, достигнетъ  $500^{\circ}$ ; то на растеніи того же вида во второмъ мѣстѣ цвѣты появятся когда послѣдняя сумма достигнетъ значенія  $1.000^{\circ}$ . При этомъ предполагается впрочемъ что растенію извѣстна составляется матеріалъ необходимый для его развитія въ достаточномъ количествѣ и надлежащаго качества какъ въ первомъ, такъ и въ другомъ мѣстѣ. Явленія будутъ болѣе сложныя если напримѣръ въ одномъ мѣстѣ дождь идетъ какъ слѣдуетъ въ теченіе всего теплаго времени года, когда растеніе развивается, а въ другомъ въ это время обыкновенно бываютъ засухи. Вотъ примѣры подтверждающіе справед-

ливость предположенія Ливссера. Для сирени обыкновенной (*Syringa vulgaris*) и растеній цвѣтущихъ около того же времени какъ сирень, въ Брюсселѣ, Москвѣ, Петербургѣ и другихъ мѣстахъ, въ которыхъ были произведены наблюденія, потребна для появленія первыхъ цвѣтовъ почти одна шестая доля всего годоваго количества теплоты предоставляемаго въ распоряженіе растеніямъ въ этихъ мѣстахъ (въ Брюсселѣ 0,15; въ Москвѣ 0,17; въ Петербургѣ 0,18). При полевомъ колокольчикѣ (*Convolvulus arvensis*) и растеніяхъ цвѣтущихъ около того же времени какъ оны, для названнаго выше явленія потребны почти двѣ пятыхъ доли всего годоваго количества теплоты (въ Брюсселѣ 0,39; въ Москвѣ 0,37; въ Петербургѣ 0,41). Описываемая гипотеза оказывается справедливою не только для времени появленія первыхъ цвѣтовъ на растеніяхъ, но также для появленія листьевъ и созрѣванія плодовъ. Но потеря листьевъ древесными растеніями представляетъ здѣсь болѣе исключеній и въ значительной степени зависитъ отъ случайныхъ и временныхъ измѣненій температуры. Извѣстно что въ болѣе теплыхъ странахъ умереннаго пояса деревья круглый годъ остаются покрыты листьями какъ у насъ хвойныя. Вообще въ средней Европѣ среднія температуры сутокъ появленія листьевъ и сутокъ потери ихъ оказываются почти одинаковыми. Но въ сѣверной и въ южной Европѣ (въ мѣстахъ гдѣ бываетъ потеря листьевъ) средняя температура сутокъ появленія значительно выше средней температуры сутокъ потери листьевъ. Печаса оказывается равною въ Венеціи 10°,7 Ц (4 апрѣля вт.—средній день появленія листьевъ), въ Пулковѣ 11°,0 Ц (мая в. ст.—средній день появленія листьевъ); послѣдняя равна въ Венеціи 6°,4 Ц (средній день потери листьевъ 20 ноября в. ст.), въ Пулковѣ 4°,6 Ц (средній день потери листьевъ октября в. ст.). А на примѣръ въ Намюрѣ, въ Бельгіи, та другая температура равна 7°,5 Ц (средній день появленія листьевъ 30 марта в. ст., потери ихъ 7 ноября в. ст.).

На первый взглядъ можетъ показаться страннымъ то обстоятельство что растенія, получивъ не одинаковыя количества теплоты въ разныхъ мѣстахъ, тѣмъ не менѣе могутъ развиваться до одинаковой степени. Но если замѣтимъ что они могутъ не всю получаемую ими теплоту употребить одинаковымъ образомъ, то странность вышеупомянутаго обстоятельства исчезаетъ. Растеніе на югѣ, получая много теп-

развивается роскошнѣе, цвѣты его пышнѣе, плоды оочнѣе, и т. д., чѣмъ у подобнаго же растенія на сѣверѣ, которое имѣетъ менѣе теплоты въ своемъ распорядкѣ. Напротивъ, менѣе вѣроятно, по своей исключительности, то предположеніе что растеніе употребляетъ всю получаемую имъ теплоту именно на произведеніе внутренней работы имѣющей результатомъ внѣшнія явленія его развитія каковы бы они ни были, такъ что качество этихъ явленій не зависитъ отъ количества истраченной для нихъ теплоты. Разнообразіе упомянутаго качества заставляетъ даже предполагать что не можетъ быть, даже и въ среднихъ числахъ, какого-либо рѣшительнаго постоянства между временемъ извѣстнаго развитія годовой жизни растенія и количествомъ полученной для этого растеніемъ теплоты. Выводимые въ этомъ предметѣ численныя отысканія и законы—только приближенія къ дѣйствительности, хотя можетъ-быть и вполне достаточныя какъ для практическихъ цѣлей, такъ и для теоретическаго пониманія разбираемыхъ явленій.

Дано уже было замѣчено что растенія развиваются въ теченіе годоваго круговорота своей жизни гораздо быстрѣе въ тѣхъ странахъ гдѣ теплое время года непродолжительно, чѣмъ тамъ, гдѣ высокая температура существуетъ въ теченіе болѣе значительнаго времени. Доказательствомъ этого можетъ служить приведенный въ началѣ сравнительный примѣръ развитія растеній въ Брюсселѣ и въ Воронежской губерніи. Припомнимъ еще и то что замѣчено было уже и въ прошломъ столѣтіи извѣстнымъ ученымъ путешественникомъ по Сибири, Гмелиномъ. Удивляясь быстротѣ пробужденія природы весной въ Якутскѣ, онъ говорилъ: въ Якутскѣ можно, пожалуй, видѣть какъ растетъ трава, на глазахъ наблюдателя она становится больше и больше. Одна изъ причинъ такого обстоятельства очевидна: въ странахъ съ короткимъ лѣтомъ температура возрастаетъ весьма быстро, и растеніе столь же быстро получаетъ теплоту необходимую для своего развитія, а потому и совершаетъ его гораздо скорѣе чѣмъ растеніе того же вида произрастающее въ болѣе южной странѣ и не столь быстро получающее потребную для своего развитія теплоту, такъ какъ температура тамъ повышается гораздо медленнѣе. Высказанное выше предположеніе Ливссера указываетъ еще на другую причину болѣе скорого развитія растеній на

сѣверѣ: они требуютъ тамъ для этой цѣли менѣе теплоты чѣмъ на югѣ, привыкнувъ достигать напимѣръ до эпохи цвѣтенія при помощи такой же доли всей доставляемой имъ небольшой суммы теплоты, какую требуютъ для этого южнѣе находящіяся растенія отъ той болѣе значительной суммы теплоты которая предоставляется въ ихъ распоряженіе въ болѣе продолжительное на ихъ родинѣ теплое время года.

Мы не въ состояніи конечно, въ настоящее по крайней мѣрѣ время, отвѣчать на вопросъ почему растеніе одного и того же вида въ разныхъ странахъ для достиженія одной и той же степени годового своего развитія требуетъ неодинаковыхъ количествъ теплоты, употребляя, такъ-сказать, различнымъ образомъ получаемое имъ тепло. Но, припомнивъ общее замѣчаніе что организмы могутъ существовать при довольно разнообразныхъ внѣшнихъ условіяхъ, имѣя способность до нѣкоторой степени привыкаться къ нимъ, мы введемъ упомянутое выше обстоятельство въ общій кругъ явленій органической жизни. Многія растенія одного и того же вида вслѣдствіе разныхъ случайныхъ причинъ принуждены бывають развиваться не въ мѣстахъ ихъ происхожденія (напимѣръ когда сѣмена ихъ бывають перенесены изъ одной страны въ другую), подъ условіями непохожими на тѣ къ которымъ привыкли индивидуумы рассматриваемаго вида у себя на родинѣ. Иные индивидуумы въ такомъ случаѣ погибнуть, другіе сохраняются, если только организмъ въ состояніи привыкнуть къ этимъ новымъ условіямъ, т.-е. когда послѣднія не слишкомъ отащачются отъ условій бывшихъ для нашего вида до того времени нормальными. Сохранявшіеся индивидуумы дадутъ плодъ изъ котораго выйдутъ новыя растенія того же вида, но уже прошедшія, такъ-сказать, лервый испусъ измѣненныхъ обстоятельствъ, а потому имѣющія болѣе вѣроятности сохраниться при условіяхъ господствующихъ въ ихъ новомъ мѣстѣ произрастанія. На конецъ, съ теченіемъ времени, растеніе акклиматизуется. Такая привычка къ новымъ мѣстнымъ условіямъ пріобрѣтается конечно не вдругъ: не малое число лѣтъ проходитъ можетъ-быть, прежде, чѣмъ растеніе привыкнетъ для достиженія той же самой степени своего годового развитія требовать меньшаго количества теплоты отъ окружающей среды.

Гипотеза Ливссера даетъ возможность объяснить на основаніи этого нѣкотораго явленія замѣченныя при произра



стали сѣверныхъ растеній въ болѣе южныхъ странахъ, а также горныхъ растеній въ равнинахъ и обратно. Именно, если сѣмена взятая съ растенія находящагося на сѣверѣ будутъ произрастать въ болѣе южномъ и тепломъ мѣстѣ, то замѣчено что происшедшее растеніе исполнитъ задачи годового круговорота своей жизни гораздо скорѣе чѣмъ подобныя же растенія происшедшія изъ сѣмянъ въ этомъ самомъ болѣе южномъ мѣстѣ вышедшихъ на свѣтъ. Ячмень съ Лофоденскихъ острововъ созрѣвалъ въ Христианіи (въ Норвегіи) скорѣе туземнаго и приносилъ плоды болѣе обильные\*. Обратное, растеніе изъ южныхъ, болѣе теплыхъ странъ, будучи принуждено произрастать на сѣверѣ, въ мѣстахъ болѣе холодныхъ, развивается тамъ гораздо медленнѣе чѣмъ у себя на родинѣ, въ особенности же медленнѣе чѣмъ растенія одного съ нимъ вида, но происшедшія изъ сѣмянъ полученныхъ изъ растеній вполне акклиматизовавшихся въ самыхъ этихъ болѣе холодныхъ мѣстахъ. Академикъ Беръ замѣтилъ что перенесенный изъ Петербурга на Новую Землю крестъ росъ тамъ въ іюлѣ въ три раза медленнѣе чѣмъ въ Петербургѣ въ маѣ. Растенія съ сѣвера привыкаютъ у себя на родинѣ къ развитію при маломъ количествѣ теплоты, и будучи перенесены на югъ получаютъ ежедневно гораздо больше теплоты, почему и развиваются быстрѣе чѣмъ у себя на родинѣ и въ особенности быстрѣе сравнительно съ туземными растеніями того же вида, привыкшими жить, какъ-сказать, въ роскоши и развиваться при значительномъ количествѣ теплоты, которое окружающая среда доставляетъ имъ. Обратное должно быть сказано относительно растеній перенесенныхъ съ юга на сѣверъ: они развиваются гораздо медленнѣе въ мѣстѣ новаго своего произрастанія, потому что у себя на родинѣ привыкли получать ежедневно большее количество теплоты, а теперь получаютъ малое. Точно также и по той же причинѣ горныя растенія, будучи перенесены въ долины, обгоняютъ своимъ развитіемъ тѣ растенія для которыхъ долины эти давнее мѣсто родины; обратно, перенесенныя изъ долины на горы растенія отстаютъ въ своемъ развитіи отъ растеній того же вида, но происшедшихъ изъ сѣмянъ на горѣ же созрѣвшихъ. Впрочемъ есть наблюденія противорѣчащія послѣднимъ выводамъ\*\*.

\* *Petermann's Geogr. Mitth.*, VII 1861, стр. 237.

\*\* См. *Zeitschrift der Oesterreichischen Gesellschaft für Meteorologie*, VI, 1871, стр. 61.

Какъ выше было сказано, не слѣдуетъ упускать изъ виду что изложенный законъ справедливъ только для среднихъ чиселъ и притомъ въ случаѣ приблизительно одинаковыхъ ярочихъ, кромѣ температуры, условій въ сравниваемыхъ мѣстахъ. Во всѣхъ же своихъ подробностяхъ явленія постепеннаго развитія растений въ теченіе года суть очень сложныя явленія, и едва ли возможно, по причинамъ запутанности предмета, указать такое отношеніе между количествомъ предоставляемой въ распоряженіе растенію теплоты и развитіемъ послѣдняго, которое во всѣхъ бы случаяхъ непремѣнно оправдалось. Даже въ одномъ и томъ же мѣстѣ въ разные годы для развитія своего до опредѣленной степени требуютъ растенія не одинаковыхъ количествъ теплоты. Очень можетъ быть что климатическія условія предшествовавшаго года (а можетъ - быть и не одного для многолѣтнихъ растений) не остаются безъ вліянія на замѣчаемыя въ какомъ-либо данномъ году явленія періодической жизни травъ, деревьевъ и кустарниковъ. Вліяніе это становится очевиднымъ въ особенно рѣзкихъ случаяхъ, напримѣръ въ случаѣ весьма суровыхъ зимъ, когда многія растенія просто погибаютъ, другія бываютъ близки къ гибели и, такъ-сказать, заболѣваютъ. Можно считать довольно вѣроятнымъ что часть теплоты въ наступившую весну идетъ на возвращеніе потерпѣвшему растенію его нормальнаго состоянія. Можетъ имѣть вліяніе также способъ сообщенія теплоты; именно, развитіе можетъ происходить быстрѣе когда въ каждый день будетъ доставляемо замѣтно болѣе теплоты чѣмъ въ день предшествующій; и медленнѣе въ томъ случаѣ когда ежедневно сообщается растенію почти одинаковое количество теплоты. Вѣроятность такого предположенія оправдывается быстротою развитія растений въ теплое время года на сѣверѣ, когда температура ежедневно быстро увеличивается. Всѣ эти соображенія даютъ приблизительное понятіе о запутанности предмета и чрезвычайной трудности найти здѣсь какую-либо строго количественно опредѣленную связь.

Самое важное вліяніе въ разсматриваемомъ дѣлѣ развитія растений имѣетъ распредѣленіе выпадающаго въ теченіе года дождя. Ихъ приспособленіе къ обстоятельствамъ окружающей природы видно здѣсь весьма ясно. Въ степяхъ юго-восточной Россіи, въ Туркестанѣ и т. под., гдѣ лѣтомъ падаетъ много дождя или и вовсе его не бываетъ, растенія стараются окончить періодъ цвѣтенія своего до наступленія тамошняго с

лаго и жаркаго лѣта. Многія изъ нихъ весной оканчиваютъ даже и всю свою годовую задачу; другія оставляютъ это дѣло до осени. Въ Бухарѣ вишни созрѣваютъ въ половинѣ мая, употребляя на это отъ 800° до 900° теплоты (*Linsser's Untersuchungen über die periodischen Lebenserscheinungen der Pflanzen*. St. Petersburg. 1869), между тѣмъ какъ въ Италіи онѣ созрѣваютъ въ концѣ іюня нов. ст., и сумма представляемой имъ въ распоряженіе для этого теплоты доходить до 2.000°. Въ маѣ же и іюнѣ созрѣваютъ въ Бухарѣ многіе сорта яблоковъ; другіе же сорта ихъ зрѣютъ только осенью. Въ этихъ случаяхъ высказанный выше законъ объ употребленіи растеніемъ для совершенія какой-либо опредѣленной работы одинаковой во всѣхъ мѣстахъ доли всего предоставляемаго ему количества теплоты не имѣетъ уже болѣе мѣста. Есть наконецъ страны въ которыхъ растенію приходится, такъ-сказать, обращать вниманіе не на теплоту, которой оказывается для него всегда довольно, а на доставляемую ему влажностъ.

Изъ всѣхъ этихъ разсужденій выходитъ такое общее сѣдствие: для акклиматизаціи какого-либо растенія въ извѣстномъ мѣстѣ сѣдуетъ переносить туда это растеніе изъ мѣстъ сходныхъ по климату съ тѣмъ въ которомъ хотятъ акклиматизовать его. Для облѣсенія, напримѣръ, нашихъ степей надобно возвращать тамъ такіа деревья которыя въ прежнемъ своемъ мѣстѣ жительства привыкли исполнять задачи годоваго круговорота своей жизни (въ особенности цвѣтеніе и обліственіе) съ достаточною скоростью, такъ что безъ особеннаго труда могутъ приучиться послѣвать дѣлать это до наступленія степнаго сухаго и жаркаго лѣта. Можно, наконецъ, постепенно приучать растеніе къ степному климату, перенося его сперва въ страны съ климатомъ, такъ-сказать, полустепнымъ. Высказанныя правила, будучи указываемы и простымъ здравымъ смысломъ, тѣмъ не менѣе не всегда исполняются: бываетъ что для полученія отличныхъ растеній выписываютъ сѣмена ихъ изъ такихъ мѣстъ которыя по климату вовсе не сходны съ тѣмъ гдѣ хотятъ выводить на свѣтъ эти растенія. Неудача — нередкое сѣдствие подобной ошибки. Избѣгая же ея и по возможности соблюдая указанныя выше простыя правила, сельскіе хозяева и лѣсоводы получаютъ гораздо болѣе вѣроятности въ успѣхѣ своихъ попытокъ введенія въ своихъ мѣстностяхъ новыхъ культурныхъ растеній и облѣсенія странъ безлѣсныхъ.

Я. ЦВѢТКОВЪ.

---

# ПО ВОПРОСУ О ЛИЧНОМЪ НАЙМѢ

---

*Проектъ положенія о наймѣ рабочихъ и прислуги. А. Головачова.  
Отечественныя Записки. № 64 1875.*

*Magis amica veritas.*

„Читали ли вы статью г. А. Головачова въ июньской книжкѣ *Отечественныхъ Записокъ*? Удивительная статья! Говоритъ человѣкъ очевидно противъ истины, а возражать ему рѣшительно нечего.“ Такіе отзывы съ разныхъ сторонъ, подстрекая любопытство, заставили и насъ прочесть эту статью. Дѣйствительно, возражать на доводы г. Головачова трудно не по причинамъ ихъ вѣскости и опредѣленности, а по совершенно противоположнымъ ихъ качествамъ: эфемерности, туманности и противорѣчивости. Взавшись говорить о статьѣ приходится по неволѣ останавливаться на тѣхъ мѣстахъ которыя самъ авторъ считаетъ наиболее разъясняющимъ вопросомъ. Но не должно ни на минуту упускать изъ вида что коммиссія для составленія Положенія состоялась въ виду всеобщихъ жалобъ на самоволье и неисполненіе договоровъ преимущественно сельскими рабочими, и только отчасти въ виду жалобъ на неправильное толкованіе при судебныхъ разбирательствахъ отношеній между нанимателями и домашнею прислугой, а не на самыя ихъ юридическія отношенія. Итакъ дѣло какъ и въ самой статьѣ г. Головачова, идетъ главнымъ о

разомъ о землевладѣческихъ рабочихъ. „Пишущій эти строки“, говоритъ г. Головачовъ (на 200 стр.), „въ продолженіе сорока лѣтъ имѣлъ дѣло съ рабочими людьми“. Какъ не имѣть подобной опытности! Посмотримъ, къ чему она привела г. Головачова.

Спеціальному разбору проекта Положенія авторъ предлагаетъ общія соображенія объ отношеніяхъ капитала къ личному труду. Прежде всего, по поводу нашихъ русскихъ отношеній, является, съ иностраннаго голоса, противопоставленіе капиталиста пролетарію, тогда какъ у насъ, въ силу историческихъ данныхъ, такъ вѣрно понятыхъ Положеніемъ 19 февраля, на которое ссылается самъ авторъ, рѣчь можетъ быть только объ отношеніяхъ землевладѣльца къ землевладѣльцу. Въ своемъ мѣстѣ мы увидимъ до какой степени дѣло измѣняется подставленіемъ понятія западнаго пролетарія подъ понятіе землевладѣльца. Въ общихъ соображеніяхъ авторъ, отвлекаясь отъ реальной действительности, предается мечтамъ о будущемъ, которое, по его мнѣнію, устранить и самый вопросъ объ отношеніяхъ капитала къ труду, такъ какъ люди будутъ трудиться на своемъ собственномъ капиталѣ. Эта социалистическая теорія не нова, но жаль что авторъ не пояснилъ ея приложенія къ русской жизни. Остановимся на Мценскомъ уездѣ. Въ немъ 210.000 десятинъ земли и около 50.000 душъ мужескаго пола. При настоящемъ положеніи вещей, крестьяне пользуются на дѣломъ отъ двухъ до трехъ десятинъ на душу (женщины въ счетъ нейдутъ). Должно ли понимать что при осуществленіи „*vis desideria*“, раздѣленіе 200.000 на 50.000, доставивъ всѣмъ капиталамъ по четыре десятины на душу, окончательно осчастливитъ и обезлечитъ ихъ въ равной степени? Ну, а если и затѣмъ четырехдесятиному землевладѣльцу вздумается уйти на заработки — хоть въ Австрію (которая на вѣрное не допуститъ подобныхъ куріозныхъ опытовъ въ своихъ владѣніяхъ), если этотъ землевладѣлецъ поступитъ въ рекруты, — не придется ли отходящему, по примѣру теперешнихъ крестьянъ, сдавать свою землю другому, а этому другому по неволѣ нанимать батрака? Куда же дѣнется тогда вся теорія будущаго золотаго вѣка? Спрашивается, на какихъ основаніяхъ авторъ (на стр. 195) съ такой увѣренностью приводитъ афоризмъ: „Трудъ наиболѣе производителенъ когда прилагается къ собственному капиталу, *mais*

какъ онъ является наиболее свободнымъ." Этотъ замѣчательный афоризмъ начинается противорѣчіемъ научной и опытной истинѣ и кончается туманною терминологіей, не представляющею, при ближайшемъ разсмотрѣніи, никакого содержанія; говоря о предметахъ экономическихъ, странно дойти до необходимости указывать на такіа коренныя положенія какъ напримѣръ, то что *раздѣленіе труда есть одно изъ главныхъ условий его производительности*,—на игольное и булавочное производства и т. д., въ противоположность труду дѣла, принужденнаго, по всѣмъ отраслямъ своего хозяйства прилагать свой трудъ къ собственному капиталу. Напрасно опираясь будто бы на практику, г. Головачовъ указываетъ на кустарное производство какъ на зарю будущаго свободнаго труда. Свободная конкуренція всегда прямо и безапелляціонно рѣшаетъ вопросъ о производительности труда. Кустарное производство существуетъ какъ подспорье къ другому труду, въ смыслѣ: хоть что-нибудь заработать чѣмъ просидѣть зиму сложа руки. Но оно не помышляетъ состязаться съ фабриками въ производительности. Въ наше земледѣльческой дѣятельности еще замѣтнѣе къ чему идетъ дѣло. Паровыя молотилки съ каждымъ днемъ все болѣе вытѣсняють конныя. Но вы можете видѣть въ моголемъ хозяйствѣ что рядомъ съ дымящимся паровикомъ, при которомъ тридцать рабочихъ обмолачиваютъ въ день по 100 копейкъ на человѣка, бабы-поденьщицы колотятъ долготойными цѣлами по одной копейкѣ на душу. Чтò же это дѣлается? что хозяинъ знаетъ цѣну времени, а нисколько не выставляетъ бабу грознымъ конкурентомъ паровика. Промѣняая еще въ большихъ размѣрахъ новую теорію къ земледѣльческой промышленности, мы наткнемся на факты не подтверждающіе эту теорію до основанія. Никто не станетъ спорить что при конкуренціи, на равныхъ мѣстныхъ условіяхъ, выгода будетъ на сторонѣ тѣхъ лятисотъ десятинъ для обработки которыхъ затраченъ меньшій капиталъ. Эта выгода будетъ постоянно пропорціональна разности затратъ. Незначительность земельной дачи не избавляетъ земледѣльца отъ хозяйственныхъ построекъ вызываемыхъ условіями культуры. Одна лошадь, корова, овца, горшокъ молока, одна четверть зерна, муки, соли и т. д., такъ же настоятельно требуютъ помѣщенія отъ мелкаго, какъ и отъ крупнаго земледѣльца. Мы принимаемъ 500 десятинъ за приблизительно

мору рациональной хозяйственной единицы. Увеличение или уменьшение дачи окажется одинаково невыгоднымъ: въ первомъ случаѣ — по отдаленности границъ, во второмъ — по несообразности производительной затраты капитала. На 500 десятинъ, стоющихъ въ нашей мѣстности 50.000 рублей, можно за 25.000 рублей выстроить прочныя каменные хозяйственныя постройки подъ желѣзо, не требующія гибельной для земли проты соломы на крыши. Въ числѣ 25.000 расхода будетъ и зарова молотилка въ 5.000 рублей. Въ этомъ случаѣ затрата на устройство будетъ относиться къ цѣнѣ какъ 1: 2. Раздѣливъ 500 десятинъ на четырехдесятилетия дачи, мы получимъ 125 летъ, изъ коихъ каждая, судя по стоимости порядочнаго крестьянскаго двора, обойдется въ 1000 рублей, и слѣдовательно затрата на устройство въ 2½ раза превзойдетъ стоимость земли. Разница экономическихъ положеній на этомъ не останавливается, а только начинается. Солома, главнѣйшее основаніе всякаго русскаго нерасчитительнаго хозяйства, въ первомъ случаѣ сохраняется и прибываетъ, а во второмъ убываетъ на несообразную поверхность крышъ и атонаиво, систематически истощая почву. Въ силу такого хозяйства, земля даетъ все менѣе соломы, которой уже не хватаетъ на крыши и толку, не говоря уже объ удобреніи. Домашествомъ можетъ служить вынѣшная зима, когда крестьяне верѣдко сбиваются изъ нѣсколькихъ избъ въ одну, чтобы не топить остальныхъ, а солома въ большихъ экономическихъ подвѣсахъ съ 25 копѣекъ за колау до 1 рубля, да и эту цѣну трудно достать. Скажемъ мимоходомъ, что такое положеніе вещей не ломѣшало одному изъ нашихъ крутыхъ помещадѣльцевъ подарить соломы на цѣлую деревню погодыцевъ. Въ виду всѣхъ этихъ прелатотвій къ услѣшному есеню дѣлу, скажутъ защитники *новыхъ* идей, и должна быть всякая личная собственность, и въ центрѣ 500 десятинъ быть воздвигнуты *chateaux en Bretagne*, то-есть нашъ старый знакомый *фаланстеръ*. Здѣсь не мѣсто опровергать во повсюду провалившееся зданіе. Но нельзя не спросить: чего ревнители *новыхъ* идей, столь чуткіе (стр. 200) и внимательные къ возрѣваніямъ народа, хотя бы къ самымъ дикимъ несообразнымъ ни съ какимъ социальнымъ порядкомъ, не видятъ бьющаго въ глаза факта что еслибы вся вселенная окрылась алюминіевыми фаланстерами, то никакая, даже абсолютная власть не заставила бы русскаго крестьянина

жить въ немъ. Завтра же онъ потребуетъ чтобъ ему отъ общей храмины отломали слѣдующую по раздѣлу часть, мухоть водосточную трубу, и вырывъ землянку, помѣстится въ ней со своею бабой, точно также какъ теперь поступаетъ съ отцомъ, братомъ, дядей, отламывая верѣдко одинъ дырчавыя сѣни, по пословицѣ: *хоть цей горшокъ, да самъ большой*. Такое стремленіе до того обще у велико- и малорусскаго крестьянина что мы уже видимъ правительственными мѣропріятія къ стѣсненію гибельныхъ раздѣловъ. Но довольно объ этомъ. Дозволительно ли при разборѣ столь важнаго, государственнаго вопроса, какъ вопросъ о наймѣ рабочихъ, тратить время на осаду воздушныхъ замковъ, въ сооруженіи коихъ самъ г. Головачовъ издвигается (на 209 стр.) говоря: „да проститъ намъ читатель наши chateaux en Espagne. Спрашивается, съ какою цѣлью, при самомъ началѣ, пуцее авторомъ этотъ разрывной снарядъ, оказывающійся, по собственному его сознанію, бумажною шутихой? Какъ не подумать что этотъ фальшфейеръ затѣянъ съ цѣлью напугать прежде всего въ глаза читателю дыму и туману? Дѣйствительно, трудно сквозь этотъ туманъ разсмотрѣть, вѣритъ ли не вѣритъ г. Головачовъ въ свою утопію. Извинившись предъ читателемъ, онъ тотчасъ продолжаетъ: „но мы считаемъ возможнымъ ихъ (chateaux en Espagne) высказать и „томъ простомъ основаніи что логика историческихъ обстоятельствъ не можетъ быть отрицаема, и сѣмя, брошенныя на плодородную почву, должно принести свои плоды „въ особенности если *законодательство* своимъ содѣйствіемъ будетъ охранять первые зачатки юныхъ растеній. Каждое новое начало въ народной жизни трудно прививается, но разъ оно окрѣпнетъ и пуститъ корни „тогда его развитіе пойдетъ въ геометрической прогрессіи. Быть-можетъ читатель скажетъ что это оманъ „миль, и мы откровенно сознаемся предъ нимъ въ наши „слабости.“ Страшная терминологія у этихъ новыхъ ученыхъ Исторія, съ самыхъ отдаленныхъ мѣщическихъ временъ, не знаетъ другихъ отношеній труда къ капиталу, кромѣ существующихъ въ цѣломъ мірѣ по настоящій день исключительно не знаетъ и не можетъ знать, потому что она исторія, а не басня. Мало того, она всюду указываетъ на непреложныя законы постепеннаго возрастанія производительности труда по мѣрѣ его раздѣленія не только по отношенію къ капи-



тлу и къ извѣстнымъ отраслямъ, но даже по отношенію къ безчисленнымъ приѣмамъ одного и того же искусства. Вы думаете что такая старая, избитая истина убѣдительна для исследователей новыхъ идей? Ничуть не бывало. Человѣкъ, во имя этой же исторіи, сознательно создаетъ въ туманномъ будущемъ воздушныя замки, и во имя этихъ замковъ видятъ во всемъ историческомъ, то-есть естественномъ строеѣ не должное, вопиющее объ отиѣнѣ, то-есть одно зло. Вы полагаете что человѣкъ видящій все окружающее въ такомъ черномъ цвѣтѣ жесточайшій лессимистъ? Ошибаетесь; по терминологіи новыхъ идей онъ оптимистъ, и сознается въ своей слабости (стр. 210). Туманная неуловимость терминологіи г. Головачова на этомъ не останавливается. Что такое свободный трудъ? Вы думаете что, въ противоположность рабскому труду, это трудъ основанный на обоюдномъ полюбовномъ соглашеніи, причемъ, какъ въ каждомъ договорѣ, качество свободы опредѣляется моментомъ его заключенія, независимо отъ предшествующихъ или послѣдующихъ обстоятельствъ, хотя бы въ послѣдствіи и пришлось вспоминать поговорку: рада бы курочка на свадьбу кѣтти, да за хохоль волокутъ. Еврей при Фараонѣ или сицилійскій невольникъ въ Римской республикѣ не могли не соглашаться на извѣстный трудъ, между тѣмъ какъ Европеецъ можетъ умирать съ голода и не писать бездоказательной статьи. Вы снова ошиблись. Свободный трудъ г. Головачева обозначаетъ нѣчто другое. Мы видимъ въ его статьѣ что свобода труда зависитъ отъ двухъ условій:

- 1) Трудъ долженъ прилагаться къ собственному капиталу, исключительно въ собственную пользу.
- 2) Трудъ не долженъ, кромѣ гражданской, подлежать и уголовной отвѣтственности; не то (стр. 206) „уголовная отвѣтственность за неисполненіе договора о личномъ наймѣ не можетъ быть названа иначе какъ крѣпостнымъ правомъ въ его чистомъ видѣ.“

Подъ первое условіе ни одинъ трудъ, по законамъ природы, быть не можетъ. Каждое поколѣніе даже пріятный трудъ и нѣтъя обязательно, подъ страхомъ голодной смерти, занимается столько же для себя сколько въ пользу безконечной цѣли нисходящаго потомства. Мы сейчасъ увидимъ что второе условіе, т.-е. независимость отъ уголовной отвѣтственности, не имѣетъ къ свободѣ труда никакого отноше-

ніа. Человѣчество не знаетъ высшаго проявленія свободы труда чѣмъ личный трудъ художника, почему единогласно именуется эту дѣятельность *свободными* искусствами. Одна

„Не продается вдохновенье,  
Но можно рукопись продать.“

Художникъ несетъ рукопись или картину къ редактору торговцу, который наживетъ отъ нея втрое противъ свободы творца. Только всего? Нѣтъ. По *новой* теоріи, законъ возымѣетъ обратное дѣйствіе и, въ имуществѣ покупцу превратитъ давно конченный свободный трудъ въ не свободный. Волонтеръ (*Volontaire*), добровольный, свободный матросъ или сухонутый солдатъ знаетъ напередъ что первомъ его раздумьи о выгодности исполненія на дѣлѣ и нятыхъ имъ обязательствъ его ожидаетъ хорошо какъ некъ, а то и лула въ лобъ. Однакоже никто на свѣтѣ не зоветъ его иначе какъ волонтеромъ. Всѣ отрасли личнаго труда, за малыми исключеніями, во всю длину іерархическаго лѣстницы, связаны, кромѣ гражданской, и съ уголовною вѣтственностью. Отъ фельдмаршала до сестры милосердія отъ министра до стрѣлочника на желѣзной дорогѣ, отъ ректора банка до мелочнаго торговца, всѣмъ, кромѣ гражданской отвѣтственности, приходится, по выраженію г. Головачова, быть *тагаслыми въ судѣ*. При этомъ тягание въ судъ, въ большинствѣ случаевъ, изъ-за неосторожности досмотра и т. д., тогда какъ проектъ Положенія о имѣетъ въ виду привлеченіе къ суду только влостнаго мапа. Все нами сказанное не можетъ быть неизвѣстно г. Головачову. Зачѣмъ же онъ съ такой развязностью обвиняетъ всѣхъ вышеупомянутыхъ дѣятелей *крпостными*?

Итакъ, общія соображенія на которыхъ г. Головачовъ выводитъ дальнѣйшее разсмотрѣніе *проекта* оказываютъ только бевосновательными и, по собственному его признанію, призрачными, но и положительно вредными, какъ всякое блужденіе принимаемое за руководящую нить. Съ каждымъ шагомъ впередъ, удивленіе наше предъ логикою *новости* возрастаетъ. На страницѣ 210 читаемъ: „Но кромѣ этого слышимъ и другіе возгласы, другаго сорта читателей, и слышимъ отъ тѣхъ лицъ которые причисляютъ себя къ охранительнымъ. Какъ, скажутъ, онъ проповѣдуетъ приложеніе труда и капитала, стало-быть онъ не признаетъ соб-

ности и мечтаетъ о раздѣлѣ имущества, да это—коммунизмъ! Да это—соціализмъ! и т. п. Усложитесь, господа! окажемъ мы въ свою очередь. Мы дальше отъ коммунизма и соціализма, чѣмъ вы сами.... Мы не закрываемъ только глазъ на будущее, а не обращаемъ ихъ назадъ къ прежнимъ крѣпостнымъ порядкамъ, не ищемъ въ вихрѣ якоря спасенія и не желаемъ, чтобы вамъ представилась возможность удержать хоть хвостикъ крѣпостнаго права. Мы не только этого не желаемъ, но убѣждены что вамъ, несмотря на всѣ происки, не удастся повратить тѣ блаженныя времена которыя, конечно, навсегда исчезли съ священными словами для каждаго Русскаго: „Да освѣтитъ крестнымъ знаменіемъ крестьянинъ свой свободный трудъ.“ Стало-быть, истинные-то консерваторы стоятъ въ нашемъ лагерѣ, который твердо держится началъ провозглашенныхъ съ высоты престола 19 февраля 1861 года, и если уже искать гдѣ-либо началъ коммунизма, то конечно не въ томъ лагерѣ который защищаетъ свободу труда, а въ томъ который желаетъ, если не закрѣпить, то до крайней мѣры закабалить его и поживиться на его счетъ.“

Мы не обзываемъ г. Головачова ни коммунистомъ ни социалистомъ. На основаніи его статьи невозможно опредѣлить что онъ такое. Мы начали съ того, что:

„Помнятъ невозможно ея  
За то и любить невозможно.“

Если же кто обзоветъ его этими непріятными для него кличками, то виноватымъ будетъ онъ самъ. Охота же ему, говоря о какомъ-то никому невѣдомомъ *свободномъ* трудѣ, безъ всякой очевидной къ нему программы, ссылаться, — на что бы вы думали? — на 19 февраля и провозглашенныя съ высоты престола слова: „Да освѣтитъ крестнымъ знаменіемъ крестьянинъ свой свободный трудъ!“ Кто не знаетъ что священныя слова эти, относившіяся къ крѣпостнымъ крестьянамъ, были мгновенно осуществлены не только въ полномъ смыслѣ значенія, но и въ изумившихъ вселенную размѣрахъ. Каждый крестьянинъ превратился не только въ свободнаго труженника, но и въ землевладѣльца трудящагося, какъ требуетъ г. Головачовъ, надъ собственнымъ капиталомъ. Но мы видимъ недовольство г. Головачова такою свободой труда, а программы своей, невѣдомой намъ свободы, онъ не имеетъ. Если онъ подразумеваетъ покулку крестьянами бѣль-

шихъ имѣній въ собственности, то такая, происходя по всей Руси, у всѣхъ вотариусовъ, не избавляетъ покупателя отъ потребности въ рабочихъ рукахъ. Если рѣчь идетъ объ общественныхъ сыроварняхъ и кустарномъ производствѣ, — тоже въ добрый часъ. Дѣлайте надъ вашею собственностью и на собственномъ страхѣ какіе угодно опыты, но не обзываете непонимающихъ васъ людей коммунистами и социалистами, да къ тому же — *horribile dictu!* — во враждебномъ правительствѣ лагерѣ, въ русскомъ переводѣ: бунтовщиками. Одинаково основательно было бы обзывать ихъ молоканами и чревоущителями. Вотъ, молъ, намъ! При такомъ странномъ обвиненіи нельзя не обратиться къ фактамъ. Весь сыр-боръ загорѣлся изъ-за вопроса: возможенъ ли согласенъ ли съ возвращеніями законодательства 19 февраля проектъ о взысканіи съ рабочаго, за нарушение *договора о наймѣ*, въ уголовномъ порядкѣ штрафа, съ замѣной послѣдняго арестомъ? Возвращенія правительства всего яса видны въ его законахъ. Въ Высочайше утвержденномъ 31 марта 1861 года правилѣ о наймѣ рабочихъ (имѣющихъ по настоящій день полную законную силу), подъ § 82 мы читаемъ: рабочіе самовольно оставившіе работы, сверхъ всылаки на оныя и взысканія, по условію договора, подвергаются наказанію, на основаніи 61—64 ст. Уст. о Нак. на мир. суд., а эти статьи угрожаютъ арестомъ до трехъ мѣсяцевъ. Въ первое время нѣкоторые мировые судьи, вѣданные въ недоразумѣніе заголовкомъ 1й главы правилъ *О наймѣ рабочихъ вообще*, прилагали этотъ законъ ко всѣмъ рабочимъ, въ томъ числѣ и сельскимъ, пока не разъяснилось что эта мѣра охраняетъ исполненіе только казенныхъ общественныхъ и государственныхъ работъ. Итакъ вопросъ о правительственномъ лагерѣ разрѣшенъ самимъ правительствомъ въ смыслѣ совершенно противоположномъ толкованію г. Головачова. Что примѣненіе приведенныхъ нами законовъ къ огромному количеству личнаго труда не повлекло собою никакихъ выдающихся бѣдствій въ рабочемъ классѣ ясно уже изъ того что едва ли г. Головачовъ и подозрѣвалъ существованіе этихъ законовъ, — иначе онъ не отнесъ бы такъ увѣренно въ анти-правительственный лагерь. Но *ошибка въ фальшѣ не ставитъ*. Въ статьѣ г. Головачова мысли съ которыми нельзя не согласиться. Такъ на страницѣ 218 онъ говоритъ: „Нѣтъ, мы думаемъ что жизнь и

условія, выработанныя исторіей, имѣютъ свои права, съ которыми необходимо считаться и принимать ихъ въ соображеніе, хотя бы они и противорѣчили извѣстнымъ принципамъ, осуществленіе которыхъ желательнo. Стало-быть не мы будемъ отвергать необходимость уступокъ данному времени и защищать во что бы то ни стало чистоту теоретическихъ началъ. Дѣйствительно. Если трудно проводить всякую теорію, хотя бы основанную на вѣковомъ опытѣ, по той простой причинѣ что всякая теорія есть субъективный продуктъ человеческой мысли, а жизнь не справляется съ нашими измышленіями; то что сказать о приложеніи къ жизни теорій не имѣющихъ ни историческихъ прецедентовъ, ни сколько-нибудь ясной программы въ будущемъ, и основанныхъ только на сообщеніи извѣстными эпитетамъ значенія какого они не имѣютъ и имѣть не могутъ, какъ это на нашихъ глазахъ и совершается съ эпитетомъ *свободный* въ приложеніи къ труду. Продолжая общія соображенія, г. Головачевъ (стр. 200) ставитъ вопросъ: „Какое значеніе придесть Русскій народъ договору о личномъ наймѣ?“ и за неимѣніемъ другихъ источниковъ, обращается къ собственной практической дѣятельности, *смѣло* увѣряя что народъ „считаетъ работника въ правѣ отказаться отъ работы если онъ проработалъ полученный задатокъ, хотя бы договоръ и былъ заключенъ на болѣе продолжительное время“. Что касается народнаго воззрѣнія на данный вопросъ, то оно ясно изъ вѣковѣчной поговорки: *нанялся—продался*. На практикѣ это воззрѣніе выражается слѣдующимъ фактомъ: Во избѣжаніе дальнихъ разъѣздовъ къ мировому судѣ, многіе нанятые предпочитаютъ жаловаться въ мѣстное волостное управленіе. Но такъ какъ волость въ гражданскомъ порядкѣ можетъ судить однихъ крестьянъ, для разбора же исковъ между лицами другаго сословія и крестьяниномъ необходимы подписки отъ обоихъ что они подчиняются волостному приговору, а такой подписки виновный крестьянинъ, очевидно, не даетъ, то и осталась единственная лазейка—жаловаться въ уголовномъ порядкѣ, отказываясь, разумѣется, отъ гражданскаго вознагражденія. Такая жалоба въ большинствѣ случаевъ ведетъ къ немедленному полюбовному соглашенію между сторонами, въ виду неизбежно ожидающихъ нарушителя договора, по крестьянскому обычаю, розогъ. Наши крестьяне далеко не такіе идеалисты какими ихъ желаетъ представить

наша литература. Они хорошо понимаютъ что „*всякому своего добраго жалко*“, и если въ качествѣ истцовъ и обвинителей бывають недовольны приговорами мировыхъ судей, то только за излишнюю, по ихъ мнѣнiю, снисходительность. Сколько разъ по объявленiю тюремнаго приговора ковокраду, намъ пришлось слышать отъ обвинителей: „что, батюшка, ему тюрьма? Кабы ты по закону, по Божьему, ему голову отрубилъ, такъ бы полно ему насъ разорять-то; да и другому неповадно бы было.“ Не далѣе какъ за полчаса тому назадъ, крестьянинъ, — въ пользу котораго нами присуждена съ обвиняемыхъ, сверхъ возврата порубленныхъ березъ, тройная ихъ цѣнность, то-есть высшая мѣра взысканiя, — не взирая ни на какiе доводы заявилъ на приговоръ неудовольствiе, на томъ основанiи что *такъ* у насъ весь лѣсъ поворачуютъ. При этомъ нельзя мысленно не сопоставить всеобщаго воля, въ литературѣ и въ жизни, о гибельномъ для государственнаго хозяйства повальномъ лѣсоистребленiи и плановъ разведенiя лѣсовъ съ существующими *законными* мѣрами къ ихъ охраненiю. Въ нашей экономiи села Клейменова лѣсной конный объѣздчикъ, заставъ порубщика, стараясь удержать его за воротъ рубахи, который при этомъ разорвался. Порубщикъ, признанный объѣздчикомъ, ударилъ перваго лезвеемъ топора и разсѣкъ ему щеку до достега, причемъ кровь объѣздчика забрызгала рубаху вора. Эта рубаха, признанная за мужнюю женою вора, оказалась съ разорваннымъ воротомъ и въ крови. Тѣмъ не менѣе Орловскiй окружный судъ оправдалъ обвиняемаго, по недостаточности уликъ, а объѣздчикъ остался съ разрублевою щекой.

Слѣдя до сихъ поръ за общими соображенiями г. Головачова мы удивлялись ихъ произвольной постановкѣ и призрачности его афоризмовъ. Это какой-то дымъ, въ которомъ мелькають клочки бумаги съ жестокими словами: „Эксплуатацiя дешевой работникъ, всѣ барыши на долю предпринимателя и все это въ видѣ аргументовъ. Потрудимся поймать абы изъ этихъ *жалкихъ* словъ и присмотрѣться къ дѣйствительному его значенiю.

Насчетъ величины поземельнаго надѣла въ пользу труда его отношенiй къ капиталу, то-есть къ остальной землѣ в дѣльца, во время крѣпостнаго права никто не ставивался не стоваривался. Это исконное количественное отношенiе установилось вслѣдствiе естественнаго таготнiя двѣ

основныхъ факторовъ производства, труда и капитала. Этотъ экономическій законъ выразился въ формулѣ  $1:3$  и даже  $1\frac{1}{4}:3$ . Въ такомъ именно отношеніи находится у насъ помещельный крестьянскій наёмъ къ остальной владѣльческой землѣ. На стр. 204 г. Головачовъ говоритъ: „Если наше отечество и бѣдно капиталами, то обширность его территоріи въ сравненіи съ количествомъ населенія, не допускаетъ окончательнаго паденія заработной платы“. Итакъ самъ г. Головачовъ справедливо высказываетъ что цѣна свободнаго труда у насъ, какъ и въ цѣломъ мірѣ, зависитъ отъ естественныхъ условій, по пословицѣ: „цѣны Богъ строитъ“. Можно, юта совершенно безплодно, роптать на высоту или низменность цѣны, но нѣтъ такого мѣста куда бы можно было приносить на это аппелляціонныя жалобы. Мы сейчасъ увидимъ, гнѣвъ ли нашъ историческій экономическій законъ отношеній между трудомъ и капиталомъ выраженный формулой  $1\frac{1}{4}:3$ . Если такое отношеніе образовалось вслѣдствіе давленія крѣпостнаго права въ пользу капитала, то оно должно бы мгновенно измѣниться въ первый мигъ освобожденія труда. Измѣнилось ли это отношеніе, пусть рѣшаютъ цифры. Не желая пугать читателя лишними подробностями, остановимся на нашей идеальной, по производительности труда, единицѣ въ 500 дес., предположивъ что она находится въ нашей черноземной полосѣ Iго разряда, представляющей наибольшія гарантіи владѣльцу какъ по качеству почвы, такъ и по густотѣ населенія. Ясно что чѣмъ далѣе отъ подобныхъ условій, тѣмъ хуже. Мы приняли за норму хозяйство въ 500 десятинъ не только какъ самое производительное, но и какъ удовлетворяющее всякому имущественному цензу и какъ приблизительную норму землевладѣнія средней руки. Мы видимъ что хозяйственныя фермы въ 500 десятинъ представляютъ капиталъ въ 75 т. Если прибавить по крайней мѣрѣ 5.000 оборотнаго капитала, который въ каждую минуту долженъ быть готовъ въ пользу личнаго труда, то является 80 т. капитала. Если владѣлецъ самъ проживаетъ въ мѣстѣ, то на его помѣщеніе нуженъ еще капиталъ въ 20.000, а въ нашей бѣдной сторонѣ очень немного людей обладающихъ 100.000 капиталомъ. Большинство землевладѣльцевъ стоятъ гораздо ниже этой нормы, а исключительное меньшинство многоземельныхъ тѣмъ самымъ находятся въ еще

невыгоднѣйшихъ отношеніяхъ къ доходности имѣній. Разсмотримъ всѣ способы полученія дохода:

1) Истративъ 75.000 на устройство имѣнія, вы можете отдать его гуртомъ въ аренду крестьянамъ. Они съ удовольствіемъ заплатятъ по 8 руб. кругомъ за десятину, половину денегъ впередъ при заключеніи условія, а другую предъ снятіемъ хлѣбовъ, причемъ за вами оставятъ право не слускать ни колны съ поля до уплаты аренды. Такимъ образомъ, ничего не расходуя, вы получите за 500 дес. 4.000 руб. то-есть  $5\frac{1}{2}\%$  съ капитала. Да это блистательно! Не восхищайтесь заранѣе. Полюбуйтесь вашимъ имѣніемъ черезъ три, четыре сѣвооборота. Построекъ и скота не ищите, а земля будетъ выпахана до невозможности, то-есть станетъ, что называется у крестьянъ, залольною, и они же станутъ обѣгать ее. За то крестьяне-арендаторы разбогачатъ, скажете вы. Въ томъ-то и бѣда что мы не знаемъ этому примѣровъ, а что такіе арендаторы разоряются, этому мы можемъ привести рядъ примѣровъ извѣстныхъ всему уѣзду. Кромѣ того, можетъ случиться что случилось въ нашемъ Землянскомъ соствѣствѣ въ текущемъ году. Крестьяне, уплатившіе первую половину аренды, за неимѣніемъ денегъ на вторую, не стали лодыгать промокшихъ колень съ арендованной земли, и теперь и хозяинъ безъ денегъ, и крестьяне безъ хлѣба. Правда, многіе, большею частію крутые землевладѣльцы, въ виду затрудненій къ правильному веденію хозяйства, придерживаются приведеннаго нами способа. *Но вольному воля.* Перехода къ болѣе рациональнымъ способамъ хозяйства, мы должны опредѣлить норму доходности каждаго. Можно говорить неправду сколько угодно, но ни при какомъ рациональномъ хозяйствѣ нельзя у насъ получить свыше 7 руб. съ десятины. Такая норма дохода скрѣпъ велика чѣмъ мала, причемъ процентъ съ капитала будетъ  $4\frac{1}{2}\%$ .

2) *Способъ* обработки изъ третьей колны. Въ какое угодно время года кликните кличъ что вы отдаете землю вознаграждая крестьянина третьей колной по нашему выбору на каждой десятинѣ, и у васъ отбою не будетъ въ конкурентахъ. Они вамъ все посѣютъ и уберутъ, да еще и вамъ дадутъ подводы на доставку зерна на рынокъ. Обэксплуатации вами крестьянъ и рѣчи быть не можетъ, потому что дѣло идетъ на перебой, и вы только выбирайте исправныхъ хозяевъ, устраняя ненадежныхъ. Изъ колны стоятъ



у васъ на землѣ до конца вашей уборки, а хлѣбъ на корню всегда можно убрать за  $\frac{1}{3}$  его вѣличной стоимости. Вы видите что нашъ законъ объ  $1\frac{1}{4}:3$  и здѣсь вѣренъ самому себѣ. Крестьянинъ хорошо понимаетъ что вы получаете по 7 руб. за каждую десятину, а ему даете за трудъ одну изъ третъ сѣянныхъ, слѣдовательно приносящую  $10\frac{1}{2}$  рублей. Такимъ образомъ капиталистъ получаетъ съ каждой десятины чистаго дохода 7 руб., а трудъ получаетъ  $5\frac{1}{4}$  руб. Этотъ способъ тѣмъ не менѣе ежегодно уноситъ  $\frac{1}{3}$  удобрения въ видѣ соломы и т. д.

3) Кто не знаетъ, говоритъ г. Головачовъ (стр. 225), что большинство сельскихъ работъ производится слѣдующимъ образомъ. Кто не знаетъ, говоримъ мы въ свою очередь, что въ большинствѣ случаевъ землевладѣльцы заключаютъ по окончаніи уборки новые контракты съ цѣлыми обществами, за круговой порукой, на обработку земли отъ 5 и до 6 руб. за десятину, выплачивая всѣ деньги за годъ впередъ, обстоятельство увеличивающее плату еще отъ 30 до 50 коп. на десятину, считая годовые проценты. Этотъ способъ самый бѣдственный. Если между исправными крестьянами окажется хоть треть неисправныхъ, то бѣда и нанятому, и неисправному мужику. Безлечные работники оттаиваютъ дѣло день за день, и у мирового судьи въ уборку армарка, на которой разъясняется что *лодари* набрали въ двухъ и трехъ мѣстахъ такую же работу и получили деньги, и на нихъ разомъ являются три истца.

4) Послѣдній и самый въ экономическомъ смыслѣ рациональный способъ обработки тотъ котораго держится всякій хозяинъ-крестьянинъ и заграничный фермеръ, посредствомъ собственныхъ рабочихъ—*батраковъ*. Только при этомъ способѣ мыслимы тѣ улучшения на которыя указываетъ г. Головачовъ, совѣтующій крупнымъ землевладѣльцамъ обращаться къ квази-ученымъ агрономамъ. Изыдѣльный работникъ не можетъ ни возить фуражи, ни пахать плугомъ, ни сѣять сѣянкой и т. д. Поэтому идеаломъ рациональнаго хозяйства всегда будетъ работа *батраками*. По поводу этой батрацкой работы написана вся статья г. Головачова, подъ знаменемъ афоризма (стр. 200): „Отъ дешеваго работника барыша никогда не бываетъ“. Во имя ея же намъ предлагаютъ слѣдующую цѣль причинностей (Kausalkette): Батракъ дешевъ, потому что эксплуатирована его нужда въ деньгахъ на подати,

вслѣдствіе *несвоевременнаго назначенія сроковъ для платежа повинностей* (стр. 199). Вѣтъ сестрамъ по серьгамъ. Видите какъ легко за письменнымъ столомъ рѣшать судьбы царствъ и народовъ? Даже человѣку стоящему, подобно г. Головачову, по собственному признанію, въ правительственномъ лагерѣ, ничего не стоить упрекнуть собственный лагерь въ нераспорядительности. Эффектъ выходитъ приличный, туману въ глазахъ незнающаго читателя прибавилось но скрывается ли за туманомъ что-либо существенное?

Предъ нами заторможенная цѣль причинностей, на подобіе известной намъ изъ устъ няни сагъ о козѣ неидущей орѣховъ потому что волкъ нейдетъ козу рѣзать, потому что люди неидутъ волка бить, потому что Татаръ не идетъ людей сѣчь и т. д., пока дѣло не дошло до совѣ, которые пошли куръ драть и тѣмъ самымъ растормозили цѣль причинностей. Стоить правительству назначить своевременныя сроки платежа повинностей, не будетъ нужды въ деньгахъ ко времени найма рабочихъ, не будетъ эксплуатаціи, не будетъ дешевыхъ работниковъ. Известно что въ нашей мѣстности, при нормальномъ урожаѣ, крестьянинъ выручаетъ поживности съ коволааника. Повинности собираются въ концѣ осени, когда крестьянинъ продаетъ коволаю, и въ началѣ марта, когда продаетъ мятую пельку. Стоить правительству дожидаться половины зимы, когда крестьянинъ на свадьбы, праздники истратитъ деньги, и половиною лѣта, когда онъ ждетъ не дождется новины, тогда сборъ будетъ свесверменъ и не будетъ ни эксплуатаціи, ни дешевыхъ рабочихъ. Увы! несмотря ни на какія мѣтропріятія, дешевые работники всегда есть и будутъ, и афоризмъ г. Головачова останется неизблѣмъ до конца міра. Если отъ дешеваго медика, повара, учителя, пѣвца нельзя ожидать пользы, то это не значитъ чтобы самый родъ ихъ трудовъ былъ дешевъ. Рядомъ съ дешевыми стоятъ дорогіе дѣятели. Неравенство цѣны ихъ труда лежитъ не въ его специальности, а въ его качествѣ. Это природженное неравенство и составляетъ Ахиллову пяту всѣхъ социальныхъ теорій. Пока на свѣтѣ не переведутся лѣндивые, малосильные и недобросовѣстные люди не переведутся и дешевые работники. Дешевый работникъ это тотъ самый который у землянаго подрядчика попадаетъ изъ перваго разряда въ третій, потому что вмѣсто нормальнаго кубика, сверхъ котораго дюжій работникъ выкидываетъ

значительное число долей, онъ едва выкинетъ  $\frac{1}{2}$  кубика. Поступивъ въ сельскіе батраки, этотъ же дешевой работникъ не сумеетъ ни сладить сохи, ни насадить, ни отбить косы. Все это, не въ счетъ абонементъ, приходится за него дѣлать другому, который этого, естественно, не любитъ. Дешевый работникъ замучитъ вашего дорогаго. На косьбѣ придется за него доходить ряды, а при вѣскѣ подавать снопы. Мы охотно присоединяемъ свой голосъ къ афоризму г. Головачова. Не берите дешеваго работника. Отъ него не только нѣтъ барыша, а чистый убытокъ. Его не то что за жалованье, а изъ-за хлѣба держать не стоить. Но въ лагерѣ въ которомъ стоитъ г. А. Головачовъ и который онъ, вопреки очевидности, считаетъ правительственнымъ, слова имѣютъ не то значеніе которое утверждено за ними вѣками. Да проститъ намъ г. Головачовъ, но что же дѣлать если насъ на каждомъ шагу останавливаетъ въ его статьѣ подтасовка лежащихъ къ дѣлу обстоятельствъ и замѣна извѣстнаго значенія словъ неизвѣстнымъ? Какъ намъ и въ настоящемъ случаѣ остановиться на общепринятомъ значеніи словъ: *дешевый работникъ*? Какъ допустить такую обидную для г. Головачова мысль что онъ печатаетъ афоризмъ сводящійся къ такому плоскому нравоченію: „не локулай дешевыхъ салога, они гвцлы, не локулай дешевой клячи, не доѣдешь“. Не должны ли мы по неволѣ относить слово *дешевый* къ работнику-батраку вообще, сравнивая цѣнность его труда съ цѣнностью земледѣльческихъ рабочихъ другихъ порядковъ? Если при этомъ мы докажемъ что трудъ батрака самый дорогой какъ по отношенію къ нему самому, такъ и къ наемителю, то вопросъ поднятый г. Головачовымъ о дешевизнѣ труда, будетъ разрѣшенъ не въ пользу автора. Разсмотримъ всѣ способы земледѣльческаго производства, начиная съ исключительной раздачи земли въ аренду, мы уже видѣли что вознагражденіе рабочаго идетъ рука объ руку съ возрастающею рациональностью способа разработки. Если мы теперь увидимъ что батракъ, отдающій свой трудъ самому рациональному способу, получаетъ и высшую плату, то предельно къ тому что требовалось доказать. Вспомнимъ что норма издѣльной платы за десятину въ нашей мѣстности пять рублей, считая въ томъ числѣ всѣ издержки производства, какъ-то: пищу рабочаго и его животныхъ, ремонтъ и содержаніе орудій и т. д. Посмотримъ во что обходится та же

десятина обработанная годовымъ батракомъ? Батракъ, при хорошемъ качествѣ работы, не можетъ обрабатывать болѣе пяти десятинъ въ клину и двухъ десятинъ сѣнокоса, всего двѣнадцать десятинъ. Годовая его стоимость слѣдующая:

Батраку жалованья .....	40 р.
Его харчъ.....	36 „
Ремонтъ и содержаніе земледѣльческихъ орудій и сбури.....	20 „ 50 к.
Кормъ двухъ лошадей, не считая подможаго.....	20 „
Ремонтъ на покупку лошади для десятилѣтней службы, въ годъ.....	6 „
Добавочныхъ за вязку десяти десятинъ.....	8 „
Водки на.....	2 „

Всего расходу..... 132 р. 50 к.

Если вычесть изъ этого возку 400 возовъ удобренія, считая по 5 коп. за возъ, что составитъ 20 руб., то выйдетъ что обработка каждой десятины посредствомъ батрака обходится хозяину въ 9 р. 33 к. Спрашивается: не заслуживаетъ ли батракъ, стоящій хозяину и зарабатывающій для себя лично вдвое противъ земледѣльческаго рабочаго другой категоріи, скорѣе названія *дорогаго чѣмъ дешеваго* рабочаго?

Насъ спросятъ: при такой значительной цѣнности труда, принимая нашу же высшую норму доходности расхитительнаго хозяйства, то-есть 7 рублей съ десятины, что составитъ въ трехъ клинахъ 21 руб., а съ приложеніемъ 10 руб. на обработку, 31 руб. валоваго дохода, что же останется хозяину въ качествѣ процента на капиталъ и вознагражденія за его личный трудъ, если изъ этихъ 31 руб. вычесть на батрацкую работу 18 р. 66 к.? Ему останется, какъ всякій сочтетъ, 12 р. 34 к., то-есть 4 р. 11 к. съ десятины; другими словами, не вѣе трехъ процентовъ съ капитала. Правда что продолжалъ съ толкомъ свой мало вознаграждающійся трудъ и отказывалъ себѣ во всемъ, землевладѣлецъ и съ батраками можетъ довести доходность, а вѣе черезъ десять, до нормальныхъ 7 р. то-есть получать на капиталъ  $4\frac{1}{3}\%$ . Кто иначе считаетъ доказываетъ только полное незнаніе хода нашего земледѣлія. Кто бы вы ни были, крупный или мелкій землевладѣлецъ, помножьте число вашихъ десятинъ на 7 руб. и справьтесь съ приходорасходною книгой, равняется ли вашъ доходъ полученному произведенію? Сильно сомнѣваемся чтобы на примѣръ съ 2.000 десятинъ вы получили 14 тысячъ въ де

сатирической сложности. Если же вы получаете больше, будьте уверены что имѣніе ваше расхищается и сходится, какъ говорится, на вѣтъ.

Богаты вѣсколько словъ о совѣтѣ г. Головачова крупнымъ землевладѣльцамъ насчетъ управляющихъ, съ указаніемъ на воспитанниковъ Петровской Академіи (стр. 215), которая могла бы дать хорошей контингентъ людей для подобной дѣятельности, а то у теперешнихъ управляющихъ (стр. 214) всегда одна поговорка: съ рабочими нѣтъ никакого сладу. При этомъ приводятся въ примѣръ заводчики, фабриканты, торговцы, подрядчики, которые гораздо менѣе жалуются тѣмъ наши помѣщики. Чтѣ на это сказать? Тутъ нѣтъ слова не вызывающаго возраженія.

Какой фабрикантъ заключаетъ годовые договоры съ рабочими? Фабрикантъ въ извѣстный день недѣли или мѣсяца назначается за исполняемый трудъ. На чтѣ ему жаловаться? Рабочій ушелъ, другой придетъ на его мѣсто. Да и прежній, нагулавшись и наголодавшись, поневолѣ вернется. Тогда какъ на одинъ батракъ не подумаетъ заключать условія съ значительнаго задатка или жить не перебравши денегъ. Между тѣмъ спросите любого фабриканта, любого хозяина каменнаго заведенія: почему онъ такъ дорого беретъ за вдѣіе и не выставляетъ его въ срокъ? и вы услышите жалобы, а воли. Не жаловаться въ печати не значитъ агитировать.

Какую же роль можетъ тутъ играть рекомендованный авторомъ воспитанникъ Петровской Академіи?

Вся задача коммиссіи сводилась къ разсмотрѣнію вопроса какими законодательными мѣрами исправить или только предупредить общественное зло такъ рѣзко очерченное въ этой же повѣской книжкѣ *Отечественныхъ Змисокъ* въ которой помѣщена и статья г. Головачова. На стр. 378 мы читаемъ: „Все чтѣ только умѣетъ взять въ руки серпъ и косу и все неумѣющее, но жаждущее получить за уборку десяти 25—30 руб., все это покидаетъ нагорную сторону Польши и, какъ саранча, стремится за Волгу, въ Самарскія степи. Брестьяне покидаютъ свои хозяйства, свою землю, не особенно вознаграждающую, кухарки бросаютъ кухню и ухватъ, городской кучеръ бѣжитъ изъ конюшни, покидая на произволъ судьбы лошадей и экипажи, лакей оставляетъ барина, ординарная барыня, — и все пробирается въ луговую сторону.“

Подумаешь что рѣчь идетъ о столпотвореніи Вавилонскомъ. Замѣтьте что даже та же статья описываетъ бѣдствіе все этой (ея собственное выраженіе) *саранчи*, бросившей мѣст экономически правильнаго литавія въ логонѣ за 30ги-рублевую уборкой десятины. Съ своей стороны мы можемъ представить свидѣтельство самарскихъ землевладѣльцевъ, которые дѣйствительно, при нынѣшнемъ замѣчательномъ урожаѣ платили по 25 р. за сѣмку хлѣба съ десятины, и въ концѣ концовъ не получили съ имѣнія ни колѣвѣки дохода. Какъ же вы хотите чтобы люди и цѣлое государство опирающееся исключительно на земледѣліе не задумывались надъ подобными явленіями и надъ мѣрами къ устраненію ихъ? Повторяемъ, къ чему тутъ воспитанникъ Петровской Академіи Тѣмъ не менѣе, настойчивое указаніе г. Головачова на это новаго дѣятеля вынуждаетъ сказать о послѣднемъ нѣсколь словъ. Несмотря на всѣ заявленія прогрессивной (читай (грессивной) партіи, истинный, естественный прогрессъ, слава Богу, очевиденъ. Давно ли всю русскую молодежь прогнали чрезъ двери среднихъ и высшихъ официальныхъ училищъ съ цѣлью приобрѣтенія чива? Ни сама молодежь, ни родители по ней не спрашивали какого рода зрѣлость вынолась изъ этихъ заведеній? Выносился дипломъ на чивъ цѣль достигалась. Съ этой точки зрѣнія и самое отношеніе къ официальнымъ училищамъ было до послѣдней степени просто и ясно. Если искомое благо есть чивъ, то достоинство заведенія будетъ соразмѣрно количеству надѣляемому чиномъ. Другими словами: чѣмъ шире будутъ вступительныя двери въ заведеніе, тѣмъ идеальнѣе оно само; а верховное совершенство будетъ заведеніе раздающее чивы и не имѣющее никакихъ дверей. Такимъ совершенствомъ, если не ошибаюсь, желали сдѣлать Петровскую Земледѣльческую Академію ея основатели. Не знаемъ въ какой мѣрѣ достигается Петровскою Академіей цѣль чинополученія, но нельзя не вѣрить указанію на это заведеніе какъ на источникъ науки. Что сдѣлали эти люди для земледѣльческой науки? Гдѣ указанія на потребность въ подобныхъ людяхъ? Гдѣ запросъ на нихъ? Самъ г. Головачовъ жалуется на отсутствіе такого запроса; между тѣмъ истинный прогрессъ, на который мы указывали, съ каждымъ днемъ личиваетъ запросъ на солидное общечеловѣческое образованіе. Чѣще и чѣще обращаются къ юности со словъ

принеси свидѣтельство что ты добросовѣстно прошелъ свою программу, а никакого чина я отъ тебя не требую. Если будешь дѣльнымъ человѣкомъ, то, при нашей скудости образованія, чинъ или мѣсто, коли они тебѣ нужны, сами тебя найдутъ. Рекомендую богатымъ землевладѣльцамъ студентовъ Петровской Академіи въ управляющіе, г. Головачовъ сразу требуетъ для посаѣднихъ и повѣйшей довѣренности и громаднаго жалованья, а не какой-нибудь 1000 рублей. При этомъ г. Головачовъ проводитъ параллель по другимъ отраслямъ промышленности: фабричной, торговой и т. д., и удивляется что по всѣмъ другимъ отраслямъ люди, на глазахъ у всѣхъ, изъ бѣдьяковъ превращаются, подъ руководствомъ патროновъ, въ богатыхъ специалистовъ; тогда какъ никто и не слышитъ о студентахъ Петровской Академіи на земледѣльческомъ поприщѣ. Г. Головачовъ вѣроятно не знаетъ что проводимые имъ въ примѣръ счастливы дѣятели поступали въ принципаламъ за самое скудное жалованье, которое возрастало по мѣрѣ ихъ заслугъ. Кто же мѣшаетъ и студенту Академіи, поступивъ на скромное жалованье, доказать на дѣлѣ свою полезность? Мы увѣрены что даже земледѣльческая промышленность, при всей своей скудости и безплодности, сумѣла бы дѣть черезъ 10 или 15 оцѣнить честнаго и практическаго дѣятеля по заслугамъ. Какъ же иначе? Не говоря уже о высокомъ вознагражденіи, котораго, въ большинствѣ случаевъ, взять не изъ чего, какой безумецъ вѣрится все свое состояніе неизвѣстному въ нравственномъ и практическомъ отношеніи человѣку только на томъ основаніи что тотъ слушалъ лекціи — ну хоть земледѣльческой химіи? Замѣтьте притомъ что землевладѣлецъ не можетъ не знать что ученый агрономъ совершенно бесполезенъ при всѣхъ упомянутыхъ нами способахъ обработки земли, за исключеніемъ батрацкаго, противъ котораго ратуетъ г. Головачовъ.

Сказаннымъ, если не ошибаемся, исчерпываются общія соображенія предположаемая г. Головачовымъ разбору проекта комитета. Намъ кажется что несмотря на разнообразіе соображеній, незнакомый съ дѣломъ читатель не сумѣетъ выяснитъ себѣ изъ нихъ ни на что жалуется г. Головачовъ, ни въ чемъ состоитъ главная мѣра предлагаемая комитетомъ къ отвращенію зла. Никто изъ здравомыслящихъ никогда не жаловался на то что лич-

но трудящійся не идетъ къ нему на работу или, доживъ договорный срокъ, не возобновляетъ его. Въ этомъ отношеніи законъ ясенъ. При краткосрочной наемкѣ наниматель нанявшійся обязанъ за 15 дней предупредить другъ друга прекращеніи договора. Несоблюденіе этого условія подвергаетъ нанимателя уголовной отвѣтственности, въ видѣ штрафа въ пользу наемника. Жалуются только на то что наемникъ, совершивъ договоръ и забравъ за исполненіе его деньги впередъ, изъ явнаго корыстныхъ цѣлей, отказывается отъ исполненія договора, ссылаясь на маимую несостоятельность и тутъ же, на глазахъ заимодавца, доказываетъ полную свою состоятельность, предлагая оплаченный вами трудъ вашему сосѣду. Человѣкъ заведомо и сознательно продаетъ одинъ и тотъ же трудъ двумъ, тремъ покупателямъ разомъ, ничемъ не знающимъ о приготовленной имъ ловушкѣ. Неужели такія дѣйствія можно, въ какой-либо сферѣ дѣятельности, называть нравственными и добросовѣстными? Человѣкъ не платитъ своего долга. Заимодавецъ, подъ страхомъ наказанія за самоуправство, не долженъ лично расправляться съ должникомъ. Онъ идетъ въ судъ, на которомъ лежитъ обязанность рассмотреть: оказывается ли должникъ несчастнымъ, и злостнымъ банкротомъ. Въ послѣднемъ случаѣ должникъ ждетъ наказаніе. Устраните эту послѣднюю мѣру изъ области всяческаго кредита и посмотрите сколько черезъ нѣсколько дней будетъ банкротовъ. Мы совершенно согласны съ г. Головачовымъ, что случаи уголовного преслѣдованія рабочихъ нанимателями будутъ весьма рѣдки. Человѣку у котораго сыллется рожа некогда развѣзжать по мировымъ судьямъ, но въ данномъ случаѣ дорого не примѣненіе права самое его существованіе. Самъ г. Головачовъ (стр. 207) говоритъ: „одинъ, или два примѣра штрафа“ подѣйствуютъ на рабочаго. На наши глаза несоразненно справедливѣе и ловчнѣе посадить подъ арестъ двухъ, трехъ рабочихъ, въ шихъ, тайкомъ отъ сельскаго общества и отъ нанимателя въ трехъ мѣстахъ деньги за одинъ и тотъ же трудъ, чѣмъ взыскивать съ исправныхъ его односельцевъ, въ силу круговой поруки, нѣсколько разъ по триста рублей неустойки. Уже указали на давнишнее существованіе уголовного преслѣдованія рабочаго со стороны предпринимателей общественныхъ работъ. Какое же зло произошло отъ этого закона? Существованіе рабочихъ книжекъ не новость въ нашемъ



ководительствѣ. Извѣстно что рабочая книжка настолько же оберегаетъ интересы наемника какъ и нанимателя. Сколько разъ намъ лично приходилось слышать слѣдующее:

— Овъ мѣ, батюшка, зажитого не отдастъ.

— А есть книжка?

— Какая книжка! Будто свои люди; сходились по душѣ.

— Да слышите, овъ говорить: отдалъ, а вы говорите: не отдавалъ. Гдѣ же ваши доказательства?

— Какъ же, батюшка, вѣдь жалко своего-то. Вотъ я тебѣ и него и доказываю.

— Я уже усталъ говорить всѣмъ: не нанимайся безъ книжки.

— То-то нашъ братъ, мужикъ, гауль-то.

— Гаупость-то и доводитъ до убытковъ.

Слѣдъ невольна шагъ за шагомъ за общими соображеніями Головачова, мы тѣмъ не менѣе въ такомъ реальномъ во-

просѣ какъ настоящій охотнѣе всего опираемся на факты. Мы никакъ не можемъ забыть обращенныхъ къ намъ въ 1911 году (еще до изданія правилъ о наймѣ рабочихъ) упре-

къ крестьянина, узнавшаго что мы закрѣпили нашъ догово-

ръ о годовомъ наймѣ съ его племянникомъ формальнымъ

словіемъ. Крестьянинъ этотъ, довольный всѣми частями

говора, не переставалъ восклицать: „всѣмъ, батюшки, мно-

годовольны; да зачѣмъ ты малаго подъ *кундрахъ* подвелъ!“

Мы не забыли тѣхъ дикихъ, чисто средне-азиатскихъ драмъ,

кнутами и дреколями, которыя ежедневно разыгрывались,

поводу потравъ, по всѣмъ владѣльческимъ землямъ. Не

мѣе памятно намъ то ребяческое глауменіе съ какимъ тог-

нивая прогрессивная (читай: регрессивная) печать отнеслась

къ нашимъ указаніямъ на эти безобразія. И что же? Нѣ-

сколько словъ положительнаго законодательства радикально

изменила дѣло. Съ одной стороны, за исключеніемъ немно-

гихъ исключеній, куда до глухаго вѣсти еще не доходили,

нашей мѣстаости никто не нанимаетъ и не нанимается

работники безъ письменнаго условія, засвидѣтельствован-

наго въ волости или у мирового судьи; съ другой стороны,

въмѣранныхъ потравъ не существуетъ, а случайныя то-

праты, и если лопушаются на судебныхъ разбирательства,

обсуживаются въ нѣсколько словъ, на томъ простомъ

основаніи что улавта штрафа по таксъ обезпечена немедлен-

но продажей съ аукціона животнаго луценнаго на чужую

землю.

Мы сейчасъ видѣли какъ невыгодно и даже разорительно отсутствіе законно оформленныхъ условій для наемника. Приведемъ одинъ изъ тысячи примѣровъ безобразія вытекающаго не столько изъ отсутствія этихъ условій, сколько изъ отсутствія законныхъ гарантій къ ихъ исполненію. Годъ три тому назадъ, въ самый развалъ локулокъ рекрутскихъ квитанцій, добродушная барыня обращается къ намъ съ слѣдующими словами: „Вы мировой судья?“—Къ вашимъ условіямъ.—„Посоветуйте что мнѣ дѣлать. У насъ былъ лакей свискавшій кротостію и усердіемъ расположеніе всего дома. На слезныя обѣщанія его отслужить у насъ не мѣнѣе плачѣть, мы купили ему рекрутскую квитанцію за 1.000 руб. И черезъ недѣлю по полученіи денегъ онъ, кромѣ совершеннаго нерадѣнія къ должности, сталъ невыносимо грубъ, повторна малѣйшее замѣчаніе неизмѣнно: ну, такъ пожалуйте рѣчь.“ Каждый предвидитъ нашъ отвѣтъ: „Какой же тутъ можетъ быть расчетъ? Еслибы ваши условія и были оформлены законнымъ порядкомъ, то и тогда законъ не могъ бы обезпечить пятилѣтняго личнаго найма, а поэтому и самое врученіе вамъ 1.000 рублей является простою ссудой неостоятельному лицу. Забудьте о 1.000 р. и прогоните грубаго лакея.“

предположимъ что договоръ о личномъ наймѣ между приведенными лицами былъ бы оформленъ на самыхъ законныхъ основаніяхъ, то-есть годовой лакей нанятъ за 200 р. съ увеличеніемъ за полгода впередъ жалованья. Сегодня онъ lucrалъ деньги и сегодня же ушелъ къ другому нанимателю. По закону онъ долженъ буквально исполнить договоръ, есть дожить до срока, о чемъ истица и проситъ мировой судью. Что же выйдетъ при настоящемъ положеніи дѣла въ судебномъ разбирательствѣ и въ послѣдствіе онаго? „Вы написали этотъ договоръ?“ спроситъ судья.—*Отв.* „Я“ — *В.* „Почему же вы самовольно ушли?“ — *Отв.* „Не желаю больше жить у нихъ.“ — *Вопр.* „Вы не имѣете никакихъ другихъ причинъ?“ — *Отв.* „Не имѣю.“ Мировой судья, во имя закона не можетъ написать другаго рѣшенія, какъ: „Обязать кого-то дожить договорный срокъ“ и выдать истцу исполнительный листъ; но за отсутствіемъ въ законѣ указаній какимъ образомъ обезпечить исполненіе рѣшенія, ни мировой судъ, ни полиція не могутъ ничего сдѣлать въ удовольствіе вполнѣ законной просьбы пострадавшаго. Какъ же сослаться на слова указа Петра I, выставленная въ

лѣтъ статьи г. Головачова: „все законы писати, если ихъ не исполнять“. Для не знающихъ или не желающихъ знать истъ законныхъ гарантій, предоставляющихъ добросовѣстному работнику право на разрушеніе договора, скажемъ что ихъ много, начиная со смерти одного изъ рабочихъ членовъ его семьи до дурнаго обращенія или содержанія со стороны нанимателя, и даже выхода замужъ работницы. Всѣ эти законоположенія представляютъ гарантіи, кромѣ имущественнаго обезпеченія въ пользу наемника, тогда какъ нанимателю на большія суммы сельскихъ батраковъ, въ случаѣ яснаго уразумѣнія послѣдними ихъ повѣйшей безответственности, остается въ утѣшеніе только цитата г. Головачова: „все законы писати, если ихъ не исполнять“. Мы, признавая, даже не поняли въ чемъ г. Головачовъ видитъ зло могущее произойти отъ обязательной для рабочаго и, главное, для нанимателя рабочей книжки? Эта несчастная книжка не столько охраняетъ общество отъ недобросовѣстнаго рабочаго, сколько отъ недобросовѣстнаго конкурента-сосѣда. Если у послѣдняго не хватаетъ честности устоять отъ соблазна переманить въ горячее время дешеваго для него и чрезвычайно дорогаго для меня рабочаго, котораго я содержалъ напрасно круглый годъ, то законъ обязанъ наказывать такую недобросовѣстность наравнѣ со всякимъ другимъ безвѣстнымъ поступкомъ. Если съ рабочаго въ большинствѣ случаевъ взять нечего, то пусть капиталистъ, безсовѣстно нарушающій мое законное право, заплатитъ мнѣ неизбѣжный штрафъ за свой поступокъ. Отсутствие въ книжкѣ удочеренія нанимателя объ окончательномъ разчетѣ съ работникомъ должно исключать возможность какъ поступленія рабочаго на новое мѣсто, такъ и перемѣны самой книжки. Напрасно г. Головачовъ указываетъ на внезапныя слѣдствія работъ на желѣзныхъ дорогахъ во время метелей и т. п. Во всякомъ случаѣ, метели бываютъ въ зимнее время, т.-е. когда рабочія книжки уже будутъ въ порядкѣ и, слѣдовательно, на желѣзныхъ дорогахъ не представится затрудненій удочеренія, такъ что онѣ не нарушаютъ ничьего права, а во всякомъ случаѣ, мы никакъ не можемъ стать на точку зрѣнія съ какой-либо желѣзной дорогѣ или иному юридическому лицу, предоставлялась бы прерогатива безнаказаннаго посягательства на чужую собственность. Если даже, устранивъ равнодушіе предъ закономъ, взглянуть на земледѣліе и

желѣзныя дороги съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ, то перевѣсъ перваго надъ вслѣдующими путями сообщеній окажется несоизмѣримымъ.

Рабочія книжки, какъ мы видѣли, у насъ не новость и постоянно въ ходу при наймѣ рабочихъ большими партіями такъ какъ безъ нихъ никакое судебное разбирательство и мыслимо. Но въ общемъ дѣлѣ найма рабочихъ онѣ далеко не достигаютъ цѣли только потому что не обязательны. Въ нашей мѣстности онѣ замѣняются печатными бланками, въ которыхъ только проставляется имя работника, срокъ найма и договорная плата. Въ сущности это та же рабочая книжка но такъ какъ такое условіе не обязательно, то никто не можетъ знать, заключено ли подобное же условіе работникомъ одновременно съ двумя, тремя лицами въ той же волости или въ различныхъ волостяхъ, что, какъ мы видѣли выше, нерѣдко бываетъ со стороны крестьянъ обманывающихся въ нѣсколькихъ мѣстахъ издѣльною работою, сверхъ того обязательству цѣлымъ обществомъ, за круговою и рукою. Правда, въ виду возникающихъ отсюда волюнтаризма и неурядицъ мировыми посредниками не разъ подтверждаемо волостнымъ правленіемъ что бы они не свидѣтельствовали такихъ двойныхъ и тройныхъ условій, но нечего и говорить что вслѣдствіе необязательности самыхъ условій возникающей изъ нея трудности контроля для безграмотныхъ старшихъ, при волостныхъ писаряхъ которые, большинствѣ случаевъ, за гривенникъ засвидѣтельствуютъ что угодно, такіа предписанія оставались гласно волюнтаризма въ лустынь, тогда какъ обязательность книжки для нанимателя и наемника разъ навсегда устраняетъ въ эту безурядицу. Желающій поступить въ услуженіе бланки, далеко ли, долженъ имѣть рабочую книжку и хранить также тщательно какъ въ настоящее время хранить свой паспортъ или безсрочно-отпускной билетъ. Если въ книжкѣ имѣть удостовѣренія о прекращеніи договора, подписаннаго нанимателемъ, засвидѣтельствованнаго волостнымъ правленіемъ по мѣсту исполненія договора, то по такой книжкѣ никто не можетъ принимать рабочаго, и правленіе по мѣсту его жительства не можетъ давать новой книжки взаменъ старой, если желающій возобновить ее не представитъ удостовѣренія послѣдняго нанимателя объ утратѣ книжки. Въ этомъ необходимо чтобы каждое фальшивое удостовѣре-

волостнымъ писаремъ преслѣдовалось въ мировыхъ учрежденіяхъ какъ всякій другой подлогъ и мошенничество. Мы увѣрены что въ виду подобной мѣры не будетъ ни одной фальшивой подписи.

Что касается до практическихъ замѣчаній г. Головачова, то они оказываются не болѣе основательными чѣмъ его общія соображенія. Напримѣръ, на стр. 205 и 209 авторъ указываетъ на невозможность формулировать въ договорѣ, съ одной стороны, качества сельской работы, а съ другой—обязательное для хозяина содержаніе рабочаго. Можетъ-быть на бумагѣ и въ кабинетѣ это очень трудно; но на дѣлѣ, въ письменномъ условіи достаточно помѣстить слово „хорошо“, и предоставить практическое разрѣшеніе этой формулы, какъ это необходимо и при тончайшемъ ея развѣтвленіи, мѣстному тѣмъ, въ лицѣ мирового судьи или волостнаго старшины. Не говоря уже о судѣ, мы увѣрены что нѣтъ ни одного, хотя бы самаго тупоумнаго старшины, который не разобралъ бы хорошо ли вспахано или скошено, и хорошо ли кормятъ рабочаго. Если напыхано сохой, безъ огрѣховъ, три борозды аршинѣ, глубиною въ два вершка, и скошено безъ подальды, то хозяинъ жалуется повалрасну; если рабочимъ въ день отпускается по два пуда муки и двойная, противъ солдатскаго лайка, порція крупъ, въ размѣрѣ трехъ гарнцевъ, съ приваркомъ въ видѣ солощины, сала, коноплянаго масла, картофеля, молока и т. п., чего дома у большинства рабочихъ нѣтъ, то рабочіе жалуется налрасно. Это столь практическое замѣчаніе г. Головачова оказывается его единственнымъ относящимся къ дѣлу замѣчаніемъ, если не считать указанія (на 220 стр.) на § 5 проекта о недопущеніи женамъ и несовершеннолѣтнимъ заниматься безъ разрѣшенія мужей и родителей.

Этотъ параграфъ проекта, подобно другимъ, не представляетъ ничего новаго, а въ видѣ кореннаго закона дѣйствуетъ въ время. Какихъ бы вы ни надавали задатковъ замужней женѣ или несовершеннолѣтнему, стоить мужу, родителю или другому указать на отсутствіе своего согласія, и судъ обязанъ, не смотря ни на что, препроводить нанявшееся лицо на место первобытнаго жительства. Хотя требованіемъ формулированія такихъ отношеній г. Головачовъ, ратующій во имя противъ формулированія, и становится въ противорѣчіе съ самимъ собою, тѣмъ не менѣе мы вполнѣ согласны

съ нимъ что разрѣшеніе въ давномъ случаѣ поступленія неправопособнаго лица на работу должно быть предоставлено суду. Но не такъ какъ требуетъ г. Головачовъ, однимъ мировымъ судьямъ, а по подсудности. Мы не вѣруемъ ни въ лапскую, ни въ собственную нелогичность; не считаемъ долгомъ подѣлиться съ желающими нашею девятилѣтнею опытностію сельскаго мирового судьи. Не оставаясь на вопросахъ какимъ образомъ, почему и т. д. сложились основы крестьянской реформы, мы должны признать что тысячи случаевъ возбуждали и возбуждаютъ въ насъ сознаніе что краеугольные камни реформы заложены съ безошибочностію самой природы. Мы вовсе не желаемъ сказать что самое зданіе воздвигнутое на этихъ камняхъ завершено; не утверждаемъ чтобъ это зданіе выигрывало въ прочности и удобствѣ отъ частыхъ передѣлокъ; мы только убѣждены ежечаснымъ опытомъ что камни заложены безошибочно. При закладкѣ зданія необходимо было имѣть въ виду два міра не имѣющие, кромѣ общечеловѣческихъ понятій о нравственности, ничего общаго. Здѣсь не мѣсто упреждать на рѣзкую противоположность двухъ слоевъ, чистаго народнаго и народно-европейскаго, одного внизу, другаго сверху зданія. Если, съ одной стороны, никакія измышленныя въ силахъ задержать естественнаго хода вещей, по которому все растетъ къ верху, по той простой причинѣ что житейскихъ дѣлахъ идти назадъ не выгодно; то съ другой стороны, безразсудно спускаться въ цѣлый міръ самобытныхъ преданій, привычекъ и естественныхъ условій времени съ заранѣе готовыми идеалами и шаблонами, къ какому высокому міросозерцанію они ни принадлежали. Если мы чуждъ современемъ неизбежно надѣваетъ фракъ или пиджакъ кирасъ, то изъ этого не слѣдуетъ чтобъ его необходимо было ридить въ нихъ съ колыбели. Ни для кого не таинственно что наши волости далеки не только отъ совершенства, но даже отъ мало-мальски терпимаго. Кто, подобно г. Головачову, не отдастъ предпочтенія приговору мирового судьи предъ волостнымъ? Сами крестьяне толпами осаждаютъ судебныя камеры съ цѣлю избѣгнуть волостнаго суда. Не лучше бы, казалось, проще какъ отворить въ нихъ двери насъ всему народонаселенію и, *eo ipso*, превратить волостныя яменія въ пустыни? Такъ думали и мы девять лѣтъ назадъ, при вступленіи въ должность; но долгодѣтній опытъ

равенъ насъ къ совершенно противоположному заключенію. Теперь мы говоримъ: подчините волостныя правленія въ ассоціионномъ порядкѣ кому хотите, хоть тѣмъ же мировымъ судьямъ, лишь бы поближе можно было обращаться съ ассоціей, и все пойдетъ отлично, предполагая что судьи въ крестьянскихъ дѣлахъ будутъ держаться крестьянскихъ бычьевъ и приглашать на разбирательство стариковъ изъ крестьянъ. Только не трогайте крестьянскаго волостнаго суда и сельскаго схода. Если же вы залустите вашу европѣйско-юридическую руку въ своеобразный крестьянскій миръ, то вмѣсто пользы и добра внесете въ него волюющую неправду, разорительный произволъ и путаницу достойную этого дома. Не ломаемъ, приводили ли мы гдѣ-либо слѣдующій случай изъ нашей практики:

Въ первое время, когда еще мировые судьи разбирали оскорбленія между мужемъ и женой, крестьянинъ требовалъ отъ насъ возвращенія ему отъ зятя собственной жены, матери жены его тещи; на судебномъ разбирательствѣ выяснилось что крестьянинъ, послышавъ свою жену на зимнюю молотью за семь верстъ, послалъ ей салтей, и она ходила туда въ однихъ ошубкахъ; зять не давалъ ей хлѣба, и когда она милостыней набирала хлѣба и лепешекъ въ суму и каала послѣднюю въ чуланъ, мужъ и дѣти отъ первой жены поѣдали все, не оставляя ничего. Когда выведенная изъ терпѣнія баба ушла въ ошубкахъ за семь верстъ къ замужней дочери, и прожила у нея хлѣбахъ и въ ея одеждѣ всю непродуцительную зиму, мужъ ея, въ виду приближающихся весеннихъ работъ, послалъ къ зятю, исправному и прекрасно одѣтому крестьянину, требуя возвращенія жены. Зять отвѣчалъ что возвращать тещу, но не обязанъ одѣвать ее, такъ какъ прежняя одежда развалилась, и въ настоящее время она съ ногъ до головы во всемъ дочеринномъ; а между тѣмъ тесть, какъ видно, не привезъ никакого платья. На это тесть отвѣчалъ что съ нимъ два веретя въ савяхъ, и пусть жена его раздѣется до-нага, а онъ, завернувъ ее въ веретя, увезетъ ее. На это зять не безъ основанія замѣтилъ что такъ не отпуститъ тещу, такъ молъ взять одѣхъ свиней. Въ виду угрожающаго возврата къ мужу, баба умоляла о выдачѣ ей разрѣшенія смискивать пропитаніе личнымъ трудомъ въ тридцативерстномъ околоткѣ. Не имѣя то прямыхъ законовъ данныхъ мы постарались

достигнуть желаемого результата окольнымъ путемъ, и скрывая стороны на миръ, представила крестьянину на выборъ: или арестъ за самоуправное обращеніе съ женою, и выдачу ей разрѣшенія на сторонній трудъ. „Я желаю выдать, отецъ нашъ крестьянинъ, волчий паспортъ“, объяснило что подъ этимъ онъ разумѣетъ: „чтобы она, какъ волкъ, съ нялась гдѣ день, гдѣ ночь.“ По разъясненіи что такихъ паспортъ не бываетъ, и что его, къ рабочей порѣ, ожидаетъ трехмѣсячный арестъ, крестьянинъ выдалъ желаемое разрѣшеніе. Въ видахъ скорѣйшаго опредѣленія несчастной женщины къ мѣсту, мы дали ей рекомендательное письмо къ хорошему знакомому, доктору Е., который тотчасъ нанялъ ее въ годовыя кухарки, выдавъ десять рублей в. редъ на одежду, взаимъ бывшей на ней чужой. Каково было наше удивленіе, когда, недѣлю спустя, вызванная жалобъ доктора Е., убѣждавшая въ новомъ платьѣ кухарка на вопросъ нашъ о причинѣ ея бѣгства, отвѣчала: „Самое ли это дѣло, развѣ возможно законной женою врозь мужемъ жить?“ Мы уже говорили выше что мировые суды первоначально примѣняли статьи о наймѣ рабочихъ на общественныя и государственныя работы къ найму рабочихъ вообще; когда указали отвѣтчицѣ на арестъ, на основаніи ст. Уст. о Нак. нал. Мир. Суд., то она безпрекословно и вратилась къ мѣсту служенія. Предоставляю судить читателямъ, въ какое безвыходное положеніе поставило бы судъ отсутствіе 61 статьи, примѣненіе которой ко всемъ рабочимъ и составляетъ единственное дополненіе выставленнаго проекта. Не явился ли бы мировой судья, въ данномъ случаѣ, какимъ-то невѣроятнымъ сообщникомъ безчестнаго мана?

Ролца противъ судебныхъ гарантій оплаченнаго личнаго труда, г. Головачовъ упорно указываетъ на какія-то этическія гарантіи основанныя на выгодности добросовѣстнаго исполненнаго договора для наемника. Если одна выгода ляжетъ въ основу гарантій исполненія договоровъ, то она рѣше явится гарантій неисполненія. Что можетъ быть выгодно какъ продать одну и ту же вещь за наличныя деньги въскольکو рукъ, не выдавая ее въ сущности никому?

Такова именно на дѣлѣ та эфемерная гарантія съ кот. лицомъ къ лицу осталась вся наша частная промышленность. Вы съ осени или съ весны подрядили партію рабочихъ давъ имъ значительный задатокъ; партія на вашъ с



прибыла по желѣзной дорогѣ ко времени уборки; проработала день, и видя что хлѣбъ сыпается, ложится на межу, требуя двойной или тройной платы и угрожая при отказѣ уходомъ. Спрашивается: чему гарантіей служить въ данномъ случаѣ личная выгода? „Не давайте задатковъ и не запасайтесь впередъ рабочими руками“, говорятъ шиме мудрецы. Не запасайтесь провіантомъ пускаясь въ кругосвѣтное плаваніе, скажемъ мы въ свою очередь морякамъ жалующимся на мошенничество подрядчиковъ. Не приводите въ прищѣръ иностранцевъ, у которыхъ конкуренція рабочихъ силъ дошла до эмиграціи. Какой безумецъ станетъ рисковать задатками тамъ гдѣ въ уборку иво ворѣхъ юрѣ на перебой выдѣлають пролетаріи аичущіе рабочіе? Если мы, слава Богу, не доживемъ до русскаго пролетаріата, то не должны предвѣрительно закрывать глаза предъ неизбежнымъ будущимъ. Дѣйствующія нынѣ правила о наймѣ рабочихъ, концы перифразъ представляетъ проектъ, не даромъ названны временными. Эти временныя правила съ безукоризненною справедливостію наказываютъ нарушителей договора о личномъ наймѣ какъ въ лицѣ наемщика, такъ и въ лицѣ наемника. У наемщика, если въ не крестьянинъ, какъ у всякаго правоспособнаго гражданина, не только можно, но должно, при заморозкѣ штрафа, продавать все, хотя бы пристава пришлось выгнать его семействомъ на морозъ. Съ точки зрѣнія состраданія, это не печально; но съ юридической и вообще соціальной, это только естественно. Какъ никто не можетъ отговариваться невѣдѣніемъ законовъ, такъ ни одинъ правоспособный не можетъ отговариваться невпредусмотрительностію при заключеніи свободнаго договора. Между тѣмъ при обращеніи вызваній на крестьянина, распоряженія совершенно иного порядка не допускаютъ распродажи собственности отвѣтчика стоащей въ залогъ у правительства. Никто не станетъ ожидать что такое стороннее вмѣшательство въ экономскія отношенія договаривающихся справедливо; но оно, къ сожалѣнію, стоитъ на гораздо болѣе прочномъ основаніи справедливости: оно необходимо. Но вѣдь это положеніе временное; черезъ 25 или 30 лѣтъ крестьянская земля выйдетъ изъ залога, и крестьянинъ сдѣлается не только собственникомъ, но и землевадѣльцемъ; заимствуемъ при этомъ изъ той же юрьской книжки *Отечественныя Записки* (стр. 294) вѣмецкую пословицу: „Gesamt Gut, ver-

dammt Gut“ (общинное владѣніе, проклятое владѣніе). Оче видно что правительственная олека надъ самымъ многочисленнымъ классомъ населенія есть мѣра временная, по упраздненіи которой мыслимы только чисто экономическія отношенія. Но вѣдь это отдаленное будущее, а вопросъ идетъ о временныхъ правилахъ для ежедневнаго обихода. При этомъ никто не говоритъ ни о желаніи или нежеланіи вступать въ свободныя договоры, ни о дѣвѣ на трудъ, не зависящій отъ людскаго произвола; весь вопросъ въ томъ какія мѣры принять къ отвращенію возрастающей недобросовѣстности наемниковъ въ виду полной безнаказанности преднамѣреннаго мошенничества? Мало ли что вамъ выгодно, и едва ли что можетъ быть выгоднѣе самоуправнаго нарушенія договора исполненнаго другою стороною. Что можетъ быть выгоднѣе продажи одной и той же вещи, за наличныя деньги, въ разныя руки? Вы наняли лѣтняго рабочаго, и наняли на добросовѣстнаго предусмотрительнаго человѣка, не забирающаго денегъ впередъ; къ 15 августу онъ исполнилъ всѣ ваши сельскія работы; какая же выгода держать его по 15 ноября, до заговенья? Вотъ, молъ, тебѣ, голубчикъ, безобидно денежки въ разчетъ по сегодняшній день, и ступай ты домой къ отцу молотить хлѣбъ. Но тутъ какъ разъ является мировой судъ съ невыгоднымъ для наемателя закономъ. Вы, молъ, имѣете полное право отлустить невыгодныхъ для васъ рабочихъ, но ужъ потрудитесь кстаті разчитать ихъ по 15 ноября.

Выше мы представили разчетъ матеріальной выгодности нашей земледѣльческой промышленности, дающей подъ двойнымъ давленіемъ дорогаго производства и дешевизны продуктовъ не свыше 4 $\frac{1}{2}$ % на затраченный капиталъ. Но страдаетъ отъ недобросовѣстности рабочаго не одна эта убогая промышленность, съ которой, замѣтите мимоходомъ, по пословицѣ „noblesse oblige“, требуютъ и путей сообщенія, и народныхъ школъ и больницъ, и затратъ на книги и журналы, и солиднаго образованія собственныхъ дѣтей, и... во всего не перечтемъ. Страдаютъ сами рабочіе и, что всего плачевнѣе, соразмѣрными степенями собственной добросовѣстности. Въ свое время мы продали гласности сѣдующее событіе при постройкѣ Орловско-Грязской дороги. Предъ самымъ покосомъ, 300 рабочихъ изъ партіи радчика К. объявили что уходятъ домой. Не безъ великихъ усилій, намъ удалось склонить къ миролюбивому соглашенію всю партію, причемъ уже по заключеніи новаго договора 15 человѣкъ объявили что уйдутъ не взирая на

на что. По распоряженію нашему, слушники были рассажены по пяти человекъ подъ арестъ въ три волости, и десять человекъ на другое утро рано заявили что идутъ на работу; остальныхъ пять мы освободили изъ-подъ ареста по независящимъ отъ насъ обстоятельствамъ. Выпуска этихъ пяти человекъ изъ-подъ ареста было достаточно для произведенія бѣдствія въ ужасающихъ размѣрахъ. Безвакантность этихъ пяти мгновенно пролетѣла по всей линіи, и половина рабочихъ ушла, унося съ собою плату слѣдовавшую добросовѣстью продолжавшимъ работу. Рядчики, получающіе изъ главной конторы деньги издѣльно, пришли съ окончаніемъ работы, въ осенніе дожди и холода, къ невозможности разчитать добросовѣстныхъ рабочихъ, такъ какъ деньги унесены мошенниками. Несостоятельный рядчикъ прячется; оборванные, разутые, голодные и холодные рабочіе сотнями приходятъ осаждаютъ судейскую камеру, принося съ собою тифозную горячку. Какъ убѣдить сотни безграмотныхъ людей что вмѣсто заработанныхъ 30 или 40 р. слѣдуетъ, по общему расчету, изъ представленной судѣ несостоятельнымъ рядчикомъ суммы получить 4 рубля? Но вотъ, со слезами, проклятіями и тифомъ, ограбленные рабочіе уходятъ. Оказывается что ограбленный рядчикъ повелѣтъ ограбилъ, сверхъ добросовѣстныхъ рабочихъ, всю мѣстность прилегающую къ полотку дороги: за квартиры, сѣно и овесъ коннымъ подводамъ, за работу мѣстнымъ коннымъ рабочимъ, за сало, муку, крупу и т. д., за право разработки каменныхъ и песчаныхъ карьеръ никому не улачено; на котлы, тачки, колеса, доски, балаганы наложенъ арестъ, и никто не берется хранить ихъ; словомъ, бѣдствіе выходитъ полное. Вы скажете что это бѣдствіе проявляется только на желѣзныхъ дорогахъ? Ошибаетесь, оно ежедневно повторяется въ меньшихъ размѣрахъ по лицу всей Русской земли и въ частныхъ предпріятіяхъ. Въ истекшемъ году мы производили хозяйственныя постройки, частію каменные, частію деревянные, подъ солончанный мачесъ; плотничья работа была нами отдана зажиточному крестьянину, по письменному условію кончить всю плотничью работу къ 1му юня, съ платой со стороны нарушителя условія 300 рублей неустойки. Кровельщикъ, списывающій пропитаніе личнымъ искусствомъ и почти сверхъестественнымъ трудомъ, въ виду письменнаго условія богатого рядчика-плотника, охотно согласился поступить на работу во всякое время, тотчасъ по окончаніи плотничьей

работы, и тоже подѣ страхомъ неустойки. Съ самой Масляной Иванъ Тимоѣевъ выставилъ надлежащее количество дорогихъ плотниковъ, и къ Святой вся черновая работа и заготовка матеріала была окончена. Рядчикъ-каменьщикъ тоже не заставилъ себя ждать. Послѣ Святой пришелъ сѣвъ, плотники разбѣжались, подошелъ покосъ, разбѣжались, подошла хлѣбная уборка, и трое послѣднихъ ушли. Между тѣмъ подошли осенніе холодные дожди, и несчастный кровельщикъ, прибывъ на мѣсто работы съ двумя помощниками, пришелъ въ отчаяніе въ виду неоконченной плотничьей работы. „Что жъ я буду дѣлать въ дождикъ и холодъ на крышѣ?“ кричитъ кровельщикъ. „Мнѣ теперь изъ-за него приходится издохнуть на ней какъ собакѣ.“ — „Что жъ я буду дѣлать съ вами“, кричитъ Иванъ Тимоѣевичъ, „они денежки-то забрали, да и ушли, а я теперь поневолѣ долженъ подлецомъ оставаться.“ Но вѣдь и сельской экономіи невозможно безъ крыши зимовать. Хорошо что Иванъ Тимоѣевъ слѣпо вѣрилъ что съ него не возьмутъ неустойки. Но неужели подобное положеніе вещей можетъ считаться нормальнымъ? Отчего мировой судья, продавшій свой трудъ въ извѣстной мѣстности и уѣхавшій изъ оной безъ законнаго отпуски, быть-можетъ и по самымъ уважительнымъ причинамъ, долженъ, сверхъ вычета жалованья, подлежать и уголовной отвѣственности, а батракъ или кучеръ имѣютъ право бѣжать со своего поста безнаказанно во всякое время?

Переходимъ къ другому практическому замѣчанію г. Головачова. По поводу § 59 проекта, что оскорбленіе на словахъ одѣланное хозяиномъ нанявшемуся, если къ тому былъ данъ какой-либо поводъ со стороны послѣдняго не влечетъ отвѣтственности. Вопросъ этотъ, связанный съ другими его спутниками, требуетъ болѣе точнаго разъясненія. Законъ, какъ бы имѣя въ виду однихъ городскихъ жителей, караетъ всякое буйство, драки, пьянство, кулачные бои и т. д. только въ публичныхъ мѣстахъ, объявляя притомъ что вашъ частный домъ, деревенскій дворъ или садъ нельзя считать публичнымъ мѣстомъ. При не разъясненіи этого вопроса, можетъ случиться слѣдующее: пьяные люди, не щадя ушей вашихъ домашнихъ, заведутъ брань или драку въ домѣ или на дворѣ; вы крикните „Что вы тутъ, безсовѣстные, дѣлаете?“ и мировой судья держась буквы закона, долженъ освободить безчинниковъ и подвергнуть васъ законной отвѣтственности. Но не то гово

рять, вопреки всяческимъ законамъ, чувство каждаго домохозяина. Это чувство, вмѣстѣ съ Англичаниномъ, твердитъ каждому „my home is my castle“—„мой домъ, моя крѣпость“, и я не только словомъ, но и самымъ положительнымъ дѣломъ буду отбивать всякаго нападающаго на мою крѣпость, кто бы онъ ни былъ, за исключеніемъ законно власть имѣющаго. Мы вполне согласны съ г. Головачовымъ насчетъ предоставленія хозяину дома права связать бушующаго, не дожидаясь, въ деревнѣ, не существующей полиціи. Равнымъ образомъ мы вполне согласны съ г. Головачовымъ что плата за исполненную работу не должна зависѣть отъ того нанимаетъ ли рабочаго въ имѣніе распорядитель имѣющей писемную довѣренность отъ хозяина или не имѣющей оной. Трудъ рабочаго долженъ быть оплаченъ, а хозяинъ вѣдайся съ повѣреннымъ злоупотребившимъ довѣріемъ.

Въ заключеніе скажемъ слѣдующее: всѣ блужданія вкривъ и вкосъ по слѣдамъ г. Головачова свѣдятся на два существенные вопроса:

1) Слѣдуетъ ли, въ виду ежедневно возрастающаго общественнаго зла, установить рабочія книжки, обязательныя для рабочихъ вообще, а для нанимателей подѣ страхомъ значительнаго штрафа, предоставивъ мѣстному суду безотлагательное преслѣдованіе, въ уголовномъ порядкѣ, всякой поддѣлки книжки какъ мошенничества?

2) Слѣдуетъ ли, оставивъ во всей силѣ существующіе штрафы и взысканія убытковъ съ неисправнаго рабочаго, предоставить въ каждомъ данномъ случаѣ усмотрѣнію судьи опредѣлять мѣру добросовѣстности или недобросовѣстности укльонившагося отъ работы, замѣняя, въ послѣднемъ случаѣ, въ виду несостоятельности обвиняемаго, денежный штрафъ арестомъ?

Нечего и говорить что на оба вопроса, въ виду всего нами сказаннаго, мы должны отвѣчать утвердительно. Обязывать судебнымъ приговоромъ челоуѣка окончить трудъ согласно договору, зная напередъ что онъ безнаказанно откажется отъ исполненія законнаго рѣшенія, или приговаривать челоуѣка къ штрафу, зная напередъ что хотя съ него и есть что взять, но вамъ этого не дозволять, не значитъ ли подвергать себя завѣдомо упреку Петра Великаго: „Всѣе законъ писати, если ихъ не исполнять“?

А. ФЕТЬ.

---

# МЕДУМИЗМЪ И ФИЛОСОФІЯ

---

ВОСПОМИНАНІЕ О ПРОФЕССОРѢ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА ЮРКЕВИЧѢ

---

## I.

Въ статьѣ г. Соловьева „о философскихъ трудахъ П. Д. Юркевича“, помѣщенной въ ноябрьской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1874 годъ, читаемъ:

„Изложеніе философскихъ воззрѣній Юркевича было бы неполно еслибы мы не упомянули о тѣхъ особенныхъ историческихъ, фактическихъ основаніяхъ, которыя онъ искалъ находить для нѣкоторыхъ изъ существеннѣйшихъ своихъ убѣжденій... Если основныя метафизическія воззрѣнія его находили себѣ твердую почву въ исторической дѣйствительности религіи и, разумѣется, преимущественно христіанства то болѣе частыя его воззрѣнія на природу и назначеніе чловѣческаго духа, вполне согласныя въ существѣ съ христіанскимъ ученіемъ, получали, по его мнѣнію, ближайшаго фактическаго подтвержденіе въ нѣкоторыхъ особенныхъ явленіяхъ возникшихъ въ последнее время. Я разумѣю явленіе такъ-называемаго спиритизма, въ достовѣрности котораго Юркевичъ былъ убѣжденъ и отъ которыхъ многого ожидалъ въ будущемъ.“

Такъ какъ именно по поводу спиритизма я находилъ съ Юркевичемъ въ постоянныхъ сношеніяхъ, то и считаю долгомъ передать въ общее свѣдѣніе нѣкоторыя извѣстныя мнѣ подробности о ближайшихъ отношеніяхъ его къ этому столь загадочному для однихъ и столь мелкому для другихъ вопросу. Для Юркевича, какъ истиннаго философа, воспитаннаго въ преемствѣ историческаго свидѣтельства, онъ даже не былъ и загадоченъ; для него возможность явленій такъ-называемаго спиритизма была совершенно ясна; онъ видѣлъ въ нихъ только новое, усиленное выраженіе дѣйствія такихъ способностей человѣческой природы которыя сказывались во всѣ времена, у всѣхъ народовъ, и нынѣ, пользуясь новыми по закону общаго прогресса условіями, проявляются въ болѣе точныхъ, конкретныхъ образахъ. Съ глубокимъ интересомъ слѣдилъ Юркевичъ за успѣхами этого движенія, и не только лично былъ убѣжденъ въ реальности фактовъ лежащихъ въ основѣ его, но и публично, — въ обществѣ и средѣ своихъ со товарищей по университету, — заявлялъ о своихъ убѣжденіяхъ; онъ любилъ обращать вниманіе на важность этого вопроса, на предстоящую въ скоромъ времени для науки необходимость „посчитаться“ съ нимъ; и не безъ улыбки замѣчалъ онъ то смятеніе, которое начинало уже обнаруживаться въ рядахъ ученой фаланги, какъ тутъ и тамъ выступали смѣлые бойцы, чтобы побороть дракона позора и безсмыслицы; и какъ каждый, въ свою очередь, схватившись съ чудовищемъ, сперва былъ сматъ имъ, потомъ самъ усаживался на хребетъ его, и украшалъ и усиливалъ собою его торжествующее шествіе....

Что касается до меня лично, то бывъ поставленъ съ давнихъ поръ въ невозможность отрицать существованіе такъ-называемыхъ „спиритическихъ“ явленій, и держась того убѣжденія что всакій человекъ который настолько независимъ отъ міра что можетъ выступить свидѣтелемъ въ защиту истины міромъ преслѣдуемой, обязанъ сдѣлать все отъ него зависящее чтобы способствовать ея разсѣдованію и оглашенію, — я неуклонно слѣдовалъ этому пути. Не могу по этому не упомянуть словомъ глубокой благодарности то ободряющее участіе съ которымъ Юркевичъ относился къ моимъ заявленіямъ по части спиритуализма, то живое очувствіе съ которымъ онъ приветствовалъ всякое новое изданіе мое въ этой области. Когда стоишь одинъ въ борьбѣ, всякая помощь

дорога; но когда эта борьба ведется за истину не популярную, гонимую, презираемую, тогда всякій голосъ поднимающійся въ защиту ея необыкновенно дорогъ; человекъ подающій его совершаетъ подвигъ! Въ то время я былъ одинъ съ своимъ грузомъ непотребнаго знанія. Единственный человекъ съ которымъ я до того дѣлился имъ, былъ В. И. Даль; но въ ту пору онъ былъ погруженъ въ работу надъ своимъ бессмертнымъ трудомъ, „Толковымъ Словаремъ живаго великорусскаго языка“, и къ тому, какъ литераторъ и естествоиспытатель (онъ былъ докторъ медицины и хирургіи), не могъ внести въ этотъ вопросъ ту критику, которой можно было ожидать отъ опытнаго представителя философской науки. \* Эту глубокую, просвѣщенную и непристрастную критику я и нашелъ въ лицѣ П. Д. Юркевича.

Я познакомился съ нимъ въ 1863 году; въ то время онъ имѣлъ о „спиритизмѣ“ только тѣ общія и скудныя понятія которыя проникали къ намъ чрезъ французскую печать; съ англо-американскимъ „спиритуализмомъ“, стоящимъ преимущественно на опытной почвѣ, онъ вовсе не былъ знакомъ, такъ какъ по-англійски не читалъ. Впервые онъ узналъ его ближе изъ моего перевода „опытныхъ изслѣдованій“ извѣстнаго американскаго химика Гера (R. Hare); впервые онъ увидѣлъ тутъ, въ примѣненіи къ медиумическимъ явленіямъ, научный опытный методъ. Задача всѣхъ опытовъ этого рода состоитъ въ томъ чтобы *физическія* проявленія поставить въ условія полной независимости отъ произвольнаго дѣйствія физической силы медиума, а *умственные* проявленія въ такія же условія относительно его умственной силы; первое Геръ достигалъ тѣмъ что медиумъ сидя у стола въ сажень длины, клалъ руки не на столъ, а на поставленную на столъ дощечку на каточкахъ; второе тѣмъ что разумная рѣчь складывалась по указанію движеній стола, когда медиумъ не видалъ азбуки придѣланной къ столу съ самоуказателемъ; а когда эти оба способа употреблялись и дѣйствовали одновременно, тогда считалось доказаннымъ что тутъ дѣйствуетъ какая-то физическая и разумная сила помимо медиума. Къ переводу Гера были приложены рисунки тѣхъ различныхъ рядовъ которые были построены имъ для провѣрки того же явленія. Юркевичъ былъ пораженъ простотою и доказатель-

\* Объ отношеніяхъ Дала къ этому вопросу я поговорю пространно въ другой разъ.



ностию этихъ опытовъ, произведенныхъ человекомъ пользовавшимся лестною славой „американскаго Фарадея“, и который первоначально заявилъ печатно что вполнѣ раздѣляетъ высказанное Фарадеемъ на основаніи личнаго опыта мнѣніе что пресловутыя чудеса столоверченія происходятъ не отъ чего другаго какъ отъ бессознательнаго движенія мышцъ; во въ послѣдствіи, уступая требованіямъ общественнаго мнѣнія, провѣрилъ его опыты своими методами и пришелъ къ иному заключенію. Юркевичъ взялся самъ хлопотать въ цензурномъ комитетѣ о дозволеніи напечатать рукопись; заглавіе было дано ей самое скромное: „послѣдніе физическіе опыты Роберта Гера, доктора медицины, профессора химіи Пенсильванскаго университета“. На сохранившейся у меня рукописи значится: „доставилъ въ цензурный комитетъ профессоръ университета П. Юркевичъ, 2го января 1865 года“. Но Московскій комитетъ, несмотря на то что въ рукописи не содержалось ничего такого что не соответствовало бы вполнѣ ея заглавію, не рѣшился дозволить ее къ печати. Тогда я перенесъ рукопись въ С.-Петербургскій комитетъ, и наконецъ, чрезъ полгода, получилъ ее обратно съ надписью: „По опредѣленію С.-Петербургскаго цензурнаго комитета, сочиненіе это къ печати не дозволено. 4го августа, 1865 года“. Такой результатъ не мало огорчалъ и В. И. Дая, который лѣтомъ 1864 года, чтобы ускорить дѣло, перевелъ для меня нѣсколько главъ подлинника; я храню его рукопись какъ вещественное доказательство того горячаго участія которое онъ принималъ въ этомъ вопросѣ.

Испытавъ все возможное на почвѣ отечественной, я попыталъ переводъ еще нѣсколькими главами изъ книги Гера, чтобы составить нѣчто цѣльное, законченное, и отпечаталъ переводъ свой за границей, въ 1866 году, въ Лейпцигѣ, подъ настоящимъ титуломъ: *Опытныя изслѣдованія о спиритуализмѣ*; я надѣялся что въ законченномъ видѣ, изданіе это, при господствѣ современныхъ матеріалистическихъ тенденцій, будетъ найдено скорѣе полезнымъ чѣмъ вреднымъ; но и на этотъ разъ надежда моя не оправдалась: несмотря на то что книга Гера есть не что иное какъ объективное изложеніе современнаго умственнаго движенія, которое если имѣть на что притязаніе, то только на осязательныя доказательства проявленія неизвѣданныхъ еще силъ и способностей человека, она тѣмъ не менѣе подверглась запрету, и

цѣли своей—познакомить русскую публику съ первымъ научнымъ изслѣдованіемъ этого темнаго, но важнаго вопроса—насколько не достигла. Въ немногихъ экземплярахъ, она, разумѣется, проникла и къ намъ, и Юркевичъ любилъ приподносить ее нѣкоторымъ изъ коллегъ своихъ, съ просьбой доказать ему въ чемъ, относительно метода, опыты Гера не состоятельны; но доказательства этого еще нигдѣ и нѣкъ до сего времени представлено не было.

Еще съ бѣльшимъ интересомъ встрѣтилъ Юркевичъ принятое мною въ нѣмецкомъ переводѣ изданіе философскихъ сочиненій А. Девиса. Престарѣлый Нессъ фонъ-Эзенбекъ (*Nees von Esenbeck*), извѣстный нѣмецкій натуралистъ и философъ, первый указалъ Германіи на современнаго американскаго Сведенборга въ лицѣ Девиса, но Сведенборга не знавшаго никакой школы и не признававшаго никакихъ авторитетовъ кромѣ природы, разума и созерцанія (*intuition*). Въ его сочиненіяхъ Нессъ фонъ-Эзенбекъ, только-что сказавшій въ „спекулятивномъ реализмѣ“ свое послѣднее философское слово, внезапно нашелъ верховное рѣшеніе нѣковой задачи соглашенія натурализма со спиритуализмомъ, науки съ религіей и тотчасъ принялся за переводъ ихъ, но дѣла этого докончить не успѣлъ, а завѣщалъ его молодому ученику и другу своему дѣлаившему съ нимъ невзгоды преслѣдованія за слишкомъ горячее участіе въ свободно-религіозномъ движеніи, охватывшемъ Германію въ концѣ сороковыхъ годовъ. Все что я успѣлъ издать изъ сочиненій Девиса, а именно: *Начала природы и ея божественныя откровенія; Реформаторъ или о физиологическихъ порокахъ и добродѣтеляхъ; Врачъ или о происхожденіи и назначеніи челоука; и Автобіографія* (всѣхъ же сочиненій его болѣе двадцати) изучалось Юркевичемъ тщательно; это видно изъ тѣхъ многочисленныхъ замѣтокъ коими испещрены его экземпляры этихъ сочиненій, доставшіеся мнѣ послѣ его смерти. „Знакомствомъ съ этою отраслью философіи я буду обязанъ исключительно вамъ“, писалъ онъ мнѣ; и результатъ этого знакомства выразился въ пространной изготовленной имъ для меня запискѣ, въ которой онъ высказалъ мнѣніе свое о философіи Девиса, насколько могъ познаться съ нею изъ немногихъ выше названныхъ сочиненій его.

Считаю долгомъ сообщить здѣсь нѣсколько выписокъ изъ этой рукописи.

„Сильное впечатлѣніе которое производитъ философъ тонкостью и обширностью наблюденія, необозримымъ богатствомъ сужденій, отличающихся глубокою жизненною правдою, и чрезвычайнымъ талантомъ выражаться, убѣждать и сообщать своимъ мнѣніямъ все новую и новую силу посредствомъ настойчиваго повторенія ихъ при новыхъ условіяхъ и соотношеніяхъ, эти блестящія качества автора, человѣка, лица, должны быть оставлены въ сторонѣ когда дѣло идетъ объ отвѣченныхъ принципахъ его философіи.

„Наше время обильно сочиненіями которыхъ главная сила заключается не въ томъ что содержатъ принципы, но въ томъ что и какъ говорить самъ авторъ.

„Отсюда же изъясняется обиліе сочиненій которыя увлекаютъ читателя фактическою правдою и безспорною полезностію своего содержанія, между тѣмъ какъ принципы, отъ которыхъ идетъ и къ которымъ ведетъ это содержаніе, набрасываются кое-какъ, въ формѣ неопредѣленныхъ расплывающихся положеній и предположеній.

„Все что можетъ быть сдѣлаано лучшаго и прекраснѣйшаго въ этомъ направленіи читатель найдетъ у нашего философа. Читая его книги, забываешь что имѣешь дѣло съ книгами, погружаешься въ самую жизнь, въ ея мелкія и важныя тревоги и глубоко чувствуешь потребность реформы, гармоніи и твердыхъ принциповъ, безъ познанія которыхъ невозможна гармоническая реформа.“

Этихъ-то твердыхъ принциповъ Юркевичъ въ философіи Лейбница и не нашелъ. „Нашъ философъ“, говоритъ онъ, „полагаясь на силу своего необыкновеннаго созерцанія, съ другой стороны, увлеченный идеями непосредственнаго реализма, который свойственъ наукамъ положительнымъ, а не философіи, не занимается общею метафизикою... Между тѣмъ философія которая не изъясняетъ первой причины въ себѣ, не есть та наука объ истинѣ которой ищетъ человѣчество... Насколько я полюбилъ философа, у него законы явленій принимаются за законы бытія вещей.

„Нѣсколько неопредѣленное ученіе что всѣ существенныя притяженія человѣческой натуры находятся въ связи съ существеннымъ назначеніемъ человѣка могло бы навести нашего философа на факты одного существеннѣйшаго притяженія которое такъ свойственно человѣческому сердцу; именно, человѣчество отаичаетъ міръ первобытный и первобыт-

ный законъ отъ міра феноменальнаго и закона феноменальнаго. Это различіе глубоко проникаетъ исторію человечества, какъ начало движущее и организующее; оно есть источникъ вѣры въ чудо, то-есть въ дѣйствительность событія требуемаго закономъ первобытнымъ и неизъяснимаго изъ закона феноменальнаго. Не есть ли это указаніе на какое-то существенное притяженіе? Но когда нашъ философъ защищаетъ всеобщую естественность событій, онъ возвращаетъ насъ на почву геологіи, для которой нѣтъ ни добра, ни зла, ни религіи, ни метафизики, которая знаетъ только міръ обстоятельствъ, случаевъ, причинъ и измѣненій. При этомъ уже нѣтъ никакого основанія отождествлять этотъ міръ *измѣненій* съ существою *развитія*...

„Безграничный оптимизмъ—основное заблужденіе нашего философа для котораго даже процессы рожденія и беременности, также процессъ смерти, прекрасны и величественны. Философъ имѣлъ бы добрыя основанія уважить древнюю мудрость религіи, которая болѣзни рожденія и процессы смерти изъясняетъ какъ нѣчто несоотвѣтствующее смыслу первобытнаго закона... Противъ ученія что грѣхъ есть преступленіе закона философъ возражаетъ что „для человѣка невозможно преступить законъ Божій“. (Физиол. лор. 7.) „Иди куда хочешь, дѣлай что только сможешь—законъ всегда будетъ управлять тобой“ (ibid.). Всегда, отвѣчаетъ апостолъ Павелъ, но или законъ духовный, или законъ грѣховный? Философъ съ этимъ согласенъ вполне. „Зло состоитъ въ томъ“, говоритъ онъ, „когда на человѣчeskій духъ переносится законъ низшаго, чувственнаго и четвероногого міра законъ съ которымъ человѣчeskій духъ... не можетъ гармонизировать по натурѣ“ (18). Между тѣмъ справедливо ли отрицать зло въ мірѣ который устроенъ такъ что человѣкъ можетъ подчиняться законамъ противнымъ его развитію и свободѣ, добродѣтели? Логично ли мириться со зломъ потому что оно естественно, но и не мириться съ нимъ потому что есть еще высшая естественность? (стр. 19). Это значитъ отвергать и принимать христіанскую идею. „Нѣтъ зла въ мірѣ“, говоритъ философъ, „есть только состоянія которыя могутъ перемѣняться.“ Здѣсь затронуть интересъ общаго метафизики. Именно, идея состоянія относится не къ предикату вещи, но къ *связи* предиката съ субъектомъ. „Въ какомъ *состояніи* вы застали вашего друга? Онъ боленъ, онъ

читалъ, онъ слава и т. д.“ Впрочемъ, этотъ софизмъ господствуетъ во всей англійской философіи: болѣзнь не есть болѣзнь, а состояніе; развратъ не есть развратъ, а состояніе.“  
 „Ученіе о винѣ и заслугѣ“, читаемъ мы далѣе, „представляется натуральнымъ только для не философскаго разума.“  
 (Физіол. пор. 18.) Противоположность между виною и заслугой, истинною и ложью, добромъ и зломъ, есть такая же абсолютная истина какъ противоположность между четомъ и нечетомъ. Но существуютъ ли дѣйствія или состоянія подпадающія подъ эти противоположности, какъ равнымъ образомъ существуютъ ли гдѣ-нибудь вещи въ числѣ четномъ или нечетномъ, это совершенно другой вопросъ. Философъ свѣшиваетъ безусловную *годность* нормъ истины и добра съ сомнительною, спорною *годностию* вещей этого міра подходить подъ эти нормы. Христіанство требуетъ абсолютнаго различенія этихъ нормъ и абсолютной любви къ человѣку; любви, которая чтитъ заслугу и прощаетъ вину, потому что сущность гуманности не есть *laissez faire, laissez passer*. Впрочемъ идеи вины и заслуги очень сложны вслѣдствіе своего отношенія къ сложному субъекту. Итакъ онѣ составляютъ не принципы, но предметы изъясненія. Элементарное же содержаніе ихъ есть противоположность между *одобряемымъ* и *неодобряемымъ*—противоположность одинаково относящаяся къ свободѣ и необходимости, къ поступкамъ и событіямъ, къ разумнымъ личностямъ (этика) и къ неразумнымъ вещамъ (эстетика).

„Къ христіанству, къ религіи, къ философіи нельзя подойти никакъ пока законы явленія принимаются за законы бытія... Законы явленій, которые одинаково третируютъ человека и червяка, считаетъ нашъ философъ законами справедливости. Когда человѣкъ сдѣлаетъ малѣйшее отклоненіе отъ законовъ механическаго раздвиженія массъ, за это неправильное дѣйствіе законы природы разбиваютъ его прекрасную организацію съ такою же безплощадностию какъ и кусокъ булыжника. Вѣчное право человѣка эти любвеобильные законы справедливости охраняютъ такъ какъ будто бы оно было равно по достоинству ничтожному праву камней, массы песку, волкъ и т. д. Предъ этими законами человѣкъ не есть „цѣль творенія“, а тварь между тварями, и это доказываетъ что это не законы нашего настоящаго бытія.

„Но книги Девиса имѣютъ значеніе какъ по своему содержанию.

жанію, которое развито въ смѣломъ и роскошномъ синтезѣ, такъ и по способу ихъ происхожденія.

„Воспитаніе человѣка до разума, до созерцанія истины не всегда совершается по общимъ законамъ педагогики. Часто одинъ моментъ, одно событіе перераждаютъ все существо человѣка, такъ какъ высшій свѣтъ знанія и добра внезапно оваряетъ его духъ, находившійся въ состояніи отупѣнія алатіи сна. Часто мы сами испытываемъ что бодрственно состояніе чувствъ располагаетъ духъ къ усыпленію и недѣятельности, и наоборотъ, что свѣтъ мысли достигаетъ большей яркости когда энергія чувствъ ослабѣваетъ. Подобнаго рода факты должны служить посредниками при изъясненіи удивительныхъ созерцательныхъ способностей Бѣма, Сведенборга, Девиса.

„Изъ нихъ Яковъ Бѣмъ наилучше постигалъ сердце человѣческое, Сведенборгъ сердце Божіе, Девисъ наилучше постигаетъ сердце.... американское. Удивительная чуткость къ интересамъ человѣка Америки, къ его социальнымъ тревогамъ къ его „системѣ произвольнаго государства“, къ универсализму, къ эвдемонизму—этой философіи торговыхъ классовъ—къ объективной, мнущейся человѣка, наукѣ.

„Америка не имѣетъ науки, это страна *свѣдѣній*. Не истина, но улучшение быта есть цѣль. Въ созерцаніяхъ Девиса это направленіе сказалось, и ихъ соотвѣтствіе средѣ обличило для него переходъ къ сознательному мышленію. Съ этой стороны слѣдовало бы рекомендовать его ученой Европѣ, потому что старая Европа къ изслѣдованіямъ научнымъ отнестися такъ строго что метафизика нашего философа не можетъ особенно интересовать ее.“

Здѣсь не мѣсто входить въ подробности ученія Девиса въ обсужденіе правильности оцѣнки сдѣланной ему Юркевичемъ; цѣль моя въ настоящемъ случаѣ показать какъ отнесся къ этому ученію, а для знакомаго съ философскими вопросами читателя уже изъ отрицательной стороны оцѣнки этого ученія достаточно выяснилось въ чемъ состоитъ его положительное содержаніе, и что слѣдовательно Юркевичъ воспріявшій философское образованіе свое на строгой почвѣ христіанскаго богословія, не могъ отнестися иначе къ міру созерцанія, хотя и спиритуалистическому, но основанному на чистомъ деизмѣ. Съ другой стороны, Юркевичъ былъ настолько безпристрастенъ что не могъ не признавать за с

юсефіей Девиса значенія историческаго, наравнѣ со всякою другою философскою системою; онъ даже любилъ проводить паралель между имъ, Шопенгауэромъ и Контъмъ, какъ представителями трехъ современныхъ философскихъ направлений; въ Контъ онъ видѣлъ представителя позитивизма, въ Шопенгауэрѣ—лессимизма, въ Девисѣ—олтимизма. Онъ даже хотѣлъ прочесть объ этомъ рядъ лекцій для студентовъ своихъ, но изъ нихъ, сколько имъ извѣстно, состоялась только одна.

Всего болѣе значенія придавалъ Юркевичъ сочиненіямъ Девиса въ педагогическомъ отношеніи; гаубокое знаніе чело-вѣческаго сердца, лочерпаемое въ самомъ источникѣ природы, поражаало его; въ особенности цѣнилъ онъ въ этомъ отношеніи автобіографію Девиса; а потомъ когда онъ узналъ что Девисъ, какъ истинный философъ-реформаторъ, не могъ оставить незатронутымъ вопросъ о воспитаніи и даже основалъ особенныя воскресныя школы для дѣтей, подъ названіемъ „дѣтскихъ прогрессивныхъ лицеевъ“, то просилъ меня перевести для него главные матеріалы относящіеся до этой стороны дѣятельности Девиса, что я съ удовольствіемъ и исполнилъ. Объ этихъ воскресныхъ школахъ, построенныхъ на совершенно новыхъ началахъ, и объ ихъ отношеніи къ общему вопросу о воспитаніи въ Америкѣ, Юркевичъ хотѣлъ написать особую статью, которую думалъ помѣстить въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*; но этому намѣренію его, какъ и многимъ другимъ, не суждено было сбыться.

Между тѣмъ, спиритуалистическое движеніе продолжало свое наступательное шествіе; съ новыми законами о печати я хотѣлъ вновь попытаться представить русской публикѣ какой-нибудь дѣльмй сборникъ по этому вопросу: сюда шлѣи войти опыты Гера, изслѣдованія чаена верховнаго апелляціоннаго суда въ Нью-Йоркѣ Эдмондса и критическая записка изготовленная для своей конгрегаціи пасторомъ Биверомъ; такимъ образомъ предполагалось сгруппировать изслѣдованія лучшихъ представителей трехъ разныхъ областей знанія: научной, юридической и богословской. Рукопись была уже изготовлена; Юркевичъ ждалъ отъ изданія ея хорошихъ результатовъ, такъ какъ затронуты были вопросы жизненные и отъѣты даны были положительныя; но это-то самое и заставило меня, обдумавъ положеніе дѣла, оставить рукопись въ столѣ...

Наконецъ прогремѣли въ Англіи опыты Крукса надъ *психической силой*, такъ окрестилъ оны ту невидимую силу которая обнаруживается въ медиумическихъ явленіяхъ; первые эти явленія удостоивались чести изслѣдованія членомъ Лондонскаго Королевскаго Общества и не только были опубликованы въ ученомъ англійскомъ журналѣ *Quarterly Journal of Science*, но даже удостоились и чести сообщенія о нихъ Королевскому Обществу, которое и въ этомъ случаѣ не повѣрило своему члену какъ не повѣрило Франклину съ его громоотводомъ. Опыты Крукса были громаднымъ шагомъ впередъ противъ опыта Гера. Круксъ доказалъ при свидѣтеляхъ, изъ коихъ одинъ былъ извѣстный астрономъ Геггивсъ, что неодушевленные тѣла приводятся въ движеніе не только въ такихъ случаяхъ когда прикосновеніе медиума не можетъ произвести въ нихъ никакого движенія, но даже и въ такихъ *когда медиумъ совершенно разобщенъ отъ предмета*, то-есть вовсе не касается до него. Но Круксъ поступилъ осторожнѣе своего предшественника; оны заявился одною физическою стороною явленій, нисколько не касаясь умственныхъ проявленій той же силы, то-есть той именно стороны этого вопроса которая и составляетъ его неодолимую трудность. Подробности объ этихъ интересныхъ опытахъ читатель найдетъ въ изданной мною въ 1872 году брошюрѣ *Спиритуализмъ и Наука*. Подобныя изслѣдованія составляютъ азбуку этого вопроса; съ нея и слѣдуетъ начинать знакомство съ нимъ; потому я не задумался дать возможность русской публикѣ приступить къ этому знакомству подъ руководствомъ столь почтеннаго научнаго авторитета. Опубликованіе у насъ опытовъ Крукса казалось мнѣ тѣмъ болѣе своевременнымъ что субъектомъ для этихъ опытовъ всего чаще служилъ тотъ самый Юмъ, который за годъ до этого былъ съ такимъ ликованіемъ осмѣявъ нашей печатью за неудачный опытъ въ Петербургскомъ Университетѣ. Послѣдствіемъ, впрочемъ, доказали что въ случаѣ успѣшности опыта печать наша повѣрила бы ему также мало какъ повѣрила и опытамъ Крукса: помянутая брошюра прошла въ нашей публикѣ безслѣдно; ни у одной газеты не хватило духу сообщить о ней, хотя бы даже подъ видомъ необычнаго куріоза. Печать наша, столь безцеремонно подносящая своей публикѣ всякій *fas* и *nefas*, внезапно становится судьей надъ историческою правдой и заботливо скрываетъ отъ глазъ своихъ



читателей такія нелѣпости какъ спиритическія увлеченія людей науки. Но для человѣка мысли совершенно ясно что всякій представитель науки приступающій къ подобному изслѣдованію очевидно поневолѣ уступаетъ давленію общественнаго опыта и сознанія, и что если затѣмъ онъ выступаетъ свидѣтелемъ вопреки предубѣжденій толпы, то не только исполняетъ долгъ ученаго, но и совершаетъ нравственный подвигъ который всякаго честнаго искателя истины долженъ заставить задуматься...

Юркевичъ отнесся къ появленію этой первой у насъ научной книги о спиритическихъ явленіяхъ съ живѣйшимъ сочувствіемъ, въ особенности остался онъ доволенъ чисто-объективною постановкой вопроса, которою проводится строгое различіе между фактами и теоріями: факты несомнѣны и реальны; теоріи сомнительны и обманчивы; первые вытекаютъ изъ невѣдомыхъ силъ природы, вторыя порождаются толпою, которая пробавляется своими собственными толкованіями, покуда очередь дойдетъ до науки. Когда Юркевичъ ближе узналъ въкоторыя подробности этого движенія въ Англіи, — какъ отнеслись и относятся къ нему Фарадей, Тиндаль, Томсъ, Карпентеръ и др., — его поразилъ необыкновенный характеръ борьбы въ этомъ вопросѣ: *явленія бѣгутъ за наукой, наука бѣжитъ отъ явленій!* Явленія, чисто объективнаго содержанія, навязываются представителямъ точной науки для разслѣдованія и объясненія; но жрецы науки, въ дѣлѣ, повидимому, столь простомъ... теряются! Вопросъ этотъ имѣетъ какъ бы привилегію заставлять ихъ изгнать не только высшему закону нравственному—правдѣ, но и верховному закону науки—опыту. Они отрицаютъ, осмѣиваютъ, поносятъ, *но опытовъ не производятъ!* \* Какъ объяснить это? Спрашивалъ я Юркевича. „Чуютъ“, говорилъ онъ, „что дѣло не ладно, чувтъ что *что-то есть!* Притѣры Гера, Крукса, Де-Моргана, Варлея, Уаллеса, Бутлерова наводятъ панику!! Уступилъ шагъ, придется уступить и все! На карту поставлены вѣковые принципы, міросозерцанія цѣлой жизни, цѣлыхъ поколѣній.“

\* Это было писано въ мартѣ 1875 года. Послѣ того, въ маѣ, Физическое Общество при С.-Петербургскомъ Университетѣ назначило изъ членовъ своихъ комиссію для разсмотрѣнія медиумическихъ явленій. Такимъ образомъ честь почива въ этомъ трудномъ и непопулярномъ дѣлѣ принадлежитъ нашимъ русскимъ ученымъ.

Но Юркевичъ умѣлъ уважать человѣческое свидѣтельство, раздающееся во имя истины, и вѣрилъ ему; поэтому онъ ничего столь не желалъ какъ личнымъ опытомъ убѣдиться въ томъ о чемъ свидѣтельствовалъ во имя чужаго свидѣтельства. Въ началѣ 1872 года Юмъ вторично прѣвѣхалъ въ Петербургъ и Юркевичу удалось наконецъ побывать на нѣсколькихъ сеансахъ его, происходившихъ на квартирѣ профессора Бутлерова \*. Тутъ онъ имѣлъ случай личнымъ наблюденіемъ убѣдиться въ проявленіяхъ невидимой намъ силы, физической и, въ то же время, разумной; а также и въ движеніи этою силой неодушевленныхъ предметовъ безо всякаго къ нимъ прикосновенія. Результаты этихъ интересныхъ опытовъ были записаны Юркевичемъ на страницахъ его собственнаго экземпляра книги *Спиритуализмъ и Наука*; онъ мнѣ читалъ ихъ; обѣщалъ также обработать ихъ для статьи, но и этому не суждено было сбыться. Въ письмѣ, въ которомъ онъ благодарилъ меня за „доставленную ему возможность присутствовать при замѣчательныхъ явленіяхъ которыя происходили въ обществѣ Юма“, онъ прибавляетъ: „я радъ особенно тому что могу свидѣтельствовать каждому благороднѣйшихъ чертахъ гуманности, которыя украшаютъ его характеръ, и которыя такъ величественно противостоятъ естественнымъ предразсудкамъ и страстямъ, подвигаящимся при столь необыкновенныхъ явленіяхъ“. Замѣчательно было то что на послѣднемъ изъ этихъ сеансовъ Юмъ впалъ въ сомнамбулическое состояніе и, ходя по комнатѣ съ закрытыми глазами, подошелъ къ Юркевичу, оцупалъ его тѣло руками, и, наконецъ, положивъ ихъ ему на желудокъ, сказалъ: „тутъ болѣзнь“, и назначилъ ему какое-то простое средство. Въ то время Юркевичъ былъ совершенно здоровъ, но чрезъ два съ половиною года, развившаяся съ удивительною быстротой, вслѣдствіе нравственныхъ и физическихъ потрясеній, болѣзнь *желудка* унесла его въ могилу.

Я получилъ отъ брата покойнаго П. Д. Юркевича тотъ экземпляръ книги *Спиритуализмъ и Наука* на которомъ были наклеены уломянутыя замѣтки его о сеансахъ съ Юмомъ. Онѣ представляютъ не малый интересъ и, вмѣстѣ

---

\* Единственное описаніе подобнаго сеанса, въ нашей литературѣ, находится во второмъ изданіи книги М. П. Погодина „Простая рѣчь о мудреныхъ вещахъ“: См. ч. II, стр. 116, письмо А. Н. Аксакова.

съ тѣмъ, весьма цѣнное, документальное дополненіе къ этой статьѣ.

*С.-Петербургъ, 1872 года, января 2го дня.* Личные опыты, которые удостовѣрили бы меня въ безспорной дѣйствительности явленій такъ-называемаго спиритизма, я всегда считалъ незначительными, и для моихъ собственныхъ убѣжденій неважными. Когда я началъ изучать эти явленія, я увидѣлъ что поздно обращаться къ публикѣ съ предложеніемъ: „примите и мой вкладъ въ великую сокровищницу доказательствъ которыя сообщаютъ этимъ явленіемъ силу неустрашимаго факта“. Но то что я видѣлъ въ присутствіи Юма такъ поразительно что едва ли морально-чуткій читатель сталъ бы замѣчать во мнѣ эгоизмъ, есдибы въ свою очередь и я началъ опровергать скептика указаніемъ на свои собственные опыты, повторяя: „я видѣлъ, я слышалъ, я наблюдалъ. Во всѣ времена подобнымъ указаніемъ на личный опытъ была достагаема одна цѣль. Неувѣрующій Юма получалъ сильное желаніе лично осязать удивительное явленіе.

*Засѣданіе 26го декабря, 1871 года, въ квартиру профессора А. М. Бутлерова.* Оно было не изъ блестящихъ, хотя постукиванья въ различныхъ мѣстахъ стола, подъ столомъ и на полу, были такъ характеристичны что совершенно нерасположенный признавать реальность этихъ явленій профессоръ Ч. счелъ невозможнымъ изъяснить эти постукиванья изъ какихъ-либо предполагаемыхъ физическихъ причинъ. Столъ показывалъ на динамометрѣ различныя измѣненія вѣса; платье дамы, сидѣвшей на противоположной Юму сторонѣ стола, производило безъ видимой причины шестель очень явственный; салфетка покрывавшая столъ отодвигалась висѣвшими къ сторонѣ Юма, но подальше отъ него вѣтви, краями отъ вертикальной линіи, будто рука или потокъ воздуха изъ-подъ стола поднимали ее. Всѣ эти явленія г. Ч. находилъ изъяснимыми изъ воображаемыхъ физическихъ причинъ. Напримѣръ, онъ высказалъ что салфетку поднималъ Юмъ спертымъ воздухомъ который хранился у него въ аппаратъ какъ-нибудь скрытымъ. Переимѣну вѣса стола изъяснялъ онъ изъ возможности что Юмъ или давилъ на столъ, или поднималъ его когтями. Вообще я замѣтилъ что г. профессоръ пользуется логически безконечною возможностью изъясненій явленія, принимаемаго внѣ конкретныхъ условій, которыя исключаютъ эту безконечность. Слѣ-

довало наблюдать дѣйствительно ли столъ былъ нажимаемъ или подталкиваемъ, дѣйствительно ли имѣлся аппаратъ спертаго воздуха, и т. д. Иначе мы изо всего можемъ изъяснять все по произволу.

„Засѣдиніе 29го декабря, въ квартиру А. Н. Аксакова А. М. Бутлерова не было. Особенный интересъ представляла перемѣна вѣса стола, очень чувствительная. Когда однажды пожелали чтобы столъ сдѣлался особенно тяжелымъ, онъ надавилъ на мои руки такъ что послѣ нѣкоторыхъ напряженныхъ усилій съ моей стороны удержать его на нѣкоторомъ разстояніи отъ полу, я былъ такъ придавленъ къ стулу на которомъ я сидѣлъ что стулъ подо мною опрокинулся и я упалъ на колѣни. При этомъ Юмъ сидѣлъ на сторонѣ противоположной концу такъ сильно меня надавившему.

„Засѣданіе 2го января, 1872, въ квартиру А. М. Бутлерова. Блестящее. Жаль что всѣхъ лицъ участвовавшихъ не знаю: На одной сторонѣ стола сидѣлъ Юмъ и баронъ Мейендорфъ, на противоположной А. Н. Аксаковъ и незнакомый мнѣ молодой человекъ; вѣтвь отъ Юма, подъ прямымъ угломъ, я и А. М. Бутлерова; противъ Бутлеровъ офицеръ фамиліи котораго я не знаю; противъ меня молодая дама. Характеристическое дрожаніе стола, настоящая вибрація, постукиванья, то самостоятельныя, то отвѣтныя, были заслонами скоро послѣдовавшими болѣе рѣдкими и рѣзкими явленіями, каковы особенно игра гармоники и перемѣщеніе колокольчика подъ столомъ, переходившаго изъ рукъ въ руки и при этомъ не рѣдко издававшего звуки.

„Когда, однажды, по совѣту А. М. Бутлерова, я положилъ лѣвую руку подъ столъ, неожиданно я почувствовалъ прикосновеніе руки, отъ котораго я въ первый разъ испугался. А. Н. Аксаковъ и баронъ Мейендорфъ предложили мнѣ взять звонокъ въ ту же руку и держать подъ столомъ. Начались прикосновенія, переходившія послѣдовательно по всѣмъ пальцамъ сверху до мизинца которымъ я поддерживалъ звонокъ. Мизинецъ мой нѣжно отодвинули и звонокъ остался висѣщимъ между двухъ пальцевъ. Послѣдовали дотрогиванія язычка звонка, вызвавшія нѣсколько звуковъ. Далѣе звонокъ началъ покачиваться, и его будто вытягивали у меня изъ рукъ. Когда я выпустилъ его, онъ не упалъ на полъ, а черезъ нѣсколько мгновеній оказался на колѣняхъ у офицера въ это самое дальнее разстояніе по линіи сидѣвшихъ, какъ въ

но изъ предыдущаго описанія. Когда въ другой разъ дали мнѣ звонокъ, прикосновенія къ рукѣ и покачиванья звонка были такъ продолжительны что я пригласилъ даму сидѣвшую противъ меня встать съ мѣста, подойти тихонько ко мнѣ и наблюдать эти явленія; но прежде чѣмъ это исполнись, звонокъ былъ унесенъ и вынесенъ за столъ, на углу между дамой и Юмомъ, такъ что его можно было видѣть не заглядывая подъ салфетку. Особенно поразительно въ прикосновеніяхъ этихъ соединеніе нѣжности, точности, опредѣленности. Всѣ прикосновенія нашихъ рукъ соединяютъ съ нѣжностію мягкость неразлучную съ вялостью и подобнаго испытанному мною ощущенія не производятъ. Тутъ я повижу чтó значитъ осязать, т.-е. чрезъ прикосновеніе давать опредѣленный образъ, не осложняя его ни мускульными чувствами, ни переменной температуры. Но еще раньше Юмъ извѣлъ гармонику, которая подъ столомъ издавала протяжные звуки, сначала на низшихъ тонахъ, потомъ на высшихъ. Звуки соединялись такъ какъ при пробѣ инструмента. Даже не описываю, потому что подробности обивчивы.

Засѣданіе 5го января, 1872, наканунѣ Крещенія, было еще болѣе блестящее. Оно имѣло два эпизода, второй изъ которыхъ былъ безъ участія профессоровъ Ч. и О. Въ квартирѣ А. М. Бутлерова собрались: А. Н. Аксаковъ, г. Ч., г. О., баронъ Мейендорфъ, П. Юркевичъ, и еще г. Монтандръ. Я сидѣлъ рядомъ съ г. О., противъ насъ г. Ч. и Бутлеровъ, налѣво Юмъ и баронъ Мейендорфъ, направо г. Монтандръ и Аксаковъ. Первое обстоятельство, на которое я и г. О. обратили вниманіе, было дрожаніе стола, будто столъ обратился въ діалазонъ по которому водили смычкомъ. Когда дослѣдовали обыкновенныя самостоятельныя постукиванья въ столъ и подъ столомъ, а также отвѣтныя постукиванья, то среди этихъ уже обыкновенныхъ явленій одно незначительное обстоятельство привлекло на себя мое вниманіе. Однажды я сдѣлалъ три удара пальцемъ не въ доску стола, но въ пьедесталъ канделябра. Въ отвѣтъ послѣдовали три такіе же металлическіе звука, какіе происходили когда я стучалъ въ пьедесталъ канделябра. Какъ только начинались постукиванья, Юмъ приглашалъ кого-либо изъ гг. ученыхъ наблюдать подъ столомъ со свѣчей. Именно эти простѣйшія явленія особенно удобны для изслѣдованія, потому что ихъ можно контролировать прямо, помѣстившись

подъ столомъ и поставивъ свѣчу. Сначала дѣлалъ эти наблюденія г. Ч. Скоро постукиванья стали неопредѣлены, тихи, и наконецъ совсѣмъ прекратились. Когда г. Ч. смѣнилъ г. О., постукиванья были очень опредѣленны, отчетливы и продолжались по крайней мѣрѣ двадцать минутъ, то являясь самостоятельно, то въ видѣ отвѣтовъ на стукъ со стороны кого-либо изъ присутствующихъ. На замѣчаніе сдѣланное нѣкоторыми изъ присутствующихъ о томъ что второй наблюдатель былъ счастливѣе перваго, г. Ч. замѣтилъ что онъ въ самомъ дѣлѣ, какъ замѣчалъ, служить помѣхой при засѣданіяхъ, потому что всѣ шесть засѣданій на которыхъ онъ присутствовалъ были не удачны... Во время закуски которую предложилъ гостямъ радушный хозяинъ, А. Н. Аксаковъ сказалъ мнѣ тихо: „не уходите, оставайтесь, будетъ еще сеансъ“. Юма не было при насъ. Ожиданіе сеанса послѣ сеанса было не въ порядкѣ вещей. Но лишь ушли гг. Ч. и О., вошелъ Юмъ, веселый и какъ-то особенно оживленный. Скоро усѣлись мы за столъ и различными очень интересными явленіями наслаждались сразу. Это названный мною выше второй эпизодъ. Когда гармоника начала издавать звуки подъ столомъ, Юмъ попытался вывести гармонику изъ-подъ стола. Нѣсколько мгновеній, на глазахъ всѣхъ, гармоника нажималась и при этомъ издавала короткій звукъ. Когда гармоника была передана мнѣ подъ столомъ, она сжималась и растягивалась очень сильно и беспорядочно, и издавала безсвязные звуки. Она скоро сдѣлалась такъ тяжела для моихъ рукъ что по совѣту барона Мейендорфа, я выпустилъ ее. Стукъ отъ паденія не наслаждало. Гармоника оказалась въ рукахъ А. Н. Аксакова, сидѣвшаго отъ меня черезъ одно лицо. Когда наслаждалъ безсвязный звукъ, и кто-то замѣтилъ что видно не умѣютъ играть, послышались въ отвѣтъ звуки довольно гармоничные, что вызвало общее удовольствіе. Но для меня наибольшая особенность этого сеанса представлялась въ томъ что Юмъ заснулъ на этомъ сеансѣ; сонный сталъ ходить по комнатѣ, началъ оцѣлывать насъ руками, и между прочимъ, прописалъ мнѣ рецептъ для излѣченія моего желудка: прикладывать горячую соль. Объ этомъ слѣдуетъ подумать особо.“

## II.

Такое отношеніе Юркевича къ спиритизму можетъ для многихъ показаться однимъ личнымъ, жалкимъ увлеченіемъ, лишенымъ всякаго внутренняго оправданія, всякой осмысленной связи съ тою наукой которой онъ былъ официальнымъ представителемъ; не пользуясь у насъ особенною популярностью, не принадлежа къ тому направленію которое въ наше время, по праву или вѣтъ, именуется себѣ передовымъ, онъ легко можетъ, за такое отношеніе свое къ предмету крайне у насъ не популярному, подвергнуться лишь ничему укору. Поэтому мнѣ кажется необходимымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о томъ какъ Юркевичъ, въ качествѣ философа, могъ и долженъ былъ относиться къ этому вопросу.

Замѣтимъ здѣсь напередъ что вообще отношенія философіи къ человѣку нѣсколько иныя чѣмъ отношенія къ нему такъ-называемыхъ положительныхъ наукъ; послѣднія, представляя только тѣ стороны его природы которыя представляютъ точную почву для изсажденія, или стараются низвести всѣ явленія его природы къ чисто механическимъ отправлениямъ или безцеремонно игнорируютъ и отрицаютъ тѣ которыя не подходятъ подъ это мѣрило. Философія относится къ нимъ иначе: имѣя дѣло съ сокровенными задачами его бытія, она не отвергаетъ ни одной, сознавая при этомъ всю неизмѣримую бездну между логическою *причинностью* и видимою *последовательностью* явленій. Она понимаетъ что никакая логика не докажетъ причинной связи между хотѣніями воли и движеніями нашего собственнаго тѣла; но положительныя науки этого не понимаютъ, и потому для нихъ такое явленіе какъ движеніе неодушевленнаго предмета безъ прикосновенія къ нему или приложенія механической силы представляется непонятнымъ и невозможнымъ, въ то самое время когда движенія нашего тѣла представляются и понятными и возможными; для философіи же одно столь же непонятно какъ и другое; для нея то что стоитъ внѣ закона причинности, есть явленіе метафизическое; и таковое дано намъ въ волю; на немъ она строитъ свое міросозерцаніе, которое, по меньшей мѣрѣ, имѣетъ логическое основаніе.

Положительныя же науки, имѣя постоянно дѣло съ явленіями чисто физическими, воздвигаютъ міросозерцаніе механическое, которое, принимая послѣдовательность явленій за ихъ причинную связь, лишено поэтому, въ послѣднихъ выводахъ своихъ, логическаго основанія. Вотъ почему малоизвѣстныя явленія психической жизни, именуемая мистическими или таинственными, въ которыхъ причинная связь совершенно ускользаетъ отъ наблюденія, стѣсняютъ, ограничиваютъ кругъ положительной науки, и она отъ нихъ отворачивается; кругъ же науки философской эти самыя явленія напротивъ расширяютъ, раздвигаютъ, и на нихъ-то она обращаетъ особенное вниманіе.

Чтобы пояснить сказанное о философіи, мы войдемъ въ нѣкоторыя подробности и оставимся на томъ направленіи которое господствовало въ ней въ послѣднее время; къ этому направленію принадлежитъ то міросозерцаніе которое понимаетъ міръ какъ волю и представленіе, и которое, какъ извѣстно, съ наибольшою послѣдовательностію было развито Шопенгауэромъ и преемниками его. По этому ученію логикѣ о волѣ, единственное между всѣми возможными которое исходитъ не изъ явленія, не изъ представленія, но изъ внутренняго, непосредственнаго сознанія каждаго; время, пространство, причинность не составляютъ ея опредѣленій, потому она и есть то что можетъ быть названо и есть вещь по себѣ (*das Ding an sich*). Матерія есть то чрезъ что воля которая образуетъ внутреннюю сущность вещей, становится постигаема, видима, созерцаема,—чрезъ что она принимаетъ форму объективнаго представленія, другими словами, матерія есть только видимость воли; въ ней воля становится явленіемъ, объектомъ, представленіемъ, и только тогда ей прідаются опредѣленія времени, пространства и причинности. Такимъ образомъ, всякій объектъ, какъ вещь по себѣ, есть воля, а какъ явленіе—онъ есть матерія, или то что объективно есть матерія, то субъективно есть воля.

Послушаемъ какъ Шопенгауэръ относится съ этой точки зрѣнія къ стародавнему ученію о матеріи и духѣ: „сущности, говоритъ онъ, нѣтъ ни матеріи, ни духа. Стремленіе тяжести въ камнѣ столь же необъяснимо какъ мышленіе въ человѣческомъ мозгу... Если матерія можетъ, вы знаете почему, падать на землю, то она также можетъ, не знаете почему, думать. Совершенно ясно и до конца



нимаемое въ механикѣ не идетъ далѣе чисто математическаго въ объясненіи, ибо ограничено опредѣленіями времени и пространства. Эти же два понятія, данныя намъ *a priori*, суть чистыя формы нашего познанія, и слѣдовательно принадлежатъ однимъ представленіямъ нашимъ. Такимъ образомъ, ихъ опредѣленія, въ основѣ своей, субъективны и не доходятъ до чисто объективнаго, до независимаго отъ нашего познанія, до вещи по себѣ. Какъ только, даже въ механикѣ, мы идемъ далѣе чисто математическаго, какъ только мы доходимъ до непроницаемости, сцѣвленія, тяготѣнія и т. д., то мы находимся предъ явленіями которыя для насъ столь же таинственны какъ мысль и воля въ человѣкѣ, — находимся, такимъ образомъ, предъ чисто недостижимымъ, ибо такова каждая сила въ природѣ. Гдѣ же остается тогда та матерія которую вы такъ коротко знаете и ясно понимаете что вы все изъ нея изъясняете и все къ ней выводите? Ясно понимаемое и до конца постигаемое есть всегда только математическое, ибо корень его въ субъектѣ, въ нашемъ собственномъ представляющемъ аппаратѣ; но какъ только является что-нибудь объективное, что-нибудь *a priori* не опредѣляемое, то оно тотчасъ же въ послѣдней инстанціи недостижимо. То что вообще чувства и разумъ постигаютъ, есть одно только поверхностное, до истинной и внутренней сущности вещей не доходящее. Это Кантъ и утверждалъ. Если же вы допустите въ человеческой головѣ, какъ *deum ex machina*, какой-то духъ, то вы должны допустить присутствіе такого духа и въ каждомъ камнѣ. Если ваша мертвая и совершенно пассивная матерія можетъ обнаруживать тяготѣніе или, какъ электричество, притягивать, отталкивать и давать искры, то, такъ мозгъ, она можетъ и думать. Однимъ словомъ, всякому такъ-называемому духу можно подложить матерію и всякой матеріи подложить духъ; изъ чего слѣдуетъ что противоположность эта ложна. Итакъ, не картезианское дѣленіе всѣхъ вещей на матерію и духъ есть философски вѣрное, но дѣленіе на волю и представленіе, что съ тѣмъ дѣленіемъ не имѣетъ ничего общаго, ибо оно все одухотворяетъ: то что тамъ чисто реально и объективно, — тѣло, матерію, оно обращаетъ въ представленіе, а всякое явленіе по себѣ обращаетъ въ волю." *Parerga*, II, стр. 111, 112.

Чтобы дополнить эти общія положенія, необходимо припомнить что, по Шопенгауэру, каждая сила въ природѣ

должна быть понимаема какъ воля, какъ опредѣленная ступень ея объективаци; каждая такая ступень есть то что Платонъ называлъ вѣчною идеей. Законы природы суть отношенія такой идеи къ формамъ ея проявленія; эти формы суть время, пространство и причинность; чрезъ время и пространство идея разнообразится въ безчисленные явленія.

Это воззрѣнiе было съ замѣчательною ясностью развито въ послѣднее время Гартманомъ. Онъ совершенно правильно доказываетъ что наше обыкновенное понятiе о матерiи есть не что иное какъ инстинктивный предразсудокъ; никакой естествоиспытатель не имѣетъ дѣла собственно съ матерiей, но разлагаетъ ее на силы; видимыя *дѣйствiя матерiи* суть для него не что иное какъ *дѣйствiя силы*; другими словами, понятiе о матерiи разрѣшается въ понятiе о силѣ. Отвлечь понятiе о матерiи отъ понятiя о силѣ невозможно; единственный предикатъ матерiи, сопротивленiе, есть именно дѣйствiе силы сопротивляющейся; гдѣ нѣтъ этого предиката, тамъ нѣтъ и матерiи. Такимъ образомъ, то что нынѣ въ естествознанiи разумѣется подъ словомъ матерiя есть не что иное какъ система атомическихъ силъ, въ которой слово матерiя употребляется только какъ неизбѣжная формула; въ это опредѣленiе, матерiя для науки есть пустое слово. Отсюда Гартманъ переходитъ къ доказательству что всякое стремленiе силы есть именно воля, и что проявленiя атомическихъ силъ суть индивидуальныя акты воли, содержанiе которыхъ состоитъ въ безсознательномъ представленiи того къ чему они стремятся. И такимъ образомъ матерiя опять разрѣшается въ волю и представленiе.

Въ подтвержденiе изложеннаго воззрѣнiя, Гартманъ ссылается, между прочимъ, и на Уаллеса, въ его сочиненiи *естественномъ подборѣ*; весьма знаменательно что этотъ извѣстный естествоиспытатель заявлялъ себя сторонникомъ этого ученiя, и для уразумѣнiя послѣдующаго мы считаемъ необходимымъ привести изъ этого сочиненiя нѣсколько строкъ.

„Самыя глубокiе философы давно уже признали что атомы подъ коими разумѣются малѣйшiя твердыя тѣла, отъ коихъ исходятъ силы притяженiя и отталкиванiя, придающiя эти свойства тому что мы называемъ матерiей — что атомы, какъ я говорю я, ровно ни къ чему не служатъ, такъ какъ вообще признано что эти предполагаемые атомы никогда другъ друга не касаются, и мы не можемъ постичь какими обра-

зоны эти однородныя, недѣлимыя и твердыя тѣла могли бы быть сами первою причиною тѣхъ силъ которыя изъ центровъ ихъ исходятъ.

„Если такимъ образомъ ни одно изъ свойствъ матеріи не происходитъ отъ самихъ атомовъ, но только отъ силъ, исходящихъ отъ точекъ пространства принимаемыхъ за центры атомовъ, то логично представить себѣ что атомы эти все болѣе и болѣе умалются до полнаго исчезновенія и что на мѣстѣ ихъ остаются только центры локализованныхъ силъ.... Такимъ образомъ, матерія, въ сущности, есть сила, и ничто другое какъ сила; въ обыкновенномъ же пониманіи этого слова она не существуетъ и даже философски невысказима. Когда мы касаемся до матеріи, мы въ дѣйствительности не ощущаемъ ничего другаго какъ сопротивленіе, то-есть силу отталкивающую.

„Убѣдившись однажды что сила или силы это все то что существуетъ въ мірѣ вещественномъ, мы немедленно приходимъ къ изслѣдованію того что такое сила. Намъ извѣстны два рода силъ совершенно различныхъ, — по видимому, по крайней мѣрѣ. Это, съ одной стороны, элементарныя силы природы: тяготѣніе, сѣпленіе, тепло, электричество, и т. д.; съ другой стороны, наша собственная сила воли.... И такъ, въ нашей собственной волѣ мы находимъ, хотя и въ малѣйшемъ количествѣ, начало силы, тогда какъ мы ни въ чемъ иномъ не находимъ никакой элементарной причины силы; не мѣло поэтому заключить что всякая существующая сила сводится, быть-можетъ, къ силѣ воли, и что слѣдовательно весь міръ не только зависитъ отъ воли высшихъ разумныхъ или высшаго разумнаго существа, но и *есть* эта самая воля.“

Эти нѣсколько прѣстранныя обобщенія были для насъ необходимы для полнѣйшаго уразумѣнія того частнаго вопроса который насъ ближайше занимаетъ. Послѣ всего сказаннаго совершенно ясно почему Шопенгауэръ не отвергалъ мистическихъ явленій, и даже видѣлъ въ нихъ особенное подтвержденіе не только для Кантовской философіи, но и для своей собственной; дѣйствительно, во всѣхъ этихъ явленіяхъ единственнымъ, настоящимъ факторомъ является воля, какъ вещь по себѣ. Изслѣдованію этихъ явленій Шопенгауэръ посвящалъ въ своихъ *Parerga* и своемъ сочиненіи *Ueber den Willen in der Natur* особыя главы; въ нихъ трактуетъ онъ о животномъ магнетизмѣ, ясновидѣніи,

двойномъ зрѣніи, самлпатическихъ исцѣленіяхъ, магіи, вѣщихъ снахъ, духовидѣніяхъ и видѣніяхъ всякаго рода.

„Всѣ эти явленія, говоритъ онъ, суть вѣтви одной и той же отрасли и даютъ неоспоримыя доказательства существованія такой связи существъ которая покоится на совершенно иномъ порядкѣ вещей чѣмъ та природа которая имѣетъ въ основаніи своемъ законы пространства, времени и приличности; этотъ иной порядокъ есть болѣе глубокій, первоначальный и непосредственный; предъ нимъ первые и обыкновенные законы природы, какъ чисто-формальные, не дѣйствительны; поэтому время и пространство не раздѣляютъ болѣе индивидуумовъ, и зависящее отъ этихъ формъ разединеніе ихъ уже не ставитъ болѣе неодолимыхъ для сообщенія мыслей и для непосредственнаго дѣйствія воли преградъ; такимъ образомъ измѣненія могутъ быть произведены совершенно инымъ путемъ чѣмъ путемъ физической причинности, а именно посредствомъ особеннымъ способомъ обнаруженнаго и вѣдъ предѣловъ самого индивидуума проявленнаго акта воли. Поэтому особенный характеръ всѣхъ упомянутыхъ выше явленій есть *visio in distans et actio in distans*, какъ по времени такъ и по отношенію къ пространству. Такое дѣйствіе на разстояніи и составляетъ основной характеръ того что называется магическимъ; ибо таково именно непосредственное дѣйствіе воли нашей, освобожденное отъ причинныхъ условій физическаго дѣйствія, то-есть прикосновенія.

„Кромѣ того, говоритъ Шопенгауэръ, явленія эти представляютъ намъ фактическое и совершенно-вѣрное опроверженіе не только матеріализма, но и натурализма, потому что во свѣтѣ этихъ явленій тотъ порядокъ природы который эти оба міровоззрѣнія желаютъ представить абсолютнымъ и единственно настоящимъ, является намъ напротивъ чисто феноменальнымъ и поверхностнымъ, имѣющимъ въ основѣ своей независимое отъ его законовъ существо вещей по себѣ. Вотъ почему эти явленія, по крайней мѣрѣ съ философской точки зрѣнія, между всеми фактами которые представляются намъ въ области опыта, суть безъ всякаго сравненія самыя важныя; поэтому основательно познакомиться съ ними есть обязанность всякаго ученаго.“

Къ разряду подобныхъ явленій принадлежатъ, разумѣется и медиумическія, или, по удачному выраженію одного изъ

ванныхъ ученыхъ, психо-динамическія. \* Эти явленія представляютъ намъ высшее доказательство той „практической метафизики“, по опредѣленію Бэкона, или той „опытной метафизики“, по опредѣленію Шопенгауэра, которая мигуетъ самые обыкновенные законы природы (времени, пространства и причинности), и почитаемое *a priori* невозможнымъ, дѣлается возможнымъ. Къ элементарнымъ явленіямъ этого рода относятся звуки и движенія въ неодушевленныхъ предметахъ, безъ приложенія къ нимъ какой бы то ни было извѣстной механической силы; къ высшимъ явленіямъ относится временное образованіе видамаго и осязаемаго, посторонняго, орудующаго тѣла; такимъ образомъ, мы имѣемъ здѣсь не только физическое дѣйствіе воли на разстояніи, но и полную объективацию воли въ матерію, то-есть превращеніе воли въ матерію. \*\* Къ сожалѣнію, Шопенгауэръ не дожидъ до того чтобъ увидать какъ быстро и вѣрно сбываются имѣя его пророческія слова: „Придетъ время, сказалъ онъ, когда философія, животный магнетизмъ и безпримѣрно преуслѣвшія во всѣхъ отрасляхъ своихъ естественныя науки такимъ яркимъ свѣтомъ освѣтятъ другъ друга что откроются истины о которыхъ и мыслить не дерзали.“

Подробно и систематически разработалъ всю область малоизвѣстныхъ психическихъ явленій въ духѣ ученія Шопенгауэра нѣмецкій натуралистъ и философъ Максимилианъ Перти (*Perty*) въ обширномъ сочиненіи своемъ: *Die mystischen Erscheinungen der menschlichen Natur* (Мистическія явленія человеческой природы), въ который онъ включилъ, разумѣется, и спиритическія, подъ заглавіемъ „современныя формы магіи“. Въ предисловіи своемъ онъ говоритъ: „явленія магической жизни покоятся частью на совершенно иномъ порядкѣ вещей чѣмъ та природа въ которой мы знаемъ время, пространство и причинность; съ ними нельзя много экспериментировать; нѣтъ нельзя по произволу вынимать, а можно только наблюдать когда они намъ представляются; можно только подводить ихъ по аналогіи подъ извѣстные разряды, и изъ нихъ выво-

\* См. статью профессора Н. П. Вагнера *Ueber die psychodynamischen Erscheinungen*, помещенную въ мартовской книжкѣ журнала *Psychische Studien* (Leipzig, Mutze).

\*\* См. статью профессора Н. П. Вагнера, въ апрѣльской книжкѣ *Вѣстника Европы*, 1875.

дять общія точки зрѣнія и законы.“ Хотя сказанное относится въ широкомъ смыслѣ и къ медиумическимъ явленіямъ, но существенное различіе и важность ихъ состоитъ именно въ томъ что вѣсть съ ними открывалась впервые и возможность опредѣлять условія ихъ проявленія, а слѣдовательно и возможность подвергать ихъ тщательному наблюденію и точному опыту, какъ доказали это Геръ, Крукъ и многіе другіе.

Понятно что не могъ отвергнуть этихъ явленій и Гартманъ, который также отвелъ имъ главу въ своей „Философіи Безсознательнаго“. Не могъ, разумѣется, не признать ихъ и ближайшій послѣдователь философіи Шопенгауэра въ Германіи, Юліусъ Фраунштедтъ, который еще недавно въ пространнымъ разборѣ вышедшаго въ прошломъ году въ нѣмецкомъ переводѣ сочиненія Уаллеса объ этомъ предметѣ;—разборѣ, въ которомъ авторъ его естественно отстаиваетъ теорію Шопенгауэра (магическаго познанаія и магическаго дѣйствія воли) противъ теоріи Уаллеса—высказался слѣдующимъ образомъ: „Послѣ такихъ свидѣтельствъ въ пользу этихъ фактовъ, отвергать ихъ достоверность невозможно, ибо ложность такихъ свидѣтельствъ была бы еще бѣльшимъ чудомъ чѣмъ сами факты; и потому никакъ нельзя не согласиться съ авторомъ что они требуютъ тщательнаго и всесторонняго изслѣдованія.“

Полный титулъ сочиненія Уаллеса о которомъ идетъ рѣчь таковъ: „Научный видъ сверхъ-естественнаго. Желательности опытнаго, научнаго изслѣдованія способностей такъ-называемыхъ медиумовъ и ясновидящихъ“. Въ этомъ сочиненіи онъ приводитъ въ пользу реальности медиумическихъ явленій свидѣтельства двадцати двухъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ въ области литературы или науки, личностей; о себѣ же ономъ говоритъ: „До знакомства моего съ явленіями спиритизма я былъ законнымъ скептикомъ материалистомъ, горячимъ приверженцемъ ученій Штрауса, Фохта и Спенсера. Но факты непреклонны. Сперва возбудилось мое любопытство; потомъ жажда знанія и любовь къ истинѣ заставили меня заняться ими; факты становились все надежнѣе, все разнообразнѣе, все болѣе далекими отъ того чему учитъ современная наука; факты любили меня, принудили признавать ихъ за факты.“ \* Германія была не мало изумлена появленіемъ

\* Интересно сличить эти слова о безвыходности положенія наблюдателя подобныахъ фактовъ со словами одного изъ нашихъ

емъ такой книги изъ-людъ пера знаменитаго натуралиста, столь же опытнаго наблюдателя какъ и глубокаго мыслителя, раздѣляющаго съ Дарвиномъ славу создателя ученія о происхожденіи видовъ и естественномъ подборѣ; было даже высказано и не мало негодovanія по поводу прикосновенности его къ такому презираемому вопросу какъ спиритизмъ; но все-таки несмотря на предубѣжденіе, нѣмецкая печать обратила на это сочиненіе надлежащее вниманіе, и болѣе добросовѣстнаго разбора чѣмъ сдѣланный Фраунштедтомъ, невозможно желать. За то наша печать, воздающая также не малую честь этому сподвижнику Дарвина, обладающая даже двумя различными изданіями перевода его сочиненія *О Малойсколѣ Архипелагѣ*, молчитъ упорно когда дѣло коснулось до откровенія Уаллеса къ спиритизму! Какъ будто появленіе такой книги не есть событіе въ мірѣ науки; какъ будто упорнымъ молчаніемъ возможно оставить ходъ развитія явленій природы, утаить тотъ порядокъ вещей который по нашему предвзвѣтому и ограниченному пониманію не можетъ, не долженъ быть!

Какъ бы то ни было, но въ этомъ именно сочиненіи, вышедшемъ въ 1866 году, находимъ мы разгадку того, повидимому внезапнаго, столь удивившаго ученый міръ поворота, который сдѣлалъ Уаллесъ въ послѣднемъ сочиненіи своемъ *О естественномъ подборѣ*, когда рѣчь дошла до человека; известно что на этомъ пунктѣ онъ съ ученіемъ Дарвина

истинныхъ ученыхъ о томъ же предметѣ: „Несмотря на закоренѣлое невѣріе, съ которымъ всегда приступаешь къ этимъ вопросамъ, приходится наконецъ преклониться предъ дѣйствительностію. Въ началѣ бываешь совершенно ошеломленъ свидѣтельствомъ собственнымъ чувствомъ, говорящихъ о реальности такихъ вещей которыя привыкли считать противорѣчащими здравому разсудку. Не мало нужно времени и внутренней работы, чтобы помириться съ этою дѣйствительностію, и когда наконецъ уже принуждемъ признать ее, то все еще не легко успокоиться и привыкнуть считать невѣроятное существующимъ на дѣлѣ: время отъ времени пробуждаются вредныя ряды идей, поднимаются старыя сомнѣнія, и только чистѣйшая невозможность отрицать фактическую истинность видѣнаго устраиваетъ ихъ. Предъ этими фактами стоишь въ полномъ сознаніи ограниченности человѣческой науки и уступаешь только потому что съ фактами спорить нельзя. См. *Psychische Studien* въ 1874, № VII, статью профессора Бутарова: *Der Mathematiker Ostrogradsky als Spiritualist*.

разошелся. Покуда критики не захотят пролигнуть въ ту область опыта въ естествознаніи, чрезъ которую Уаллесъ прошелъ и на которую указываетъ въ предшествующемъ сочиненіи своемъ, до тѣхъ поръ надъвлашній столько соблазну поворотъ во взглядахъ его останется загадкой. Но для того кто возьметъ на себя трудъ познакомиться съ этимъ сочиненіемъ представляется совершенно въ целомъ свѣтъ не только тѣ частности о которыхъ мы сейчасъ упомянули, но и тѣ общія разсужденія коими онъ заканчиваетъ свою книгу *О естественномъ подборѣ*. Быть-можетъ разсужденія эти покажутся совершенно ясными и для нѣкоторыхъ читателей нашихъ, и мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи поделиться ими. Выказавшись, какъ мы уже имѣли случай видѣть, въ пользу тождества матеріи и силы, и того что всякая сила есть вѣроятно сила воли, Уаллесъ заканчиваетъ свою книгу слѣдующими словами:

„Нельзя не видѣть великаго успѣха въ томъ что мы извлекаемся отъ того возрѣвнiя которое допускаетъ существованіе трехъ различныхъ вещей: 1) *матеріи*, какъ предмета реально существующаго, не разрушаемаго и не сотвореннаго и потому вѣчнаго; 2) *силы* приданной матеріи или составляющей ея необходимую принадлежность, и наконецъ 3) *духа* понимаемаго или какъ продуктъ матеріи и силъ ей присущихъ, или отдѣльно хотя и нераздѣльно съ ней существующаго. Было бы гораздо предпочтительнѣе эту сложную теорію, вовлекающую въ дилеммы и противорѣчiя безъ конца замѣнить возрѣвнiемъ гораздо болѣе простымъ и послѣдовательнымъ, по которому матерія не есть сущность отдѣльная отъ силы, а сила есть продуктъ духа.

„Философія уже давно доказала нашу неспособность доказать существованіе матеріи въ обыкновенномъ пониманіи этого слова, между тѣмъ какъ она принимаетъ за доказанное для каждаго его собственное сознательное бытіе. Наука пришла нынѣ къ тому же результату, и это согласіе двухъ великихъ отраслей человеческого познанія должно внушить намъ нѣкоторое довѣріе къ ихъ ученіямъ. Міросозерцаніе къ которому мы пришли представляется намъ болѣе великимъ, болѣе высокимъ и болѣе простымъ чѣмъ всякое другое. Во свѣтъ е мы можемъ понимать вселенную какъ вселенную разума воли; мы можемъ понимать духъ, какъ нѣчто независимое отъ того что мы называли прежде матеріею; мы усматриваемъ



емъ возможность безконечныхъ формъ бытія въ связи съ безконечно разнообразными проявленіями силы, совершенно отличными отъ того что мы называли матеріей, но тѣмъ не менѣе столь же реально существующими.“

Изъ всего сказаннаго здѣсь выяснилось кажется достаточно что Юркевичъ, какъ философъ, въ отношеніи своемъ къ спиритизму, не стоялъ особнякомъ, не поддавался какимъ-либо личнымъ умозрѣніямъ и увлеченіямъ, но, признавая его факты и ихъ значеніе, остался вѣренъ той наукѣ которая не измѣняетъ высшимъ требованіямъ человѣческой природы. Въ то время какъ положительное знаніе, предъ необходимостію объясненія невѣроятныхъ, но тѣмъ не менѣе данныхъ въ опытѣ явленій, приходитъ въ замѣшательство, философія, напротивъ, находитъ въ нихъ наглядныя и рѣшительныя для своихъ высшихъ умозрѣній доказательства.

А. АКСАКОВЪ.

Мартъ, 1875, С.-Петербургъ.

---

# КРИТИКИ ТОГО БЕРЕГА

---

*Аксаков.* „Was muss man vom Spiritismus denken?“ Referat. *Psychische Studien*, 1875. Heft IX, p. 405. „Noch einige Worte etc“ *id.* Heft X, p. 451.

*Вагнер.* „Медиумизмъ“. *Русскій Вѣстникъ*, 1875, октябрь.

*Бутлеровъ.* „Медиумическія аваенія“, *id.*, ноябрь.

## I.

Что мое возраженіе г. Вагнеру \* должно было возбудить неприятыя чувства въ специфическихъ спиритскихъ кружкахъ, это казалось мнѣ напередъ совершенно естественнымъ. Въ лицѣ г. Вагнера спиритизмъ сдѣлалъ очень крупное пріобрѣтеніе—человѣка способнаго быть не только ревностнымъ прозелитомъ, но и вліятельнымъ апостоломъ этого ученія. Первый шагъ его въ этомъ отношеніи сопровождался довольно значительными послѣдствіями. Его „Письмо“ произвело въ нашей публицѣ эффектъ, который едва ли разсѣялся посылавшимися на него болѣе или менѣе остроумными и мѣткими нападеніями фельетонной печати. Неподдѣльная искренность тона, энергія и литературныя достоинства изложенія, наконецъ обаяніе научнаго авторитета—все это очень важныя орудія, находившіяся въ рукахъ г. Вагнера, и которыми онъ воспользовался вполне. И не удивительно что

---

\* „Что думать о спиритизмѣ?“ *Вѣстникъ Европы*, 1875, июль и июль.

оказались достаточными какъ для того чтобы представить въ глазахъ его многочисленныхъ читателей въ совершенно новомъ свѣтѣ значительно дискредитированный предметъ, такъ и для того чтобы наполнить спиритическіе кружки самыми сдвигивическими ожиданіями. Нескрываемая цѣль моей статьи состояла въ томъ чтобы объяснить той же публикѣ что между всѣми этими вѣшними качествами и между внутреннимъ содержаніемъ „Письма“ г. Вагнера нѣтъ никакого соответствія и что розовыя надежды спиритизма были во всякомъ случаѣ преждевременны. *Inde ira*—и это совершенно ясно.

Менѣе понятно для меня раздраженіе съ которымъ отвѣсаясь къ моимъ статьямъ издаваемый въ Лейпцигѣ г. Аксеновымъ журналъ *Psychische Studien* и самъ г. Вагнеръ. Poleмика противъ спиритизма не прекращается вѣдь со дня его появленія, и неужели г. Вагнеръ и его защитники рачитывали въ этомъ случаѣ на исключеніе? А если нѣтъ, то почему же мое совершенно спокойное обсужденіе ообщеній г. Вагнера возбуждаетъ такую неумѣренную запальчивость у издателя *Psychische Studien* и столько горечи у г. Вагнера? Упомянутый журналъ не можетъ быть названъ, или по крайней мѣрѣ не называется самъ себя, исключительно спиритскимъ. На заголовкѣ его мы читаемъ въ общихъ чертахъ что онъ посвященъ „ислѣдованію мало извѣстныхъ явленій душевной жизни“.

Въ проектѣ его обѣщалось что журналъ этотъ будетъ „свободнымъ органомъ для всѣхъ убѣжденій, для всѣхъ мнѣній и для *противъ* представленныхъ гипотезъ и теорій относительно явленій которыми онъ занимается“. \* Можно было бы подумать что такой журналъ отнесется если не съ сочувствіемъ, то по крайней мѣрѣ съ добросовѣстнымъ вниманіемъ къ попыткѣ разъяснить рядъ психологическихъ, физиологическихъ и другихъ залутанностей, связанныхъ съ вопросомъ о спиритизмѣ, попыткѣ исходящей отъ человѣка по специальности своей поставленнаго въ довольно близкое отношеніе ко многимъ изъ возникающихъ при этомъ вопросамъ. Но исполнить всегда труднѣе чѣмъ обѣщать. Многое заставляетъ думать что приведенныя слова никогда не выражали серьезной цѣли журнала, для служенія которой

\* *Psychische Studien*, 1874, Heft 1, p. 6.

редакція нашла въ себѣ достаточный запасъ умѣнья, и доброй воли, а служила только флагомъ, которымъ она прикрывается въ глазахъ своихъ читателей самую обыкновенную спиритскую контрабанду. Доказательство этому мы видимъ въ постепенномъ паденіи интереса книжекъ этого журнала, наполняемыхъ въ вмѣшнемъ году почти исключительно спиритскими фактами; въ кокетничаньи его съ крайними, явно ирраціональными или компрометтированными элементами спиритизма, и наконецъ въ раздраженіи съ которымъ редакція относится ко всякому признаку противоположнаго мнѣнія, симптомы достаточно характеристичны чтобы понять что для редакціи *Psychische Studien* важно не „иссѣдованіе“ спиритизма, какъ одного изъ явленій душевной жизни, а его отстаиваніе всѣми мѣрами. Маска не держалась и одного года, и „органъ свободнаго иссѣдованія“ превратился точно въ такое орудіе воинствующей церкви спиритизма какъ и сотни другихъ, безвѣстно для міра, ратующихъ и „собирающихъ факты“ спиритскихъ изданій. Упрекать за это редакцію мы не имѣемъ права только потому что иначе повести дѣло она вѣроятно была и не въ состояніи.

## II.

Мое возраженіе г. Вагнеру редакція *Psychische Studien* причислила къ тѣмъ „серіознымъ статьямъ“ о которыхъ она хотѣла сдѣлать сообщеніе своимъ читателямъ. Въ сентябрьской книгѣ этого журнала издатель, г. Аксаковъ, напечаталъ рефератъ первой части моей статьи, а редакція снабдила его полемизирующими со мною подстрочными примѣчаніями. Чтобы дать понятіе о силѣ этой полемики, я приведу только одно, но за то самое важное изъ этихъ примѣчаній.

Въ одномъ мѣстѣ моей статьи говорится: „Если явленія въ точности таковы какъ ихъ описываетъ профессоръ Вагнеръ, то ими... опровергаются всѣ понятія о міровомъ порядкѣ, до которыхъ достигнулъ въ наше время человѣческой разумъ. Согласить ихъ рациональнымъ образомъ съ закономъ сохранения силы или съ закономъ причинности вообще... очевидно невозможно.“ \* Въ другомъ мѣстѣ я говорю: „Есть основаніе думать что и спиритическія чудеса, то-есть то

\* *Вѣстникъ Европы*, 1875, июль, стр. 967.

что из них есть объективно-реальное, подчинено общему мировому закону сохранения энергии". \* Редакция *Psychische Studien* дѣлаетъ къ этому слѣдующее примѣчаніе: „Итакъ, профессоръ Шкадревскій, начавши утвержденіемъ что феномены спиритизма совершенно противорѣчатъ порядку природы и никакъ не совместимъ съ закономъ сохранения силы, заключаетъ тѣмъ что все объективное и реальное въ этихъ феноменахъ все-таки подчинено общему закону сохранения силы! Нельзя впасть въ болѣе рѣзкое противорѣчіе. Эта логическая путаница объясняется только тѣмъ что г. профессоръ самъ началъ заниматься спиритизмомъ!“ и т. д. \*\* Доказывать что въ моихъ словахъ нѣтъ и тѣни противорѣчія, что въ одномъ случаѣ я говорю о явленіяхъ какъ они представляются спиритамъ, а въ другомъ какъ они представляются мнѣ—было бы слишкомъ скучно и для меня, и для читателей. Но не удивительна ли эта ученая редакция *Psychische Studien*, которая и на совершенно ясной картинкѣ выжидается въ подписи „это левъ, а не собака!“

Мой отвѣтъ г. Аксакову имѣетъ главнымъ образомъ въ виду впрочемъ не эти примѣчанія, въ которыхъ г. Аксаковъ, можетъ-быть, и не повиненъ, \*\*\* а возраженіе мнѣ, напечатанное въ октябрьской книгѣ *Psych. Stud.* отъ лица издателя. \*\*\*\* Въ возраженіи этомъ два существенные пункта. Одинъ изъ нихъ касается предмета имѣющаго и нѣкоторый объективный интересъ, но во всякомъ случаѣ имѣетъ интересъ минуты, какъ затрогивающій одинъ изъ поднятыхъ полемикой спиритизмъ и часто теперь дебатиремыхъ метафизическихъ вопросовъ. Другой пунктъ имѣетъ болѣе субъективное значеніе, но и онъ настолько характеристиченъ что узнать о немъ въ нѣсколькихъ словахъ будетъ вѣроятно не безынтересно и для читателей.

Первое возраженіе г. Аксакова относится къ слѣдующему пункту моей статьи: „Какъ ни странно это покажется на первый взглядъ, но достоверно то что образование изъ ничего какого-либо человеческого организма составляетъ нѣчто безусловно болѣе простое, чѣмъ образование одной человеческой

Id. стр. 969.

*Psych. Stud.* Heft. IX, 1875, p. 407.

Издатель и редакторъ *Psych. Stud.* не одно лицо.

*Psych. Stud.*, Heft X, 1875, p. 451.

руки, дѣйствующей, какъ таковая, безъ участія войскъ другихъ частей организма. На основаніи безчисленныхъ данныхъ опыта, мы должны считать первое только *невозможнымъ*, тогда какъ второе не только невозможно, но и *немыслимо*“.\*

Къ этимъ словамъ г. Аксаковъ относится очень смисока. „Возможно, говоритъ онъ, что-нибудь на это возражать... Ни г. Вагнеръ и никто другой изъ спиритовъ не утверждаетъ, не говорю уже не предполагалъ чтобы что-нибудь, а всего меньше какой-нибудь организмъ, образовались изъ ничего. Г. Вагнеръ никоимъ образомъ не предполагалъ чтобы рука дѣйствовала одна, независимо отъ принадлежащаго къ ней организма. Къ чему же всѣ эти опроверженія, основанныя только на произвольныхъ предположеніяхъ, которыя доставляются нашимъ собственнымъ воображеніемъ и въ то же время заставляютъ догадываться объ интеллектуальной способности нашихъ противниковъ? Возьмемъ ли на себя Шкляревскій утверждать невозможность или немыслимость того чтобы часть организма была видима и осязаема, тогда какъ другая часть этого организма для нашихъ чувствъ не видима и неосязаема?“\*\*

На это отвѣчу просто что я не только берусь утверждать то что выражается въ этомъ вопросѣ ко мнѣ, но и доказываю это съ очевидностью. Для этого я въ сущности только поставлю въ оба противоположныя мнѣнія, вмѣсто словъ, что ими выражается, и я надѣюсь что полученный результатъ убѣдитъ самого г. Аксакова въ томъ что особенная „интеллектуальная способность“ спиритовъ состоитъ по всѣмъ вѣроятности только въ умѣнны мыслить формою, а не содержаниемъ представленій.

### III.

Прежде я долженъ однако устранить подозрѣніе въ то что я навязываю г. Вагнеру и спиритамъ мнѣнія о которыхъ имъ и не грезилось. Въ приведенныхъ словахъ г. Аксакова раньше его также редація *Psychische Studien*,\*\*\* энергично

\* *Вѣстн. Европы*, 1875, июль, стр. 416.

\*\* *Psych. Studien*, 1875, Heft. X, p. 452.

\*\*\* Heft IX, 1875, p. 407.

ски отвергаютъ чтобы кто-нибудь изъ спиритовъ допускалъ образование матеріализованныхъ формъ изъ ничего. Открываютъ въ отвѣтъ статью „Медиумизмъ“ именно того спирита, противъ котораго я возражалъ, г. Вагнера. \* На стр. 946 его статьи напечатано: „И для меня казалось невозможнымъ образование *человѣческой руки изъ ничего, изъ воздуха*, образование мгновенное, со всѣмъ ея химическимъ составомъ, со всѣми гистологическими тонкостями, и между тѣмъ это фактъ несомнѣнный, страшный, чудовищный фактъ“. Такъ какъ нельзя допустить чтобы г. Вагнеръ считалъ воздухъ „ничѣмъ“ или „ничто“ воздухомъ, то единственный логичный смыслъ этой фразы тотъ что г. Вагнеръ считаетъ фактомъ образование при спиритическихъ сеансахъ *человѣческой руки, или изъ ничего, или изъ воздуха*, и что слѣдовательно онъ допускаетъ возможность образования такой руки изъ ничего. И г. Вагнеръ не только не заслуживаетъ за это порицанія, но напротивъ, какъ мы тотчасъ увидимъ, только такое объясненіе „факта“ и можетъ спасти отъ нелѣпыхъ выводовъ къ которымъ приводитъ всякое другое его объясненіе. Если сказать г. Аксакову что между спиритами никто и никогда не допускалъ возможности образования видѣнныхъ ими рукъ изъ ничего, то это значитъ только что изъ всѣхъ спиритовъ только одинъ г. Вагнеръ обнаружилъ способность мыслить объ этомъ явленіи на половину логически. На половину потому что г. Вагнеръ допускаетъ наравнѣ съ этимъ возможность образования *человѣческой руки, „со всѣмъ ея химическимъ составомъ“, изъ воздуха*, забывая что въ воздухѣ находятся только максимумъ четыре изъ семи или восьми составныхъ элементовъ *человѣческой руки*.

Но если безъ дальнѣйшихъ объясненій видно что гипотеза образования матеріализованной руки изъ воздуха грѣшитъ грубымъ противорѣчіемъ съ тѣмъ что мы достовѣрно знаемъ о природѣ какъ воздуха, такъ и руки, то гораздо меньше можно думать, не можетъ ли быть допущена та же гипотеза въ нѣсколько усовершенствованной формѣ, какую ей можетъ-быть придають Вагнеръ и спириты, и которая будетъ приблизительно слѣдующая.

## IV.

Наука знаетъ въ настоящее время не менѣе 64 специфическихкихъ веществъ изъ которыхъ построена вся природа. Но кромѣ этого почтеннаго числа, есть большія основанія допустить существованіе въ природѣ еще одного шестьдесятъ пятаго вещества, существенно отличающагося своею безконечно большею тонкостью отъ всѣхъ вышеупомянутыхъ. Это послѣднее вещество названо эфиромъ и считается посредникомъ свѣта, лучистаго тепла, можетъ-быть электричества и т.

До сихъ поръ не удалось никоимъ способомъ превратить одно изъ этихъ веществъ въ другое или прослѣдить это превращеніе гдѣ-нибудь въ природѣ помимо насъ. Но нѣтъ ничего невѣроятнаго что эта невозможность обуславливается только нашимъ недостаточнымъ пока знаніемъ природы. Возможно и даже вѣроятно что эти 65 элементовъ природы составляютъ только видоизмѣненія одного какого-нибудь основнаго вещества, изъ котораго, напримѣръ, различною группировкою частицъ, произошли всѣ другіе виды вещества. Въ такомъ случаѣ всего ближе предположить что такимъ основнымъ веществомъ служить именно эфиръ, и что отъ различныхъ сочетаній или отъ различнаго движенія атомовъ эфира произошли всѣ простые химическіе атомы тѣлъ, тогда какъ оставшіяся свободный эфиръ наполнилъ промежутки между ними. Гипотеза о такомъ значеніи эфира, какъ основной субстанціи природы, несмотря на всю ея привлекательность представляетъ много затрудненій, далеко не разрѣшеннымъ и могла бы быть принята физиками только съ большою осторожностью. Но извѣстныя до сихъ поръ свойства эфира и малой мѣрѣ не противорѣчатъ ей, и возникавшія съ разныхъ сторонъ попытки основать на ней физическое міросозерцаніе абсурдами считать нельзя. Во всякомъ случаѣ нужно имѣть что никакой другой *materia prima* мы не открываемъ во всей вселенной ни слѣда, и для того кто не удовлетворяется странною многочисленностью химическихъ элементовъ тѣлъ, не остается другаго выхода, какъ принять общій матеріальный субстратъ въ эфирѣ.

Съ точки зрѣнія такой монистической гипотезы можно слѣдовательно, утверждать что всѣ тѣла природы, изъ



они ни казались бы намъ состоящими, построеннымъ въ сущности изъ эфира. И наоборотъ, всякое тѣло природы, доведенное до крайняго разложенія, превращается въ эфиръ, изъ котораго новою группировкой атомовъ можно получить всякое другое тѣло. Если поэтому спириты говорятъ объ эфирной оболочкѣ ихъ „духовъ“ (периспритъ), объ „эфирныхъ“ рукахъ и образахъ, появляющихся въ ихъ сеансахъ; если г. Вагнеръ уломинаетъ о неизвѣстной *materia prima*, изъ которой рука формуется, и притомъ мгновенно и также мгновенно разрушается безслѣдно, \* то все это можемъ имѣть съ точки зрѣнія приведенной гипотезы извѣстный физическій смыслъ, если только при этомъ разумѣется не какое-нибудь фантастическое вещество, а именно тотъ эфиръ, движеніе котораго изслѣдуется и измѣряется физиками въ извѣстныхъ лучистыхъ явленіяхъ. Допущеніе же наряду съ нимъ еще какого-нибудь другаго матеріальнаго субстрата, было бы совершенно произвольнымъ предположеніемъ, не имѣющимъ никакой опоры въ современномъ состояніи нашего знанія о природѣ. \*\* Брамины могли въ свое время фантазировать о „творческомъ огнѣ“, каббалисты и алхимики Среднихъ Вѣковъ о „мировомъ свѣтѣ“, магнетизеры прошлаго вѣка о „магнитной жидкости“, соединяющей всѣ тѣла природы въ одно цѣлое, сколько имъ угодно. Ихъ *materia prima* была или чистая логическая абстракція, или созданіе фантазіи, которыя они были явнѣе правѣ одѣвать какими хотѣли свойствами. Относительно нашей *materia prima*, то-есть эфира, мы далеко не имѣемъ такой свободы, потому что эфиръ имѣетъ свои опредѣленныя свойства и подчиняется законамъ, уже установленнымъ опытомъ, которые мы игнорировать не можемъ. Если, поэтому, намъ представляется „фактъ“ перехода разрѣженнаго, невидимаго и неосознаемаго вещества въ форму доступную зрѣнію и осяза-

\* См. *Русскій Вѣстникъ* 1875, октябрь, стр. 946.

\*\* Читателю вѣроятно извѣстны серіозныя попытки послѣднихъ годовъ свести загадочныя до сихъ поръ явленія электричества къ разнымъ видамъ движенія того же эфира, котораго свойства были первоначально изучены на явленіяхъ свѣта и лучистаго тепла. Такъ такъ магнетизмъ давно считается только частнымъ случаемъ электрическихъ процессовъ, то необходимость принятія другихъ „неэфирныхъ“ жидкостей, кромѣ эфира, можно считать въ наше время ретрарессивною.

нью, или, наоборотъ, переходъ этой формы въ ея неудобный для нашихъ чувствъ матеріальный субстратъ, то эти переходы не составляютъ для насъ простыхъ актовъ, какими они представлялись младенческому уму человека въ тѣ отдаленныя времена. Оба эти противоположные процессы матеріализацію и дематеріализацію формъ, мы должны положить на ихъ отдѣльные моменты, изъ коихъ по крайней мѣрѣ нѣкоторые извѣстны намъ съ точностію, потому что они входятъ какъ составныя части во многіе другіе процессы, вполнѣ доступные изслѣдованію. Но и относительно остальныхъ мы можемъ сдѣлать нѣкоторыя заключенія и аналогіи, такъ какъ процессы ведущіе къ одной и той же цѣли всегда запечатлѣны одними и тѣми же основными и характеристическими чертами.

## V.

Итакъ, субстратомъ матеріализаціи съ нѣкоторою правдоподобностію можетъ быть, какъ мы видѣли, только эфиръ. Относительно эфира мы знаемъ что невѣсомой жидкости онъ называется только относительно. Изъ основныхъ положеній атомистической теоріи, принимаемой теперь всеми физиками и химиками, Томсонъ вывелъ что въ одной кубической англійской милѣ свободного эфира заключается крайней мѣрѣ столько массы сколько ея находится въ одной 1.060.000.000 части фунта вѣсомой матеріи. Для того что вещество такой тонкости сгустилось въ форму человеческой руки, имѣющей, положимъ, одинъ килограммъ вѣсу, нужно употребить его около двухъ миллиардовъ кубическихъ англійскихъ милъ. Спрашивается, откуда возьмется это его количество? Какова бы ни была дѣйствующая при этомъ сила X, очевидно она можетъ взять нужное количество эфира и изъ пространства непосредственно окружающаго медиумъ или изъ какого-нибудь отдаленнаго пространства. Разсмотримъ одну за другою эти возможности.

Кубическую вмѣстимость земнаго шара можно положить равною приблизительно 331 миллиарду кубическихъ англійскихъ милъ. Слѣдовательно для матеріализаціи одной тонкой человеческой руки въ Петербургѣ пришлось бы употребить свободный эфиръ всей европейской и азиатской Россіи

несколько десятков верстъ въ глубину, а для матеріализаціи пологого образа Кети Кинга нужно было бы лишить эира почти половину земнаго сфероида. Что же было бы результатомъ этого? Не говоря уже о вліаніи на свѣтъ и тепло, вспомнимъ что эирными оболочками (этерсферами) одѣты всѣ атомы и молекулы тѣла, и что эиръ удерживаетъ ихъ на известныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга. Первымъ послѣдствіемъ его удаленія изъ тѣла было бы, поэтому, паденіе другъ на друга молекулъ носѣдлагаго, то-есть такой страшной химической процесъ, предъ которымъ показались бы ничтожною катастрофа древней сосѣдки нашей планеты, поведшая къ образованію астероидовъ.

Дѣло нисколько не поправляется, если мы предположимъ что вслѣдствіе абсолютной (?) упругости эира, сгущеніе его не оставляетъ пустоты ни на одно мгновеніе, такъ какъ ступенчатый на одномъ мѣстѣ эиръ тотчасъ же замѣщается свободнымъ изъ сосѣднихъ лунокъ. Въ такомъ случаѣ мы должны допустить что при всякой матеріализаціи происходитъ перемѣщеніе цѣлыхъ миллиардовъ кубическихъ миль эира по направленію къ мѣсту матеріализаціи. А это непременно сопровождалось бы весьма серьезными и отчасти легко обозримыми послѣдствіями которыхъ мы тоже не видимъ ни слѣда. Перемѣщеніе эира должно бы было совершаться съ очень значительною скоростью, такъ какъ по словамъ спиритовъ, матеріализація совершается „мгновенно“. Въ такомъ случаѣ, принимая въ разчетъ скорость распространенія свѣта, можно показать что на огромныхъ разстояніяхъ вокругъ точки куда притекаетъ эиръ, долженъ внезапно потухнуть всякій свѣтъ въ моментъ матеріализаціи.\* Было въ томъ что для всѣхъ лучей идущихъ въ одномъ направленіи съ токомъ эира, волны свѣта сократились бы, а для лучей противоположнаго направленія удлинились бы далеко за предѣлы дѣйствующихъ на нашъ глазъ величинъ. Вторымъ, столько же необходимымъ послѣдствіемъ этого перемѣщенія эира было бы увлеченіе эирными ураганомъ въ томъ же направленіи молекулъ тѣла, ибо хотя масса эира представляетъ какъ мы видѣли очень малую величину,

\* Собственно говоря, мы могли бы воспринимать только нѣкоторыя массально аберрируемыя лучи, двигающіеся перпендикулярно къ направленію эирнаго потока.

но квадратъ скорости ея былъ бы настолько великъ что живая сила этого движенія оказалась бы болѣе чѣмъ достаточно для того чтобы увлечь градъ метеоровъ и кометъ и сплечаго медиума, произвести пертурбаціи въ обращеніи планетъ вокругъ солнца и даже сдвинуть послѣднее съ его пути.

Также напрасно было бы пытаться устроить приводимыя несообразности предположеніемъ что процессъ матеріализаціи совершается гдѣ-нибудь на такомъ далекомъ разстояніи отъ медиума что вызываемыя имъ нарушенія вовсе не достигаютъ до нашей планеты. Матеріализованный продуктъ нужно же доставить къ мѣсту производства опыта. Если мы не знаемъ въ точности какое вліяніе на матеріализованную руку имѣло бы такое перемѣщеніе ея въ свободномъ эфирѣ за то очень хорошо знаемъ что произошло бы съ нею при ея движеніи въ воздухѣ. Метеоры, которые попадаютъ въ нашу атмосферу всего со скоростью 16—72 версты въ секунду достигаютъ поверхности земли расплавленными на большіи или меньшую глубину, или растреснувшимися отъ высокой температуры, вызванной треніемъ. Движущаяся съ безконечно большою скоростью рука очевидно явилась бы изъ такого путешествія не только обугленною, но и самый уголь это сгорѣлъ бы еще въ верхнихъ слояхъ атмосферы.

Какой бы поэтому силѣ мы ни приписывали самый актъ матеріализаціи, но очевидно что эта сила не пользуется своими цѣлѣй никакимъ веществомъ — ни тѣмъ который находится на мѣстѣ проявленій матеріализаціи, ни отдаленнымъ отъ него, такъ какъ ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ дѣло не могло бы обойтись безъ указанныхъ выше силъ комъ являхъ послѣдствій. Кто утверждаетъ что матеріализація есть „фактъ“, тому не остается слѣдовательно иного выхода какъ допустить что она совершается изъ *ничего*. Другими словами, онъ долженъ примириться съ мыслью что въ процессѣ медиума полушарлатана, какимъ теперь рисуетъ примѣръ Бредифа самъ г. Вагнеръ, совершаются во всѣхъ случаяхъ *творческіе* акты, по сущности своей совершенно равные тому которому мы приписываемъ происхожденіе. Ясно что такое предположеніе одинаково оскорбляло бы разумъ, и религиозное чувство и совершенно понятно почему спириты такъ энергически протестуютъ противъ матеріализаціи изъ *ничего*. Но очень серьезныя основанія не позволяютъ, какъ мы видѣли, допустить также и другую аль-

вннву, то-есть материализацію изъ чего-нибудь прежде существовавшего. \* А это и значитъ что материализація какъ объективный процессъ вообще невозможна, потому что никакой третьей возможности для нея не существуетъ. Несмотря на свидѣтельство чувствъ, мы должны утверждать это съ такою же положительностью съ какою мы утверждаемъ объективную относительную неподвижность солнца, несмотря на свидѣтельство чувствъ о его ежедневномъ движеніи.

## VI.

Разсмотримъ теперь на чемъ основана вторая часть нашего положенія, оспариваемаго г. Аксаковымъ. Я утверждалъ что материализація цѣлаго организма представляетъ нѣчто безусловно болѣе простое чѣмъ материализація одной только руки, дѣйствующей какъ таковая. \*\* Доказательство это состоитъ въ томъ что материализованный какимъ бы то ни было путемъ *полный* организмъ носитъ въ самомъ себѣ, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, условія своего существованія. *Нотипицис*, появившійся изъ реторты химика или изъ-за занавѣски медиума, есть гражданинъ міра съ перваго же мгновенія своего бытія. Онъ дышетъ однимъ съ нами воздухомъ, противодѣйствуетъ тяжести такими же какъ и мы мускулами, защищенъ отъ разрушительнаго дѣйствія вѣшнихъ физическихъ и химическихъ дѣятелей одинаковыми съ нами приспособленіями. На нѣсколько часовъ, даже на нѣсколько сутокъ, существованіе его обезпечено тою „матеріей“ которая въ насъ сосредоточена. Въ началѣ и въ концѣ отиѣреннаго ему времени происходитъ нелюстожимый, какъ мы доказывали, невозможный процессъ, но внутри этого промежутка все шло бы вполне естественнымъ путемъ.

Совсѣмъ иное дѣло отдѣльная рука этого самаго гонгула. Условія существованія руки находятся ни въ ней самой

\* Несообразности нѣсколько болѣе осмѣленной гипотезы этого рода (распаденія атомовъ какого-нибудь металла, напримеръ воздуха, въ вечеръ и вторичное сочетаніе атомовъ этого вечера въ новыя тѣлесныя формы), будутъ асымъ изъ того что говорится по поводу нелогическихъ случаевъ нѣтъ.

\*\* *Всплнкъ Европы*, 1875, июль, стр. 416.

а въ организмъ къ которому она принадлежитъ. Рука дышетъ, снабжается кровью, очищается отъ продуктовъ своего метаморфоза, регулируется въ своихъ отправленияхъ съ помощью органовъ находящихся внѣ ея, хотя и внутри того же организма. Если рука не лежитъ на полу, то потому что есть рычаги поддерживающіе ее на извѣстной высотѣ, если она перемѣщается въ пространство, то значить есть силы приводящія эти рычаги въ движеніе. Спрашивается: эти органы, обуславливающіе жизнь руки, эти рычаги и мышцы, приводящіе ее въ движеніе, могутъ ли быть невидимы, тогда какъ сама рука видима и осязаема? Естественный инстинктъ правдоподобности, вѣроятно подскажетъ огромному большинству читателей, что нѣтъ, что это невозможно, но дѣло въ томъ чтобъ указать почему это невозможно, чтобъ убѣдить въ этой невозможности даже тѣхъ кто вмѣстѣ съ г. Аксаковымъ захотѣлъ бы утверждать противное.

Гдѣ-нибудь на предплечіи такой руки должна находиться демаркаціонная поверхность, отдѣляющая видимую часть ея отъ невидимой. На этой поверхности невидимая артеріальная кровь превращается въ видимую, а видимая венозная въ невидимую. Это значить что въ устьяхъ вѣвъ на этой поверхности извѣстное количество твердыхъ и жидкихъ веществъ превращается въ агрегатное состояніе столь разрывное что оно становится недоступно нашимъ чувствамъ тогда какъ прямо противоположный процессъ происходитъ на мѣстахъ сѣченія демаркаціонною поверхностью артерій. Принимая  $\frac{1}{11}$  часть человѣческаго организма существующую въ видѣ крови, получаемъ для одного килограмма человѣческой руки около семидесяти пяти граммовъ крови. Принимая затѣмъ въ расчетъ время одного кровообращенія можно доказать что это количество крови должно въ минуту снѣняться въ рукѣ около четырехъ разъ при физиологическихъ условіяхъ. Другими словами, человѣческая рука, для нормальности своихъ отравленій, должна въ теченіе каждой секунды получать около пятидесяти граммовъ вещества въ видѣ артеріальной крови и приблизительно столько же отдавать его въ видѣ венозной. Такое же количество крови должно, следовательно, вновь формироваться въ началахъ артерій и разрушаться въ концахъ вѣвъ матеріализованное въ каждую секунду ея существованія.

Кровь есть смесь жидкости съ микроскопическими и твердыми тѣлами, состоящая химически изъ 80% воды, 19% бѣловыхъ веществъ и 1% солей. Чтобы сдѣлаться невидимыми, пятьдесятъ граммовъ этой смѣси должны каждую секунду превращаться на уровнѣ венозныхъ устьицъ въ ничто до такой степени разрѣженное чтобъ оно выходило далеко за предѣлы всѣхъ нашихъ способствъ изслѣдованія. А что здѣсь дѣло должно идти именно о такомъ чрезвычайномъ разрѣженіи, а не о простомъ переходѣ въ (тоже невидимое) газообразное состояніе скопленія, доказать не трудно, хотя во время face seance еще и не было никѣмъ произведено газоваго анализа. Можно именно показать что превращеніе въ газъ одной воды покидающей съ венозною кровью матеріализованную руку наполнило бы въ теченіе часа густымъ туманомъ всякую комнату обыкновенныхъ размѣровъ и обыкновенной температуры.\* Нѣтъ сомнѣнія также что газы, развившіеся отъ дестилляціи соответственнаго количества кровяныхъ бѣлковъ, сдѣлали бы еще гораздо раньше дыханіе въ этой комнатѣ невозможнымъ. Такъ какъ ни того ни другаго не бываетъ, то отсюда несомнѣнный выводъ что венозная кровь матеріализованной руки превращается во что-то гораздо болѣе тонкое, чѣмъ упомянутые нами газы.

## VII.

Всакое измѣненіе въ состояніи околленія тѣла сопровождается характеристическими и никогда не отсутствующими измѣненіями въ температурѣ тѣла. Если тѣло, среди воздуха, какъ въ нашемъ случаѣ, то-есть подъ извѣстнымъ давленіемъ, разрѣжается (*дисгрегація* его увеличивается), то тѣло *охлаждается*. Если, наоборотъ, тѣло при томъ же условіи сгущается, то-есть дисгрегація его уменьшается, то оно *нагревается*. Количества теплоты которыя при этомъ поглощаются или выдѣляются тѣломъ очень значительны. Такъ, чтобы превратить въ водяной газъ 144 киллограмма той же воды, которая ежечасно выводится венозною кровью изъ матеріализованной руки, нужно чтобы къ этой водѣ притекло

\* Количество этой воды составляетъ сорокъ граммовъ въ секунду, или это сорокъ четыре киллограмма въ часъ.

изъ соедѣнныхъ тѣлъ огромное количество 79.200 тепловыхъ единицъ. \* Это значитъ что еслибы вся теплота нужная для образованія водянаго газа была взята изъ матеріализованной руки, то температура этой послѣдней, при вѣсѣ ея въ одинъ килограммъ, должна бы была повызиться на 79.200 градусовъ Цельзія въ теченіе одного часа.

Но это еще сравнительно самая малая потеря теплоты которая должна бы при этомъ быть наблюдаема. Чтобы остаться абсолютно невидимымъ, т.-е. не скопиться въ явственный туманъ въ теченіе сравнительно короткаго сеанса, водяной газъ долженъ необходимо подвергнуться дальнѣйшему распаденію. Для того чтобъ одинъ килограммъ водянаго газа разложился на свои ближайшія составныя части, водородъ и кислородъ, нужно, по Фавру и Зильберманну, затратить на это 3.829 тепловыхъ единицъ. Для превращенія въ водородъ и кислородъ 144 килограммовъ водянаго газа нужно, слѣдовательно, откуда-нибудь взять 561.376 единицъ тепла. А это значитъ что еслибы матеріализованная рука появилась въ началѣ сеанса съ температурою во многіе десятки разъ превышающею (измѣряемую тысячами градусовъ) температуру солнца, то и тогда ея теплота была бы едва достаточно чтобы покрыть на одинъ часъ потребность въ теплотѣ для превращенія въ элементныя газы одной только воды венозной крови. Для подобнаго же превращенія въ газообразныя элементы еще бѣлковъ и солей этой крови, и этой температурой оказалось бы недостаточно.

Но и это еще не все. Еслибы разрѣженіе вещества при явленіяхъ матеріализаціи доходило только до степени элементныхъ газовъ, то эти послѣдніе дѣйствительно ускользали бы отъ непосредственнаго наблюденія. Тѣмъ не менѣе присутствіе ихъ скоро обнаружилось бы вовсе недвусмысленнымъ образомъ. Матеріализованныя руки, превращающія въ водородъ и кислородъ воду своей венозной крови, были бы безусловно *адскими машинами*, и притомъ самыми страшными какія только можетъ представить себѣ воображеніе. Достаточно сказать что каждая изъ нихъ выдѣляла бы въ часъ 144 килограмма, т.-е. около 300 фунтовъ, очень хорошо и вѣстнаго химикамъ, *гремучаго газа*. Такимъ именемъ назван

---

\* Считаю теплоту парообразованія для воды при 37° равною 5 килограммъ.



какъ известно, смѣсь кислорода и водорода въ той пропорціи въ какой эти газы входятъ въ составъ воды, т.е. именно то во что, по нашему предположенію, превращаетъ свою разрушающуюся матерію рука. Газъ этотъ не только безъ цвѣта, вкуса и запаха, но по обильному содержанію кислорода, онъ способенъ даже поддерживать не хуже атмосфернаго воздуха дыханіе. Поэтому, безъ химическаго анализа, его присутствіе оставалось бы вѣроятно при сеансахъ незамѣченнымъ до тѣхъ поръ пока отъ малѣйшей искры, отъ одного солнечнаго луча, не грянулъ бы взрывъ, превращающій въ ничто и медиума, и участниковъ сеанса и самую матеріализованную виновницу его. А это случилось бы безъ сомнѣнія гораздо раньше чѣмъ невиданное еще, вѣроятно, міромъ количество 144 килограммовъ гремучаго газа выдѣлились рукою.

Такъ какъ этого не бываетъ, то необходимо идти еще дальше и предположить разрѣженіе вещества еще безконечно болѣе тонкое. Молекулы и атомы элементарныхъ газовъ должны распастись на послѣдніе атомы, *праатомы* матеріае рѣшае или *эюра*, о которыхъ мы говорили выше. Никто и никогда еще не наблюдалъ такой *дезатомизаціи* элементовъ, но рѣшаемся думать что она возможна, и что именно въ этомъ случаѣ она представляется въ первый разъ наукѣ. Во всякомъ случаѣ мы можемъ съ увѣренностью утверждать что и этотъ процессъ долженъ быть соединенъ съ поглощеніемъ, а не съ образованіемъ тепла, подобно однозначнымъ съ нимъ процессомъ *увеличенія дисгрегаціи* и *диссоціаціи*. Только количества единицъ тепла нужныхъ для того чтобы разорвать на части ислоконъ вѣковъ не раздроблявшіеся атомы кислорода или водорода, должны конечно выражаться цифрами совершенно подавляющими воображеніе. Если мы должны были матеріализованной рукою придавать температуру въ десятки разъ превышающую температуру солнца чтобы покрыть часовой расходъ на образованіе гремучаго газа, то мы должны придать ей теперь совершенно абсурдную температуру, нѣсколькихъ милліоновъ градусовъ, чтобы покрыть еще расходъ на дезатомизацію этого гремучаго газа. Мы увѣрены что предъ этими геркулесовыми столами останется воображеніе самого пламеннаго спирита.

## VIII.

Но внимательный читатель вѣроятно уже приготовилъ мнѣ возраженіе, на силу котораго онъ можетъ-быть очень разчитываетъ. Мы говоримъ до сихъ поръ исключительно о веществѣ покидающемъ матеріализованную руку. Но мы видѣли что такое же количество вещества и входитъ въ нее черезъ артеріальные сосуды. Это вещество „формируется“, т.-е. проходитъ стадіи прямо противоположнаго пути, сравнительно съ тѣмъ которое разрушается. вмѣстѣ съ дезатомизаціей мы будемъ имѣть такимъ образомъ *атомизацію* газообразныхъ элементовъ, затѣмъ *ассоціаціи* ихъ въ сложные газы или негазообразные элементы, какъ противоположность диссоціаціи, наконецъ *уменьшеніе дисгрегаціи* вмѣсто увеличенія ея въ первомъ случаѣ. Согласно механической теоріи тепла, количество послѣдняго поглощаемое при извѣстномъ увеличеніи дисгрегаціи въ точности равно тому которое разливается при соответственномъ уменьшеніи ея. Количество тепла нужное для диссоціаціи элементовъ въ точности получается назадъ при ассоціаціи тѣхъ же элементовъ и т. д. Милліонамъ тепловыхъ единицъ нужныхъ для разрушенія извѣстной дозы вещества въ точности соответствуютъ милліоны этихъ единицъ развивающіеся при образованіи тѣкой же дозы вещества того же состава. Нельзя ли поэтому предположить здѣсь *круговой процессъ*, при которомъ нужны для разрушенія вещества теплота была бы та самая которая выдѣляется при его созиданіи, и строительнымъ матеріаломъ для второй части процесса служили бы именно продукты распадешя первой? Небольшое разсужденіе убѣждаетъ что мы на это не имѣемъ никакого права.

Во первыхъ, ясно что та форма круговаго процесса которая представляется столь естественною г. Аксакову, то-естъ присутствіе невидимаго организма, дополняющаго матеріализованную руку, абсолютно недопустимо. Это значило бы что вещество, уже переставшее дѣйствовать на наши чувства двигается на довольно значительномъ протяженіи въ невидимыхъ, заключенныхъ каналахъ (венахъ), къ невидимому л правому сердцу, а отъ него къ такимъ же легкимъ. Только здѣсь совершился бы поворотъ процесса, и отъ легкихъ, л

темъ лѣваго сердца и большихъ артеріальныхъ стволовъ, тоже невидимыхъ, обновляемое вещество вступило бы опять въ матеріализованную руку. Значитъ на протяженіи отъ матеріализованной руки до легкихъ разрушающееся и формирующееся вещество шла бы въ отдѣльныхъ каналахъ Обмѣвъ матеріи и тепла былъ бы, слѣдовательно, между ними невозможенъ. Но въ такомъ случаѣ въ первое же мгновеніе послѣ матеріализаціи эти невидимые каналы были бы уничтожены, изъ какого бы вещества они ни состояли, потому что нѣтъ вещества которое могло бы противостоять температурѣ въ миллионъ градусовъ выше, или холоду въ миллионъ градусовъ ниже нуля. \*

Но еслибы и удалось какими-нибудь невозможнымъ путемъ спасти эти каналы отъ разрушенія температурою, то имъ грозила бы новая, и нисколько не меньшая, опасность съ другой стороны. Вещество дѣлающееся при описанныхъ условіяхъ невидимымъ должно занять совершенно иной (безконечно большій) объемъ, чѣмъ въ моменты своей видимости. Вещество становящееся при тѣхъ же условіяхъ видимымъ также должно занять иной, безконечно меньшій объемъ сравнительно съ своимъ предшествовавшимъ объемомъ. Въ томъ и въ другомъ случаѣ результатъ этого внезапнаго измѣненія объема былъ бы одинъ: взрывъ и раздробленіе заключающихъ эти вещества каналовъ, съ тою только разницей что въ первомъ случаѣ каналы были бы разрушены своимъ расширяющимся тѣломъ, а во второмъ—напоромъ окружающаго воздуха.

Такимъ образомъ, гипотеза невидимаго организма, какъ ведущая къ абсурднымъ выводамъ, должна быть безусловно отвергнута. Но нельзя ли спасти хоть ея сущность, пожертвовавши приданною ей г. Аксаковымъ, очевидно не состоятельною формою. Нельзя ли предположить что круговой процессъ происходитъ на самой демаркаціонной поверхности, что обмѣвъ тепла и матеріи происходитъ какъ разъ тамъ гдѣ вещество возникаетъ и разрушается, то-есть у

\* Самая низкая температура наблюдавшаяся до сихъ поръ на опытѣ равнялась—140° Ц. При ней замерзаетъ все, кромѣ шести восточныхъ газовъ. Теоретически пониженіе температуръ считается возможнымъ только до—273° Ц. (абсолютный нуль температуры), въ чемъ есть однако поводъ сомнѣваться. Теоретическій максимумъ температуры безконеченъ.

видимаго окончанія матеріализованной руки? Правда, при этомъ нужно бы было отказаться отъ всякаго намека на объясненіе, какъ передвигается съ мѣста на мѣсто это безкрылое существо, какъ оно двигаетъ пальцами, не имѣя предплечія, какъ поддерживаетъ свое кровообращеніе, не обладая сердцемъ, и т. д., и т. д. По ло крайней мѣрѣ мы имѣли бы какой-нибудь выходъ изъ главнаго затрудненія,—мы могли бы дать отвѣтъ на вопросъ что дѣлается со страшными силами возникающими при матеріализаціи, и откуда онѣ берутся. Къ сожалѣнію и эта надежда разрушается тотчасъ при ближайшемъ разсмотрѣніи вопроса.

Вопервыхъ, артеріи и вены руки отдѣлены другъ отъ друга извѣстными промежутками. Разрушеніе и формированіе вещества въ ней происходитъ слѣдовательно все-таки не математически-точно на одномъ и томъ же мѣстѣ. Слѣдовательно непремѣнно пройдетъ какой-нибудь, хоть самый малѣйшій промежутокъ времени, прежде чѣмъ взаимодействие между обоими видами веществъ наступитъ. Но для такихъ страшныхъ силъ, какія тутъ дѣйствуютъ, достаточно малѣйшаго срока для произведенія разрушительнаго дѣйствія. Кровь въ венахъ мгновенно замерзла бы отъ чрезвычайнаго холода, а кровь артерій свернулась бы отъ чрезвычайнаго жара еслибы взаимный обмѣнъ тела замедлился хоть на одну миллионную долю секунды, такъ что матеріализованная рука должна была бы умереть въ то самое мгновеніе какъ она начала свое существованіе.

Вторая причина, почему абсолютно невозможно допустить круговой процессъ на демаркаціонной поверхности, короче всего можетъ быть выражена слѣдующимъ образомъ потому же, почему не можетъ быть допущено регрессивное mobile? До сихъ поръ мы вездѣ принимали что въ началахъ артерій матеріализованной руки должно формироваться ровно столько вещества сколько его разрушается въ концахъ венъ. На самомъ дѣлѣ это не совсѣмъ точно. Если въ началахъ артерій должно образоваться 50 граммовъ крови въ секунду, то ея разрушается въ то же время въ концахъ венъ не 50 граммовъ, а извѣстнымъ процентомъ *меньше*. Въ теченіе этой секунды рука двигалась преодолевая сопротивленія воздуха и собственной тяжести теряла теллоту лучеиспусканіемъ и испареніемъ, можетъ быть производила какую-нибудь механическую работу (и

примѣръ въ опытахъ г. Вагнера шведскаго занавѣской, жала чужіе пальцы, лисала на бумажкѣ и т. д.). Все это конечно совершалось на счетъ того вещества которое въ ней циркулировало и которое вслѣдствіе того уменьшилось на извѣстную дозу прежде своего появленія у выхода вѣвъ.

Соотвѣтственный этой потерѣ *излишекъ* вещества долженъ формироваться изъ невидимой матеріи prima у начала артерій. Количество этого излишка, сравнительно говоря, очень не велико. Довольно сложнымъ, но довольно точнымъ расчетомъ\* можно доказать что количество потребляемаго человеческою рукой\*\* вещества не превосходитъ одной четверти грамма въ часъ. Но мы не должны забывать что эта  $\frac{1}{4}$  грамма должна образоваться изъ первобытнаго вещества, которое въ артеріальной крови находится приблизительно въ томъ же отношеніи въ какомъ находится первобытнѣйшій туманъ къ теперешнему солнцу\*\*\*. Но сущестіе первобытнаго тумана сообщало солнцу теллоту, исчисляемую квантилліонами калорій ежегодной потери, и температуру измѣряемую тысячами градусовъ. Точно такъ и избыточные  $\frac{1}{4}$  грамма артеріальной крови появились бы въ матеріализованной рукѣ съ температурой по крайней мѣрѣ нѣсколькихъ тысячъ градусовъ. Распредѣливъ эту теллоту на 77 граммовъ циркулирующей въ матеріализованной рукѣ крови, мы получимъ повышение температуры послѣдней къ концу часоваго сеанса на  $20^{\circ}$ , то-есть до  $57^{\circ}$  Ц. Вслѣдствіе постепеннаго повышения температуры крови, въ матеріализованной рукѣ по всей вѣроятности развилася бы процессъ аналогическій съ воспаленіемъ. Изъ расширенныхъ отъ теллоты сосудовъ вылотѣла бы вѣроятно въ избыткѣ кровяная сыворотка, и матеріализованная рука предъ глазами зрителей превратилась бы въ безобразную, вслухшую массу, въ которой вдобавокъ при  $50^{\circ}$ — $55^{\circ}$  Ц. развилася бы тепловая столбнякъ мышцъ и свертываніе крови въ кровеносныхъ сосудахъ. Впро-

\* Переведя, наприимѣръ, цифру потребляемія работающаго человѣческаго организма, найденныя Франклендомъ, на 1 кв. вѣвъ тѣла.

\*\* Считаю не лишнимъ оговориться что въ этомъ какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, мы разумѣемъ „руку“ въ смыслѣ спиритизма, то-есть ручную кисть, можетъ-быть съ небольшою частью предплечія.

\*\*\* Какъ извѣстно, удѣльный вѣсъ солнца не существенно отличается отъ удѣльнаго вѣса крови (1.880.1055).

чемъ сомнительно чтобъ это зрѣлище патологической материализованной руки осуществилось когда-нибудь на самомъ дѣлѣ по слѣдующей причинѣ. Солнце достигнуло своего теперешняго состоянія изъ первобытнаго тумана въ теченіи громаднаго періода времени, а  $\frac{1}{4}$  грамма вещества о которомъ мы говоримъ должна превратиться въ артеріальную кровь материализованной руки въ теченіе часа. Соответственно выше должна поэтому быть и температура послѣдней. Сдѣлавъ въ этомъ отношеніи самую умѣренную предположенія, мы все-таки придемъ къ заключенію что, если только материализованная рука не perpetuum mobile, то у артеріальныхъ концовъ ея по окончаніи материализаціи должна развиться избыточная теплота столь значительная что подвліяніемъ ея въ теченіе немногихъ минутъ уничтожилась бы весь гистологическій и химическій составъ руки, за исключеніемъ развѣ немногихъ огнеупорныхъ известковыхъ солей. Да и эти послѣднія уничтожили бы только потому что послѣ истребленія артерій и мягкихъ частей руки дальнѣйшій притокъ вновь формирующагося вещества не имѣлъ бы ни мѣста, ни смысла.

## IX.

Какой же мы сдѣлаемъ выводъ изъ этого длиннаго разсужденія. Во первыхъ, тотъ что процессъ материализаціи какъ его понимаютъ спириты, нельзя никакими усиліями, никакими натяжками помирить съ тѣмъ что намъ достоверно извѣстно о совершающихся въ природѣ процессахъ. Созданъ изъ ничего, превращеніе въ ничто, дѣйствіе безъ причины, сѣмъ явленій безъ закона — вотъ къ чему долженъ прийти всякій философъ спиритизма, если только онъ сумѣетъ думать послѣдовательно.

Во вторыхъ, мы видимъ что между материализаціей спиритизма и материализаціей одной его части есть дѣлая бездна которая не закроется отъ того что мы зажмуримъ передъ нею глаза. Въ первомъ случаѣ, съ окончаніемъ акта материализаціи кончается невозможное, кончается чудо — по крайней мѣрѣ до того момента когда должно исчезнуть материализованное. Во второмъ случаѣ чудо должно продолжаться во все время пока продолжается существованіе материализованной части: извѣстное число граммовъ крови долж

новь формироваться на ее демаркационной поверхности и сколько меньше там же уничтожаться каждую секунду. Тут следовательно должно происходить нечто превосходящее даже понятие о чуде, под именем которого понимается однократный сверхъестественный акт. Здесь чудо являлось бы съ совершенно особымъ характеромъ, какъ хроническое чудо, и притомъ существующее цѣлые часы въ непосредственномъ соприкосновеніи съ явлениями вполнѣ законосообразными. Вообразить такое сказочное солоставленіе мы въ состояніи, какъ въ состояніи человѣческой бесты сфакса дополнить туловищемъ животнаго. Но мыслить его мы не можемъ, потому что мышленіе прежде всего требуетъ одного общаго начала, одной точки отправленія, которая найдена человѣческимъ умомъ въ незнающемъ исключеній законѣ причинности. А это-то основное правило мышленія и нарушается самымъ грубымъ образомъ въ разбираемомъ нами случаѣ.

Въ этомъ состоялъ смыслъ нашихъ словъ что матеріализація организма невозможна, а матеріализація одной его части, функционирующей какъ таковая, кромѣ того и немислима. Никакое количество и никакое качество свидѣтельствъ о „фактахъ“ матеріализаціи не можетъ поколебать этого заключенія, подобно тому какъ не могутъ поколебать одинъ разъ доказаннаго заключенія объ относительной неподвижности солнца показанія безчисленныхъ свидѣтелей его ежедневнаго движенія. Первые свидѣтельства могутъ утверждать фактъ столько же истинный какъ и вторые. Но то будетъ фактъ *субъективный*, а не *объективный*. Подобно видимому движенію солнца, доказывающему объективный фактъ Коперниковской системы міра, и явленія матеріализаціи должны послужить только подтвержденіемъ одного изъ не совсѣмъ пока ясныхъ законовъ патологической физиологии нервной системы.

## X.

Последнее возраженіе мнѣ г. Аксакова касается слѣдующаго пункта \*. Я сдѣлалъ упрекъ г. Вагнеру за то что онъ не отдернулъ занавѣски, чтобъ однимъ взглядомъ рѣшить составляютъ ли таинственныя руки въ самомъ дѣлѣ резуль-

\* *Вѣстникъ Европы*, 1875, июль, стр. 417.

татъ предположеннаго имъ сверхъестественнаго процесса или суть простое фокусничество. Чтобы показать преувеличенность увѣреній спиритовъ объ опасности подобной поштыки я разказалъ случай въ Лондонѣ, гдѣ Кети Кингъ (материалъ званый призракъ) была схвачена во время сеанса за талии однимъ изъ присутствующихъ, который старался повалить ее на землю. Мнѣ конечно и въ голову не приходило одобрить именно такой способъ открытія истины. Духъ или статистка была Кети Кингъ, но она во всякомъ случаѣ была дѣвушка и грубый поступокъ съ нею заслуживаетъ безусловнаго порицанія. Мой совѣтъ состоялъ только въ томъ чтобъ отдернуть завѣску когда матеріализація въ полномъ ходу. Случай же съ Кети Кингъ былъ разказанъ мною только какъ подтвержденіе того что даже такой скандальный поступокъ кончился въ сущности безобидно. „Когда медиумъ говорилъ я, „дади торжественное обѣщаніе что такое не силіе не повторится, то представленія Кети въ кругу избранныхъ адептовъ стали продолжаться попрежнему,“ т. д. \* Этотъ же случай описалъ теперь г. Вагнеромъ въ его статьѣ, о *Медиумизмѣ*, \*\* и всякій читатель можетъ сравненіемъ убѣдиться въ совершенной точности моего разказа. Тѣмъ не менѣе г. Аксаковъ апострофируетъ меня по этому поводу слѣдующимъ образомъ:

„Мы принуждены отвѣтить на это слѣдующее: 1) никогда подобное торжественное обѣщаніе не было даваемо миссъ Кукъ; 2) что засѣданія вновь начались не послѣ такого обѣщанія и не между избранными, а напротивъ, вслѣдствіе этой покушенія миссъ Кукъ отдала себя въ полное распоряженіе гг. Крукса и Варлеа, чтобъ истина наконецъ была дознана и въ 3) что эти ученые прибѣгли къ гальваническимъ аппаратамъ, чтобъ убѣдиться въ неподдѣльности явленій, и результаты своихъ опытовъ обнародовали. Г. Шкляревскій который имѣлъ въ рукахъ *Psychische Studien*, не могъ видѣть тамъ того что онъ передаетъ и не могъ не знать того что мы тотчасъ сказали. Это уже не недостатокъ логики, это уже не сокрытие, а изнасилованіе истины и мы констатируемъ это!“ \*\*\*

\* *Вѣстникъ Европы*, 1875, июль, стр. 417.

\*\* *Русскій Вѣстникъ*, 1875, октябрь, стр. 878.

\*\*\* *Psychische Studien*, 1875, Heft X, p. 453.



Я съ сожалѣніемъ долженъ замѣтить что заглавчивость  
 токъ этого обвиненія равняется развѣ только его неснова-  
 тельности. Чтѣ мы должны думать объ издатель *Psychische*  
*Studien*, если именно въ его журналѣ найдутся документаль-  
 ными доказательства всего чтѣ мною оказано? А между тѣмъ  
 это такъ. Третій пунктъ обвиненія противъ меня очевидно не  
 имѣтъ никакого значенія и мы оставляемъ его въ сторонѣ.  
 Относительно же перваго вотъ буквальный разказъ самого  
 г. Крукса о сеансахъ съ Кети Кингъ послѣ покушенія про-  
 тивъ нея, какъ онъ напечаталъ въ журналѣ г. Аксакова:

„Въ продолженіе того времени когда я принималъ дѣя-  
 тельное участіе въ этихъ сеансахъ, довѣріе Кети ко мнѣ  
 росло все болѣе и болѣе, такъ что она наконецъ отказыва-  
 лась отъ сеанса, если я не бралъ на себя распоряженіе имѣть.  
 Она говорила что желаетъ чтобъ я всегда держался вблизи  
 ея и кабинета, и я нашель что когда это довѣріе укрѣпи-  
 лось и она убѣдилась что я не нарушу никакого обѣщанія  
 которое я бы ей далъ, феномены значительно возрасли въ  
 силѣ и произвольно были назначаемы ею испытательные се-  
 ансы, которые были бы недостижимы, еслибъ я иначе подо-  
 шелъ къ предмету. Кети спрашивала меня часто объ участую-  
 щихъ въ сеансѣ лицахъ и гдѣ онѣ должны быть усажены, такъ  
 какъ она въ послѣднее время сдѣлалась очень нервной,  
 вслѣдствіе нѣкоторыхъ дурно придуманныхъ совѣтовъ чтобъ  
 употребить силу какъ пособіе научнаго изслѣдованія.“ \*

Спрашивается: чѣмъ же убѣдилась Кети что Круксъ не  
 нарушилъ бы *никакого* обѣщанія? Конечно тѣмъ что она  
 знала ей извѣстными обѣщанія и исполнялъ слово: это до  
 какой степени ясно что даже говорить объ этомъ странно.  
 Не менѣе ясно что о всѣхъ лицахъ давались теперь Кети  
 успокоительныя объясненія, следовательно эти лица должны  
 были быть особенно надежны. А что такіа обѣщанія „духу“  
 и успокоенія его носилъ подобнаго прикаюченія должными  
 были характеръ торжественности, въ этомъ не разубѣдитъ  
 насъ не только г. Аксаковъ, но и самъ г. Круксъ, еслибъ  
 онъ захотѣлъ утверждать противное. Достаточно прочесть  
 разказъ его о послѣднемъ сеансѣ Кети Кингъ, откуда  
 мы имѣемъ приведенный отрывокъ, чтобъ увидѣть торже-  
 ственность настроенія въ которомъ онъ нахедился. И какъ

\* *Psych. Studien*, 1875, Heft I, p. 21.

что ошибся только въ одномъ: обѣщанія были даны Кети, не ея медиуму, какъ мнѣ показалось при первомъ чтеніи. Н вѣдь это же все равно.

На второй пунктъ мнѣ достаточно было бы отвѣтить что я описывалъ не исторію Кети Книгъ, а одинъ случай из ея похожденій, и что для меня вовсе не имѣло значенія что предприняли послѣ этого случая спириты. Кети Книгъ объявила въ началѣ своихъ матеріализацій что если над нею будетъ сдѣлано какое-нибудь насиліе, то ея медиумъ миссъ Кукъ, или лишится жизни, или сойдетъ съ ума. Это оказалось невѣрнымъ. Надъ Кети было сдѣлано насиліе, притомъ въ самой грубой, предосудительной формѣ, и однако миссъ Кукъ не только не умерла и не сошла съ ума, скоро начала давать новые сеансы и даже вышла замуж. Этого не устранить г. Аксаковъ никакими восклицаніями потому что это несомнѣнные факты, и я считалъ важнымъ привести ихъ.

Почему я не упомянулъ также о фактѣ изслѣдованія медиумизма миссъ Кукъ гг. Круксомъ и Варлеемъ? Потому что это изслѣдованіе не имѣетъ въ моихъ глазахъ никакого серьезнаго значенія. Одинъ спиритскій кружокъ передаетъ своего залодозрѣваго медиума „для восстановленія репутаціи“ другому спиритскому кружку; авгуръ ссылается на авгура! Неужели г. Аксаковъ не видитъ что для посторонняго человѣка это ни мало не убѣдительно. Медиумы Петти или паттадцать свидѣтельствъ отъ спиритскихъ кружковъ а оказались предъ петербургскою комиссіею шарлатанами. Какъ же послѣ этого положиться безусловно на два. Почему спиритскій кружокъ „воспитавшій“ миссъ Кукъ отдалъ ее для восстановленія репутаціи совершенно постороннимъ спиритизму изслѣдователямъ, какіе конечно и шли бы въ Лондонъ, подобно тому какъ они нашлись въ Петербургѣ? Выѣсто того кружокъ выбираетъ человѣка котораго „знаменитость“ состоитъ главнымъ образомъ томъ что онъ въ теченіе многихъ лѣтъ занимается спиритизмомъ гораздо болѣе чѣмъ можно ожидать отъ химика. Этому лицу спиритическій кружокъ поручаетъ честь си и медиума, въ полное распоряженіе „только бѣ онъ отдастъ ихъ во мнѣніи публички“. \* Такая храбрость кру-

\* Разказъ г. Вагнера. *Русскій Вѣстникъ*, 1875, октябрь, стр.

очень напоминает ту, которая была вослѣта нашимъ недавно умершимъ поэтомъ:

Разомъ брошуся я въ воду,—  
Съ пузырями, съ пузырями!

Разница только въ томъ, что храбрецъ поэта ограничился собственнымъ самовосхваленіемъ, тогда какъ спириты требуютъ признанія ихъ подвига и отъ совершенно постороннихъ людей.

(До слѣд. №.)

А. ШКЛЯРЕВСКІЙ.

Кіевъ 28 декабря.  
1875.

## ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

---

Минувшій литературный годъ прошелъ не безслѣдно — не только потому что далъ намъ такое прекрасное художественное произведеніе какъ *Анна Каренина*, но и потому что въ теченіе года обнаружился благопріятный переломъ въ журналистикѣ и въ общественныхъ вкусахъ. Не рискуя впасть въ излишній оптимизмъ, можно кажется сказать что мы нѣсколько подвинулись къ прямымъ и серьезнымъ литературнымъ цѣлямъ. Если мы припомнимъ весьма недавнее время, хотя бы то когда мы начинали наши еженедѣльные критическія обзрѣнія, и сравнимъ господствовавшій тогда въ печати тонъ съ тѣмъ который замѣтно беретъ въ ней верхъ теперь — нельзя будетъ не сознать значительныхъ успѣховъ нашей печати въ благоприличіи и серьезности. Два, три года назадъ въ петербургской журналистикѣ зубоскальство и гаерство, фельетонное, царящее своеготѣмъ глумленье надъ всякимъ художественнымъ талантомъ и незрѣлымъ отношеніемъ къ общественнымъ и національнымъ интересамъ, считались главными признаками журнальнаго развращенія и самымъ цѣннымъ товаромъ на литературномъ рынкѣ. Критика проявлялась издѣвательскими надъ серьезнымъ

такаго рода явленіями текущей литературы; ей вторили и такъ-называемые „воскресные фельетоны“, содержаніе которыхъ исчерпывалось главнымъ образомъ наругательствами надъ всѣмъ что въ области творчества выступало изъ круга требованій въ который замкнулись дѣйствующія журнальныя братства. Тонъ и приемы эти казались до такой степени усвоенными журналистикой что значеніе писателя начали у насъ оцѣнивать въ прямомъ отношеніи къ безстыдству съ какимъ онъ способенъ ругаться и лустословить. Быть-можетъ читающая публика, обитая съ толкушествомъ и гаерствомъ журналистики, мало-по-малу получила вкусъ къ этимъ дешевымъ пряностямъ фельетонной литературы; во всякомъ случаѣ, у самихъ журналистовъ составилось убѣжденіе что читатели одобряютъ скомоорошество печати, и это убѣжденіе было до такой степени сильно что какъ скоро какая газета пріобрѣтала значительное число подписчиковъ, въ литературныхъ кружкахъ этотъ успѣхъ тотчасъ приписывался юркости и развязности ея фельетонистовъ. Но вотъ, въ началѣ минувшаго года, одна изъ большихъ петербургскихъ газетъ, отличавшаяся предъ всѣми преобладаніемъ фельетоннаго элемента, перешла въ руки новой редакціи. Фельетонисты, подвизавшіеся въ этой газетѣ, или замолкли, или разсѣялись по другимъ редакціямъ. Газета сразу перемѣнила тонъ мало-пристойной развязности на тонъ сравнительнаго благоприличія. Въ литературныхъ кружкахъ всѣ почти были того мнѣнія что газета непременно падеть, что публика не станетъ подписываться на издание въ которомъ не подвизаются болѣе ея любимцы-фельетонисты. И что же случилось на повѣрку? Несмотря на то что газета о которой мы говоримъ не оставилась никакими начальными литературными силами взамѣнъ вышедшихъ изъ нѣдра прежней редакціи, публика не только не потеряла къ ней довѣрія, но даже выразила несомнѣннымъ образомъ что ей вовсе не такъ трудно разстаться съ своими любимцами, какъ это можетъ-быть казаться владельцамъ и имъ самимъ. Въ томъ же минувшемъ году, эти предположенія сдѣлала петербургскаго фельетона вновь выступившаго на журнальное лоприще, но увы!—какъ далеки были ихъ предположенія вторичные дебюты отъ напыщенной торжественности прощальныхъ элегій которыми они лишь за вѣсколку случаевъ прощъ тѣмъ кидали въ публику въ печальную

минуту разставанія! Читающая масса не только не бросилась къ нимъ на встрѣчу, но даже совсѣмъ не замѣтила ихъ возвращенія... Кто въ настоящее время говоритъ о гг. Суворинѣ, Буренинѣ, Стасовѣ? кто знаетъ гдѣ и о чемъ они пишутъ? Sic transit... вотъ все что останется сказать будущему историку нашей литературы по поводу катастрофы постигнувшей годъ назадъ г. Корша и его сотрудниковъ.

Тутъ дѣло конечно не въ легкомысліи и неблагодарности публики, хотя вѣроятно этотъ упрекъ будетъ ей предъявленъ со стороны послѣднихъ Могиканъ феальетоннаго гаерства. Упрекъ этотъ имѣлъ бы смыслъ ееслибы публика увлеклась какими-нибудь новыми свѣтилами, явившимися продолжать дѣло своихъ предшественниковъ. Но ничего подобнаго не случилось. Общество просто отвернулось отъ самаго дѣла, и въ этомъ смыслѣ перемѣна редакціи *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* представляется только внѣшнимъ толчкомъ, ускорившимъ естественный внутренний переломъ. Нужно было имѣть слишкомъ унизительное мнѣніе о нашемъ образованномъ обществѣ, чтобы думать что оно будетъ вѣнчаться изъ литературныхъ кухмистерскихъ шестидесятихъ годовъ и никогда не пожелаетъ болѣе опрятной пищи. Журнальное и газетное гаерство очевидно отжило свой вѣкъ. Всѣмъ наконецъ до крайности опротивѣло это пятнадцатилѣтнее топтанье на одномъ мѣстѣ, въ какой-то слякоти, отъ которой только летать на всѣ стороны грязная брызга. Публика догадалась что по этой слякоти она ровно никуда не доберется. Пока журнальная атмосфера была насыщена нездоровыми элементами, общество могло до известной степени замѣчать чѣмъ оно дышетъ; но какъ только эти элементы были удалены, каждый почувствовалъ преимущества свѣжаго воздуха. Спросъ на шутовство и наругательства вдругъ упалъ а уровень журналистики замѣтно поднялся, хотя никакими новыми силами еще не явились ей на помощь. Но таково ужъ значеніе *тона*, что онъ въ той же степени дѣлаетъ литературу, какъ дѣлаетъ музыку. Мы не хотимъ оказать что журналистика наша вдругъ поднялась на высоту на которой вполнѣ бы отвѣчала призванію и достоинству печатаннаго слова. Напротивъ, въ фактическомъ отношеніи сдѣлано очень мало. Литературная критика попрежнему поверхностна и отличается старыми пристрастіями и старою злобой; эта злоба выражается нынче все-таки болѣе открыто, за

Ключеніемъ развѣ газеты г. Краевского, донашивающей лохмотья стараго фельетоннаго скоморошества, какъ провинціальныя барыни донашиваютъ прошлогоднія моды. Пройдетъ конечно еще не мало времени прежде чѣмъ эти устарѣлыя фасоны окончательно выйдутъ изъ употребленія, и журналистика прикинеть къ новому движенію, замѣчаемому въ обществѣ; но покажѣсть хорошо уже и то что она сознаетъ наступающій переломъ, и волей-неволей идетъ на уступки. Правда, уступки эти она вырываетъ у себя не безъ гримасы. Напримѣръ *Отечественныя Записки*, обратившись къ сотрудничеству г. Достоевскаго, заявили что еслибы романъ этого писателя противорѣчилъ направленію редакціи, то онъ не напечатали бы его, будь онъ хоть гениальнѣйшее произведеніе. Но такое запальчивое заявленіе было конечно не что иное какъ гримаса, какъ *gros mot*; всякій знаетъ что между воззрѣніями г. Достоевскаго и направленіемъ *Отечественныхъ Записокъ* нѣтъ никакихъ точекъ соприкосновенія, и что если романъ *Подростокъ* попалъ въ этотъ журналъ, то единственно потому что публика требуетъ талантливыхъ художественныхъ произведеній, а не продуктовъ тенденціозной письменности. И практика какъ нельзя болѣе подтвердила соображенія редакціи: несмотря на то что новый романъ г. Достоевскаго принадлежитъ къ слабѣйшимъ его произведеніямъ, публика отнеслась къ нему все-таки съ гораздо болѣе большимъ интересомъ чѣмъ къ остальному содержанию журнала.

Что перемѣна происходящая въ русскомъ обществѣ, соиздается литературой, доказательствъ много. Всюду чувствуется напряженіе, безлохотство и надежда. Писатели не утратившіе искренности жадно ловятъ новые голоса и пытаются вникнуть въ таинственно-совершающееся въ нѣдрахъ общественнаго сознанія; только замозолившіеся въ старомъ консервативно-либеральствующей рутинѣ злобно шипятъ противъ новаго вѣянія, уже получающаго нѣкоторую осозательность. Есть небольшая, мало извѣстная газета *Неделя*, обратившая на себя въ концѣ минувшаго года вниманіе искренностью съ которою она отрекается отъ тенденціозной лжи и пошла на встрѣчу новымъ, серьезнымъ требованіямъ. Въ этой газетѣ появилась между прочимъ очень хорошая статья г. Кавелина, пылющая внести нѣкоторый порядокъ въ сумбуръ господствующій съ шестидесятыхъ годовъ въ петербургской кри-

тикѣ. Авторъ этой статьи, отвѣчая г. Пылину по поводу его біографіи Бѣлинскаго, указываетъ что біографъ упустилъ изъ виду самую главную заслугу критика сороковыхъ годовъ, именно ту что этотъ критикъ постоянно разрабатывалъ идеалъ нравственной личности. Какъ скоро этотъ идеалъ былъ вынутъ изъ нашей литературы, она потеряла всякое нравственное содержаніе и превратилась въ Вальбургіеву ночь. Возвращеніе къ старымъ общимъ идеаламъ, вотъ что для мнѣнію г. Кавелина можетъ оживить литературу. Мы сказали „къ общимъ идеаламъ“, хотя этого слова нѣтъ у г. Кавелина, сказали потому что въ этомъ все дѣло. Статья г. Кавелина вызвала недоразумѣніе именно потому что въ ней нѣтъ этого необходимаго слова. У насъ подъ именемъ идеала хотять получить что-то узко-опредѣленное, практическое, какую-то инструкцію, и не могутъ понять что въ литературѣ идеалъ долженъ присутствовать лишь въ общихъ, чисто нравственныхъ опредѣленіяхъ и очертаніяхъ, практическое же осуществленіе его составляетъ задачу самой жизни, самой дѣйствительности. Идеалъ есть идея, а не фактъ, и въ этомъ смыслѣ только и можно сказать что литература создаетъ идеалы. У насъ, когда въ романѣ выводится нравственная личность, критика сейчасъ начинаетъ кричать: а что же она сдѣлала? какіе факты далъ намъ авторъ? и замѣчая что героиней романа не переворачиваетъ земной шаръ Архимедовымъ рычагомъ, объявляетъ задачу автора манкированнойю. Но литература вовсе не уложеніе, не инструкція, не чертежъ какого-нибудь проектируемаго общественнаго зданія. Она не создаетъ фактовъ, а только наблюдаетъ тѣ изъ нихъ которые господствуютъ въ дѣйствительной жизни. Все что она можетъ дать отъ себя, это идея. Чѣмъ ея идея нравственнѣе, выше, чѣмъ она непосредственнѣе исходитъ изъ культурныхъ началъ, изъ духовнаго историческаго наслѣдія, тѣмъ выше, благороднѣе и воспитательнѣе сама литература. Никто не сомнѣвается что наша беллетристика сороковыхъ годовъ была богата идеалами, а между тѣмъ она не создала ни одного идеала въ томъ узко-опредѣленномъ, практическомъ смыслѣ, въ какомъ хотять понимать это слово нынче. Мы очевидно, не только потеряли идеалы, но и самое представленіе о томъ что такое идеалъ сдѣлалось для насъ не собственнымъ. Все это свидѣтельствуетъ что нашего возрожденія нельзя ждать отъ завтрашняго дня, и что пройдетъ еще много



го времени прежде чѣмъ мы договоримся до чего-нибудь положительнаго. Покамѣсть мы еще въ періодѣ сборовъ, попытокъ и поисковъ. „Вездѣ, говорится въ другой статьѣ той же *Недѣли*, замѣчается какал-то внутренняя тревога, неуверенность, раздвоеніе. О чемъ бы теперь ни писалось, вездѣ слышится присутствіе странной ноты, и только *исмолобий либералъ* можетъ теперь самодовольно разглагольствовать объ успѣхахъ нашей промышленности, о расширеніи желѣзныхъ дорогъ, о размноженіи банковъ и т. п. Что такое эти успѣхи, когда человѣкъ, переставъ жить чувствомъ, потерялъ собственную душу?“ Развѣ этотъ протестъ во имя души и чувства противъ меркантильнаго прогресса вѣка не есть новость въ петербургской журналистикѣ? Развѣ годъ назадъ подобная статья могла бы появиться въ томъ лагерѣ къ которому принадлежитъ *Недѣля*? Все это, повторяемъ, принадлежитъ еще къ области попытокъ и поисковъ, но хорошо уже и то что интеллигенція наша перестаетъ топтаться на одномъ мѣстѣ, въ жидкой слякоти же-либеральствующей рутинѣ. Хорошо то что переломъ въ общественномъ настроеніи чувствуется уже съ такою осязательностью что журналистика не можетъ не замѣчать его. Та самая газета въ которой годъ назадъ подвизались *Незнакомцы* и *Зеты*, полагавшіе свою задачу въ „царяпань своего тѣла“,— та самая газета, не переставая по собственному выраженію редакціи сдѣлать прогрессивному направленію, явнѣе считать долгомъ „обратить вниманіе на знаменательное движеніе, настойчиво проявляющееся въ нашей печати въ смыслѣ идеалистическихъ требованій—движеніе иной разъ довольно куріозное, а еще чаще туманное въ своихъ формахъ, но которое вполнѣ серьезно по своей сущности и указываетъ на признаки крутого перелома въ нашей умственной жизни.“

Люди которымъ дороги дѣйствительные интересы нашей литературы, которымъ, скажемъ болѣе, дорога наша національная идея, наша историческая будущность, могутъ только отъ души поздравить другъ друга съ этимъ переломомъ и проникнуться глубоко-признательнымъ чувствомъ къ тѣмъ дѣйствительно *передовымъ* русскимъ людямъ, которые, вопреки свисту и гаерству, съ убѣжденіемъ и вѣрой толкали общество къ перелому, изболочая ложь и гнилость того чѣмъ питалась наша журналистика въ послѣднія лѣтъ. Мы тронулись съ мѣста—съ Богомъ въ путь-дорогу!

Еслибы въ итогѣ минувшаго года ничего не оказалось кромѣ намѣченной нами перемены въ общественномъ настроеніи, начавшей уже отражаться и въ литературѣ, то и тогда этотъ годъ не остался бы безслѣднымъ въ исторіи нашего внутренняго развитія. Но онъ, кромѣ того, представляетъ нѣсколько крупныхъ литературныхъ фактовъ, на которыхъ мы намѣрены на короткое время остановить вниманіе читателей.

Крупнѣйшимъ изъ этихъ фактовъ является, безъ сомнѣнія, новый еще не оконченный романъ графа Л. Н. Толстаго. Мы уже имѣли случай высказаться по поводу первой его половины, и намъ мало остается прибавить къ тому что было сказано въ свое время. Вопреки болѣе или менѣе неосновательнымъ возраженіямъ какія возбудилъ этотъ романъ въ публикѣ (о печатныхъ толкахъ не говоримъ, потому что нашей критикѣ, при ея нынѣшнемъ состояніи, не слѣдовало бы даже дерзать толковать о подобныхъ художественныхъ созданіяхъ), давно уже ни одно литературное явленіе не возбуждало такого живаго и можно сказать ненасытнаго интереса. Въ настоящее время, *Анна Каренина* обошла уже всю грамотную Россію, и не легко встрѣтить человѣка претендующаго на образованность, который не прочелъ бы ея. Впечатлѣніе уже сложилось, и какъ кажется единодушное. Всѣ увлечены несравненнымъ художественнымъ талантомъ автора, всѣ почувствовали неслыханную прелесть разказа, всѣ, по мѣрѣ эстетической способности каждаго, насладились чуднымъ богатствомъ красокъ, яркихъ и мягкихъ въ одно и то же время раздражающихъ глазъ своимъ богатымъ разнообразіемъ и погружающихъ душу въ созерцательное спокойствіе благодаря тайному искусству съ какимъ авторъ умѣлъ примирить эту радужную, праздничную лестроту въ единствѣ общаго тона. Громадный художественный талантъ, это та сила съ помощію которой графъ Толстой подавлялъ всѣ возраженія возникающія при чтеніи его романа. Мысль сохраняетъ ихъ, а изъ впечатлѣнія они изглаживаются; читатель увлекается въкрадчиво, изящно-раздражающею прелестью разказа, он не можетъ бороться противъ одолевашей его потребности отдаться свободному и широкому стремленію художника и съ наслажденіемъ вступаетъ вмѣстѣ съ нимъ въ это поэтическое море, гдѣ сквозь молочный туманъ сверкаютъ озаренныя, приближающіяся очертанія... Противъ чарующей и п

двигатель силы этого впечатлѣнія мысль безсилна устоять. Временами она какъ будто чувствуетъ какое-то неудовлетвореніе, она какъ будто хочетъ заглянуть куда-то черезъ голову выведенныхъ авторомъ лицъ, испытываетъ что-то похожее на недовѣріе къ нравственному исходу, обрѣтаемому Константинами Левиными въ его сельско-хозяйственной идилліи, но краски, образы, подкупающее очарованіе разказа держатъ въ лѣтву воображеніе и чувство. Способность разказывать у графа Толстаго такъ велика что для эстетически-восприимчиваго читателя становится наконецъ все равно, о чемъ онъ разказываетъ. Вопросы о внутреннемъ содержаніи, о сложности плана, о стройности концепціи, объ экономіи подробностей,—все это какъ-то само-собою исчезаетъ, какъ скоро отдается свободному, неправильному, часто весьма капризному теченію романа. У графа Толстаго вся сила тамъ гдѣ свободно творить художническое своеволіе. Самымъ свѣтлымъ впечатлѣніемъ въ немъ у него отъ тѣхъ страницъ гдѣ онъ не только не хочетъ высказать какую-нибудь опредѣленную мысль, какое-нибудь хотя бы глубоко-вѣрное или смѣло-парадоксальное воззрѣніе, но гдѣ даже ему удается скрыть свои симпатіи къ дѣйствующему лицу. Талантъ графа Толстаго—объективный въ самомъ строгомъ смыслѣ, хотя у него постоянно есть любимые герои; но именно потому что онъ талантъ чисто-объективный, эти любимые герои, съ ихъ нѣсколько субъективными требованіями отъ жизни, обыкновенно составляютъ наименѣе сильную сторону его произведеній.

Графъ Толстой никогда не пользуется многими изъ тѣхъ приемовъ которые издавна законнымъ образомъ вошли въ беллетристическую практику. Фабула его романовъ обыкновенно очень несложна; дѣйствующихъ лицъ хотя много, но они располагаются скорѣе въ видѣ портретной галлерей чѣмъ закручиваются въ одинъ стремительный водоворотъ; личная предприимчивость героевъ, какъ мы сказали, всегда очень ограничена и не выступаетъ изъ сферы внутренней жизни. Такимъ образомъ, всѣ тѣ условія которыми наиболѣе обещивается успѣхъ въ массѣ читателей обыкновенно отсутствуютъ въ произведеніяхъ графа Толстаго. И тѣмъ не менѣе, успѣхъ его постоянно такъ великъ что въ этомъ отношеніи онъ стоитъ вѣдъ всякой конкуренціи. Гдѣ же тайна этого

громкаго впечатлѣнія, производимаго художественными созданіями автора *Войны и Мира*?

Чтобъ отвѣтить на этотъ вопросъ, намъ приходится опять обратиться къ сказанному раньше о необычайной прелести его разказа. Определить, въ чемъ именно заключается эта прелесть, изъ какихъ элементовъ она складывается—дѣло чрезвычайно трудное. Впрочемъ, мы конечно не ошибемся, если скажемъ что важнѣе всего необыкновенное богатство оттѣнковъ которыми графъ Толстой рисуетъ развитіе чувства. Живопись чувства справедливо считается достоинствомъ только большихъ художественныхъ талантовъ. У писателей менѣе глубокихъ, страсть изображается обыкновенно только въ ея стереотипныхъ и скорѣе символическихъ, чѣмъ реальныхъ формахъ. Есть нѣсколько извѣстныхъ, крутыхъ моментовъ, черезъ которые проходитъ чувство; моменты эти настолько символизировались что каждый романистъ легко находитъ для изображенія ихъ готовые краски и подсказанныя беллетристическою практикою положенія. Это тѣ моменты которые сознаетъ въ себѣ всякій хотя однажды испытывшій жизнь сердца и воображенія. Но для наблюдателя болѣе тонкаго и художественно воспримчиваго, пространство между этими моментами представляется наполненнымъ цѣлью мелкихъ, постоянно варьирующихся впечатлѣній и ощущеній, анализъ которыхъ, помогая детальной живописи чувства, сообщаетъ роману ту чарующую и увлекающую, тонкую прелесть которой напрасно будемъ искать у беллетристовъ останавливающихся на однихъ стереотипныхъ моментахъ и переходахъ чувства, хотя бы эти моменты были изображены живо и страстно, хотя бы они были вмѣщены въ интересную и оригинальную фактическую обстановку. Какъ въ картинахъ полное совершенство и законченность достигаются тщательною выработкою всѣхъ полутоновъ, такъ и въ романѣ детальная живопись чувства, со всѣми неудовимыми оттѣнками, необходима для полнаго очарованія. Въ этомъ искусствѣ живописи чувства и заключается главная причина очарованія. Внутренняя жизнь сердца, модуляціи страсти—неисчислимы; но у писателей очень молодыхъ или не глубокихъ, не переживающихъ собственнымъ чувствомъ и собственной мыслью всѣхъ перипетій изображаемой драмы, страсть обыкновенно выходитъ какою-то голою, проявляется въ рутинныхъ, стереотипныхъ формахъ, отчего впечатлѣніе конечно понижается въ силѣ и въ тон-

кости. Способность читателя къ ощущенію, какъ и всякая способность, неизбѣжно притупляется, если ощущеніе возобновляется постоянно при помощи одного и того же приѣма, варьируетъ по одному и тому же мѣсту; необходимо его варьировать, необходимо искать нетронуемыхъ подробностей, не примелькавшихся для глаза и слуха оттѣнковъ, эпитетовъ, красокъ, положеній. Литературное мастерство сдѣлалось въ наше многоопытное и вичему не удивляющееся время дѣломъ чрезвычайно труднымъ. Все до такой степени примелькалось, въ общій оборотъ вошло столько удачныхъ образовъ, символовъ, выраженій, что достигнуть свѣжести, новизны и оригинальности для художниковъ стало крайне трудно. Только очень плодовитое воображеніе; очень изощренная наблюдательность и долгое, серьезное обдумываніе могутъ помочь таланту быть новымъ и свѣжимъ въ произведеніи, которое по необходимости приходится писать на не новые и не свѣжіе мотивы. Новый романъ графа Толстаго носитъ на себѣ всѣ признаки этой борьбы, съ честью выдержавшей высоко-даровитымъ авторомъ. Вы въ намъ наталкиваетесь на знакомые мотивы, но эти мотивы производятъ на насъ совершенно свѣжее впечатлѣніе, потому что рука работавшая ихъ нашла новые оттѣнки, новыя сочетанія звуковъ. Богатство непрерывно варьируемыхъ оттѣнковъ, строга обдуманность каждаго эпитета, способность доработаться до составныхъ элементовъ каждаго образа, каждаго тона, и плутона—вотъ гдѣ главная техническая тайна того творчества какое видимъ въ созданіяхъ графа Толстаго.

Изъ другихъ произведеній изящной словесности обратившихъ на себя вниманіе въ минувшемъ году, слѣдуетъ остановиться на романѣ г. Достоевскаго *Подростокъ* и исторической повѣсти г. Всеволода Крестовскаго *Дядя*.

Талантъ г. Достоевскаго общепризнавъ, и особенности его живо всѣмъ извѣстны и достаточно объяснены критикой; поэтому, заводя рѣчь о его послѣднемъ произведеніи, мы не имѣемъ въ виду вновь характеризовать это оригинальное дѣяніе, создавшее въ нашей литературѣ какъ бы особую спеціальность. Къ сожалѣнію, въ той же мѣрѣ всѣмъ извѣстно что романы г. Достоевскаго, всегда прекрасно задуманные, нѣтъ равны въ исполненіи. Дарованіе его какъ бы не хотѣло знать никакой послѣдовательности въ своемъ развитіи, и о немъ никакъ нельзя сказать чтобъ оно правильно и

постоянно шло впередъ. Тотчасъ послѣ произведенія чрезвычайно сильнаго и талантливаго, г. Достоевскій можетъ дать произведеніе сравнительно очень слабое. *Подростокъ*, по нашему мнѣнію, принадлежитъ къ менѣе удавшимся его романамъ. Задумавъ онъ, какъ это всегда бываетъ у г. Достоевскаго, очень хорошо. Авторъ хотѣлъ повидимому показать намъ происхожденіе и развитіе зла въ человѣческой природѣ захваченнаго почти отъ самаго его зародыша—того особеннаго, страшнаго, большаго зла, которое граничитъ съ мечтами о высшей нравственности и съ грязью самаго отвратительнаго порока. Авторъ, какъ кажется, хотѣлъ вновь и съ особенною глубиной анализировать искаженную, большую жизнь которая судорожно трепещетъ въ его предыдущемъ романѣ—*Бѣсахъ*, и въ изученіи которой онъ показалъ столько провидительности и тонкаго, почти осязающаго пониманія самыхъ извращенныхъ движеній человѣческой природы. Но можетъ быть въ самой задачѣ этой уже лежала причина несомнѣнно удачнаго ея исполненія, именно въ томъ обстоятельствѣ что эта задача является какъ бы дальнѣйшимъ развитіемъ темъ разработанной въ предыдущемъ произведеніи. Художникъ рѣдко съ полнымъ успѣхомъ возвращаются къ мотивамъ однажды уже исчерпаннымъ; для силы и свѣжести вдохновенія необходимо чтобы художественная идея впервые овладѣла мыслью и воображеніемъ. Образы рисуются крупно и осязательно только когда они впервые являются художнику какъ только онъ исчерпался надъ ними, творческая сила уже не возвращается къ нимъ съ прежнимъ напряженіемъ и подъемомъ. Между тѣмъ *Подростокъ* очевидно вышелъ изъ того же самаго настроенія въ какомъ писались *Бѣсы*. Среда изображаемая въ обоихъ романахъ почти одна и та же: это то самое подполье русской интеллигенціи которое мы старались охарактеризовать въ нашей статьѣ *Бѣсахъ*. Наблюдается она въ *Подросткѣ* опять почти съ той же самой стороны какъ и въ предыдущемъ романѣ,—со стороны развѣдающаго нравственнаго зла, со стороны искривленныхъ, болѣзненныхъ путей, какими въ этой средѣ таинственно прорастаетъ мысль, стремящаяся къ освобожденію. Но очевидно высота настроенія въ обоихъ романахъ не одна и та же. Вся эта фантазмагорія, съ силою отразившаяся когда она впервые овладѣла воображеніемъ автора, при вторичномъ воплощеніи своемъ напоминаетъ только игру рефлексовъ.

Бьсагъ мы находимъ крупныя, яркія образы, между которыми фигура Степана Трофимовича навсегда останется въ числѣ самыхъ оригинальныхъ и художественныхъ типовъ созданныхъ русскою литературой. Въ *Подросткѣ* типъ Версилова, представляющій собственно говоря только собирательное отраженіе прежнихъ героевъ г. Достоевскаго и понемногу напоминающій каждого изъ нихъ, рисуется довольно неясно, безъ тѣхъ индивидуальныхъ чертъ, которыя превращаютъ сложившійся въ мысли и въ воображеніи образъ — въ живое лицо. Даже его нравственная личность, его міросозерцаніе, что у г. Достоевскаго всегда выходитъ особенно глубоко и точно, на этотъ разъ неясно и расплывчато.

Заговоривъ о послѣднемъ романѣ г. Достоевскаго, нельзя не сдѣлать еще одного замѣчанія. Его тема—нравственная борьба овладѣвающая человѣкомъ и повергающая его въ глубины порока и разврата. Но это тема весьма опасная и колючая. Изображеніе нечистыхъ явленій психической и общественной жизни едва ли можетъ быть предметомъ романа въ извѣстныхъ границахъ, полагаемыхъ установившимися требованиями приличія и вкуса. Романъ не спеціальная книга, предназначенная для извѣстнаго, ограниченаго круга читателей. Все грамотное общество составляетъ публику романиста. Поэтому мы думаемъ что изображая грязь и ужасъ нравственнаго паденія, романистъ не долженъ переступить черты которой кончается художественное впечатлѣніе и начнется неопытное анатомированіе зараженнаго организма. Достоевскій въ послѣднемъ романѣ часто переходитъ за эту черту. Въ *Подросткѣ* есть подробности возмущающія образованное чувство, есть грязности, по нашему мнѣнію рѣшительно непозволительныя въ литературномъ произведеніи. Имъ приходится тѣмъ болѣе пожалѣть что они вовсе не названы требованиями такъ-называемаго реализма; напротивъ, акты и сцены наиболѣе неприличныя въ этомъ романѣ наиболѣе близки къ дѣйствительной жизни, наименѣе реальны. Для примѣра укажемъ хотя бы на эпизодъ о бѣдной дѣвушкѣ, объявившей въ газетахъ что ищетъ уроковъ (въ первой части романа): приключенія какія пришлось испытать этой дѣвушкѣ рѣшительно невозможны въ дѣйствительной жизни и совершенно *ненужны* въ романѣ.

Позволяя себѣ всѣ подобныя замѣчанія, мы не желали бы однако привести читателя къ заключенію что романъ *Подро-*

*стоки* не заслуживаетъ его вниманія. Мы напротивъ думаемъ что талантливый писатель не можетъ произвести что-либо окончательно неудавшееся, что дарованіе въ чемъ-нибудь не премѣнно скажется, и что самыя ошибки его въ высшей степени любопытны и поучительны. *Подростокъ* во всякомъ случаѣ неизмѣримо выше и интереснѣе произведеній той литературной кухмистерской въ которой изготовляется обычная беллетристика *Отечественныхъ Записокъ*. Авторъ въ этомъ романѣ находится въ своей сферѣ; онъ имѣетъ дѣло съ тою именно жизнью которую особенно хорошо умѣетъ и ображать. Поэтому въ романѣ есть прекрасныя страницы, о части выкупающія неудовлетворительность цѣлаго, есть вѣяніе серьезной мысли поднимающее произведеніе гораздо выше заурядныхъ продуктовъ беллетристического ремесла.

Историческая повѣсть г. Всеволода Крестовскаго *Дня* явившаяся въ газетѣ съ очень ограниченнымъ числомъ по лищиковъ, еще мало извѣстна въ лубликѣ. Это его первый опытъ художественно-исторической композиціи, къ которой онъ приведенъ работами по военной исторіи, занимающими его въ послѣднее время. Но рука опытнаго романиста чувствуется и на этой первой попыткѣ. Она отразила на себѣ основательное изученіе эпохи, и что еще важнѣе—правильное къ ней отношеніе. Дѣйствіе повѣсти происходитъ времена императора Павла—времена чрезвычайно трудныя для безпристрастнаго художественнаго воспроизведенія, такъ какъ свѣтъ и тѣни лежатъ на нихъ до крайности рѣзко. Это была эпоха величайшихъ подвиговъ и густаго мрака; личность самого императора, поставленная между лучами неслыханной военной славы и темными сторонами тогдашней русской дѣйствительности, является въ исторіи въ несовсѣтливо отчетливомъ освѣщеніи. Романисту предстояла значительная трудность—примирить въ своей картинѣ эти рѣзко вылающія темныя и свѣтлыя пятна и уловить художественное равновѣсіе между свѣтомъ и тѣнью. Трудная задача эта, какъ намъ кажется, разрѣшена романистомъ. Императоръ Павелъ является у него съ тѣми противорѣчіями какія знаетъ за нимъ исторія, но эти противорѣчія сколько не вредятъ ясности и опредѣленности живаго образа. Точно также и общія черты эпохи воспроизведены съ художественнымъ безпристрастіемъ и съ тою истинностью и *доказанностью*, которыми отличаются всѣ



обще романы г. Крестовскаго. Нельзя не оцѣнить, вмѣстѣ съ тѣмъ, что не увлекаясь оптимизмомъ, не скрывая предвѣренно мрачныхъ сторонъ тогдашней русской и въ особенности петербургской дѣйствительности, авторъ умѣлъ угадать високій духъ жившій въ русскихъ людяхъ того времени и отразить въ романѣ чрезвычайный подъѣмъ, двигавшій нашими *дѣдами*—богатырями Суворовскаго закала. Оттого на всемъ разказѣ чувствуется вѣяніе чего-то бодрого и свѣтлаго, безъ подслащенія и безъ подкрашиванья. Это одна изъ тѣхъ, къ сожалѣнію немногихъ въ настоящее время книгъ, которую смѣло можно дать въ руки каждому, взрослому и ребенку, и быть увѣреннымъ что впечатлѣніе какое она произведетъ на читателя—будетъ чистое, нравственное и возбуждающее къ хорошему, горячему чувству. О литературныхъ достоинствахъ *Дѣдовъ* мы здѣсь не будемъ распространяться, такъ какъ искусство автора какъ разказчика давно всѣмъ извѣстно; замѣтимъ однакоже что многа сцены этой прекрасной исторической повѣсти, въ особенности тѣ гдѣ выступаютъ дѣйствительныя лица, принадлежатъ къ лучшимъ страницамъ написаннымъ г. Крестовскимъ.

Вкусъ къ историческому роману, очевидно, растетъ между нашими беллетристами. Въ послѣднее время къ этому роду литературы обратились многіе изъ нихъ, бравшіе прежде темъ исключительно изъ современной дѣйствительности. Является это едва ли слѣдуетъ приписать одной только случайности или большому спросу со стороны публики. По нашему мнѣнію, причина кроется въ самомъ характерѣ нынѣшней дѣйствительности, и находится въ связи съ явленіемъ казаннымъ въ началѣ этой замѣтки—съ пробуждающеюся требностью идеаловъ. Мы какъ будто все еще находимся въ томъ переходномъ періодѣ, къ которому въ литературѣ становилась исключительно отрицательныя отношенія. Но эти отношенія, выразившіяся въ нескончаемыхъ и надоевшихъ вариацияхъ на однѣ и тѣ же темы, видимо начали потихоньку какъ публику, такъ и самихъ романистовъ. Явился спросъ на положительныя идеалы. Но какъ и гдѣ искать этихъ идеаловъ въ современной жизни? Долговременное пребываніе въ сферѣ отрицанія наложило на нашихъ художниковъ своего рода давленіе; чтобы выбиться изъ-подъ него надо найти новыя приемы, новыя точки зрѣнія на наблюда-

ему действительность. Сдѣлать все это въ кругу той самой жизни, которая по привычкѣ представляется обращенной къ намъ одними отрицательными сторонами, чрезвычайно трудно. Отсюда, если не ошибаемся, это настойчивое и во болѣе входящее во вкусъ устремленіе къ минувшимъ эпохамъ. Тамъ, въ области прошедшаго, въ сторонѣ отъ задачъ и вопросовъ настоящаго дня, романистъ чувствуетъ себѣ гораздо спокойнѣе и свободнѣе: ему приходится вращаться среди поколѣнія уже окончательно высказавшагося, объявившаго свои идеалы. Все это показываетъ что такъ-называемое переходное время еще продолжается, и новое общество еще не сложилось въ твердые, рѣзкіе типы. Это чувствуется и въ новомъ романѣ графа Толстаго, въ томъ обстоятельстве что на первомъ планѣ въ немъ дѣйствуетъ старое общество, фигуры же новаго рисунка являются лишь какъ аксессуары, еще очень мало выясненные. Какъ долго будетъ еще длиться это переходное состояніе нашей литературы, сказать конечно трудно. Но если мы не ошибаемся многіе признаки указываютъ уже что мы приближаемся къ новому плодотворному оживленію. Отрицательное направленіе видимо никого болѣе не удовлетворяетъ; вкусъ къ бытовымъ изображеніямъ народной жизни также сильно ослабѣлъ; цѣлая фаланга писателей пробавлявшихся простонародными сценками, въ послѣдніе годы совсѣмъ исчезла изъ литературы; чувствуется сильный запросъ на вѣчто болѣе серьезное и въ особенности болѣе талантливое. Жалкая теорія провозгласившая что тенденція выше таланта найдеть вѣру только между послѣдними Могиканами лже-литературной рутины. Правда, носящаяся въ воздухѣ новыя вѣнія встрѣтятъ еще ожесточенный отпоръ со стороны тѣхъ пустыхъ сосудовъ которымъ нечего дать на возникающій спросъ. Вывѣтрившіеся романисты, фельетонные скоморохи, журналисты привыкшіе спокойно собирать мзду съ либеральнаго направленія—все это будетъ еще нѣкоторое время злобнымъ шипѣніемъ кричать о застоѣ и усыпленіи, въ которое будто бы погружается литература, выходя изъ закованнаго фельетоннаго гаетства. Но бессильное шипѣніе это докажетъ только одно—что мы действительно тронулись мѣста.

## ВЪ КОНТОРЪ

### ТИПОГРАФІИ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

**НАШЪ ОБЩІЙ ДРУГЪ.** Романъ въ двухъ частяхъ и четырехъ книгахъ. Чарлза Диккенса. Переводъ съ англійскаго. М. 1866. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

**КЕНЕЛМЪ ЧИЛЛИНГЛИ, ЕГО ПРИКЛЮЧЕНІЯ И МѢВНІЯ.** Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. 1874. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

**ПАРИЖАНЕ.** Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. 1875. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

**ЗАКОНЪ И ЖЕНЩИНА.** Романъ Уилки Коллинза. 1875. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

**НОВАЯ МАГДАЛИНА.** Романъ Уилки Коллинза. 1873. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

**БѢДНАЯ МИССЪ ФИНЧЪ.** Семейная исторія. Соч. Уилки Коллинза. 1872. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

**ДЕЛИ АННА.** Романъ Антони Троллопа. 1874. Ц. 1 р. 50 к. съ пер. 1 р. 75 к.

**ДО ГОРЬКАГО КОНЦА.** Романъ миссъ Брэддонъ. 1873. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

**МОЯ МАТЬ И Я.** Романъ автора „Джона Галифакса“ 1874. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

**ВѢРА.** Повѣсть автора романа „Гостиница Севъ-Жанъ“. Переводъ съ англійскаго. 1872. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

**ПО ВОЛѢ СУДЬБЫ.** Романъ Албани Фовблака. Переводъ съ англійскаго 1871. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

**ЖИЗНА ДЯДИ ТОМА** или жизнь негровъ въ невольничьихъ штатахъ Сѣверной Америки. Романъ гжи Бичеръ-Стоу. Переводъ съ англійскаго. М. 1858. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Книгопродавцамъ и лицамъ обращающимся прямо въ контору Университетской Типографіи дѣляется 20% уступки.

**ПОЛНЫЙ КУРСЪ**  
**НАЧАЛЬНОЙ ФИЗИКИ**

**ВЪ ОБЪЕМЪ ГИМНАЗИЧЕСКАГО ПРЕПОДАВАНІЯ.**

**Профессора Н. ЛЮБИМОВА.**

**Съ 730 политипажами въ текстъ, задачами, репетиторіумомъ и вопросами для упражненій.**

**Опредѣленіемъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, утвержденнымъ г. товарищемъ министра, включенъ въ число РУКОВОДСТВЪ для среднихъ учебныхъ заведеній Министерства.**

**ЦѢНА ТРИ РУБЛЯ.**

**Можно получать въ Конторѣ Университетской Типографіи въ Москвѣ и у книгопродавцевъ.**

1 января вышла и разослана подлищикамъ Яа, январская книга историческаго журнала:

## „РУССКАЯ СТАРИНА“.

Содержаніе книги: I. Лжедмитрій Первый по поводу современнаго его портрета 1606 г. Статья *Н. И. Костомарова*. — II. Записки Михаила Гарновскаго: дворъ императрицы *Екатерины II* въ 1787—1792 гг. Сообщ. *А. И. Левшинъ*. — III. Моя жизнь и художественные труды, разказъ академика *Ф. Г. Солнцева*, 1801—1817 гг. — IV. Воспоминанія о Русскомъ театръ 1820—1840 гг. *П. А. Каратыгина*. — V. Н. В. Гоголь въ 1827—1828 гг. — VI. Виссаріонъ Бѣлинскій въ 1829—1833 гг.: его неизданныя письма и трагедія. — VII. А. Н. Сѣровъ: черки и замѣтки о музыкѣ, 1842—1844 гг. Сообщ. *В. В. Стасовъ*. — VIII. Историческій очеркъ событій на Кавказѣ, 1835—1837 гг. — IX. Восточная война; кн. *И. Ф. Паскевичъ* и кн. *М. Д. Горчаковъ* въ 1853—1855 г. — X. Михельсонъ, помятый Пугачева, біографическій очеркъ. — XI. Листки изъ альбюма книжки *Русской Старины*: 1) Артемій Волыскій: письмо его къ кн. Кантеміру. — 2) Канцлеръ гр. Бестужевъ-Рюминъ. Сообщ. *К. Н. Бестужевъ-Рюминъ*. — 3) Гр. П. А. Мулявцевъ. Сообщ. *А. М. Лазаревскій*. — 4) Фельдмаршалъ Суворовъ. Сообщ. *К. А. Висковатовъ*. — 5) Походъ въ Индію, 180 г. Сообщ. *Ю. В. Толстой*. — 6) Узникъ 1802 г. — 7) Французъ 1812 г. — 8) Механикъ-самоучка, въ 1812 г. — 9) Замѣтки Державинъ. Сообщ. бар. *Ф. А. Бюлеръ*. — 10) Смерть барона Фрейскаго въ Крыму, 1855 г. — XII. Библиографическія записки: 1) Кавказскіе акты, 1816—1827 гг. Статья *М. П. Корбукина*; 2) Всеобщая военная исторія, изданіе кн. *Н. С. Бардына*. — XIII. Библиографическій листокъ (на оберткѣ).

*Приложенія*. I. Портретъ Лжедмитрія Перваго, весьма рѣдкій снимокъ съ гравюры 1606 г. Куліяна, исполнилъ на немъ акад. *И. П. Пожалостинъ*, отпечатанъ въ Парижѣ. — II. Портретъ Михельсона, гравюра на мѣди, исполненной акад. *Пожалостинымъ*; отпечатана въ Парижѣ. — III. Заглавная страница, рисов. проф. Шарлеманъ.

Отпечатано въ 1875 году и продается новое третье изданіе того года **РУССКОЙ СТАРИНЫ**, т. е. 1870 годъ, въ трехъ томахъ 2.700 страницъ, съ гравированными портретами, местидесятью рисунками и снимками. Цѣна восемь рублей пересылкой, въ хорошемъ прелетѣ одиннадцать рублей.

Принимается подписка на РУССКУЮ СТАРИНУ 1876 год (седьмой годъ изданія). Цѣна за 12 книгъ съ портретами русскихъ достопамятныхъ людей, гравированными на мѣди, с рисунками, снимками и пр. приложеніями, восемь рублей с пересылкой.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ — у Базунов (Невскій, 30); въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ Соловьевъ на Страстномъ бульварѣ, домъ Алексѣева.

Гг. иногородныхъ подписчиковъ просятъ исключительно обращаться въ редакцію РУССКОЙ СТАРИНЫ въ С.-Петербургѣ, Надеждинская, д. № 42, кв. № 12. 14.421.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1876 ГОДУ

ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА

## „СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА.“

Журналъ этотъ удостоенъ Высокаго покровительства Государыни Императрицы Маріи Александровны. Рекомендованъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для гимназій, уѣздныхъ училищъ и народныхъ школъ; состоящимъ при IV Отд. Собствен. Его Величества Канцеляріи Учебнымъ Комитетомъ для чтенія воспитанницамъ женск. учебн. завед. Императрицы Маріи. Духовно-учебнымъ Управленіемъ рекомендованъ начальствамъ духовныхъ семинарій и училищъ и главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній рекомендованъ для библиотекъ военныхъ гимназій и прогимназій, какъ изданіе представляющее обильный матеріалъ для выбора статей пригодныхъ для чтенія воспитанниковъ.

Годовое изданіе „Семейныхъ Вечеровъ“ будетъ состоять изъ 24 книгъ, составленныхъ по слѣдующей программѣ: 1) Стихотворенія, повѣсти и разказы какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ писателей. 2) Біографіи замѣчательныхъ людей. 3) Очерки народныхъ обычаевъ, преданій разныхъ странъ. 4) Картины частной жизни въ разные эпохи. 5) Путешествія. 6) Статьи по части исторіи, отечественной и всеобщей. 7) Статьи по естественнымъ наукамъ. 8) Разборы замѣчательн. сочиненій. 9) Извѣстія о замѣчательн. открытіяхъ, изобрѣтеніяхъ и наблюденіяхъ.

Статьи будутъ тщательно распредѣляться такимъ образомъ чтобы первый отдѣлъ изданія, состоящій изъ 12 книгъ, украшенныхъ картинками, распадался на двѣ половины, изъ которыхъ первая составила бы вполне пригодное чтеніе для дѣтей отъ 8 до 14 лѣтъ, а вторая — для дѣтей отъ 5 до 8 лѣтъ. Другой же отдѣлъ заключалъ бы въ себѣ по преимуществу статьи приспособленныя для семейнаго чтенія и множества такъ чтобы всѣ члены семьи, отъ юныхъ до взрослыхъ, нашли въ этомъ отдѣлѣ вещи которыя прочли бы съ одинаковымъ интересомъ и пользой.

## ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Безъ достав.	Съ достав.
Полный журналъ (24 книжки) . . . . .	10 р.	11 р.
Отдѣлъ для дѣтей (12 кн.) . . . . .	5 „	5 „ 50 к.
„ семейнаго чтен. и юности (12 кн.) . . . . .	5 „	5 „ 50 „

Для всѣхъ учебныхъ заведеній подписавшихся на полный журналъ и обращающихся прямо въ редакцію уступается 1 р.

Для земскихъ школъ подписавшихся не менѣе какъ на 25 полныхъ экз. уступается 2 руб.

Разсрочка допускается: для лицъ служащихъ въ казенныхъ учрежденіяхъ, за ручательствомъ гг. казначеевъ, а для воспитательныхъ и учебныхъ заведеній за ручательствомъ ихъ начальствъ.

Разсрочка допускается слѣдующимъ образомъ:

На одинъ изъ отдѣловъ.

За первую треть впередъ безъ доставки 2 р., съ достав. 2 р.

За вторую треть впередъ безъ доставки 2 р., съ достав. 2 р.

За третью треть впередъ съ доставкою 1 р. 50 к.

На полный журналъ.

За первую треть впередъ безъ доставки 4 р., съ достав. 4 р.

За вторую треть впередъ безъ доставки 4 р., съ достав. 4 р.

За третью треть впередъ безъ доставки 2 р., съ достав. 3 р.

## ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ редакціи журнала *Семейные Вечера*, у Семіоновскаго моста, на углу Караванной и Фонтанки, въ д. Раля № 1—2 кв. № 8.

1.015.

Редакторъ-издательница С. КАШПИРЕВА.



приводила его въ замѣшательство, а единодушная оппозиція его собратьевъ-директоровъ была преградой съ которой онъ ничего не могъ сдѣлать одинъ. Лордъ Альфредъ объявлялъ что онъ „положительно не считаетъ этого нужнымъ“; лордъ Нидердаль, съ которымъ Поль сошелся въ Медвѣжьемъ Саду, толкалъ его въ бокъ и просилъ придержать языкъ; мистеръ Коммуль говорилъ на ломаномъ англійскомъ языкѣ небольшую рѣчь въ которой увѣрялъ что все дѣлается по общепринятымъ правиламъ Сити. Сэръ-Феликсъ послѣ двухъ первыхъ собраній не являлся болѣе. Все это сильно смущало Поля, но онъ продолжалъ оставаться однимъ изъ директоровъ Южно-Центральной Тихо-Океанской и Мексиканской желѣзной дороги.

Не знаю легче или тяжелѣе было у него на душѣ отъ того обстоятельства что немедленные денежные результаты его участія въ дѣлѣ были для него вполнѣ удовлетворительны. Со времени учрежденія компаніи, или во всякомъ случаѣ съ тѣхъ поръ какъ въ ней принялъ участіе Мельмотъ, не прошло еще шести недѣль, а Полю была уже два раза дана возможность продать пятьдесятъ акцій по 112 фунтовъ 10 шиллинговъ за каждую. Онъ даже еще не зналъ какимъ числомъ акцій онъ владѣлъ, но оба раза принималъ предложеніе и на слѣдующій день получалъ 625 фунтовъ, сумму соотвѣтствующую излишекъ противъ номинальной цѣны проданныхъ имъ акцій. Предложенія дѣлались ему чрезъ Майльза Гредола, и когда онъ начиналъ разспрашивать на какихъ условіяхъ это дѣлается, ему отвѣчали что это зависитъ отъ основнаго капитала и будетъ опредѣлено послѣ окончательнаго распоряженія калифорнійскою собственностью. Но судя по тому что мы видимъ, вамъ нечего опасаться, говорилъ Майльзъ. Вы кажется одинъ изъ самыхъ крупныхъ банкировъ. Мельмотъ не сталъ бы совѣтовать вамъ продавать акціи еслибы не думалъ что это можетъ доставлять вамъ постоянный доходъ.

Поль Монтегю не понималъ во всемъ этомъ рѣшительно ничего, но чувствовалъ что стоялъ на самой шаткой почвѣ. Незнательность и опасеніе что все предприятие окажется ничтожною продѣлкой дѣлали его по временамъ крайне несчастнымъ. Но за то бывали также времена когда онъ праздновалъ и наслаждался своимъ благосостояніемъ. Въ маленіи надъ нимъ насмѣхались когда онъ требовалъ объ-

ясней, но вѣдъ правленія люди связанные съ предпріятіемъ оказывали ему большое вниманіе. Мельмотъ пригласилъ его обѣдать два или три раза. Отъ мистера Ковалюла онъ получилъ приглашеніе, которымъ однако еще не воспользовался, побывать въ его небольшомъ имѣніи Рикмансвортъ. Лордъ Альфредъ былъ всегда любезенъ съ нимъ, а Ниддердель и Карбери очевидно старались завлечь его въ свой кружокъ въ клубъ. Многіе другіе дома открылись для него по той же причинѣ. Хотя основателемъ предпріятія считался Мельмотъ, но было извѣстно что фирма Фискеръ, Монтегю и Монтегю имѣла въ немъ значительное участіе и что Поль былъ однимъ изъ членовъ этой фирмы. Въ Сити и въ Вестъ-Эндѣ всѣ повидимому были увѣрены что онъ вполнѣ посвященъ въ дѣла и съ нимъ обращались какъ будто манна ожидаемая отъ предпріятія была въ его распоряженіи. Все это было пріятно молодому человѣку. Онъ только отчасти сопротивлялся искушеніямъ, и хотя иногда имѣлъ твердое намѣреніе изслѣдовать дѣло до основанія, но это бывало только иногда. Деньги были ему очень пріятны. Скоро долженъ былъ миновать срокъ въ теченіе котораго онъ обѣщалъ не говорить Гевриеттѣ Карбери о своей любви, и когда пройдетъ этотъ срокъ, думалъ онъ, какъ пріятно будетъ ему знать что онъ имѣеть средства доставить будущей женѣ своей комфортабельный домъ. Во всѣхъ своихъ стремленіяхъ и опасеніяхъ онъ былъ вѣренъ Геттѣ Карбери. Тѣмъ не менѣе еслибы Гетта знала все что ей слѣдовало знать, она въ всей вѣроятности постаралась бы изгнать его изъ своего сердца.

Другіе директора были тоже неспокойны, хотя по совершенно другой причинѣ, и тоже роптали на предсѣдателя. Ни сэръ-Феликсу Карбери, ни лорду Ниддерделю не было ни разу предложено продать сколько-нибудь акцій, такъ что ни одинъ изъ нихъ не былъ вознагражденъ за пользованіе его именемъ. Они знали навѣрное что Монтегю продавалъ акціи. Онъ не считалъ нужнымъ скрывать это и сказалъ сэръ-Феликсу, котораго надѣялся называть со времени своимъ зятемъ, сколько именно акцій онъ продалъ и сколько получалъ за нихъ. Такъ какъ номинальная цѣна акціи была 100 фунтовъ, а Монтегю было выдано въ видѣ предоплаты только по 12 фунтовъ 10 шиллинговъ за акцію, то надо было полагать что на удержавныя деньги были приобретены другія акціи. Всѣ однако сознавались другъ другу что

былъ темный вопросъ, и Монтегю написалъ Гамильтону К. Фаскеру въ Санъ-Франциско прося разъясненія, но еще не получилъ отвѣта. Не сѣдуетъ однако думать что Ниддердель и Карбери возмущались успѣхомъ Монтегю. Они понимали что онъ дѣйствительно положилъ капиталъ въ предпріятіе и имѣлъ полное право получать на него проценты. Не роптали они также на громадные барыши которые по всей вѣроятности получалъ Мельмотъ, потому что знали какимъ великимъ человѣкомъ былъ Мельмотъ. О дѣяніяхъ Козмлула имъ не было извѣстно ничего, но Козмлулъ былъ коммерческимъ человѣкомъ и вѣроятно тоже помещалъ капиталъ. Вообще Козмлулъ былъ слишкомъ тщлиственъ чтобы смущать ихъ. Но лордъ Альфредъ продалъ акціи и получалъ барыши, а они знали навѣрное что лордъ Альфредъ не имѣлъ никакого капитала. Если лорду Альфреду позволяютъ наживаться, почему не позволяютъ имъ? Если же ихъ чередъ наживаться еще не пришелъ, почему лордъ Альфредъ былъ счастливѣе ихъ? Если лордъ Альфредъ сумѣлъ внушить такой страхъ къ себѣ что ему бросили подачку, почему бы и имъ не заставить бояться себя? Правда что лордъ Альфредъ посвящалъ все свое время Мельмоту, онъ сѣдался, какъ говорили молодые люди, главнымъ актеромъ Мельмота, но эта причина казалась имъ недостаточною.

— Вы еще не продавали акцій? спросилъ однажды въ клубѣ сэръ-Феликсъ у лорда Ниддердела. Ниддердель посѣщалъ собранія компаніи аккуратно, и сэръ-Феликсъ началъ опасаться что пріятель его будетъ тоже счастливѣе его.

— Ни одной.

— И не получали никакихъ барышей?

— Ни одного шиллинга. Моимъ единственнымъ денежнымъ участіемъ во всемъ дѣлѣ было пожертвованіе на обѣдъ Фаскеру.

— Такъ что же вы выигрываете отъ посѣщеній Сити? спросилъ сэръ-Феликсъ.

— Я самъ не знаю что я выигрываю. Можетъ-быть со временемъ что-нибудь и выйдетъ.

— Однако мы числимся директорами, и Грендоль получаетъ за это деньги.

— Бѣдный старый дуракъ, сказалъ лордъ Ниддердель.— Если у лорда Альфреда есть деньги, не мѣшало бы заста-

вить Майльва заллатить хоть часть его долговъ. Не скажете ли намъ ему что мы разчитываемъ что онъ приготовить деньги къ тому времени когда нужно будетъ заллатить по векселю Фосснера?

— Конечно скажемъ, непременно скажемъ! Но возьмете ли вы это на себя?

— Но это ни къ чему не поведетъ. Расплачиваться не въ его натурѣ.

— Было время когда люди считали долгомъ платить карточные долги, сказалъ сэръ-Феликсъ, который все еще былъ при деньгахъ и имѣлъ множество расписокъ.

— Теперь же люди расплачиваются только когда это имъ нравится. Но желаю бы я знать чѣмъ расплачивались люди когда у нихъ не было денегъ?

— Въ такихъ случаяхъ человекъ скрывался безсѣдно. Не заллатить карточный долгъ было все равно что сплутовать въ игрѣ. Теперь же можно и плутовать и никто не скажетъ ни слова.

— Я не сказалъ бы ни слова, сознался лордъ Ниддердеаль.— Чтò за охота ссориться. Я не богомоленъ, но мнѣ кажется что въ ученіи о прощеніи обидъ есть вѣчто хорошее. Плутовать конечно нехорошо и играть когда не имѣешь возможности заллатить тоже нехорошо, но не знаю хуже ли это чѣмъ наливать какъ наливается Долли Лонгестаффъ или ссориться со всѣми какъ Грасслокъ или жениться на деньгахъ. Я вѣрю въ возможность жить въ стеклянныхъ домахъ но не допускаю бросанія камнями. \* Читаете вы иногда Библию, Карбери?

— Библию? Читую, то-есть читалъ когда-то.

— Я часто думаю что не бросилъ бы первый камень въ женщину-грѣшницу. Живи и жить давай другимъ—вотъ мой девизъ.

— Но вы согласны что мы должны предпринять что-нибудь относительно акцій? спросилъ сэръ-Феликсъ испугавшись чтобы доктрина прощенія не зашла слишкомъ далеко.

— О, конечно. Я всею душой готовъ дать жить старому Грендолу, но и онъ долженъ дать жить мнѣ. Только кто же привяжетъ колокольчикъ коту?

— Какому коту?

— Идти къ старому Грендолу намъ не для чего, къ мол

\* Англійская пословица: кто живетъ въ стеклянномъ домѣ, тотъ камнями не бросайся.

дому тоже, сказалъ лордъ Ниддердель болѣе знакомый съ положеніемъ дѣла. Отъ стараго мы не услышали бы ничего кромѣ вздоховъ, отъ молодаго ничего кромѣ ажи. Котомъ въ этомъ случаѣ я называю нашего великаго предсѣдателя Аугустуса Мельмота.

Разговоръ этотъ произошелъ на другой день послѣ возвращенія сэръ-Феликса Карбери изъ Суффолка, сѣдовательно въ такое время когда главною цѣлью жизни баронета было получить согласіе Мельмота на бракъ съ его дочерью. Сэръ-Феликсъ думалъ что одного этого было слишкомъ достаточно. Онъ боялся Мельмота. Ниддердель тоже сватаался къ миссъ Мельмотъ, но Ниддердель былъ очень странный человѣкъ. Его разговоръ о Библии и о прощеніи грѣховъ былъ очень странный, его отъсылъ о женитьбѣ на деньгахъ былъ тоже очень странный. Сэръ-Феликсу было извѣстно что Ниддердель хотѣлъ жениться на дочери Мельмота, а Ниддерделю было извѣстно что сэръ-Феликсъ имѣлъ то же самое намѣреніе, и несмотря на это Ниддердель былъ настолько неделикатенъ что высказалъ свое мнѣніе о женитьбѣ на деньгахъ. И онъ еще спрашиваетъ кто привяжетъ колокольчикъ когѣ!

— Вы бываете тамъ чаще и вамъ удобнѣе это сдѣлать, отвѣчалъ сэръ-Феликсъ.

— Гдѣ я бываю?

— Въ правленіи.

— За то вы бываете безпрестанно въ его домѣ. Онъ по всей вѣроятности обойдется со мною учтиво потому что я лордъ, но той же причинѣ онъ сочтетъ меня дуракомъ.

— Я не понимаю почему, сказалъ сэръ-Феликсъ.

— Не думайте что я боюсь его, продолжалъ лордъ Ниддердель.—Онъ старый негодяй, и я вполнѣ увѣренъ что онъ былъ бы готовъ скальпировать насъ еслибы могъ обратить въ деньги наши волосы. Но такъ какъ онъ не можетъ скальпировать меня, я поговорю съ нимъ. Какъ бы то ни было, но онъ расположенъ въ мою пользу, потому что я дѣйствовалъ съ нимъ всегда прямодушно. Еслибъ это зависѣло отъ него, я могъ бы жениться на его дочери хоть завтра.

— Въ самомъ дѣлѣ?

Сэръ-Феликсъ нисколько не сомнѣвался что пріятель его говорилъ правду, но онъ былъ очень удивленъ такою откровенностью.

— Но дочь не нуждается во мнѣ, и я далеко не увѣренъ, нуждаюсь ли я въ ней. Что за чертовское будетъ положеніе, если старикъ не дастъ денегъ?

— Съ этими словами лордъ Ниддердель ушелъ, а баронетъ остался въ сильномъ смущеніи. Что если въ самомъ дѣлѣ онъ женится на этой дѣвушкѣ, а старикъ не дастъ денегъ?

Въ слѣдующую пятницу, обычный день собраній директоровъ, лордъ Ниддердель зашелъ въ контору великаго человѣка въ Абчерчъ-Ленъ, чтобъ оттуда отправиться вмѣстѣ въ правленіе. Мельмотъ былъ всегда очень учтивъ съ лордомъ Ниддерделемъ, но до сихъ поръ они еще никогда не говорили о дѣлахъ.

— Я хотѣлъ спросить у васъ кое-что, сказалъ лордъ Ниддердель опираясь на руку председателя.

— Все что угодно, милордъ.

— Не думаете ли вы что я и Карбери могли бы продать нѣсколько акцій?

— Нѣтъ, не думаю, если вы желаете это знать.

— О, я не ожидалъ. Почему намъ нельзя дѣлать то что дѣлають другіе?

— Развѣ вы и сэръ-Феликсъ положили какой-нибудь капиталъ въ предпріятіе?

— Никакого. Но великъ ли капиталъ положенный лордомъ Альфредомъ?

— Я купилъ акціи для лорда Альфреда, сказалъ Мельмотъ съ сильнѣмъ удареніемъ на личномъ мѣстоименіи.— Я полагаю что я вправѣ распорядиться моими деньгами и спрашивая позволенія ни у васъ, милордъ, ни у сэръ-Феликса Карбери.

— О, конечно, я не имѣю ни малѣйшаго намѣренія вмешиваться въ ваши дѣла.

— Я въ этомъ увѣренъ, и мы не будемъ больше говорить объ этомъ. Подождите немного, лордъ Ниддердель, и все уладится. Если у васъ есть нѣсколько свободныхъ тысячъ фунтовъ, отдайте ихъ намъ, и вы получите право продавать акціи и получать барыши. Предполагается что вы, какъ директоръ, внесли какой-нибудь капиталъ, а такъ какъ вы этого не сдѣлали, акціи числятся за вами, но не могутъ быть отданы вамъ.

— Такъ вотъ въ чемъ дѣло, сказалъ лордъ Ниддердель дѣлая видъ что онъ все это понимаетъ.

— Если ваши дѣла съ Мери устроятся какъ мы надѣмся, то-есть если вашъ отецъ согласится на мои условія, вы будете въ состояніи купить сколько угодно акцій.

— Надѣюсь что все устроится какъ слѣдуетъ, сказалъ Ниддердель.— Благодарю васъ, я очень обязанъ вамъ, я обещаю все это Карбери.

### XXIII. „Да, я барокетъ.“

Леди Карбери уговаривала сына отправиться немедленно къ Мельмоту и сдѣлать формальное предложеніе.

— Мой милый Феликсъ, сказала она подойдя къ его постели немного раньше полудня,—пожалуйста не откладывай. Ты не знаешь сколько можетъ быть препятствій между нами и исповненіемъ и исполненіемъ.

— Необходимо застать его въ хорошемъ расположеніи духа, отговаривался Феликсъ.

— Но дѣвушка можетъ обидѣться.

— На этотъ счетъ можете быть покойны. Съ ея стороны опасаться нечего. Чтѣ мнѣ сказать ему насчетъ денегъ? Вотъ въ чемъ вопросъ.

— Я на твоёмъ мѣстѣ не стала бы предписывать никакихъ условій, Феликсъ.

— Ниддердель когда сватался выговаривалъ известную сумму и требовалъ чтобы часть денегъ была выдана ему до свадьбы съ тѣмъ чтобы онъ могъ сдѣлать съ ними все что угодно.

— Но ты не будешь предписывать подобныхъ условій?

— Я поставлю условіемъ чтобы деньги были отданы мнѣ и доходъ, тысячъ семь или восемь въ годъ, укрѣпленъ за мной. На меньшее я не соглашусь. Не стоить хлопотъ.

— Но у тебя нѣтъ ничего.

— У меня есть горло которое можно перерѣзать и голова которую можно прострѣлить, сказалъ онъ полагая что этотъ разводъ долженъ подѣйствовать на мать.

— О, Феликсъ, какъ грубо съ твоей стороны говорить это мнѣ.

— Можетъ-быть, но дѣло есть дѣло, матушка. Вы хотите женить меня на этой дѣвушкѣ потому что она богата.

— Ты самъ хочешь жениться на ней.

— Я смотрю на это съ философской точки зрѣнія. Мнѣ нужны деньги, а когда человѣку нужны деньги, онъ опредѣляетъ сколько именно ему нужно и заботится чтобъ онъ были выплачены.

— Я думаю что въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія.

— Но что если я женюсь на ней, а онъ не дастъ денегъ? Это будетъ все равно что перерѣзать себѣ горло. Когда играешь и проигрываешь, остается надежда выиграть въ другой разъ. Но какая надежда остается у человѣка который разчитываетъ жениться на богатствѣ и не получаетъ ничего кромѣ жены?

— Мельмотъ долженъ отдать деньги раньше.

— Все это легко на словахъ. Онъ долженъ это сдѣлать но страшно было бы отказаться въ послѣднюю минуту идти въ церковь только потому что деньги еще не выплачены. Съ его умомъ онъ можетъ устроить такъ что я самъ не буду знать получилъ я деньги, или нѣтъ. Десять тысячъ годоваго дохода нельзя унести въ карманѣ, вы это сами знаете. Если вы теперь уйдете, матушка, я можетъ-быть надумаюсь и встану.

Леди Карбери поняла опасность положенія сына и обду мала дѣло со всѣхъ сторонъ. Съ одной стороны она видѣла домъ въ Гросвеноръ-Скверѣ, безграничные расходы, пощщенія герцогини, общее ухаживаніе и знаменитость Мельмота въ денежномъ мірѣ, съ другой—полнѣйшую нацѣту своего сына баронета. Положеніе его было такъ безнадежно что онъ слѣдовало идти даже на рискъ. Затрудненія лорда Ниддердеа были только временныя. Предъ нимъ были фамильный помѣстья, титулъ маркиза, золотое будущее. Феликсу же не на что было разчитывать въ будущемъ. Всѣми своими преимуществами—общественнымъ положеніемъ, титуломъ, красивымъ лицомъ, онъ уже пользовался. Ему необходимо было рискнуть чтобъ поправить свое положеніе. Богатство Мельмота даже въ разоренномъ состояніи было бы лучше полнѣйшаго безденежья баронета. Притомъ, хотя и говорили что Мельмотъ могъ разориться, но въ его настоящемъ богатствѣ не могло быть сомнѣнія. И не естественно ли что онъ постарается заблаговременно обезпечить дочь? На слѣдующее утро, въ воскресенье, леди Карбери лобывала олят у сына и олят уговаривала его жениться.



— Мнѣ кажется что тебѣ слѣдуетъ даже раскинуть немного, сказала она.

Сэръ-Феликсъ наканунѣ игралъ неудачно и можетъ-быть выигралъ слишкомъ много. Какъ бы то ни было, но онъ былъ крамоль и несообщителемъ.

— Я желаю бы чтобы вы предоставили мнѣ самому заниматься тѣмъ что касается меня.

— Развѣ это не касается и меня также?

— Нѣтъ. Вамъ не предстоитъ жениться на ней и ладить съ этими людьми. Я самъ рѣшу какъ мнѣ поступить. Я не хочу чтобы кто-нибудь помышлялъ мною.

— Неблагодарный мальчикъ!

— Все это я знаю. Я неблагодарный потому что не дѣлаю всего что вы хотите. Но ваше приставанье не принесетъ никакой пользы. Вы только вооружаете меня противъ всего этого дѣла.

— Такъ на что же ты рассчитываешь? Не думаешь ли ты остаться навсегда обузой для твоей матери и сестры? Удивляюсь какъ тебѣ не стыдно. Твой кузенъ Роджеръ правъ. Уйду изъ Лондона навсегда и предоставляю тебя самому себѣ.

— Это совѣтъ Роджера? Я всегда ожидалъ отъ него чего-нибудь подобнаго.

— Онъ лучший другъ какой у меня есть.

Что подумалъ бы Роджеръ еслибы услышалъ эти слова миссъ Карбери?

— Это злой, скупой, всюду сующій свой носъ старый возжа. Если онъ попробуетъ когда-нибудь вмешаться опять въ мои дѣла, я скажу ему что я думаю о немъ. Право, ма-машка, эти споры въ моей комнатѣ очень неприятны. Вы мечаете хозяйка въ этомъ домѣ, но если вы дадите мнѣ комнату, отдайте мнѣ ее въ полное распоряженіе.

И мать и сынъ были въ такомъ расположеніи духа что не удалось бы объяснить ему что онъ не давалъ ей возможности говорить съ ней въ другое время и въ другомъ мѣстѣ. Если она встрѣчала его когда онъ приходилъ завтракать, то онъ исчезалъ черезъ пять минутъ и возвращался только поздно ночью. Она какъ великанъ готова была выпить своего плтенца собственной кровью, но ей хотѣлось бы какое-нибудь вознагражденіе за свою кровь, за свои рты. Ея плтенецъ готовъ былъ высосать ея кровь до

послѣдней капли, но ея заботливость о немъ оны отвергла какъ посягательство на его свободу. Бывали минуты когда она считала Роджера правымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она чувствовала что никогда не будетъ въ силахъ исполнить его свѣты. Она почти ненавидѣла себя за свое лютворство сыну но сознавала что продолжаетъ лютворствовать ему. Если онъ падетъ окончательно, она падетъ вмѣстѣ съ нимъ. Вопреки его жестокости, его безчувственности, его непочтению къ ней, его порочности и гибельному равнодушію къ своему будущему она будетъ вѣрна ему до конца. Все что она сдѣлала и вынесла, все что она продолжала дѣлать и выносила развѣ все это дѣлалось и выносилось не для него?

Послѣ возвращенія изъ Карберги сэръ-Феликсъ былъ одинъ развѣ въ Гросвеноръ-Скверѣ и видѣлъ madame Мельмотъ. Мери, но оны видѣлъ ихъ вмѣстѣ и не успѣлъ сказать ни слова наединѣ съ Мери. Отъ madame Мельмотъ оны не могъ ожидать помощи. Она была любезна съ нимъ какъ всегда, но она никогда не была очень любезна. Она сообщила ему что къ ней пріѣдетъ миссъ Лонгестафъ, что было ей очень неприятно потому что молодая особа была *fatigante*. Мери съ своей стороны объявила что она намѣрена полюбить молодую особу всѣмъ сердцемъ.

— Вздоръ, сказала madame Мельмотъ. — Ты неспособенъ любить кого-нибудь.

Мери взглянула на своего возлюбленнаго и улыбнулась.

— Да, все это прекрасно пока продолжается, сказала madame Мельмотъ, но ты неспособенъ любить кого-нибудь какъ другъ.

Изъ этого Феликсъ понялъ что madame Мельмотъ заявила о его предложеніи и была расположена скорѣе въ пользу чѣмъ наоборотъ. Въ субботу оны получалъ въ своемъ клубѣ записку отъ Мери. „Приходите въ воскресенье въ половинѣ третьяго. Вы застанете папа дома послѣ завтрака“, писала Мери. Эта записка была въ рукахъ Феликса когда мать приходила къ нему въ его спальню и оны урѣшили принять приглашеніе. Но оны не хотѣлъ сказать объ этомъ матери потому что вынулъ слишкомъ много вина и былъ мраченъ.

Въ воскресенье, около трехъ часовъ пополудни, оны постучалъ въ дверь дома Мельмота и спросилъ дома ли да Власть до той минуты какъ оны постучался, даже послѣ, да швейцаръ уже отворялъ дверь, оны намѣревался спросить

самого Мельмота, но въ послѣднее мгновеніе мужество измѣнило ему, онъ спросилъ дамъ и былъ введенъ въ гости-ную. Здѣсь онъ засталъ madame Мельмотъ, Мери, Джорджиану Лонгестафъ и лорда Ниддердела. Мери, полагая что онъ уже видѣлся съ ея отцомъ, устремила на него тревожный взглядъ. Онъ сѣлъ въ кресло волею madame Мельмотъ и постарался принять непринужденный видъ. Лордъ Ниддердель продолжалъ свою болтовню вполголоса съ миссъ Лонгестафъ не обращая никакого вниманія на хозяекъ дома.

— Я знаю для чего вы здѣсь, сказала Джорджиана.

— Я пришелъ чтобы видѣть васъ.

— Я увѣрена, лордъ Ниддердель, что мы не ожидали увидѣть меня здѣсь.

— Богъ съ вами! Я зналъ что вы здѣсь, потому и пришелъ. Великолепный домъ, не правда ли?

— Домъ къ которому вы намѣрены принадлежать въ скоромъ времени...

— Вовсе нѣтъ. Я думаю объ этомъ, какъ люди думаютъ о поступленіи въ военную службу или въ какую-нибудь другую профессию, но мнѣ (не удалось. Счастливцевъ будетъ нѣтъ этотъ человѣкъ. Я буду приходить сюда чтобы видѣть васъ. Не думаю чтобы вамъ было здѣсь пріятно.

— Я сама этого не думаю, лордъ Ниддердель.

Мери удалось отвести сэръ-Феликса на нѣсколько минутъ къ одному изъ оконъ.

— Пала внизу въ библіотекѣ, сказала она.—Лорду Альфреду сказали что его нѣтъ дома. Идите внизъ и скажите ему чтобы васъ проводилъ въ библіотеку.

— Придти мнѣ олять сюда?

— Нѣтъ, но оставьте мнѣ залечтанную записку у madame Didon.—Сэръ-Феликсъ уже настолько освоился съ домомъ что знаетъ что madame Didon была горячная madame Мельмотъ.—Или напишите мнѣ по почтѣ на ея имя. Это будетъ лучше. Идите сейчасъ же.

Сэръ-Феликсу казалось что дѣвушка переродилась. Онъ виновался и простившись съ madame Мельмотъ и съ миссъ Лонгестафъ вышелъ изъ комнаты.

Нѣсколько минутъ спустя онъ былъ введенъ къ мистеру Мельмоту въ комнату носившую громкое названіе библіотека. Въ этой комнатѣ великій финансистъ проводилъ обыкновенно воскресные дни до обѣда. Предполагалось что онъ въ

это время рѣшалъ миллионныя дѣла и устанавливалъ денежныя курсы для Нью-Йорка, Парижа и Лондона, но въ этотъ разъ сэръ-Феликсъ пробудилъ его отъ дремоты которой онъ наслаждался не выпуская изо рта сигары.

— Какъживаете, сэръ-Феликсъ? сказалъ онъ. — Вы вѣроятно желаете видѣть дамъ.

— Я только-что былъ въ гостиной и сходя внизъ рѣшился зайти къ вамъ.

Мельмоту тотчасъ же пришло въ голову что сэръ-Феликсъ пришелъ поговорить о своемъ правѣ жить въ посредствѣ продажъ желѣзно-дорожныхъ акцій, и онъ рѣшился быть суровымъ, пожалуй даже грубымъ. Онъ считалъ нужнымъ не допускать никакого вмѣшательства въ свои коммерческія дѣла и полагалъ что стоилъ уже достаточно высоко чтобъ позволять себѣ обращаться съ людьми какъ вздумается. Опытность научила его что люди не особенно смѣлые легкоступали предъ напускнымъ превосходствомъ. Притомъ онъ всегда имѣлъ преимущество полного знакомства съ игрою тогда какъ его противники рѣдко понимали ее даже вполнѣ. Вслѣдствіе этого онъ могъ управлять своими союзниками пользуясь ихъ робостью, или неопытностью, или самовлеченностью. Онъ предпочиталъ молодыхъ союзниковъ, потому что они были скромнѣе и не такъ алчны какъ старцы. Онъ видѣлъ какъ легко было ототранено вмѣшательство лорда Ниддердеала; сэръ-Феликса тоже не трудно было бы укротить но лорда Альфреда пришлось подкупить.

— Я очень радъ видѣть васъ, сказалъ Мельмотъ приидя своимъ бровямъ выраженіе которое люди часто имѣли дѣло съ нимъ находили очень неприятнымъ,—но я долженъ сказать вамъ что сегодня не время и здѣсь не мѣсто для дѣловыхъ разговоровъ.

Сэръ-Феликсъ всюю душой пожелалъ очутиться въ Мельмотовъ Саду. Онъ дѣйствительно пришелъ по дѣлу, но это было дѣло особаго рода, но виновата была Мери, которая сказала ему что воскресенье самый удобный день такъ какъ отецъ ея по воскресеньямъ бываетъ нѣсколько минутъ въ другіе дни. Но сэръ-Феликсъ видѣлъ что каковы бы ни были ему приемы обѣщавъ мало хорошаго.

— Я не думаю что помѣшаю вамъ, мистеръ Мельмотъ, сказалъ онъ.

— Можетъ-быть. Я хотѣлъ только высказать вамъ свое мнѣнiе. Вы вѣроятно пришли говорить о желѣзной дорогѣ?

— О, да.

— Ваша мать спрашивала меня въ деревнѣ занимаетесь ли вы дѣлами. Я сказалъ ей прямо что наши дѣла васъ не касаются.

— Мать моя ничего не понимаетъ въ этомъ, сказалъ сэръ-Феликсъ.

— Женщины вообще ничего не понимаютъ въ дѣлахъ. Такъ говорите что я могу сдѣлать для васъ, если ужъ вы пришли.

— Мистеръ Мельмотъ, я пришелъ... я пришелъ чтобы... словомъ, мистеръ Мельмотъ, я хочу просить у васъ руку моей дочери.

— Просить руку моей дочери!

— Да. И мы надѣемся получить ваше согласiе.

— Такъ она знаетъ объ этомъ?

— Знаетъ.

— И жена моя знаетъ?

— Я не говорилъ ей объ этомъ. Можетъ-быть миссъ Мельмотъ говорила ей.

— А давно ли вы повяли другъ друга?

— Я люблю вашу дочь съ перваго раза какъ увидалъ ее, сказалъ сэръ-Феликсъ.— Потому мнѣ случилось говорить съ ней. Но вы знаете какъ дѣлаются такіа дѣла.

— Чортъ меня побори если я это знаю. Я знаю какъ имъ должно бы дѣлаться. Я знаю что когда дѣло идетъ о большомъ суммѣ денегъ, молодой человѣкъ долженъ поговорить съ отцомъ прежде чѣмъ объясняться съ дочерью. Онъ безсуденъ если поступаетъ иначе когда ему нужны деньги. Такъ она дала вамъ обѣщанiе?

— Не знаю.

— Но вы считаете ее связанною съ вами?

— Она свободна если пожелаетъ этого, сказалъ сэръ-Феликсъ надеждѣ задобрить отца.—Я былъ бы конечно страшно оторченъ.

— Она разрѣшила вамъ обратиться ко мнѣ?

— Да, она разрѣшила. Она знаетъ что все зависитъ отъ васъ.

— Нисколько. Она совершеннолѣтняя. Если она хочетъ идти за васъ, пусть выходитъ. Если это все что вамъ нужно,

то достаточно одного ея согласія. Вы баронетъ, сколько мнѣ извѣстно.

— Да, я баронетъ.

— Слѣдовательно вы уже владѣете вашимъ состояніемъ. Вамъ не придется дожидаться смерти отца и вы вѣроятно не горюите за деньгами?

Это было такимъ ошибочнымъ взглядомъ на дѣло что сэръ Феликсъ счелъ себя обязаннымъ вывести Мельмота изъ заблужденія даже рискуя оскорбить его.

— Не совсѣмъ такъ, сказалъ онъ. — Я надѣюсь что вы дадите что-нибудь вашей дочери.

— Въ такомъ случаѣ я удивляюсь какъ вы не обратились ко мнѣ прежде чѣмъ объяснились съ ней. Если дочь моя выйдетъ замужъ съ моего согласія, я, конечно, дамъ ей состояніе. Если же она выйдетъ вопреки моему желанію, я дамъ ей ни одного фардинга.

— Я надѣялся что вы согласитесь на нашъ бракъ, мистеръ Мельмотъ.

— На этотъ счетъ я еще не могу сказать ничего. Можетъ быть. Вы человекъ изъ высшаго круга, имѣете титулъ и конечно независимое состояніе. Если вы докажете мнѣ что у васъ есть доходъ достаточный для того чтобы содержать мою дочь, я во всякомъ случаѣ подумаю о вашемъ предложеньи. Какъ велико ваше состояніе, сэръ-Феликсъ?

Что значать какія-нибудь три или четыре тысячи, да пять или шесть для Мельмота, подумалъ сэръ-Феликсъ. Тотъ кто едва въ силахъ сосчитать свои милліоны не слѣдуетъ бы спрашивать о такихъ пустыхъ суммахъ. Но вопросъ бы предложенъ и надо было отвѣтить. Съ минуту у сэръ-Феликса было намѣреніе сказать правду. Сначала было бы жело, но за то все кончилось бы разомъ, и онъ избавился бы отъ дальнѣйшихъ униженій. Но у него не хватило жества на это.

— Состояніе мое не велико, отвѣчалъ онъ.

— Не такое какъ у маркиза Вестминстерскаго, остродерзкій богачъ.

— Нѣтъ, не совсѣмъ такое, сказалъ сэръ-Феликсъ съ естественнымъ смѣхомъ.

— Но вы имѣете достаточно для поддержанія титула баронета?

— Это зависитъ отъ того какъ вы считаете нужнымъ поддерживать его, сказалъ сэръ-Феликсъ, избѣгая прямого отвѣта.

— Гдѣ ваше фамильное имѣніе?

— Наше фамильное имѣніе, Карбери, въ Суффокѣ, близъ мѣста Лонгестаффовъ.

— Карбери принадлежитъ не вамъ, возразилъ Мельмотъ.

— Теперь еще не мнѣ, но я наследникъ.

Ничто повидимому не затрудняетъ такъ сильно иностранцевъ при изученіи Англій какъ наша система передачи въ наследственное владѣніе титула и состоянія вмѣстѣ или по-рознь. Какъ ни сложна юрисдикція нашихъ судебныхъ учреждений и нашего парламента, но законы которыми они управляютъ, какъ они ни аномальны, запоминаются легко въ сравненіи съ нашей залутанною и полною неправильностей системой наследованія титуловъ и состояній. Люди воспитывающіеся въ Англій изучаютъ ее также легко какъ свой родной языкъ. Но тѣ кто прививаются за это изученіе въ поздней порѣ жизни никогда не достигаютъ полнаго знакомства съ ней. Мельмотъ считалъ необходимымъ для себя знать законы и обычаи страны которую онъ избралъ своимъ отечествомъ и когда слышалъ что-нибудь чего не понималъ, онъ имѣлъ осторожность скрывать свое незнание. Теперь онъ былъ озадаченъ. Онъ зналъ что Карбери, которое судя по имени было стариннымъ фамильнымъ имѣніемъ, принадлежало Роджеру Карбери. Какъ могло случиться, думалъ онъ, что баронетъ былъ наследникомъ простаго сквайра?

— О, такъ вы наследникъ, сказалъ онъ.—Почему же онъ получилъ имѣніе раньше васъ. Вѣдь вы глава фамиліи?

— Да, я глава фамиліи, солгалъ сэръ-Феликсъ,—но имѣніе можетъ достаться мнѣ только послѣ его смерти. Объяснять это долго.

— Онъ молодой человѣкъ?

— Нѣтъ, онъ уже не молодецъ, хотя и не очень старъ.

— А если онъ женится и у него будутъ дѣти?

Сэръ-Феликсъ началъ жалѣть что не сказалъ правду съ самаго начала.

— Я не знаю хорошенько кому досталось бы имѣніе въ такомъ случаѣ, отвѣчалъ онъ.—Я всегда считалъ себя наследникомъ. Мало вѣроятности чтобъ онъ женился.

— А какъ велико ваше собственное состояніе?

— Отецъ оставилъ мнѣ наследство въ фондахъ и акціяхъ, потому я наследникъ моей матери.

— Вы удостоили меня чести просить у меня руку моей дочери?

— Да.

— Не опредѣлите ли вы мнѣ точно какъ великъ доходъ на который вы разчитываете жить женатымъ человекомъ? Мнѣ кажется что ваше предложеніе даетъ мнѣ право на такой вопросъ.

Напыщенный негодяй, презрѣнный грабитель пользовался весьма не великодушно своимъ преимуществомъ надъ молодымъ искателемъ богатства. Гордость сэръ-Феликса возсталъ Развѣ онъ не баронетъ, не джентльменъ, не красавецъ, развѣ онъ онъ не служилъ когда-то въ модномъ полку? Если всего этого недостаточно для этой ненасытной коммерческой губки, зачѣмъ не скажетъ онъ этого прямо, не муча его вопросами на которые у джентльмена не было отвѣта? Развѣ не понятно само собою что всякій джентльменъ предлагающій жениться на дочери такого человека какъ Мельмотъ дѣлаетъ это подъ гнетомъ денежныхъ затрудненій? Джентльменъ предлагаетъ имя и положеніе, и взамѣнъ этого желаетъ получить деньги. А этотъ вульгарный негодяй пользуется своимъ ложнымъ превосходствомъ, разспрашиваетъ его объ его состояніи!

— Сэръ-Феликсъ стоялъ молча, не рѣшаясь взглянуть и лицо своему мучителю и всею душой желая быть подавленнымъ отъ него, въ Медвѣжьемъ Саду.

— Вы кажется сами не совсемъ ясно понимаете свое положеніе, сэръ-Феликсъ. Не поручите ли вы вашему юристу написать мнѣ?

— Пожалуй. Такъ дѣйствительно будетъ лучше, сказалъ жевихъ.

— Или такъ, или откажитесь. Моя дочь будетъ комедимѣть состояніе, но деньги ищутъ денегъ.

При этихъ словахъ въ комнату вошелъ лордъ Альфредъ.

— Что вы такъ залюбовали сегодня, Альфредъ? спросилъ Мельмотъ.—Почему вы не пришли какъ обѣщали?

— Я приходилъ слишкомъ часъ тому назадъ и мнѣ сказали что васъ нѣтъ дома.

— Я весь день не выходилъ никуда изъ этой комнаты кромѣ какъ къ завтраку. Прощайте, сэръ-Феликсъ. Помните, Альфредъ, и мы спросимъ содовой воды съ виномъ.

Сэръ-Феликсъ простился со своимъ братомъ-директоромъ и удостоился чести пожать руку Мельмоту.



— Знаете вы что-нибудь объ этомъ молодомъ человѣкѣ? спросилъ Мельмотъ лишь только дверь затворилась за сэръ-Феликсомъ.

— Онъ барометъ, безъ гроша, служилъ когда-то въ военной службѣ, но вынужденъ былъ выйти въ отставку.

— Безъ гроша! Я такъ и думалъ. Но онъ насаѣдникъ какого-то имѣнія въ Суффокъ.

— Совсѣмъ не насаѣдникъ. Однофамилецъ и больше ничего. Карбери принадлежитъ мистеру Роджеру Карбери, который можетъ отказать его кому захочетъ, пожалуй хоть мнѣ. Я не отказался бы, хотъ имѣніе не большое. Но этотъ молодой человѣкъ не имѣетъ никакихъ правъ на него.

— Вотъ какъ!

И Мельмотъ подивился яглости молодого человѣка.

#### XXIV. Торжество Майльза Грендолла.

Сэръ-Феликсъ отправился въ свой клубъ чувствуя себя побѣжденнымъ и пылая негодованіемъ противъ дерзости человѣка который такъ легко сбиль его съ его позиціи. Сколько онъ могъ судить, игра была проиграна. Онъ конечно могъ жеваться на Мери Мельмотъ безъ согласія ея отца. Мельмотъ сказалъ ему это самъ и сэръ-Феликсъ не сомнѣвался что дѣвушка останется вѣрна ему. Она любила его, что было вполнѣ естественно, и была безразсудна, что, можетъ-быть, тоже было вполнѣ естественно. Но онъ не имѣлъ никакого желанія разыграть романъ. Говорятъ что когда дѣвушки выходятъ замужъ противъ согласія родителей, отцы въ концѣ-концовъ всегда прощаютъ ихъ. Но это относится только къ обыкновеннымъ отцамъ, думалъ сэръ-Феликсъ, а Мельмотъ вовсе не похожъ на обыкновенныхъ отцовъ. Это величайшій негодяй какой когда-либо существовалъ. Сэръ-Феликсъ не могъ забыть его приподнятыхъ бровей, наморщенного лба и жесткаго рта. У него не хватило мужества чтобы бороться съ Мельмотомъ, и теперь, сидя въ извожничьемъ экипажѣ, онъ проклиналъ его отъ всей души.

Но какъ же ему поступить теперь? Слѣдуетъ ему отказаться навсегда отъ Мери, вѣкорда не ходить въ Гросвеноръ-Скверъ, прекратить всякія сношенія съ Мельмотомъ и отказаться отъ званія директора Великой Мексиканской дороги?

Когда онъ думалъ объ этомъ, новая мысль пришла ему въ голову. Ниддердель передалъ ему результатъ своего объясненія съ предсѣдателемъ насчетъ акцій.

— Видите ли, мы не покупали акцій, потому не можемъ продавать ихъ. Это повидимому справедливо. Я объясню это родителю и уговорю его дать тысячу или двѣ. Если онъ найдетъ возможность вернуть деньги, онъ возьметъ ихъ, а барышъ оставитъ въ мою пользу.

Сэръ-Феликсъ принялъ это къ свѣдѣнію. Почему и ему не пожертвовать тысячу и не получать барыши? Акція давала 12 фунтовъ 10 шиллинговъ на 100, следовательно 125 фунтовъ на тысячу. Все чистыми деньгами! И сколько ему было известно такую операцію можно было дѣлать съ одной и той же тысячей безъ конца. Выигнувъ въ это глубже онъ повялъ казалось ему, какимъ образомъ наживались такіа богатства какъ богатство Мельмота. Одно только мѣшало исполнить этотъ планъ. У него не было тысячи наличными деньгами. Но это было поправимо. 500 фунтовъ лежали у него въ банкѣ въ которомъ онъ открылъ счетъ. Остальные 500 фунтовъ даже больше, онъ могъ получить по распискамъ Долли Лонгестаффа и Майльза Грендола. Почему ему не пользоваться тѣмъ на что онъ имѣетъ право? Онъ не могъ простить себѣ что не подумалъ объ этомъ раньше. Онъ завтра же отпривится въ Сити, заплатитъ за свои акціи и у него еще останутся деньги. И развѣ такой постулокъ не будетъ лучшимъ опроверженіемъ подозрѣнія Мельмота что у него нѣтъ ничего? Онъ постарается получить свои деньги съ Долли Лонгестаффа, что же касается расписокъ Майльза, онѣ могутъ пригодиться ему въ Сити. Майльзъ секретарь правленія. Не можетъ ли Майльзъ устроить такъ чтобы не вся сумма которую нужно заплатить за акціи была заплачена чистыми деньгами? Сэръ-Феликсъ не имѣлъ яснаго понятія какъ это можно сдѣлать, но онъ надѣялся извлечь такимъ образомъ хоть какую-нибудь пользу изъ расписокъ Майльза. „Какъ мнѣ противны люди которые не платятъ долговъ честно! рассуждалъ онъ самъ съ собою, сидя одинъ въ клубѣ въ ожиданіи кого-нибудь изъ своихъ пріятелей и придумывая Драконовскіе законы противъ людей которые проигрываютъ въ карты и не расплачивались. „И какъ имъ не стыдно сидѣть въ глаза людямъ“, говорилъ онъ самъ съ собою.

Онъ такъ размечтался о своемъ планѣ выставить се

капиталистомъ въ глазахъ Мельмота что наконецъ отказался отъ своего намѣренія прекратить всякія сношенія съ Меромъ и исполнивъ ея просьбу написалъ ей письмо:

„Милая М,—Вашъ отецъ обошелся очень круто. Причиной деньги. Не поговорите ли вы съ нимъ сами или ваша мать?

„Вашъ навсегда Ф.“

Адресовавъ письмо на имя *madame Didon*, онъ опустилъ его въ клубный почтовый ящикъ. Онъ не написалъ ничего того что могло бы скомпрометтировать его.

По воскресеньямъ въ восемь часовъ вечера въ клубъ бывалъ обыкновенно такъ-называемый семейный обѣдъ. Пять или шесть человѣкъ обѣдали вмѣстѣ и потомъ всегда садился играть въ карты. Въ этотъ день Долли Лонгестаффъ, ждавшій хересу и горькой, пришелъ часовъ въ семь, и великъ воспользовался свободнымъ временемъ чтобы поговорить съ нимъ о своихъ деньгахъ.

— Не можете ли вы расплатиться со мной завтра? спросилъ онъ.

— Завтра!

— Я скажу вамъ для чего это мнѣ нужно. Я готовъ сказать вамъ что угодно, потому что считаю васъ своимъ крѣпкимъ другомъ. Я сватаюсь за дочь Мельмота.

— Я слышала что вы женитесь на ней.

— Это еще не извѣстно. Я хочу во всякомъ случаѣ поговорить. Вы знаете что я директоръ въ этомъ правленіи Сити.

— Я ничего не знаю ни о какихъ правленіяхъ, милый мой.

— Нѣтъ, это вы знаете, Долли. Помните вы Американца, та Монтегю, который однажды выигралъ у насъ здѣсь ваши деньги?

— И въ то же утро отправился въ Калифорнію. Вѣхалъ въ Калифорнію послѣ бессонной ночи! Я все думалъ, добрался онъ туда живой.

— Я не могу объяснить вамъ подробности въ чемъ состоитъ дѣло, потому что вы терпѣть не можете такихъ разговоровъ.

— И потому что я такъ безтолковъ.

— Я вовсе не считаю васъ безтолковымъ, но чтобъ объяснить это потребовалась бы цѣлая недѣля. Скажу вамъ только что мнѣ необходимо взять въ Сити нѣсколько акцій

завтра или никакъ не позже среды. Я долженъ залатить за нихъ, иначе Мельмотъ сочтетъ меня нищимъ. Онъ уже почти высказалъ что я нищій и это его единственное возраженіе противъ моей женитьбы на его дочери. Понимаете вы теперь какъ это важно для меня?

— Всегда важно имѣть деньги. Я это хорошо знаю.

— Я не пошелъ бы на это дѣло еслибы не считалъ его вѣрнымъ. Имѣете вы понятіе сколько вы должны мнѣ?

— Ни малѣйшаго.

— Около тысячи ста фунтовъ.

— Очень можетъ быть.

— А Майльзъ долженъ мнѣ двѣ тысячи. Грасслокъ и Ниддердель всегда расплачиваются расписками Майльза.

— И я сталъ бы расплачиваться его расписками еслибъ имѣлъ ихъ.

— Скоро дойдетъ до того что его расписки будутъ у насъ единственными денежными знаками, а онъ не имѣютъ никакой цѣны. Я не вижу никакого толка въ такой игрѣ. А Гредоль кажется совершенно равнодушенъ къ этому.

— Совершенно равнодушенъ.

— Такъ вы постараетесь достать мнѣ деньги, Долли?

— Вотъ что я вамъ скажу. Мельмотъ уже два раза обѣщался ко мнѣ. Онъ хочетъ получить мое согласіе на какую то продажу. Старый негодяй конечно разчитываетъ обобрать меня. Вы можете сказать ему что если онъ дастъ мнѣ денегъ на тѣхъ условіяхъ какія я предложилъ, вы получите изъ нихъ тысячу фунтовъ. Это все что я могу сдѣлать.

— Не напишите ли вы мнѣ это въ дѣловой формѣ?

— Нѣтъ, этого я не могу, Карбери. И для чего? Вы знаете что я никогда не пишу никакихъ писемъ. Это выше ихъ силъ. Вы передадите ему словесно то что я скажу вамъ и если продажа состоится я расплачусь.

Майльзъ Гредоль тоже обѣдалъ въ клубѣ и послѣ обѣда въ курительной комнатѣ, сэръ-Феликсъ попробовалъ заставить секретаря компаніи помочь ему.

— Я собираюсь залатить за мои акціи, сказалъ сэръ-Феликсъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? И Майльзъ окружилъ себя съ нѣсколькими до головы облакомъ табачнаго дыма.

— Я не совсѣмъ понималъ въ чемъ дѣло, но Ниддердель видѣлся съ Мельмотомъ и тотъ объяснилъ ему это. Я думаю что въ среду я сдѣлаю взносъ въ двѣ тысячи.

— О!

— Это будетъ хорошимъ дѣломъ, не правда ли?

— Очень хорошимъ. Майльзъ затачивался все сильнѣе и сильнѣе.

— Имѣешь всегда наличныя деньги?

— Всегда наличныя деньги!

И Майльзъ покачалъ головой какъ бы порицая такое ужасное положеніе дѣлъ.

— Они кажется уступаютъ иногда своимъ директорамъ пятьдесятъ процентовъ на акцію.

— Не все ли равно если они дадутъ вамъ половину того числа акцій какое вы хотите приобрести?

Но сэръ-Феликсъ сколько ни думалъ, не могъ согласиться по это было бы одно и то же.

— Я предполагаю конечно продать акцію не одинъ разъ.

— О, не одинъ разъ?

— И поэтому я хочу имѣть больше акцій чтобы получить больше прибыли.

— Вы могли бы продавать и половину того числа акцій кое хотите купить, сказалъ Майльзъ.

— Я рѣшилъ начать съ десяти акцій. У меня есть тысяча, но мнѣ не хотѣлось бы отдать ее всю. Не можете ли вы проить чтобы мнѣ уступили пятьдесятъ процентовъ.

— Мельмотъ всегда дѣлаетъ эти дѣла самъ.

— Но вы могли бы сказать ему что вы должны мнѣ и не можете заллатить.

Сэръ-Феликсъ считалъ это деликатнымъ намекомъ.

— Это частное дѣло, сказалъ Майльзъ нахмурившись.

— Конечно частное, но еслибы вы заллатили мнѣ деньги могъ бы купить на нихъ акцію.

— Мнѣ кажется что такіа вещи нельзя смѣшивать, Кар-

ра.

— Такъ вы не можете помочь мнѣ?

— Такимъ образомъ не могу.

— Такъ когда же, чортъ возьми, заллатите вы то что дол-

жны мнѣ?

Невозмутимое спокойствіе должника вынудило у сэръ-

Феликса этотъ прямой вопросъ. Майльзъ не платилъ своихъ дол-

говъ чести, не хотѣлъ даже воспользоваться возмож-

ностью оказать услугу своему кредитору и имѣлъ дер-

зость сказать что частныя и общественныя дѣла нельзя смѣ-

шивать. Баронетъ былъ внѣ себя отъ негодованія. Майльзъ продолжалъ курить молча. У него не было отвѣта на предложенный вопросъ, и онъ не отвѣтилъ.

— Знаете вы сколько вы должны мнѣ? спросилъ сэръ-Феликсъ.

Въ комнатѣ кромѣ нихъ было еще нѣсколько человѣкъ и разговоръ объ акціяхъ былъ начатъ шепотомъ. Послѣдній вопросъ сэръ-Феликсъ предложилъ вполголоса, но выраженіе его лица ясно показывало что онъ говорилъ въ раздраженіи.

— Конечно знаю, сказалъ Майльзъ.

— Сколько же?

— Я не хочу объ этомъ говорить здѣсь.

— Не хотите говорить здѣсь?

— Да, потому что это общественная комната.

— А я хочу говорить, сказалъ сэръ-Феликсъ возвысивъ голосъ.

— Не хочетъ ли кто пойти наверхъ и сыграть на билліардѣ? спросилъ Майльзъ поднимаясь со стула. И онъ медленнымъ вышелъ изъ комнаты предоставивъ сэръ-Феликсу мстить ему какъ угодно. Съ минуту у сэръ-Феликса было намѣреніе оудать свое дѣло на судъ всѣхъ присутствовавшихъ, но онъ не рѣшился на это подозрѣвая что Майльзъ Грендоль позовался въ клубъ большимъ сочувствіемъ чѣмъ онъ.

Былъ воскресный вечеръ, но это не помѣшало игрокамъ собраться около одиннадцати часовъ вечера въ карточную комнату. Общество состояло изъ Долли Лонгестаффа, двухъ лордовъ, сэръ-Феликса, Майльза Грендоль, перемѣнчлена и человѣка имя котораго я прибавляю съ сожалѣніемъ потому что онъ былъ лучше всѣхъ вышелоименованныхъ Поля Монтегю. Сэръ-Феликсъ былъ долгое время въ нешности принять ли ему участіе въ игрѣ. Чтò то играть съ человѣкомъ который ловидимому освобожденъ общаго согласія отъ обязанности платить проигранное, малъ онъ. Но съ другой стороны, если онъ откажется играть здѣсь, гдѣ же будетъ онъ играть? Игроки начали съ нимъ скоро перешли къ мушкетѣ. Грендоль былъ наименѣе желаемымъ членомъ ихъ общества, однако сравнительно блродная игра была перемѣнена на менѣ благородную постоянію Грендоль.

— Будемъ продолжать вистъ, я люблю его, возразилъ Гслоксъ.

— Я предпочитаю вистъ потому что онъ даетъ возможность отдыхать время отъ времени, сказалъ Долли въ отвѣтъ на вторичное предложеніе Майльза.

— Я терять не могу мушку, сказалъ сэръ-Феликсъ.

— Я готовъ играть во что угодно, но я предпочитаю вистъ, сказалъ Ниддердель. Тѣмъ не менѣе Майльзъ настоялъ на своемъ и вистъ былъ переименованъ на мушку.

Около двухъ часовъ ночи одинъ Майльзъ Грендолъ былъ въ выигрышѣ. Игра шла небольшая, однако онъ выигралъ много. Каждая крупная ставка доставалась ему. Партнеры не рѣшались ролтать на его счастье. До сихъ поръ онъ игралъ всегда несчастливо и теперь они расплачивались съ нимъ его же расписками. Даже у Долли Ловгестаффа былъ задѣсъ этихъ расписокъ. У одного Монтегю ихъ не было и пока проигрываемыя суммы были не велики онъ расплачивался наличными деньгами. Но сэръ-Феликсъ не могъ видѣть равнодушно что деньги переходили къ Майльзу, чтобы никогда не перейти ни къ кому другому.

— Монтегю, сказалъ онъ, — обмѣняйте мнѣ эти бумаги на деньги. Я возьму ихъ назадъ если онѣ останутся у васъ по окончаніи игры. И онъ протянулъ черезъ столъ кучу расписокъ Майльза. Результатомъ такой сдѣлки было бы конечно то что деньги остались у сэръ-Феликса, а Майльзъ не получилъ бы ничего кромѣ своихъ расписокъ. Для Монтегю это не составило бы разницы и онъ исполнялъ просьбу, или лучше сказать готовился исполнить ее когда Майльзъ вмѣшался.

— По какому праву сэръ-Феликсъ становится между мною и Монтегю? спросилъ онъ. — Отъ васъ, Карбери, я буду брать свои расписки пока онѣ у васъ есть.

— Какое великодушіе.

— Но я не могу допустить чтобы вы снабдили ими всѣхъ играющихъ.

— Такъ залазайте по нимъ сами, сказалъ сэръ-Феликсъ выкладывая на столъ кучу расписокъ.

— Не будемъ ссориться, сказалъ лордъ Ниддердель.

— Карбери всегда поднимаетъ шумъ, сказалъ Грасслокъ.

— Онъ безъ этого не можетъ, прибавилъ Майльзъ Грендолъ.

— Я шумлю не больше другихъ, возразилъ сэръ-Феликсъ. — Я говорю только что когда у васъ такое множество этихъ денегъ и когда мы всѣ знаемъ что онѣ не имѣютъ никакого

значенія, Грендолу не слѣдуетъ брать выигрышъ чистыми деньгами и уходить съ нимъ.

— Кто же уходить? сказалъ Майльзъ.

— И почему вы имѣете больше права на деньги Монтего чѣмъ кто-нибудь другой? спросилъ Грасслокъ.

Вопросъ былъ подвергнуть обсужденію и предложенный сэръ-Феликсомъ планъ обѣйна расписокъ на деньги былъ отвергнуть. Но мистеръ Грендолъ далъ честное слово что если по окончаніи игры у него окажутся деньги, онъ выкупитъ ими часть своихъ расписокъ. Сэръ-Феликсъ остался очень недоволенъ этимъ рѣшеніемъ. Онъ зналъ что въ шесть или семь часовъ утра никто изъ нихъ не будетъ способенъ сдѣлать вѣрный расчетъ и что Майльзъ унесетъ свой выигрышъ съ собой.

Онъ замолчалъ и сталъ играть очень умѣренно и хотъ продолжалъ проигрывать, но самыя незначительныя суммы. Онъ сидѣлъ рядомъ съ Грендоломъ и ему казалось что онъ сдѣлалъ его отодвигаетъ свой стулъ все дальше и дальше отъ него, и ближе къ Доли Лонгестаффу, который сидѣлъ на другую сторону отъ него. Такъ продолжалось съ часъ, в теченіе котораго Грендолъ продолжалъ обыгрывать всѣхъ игравшихъ, въ особенности Поля Монтего.

— Я никогда не видалъ чтобы кому-нибудь такъ везло, сказалъ Грасслокъ.— У васъ два козыря каждую сдачу съ тѣмъ поръ какъ мы начали.

— Я игралъ далеко не каждую сдачу, возразилъ Майльзъ.

— Но каждый разъ когда я игралъ вы тоже выигрывали, сказалъ Доли.

— Вамъ не слѣдовало бы роптать что мнѣ разъ въ жизнь повезло счастье, сказалъ Майльзъ который уже успѣлъ уничтожить болѣе чѣмъ на тысячу фунтовъ своихъ расписокъ и приобрѣлъ порядочную сумму наличными деньгами что было для него гораздо важнѣе.

— Зачѣмъ говорить объ этомъ, сказалъ Ниддердель.— Топить не могу я эти толки о выигрышахъ и проигрышахъ. Будемъ продолжать или разойдемся спать.

Предложеніе разойтись спать показалось нехотѣлымъ игра продолжалась. Сэръ-Феликсъ молчалъ, игралъ очень умѣренно и незаметно для другихъ слѣдилъ за Грендоломъ. Слушая вѣскольکو времени ему удалось подмѣтить что Грендолъ спряталъ карту въ рукавъ и онъ всломнилъ про это



что Грендолъ выигралъ вслѣдствіе того что у него оказывается тузъ. Въ первую минуту онъ хотѣлъ броситься на него и вытащить карту изъ его рукава, но не рѣшился. Грендолъ былъ силенъ. И въ какое положеніе поставить онъ себя если карты въ рукавѣ не окажется? Онъ зналъ что товарищи его приняли бы его обвиненіе съ большимъ недо-вѣріемъ. Грасслокъ былъ друженъ съ Грендоломъ, а Ниддердель и Долаи Лонгестаффъ охотно предпочли бы проигрывать чѣмъ думать что кто-нибудь изъ ихъ товарищей слободенъ лаутовать въ игрѣ. Онъ боялся и свирѣлости виновнаго и невозмутимаго добродушія другихъ. Онъ пропустилъ этотъ случай, но продолжалъ слѣдить и еще два раза видѣлъ ясно исчезновеніе карты, такъ что наконецъ началъ удивляться что другіе этого не замѣчали. Каждый разъ какъ Грендолу приходилось сдавать онъ прижималъ въ рукахъ туза. Наконецъ сэръ-Феликсъ не выдержалъ, пожаловался на головную боль и ушелъ. Онъ проигралъ около тысячи фунтовъ, но расплатился расписками.

— Съ этимъ молодцомъ дѣлается что-то особенное, сказалъ Грасслокъ.

— Матъ кажется что съ нимъ всегда дѣлается что-то особенное, сказалъ Майльсъ.—Онъ такъ ужасно жадеетъ къ деньгамъ.

Майльсъ возгордился своимъ успѣхомъ.

— Чѣмъ меньше говорить объ этомъ, Грендолъ, тѣмъ лучше, сказалъ Ниддердель.—Вы знаете что всѣ мы и онъ въ томъ числѣ смотрѣли на многое сквозь пальцы.

Майльсъ тотчасъ же смирился и пересталъ лаутовать.

## XXV. Въ Гросвеноръ-Скверѣ.

Мери была не совсѣмъ довольна письмомъ которое *madame Didon* передала ей въ понедѣльникъ рано утромъ, увѣряя при этомъ съ многословіемъ свойственнымъ ея націи что ее выгонятъ изъ дома если *monsieur* или *madame* узнаютъ что она дѣлаетъ. Мери возразила что *madame* не откажетъ ей ни въ какомъ случаѣ. *Madame* можетъ-быть и не откажетъ, согласилась *Didon*, которая знала слишкомъ много о *madame* чтобъ опасаться получить отказъ,—но *monsieur*! Мери отвѣтила что *monsieur* никогда ничего не узнаетъ. *Monsieur* счита-

такая въ домѣ общимъ врагомъ въ котораго каждый изъ домашнихъ всегда готовъ былъ выстрѣлить изъ-за утеса или дерева. Неприятное положеніе для хозяина дома, но въ этомъ домѣ хозяинъ по крайней мѣрѣ зналъ на что онъ долженъ былъ разчитывать. Ему никогда не приходило въ голову довѣриться кому-нибудь изъ домашнихъ. Дочь его конечно могла бы убѣжать еслибы захотѣла. Но кто согласился бы взять ее безъ денегъ? А деньги можно было получить только отъ него. Онъ зналъ себя и свою силу. Онъ былъ не такой человѣкъ чтобы простить провинившуюся дочь и награждать своими деньгами оскорбившаго его Лотаріо. Дочь имѣла для него значеніе только потому что могла сдѣлать его тестемъ маркиза или графа. Но чѣмъ выше поднимался онъ въ свѣтѣ, тѣмъ менѣе дорожилъ онъ возможностью такой помощи. Лордъ Альфредъ былъ очень полезенъ ему. Лордъ Альфредъ постоянно намекнулъ ему что посредствомъ такихъ-то и такихъ поступковъ онъ можетъ самъ сдѣлаться баронетомъ. Но если скажутъ что я не Англичанинъ? возражалъ Мельмотъ. Лордъ Альфредъ увѣрялъ что англійское происхожденіе не есть непремѣнное условіе. Стоить только мистеру Мельмоту добиться избранія въ парламентъ, истратить нѣкоторую сумму денегъ въ пользу сильной партіи—лордъ Альфредъ подразумѣвалъ консервативную партію—и не жалѣть денегъ на пиры, и въ полученіи баронетства не можетъ быть сомнѣнія. Чего нельзя сдѣлать въ наше время съ помощью денегъ? Мельмотъ въ этихъ разговорахъ представлялъ свое состояніе безсчетнымъ и свою способность вживать деньги безграничною и лордъ Альфредъ вѣрилъ ему.

Мери была недовольна письмомъ своего возлюбленнаго. Не потому что въ этомъ письмѣ сообщалось что отецъ ея „обошелся круто“—зная отца она предвидѣла это—но потому что въ немъ не было ни слова о любви. Страстная переписка чрезъ посредство *Didon* была бы для нея наслажденіемъ. Мери способна была любить и она дѣйствительно любила сэръ-Феликса. Было время когда она принимала предложенія людей которыхъ не любила, но это было въ самомъ началѣ ея появленія въ свѣтѣ. Съ теченіемъ времени она перестала быть ребенкомъ и въ ней пробудилось мужество. У нея явилось сознаніе собственной индивидуальности, чему главнымъ образомъ способствовало презрѣніе съ которымъ она начала смотрѣть на людей и обычаи большого свѣта.

та когда узнала ихъ ближе. Теперь она уже не приняла бы предложенія Ниддердела изъ страха къ нему самому. Можетъ-быть у нея еще оставалось сознание обязанности повиноваться отцу, но и это сознание съ каждымъ днемъ ослабвало. Еслибы въ то время когда Ниддердель сватался за нее въ первый разъ она была такъ развита какъ теперь, она можетъ-быть полюбила бы его потому что онъ былъ несравненно лучше сэръ-Феликса и могъ бы еслибы захотѣлъ придать нѣкоторую нѣжность своему уходуванію. Но въ то время Мери была еще ребенкомъ. Онъ, замѣтивъ это, почти не говорилъ съ ней и это обидѣло ее какъ ни была она молода. Нѣсколько мѣсяцевъ въ Лондонѣ произвели въ ней большую перемѣну и теперь она уже не была ребенкомъ. Она любила сэръ-Феликса и рѣшила быть твердою до конца, каковы бы ни были ожидавшія ее затрудненія. Сэръ-Феликсъ былъ ей идеомъ и она обожала его всеми силами своей души, но ей хотѣлось чтобъ идеомъ ея былъ изъ плоти и крови, а не изъ дерева. Прочитавъ письмо она готова была обидѣться его холодностью, но подумавъ вспомнила что сэръ-Феликсъ не зналъ *Didon* такъ хорошо какъ она ее знала и могъ бояться довѣрить свои нѣжныя изліянія такой посредницѣ. Мери могла адресовать свое письмо въ его клубъ и не опасалась никакого вмѣшательства могла написать нѣжно.

.Гросвейоръ-Скверъ, поведѣльщикъ рано утронъ.

„Мой милый, милый Феликсъ,—Я сейчасъ получила ваше письмо—такое короткое. Само собою разумѣется что пала интересуется деньгами. Онъ никогда не думаетъ ни о чемъ другомъ. Что касается меня, мнѣ нѣтъ никакого дѣла сколько у васъ денегъ. У пала ихъ много и я полагаю что онъ дастъ намъ что-нибудь если даже мы обвиняемся безъ его согласія. Я сказала мама, но она такая трусиха. Пала бываетъ иногда очень суровъ съ ней, суровѣе чѣмъ со мной. Я попробую поговорить съ нимъ, хотя и мнѣ не легко добратъся до него. Я иногда не вижу его по цѣлымъ днямъ. Но я не боюсь его, я поклянусь ему что никогда не выйду ни за кого кромѣ васъ. Не думаю чтобъ онъ сталъ бить меня, но я готова вытерлѣть и побои ради васъ.

„Вы можете писать мнѣ безъ всякаго опасенія на имя *Didon*. Вы хорошо сдѣлали бы еслибы дали ей что-нибудь, потому что она очень любитъ деньги. Напишите мнѣ что вы

любите меня. Я люблю васъ больше всего на свѣтѣ и никогда, никогда не откажусь отъ васъ. Мнѣ кажется что вы можете приходиться къ намъ, если только лапа не далъ швейцару приказанія не принимать васъ. Я узнаю это чрезъ *Didon*, но не могу узнать раньше чѣмъ пошлю это письмо. Пала не обѣдалъ вчера дома и я не видала его съ тѣхъ поръ какъ вы были у насъ. Утромъ предъ тѣмъ какъ онъ уходитъ въ Сити, я никогда не вижу его. Теперь я иду внизъ завтракать съ мама и миссъ Лонгестафъ. Какое напыщенное созданіе эта миссъ Лонгестафъ. Я думаю, вы замѣтили это сами въ Кавершамъ.

„Прощайте, мой милый,  
„обожающая васъ возлюбленная ваша  
„Мери.“

Сэръ-Феликсъ прочитавъ это письмо въ клубѣ, въ поведальникѣ, вздернулъ носъ и покачалъ головой. Онъ подумалъ что если такой вздоръ будетъ продолжаться, онъ не выдержитъ, хотя бы бракъ былъ уже рѣшенъ и полученіе денегъ несомнѣнно.

— Чтѣ за глупое созданіе, сказалъ онъ скомкавъ письмо.

Мери, довѣривъ свое письмо *Didon* и задобивъ ее небольшимъ подаркомъ, состоявшимъ изъ нѣсколькихъ паръ перчатокъ и башмаковъ, сошла внизъ къ завтраку. Мать ея пришла первая, затѣмъ вскорѣ явилась и миссъ Лонгестафъ. Последняя, узнавъ что ей не угрожаетъ за общимъ завтракомъ встрѣча съ хозяиномъ дома, отказалась отъ намѣренія завтракать въ своей комнатѣ. Съ присутствіемъ madame Мельмотъ она должна была помириться волей или неволей. Съ madame Мельмотъ она каталась ежедневно, съ madame Мельмотъ она выѣзжала. Хозяинъ дома держалъ себя въ сторонѣ и она встрѣчалась съ нимъ только за обѣдомъ, и то не часто. Madame Мельмотъ была очень непріятна, но молчала и повидимому понимала что ея гостья живетъ у нея только по необходимости.

Но миссъ Лонгестафъ уже замѣтила что ея старые знакомые перемѣнились относительно ея. Она написала своему другу леди Монограмъ, съ которой была дружна когда та была еще миссъ Триклекъ и которая составила блестящую партію выйдя замужъ за сэръ-Дамаска Монограма. Она разказала ей почему не была на послѣднемъ вечерѣ, разказала какъ ее принудили ѣхать въ Лондонъ гостить къ Мельмо-

такъ и выражала надежду, что подруга ея не отвернется отъ нея. Письмо было написано дружескимъ тономъ, съ легкимъ отбѣнкомъ шутовости и очень смиренно. Прежде Джорджіана Лонгестаффъ никогда не отличалась смиреніемъ, но Монограммы вращались въ такомъ хорошемъ обществѣ и были такъ популярны что она готова была сдѣлать что угодно чтобы не лишиться знакомства съ ними. Однако униженіе не принесло никакой пользы: леди Монограммъ даже не отвѣтила ей. „Она никогда не любила никого кромѣ самой себя“, говорила себѣ Джорджіана въ своемъ печальномъ одиночествѣ. Она замѣтила также перемѣну въ обращеніи съ ней лорда Ниддерделя. Она была не гаула, и такія вещи не ускользали отъ ея вниманія. Лордъ Ниддердель ухаживалъ за ней, хотя безъ всякаго серьезнаго намѣренія, такъ какъ всѣмъ было извѣстно что онъ женится на дельгахъ, но никогда прежде не позволялъ онъ себѣ говорить съ ней такъ какъ говорилъ въ гостиной madame Мельмотъ. По лицамъ всѣхъ своихъ знакомыхъ, въ особенности мужчинъ, она ясно видѣла что они думали о ней. Она всегда держала себя съ некоторымъ высокомеріемъ и прежде это казалось естественнымъ. Теперь это было бы неестественно и она это знала. Хотя со времени ея пріѣзда въ Лондонъ прошло только нѣсколько дней, но она замѣтила что всѣ думали что она себя унизила. Для чего вы это дѣлаете? обратился къ ней Грасслокъ когда она однажды вошла въ комнату леди madame Мельмотъ. Она попробовала замѣяться, но принуждена была отвернуться. „Дерзкій негодяй“, сказала она про себя, зная что двѣ недѣли тому назадъ онъ не посмѣлъ бы заговорить съ ней такимъ тономъ.

Для два позже случилось событіе достойное примѣчанія. Долли Лонгестаффъ навѣстила свою сестру. Надо думать что онъ былъ сильно потрясенъ если рѣшился на такой необычайный для него подвигъ. Пришелъ онъ въ необыкновенно ранній для него часъ, немного позже полудня, когда онъ обыкновенно только еще завтракалъ въ постель. Слугѣ онъ объявилъ прямо что не желаетъ видѣть никого изъ холмовъ, а только свою сестру и былъ проведенъ въ отдѣльную комнату куда вскорѣ пришла къ нему Джорджіана.

— Для чего ты это сдѣлала? обратился онъ къ ней.

Она попробовала замѣяться.

— Чему я обязана твоимъ посѣщеніемъ? спросила она не стѣняя на его вопросъ.— Это такая неожиданная любезность.

- Не въ этомъ дѣло. Я могу ходить куда мнѣ вздумается.  
Но для чего ты здѣсь?
- Спроси пала.
- Не можетъ-быть чтобъ онъ послалъ тебя сюда.
- Однако онъ послалъ меня сюда.
- Ты не поѣхала бы еслибы сама этого не хотѣла. Ты здѣсь потому что всѣ наши остались въ деревнѣ.
- Такъ точно, Долаи. Ты удивительно догадливъ.
- И тебѣ не стыдно?
- Нисколько.
- Такъ мнѣ стыдно за тебя.
- Весь свѣтъ бываетъ здѣсь.
- Можетъ - быть, но не всякій согласится жить здѣсь, отдѣлаться членомъ этого семейства. Я не слышалъ чтобы кто-нибудь кромѣ тебя согласился на это. Ты была прежде такъ горда.
- Я и теперь также горда какъ прежде, сказала Джорджіана едва удерживая слезы.
- Но я ручаюсь тебѣ что никто не будетъ смотрѣть на тебя съ уваженіемъ если ты останешься здѣсь. Я не хотѣлъ вѣрить когда Ниддерделъ сказалъ мнѣ.
- Что онъ сказалъ, Долаи?
- Онъ не сказалъ ничего особеннаго, но я видѣлъ что онъ думаетъ. И конечно всѣ думаютъ то же самое. Не ловимаю какъ тебѣ самой нравятся эти люди.
- Они вовсе не нравятся мнѣ. Я ненавижу ихъ.
- Такъ для чего же ты пріѣхала къ нимъ?
- О, Долаи, ты этого никогда не поймешь. Положеніе мушны не похоже на положеніе дѣвушки. Ты можешь жить гдѣ тебѣ угодно и дѣлать что тебѣ угодно. Если у тебя нѣтъ денегъ, тебѣ всякій повѣритъ въ долгъ. Но подумай каково было бы тебѣ еслибы тебя залерли на весь сезонъ въ Кавершамъ.
- Я остался бы охотно еслибы не отецъ.
- У тебя есть собственное состояніе, твое будущее обезпечено, но что ждетъ меня?
- Ты говоришь о замужествѣ?
- Обо всемъ, отвѣчала бѣдная дѣвушка не рѣшавшаяся говорить съ братомъ такъ прямо какъ она говорила съ отцомъ, съ матерью и съ сестрой.— Должна же я подумать о себѣ.

— Я не вижу какую помощь могутъ оказать тебѣ Мельмоты. Какъ бы то ни было, но тебѣ не слѣдуетъ быть здѣсь. Я рѣдко вмѣшиваюсь. Я напишу отцу. Ему слѣдовало бы быть благоразумнѣе.

— Не пиши отцу, Долли.

— Нѣтъ, я напишу. Я не могу молчать когда все идетъ къ чорту. Прощай.

Онъ тотчасъ же зашелъ въ ближайшій клубъ, только не въ Медвѣжій Садъ, который открывался много позже, и дѣйствительно написалъ отцу.

„Любезный батюшка,—Я видѣлъ Джорджиану въ домѣ мистера Мельмота. Ей не слѣдуетъ быть тамъ. Можетъ-быть вы не знаете, но весь свѣтъ считаетъ его мошенникомъ. Надѣюсь что хоть ради чести фамиліи вы возьмете ее домой. По моему мнѣнію Бротонъ-Стритъ былъ бы самымъ приличнымъ мѣстомъ для моихъ сестеръ въ настоящее время года.

„Вашъ любящій сынъ

„Адольфусъ Ловгестафъ.“

Это письмо поразило какъ громовой ударъ стараго мистера Ловгестаффа въ Кавершамъ. Онъ не могъ надивиться что сынъ его взялъ на себя трудъ написать письмо. Мельмоты могли быть очень дурными людьми если пребываніе у нихъ Джорджианы пробудило въ Долли такую энергію, подумалъ онъ. Но что възволновало его всего болѣе, это намекъ что ему слѣдовало привезти семейство въ Лондонъ. Это говорилъ ему сынъ, который не хотѣлъ сдѣлать ничего чтобы помочь ему въ его затрудненіяхъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

## ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

### I. Мистрисъ Гёртль.

Поль Монтегю въ это время жилъ въ комфортабельной квартирѣ въ Секвилъ-Стритъ и судьба очевидно улыбаалась ему. Но нельзя сказать чтобъ онъ былъ спокоенъ. Его затрудненія съ фирмой Фискеръ, Монтегю и Монтегю уже были вѣстны читателямъ. Были у него также затрудненія и въ любви, хотя онъ надѣялся, когда позволялъ себѣ вѣрить въ успѣхъ великаго предпріятія, что въ этомъ отношеніи онъ будетъ счастливъ. Генриетта до сихъ поръ еще не выказала расположенія принять предложеніе своего родственника. Сидицала его также и его страсть къ игрѣ. Онъ зналъ какъ это опасная страсть и не могъ побѣдить ея. Кромѣ всего этого, у него было еще одно затрудненіе которое въ послѣднее время безлокоило его больше всѣхъ другихъ. Однажды утромъ, вскорѣ послѣ несчастной ночи въ Медвѣжьемъ Саду онъ взялъ извозчика и велѣлъ везти себя въ Пелингтонъ. Здѣсь онъ постучалъ въ дверь скромнаго, но приличнаго дома, одного изъ тѣхъ домовъ въ которыхъ живутъ люди получающіе отъ трехъ до четырехъ тысячъ фунтовъ годоваго дохода, и спросилъ мистрисъ Гёртль. „Да, мистрисъ Гёртль поселилась здѣсь“, и его попросили войти въ гостиную, гдѣ онъ простоялъ около четверти часа у круглаго стола перевертывая страницы книги пока не пришла мистрисъ Гёртль. Мистрисъ Гёртль была вдова на которой никогда обѣщали жениться.

— Поль! воскликнула она рѣзко, но голосомъ который могъ быть приятнымъ когда она хотѣла: — Поль, продолжала она взявъ его за руку, — скажите что вы берете назадъ ваше послѣднее письмо и я прощу вамъ все.

— Этого я не могу сказать, отвѣчалъ онъ, оставляя ее за руку въ ея рукѣ.

— Не можете! Чтò это значитъ? Неужели вы осмѣливаетесь сказать что вы измѣните мнѣ послѣ всѣхъ вашихъ обещаній?





О подпискѣ на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ въ 1876 годѣ

Годовое изданіе РУССКАГО ВѢСТНИКА, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, стоить въ 1876 Москвѣ и Петербургѣ, безъ доставки, **пятнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ**; съ доставкою на домъ въ Москвѣ и Петербургѣ **шестнадцать рублей** и съ почтовою пересылкою во всѣ мѣста Россіи **семнадцать рублей**.

Заграничные высылаютъ за доставку въ государства Германскаго Почтоваго Союза: въ Италію, Бельгію, Францію, Нидерланды, Швейцарію, Сербію, Румынію, Англію, Данию, Швецію, Грецію, Европейскую Турцію, Испанію, Португалію, Норвегію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты 1876. Въ прочія мѣста за границей по предварительному соглашенію съ редакціей.

Подписка на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ принимается:

ВЪ МОСКВѢ:

Въ конторѣ Университетской Типографіи, на Страстномъ Бульварѣ въ книжной лавкѣ И. Г. Соловьева (бывшей Валукова), на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ Алексѣева.

Иногородные адресуются исключительно: въ редакцію РУССКАГО ВѢСТНИКА, въ Москвѣ.

Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе книгъ предъ тѣми изъ подписчиковъ кои обратятся непосредственно въ контору редакціи и въ контору Университетской Типографіи.

Первыя главы начатыхъ въ прошломъ году мановъ могутъ быть выдѣлены изъ оставшихъ въ небольшомъ числѣ книжекъ *Русскаго Вѣстника* и высылаемы подписчикамъ 1876 года кто благоволятъ заявить объ этомъ редакціи при гая 3 руб.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи (Катковъ),  
на Страстномъ Бульварѣ.

# РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ВЛАДЕЛЬЦЫ: П. П. МАЕВЫЙ И М. БАТКОВЫЙ

ТОМЪ СТО ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

1876

Ф Е В Р А Л Ъ

## СОДЕРЖАНІЕ:

ЕКАТЕРИНИНСКАЯ КОММИССІЯ 1767 — 1769. Га. IV—VI. П. В. Вланка.

МОИ ПЕРВЫЯ ИСПЫТАНІЯ И УСПѢХИ, СОВЛАЗНЫ И ДѢЛА. Воспоминанія Одиссея Подохроміадеса, загорскаго Грека. Га. VIII—XII. К. Н. Леонтьева.

НОЧЬ СВ. САТУРНИНА И ГРОХОВСКАЯ БИТВА. Эпизодъ изъ исторіи лейбъ-гвардіи Уаалскаго Его Величества прака. В. В. Крестовскаго.

ТЪМА. (Изъ Байрона.) Стихотвореніе. П. А. Каленова.

АННА КАРЕНИНА. Романъ. Часть четвертая. Га. I—XVI. Графа Л. Н. Толстаго.

СОВЕТЪ. (Изъ Шекспира) Стихотвореніе. Графа И. А. Мамуны.

ДВѢ СУДЬБЫ. Романъ Уаака Коллиаза. Переводъ съ англійскаго. Га. V—VIII.

ТРИ ДНЯ ВЪ ТАОРМИНѢ. Изъ путевыхъ записокъ. О. С.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ. Г. де-Молларі.

ВОСКРЕСЕНЬЕ ВЪ БЕРЛИНѢ. Д. О. Касицына.

МЫСЛЬ ОБЪ ОСВОЖОЖЕНІИ РУССКИХЪ КРЕСТЬЯНЪ ВЪ XVII И XVIII СТОЛѢТІЯ. А. В. Рачинскаго.

ЛИТЕРАТУРА И КРИТИКА. И. Н. Павлова.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА. А.

## ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

КАКЪ МЫ ТЕПЕРЬ ЖИВЕМЪ. Романъ Антоки Трояна. Переводъ съ англійскаго. Часть вторая. Га. I—VIII.

Романъ г. Авсеенко МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ возобновится перепечатанъ въ одной изъ ближайшихъ книжекъ



## О ПОДПИСКѢ

н а

# РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Годовое изданіе *Русскаго Вѣстника*, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, въ 1876 году стоить въ Москвѣ и С.-Петербургѣ, безъ доставки, ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ 50 КОП., съ доставкой на домъ въ Москвѣ и въ Петербуурѣ ШЕСТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ и съ почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи СЕМНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ.

Подписка принимается: въ Москвѣ, отъ городскихъ подписчиковъ въ конторѣ Университетской Типографіи, на Большой Дмитровкѣ, на Страстномъ Бульварѣ; отъ иногородныхъ и заграничныхъ подписчиковъ, въ конторѣ редакціи, въ домѣ Университетской Типографіи.

Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе книжекъ предъ тѣми изъ подписчиковъ кои обратятся непосредственно въ контору редакціи и въ контору Университетской Типографіи.

Служащимъ можетъ быть дѣлаема разсрочка, за ручательствомъ казначеевъ или начальства.

За заграничную доставку слѣдуетъ высылать кредитными рублями или въ векселяхъ на Москву, или на Петербургъ, по слѣдующему разчету:

Р. К.

Въ государства Германскаго Почтоваго Союза:  
въ Италію, Вельгію, Францію, Нидерланды,  
Швейцарію, Сербію, Румынію, Англию, Данію,  
Швецію, Грецію, Европейскую Турцію, Испа-  
нію, Португалію, Норвегію и Сѣверо-Амери-  
канскіе Соединенные Штаты. . . . . 18 —

Въ прочія мѣста за границей по предварительному со-  
глашенію съ редакціей.

Петербургскій книгопродавецъ Базуновъ былъ долгое время комиссіонеромъ нашихъ изданій, но вслѣдствіе значительной неисправности его въ взносахъ денегъ, неисправности которая могла стать законнымъ поводомъ для привлеченія его къ отвѣтственности предъ судомъ, мы посочли возможнымъ имѣть его комиссіонеромъ на будущее время, о чемъ онъ и былъ оставленъ въ извѣстность. Въ объявленіяхъ подпискѣ на *Московскія Вѣдомости* вовсе было опущено имя Базунова, а въ объявленіи о подпискѣ на *Русскій Вѣстникъ*, хотя въ видахъ удобства жителей Петербурга (и только Петербурга) и была допущена подписка у Базунова, съ оговоркой что редація отвѣчаетъ за правное доставленіе журнала лицамъ подписавшимся въ самой редакціи. Несмотря на то, съ открытіемъ подписки на нынѣшній годъ, онъ самовольно и безъ вѣдома редакціи выставилъ надъ своимъ магазиномъ новыя бросавшаяся въ глаза вывѣски съ означеніемъ на одной: *Главная контора Московскихъ Вѣдомостей*, другой: *Главная контора Русскаго Вѣстника*, что не имѣлъ онъ права и при прежнихъ комиссіонерскихъ отношеніяхъ къ редакціи. Въ этомъ, принимая подписку на оба изданія, онъ какъ теперь оказывается, вступалъ въ сношенія съ другими книгопродавцами, которые давали ему своихъ подписчиковъ. Подписокъ подписчиковъ на *Московскія Вѣдомости* былъ доставленъ намъ Базуновымъ въ концѣ декабря, но только вслѣдствіе усиленныхъ

запросовъ и требованій сопрозождаемыхъ угрозою судебного преслѣдованія, онъ внесъ въ редакцію часть собранной имъ по этой подписки суммы. Что же касается до подписчиковъ *Русскій Вѣстникъ*, который обыкновенно выдѣлываетъ въ концѣ каждаго мѣсяца, то несмотря на всѣ требованія редакціи, Базуновъ не доставилъ не только ни копѣйки, изъ собранныхъ имъ денегъ, но и ни одного адреса. В послѣднихъ числахъ января, какъ извѣстно, Базуновъ скрылся; но его повѣренные продолжали до послѣдняго времени принимать по подписку, также не передавая въ редакцію ни денегъ, ни адресовъ.

Юридически редакція не обязана удовлетворять подписчиковъ Базунова. Но принимая во уваженіе что публика, вслѣдствіе многолѣтнихъ указаній самой редакціи, привыкла обращаться въ магазинъ Базунова, редакція *Московскія Вѣдомостей* не замедлила удовлетвореніемъ ея подписчиковъ, какъ оплаченныхъ имъ такъ неоплаченныхъ, хотя она имѣла полное право предоставить имъ самимъ разбираться съ книгопродавцемъ обманувшимъ ихъ довѣріе. Тотъ же поступилъ редакція съ Базуновскими подписчиками на *Русскій Вѣстникъ*, какъ только она добьется документально повѣреннаго списка оныхъ и получитъ возможность опровергнуть дѣйствительно подписавшихся у Базунова лицъ отъ подписчиковъ переданныхъ ему, вслѣдствіе какихъ-либо сдѣлокъ, другими книгопродавцами. О дѣлѣ этомъ уже заявлено компетентнымъ властямъ, и мы надѣемся въ скорое время начать удовлетвореніе подписчиковъ Базунова на *Русскій Вѣстникъ*, какъ петербургскихъ такъ и иногородныхъ.



# ЕКАТЕРИНИНСКАЯ КОММИССІЯ

1767—1769 \*

## IV.

вопросы о дворянствѣ. — Значеніе дворянства по прежнимъ законамъ. — Депутатскіе указы касательно дворянскихъ правъ. — Необычные депутатскіе указы. — Разсужденіе о потомственномъ дворянскомъ достоинствѣ. — Требованіе личнаго дворянскаго значенія. — Проекты дворянскихъ правъ и преимуществъ.

Въ засѣданіи Коммиссіи 11 сентября 1767 года приступлено было къ чтенію законовъ о дворянствѣ, съ Уложенія ра Алексѣя Михайловича до указовъ 12 декабря 1766. Въ чтеніе одиннадцати засѣданій читались эти законы въ хронологическомъ порядкѣ. Статьи Уложенія 1649 да всѣ безъ исключенія, счетовъ девять, касаются крѣпостныхъ правъ дворянства и указываютъ чтобы никакимъ господъ доносамъ крѣпостныхъ людей, хотя бы и отлученныхъ уже на волю, вѣры не давать; но если состоялся указъ старшаго вотчинника объ освобожденіи кабалякъ, насаѣдниками же или распорядителями приказъ не исполнять, то дозволялось крѣпостнымъ бить челомъ государю.

См. № 1 *Русскаго Вѣстника*.

т. сѣкл.

Если азыки оговаряютъ въ разбоѣ дворянина, приказныхъ дѣтей боярскихъ или даже холопей, то, описавъ и описавъ принадлежащее таковымъ имущество, приказывалось ставить ихъ на очныя ставки съ азыками; когда дохода до пытки, первыми пытать крѣпостныхъ; такой же пытки подвергались крѣпостные, но безъ обыска, въ случаѣ обвиненія ихъ въ преступленіи самимъ помѣщикомъ; съ другой стороны, за убійство кого-либо при защитѣ своего помѣщика, отвѣтственнымъ лицомъ становился сей послѣдній, а совершившій убійство крѣпостной. Указомъ 12 января 1688 года уничтожалось мѣстничество, и всѣ прежнія о случаяхъ и о мѣстахъ записки царь и великій князь Федоръ Алексѣевичъ указалъ предать огню; а впредь, на памяти въ разрядѣ родословныхъ книги, какія и установлены окончательно указомъ 27 марта. Указами 1686 года, родословныя книги дворянъ поновлены и пополнены, съ запрещеніемъ вносить въ оныя однодворцевъ. Указомъ 1707 года писаны на службу прежде бывшіе московскіе кормовые служилые люди. Въ 1712 году велѣно чтобы дворяне отдавали почетъ и первое мѣсто каждому оберъ-офицеру. Указомъ 1714 года предписывалось дворянскихъ, приказныхъ и дѣтей и подъячихъ дѣтей, кромѣ однодворцевъ, обучать арифметикѣ и геометріи; устанавливалось майоратство и опредѣлялось число дѣтей которое младшія дворянскія дѣти должны были провести на коронной службѣ или въ кулеchesн чтобы получить право пріобрѣтенія недвижимаго имущества. Въ 1719 году велѣно раненыхъ и увѣчныхъ унтеръ-офицеровъ и солдатъ изъ дворянъ отставлять вовсе отъ службы если не пожелаютъ сами служить въ гарнизонѣ. Въ 1721 приказано, по генеральному регламенту, опредѣлять дворянскихъ дѣтей въ коллегіи и конторы. Съ 1721 года, всѣ оберъ-офицеры, какого бы званія прежде ни были, получали патенты на дворянство, а показавшимъ радѣніе на магистратской службѣ дозволялось бить челомъ на пожалованіе въ шляхетство; въ то же время исключеніе изъ подушнаго оклада распространено, кромѣ дворянъ, и на такъ-называемыхъ армейскихъ боярскихъ дѣтей. Въ 1722 году издана Табель Рангахъ, на основаніи которой безъ службы никакого чина не давалось, а дослужившихъ до восьмага класса съ дѣтьми велѣно причислять къ лучшему старшему дворянству, при этомъ на первоначальной службѣ от-

лось предпочтеніе обученнымъ противъ неучившихся, подтверждалось приобрѣтеніе дворянскаго достоинства оберъ-офицерскимъ чиномъ и запрещалось самовольно присвоивать себѣ дворянское званіе и гербы. Въ то же время дана инструкція герольдмейстеру, въ которой между прочимъ предписывалось обучать дворянъ гражданскимъ и экономическимъ дѣламъ, а должностныя мѣста были подраздѣлены на такія которыя могли занимать исключительно дворяне, притомъ не иначе какъ по представленію герольдмейстера, и такія куда дозволялось опредѣлять и лицъ не-дворянскаго происхожденія. Указомъ 1723 года недорослей изъ дворянъ велѣно отсылать въ военную коллегію, которая, по вышедшему въ слѣдующемъ году указу, дѣтей знатаго шляхетства и офицерскихъ должна была писать въ гвардію, а прочихъ въ другіе полки; въ тотъ же годъ запрещено опредѣлять въ секретари лицъ не изъ дворянъ. Въ 1731 году приказано дворянскихъ дѣтей помѣщать въ кадетскій корпусъ для обученія наукамъ. Съ 1734 по 1740 девять указовъ разъяснили права опредѣленія дворянъ на службу и, между прочимъ, по особой привилегіи Оренбургу, члены магистрата, бургомистръ и ратсеры этого города пожалованы статскими чинами, а вслѣдствіе того и пожизненнымъ дворянскимъ достоинствомъ. Съ 1743 по 1746 годъ, при учиненіи новой ревизіи, велѣно однодворцевъ доказавшихъ свои дворянскія права записывать особо, а татарскихъ мурзь не включать въ подушный окладъ.

Ограниченіе въ пользованіи крѣпостнымъ правомъ лицами не-дворянскаго происхожденія началось съ 1752 года, когда фабрикантамъ и заводчикамъ, сверхъ положеннаго числа, не дозволялось покупать деревень. \*Черезъ два года послѣ сего, по инструкціи межевщикамъ, приказано въ теченіе полугода продать недвижимыя имущества какимъ бы то ни было образомъ доставшіяся приказнымъ служителямъ не изъ дворянъ и военнослужащимъ не дослужившимся до офицерскаго ранга. Наконецъ, въ 1758 году, запрещено владѣть деревнями лицамъ которыя хотя и состоятъ протоколитами и регистраторами, но о чьихъ дѣтяхъ изображено въ Табелі о Рангахъ что они не суть дворяне. Въ этотъ же промежутокъ времени изданы указы: о строгомъ изслѣдованіи правъ лицъ колатайствующихъ о записаніи ихъ въ дворянскій списокъ; о нечисланіи дворянами лицъ получившихъ статскіе чины во калитана, если они не состоятъ въ дѣйствительной воен-

ной службѣ; объ учрежденіи банковъ, одного для дворянства, въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, и другаго для поправленія коммерціи и купечества при С.-Петербургскомъ портѣ; наконецъ, о дозволеніи недорослямъ изъ шляхетства обучаться въ Московскомъ Университетѣ. Указомъ 18 февраля 1762 года дарованы дворянству слѣдующія вольности: 1) Право выхода въ отставку по собственному желанію, за исключеніемъ военнослужащихъ во время кампаніи; 2) награжденіе слѣдующимъ чиномъ при выходѣ въ отставку, для военныхъ по выслугѣ одного года, для статскихъ—трехъ лѣтъ въ прежнемъ чинѣ; 3) обратный приемъ на службу тѣмъ же чиномъ съ какимъ кто уволенъ; 4) свободный выѣздъ отставныхъ за границу, съ обязательствомъ однако явиться въ отечество когда того потребуетъ нужда; 5) приемъ на русскую службу служившихъ у другихъ европейскихъ королеванныхъ государей тѣмъ же чиномъ на какой они выслужили патенты; служившихъ у прочихъ владѣтелей—съ пониженіемъ на одинъ чинъ; 6) содержаніе при Сенатѣ по тридцати дворянъ, въ Москвѣ же при Сенатской конторѣ—по двадцати, по выборамъ дворянства. Далѣе, 7) дворянамъ у коихъ менѣе 1.000 душъ приказано присылать малолѣтнихъ дѣтей въ С.-Петербургъ для опредѣленія въ Шляхетскій Кадетскій Корпусъ; 8) не дослужившихся до оберъ-офицерскаго чина дворянъ велѣно увольнять отъ службы не ранѣе какъ черезъ 12 лѣтъ, и 9) указано что тѣ дворяне которые никакой службы не несли и дѣтей своихъ полезнымъ наукамъ не обучили не имѣютъ права пріѣзда къ царскому двору и въ публичныхъ собраніяхъ и торжествахъ не должны быть терпимы. Въ 1763 году изданы указы: 1) о награжденіи оберъ-офицерскими чинами дворянъ бывшихъ при дѣлахъ и имѣющихъ добродѣтельные аттестаты; 2) объ опредѣленіи въ сухопутный и морской корпуса титулярныхъ юнкеровъ изъ дворянъ которые состоятъ при Сенатѣ и другихъ присутственныхъ мѣстахъ и о принятіи въ Московскій Университетъ таковыхъ же юнкеровъ на счетъ дворянъ. Въ годы съ 1764 по 1766, полковымъ командирамъ дано право записывать въ полки дворянъ пятнадцатилѣтняго возраста установлены строгости и формальности по внесенію дворянъ въ родословныя книги; запрещено присутственнымъ мѣстамъ самопроизвольно увольнять чиновниковъ, объ увольненіи же служащихъ изъ дворянъ приказано представлять Сенату введено въ уставъ о кадетскомъ корпусѣ чтобы въ числѣ

дворянскихъ дѣтей принимать и дѣтей штабъ-офицеровъ. Наконецъ, по опредѣленію Правительствующаго Сената, на разсмотрѣніе Комиссіи о сочиненіи новаго Уложенія переданъ вопросъ о томъ: какихъ именно чиновъ и въ какой службѣ дослужившихся до оберъ-офицера не-дворянъ записывать потомственно въ дворянскій списокъ?

Последнимъ распоряженіемъ высшаго правительства косвенно порученъ былъ пересмотръ всѣхъ предыдущихъ узаконеній о дворянскомъ достоинствѣ, сущность коего, какъ видно изъ приведенныхъ постановленій, кромѣ крѣпостнаго права и изытія изъ подушнаго оклада, заключалась: въ правахъ первенства на государственной службѣ; въ преимуществѣ на право высшаго образованія, и въ наибольшемъ довѣрѣи верховной власти, отсюда и въ ближайшемъ правѣ обреченія съ нею. Дарованное дворянству право объяснить въ своихъ наказахъ депутатамъ пользы и нужды своего сословія было понято имъ въ широкомъ смыслѣ. Единодушнѣ всего въ этомъ отношеніи было желаніе дворянства расширить свое выборное право. Такъ Московское дворянство, вѣходя въ мелочныя подробности дворянской организаціи, въ первомъ же пунктѣ наказа заявляетъ о необходимости съ точностью изяснить сродныя и принадлежащія этому сословію права и преимущества, при томъ такъ чтобъ единожды на всегда было установлено твердое положеніе о дворянствѣ. При этомъ оно ходатайствуетъ о дозволеніи выбора дворянами изъ своей среды по одному или по нѣскольку комиссаровъ: для разбора незначительныхъ ссоръ между дворянами и поселянами уѣзда; для учиненія, обще съ сосѣдями, немедленно по совершеніи дѣйствія или по чьему-либо требованію, долгаго изслѣдованія во всѣхъ случаяхъ насилія, обиды или несправедливости; наконецъ, для препровожденія проходящихъ полковъ отведенія имъ квартиръ, съ правомъ наблюденія при этомъ объ отъ военныхъ людей поселянамъ никакого отягощенія общаго не было.

Еще подробнѣе выражается въ томъ же смыслѣ дворянство ревскаго уѣзда: оно проситъ, почти слово въ слово какъ дворянство Веневское, о разрѣшеніи дворянскихъ съѣздовъ разъ каждые два года, для разсмотрѣнія на оныхъ „все ли уѣздъ въ силу законовъ исполняется“, относя къ этому положенію не только за правильнымъ расквартированіемъ полковъ, но даже за дѣйствіями судебныхъ и иныхъ мѣстъ,

съ правомъ, въ случаѣ замѣченныхъ нарушеній закона, избирать депутата для представленія объ этомъ „вѣрныхъ и ясныхъ доказательствъ“ въ Правительствующій Сенатъ. Оно заявляетъ потребность на право избранія дворянствомъ „лаандрата“, а для становъ, которые переименовать въ дистрикты особыхъ „дистриктовыхъ комиссаровъ“, съ подчиненіемъ имъ всѣхъ проживающихъ въ уѣздѣ дворянъ и крестьянъ (включая сюда дворцовыхъ и экономическихъ) и съ порученіемъ имъ судебного разбирательства мелкихъ дѣлъ, съ тѣмъ что бы комиссары были обязаны ловить разбойниковъ при помощи сосѣднихъ дворянъ и ихъ крестьянъ и отсылать въ военную канцелярію; раскрывать корчемство, съ участіемъ сотскихъ и десятскихъ и размѣщать полки: все это подъ начальническимъ наблюденіемъ лаандрата, который съ зывалъ бы черезъ каждые два года собраніе для новыхъ выборовъ. Въ случаѣ злоупотребленій со стороны этихъ выборныхъ лицъ, Боровское дворянство предполагаетъ судить ихъ по вымыслу собраніемъ дворянства и виновныхъ штрафовать въ пользу Сиропитательнаго Дома; также поступать со всѣми дворянами ослушниками распоряженій выборной власти. Сверхъ того лаандратъ, „какъ опекунъ своего уѣзда“ обязанъ во всемъ защищать жителей оного и приносить имъ куда слѣдуетъ жалобы. Для вознагражденія же этихъ проектированныхъ выборныхъ, Боровское дворянство предлагаетъ назначить имъ жалованье по усмотрѣнію собранія, и этихъ видахъ просить установить особый налогъ на землѣ и крестьянскія души всѣхъ наименованій. Въ законѣ наказу Боровское дворянство сѣтуетъ что лица изъ помѣщичьего чина и иныхъ недворянскихъ сословій, дослужившіе до офицерскихъ ранговъ, разбогатѣвъ и купивъ деревни, „сроду дворянству не малое утѣшеніе причиняютъ“.

Объ этомъ послѣднемъ предметѣ еще настойчивѣе заявляетъ дворянство Костромское, принося, чрезъ своего депутата А. И. Бибикова, всеподданнѣйшую просьбу чтобы „безъ веденія въ дворянское достоинство самую императрицу, ни посредствомъ чиновъ пользоваться онымъ не могъ“. И живая мысль объ избраніи дворянствомъ комиссаровъ для да въ мелкихъ спорахъ и для другихъ чисто земскихъ потребностей, костромскіе избиратели заботятся и объ усиліи способовъ обученія дворянскихъ дѣтей. Ту же мысль, лишеныхъ выраженіяхъ, излагаетъ въ наказѣ и Михайлов

дворянство, испрашивая разрѣшенія на двухгодичное избраніе предводителя съ четырьмя помощниками, которые вѣдали бы мелкія гражданскія дѣла. Для этого оно полагаетъ необходимымъ составить поуѣздные дворянскіе списки, съ отдѣленіемъ въ нихъ потомственныхъ дворянъ отъ вновь дослужившихся и съ тѣмъ чтобъ изъ этихъ послѣднихъ, безъ особаго монаршаго пожалованія, никто „крадываться“ въ дворянство не могъ. Дворянство Калужскаго и Медвнскаго уѣздовъ, также настаивая на ясномъ и точномъ опредѣленіи дворянскаго ословія, на развитіи средствъ къ образованію дворянскихъ дѣтей, на устройствѣ дворянскихъ суда и распорядку, ходатайствуетъ еще и о томъ чтобы дворянство всегда и во всѣхъ случаяхъ было избавлено отъ тѣлеснаго и иного безчестнаго наказанія и пытокъ, а учинившіе преступленіе противное „чести ихъ природы“ лишались бы дворянскаго достоинства и тогда уже предавались бы всей строгости законовъ.

Съ наибольшюю спеціальностью и подробностью составило наказъ Ярославское дворянство. Подраздѣливъ свое заявленіе на три раздѣла, изъ коихъ въ первомъ, самомъ обширномъ, оно трактуетъ о дворянскомъ достоинствѣ, во второмъ о судѣ и въ третьемъ объ имущественномъ правѣ, Ярославское дворянство начинаетъ съ указанія что Россійское дворянство составляющее „главный чинъ“ въ Имперіи и пользующееся наибольшимъ довѣріемъ отъ монарховъ, пришло въ такое положеніе что многія права онаго „отъ перемены обычаевъ, или отъ захваченія другихъ чиновъ, вывѣ совсѣмъ въ забытіе пришли или затупены подколами подъ законы“. Оно жауется что многіе достигшіе дворянской степени по чинамъ, въ противность п. 16 Табелѣ о Рангахъ, „напрасно въ чинъ и право дворянское вступили“, ибо и Петръ Великій въ означенной статьѣ предоставилъ единственно государю право возводить въ дворянское достоинство, дабы таковое не было уподлено чрезъ какія другія прощками учиненныя происхожденія“. Такъ какъ трудность доказанія совершившейся неправоуности принуждаетъ прошлое оставить въ молчаніи, то Ярославское дворянство полагаетъ необходимымъ просить чтобы на будущее время были собраны точныя свѣдѣнія о всѣхъ дворянскихъ фамиліяхъ и ихъ гербахъ, и чтобы за симъ герольдія не допускала „другихъ въ сіе достоинство самовольно впредъ вступать“; а также чтобъ иво-

странцы, не получивъ отъ государя диплома на достоинство російскаго дворянина, не могли пользоваться правами и имеемъ сего сословія. Для лучшаго достиженія цѣли, Ярославское дворянство признаетъ необходимымъ вести особые дворянскіе списки по уѣздамъ, куда и вносить представившихъ въ положенный срокъ въ дворянское собраніе свои дипломы. За симъ право имѣть деревни и земли оно требуетъ сохранить только за однимъ російскимъ дворянствомъ; у того же кто въ противность закона купилъ деревни, такъ-выя отобрать, но „съ нужнымъ порядкомъ, дабы въ убытокъ не оставить“. Обращаясь къ фабрикантамъ и заводчикамъ, Ярославское дворянство находитъ что ограниченіе числа обязательныхъ рабочихъ, съ вольнымъ наймомъ остальныхъ, если понадобятся, побудитъ промышленниковъ имѣти болѣе прилежанія объ улучшеніи своихъ фабрикъ и производеній. При этомъ оно заявляетъ необходимость чтобы фабрики „сочиняющіяся изъ льна и пеньки и изъ прочихъ земляныхъ экономическихъ произращеній“, принадлежали только одному дворянству; ибо дворянство съ древнихъ временъ имѣло право пользоваться винною сѣдкой по мнѣнію Ярославскихъ дворянъ собственно потому что вино сидится изъ продуктовъ земли которой владѣтели одни дворяне. Сверхъ того, въ устраненіе беспорядковъ отъ пьяныхъ людей, и такъ какъ всякій помѣщикъ долженъ отвѣтствовать за порядокъ на его земляхъ, Ярославское дворянство полагаетъ необходимымъ въ господскихъ деревняхъ отдать право торговли виномъ на откупъ ихъ владѣльцамъ. Но дабы не лишать достоянія хозяевъ существующихъ купеческихъ фабрикъ и заводовъ, то, оставивъ оныя за ними, обложить ихъ небольшимъ платежомъ въ пользу корпуса дворянъ, на предметъ уплаты подушныхъ за крепостныхъ крестьянъ; равноѣрно и дворянство „за другія заведенія, которыя на корпусъ купеческій остаются должно вносить платежи въ корпусъ купечества, на тотъ конецъ какой будетъ опредѣленъ. Затѣмъ, ссылаясь на мнѣніе „учевѣданныхъ народовъ“, Ярославское дворянство находитъ полезнымъ снабдить дворянство свободнымъ правомъ торговли, со взносомъ лишь за это особой опредѣленной платы. Далѣе, указывая на дарованное уже предпочтеніе дворянству относительно производства въ офицерскіе чины Ярославскіе дворяне просятъ и въ наказаніяхъ отличить



дворянъ отъ простыхъ людей, дабы дворянскiя дѣти, о воспитанiи коихъ заботится дворянство, отъ одинаковости припыхъ наказанiй не могли „лишиться знатныхъ мыслей, которыя чрезъ долгое время родители въ нихъ тѣнили влѣжъ“. Заявляя при этомъ что не желаютъ дабы строгость законовъ не примѣнять къ дворянству, они просятъ однако же чтобы влѣвшихъ въ преступленiя подвергать пыткамъ и всякому иному публичному наказанiю только по лишенiю дворянскаго достоинства. Наконецъ, они также указываютъ на выборныхъ комиссаровъ для разбора некрупныхъ дѣлъ и въ то же время для охраненiя межевыхъ законовъ, для прохода и снабженiя провiантомъ полковъ, для огражденiя жителей отъ обидъ и „наглости“ со стороны солдатъ, для надзора за исправностью путей сообщенiя и т. п., приче́мъ просятъ пожаловать этихъ избранныхъ, должествующихъ по мѣстности Ярославскихъ дворянъ вести общественную службу безвозмездно, немаловажными привилегiями, именно: 1) состоянiемъ „подъ протекцiею“ самой императрицы; 2) не отлученiемъ (?) ни по какому дѣлу, въ бытность ихъ въ комиссарствѣ, кромѣ оскорбленiя величества; 3) наложенiемъ двойнаго штрафа на ихъ оскорбителей; 4) вмѣненiемъ всѣмъ судебнымъ мѣстамъ въ обязанность не далѣе тысячаго срока отвѣтствовать имъ и начинать по ихъ предложенiямъ слѣдствие; и 5) подсудностью ихъ только одному дворянскому собранiю. Въ заключенiе, Ярославское дворянство особенно выпраетъ на ходатайство „дабы въ сочиненiи законовъ всѣ права были утверждены наяснѣйшимъ образомъ, и елико возможно на томъ твердомъ основанiи уставлены были чтобы къ частымъ переменамъ не могли подвергнуты быть“.

Въ такомъ же духѣ, съ требованiемъ яснаго и твердаго узаконенiя дворянскихъ правъ и установленiя правилъ относительно вступленiя въ дворянское сословiе, съ заявленiями о несоотвѣтствiи съ дворянскимъ достоинствомъ приобрѣтенiя того званiя не особымъ монаршимъ благоволенiемъ, а выслугой чиновъ, съ предложенiемъ выборныхъ предводителей и комиссаровъ изъ дворянъ для словеснаго суда и для наблюденiя за земскимъ благоустройствомъ и общественнымъ порядкомъ въ уѣздахъ, наконецъ, съ настоянiемъ на правѣ дворянскихъ съѣздовъ по два раза въ годъ или не рѣже такъ чрезъ каждые два года, въ такомъ духѣ написаны

почти всѣ депутатскіе наказы отъ дворянъ. Изъ особенно выдающихся по своей оригинальности можно отмѣтить, напримеръ, наказъ Ростовскаго уѣзда, въ которомъ дворянство между прочимъ проситъ обратить монаршее вниманіе на такъ-называемыхъ „архіерейскихъ дворянъ“, которымъ раздавались въ давнее время деревни бывшихъ архіереевъ и которые вышѣ, послѣ долговременной и безлорочной службы, остались на старости лѣтъ, съ ихъ семьями, безо всякихъ средствъ къ пропитанію. Еще болѣе оригинально требованіе Шуйскаго дворянства чтобы „въ отличіе отъ прочихъ“ сословіи дворянамъ благоволено было даровать маленькій знакъ для ношенія на кафтанѣ. Наконецъ, дворянство Кашинскаго уѣзда, заявивъ что „не-дворянину быть дворяниномъ болѣе есть всякаго чина“, проситъ пожаловать всякаго рода людямъ свои „генеральныя привилегіи“, дворянъ же содѣлать независимыми отъ кого кромѣ какъ отъ уѣзднаго дворянства, такъ чтобы только симъ послѣднимъ могли быть они привлекаемы къ суду и судимы, а не какимъ инымъ присутственнымъ мѣстомъ или правительственнымъ лицомъ. Соотвѣтственно такому воззрѣнію Кашинскіе дворяне говорятъ о правахъ дворянскихъ сѣздовъ и уѣзднаго предводителя, облекая послѣдняго правомъ суда „во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ криминальныхъ“, предлагая въ помощь ему четырехъ выборныхъ человекъ изъ дворянъ. Рѣшеніе этого дворянскаго суда, по мнѣнію Кашинскихъ дворянъ, должно быть безапелляціонное. Буде же самъ предводитель окажется недостойнымъ чести въ какому облеченъ, то онъ можетъ быть смѣняемъ дворянскимъ собраніемъ во всякое время, а чтобы никто изъ дворянства не могъ уклоняться отъ общественной службы или не повисать своему обществу; то обязать каждого дворянина приписаться къ какому-либо городу, затѣмъ уже никакихъ отговорокъ не принимать, и за всякое уклоненіе, если предводителемъ не будетъ усмотрѣна законная тому причина, съдомъ дворянскаго собранія подвергать въ первый разъ выговору, во второй штрафу, а въ третій аресту. Деревни служящихъ дворянъ, на время ихъ отлучки по службѣ, по мнѣнію Кашинскихъ избирателей, должны состоять подъ распоряженіемъ и олекой особаго выборнаго дворянскаго суда; казенныя подати съ дворянъ требоваться не иначе какъ чрезъ предводителя; казеннымъ же властямъ „собой никакихъ

ни въ чье имѣніе и ни къ какому дворянину посылкъ не чинить, дабы тѣмъ дворянство избавить отъ нынѣшнихъ обыкновенныхъ канцелярскихъ тягостей.“ То же дворянство даетъ еще предводителю право, въ случаѣ его отлучки, передавать по личному усмотрѣнію свое пономочіе другому дворянину, который обязанъ принять его безпрекословно. Вообще оно устанавливаетъ на поключительномъ правѣ дворянъ владѣть деревнями и на совершенномъ освобожденіи дворянина отъ телеснаго наказанія за какое бы то ни было преступленіе. Наконецъ, Кашиинское дворянство ходатайствуетъ объ изданіи закона на обидчиковъ, слѣдующаго содержания: 1) Если дворянинъ обидитъ дворянина словомъ или дѣйствіемъ, то по дворянскому суду учинить обидчику такую же обиду чрезъ профоса или канцелярскаго сторожа; 2) если оскорбитъ дворянинъ дѣйствіемъ священника или „офицерскую честь имѣющаго“, то за безчестье и увѣче залатить обиженному втрое; 3) если кто не имѣющій священства и офицерской чести побьетъ дворянина, то такого наказывать кнутомъ и сверхъ того взыскать за безчестье втрое; 4) а если то же учинитъ священникъ или офицеръ, то такого лишить чиновъ; 5) если кто отниметъ деревню или какого крѣпостнаго слугителя, то сверхъ возврата отнятаго взыскивать втрое.

Дмитровское дворянство прямо опредѣляетъ срокомъ ежегоднаго съѣзда дворянъ 15 іюля, на томъ основаніи что къ этому времени всѣ помѣщики находятся обыкновенно въ своихъ деревняхъ, самое же время есть между-работная пора. На съѣздахъ, кромѣ выбора предводителя и земскихъ судей, предлагается еще и „полезное управленіе дворянъ во взаимныхъ сношеніяхъ по своимъ домашнимъ распоряженіямъ въ пользу деревенскаго хозяйства.“ Разчитывая что земскіе судьи и предводители не прерываютъ, во время ихъ управленія уѣздомъ, „сдѣлать многія примѣчанія для сообщенія всему дворянству къ общей пользѣ,“ Дмитровскіе дворяне находятъ что на съѣздахъ должны быть взаимно передаваемы другъ другу всѣ результаты дѣлаемыхъ по земледѣію опытовъ, что послужитъ поощреніемъ къ распространенію и улучшенію хлѣбопашества; причемъ предводителю должно быть вмѣнено въ обязанность приводить дворянъ къ соглашенію, дабы они въ виду общей пользы „не отрекались жертвовать на сіе (производство опы-

товъ) въ которыхъ трудомъ и временемъ<sup>6</sup>. Въ видахъ поощренія и усиленія значенія выборныхъ дворянскихъ должностей, Дмитровское дворянство полагаетъ выдавать прежнимъ выборнымъ, по ихъ замѣнѣ другими, въ засвидѣтельство благодарности всего общества, особые аттестаты въ ихъ добропорядочномъ поведеніи, поручая притомъ своему депутату испросить чрезъ комиссію у ея императорскаго величества такое узаконеніе чтобъ эти аттестаты имѣли силу и въ государственнымъ правительствѣ, дабы дворянское одобреніе служило основаніемъ и при опредѣленіи къ короннымъ мѣстамъ и при всемілостивѣйшихъ наградахъ. Наконецъ, оно находитъ полезнымъ чтобы дворяне привозили съ собою на сѣзды своихъ дѣтей мужскаго пола, „для пріученія ихъ къ разсужденіямъ объ общественной пользѣ“, но безъ права голоса если это право не передано имъ отцомъ. Въ наказахъ отъ Переславль-Залѣскаго уѣзда Владимірской губерніи и отъ Луковскаго дворянства Костромской губерніи разясняется несовмѣстимость Высочайшаго пожалованія дворянскимъ достоинствомъ съ правомъ выслуги дворянскаго званія чрезъ офицерскіе чины. Указывая на противорѣчіе Табелѣ о Рангахъ, заключающееся въ томъ что по одной статьѣ дослужившіеся до штабъ- и оберъ-офицерскихъ чиновъ суть дворяне съ ихъ потомками, а по другой—никто дворяниномъ называться не можетъ если не будетъ имѣть на то диплома за подписомъ собственной руки вѣчнаго главы государства,—оба поименованныя дворянства жалуются что дворянское достоинство почти ежедневно присвоется не только Правительствующимъ Сенатомъ, но и государственнымъ коллегіями, дивизионными командирами и вообще „чинится по разнымъ правительствамъ и отъ генералитета“, тогда какъ возведеніе въ дворянство требуетъ несравненно болѣе заслугъ чѣмъ заслуги офицерскія, и признаніе таковыхъ должно исходить отъ монаршей власти, а не отъ представленія начальства или выслуги лѣтъ. Отсюда въ наказахъ указаніе на случаи что въ дворянство вступаютъ лица которыя ничѣмъ своего права на дворянское достоинство доказать не могутъ, ибо никогда въ это званіе отъ коронованной особы возведены не были и диплома за подписью государя не имѣютъ; а между тѣмъ владѣютъ деревнями, чрезъ что въ настоящихъ дворянскихъ фамиліяхъ число деревень

уменьшается, а являются оны въ тѣхъ родахъ которые ни по чему къ дворянству не принадлежатъ, что и причислеть неудовольствіе дворянству. Оба названныя уѣздныя дворянства доказываютъ что вышеуказанныя двѣ статьи Табела о Рангахъ на практикѣ оказываются другъ друга взаимно исключаящими. Сверхъ того, Луковское дворянство, равно какъ и Тульское, полагаютъ необходимымъ выбрать повѣренныхъ изъ дворянъ, съ жалованьемъ отъ дворянства, для обхода и засвидѣтельствованія всѣхъ дворянскихъ имѣній, во избѣжаніе впредь всякихъ неправильностей владѣнія деревнями. Наконецъ, Тульское, Коломенское и Каширское дворянства просятъ, въ своихъ наказахъ, чтобы должности не только уѣздныхъ судей, но и градоначальниковъ и воеводъ съ ихъ помощниками, были выборныя отъ дворянъ. Такую мѣру дворянство сказанныхъ уѣздовъ считать необходимою ради искорененія лихоимства и исполненія правосудія по законамъ, ибо, выражается Тульское дворянство, „даже и до церковнаго дьячка и кабацкой головы, безъ одобренія честныхъ людей, никто допущенъ не бываетъ противъ дворянства, которое всякое правленіе на него наложенное съ крайнимъ огорченіемъ спосить принуждено было.“ Сообразно съ этимъ, Тульское дворянство находитъ полезнымъ самое названіе воеводъ и подъячихъ замѣнить именами, дабы чрезъ то „и память многихъ бывшихъ въ семъ санѣ нарушителей благоденствія загладить“.

Познакомившись съ прочтанными въ главной Комиссіи законами о дворянствѣ и съ наказами относительно дворянскихъ правъ, обратимся къ ихъ критическому разбору въ сѣданіяхъ Комиссіи и къ тѣмъ заключеніямъ которыя перешли въ Дирекціонную подкомиссію для составленія проекта закона о дворянствѣ. Первымъ подавшимъ письменное мнѣніе, собственно о дворянскомъ достоинствѣ, былъ депутатъ отъ Елецкаго дворянства, Василій Бибииковъ. Указавъ на ст. XXI ст. 47 Уложенія, гдѣ говорится о попыткѣ, въ случаѣ поговора, сначала производимой надъ крѣпостными людьми, потомъ и надъ самимъ дворяниномъ, авторъ мнѣнія составляетъ этому узаконенію ст. 360 Екатерининскаго закона что „дворянство есть нарицаніе въ чести“, и отсюда вводитъ неизбежность постановленія чтобы дворянское ни какому поруганію не могло быть подвергаемо. Если

же, говорить авторъ, „чего избави Боже“, дворянинъ заслужить справедливаго наказанія, то таковой, какъ недостойный быть подъ защитой дворянскаго достоинства пріобрѣтеннаго заслугами его предковъ, „уже самъ себя лишилъ этого преимущества и сдѣлаася чуждымъ своему званію“. Въ такомъ же смыслѣ высказался въ послѣдствіи и депутатъ отъ Бѣжецкаго дворянства, Маркъ Рыкачевъ, который объявлялъ что дворянинъ есть лицу находящееся при дворѣ государевомъ, указывалъ на важность этого званія и предлагалъ исключать безчестнаго дворянина изъ сословія и лишать сообщества съ честными людьми; но, оговорился овъ, дѣти и потомки такого недостойнаго дворянина должны оставаться, по ихъ состоянію, безъ нареканія. Далѣе, въ своемъ приведенномъ выше мѣтвіи, депутатъ Василій Бибииковъ усиливался доказать что Табелю о Рангахъ вовсе не дается легкаго права на пріобрѣтеніе дворянскаго достоинства, ибо послѣдующимъ указомъ 31 января 1724 года запрещено производить въ секретари не изъ дворянъ; а затѣмъ хотя въ п. 14 Табели указано какъ производить въ юнкера, но въ 36 главѣ Регамента повелѣно дворянъ употреблять въ юнкера. Этими, думаетъ Василій Бибииковъ, пресѣкается возможность разнчинцамъ получать офицерскіе чины или достигать дворянскаго достоинства, которое заслуживается только чрезъ мѣтвіе вѣка пролитіемъ крови на службѣ государю и отечеству. Что же касается прямаго смысла указовъ которые жалованнымъ на военной службѣ въ оберъ-офицерскій рангъ повелѣваютъ быть дворянами, то Бибииковъ предполагаетъ что такое распоряженіе было временною мѣрою для привлеченія служащихъ въ войско въ теченіе тяжкой и долговременною Шведской войны, что и старается подтвердить разъ приводимымъ уже и въ наказахъ и исключаяющимъ еще право выслуги дворянскаго званія 16 пунктомъ Табели, гдѣ говорится что кромѣ коронованныхъ лицъ кто не имѣетъ права жаловать гербовъ и латентовъ въ дворянство. Поэтому Василій Бибииковъ предлагаетъ Комиссіи принять надлежащія мѣры для недопущенія бы отлучной какой заслуги постулатъ въ дворянское званіе тѣмъ „потемнѣть“ оное. Послѣ этого депутатъ отъ Ярославскаго дворянства, князь М. М. Щербатовъ, даетъ дру

оборотъ смыслау Петровской Табелѣ о Рангахъ, заявивъ что по тогдашнимъ обстоятельствамъ такое поощреніе было необходимо для привлеченія дворянъ къ службѣ;\* но что нынѣ, когда „Россійское дворянство, по единой любви къ отечеству и славѣ и по усердію къ своимъ монархамъ, достаточно наклонно и къ службѣ и къ наукамъ“, дарованное Петромъ I право должно отмѣнить. Дворянинъ, по убѣжденію оратора, есть такой гражданинъ государства „котораго при самомъ рожденіи отечество, какъ бы принимая въ свои обязанности, ему говорить: ты родилася отъ добродѣтельныхъ предковъ, ты же сдѣлавшій еще ничего мнѣ полезнаго, уже имѣешь знатный чинъ дворянина, поэтому ты болѣе чѣмъ другіе долженъ показать мнѣ и твою добродѣтель и твое усердіе. Тебя обязываютъ данными законами моими права, предшествующія твоимъ заслугамъ; тебя побуждаютъ къ тому дѣла твоихъ предковъ; подражай имъ въ добродѣтели и будешь мнѣ угоденъ.“ Князь Щербатовъ подтверждаетъ свои слова историческимъ примѣромъ изъ „политики Римлянъ“, простиравшіеся до того „что они приписывали начало знатныхъ родовъ своимъ“,—въ этомъ мѣстѣ, по напечатанному и вычеркнутому слову *богамъ*, надписано рукою князя: *героямъ*. „Самый естественный разсудокъ убѣждаетъ, какъ то признаютъ и всѣ лучшіе писатели“, продолжаетъ ораторъ, „что честь и слава наиболѣе дѣйствуютъ въ дворянскомъ сословіи; поэтому сіи качества имѣютъ большое вліяніе на тѣхъ кто почти съ самаго рожденія своего слышатъ о славныхъ дѣлахъ своихъ предковъ, видятъ ихъ изображенія, вспоминаютъ тѣ подвиги коими они прославились, — чѣмъ на тѣхъ кто смотрѣли на отцовъ своихъ, дослужившихся до первыхъ чиновъ по старшинству своему или по проискамъ, а не по отличнымъ заслугамъ, не видятъ ничего такого что могло бы склонять ихъ къ славнымъ дѣламъ, а имена предковъ ихъ скрываются уже во тьмѣ“. Далѣе князь Щербатовъ указываетъ что разсудинецъ, „безъ разсмотрѣнія его поступковъ и мыслей“, зная что полученіе офицерскаго чина зависитъ

\* Известно однако что до Петра III служба для дворянъ была тѣловою повинностью, такъ что участвующихъ недорослей изъ дворянъ, въ тѣ же времена Петра I, приказано было насильно брать и отсылать въ военную коллегію (указъ 1723 года). *Аст.*

отъ власти начальника, не откажется льстить его страстямъ или употреблять другіе низкіе способы для свисканія его благоволенія; а выйдя въ дворянство, стремится только приобрести себѣ имѣніе, не отвергая для этого никакого пути ведущаго къ желаемой цѣли, и отсюда порождается издѣиство, хищеніе и всякое подобное зло. Вслѣдствіе того, князь Щербатовъ предложилъ Коммиссіи слѣдующій проектъ положенія: 1) Никто изъ разnochинцевъ не можетъ вступать въ дворянство иначе какъ монаршею властью. 2) Дворяне имѣютъ преимущественное право служить отечеству. 3) Дворянинъ, безъ лишенія дворянскаго званія, не можетъ подвергаться наказанію (какъ сказано по воинскимъ процессамъ, части второй, глава VI п. 10 относительно пытки). 4) Послѣ ку дворянство отъ чести происходитъ и честью держится, то и непристойная брань и руганіе дворянина должны быть воспрещены закономъ. 5) Право владѣнія деревнями, обязывая дворянина собственною его пользою къ службѣ отечеству, есть первый способъ содержать себя въ мѣстахъ куда отечество заблагоразсудитъ его употребить. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же депутатъ энергически доказывалъ что такъ какъ „дворянство, по Екатерининскому Наказу, есть нарицаніе въ чести“, то такое наименованіе обязываетъ дворянъ служить государю и отечеству съ особливимъ усердіемъ, и для того воспитаніемъ своимъ стараться изготавить себя къ такой службѣ и къ управленію другими подданными своего монарха. Этимъ же объяснялъ онъ и происхожденіе крѣпостныхъ правъ дворянства: научаясь съ малолѣтства какъ управлять людьми, дворяне становятся способными къ управленію частями Имперіи и по своимъ обстоятельствамъ знаютъ всѣ нужды населеній государства.

Такое же высокое понятіе о дворянствѣ, на основаніи того же Екатерининскаго опредѣленія, высказалъ въ одно изъ послѣдующихъ засѣданій депутатъ сребро-плавильнаго Барнаульскаго завода Иванъ Барышевъ. „Когда дворянство основано на такомъ высочайшемъ правилѣ, сказалъ онъ, и когда къ достиженію сего достоинства опредѣлены средства искусство въ военныхъ дѣлахъ и правосудіе во время мира то уже всякому ясно что дворянство можетъ навсегда себѣ присвоить непреоборимое право называться подлорою и крѣпостью всего государства. Это есть, по справедливости, ихъ



хребтъ и чрезъ то государство получаетъ первое свое удовольствіе.\*

Въ подобномъ же смыслѣ высказались многіе изъ депутатовъ, не рѣдко указывая начало своего сословія отъ царствующихъ родовъ. Депутатъ отъ Казанскаго дворянства Петръ Есиповъ находилъ оскорбительнымъ для верховной власти если начальники, такіе же подданные царя, могутъ разлазывать дворянскія права; а муромскій депутатъ Иванъ Чедаевъ поставилъ на видъ Коммиссіи что дворяне не только не требуютъ побужденія къ службѣ, но считаютъ презрѣнія достойными тѣхъ кто не употребляетъ себя на служеніе отечеству; почему, полагаетъ онъ, и нужно прекратить столь легкій способъ къ достиженію дворянскаго достоинства. Онъ находитъ что всего вреднѣе мелкость, то есть бѣдность дворянъ, которая всегда будетъ причиною гудаго воспитанія дѣтей, а между тѣмъ только познанія въ наукахъ могутъ дать полезныхъ высшихъ гражданскихъ сановниковъ и искусныхъ военачальниковъ; съ другой же стороны, нужда чиновниковъ побуждаетъ ихъ къ разнымъ неправильнымъ и недозволеннымъ законами способамъ для обезпеченія себя подъ старость. Къ этому мнѣнію отчасти присоединилось болѣе десяти дворянскихъ депутатовъ; а депутатъ отъ Оболенскаго дворянства, Михаилъ Глазовъ, со свойственною ему рѣзкостью, объяснилъ какъ находящіяся въ подлкахъ не-дворяне показывали за собою деревенскихъ никогда не имѣли, ибо знали что вѣрныхъ справокъ томъ не дѣлалось; какъ обманно многіе приписывались къ какимъ фамиліямъ; какъ подкулали мотовъ и иныхъ лодыжскихъ людей подписывать свидетельства что состоятъ съ нимъ въ близкомъ родствѣ: законъ же никакихъ огражденій противъ сего не даетъ.

Затѣмъ депутатъ отъ города Енисейска, Степанъ Самойловъ, указавъ что по завоеваніи Сибири было узаконено для какихъ городовыхъ службъ въ этой странѣ быть дѣтямъ арскимъ, и затѣмъ представивъ доказательства какъ тяжела тамъ тягостна и мало поощряема, онъ ходатайствовалъ объ уравненіи правъ сибирскихъ дворянъ съ русскими, чемъ заявилъ что первые не удовольствованы землями, и смотря на то, получаютъ жалованья менѣе чѣмъ въ Россіи. Мнѣніе это въ послѣдствіи было разъяснено сибирскимъ

губернаторомъ Денисомъ Ивановичемъ Чичеринымъ, который указалъ что въ Сибири дипломированныя дворяне именуются царедворцами, а производство въ чины дѣлается такимъ образомъ: рядовой казакъ за хорошіе поступки жалуются въ званіе сына боярскаго, потомъ и въ званіе дворянина, которое однако не переходитъ въ его потомство. Если же кто оказывалъ отъѣнные заслуги, то таковой награждался отъ Правительствующаго Сената оберъ-офицерскимъ чиномъ. Поэтому губернаторъ предложилъ собранію: не слѣдуетъ ли сибирскихъ дворянъ, какъ несходственныхъ съ русскими, переименовать въ комиссаровъ, а находящихся между ними дипломированныхъ русскихъ дворянъ внести въ списки къ производству по статской линіи, но съ тѣмъ чтобы комиссары не могли имѣть преимущества предъ служащими по линіи статской. Затѣмъ производство въ уѣздные комиссары предоставить губернаторамъ, а въ губерскіе не будетъ ли лучше оставить на благоусмотрѣніе высшаго правительства?

Еще прежде этого разъясненія, выступилъ съ возраженіемъ на мнѣніе депутата Самойлова князь Щербатовъ, указавъ кратко что въ Сибири, для служебной нужды, было повелѣно воеводамъ жаловать изъ казаковъ въ дворяне и дѣти боярскія, какой обычай сохранился и лопытѣ во многихъ другихъ губерніяхъ: отсюда понятіе *сибирскій дворянинъ* иное чѣмъ русскій; это не есть состояніе, а чинъ, который отъ отца къ сыну не переходитъ. Доказывая что пожалованіе отъ воеводъ не можетъ почитаться наравнѣ съ потомственнымъ дворянскимъ званіемъ, что оно есть только одно имъ дворянское и что законъ притомъ ограничиваетъ число лицъ производимыхъ въ Сибири въ дворяне и боярскія дѣти, онъ предлагаетъ чтобы и въ Сибири учредить постоянный дворянскій корпусъ, что необходимо для устройства тамъ и рядочнаго управленія; но сбываясь на установившіеся порядки и забывъ собственное предложеніе объ отъѣннѣ права выслушать въ дворянство, князь Щербатовъ допускаетъ высочайшій дозволеніе тамошнимъ губернаторамъ жаловать дворянствомъ того кто будучи произведенъ въ офицеры самъ или имъ отца дослужившагося до офицерскаго чина, представлялъ аттестатъ что служилъ не менѣе 20 лѣтъ и никогда не подверженъ ни въ штрафахъ и ни въ какихъ неслучайныхъ дворянству поступкахъ не замѣчался. Въ Россіи сибирскіе дворянскіе должны считаться въ „высшей степени средни

людей" и только тогда можетъ быть признанъ вполнѣ принадлежащимъ къ дворянскому званію когда получить на оное дипломы отъ самой государыни. Вообще же для дворянъ въ Сибири, по мнѣнію князя Щербатова, требуется учредить въ главныххъ городахъ школы, откуда лучшихъ учениковъ, по ихъ желанію и съ согласія родителей, присылать въ Академію Наукъ и въ Университетъ. Соглашаясь съ мнѣніемъ князя Щербатова, Вереѣйскій депутатъ отъ дворянства Иполитъ Степановъ протестовалъ однако противъ правъ губернаторовъ на производство въ дворянское достоинство, такъ какъ оное, кромѣ самого государя, ни кѣмъ пожаловано быть не должно. Болѣе энергично возсталъ противъ мнѣнія князя Щербатова депутатъ отъ бергъ-коллегіи мюетнаго департамента Андрей Нартовъ, представляя непоследовательность въ приведенномъ отличіи сибирскаго дворянина отъ всероссійскаго, что значило бы понадѣлать дворянъ двухъ родовъ, тогда какъ дворянинъ долженъ быть вездѣ дворянинъ, и возведеніе въ такое достоинство причествуетъ только одному государю.

Депутаты отъ одноворцевъ Елецкой провинціи Михаилъ Давыдовъ и Тамбовской провинціи Василій Веденевъ, ссылаясь на отмѣну мѣстничества въ 1682 году, просили собраніе узаконить чтобы всякій кто можетъ доказать дворянство своей фамиліи, не былъ лишенъ его и чтобы съ этою цѣлью было распубликовано отъ Правительствующаго Сената о явкѣ желающихъ доказать родъ своихъ предковъ въ принадлежащее мѣсто и въ опредѣленный срокъ, съ тѣмъ чтобы явившіеся или не представившіе ясныхъ о дворянствѣ доказательства были уже навсегда оставлены въ одноворческомъ мѣстѣ и отъ нихъ впредь объ этомъ предметѣ прошеній больше не принималось. Обращаясь затѣмъ къ чиновникамъ которые ревностно и безпорочно служили и потомъ чрезъ выходъ въ отставку лишились средствъ пропитанія къ старости, депутатъ Давыдовъ полагаетъ необходимымъ или дозволить имъ покулку недвижимыхъ имѣній если они на то способны, или опредѣлить имъ пенсіонное жалованье, а дѣла ихъ обучать грамотѣ на счетъ судебныхъ мѣстъ гдѣ они служили; депутатъ Веденевъ, съ своей стороны, предлагаетъ опредѣлить число лѣтъ за которое было бы даваемо гражданіе чиновъ и пенсіей.

Этотъ косвенный намекъ на удержаніе права выслуги

дворянства тотчасъ же вызвалъ и прямую поддержку Петровской Табелѣ о Рангахъ. Депутатъ Гадецкаго, Миргородскаго и Полтавскаго полковъ отъ шляхетства, Николай Мотовильскій, представилъ въ Коммиссію мнѣніе, начинавшееся общимъ разсужденіемъ что всякое поколѣніе дворянъ имѣеть свое начало, съ тѣмъ только различіемъ что одно получило его ранѣе, другое позже; что дворянство не можетъ и не должно пріобрѣтаться только воинскою заслугой, ибо и самая война предпринимается ни для чего иного какъ для мира, а „миръ управляетъ государствомъ и его содержитъ“. Затѣмъ, пародируя рѣчь князя Щербатова, ораторъ обратился къ собранію съ такими восклицаніями: „Итакъ, отечество рожденному отъ дворянскаго колѣна младенцу по справедливости можетъ сказать: Вѣдай что я требую отъ тебя не одного воинскаго искусства; вѣдай что миръ составляетъ мое благосостояніе... Я ожидаю отъ тебя во время войны и мира такихъ знатныхъ дѣлъ, которыя потребны къ моему сохраненію.... но если ты отречешься ихъ совершить, то у меня есть самодержица... у которой великое число дѣтей не дворянъ еще. Они гражданскими добродѣтелями и разными своими заслугами получаютъ отъ нея по справедливости и себѣ ту степенъ которой предки твои достигли такимъ же образомъ. Никто ихъ подлыми да не называетъ! Подлаго у меня нѣтъ никого! Земледѣлецъ, мѣщанинъ, дворянинъ, всякій изъ нихъ честенъ и знателъ трудами своими, добрымъ воспитаніемъ и благонравіемъ. Подлы тѣ только кто имѣють дурныя свойства, производятъ дѣла противныя закону... нарушающіе общее спокойствіе и наконецъ тѣ кто не радѣя о моемъ благъ жизни свою препровождаютъ праздно.“ Все это говорю я, прѣдлагаетъ ораторъ, дабы показать что узаконенія Петра Великаго не для того надо отмѣнять что не дворяне не могутъ быть такъ воспитаны какъ дворяне, что они скорѣе склонны къ порокамъ или что чрезъ возведеніе въ дворянство развѣчивающіе дворянскіе роды будутъ приходиться „въ мелкость и убожество“. Но тѣмъ кто разсуждаютъ нуженъ ли и мнѣннй законъ, подлежитъ прежде войти въ положеніе того государства: если окажется что дворянства въ Россіи достаточно и получающіе оное посредствомъ пожалованія чинъ „въ тягость государству не бывають“, то прекратитъ злоупотребленіе и „учредивъ неизмѣнный порядокъ“ нуж

или вовсе удержать этотъ законъ, или сохранить его хотя на некоторое время. Слѣдомъ за этимъ депутатомъ кратко отозвался депутатъ Бахмутскаго и Самарскаго гусарскихъ полковъ, Михаилъ Тонковичъ, что Петръ Великій постановилъ законы для пользы отечества, поэтому ихъ надо оставить верушимыми; а депутатъ Терскаго войска, Никита Мионовъ, прямо заявилъ что Россійское дворянство чтиться должно не по роду, а по рангу.

Еще рѣзче высказался въ этомъ смыслѣ депутатъ отъ города Рузы, Иванъ Смирновъ, утверждая что наследники не могутъ пользоваться трудами своихъ отцовъ безъ личныхъ своихъ заслугъ, ибо ранги и чины даются не по наследству, а дослужившимся лицамъ, почему онъ и предлагаетъ слѣдующее: 1) Возведеніе въ дворянское достоинство установить черезъ право личной выслуги изъ лицъ всѣхъ званій; 2) законамъ должны быть равноправны для всего народонаселенія, а дворянина сдѣлавшаго проступокъ не только исключать изъ дворянства, но лишать и иныхъ преимуществъ всѣхъ местныхъ гражданъ; 3) потомки дворянъ наследуютъ имуществу отцовъ; 4) степенью чиновъ распространяется и дворянское достоинство на дѣтей, а если кто изъ нихъ не окажетъ достаточно ревности въ своемъ званіи и самъ не возобновитъ оное, то лишается дворянства; 5) отступившій отъ предковъ въ степеняхъ чиновъ, настолько же отступаетъ и отъ дворянскаго достоинства; 6) благородство наше должно образовывать одно тѣло изъ всего народа, не разорванное на противоборствующія сословныя части. Тѣ же мысли поддерживалъ и депутатъ Екатеринбургской провинціи отъ дворянства и Донецкаго полка, Андрей Руновскій, находя что выслуга дворянскаго званія сообразна съ правилами Екатерининскаго Наказа и что все старинное дворянство имѣетъ такое же происхожденіе отъ службы его предковъ; а депутатъ отъ дворянства Изюмской провинціи, Иванъ Зарудный, рѣчью своею о самовластвѣ правъ Петра I установить оспариваемый законъ и о несправедливости лишать дворянства тѣхъ кто приобрѣли оное этимъ способомъ, увлекъ къ соглашенію со своимъ мнѣніемъ до пятнадцати депутатовъ отъ города и до девяти отъ различныхъ полковъ и крестьянъ.

Тогда собраніе видимо распалось на два лагеря: въ одномъ преобладали высшее дворянство, въ другомъ чинами

сословія съ мелкими дворянами во главѣ, и пренія стали доходить до раздраженія. Между тѣмъ, депутатомъ отъ дворянъ Елисаветградскаго полка, Васильемъ Михаличемъ, было предложено, на основаніи изданныхъ съ 1711 года дипломовъ иностранцамъ, уравнивать и всѣхъ иностранныхъ дворянъ живущихъ въ Россіи съ русскимъ дворянствомъ.

Въ промежуткахъ этихъ споровъ, депутатъ отъ Каширскаго дворянства, Осиль Кожинъ, напоминая заслуги дворянъ въ царствованіе Петра Великаго, состоявшія между прочимъ въ томъ что они на свой счетъ отправляли дѣтей въ чужіе края для изученія воинскаго искусства, иностранныхъ языковъ, математики и другихъ наукъ, указалъ что на дворянъ, кромѣ обязанности служенія своему отечеству, лежитъ еще обязанность совершенствоваться въ наукахъ, и что въ этомъ обязано содѣйствовать бѣдному дворянству все населеніе государства; а депутатъ отъ однодворцевъ, Тамбовской провинціи, Василій Веденеевъ, разсуждая о законѣ по которому дворянинъ долженъ отдавать почеть и первое мѣсто каждому оберъ-офицеру, замѣтилъ что этого не исполняло никогда, да и впредь исполнять это было бы болѣе вреднымъ чѣмъ полезнымъ; но что, по его мнѣнію, дворянинъ никому долженъ дѣлать обиды ни словомъ, ни дѣломъ, и тогда только можетъ дойти государство до того что никакой гражданинъ въ ономъ не будетъ бояться другаго, а всѣ будутъ бояться только однихъ законовъ. Что же касается до закона о обученіи наукамъ дѣтей дворянскихъ, приказныхъ, дьячихъ и подъячихъ, то Веденеевъ, вполне одобряя эту мысль, разлилъ желаніе чтобъ и никому, къ какому бы званію кто принадлежалъ, не прелатствовать провѣщать свой разумъ, каковой отъ Господа Вседержителя всему роду не скрытъ, но что слѣдовало бы къ этому, напротивъ, приложить все бое поличеніе. Наконецъ, депутатъ отъ города Мензелина Иванъ Кузнецовъ, доказывая что дворянское достоинство должно опираться на образованіи, заявлялъ что издревле жившіе въ полкахъ отставные драгуны и солдаты при ставкѣ обзываются реверсомъ обучать дѣтей грамотѣ на свой счетъ помѣщать въ школы, а выучивъ наукамъ, поставятъ ихъ своимъ коштомъ въ военную службу. Повторяя доказывалъ онъ (опровергая мнѣніе депутата отъ Кавказскаго дворянства Петра Орлова что не слѣдуетъ офицерамъ

изъ природныхъ дворянъ командовать дворянами, состоящими въ высшихъ противъ нихъ классахъ), такое командованіе, при условіи образованія, нисколько не можетъ быть постыдно для природныхъ дворянскихъ дѣтей.

Всѣ эти пренія привели наконецъ депутатовъ къ заключенію о необходимости подраздѣленія дворянскихъ родовъ на классы, причемъ, какъ бы примирительнымъ мѣриемъ, были отъ нѣкоторыхъ дворянскихъ депутатовъ поданы предложенія чтобы тѣхъ оберъ-офицерскихъ и статскихъ чиновъ которые на основаніи прежде дѣйствовавшихъ законовъ уже получили чрезъ свое производство потомственное дворянство, оставить въ этомъ званіи навсегда; но впредь воспретить пользоваться правомъ дворянства и покупать деревни тѣмъ недворянамъ которые получаютъ на службѣ штабъ- и оберъ-офицерскіе чины. Депутатъ отъ Романовскаго дворянства, князь Николай Давыдовъ, поставилъ на видъ основанія дворянскаго достоинства принятыя въ цивилъ древнихъ государствахъ, и указалъ что у Римлянъ только де сенаторы и ихъ потомки признавались дворянами; у Фивянъ и Египтянъ достоинство де это сохранялось только въ древнихъ фамиліяхъ знатнаго рода; въ нѣкоторыхъ городахъ Азіи почитались дворянами только де лица имѣющія великое имя и большое богатство, а въ другихъ—происходящія изъ рода обладателей пространныхъ владѣній; что нѣкоторые достигали дворянства по особой къ нимъ склонности народа, что доводило ихъ однако до излишняго самовластія. Слѣдовательно, объяснилъ онъ, раздѣленіе государства на классы было у различныхъ древнихъ народовъ не одинаковое. Платонъ и Аристотель дѣлили де это сословіе на четыре класса, изъ коихъ къ первому относили происходящихъ отъ знатныхъ предковъ; ко второму—тѣхъ коихъ отцы были князья и вообще „могучіе люди“; къ третьему—тѣхъ коихъ предки прославились знаменитыми дѣлами; къ четвертому—тѣхъ которые происходятъ отъ людей показавшихъ „отмѣнную остроту и примѣрное великодушіе“. Къ этому присоединился еще пятый классъ изъ людей сдѣлавшихъ какое-либо новое и полезное открытіе въ области наукъ. Изъ этого онъ находитъ справедливымъ заключить что, согласно XV главы Екатери́нскаго Наказа, къ дворянскому роду у насъ слѣдуетъ отнести всѣхъ происходящихъ отъ такихъ предковъ которыхъ вѣрность государю, заслуги отечеству, ревность къ своему званію, добро-

дѣтель и справедливость, и наконецъ отмѣнное прилежаніе, извѣстны всему обществу. Отсюда въ Россіи дворянство должно составиться, по мнѣнію оратора: 1) изъ лицъ непосредственно происшедшихъ отъ царскихъ и владѣтельскихъ княжескихъ фамилій; 2) изъ лицъ отдѣлавшихся отъ тѣхъ же родовъ и содѣлавшихся издавна дворянскими; 3) изъ тѣхъ коихъ предки въ древнія времена, будучи на войнахъ и иныхъ важныхъ для отечества службахъ, имѣютъ неоспоримыя свидѣтельства о своемъ благородствѣ отъ царственныхъ предковъ ея величества и также изъ тѣхъ которые на степеняхъ дворянства возведены были дипломами отъ коронованныхъ особъ; 4) изъ тѣхъ которые происходятъ отъ лицъ вытѣхавшихъ съ царскими фамиліями, князей и дворянъ, и наконецъ, 5) дворянами признать всѣхъ тѣхъ чьи предки состояли въ чинахъ съ которыми по прежнимъ государственнымъ узаконеніямъ было сопряжено дворянское достоинство. По всѣмъ этимъ пяти дворянскимъ классамъ, для приведенія ссловія, одинъ разъ навсегда, въ надлежащій порядокъ, слѣдуетъ собрать, по мнѣнію оратора, безспорныя доказательства, какъ изъ документовъ хранящихся у самого нынѣшняго дворянства, такъ и изъ свѣдѣній какія сохранились въ архивахъ, изъ дипломовъ и жалованныхъ грамотъ на вотчины. Послѣднія, равносильно съ первыми, сами по себѣ уже могутъ служить прочными доказательствами дворянскаго рода, ибо вотчины всегда жаловались государями не иначе какъ за отличныя заслуги; но за всѣмъ тѣмъ, по всѣмъ симъ доказательствамъ, должно послѣдовать отъ императрицы особое утвержденіе, о чемъ и просить не только самъ депутатъ, но и все уполномочившее его дворянство Романовскаго уѣзда.

Изъ послѣдующихъ дневныхъ записокъ не видно чтобъ этотъ проектъ классификаціи разсматривался въ коммисіи.

Впрочемъ, извѣстный уже читателямъ депутатъ князь М. Щербатовъ еще прежде подалъ мнѣніе на тотъ первый пунктъ герольдмейстерской инструкціи въ которомъ предлывается отъ правительства имѣть тройкіе списки дворянамъ: генеральные, именныя и порознь по чинамъ, съ отмѣткой рожденія и смерти ихъ дѣтей. Указывая на то что несмотря на частыя подтвержденія о вѣрномъ содержаніи



этихъ списковъ, они все-таки ведутся невѣрно, онъ полагаетъ причиною тому несостоятельность самаго установленія почему и предлагаетъ: проектировать учрежденіе дворянскихъ собраній и должности дворянскихъ предводителей, въѣздъ въ чье-либо вѣдѣніе заставить де каждаго дворянина приписаться къ какому-либо городу; поручить предводителямъ присылать въ герольдію ежегодно вѣрное росписаніе о вновь родившихся, живившихся и умершихъ, включая въ то число и лицъ женскаго пола изъ дворянъ, ради предупрежденія поддѣлокъ въ родословныхъ по женскому колѣну. Вслѣдъ за тѣмъ депутатъ отъ Ростовскаго дворянства Федоръ Языковъ предложилъ собранію: 1) учинить общее разсмотрѣніе всѣмъ дворянскимъ фамиліямъ; 2) поставить въ обязанность герольдіи имѣть книгу въ которую вносить всѣ дворянскія фамиліи-пожалованныя этимъ достоинствомъ по Высочайшей власти за ихъ отличныя заслуги; 3) отдѣлить одну часть дворянства отъ другой и не позволять никому безъ царскаго диплома вступать въ званіе дворянина, покупать деревни и вообще пользоваться дворянскими правами, и 4) поэтому, полагаетъ ораторъ, кажется не слѣдовало бы и фабрикантамъ позволять имѣть деревни.

Кромѣ этихъ двухъ заявленій, также оставшихся безъ подробнаго обсужденія, въ дневныхъ запискахъ, кромѣ поверхностныхъ указаній, ничего не отмѣчено относительно дворянской организаціи, хотя въ наказахъ отъ дворян подробнѣе и настоятельнѣе всего поручалось депутатамъ ходатайствовать о развитіи выборнаго начала въ дворянскомъ сословіи. Что же касается общественнаго или земскаго судоустройства, о которомъ будетъ говорено подробно въ своемъ мѣстѣ, то интересно прослѣдить отношенія различныхъ сословій къ верховствующему въ государствѣ дворянскому. Депутатъ отъ главнаго магистрата, Николай Дурасовъ, обсуждая жалобы Каргопольскихъ государственныхъ крестьянъ на неудовлетворительность существующаго у нихъ судоустройства, предлагалъ чтобы частная коммиссія *по правосудію* внимательнѣе разсмотрѣла этотъ важный вопросъ и изыскала бы способы къ устраненію существующихъ затрудненій, что по мнѣнію оратора возможно лишь посредствомъ особой организаціи уѣздныхъ судей или комиссаровъ, которые, подобно магистратамъ, производили бы во всемъ уѣздѣ словесный судъ.

Еще яснѣе выразился въ этомъ случаѣ депутатъ отъ

города Новой Ладоги, купецъ Иванъ Кабацкій, который, даже не указывая на потребность особаго магистратскаго суда, находилъ полезнымъ устройство краткаго словеснаго суда, производство коего онъ проектируетъ возложить „на оберъ-офицеровъ изъ дворянъ, которымъ и оставаться въ этой должности по три года, опредѣливъ имъ за сіе пенсію или жалованье и снабдивъ ихъ инструкціями“. Другой городской депутатъ отъ города Карачева, Яковъ Никудинъ, на прочитанный наказъ жителей Арской и Насайской дорогъ, Казанскаго уѣзда, предложилъ „для разбирательства ихъ домашнихъ дѣлъ, вмѣсто суда по формѣ, учредить словесные суды, опредѣливъ къ нимъ, по станамъ и водостямъ, комиссаровъ изъ отставныхъ офицеровъ, и для лучшаго свѣдѣнія о состояніи края присоединивъ къ нимъ по два человека отъ мѣстныхъ жителей по выбору сихъ послѣднихъ“. Съ другой стороны, той же Казанской провинціи депутатъ отъ Вотяковъ, Борисъ Ивановъ, одобряя учрежденіе словесныхъ судовъ, находитъ однако неудобнымъ опредѣлять на судейскія должности дворянъ или особыхъ комиссаровъ, какъ потому что это поведетъ къ лишнимъ расходамъ на жалованье отъ государства, тогда какъ судьи изъ крестьянъ должны оставаться на мірскомъ коштѣ такъ и потому что, по мнѣнію депутата, дворяне и чиновники-комиссары „будутъ поступать по своимъ обычаямъ, требуя подвозъ, свѣстныхъ приласовъ и пр.; крестьянъ же спорить не посмѣетъ, а если и станетъ что говорить противъ то они начнутъ его бить за то что онъ будто не учтивого ворить“. Притомъ же, добавилъ ораторъ, многіе изъ ивородцевъ, крещеныхъ и не-крещеныхъ, не зная русскаго языка должны будутъ, въ этомъ случаѣ, нанимать толмачей.

Затѣмъ, всѣ прочіе депутаты не поддерживали и не поручали многочисленныхъ предложеній въ дворянскихъ наказахъ о выборахъ изъ дворянъ судейскихъ комиссаровъ для уѣздовъ.

## V.

Вопросы о торговомъ сословіи. — Законы о купечествѣ. — Сужденія о купеческихъ привилегіяхъ. — Законы о мѣщанствѣ. — Обоюдный вопросъ о среднемъ сословіи. — Укломеніе торговаго сословія отъ служебной повинности.

Чтенію законовъ о купечествѣ было посвящено 33 засѣданія, а съ обсужденіями замѣчаній по сему предмету потребовалось всего 46 засѣданій, въ теченіе коихъ депутаты ознакомились и высказались: о магистратахъ и ратушахъ, о правахъ купечества, о словесномъ судѣ въ торговыхъ дѣлахъ, о службѣ купцовъ, о запискѣ въ купечество и о сборѣ повинностей, о запискѣ мастеровыхъ и ремесленниковъ въ цехи, о сборѣ налога съ лавокъ, амбаровъ и прочихъ подобнаго рода заведеній, о торговлѣ на торжкахъ (базарахъ) и ярмаркахъ, о запрещеніи крестьянамъ и инымъ сословіямъ производить торговлю безъ записки въ купеческое званіе, о вексельномъ уставѣ, о таможенномъ судѣ, о продажѣ золотыхъ и серебряныхъ вещей съ клеймами и о торговлѣ харчевными припасами.\* Въ преніяхъ противоборствовали, по предмету права на торговлю, съ одной стороны депутаты отъ городовъ, съ другой — отъ крестьянъ и цвородцевъ; дворянскіе депутаты не рѣдко поддерживали крестьянъ, а отчасти и исключительность своихъ правъ, такъ какъ многіе изъ лицъ купческаго званія, за невозможностью, по ихъ словамъ, въ иныхъ мѣстахъ государства, въ особенности при фабрикахъ и заводахъ, имѣть наемныхъ людей иначе какъ съ большими безвозвратными потерями, происходящими отъ обмана и злоупотребленій со стороны рабочаго класса, настаивали на расширеніи, при цвѣтстыхъ условіяхъ, крѣпостнаго права надъ крестьянами для болѣе обширныхъ торговцевъ изъ купческаго сословія. Съ другой стороны, купческіе депутаты жаловались на тяготу отъ обязательныхъ

\* Въ этой главѣ разсматриваются лишь общія соображенія о значеніи торговаго сословія въ государствѣ; все остальное войдетъ въ послѣдующее изложеніе.

для нихъ по закону служебныхъ должностей, и въ то же время нѣкоторые изъ нихъ настаивали на расширеніи правъ и сопряженной съ оными службы, по вышней торговлѣ и по разбору крѣпостныхъ и вексельныхъ купеческихъ дѣлъ, которыя въ общихъ судебныхъ мѣстахъ, какъ они заявляли, ведутся крайне медленно и слѣдовательно убыточно для ихъ торговыхъ оборотовъ. Обширною программой по предмету расширенія вообще торговыхъ правъ въ государствѣ задался депутатъ отъ дворянства Любимскаго уѣзда Никифоръ Толмачевъ. Ссылаясь на 401, 402 и 403 статьи Екатериинскаго Наказа, въ которыхъ указывалось на пользу развитія цеховъ и на вредъ отъ ограниченія числа рабочихъ въ ремесленныхъ обществахъ, съ приведеніемъ причинъ и примѣровъ обогащенія европейскихъ городовъ, ораторъ совѣтовалъ не только для торговаго класса стремиться къ усиленію обученія мастерствамъ въ городахъ, вмѣстѣ съ русскою грамотой и ознакомленіемъ съ государственными узаконеніями, но и для лицъ всѣхъ сословій, включая въ то число и крѣпостныхъ помѣщичьихъ людей, конечно съ дозволенія ихъ владѣльцевъ. Далѣе онъ ратовалъ за распространеніе свободы и привилегій по торговлѣ на всѣхъ городскихъ мѣщанъ, съ переименованіемъ въ города тѣхъ большихъ селъ которыя находятся въ отдаленіи отъ признаваемыхъ и уже существующихъ городовъ и поэтому занимаютъ довольно обширную мѣстную торговлю. Онъ настаивалъ на учрежденіи магистратовъ и ратушъ въ такихъ селахъ, на переименованіи ихъ жителей въ званіе мѣщанъ и на устройствѣ тамъ цеховъ; для общихъ же купеческихъ дѣлъ полагалъ онъ таковыя провинціальныя судебно-коммерческія мѣста поставить подъ вѣдѣніе одного главнаго магистрата для Европейской Россіи и другаго для Сибири. Напротивъ того, депутатъ отъ Рыбнослободскаго (нынѣ городъ Рыбинскъ) купечества Алексѣй Половъ защищалъ модификацію купеческаго сословія, находя что мнѣніями о расширеніи купеческихъ правъ депутаты приготавливаютъ „большое отагощеніе для купечества, какъ будто оно вовсе не нужно для государства“. Подкрѣпляясь указами Петра Великаго, ораторъ особенно энергично настаивалъ на строжайшемъ запрещеніи вести какую бы то ни было торговлю лицамъ всѣхъ иныхъ званій кромѣ купеческаго.

Возражая на послѣднее мѣнѣе, депутатъ отъ Ярославскаго дворянства, князь М. Щербатовъ, укорялъ торговцевъ, въ чьихъ рукахъ по преимуществу должна быть вѣдшая торговля, что они допускаютъ въ нашихъ портахъ обогащаться иностраннымъ купцамъ, а сами никогда не посѣщаютъ портовъ иностранныхъ. Затѣмъ князь Щербатовъ очертилъ купеческія права и значеніе, какъ бы имъ слѣдовало быть, по его убѣжденію: 1) Дабы купечество не было стѣсняемо никакими другими званіями, оно должно быть подсудно выборнымъ изъ своего сословія судьямъ. 2) Каждый, какого бы званія ни былъ, если вступить въ торгъ или въ какое-либо купеческое обязательство, долженъ, также какъ купецъ, быть судимъ магистратомъ. 3) Дробная продажа, переводъ денегъ, содержаніе лавокъ, прилавковъ, погребовъ, герберговъ, кабаковъ — только не въ помѣщичьихъ мѣстностяхъ, отлукъ скупныхъ вещей и фабрики изъ сырыхъ матеріаловъ должны имъ же (купцамъ) принадлежать. 4) Должности браковщиковъ, маклеровъ, нотаріусовъ и прочія подобныя должны быть („какъ я полагаю,“ оговорился ораторъ) предоставлены купцамъ. 5) Такъ какъ не рѣдко слышно что купечество жалуется на претерпѣваемое имъ разстройство отъ разныхъ службъ, какъ-то: въ головахъ, выборныхъ, счетчикахъ и т. п., то и должно ихъ освободить отъ сихъ обязанностей. 6) Покупка земель и деревьевъ, а также людей, какъ причиняющая ущербъ земледѣлію, должна быть запрещена купцамъ, кромѣ земель и дворовъ внутри города или подъ заводы. 7) Содержаніе мореходныхъ судовъ и барокъ для перевоза товаровъ должно быть имъ оставлено, но если кто изъ помѣщиковъ можетъ загрузить барку своимъ хлѣбомъ, тотъ можетъ имѣть и свою барку, безъ права однако брать чужой хлѣбъ и пользоваться прибылью провоза. 8) Купечество въ каждомъ городѣ должно быть раздѣлено на три класса, и каждый изъ нихъ имѣть свой особый торгъ: купцамъ первой статьи предоставить оптовую и чужестранную торговлю, но могутъ они имѣть и собственныя лавки; купцы второй статьи могутъ пользоваться дробною продажей въ лавкахъ, а также и владѣть оными; купцы третьей статьи должны находиться въ прикащикахъ, сидѣльцахъ и повѣренныхъ и могутъ сидѣть въ прилавкахъ. 9) Всякіе откула или монополіи должны быть строго

воспрещены, а при виновныхъ откупахъ никто не имѣлъ бы права взять на откупъ цѣлый уѣздъ или городъ, но дѣлить таковыя на малыя части и отдавать въ разныя руки. Въ этомъ способѣ князь Щербатовъ находить пріумноженіе государственныхъ интересовъ, а прибыль, расходясь по многимъ рукамъ, послужила бы, какъ убѣжденъ ораторъ, къ обогащенію значительнаго числа купцовъ. Сверхъ того, по мнѣнію оратора, отъ этого распоряженія произойдетъ болѣе правильное обращеніе денегъ въ государствѣ и вѣрное поступленіе суммъ въ государственную казну, а богатые купцы, употребляющіе свои капиталы на откупа, употребятъ ихъ на внѣшній торгъ, что принесетъ неисчислимую пользу Россіи. Наконецъ, 10) имѣнія купеческія, для правильнаго хода торговли, должны быть освобождены отъ всякой конфискаціи кромѣ долговъ; а долги вексельные, въ случаѣ банкротства, должны имѣть преимущество предъ казенными долгами, но при этомъ банкроты, которые не докажутъ своей справедливости, должны быть неупустительно наказываемы. Взглядъ князя Щербатова былъ одобренъ болѣе чѣмъ десятью дворянскими депутатами; затѣмъ прямаго возраженія на эти перечисленія правъ торговаго сословія не было подано ни въ одно изъ послѣдующихъ засѣданій.

Нельзя не остановиться на своеобразныхъ заявленіяхъ, сдѣланныхъ въ разное время, относительно пожалованія купеческому сословію права ношенія шлагъ, при различныхъ условіяхъ. Депутатъ отъ города Серпейска Родіонъ Глишковъ, подавъ въ общее собраніе довольно обширное мнѣніе по разнороднымъ предметамъ, болѣе или менѣе касающимся торговли, заключалъ такимъ образомъ: „Нѣмцы, видя русскаго купца безъ шлага, оказываютъ ему пренебреженіе... Когда иностранный купецъ стоитъ съ русскимъ, то кажется какъ будто онъ стоитъ съ своимъ сагою и обращается съ нимъ свысока... и только потому что русскій купецъ безъ шлага, а слѣдовательно не имѣетъ чести. Пожалованіе русскому купечеству чести будетъ имѣть послѣдствіемъ прославленіе государства.“ На семъ основаніи онъ предлагаетъ установить этотъ знакъ отличія для фабрикантовъ и купцовъ первой гильдіи. Депутатъ отъ казаковъ Холерской крѣпости Андрей Алейниковъ, разсудивъ о мѣрахъ наказанія за нанесеніе какого-либо безчестія, заключаетъ свою рѣчь предложеніемъ чтобы купцамъ бы

повелѣно носить шлагы, „только не такія какія имѣютъ военно-служащіе“; а депутаты отъ города Бѣлозерска Дмитрій Шолошиновъ и отъ города Каргополя Иванъ Бѣлоусовъ подали сообща мнѣніе на законы о купечествѣ, состоящее исключительно въ томъ чтобы купцамъ сидящимъ въ магистратахъ и ратушахъ „до подозрѣнія“ быть на жалованьи и для отащія отъ прочихъ купцовъ носить шлагы. „Отъ этого, по мнѣнію сказанныхъ депутатовъ, можетъ послѣдовать съ одной стороны вѣщее усердіе въ исполненіи государственныхъ и гражданскихъ дѣлъ, а съ другой—больше почтенія и послушанія отъ согражданъ.“ Наконецъ, депутатъ отъ города Кронштадта, Иванъ Рыбниковъ, во мнѣніи своемъ, одобренномъ почти сорока городскими депутатами, защищая купечество отъ нареканій, дѣлаемыхъ княземъ Щербатовымъ, въ вѣрадрѣніи о вѣншей торговлѣ, жаловался что лица этого сословія не имѣютъ ни надлежащей свободы, ни достаточныхъ привилегій; но что именно требуется для удовлетворенія этихъ нравственныхъ потребностей купеческаго сословія; того никто изъ нихъ не указалъ, кромѣ развѣ вышеприведеннаго вошенія шлагъ.

Въ томъ же весьма обширномъ мнѣніи князя Михаила Щербатова, подаваемомъ противъ мнѣнія депутата Рыбной Слободы Алексѣя Полова, представлены были первымъ слѣдующія основанія къ устройству мѣщанскаго сословія: „1) мѣщанинъ отдѣленъ отъ купца; ибо хотя каждый житель города можетъ назваться мѣщаниномъ онаго, но это еще не составляетъ сословія мѣщанства. Поэтому считаю за нужное чтобы приняты были мѣры для его учрежденія, и полагаю что сословіе это можно составить изъ такихъ купцовъ которые не подойдутъ въ первые три вышеуказанные мною класса; 2) мѣщане, особо отъ тѣхъ классовъ, могутъ быть подраздѣлены еще на два класса: къ первому слѣдуетъ причислить живущихъ своими доходами, какъ-то: содержащихъ востояные дворы или отдающихъ свои дома въ наймы, имѣющихъ на своихъ земляхъ лавки, харчевни, кузницы, огородамъ и т. п.; второй же классъ будутъ составлять ремесленники. Всѣ они должны быть подъ общимъ магистратскимъ надзѣніемъ и принадлежащіе къ первому классу—имѣть много изъ своей среды членомъ магистрата. Если же кто въ мѣщанствѣ приобрѣтетъ значительный капиталъ и пожелаетъ записаться въ какой-либо классъ купечества, то мо-

жеть быть вписанъ въ тотъ къ которому по своему со-  
 стоянію можетъ принадлежать, и тогда уже будетъ пользо-  
 ваться кулеческимъ правомъ. Но кулечеству должно  
 быть воспрещено промышлять исчисленными выше мѣщан-  
 скими промыслами, развѣ только кулець согласится на  
 уплату податей вносимыхъ мѣщанствомъ. 4) Второй классъ  
 мѣщанъ, ремесленники, должны быть записаны въ цехи и,  
 кромѣ своего ремесла, могутъ пользоваться мѣщанскими  
 правами (?) 5) Они должны быть подвѣдомы своимъ цехо-  
 вымъ судьямъ по разнымъ ремесламъ. 6) Ежели который  
 изъ нихъ имѣетъ патентъ мастера, то хотя бы и не имѣлъ  
 собственнаго дома, долженъ не менѣе того, если воль-  
 ный человѣкъ (очевидно авторъ допускаетъ записку въ цехи  
 и крѣпостныхъ людей) считаться въ числѣ мѣщанъ и быть  
 избранъ въ цеховые судьи, какъ будетъ постановлено въ  
 учрежденіи о цехахъ. 7) Житель другаго города, пока въ мѣ-  
 щанство не приметъ, не можетъ пользоваться правами мѣ-  
 щанства того города. 8) Такъ какъ дворяне и купцы имѣ-  
 ютъ во владѣніи своемъ обширныя мѣста, отдають въ на-  
 емъ огороды, имѣють на своихъ земляхъ постоянные дворы  
 и такъ какъ подобныя промысла принадлежатъ къ мѣщан-  
 ству, то за оное, если не захотятъ отъ нихъ отказаться  
 они должны производить какую-нибудь плату въ пользу (мѣ-  
 щанскихъ) общинахъ." Но эта единственная попытка начертати  
 организацію отдѣльнаго сословія мѣщанъ осталась въ об-  
 щемъ собраніи какъ бы незамѣченною, ибо болѣе никто  
 не отдѣлялъ значенія купцовъ отъ мѣщанъ, и послѣднее  
 названіе рѣдко употреблялось въ рѣчахъ депутатовъ. Впро-  
 чемъ и князь Щербатовъ, въ послѣдующемъ своемъ мнѣ-  
 ніи, приводя ст. 359 Наказа, гдѣ говорится что въ го-  
 родахъ обитають мѣщане которые упражняются въ реме-  
 слахъ, торговлѣ, художествахъ и наукахъ, выводитъ изъ  
 этого текста заключеніе что мѣщане, *между которыми*  
 говорить онъ, *считаются и купцы*, должны имѣть выше  
 описанныя упражненія, и производить ихъ самолично,  
 не чрезъ невольныхъ людей. И очевидное стремленіе Ек-  
 терины II создать особое *среднее сословіе*, въ подражаніе  
 французскому tiers-état, потерпѣло фіаско даже въ пред-  
 яхъ депутатовъ. Посвятивъ особую главу, въ своемъ зна-  
 митомъ Наказѣ, на опредѣленіе *средняго рода* людей, Ек-  
 терина II начинается ее ссылкою на предыдущую статью



приведенную княземъ Щербатовымъ, объ упражненiяхъ мѣщанъ въ ремеслахъ, торговлѣ, художествахъ и наукахъ, и сопоставляетъ значенiе дворянства „какъ нарицанiе въ чести“, значенiю среднихъ людей, основанному на добронравiи и трудолюбii. Затѣмъ въ 381 и 382 статьяхъ говоритъ что всѣ недворяне, выходящiе изъ училищъ вмѣстѣ съ дѣтьми приказныхъ, должны составлять тотъ третiй родъ для котораго императрица открываетъ въ Коммиссiи „только дорогу къ разсужденiю о немъ“. Но депутаты не вступили на указанный имъ путь, напротивъ, усиливались привлечь къ ремесламъ и крѣпостныхъ людей, не освобождая ихъ отъ крѣпости. Право же торговли, хотя кулечество и усиливалось сохранить его исключительно за собою, дворянство, совокупно съ депутатами низшихъ сословiй, стремилось при извѣстныхъ условiяхъ расширить и на иныя сословiя. Наконецъ, художества и науки не только не презирались лицами высшаго сословiя, но именно они дворянствомъ были выставляемы своею прерогативою, а лицами прирожденнаго Русскому народу средняго, торговаго, сословiя требовались къ распространенiю на все населенiе, „ибо разумъ отъ Вседержителя не скрытъ для всего рода человѣческаго“. И такъ политическая форма раздѣленiя народа не только не встрѣтила сочувствiя въ коммиссiи, а прямо была не признана ею въ своемъ основанiи, или лучше сказать оставлена депутатами безъ вниманiя, не взирая на глубокое благоговѣнiе ихъ къ Екатери́нскому Наказу.

Съ другой стороны, депутаты отъ городовъ, какъ представители по преимуществу торговаго класса, упорно отстаивали освобожденiе кулечества отъ служебной повинности: въ пренiяхъ по этому поводу слышалось постоянное уклоненiе высшаго кулечества даже отъ магистратскихъ должностей. Такимъ образомъ, въ виду общаго требованiя усиленнаго развитiя коммерческихъ судовъ, въ которыхъ неизбѣжна выборная служба лицъ кулеческаго званiя, депутатъ отъ города Елифави Александръ Свѣтушкинъ жалуется что купцы часто уклоняются отъ службы въ магистратахъ, и „состоящiе на очереди“ нерѣдко по просьбамъ ихъ освобождаются обществами, а за нихъ постулають кандидатами прикащики, состоящiе въ своихъ должностяхъ съ дозволенiя магистратовъ и ратушъ, следовательно этимъ самымъ уже освобожденные отъ обязанности нести гражданскую службу.

Принимая же на себя служебныя должности, они бросают свои прикащичьи мѣста, въ явный ущербъ для хозяевъ. Вслѣдствіе этого онъ предлагаетъ для сохраненія строгаго порядка въ очереди, разрѣшить лицамъ купеческаго званія свободно поступать въ прикащики и съ дозволенія магистратовъ и ратушь и безъ ихъ дозволенія, но съ тѣмъ чтобы получившихъ дозволеніе отнюдь къ гражданской службѣ отъ прикащичьихъ мѣстъ до срока, на какой наняты, не отвлекать, а поступившихъ къ мѣстамъ безъ особаго отъ магистратовъ дозволенія въ случаѣ требованія оныхъ немедленно увольнять отъ частной должности, хотя бы принятой ими по запискамъ или контрактамъ, и безъ отговорокъ опредѣлять на выборную службу. Но депутатъ отъ города Балахны Сидоръ Щепельниковъ, отвергая пользу отъ особыхъ магистратскихъ дозволеній на поступленіе въ прикащики, полагаетъ что каждый представившій увольнительный паспортъ на отъѣздъ или засвидѣтельствованный въ присутствіи ономъ мѣстѣ кредитъ отъ своего хозяина, какъ уже допущенный этимъ самымъ къ найму въ прикащики или судѣльцы, долженъ быть освобожденъ отъ обязанности исправлять общественную службу и ни къ какимъ городскимъ дѣламъ не отлучаемъ. Разсуждая же объ установившемся обычаѣ выбирать на общественныя должности поочередно изъ первостатейныхъ, среднестатейныхъ и меньшестатейныхъ купцовъ, онъ протестуетъ противъ разрѣшенія только однимъ „знатымъ и пожиточнымъ“ купцамъ представлять вмѣсто себя на службу другихъ лицъ изъ купечества (указъ 28 іюня 1731 года); и требуетъ чтобы это право было распространено на всѣхъ купцовъ безъ исключенія, и притомъ не иначе какъ по согласію замѣстителя, съ тѣмъ чтобы въ случаѣ какого либо ущерба и происшедшаго отъ этого вачета, отвѣтственнымъ лицомъ былъ тотъ кто вмѣсто себя поставилъ другое лицо на службу. Что же касается вообще до обязательной служебной повинности купцовъ, то депутатъ отъ города Рязка Иванъ Ефимовъ заявилъ что русскимъ купцамъ вѣтъ бѣльшаго помѣшательства въ веденіи торговли какъ служба при казенныхъ сборахъ; ибо купецъ находившійся безотлучно годъ въ службѣ обязанъ еще быть года два болѣе при отдачѣ отчета. „Наиболѣе же, говоритъ онъ, отощено купечество тѣмъ что во многихъ городахъ вовсе нѣтъ купцовъ, или если и есть, то не пользуются довѣріемъ, и въ такіе города опредѣляютъ на службу къ казенному сбору и

другихъ дальнихъ мѣсть.“ А потому онъ полагаетъ „узаконить чтобы въ городахъ гдѣ вѣтъ купечества опредѣлять ко всякимъ сборамъ изъ отставныхъ оберъ-и унтеръ-офицеровъ и другихъ чиновъ“. Впрочемъ, въ другомъ своемъ мнѣніи онъ высказался что опредѣленіе въ головы и цѣловальники должно быть всюду изъ купечества, кромѣ мѣстностей гдѣ купечества вѣтъ и гдѣ должны эти должности занимать отставные оберъ-офицеры и солдаты. Затѣмъ депутатъ отъ города Воронежа Семенъ Севастьяновъ, разсуждая о соленомъ промыслѣ, прямо требуетъ чтобы существующихъ по закону выборныхъ отъ купечества для пріема и продажи соли и для сбора за нее денежной казны, повсюду замѣнить отставными офицерами и иными чинами; а купцовъ, ради устранения прелятствій по веденію коммерціи и вящаго приращенія ими пользы отечеству чрезъ торговлю, отъ этихъ обязанностей освободить.

Кромѣ этихъ примѣровъ, въ дневныхъ запискахъ не рѣдко встрѣчаются общія сѣтованія купцовъ на обязательную выборную службу, которая тѣмъ болѣе казалась имъ тягостною что она отправляется безмездно. Такъ, въ пререканіяхъ своихъ съ депутатами отъ крестьянъ о правахъ на мелочную торговлю, депутатъ отъ города Яренска, Павелъ Антипинъ, заявляетъ что если впредь Яренское купечество не будетъ уволено отъ службы, а крестьянамъ не будетъ воспрещено торговать, то купеческое сословіе не въ состояніи будетъ придти въ исправность и доидеть до того что не только службы нести, но и податей платить станетъ не въ силахъ. Другой депутатъ, отъ города Казани, Иванъ Кобелевъ, считающій со служилыми Татарами въ пѣхотахъ несомой службы, жалуется что купцы не только въ пѣхотахъ, но и въ отдаленныхъ городахъ несутъ государственную службу и притомъ безъ всякаго вознагражденія. Депутатъ отъ города Ельца, Григорій Ростовцевъ, также повторяя указанія на всякаго рода выборную государственную службу купцовъ, добавляетъ что „такое положеніе прелятствуетъ купцамъ заниматься своимъ торговымъ промысломъ, отъ того они приходятъ въ крайнее отягощеніе и скудость“. Наконецъ, депутатъ отъ города Козлова, Василий Ичаевскій, предлагая вмѣсто выборныхъ купцовъ опредѣлять состоятельныхъ служителей ко всякаго рода казеннымъ сборамъ, вызывая своимъ предложеніемъ одобреніе со стороны

болѣе чѣмъ 50 депутатовъ отъ городовъ и слободъ. Противъ всѣхъ этихъ жалобъ и требованій, не только существовавшихъ, но даже голословныхъ возраженій дѣлаемо не было, и только одинъ депутатъ отъ Сибирскихъ казаковъ Федоръ Андифиловъ, по поводу нескончаемыхъ пререканій о правѣ мелочнаго торгоу крестьянъ, рѣзко отзывался „о достоинствахъ службы кулцовъ“, говоря что сътованіе ихъ на большіе начеты и взысканія и на нахожденіе подъ отчетностью въ теченіе долгаго времени происходитъ, какъ и во всякихъ службахъ, „отъ ихъ невоздержности и мотовства, а не отъ всякаго иного нечаяннаго случая.... за такіе-то ихъ поступки они такъ долго и удерживаются не только подъ отчетами, но и подъ карауломъ, и это, въ чемъ я и не спорю, весьма справедливо. Но тѣ что, соблюдая свою честь и присягу, съ усердіемъ хранятъ порученное, можно сказать, всегда какъ отъ начета, такъ и при счетахъ бываютъ свободны отъ долговременнаго задержанія; при томъ они могутъ еще получить достаточную прибыль отъ занятій своихъ коммерціею и для этого отъ нихъ никогда время не отнимается. Полицейскую же должность, я думаю, отправляютъ не одни кулцы, но и прочіе живущіе въ городахъ граждане, для своего и общаго охраненія.“ Далѣе онъ выясняетъ что крестьянъ службами отягощены гораздо болѣе кулцовъ, пересчитывая: казенныя работы, гоньбу подводъ, поставку въ казенныя магазины провіанта, воинскіе постои, заводскія работы и т. д., и выставляя на видъ что многочисленное крестьянское сословіе одними податями своими „привноситъ государству болѣе народа чѣмъ кулечество“. Впрочемъ, всѣ эти мнѣнія и помышленія оставивъ безъ возраженій такіа предложенія службъ кулцовъ которыя прямо относились до ихъ коммерціи. Такъ, кромѣ службы въ магистратахъ и ратушахъ, противъ которой никто прямо не протестовалъ, депутатъ отъ города Зарайска, Иванъ Иконниковъ, жаловался что хотя въ вексельномъ уставѣ и положено опредѣлять въ городахъ присяжныхъ маклеровъ, но таковыхъ и до сего времени во многихъ городахъ нѣтъ; а депутатъ отъ города Ярославля Алексѣй Ярославцевъ представилъ что иностранныя купцы, чрезъ обманчивыя дѣйствія содержащихся ихъ иждивеніи иностранныхъ же маклеровъ и браконьеровъ, дѣлаютъ русскимъ продавцамъ не только тѣ

притѣженія, но даже доводятъ ихъ до банкротства, почему онъ полагалъ бы необходимымъ опредѣлить къ браковкѣ маклеровъ и браковщиковъ на половину изъ Русскихъ. Въ этомъ же смыслѣ поддерживалъ купечество депутатъ отъ Коммерцъ-Коллегіи Сергѣй Межниковъ, представивъ необходимость учредить за границей русскія купеческія конторы или русскіхъ консуловъ и даже факторовъ изъ знающихъ дѣла купцовъ ревельскихъ, рижскихъ и другихъ завоеванныхъ русскіхъ областей, которымъ и назначить хорошее жалованье изъ таможенныхъ средствъ. Въ бытность на этихъ должностяхъ служивыхъ купцовъ, полагаетъ онъ, награждать ихъ чинами по мѣрѣ ихъ трудовъ, на тотъ конецъ чтобы въ послѣдствіи таковыя могли быть употребляемы въ Коммерцъ-Коллегіи. Онъ же предложилъ учредить въ столицахъ, въ губернскихъ и большихъ городахъ, публичныхъ нотаріусовъ, для первыхъ до десяти и для послѣднихъ по три человека, на которыхъ и возложить всѣ крѣпостныя и вексельныя дѣла. На эти должности, говоритъ онъ, слѣдуетъ „выбирать людей добрыхъ, безлорочныхъ, безпристрастныхъ и знающихъ приказныя и купеческія обряды, и состоять имъ подъ главнымъ начальствомъ Коммерцъ-Коллегіи и ея конторы, а въ городахъ—подъ вѣдѣніемъ губернаторовъ и воеводъ.“ Точно также настаивалъ на учрежденіи при портахъ конторы изъ лицъ купеческаго званія депутатъ отъ дворянства Кромскаго уѣзда Александръ Похвисневъ, полагая таковымъ купцамъ сдѣлать предъ прочими отличіе и даровать особыя преимущества. Но изъ общихъ разсужденій внесенныхъ въ дневныя записки не видно чтобы даже и эти предложенія были приняты сочувственно представителями купечества, и ни одно изъ нихъ не было согласовано подписями другихъ депутатовъ.

## VI.

Домогательства къ распространенію крѣпостнаго права.—Настоянія поддержки существующихъ законовъ о крѣпостномъ правѣ.—Мнѣнія объ ограниченіи вещнаго права надъ людьми.—Система половничества.—Мнѣнія объ отмінѣ крѣпостныхъ порядковъ.

Вопросы о правахъ крестьянства, возбуждавшіе самыя оживленныя пренія, сосредоточивались собственно только на

двухъ главныхъ предметахъ: на правѣ мелочнаго торго, о чемъ будетъ изложено подробно въ одной изъ сѣдующихъ главъ разказа, и крѣпостномъ правѣ какъ въ смыслѣ пространства его на лицъ иныхъ сословій кромѣ дворянскаго, такъ, съ другой стороны, въ смыслѣ ослабленія и даже прекращенія крѣпостной зависимости крестьянъ. Уже выше было указано что купечество въ особенности усиливалось утвердить право владѣнія заселенными деревнями за фабрикантами и заводчиками вообще, къ какому бы сословию эти промышленники ни принадлежали; помимо этихъ настояній, права владѣть заселенными деревнями домогались и однодворцы, и всякаго рода разночинцы, въ томъ числѣ служилые казачьихъ полковъ, и наконецъ пѣхотные солдаты. Потребностью въ обезпеченной рабочей силѣ, при маломаселенности многихъ мѣстъ Россіи, вызывалось ходатайство даже самихъ дворянъ о дарованіи права другимъ сословіямъ имѣть обязательныхъ слугъ, и въ этомъ смыслѣ до чрезвычайности куріозно заявленіе въ наказѣ отъ дворянства Михайловскаго уѣзда, предлагавшаго введеніе въ Россіи какъ бы международнаго торго невольниками. Испрашивая для дворянскаго земскаго суда обязанности наблюдать за тѣмъ чтобы лица кои не дозволено имѣть деревень и крѣпостныхъ людей при себѣ не пользовались крѣпостнымъ правомъ, Михайловскіе дворяне указываютъ, однако, что такъ какъ за вѣнчаніемъ вольныхъ людей кромѣ государственныхъ крестьянъ, начинаютъ эти послѣдніе въ услуженіе по городамъ, чрезъ что земледѣліе приходитъ въ упадокъ, то было бы полезно: „дозволить всякаго званія людямъ покупать себѣ изъ за границы всякихъ иностранныхъ иновѣрцевъ, окромѣ христіанъ, съ тѣмъ чтобы такую покулкою иновѣрцевъ, считая отъ дня оной, если онъ свыше пятнадцати лѣтъ возраста то бы не болѣе двадцати лѣтъ, а который ниже пятнадцати лѣтъ, то не болѣе тридцати лѣтъ своему хозяину крѣпостнымъ слугою былъ; а по прошествіи тѣхъ урочныхъ лѣтъ свободнымъ человѣкомъ оставался служить, гдѣ и у когосамаго пожелаетъ.“ Съ своей стороны, дворяне Кашинскаго уѣзда, требуя въ своемъ наказѣ чтобы фабрикантамъ и заводчикамъ повелѣно было запретить подъ какимъ бы то ни было предлогомъ имѣть земли и крестьянъ, оговариваются: „кромѣ находящихся дѣйствительно при фабрикахъ работныхъ людей, потребныхъ къ ихъ мастерству“. Ещѣ

практѣ выразились лѣхотыме солдаты города Саратова, которые въ 8 статьѣ своего наказа, указывая на однодворцевъ что они, будучи положены въ подушномъ окладѣ и также какъ они содержатъ ландмилицію, пользуются крѣпостными людьми, просятъ и себѣ права покупать дворовыхъ людей и крестьянъ. Помытно что пренія по этому предмету были весьма горячія, и сторонниками распространенія крѣпостнаго права въ пользу лицъ иныхъ сословій, кромѣ дворянскаго, по преимуществу являлись представители кулечества, особенно старавшіеся въ пользу фабрикантовъ и заводчиковъ, какъ уже имѣющихъ по закону поссессионныя права на рабочихъ. Вообще мнѣнія по этому поводу распались на двѣ категоріи: одни желали упрочить *statu quo*, другіе стремились къ распространенію рабовладѣнія. Въ двойной формѣ образовалась и оппозиція: одна ратовала за сокращеніе или уменьшеніе существующаго крѣпостнаго права; другая, въ незначительномъ меньшинствѣ, рѣшилась предложить даже полную отмену вещаго права на людей. Противоборство это тѣмъ болѣе казалось нескончаемымъ что Екатерина II въ своемъ общемъ Наказѣ весьма осторожно коснулась этого щекотливаго вопроса; и слова ея въ 260 ст. что „не должно вдругъ и чрезъ узаконеніе общее дѣлать великаго числа освобожденныхъ“, а также духъ времени были причиною что голоса за полное прекращеніе крѣпостнаго права оказались весьма слабыми и нерѣшительными.

Самыми горячими сторонниками расширенія крѣпостнаго права были въ общемъ собраніи депутаты: отъ города Яраска, Казанской губерніи, Иванъ Антоновъ, и отъ четырехъ главъ Сибирскихъ казаковъ Федоръ Андцифировъ. Первый, приобрѣтя шестнадцать единомышленниковъ также изъ городскихъ депутатовъ, стремился доказать необходимость распространенія права на владѣніе крѣпостными и дворовыми людьми не только для лицъ кулеческаго сословія, но и для приказныхъ служителей, экономическими потребностями своей мѣстности. Объяснивъ что въ Яраскѣ, какъ ему въ точности извѣстно, купцы и приказные съ трудомъ и не весьма дорогою цѣнѣ отыскиваютъ крестьянъ для найма въ услуженіе, депутатъ Антоновъ разказалъ собранію что наемники, забравъ отъ хозяевъ впередъ уплату, часто убѣгаютъ отъ нихъ до срока, не заработавъ своихъ денегъ, или не имѣя никакого страха дѣлаютъ разныя

своеволія и причиняють хозяевамъ много хлопотъ. Черезъ это, продолжалъ онъ, купцы много тратятъ времени на хожденіе съ жалобами къ начальству и въ суды, и несутъ большіе убытки даже отъ того что не могутъ безъ опасенія довѣрить товары или деньги своимъ вольнонаемнымъ работникамъ. Поэтому онъ предлагаетъ узаконить право владѣнія крѣпостными людьми за лицами указанныхъ имъ сословій, ибо отъ сего „никакого государственнаго вреда и никому не-удовольствія быть не можетъ“, и такое свое заключеніе онъ наивно подкрѣпляетъ 41 ст. Екатерининскаго Наказа, которая гласитъ: „ничего не должно запрещать законами, кромѣ того что можетъ быть вредно или каждому особенно, или всему обществу.“ Ораторъ не ограничивается и этимъ доводомъ, а выставляетъ даже какъ благодѣяніе чтобы купцамъ было разрѣшено взятыхъ ими на пропитаніе сиротъ, изъ своего же сословія, задерживать у себя въ обязательномъ услуженіи до двадцатилѣтняго возраста. Инымъ способомъ приходить къ тому же заключенію депутатъ Андифировъ: изчисливъ историческія заслуги Сибирскихъ казаковъ, начиная съ Ермака Тимофеевича до погрома и разоренія татарскаго царя Кучума и отвода въ лѣтъ царевича Маметкула и князя Сейдека въ царствованіе Θεодора Іоанновича и Михаила Θεодоровича, онъ удостовѣряетъ что и въ настоящее время Сибирскіе казаки, хотя и получаютъ малое содержаніе за свою службу, но „во изысканіи ея императорскаго величества въ сочашшихъ интересовъ рачительными себя оказываютъ“, и подтверждаетъ донесеніями генералъ-губернаторовъ главнокомандующихъ пограничными линіями. Власть этого заключаетъ онъ, такъ какъ мытъ „всемилоостивше обѣщано выслушать всѣ наши нужды и чувствительныя недостатки, а въ чемъ еще правила не положено, дополнитъ то согласно мнѣніямъ депутатовъ Довскаго, Чугуевскаго Уфимскаго казачьихъ войскъ, слѣдуетъ впредь разрѣшить казачьимъ командирамъ покупку дворовыхъ людей и крестьянъ для домашнихъ службъ и работъ. Менѣе эксцентрично не менѣе настойчиво домогались крѣпостнаго права: депутатъ отъ города Шуи Дмитрій Воиновъ, требовавшій значенія для каждой гильдіи опредѣляемаго числа крѣпостныхъ работниковъ и работницъ, и депутатъ отъ однопворца Елецкой провинціи Михаилъ Давидовъ, желавшій опредѣлять числа крѣпостныхъ служителей у купцовъ самую комиссію



Три депутата отъ одводворцевъ и одинъ отъ кулечества, и депутатъ отъ города Чернаго Яра Семенъ Сережниковъ, объяснили что въ Астраханской губерніи такое опредѣленіе особенно необходимо для кулечества. Наконецъ помянутые выше депутаты отъ Довскаго, Чугуевского и Уфимскаго войскъ, безъ особыхъ подробностей, но со значительными согласительными подписями другихъ войсковыхъ депутатовъ, ходатайствовали о томъ же, не только въ пользу войсковыхъ атамановъ, но и для выслажившихся казаковъ. Къ подобнымъ же требованіямъ можно отнести еще и представленіе въ комиссію оренбургскаго губернатора князя Путятина, который, въ числѣ мѣръ къ установленію какого-либо порядка въ Башкирскихъ земляхъ и ради привлеченія въ тотъ край великороссійскихъ людей, предлагалъ, въ видѣ изыятія для Оренбургской губерніи, дозволить содержателямъ мѣдныхъ заводовъ покупать въ Россіи крестьянъ и поселять ихъ на Башкирскихъ земляхъ, съ тѣмъ однако чтобы заводчики кулеческаго званія не получали потомственнаго крѣпостнаго права надъ новопоселенцами, а состояли бы они въ крѣпости только при заводахъ, при переходѣ которыхъ въ другія руки были бы продаваемы неотъемлемо съ ними, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ когда они будутъ приобрѣтены лицами дворянскаго рода.

Всѣ подобныя предложенія, какъ равно и жалоба дворянъ Новгородскаго уѣзда Шелонской пятины на непослушаніе крестьянъ, оставались однако почти безъ обсужденій; за то продолжительны были пренія относительно посессионнаго крѣпостнаго права. Первое настойчивое заявленіе о сохраненіи за кулцами не только права на существующія фабрики и горные заводы, съ ихъ привилегіями, но и на устройство такихъ вновь лицами этого сословія, съ дозволеніемъ покупать при фабрикахъ земли подъ поселенія и крестьянъ для работъ, — „но безъ излишества“, предъявилъ въ собраніи депутатъ отъ Рыбно-Слободскаго кулечества Алексѣй Поповъ. Того же, но съ большею опредѣленностью потребовалъ депутатъ отъ города Серпейска Родионъ Глишковъ, съ мнѣніемъ котораго согласились десять другихъ городскихъ депутатовъ. Настаивая на томъ чтобы не только кулцы, но и дворяне отнюдь не строили фабрикъ крѣпостными, а непременно вольными людьми, съ немедленною уплатою строителямъ наличными деньгами и съ отвѣтственностью за нарушеніе этого

правила опредѣленнымъ штрафомъ или лишеніемъ части объявленнаго особо на сей предметъ капитала и даже самой фабрики, депутатъ Глишковъ находить неперемѣнно нужнымъ опредѣлить указное число крѣпостныхъ людей при фабрикахъ, ибо, говоритъ онъ утвердительно, мастера должны быть крѣпостные чтобы въ случаѣ смерти кого-либо изъ нихъ заблаговременно имѣть на его мѣсто другаго. Мнѣніе свое онъ защищалъ такъ: „когда я обучу чужаго и открою ему секретъ, то онъ можетъ отойти къ другому или потребовать такой необычайной платы какой фабрика и принять на свой счетъ не можетъ“. Для распространенія же коммерціи и исправности торговъ, находить онъ полезнымъ установить чтобы и купечеству 10 гильдіи имѣть крѣпостныхъ отъ 3 до 5 душъ, въ опроверженіе чего ссылается на частые обманы вольнонаемныхъ прикащиковъ и на лѣность, неисправность и даже воровство помѣщичьихъ крестьянъ занимающихся въ прислугу у купцовъ. Рядомъ съ этимъ, на жалобу депутатскаго наказа отъ государственныхъ крестьянъ разныхъ слободъ Исетской провинціи о слѣшкомъ малой платѣ за работы на заводахъ дворянина Демидова, къ которымъ тѣ крестьяне приписаны,—депутатъ отъ Бергъ-Коллегіи Яковъ Рооде возражаетъ что заводскую работу нельзя принимать за отягощеніе, потому что и всѣ прочіе приписанные къ заводамъ крестьяне исправляютъ ее, а указы предписываютъ опредѣленную плату. Что же касается вообще до отягощеній для заводскихъ крестьянъ, то по мнѣнію оратора они заключаются въ отдаленіи заводовъ отъ мѣстъ жительства крестьянъ, въ приготовленіи и доставленіи заводскихъ матеріаловъ и наконецъ въ дикости мѣстъ чрезъ которыя идетъ провозъ. По всему этому, правительственный депутатъ полагаетъ что установленную плату для приписныхъ къ заводамъ крестьянъ дѣйствительно сѣдовало бы увеличить. Не при одномъ этомъ случаѣ привелось оправдывать отношенія дворянства къ крѣпостнымъ; такъ, возражая на заявленіе вышележащаго депутата Глишкова, обвинявшаго помѣщиковъ въ отягощеніи крестьянъ при безденежныхъ постройкахъ фабрикъ и работахъ на оныхъ, чрезъ что они разоряются въ конецъ и отстаютъ отъ хлѣбопашества, ярославскій депутатъ князь Щербатовъ укорялъ оратора за обобщеніе можетъ-быть и встрѣтившагося ему когда-либо обстоятельства и затѣмъ доказывалъ что „рѣдко бываетъ чтобы какимъ-либо изъ положеній помѣ-

щики отагощали своихъ людей, ибо благосостояніе сихъ послѣднихъ нужно не только самимъ помѣщикамъ, но и дѣтямъ ихъ, и разореніе крестьянъ привоситъ разореніе и самимъ дворянамъ, по обязанности которая лежитъ на нихъ въ уплатѣ за своихъ крестьянъ всякихъ государственныхъ поборовъ". Выступъ съ тѣмъ, онъ излагалъ общія основанія патріархальныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами и тѣхъ многихъ „узъ“ которыми связываютъ ихъ другъ съ другомъ". Объяснивъ что „земля и деревни получены дворянами въ награду за пролитую кровь свою и другія заслуги“, онъ указывалъ что большая часть оной уступается крестьянамъ для ихъ пропитанія, также снабжаются они и другими угодами и затѣмъ помѣщики надзираютъ надъ крестьянами какъ надъ своими дѣтьми, чтобы никто не причинялъ имъ никакой обиды и чтобы другъ друга они не разорали; въ годамъ же бѣдствій помѣщики снабжаютъ ихъ всякъ нужнымъ.

Доводы депутата Алейникова, доказывавшаго вредъ для государства отъ распространенія крѣпостнаго права на купцовъ, приказныхъ и казаковъ, опровергалъ депутатъ отъ шляхетства Нѣживскаго и Батуринскаго повѣтовъ Гавриилъ Божичъ. Уличая оратора въ незнаніи особенности устройства и правъ этого края, оппонентъ указывалъ что въ Малороссіи всѣ сословія имѣютъ право на личное землевладѣніе, въ противоположность общинному, и затѣмъ малороссійское шляхетство имѣетъ то преимущество предъ другими сословіями что по силѣ 29 артикула 1 раздѣла статута, оно можетъ заводить на своихъ земляхъ новыя селенія, тогда какъ чужеземцамъ, по 12 артикулу 8 раздѣла, дозволено приобретать недвижимыя имѣнія въ Малой Россіи не иначе какъ съ извѣстными ограниченіями, и то лишь съ 1728 года, со временъ гетмана Апостола. Объяснивъ что правомъ свободного переселенія изъ Великой Россіи въ Малую и обратно воспользовались по преимуществу только одни Велико-россіяне и потому стѣсненія и обиды казакамъ въ другихъ мѣстахъ отъ крестьянскихъ переселенцевъ изъ Малороссіи быть не могло, депутатъ Божичъ заключаетъ что ни о пригнѣсеніяхъ дѣлаемыхъ крестьянамъ отъ покушниковъ, ни о разбояхъ, грабительствахъ и иныхъ безпорядкахъ произведенныхъ будто бы крестьянами, въ Малой Россіи ничего не слышно; а напротивъ, извѣстно что если у какихъ малорос-

сѣйскихъ помѣщиковъ имѣются русскіе крѣпостные люди, такъ таковыя „своимъ жребіемъ весьма довольны, будучи содержимы совершенно одинаково какъ и вольные люди.“ Къ этой энергической защитѣ малороссійскихъ помѣщиковъ и крестьянъ тотчасъ же присоединились всѣ безъ исключенія депутаты малороссійскихъ губерній, вѣроятно вслѣдствіе того что товарищъ ихъ закончилъ словами что отвѣтствуетъ онъ депутату Алейникову на его голословныя указанія единственно на тотъ конецъ дабы „не было внесено въ законъ чего-либо такого касательно свободной покупки деревень, земель и людей что послужило бы къ предосужденію малороссійскаго народа, а особливо шляхетства.“ По этому же поводу и тому же депутату Алейникову, отвѣчалъ еще депутатъ отъ дворянъ Сумской провинціи Андрей Кондратьевъ, указывая что мнѣніе будто бы въ прежнія времена полковники бывшихъ казачьихъ полковъ, употребляя во зло свою власть, населяли въ пожалованныхъ казацкихъ земляхъ вольныхъ Малороссійскихъ людей едва ли вѣроятно; покупка же вообще старшинами крѣпостныхъ людей есть ихъ право, какъ природнаго шляхетства по всѣмъ изстари существующимъ государственнымъ уставамъ. Итакъ, продолжалъ этотъ депутатъ, „подавая свое мнѣніе столь значительному собранію, господинъ депутатъ Алейниковъ долженъ былъ прежде освѣдомиться въ такомъ ли состояніи вещи въ своемъ существѣ какъ онъ мысленно себѣ ихъ представляетъ, и не лишалъ бы такъ легко цѣлое общество выгодъ которыми оно отъ монарховъ своихъ, безъ изъятія кого-нибудь, издревле пользовалось.“

Изъ этихъ обращеній видно какъ горячо возставали многіе депутаты противъ всякихъ предложеній ослабить уже признанныя закономъ крѣпостныя права; и помянутый выше депутатъ отъ казаковъ Холерской крѣпости Андрей Алейниковъ не безъ желчи высказался что запрещеніе покупки деревень и дворовыхъ людей кулцамъ, приказнымъ, всѣмъ казакамъ и малороссійскому народу онъ предлагаетъ для того чтобъ богатые кулцы, накупивъ деревни, не оставляли своей собственности и имѣя у себя нѣсколько крѣпостныхъ дворовыхъ людей не употребляли бы ихъ „безъ пощады“, на всякія домашнія работы, вслѣдствіе чего тѣ дворовые, „отъ несноснаго отягощенія и бѣдственной жизни будутъ дѣлать постоянныя попытки собираться воровскими шайками и народу всякаго званія причинять страшное грабительство и наносить безвинное исп

заніе.“ Относительно же казаковъ онъ объяснялъ, „какъ тяжело будетъ рядовымъ казакамъ когда чиновные на ихъ земляхъ будутъ сеять покупныхъ крестьянъ, почему и надобно полезнымъ быть людямъ, которыхъ главнѣе командиры бывшихъ свободскихъ полковъ уже поселили на казачьихъ земляхъ, отписать на Ея Императорское Величество.“ Собственно же о Малой Россіи, Алейниковъ, возражая за одинъ разъ вслѣдъ своимъ оппонентамъ, предложилъ возстановить силу указа 1727 года, запрещавшаго Великороссіянамъ покупать земли въ Малой Россіи, съ возвратомъ даже купленныхъ за это время земель. Затѣмъ возобновляя требованія объ освобожденіи закрѣпощенныхъ казацкими полковыми командирами Малороссіянъ и указывая на частыя побѣги этихъ людей, записывающихся потомъ въ подушный окладъ, онъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ описывалъ ихъ бѣдственное положеніе, а Малую Россію называлъ, по этому случаю, „разсыланною храниною“. Несмотря однако на сильное возбужденіе производимое въ собраніи подобными требованіями и вообще предложеніями о какомъ-либо ограниченіи крѣпостныхъ порядковъ, голосовъ въ пользу радикальнаго измѣненія государственнаго строя оказывалось не мало. Такъ, въ самыхъ дворянскихъ наказахъ, упоминается, напримѣръ дворянами Крапивинскаго уѣзда, о жизни фабрикантовъ и заводчиковъ въ роскоши и лѣности, на дешевую выручку чрезъ неоплачиваемыя крестьянскія работы и собираемый съ нихъ оброкъ, почему и требуютъ деревни фабрикантовъ и заводчиковъ отъ нихъ отобрать и приписать къ дворцовымъ; даже непосредственно о самихъ себѣ, дворяне Винешемскаго уѣзда отзываются что нѣмѣе изъ помѣщиковъ, по алчности и распутной жизни, лютей своихъ и крестьянъ продаютъ въ рекруты и тѣмъ доводятъ крѣпостныхъ до крайняго разоренія и бѣдности, почему дворяне и настаиваютъ въ своемъ наказѣ чтобы въ предложеніе рекрутскихъ наборовъ ни подъ какимъ видомъ и никому продавать крестьянъ и дворовыхъ людей не дозволялось.... Сенаторъ Бибииковъ, въ своихъ *Запискахъ о жизни и мучбѣ* отца, приводитъ будто и Костромское дворянство въ своемъ наказѣ, составленномъ самимъ маршаломъ, костромскимъ депутатомъ А. И. Бибииковымъ, между прочимъ ходатайствовало о воспрещеніи какъ наследствомъ, такъ и продажей, раздроблять деревни и вообще торговать людьми,

не только по одиначкѣ, но и цѣлыми семьями; но что эти статьи не вошли въ постановленія Коммиссіи, а были оставлены впредь до болѣе благопріятнаго времени. \* Въ подлинномъ наказѣ, напечатанномъ у г. Подѣнова въ его сборникѣ, подобнаго заявленія со стороны Костромскихъ дворянъ не видно.

Понятно что заявленія, вкравшіяся даже въ дворянскіе депутатскіе указы, должны были увлечь многихъ депутатовъ въ собраніи, кромѣ казака Алейникова. Самъ вышеломянутый князь Щербатовъ, горячо отстаивая права дворянъ на устройство фабрикъ, ради содержанія крѣпостныхъ крестьянъ въ безпрестанномъ трудолюбіи и признавая обработку на нихъ русскихъ произведеній лучшимъ способомъ къ умноженію земледѣлія, не оставался противорѣчіемъ самому себѣ, доказывая что не слѣдуетъ допускать чтобы дворяне продавали людей фабрикантамъ, дабы тѣмъ не отнимать рабочихъ отъ земли, такъ какъ и безъ того число пахарей въ Россіи недостаточно. Поэтому князь признаетъ полезнымъ, оставивъ при фабрикахъ уже приписанныхъ къ нимъ людей, впредь покупать таковыхъ фабрикантамъ запретить, и сверхъ того внушить имъ дабы они старались мало-по-малу фабричныхъ крестьянъ своихъ дѣлать вольными, давая имъ свободу и хорошее поведеніе. Заботясь о томъ чтобы купеческіи приписныя деревни переходили не иначе какъ въ дворянскіи роды, князь Щербатовъ допускаетъ переходъ ихъ отъ отцовъ къ дѣтямъ въ купеческомъ сословіи до тѣхъ поръ пока на фабрикахъ будетъ существовать надлежащее число становъ; но еслибы купецъ вздумалъ продать свою фабрику то деревня при оной должна быть продана отдѣльно и не иначе какъ дворянину. „Да и удивительно предстать вѣдать, говоритъ князь въ другомъ мѣстѣ, будто наемные люди не столь вѣрны своимъ господамъ какъ собственныя.“ Это тоже какъ увѣрять что тотъ кто дѣлаетъ что-либо изъ подъ неволи, охотнѣе къ дѣлу прилежитъ чѣмъ тотъ кто побуждается къ работѣ своею склонностью.“ „Въ невольникѣ, говоритъ онъ далѣе, я и проикнуть не могу усердствъ ли онъ ко мнѣ или нѣтъ.“ Затѣмъ князь Щербатовъ приводитъ примѣръ Европы, гдѣ нѣтъ невольниковъ

\* См. *Записки Бибикова*, изд. 1865, стр. 41.

никто на это не жалуется. „Обратимъ взоры наши на челове́чество и устыдимся объ одномъ помышленіи дойти до такой суровости чтобъ равный намъ по природѣ сравненъ былъ со скотами и по одиночкѣ продаваемъ.“ И за этимъ, какъ бы въ оправданіе крѣпостнаго права дворянъ, онъ продолжаетъ: „Мы люди и подвластные намъ крестьяне суть подобны намъ; но разность случаевъ возвела насъ на степень властителей надъ ними.“ Послѣ того онъ доказываетъ что дозволеніе купцамъ покупать людей вредно и разорительно самому купеческому обществу. Депутатъ отъ Любимскаго дворянства, Никифоръ Толмачевъ, соглашаясь съ мнѣніемъ князя Щербатова, идетъ еще дальше: объясняя собравшію что правительство, въ видахъ размноженія фабрикъ, нередко давало само фабрикантамъ по нѣскольку сотъ „казенныхъ людей изъ солдатскихъ дѣтей и прочихъ разночинцевъ“, онъ высказываетъ необходимость, въ виду только самой личной корысти ихъ хозяевъ, таковыхъ работниковъ тотчасъ же „освободя отъ невольничества обрадовать вольностью“. Депутатъ отъ дворянъ Бромскаго уѣзда, Александръ Похвисневъ, находитъ также покупку крѣпостныхъ людей вредною для самого купечества, приводя тѣ же основанія какъ и князь Щербатовъ: „начавъ жить доходами съ ерзевъ, купецъ сдѣлается бесполезнымъ и даже тягостнымъ лебомъ общества, а торговля вообще ослабѣетъ, да и въ охотности прикащиковъ и сидѣльцевъ капиталисты станутъ потреблять своихъ крѣпостныхъ людей и тѣмъ лишать слобода къ переходу въ лучшее состояніе лицъ изъ недостаточнаго купечества“.

Въ преніяхъ о неестественности вещнаго права надъ людьми приняла участіе и депутаты иныхъ сословій кромѣ тѣхъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ. Депутатъ отъ Бахмутскаго Самарскаго полковъ, Михаилъ Ташкевичъ, указавъ что хотя Россія и считается европейскою державой, но ея обычаи, по юзству климата, въ прежнія времена были отличны отъ обычаевъ другихъ европейскихъ народовъ; въ послѣдствіи же, чрезъ неусыпныя попеченія Петра Великаго, Россія своею своей превозвысила воѣ государства, а между тѣмъ, въ тому времени народъ былъ укрѣпленъ за помѣщиками, съ сдѣлствіемъ такого укрѣпленія, съ ужасомъ и состраданіемъ восклицаетъ ораторъ, сдѣлалось то что дѣти отнимаются отъ родителей и продаются по всему государству

гдѣ только отыскивается покупецъ. „Нигдѣ во всей Европѣ нѣтъ такихъ законовъ, даже и въ азіатскихъ странахъ такая продажа не ведется“, заключаетъ депутатъ предлагая установить чтобы никто не могъ продавать крепостныхъ иначе какъ цѣлыми деревнями. Такими порядками повидимому возмущались и сами депутаты отъ купечества; по крайней мѣрѣ депутатъ отъ города Симбирска Аванасій Ларионовъ, подкрѣпленный депутатами отъ новокрещенныхъ Чувашъ и отъ города Романова, съ немальшимъ негодованіемъ указываетъ что не только у европейскаго, но и у азіатскаго купечества прикащики почитаются какъ дѣти; почему онъ требуетъ чтобы и у насъ было воспрещено купцамъ не только мучительно поступать, но и дѣлать что-либо злое своимъ прикащикамъ, а судились бы они съ хозяевами въ общихъ магистратахъ.

Причину недолускаемаго закономъ, но установившагося на дѣлѣ крепостнаго права купцовъ объяснилъ собранію депутатъ отъ черносотныхъ крестьянъ, Великоустюжской провинціи, Василій Ключаревъ. Указавъ что въ 1725 и 1753 годахъ, при дозволеніи купцамъ покупать земли, разрѣшено приписывать къ нимъ черносотныхъ крестьянъ только на правахъ половниковъ, и то не иначе какъ по желанію, а не по неволѣ, онъ жалуется что купцы во зло употребили свои права и стали записывать половниковъ за себя. Черезъ это они не только покинули свойственную ихъ званію торговлю, но даже оставили города, напримѣръ Яранскъ, и поселились въ уѣздахъ; другіе же купцы, оставшіеся въ городахъ, цѣлыми семьями забирали къ себѣ въ услуженіе и въ работы при заводахъ приписанныхъ къ ихъ землямъ крестьянъ, и тѣмъ окончательно нарушили характеръ половничества; наконецъ, многіе, имѣя такихъ приписныхъ по двадцати и тридцати душъ, отдавали изъ нихъ въ рекруты которыхъ хотѣли по указной цѣнѣ и деньги присвоили себѣ. По всему этому депутатъ Ключаревъ предлагалъ собрать купцовъ попрежнему въ города, а земли возвратить государственнымъ волостямъ и затѣмъ половниковъ отъ невольническаго рабства освободить, сравнивъ ихъ съ прочими государственнымъ крестьянами. Послѣ этого депутатъ города Яранскъ Павелъ Антипиль, энергически доказывалъ „по чистой совѣсти и по долгу вселюддававшей присяги“ что приписаны къ Яранскимъ купцамъ половники содержатся ими въ полнѣ



свободѣ и что въ рекруты изъ нихъ не было отдаваемо ни одного человѣка, но что подушныя деньги и другія государственныя повинности тѣ кулцы платятъ за нихъ всегда бездомочно. Несмотря на это, депутатъ Архангелогородской провинціи, отъ чернососныхъ же крестьянъ, Иванъ Чудровъ, категорически требовалъ отъ собранія: кулцамъ позволить владѣть только пустопорожними землями и пользоваться для работы вольными людьми, а не половниками; подати платить по окладу съ земли, а не съ душъ; а перешихъ половниковъ отъ нихъ отобрать. Другой же депутатъ отъ приписныхъ чернососныхъ крестьянъ города Вугура, Федоръ Полежаевъ, просилъ оградить чернососныхъ крестьянъ отъ крайняго разоренія причиняемаго имъ судами, и въ этихъ видахъ настаивалъ чтобы на частныхъ заводахъ для заготовленія всякихъ припасовъ имѣть собственныхъ крестьянъ, а за исправленіе работъ чернососными возвысить плату наравнѣ съ вольными работниками. Наконецъ, городскіе депутаты, отъ города Карачева Іковъ Никулинъ, и за нимъ отъ города Балахны Сидоръ Целетильниковъ, требовали чтобы городскихъ обывателей, имшихъ крестьянъ разныхъ наименованій, отдѣлить въ правѣ отъ дѣйствительныхъ крѣпостныхъ крестьянъ, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ, будучи издавна приписаны къ кулечеству, продолжаютъ платить попрежнему подати своимъ владѣльцамъ, а потому должны быть отъ помѣщиковъ отличены и по общимъ законамъ исключительно приписаны къ вѣщескому сословію.

Возражая тому же Ключареву, депутатъ отъ города Великого Устюга, Андрей Плотниковъ, такъ объяснилъ состояніе половниковъ: указавъ предварительно что землевладѣніе совершалось за кулечествомъ еще съ тѣхъ поръ когда крестьяне надѣленные земельными участками записывались въ торговое сословіе и когда потомъ продавались ими же съ публичнаго торга земли конфискованныя на государя, ораторъ представлялъ значеніе половниковъ словами: „званіе половника въ то иное есть какъ жить подъ руководствомъ владѣльца, въ собственному желанію обрабатывать имѣющуюся землю, собирая съ оной хлѣбъ и прочее, давать изъ оного половину землевладѣльцу, а другую оставлять себѣ на пропитаніе.“ Половники издревле называются государевыми чернососными крестьянами, а достались они во владѣніе куп-

цамъ, за двѣсти лѣтъ назадъ, по той причинѣ что многіе изъ нихъ, или по недостатку земли, или по неурожаю хлѣба, или отъ иныхъ причинъ, не были въ силахъ не только оплачивать государевы подати, но даже и пропитывать самихъ себя. При такихъ обстоятельствахъ, императоръ Петръ I именнымъ указомъ къ архангелогородскому губернатору повелѣтъ соудити волиалъ что если кто пожелаетъ взять такихъ крестьянъ къ себѣ въ половники, съ платежемъ за нихъ въ казну податей, то сіе дозволить, съ записями на сколько кто лѣтъ идти пожелаетъ. Тогда купцы, владѣвшіе пахотными землями, не вѣдавъ другихъ кто бы взять тѣхъ крестьянъ въ половники покусился“ и литая сожалѣніе къ разореннымъ крестьянамъ пожелали „прославить свое отечество“, взявъ ихъ въ свое владѣніе. Между тѣмъ на дѣлѣ оказалось что за половниками стоятъ недоимки за многіе годы и что они притомъ не имѣютъ ни скота, ни строенія, словомъ, что они чисто нищіе. И во первымъ стараніемъ купцовъ было оплатить въ казну крестьянскія недоимки, затѣмъ очистить поля поросшія лѣсомъ, осушить болота, унавозить не только ближнія, но и дальнія лашви и наконецъ, если оказывался недостатокъ въ угодьяхъ, то прикупить земельные участки на пользу крестьянъ и устроить имъ дворы, снабдивъ семью достаточнымъ количествомъ домашняго скота. Исчисливъ всѣ эти затраты Платниковъ усиливался доказать что на устройство половниковъ пожертвовано все благосостояніе купцовъ и даже ишли сіи послѣдніе въ превеликіе долги, такъ что еще многіе годы не будетъ имъ отъ сего никакихъ плодовъ могущи вознаградить убытки... Но затѣмъ, находя самъ такіа дѣлства кулечества странными и неразумными, Платниковъ объяснялъ ихъ исключительно стремленіемъ исполнить царскую волю и сердобольною подачею руки помощи несчастнымъ, чего никто другой, кромѣ ихъ, не пожелалъ сдѣлать. Что же касается до отдачи половниковъ въ рекрутскія роты, то, не отвергая факта, ораторъ объясняетъ что это дѣлалось кулцами за себя, вмѣсто локулки годов со стороны, каковая была запрещаемая; но такая практика рекрутъ изъ половниковъ, будучи производима по узаконенному разчету душъ, вынуждалась самимъ правительствомъ, которое, не требуя непосредственно съ владѣльскихъ крестьянъ исполненія рекрутской повинности, возлагало таковое съ купцовъ владѣвшихъ половниками. Да

Плотниковъ не отвергаетъ и приѣмъ купцами съ остальныхъ душъ, противъ расположеннаго набора, указныхъ десятъ, но объясняетъ это обстоятельство тѣмъ что, имѣя владѣніи малое количество крестьянъ, по пяти и по шести душъ, купцы входили между собою въ сношеніе, и образъ сообща годято рекрута, доплачивали по расчету выгами его владѣльцу. Наконецъ, въ личное услуженіе къ бѣ въ города купцы брали такихъ половниковъ которые тавались послѣ родителей малолѣтними, неспособными кормить себя своимъ трудомъ и слѣдовательно дѣлались это изъ челоуѣколюбія, почему таковыхъ крестьянъ купцы обучали на свой счетъ грамотѣ и мастерствамъ и по окончании или возвращали къ земледѣлію или помѣщали на заводъ, по ихъ желанію и съ платою, какъ вольнымъ работникамъ. Впрочемъ, брали на домашнюю прислугу и такихъ которые сами желали поступить на легкія работы, и живя въ ихъ, содержали при себѣ съ женами и дѣтьми, къ чѣму однако не приневоливая и увольняя отъ службы много по желанію. Затѣмъ купцы бездомочно вносили дана въ казну за всѣхъ содержащихся при ихъ домахъ малолѣтнихъ, бобылей и крестьянъ, не желающихъ заниматься ладотною работою. „Какой же былъ бы плодъ и прославленіе государству“, заключаетъ Плотниковъ, „еслибы крестьяне, пришедъ въ скудость, по разнымъ превратнаго счастья случаямъ, прѣбывали въ праздности въ всякаго руководства и питали себя мірскимъ лодаяніемъ?“. Что же касается до захвата купцами земельныхъ угодій, въ ущербъ черносошныхъ крестьянъ, то ораторъ оправдывается прибылью отъ того происходящею „высочайшему императорскаго величества интересу“ и доказываетъ что купцы не могли этимъ довести крестьянъ до крайняго убожества, ибо и сами они никакими государственными привилегіями не пользуются и всякімъ повинности не равнялись съ крестьянами. „Просто сказать и тотъ мундъ и другой, въ равномъ почти достоинствѣ.“ Относительно земли, по увѣренію Плотникова, въ Архангельской губерніи такихъ мѣстъ которыя не были бы „въ половниковомъ вѣдомствѣ“, и купецъ не только не можетъ сдѣлать посяжку какое-либо неудовольствіе, „но не можетъ и время само ему жить и въ оное что дѣлать назначить самовольно.“ Тотъ послѣдній выводъ онъ доказываетъ тѣмъ что много

было случаевъ что купцы иныхъ половниковъ отъ себя отпускаютъ, а тѣ отъ нихъ не отходятъ: а если теперь и подадутъ отъ нихъ просьбы на освобожденіе отъ половническихъ отношеній съ купцами, то причиной тому волостные сотскіе которые къ сему ихъ подстрекали, увѣряя что тогда и земли отъ купцовъ будутъ отобраны и имъ черносошнымъ крестьянамъ отданы. Купцы, по словамъ оратора, не сочтутъ потерей если отъ нихъ отберутъ половниковъ, ибо таковые никогда и не были у купцовъ вѣчными; но если свободные черносошные крестьяне возьмутъ къ себѣ безземельныхъ половниковъ отъ купцовъ, то не послужатъ ли таковые имъ же самимъ въ отягощеніе? Если же захотятъ отобрать половниковъ съ землями, то пусть возвратятъ купцамъ деньгами издержки какими были употреблены на обращеніе болотъ въ лашны и вообще на улучшеніе земель находящихся у нихъ въ половническомъ владѣніи.

Итакъ, изъ преній выяснилось что крѣпостныя отношенія крестьянъ къ владѣльцамъ представлялись въ трехъ узаконенныхъ видахъ: посессионномъ, половническомъ и собственническомъ по исключительному дворянскому праву. Къ послѣднему, чисто рабскому отношенію лицъ къ лицамъ, очевидно стремились на практикѣ владѣльцы и всѣхъ иныхъ звѣний, злоупотребляя законными поземельными и работными условіями высшаго неимущаго класса къ собственникамъ всякаго рода. Но изъ тѣхъ же преній выяснилось еще что при раскрытіи въ Комиссіи депутатовъ укоренившихся пороковъ, никто не рѣшался прямо защищать право собственности на людей. Даже дворяне, пользовавшіеся полнымъ крѣпостнымъ правомъ, видимо усиливались смягчить свои личныя отношенія къ крѣпостнымъ; что же касается до злоупотребленій дѣлаемыхъ лицами другихъ сословій, то въ преніяхъ слышатся только оправданія во взводимыхъ на владѣльцевъ обвиненіяхъ. Между тѣмъ, существующіе въ дѣлѣ факты и ясно обозначившіеся въ Комиссіи факты прямого рабовладѣнія естественно привели многихъ депутатовъ къ убѣжденію что безъ устраненія нѣкоторыхъ изъ упомянутыхъ законами поземельныхъ и фабричныхъ отношеній работниковъ къ ихъ хозяевамъ, невозможно устранить укоренившагося рабства, далеко не собственнаго русскаго нравамъ и обычаямъ. Екатерина II и близкія ей лица, видно, не менѣе депутатовъ сознавали неестественность

постылых порядковъ. Чтобы яснѣе понять колебанія депутатовъ въ этомъ отношеніи, не безынтересно припомнить что императрица, еще до открытія Комми́ссіи, такъ горячо была занята этимъ важнымъ предметомъ что отъ лица Неизвѣстнаго предложила вопросы о немъ Вольноэкономическому Обществу. Несмотря на выданную за удовлетворительный отвѣтъ премію доктору юриспруденціи изъ Алена Беардо, несмотря болѣе чѣмъ на сто поданныхъ объ этомъ предметѣ мнѣній, крѣпостное право осталось все-таки неизмѣннымъ. Причину такой нерѣшительности Екатерины Великой, дѣйствовавшей въ иныхъ дѣлахъ такъ рѣшительно, можно кажется найти въ запискахъ Дашковой, гдѣ она передаетъ свой разговоръ съ Дидро о крѣпостномъ состояніи въ Россіи. Выказывая что у ней самой не рабская натура и что поэтому она не можетъ быть и тираниномъ, княгиня Дашкова ссылается на доказательства опыта: если облабить власть помѣщика, то неизбежно начнется произволъ правительственныхъ властей или лучше самоуправство мелкаго чиновника, который подъ маской службы озлобитъ себя и грабить и развращать крестьянъ. Если развить дѣли приковыляющія крѣпостныхъ къ ихъ помѣщикамъ въ то же время ослабить кандалы наложенные на само дворянское сословіе, то, говоритъ княгиня, я первая подписала и такой договоръ своею собственною кровью. Но, прибавляетъ она, образованіе ведетъ за собою свободу, а не свобода ведетъ образованіе. Затѣмъ она поражаетъ и убѣждаетъ Дидро такого рода притчей: Представьте себѣ слѣпца, лежащаго на скалѣ надъ бездною; онъ не видитъ опасности своего положенія и весело ѣстъ, пьетъ, спитъ и пользуется тогда безсознательнымъ самоудовольствіемъ; но вдругъ туманъ снимаетъ повязку съ его глазъ: тогда онъ весь погружается въ созерцаніе окружающей его пропасти и невольно предается отчаянію.

Итакъ крѣпостное состояніе, а вмѣстѣ и общинное землевладѣніе крестьянъ императрица и приближенная къ ней она признавали нѣкоторою гарантіею невѣжественной массы отъ „хищническаго“, по выраженію княгини Дашковой, произвола провинціальныхъ начальниковъ. Съ этой точки зрѣнія, повидимому, смотрѣла на дѣло и Комми́ссія: она рѣшалась предпринять ломку издавна сложившагося

общаго государственнаго строя; но въ видахъ имущественнаго обезпеченія крѣпостныхъ крестьянъ, даже отъ произвольна такихъ же „хищныхъ“ владѣльцевъ какими въ то время считали провинціальныхъ чиновниковъ, депутатъ отъ Козловскаго дворянства Григорій Коробинъ, во время Петербургскаго періода засѣданій Коммиссіи, предлагалъ, какъ приводитъ г. Полѣновъ въ предисловіи къ своей первой книгѣ, ограничить власть помѣщиковъ надъ имуществомъ крестьянъ, сохранивъ только личное право надъ ними. Тогда другой депутатъ отъ дворянства Гороховецкаго уѣзда, Александръ Протасовъ, заявилъ что если принять мнѣніе Коробина, „то не останется другаго способа какъ сдѣлать крестьянъ свободными, еслибы на то было монаршее завѣщаніе,“ что однако считаетъ онъ возможнымъ исполнить только исподоволь. Это послѣднее условіе, въ связи со стремленіемъ дворянскихъ депутатовъ оградить имущественное положеніе крестьянъ, очевидно согласовалось съ Екатерининскимъ Наказомъ, въ которомъ 57 статьею указывалось что „законоположеніе должно примѣнати къ народному умствованію;“ а въ ст. 58 говорилось, что „для введенія лучшихъ законовъ необходимо потребно умы людскіе къ оному приготовить.“

Гораздо рѣшительнѣе и единодушнѣе возстали депутаты противъ посессионнаго права фабрикантовъ, приводящаго къ рабовладѣнію, и если противъ другаго такого же извѣстнаго подъ формою половничества, раздавалось Коммиссіи меньше протестовъ, то причиною этого evidentemente можно признать не столь значительное распространеніе этой системы въ Россіи. Впрочемъ, и относительно крѣпостныхъ правъ фабрикантовъ, прямой откликъ ихъ требовали только нѣкоторыя дворянства въ своихъ депутатскихъ наказахъ; въ преніяхъ же, какъ выше казано, предлагались только большія или меньшія ограниченія оныхъ. Пространнѣе всѣхъ выразились въ этомъ смыслѣ дворяне города Клина, прямо настаивая въ своемъ наказѣ чтобы „профессіи фабрикъ и заводовъ изъ милостивѣйшаго къ дворянамъ, а равно и поселянамъ, терпѣнаго милосердія, всевысочайше повелѣть производить большими работными людьми, а для сего деревень къ онымъ не имѣть.“ Но выразившись такъ рѣшительно, дворяне и с

созвали вѣроятно необходимость примѣненія закона „къ народному умствованію“, и потребность „умы людскіе къ оному приуготовить“, ибо тотчасъ добавляють что владѣльцы большихъ фабрикъ должны „учинить донесеніе дворянскому начальнику въ какомъ градусѣ ихъ фабрики или заводы состоятъ“ и въ этомъ случаѣ дворянскій начальникъ въ теченіе трехъ дней и не болѣе недѣли обязывается ихъ снабдить по наряду отъ помѣщиковъ соотвѣтственнымъ числомъ крѣпостныхъ работниковъ, въ добавокъ къ имѣющимся вольнонаемнымъ, но за одинаковую съ послѣдними плату. При этомъ дворяне города Клина находятъ необходимымъ сохранить за помѣщикомъ право замѣнить одного работника другимъ, а фабриканту предоставить право держать наряденныхъ сколько времени захочетъ или пока успеетъ замѣнить ихъ вольнонаемными. Въ наказѣ, особое примѣчаніе показываетъ потребность такой мѣры для охраненія земледѣлія отъ оскудѣнія, доставленія работъ празднымъ бродягамъ и умноженія усердія въ фабрикантахъ чрезъ сосредоточеніе ихъ занятій на одномъ дѣлѣ, такъ какъ деревни у нихъ будутъ отягаты. Съ другой стороны, Шуйское дворянство, предоставляя въ своемъ наказѣ право на содержаніе фабрикъ только кулеческому сословію, требуетъ чтобы работники изъ крестьянъ поступаая на фабрики, по отчаянному дозволенію, нанимались не по контрактамъ, а въ выдаваемыми изъ ихъ вѣдомствъ печатными паспортами, и чтобы всѣ приписныя къ фабрикамъ деревни былы тотчасъ же проданы или въ казну или по сносной цѣнѣ дворянству. Подобно тому и Тульскіе дворяне а priori куріозно показывая излишество фабрикъ, отказали въ пріемѣ въ казну кулечей, и одинаково съ Луховскимъ дворянствомъ требовали не только не дозволить кулечеству владѣющему фабриками и заводами покупать деревни, но и у имѣющихъ таковыя отобрать, ибо, какъ сказано въ этихъ обоихъ депутатскихъ наказахъ, „фабриканты отъ сего безъ работниковъ останутся, а лаче всѣмъ ворами и бѣглымъ людямъ и крестьянамъ первый каналъ къ лобѣгамъ и укывательствомъ пресѣченъ будетъ.“

Несмотря на такія энергическія требованія, не только полныя отнятыя possessіонаго права, но и требуемаго въ Коммиссіи ограниченія его Екатериною II введено не было, ибо

такимъ узаконеніемъ была бы потрясена въ основаніи установившаяся въ Россіи государственная система. А иной въ замѣну ея еще выработано не было. \*

(Продолженіе слѣдуетъ).

П. БЛАНКЪ.

\* Въ описаніи „Екатерининской Коммиссіи“, помѣщенномъ въ первой книжкѣ *Русскаго Вѣстника* 1876 года, напечатано (стр. 131). „Несмотря однако на усвоенную мною систему исключяющую всякій хронологическій порядокъ, а по особымъ обстоятельствамъ нашенеся вынужденнымъ принять раздѣленіе занятій Коммиссіи на два періода засѣданій, Московскій и С.-Петербургскій. Такой крупный хронологическій раздѣлъ не представляетъ неудобства, ибо основныя взгляды депутатовъ, по всемъ предметамъ обсужденій, уже достаточно высказались въ Москвѣ, такъ что на долю Петербургскаго періода достались болѣею частію только выводы изъ разсмотрѣнныхъ вопросовъ, что составляло почти исключятельно занятія спеціальныхъ коммиссій.“ Такъ было предположено въ началѣ. Но послѣ я получилъ третью книгу трудовъ почтеннаго г. Полянова и найдя въ ней продолженіе печатанія дворянскихъ наказовъ и сужденій депутатовъ, вошедшія въ *дневныя записки* Петербургскаго періода засѣданій Коммиссіи, о тѣхъ же самыхъ предметахъ государственнаго благоустройства, какіе обсуждались въ Москвѣ, по преимуществу о судоустройствѣ и судопроизводствѣ, а отказався отъ дѣленія на два раздѣла и обратившись къ принятой мною общей системѣ, по которой каждая глава составляетъ отдѣльное, независимое одна отъ другой описаніе особаго предмета сужденій. Такимъ образомъ, вовсе устранивъ какой-либо хронологическій порядокъ, группировалъ въ каждой главѣ высказанныя мысли попредметно только слѣгка указывая мѣстами гдѣ было по преимуществу обобщаемо то или иное предложеніе.

Для интересующихся имѣть точное свѣдѣніе о процентномъ отпадѣніи ораторовъ къ общему числу депутатовъ, означенному въ первой главѣ, слѣдуетъ добавить дополнительныя цифры собственно лишь въ оказавшихся только въ С.-Петербургскую сессію Коммиссіи, а именно Депут. отъ дворянъ 32, а всего съ московскими 75 ораторовъ; отъ городовъ 5, а съ Моск. 55 ораторовъ; отъ присут. мѣстъ 5, а всего 13 ораторовъ; отъ Лафа. земства всего 6 ораторовъ; отъ шляхт. всего 4 ораторовъ; отъ однов. крест. и пѣх. солдатъ 6, а всего 10 ораторовъ; отъ казак. и войск. 4, а всего 18 ораторовъ; отъ Татаръ Башкиръ и др. инородцевъ 2, а всего 11 ораторовъ. Итого въ Петербургскую сессію 54. Всего 202 ораторовъ.

Изъ объявившихся на принятіе участія въ Коммиссіи 460 депутатовъ, а изъ избранныхъ до 652; но изъ сего послѣдняго числа около 192 акцій вовсе не явились на сѣздъ. *Аст.*



---

# МОИ ПЕРВЫЕ ИСПЫТАНІЯ И УСПѢХИ, СОБЛАЗНЫ И ДѢЛА

---

ВОСПОМИНАНІЯ ОДИССЕЯ ПОЛИХРОНИАДЕСА, ЗАГОРСКАГО  
ГРЕКА \*

---

## VIII.

Наконецъ я дождался Благова. Онъ пріѣхалъ въ самый день Рождества на разсвѣтѣ.

Еще недѣли за двѣ до пріѣзда консула, въ городѣ ходили слухи о томъ что онъ близко. Говорили что онъ теперь въ Превезѣ или въ Артѣ; иные увѣряли будто бы онъ былъ и въ предѣлахъ свободной Элады, чтобы взглянуть на *дикихъ* Элиновъ героической Акарнавіи. Говорили даже что онъ видѣлся тамъ съ разбойниками и сводилъ съ ними тѣсную дружбу. (Со временемъ я объясню тебѣ, на чемъ основана была эта выдумка.) Разказывали также шелотомъ и съ радостію что онъ старается повѣсить *большой колоколъ* въ Артѣ или въ Превезѣ на христіанскомъ храмѣ. И это будетъ у насъ несмыслимое дѣло; будетъ этотъ колоколъ первымъ колоколомъ въ Элрѣ, и увидать люди, вѣрить ли впредь или не вѣрить имъ вовсе султанскимъ *гати-шерифамъ* и *гати-гулаюнамъ*.

\* См. Русск. Вѣсти. № 1.

Полагали что это однако вовсе не легко; вотъ почему: каймакамъ \* въ той сторонѣ былъ рожденъ въ христіанствѣ; его въ дѣтствѣ звали Василиемъ; поздѣе онъ былъ совращенъ въ исламизмъ и потому наши Турки элирскіе ему не вѣрили. Ихъ у насъ по городамъ не очень много и они стараются сплотиться между собою тѣснѣе, чтобы поддержать другъ въ другѣ пламень религіознаго своего чувства предъ лицомъ столькихъ *неверныхъ* и у самыхъ предѣловъ этой независимой и всегда раздраженной Греціи: они вѣчно недоуверчивы, неуступчивы, они въ одно и то же время какъ будто и напуганы и сердиты.

О каймакамѣ этомъ и безъ того Турки говорили такъ: „Развѣ онъ Мехмедъ? Развѣ онъ Мустафа? Онъ не Мехмедъ и не Мустафа—онъ Василий.“

Трудно было такого каймакама убѣдить чтобъ онъ не прелятствовалъ всячески вознесенію на высокую колокольню христіанскаго колокола въ городѣ и чтобъ онъ согласился дать Туркамъ новый поводъ называть его „Василіемъ“ и интриговать противъ него.

Наши архонты сомнѣвались въ успѣхѣ, улыбались и говорили: „Похвалимъ, похвалимъ Благова, превозмесемъ и прославимъ имя его, если его начинанія эти будутъ успѣшны.“

И всѣ мы желали скорѣе узнать что тамъ было. Я какъ влюбленный, какъ очарованный бродилъ около Русскаго консульства, и не проходило дня чтобъ я не заходилъ къ Бостанджи-Оглу или къ кавассамъ узнать: „Когда будетъ консулъ? Не пріѣхалъ ли онъ?“

Я все ломилъ слова Благова сказанныя имъ въ Загорахъ „Мы повеселимъ тебя въ Яницѣ, Одиссей!“ И еще хотя сердечное озлобленіе мое противъ сеиса и софты, которые меня прибили, и противъ начальства турецкаго, которое не наказало ихъ, уже почти прошло, но все-таки самолюбію моему было бы очень пріятно еслибы, придя лутру въ училище, могъ тамъ сказать при всѣхъ: „Слышали вы какъ вчера отмстилъ русскій консулъ Туркамъ за безчестіе нанесенно сыну его драгомана?“

Въ одинъ изъ такихъ дней ожиданія, я сказалъ архистратигу Маноли:

— Господинъ Маноли, мой добрый, исполните мою просьбу!

\* *Каймакамъ*—въ родѣ уѣзднаго начальника.

следите меня наверхъ во внутренніе покои господина Благова. Я никогда еще ихъ не видалъ и стараю желаніемъ видѣть, потому что всѣ говорятъ что тамъ царствуетъ роскошь и красота.

Маноли отвѣчалъ мнѣ въ духѣ благосклонности:

— Ты справедливо говоришь, мой Одиссей, что у насъ наверху царствуетъ роскошь и красота. И я съ величайшимъ удовольствіемъ отолпу тебѣ все.

Я обрадовался и онъ тотчасъ же повелъ меня.

Я можетъ-быть забылъ сказать тебѣ что прекрасный этотъ конакъ\*, въ которомъ помѣщалось Русское консульство, принадлежалъ имѣнно тому самому Шерифъ-бею, племяннику Абдурраима-эффенди, съ которымъ Исаакидесъ имѣлъ несомнѣнно чистую тяжбу, къ несчастію переведенную имъ (какъ ты конечно не забылъ) на имя отца, въ очень тяжелую для насъ минуту.

Шерифъ-бей построилъ этотъ конакъ для себя недавно. Онъ былъ новымъ зданіемъ, но въ старинномъ вкусѣ. Бей думалъ женившись самъ поселиться въ немъ; но когда и его дѣла, и дѣла его дяди стали приходить въ разстройство и сумма долговъ уже грозила превысить все состояніе ихъ, Шерифъ-бей перешелъ въ наемный и худшій домъ, а свое новое и блистательное жилище со вздохомъ отдалъ г. Благову за большую цѣну.

Когда Маноли растворилъ дверь въ пріемную, я остановился въ изумленіи. Я никогда еще не видывалъ подобнаго сочетанія азіятскаго вкуса съ европейскимъ порядкомъ и опрятностью...

Правда, здѣсь не было того множества вещей, монетъ, драгоценностей, посуды, раковинъ, какъ у стараго Англичанина; здѣсь, напротивъ того, все было просторно и даже весьма пусто. Но за то какъ все было и свѣжо, и богато, и красиво!

Не зналъ я, на что мнѣ прежде дивиться. Чѣмъ любоваться. Что изучать. Какой драгоценности касаться осторожной рукой.

Домъ Шерифъ-бея былъ по отдѣлкѣ своей первый домъ въ городѣ. Поднималъ я глаза свои на деревянный потолокъ — онъ былъ весь въ самой хитрой рѣзбѣ; выкрашенный, фигурный, совсѣмъ новый, и въ мелкихъ углубленіяхъ рѣзбы

\* Большой домъ, хоромы.

блестѣла позолота. Рѣзба дорогая была вездѣ гдѣ только было дерево въ этомъ обширномъ покоѣ: и вокругъ множества оконъ, и отъ полувысокихъ карнизовъ вверхъ по стѣнамъ до оконъ; на дверяхъ и вокругъ дверей, и на дверцахъ шкаловъ, вѣшанныхъ по-восточному въ стѣну, и на маленькихъ полочкахъ около шкаловъ. Все рѣзба. Все цвѣты, и звѣзды, и завитки тысячи родовъ, и листья, и какія-то чудныя вѣтви; и олять завитки, и олять звѣзды, и олять цвѣты...

Смотрѣлъ я на стѣны и дивился лѣльной алебастровой работѣ... Вездѣ гдѣ не было деревянной рѣзбы, были тоже звѣзды, и цвѣты и завитки, и фрукты, и листья... но бѣлые, алебастровые, какъ бывають капители на церковныхъ колонахъ... Были даже и колосья металлическіе, облѣпленные этимъ составомъ, которые колебались отъ всякаго движенія двери или сотрясенія мостовой, потому, я думаю, что они были на витыхъ проволокахъ.

Глядѣлъ я внизъ—я видѣлъ что ноги мои стоятъ на чистой, свѣжей, блестящей циновкѣ, тончайшей, не *здѣлной* работы (должно-быть египетской); вся она была шахматная, лурпуровая съ бѣлымъ.

Подходилъ я къ оконкамъ,—на нихъ на вѣсахъ были завѣсы еще изумительнѣе и циновки, и потолокъ, и лѣпныхъ алебастровыхъ стѣлъ. Это были большіе, толстые, темные *кызъ-келимы* изъ дальняго Курдистана; ковры безъ бархатнаго ворса, всѣ въ широкихъ цвѣтныхъ разводахъ, лосахъ и треугольничкахъ бѣлыхъ, розовыхъ, голубыхъ...

Я коснулся рукой ихъ прочной тканію и еще болѣе увидялся. Я увидалъ что въ тканію этихъ странныхъ ковровъ былъ затканъ лучокъ разноцвѣтнаго шелка... Я взглянулъ въ другое мѣсто—была другая такая же кисточка шелковая; въ иномъ—еще перышки лтичи разноцвѣтная... Мнѣ показалось даже что на одномъ изъ этихъ ковровъ я увидѣлъ небольшую прядь волосъ человеческихъ.

Манюди улыбалася, глядя на мое восхищеніе, и говорилъ торжественно:

— *Кызъ-келимы! Коверъ двоицы.* Ихъ ткуть невѣсты на приданое. Шелкъ затканъ; перья. Невѣсты ткуть и кладутъ около себя разныя вещи и что имъ попадается подъ руку, то и влетаютъ въ ткаанъ... Очень любопытно!...

Смотрѣлъ я на мебель туда и сюда, направо, и налѣво,—я

видѣлъ что нѣтъ вокругъ всей комнаты однообразнаго и сплошнаго дивана, какъ у Турокъ или у нашихъ армянтовъ, и нѣтъ тѣхъ гадкихъ, дешевыхъ европейскихъ диванчиковъ и креселъ съ пружинами, которыхъ я видѣлъ столько на Дунаѣ въ дѣтствѣ, не понимая даже тогда до чего они гадки. Нѣтъ! Здѣсь были тамъ и самъ нѣсколько дивановъ отдѣльныхъ, на подобіе турецкихъ, они были гораздо ниже обыкновенныхъ нашихъ и обиты дорогими бархатистыми мелко-узорчатыми персидскими коврами. Ты знаешь (знаешь ли ты персидскіе ковры, живя всегда въ Аѣцнахъ? Для меня это вопросъ, прости мнѣ), \* краски персидскихъ ковровъ вовсе не ярки и нѣсколько суровы... Но узоры ихъ божественны, и правъ былъ тотъ Англичанинъ который еще недавно находилъ восточные ковры несравненно лучшими европейскихъ уже по тому одному что Азіатцы изображаютъ лишь однѣ небывалыя фигуры, узоры свободно-создающей фантазіи, а не церкви, не безобразныхъ дамъ съ зонтиками подъ деревомъ, не тигровъ и охотниковъ трубачихъ въ рогу и по *которымъ*, говоритъ этотъ Англичанинъ, мы никогда ногами не ходимъ! Всѣ эти дорогіе персидскіе ковры, которыми были обиты живкіе и широкіе диваны Благова, были нѣсколько темны и строги красками, сказалъ я. Только два

\* Не должно удивляться что молодой человекъ рожденный и выросшій въ Турціи почти вовсе не видалъ хорошихъ восточныхъ вещей. Изъ вовсе не легко встрѣтить въ нынѣшней Европейской Турціи. Западныя моды самаго *дурнаго тона* уже давно господствуютъ въ высшихъ (то-есть административныхъ, коммерческихъ и ученыхъ) слояхъ тамошняго общества вохъ неподдавай безъ различія. И у христіанъ вкусъ еще хуже и вульгарнѣе чѣмъ у Турокъ. Чтобы видѣть хорошія восточныя вещи надо или ѣхать въ Азіатскую Турцію, или *отыскивать* ихъ нарочно на Царегородскомъ Старомъ Базарѣ, или посѣщать посольства, особливо Русское. Можетъ-быть еще такого рода прекрасныя произведенія декоративнаго азіатскаго искусства можно встрѣтить у очень немногихъ нашихъ. У тѣхъ, вѣроятно, которые настолько уже *европеизировались* что ихъ дюжиннымъ европействомъ не удивишь... Этому уладку вкуса способствуетъ и разстройство мѣстной промышленности въ Турціи, вслѣдствіе слишкомъ несообразной съ ея экономическими силами *свободною торговлей*. Самые дурныя и фальшивыя произведенія Запада сбываются по дешевизнѣ своей хорошо разорванными туцержкимъ беямъ и скульнымъ христіанскимъ старшинамъ. *Аст.*

дивана были покрыты малоазіатскими коврами необычайной яркости и гармоническаго соединенія самыхъ сіяющихъ цвѣтовъ: лазурная бархатистая шерсть чередовалась съ арко-розовою; изъ розовой арабески выходилъ свѣтло-зеленый листъ. Въ срединѣ черной звѣздочки была палевая звѣздочка, а въ палевой—бѣлая.

По концамъ дивановъ были положены особыя очень большія подушки, круглыя какъ цилиндры, изъ шелковой алой и голубой матеріи съ золотыми полосками... И такихъ подушекъ, и такой ткаки я тоже не видѣлъ еще ни въ Тульчѣ, ни въ Эпирѣ!.. Заднія подушки у стѣнъ были тоже какія-то особыя, все шелковыя, но на яркихъ малоазіатскихъ коврахъ онѣ были черныя атласныя, вышитыя разными шелками, а на темныхъ персидскихъ были яркія подушки...

Были еще стулья и кресла тяжелой, рѣзной, хорошей работы нашихъ эпирскихъ столяровъ; такія однако какихъ никто у насъ не дѣлаетъ, а по рисункамъ. Былъ столъ большой, круглый и на немъ вокругъ лампы высокой лежало много книгъ въ золоченыхъ и разноцвѣтныхъ переплеткахъ съ разными изображеніями и рисунками. Была большая чугунная англійская печь фигурная; были американскія качающіяся кресла...

Тѣхъ дешевыхъ гравюръ и мелкихъ фотографій на стѣнахъ, которыми теперь такъ богаты наши жилища и на которыхъ какой-нибудь усатый дядя, окруженный дѣтми, обнимаетъ тетку,—здѣсь не было вовсе. Въ углу висѣла икона Спасителя; кроткій ликъ, свѣтлый, молодой и, однако, еврейскій; икона была вся въ золотѣ и *почернѣломъ* серебрѣ... (И Маголи воскликнулъ: „Серебро почернѣвшее. Это *нѣрочно!* Вкусъ! калризь!“) А на другой стѣнѣ, между дверцами разныхъ шкаловъ, висѣла одна только большая картина: три полуобнаженныхъ женщины, голыя, всѣ бѣлокуроыя и по-моему не очень красивыя, стояли и сидѣли подъ тѣнистымъ деревомъ. Подальше виденъ былъ пастушокъ съ овечками и по-сохомъ, тоже полувагой и безбородый, и надъ нимъ склонялся другой человекъ въ круглой шалочкѣ съ крыльями; онъ подавалъ пастушку яблоко. Устремился я къ этой картинѣ и спросилъ: „Это чтѣ еще!? Какія эти толстыя женщины?“ А Маголи мнѣ: „Ты знаешь, вѣрно, это лучше меня; это былъ прежде одинъ *воръ Парисъ*. Онъ укралъ одну Елену.“ И я тотчасъ понялъ что рѣчь шла о Троянской войнѣ которую, конечно, я зналъ хорошо и лучше Маголи...

Такова была приемная у русскаго консула! Потомъ добрый Маноли повелъ меня въ его кабинетъ, который былъ одного размѣра съ этою приемной и выходилъ на другомъ концѣ галереи такимъ же точно выступомъ на дворъ. Тамъ было тоже много хорошаго, но все было проще и дешевле. Вѣсто циновки тутъ по всей комнатѣ былъ зѣшній медовскій заказной коверъ, чернѣй, съ крупными лестрыми звѣздочками.

Было многое множество книгъ и бумагъ на огромномъ столѣ. Опять широкіе и узкіе диваны, большіе портреты на стѣнахъ и еще нѣсколько треножниковъ особыхъ и высокихъ, на которыхъ стояли рамы, обтянутыя лодотномъ... На одномъ столѣ въ безпорядкѣ были разбросаны краски, палитра и кисти...

Я смотрѣлъ на Маноли и онъ улыбался мнѣ. Потомъ, подойдя къ одному изъ портретовъ, онъ сказалъ мнѣ:

— Отецъ Благова, полководецъ!... И еще: — Мать Благова, игемонической \* крови мадама!

И, подпершись локтѣмъ этого въ бока руками, Маноли взглянулъ на меня безъ улыбки, а такъ какъ будто онъ самъ уже давнымъ давно породнился съ предками Благова и свисходилъ лишь по добротѣ душевной къ общественному моему ничтожеству.

Отецъ Благова былъ точно генералъ; онъ казался на видѣ лѣтъ сорока, глядѣлъ строго какъ орелъ, немного въ сторону; на груди его были латы, рукава бѣлые, а воротникъ синий; сверхъ латы звѣзда и много крестовъ. Волосы его были свѣтлы и очень кудравы... У него не было ни усовъ, ни бороды...

Что касается до матери Благова, то она была изображена въ бѣломъ легкомъ платьѣ, въ саду. Лицо ея было худощаво и гораздо смуглѣе чѣмъ у мужа, а глаза темно-синіе, прекрасныя, *романтическіе*, скажу я теперь; *добрыя* (подумалъ я тогда); на черныхъ волосахъ ея былъ вѣнокъ изъ мелкихъ голубыхъ цвѣтовъ, какихъ-то сѣверныхъ, какихъ у насъ я не встрѣчалъ.

Пока я смотрѣлъ задумчиво на знаменитыхъ родителей моего Акивиада и привлекали меня ихъ лица и странныя тогда для меня одѣянія, такъ что я оторвать отъ нихъ взо-

\* Игемонъ — князь, владыка.

ровъ моихъ не могъ.... Маноли подошелъ къ другой стѣнѣ и, обернувъ одну изъ рамокъ обтянутыхъ полотномъ, поставилъ на треножникъ картину и сказалъ мнѣ:

— Одиссей, смотри что это!...

Я взглянулъ, присмотрѣлся и узналъ что это былъ начатой, но еще не оконченный видъ нашей Янинской крѣпости, такъ величаво воздвигнутой надъ озеромъ. Густая, высокая зеленая трава вокругъ узорнаго чугуна турецкихъ почетныхъ могилъ. Колонны мечетей изъ двѣтцаго мрамора, тѣ самыя колонны которыя иными почитаются за остатки Додонскаго прорицателя; древовидный, величавый старый плющъ на полуразрушенной стѣнѣ. Небо голубое.... синяя вода.... И людей никого. Только одинъ Турокъ съ длинною бѣлою бородой, въ зеленой чалмѣ и голубой одеждѣ, молится по книжкѣ, сидя въ тѣни у Додонскихъ колоннъ на травѣ....

Я всплеснулъ руками: „Это онъ рисуетъ?...“ спросилъ я.

Маноли раскрылъ еще другіе рисунки и бумаги.... И я увидалъ разныя вещи и здѣшнія и не здѣшнія, и изумлялся и восклицалъ, смотря на нихъ....

Потомъ подумалъ я такъ: „А на что ему, Благову, при такомъ высокомъ званіи, трудиться надъ этимъ ремесломъ?“

Подумалъ, поколебался и спросилъ такъ у Маноли:

— Не трудна ли эта работа?... Находить время онъ трудиться?...

— Такъ любить онъ! Высокое искусство!...

Но, между тѣмъ, я, новый Бакъерь-Алмазъ, мудрый политикъ, задумалъ нѣчто тонкое и, лукаво взглянувъ на Маноли, сказалъ:

— Киръ-Маноли, такъ ли это?

Маноли не хотѣлъ отстать отъ меня въ тонкости, двусмысленно улыбнулся и отвѣчалъ:

— Кто это знаетъ?..

— Вотъ то-то! И я говорю *кто знаетъ!* продолжалъ я ободряясь.—Знаешь ли что.... Не ищетъ ли онъ подъ этимъ предлогомъ планъ крѣпости снять для російскаго сюда на шествія....

— Ба! возразилъ Маноли, размышляя.—Я думаю что если и такъ, то здѣсь не Дунай! Далекъ отъ Россіи и сообщеніи прямого нѣтъ.

— Союзъ съ Сардиніей или Франціей, замѣтилъ я.—Для Россіи все это, я думаю, возможно.... Были же, вы знаете Русскіе въ Корфу.



Маюли взглянул на меня съ почтениемъ и сказалъ что я хоть и юнъ, но много грамотнѣе и ученѣе его, онъ къ тому же *аскеръ*, воинъ человекъ, а я сынъ купца, человека политическаго, и могу это все видѣть тоньше и дальше его...

— И еще, прибавилъ онъ съ любовью, — васъ, Загорцевъ всѣхъ, это извѣстно, самъ дѣволъ соткалъ и выткалъ....

Увы! мнѣ очень скоро суждено было убѣдиться что Маюли былъ правѣ меня, объясняя все это просто: „высокое искусство!“

Очень скоро суждено мнѣ было смириться, сознавъ что если я былъ грамотнѣе и ученѣе кавасса, то во многомъ онъ былъ несравненно болѣе моего тѣмъ что нынче зовутъ *развитой* человекъ....

— Оставь теперь политику! воскликнулъ онъ потомъ; — я тебѣ покажу еще одно зрѣлище... Поди сюда!

Онъ отвелъ меня въ другую, небольшую комнату, которая была рядомъ съ кабинетомъ. Въ ней оставовилась я тотчасъ же предъ чѣмъ-то подобнымъ престолу церковному; это былъ какъ бы драпированный кисеей столикъ.

— Что за вещь!... Какъ престолъ церковный! воскликнулъ я.

— Развѣ не видишь зеркала? сказалъ Маюли, — это туалетъ эффеиди....

Въ самомъ дѣлѣ, на туалетѣ стояло довольно большое зеркало въ серебряной оправѣ, стояли духи, разные ножички, песточки и, между прочимъ, каучуковая какаа-то вещьца въ пузырь со стклякой и трубочкой.... Маюли взялъ ее и кругъ началъ пожимать что-то, омыскивая меня всего тоньшею пылью благоуханія....

— Вотъ это вещь! говорилъ я. — Вотъ это жизнь!

— Европа! Просвѣщеніе! Наука! значительно замѣтилъ Маюли; потомъ, притворивъ дверь въ кабинетъ, онъ взялъ меня за руку и подвелъ къ стеклянному окну, которое было въ этой двери.

Окно было закрыто небольшою занавѣской. Маюли приподнял одинъ уголъ и велѣлъ мнѣ смотрѣть оттуда въ кабинетъ и спросилъ:

— Что ты видишь?

Я смотрѣлъ почти съ испугомъ. Не знаю что я думалъ... Можетъ-быть я ожидалъ что онъ покажетъ мнѣ что-нибудь необычное....

— Я ничего не вижу! сказалъ я наконецъ.

— Видишь этотъ диванъ у печки?

— Вижу.

— Видишь ли столъ предъ диваномъ и кресло которое качается?...

— Вижу.... Такъ что жь?...

— А то что я скажу тебѣ, Одиссей, одинъ величайшій секретъ, потому что я тебя очень люблю и отца твоего уважаю непомерно. Лѣтомъ здѣсь на диванѣ сидѣла ханума... Какаа ханума!... Не здѣшняя!... Стамбульская ханума! *Меймура* \* супруга. Передже модное изъ сивяго атласа... Да, мой Одиссей, ты это подумай! Она пришла съ величайшею опасностью для себя; одна только Арабка-рабыня ее провожала... Я умиралъ взглянуть на нее; разулся и подкрадся черезъ спальню къ этимъ дверямъ и глядѣлъ.

Манолу съ такимъ жаромъ изобразилъ прическу ханумы, ея сброшенное назадъ покрывало и лунцовое платье съ букетами (во всю мою руку букеты! показывалъ онъ) что я какъ живую воображалъ ее на пустомъ теперь диванѣ, съ улыбкой облокотившуюся на столъ.

— Что жь ты видѣлъ? спросилъ я въ волненіи, почти въ ужасѣ.

— Ничего! Сидѣла она съ ногами на этомъ диванѣ предъ столомъ, вотъ такъ опершись на руку, и смѣялась, и говорила что-то. А эфенди предъ нею качался въ креслѣ и умибался, слушая ее. Потомъ онъ всталъ, налилъ изъ графина воды, взялъ варенья и все подалъ ей на подносѣ... И опять сѣлъ...

— Самъ подалъ? Самъ? воскликнулъ я.

— Да! самъ подалъ. Мои глаза это видѣли. А что они говорили—не знаю. Они говорили очень чисто по-турецки какъ бы по-элаински. \*\*

— Ахъ, жаль мнѣ *это!* сказалъ я печально. — Вѣдь это грѣхъ большой... Зачѣмъ бы ему такъ поступать, Благову

— Пусть грѣхъ! возразилъ Манолу, — однако все-таки это какъ бы триумфъ для нашихъ, Турка одного лишняго рогъ носцемъ сдѣлать! Все же наше лааликарство, а не ихнее! Сашалъ ты это, морѣ Одиссей мой!

\* Чинлованъ.

\*\* Этимъ кавказецъ хочетъ сказать что она говорила литературнымъ турецкимъ языкомъ, смѣшаннымъ съ персидскимъ и арабскимъ. Ас

Однако это объясненіе легкомысленнаго капитана Манолу не удовлетворило и не успокоило меня.

Моя полуволшебная, но чистая и строгая картина консульской жизни помрачилась на нѣсколько времени чѣмъ-то неприятнымъ и страшнымъ. И стало жаль мнѣ Благова, какъ будто я узналъ навѣрное что смерть его будетъ *лютой*, какъ смерть грѣшника и закоснѣлаго въ грѣхѣхъ человѣка. И сталъ онъ предъ моими собственными очами не такъ недосыгаемъ, не такъ возвышенъ надъ всѣмъ окружающимъ и его и меня. Неидетъ, говорилъ я самъ себѣ, уходя домой къ отцу Арсенію.—Неидетъ ему это... Онъ не Куско-бей!..“

Да! я думалъ такъ. И тогда яснѣе прежняго и значительнѣе представились мнѣ слова отцовскія, прощальныя его слова въ хану, когда онъ уѣзжалъ въ Тульчу: „Если есть у тебя разумъ, то связей не бросай, ходи въ хорошіе дома, бери полезныя въ нихъ примѣры образованности и благородства, а что твоему возрасту не пристойно и что несообразно со строгою нравственностью добраго православнаго, отъ того устранийся. Вотъ тебѣ мое слово отеческое! Я сказалъ, а ты это помни!“

Однако, понемногу, понемногу... мои молодая мысли... Ахъ, другъ мой! Не напрасно, конечно, молотъ столькохъ отцовъ церкви нашей сокрушалъ прекрасныя изваянія языческихъ боговъ!... Конечно не напрасно столькое вѣка китѣла борьба изящныхъ, но сладострастныхъ демоновъ Олимпа противу суровыхъ и чистыхъ угодниковъ распятаго Христа. Изваянные, видимые боги зла и наслажденія стали безсильны и не страшны. Ими можно украшать богатые покои, не боясь того что отъ присутствія кумира скорѣе повѣришь въ его незримый, скрытый за прекраснымъ изваяніемъ, порочный идеалъ, не боясь что повѣришь и поклонишься ему. Но чѣмъ-то незримый этотъ идеалъ, обворожительный и живой... Развѣ погибъ онъ навсегда? Развѣ не ежедневно, не ежедневно, мой добрый другъ, должны мы трепетать его? И развѣ не во всеоружіи того браннаго доспѣха, которымъ одѣтъ и скрытъ насъ можетъ одно лишь ученіе церковнаго аскетизма (ибо оно не отъ міра сего), должны мы выходить на шумное состязаніе этой всюду сіяющей и вѣчно томительной жизни мірской. Однѣ скучныя рѣчи нравственнаго долга могутъ овладѣть безпокойнымъ сердцемъ нашей юности бушующей плотью молодечества нашего, когда нѣтъ надъ

главами нашими еще инаго закона. Когда нѣтъ такого закона который не требуетъ ежеминутнаго разумнаго согласія съ нашей стороны (ибо при внутрешней измѣнчивости самой сильной души человѣческой, что во вѣки, скажи, утвердится на ней?), а говорить намъ только: „Повинуйся, ибо Я такъ сказалъ!“....

Отецъ Арсеній мой вначалѣ вдовства своего прожилъ нѣсколько времени на утесахъ унылаго Синая и въ лѣсахъ Аѳонской горы. Простой и неопытный во многомъ житійскомъ, онъ былъ очень свѣдающъ и умелъ въ порядкѣ своихъ мыслей и въ области тѣхъ знаній которыми онъ посвятилъ себя.

Однажды, позднѣе, я спросилъ у него въ одну тяжелую для меня минуту:

— Старче мой! Скажи ты мнѣ искренно, именемъ Божиимъ прошу тебя, какъ ты думаешь, почему заше духи являлись глазамъ древнихъ людей, какъ увѣряетъ насъ священное преданіе, и почему не являются они нашимъ глазамъ?

Отецъ Арсеній взглянулъ на меня тогда внимательно и зорко. Въ глазахъ его, я помню, внезапно засвѣтился пламень нѣкоей радостной вѣры и, поразмысливъ немного, онъ отвѣчалъ мнѣ такъ:

— Тогда у всѣхъ, и у самихъ язычниковъ, было много вѣры. Теперь люди стали немощны и вѣра слабѣетъ. Земля сама старѣетъ, и люди стали скоро дряхлѣть и духомъ и плотью. Ослабѣли силы, ослабѣла вѣра. Теперь замѣтъ духамъ-искусителямъ выгодаше не являться намъ во-очію... Они говорятъ себѣ: „И такъ хорошо!“ Явись маловѣрному человѣку или безбожному демонъ во-очію... И пойми онъ что это демонъ, онъ послѣ этого станетъ вѣрить всему доброму крѣпче.

Такъ прекрасно отвѣтилъ мой благородный старецъ отецъ Арсеній.

Но эта бесѣда наша была, говорю я, много позднѣе, въ одну очень тяжелую для меня минуту.

А тогда?.. Тогда скоро мысли мои приняли менѣе печальное теченіе и менѣе суровый характеръ.

## IX.

Я скоро забылъ... Не самое Турчанку въ таинственномъ кабинетѣ молодого дипломата, не синее атласное переднѣе ея, не волосы стриженные на вискахъ, не позу у стола, не платье красное... Не это все, конечно, вѣтъ! Я забылъ только первое печальное движеніе моего собственнаго сердца и сталъ снова ожидать Благова съ нетерпѣніемъ, началъ снова скитаться около консульства, если не всегда тѣломъ (потому что уроки надо было учить и въ школу ходить), то по крайней мѣрѣ душой, какъ скитались около входа въ Элизіумъ тѣни непогребенныхъ людей, которыхъ не пропустилъ неумолимый переводчикъ черезъ страшный Стиксъ.

За нѣсколько дней всего до возвращенія Благова, я опять было сталъ терять надежду увидѣть его скоро. Пріѣхалъ изъ Арты или Превезы одинъ купецъ и разказывалъ съ восторгомъ о томъ, съ какимъ великимъ почетомъ принималъ г. Благова тамошній каймакамъ. Цѣлый взводъ лѣшихъ аскеровъ, подъ командой офицера, встрѣтили консула за городомъ, и онъ въѣзжалъ въ городъ тихо на своемъ прекрасномъ рыжемъ конѣ, и воины, держа ружья по формѣ, въ два ряда шли по обѣимъ сторонамъ коня, а впереди шелъ офицеръ, командуя гдѣ нужно: „Азъ-дуръ!“ „Селямъ-дуръ!“ \* Потомъ каймакамъ пріѣхалъ самъ къ тому архонту у котораго Благовъ останавливался, и при греческихъ старшинахъ, при епископѣ, при всѣхъ сказалъ ему: „Воздухъ благоуханія вашего дошелъ давно и до насъ издалека.“ Г. Благовъ надеется повѣсить колоколъ и кажется не хочетъ уѣзжать отсюда пока не увѣрится что каймакамъ въ этомъ дѣлѣ его не обманываетъ...

Такъ говорилъ купецъ; но не больше какъ дня черезъ два г. Благовъ прискакалъ, съ однимъ только провожатымъ, на разсвѣтѣ, въ Яниву.

Новое необычайное обстоятельство вызвало его въ нашу городъ внезапно.

Однажды, проснувшись утромъ, люди городскіе съ изумленіемъ услышали новость: г. Бреше ударилъ въ лицо г. Баклева. Почти всѣ Греки, даже и не особенно расположенные

\* Стой! На караулъ!

къ Россіи, ощутили въ себѣ какъ бы внезапный и сильный приливъ какого-то не то чтобы патриотическаго, а скорѣе *обще-православнаго* чувства и пришли въ негодование... Многие слѣшили спросить: „Неужели голова лалистана еще дѣла послѣ этого?“ Не говоря уже о чувствѣ мести и отвращенія которое питали къ императорской Франціи столь многіе Греки въ то время когда еще не возрасли болгарскія претензіи до нарушенія правилъ церкви и не раздражили вѣличкаго чувства въ народѣ противъ Славянъ и Россіи, не говоря уже объ этомъ политическомъ чувствѣ, было еще чувство личной ненависти къ самому Бреше, гордому и грубому со всѣми безъ разбора.

Во всѣхъ движеніяхъ, во всѣхъ словахъ, во всѣхъ поступкахъ этого влаго и тщеславнаго человѣка дышало такое глубокое презрѣніе ко всему *нашему*, мѣстному, восточному, безъ разбора турецкое оно или греческое, что инаго чувства оны населенію и внушить не могъ. Были даже люди которые утверждали и клялись что оны беретъ большія взятки съ богатыхъ турецкихъ подданныхъ, чтобы подъ разными предлогами вмѣшиваться въ ихъ тажбы и дѣла, и выигрывать для нихъ самыя несправедливыя процессы, благодаря безстыдной смѣлости своей съ Турками.

Тѣ немногіе только люди для которыхъ оны за большіе деньги дѣлаалъ это готовы были хвалить его, но не иначе какъ лицемерно. Съ такими людьми оны обращался еще хуже чѣмъ съ другими, и одного изъ архонтовъ, обязаннаго ему подобнымъ образомъ, оны своею рукою билъ гиплопотамскимъ бичомъ, преслѣдуя его съ дѣстницы за то что тот осмѣлился сказать ему съ значительнымъ удареніемъ: „Д сихъ поръ я думалъ что консульство Франціи *безусловно* вліятельно въ конакѣ лаши!“

Что касается до г. Бакѣва, то хотя его у насъ не считали ни способнымъ, ни энергическимъ человѣкомъ, но крайней мѣрѣ никто не видалъ. отъ него особыхъ оскорбленій, а всегда почти видѣли желаніе помочь христіанамъ.

Понятно послѣ этого какъ всѣ вознегодовали и почужаснулись, услыхавъ что Бреше оскорбилъ управляющаго Русскимъ консульствомъ.

Однако очень скоро всѣ мы узнали что дѣло было не совсемъ такъ... Бреше не ударилъ г. Бакѣва, оны сказалъ е только: „Я сейчасъ былъ у васъ на квартирѣ *pour vous mettre la main sur la figure*“.

Что хотѣлъ сказать этимъ злой Бреше? Хотѣлъ ли онъ передать по-французски презрительное восточное наше движеніе руки, когда мы говоримъ сердясь: „на вотъ тебѣ!“ и накадываемъ всю ладонь на глаза противнику? Или онъ придумалъ этотъ странный оборотъ желая замѣнить имъ слишкомъ ужь грубое выраженіе „ударить васъ“? Не знаю...

Но такъ или иначе, Бакѣеву было нанесено этими словами глубокое оскорбленіе.

Вотъ какъ оно было. Бакѣевъ не умѣлъ жить *по-своему*, такъ жить какъ жилъ г. Благовъ. Онъ не занимался живописью, не интересовался особенно нашими нравами, не любилъ утомляться ѣздой верхомъ по горамъ, не восхищался круговыми плясками нашихъ паликаровъ и не смотрѣлъ на нихъ по цѣлымъ часамъ, какъ Благовъ съ своего балкона. Бакѣевъ не предпочиталъ общество гауленъкой Зелъхи, безумнаго, подлѣ часъ утомительнаго Коевимо, и юродиваго дервиша Сулеймана обществу консуловъ. Бакѣеву вездѣ нужна была Европа, вездѣ нужны были прекрасныя мостовыя; ему нуженъ былъ газъ, Француженки, театръ (а Благовъ говорилъ архонтамъ: „Зачѣмъ маѣ театръ искусственный? Здѣсь у васъ живой!“). Конечно, при такомъ взглядѣ на вещи Благову было весело въ Элирѣ, а Бакѣеву скучно. Бакѣевъ давно уже отъ скуки очень часто посѣщалъ Бреше. Жена Бреше играла на фортепіано, которое для нея нарочно выписалъ мужъ изъ Корфу и множество носильщиковъ за дорогую цѣну несли его черезъ наши горы на плечахъ своихъ. Бакѣевъ плѣлъ не дурно и они вмѣстѣ съ мадамъ Бреше занимались музыкой. Часто видали ихъ вмѣстѣ всѣхъ трехъ на улицѣ и, несмотря на косые глаза мадамъ Бреше, ея худобу и слишкомъ большой носъ, многіе воображали что Бакѣевъ къ ней литаешь *эросъ*, счастливый или несчастный, этого люди не брались рѣшать.

Г. Благовъ еще прежде не разъ совѣтовалъ Бакѣеву ходить туда какъ можно рѣже. Онъ находилъ что у Бреше нѣтъ ни ума, ни логикъ, ни вѣжливости, и самъ онъ держалъ себя съ нимъ очень сухо, очень осторожно и видѣлся съ нимъ только по необходимости и рѣдко. Въ городѣ давно у насъ ходили слухи о томъ будто между Россіей и Франціей послѣ Парижскаго мира состоялся секретный договоръ, чтобы во всемъ на Востокѣ дѣйствовать заодно и согласно поддерживать другъ друга. Шелтали наши архонты

даже что навѣрное есть предписаніе обоимъ консуламъ быть во всемъ гдѣ можно заодно. Было ли это предписаніе или нѣтъ (я думаю тоже что было), но г. Благовъ несмотря на все свое личное отвращеніе къ Бреше не рѣдко поддерживалъ его въ Портѣ и *изъ дѣла* у нихъ столкновеній никогда не было. Стараясь удовлетворить свирѣлаго Француза во всемъ что прямо касалось службы, г. Благовъ являлся всегда однимъ изъ первыхъ, въ мундирѣ, поздравить его въ день рожденія императора и т. п., но въ частной жизни онъ удалялся отъ него насколько могъ не нарушая приличій. Никогда никто не видалъ ихъ вмѣстѣ на прогулкѣ; никогда Бреше не игралъ въ карты у Благова; обѣдалъ у него только съ другими консулами, очень рѣдко. Я узналъ позавѣ что Благовъ особенно сталъ остороженъ съ Бреше и вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ меньше давать воли собственной вспыльчивости и гордости съ тѣхъ поръ какъ и ему случалось выслушать въ домѣ Бреше двѣ-три вещи, возмутившія его до невѣроятія.

Однажды говорили они о войнѣ и военныхъ подвигахъ, и Бреше сказалъ Благову:

— Вашъ Суворовъ, напримѣръ, былъ генералъ *дикій*. Онъ дѣлалъ разные гримасы чтобы забавлять свою *орду!*

У Благова на первый разъ достало столько выдержки что онъ только отвѣчалъ:

— Это правда! Мы за это его очень любимъ!

На такой отвѣтъ г. Бреше не нашелъ уже новыхъ возраженій.

Но другой разъ было хуже. Мадамъ Бреше начала безразсудно порицать всѣхъ христіанъ Востока—Грековъ, Сербовъ и Болгаръ. Разсматривая одинъ рисунокъ Благова, она сказала:

— Правда, эти одежды красивы только на бумагѣ, но в натурѣ эти люди такъ грязны и такъ низки!..

— Вы находите? отвѣчалъ Благовъ спокойно.—Я не съ вами согласенъ; я нахожу что они гораздо опрятнѣе и во всѣхъ отношеніяхъ лучше европейскихъ рабочихъ (онъ и сказалъ французскихъ, но *европейскихъ*), которыхъ и я имѣю несчастіе видѣть, прибавилъ онъ потомъ.

Мадамъ Бреше вспыхнула и восклицала:

— Вы хотите сказать о парижскихъ рабочихъ... О, бедная Франція! Она подобна прекрасной женщинѣ въ шлемѣ свѣтъ, которой всѣ завидуютъ, потому что она мила и умна всѣхъ...



А Благовъ ницуть, ловидимому, не сердясь и улыбаясь ей сказалъ:

— Франція много измѣнилась. Красавица въ пятьдесятъ лѣтъ не то что въ двадцать пять... Не правда ли?

Тогда вмѣшался мужъ и грубо и прямо спросилъ:

— Вы развѣ Грекъ, monsieur Благовъ?

А Благовъ ему:

— Не Грекъ, но конечно еслибы мнѣ выбирать, то я скорѣй желалъ бы быть Грекомъ чѣмъ Парижаниномъ.

— Я позволю себѣ сомнѣваться въ этомъ! сказала мадамъ Бреше. (Хорошо что это сказала она, а не мужъ.)

При этомъ разговорѣ присутствовали Коевино и драгоманъ Какачио. Они оба говорили что онъ былъ ведевъ тихо, даже съ улыбкой; но глядя на лица и слыша томъ обоихъ консуловъ, становилось непріятно и страшно. Во взглядахъ ихъ и въ томъ дышало столько сдержанной вражды и усилій воли чтобы побѣдить въ себѣ гнѣвъ и ненависть, что надо было изумляться какъ они оба въ этомъ случаѣ хорошо овладѣли своими страстями.

Съ тѣхъ поръ-то, какъ я сказалъ, Благовъ особенно сталъ остерегаться всякой близости съ Бреше и всякихъ разговоровъ съ нимъ, выходящихъ за черту необходимости. Предчувствуя возможность такого оскорбленія котораго онъ простить будетъ не въ силахъ, честолюбивый молодой человѣкъ не хотѣлъ залутивать себѣ карьеры какимъ-нибудь ненужнымъ затрудненіемъ, какою-нибудь громкою исторіей, которая могла кончиться быть-можетъ и въ ущербъ его службѣ (особенно если эти слухи о тайномъ соглашеніи были справедливы). Онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ увѣренъ въ своей энергіи и не считалъ нужнымъ раздражаться и возбуждать ее въ себѣ безъ крайности. Этотъ человѣкъ былъ удивительно даровитъ и обилень тѣмъ что зовутъ *ресурсы*, богатъ разными средствами *жить* и вести трудную борьбу жизни человѣческой.

Онъ и Бакъеву постоянно совѣтовалъ дѣлать то же и удаляться отъ Бреше. Но Бакъевъ не любилъ своего начальника и не слушался его; онъ вѣроятно изъ зависти къ его способностямъ и быстрой карьерѣ (Благову было всего двадцать шесть лѣтъ тогда), любилъ все дѣлать вопреки ему и по своему. Безъ Благова онъ во всемъ и безпрестанно совѣтовался съ Бреше, во все его вмѣшивалъ, былъ съ нимъ слич-

комъ откровененъ и слабъ. Быть-можетъ для хода дѣла оно было и не дурно, въ томъ смыслѣ что безъ Бреше, самъ по себѣ, Бакъевъ и половины тѣхъ удовлетвореній для консульства не находилъ бы у Турокъ которыя онъ получалъ съ помощью французскаго консула. Это такъ; и тѣ люди у насъ которые прежде всего судятъ о *политическомъ* результатѣ, хвалили Бакъева за это. Нашъ почтенный и простодушный Бичо Бакъерь-Алмазъ, глядя на то какъ ухаживалъ Бакъевъ за Бреше, говорилъ стуча себя ~~по~~ обыкновенно пальцемъ по виску (ловимаемъ мы! все ловимаемъ!...) „Да, эффеуди мой! Россія—государство! Государство, эффеуди мой!.. Гдѣ львиного зуба вѣтъ, лисій хвостъ умѣетъ себя привязать!...“

Бреше покровительствовалъ Бакъеву, но уже давно былъ съ нимъ не всегда вѣжливъ и одинъ разъ позволилъ себѣ сказать сухо и грубо, когда тотъ обратился къ нему вновь по какому то дѣлу: „Опять дѣла! У васъ все дѣла!“ Другой разъ у нихъ произошла была ссора по поводу простаго разговора о танцахъ, на карточномъ вечерѣ у самого Бреше въ домѣ. Madame Бреше стала жаловаться что въ Явниѣ совсемъ не бываетъ настоящихъ баловъ и никто по-европейски танцовать не умѣетъ. На столѣ стоялъ ужинъ и между прочимъ ветчина. Г. Бакъевъ хотѣлъ видно показать при гостяхъ что онъ очень хорошо знаетъ по-французски, и что онъ съ Бреше на равной ногѣ, спросилъ у него:

— Et vous monsieur Breché, *gigotez*-vous quelquefois.

Бреше этотъ тонъ не понравился и онъ отвѣчалъ ему, возвышая голосъ и съ неприятымъ выраженіемъ въ лицѣ

— *Gigote*-toi... Quant à moi je mangerai du gigot!

Бакъевъ смолчалъ.

Наконецъ предсказанія Благова оправдались по поводу одного дѣла, въ которомъ Бакъеву, внутренно оскорбленному этимъ словомъ: „*gigote*-toi“, захотѣлось дѣйствовать въскомско враждебно противъ Бреше.

Былъ въ Явниѣ одинъ эмпирикъ-докторъ Италіанецъ. Италіанскаго консула не было и Италіанцы всѣ были подъ защитой Бреше. Этотъ Италіанецъ женатъ былъ на Гречакѣ, отецъ Гречакки, уроженецъ острова Итаки, имѣлъ русскій паспортъ (такъ точно какъ мой отецъ имѣлъ греческій). Италіанца съ тестемъ была общія торговыя дѣла. Они вместе, на примѣръ, занимались контрабандой (кажется ливокъ

ю я навѣрное не помню) и Благовъ не разъ увѣщевалъ своего подданнаго оставить это. Наконецъ они явно попались. Какъ ни дерзокъ былъ Бреше, но не могъ же онъ съ Турками дѣйствовать одною лишь дерзостью; особенно когда они были правы и когда паша писалъ ему бумаги крайне осторожныя и основательныя, избѣгая сколько могъ всякихъ личныхъ съ нимъ объясненій. Ему однако хотѣлось во что бы то ни стало защитить своего Италіянца. Паша уже написалъ двѣ бумаги и просилъ отвѣта. Италіянецъ, услугавшись штрафа, пошелъ самъ просить Бакѣева, чтобъ онъ взялся защитить его теста.

— Я больше надѣюсь на Русское Императорское консульство, *illustrissimo signore!* сказалъ онъ, чуть не дѣлая руку Бакѣева.— Паша такъ любитъ господина Благова, а господина Бреше онъ ненавидитъ. *O! illustrissimo signore!...* Вся моя надежда на васъ.

Бакѣеву это очень польстило; онъ призвалъ теста, уговорилъ его чтобъ онъ принялъ на себя это дѣло, взялъ шляпу, трость, кавасса, и пошелъ въ Порту. Тамъ онъ секретно и долго просилъ пашу оставить это дѣло, потому что замѣшанъ русскій подданный, тестъ Италіянца; просилъ его именемъ Благова, который скоро пріѣдетъ и будетъ этому радъ.

Паша уступилъ ему довольно охотно: „въ угоду господину Благову“, сказалъ онъ. Бакѣевъ вернулся съ торжествомъ. Паша между тѣмъ сказалъ прямо драгоману французскому такими словами: „Передайте *monsieur* Бреше что я не желаю ссориться съ консулами и съ моей стороны готовъ на всякую уступку. Дѣло вашего Италіянца кончено, мы уже и съ господиномъ Бакѣевымъ говорили объ этомъ... Я не требую штрафа, а прошу лишь чтобы впредь не повторялась эта контрабанда.“

Бреше, уже взбѣшенный тѣмъ что Италіянецъ осмѣлился обратиться къ Бакѣеву, недовольный самимъ Бакѣевымъ за глаголъ *gigoter*, объявилъ черезъ своего драгомана что онъ уступокъ не просилъ никакихъ, что Франція не нуждается въ нихъ, и что онъ еще не отвѣчалъ на двѣ официальныя бумаги. Выбѣстъ съ тѣмъ тотчасъ же написалъ пашѣ самый грубый отвѣтъ, въ которомъ, не говоря даже о контрабандѣ, спрашивалъ у него: „Какъ онъ смѣлъ захватить собственность человека *евоинъ* находящагося подъ защитою французскаго флага, какъ Италіянца и какъ католика?“ Самого

же Итальянца онъ изругалъ „бестіей“ и вытолкалъ въ шею, потомъ пошелъ въ Порту, далъ пощечину часовому у воротъ за то что поздно отдалъ ему честь ружьемъ и самому пашѣ сказалъ такъ:

— Вы слиткомъ скоро забыли что Франція за васъ недавно въ Крыму проливала свою благородную, священную кровь, которой все человечество должно дорожить!

— Это законъ, отвѣчалъ паша.

— Я предписанія особаго не имѣю отъ своего посла объ этомъ именно предметѣ, а безъ предписанія посла всѣ ваши законы и новыя распоряженія для меня не обязательны.

Прямо отъ пашы Бреше поѣхалъ на домъ къ Бакѣву, не засталъ его тамъ, отыскалъ его въ Англійскомъ консульствѣ и въ присутствіи Корбетъ де-Леси, его драгомана и еще какихъ-то людей, сказалъ Бакѣву что онъ ходилъ къ нему „наложить руку на его лицо“.

Что было дѣлать бѣдному Бакѣву? Онъ обратился къ Леси и сказалъ ему:—Вы были свидѣтелемъ этого! И ушелъ.

Долго всѣ присутствующіе въ недоумѣніи молчали. Постороннія лица поспѣшили уйти, а Бреше началъ оправдывать себя предъ англійскимъ консуломъ, обвиняя Бакѣва въ нестерпимыхъ и мелкихъ интригахъ.

Все это случилось какъ разъ наканунѣ Крещенія. На Крещеніе, поутру, во время обѣдни весь городъ узналъ что Благовъ пріѣхалъ. Уже за нѣсколько дней предъ этимъ выпалъ сильный снѣгъ и морозъ былъ такой какого давно уже въ Элпрѣ люди не помнили.

Несмотря на это наша церковь Св. Николая была полна народа еще до разсвѣта. Я былъ въ шубѣ и лѣлъ на клеросѣ, когда вошелъ одинъ изъ моихъ маленькихъ товарищъ по школѣ, сынъ нашего *кандильянафта*, и шелнулъ около меня отцу своему: „Большой консулъ пріѣхалъ изъ Арти сейчасъ“... и тотчасъ же взялъ въ тонъ своимъ тоненькимъ дѣтскимъ голоскомъ. Мы съ отцомъ его продолжали пѣть переглянувшись и потомъ *кандильянафтъ* съ робостью сказалъ мнѣ тихо: „Хорошо это!“ и я сказалъ: „да! очень хорошо!“

Едва только мы это подумали и сказали, какъ вдругъ (изумленіе и радость!) толпа нашихъ Арнаутовъ и Кудо-Валховъ заколыхалась и начала поспѣшно раздвигаться и, прешествуемый двумя кавассами, въ церковь вошелъ самъ г. Благовъ!

Онъ былъ въ большой и хорошей русской шубѣ, распахнутой на мундиръ; на груди у него виденъ былъ только-что полученный имъ *командорскій знакъ* Св. Станислава 2й степени (я и не зналъ что онъ получилъ его); на лѣвой рукѣ, которою онъ держалъ форменную треугольную шляпу, была бѣлая, свѣжая перчатка....

Онъ шелъ своею молодецкою твердою поступью, не слѣдша и ни на кого не глядя. Остановился посреди церкви; не торопясь помолился на иконостасъ и потомъ взомель на особую *стасидію*, \* обитую краснымъ сукномъ, рядомъ съ епископскимъ престоломъ, на которую онъ всегда становился, когда бывалъ въ нашей церкви: она была около самыхъ нашихъ лѣвческихъ мѣстъ. Сталъ онъ, обратясь къ иконамъ лицомъ, совѣмъ рядомъ со мною и перекрестившись еще разъ запахнулся старательно въ свою прекрасную шубу какого-то нѣжнаго темнаго мѣха. Вокругъ меня запахло олять тѣмъ тонкимъ благоуханіемъ, которымъ я такъ восхищался еще въ Загорахъ, и голосъ мой ослабѣлъ и я долго все былъ въ какомъ-то неизъяснимо-пріятномъ волненіи. Какъ будто я ожидалъ чего-то... Чего? я самъ не зналъ... Точно будто бы я ожидалъ что какъ только отецъ Арсеній закроетъ *священныи порогъ*, \*\* г. Благовъ вдругъ обратится ко всѣмъ намъ и къ народу и заговоритъ, какъ всегда, не совѣмъ чистымъ греческимъ языкомъ, съ тѣмъ недостаткомъ въ произношеніи который мы зовемъ *пахиствомъ*, \*\*\* но смѣло, весело, твердо, не слѣдша и сверкая своими большими, сѣрыми, истинно *сарматскими* глазами, и скажетъ всѣмъ намъ: „Православные христіане, возлюбленные единовѣрцы мои! Знаменитые Эллины, потомки Леонидовъ, Калликратидовъ и Пелопидовъ! Я здѣсь! Православіе, въ лицѣ сотрудника моего и друга г. Бакѣва, не будетъ поправно іезуитскими и дерзостными агентами Запада... Я здѣсь и вы меня видите.. И побой достойнаго сына моего драгомана, который такъ сладкогласно поетъ во святомъ храмѣ семь, добой эти также будутъ жестоко отищены.... Я сотру главу Агарянамъ!..“

\* Мѣста съ ручками для стоянія; въ Петербургской греческой церкви есть такіа. *Аст.*

\*\* Священная ступень, священныи порогъ, святилище, отарь. Выжиганіе *царскія дщери* неупотребительно на Востоку, по повѣстнымъ историческимъ причинамъ. *Аст.*

\*\*\* *Пахиствомъ*—грассировать. *Аст.*

Но онъ не говорилъ ничего. Стоялъ неподвижно, шурьдя крестясь и даже не оглядываясь на меня, хотя мнѣ его большаго воротника спадалъ съ плечъ его такъ близко отъ моего лица что мнѣ казалось онъ сейчасъ коснется меня...

Утишивъ въ сердцѣ своемъ первое волненіе, я громче и выразительнѣе и торжественнѣе обыкновеннаго прочелъ Ало-столь, рядомъ съ нимъ и мимо его самого взойдя на стульику владычнаго престола; я лѣлъ потомъ такъ старательно и долго выводя голосомъ самыя звонкія и долгия трели нашего восточнаго псаломлѣнія... Но все напрасно. Благовъ не обращалъ на меня никакого вниманія.

Наконецъ мнѣ улыбнулось счастье на мгновенье. Господинъ Благовъ уронилъ перчатку. Я стремительно поднялъ ее и подавая, сказалъ тихо: „Извольте, сіятельнѣйшій господинъ консулъ!“ Но онъ, почти не взглянувъ на меня, сказалъ очень сухо: „Эхаристо“. („Эхагисто“, такъ онъ произносилъ и мнѣ это ужасно нравилось.)

Когда обѣдня кончилась, народъ остался неподвижнымъ и не шелъ къ антидору, ожидая чтобы консулъ взялъ его первый. Господинъ Благовъ былъ задумчивъ и забылся на минуту. Народъ смотрѣлъ на него и ждалъ. Отецъ Арсеній тоже поглядѣлъ на него; тогда я рѣшился напомнить: „Антидоръ, господинъ консулъ!“ Онъ сказалъ: „а!“ и подойдя къ антидору, поцѣловалъ руку отцу Арсенію, а тотъ радостно привѣтствовалъ его: „Добро пожаловать... Мы васъ ждали... Радуюсь... радуюсь!“

Послѣ этого господинъ Благовъ тотчасъ ушелъ съ кавасами. А я едва только успѣлъ немного поѣсть у отца Арсенія побѣжалъ въ консульство чтобы узнать что тамъ будетъ.

Самъ отецъ Арсеній говорилъ мнѣ: „Иди, иди! Посмотри что онъ теперь сдѣлаетъ съ Французомъ“...

Уходя я еще спросилъ у отца Арсенія, не благословитъ ли онъ мнѣ тамъ позавтракать и даже пообѣдать вечеромъ еслибы консулъ меня пригласилъ. На это отецъ Арсеній отвѣтилъ, сомнѣваясь:

— Имѣешь мое благословенье, однако я думаю такъ, что бы ему, дипломату-человѣку, тебя, безбрадаго отрока пиршествами угощать?

## X.

Въ консульствѣ я узналъ что Благовъ легъ отдыхать и велѣлъ всѣмъ отказывать до тѣхъ поръ пока не проснется. Получивъ письмо Бакѣева, онъ оставилъ все, оставилъ дѣло о *колоколь*, бросилъ всѣ свои вьюки и кавасса въ Артѣ, позднимъ вечеромъ, пользуясь лунною ночью, сѣлъ на коня и съ однимъ только турецкимъ жандармомъ проскакалъ двѣнадцатичасовое разстояніе въ семь часовъ, несмотря на стремнины, скользкіе камни, не взирая на морозъ и снѣгъ, подъ которымъ мѣстами была скрыта глубокая грязь.

Турецкій жандармъ, не то съ негодованіемъ, сожалѣнія о своей лошади, не то съ изумленіемъ и уваженіемъ *потрясалъ на груди своей одеждою* и говорилъ: „Консулъ! Ну, консулъ! Чтѣ за вещь такая? *Трана-трана! Трана-трана!* Всю ночь!..“

Однако, когда архистратигъ Маволи вручилъ ему, по порученію консула, три золотыхъ, выраженіе лица у Турка вдругъ перемѣнилось, онъ приложилъ руку къ сердцу и фескѣ и послѣшво ушелъ.

Благовъ пріѣхалъ прямо на квартиру Бакѣева, разбудилъ его, велѣлъ растопить себѣ печь, одѣлать чай и основательно тотчасъ же разспросилъ его обо всемъ. Онъ разсудилъ что это дѣло не частное, не личное. Оскорбленіе было нанесено по поводу служебнаго казеннаго дѣла, по дѣлу самого консульства и русскаго подданнаго; оно было нанесено не просто секретарю, а управляющему консульствомъ лицу, представлявшему собою въ то время, хотя бы и въ глухой провинціи, вѣсь Русской державы, честь Императорскаго флага, силу православія на Востокѣ. Оно было наконецъ нанесено видимо съ намѣреніемъ имѣть свидѣтелей оскорбленію въ Англійскомъ консульствѣ, въ присутствіи самого Корбетъ де-Леси.

На основаніи всего этого, Благовъ бралъ это трудное дѣло на себя, на свою отвѣтственность и обѣщался добиться офиціального и бланкетнаго удовлетворенія во чтѣ бы то ни стало.

Слуга Бакѣева, подавая чай консулу и растапливая печь, старался понять сколько могъ чтѣ они говорятъ; но онъ не зналъ по-русски и кромѣ имени Бреше ничего не понималъ.

Однако онъ замѣтилъ что г. Благоевъ былъ какъ будто очень веселъ и что его эфенди, Бакъевъ, который цѣлый день никого не хотѣлъ видѣть и былъ какъ будто полумертвый отъ огорченія, тоже повеселѣлъ при консулѣ и все жалъ ему руку и говорилъ: „Мегсі, мегсі!“ А потомъ они обнялись, поцѣловались и консулъ ушелъ къ себѣ.

Послѣ этого, несмотря на то всеобщее „трапа-трапа“, котораго ужаснулся даже и привычный турецкій наѣздникъ, Благоевъ вслѣпилъ что въ этотъ день большой православный правдикъ (онъ слышалъ, вѣроятно, и отъ сокрушеннаго Бакъева что весь городъ его ждетъ); одѣлся въ мундиръ и пришелъ еще на *разсвѣтъ* въ нашу церковь. И онъ прекрасно поступилъ; я не могу передать тебѣ какъ это понравилось нашему народу. „Вотъ какихъ намъ нужно! Пусть живетъ, молодецъ!“ говорили всѣ.

Пока мой молодой герой и Царскій слуга отдыхалъ у себя на верху, послѣ двухъ этихъ подвиговъ, подъ рѣвными потолкомъ и подъ шеаковымъ одѣяломъ, я сидѣлъ внизу у кавассовъ и ждалъ.

Было холодно; но мы всѣ собрались у большого мангала и бесѣдовали весело, но вполголоса, боясь даже и мысли одной потревожить какъ-нибудь печально консула. Насъ было много. Старикъ Ставри и Манолі, Кольцо, камердинеръ консула, поваръ и садовникъ, еще одинъ бѣдный мальчикъ, Алеко, лѣтъ двѣнадцать, у котораго отца не было, а мать жила посреди озера, на томъ самомъ островѣ гдѣ былъ убитъ Алапаша и гдѣ мы мѣсяца три тому назадъ пировали съ отцомъ моимъ, съ Бакъевымъ и Коевино. Его Благоевъ взялъ безъ всякаго дѣла къ себѣ въ домъ, чтобъ ему легче былъ каждый день ходить учиться въ городъ, чтобы не платитъ матери каждый день за лодку и мальчику въ училище не олаздывать. Скоро присоединились къ нашему обществу полкъ Коста и самъ Бостанджи-Оглу, который соскучился одинъ въ канцеляріи. Онъ всегда дѣлалъ такъ: то ссорился съ кавассами, то требовалъ отъ нихъ почета и покорности, какъ будто онъ былъ первый драгоманъ или настоящій секретарь на службѣ, то мирился опять съ ними и приходилъ къ намъ разсуждать и смѣяться.

И еслибы ты посмотрѣлъ тогда на всѣхъ насъ, что была за картина около этой большой жаровни. Всѣ мы разнаго возраста и сами разные и въ разныхъ одеждахъ. Полкъ



Коста въ клобуки и теплой расѣ на лисьемъ мѣху; ужь сѣдой, но живой, худоощавый и молодой движеніями и рѣчами, съ очами точно такими же сѣрыми, *сарматскими*\* и сверкающими какъ у Благова; полъ Коста, патріотъ и разбойникъ, спаситель, а можетъ-быть и предатель при случаѣ, лукавый и безстрашный, алчный и готовый на жертву, умный и почти безграмотный. Бостанджи-Оглу, *Московъ-Яуды*, котораго ты уже давно знаешь, въ новенькой сѣраго цвѣта жакеткѣ, весь продрогшій отъ холода. Киръ-Маволи, огромный, уса-мый, сухой, внѣ себя отъ радости что Благовъ вернулся и что *будутъ теперь разные великія дѣла*, для праздника въ лучшей одеждѣ своей—въ курткѣ темно-малиноваго бархата, обшитой особыми *придворными* русскими галунами, золотыми съ черными двуглавыми орлами (и этимъ утѣшилъ его все тотъ же Благовъ — выписалъ ему изъ Петербурга). Киръ-Таври, задумчивый, исхудалый, такой же безстрашный и внимательный какъ полъ Коста, но серьезный, тихій и молчаливый, вспоминаяшій быть-можетъ въ эту минуту какъ въ въ двадцатыхъ годахъ своими, еще ювошескими тогда луками застрѣлалъ изъ-за угла сельской хижины одного мочаго и страшнаго бая, едва только тотъ впереди отряда своего выѣзжалъ, гарцуя на лихомъ конѣ, изъ укаго ущелья въ село христіанское чтобы ожечь его и перерѣзать жителей.

И онъ былъ очень наряденъ въ этотъ день и весь въ себѣ, хотя и безъ *придворныхъ* галуновъ на курткѣ. Поваръ ривой и лѣнивый и лжець, котораго однако г. Благовъ за то-то очень любилъ,—тотъ былъ въ русской сукованой одеждѣ которую зовутъ *поддевка* и которую съ своихъ плечъ глядѣлъ ему еще прежде самъ консулъ, въ бѣломъ колачкѣ въ синихъ турецкихъ шальварахъ. Молодой румяный бойло, камердинеръ г. Благова, простодушный, честный, много безтолковный, *безъ галуновъ, безъ серебра*, въ адбантой одеждѣ, но чистой, бѣлой всегда какъ новый свѣтъ въ горахъ и въ новой яркой фескѣ съ вышитымъ золотомъ турецкимъ орломъ, все озабоченный, взволнованный, не прокулся ли консулъ и не забылъ ли онъ самъ чего-нибудь что очень нужно. Руки его всегда были также чисты какъ у

\* *Савро-маты—Сарматы*. Известно что древніе Греки называли два сѣверныя племени савро-матами — *мщероглазыми*, за сѣроватый цвѣтъ ихъ глазъ. *Лст.*

самого консула, онъ чистилъ ногти щеточкой и безпрестанно на нихъ глядѣлъ, потому что г. Благовъ разъ только оказалъ ему: „Кольцо! Если большой палецъ твой, когда ты подаешь мнѣ что-нибудь, не будетъ мнѣ нравиться, я тебя отпущу.“ И внизу смѣялись надъ нимъ и говорили ему вдругъ: „Кольцо! Кольцо! Смотри... палецъ твой... палецъ“. И онъ тотчасъ же глядѣлъ на руки и восклицалъ, хватая себя за голову по турецки, такъ серьезно и забавно: „беласъ!“ (бѣда моя.) Я былъ, какъ ты знаешь, все въ турецкомъ халатикѣ; только въ этотъ день сверху на мнѣ была хорошая *дѣлюбѣ*\*, на которую мы съ рысьемъ мѣху съ латышками, не дешевая. Лучшѣ же всѣхъ насъ былъ старый садовникъ, которому въ консульствѣ, особенно зимой, почти дѣлать было нечего, котораго держалъ Благовъ безъ всякой нужды. Онъ былъ, такъ какъ и поваръ, въ широкихъ, но въ очень старыхъ, свѣтло-голубыхъ шальварахъ, въ высокой-превысокой фескѣ, которая давно всякій цвѣтъ потеряла отъ сала и грязи, и въ красной суковатой курткѣ, перешитой изъ кусковъ старыхъ мундировъ, которые ему по добротѣ подарили еще года три до этого въ Корфу англійскіе солдаты, потому что въ Эладѣ у него все платье отяжелѣло и онъ былъ тогда въ одной только рубашкѣ. Этотъ садовникъ уже не молодой, а старомъ маленькій, кривобокій, безобразный и очень смиренный и добрый, по имени господинъ Христо, былъ большой разсудчикъ и видѣлъ очень много разныхъ вещей и въ разныхъ странахъ; онъ уже второй годъ копилъ все деньги себѣ, чтобы бы на новое платье, и продолжалъ носить англійскій мундиръ и по буднямъ и по праздникамъ, а когда Благовъ его спрашивалъ: „Не собралъ еще денегъ ты, Христо, новое платье?“ онъ отвѣчалъ: „Не собралъ, эффенди, нѣтъ, собралъ.“ — „Собирай, собирай,“ говорилъ консулъ и давалъ ему еще что-нибудь. Но видно ему нравились оригиналы его одежда, и онъ не приказывалъ ему мѣнять ея.

Всѣ мы сидѣли вокругъ жаровни и грѣлись, и всѣ думали о дѣлѣ Бреше и Бакѣева и всѣ говорили о немъ.

Поль Коста вздохнулъ съ сожалѣніемъ и сказалъ:

— Зарѣзать! зарѣзать бы мало было на мѣстѣ его... Жаль, что у Бакѣева мало мужества, а то бы... разъ... два...

И онъ показалъ рукой.

\* *Дѣлюбѣ*—шуба, вернее широкое платье, въ родѣ рясъ съ широкими рукавами. *Аст.*

Не всё раздѣляли его взгляды. Маноли на это возразилъ первый.

— Господинъ Бакѣевъ человекъ словесный, филологическій человекъ, который въ университетѣ учился. А господинъ Благоевъ военнымъ былъ. Онъ прежде служилъ въ Царской гвардіи кавалеристомъ. И вышелъ въ отставку лишь по слѣдующему особенному случаю. Они шли цѣлымъ полкомъ на смотръ Государю, черезъ улицу хотѣла пробѣжать одна женщина и упала; на рукахъ у нея былъ ребеночекъ маленькій. Г. Благоевъ командовалъ своимъ солдатамъ: „стой!“ и весь полкъ остановилъ. Когда тысяченачальникъ спросилъ у него грозно: „Зачѣмъ произошло это препятствіе и какъ вы могли противу приказа вышшаго начальства остановиться, когда самъ начальникъ командовалъ: „маршъ!“ то г. Благоевъ сказалъ: „Меня остановило человеколюбіе, вотъ такъ-то и такъ-то.“ А тысяченачальникъ ему на это: „Покорность и іерархія прежде всего... Должны были идти.“ Г. Благоевъ разсердился на него и перешелъ въ политику.

Тогда вмѣшался Бостанджи-Оглу и возразилъ Маноли:

— На что ты это сказалъ, Маноли? Все это правда. Но что же ты думаешь что господинъ Благоевъ теперь палкой какъ *хамалъ* \* начнетъ за оскорбленіе драться съ французскимъ консуломъ?

Маноли обидѣлся и послѣшилъ отвѣчать:

— Чего ты? Я этого совсѣмъ не говорилъ. Но господинъ Благоевъ владѣетъ оружіемъ и можетъ на *свиду* \*\* выйти съ . Бреше. За городъ уйдутъ и обнажатъ мечи. Ты самъ всего боишься, несчастный, и думаешь такъ; а я тебѣ вотъ что скажу. Одинъ Эминъ одного Баварца въ Афинахъ вызвалъ и залѣлъ арнаутскую пѣсню, и залѣлъ, и пѣлъ онъ пѣсню, пока тотъ собирался махать своею саблей, а нашъ вытянулъ таганъ, разъ его и пополамъ. Вотъ что... Чувствуешь ли ты или не чувствуешь?

Тогда престарѣлый киръ-Ставри вышелъ изъ своей задумчивости и примолвилъ съ улыбкой:

— Да! и я слышалъ также что онъ такъ чисто полосовулъ то что Баварецъ еще долго стоялъ не шевелясь и все поять не могъ что его разрѣзали пополамъ.

\* Носаальщикъ, грубый человекъ.

\*\* На поединокъ.

Мы всё было разразились громкимъ смѣхомъ, но Кольцо вскопчилъ и зашепталъ съ отчаяніемъ: „белась“; мы вспомнили о г. Благовъ и смѣялись тихо.

Добрый киръ-Манолъ не обидѣлся, а смѣялся тоже, говоря: — Э! Пусть будетъ и такъ... А все-таки на *сиду* самое лучшее дѣло.

Въ эту минуту бесѣду нашу прервали человѣкъ до двадцати архонтовъ: кулды, доктора и учителя, которые пришли поздравить господина Благова съ прїѣздомъ, а можетъ быть и выразить свое сожалѣніе о неприяностяхъ случившихся безъ него.

Тутъ былъ и красивый Куско-бей, и скромный Арванитъ-ки въ очкахъ, и важный Бичо Бакыръ-Алмазъ, и лодный Ставро-Мустаки, и Вроссо, и Мессо, Исаакидесъ и, къ удивленію моему и радости, самъ Несторидесъ мой, который тоже наканунѣ прїѣхалъ совсѣмъ на житье въ Янну изъ Загоръ, и многіе другіе.

Манолъ однимъ прыжкомъ вылетѣлъ въ сѣни и привѣтливо объявилъ что консулъ будетъ очень жалеть, но что онъ утомился путемъ и раннею обѣдней и отдыхаетъ, и просилъ ихъ завтра утромъ зайти поздравить, чтобы навѣрное застать его дома и свободнымъ.

— Я доложу ему и онъ будетъ ждать васъ, сказалъ архистратигъ Элпиръ.

Архонты удалились, а мы хотѣли возобновить нашъ интересный разговоръ.

Но въ эту минуту въ сѣняхъ явился Сабри-бей. Онъ былъ присланъ отъ паши узнать о здоровьи г. Благова. Олатъ Манолъ выпорхнулъ и отправилъ его вѣжливо и со многими комплиментами назадъ.

Тогда полъ Коста началъ снова:

— Да! надо все привести теперь въ порядокъ и правивность. Христіанство страждетъ. Вотъ и Одиссей этотъ бѣдный за вѣру и отчизну потщился, а получалъ одни побои больше ничего. Долго ли будетъ Турокъ глаумиться надъ нами? Все это дѣло Назли не такъ бы вести надо, а чтобы ужасъ и трепетъ былъ Туркамъ внушаемъ! Но безъ хозяина что за строй и что за экономія въ домѣ!

Боставджи-Оглу оскорбился за себя и Бакъева, и отвѣчалъ смѣясь, но со злобой:

— Ужь вы, попы, какъ влутаетесь въ дѣло—бѣда съ вами

Я поповъ знаю. У меня отецъ, къ сожалѣнiю, поповъ. И не даромъ сказано что сынъ пола, дьяволу племянникъ. Всѣ поповы интриганы и мошенники...

— У тебя, ты говоришь, господинъ Бостанджи-Оглу, отецъ поповъ? спросилъ поваръ.

— Такъ что жь? И онъ интриганъ, и мошенникъ, и жестокій человекъ... Меня палками кормилъ... Боже упаси...

— Полаво, много ли? сказалъ кривой поваръ выразительно.

Онъ сказалъ это такъ выразительно и забавно и всѣ такъ хорошо поняли что онъ хотѣлъ этимъ сказать, что опять было громкимъ смѣхомъ ужаснули Кольцо, который продолжалъ трепетать за спокойствiе своего господина..

Поповъ Коста не обратилъ ни малѣйшаго вниманiя на пустяка слова противнаго Бостанджи-Оглу; онъ былъ все занятъ вышней политикой и снова началъ говорить:

— Желалъ бы я видѣть поскорѣй что будетъ....

— Будетъ чему быть должно. Примутъ мѣры, замѣтилъ спокойно капитанъ Ставри.

— О! разумѣется что примутъ мѣры и потребуютъ самаго величайшаго нравственнаго вознагражденiя... съ жаромъ подтвердилъ Маноли.

Тогда вдругъ вмѣшался садовникъ Христо, до той минуты безмолвный, и возразилъ имъ такъ:

— Вы говорите что примутъ мѣры? Вы такъ говорите?

— Да, сказалъ Маноли,—мы такъ говоримъ! Потому что честь и слава Россiи этого требуютъ неизбежно.

Но садовникъ продолжалъ:

— Вы такъ говорите? А я вамъ говорю—не говорите такъ.

И слушайте вы всѣ меня что я вамъ скажу. Я вамъ скажу

что: бываютъ такiя политическiя вещи которыхъ почти

вамъ нельзя, ибо мы сами люди не политическiе. Да! я,

христиане вы люди мои, очень много былъ и скитался въ раз-

личныхъ странахъ съ моею бѣдностью... Теперь слушайте:

въ городѣ П... служилъ я въ домѣ англiйскаго консула,

у сье Виллартона. Онъ былъ человекъ, скажемъ, и не злой

человекъ, но христианоборецъ первой степени. И говорилъ онъ

намъ въ домѣ всегда, что въ Турцiи жить хорошо, что

же у нихъ въ Англiи хуже и голоднѣе и строже; а что съ

турками рай земной. Другiе консула падутъ съ кавассами по

лицу, а онъ не беретъ кавасса. Это, говоритъ, Турцiи обидно!

И что мнѣ стража? Кто кого тронетъ здѣсь? Здѣсь въ

городахъ, говоритъ онъ, спи съ открытыми дверями, а у насъ вельзя. И ходилъ одинъ всегда по улицамъ. Я разсуждаю въ гаупости и бѣдности моей такъ, что если какой случай, то онъ не долженъ былъ уже гнѣваться. Однако онъ прогнѣвался. Видишь ты меня, капитанъ Манолы? Вотъ этими глазами моими я видѣлъ какъ его билъ одинъ Арабъ и на землю повадилъ и ногами билъ. Да! было это недалеко отъ консульства и я сидѣлъ въ кофейнѣ. Идетъ консулъ и Арабъ идетъ. Столкнулись. Консулъ ему: „Какъ ты смѣешь толкать, сволочь!“ и поднялъ палку. А тотъ разъ его, и на мостовую и ногами... Всѣ мы, сколько ни было насъ въ кофейнѣ, кинулись на Араба и отбили консула. Дѣло теперь. Арабъ въ тюрьмѣ. Консула другіе говорятъ: „Казнить его мало! чтѣ съ нимъ сдѣлать?“ Паша говоритъ: „Увидимъ, увидимъ...“ Городъ весь шумитъ. Христіане смѣются. Французъ первый пришелъ къ Виллартону; и къ пашѣ самому уже онъ собирался идти съ величайшею пышностью и гнѣвомъ и говоритъ Англичанину: Я этимъ оскорбленъ тоже. И я консулъ. Я съ нимъ то, я съ нимъ это сдѣлаю... Амусье Виллартовъ ему: „Все это неправда... И все это не такъ было... И Араба этого бѣднаго напрасно заключили въ тюрьму. Освободить его!“... Теперь чтѣ вы мнѣ, христіане люди, на это скажете? Не секретно ли все это?

Мы всѣ съ любопытствомъ слушали кривобокаго старичка и молчали; а онъ тоже помолчавъ продолжалъ:

— И еще вамъ скажу. Этого я глазами не видалъ, однако ушами слышалъ. Въ Константинополѣ старика лорда Блосла самого, черные евнухи на *крестовой дорогѣ* \* около магазиновъ бичами лобили. За чтѣ, не знаю. Они при турецкихъ гаремахъ были, которые въ каретахъ ѣздить въ магазины европейскія вещи себѣ локувать. И лобили бичами евнухи лорда. Посланники говорятъ: На совѣтъ сберемся... А лордъ Б—: „На чтѣ совѣтъ? Этого никогда не бывало!“ Слышали вы меня теперь люди? Ну и судите о томъ чтѣ было между людьми великаго званія... Я говорю, тайна тутъ есть...

Всѣ въ первый разъ слышали объ этихъ двухъ событіяхъ и всѣ олятъ задумались молча, только полтъ Коста пошелъ щипцами уголья чтобы было теплѣе и сказалъ:

\* *Старо-дроло*, крестовая или перекрестная улица; такъ зовутъ обыкновенно главную Перскую улицу въ Константинополѣ. *Асм.*

— Хорошо! Пусть будет все это такъ. Это значитъ что въ Турціи все хорошо и что въ ней рай земной... Вотъ и секретъ весь... А въ *нашемъ* дѣлѣ съ Бреше—секретъ для какаго дьявола?

Пришло опять одинъ за другимъ нѣсколько посѣтителей; пришелъ австрійскій кавассъ, пришелъ греческій, спросить когда принимается. Потомъ пришелъ драгоманъ отъ Корбетъ де-Леси; онъ самъ хотѣлъ видѣть консула. Потомъ они ушли; а пришла одна добрая-предобрая сельская старушка, сѣдая и бѣлая и веселая, круглая и румяная какъ яблочко; она давно уже заѣзживала въ Русское консульство, потому что жандармы турецкіе у нея въ домѣ взяли бараба, зажарили его, съѣли, отобрали еще нѣсколькихъ куръ и потомъ грозилась побить ее, если она не заплатитъ имъ *диль-параси*. \* Она очень огорчилась и говорила: „Вотъ шестьдесятъ лѣтъ живу на этомъ свѣтѣ, а этого еще со мной не бывало!“ А когда ей говорили: „Бабушка, съ другими бывало!“ она отвѣчала спокойно и весело: „Да-да-да! Съ другими вотъ бывало, а со мной никогда!“ Она узнала отъ кого-то что бываютъ *русскіе паспорты* и что тогда уже ни за куръ, ни за барановъ не страшно. Вотъ она и рѣшилась выпросить себѣ русскій паспортъ у *большаго* консула; пріѣхала въ городъ издалека и ходила раза по три въ кѣдѣлю справляться, не вернулся ли консулъ. Она почти никогда не переставала, даже и на ходу, вязать толстый шерстяной чулокъ, а въ другомъ такомъ же чулкѣ за лазухой носила всегда какую-то турецкую бумагу и всѣмъ ее показывала.

Всѣ ее въ кавасской комнатѣ принимали съ радостью и смѣхомъ; у огня сейчасъ ей мѣсто Маволи опросталъ, посадилъ и сказалъ ей, подмигивая мнѣ: „Бабушка, ты турецкая подданная?“ А старушка весело, какъ дитя, головой затрясая: „А! а! а!“ (т. е. да! да! да!) Смѣхъ! Маволи ей еще: „Да вѣтъ, бабушка, ты можеть-быть греческая подданная?“ А старушка опять ему: „А! а! а!“ И на это согласна. Опять смѣхъ. Опять Кольйо говорить: „Перестаньте вы! Белась! Белась!“ Такъ было весело въ этотъ день. Послѣ старушки пришли Зельха съ матерью, обѣ въ бѣлыхъ покрывалахъ и черныхъ *береджсе*, какъ самыя благочестивыя и честныя мусульманскія гражданки.

И съ ними сейчасъ разговоры и смѣхъ. „Зельха-ханумъ!

\* *Зубничать деньги*. За то что зубы тратилъ, теръ изъ, кушая. *Аст.*

Милости просимъ! Милости просимъ!.. Кофею не прикажете ли... Дайте кофею... Сигарку извольте... Кольцо, привеси бабускѣ нашей и халумисамъ консульскаго варенья и кофе...“ Такъ весело; одно жаль — что громко говорить и смѣяться нельзя. Маноли говоритъ старухѣ матери Зельхи:

— Баба! раскрой покрывало! Поцѣлуй нашего попа. Что бы тебѣ вѣкъ жить и здравствовать, сдѣлай ты это для моего удовольствія... Дочь твою на свадьбахъ всѣ поочередно цѣлуютъ, когда она съ тамбуриномъ деньги собираетъ, а тебѣ, бѣдную, кто цѣлуетъ? Поцѣлуй попа...

— Я согласна, говорить Турчанка.

— И я могу! говорить поль Кюста.— Она человекъ почти чуждый... И они цѣлуются.

Просто бѣда!.. Самъ Кольцо зажимаетъ ротъ чтобы не разбудить Благова. Однако все-таки большой гулъ отъ голосовъ и смѣха въ комнатѣ стоитъ. Но веселью нашему вдругъ ковецъ.

Внезапно скрипятъ засовы на воротахъ. Мы къ окну и видимъ что французскій кавассъ самъ отворяетъ ворота. Бостанджи-Оглу бѣднѣетъ и слѣшитъ въ сѣни, смотреть не знаетъ что дѣлать. Мсье Бреше вѣзжаешь на широкій дворъ, громко стучитъ копытами ковъ его по мощеной дорожкѣ. Мы въ недоумѣннн глядимъ другъ на друга. Что будетъ? Но напрасно наше смущеніе. Архистратигъ Маноли вѣдъ здѣсь!.. Онъ бодрствуетъ неусыпно... Пока мы глядимъ другъ на друга и ужасаемся; пока Бостанджи-Оглу, какъ дуракъ, бѣднѣетъ все болѣе и болѣе въ сѣняхъ... Маноли какъ молнія уже сверкнулъ своими дослѣхами мимо насъ. Онъ у стремянъ Француза и, приложивъ руку къ золотому орлу своей фески, говоритъ ему такъ:

— Господиъ консулъ почиваетъ, сіятельнѣйшій господиъ консулъ! онъ ѣхалъ всю ночь очень слѣпно и былъ у мѣ тургию...

Бреше мрачно, медленно достаетъ карточку и отдаетъ молча кавассу, поворачиваетъ лошадь и... вообрази, да сѣзжаетъ съ каменной дороги; на сторону, на свѣтъ мягкую землю... чтобы не гремѣть копытами по двору... Врота только притворяетъ и засовы не трогаетъ...

Маноли возвращается, приподнявъ усы и плеча; лицо е тайственно. Онъ глядитъ на насъ, мы на него, а кривловаръ говоритъ со вздохомъ: „Дѣла!“

Смѣхъ прекращается, и женщинъ въ молчаніи угощаю



консульскими кофеемъ и вареньемъ. Не судьба была г. Бре-ше разбудить Благова; его разбудилъ Сулейманъ дервишъ. Тотъ былъ глухъ и какъ только увидели мы всѣ изъ окна что онъ, несмотря на холодъ и снѣгъ, идетъ себѣ въ ситцевомъ халатѣ своемъ и въ башмакахъ на босую ногу... Кольцо къ нему на встрѣчу побѣжалъ, чтобъ онъ не вскрикнулъ: Га! га! но это было хуже... увидалъ онъ Кольцо, обрадовался ему, и какъ левъ, какъ быкъ полудикій взревѣлъ на весь дворъ....

Благовъ дернулъ звонокъ... всѣ взволновались и рассыпались въ разные стороны.

Садовникъ понесъ на верхъ дрова; Бостанджи-Оглу поспѣшилъ въ канцелярію; мальчикъ Алѣко бросился раздувать мангалы; Кольцо на верхъ, къ самому консулу; Манолу не знаю куда устремился; а поваръ сказалъ двумъ старухамъ, Турчанкѣ и бабушкѣ: „Пойдемте въ кухню, я васъ покормлю. Такъ какъ сегодня праздникъ.“

Остались мы только трое у мангала: Зельхѣ, задумчивый Ставри и я.

## XI.

Когда мы остались втроемъ съ капитаномъ Ставри и Зельхой, Зельхѣ вдругъ подошла ко мнѣ и обратилась съ вопросомъ:

— Мальчикъ, чей ты смѣхъ? Жидъ ты, или христіанинъ?

Я смутившись и краснѣя отвѣчалъ ей:

— Конечно христіанинъ, море, зачѣмъ это я буду Жи-домъ? И хотѣлъ уйти.

Но она схватила меня за шубу, начала глядѣть мнѣ прямо въ лицо (глаза ея были очень велики и черные и мрачные, рѣсницы очень длинныя, какъ *франкскія стрѣлы*; она рѣд-ко улыбалась)... и сказала:

— Ты пойдешь къ консулу на верхъ!...

Я отвѣчалъ:

— Оставь меня, пойду не пойду—что тебѣ!

(Ко мнѣ никогда не прикасалась еще ни одна молодая дѣ-вушка, а тѣмъ болѣе танцовщица Цыганка. И мнѣ при Ставри было очень стыдно)...

— Геронта\*, съ презрѣніемъ и печально сказала Зельхѣ,— точно игумень!

\* Геронта—старецъ, настоятель монашескій и т. п.

Киръ-Ставри сидѣлъ молча у жаровни и не смотрѣлъ даже вовсе на насъ.

Зельхѣ повторила еще:

— Этотъ мальчикъ очень тихій... Точно онъ игуменъ, точно геронта!.. *Гиде!* (поди прочь) и съ негодованіемъ отбросила отъ себя полу моей шубы, которую держала.

Я опять хотѣлъ уйти поскорѣй отъ нея, но она вдругъ снова схватила рукой шубу и воскликнула совсѣмъ другимъ голосомъ:

— Ва! какая прекрасная шуба!... Патмышки, лятмышки, лятмышки, лятмышки. Это знаешь что такое? Это вѣдь рысь! Прекрасно! Очень прекрасно! Скажи мнѣ, милый барашекъ мой, это ты самъ себя сдѣлалъ, или тебѣ твой отецъ купилъ...

И прежде еще чѣмъ я успѣлъ отвѣтить ей она кинулась мнѣ лицомъ подъ шубу, спряталась у меня на груди и оттуда кричала:

— Какъ прекрасно здѣсь! Какъ хорошо пахнетъ у него тутъ въ шубѣ!.. Тепло—тепло!

Я старался оттолкнуть ее и вынуть ее голову изъ шубы; она сопротивлялась... Я начиналъ уже сердиться; киръ-Ставри улыбался, но увидавъ наконецъ эту борьбу, сказалъ ей строго:

— Э! Зельхѣ! полно! оставь Одисея! я тебѣ говорю. Я консулу на тебя пожалуюсь...

Зельхѣ вышла изъ шубы моей, высокомерно оглядѣла меня еще разъ съ ногъ до головы, и сама очень строго обращаясь къ Ставри:

— Одиссей? Ты говоришь Одиссей? Это имя его? Одиссей? Никогда не слыхала! Какое скверное имя—Одиссей... показала съ недоумѣніемъ плечами, еще одинъ разъ сказала:—Од сей! что за вещь такая?..

И вдругъ нахмурила брови, толкнула на меня ногой и закричала:

— Что ты стоишь, море, иди на верхъ, узнай что дѣлаетъ большой эффеади... знаешь у меня къ нему дѣло большое есть....

И толкнула меня въ спину: — Иди! иди!

Тогда ужъ и мнѣ стало смѣшно, и я сказалъ: „хорошо! пойду...“ И пошелъ въ канцелярію, думая: „вотъ дерзкая

какая она и необразованная, и у нея, смотрите, есть тоже *дѣла*! мои *дѣла*, это точно *дѣла*, не меньше Бакѣвскаго, посмотримъ еще что скажетъ мсье Благовъ о моихъ врагахъ, о *соботѣ* и *сеисъ*! вотъ это *дѣла*!"

Раздались опять шумъ и бряцанье за мной, и я увидалъ незаметно предъ собою трехъ консуловъ разомъ: Корбетъ де-Леси; Апенбрехера, нашего Элаина и съ ними трехъ кавасовъ... всѣ были въ *официальныхъ фуражкахъ*. Ставри повелъ ихъ на верхъ.

Я видѣлъ какъ впереди всѣхъ шелъ низенькій и весь чисто-выбритый Англичанинъ въ мѣховомъ длинномъ пальто и все съ манжетками жемскими на сборкахъ. А за нимъ Австріецъ и Киркориди, оба большіе, оба очень толстые. Но Австріецъ, еще не старый и живой, не отставалъ отъ Леси, а нашъ поднимался же слѣша и дышалъ тяжело на всѣ сѣни...

Я смотрѣлъ какъ они всѣ шли на лестницу и слышалъ что Апенбрехеръ сказалъ по-французски: „Il n'est pas trop *soulant*...“ „Nous verrons!“ отвѣчалъ Леси. А Киркориди молчалъ.

Я тотчасъ же послѣшилъ въ канцелярію и передалъ эти слова консуловъ Бостанджи-Оглу и спросилъ что такое это слово *soulant*. Бостанджи-Оглу кинулся искать въ словарь: нашелъ и съ радостью воскликнулъ:

— А! уступчивый... хорошо! это значитъ, они мирить взялись... потомъ прибавилъ: — Бѣги, Одиссей, за Бакѣвымъ скорѣй... скажи ему.

Я тотчасъ же побѣжалъ на квартиру, рассказалъ Бакѣву все, сказалъ что Бреше пріѣзжалъ самъ, и что онъ на *смыгъ съ камней* съѣхалъ. Г. Бакѣвъ отвѣчалъ мнѣ очень сухо и печально: „благодарю васъ...“ и мы вмѣстѣ вернулись въ консульство. Онъ прямо пошелъ на верхъ, туда гдѣ собрались консула, а я въ канцелярію.

Вотъ что произошло на верху.

Апенбрехеръ лучше всѣхъ другихъ консуловъ уживался и съ Бреше, и съ Благовымъ, и съ Леси. Онъ былъ всѣхъ слабѣе въ странѣ, всѣхъ уступчивѣе, можетъ-быть и по природѣ всѣхъ добрѣе и любезнѣе. Бреше завидовалъ независимости и популярности Благова, которая все росла и росла и ненавидѣлъ Русскихъ. Корбетъ де-Леси раздражалъ его нервы своей щелетильностью и формализмомъ и тѣмъ что онъ звалъ: *des simagrées britanniques*!

Когда послѣ покушенія Орсины на жизнь Наполеона III во Франціи столь многіе были возбуждены противъ Англіи и восклицали съ бѣшенствомъ что надо наконецъ разгромить этотъ притонъ, это вѣчное убѣжище разныхъ преступниковъ и политическихъ авантюристовъ, Корбетъ де-Леси опасался серьезнаго разрыва между двумя государствами. Ему необходимо тогда было сдѣлать визитъ господину Бреше. Онъ пришелъ, просидѣлъ ровно десять минутъ (по часамъ) и ушелъ. Когда же все утихло, онъ опять пришелъ и просидѣлъ болѣе часу. Вотъ такія вещи не нравились господину Бреше. Ему кажется все на свѣтѣ не нравилось!... Не нравилось ему также что Леси слишкомъ часто спрашивалъ „*Официально или офиціозно вы это говорите?*“ А еще болѣе надоѣдалъ англійскій консулъ Бреше тѣмъ что у Леси Турки были все прекрасные люди, все честные люди, все правые люди. Бреше нужно было кого-нибудь *сокрушить* для величія императорской Франціи... Кого же сокрушать какъ не этихъ бѣдныхъ варваровъ? Они подъ рукой; у нихъ нѣтъ ни Парижа, *столицы земнаго шара*, ни французской администраціи, ни французскихъ префектовъ. Леси опасался дерзости Француза и считалъ за счастье не имѣть съ нимъ дѣла. Еще недавно, въ самый день столкновенія Бреше и Бакъвева у него въ домѣ, тотчасъ послѣ столкновенія которое очень разгнѣвало старика (у него въ домѣ! Какъ это могло произойти такой безпорядокъ! Чуть не кулачный бой!), Леси говоря съ г. Бреше, не безъ раздраженія выразился, между прочимъ, такъ: „Одинъ разъ былъ вотъ какой ѱ насъ случай... Французское посольство *позволило себѣ*...“

Бреше прервалъ его: „*Monsieur de Lesy!*.. Выраженіе ваше *позволило себѣ* нейдетъ въ приложеніи къ посольству Франціи...“

Но старику ужъ Бреше надоѣлъ до нельзя; онъ задрожалъ, затрясъ головой и сказалъ: „Извольте, извольте, въ другой разъ я буду, встрѣчаясь съ вами, въ одной рукѣ держать какой-нибудь академическій словарь, а въ другой револьверъ...“

„Продолжайте вашъ разказъ!“ сказалъ Бреше примирительно.

Но Леси отвѣчалъ сдержанно и злобно:— „Да, я продолжаю. Посольство Франціи *позволило себѣ* однажды...“

Бреше смѣялъ это; нельзя же ему было разомъ *сокрушить* всѣхъ...

Благова Леси любилъ больше и уважалъ его какъ человѣка стариннаго дворянскаго рода, но трепеталъ московскихъ патригъ и видѣлъ ихъ вездѣ, подозрѣвалъ, искалъ ихъ всюду. Вдругъ выходилъ изъ своей алатіи и удивленіа, шелъ къ Киркориди, шелъ къ Апенбрехеру и безлокоился у нихъ: „Нѣтъ ли еще чего-нибудь? Откуда разбой въ горахъ! Не видѣлся ли Благовъ съ разбойниками въ самомъ дѣлѣ?... Что за *лицы* съ пистолетами ему прислали?... (А ящичъ въ самомъ дѣлѣ былъ, только не съ пистолетами, а съ такъ-называемыми *prines pistoles*. Но на турецкой таможенѣ испугались.) Не слыхалъ ли чего о *русскихъ рубляхъ*?... Правда ли что онъ въ лѣсномъ селеніи Вувуса, на самыхъ дальнихъ Загорскихъ высотахъ, подарилъ *пильщикамъ* образъ Воздвиженія Честнаго Креста и сказалъ имъ: „Все у васъ хорошо тутъ на лѣсопильнѣ вашей, только образа нѣтъ и лампы въ углу. Это дурно. Надо чтобъ у васъ было какъ у насъ въ Россіи“... Правда ли это? Это чистый панславизмъ!“ шепталъ Леси то Австріядцу, то Греку. И они соглашались и вздыхали и говорили: „Что дѣлать?“ И писали всё объ этомъ образъ и писали....

Кромѣ того и лично Леси былъ не совсѣмъ доволенъ Благовымъ; до него дошло что Благовъ рисовалъ на него очень удачныя карикатуры, напримѣръ, такого рода Охота. Лѣсъ. Стоитъ Леси съ ружьемъ и смотритъ на верхъ озабоченно. На козырекъ его форменной фуражки сѣла птичка, и онъ спрашиваетъ ее: „Скажите мнѣ, маленькая птичка, вы сѣли на фуражку мою *официально* или *официозно*? Я буду дѣйствовать сообразно съ этимъ!“

Что касается до Благова, то онъ Леси любилъ, уважалъ сердечно и если иногда смѣялся надъ нимъ за глаза, то развѣ дружески и шуточно; а господина Бреше терпѣть не могъ, и смѣялся зло и брезгливо надъ его дурными манерами; какъ политическаго агента Благовъ остерегался французскаго консула, и неавидѣлъ его особенно какъ представителя французской демократіи, которая была въ его глазахъ въ гражданскомъ смыслѣ олицетворенная плоскость и грязь.

Между этими тремя упрямыми, самолюбивыми и вліятельными коллегами, какъ ручей между камнями и колючими кустами, струился толстый Апенбрехеръ пріятно и уклончиво извиваясь и журча....

Въ мѣстную политику мѣшаться *дѣятельно*, а не только

наблюдательно, олъ былъ бы очень радъ, но что ему было дѣлать?... Конечно можно со временемъ привлечь и всю Албанію къ великой имперіи Габсбурговъ, имѣющей раскинуть мощь свою до самыхъ Вратъ Блаженства!.. \* Но... теперь? Что дѣлать въ Элирѣ, гдѣ нѣтъ Славянъ? Развѣ изрѣдка, изрѣдка спросить у Грековъ,—и то даже не офиціозно, а какъ-то такъ — спросить у нихъ: „Согласишься ли бы вы быть когда-нибудь подданными Австрійскаго императора?“ Хорошо еще если Грекъ отвѣтитъ по это уклончиво: „Наши люди, г. консулъ, слишкомъ необразованы, чтобы не бояться католицизма“. А иной скажетъ и прямо: „Нѣтъ, Грекъ такъ свободолюбивъ и гордъ въ своей народности что по охотѣ и съ любовью олъ подниметъ тяжесть только одной великой короны, короны особаго Византійскаго императора.“ Интернауціи не поддерживаетъ въ распри съ Турками и строго велитъ агентамъ справляться самимъ на мѣстѣ достойно и умно. Интернауціи Прокешъ-Остенъ еамъ постарѣлъ, совсѣмъ пожелтѣлъ и, кажется, думаетъ только о томъ какъ бы ему спокойно наслаждаться въ Константинополѣ. Ходитъ по утрамъ на дачи къ молодымъ по славянцамъ, читаетъ съ ними вѣмецкихъ повтовъ; на балахъ старается всѣхъ дамъ, подъ предлогомъ старости своей брать за обнаженныя руки выше локтя и вздыхаетъ, говоря „Какъ печально имѣть молодое сердце въ престарѣломъ тѣлѣ!“

Великую имперію Габсбурговъ разбили недавно въ прахъ эти наглые Французы подъ Сольферино и Маджентой, и молодой императоръ вынужденъ былъ просить мира у вѣчнаго *kondonieri* и обниматься съ нимъ.... А мадамъ Апербехеръ молода бѣдная и беременна уже шестымъ ребенкомъ... А жалованье меньше чѣмъ у другихъ консуловъ. Подданныхъ почти нѣтъ въ Элирѣ, и легкаго, простительнаго оборота даже какого-нибудь не дождешься...

И вотъ ручей журчитъ и льется миротворствуя... Он со всѣми хорошъ. У Леси олъ негодуетъ на *пильщикова Вуууса*, на грязныя интриги панславизма; у Благова олъ слезъ смѣется надъ птичкой и надъ вопросомъ: „Какъ в свѣти птичка?“ и восклицаетъ: „О! какъ это остроумно! Какъ изящно! Сколько правды! О нашъ добрый *monsieur* Леси!“

У Бреше олъ тоже ропщетъ на *пильщикова* Благова

\* Восторгъ, Царьградъ. Ам.

свѣтоса надъ птичкой Леси, но сверхъ того онъ жауется на пашу, на то что онъ перестаетъ помнитъ что такое *консульскій корпусъ*, котораго *doyen monsieur* Бреше (потому что онъ давнѣ всѣхъ въ этой странѣ); онъ говоритъ что Туркамъ нужны то *шноры*, то *узда*, что они Грека имѣющаго честь быть австрійскимъ *protegé* свергли вчера въ тюрьму, не спросясь у представителя древней имперіи Габсбурговъ.

И господицу Бреше пріятно что чуть не вся Австрія у ногъ его и простираетъ къ нему руки; онъ ѣдетъ въ Порту и шлорить стараго и добраго пашу и подтягиваетъ и ворочаетъ жестоко узду въ надменныхъ, но безсильныхъ устахъ его Ибрагима!...

Теперь какъ быть?.. Бреше увлекся черезъ мѣру... Надо спасти его отъ неприяности... а завтра онъ въ свою очередь поможетъ католической Австріи и уничтожитъ кого-нибудь въ угоду ея агенту, а мы представимъ послѣ интервю: вотъ какъ искусень тонкій Меттернихъ Эллера... и будетъ *прибавка*, и для милой *madame* Апенбрехеръ будетъ легче и пріятнѣе жить на свѣтѣ. Вотъ другому его австрійскому же товарищу, вѣроятно за разныя подобныя этому заслуги, въ другомъ городѣ, дало правительство монополию, или иную выгодную привилегію при торговлѣ табакомъ съ Турціей... Что-то въ этомъ родѣ... И онъ воздвигъ себѣ пріятный и помѣстительный каменный домъ зеленого цвѣта, убравъ его розовыми лаврами и живетъ хорошо, не смотря на то что его супруга еще болѣе чѣмъ *madame* Апенбрехеръ „какъ плодovitая лоза въ домѣ своемъ и дѣти его какъ маслячныя вѣтви вокругъ его тралезы“. Надо также помнить что Бакъевъ *секретарь*, а не консулъ. А это великая разница! У Бакъева нѣтъ *помазанія* дипломатическаго, онъ ни чего не *представляетъ*; онъ не *агентъ*, онъ чиновникъ, *employé*... „Пивейро-Ферейра, Мартенсъ и др. согласны въ томъ что *les bons offices*“ и т. д. Словомъ, надо чтобы Бреше помогъ подданнаго австрійскаго завтра выручить изъ тюрьмы... Возвышая Бреше, возвышаемъ весь консульскій корпусъ.

Надо смягчить Благова прежде чѣмъ онъ *можетъ-быть* приметъ какія-нибудь мѣры. Надо придать этому дѣлу частный, личный характеръ. Съ этимъ же цѣлью и самъ Бреше, какъ не *имѣющій ничего личнаго противъ Благова*, поспѣшилъ ему сдѣлать утромъ визитъ.

Корбетъ де-Леси съ трудомъ соглашается идти *съ-мнѣ* къ Благову. Онъ находитъ что Бреше вовсе не правъ, а что Бакъевъ правъ вполнѣ (Бакъевъ съ Турками дѣйствовалъ посредствомъ „*bons offices*“ по дѣлу контрабанды. Онъ не *шпорилъ* ихъ, не оскорблялъ!); идти онъ идетъ; но говорить объ этомъ дѣлѣ онъ рѣшительно не будетъ, если только самъ Благовъ не начнетъ. Онъ *предполагаетъ* только что „будетъ *спрошено* отвѣчать въ примирительномъ духѣ еслибы *случайно* г. Благовъ самъ завелъ рѣчь объ этой распрѣ достойной сожалѣнія!..“ (Быть-можетъ старичокъ былъ бы и радъ чтобы молодой левъ московскій и старый искудальный отъ злости тигръ парижскаго лжебейства схватились при немъ и растерзали другъ друга и чтобы на мѣсто ихъ пріѣхали бы другіе агенты, какой-нибудь тяжкій славянскій телецъ и какая-нибудь тихая іезуитская лисица, которой и поживы не будетъ среди лукаваго и бойкаго Эпирскаго народа! Быть-можетъ и объ этомъ думала британская старушка). Чтò дѣлала нашъ бѣдный Эланъ, нашъ медальный Киркориди? Онъ рѣшилъ что онъ не *отдѣлится отъ товарищей* и будетъ поддерживать ихъ настолько насколько будетъ выгодно для общаго примиренія. Ему больше нежели кому-нибудь необходимы *единеніе* и *сила* консульскаго корпуса, ему, который *самъ* лично и умеетъ, и очень твердо, но *государственно* такъ слабъ предъ Турецкою системою своевластіа!

Когда всѣ (кромя Бреше) собрались въ приемной Благова, наверху, *неожиданно* туда пришелъ Бакъевъ. Неожиданный отгвнокъ... При оскорбленномъ не такъ удобно говорить что его надо привести въ жертву оскорбителю, или по крайней мѣрѣ отвлеченной силѣ *консульской корпораціи*.

Благовъ пришелъ очень веселый и нарядный; точно ничего не случилось.

Ашенбрехеръ, который уже успѣлъ узнать о томъ что Благову дали Св. Станислава 2й степени, началъ первый прежде всего съ увлеченіемъ его поздравлять и обратясь ко всѣмъ присутствующимъ воскликнулъ радостно и съ *назлобивою* какою-то *завистью* (какъ выражался послѣ самъ Благовъ).

— Два креста и одна медаль... Два креста и одивъ изъ нихъ уже *камандорскій*! У такого молодого человѣка! Признаюсь пріятно служить такому правительству! Два креста и одна медаль!



Петомъ и Леси, поадравивъ Благова съ тонкою вѣжливой  
сухою улыбкой дипломатіи на гладко выбритыхъ устахъ,  
сказавъ такую рѣчь:

— Холодно! Морозъ значительный. Самые пожилые изъ  
жителей Явны съ трудомъ могутъ припомнить то время  
когда озеро подергивалось льдомъ. Но мыѣ оно подерги-  
ается все болѣе и болѣе...

Онъ останавливается, соображая что еще было бы тутъ  
еще прибавить...

Амелбрехеръ спѣшитъ вмѣшаться и говоритъ Благову:

— Вамъ было очень холодно, вѣроятно, вѣшать этою ночью.  
Въ такъ сюда спѣшили. Хотя, конечно, русскія привычки...

— Не скажу, говоритъ Благовъ,—чтобы мы были привыч-  
ке къ холоду здѣшнихъ людей... Здѣсь и въ Италіи люди  
бавтъ въ домахъ зимой и очень довольны; а мы на югѣ не  
знаемъ что дѣлать иногда отъ стужи..

Леси продолжаетъ настойчиво и возвышая голосъ съ нѣ-  
торою досадою:

— Самые престарѣлые жители города Явны съ величай-  
шимъ трудомъ вспоминаютъ о морозѣ который въ отдален-  
ное время подѣйствовалъ даже на воды озера...

Онъ приостановился еще разъ; но Благовъ вдругъ ему на

— Да! а я хотѣлъ спросить у васъ, монсьеиг Леси, правда  
что я прочелъ недавно о вашемъ Нана-Саубѣ, что онъ  
то бы чуть не накакунѣ возстанія въ Индіи танцевалъ  
въ хороши на балахъ съ англійскими дамами?

Образи себѣ положеніе Леси? Вся нить его метеорологи-  
ческихъ наблюденій была прервана; все разстроилось; онъ  
вычалъ, выпрямился, заложилъ вдругъ пальцы за жилетъ  
и началъ Благову значительно:

— Монсьеиг Благовъ, на этотъ вопросъ я могу отвѣтить  
въ только одно... Что я не знаю объ этомъ ничего.

Амелбрехеръ опять *струится* между *терновыми кустами*...  
и говоритъ о томъ что въ Россіи зимой, слышно, очень  
хорошо, что лѣса въ цвѣтѣ и савки, дымящіяся печи и злато-  
лая колокольница, придають страхъ въ такіе дни какую-то  
небную повѣзю, которой нѣтъ въ южныхъ странахъ...

Далъ прибавляетъ онъ ласкательно,—всякая *цивилизация*  
имѣетъ свою оригинальную прелесть. Такъ и русская *циви-*  
*зация*.

Благовъ благодарить его за „цивилизацию“ Россіи легкой улабкой и продолжаетъ дразнить Леси:

— Мнѣ понравился этотъ Нана-Саибъ.... Вотъ это точн оригинальная цивилизація, предъ которой нашъ русскій иеичто!

Леси молчитъ и смотритъ на часы, не довольно ли этихъ *bons offices*?

Ашенбрехеръ опять о сѣтгахъ и объ одномъ Итальянцѣ, который замерзъ въ Россіи, и опять спрашиваетъ:

— Скажите, mon cher monsieur Blagow, во сколько часовъ вы совершили свое знаменитое путешествіе отъ Арты до Явны?

Бакъевъ въ волненіи, ему хочется чтобы разговоръ скорѣе сталъ откровеннѣе... Чтобы заговорилъ хоть кто-нибудь о немъ и о Бреше....

Онъ вдругъ врывается некстати въ бесѣду.

— Monsieur Blagowъ ужасно слѣшилъ; онъ вѣхалъ такъ ужасною ночью всего семь часовъ, и я, конечно, не знаю какъ выразить ему мою признательность....

Никто ему не отвѣчаетъ, а Благовъ говоритъ только Ашенбрехеру очень веселымъ тономъ:

— Я люблю, иногда, сознаюсь въ этой слабости, разн трудности и сильныя ощущенія.

Киркорида, пока тѣ говорятъ, въ сторовкѣ жметъ крѣпкую руку Бакъеву и шелчетъ ему очень глухо, очень глухо.

— Какъ вы себя чувствуете? Здоровы ли вы?

— Вы знаете, тихо и мрачно отвѣчаетъ Бакъевъ.

— Такъ! такъ! что дѣлать!... еще глуше шелчетъ ему гречески Киркорида подъ шумъ другихъ голосовъ; и прикладываетъ еще тише по-итальянски и со вздохомъ: „Greroten“.

На лицѣ его широко, спокойномъ, огромномъ и невозмутимомъ Благовъ *издали*, несмотря на молчаніе его, читаетъ.

— Не сердитесь на меня, вы Русскіе, что и я съ вами и шелъ... Вы знаете: Бугарисъ, англійская партія... Юническія острова.... Еврей Пачифико.... А я проигралъ вчера немцамъ въ карты....

Такъ разказывалъ гораздо послѣ обо всемъ объ этомъ Благовъ при мнѣ, и этотъ разказъ его былъ восхитителен. Онъ, шутя, увѣрялъ будто бы ему даже казалось что Киркорида подмигивалъ ему глазомъ въ сторону Юническихъ острововъ, гдѣ тогда еще царили тѣ самые красные мундиры

которыхъ выкроилъ себѣ куртку нашъ садовникъ Христо, столь свѣдущій въ политикѣ.

Такъ кончилось ничѣмъ это совѣщаніе; Корбетъ де-Леси ушелъ, негодуя слегка за Нана-Сауба и еще больше за *оригинальную его цивилизацію*, за нимъ ушли и остальные.

## ХІІ.

Время завтрака давно уже прошло. Консулъ былъ вѣроятно съѣлъ еще съ утренняго чая; а мы съ Востанджи-Оглу все сидѣли въ канцеляріи, въ ожиданіи, и вѣсколько разъ то пили турецкій кофе, чтобы заглушить на минуту голодъ, то ѣли понемногу одинъ хлѣбъ чтобы не испортить совсѣмъ себѣ аппетитъ къ обѣду, на который я непремѣнно надѣялся быть приглашенъ.

Скоро пришелъ къ намъ Коевино. Онъ, не снимая шляпы и почти не кланаясь, спросилъ у насъ:

— Принимаютъ ли теперь господи́въ Благовъ?

Ему сказали что на верху консульское совѣщаніе по дѣламъ, но Востанджи-Оглу прибавилъ что г. Благовъ приказалъ задержать его на обѣдъ непремѣнно, если онъ придетъ:

— Онъ очень желаетъ скорѣе васъ видѣть, сказалъ ему Востанджи.

Докторъ сѣлъ у мангала, снялъ шляпу и перчатки и вѣсколько времени сидѣлъ молча, крайне печальный и задумчивый. Только брови его дергались надъ умытыми, потухшими очами. Но вдругъ онъ оживился, всталъ и воскликнулъ:

— Ха-ха! ха-ха! консула! Très bien! Très bien! Теперь на верху совѣщаніе. Благовъ не уступитъ и не должно... Могу сказать что у него есть тактъ.

Востанджи-Оглу, который при всемъ ничтожествѣ своемъ любилъ не хуже другихъ подстрекать доктора на разныя его выходки, замѣтилъ:

— Бреше ужасно невѣжливъ и ему оскорбить человека не значитъ ничего.

Докторъ продолжалъ одушевляясь все болѣе и болѣе.

— Французскій умъ! Французская вѣжливость! Гдѣ она? Я ихъ не вижу въ Бреше... Бреше! Французское невѣжество, французская грубость... Какое сравненіе съ моимъ Благовымъ (и лицо доктора сдѣлалось внезапно мило и пріятно, глаза его стали сладки и томны). Благовъ, это истинная

цивилизациа, это порода. C'est la race... la race (онъ опять ожесточился и наступалъ грозно на насъ чтобы показать силу аристократіи и породы). Мать—княгиня, владѣтельной скандинавской крови. А? могу сказать—Рюрикъ!.. А? Не такъ ли? Рюрикъ.... Было три князя: Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ.. Ха, ха, ха, ха! Я все это изслѣдовалъ... Я знаю больше твоихъ учителей, Одиссей мой милый, а? Скажи? больше? а? скажи, больше?

— Больше, докторъ, гораздо больше.

— Рюрикъ, Скандинавы, les Vargengiens... А? Les Vargengiens... Какія имена! они саужили у Византийскихъ императоровъ... C'est la race! Взгляните на походку (и докторъ шелъ къ дверямъ, шелъ отъ нихъ опять къ намъ стойко и прямо, съ нѣсколько военнымъ отъѣнкомъ—это былъ Благовъ).

Потомъ вдругъ разразившись на мгновение хохотомъ, потомъ и крикомъ, онъ подошелъ ко мнѣ тихо и сказалъ съ глубокимъ отвращеніемъ и почти съ жалостью:

— А monsieur Бреше? Онъ въ Азію прежде ѣздилъ какъ *commiss-voyageur*... прикащикъ, шелковыхъ червей скупалъ. Червей! червей! продолжалъ онъ съ негодующимъ укоромъ. — Онъ дипломатъ теперь... Червей... Отецъ Благова, вотъ взгляни сюда, густые зловѣты... *Трикантонъ*\* съ бѣлымъ лаюмажемъ... Конь лихой... Кресты и ленты Государя! Борець противъ la grande agnée (и докторъ поднималъ надъ головой моей палку какъ бы желая доказать мнѣ ощутительно до чего былъ властенъ и могучъ покойный отецъ Благова).

Онъ прибавилъ еще:—Татарскій князь крестился нѣсколько вѣковъ тому назадъ, онъ былъ добръ какъ ангелъ и Русскіе его назвали „Сильно-благъ!“ а? Каково это? „Сильно-благъ!“ Потомъ болгарскій родъ Благовыхъ!

Долго размышлялъ Коевино надъ прекраснымъ именемъ „Сильно-благъ“. Мы ждали что будетъ дальше. И вотъ постепенно, сразу почти незамѣтно, докторъ весь сталъ измѣняться; онъ какъ будто весь сдѣлался короче, сгорбился, пошелъ по комнатѣ медвѣдемъ, лицо его поглубило, опухло и онъ заговорилъ грубо:

— А вотъ отецъ Бреше.. *V'la! ben!* Блауза грязная, деревянные сабо, колакъ на головѣ ночной и вины, и вины! И

\* Треугольная шапка.

вил... и вилы!... И онъ вилами этими тащитъ сѣно! И онъ этими вилами сѣно лихаетъ.

И схвативъ съ дивана подушку, докторъ началъ съ хохотомъ подпирать мнѣ ею бокъ и притиснулъ меня къ стѣнѣ, а радость и все съ грубымъ лицомъ ревѣлъ на меня.

— А онъ вилами сѣно взваливаетъ!

Мы съ Бостанджи-Оглу до слезъ смѣялись, и докторъ казался тоже счастливъ. Онъ успокоился, сѣлъ и сталъ опять гвалить Русскихъ и Багова, говорилъ много, потомъ началъ проводить параллель между самимъ собою и Благовымъ:

— Оба артисты, оба поэты, оба люди хорошаго общества, оба люди съ энергіей и съ фантазіей.

Долго наслаждался докторъ, проводя эту параллель, которая ему очень льстила и наконецъ, обратясь къ Бостанджи-Оглу, спросилъ его весело:

— Скажи мнѣ, мой дорогой Бостанджи-Оглу, развѣ я не правъ? а? Развѣ я не правъ? Развѣ между мной и Благовымъ нѣтъ нѣкоего существеннаго, такъ-сказать, сходства, *онтологическаго* могу даже сказать единства?

Бостанджи-Оглу молчалъ и улыбался не безъ смущенья.

— А? Развѣ нѣтъ? а? развѣ нѣтъ? Скажи, будь вѣчно живъ и здоровъ мой милый.

— Какъ вамъ сказать? отвѣтилъ не смѣлымъ голосомъ Бостанджи-Оглу.— Ну нѣтъ, я думаю что вамъ далеко, слышите далеко до господина Благова! Ничего и похожаго нѣтъ.

О! еслибъ я могъ изобразить тебѣ живо внезапное оцѣпленіе доктора... Его внезапное, краснорѣчивое молчаніе!... Только брови его заиграли и черные глаза стали мрачны какъ котла...

Бостанджи-Оглу, я видѣлъ, немного испугался...

Докторъ надѣлъ шапку, надѣлъ перчатки, еще постоялъ и вдругъ стукнулъ объ полъ тростью, воскликнулъ:

— Подлецъ! Побродяга! Дуракъ.... Окотина!... Окотина!

Варъ-Ставри отворилъ двери изъ спальни и смотрѣлъ съ удивленіемъ...

Докторъ еще разъ повторилъ: „Босоногая тварь! Дуракъ!“ и отстраняя кавасса издали мановеніемъ руки отъ двери, вышелъ изъ нее царемъ...

Мы остались въ недоумѣніи.

Варъ-Ставри спросилъ съ азвительностью:

— Опять въ него бѣсъ вселился?...

Бостанджи-Оглу былъ очень оскорбленъ и сказалъ мнѣ и Ставри:

— Не самъ ли онъ подлый человѣкъ? За что онъ меня такъ оскорбилъ? Хочеть, чтобъ я его въ ровень съ господиномъ Благовымъ ставилъ. Развѣ что такъ... а? Погоди ты, я тебя заставаю у себя просить прощенія... Консулъ у насъ справедливый. Развѣ онъ позволитъ всякому оскорблять его чиновниковъ въ канцеляріи и тогда еще когда они его честь и достоинство защищаютъ!... Будеть этому Косешино анаесскому отъ Благова! Посмотри, Одиссей...

Въ это время консула окончили свой визитъ и ушли, и Бакъевъ слѣшно сошелъ къ намъ внизъ въ канцелярію и привесъ нѣсколько бумагъ. Онъ былъ гораздо веселѣе прежняго.

— Консулъ велѣлъ сейчасъ переписать вотъ это, сказалъ онъ, показывая бумагу Бостанджи-Оглу.—Надо намъ поскорѣй успѣть... Не можетъ ли и Одиссей помочь?

Почеркъ у меня былъ твердый, крутой и красивый. Съ французскаго я списывать уже могъ почти безъ ошибокъ, если черновая рукопись была разборчива. Я всталъ и написалъ для примѣра одну строку.

Г. Бакъевъ воскликнулъ:

— Да это превосходно! Вы лучше меня пишете.... Садитесь.... Вотъ вамъ все.... Эти два циркуляра слышите....

Никогда я не видалъ Бакъева такимъ оживленнымъ или восторженнымъ; онъ подавалъ намъ съ Бостанджи-Оглу черновыя; себѣ оставилъ самую большую бумагу и хотѣлъ было писать, но вдругъ остановился и сказалъ:

— Нѣтъ! подождите, надо вамъ прочесть что monsieur Благовъ пишетъ этому Бреше.... Слушайте!

И онъ прочелъ намъ громко:

„Г. консулъ, — Съ удивленіемъ узналъ я, по возвращеніи моемъ въ Яллу, что вчерашняго дня вы позволили себѣ въ присутствіи г. Корбетъ де-Леси, авгаійскаго консула, „une action inqualifiable“ относительно управляющаго въ мое отсутствіе Русскимъ консульствомъ, г. Бакъева. Я не вхожу въ рассмотрѣніе побужденій которыя могли внушить вамъ подобныя выраженія и не мое дѣло рассматривать теперь какое консульство было правѣ, те ли которое, снисходя къ проступку подданнаго, искало дружескимъ путемъ облегчить его заслуженное наказаніе, или те которое

хотѣю защищать контрабанду въ предѣлахъ дружественной державы; здѣсь я считаю долгомъ лишь сообщить вамъ, г. консулъ, что оскорбленіе нанесенное г. Бакъеву по поводу дѣла юридическаго и въ иностранномъ консульствѣ касается не только лица г. Бакъева, но самого Императорскаго консульства, коимъ онъ въ то время завѣдывалъ. Не считая возможнымъ оставить безъ вниманія подобный поступокъ вашъ, я предупреждаю васъ о томъ что всѣ сношенія, какъ официальные такъ и личныя, будутъ прерваны между внутреннимъ мнѣ и Французскимъ консульствами до тѣхъ поръ пока мы не получимъ блистательнаго удовлетворенія."

Въ томъ же смыслѣ, но гораздо короче, написалъ Благовъ циркуляры всѣмъ другимъ консуламъ.

Когда я въ послѣдствіи времени больше ознакомился съ обычаями и уставами консульствъ, мнѣ стало казаться что циркуляровъ этихъ вовсе не нужно было писать никому. Что это было или лишнее увлеченіе Благова, вслѣдствіе того что все-таки онъ былъ еще молодъ и сравнительно не очень давно служилъ, а случай былъ довольно рѣдкій; или у него была какая-нибудь особая цѣль, особое желаніе придать всей этой исторіи больше шума и официальности, чтобы возвратъ къ примиренію безъ подлѣйшаго покаянія Француза былъ труднѣе. Рѣшить этого я и теперь не берусь; но это и не важно. Важнѣе было, во всякомъ случаѣ, фактъ официального разрыва при тѣхъ слухахъ о тайномъ и тѣсномъ дружескомъ согласіи которые такъ твердо держались въ годѣ.

Копчивъ свою главную бумагу, вѣту къ Бреше, Бакъевъ пѣшилъ вѣсти ее наверхъ и насъ все торопилъ, говоря: Готовы ли вы? Не старайтесь слишкомъ! Скорѣе..." Но дверь открылась, и самъ консулъ вошелъ въ канцелярію.

Какъ только онъ увидалъ меня, лицо его выразило удивленіе и протягивая мнѣ руку, онъ сказалъ своимъ звучнымъ голосомъ: „А! Здравствуй! здравствуй! Загорскій мой товарищъ!... Очень радъ.... очень радъ!“ И подставилъ мнѣ даже руку свою, къ которой я съ благоговѣніемъ и радостью приложилъ.

Потомъ онъ сѣлъ, перечелъ еще разъ наши бумаги и отвѣлъ подписывать ихъ, говоря со мною въ то же время.

— Я отъа твоего жду. Напиши ему и поздравь.... Тотъ пер-

вый драгоманъ, который былъ здѣсь прежде, остается въ Константинополь, а твой отецъ будетъ первымъ, если только не повдѣе мѣсяца вернется.... Иначе я не могу.... Такъ и напishi ему и прибавь что я ждать терпѣть не могу ни кого.

И, обратясь къ г. Бакъеву, консулъ прибавилъ еще:

— Я люблю его отца. Я вѣрю ему, онъ говоритъ дѣло, не фразы. Вопросъ не въ *страданияхъ* христіанъ, которые вовсе ужъ не такъ велики: вопросъ въ ихъ *желаніяхъ*. Вот что намъ нужно знать.

Такъ говорилъ Благовъ объ отцѣ моемъ. Бакъевъ слѣдилъ соглашаться съ нимъ во всемъ. Я видѣлъ что Бакъевъ теперь при консулѣ вовсе уже не тотъ прежній Бакъевъ котораго я зналъ когда онъ, величаво развалился на софѣ, говорилъ отцу моему: „а! *Негадесъ, Негадесъ*, это тоже Загоры И *Линьадесъ*, и это тоже Загоры?“ или, когда онъ около меня садился, такъ пренебрежительно и осторожно осматривая издали знаки отъ лобовъ на моемъ тѣлѣ. Теперь онъ сталъ гораздо проще и доступнѣе. Даже въ раженіе лица его стало естественнѣе и добрѣе... Большія каріе глаза его утратили ту лже-официальную важность которая сначала такъ меня поразила. О небрежномъ и недоброжелательномъ тонѣ, который онъ принималъ когда-то, говорю дурномъ почеркѣ Благова, теперь уже и помину быть не могло... Онъ сталъ предупредителенъ и почтителенъ съ начальникомъ своимъ; онъ съ выраженіемъ искренней дружбы всматривался въ блѣдное и молодое, но нѣсколько строгое твердое лицо Благова, подавалъ ему бумаги, дѣлалъ ему просьбы и очень часто звалъ его по русскому обычаю, прибавляя имя отцовское: „Александръ Михайловичъ“. (У насъ такой способъ выраженія, ты долженъ это знать, гораздо почтительнѣе и въ то же время дружественнѣе чѣмъ „г. Благовъ“.) Мнѣ Бакъевъ въ такомъ видѣ больше нравился чѣмъ въ прежнемъ; я понималъ что онъ не изъ низости, изъ горячей благодарности измѣнился въ обращеніи съ самимъ начальникомъ. Прежде все приближавшіяся къ нимъ обоняли что Бакъевъ Благову не только не льститъ, но, напротивъ того, повинуется ему очень неохотно и только крайней необходимости. Я слышалъ, сверхъ того, потому будто бы главная причина искреннему раскаянію Бакъева была та что Благовъ имѣлъ благородство ни разу не на



мать ему ни словомъ, ни намекомъ даже о прежнихъ предостереженіяхъ своихъ насчетъ близости Бакъева къ ужасному представителю *передовой* и *величайшей* въ мірѣ націи. Самъ Бакъевъ подвѣе, уѣжая изъ Янны, сознавался въ этомъ отцу моему, хвала Благова, и говорилъ что, выслушавъ весь его первый разказъ о столкновеніи съ Бреше, консулъ, вмѣсто упрековъ, сказалъ только очень весело: „А! Прекрасно! Прекрасно!“ Когда же на вопросъ Благова: „А вы его тогда бить не начали?“ Бакъевъ отвѣчалъ что „не рѣшился“. Консулъ съ лаконическою рѣкостью: „Напрасно! Напрасно!“

Бумага къ г. Бреше и циркуляры другимъ консуламъ были тотчасъ же отправлены, и г. Благовъ, вставъ, сказалъ мнѣ:  
— Пойдемъ наверхъ, Одиссей, поговоримъ!

Мы пошли вмѣстѣ на лестницу, но за нами прибѣжала Зельха и, тронувъ рукой полу жакетки консула, воскликнула:

— Эффенди! Паша мой! Добраго утра тебѣ!... Какъ ты, *кузумь-паша* мой, доѣхалъ?...

Благовъ равнодушно поблагодарилъ ее за привѣтствіе, и позвалъ и ее съ собою наверхъ:

— Ну, пооди и ты сюда... Расскажи что-нибудь новое, сказалъ онъ ей.

Наверху, въ прекрасной приемной, было тепло; чугунная печь раскалена докрасна и сверхъ того въ комнатѣ было два мангала. Въ воздухѣ пахло хорошимъ куреніемъ, котораго я тогда еще не зналъ. „Лучше ладома“, думалъ я.

Г. Благовъ не сѣлъ, а сталъ спиной къ печкѣ и началъ грѣться, стоя, а намъ обоимъ приказалъ садиться.

Зельха, не стѣсилась ничуть, скинула съ себя зеленую шубку, воскликнувъ: „фу, какъ жарко!“ бросилась въ американскую качалку, слишкомъ сильно качнулась назадъ, испугалась, вскрикнула, а потомъ обрадовалась и начала тихо качаться.

Я же не смѣлъ сѣсть когда консулъ стоитъ и стоялъ, сложивъ спереди почтительно руки, до тѣхъ поръ пока г. Благовъ не сказалъ, уже съ нѣсколькими гнѣвными и скучающимъ выраженіемъ лица:

— Садись, наконецъ, когда я говорю тебѣ!

Я сѣлъ, и мы воѣ молчали оз минуты.

Наконецъ г. Благовъ спросилъ:

— На что жь вы пришли сюда оба? Если молчать, то я прогоню васъ.

И обратясь ко мнѣ, онъ сказалъ:

— Ты, риторъ, не имѣешь ничего возмущеннаго сказать на этотъ разъ?

— Есть одно дѣло, *эклампротате киріе проксеи*, началъ я печально и вставая снова.

— Безъ *эклампротате* продолжай, замѣтилъ Благовъ тоже серьезно.

— Киріе проксеи! не удержался я еще разъ, и онъ улыбнулся.—Есть одно дѣло, о которомъ вашему благородію вѣроятно за болѣе важными государственными заботами доложено не было...

Лицо Благова омрачилось.

— Дѣло? спросилъ онъ.—И у тебя дѣло? Ужь не страдали ли *подъ иголомъ*?

— Ваше благородіе не ошиблись, поспѣшилъ я сказать.— Но при этой дѣвушкѣ...

Благовъ, конечно, не успѣлъ еще узнать о томъ что меня на этотъ разъ *съ сапомъ дѣль* побилъ Турки. Ему въ это утро можетъ-быть надобно уже и другія *дѣла*. Какъ бы то ни было, онъ сказалъ:

— Хорошо, послѣ! А ты, Зельха, что скажешь? Можетъ-быть и у тебя есть тажба?

— Эффендимъ? спросила Зельха, обращая къ нему мрачные очи свои.

— Тажбы, тажбы нѣтъ ли у тебя?..

Зельха воскликнула съ радостью:

— Есть! есть! Я нарочно пришла къ тебѣ сегодня за этимъ, наша мой.

Она встала, серьезно подошла къ консулу, поклонилась низко, и еще разъ коснувшись рукой края его одежды, бросилась опять въ кресло и сказала:

— Великая у меня до тебя просьба есть, бей-эффенди мой! Знаешь ли ты Ницу, христіанку, которая около насъ живетъ? Она женщина блудная и дурная!

— На что жь мнѣ знать такихъ женщинъ, отвѣчалъ ей консулъ (и я замѣтилъ что по мѣрѣ того какъ Зельха вступала въ разговоръ, лицо его весело и глаза, помраченные моимъ *риторствомъ* и моею *молчаливой*, все болѣе и болѣе оживлялись).—Изъ всѣхъ дурныхъ женщинъ, я знаю только одну, тебя! продолжалъ онъ съ лицомъ довольнымъ и, скажу я, чуть не любящимъ, обращаясь къ ней.

Зельха всплеснула руками въ ужасъ:

— Что ты говоришь, милый папа мой! Что говоришь ты, море, консулосъ-бей мой! Я развѣ женщина? Я дѣвица. Я маленькая еще... А Ница очень дурная женщина! Самая скверная и зла! Отчего она такая дурная, я не знаю... Скажи мнѣ, папа мой, можешь ты сослать ее въ изгнаніе или въ тюрьму ее заключить, если она очень виновата?

— Я все могу! отвѣчалъ Благовъ.—Что же сдѣлала Ница?

— Она вчера поссорилась у калитки съ моею матерью; мать ей ничего не сказала, а она матери моей говоритъ: „Молчи ты, старая! Ты собака лѣштивная! Какъ на базарѣ гонять отъ парши собаки всѣ лѣштивья.“ Такъ она ее назвала. Ты скажи, папа мой, развѣ это не грѣхъ? А я говорю тебѣ что это очень большой грѣхъ.

Хотя мнѣ сперва и очень досадно было что консулъ задался такъ этою пустою дѣвчонкой, а не мною, но, слушая Зельху, я смѣялся; консулъ старался быть серьезнымъ и обѣщалъ маленькой Турчанкѣ разсмотрѣть это дѣло завтра осмотительно и непременно жестоко наказать эту Ницу, если только есть свидѣтели.

— Есть, есть свидѣтели! съ восторгомъ воскликнула Зельха. После этого она успокоилась и опять начала качаться на реснѣ изъ всѣхъ силъ, опять лугаясь и вскрикивая немножко, когда она слишкомъ низко падала назадъ. Потомъ вдругъ сказала:

— Папа мой, ты мнѣ дашь еще той помады которая впрямь пахнетъ?

Благовъ отвѣчалъ что дастъ ей этой помады тогда когда она будетъ очень чистыя руки. Зельха посмотрѣла на свои руки, задумалась и пропѣла печально и неправильно по грески:

„Ке сепа, сепа надликко-оосу...

Корми-и-и и'ангелко!“

— Одиссей, скажи барашекъ, что значитъ *надликкоосу*? Это имя Мариго оосѣдка поетъ *надликкоосу*, всегда *надликкоосу*.

Такъ говорила она вмѣсто *Θα-ελιτосо* \*.

\* *Θα-ελιτосо* — спасу, освобожу. — Два отъиха изъ пѣсни значить:

И тебя, тебя освобожу а.

О! мой ангельскій лѣкъ.

*Надликкоосу* ничего не значить. *Аст.*

Я началъ понимать, хотя еще и не ясно, чѣмъ она Благову нравится.

— Ты будешь у меня завтракать, сказалъ онъ ей.—Поди къ Кольвѣ чтобъ онъ тебѣ вымылъ руки.

Послѣ этого доложили что пріѣхалъ Ибрагимъ-бей (не отъ лошади, а самъ отъ своего лица сдѣлалъ визитъ консулу); еще полчаса бесѣды съ глазу на глазъ. Я ходилъ сверху внизъ и снизу вверхъ, выжидая все моею очереди, и мнѣ пришлось быть на галлерей въ ту минуту когда г. Благовъ провожалъ Ибрагима.

Красивый, полный, одѣтый въ щегольское пальто на мѣху Ибрагимъ держалъ себя очень хорошо и съ большимъ достоинствомъ; въ этотъ день онъ былъ особенно чѣмъ-то возбужденъ (быть-можетъ любовью консула) и сопровождалъ рѣчь свою одушевленными и выразительными движеніями рукъ, на которыхъ сверкали алмазные перстни.

Остановившись предъ лѣстницей, онъ съ жаромъ сказалъ Благову:

— *Санктолотъ!* Я давно говорю, эффенди мой, *санктолотъ!*

И онъ употребилъ еще одно слово, неупотребительное вообще у Турокъ, которое онъ или самъ позволялъ себѣ ставить, или самъ слышалъ отъ кого-нибудь въ Константинополѣ. Онъ сказалъ:

— Вотъ это настоящій *барбарлыкъ*, такъ я скажу, эффенди мой! Вотъ это именно то о чемъ они сами такъ любятъ твердить „*la barbarie!*“

Я понялъ что они говорили о Бреше и Франдузахъ.

Благову эти рѣчи бей видимо нравились; онъ, по обыкновению, улыбался очень сдержанно, но веселое сіяніе глазъ обличало его внутреннее удовольствіе.

— Подождите минуту бей-эффенди мой, сказалъ онъ Ибрагиму.—Я вамъ разкажу прекрасную остроу нашего Фуадъ-лаши. Онъ говорилъ что не понимаетъ имени „*monsieur Lavallette*“. Что это грамматическая ошибка. *Madame Lavallette*—это правильно. А *monsieur* долженъ называться „*Le valet*.“

Бей вышелъ изъ себя отъ восторга. Онъ громко закричалъ

— А! прекрасно! о! это любопытно! *Le valet! Lavallette.* Фуадъ-лаша! Чтò за умъ! Чтò за мозгъ!

Затѣмъ они простились, и Благовъ спустился для лошади на пять-шесть ступенекъ съ лѣстницы (чего онъ

даже не сдѣлалъ для трехъ консуловъ). И конечно, эти пять ступенекъ по которымъ катили умѣлъ сойти для Турка молодой дипломатъ, столь неуступчивый съ знаменитымъ Бреше, подавали Русское консульство въ Портѣ на пятьдесятъ ступеней выше прежняго.

Стоя у окна во время любезнаго прощанія Турка съ Благовымъ, я думалъ о себѣ: „Вотъ бы минута! Не выйти ли мнѣ теперь, не сказать ли что меня обидѣли?“ Но воздержался отъ этой дерзкой глупости и остался почти непримѣченнымъ. Уходя, Ибрагимъ, однако, кивнулъ мнѣ головой. И полька!.. О! Агаряне! и зачѣмъ это Русскіе такъ хорошо обходятся съ ними... Зачѣмъ! Зачѣмъ это!

Когда ушелъ Ибрагимъ, я думалъ что дойдетъ, наконецъ, чередъ до меня, до моего дѣла и до обѣда; но консулъ пригласилъ сперва митрополичьяго дьякона, и бесѣдовалъ съ нимъ нѣсколько минутъ наединѣ, а потомъ пошелъ на верхъ русскіе подданные. Ихъ было трое; все лавочники и торговцы.

И я рѣшился снова идти вслѣдъ за этими подданными наверхъ.

Г. Благовъ опять не садился, а стоялъ у лѣчки.

Впереді всѣхъ насъ шелъ пожилой плотный лавочникъ, который былъ одѣтъ по-турецки, и въ фескѣ, но съ голубымъ европейскимъ галстукомъ на шеѣ; онъ снѣлъ башмаки не внизу. За нимъ, качая туда и сюда огромнымъ носомъ, шелъ высокій старикъ Симо, въ черномъ опрятномъ сюртукѣ съ русскою фуражкой въ рукахъ. Онъ былъ прежде богатъ и красивъ, долго жилъ въ Бессарабіи и славился тогда своими любовными приключеніями, особенно тѣмъ что въ разѣ въ Салоникахъ притворился Евреемъ, отъ живой жены Гречанки, оставшейся въ Эпирѣ, женился на молодой Еврейкѣ, взялъ за ней деньги и убѣжалъ въ Россію. Теперь онъ былъ драхлъ, разоренъ, нѣсколько лѣтъ уже велъ борьбу съ турецкими подданными о сотысячномъ наслѣдствѣ, не зная пока чѣмъ прокормить дѣтей, безпрестанно приходилъ въ консульство, и медленно качая головой и разувъ ротъ какъ потерянный, говорилъ Благову и Бакѣву русски: „Пожалуйте на гарчи. Турки дѣла не кончаютъ: водомъ уморили!“

За Симо шелъ г. Пютикалеци, человекъ молодой и молодой, въ барашьей шапockѣ, въ ботинкахъ, въ помешанкѣ и грязномъ длинномъ европейскомъ пальто, но вовсе

безъ галстука; а на шею и еще больше на подбородокъ чѣмъ на шею у него былъ небрежно накинутъ вазанскій шарфъ. Онъ былъ не выбритъ, несмотря на праздникъ, и весь постоилъ отъ холода. Манерами онъ старался показать что онъ очень образованъ и что сами консула для него свои люди.

Онъ долго не снималъ своей бараньей шалочки, но вдругъ давъ вдаръ предъ собою въ открытую дверь приемной стѣны ащаго у лѣчки консула онъ сорвалъ ее съ головы, вошелъ въ приемную не прямо какъ мы всѣ, а бокомъ, обходя полъ кругомъ у стѣны, любезно улыбаясь и отставляла руку шалочкой очень далеко въ сторону.

Всѣ эти подданные поочередно (и Европеецъ все въ обходъ) подошли къ консулу и протянули ему пальцы рукъ своихъ, а консулъ едва касался ихъ, какъ будто онъ боялся обжечься, или взять какую-нибудь противную муху. (Почти такъ какъ дѣлалъ Абдурраимъ-эффенди съ отцомъ моимъ у дотора въ домѣ.)

На лицѣ г. Благова не выражалось впрочемъ ничего веселаго, ни сердитаго.

— Чтò вамъ? спросилъ онъ.

Лавочникъ по-турецки одѣтый началъ поздравлять его и привѣдомъ, а г. Благовъ: „Вѣрно дѣло есть?“

— Есть и дѣло, отвѣчалъ лавочникъ,—только сегодня я по поводу возвращенія и по случаю праздника православнаго.

— Это напрасно, отвѣчалъ г. Благовъ, даже не улыбаясь;—я обязанъ заниматься вашими дѣлами, но тратить время на ваши привѣтствія я не намѣренъ. Съ Богомъ!

И онъ показалъ головою на дверь.

Тогда Европеецъ въ бараньей шалочкѣ приблизился къ консулу очень развязно, подалъ ему письмо и сказалъ что это рекомендательное отъ г. Петрова, другаго консула, во Фракии.

Благовъ, читая письмо, началъ слегка улыбаться. Потомъ положивъ его на столъ, онъ спросилъ: „Такъ какое же дѣло?“

Европеецъ подалъ другую бумагу.

— Если это прошеніе по-гречески написано, сказалъ консулъ, то я самъ не могу читать его. Я не очень хорошо разбираю греческое письмо.

— Оно по-славянски, отвѣчалъ съ льстивымъ движеніемъ Европеецъ. (Живши долго съ Болгарами во Фракии, это словенскій Грекъ, русскій подданный, надѣялся больше угождать)

наслаивающихся чувствамъ Русскихъ, если напишеть прошение по-славянски.

Г. Благовъ началъ читать громко это прошение:

„Ваше Величество! (Я прошу тебя вѣрить что я не преувеличиваю.) Голова-та грыжа, което вы имѣете за всички единоверцыта неговы на Турско-то и напаче за подданне-тъ Государа Императора сполучи да оставимъ городъ Пловдивъ-тъ и да излѣземъ на Эпиръ подъ ваше високо-то покровительство и да възложимъ надежды-то всички на ваше благородіе и на Государа Императора!..“

Послѣ этого привѣтствія слѣдовала жалоба на крестьянъ двухъ селъ въ сосѣднемъ городу округѣ Куреда, давно не платящихъ денегъ отцу просителя (подданному турецкому); сумма долга была большая, видимо съ процентами на проценты, внесенными заранѣе въ долговое обязательство въ какую-нибудь очень тяжелую для бѣдныхъ селянъ минуту.

Благовъ спросилъ:

— Отецъ вашъ вѣроятно покупалъ хлѣбъ у нихъ еще на корню?

Европеецъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ, но сознался что „на корню“.

— Это хорошо! сказалъ консулъ;—а вотъ что пишетъ о васъ г. Петровъ изъ Эракіи. Слушайте:

„Мсье Понтикопеци досталъ себѣ въ Кишиневѣ русскій паспортъ. Онъ ѣдетъ къ вамъ въ Эпиръ и убѣдительно проситъ у меня рекомендаціи. Что сказать? Это одинъ изъ тѣхъ ново-русскихъ подданныхъ мѣстнаго происхожденія которыхъ назначеніе одно, ставить консульство въ самое трудное положеніе. Большею частію они мошенники. Г. Понтикопеци покупалъ здѣсь хлѣбъ на корню у болгарскихъ селянъ, когда тѣ были въ крайности при уплатѣ податей Туркамъ. Потомъ... вы знаете сами конечно... проценты на проценты. И вотъ консульству, съ одной стороны, нельзя отрицать юридическихъ правъ г. Понтикопеци, а съ другой, приходится ввергать въ тюрьму и безъ того обремененныхъ налогами сельскихъ болгарскихъ старшинъ за неуплату!..“

— Видите, сказалъ консулъ и прибавилъ:—Хорошо по крайней мѣрѣ что у васъ нѣтъ національнаго отгѣика; вы и своихъ здѣшнихъ Грековъ грабить готовы точно также какъ и Болгаръ...

— Это дѣло коммерческое! сказалъ Европейецъ и доволно бойко взглянулъ на консула.

— Съ Богомъ! повторилъ ему еще разъ Благовъ и показавъ на дверь съ такимъ замѣтнымъ измѣненіемъ въ голосѣ и взглядѣ что молодой человѣкъ послѣшимо направился къ выходу.

Благовъ сдѣлалъ и самъ нѣсколько шаговъ за нимъ и тотъ такъ испугался что вдругъ вся его грація и смѣлость пропали; онъ вылинулъ въ сторону спиною и любѣжалъ бокомъ, бокомъ (понимаешь?... ) такъ какъ дѣлаютъ ослы, когда погонщикъ сзади колышетъ ихъ чѣмъ-нибудь болѣе съ одной стороны...

Послѣ этого и плотный лавочникъ, по-турецки одѣтый, уже самъ, не дожидаясь втораго приглашенія, ушелъ; а старикъ Симо консулъ далъ двѣ лирмы „на харчи“ и прибавилъ:

— Теперь чтобы два мѣсяца я твоего имени не слышалъ.

Освободившись отъ этихъ людей, г. Благовъ обратился ко мнѣ и сказалъ:

— Когда же обѣдѣ наконецъ?.. Поди, Одиссей, вели подавать кушать. Позови Зельку и узнай будетъ ли докторъ Ковино или нѣтъ... (Отчего же онъ не сказалъ маме съ тобой кушать, а кушать просто. Нѣтъ! Видно большая разница ему быть у насъ въ Загорахъ и ему ѣсть маме хлѣбъ, или здѣсь мнѣ быть у него въ домѣ и мнѣ ѣсть его хлѣбъ!)

Однако прежде чѣмъ я успѣлъ выйти, на галлерей показался киръ-Манолъ съ докладомъ:

— Эффенди, старичокъ Мишо!

За Манолъ шелъ согбенный старичокъ. Г. Благовъ вдругъ вышелъ самъ на холодную галлерей и воскликнулъ съ самымъ радостнымъ видомъ, простирая руки:

— А, калитавъ Мишо!.. Милости просимъ.. Милости просимъ. Очень радъ!..

Мишо былъ вотъ какой старикъ: волервыхъ, онъ весь былъ только двухъ цвѣтовъ—бѣлый съ краснымъ. Одежда вся фустанелла, косматая *флоката*, \* чулки; усы, брови, волосы, были бѣлые; кожа на лицѣ и та была какъ воскъ, зрачки глазъ его даже были очень свѣтлые; только феска, башмаки,

\* *Флоката*—бѣлая шерстяная зимняя арнаутская одежда, снизу косматая и съ острыми открытыми какъ крмья рукавами. Однѣ изъ самыхъ красивыхъ и граціозныхъ одѣждъ. *Аст.*



которые онъ сваялъ за дверью, кушакъ на фустамелѣ, губы и нѣки старческія, вовсе безъ рѣсницъ, были красныя. Онъ служилъ когда-то слугою у самого Али-паши и у дѣтей его. Когда Али-пашу убили по приказанію султана, сыновей и приближенныхъ его ввергли въ тюрьму, въ томъ числѣ и молодого Мишо. Каждый день входили въ тюрьму люди султанскіе, брали по два, по три человѣка и рѣзали ихъ; остальные ждали своей очереди; ждалъ и Мишо. Но рѣшеніе измѣнилось; темницу отворили и всѣхъ остальныхъ отпустили на волю. Съ тѣхъ поръ Мишо жилъ въ Элирѣ; разбогатѣлъ, женился, овдовѣлъ и жилъ по-старинному теперь, не бѣдно, но сурово; жилъ одинъ въ своемъ собственномъ большомъ уже постарѣвшемъ и холодномъ архонтскомъ домѣ. Всѣ кто смотрѣлъ внимательно на этого визкаго ростомъ и согбеннаго старичка съ бѣлыми бровями и красными вѣками, въ простой, но чистой и красивой арнаутской одеждѣ, думали про себя: „Чего ни видалъ этотъ человѣкъ! Чего бы ни могъ онъ разказать, еслибъ онъ умѣлъ понимать и цѣнить то что видалъ! Онъ зналъ мрачнаго героя нашего Марко Боцариса и плѣлъ быть-можетъ вмѣстѣ съ нимъ унылыя и жестокія пѣсни горцевъ подъ звуки *тамбуры*. Онъ зналъ вѣроятно *тѣхъ самыхъ* женщинъ которыя кинулись въ пропасть съ Суліотскихъ высотъ. Мимо него самого, когда онъ сидѣлъ на дворѣ Али-паши съ другими его молодцами (безъ разбора Турками, Арнаутами и Греками, лишь бы были лхіе), прошелъ, быть-можетъ, посѣщая сатрала, лордъ Байронъ, съ такимъ пламеннымъ чувствомъ восплѣвший нашъ полу-дикій Элиръ!... Мишо, можетъ-быть, говорилъ часто съ самимъ Али-пашой; онъ можетъ-быть мылъ ему ноги; онъ зналъ всѣхъ его женъ, одалисокъ, фаворитокъ... Кто знаетъ! Кто знаетъ тайны этихъ по нравамъ уже столь отдаленныхъ отъ насъ временъ! Временъ сладострастныхъ и кровавыхъ, и патшески-простодушныхъ и христіански восторженныхъ? Быть-можетъ этотъ старецъ, такой строгой, правильной православної жизни, такой набожный, серьезный, молчаливый, можетъ-быть и онъ былъ одно время въ числѣ тѣхъ красивыхъ отроковъ и юношей которыя въ шубкахъ, расшитыхъ неколкоплымъ золотымъ ливнскимъ шитьемъ, веселили одряхлѣшаго, толстаго, но все еще страшнаго повелителя, танцовали, обнимаясь при немъ и цѣлуясь съ избранными имъ лицами для этой потѣхи дѣвцами его гарема...

Такъ думали многіе, взирая на угрюмаго старца. Такъ думалъ конечно и Благовъ, оказывая ему всякое вниманіе и почтеніе и стараясь всячески отъ него что-нибудь выпросить. Но старикъ былъ не только угрюмъ, онъ былъ нестерпимо скученъ въ своемъ загадочномъ молчаніи... И заставить его говорить о прошедшемъ было очень трудно.

— Многое было! Много разныхъ вещей! такъ любилъ онъ отвѣчать, вздыхая слегка.

Почти такъ случилось и теперь.

Благовъ посадилъ его въ лучшія кресла у лѣчки и самъ сѣлъ чтобы не стѣснять и не смущать его (старикъ было бы мучительно сидѣть предъ *столицами* консуломъ).

Благовъ старался оживить его.

— Что новаго, капитанъ Мишо? Что новаго въ городѣ? спрашивалъ онъ ласково.

Старикъ усмѣхнулся чуть-чуть.

— У меня новое? переспросилъ онъ.—Я и старое все за былъ ужь..

Однако потомъ прибавилъ (вниманіе Благова вѣроятно возбуждало наконецъ и его):

— Вотъ на тебя радуюсь что ты такой молодецъ. Твои предшественникъ былъ хорошій дипломатъ, почтенный человекъ: мы его любили; но онъ былъ изъ нашихъ Керкирейцевъ, Грекъ... А я вотъ радуюсь что настоящаго Русскаго тебя перваго вижу... Не уступай никому... Пусть дрожать. Хорошо ты дѣлаешь!... Живи и здравствуй за это!...

— Холодно очень, сказалъ Благовъ.—Говорятъ озеро мерзнетъ.. Не ломайте ли вы, капитанъ Мишо, когда было мерзши озеро здѣсь?

— Помню. Разъ было. Это было давно, отвѣчалъ капитанъ и снова со вздохомъ опустивъ голову погрузился въ молчаніе.

— Какъ же переходили черезъ него на островъ тогда? Въ тамъ люди въ деревнѣ и монахи живутъ? спросилъ консулъ.

— Не помню, отвѣчалъ Мишо.

— Не помните, носили имъ провизію? спросилъ Благовъ.

— Не помню, отвѣчалъ Мишо.

Послѣ этого онъ всталъ, сказавъ: „Сниму я съ тебя бремена Тебѣ и кушать пора“... тронулъ слегка руку Благова, надѣ

\* Т.-е. бремена моего присутствія, чтобы не наскучать. Аст.

за дверями башмаки и согнувшись пошелъ себѣ тихою къ лѣстницѣ. Благовъ проводилъ его до самой лѣстницы.

Кольцо доложилъ что обѣдъ готовъ. Я послѣшно спустился внизъ, кликнулъ Зельху, велѣлъ идти ей наверхъ кушать, а самъ, порядочно пристыженный и голодный, пошелъ тихо по улицѣ домой, не постигая что такое случилось съ Благовымъ. И почему онъ, который и въ Загорахъ у насъ былъ такъ хорошъ со мною и здѣсь сказалъ мнѣ при первой встрѣчѣ: „Очень радъ, очень радъ!“ съ такимъ же радушіемъ какъ и старику Мишо—почему онъ не хочетъ теперь сказать мнѣ такое пустое слово: „Одиссей, пойдемъ кушать со мною!“

Я зналъ что въ это время дня у отца Арсенія кромѣ хлѣба и чернаго кофе я ничего не найду и что въ кавасской комнатѣ или въ кухнѣ Благова я бы могъ поѣсть хорошо, но предпочелъ уйти домой. Не то чтобъ я гордился предъ кавассами или поваромъ. Въ Загорахъ я привыкъ обѣдать за однимъ столомъ съ работникомъ нашимъ, старымъ Константиномъ, и бабушка моя Евгенко Стилова, хоть и богатая женщина въ своемъ селѣ, была ничѣмъ почти не выше и не образованнѣе старушки съ турецкою бумагой въ шерстяномъ чулкѣ, которая пришла въ Янину доставать себѣ паспортъ у русскаго консула... Не гордость предъ слугами консула, а стыдъ предъ ними и предъ собой что Зельха какая-нибудь приглашена на верхъ, а меня онъ не пригласилъ, вотъ что заставило меня скрыться скорѣи и предпочесть скудную пищу священника обильному обѣду въ консульской кухнѣ...

Я шелъ домой тихо и печально, размышляя объ этомъ, какъ вдругъ услышалъ что кто-то бѣжитъ за мною по улицѣ и кричить: „Одиссей! Одиссей!“ Я оглянулся и увидалъ маленькаго Алеко.

Онъ сказалъ мнѣ такъ: „Куда ты ушелъ? Большой консулъ спрашиваетъ тебя. Обѣдать иди.“ Я пошелъ назадъ и, если я отказываюсь описать тебѣ мою радость, такъ это потому что она была неизобразима.

И теперь еще я объ этомъ обѣдѣ вспоминаю съ удовольствіемъ. За этимъ обѣдомъ объяснилось для меня много. Рѣшилась и судьба моихъ оскорбителей, *свиса* и *софты*!

(Продолженіе слѣдуетъ.)

К. ЛЕОНТЬЕВЪ.

---

# НОЧЬ СВ. САТУРНИНА И ГРОХОВСКАЯ БИТВА

---

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ИСТОРИИ ЛЕЙБЪ-ГВАРДИИ УЛАНСКАГО ЕГО  
ВЕЛИЧЕСТВА ПОЛКА.

---

## I.

Статья 5я торжественнаго акта подписаннаго на Вѣскомъ конгрессѣ уполномоченными Россіи, Австріи и Пруссіи, гласитъ что Герцогство Варшавское навсегда присоединяется къ Россійской Имперіи. Высокія державы, наши союзницы, какъ будто недостаточно усложены насчетъ выраженія опредѣляющаго полное и вѣчное подданство Царства Польскаго Россіи, присовокупили къ слову „навсегда“ еще „на *вѣчныя времена*“. Дарованіе Полякамъ автономіи и либеральныхъ учрежденій отнюдь не было обязательно для императора Александра I и явилось исключительно актомъ его личной доброй воли. Но прошло весьма немного лѣтъ и великодушному монарху пришлось уже разочароваться въ людяхъ своего милостиваго дара.

Несмотря однако ни на что, императоръ Александръ I продолжалъ осылать неблагодарную Польшу своими благодареніями. Полеченіями нашего правительства земледѣліе, промышленность и торговля Царства приведены были въ цвѣтущее состояніе. Въ первые годы владычества Россіи

надъ Царствомъ, извуреваннымъ войнами и всяческими контрибуціями, всѣ денежныя расходы его были приняты Россіей на свой счетъ, а доходы обращены исключительно на удовлетвореніе потребностей Царства. По распоряженію русскаго правительства, изъ нашего государственнаго казначейства выдааны были Полякамъ ссуды для торговыхъ операцій; изъ кредитной кассы роздано до 106.000.000 рублей, въ видахъ поощренія земледѣлія; пошлина со ввозимыхъ въ Россію польскихъ суковъ была уменьшена до 1<sup>0</sup>/<sub>100</sub>, отчего наша русская таможня въ теченіе пятнадцати лѣтъ потеряла до 60.000.000 рублей. Польскимъ войскамъ назначено было жалованье значительно превосходившее окладъ опредѣленный русскимъ. Оружіе всякаго рода, порохъ и снаряды въ изобиліи высланы были изъ Россіи, а крѣпости улучшены по новѣйшимъ системамъ. Крѣпость Замостье, вредившая намъ въ послѣдствіи столь много, была возобновлена и значительно усилена. И все это на русскія деньги. Русскій корпусъ войскъ постоянно расположенный на границѣ Царства получилъ особую организацію, названъ *отдѣльнымъ Литовскимъ*, и всѣ служившіе въ немъ русскіе люди переведены въ другіе корпуса расположенные внутри Имперіи.

Служба въ рядахъ польской арміи ограничивалась для нижнихъ чиновъ только восемью годами, что и послужило прекраснымъ средствомъ къ постепенному ознакомленію съ военнымъ ремесломъ всей націи. При первомъ востребованіи уволенныхъ отъ службы, польская армія весьма легко могла быть удвоена и даже утроена, безъ малѣйшей потери времени на обученіе вновь поступающихъ въ ея ряды, въ чемъ мы и успѣли убѣдиться на опытѣ 1831 года. Наконецъ, стремленіе Поляковъ къ почестямъ и наградамъ было вполнѣ удовлетворено неисчислимыми щедротами его величества, ежегодно осылавшаго своими милостями военно-служащихъ Поляковъ по представленіямъ цесаревича Константина Павловича. И надо было видѣть — по замѣчанію современниковъ \* — до какого совершенства выработали они себѣ личину преданности къ нашему правительству, подъ которою скрывали свои замыслы! „Недѣля позабыть, говоритъ Деякъ Давыдовъ \*\*, до какой степени отвратительнаго раболѣпства доходила во дни безмате-

\* Д. В. Давыдовъ. М. К. Максимовича.

\*\* *Русская Старина* 1872, т. VI, стр. 10.

жія бѣлая часть Поляковъ относительно цесаревича, а въ послѣдствіи эти выдѣвнутыя мятежомъ личности не замедлили оскорблять его высочество дѣломъ и словомъ.“ Всѣ они вообще, и въ особенности тѣ кто завѣдывали какими-либо важными отраслями военного управленія, старались, наперекоръ собственному нерасположенію къ фронтовой службѣ, обнаруживать безграничное къ ней рвеніе. Они всѣми мѣрами домогались пріобрѣсти благосклонность и довѣріе цесаревича и не щадили средствъ чтобъ угодить малѣйшимъ его желаніямъ. Даже младшіе чины доводили служебный ледантизмъ до такихъ мелочей что по цѣлымъ суткамъ не разстегивали чешуи, не снимали перчатокъ. И, надо отдать имъ справедливость, они вполнѣ успѣли обмануть въ свою пользу довѣрчивое сердце цесаревича. Какъ доказательство особливо деликатныхъ отношеній его высочества къ Полякамъ можно привести слѣдующій случай: когда Ермоловъ, проѣздомъ изъ Лайбаха, въ 1821 году, гостилъ у великаго князя, и цесаревичъ показывалъ ему Варшаву, — Алексѣй Петровичъ, въ присутствіи польскихъ генераловъ, началъ разказывать о Суворовскомъ штурмѣ Праги, въ которомъ самъ участвовалъ. Великій князь, опасаясь что наломиваніе объ этомъ событіи можетъ быть непріятно самолюбію Поляковъ, успѣвшимъ отклонить разговоръ въ другую сторону, и этотъ маленькій случай послужилъ-было причиной даже нѣкоторой размолки его высочества съ Ермоловымъ, котораго онъ любилъ и уважалъ искренно. Впрочемъ, въ послѣдствіи цесаревичъ вполнѣ примирился съ нашимъ знаменитымъ ветераномъ.\*

Пользуясь такимъ расположеніемъ и довѣріемъ его высочества, военные самовлаки польскіе успѣли исходатайствовать чрезъ него разныя улучшенія въ завѣдываемыхъ ими частяхъ и тѣмъ приготовили себѣ способы къ будущей борьбѣ съ Россіей. Такъ напримѣръ, подъ предлогомъ негодности оружія, испросили они присылку изъ Россіи новаго, и когда въ Варшаву было доставлено нѣсколько десятковъ тысячъ ружей,—мнимо-негодное оружіе было ими задержано и въ послѣдствіи употреблено противъ насъ же. То же самое повторалось относительно пушекъ, пороха, зарядовъ и прочихъ предметовъ военного снаряженія. Не ограничиваясь

\* *Русская Старина* 1872, кн. VI, стр. 481.

этимъ, испросили Поляки также позволеніе обнести Варшаву глубокимъ рвомъ и высокою насылью, подъ удобнымъ предлогомъ чтобы затруднить ввозъ контрабанды. Наконецъ, за вѣсколько времени до восстанія они вздумали было просить о возведеніи крѣпости въ Тирасполь, какъ разъ наудротивъ самаго Брестъ-Литовска; но къ счастью, на это не послѣдовало согласія его величества.

Между тѣмъ система подпольныхъ заговоровъ шла своимъ чередомъ. Уже въ 1814 году возникло вторично тайное общество, коего членамъ назывались „истинными Поляками“. Другое подобное же общество, подъ именемъ „вольныхъ Прялковъ“, образовалось въ 1817 году между студентами и профессорами Варшавскаго Университета. Въ 1819 году нѣкто майоръ Лукашинскій осмѣлвалъ съ тайными политическими цѣлями „національное общество свободныхъ масоновъ“. Далѣе пошли уже общества подъ названіемъ „косиньеровъ“, „карбонаріевъ польскихъ“, „филяретовъ“ и пр. Пропаганда и развѣтвленія всѣхъ этихъ обществъ проникали въ массы населенія, преимущественно городского, посредствомъ извѣстной теперь системы *десятокъ*, и распространялись столь успѣшно что вскорѣ само правительство убѣдилось въ ихъ существованіи. Вслѣдствіе этого, лѣтомъ 1822 года, назначена была особая слѣдственная коммиссія, которая и вала на вѣрныя нити. Нѣкто Кржжановскій, офицеръ польскихъ войскъ, умный, ловкій и пріятельской наружности, старался преимущественно дѣйствовать на молодыхъ офицеровъ. Онъ учредилъ въ различныхъ полкахъ общины должноствавшихъ исподволь распространять духъ матажа въ цѣломъ полку, дабы можно было съ увѣренностію располагать войсками когда дѣло дойдетъ до восстанія. Всѣ высшіе и старѣйшіе офицеры по программѣ Кржжановскаго были исключены изъ заговора, для большей предосторожности. Между тѣмъ слѣдственная коммиссія чрезъ два года (въ 1824) привела къ окончанію свои занятія, и главнѣйшіе заговорщики были приговорены къ продолжительному заключенію въ крѣпости, но государь императоръ значительно смягчилъ ихъ участь. Однако въ этой монаршей милости „патріотическій союзъ“ почерпнулъ только новую бодрость и съ бо́льшею увѣренностію предавался прежнимъ своимъ конспираціямъ, вступивъ въ переговоры и соглашеніе съ русскими заговорщиками „Южнаго Общества“.

Признанія декабристовъ обнаружили новыя польскіе конны и ковы, и такъ-какъ бóльшая часть польскихъ заговорщиковъ состояла изъ военныхъ, то цесаревичъ предложилъ судить ихъ военнымъ судомъ, но государь императоръ, проникнутый желаніемъ соблюсти въ точности всѣ законныя формы, препоручилъ произнесеніе приговора Польскому Сенату, какъ высшему государственному судилицу по обвиненіямъ въ оскорбленія величества. Хотя это преступленіе и было доказано вполне и совершенно ясно, но... сенаторы оправдали подсудимыхъ. Тогда государь отдалъ этотъ приговоръ на разсмотрѣніе Совѣту управленія Царствомъ Польскимъ,—и приговоръ этого наивысшаго суда заключался въ томъ, что „Сенатъ, по несовершенству законовъ, не могъ произнести цнаго приговора“.

За симъ послѣдовало полное освобожденіе заключенныхъ.

Между тѣмъ Россія была вовлечена въ трудную войну съ Турціей, и это обстоятельство возбудило въ заговорщикахъ новую энергію и новыя надежды. Тогда-то, независимо отъ прежнихъ заговоровъ, образовался еще одинъ, новый, между воспитанниками Варшавской Школы Подхоронжихъ (подпралорщиковъ), душой котораго явился подлоручикъ польскаго гвардейско-гренадерскаго полка Петръ Высоцкій. Это общество соединилось съ другимъ тайнымъ обществомъ военной молодежи, руководителемъ котораго былъ учитель лаванія, подлоручикъ Юзефъ Заливскій, и со всѣми университетскими тайными союзами, число которыхъ было велико и которые безпрестанно принимали новыя виды и новыя, непремѣнно красивыя, названія.

Высоцкій, не ограничиваясь подпралорщиками, дѣятельно набиралъ себѣ сообщниковъ гдѣ только могъ и преимущественно между молодыми офицерами польскаго войска, а затѣмъ вступилъ въ сношенія и съ городскими жителями. Къ этому заговору пристали вскорѣ лица весьма солидныя и высокопоставленныя; даже самъ князь Адамъ Чарторыйскій, бывшій русскій министръ иностранныхъ дѣлъ, въ надеждѣ быть избраннымъ если не сразу въ короли, то въ первое время хотя бы въ диктаторы, примкнулъ къ партіи дѣйствія, посредствомъ своего родственника Тита Дзялыскаго. Въ этой-то магнатской партіи возникла первая мысль о посягательствѣ на жизнь государя и царской фамиліи,

\* Ф. Смитъ, ч. I, стр. 106—107 и М. Мохначкій, ч. I, стр. 547.



послѣ чего союзъ ея съ подпрапорщиками сдѣлался еще дѣлательнѣе, и кровавый замыселъ противъ особы его величества рѣшено было привести въ исполненіе во время его коронаціи въ Варшавѣ. Но въ рѣшительный часъ руководителя, изъ чувства страха, отклонили на время исполненіе замысла, подъ предлогомъ что „минута не благоприятствуетъ и потому необходимо подождать еще нѣкоторое время.“ \*

Съ отъѣздомъ государя въ 1830 году изъ Варшавы, признаки приближавшейся бури стали яснѣе и яснѣе чуются въ средѣ Поляковъ. Агитаторы всячески старались освоить чернь съ идеей о возстаніи и вмѣстѣ съ тѣмъ залугать людей не сочувствовавшихъ. Въ первыхъ числахъ октября на углахъ улицъ появились наклеенныя прокламаціи, возбуждавшія Поляковъ къ революціи; затѣмъ слѣдовали угрозы противъ великаго князя и объявленіе что съ Новаго Года Бельведерскій дворецъ отдается въ наймы. Большинство предчувствовало что скоро разыграется буря.

Нѣсколько разъ опредѣляли даже день когда она начнется. Офицеры русскихъ варшавскихъ полковъ тоже предчувствовали престолицій переворотъ и были готовы на всѣ крайности. Мѣры предосторожности были усилены. Отъ русскихъ полковъ по очереди стали высылаться въ городъ особые ночные патрули, которымъ вскорѣ каждыи разъ начали выдавать на человѣка по десяти боевыхъ патроновъ, возвращаемыхъ по утру въ эскадронные цейхгаузы. Великій князь иногда лично отпращивался предъ разсвѣтомъ ловить эти патрули по городу и ввѣщалъ чтобъ обязанности ихъ службы исполняемы были какъ можно рачительнѣе. Вмѣстѣ съ тѣмъ его высочество заблаговременно назначилъ русскимъ полкамъ на случай тревоги сборные пункты. Кираиры, уланы десаревича и Гродненцы должны были собираться на площади своихъ казармъ и немедленно слѣдовать къ общему сборному мѣсту на Мокотовскомъ Полѣ. Въ каждомъ полку одинъ изъ эскадроновъ по очереди долженъ былъ оставаться дежурнымъ: люди въ теченіе сутокъ находились въ полномъ

\* Подчашинскій (Revue des deux Mondes 1831, I, p. 332), Мохначкій (Powstanie narodu Polskiego w 1830 u 1831. Paryz 1834, с. I, str. 548), Мурсолавскій (Histoire de la revolution de Pologne, Paris 1836, p. 114) и другіе, за исключеніемъ Шлацара, не скрываютъ что тако шло о смертномъ умыслѣ.

сборъ въ своей казармѣ, а лошади стояли по колюшамъ застѣланными; мундштуки, конечно, были сняты и подруги ослаблены; \* такимъ образомъ дежурная часть, въ какии-нибудь три-четыре минуты могла уже быть введена въ дѣло.

Варшавская чернь, подстрѣкаемая агитаторами, сдѣлалась очень дерзка и нахальна и вслѣдствіе выискивала случаи чтобы задирать русскихъ солдатъ, заводить съ ними буфими ссоры и драки. Въ нашемъ полку было нѣсколько подобныхъ случаевъ, и въ одномъ изъ нихъ рядовой Ковалъ Филипчукъ жестоко поплатился за свою неосторожность. Возвращенный въ драку „партикулярными людьми“, онъ, для примѣра прочимъ, былъ наказанъ плетьюстами розогъ и выписанъ въ армію. \*\* Но вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ же случай, во избѣжаніе дальнѣйшихъ повтореній, вызвалъ, въ видѣ временной мѣры, учрежденіе особаго унтеръ-офицерскаго караула на сосѣдней съ казармами Черняковской улицѣ. Караулъ этотъ обязанъ былъ содержать особые посты предъ входомъ въ каждый шивокъ, чтобы не впускать туда солдатъ русскихъ полковъ и предупреждать ихъ столкновенія съ „цивиальными“.\*\*\*

Всѣ Русскіе жили какъ бы между двумя пароксизмами лихорадки: по слухамъ, на такое-то число назначается день всеобщаго возстанія,—всѣ ждутъ, заряжаютъ пистолеты, стараются не быть въ разбродѣ и устраниваются такъ чтобы быть въ полной готовности и на своемъ посту въ каждую минуту; но день проходитъ, рѣзня не начинается, на стороженное вниманіе ослабѣваетъ, и мало-по-малу люди начинаютъ предаваться обычнымъ занятіямъ и привычкамъ своей жизни. Такимъ образомъ прошло уже нѣсколько сроковъ назначенныхъ для возстанія, а городъ казался спокойнымъ, и это обстоятельство усмылило бдительность высшихъ начальниковъ, которые стали смотрѣть на господствовавшее волненіе умовъ какъ на отраженіе волненій во Франціи. Чѣмъ болѣе говорилось о революціи тѣмъ менѣе ей вѣрилось.

Когда начали появляться первыя безыменныя записки съ предсказаніями о революціи на такое-то число, то почти всѣ

\* Изъ разказовъ барона А. Ф. Ревеля.

\*\* Приказъ по полку отъ 24 сентября 1830 § 8.

\*\*\* Приказъ по полку 24 сентября 1830 § 2.

русскіе генералы рѣшились собираться по вечерамъ у командира нашего уланскаго полка, Ивана Васильевича Маркова, какъ начальника части которая была ближе расположена къ Бельведеру, и просиживали у него обыкновенно часовъ до 4 и 5 утра, чтобы быть наготовѣ и вмѣхатъ вмѣстѣ въ случаѣ тревоги. Эти собранія назывались *посидѣлками* и повторялись сначала очень часто, но подѣ конецъ, когда замѣтили что предсказанія о возстаніи не сбываются, и посидѣлки стали повторяться рѣже. \*

Но вотъ распространилось въ Варшавѣ извѣстіе что министръ финансовъ князь Любецкій получилъ изъ Петербурга повелѣніе пополнить кассу на случай предстоящаго похода въ Бельгію, которая, съ помощью мѣстныхъ революціонныхъ элементовъ, предприняла полное отдѣленіе отъ Голландіи. Передавали за вѣрное что польская армія выступитъ на усмиреніе этой страны въ авангардѣ русскихъ войскъ, что походъ окончательно уже рѣшенъ и остается только на дѣлахъ ожидать выступления. Извѣстіе это въ нѣсколько часовъ облетѣло весь городъ и, въ виду его, „даже наиболее щекотливые люди между Поляками сочли себя въ правѣ смотрѣть на свою должностную присягу какъ на вынужденную (?) и необязательную“. \*\* Одни изъ нихъ встрѣтили эту вѣсть радостно, въ расчетъ на обще-европейскую войну, на возстаніе и революцію у всѣхъ народовъ; другіе же опасались что войска на которыхъ болѣе всего они могли рассчитывать будутъ удалены изъ Польши ранѣе чѣмъ могли бы быть окончены всѣ приготовленія, а вмѣстѣ съ этимъ являлась вѣроятность что уйдутъ и деньги собранныя въ государственномъ казначействѣ, и военные запасы собранныя въ Модлинѣ. Вслѣдствіе этого рѣшено было не терять времени и разослать повсюду эмиссаровъ, въ особенности же въ Литовскій корпусъ. Съ этого времени происшествія стали уже развиваться съ возрастающею быстротой и повлекли за собою начало возстанія ранѣе предполагаемаго времени. Даже самъ Делеваль, при всей своей іезуитской осторожности, мечталъ благовременнымъ войти въ непосредственныя сношенія съ Заливскимъ и Высоцкимъ. На совѣщаніи между

\* Воспоминанія К. П. Колякова. *Русск. Старина* 1878, кн. V, стр. 593.

\*\* Шпациръ, I, 168.

ими было условлено начать возстаніе въ воскресенье 16 (28) ноября, но въ послѣдствіи оное было отложено до понедѣльника, такъ какъ въ этотъ день всѣ караулы въ Варшавѣ будутъ заняты по очереди не русскими, а исключительно польскими войсками. На этомъ же совѣщаніи была рѣшена смерть великаго князя, что и должно было послужить начальнымъ дѣломъ всего возстанія, такъ какъ Лелевелъ опасался что „если его высочество останется въ живыхъ, то весьма вѣроятно что нѣкоторыя войска станутъ колебаться—принять ли ихъ сторону“. \* Такимъ образомъ, по выраженію историка, \*\* „адвокаты безъ кліентовъ, докторъ безъ пациентовъ, молодые субалтерны-офицеры не возжелавшіе бои быть субалтернами и наконецъ магнаты-претенденты безъ престола, явились главными виновниками революціи въ Польшѣ“.

Силы русскихъ войскъ въ Варшавѣ, или, что одно и то же во всемъ Царствѣ Польскомъ, не превышали семи тысячъ человекъ, а великій князь, въ своей довѣрчивости, рассчитывая на вѣрность польскихъ войскъ, ни мало не опасался съ ихъ стороны нападенія.

Рано утромъ 16 (28) ноября Заливскій послалъ офицеромъ въ польскіе полки расположенные въ окрестностяхъ извѣстить заговорщиковъ что возстаніе вспыхнетъ 17го вечеромъ и сообщить имъ что они при этомъ должны дѣлать. Одни изъ нихъ должны были захватить въ распахъ русскія гвардейскія батареи, стоявшія въ Гурѣ и въ Скверневицахъ, другіе въ распахъ же обезоружить въ Блонѣ русскій учебный батальонъ, спасенный благодаря единственно гражданскому мужеству, находчивости и рѣшимости батальоннаго адъютанта поручика Михаила Максимовича. Къ счастью, и батареямъ удалось благополучно проскользнуть между польскими войсками шедшими для захвата оныхъ. Въ тотъ же день Любигъ Набѣлакъ принялъ присягу 32 студентовъ назначенныхъ къ покушенію противъ особы цесаревича. Планъ заговорщиковъ заключался въ трехъ главныхъ пунктахъ: 1) умерщвленіе великаго князя, 2) взятіе арсенала и 3) обезоруженіе русскихъ войскъ. Между прочимъ, въ силу послѣдняго пункта этого плана, вооруженные подпалорщики дол

\* Ф. Смитъ, ч. 1, стр. 121.

\*\* Ibid.

ны были направиться къ казармамъ трехъ русскихъ кавалерійскихъ полковъ и съ помощью трехъ ротъ своднаго гренадерскаго баталіона и четырехъ орудій учебной батареи обезоружить русскихъ кирасиръ, уланъ и гусаръ. Предпріятіе это казалось тѣмъ легче что казармы русской кавалеріи на Сольцѣ, близъ Лазенокъ, были построены никакъ не съ цѣлю обороны отъ непріятельскаго нападенія, но для охраненія солдатской дисциплины: это были длинныя, низкіе, деревянные бараки, окруженные широкими и глубокими водяными рвами, чрезъ которые вело нѣсколько деревянныхъ мостовъ, и стоило только занять эти мосты пѣхотой чтобы принудить всю кавалерію сдаться, если она не предпочла бы потовуть во рвахъ или заживо сгорѣть въ деревянныхъ казармахъ и конюшняхъ. Бараки уланскаго полка представлялись болѣе удобными для начала нападенія, такъ какъ они находились ближе прочихъ къ зданію Школы Подпрапорщиковъ; тѣверѣе ихъ были кирасирскія, а южнѣе гусарскія казармы.

Школа Подпрапорщиковъ, за исключеніемъ небольшого числа русскихъ юнкеровъ, состояла болѣе чѣмъ изъ двухъ тысячъ взрослыхъ людей, старѣе двадцатилѣтняго возраста, принадлежавшихъ почти исключительно къ сословію мелкой шляхты.

Караулы столицы въ этотъ день были заняты знаменитыми „Чвартаками“, которые должны были, покинувъ свои посты, направиться вмѣстѣ съ гренадерскими ротами 5го и 8го юнкеръ противъ арсенала, находившагося почти въ самомъ центрѣ города, и во что бы то ни стало овладѣть имъ. Наполеонъ, Ксаверію Брониковскому было поручено управленіе востаніемъ уличной черни, для чего онъ обязанъ былъ расфранчивать разныхъ лицъ по всѣмъ кварталамъ города, для озмущенія народа подъ тѣмъ предлогомъ будто Русскіе рѣжутъ Поляковъ. Всѣхъ русскихъ генераловъ и офицеровъ предполагалось схватить и умертвить въ случаѣ малѣйшаго сопротивленія; сигналомъ же для общаго востанія должно было служить пламя подоженной ливоварни на Сольцѣ, близъ казармъ русской кавалеріи.

## II.

Утро 17го ноября было ясно, съ небольшимъ морозцемъ, и вскорѣ поднялся южный вѣтеръ, нагналъ тучи и начало таять. Уланы готовились уже отправляться къ разводу, какъ прѣѣхалъ ординарецъ и объявилъ что разводъ отказалъ. Его въ общество, по обыкновенію, пригласилъ у себя въ залѣ только вѣстовыхъ и дежурныхъ отъ гвардейскихъ полковъ, затѣмъ далъ аудіенцію, окончилъ текуція занятія и удалился въ внутренніе покои. Полкамъ приказано было заняться домашнимъ ученіемъ, и здѣсь-то офицеры участвовавшіе въ заговорѣ приказали солдатамъ быть послѣ обѣда въ готовностъ на случай тревоги, что производилось довольно часто, и укрѣпить кремни на ружьяхъ. Городъ, среди глухой тишины, и вольно обнаруживалъ какое-то затаенное безпокойство. Это была гнетущая тишина предъ бурей. Великій князь былъ извѣщенъ что готовится что-то, но онъ не придавалъ значенія этимъ извѣщеніямъ и оставался попрежнему въ Бельведерѣ безъ всякаго караула. Лишь два, три безоружные цыганки служили у него дворовыми сторожами при воротахъ. Недѣлю за двѣ до роковаго дня были получены депеши изъ Петербурга и Берлина, предупредившія о мятежныхъ приготовленияхъ. Цесаревичъ сообщалъ ихъ содержаніе собравшимся около русскимъ и польскимъ генераламъ. Эти послѣдніе и клялись ему своею честью и жизнью что никогда ничего опаснаго въ Варшавѣ быть не можетъ, что войска всѣмъ являлись вольны, вѣрны и надежны, обыватели никто не притѣвляются и пользуются полнымъ спокойствіемъ и благосостояніемъ, что если и открыты кое-какіе тайные кружки, то это вовсе не серьезный заговоръ, въ которомъ бы принимали участіе люди вліяющіе на народныя идеи, а просто школярская ребяческая сходка, отъ которой никогда не можетъ произойти что-либо серьезное\*. Точно также и русскіе офицеры весьма много заблуждались на счетъ своихъ польскихъ служивцевъ, съ которыми находились подъ командой общевысшихъ начальниковъ. Русскіе считали невозможнымъ чтобы польскія войска, посылаемая благодареніями и лаской

\* Воспоминанія М. К. Максимовича, стр. 11.

цесаревича, даже въ случаѣ общаго мятежа въ Варшавѣ, измѣнили присягѣ данной своему военному знамени \*.

Въ день 17го ноября у И. В. Маркова былъ знаменитый обѣдъ, на которомъ присутствовало нѣсколько нашихъ офицеровъ и почти всѣ русскіе генералы, составлявшіе обычный кружокъ „Марковскихъ посидѣлокъ“. Генералъ Жандръ пріѣхалъ однимъ изъ послѣднихъ и привезъ съ собою двѣнадцать человекъ музыкантовъ-Богемцевъ, которыхъ онъ, въ это же утро, представлялъ великому князю. Богемцы за обѣдомъ стали играть какую-то тоскливую мелодію, и тѣмъ навели грусть на всѣхъ присутствовавшихъ. Марковъ далъ имъ 15 рублей и отпустилъ домой. Жандръ, чувствовавшій себя болѣе всѣхъ не въ духѣ, утѣшаясь съ обѣда въ Бельведеръ, замѣтилъ Маркову что не мѣшало бы имъ снова начать свои посидѣлки. Вскорѣ всѣ гости разъѣхались, кто домой, кто въ театръ, и самъ Марковъ отправился къ знакомому.

Уже смеркалось; вечеръ былъ пасмуренъ и ненастенъ. По небу быстро мчались клочья разорванныхъ тучъ, гонимыя вѣтромъ. Между ними луна то вынырала въ лавномъ блескѣ, то пряталась въ темную дымку. Подпралорщики и студенты, назначенные для нападенія на Бельведеръ, поодиночкѣ стали сходить въ одну изъ роцъ Лазенковского парка. Пустынный мостъ, на которомъ, подъ сѣнію плакучихъ ивъ, возвышается бѣломраморная конная статуя Собиесскаго, нависавшій былъ, по своему удивленному положенію, сборнымъ пунктомъ заговорщиковъ. Здѣсь, вмѣсто ожидаемыхъ 32хъ, сошлось только 13 студентовъ и пятеро подпралорщиковъ. Взоры ихъ нетерпѣливо устремлены были на Солецъ, гдѣ долго не показывалось ожидаемое зарево: пламя охватило извозарню только при третьемъ поджогѣ. Тогда заговорщики, вооруживъ студентовъ ружьями взятыми тайкомъ изъ казармъ русскихъ подпралорщиковъ, раздѣлились на двѣ партіи и двинулись къ Бельведеру. Одна партія заняла Бельведерскій садъ, чтобы помѣшать отступленію въ эту сторону, другая же, бѣльшая, направилась къ главному подѣ-

\* Ibid. стр. 19. Повѣствованіе о событіяхъ 17го ноября въ Варшавѣ взято на основаніи разказовъ нашихъ однопольчанъ, бароновъ Л. К. Притвица и А. Ф. Розена, Н. И. Маркова, В. Д. Лобанова, а также записокъ, разказовъ, воспоминаній и сочиненій М. К. Машковича, В. Матѣева, К. П. Колакова, Ф. Смита, Шпацера, М. Лохварткаго и Завискаго.

взду. Ворота были отперты. Двухъ инвалидовъ, подъ угрозою смерти, принудили молчать. Пятеро заговорщиковъ остались здѣсь въ видѣ резерва, а остальные девять черезъ дворъ врываются во дворецъ, въ дребезги бьютъ зеркала и люстры въ свѣлахъ, и съ крикомъ: „смерть тирану!“ локатся въ комнаты верхняго этажа, гдѣ находились ложи цесаревича.

Великій князь отдыхалъ послѣ обѣда. Онъ уже находился въ какихъ-нибудь шести, семи шагахъ лицомъ къ лицу съ своими убійцами, когда камердиверъ Фризе, отстранивъ его насильно, захопнулъ и замкнулъ на задвижку дверь въ то самое мгновеніе какъ заговорщики, исколовъ штыками вице-президента Любовицкаго, ожидавшаго въ смежномъ покоѣ уже врвались въ олочивальню цесаревича. Генералъ Жадотъ бросившійся внизъ чтобы позвать людей, былъ приваженъ потемкахъ за великаго князя и заколотъ на дворѣ тѣмъ латью заодѣями которые оставались въ резервѣ. „Сходитъ внизъ! Онъ мертвъ!“ кричали они со двора своимъ сотоварищамъ, и тѣ, послѣшая на этотъ крикъ, удалились изъ дворца столь же послѣшно какъ и пришли. Говимые страхомъ окрылись въ темнотѣ и, рассыпавшись въ близъ лежащей рощѣ, въ разбродъ послѣшали къ мосту Собіесскаго.

Между тѣмъ, вотъ что происходило въ районѣ казармъ нашего полка.

Въ то самое время какъ двѣ партіи заговорщиковъ, въ значенныхъ въ покушеніе на Бельведеръ, исчезли за Лазаревскою рощей, подлоручикъ Петръ Высокій, присутствовавшій при поджогѣ ливоварни, послѣшилъ съ двумя своими сообщниками къ Школѣ Подлорорщиковъ, ворвался къ нимъ въ учебный залъ и воззвалъ къ оружію. Подготовленные заранѣе подлорорщики, съ криками „до вроні!“ бросили къ оружейнымъ пирамидамъ и потомъ въ столовую, гдѣ имъ были розданы боевые патроны. Русскимъ юнкерамъ было объявлено что они могутъ не присоединяться къ Полакамъ. Одинъ изъ русскихъ подлорорщиковъ лейбъ-гвардіи Волыскаго полка, Александръ Аксюкъ, какъ только матежнѣ вышли изъ залы, выскочилъ въ окно и бросился бѣжать въ казармы уланскаго полка чтобы предупредить о грозящей опасности. Дежурнымъ по полку въ этотъ день былъ ротмистръ баронъ Притвицъ, котораго напелъ Аксюкъ въ дежурной комнатѣ и, наскоро сообщивъ ему въ чемъ дѣло, послѣшилъ въ казармы Подольскихъ кирасиръ, а отгу-



пробрался под выстрѣлами мятежниковъ на противополож-  
ный конецъ города, въ казармы Волянцева, и подаялъ тамъ  
тревогу \*.

Выстроивъ подпрапорщиковъ на школьномъ ялау, Высоц-  
кій повелъ ихъ въ числѣ 160 человекъ къ уланскимъ ка-  
зармамъ; но достигнувъ водянаго рва, окружающаго наши  
бараки, онъ растерялся и не въ силахъ былъ отдавать при-  
казанія. Уланъ стоявшій на часахъ у моста, который велъ  
черезъ ровъ къ казармамъ, видя во главѣ остановившейся  
пѣхотной команды двухъ офицеровъ и не подозрѣвая съ ихъ  
стороны злаго умысла, взялъ саблю „на краулъ“ и продол-  
жалъ отдавать имъ воинскую почесть все время пока тѣ въ  
замѣшательствѣ совѣщались между собою—слѣдуетъ ли умер-  
твить его или не слѣдуетъ. Наконецъ, бѣднѣе такъ и уби-  
ли во время отдаванія чести. Онъ и не ликнулъ. Тогда часть  
подпрапорщиковъ бросилась черезъ мостъ во дворъ и стала  
стрѣлять въ окна казармъ и по выбѣгавшимъ уланамъ, а  
другіе изъ нихъ заняли мѣсто въ открытыхъ дверяхъ ко-  
нюшни 3го эскадрона, примыкавшей угломъ къ мосту, и про-  
вызывали ее пулями. Одновременно съ этимъ баронъ Прит-  
вицъ только-что выслушавъ Аксюка велѣлъ трубачу тру-  
бить тревогу и бросился къ 3му эскадрону, бывшему въ этотъ  
день дежурнымъ. Люди уже ложились было спать, когда не-  
жданно застигли ихъ звуки выстрѣловъ и тревоги. Въ полы-  
кахъ бросились они къ конюшнямъ, гдѣ 3й эскадронъ подъ  
сродольными выстрѣлами мушкетерскихъ лошадей и подтяги-  
валъ подруги.

— Панове, въ дахъ! въ дахъ! \*\* раздавались со двора крики  
мятежниковъ:—стрѣляйте въ крышу! Тамъ у нихъ и сѣно и  
дрова!

— Жги! поджигай! волила другіе. И вотъ, одинъ изъ под-  
прапорщиковъ подложилъ къ наружной стѣнѣ конюшни мѣ-  
шокъ съ порохомъ, другой сталъ поджигать на немъ лукъ  
дрова, но въ это самое время унтеръ-офицеръ 3го эскадро-  
на Данило Субботинъ бросился на него съ саблей и тупымъ  
штыкомъ отрубилъ злодѣйскую руку. Нѣсколько выстрѣ-  
ловъ и ударовъ штыками были местию за это самоотверже-

\* За этотъ подвигъ Аксюкъ былъ произведенъ въ прапорщики  
своей полкѣ и пожалованъ орденомъ Св. Анны 4й степени. (При-  
казъ по гвардейской корпусу отъ 7 января 1831, за № 2).

\*\* Господа, въ крышу! въ крышу!

нѣ и, обливаясь кровью, Субботинъ упалъ на землю. Пуки соломѣ вспыхнулъ, но къ счастью пороховой мѣшокъ не занялся, и только-что вздумали было поджигать его вторично какъ нѣсколько уланъ, не успѣвшихъ еще выбраться изъ конюшни, съ саблями и ликами бросились на поджигателей и прогнали ихъ. Межь тѣмъ дежурный по 3му эскадрону поручикъ Шервинскій успѣлъ съ пятью уланами выскочить верхомъ изъ конюшни въ противоположныя двери и бросился во флангъ толпѣ мятежниковъ, которые пытались перебраться черезъ дворъ ко 2му эскадрону. Одновременно съ Шервинскимъ, поручикъ Курсаль, во главѣ тридцати нѣшихъ уланъ 2го эскадрона, бѣгомъ пустился въ лики на атакующихъ подпрапорщиковъ съ фронта. Мятежники изъ заднихъ рядовъ и, главнѣйшимъ образомъ тѣ которые стояли въ бездѣйствіи позади моста, на большой дорогѣ, первыми обратились въ бѣгство къ Собіеескому мосту. За ними, въ паническомъ страхѣ, послѣдовали и остальные, и такимъ образомъ первое нападеніе было отбито. Мы потеряли при этомъ 18 нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными, и до 30 лошадей, изъ коихъ убито тоже 18, пало отъ ранъ 5, а остальныхъ 7 оказались неспособными къ продолженію службы изъ ранами \*.

Оставовившись у статуи Собіеескаго и переведа духъ, предводители мятежа чтобъ исправить ошибку происшедшую отъ внезапной паники вторично повели подпрапорщиковъ противъ уланскихъ казармъ. Но и во второй разъ не оказались подпрапорщики ни предпримчивѣе, ни искуснѣе: никто не отважился овладѣть мостами черезъ рвы чтобъ залереть казармы въ ея казармахъ. Передовые, перейдя мостъ съ большаго улицы, рассыпались при вѣздѣ на полковой дворъ и открыли огонь по строившимся уланамъ. Но тутъ внезапный страхъ вторично овладѣлъ ими, и на этотъ разъ обратились въ бѣгство уже не задніе, а бывшіе впереди. Опять слѣдовать имъ въ величайшемъ безпорядкѣ къ Собіеескому мосту, угрожа другъ другу смертію за малѣйшій признакъ трусости, и слыша проклятіями польскихъ егерей, которые, по предварительному уговору, должны были литься къ нимъ на помощь. Дабы ускорить ихъ прибытіе былъ посланъ одинъ изъ за

\* Домесекіе генералъ-майора Маркова генералъ-майору Гершману донесеніе отъ 31 декабря 1830, за № 39. (Поак. арх. журн. поход. б.)

ворщиковъ, который однако тотчасъ же воротился съ тревожнымъ извѣстіемъ что егерей не видно, а русскіе кирасиры въ полномъ движеніи, и кажись съ тою цѣлью чтобъ отрѣзать имъ обратный путь. Въ подтвержденіе этихъ словъ увидѣли мятежники въ ту же минуту Подольскихъ кирасиръ, которые, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ, на рысяхъ таялись дливною колонной между городомъ и Собіесскимъ мостомъ. Путь отъ кирасирскихъ казармъ къ Бельведеру, у подошвы Уяздовскихъ высотъ, пересѣкалъ дорогу отъ Собіескаго моста къ Уяздовскому госпиталю и оставаялъ этотъ мостъ ваѣво. Подпрапорщики, соединясь здѣсь съ Бельведерскими убійцами и считая себя отрѣзанными и погибшими, бросаются съ дороги въ роуцу, мимо которой должны были проходить кирасиры, и успѣваютъ достигнуть ея олушки. Смятеніе ихъ увеличивалось трубными звуками русской тревоги, раздававшейся вокругъ; они въ отчаяніи шепчутся между собою что егеря ихъ выдали, и снова осылаютъ угрозами смерти всякаго кто навзлечетъ на себя подозрѣніе въ трусости или измѣнѣ.

Кирасиры еще въ казармахъ завидя неподалеку пожаръ и слыша ружейные выстрѣлы успѣли безпрелатственно съѣсть на коней и двинуться къ Бельведеру. При послѣдственности 1го дивизиона случилось такъ что задніе эскадроны немного отстали; въ этотъ-то промежутокъ бросились бѣгущіе подпрапорщики, черезъ что и удалось имъ ускользнуть. 2й дивизионъ, ничего не зная о случившемся, остановился чтобы дать имъ время очистить дорогу, и тогда уже продолжалъ свое движеніе къ Бельведеру. Подпрапорщики, съ своей стороны, стремились достигнуть поскорѣе возвышенія между кафеюной извѣстной подъ именемъ „Кавы вѣискей“ \* и Радзивиловскими казармами.

Въ это время офицеръ нашего полка, ротмистръ баронъ Розентъ, случайно узнавъ отъ прибѣжавшаго къ нему эскадроннаго писаря Осѣкина что вблизи происходитъ нѣчто нежданное, послѣдшалъ лѣшкомъ на звуки тревоги къ своимъ казармамъ, вмѣстѣ съ одволочаниномъ своимъ поручикомъ Кобровольскимъ, который зашелъ было къ нему поиграть въ шахматы. Благодаря своей находчивости и присутствію дуэ, барону Розенту удалось пройти чрезъ караулъ гвардей-

\* Сельская кафеюна.

ско-гренадерскаго полка, выставленный мятежниками, въ количествѣ одного взвода, на поворотѣ изъ города въ Вѣйскую улицу. Молодой офицерикъ, начальникъ этого караула, услышавъ самоувѣренный и повелительный голосъ ротмистра, смутился и не посмѣлъ отказать ему въ пропускѣ. Баронъ Розенъ даже приказалъ было караулу слѣдовать за собою, но пройдя нѣкоторое разстоянiе, прапорщикъ, по наущенiю старшаго унтеръ-офицера, отказался идти далѣе, подъ предлогомъ что не смѣетъ покинуть вѣреннаго ему поста. Во время этой послѣдней остановки, нагналъ барона Розена и Добровольскаго подполковникъ Гродненскаго гусарскаго полка Риземанъ. Отправивъ назадъ гренадеръ, они втроемъ продолжали спускаться внизъ по Вѣйской улицѣ, какъ вдругъ замѣтили шагахъ въ семидесяти впереди себя приближавшуюся толпу подпрапорщиковъ. Луна какъ на зло въ эту самую минуту сіяла полнымъ блескомъ, и темныя фигуры трехъ нашихъ путниковъ весьма отчетливо рисовались на освѣщенномъ полотнѣ шоссеиной дороги. Двѣ черныя уланскія шапки не оставляли подпрапорщикамъ сомнѣнiй что предъ ними было трое „Москалей“. Вдругъ впереди сверкнуло нѣсколько молнiй, зарокоталъ короткiй заалъ — и добрый десятокъ пуль просвисталъ мимо ушей нашихъ офицеровъ. На мгновенiе они остановились въ недоумѣнiи и послѣдшили укрыться въ тѣнь пирамидальныхъ тополей, окаймлявшихъ дорогу. Теперь и для нихъ, въ свой чередъ, не осталось сомнѣнiй что впереди приближаются мятежники. Надежда на спасенiе представлялась весьма слабая и заключалась единственно въ томъ что въ нѣсколькихъ шагахъ была прорѣзанная въ деревяномъ заборѣ калитка, которая вела въ садикъ „Вѣйской кавы“. Хорошо, если удастся до нея добраться и если она не заперта въ противномъ же случаѣ ждетъ неизбѣжная гибель. Шапотомъ и наскоро совѣщаясь между собою объ этомъ обстоятельстве, вдругъ услышали наши офицеры позади себя быстрый топотъ конскихъ копытъ, и почти въ ту же минуту мимо ихъ промчался внизъ на полномъ карьерѣ всадникъ, очевидно, нагонявшiй свои эскадры.

Наши, при полномъ свѣтѣ луны, успѣли мелькомъ разглядѣть черты его лица изъ-подъ высокаго гребня кирасорскаго каски; это былъ полковникъ Подольскаго полка флигель-адъютантъ Кауцфель. Онъ мчался не подозревая опасности, остановить или предупредить его не было никакой возмож-

сти. Глядя во слѣдъ ему, баронъ Розенъ считалъ уже его погибшимъ, какъ вдругъ—(и это замѣчательный примѣръ того эффекта который производитъ на непритовленную лѣхоту не то-что конный строй, а даже единственный несущійся всадникъ)—толпа подпрапорщиковъ, подъ вліяніемъ чувства самохраненія, инстинктивно раздалась въ обѣ стороны, въ одно мгновенье очистила дорогу и безпрепятственно пропустила Каюлфеля мимо себя. Только во слѣдъ ему зарокоталъ задѣлъ, но къ счастью, какъ оказалось потомъ, совершенно безвредный. Этимъ-то случайнымъ моментомъ и воспользовались трое нашихъ путниковъ: незамѣченные никѣмъ, они успѣли добѣжать до калитки, которая, на ихъ счастье, не была затворена.

Переступивъ порогъ, они тотчасъ же замкнули ее на заовъ и укрылись въ тѣни кустовъ у забора. Не далѣе какъ черезъ минуту мимо калитки уже проходила ватага подпрапорщиковъ. Нѣкоторые изъ нихъ толкали ее руками и пробовали прикладами; ясно слышны были ихъ овлабленные голоса, выражавшіе недоумѣніе—куда это вдругъ могли исчезнуть эти трое „пршеклентыхъ Москалювъ“, которыхъ непременно слѣдуетъ сейчасъ же приковчить на мѣстѣ; нашимъ путникамъ слышно было что ихъ ищутъ подъ деревьями и около забора, но видя безуспѣшность своихъ поисковъ, подпрапорщики, вѣроятно, махнули рукой и пошли далѣе. Когда уже совершенно замолокъ въ отдаленіи звукъ ихъ шаговъ, наши рѣшились покинуть свое убѣжище и пустились къ Лазекамъ.

Вскорѣ по этой же улицѣ прослѣдовалъ въ городъ поручикъ Курсель, который на полныхъ рысяхъ велъ второй и третій эскадроны, направляясь къ Варшавскому банку, согласно съ полученнымъ при выходѣ приказаніемъ начальника дивизіи, генералъ-адъютанта Курнатовскаго, успѣвшаго къ тому времени прибыть къ уланскимъ казармамъ. Подпрапорщички, услышавъ позади себя конскій толотъ нашихъ эскадроновъ, бросились въ недостроенныя еще Радзивилловскія казармы. Едва подѣхали уланы къ этому мѣсту какъ во нихъ былъ открытъ огонь изъ дверей и оконъ. Курсель, конечно, не могъ предпринять что-либо серьезное противъ лѣхотинцевъ, занимавшихъ строеміе, особенно при ночной темнотѣ, и потому послѣдовалъ проскакать мимо, потерявъ двухъ

лошадей убитыми и четырехъ солдатъ легко ранеными \*. Вскорѣ ему пришлось убѣдиться что дорога къ банку уже занята польскими войсками; повтому онъ повернулъ эскадроны и, выѣзжая по пути въ аллеяхъ появившихся снова подпрапорщиковъ, вмѣстѣ съ представшими къ нимъ городскими развочивцами, прибылъ къ Бельведеру почти одновременно съ 1мъ и 4мъ эскадронами, которые прискакали сюда подъ командою барона Притвица. Такимъ образомъ весь полкъ, менѣе чѣмъ въ двадцать минутъ послѣ перваго выстрѣла, почти въ полномъ составѣ собрался у дворца его высочества.

На площадкѣ предъ дворцомъ стоялъ эскадронъ кирасирскаго полка, впереди котораго, верхомъ и закутанный въ плащъ, при тускломъ свѣтѣ фонаря, рисовался силуэтъ великаго князя, а за нимъ небольшая группа генераловъ, тоже верхами. Далѣе колебались флагера эскадроновъ приведенныхъ Притвицемъ. Точно гора свалилась съ плечъ у нашихъ уланъ когда они увидѣли цесаревича въ живыхъ и окруженнаго русскою свитой и своими вѣрными русскими эскадронами. Около его высочества находились уже генералы: Бурута, Кноррингъ, нашъ Марковъ, Штрандманъ, Данненбергъ, Колзаковъ и нѣсколько адъютантовъ. Увидя эскадроны приведенные Курселемъ, великій князь подѣхалъ къ этому послѣднему и лично отдалъ ему приказаніе — занять частями 2го и 3го эскадроновъ всѣ выѣзды и заставы, отъ Мокотовской рогатки до Кашицкаго шоссе, что и было исполнено. Въ это время подоспѣлъ еще Гродненскій гусарскій полкъ а вскорѣ вслѣдъ за нимъ и польско-гвардейскіе конные егеря, приведенные генераломъ Курнатовскимъ, вмѣстѣ съ польско-егерскими ротами, которыя, совместно съ подпрапорщиками, должны были совершить нападеніе на казармы русской кавалеріи. Роты эти попали сюда чисто случайно, и осмѣлясь сопротивляться Курнатовскому, который, во главѣ конно-егерей, застигъ ихъ на Александровской площади въ то самое время когда онъ разбирали изъ крестьянской тѣлги подвезенные къ нимъ боевые патроны, и приказалъ двигаться предъ собою по Уяздовской аллеѣ къ Бельведеру.

Съ прибытіемъ ихъ, великій князь чудеснымъ образомъ вторично избѣгъ смертной опасности. Въ то время какъ онъ

\* Ф. Смитъ, ч. I, стр. 138—139 и В. Матѣевъ, стр. 17.

высочество, подѣхавъ къ ротамъ, увѣщевалъ солдатъ не забывать долга своей присяги, одинъ изъ заговорщиковъ, егерскій подпоручикъ Волосчанскій, взявъ солдатское ружье и прицѣлился; но ружье оскзалось три раза, послѣ чего убійца швырнулъ его на землю и скрылся въ темнотѣ Уздовскихъ каштановъ. Межъ тѣмъ увѣщаніе цесаревича по-дѣйствовало если не на офицеровъ, то на солдатъ, и такимъ образомъ егерскія роты оставались въ теченіе двухъ съ половиною сутокъ лучше защитой русской кавалеріи и Бельведера, будучи поставлены въ Уздовской аллеѣ, въ видѣ авангарда, подъ командою русскаго начальника, генерала Давиенберга.

Ночь была темная и холодная. Дождь накрывалъ съ изморозью. Въ городѣ уже начиналось смятеніе. Прохожіе быстро пробирались по мокрымъ тротуарамъ, иные бѣгомъ, самыя были повсюду отрывистый, несвязный говоръ. Нѣсколько „дружекъ“, дребезжа по неровной мостовой, проѣхали вдоль по Новому Свѣту и Краковскому предмѣстью. Въ одномъ изъ этихъ экипажей стоя мчался подпоручикъ Нико и, махая рукой, кричалъ: „Къ оружію, Поляки! Москали рѣжутъ!“ Вслѣдъ за нимъ проскакали двое какихъ-то всадниковъ, одинъ изъ которыхъ махая обнаженною саблей, тоже кричалъ: „Polase, do bronі!“ Лавки и магазины слышно начинали затворяться, ставни и ворота захлопывались.... Около костела „Святого Кржижа“ раздавались неистовые крики и лѣси буйной толлы: то былъ 4й пѣхотный полкъ, излюбленные „Чвартаки“, шедшіе въ безпорядкѣ и во всю ширину улицы къ Варшавскому арсеналу. Они останавливали встрѣчные экипажи и при малѣйшемъ сопротивленіи или колебаніи пронизывали ихъ пулями. Впереди ѣхалъ ксендзь, верхомъ, съ обнаженною саблей въ рукѣ, и возбуждалъ народъ къ возстанію. Нѣсколько пьяныхъ, простоволосыхъ женщинъ шли посреди толлы, объявшись съ солдатами и черныю. Все это пѣло, орало, вопило и безъ надобности стрѣляло изъ ружей. На небѣ видѣлось въ двухъ мѣстахъ зарево отъ пожаровъ, и звукъ набата раздавался въ отдаленіи. Съ помощью мятежныхъ солдатъ, варшавская чернь овладѣла арсеналомъ и разграбила его. Кабаки и тюрьмы были разбиты, вино выпито, преступники вылучены на свободу, многія лавки и магазины, а также частныя квартиры и юма, въ особенности русскіе и еврейскіе, окончательно раз-

граблены и разорены. Въ этотъ несчастный вечеръ и въ ночь было убито разъяренною чернью, подпалорщиками и солдатами нѣсколько достойныхъ польскихъ генераловъ и штабъ-офицеровъ, сохранившихъ до послѣдняго издыханія вѣрность своему законному государю. Они погибли за то что не хотѣли признавать въ горсти студентовъ, лиццовъ и газетчиковъ, въ ватагѣ увлеченныхъ солдатъ и въ толпѣ пьяной черни достойныхъ представителей своей націи.

По свидѣтельству очевидцевъ то была поразительно-страшная ночь. Всѣ благонамѣренные люди заперлись и заложили ворота и двери; на улицахъ и площадяхъ шаталась только чернь. Повсюду у залертыхъ воротъ былъ слышенъ стукъ и раздавались крики людей хотѣвшихъ войти или для того чтобы спастись отъ рукъ убійцъ, или чтобы отыскивать въ домахъ обреченныя жертвы. Имѣвшій личнаго врага долженъ быть трепетать, потому что подъ видомъ публичной мести удовлетворяли тайной. Непрерывно слышались на улицахъ или глухой шумъ, раздававшійся издали, или ружейная пальба; то наступала вдругъ тишина, то олять неслось пронзительное завываніе черни: „do broni, Polace, do broni!“ или слышался шумъ экипажей и топотъ быстро скачущихъ офицеровъ. Толпы вооруженной черни, съ шумомъ идущія войска, перепуганные бѣглецы съ блѣдными лицами—все это безъ толку и цѣли стремилось куда-то по улицамъ, озареннымъ заревомъ пожара. Никто не спалъ, всѣ приготавлились къ ужаснѣйшимъ событіямъ и многіе съ трепетомъ ожидали дальнѣйшихъ послѣдствій.

Между тѣмъ къ Бельведеру поодиночкѣ собирались русскіе офицеры, въ распахъ захваченные среди города вѣсты о возстаніи. Мѣстность вокругъ дворца была стѣснена деревьями, аллеями и строеніями, такъ что для кавалеріи представлялось возможности дѣйствовать, а русская пѣхота квартировавшая въ противоположномъ концѣ города, не могла еще подойти такъ скоро. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, адъютантъ цесаревича П. А. Колзаконъ сталъ упрививать его высочество отъѣхать за двѣ версты отъ города къ деревнѣ Вержбѣ, противъ которой на Mokotowskiemъ Поле могли бы свободно расположиться войска. Совѣтъ Колзаконъ былъ поддержанъ и другими генералами, такъ что великіи князь, послѣ нѣкотораго колебанія, согласился съ маѣиен своихъ подчиненныхъ и приказалъ кавалеріи начать отступ-



леніе, а егерскимъ ротамъ съ конно-егерскимъ полкомъ,—какъ сказано выше,—оставаться въ аллеѣ для прикрытія. Супруга его высочества, рѣшительно объявившая что ни за что не согласится разстаться съ нимъ, сѣла въ карету и выѣхала изъ Бельведера вслѣдъ за уланами. Великій князь со свитою провожали ее верхами, а съзади ихъ пошла Подольскіе кирасиры.

Цесаревичъ заблагоразсудилъ остановиться около шоссе, на малой Вержбенской фермѣ, гдѣ жилъ сыроваръ-Французъ, славившійся въ Варшавѣ выдѣлкою невшательскихъ сыровъ. Ферма эта представляла нѣчто въ родѣ убогой мазанки о трехъ комнатахъ. Была уже темная ночь и сѣялся холодный дождь, когда подѣхали къ этой мазанкѣ карета княгини и цесаревичъ со свитою. Тамъ уже всѣ спали, но разбуженное семейство хозяина тотчасъ же развело очагъ, наставило самоваръ—и ихъ высочества, разлѣстясь въ двухъ тѣсныхъ комнаткахъ, отогрѣвались и пили чай, при свѣтѣ двухъ салыхъ огарковъ.

Три русскіе кавалерійскіе полка разположились бивуакомъ на Мокотовскомъ Полѣ, между Вержбой и Бельведеромъ, 2й и 3й эскадроны нашихъ уланъ до утра оставались на постахъ предъ городскими выѣздами и рогатками. Мимо ихъ всю ночь проѣзжали въ разныхъ экипажахъ русскія семейства, случайно успѣвшія безъ препятствій выѣхать изъ Варшавы. Всѣ они стремились къ Вержбѣ, гдѣ и располагались кто какъ могъ, а большею частію въ своихъ же экипажахъ. Рѣдкіе костры, сквозь прясло дождя и тумана, печально и тускло кидали отсвѣтъ на кавалерійскіе бивуаки. Весь русскій ставъ былъ оцѣпленъ часовыми, и уланы до утра безпрестанно высылали конные патрули.

Мятежныя войска расположились бивуакомъ вокругъ арсенала, а гвардейскіе конно-егера—противъ ихъ, на Саксонской площади и въ близлежащихъ улицахъ. До самаго разсвѣта съ обѣихъ сторонъ обнаруживалось большое безлокойсто среди ежеминутныхъ ожидаемій печальнаго наладенія, и такимъ образомъ прошла вся эта злополучная ночь изъ 18 ноября, названная Поляками „ночью святаго Сантуруна“ \*.

\* Въ честь святаго празднуемаго католиками на это число.

## III.

Утромъ прибыли на бивуакъ лейбъ-гвардіи Литовскій и Волыскій полки, сдѣлавшіе обходъ вокругъ городского вала. Оба командира этихъ полковъ были въ лѣнѣ. Вскорѣ прикакалъ полковникъ Гербель изъ Скерневицъ со своею конною батареей, а къ вечеру прибылъ генералъ Корфъ изъ Гурма съ лѣшею артиллеріей и, наконецъ, на разсвѣтѣ 19 числа поручикъ Максимовичъ привелъ учебный баталіонъ изъ Блони. Такимъ образомъ, всѣ части русскаго отряда благополучно соединились на Мокотовскомъ бивуакѣ. Здѣсь же стояло нѣсколько ротъ гвардейскихъ польскихъ гренадеръ, которыя генералъ Жамарскій успѣлъ на нѣкоторое время удержать въ границахъ воинскаго дога. Генералы Герштенцвейгъ и Данненбергъ убѣждали великаго князя дозволить имъ силою оружія смирить взбунтовавшійся народъ; Герштенцвейгъ головой ручался что чрезъ четыре часа въ Варшавѣ все будетъ спокойно; но адъютантъ великаго князя Владиславъ Замойскій и нѣкоторые другіе изъ Поляковъ, соблюдавшихъ до времени личину вѣрности, всячески старались противодѣйствовать убѣжденіямъ двухъ русскихъ генераловъ и представляли его высочеству будто „все смятеніе произошло отъ ошибочнаго мнѣнія народа и войска, что Русскіе первыми напали на Поляковъ и рѣзали ихъ, и для того чтобъ укротить ихъ, лучше всего невмѣшательствомъ Русскихъ доказать имъ неосновательность этой клеветы. \* Цесаревичъ все еще продолжая вѣрить окружающимъ его немногимъ Полякамъ, склонился на ихъ лукавыя представленія и рѣшилъ что русскія войска останутся совершенно безучастны въ борьбѣ, потому что, какъ выразился онъ,—„Русскимъ нечего дѣлать въ польской дракѣ“. Онъ повторялъ что такъ какъ вся администрація края въ рукахъ у польскихъ властей, и онъ въ нее никогда не вмѣшивался то и надѣется на благоразуміе этихъ властей и увѣренъ что онъ сами сумѣютъ унять бунтовщиковъ. \*\*

Между тѣмъ войска стояли на Мокотовской позиціи. Артиллерія была выдвинута впередъ, велеты окружали все пол

\* Колзаконъ (стр. 605), Максимовичъ и Ф. Смитъ (стр. 149).

\*\* Ibid.

разъезды постоянно направлялись къ Варшавѣ и во всѣ стороны. Всѣ находились въ безпокойномъ ожиданіи. Вѣсти изъ города приходили все мрачныя, неутѣшительныя: тамъ все еще продолжались неистовства черни и демагоговъ; жилища русскихъ офицеровъ и чиновниковъ были разграблены, многіе изъ нихъ и изъ Поляковъ, а въ особенности Евреи, полагались жизнью. Мы ежеминутно ожидали нападена. Польскія роты, приведенныя Жимирскимъ, глядѣли болѣе чѣмъ сомнительно и присутствіе ихъ въ средѣ русскаго отряда, въ случаѣ нападена изъ Варшавы, становилось далеко не безопаснымъ. Между тѣмъ бездѣйствіе съ нашей стороны и томительная неизвѣстность усугубляли общее безпокойство. Русскіе полки вышли по тревогѣ какъ на простое ученье: патроны и вообще снаряженіе остались въ цейхаузахъ и казармахъ. Безъ теплой одежды и обуви, безъ хлѣба и съѣстныхъ припасовъ, безъ фуражнаго довольствія, безъ медицинскихъ средствъ для заболѣвающихъ, въ суровую пору года, оставаясь въ теченіе четырехъ сутокъ на голой землѣ и подъ открытымъ небомъ, отрядъ нашъ терпѣлъ всевозможныя лишенія и бѣдствія. Съ трудомъ можно было достать дровъ чтобы развести костеръ; съ помощью покупокъ и реквизицій у окрестныхъ помѣщиковъ и Евреевъ кое-какъ добыли еще нѣсколько скота на убой, но въ хлѣбѣ ощущался страшный недостатокъ; соли же и вовсе не было. Бли одну полусырую говядину.

Подѣливъ между собою порціи, лѣхотинецъ, бывало, натыкалъ кусокъ на штыкъ, а кавалеристъ на саблю, и поджаривали его на кострѣ. Вода была болотная, такъ что и кони пили ее неохотно, не говоря уже о людяхъ. Овса и сѣна не было и въ поминѣ, а росъ неподалеку низенькій ельничекъ: Кавалеристы, бывало, валомъаютъ его вѣтвей, искрошатъ ихъ саблями и даютъ лошадямъ. Такъ и пытались наши кони всѣ четверо сутокъ однимъ лишь рублевымъ ельничкомъ.\*

Въ Варшавѣ межъ тѣмъ составилось новое временное правительство, членовъ котораго весьма безпокойна близость русскихъ войскъ, и потому, въ видахъ безпрепятственнаго развитія революціи, они желали скорѣйшаго ихъ удаленія. 21го ноября явилась изъ Варшавы въ Вержбу депутація, между членами коей были Адамъ Чарторыйскій и Лелевель. Съ революціонными кокардами на конфераткахъ, они явились къ

\* Изъ разказовъ В. Д. Лобанова.

великому князю для переговоровъ. Цесаревичъ, казавшійся очень спокойнымъ и говорившій весьма немного, не сдавался ни на какіе компромиссы и требовалъ безусловной покорности государю, обѣщая предстательствовать предъ его величествомъ за виновныхъ. „Здѣсь нѣтъ никого виновныхъ!“ запальчиво и грубо возразилъ на это графъ Островскій и надѣлъ предъ цесаревичемъ свою шапку. Это было послѣднее оскорбленіе нанесенное великому князю, который послѣ него прекратилъ всякія объясненія, и депутаты удалились въ своей четверомѣстной колымагѣ, на козлахъ которой лежалъ огромный узелъ, наполненный польскими національными кокардами для свиты великаго князя, на случай еслибъ его высочество согласился принять титулъ короля Польскаго.

Съ этой минуты цесаревичъ уже ясно увидѣлъ что нечего болѣе надѣяться на добрыя чувства и благоразуміе Польшковъ. Во избѣжаніе кровопролитія, оставалось только удалиться въ предѣлы Россіи и предоставить Польшу ея собственной роковой судьбѣ. Да и положеніе малочисленнаго отряда среди цѣлой мятежной арміи и края охваченнаго заранѣе подготовленнымъ возстаніемъ, было крайне рискованно: Русскіе могли быть безцѣльно истреблены или принуждены къ сдачѣ, и тогда заносчивая наглость польскихъ притязаній уже не знала бы ни мѣры, ни предѣловъ. Видя теперь повсюду коварство и измѣну со стороны польскихъ военачальниковъ, и явно враждебное настроеніе кованыхъ егерей и гренадерскихъ ротъ Жимирскаго, которыя такъ и лорыались въ городъ, цесаревичъ, желавшій избавить ихъ отъ позора явной измѣны, послалъ къ нимъ черезъ своего адъютанта Замойскаго письменное дозволеніе возвратиться въ Варшаву. Такъ покинули его и послѣднія войска польскія...

Отпустивъ ихъ, его высочество съ особеннымъ прискорбіемъ выражалъ русскимъ начальникамъ свое горькое чувство по поводу невѣрности польскихъ войскъ, а наиболѣе „Чвартаконъ“ и салеронъ, которые предпочтительно предъ всѣми другими полками пользовались его милостями и отблагодарили за нихъ тѣмъ что первые же измѣнили ему. „Они доказали мнѣ что слово *благодарность* есть пустой звукъ!“ воскликнулъ онъ въ глубокомъ волненіи. \* Но не менѣе глубоко былъ оскорбленъ цесаревичъ и вѣроломствомъ любимца сво-

\* Ф. Смитъ, стр. 179.

его, генерала Шембека, который прїѣхавъ въ Вержбу, обвинялъ и цѣловалъ его плечо и брался уговорить польскія войска вернуться къ обязанностямъ долга и присяги, а чуть лишь выбрался за русскіе аванпосты, какъ первый же воззвалъ къ мятежу свой полкъ, приведенный имъ изъ Сохачева, и егерскія роты, стоявшія нашимъ авангардомъ въ Уяздовской алаѣ, и во главѣ ихъ вступилъ въ Варшаву, распѣвая: *Еще Польша не сгинела.*

По удаленіи варшавской депутации, его высочество тотчасъ же отдалъ приказъ русскому отряду—немедленно сниматься съ бивуака. Только въ эту минуту нашимъ войскамъ стало положительнымъ образомъ извѣстно что цесаревичъ принялъ рѣшеніе пробиваться въ предѣлы Имперіи. Предпріятіе это, повидимому, было исполнено многихъ прелатствій: между горстью Русскихъ и Россією находилась Висла, и для Поляковъ не было ничего легче какъ воспрелатствовать переходу отряда чрезъ эту большую рѣку; надлежало идти по враждебному краю, среди враждебныхъ войскъ, безъ обозовъ и запасовъ и почти безъ всякихъ боевыхъ и денежныхъ средствъ. Тѣмъ не менѣе, великій князь не упалъ духомъ. Онъ послалъ временному правительству письмо, гдѣ выражалъ надежду что въ встрѣтитъ прелатствій въ своемъ обратномъ пути и въ заключеніе поручалъ всѣ русскія общественныя учрежденія, частную собственность и безопасность отдѣльныхъ лицъ защитить и покровительству націи. Извѣстіе объ отступленіи Русскихъ произвело въ Варшавѣ невыразимую радость и позволило озаботиться дальнѣйшими мѣрами къ упроченію возстанія. Рѣшено было тотчасъ же овладѣть Модлиномъ, чтобы воспользоваться его военными запасами.

Пѣшіе резервы трехъ русскихъ полковъ постоянно находились въ Модлинской крѣпости и ея форштатахъ, для поддержанія тамъ карауловъ. Каждый полкъ ежемѣсячно отправлялъ туда трехъ субалтернъ-офицеровъ, на смѣну предшествовавшимъ, и одни только командиры этихъ резервныхъ взводовъ безсмѣнно пребывали въ Модлинѣ. На другой же день по отступленіи русскаго отряда, генералъ Хлоцицкій, избранный диктаторомъ, послалъ къ Модлину баталіонъ пѣхоты и сорокъ волонтеровъ вмѣстѣ съ особыми комиссарами, которые были уполномочены потребовать безусловной сдачи крѣпости и обезоруженія русской части гарнизона. Никто подпоручикъ Псарскій явился въ Модлинъ съ предваритель-

нымъ извѣщеніемъ. Сознавая полную невозможность защищать крѣпость своими наличными силами, русскіе офицеры тѣмъ не менѣе съ негодованіемъ выслушали извѣстіе Царскаго и единогласно объявили ему что они не примутъ никакого предложенія оскорбительнаго для чести русскаго оружія и что въ случаѣ крайности они твердо и окончательно рѣшились взорвать пороховой магазинъ и похоронить себя подъ его развалинами. Когда вслѣдъ за симъ прибыли комиссары, то нашли уже со стороны Русскихъ всѣ приготовления ко взрыву и услышали отъ нихъ тотъ же твердый и достойный отвѣтъ. Всѣ русскія части сгруппировались около пороховыхъ погребовъ, двери которыхъ были растворены, бочки раскрыты и фитили уже тлѣли въ рукахъ офицеровъ. Малѣйшее насиліе, и все это мгновенно взлетѣло бы на воздухъ. Такая грозная и безповоротная рѣшимость лучше всякихъ словъ убѣдила комиссаровъ въ необходимости оставить свои требованія. Русскіе не сдавались ни на какія убѣжденія, и только тогда рѣшились уступить крѣпость, когда имъ было предъявлено подлинное письмо цесаревича, гдѣ онъ извѣщаетъ о своемъ возвращеніи съ войсками въ Россію и приказываетъ русскимъ эскадронамъ и артиллерійской командѣ выступить вслѣдъ за нимъ туда же \*. Но при этомъ офицеры наши согласились на свободный выходъ изъ крѣпости не иначе какъ съ оружіемъ въ рукахъ и со всеми военными почестями со стороны Поляковъ, выговоривъ русскому гарнизону безопасное свиданіе съ полкомъ его имущества до границъ Имперіи, въ сопровожденіи польскаго отряда. Тогда, обоюдно подписавъ капитуляцію, 25 ноября, Русскіе сдали Модлинъ тремъ соединившимся подъ нимъ баталіонамъ польской пѣхоты, и съ воинскими почестями выступили изъ крѣпости, сѣвдуя чрезъ Пултускъ и Чижево до Цехановца, куда прибыли 11го декабря. Граница была перейдена ими въ Устугѣ, гдѣ чрезъ офицера, нарочно посланнаго къ цесаревичу за приказаніями, было доставлено къ нимъ повелѣніе свидовати за отрядомъ къ своимъ полкамъ на зимнія квартиры.

Государь императоръ, получивъ отъ великаго князя доносеніе объ этомъ мужественномъ поведеніи русскихъ офицеровъ, высочайше повелѣтъ соизволялъ: „принимая съ особеннымъ благоволеніемъ благоразумную твердость, мужество и

\* В. Матвѣевъ, стр. 21.

неустрасимость, оказанная при семъ происшествіи подполковникомъ Крахоткинымъ, ротмистромъ Мазуркевичемъ и Кохановичемъ и штабсъ-ротмистромъ Докукинымъ,—произвести ихъ въ сѣдующіе чины, и о подвигъ ихъ объявить по всему военному вѣдомству“ \*. Во исполненіе высочайшей воли, приказъ о семъ былъ читавъ при собраніи нижнихъ чиновъ во всѣхъ эскадронахъ, ротахъ и батареяхъ всей русской гвардіи, арміи, внутренней стражи и флота.

Славшись съ Мокотовскаго бивуака, русскій Варшавскій отрядъ направился вверхъ по Вислѣ, ближайшею къ берегу дорогою, и безпрепятственно переправился у Пулавъ, на ларомахъ. Улавы переправлялись нѣсколько выше, у Казимержа, и эта послѣдняя переправа совершена была вплавь. Проводникомъ служилъ Еврей, который первымъ, во главѣ полка пустился въ рѣку на своей клячкѣ. \*\* Отъ Пулавы путь отряда продолжался на Куровъ, на Любартовъ и далѣе къ Бресту. Въ походѣ маршрута не было, но самъ цесаревичъ каждодневно дѣлалъ маршевую диспозицію. Шли съ военными предосторожностями, съ авангардомъ при которомъ сѣдовалъ великій князь, и арріергардомъ, находившимся подъ командою генерала Пенхержевскаго.

Походъ былъ однимъ изъ труднѣйшихъ. За отрядомъ не сѣдовало ни вьюковъ, ни деньщиковъ. Не только у солдатъ, но и у офицеровъ не было съ собою перемѣны бѣлья, ни какихъ-либо вещей. Обувь у многихъ находилась въ плохомъ состояніи, а чинить было негдѣ и нечѣмъ. Шли безъ двоекъ и вочевали въ полѣ, подъ жестокою непогодой и стужей. Однажды на походѣ, днемъ, Пенхержевскій донесъ цесаревичу что въ тылу отряда скопляется непріятель и замѣчено особенное движеніе войскъ. Его высочество прискакалъ къ арріергарду, обозрѣлъ мѣстность, избралъ позицію, ободрилъ свои войска и рѣшился дать отпоръ. Поляки, какъ видно, лояли, кака я готовилась имъ встрѣча и отступили. На шестой или седьмой день похода получена была чрезъ

\* Приказъ по гвардейскому корпусу отъ 10 января 1831 года, за № 4, § 2. (Арх. штаба войскъ гв. и Петерб. окр.) Крахоткинъ командовалъ 1ю полуротою 8й гарнизонной артиллерійской бригады, Мазуркевичъ Подольскимъ кирасирскимъ, Кохановичъ Гродненскимъ гусарскимъ и Докукинъ уланскимъ цесаревича резервными эскадронами.

\*\* Разказъ В. Д. Лобанова.

адъютанта первая вѣсть отъ командира Литовскаго корпуса барона Розена, который испрашивалъ у великаго князя приказанія о томъ, какія нужно сдѣлать распоряженія для подавленія возстанія. Вѣсть эта мгновенно облетѣла и обрадовала всѣхъ: измѣна Литовскаго корпуса оказалась злощастною выдумкой Поляковъ. \* Наконецъ, послѣ двѣнадцатидневнаго похода, русскій отрядъ 2 декабря переправился черезъ Бугъ у Влодавы и вступилъ въ границы Россіи, которую многіе не надѣялись уже болѣе увидѣть. Его высочество, оставивъ отрядъ въ Брестѣ, уѣхалъ въ Бѣлостокъ. Одинъ взводъ уланъ конвоировалъ дорожный экипажъ его супруги, а остальному полку вѣрно было идти на Высоко-Литовскъ и далѣе черезъ Бѣловѣжскую лущу въ мѣстечко Свислочь, \*\* гдѣ и расположиться на зимовыя квартиры.

Путь черезъ заловѣдныя, вѣковѣчныя дебри Бѣловѣжи былъ въ особенности труденъ: узкая дорожка одиноко углублялась въ лѣсныя пустыни, которыя казались еще таинственнѣе и мрачнѣе отъ суроваго времени года; кругомъ гаушь, дичь, иногда замерзлое болото и все лѣсъ и лѣсъ, высокій, густой, непроглядный, которому, казалось, и конца нѣтъ. На всемъ пространствѣ лѣснаго пути полку попалась одна только убогая корчма, пріютившая нашихъ уланъ на кратковременный отдыхъ. Изъ этихъ непривѣтливыхъ лѣсовъ полкъ вышелъ почти уже подъ самой Свислочью, въ десяти верстахъ отъ мѣстечка, куда прибылъ 24 декабря. Тутъ-то вполне почувствовали уланы что значитъ благодѣтельный отдыхъ послѣ подобнаго похода, совершеннаго въ такихъ условіяхъ въ какихъ рѣдко приходится быть и въ самое трудное военное время. \*\*\* И замѣчательно что при этомъ всѣ войска вели себя образцовымъ образомъ. По крайней мѣрѣ, цесаревичъ въ одномъ изъ своихъ приказовъ отдавая полную похвалу ихъ нравственности и кроткому обращенію съ жителями, свидѣтельствуешь что „во время похода отъ Варшавы до предѣловъ Россіи, при самомъ стѣсненномъ бивуачномъ расположеніи, войска сіи свято сохранили

\* *Воспоминанія* М. К. Максимовича, стр. 33—34, и разказъ барона А. О. Розена.

\*\* Гродненской губерніи, Волковыскаго уѣзда.

\*\*\* Изъ разказовъ В. Д. Лобанова.



собственность каждаго и не допустили себя до какихъ-либо удивительныхъ для солдата поступковъ.“ \*

Уланы широко и удобно расположились въ большомъ и богатомъ мѣстечкѣ, которое со своимъ обширнымъ паркомъ графа Тышкевича, торговою площадью, украшенною высокими обелискомъ, каменнымъ гостинымъ дворомъ, каменнымъ зданіемъ гимназіи и пятью каменными арками на выездахъ—далеко оставляло за собою многіе уѣздные города западнаго края.

Отрядный штабъ расположился верстахъ въ двадцати отъ Свислочи, тоже въ одномъ изъ лучшихъ торговыхъ мѣстечекъ этого края, Великой Брестовицѣ. Полкъ имѣлъ ежедневныя сношенія со штабомъ, высылая въ Брестовицу въ-стовыхъ и ординарцевъ; да и военно-летучая почта тотчасъ же уставовилась между всѣми частями отряда. Слустя нѣсколько дней по приходѣ полка на зимнія квартиры, въ Свислочь благополучно прибылъ лѣшій резервъ, подъ командою ротмистра Докукина, который впрочемъ еще и не зналъ о томъ что онъ уже „ротмистръ за отличие“. Съ прибытіемъ резерва, полкъ могъ считаться въ полномъ сборѣ, и здѣсь-то, осмотрѣвшись на покоѣ, повѣрилъ свои потери, начиная съ роковой ночи Св. Сантурина. Оказалось что въ Варшавѣ осталось у насъ 60 человекъ и 63 лошади, кромѣ убитыхъ и раненыхъ при нападении подпрапорщиковъ на казармы. Деятнадцать лошадей брошено въ ветеринарномъ лазаретѣ, тридцать, какъ извѣстно уже, выбыло изъ строя при нападении на казармы, шестерыхъ коней не успѣли, по недостатку людей, вывести изъ конюшенъ, да восемь пало отъ изурения во время похода. Весь музыкальный инструментъ, за исключеніемъ серебряныхъ трубъ, тоже не успѣли захватить съ собою, равно какъ и всѣ принадлежности полковаго хозяйства.

Вскорѣ прибылъ къ полку изъ Варшавы юнкеръ Уланъ, и вслѣдъ за нимъ, захваченные въ лѣвъ мятежниками, писаря: Федоръ Сѣдовъ, Петръ Фирсовъ и Иванъ Бабиловъ, отъ которыхъ полкъ узналъ много интересныхъ новостей. Оказалось что корнетъ Мечниковскій и съ нимъ пять юнкеровъ и двѣнадцать унтеръ-офицеровъ изъ вольноопредѣляющихся,

\* Приказъ цесаревича въ войска возвратившіяся изъ Варшавы, данный изъ штабъ-квартиры отряда, въ мѣстечкѣ Великой Брестовицѣ, отъ 6 января 1831 года за № 1.

принадлежавшихъ по происхожденію исключительно къ польско-литовской шляхтѣ, передались на сторону мятежниковъ и всѣ поступили въ повстанскую кавалерію, преимущественно въ улавскіе полки; узнали также что умеръ-офицеръ Субботинъ, жертва собственнаго самоотверженія, умеръ отъ ранъ въ госпиталѣ, и что та же участь постигла еще вѣсколькихъ человекъ изъ раненыхъ въ ночь 17 ноября; но интереснѣе всего былъ разказъ юнкера Улана о его бѣгствѣ изъ лѣвна.

Матвѣй Гавриловичъ Уланъ находился въ Варшавской школѣ кавалерійскихъ юнкеровъ. Когда вспыхнуло возстаніе и бунтъ разлился уже по всему городу, онъ хотѣлъ бѣжать въ свой полкъ, чтобы предупредить, если еще не поздно, объ опасности, и во всякомъ случаѣ, присоединиться къ своимъ. Но всѣ русскіе юнкера оказались запертыми на ключъ въ дортуарѣ, который помѣщался въ верхнемъ этажѣ школы. Не долго думая, Уланъ выбросилъ изъ окна на улицу вѣскольکو тюфяковъ и самъ тѣмъ же способомъ кинулся внизъ. Паденіе совершилось благополучно. Отважный юнкеръ уже бѣжалъ къ своему полку, какъ вдругъ былъ перехваченъ на пути толлою мятежниковъ, которые всю ночь таскала его за собою и продержали на бауакѣ у арсенала до 20 ноября, а потомъ сдали подъ арестъ въ ордонавстаузъ, или въ „Саксонскій домъ“, какъ называли его тогда въ Варшавѣ. Здѣсь Уланъ очутился въ обществѣ своихъ сотоварищей юнкеровъ и вѣсколькихъ офицеровъ. Прошло вѣскольکو дней со дня его заточенія, и скучно, невыносимо скучно стало бѣдному Улану въ его неволѣ. Замѣтилъ онъ что и другой юнкеръ тоже сильно скучаетъ. Этотъ другой былъ гродненскій гусарь, графъ Роникеръ. Они сошлись между собою, подружились и задумали во что бы то ни стало бѣжать изъ лѣвна. Но какъ это сдѣлать? На помощь юношамъ явилась любовь. Была у одного изъ нихъ „коханка“, одна изъ тѣхъ тилическихъ варшавскихъ паненокъ, которыя, несмотря ни на какія революціонныя бури и племенную ненависть, никакъ не могутъ преодолѣти своей слабости къ „Москалямъ войскóвымъ“. Такія паненки отъ стародавнихъ временъ и до нашихъ дней, наперекоръ всему, никогда не переводятся въ веселой Варшавѣ. Оба юнкера рѣшились вести себя въ заточеніи какъ можно скромнѣе, чтобы получить репутацію благонадежныхъ, а вмѣстѣ

съ нею право отпусковъ два раза въ недѣлю въ городъ, съ разрѣшенія караульнаго офицера. Вскорѣ имъ удалось достигъ желаемого, и, конечно, первымъ же дѣломъ направились они къ доброй паненкѣ. Эта послѣдняя сердобольно вошла въ тяжкое положеніе молодыхъ людей и, убѣжденная ими, рѣшилась оказать имъ свою посильную помощь. Они вручили ей некоторую сумму денегъ, по счастью уцѣлѣвшую въ карманѣ, и на эту-то сумму благодѣтельная фея купила для нихъ въ магазинѣ готовыхъ вещей „цивильное“ платье, которое пришлось почти влору. Но главнѣйшее затрудненіе состояло въ томъ что юнкера, отпускаемые съ утра, строжайше были обязаны являться въ „Саксонскій домъ“ непременно къ началу сумерекъ; бѣжать же изъ города среди бѣла дня не было никакой возможности. Рискаю головою, друзья рѣшились исполнить свой замыселъ подъ покровомъ вечера,— и вотъ, на пятнадцатый день своего заточенія, 5 (17) декабря, въ восемь часовъ, тихо и незамѣтно, съ чернаго хода выходить они на улицу и пробираются къ своей паненкѣ. Черезъ полчаса, уже переодѣтые, идутъ они прямо на почту и самоуверенно требуютъ себѣ лошадей, объясняя что оба они опредѣлены во вновь формируемый въ Ценгровѣ конный полкъ Кракусовъ и теперь должны ѣхать къ своимъ родственникамъ въ Бялу, для полученія на экипировку денегъ. По счастью, имъ повѣрили и, за указанные прогоны, дали добрую пару коней съ крытою „фурманкой“. Конечно, бѣжное знаніе польскаго языка служило имъ при этомъ лучшимъ подспорьемъ и устранило на заставѣ всякое подозрѣніе на счетъ ихъ личностей. Такимъ образомъ удалось имъ благополучно добраться до Бялы. Но здѣсь вдругъ новая и совершенно неожиданная бѣда! Столкнулся Уланъ на улицѣ со своимъ старымъ учителемъ, который сразу призналъ его въ лицо и, зная что юноша служить въ русскомъ полку, совѣтъ ужъ хотѣлъ было головою выдать его съ товарищемъ мѣстнымъ революціоннымъ властямъ. Уланъ однако не растерялся и хладнокровно, съ самымъ чистосердечнымъ видомъ, сталъ объяснять педагогу что онъ давно уже въ отставкѣ, и теперь, въ виду общаго патріотическаго настроенія, опредѣлился вмѣстѣ съ товарищемъ въ полкъ Кракусовъ. Учитель повѣрилъ и оставилъ юношей въ покоѣ. Предстояло еще одно, и не малое, затрудненіе: бѣглецы объявляли что ѣдутъ въ полкъ Кракусовъ, а между тѣмъ надо было порядить фур-

мана къ русской границѣ, т.-е. совсѣмъ въ противную сторону. Это одно уже могло вызвать противъ нихъ возмъ и весьма опасныя подозрѣнія. Наконецъ, выискался какой-то бѣдный Еврей, который согласился за хорошую плату отвезти ихъ къ берегу Буга. Поѣхалъ онъ съ вечера и не почтовою дорогою на Тирасполь, а малоѣзжими проселками, придерживаясь болотистыхъ низинъ рѣченка Косны, и подъ утро привезъ ихъ въ уединенную еврейскую корчму, стоящую на лустырѣ, въ вѣкоторомъ разстояніи отъ рѣчной деревушки Нелле. Здѣсь по счастью нашлась особая комната. Послѣдивъ нанять ее у корчмара Улавъ оставилъ въ ней графа Роникера, который сильно разнемогся въ пути, а самъ нанялъ крестьянскую подводку и поѣхалъ берегомъ вверхъ по Бугу высматривать не найдется ли гдѣ удобной переправы на русскую сторону. Цѣлый день продолжались эти поиски, пока-то наконецъ не разговорился онъ по душѣ съ подводчикомъ, и тотъ откровенно объяснилъ ему что есть неподалеку деревушка Михальсково, гдѣ живетъ рыбакъ, онъ же и поровоцкъ, и что коли потолковать съ нимъ хорошенько, такъ авось-либо добрый человѣкъ и не откажетъ. Поѣхали въ Михальсково, нашли рыбацью хату, нашли и поровоцника, стали толковать, просить, уламывать и наконецъ Улавъ за послѣднія свои деньги уговорилъ его на рискованную переправу. Рыбакъ соглашался перевезти не иначе какъ въ ночное время, что въ сущности и для бѣглецовъ было гораздо удобнѣе. Солнце уже садилось и потому Улавъ поспѣшилъ къ большому Роникеру. Расплатившись въ корчмѣ, отправились они съ тѣмъ же подводчикомъ къ рыбаку и тотъ около полуночи благополучно перевезъ ихъ черезъ рѣку въ своей утлой душегубкѣ. Тутъ уже почувствовалъ себя въ безопасности, хоть и безъ кофѣйки денегъ, счастливые своею свободой лѣшкомъ побрели они къ Бресту, и вскорѣ соединились со своими полками. Цесаревичъ узнавъ объ этихъ похожденияхъ и признавая отважный поступокъ двухъ юношей доказательствомъ ихъ вѣрности своему нравственному долгу, ходатайствовалъ о производствѣ обоимъ въ офицеры, что и было вскорѣ исполнено.

Здѣсь будетъ уже кстати разказать и о спасеніи нашего же полка корнета барона Ренне 1го. Въ вечеръ 17го ноября онъ находился въ театрѣ „Розмайтосци“ (Rozmaitosci, Variété), ничего еще не подозрѣвая о событіяхъ вслыхавшаго воз-

мущенія. Вдругъ вбѣгаетъ въ партеръ одинъ изъ возмущенныхъ, поручикъ Добровольскій, и махая саблею кричитъ отчаяннымъ голосомъ:

— Поляки! Къ оружію!.. Москали рѣжутъ, убиваютъ нашихъ!

Тотчасъ же поднялся шумъ, замѣшательство, все бросилось вонъ изъ театра. Нѣсколько изступленныхъ фанатиковъ кидаются на горсть русскихъ офицеровъ случайно здѣсь находившихся, и дѣло уже грозило немедленнымъ кровопролитіемъ, убійствомъ, какъ вдругъ въ этомъ общемъ смятеніи встаетъ генералъ Хлопицкій, тоже случайно бывшій въ театрѣ, и энергично приступаетъ къ Добровольскому съ вопросомъ:

— Кто васъ прислалъ сюда? Что значитъ этотъ крикъ?

Тотъ начинаетъ оправдываться, но Хлопицкій не слушая его говорить:

— Стулайте вонъ отсюда! Я вамъ это приказываю!

Добровольскій однако мѣшкалъ и продолжалъ подуськивать окружавшую его публику противъ русскихъ офицеровъ, убѣждая по крайней мѣрѣ хотъ арестовать ихъ.

— Я вамъ говорю убирайтесь! гнѣвно и рѣшительно крикнулъ на него Хлопицкій.—Присутствующіе здѣсь офицеры находятся подъ моею защитой!

Это смѣлое и энергическое заявленіе генерала, справедливо пользовавшагося въ средѣ Поляковъ уваженіемъ и авторитетомъ, заставило публику уступить его настойчивости. Смущенный Добровольскій послѣдшилъ удачиться уже безъ разговоровъ, и такимъ образомъ русскіе офицеры были избавлены отъ лѣвна въ театрѣ.

Между ними было трое: кирасирскій поручикъ Осмолицъ, уланъ Ренне и лейбъ-гвардіи Литовскаго полка подпоручикъ Федоровъ. Выбравшись кое-какъ изъ „Розмайосци“ на Вержболовую улицу, они уже вышли на Краковское предмѣстіе, въ надеждѣ пробраться къ своимъ полкамъ, какъ вдругъ здѣсь замѣтила ихъ толпа уличной черни, смѣшанная съ солдатами, и съ шумомъ погналась за ними. Въ слѣдъ имъ летѣли камни и раздавались выстрѣлы. Спасаясь отъ яростнаго преслѣдованія, трое офицеровъ скрылись въ первыя попавшіяся ворота и вбѣжали въ чью-то квартиру, прося изумленнаго хозяина укрыть ихъ на время отъ неистовой ватаги. Вмѣстѣ съ ними вбѣжали туда еще двое какихъ-то людей которые тоже просили защиты. То были русскій полковой лѣкаръ Коханскій и закробщикъ гвардейскихъ полковъ

девятого класса Дипнеръ. Честный человекъ, рискуя собственною головою, не отказалъ имъ въ гостепріимствѣ. Домъ этотъ принадлежалъ Варшавскому Обществу Благотворительности (Dobroszynnosci), гдѣ хозяинъ квартиры, нѣкто Іосифъ Бернекеръ, занималъ должность писмоводителя. Не теряя лишняго мгновенья, онъ послѣшилъ укрывать своихъ нежданныхъ гостей въ одномъ изъ надежныхъ потайныхъ уголковъ обширнаго дома, гдѣ толпѣ не удалось ихъ отыскать, и когда наконецъ она отхлынула опять на улицу и удалилась съ Краковскаго предместья къ арсеналу, Бернекеръ уже безопасно ввелъ офицеровъ въ свою квартиру и каждому изъ нихъ далъ переодѣться въ партикулярное платье изъ его собственного запаса. Послѣ этого онъ самъ проводилъ ихъ окольными глухими переулками на безопасный путь къ Бельведеру, и такимъ образомъ офицеры въ тотъ же вечеръ благополучно присоединились къ русскому отряду, а Коханскій съ Дипнеромъ, благодаря тому же Бернекеру, помѣстившись въ качествѣ больныхъ и подъ именемъ Поляковъ въ лазаретѣ Дома Благотворительности, откуда по прекращеніи уличныхъ безпорядковъ первый поступилъ въ Уздовскій госпиталь, къ больнымъ и раненымъ русскимъ солдатамъ, а второй въ числѣ пѣвальныхъ отправленъ былъ въ послѣдствіи въ Россію. Но Бернекеру не прошелъ-таки даромъ его великодушный поступокъ: въ началѣ января о немъ дознались какъ-то революціонеры, тотчасъ же объявившіе его памѣтникомъ, вслѣдствіе чего ему угрожалъ уже арестъ и судъ; но онъ, благодаря счастливому случаю, успѣлъ предупредить эти послѣдствія своевременнымъ бѣгствомъ изъ Варшавы и кое-какъ добрался до Бѣлостока, гдѣ баронъ Розень, командиръ шестаго (бывшаго Литовскаго) корпуса, принялъ въ немъ живое участіе и довелъ о его поступкѣ до свѣдѣнія государя. Бернекеру пожаловано было щедрое вознагражденіе.

#### IV.

1 (13) декабря, въ виду ежедневныхъ извѣстій о возрастаніи мятежа и его силъ, государь императоръ рѣшилъ сформировать особую армію, въ составѣ трехъ пѣхотныхъ и двухъ кавалерійскихъ корпусовъ, подъ начальствомъ графа Дибича, который еще такъ недавно покрывъ себя славой побѣ-

дителя Турокъ и удостоился титула графа Забалканскаго. Сверхъ означенныхъ войскъ, къ этой же арміи долженъ былъ присоединиться еще и гвардейскій корпусъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ естественныя Польшѣ сѣверо- и юго-западные губерніи съ Бѣлостокскою областію объявлены на военномъ положеніи и подчинены также главному начальству Дибича. Войска, предназначенныя въ дѣйствующую армію, должны были къ 15 января собраться на польской границѣ, между Брестомъ и Гродно, причемъ отрядъ цесаревича Константина присоединенъ къ бму лѣхотному, бывшему Литовскому корпусу.

Межь тѣмъ, въ ожиданіи движенія въ Польшу, нашъ полкъ готовился къ боевой дѣятельности. 12 января мы отделили отъ себя резервный эскадронъ, который ушелъ на стоянку въ мѣстечко Тимковичи, Минской губерніи. Полковымъ командирамъ для предстоящаго похода велѣно было озаботиться чтобы люди имѣли шерстяные носки, теплыя перчатки, широкіе и просторныя салюги, и чтобы стремяна обертывали до половины сукномъ; на руки каждому всаднику выданъ былъ въ саквы шестидневный запасъ овса и трехдневная порція сухарей, а также по комплекту боевыхъ патроновъ; нижнимъ чинамъ предложено щипать корлію изъ начистовымытыхъ тряпокъ стараго бѣлья и доставлять ее въ штабъ, къ лѣкарю Држевицкому; а наканунѣ выступленія запасъ этой корліи вмѣстѣ съ бивтами былъ розданъ въ эскадроны. Вмѣстѣ съ тѣмъ, на все время похода и военныхъ дѣйствій, къ полку уже заблаговременно пристроился брестскій Еврей Файвель Іоселѣвичъ Литванъ въ качествѣ непрѣзнаго маркитанта.

*Стоянка Свислочи*, гдѣ полкъ прожилъ около мѣсяца, была не дурна. Мелкая шляхта, преимущественно населяющая это мѣстечко, втайнѣ хотя и сочувствовала возстанію, но людей кормила исправно и, въ виду военного положенія, никакихъ „легалльных“ крючковъ или каверзъ дѣлать не осмѣливалась\*. Графъ Дибичъ, готовясь перейти границу, дважды подтверждалъ своимъ войскамъ что вступивъ въ предѣлы Царства Польскаго, они прежде всего должны стараться не подавать мирнымъ жителямъ ни малѣйшихъ причинъ къ недовольствію и не требовать ничего посредствомъ реквизицій, а покушать припасы и все что понадобится только на налич-

\* Изъ разказовъ В. Д. Лобанова.

ныя деньги; въ противномъ же случаѣ, какъ виновные, такъ и ихъ непосредственные начальники, до полковаго командира включительно, должны были подвергнуться всей строгости военно-полевыхъ законовъ. Межъ тѣмъ, продолжительное бездѣйствіе начинало уже сильно тяготить и людей, и начальниковъ, тѣмъ болѣе что изъ-за Буга ежедневно приходили вѣсти объ успѣхахъ возстанія, объ увеличеніи притязательности Поляковъ, о ихъ кичливыхъ угрозахъ и намѣреніяхъ противъ Русскаго государства. Все это заставляло желать какъ можно скорѣе похода и открытія военныхъ дѣйствій; желаніе это выражалось особенно сильно и нетерпѣливо въ нашемъ отрядѣ, который былъ свидѣтелемъ событій вочи Св. Сантурина, и скрѣпя сердце, вынесъ тяжкое отступленіе въ Россію. Этому отряду въ особенности хотѣлось перевѣдаться и посчитаться съ врагомъ въ чистомъ полѣ. И вотъ, наконецъ, офицеры и люди нашего полка съ радостью прочли полковой приказъ отъ 20 января, гдѣ говорилось что „завтрашняго числа полкъ выстулетъ въ походъ, и потому вскадроны имѣютъ собраться въ полковой штабъ, въ мѣстечко Свислочь, къ 10ти часамъ утра непремѣнно и имѣть во фронтѣ самовѣрнѣйшій разчетъ съ права по три, изъ середины по четыре и вообще всѣхъ ломокъ фронта. Въмѣстѣ съ этимъ секретно объявлялся и трехдневный маршрутъ отъ Свислочи чрезъ Яловку и Гродекъ до Бѣлостока. Итакъ, 21го января уланскій полкъ покинулъ свою стоянку. Числительная сила его при этомъ была: генералъ 1, штабъ-офицеровъ 3, оберъ-офицеровъ 33, унтеръ-офицеровъ 56, трубачей 32, рядовыхъ 604, строевыхъ лошадей 616.

Со всѣхъ сторонъ стягивались колонны русскихъ войскъ, зимнія дороги были покрыты ими: кавалерія, пѣхота, артиллерія съ сѣвера и съ юга тянулись темными лентами по снѣжнымъ полямъ. Несмотря на сильные морозы, войска шли бодро на встрѣчу битвамъ. Изъ прежнихъ своихъ войнъ съ Польшею они не вынесли блистательнаго мнѣнія о непріятелѣ и, приводя въ примѣръ Французовъ, какъ достойныхъ противниковъ, солдаты говорили что „Поляки пойдутъ намъ только на закуску“\*.

А въ это время вся Варшава беззаботно предавалась наслажденіямъ минуты. Обычныя увеселенія продолжались

\* Ф. Смитъ, ч. I стр. 307.



какъ и въ мирное время: кофейные дома и театры посещались болѣе чѣмъ когда-либо. На сценѣ малѣйшій намекъ на современныя событія принимался съ шумомъ и одобрительными криками; махали знаменами, на которыхъ пестрѣли гербы отпавшихъ провинцій; устраивали аллегорическіе транспаранты и картины; патриотическія пѣсни пѣлись актерами и повторялись хоромъ изъ ложъ и партера. Одушевление обыкновенно доходило до такой степени что зрители, видя себя, со всѣхъ сторонъ брали приступомъ сцену и сами принимались исполнять національные танцы вмѣстѣ съ актрисами и танцовщицами; тутъ можно было видѣть студентовъ и офицеровъ, клубистовъ и депутатовъ, даже сенаторовъ, смѣшавшихся съ актерами и кружащихся безъ разбора. Два мѣсяца незамѣтно пролетѣло съ начала возстанія, партія умѣренныхъ была теперь уже окончательно побѣждена, Хлолицкій удаленъ отъ диктаторства, отстраненіе Императорской династіи отъ польскаго престола было высказано на сеймѣ; революціонеры крайняго оттѣнка взяли перевѣсъ вездѣ и во всемъ; камеры продолжали спорить съ клубами о различныхъ предметахъ: то о цвѣтѣ кокарды, то о теоріяхъ различныхъ формъ правленія,—какъ вдругъ, среди этихъ веселостей, танцевъ, революціонныхъ рѣшеній и споровъ, подобно громовому удару, пронеслась вѣсть что „Русскіе перешли границы Царства“.

Уланъ цесаревича, въ числѣ резервовъ слѣдовавшихъ за бѣгъ корпусомъ, совершилъ свой переходъ черезъ рубежъ 26 января, у Суража, и, подъ главнымъ начальствомъ своего августѣйшаго шефа, въ прежнемъ составѣ гвардейскаго Варшавскаго отряда, слѣдовали далѣе, по направленію къ Острову. Въ это время великій князь приказалъ ежедневно назначать въ конвой къ своей особѣ одинъ взводъ съ офицерами, по очереди отъ полковъ Гродненскаго гусарскаго и нашего.

Столь ранній переходъ границы былъ для Поляковъ совершенною неожиданностью. Стратегики ихъ генеральнаго штаба, Хршановскій и Продзинскій, основывали всѣ свои планы на предположеніи что русская армія никакъ не начнетъ наступленія прежде весны, и тогда вскрывшіяся рѣки облегчатъ Полякамъ оборону. А тутъ вдругъ массы русскихъ войскъ идутъ среди зимы, сокращая свои переходы по замерзшимъ и потому удобопроходимымъ рѣкамъ и болотамъ,—и планы польскихъ стратегиковъ руются сами собою. Въ

виду этого неожиданнаго наступленія, на военномъ совѣтѣ польскихъ генераловъ было рѣшено немедленно отступить къ Варшавѣ, и здѣсь, подъ стѣнами своей столицы, принять рѣшительное сраженіе въ заранѣ избранной позиціи при Гроховѣ. Силы польской арміи въ моментъ возстанія простирались до 35.000 человекъ. Въ первые же дни революціи былъ объявленъ призывъ ста тысячъ подвижнаго ополченія, долженствовавшихъ образовать сто баталіоновъ и столько же эскадроновъ. Всѣ уволенные отъ службы солдаты вызваны были въ депо своихъ полковъ и, при своемъ восьмилѣтнемъ срокѣ службы, составили сильный резервъ старослуживыхъ людей, изъ коихъ сформировались 3й и 4й баталіоны, равно какъ 5й и 6й эскадроны для всѣхъ наличныхъ полковъ, чрезъ что количество регулярныхъ войскъ почти удвоилось. Сборъ старослуживыхъ шелъ весьма быстро, и ранѣе трехъ недѣль они уже стали въ ряды, вооружась ружьями найденными въ арсеналѣ. Въ то же время былъ предписанъ особый новый наборъ по одному конному солдату съ каждыяъ пятидесяти дымовъ, что давало еще 10.000 кавалеріи. Духъ польскихъ войскъ отличался восторженностью въ высшей степени; въ средѣ ихъ постоянно царилъ увѣренность въ побѣдѣ, но дисциплина была въ полномъ упадкѣ. Молодые прапорщики и подпоручики — главные виновники революціи — хотѣли и управлять ею, и дѣйствительно управляли всѣмъ по своему произволу. Всякій старшій офицеръ предлагавшій какую-нибудь болѣе благоразумную мѣру становился для нихъ уже подозрительнымъ, и даже старшіе генералы, за весьма немногими исключеніями, должны были считать себя счастливыми если ихъ прямо не называли изменниками. Почти каждый изъ нихъ былъ окруженъ молодыми людьми изъ студентовъ, которые взяли на себя обязанность наблюдать за всѣми дѣйствіями военачальниковъ и поражать ихъ кинжалами въ случаѣ измены. Желѣзная рука диктатора въ которое время поддерживала еще порядокъ, но съ удаленіемъ его, общій хаосъ увеличивался все болѣе и болѣе.

Баронъ Розевъ съ бѣгъ корпусомъ двигался чрезъ Суражъ и Понтовъ на Высокомазовецкъ и Чижово; за нимъ слѣдовала главная квартира и резервы подъ начальствомъ цесаревича. Болѣе ста тысячъ русскихъ войскъ съ 320 орудіями двигались впередъ по землѣ Царства Польскаго. Переидя рубежъ всѣ ожидали тотчасъ же наткнуться на непріятеля и встрѣ-

тять серьезное сопротивление; но къ общему удивленію, границы оказались совершенно открытыми и беззащитными. Поселяне повсюду встрѣчали насъ хотя и съ боязливымъ опасеніемъ, но довольно дружелюбно. Народъ изъ селъ и деревень выходилъ къ намъ на встрѣчу съ хлѣбомъ-солью и съ бѣлыми знаменами; даже духовенство во многихъ мѣстахъ встрѣчало русскія войска съ хоругвями и крестами. Обыватели, у которыхъ отбиралось только оружіе, безъ всякаго принужденія оставляли свои бѣлыя революціонныя кокарды, и русскій гербъ повсюду снова былъ восстанавливаемъ. Въ виду этой покорности жителей, революціонное правительство обнародовало декретъ, въ которомъ всѣ дѣйствія противныя интересамъ возстанія объявлялись государственною измѣной и за нихъ назначалась смертная казнь, а въ заключеніе высказано было что единственная цѣль войны, равно какъ и необходимое условіе мира, есть „возстановленіе всего прежняго Королевства Польскаго“. Этими словами обнаружилась для Русскихъ дѣйствительная причина и цѣль возстанія.\* Но объявляя Полякамъ смертную казнь за всякое покушеніе на измѣну, революціонеры въ то же время старались всѣми силами возбудить мятежъ и измѣну между русскими войсками. Они разсѣвали на пути нашего слѣдованія свои прокламаціи, которыя однако не производили желаемаго дѣйствія, и выдумали наконецъ выставлять въ виду нашихъ аванпостовъ бѣлыя знамена съ русскою и польскою надписью: „за свободу вашу и нашу“. Но и это средство не достигло цѣли. Солдаты наши вначалѣ удивлялись что знамена, которыя въ прежнихъ войнахъ они привыкли пріобрѣтать у непріятеля только цѣною крови и большихъ потерь, теперь такъ легко чужь достаются, а на надписи не обращали ни малѣйшаго вниманія. Въ послѣдствіи имъ даже не велѣли и трудиться забирать эти „трофеи“, а Полякамъ было объявлено что русскими форпостамъ приказано стрѣлять по воздвигателямъ мятежныхъ знаковъ.\*\*

Мы дошли уже до Острова, когда фельдмаршалъ рѣшилъ перевести армию на лѣвый берегъ Буга, гдѣ мѣстность представляла болѣе удобствъ для военныхъ дѣйствій, съ тѣмъ чтобы тотчасъ же по совершеніи этого флааговаго движенія

\* Ф Смитъ, ч. I, стр. 335.

\*\* Ibid, стр. 336 и разказы М. К. Максимовича и В. Д. Лобанова.

валъво, ударить всеми силами на правое крыло непріятеля. Причиною такого рѣшенія была оттепель, которая началась еще въ день выступленія изъ Бѣлостока, и съ тѣхъ поръ съ каждыи сутками все усиливалась, такъ что къ 27 января весь снѣгъ растаялъ, рѣки вскрылись, поля и дороги были залиты водою. Планъ фельдмаршала былъ сдѣланъ въ расчетѣ именно на зиму и потому удобоисполнимъ только въ зимнее время. Счастіе повидимому начинало улыбаться расчетамъ польскихъ стратегиковъ. Пришлось намъ поворачивать назадъ и идти форсированными маршами, дѣлая чуть не сорокапятиверстные переходы по сквернѣйшимъ дорогамъ, что чрезвычайно изнуряло людей, и если ужъ лѣхотинцы, высоко подобравъ свои шинели, шли почти все время по колѣно въ какой-то грязной кашницѣ, либо въ водѣ, то каково было несчастнымъ лошадямъ въ кавалеріи! Обозъ еле-еле тащился. Въ особенности утомительны были переходы 29 и 30 января, да и въ послѣдующіе дни не лучше. 31го числа нашъ полкъ перешелъ обратно черезъ Бугъ у мѣстечка Брока. Ледъ уже былъ очень тонокъ, а у береговъ совершенно покрытъ водою. Переходъ совершился безпрепятственно, потому что Поляки не ожидали насъ на семъ пунктѣ. Послѣ переправы, указы цесаревича вмѣстѣ съ резервомъ слѣдовали къ Вегрову. Не имѣя никакихъ извѣстій о непріятелѣ и ожидая встрѣтить его на семъ берегу Буга, войска соблюдали величайшую осторожность какъ при переправѣ, такъ и въ дальнѣйшемъ слѣдованіи. Все пространство между Бугомъ и Вегровымъ имѣло видъ трясины, которая колебалась и проваливалась подъ ногами. Обремененные походнымъ вьюкомъ, люди наши съ величайшимъ трудомъ пробирались по непроходимой грязи, артиллерія же съ неимоверными усиліями подвигалась шагъ за шагомъ. Войска не только заслужили отдыхъ, но и имѣли въ немъ настоятельнѣйшую нужду, тѣмъ болѣе что подобное начало кампаніи мрачно вліяло на настроеніе духа. 2го февраля, около полудня, войска цесаревича прибыли въ городъ Седльце, и нашъ полкъ расположился на дорогѣ ведущей въ Калушину.

Отдохнувъ здѣсь двое съ половиною сутокъ, полкъ нашъ въ составѣ резервовъ, двинулся 5го февраля по Брестской дорогѣ къ Калушину и потомъ черезъ Мицкъ къ Грохову. Въ это время общая обстановка приняла уже совершенно воинственный характеръ: и днемъ и ночью до насъ доноси-

лись издали раскаты пушечных выстрѣловъ. Варшава была уже не далеко и, казалось, все предвѣщало близкое рѣшеніе вопроса. 5е февраля было назначено днемъ общаго наступленія, такъ какъ обозы успѣли уже соединиться съ арміей и войска были обезпечены десятидневнымъ продовольствіемъ.

Поляки, безпрестанно имѣя жаркія схватки и дѣла съ нашими авангардами, отступали къ Варшавѣ, и 6го (18го) февраля, послѣ ночнаго перехода, вся польская армія къ семи часамъ утра соединилась у Грохова.

8го февраля русскія силы уже занимали позицію, въ разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ Поляковъ, большимъ полукружіемъ отъ корчмы Вавръ до селенія Кавенчина, на опушкѣ лѣса, гдѣ мѣстность понижается къ сторонѣ открытаго поля. Правый флангъ расположился на высотахъ у Кавенчина, лѣвый предъ Выгодой, центръ противъ Ольховой роши, которая представляла собою ключъ всей позиціи противника. Нашъ полкъ, въ составѣ гвардейскаго отряда, вмѣстѣ съ 3ю кирасирскою дивизіей оставался на позиціи у Милосны, гдѣ была и главная квартира.

Генеральное сраженіе предполагалось дать на 14е февраля, но случайно оно произошло днемъ раньше. На разсвѣтѣ 13го числа фельдмаршалъ отправился изъ Милосны къ Вавру. Увѣренный что этотъ день ознаменуется какими-нибудь важными событіями, онъ объѣхалъ верхомъ ряды войскъ, встрѣчавшихъ его радостными криками, и приказалъ повсюду служить молебнъ чтобы люди достойно могли приготовиться къ столь важной и рѣшительной минутѣ. Дивизіи построились въ большія каре и въ торжественной тишинѣ внимали священнымъ нагѣвамъ. Едва успѣло начаться богослуженіе какъ стали вдругъ слышаться отдаленныя пушечныя выстрѣлы, следовавшіе безостановочно одинъ за другимъ. „Непріятель атакуетъ князя Шаховскаго“, какъ молвія промелькнуло въ ряды. О князѣ, который шелъ со своимъ гренадерскимъ корпусомъ чрезъ Августовское воеводство, на соединеніе съ главною арміей, уже нѣсколько дней не было никакихъ извѣстій. Теперь же, услышавъ громъ этихъ выстрѣловъ, фельдмаршалъ былъ видимо озабоченъ и созвалъ къ себѣ генераловъ чтобы дать имъ новыя инструкціи. Для спасенія Шаховскаго не оставалось ничего какъ только тотчасъ же дать сраженіе. Вслѣдствіе такого рѣшенія тутъ же на

мѣстѣ были отданы надлежащія приказанія; по вѣстѣмъ на-  
правленіямъ послѣдовали адъютанты и ординарцы, войска стали  
въ ружье и заняли мѣста назначенныя имъ для боя, затѣмъ  
взвился первый клубъ бѣлаго дыма, грянуло орудіе, другое,  
третье—непріятель отвѣтилъ тѣмъ же—завязалась канонада,  
и началась великая битва....

Поляки никакъ не ожидали въ этотъ день сраженія. Всѣ вы-  
годы заранѣе избранной позиціи были на ихъ сторонѣ. Не толь-  
ко Варшава и Польша, но и вся Европа устремляла на нихъ  
свои сочувственные взоры и ожидала въ какой мѣрѣ они вы-  
полнятъ свои обѣщанія побѣдить или умереть на мѣстѣ. И  
дѣйствительно, для нихъ эта битва составляла вопросъ „быть  
или не быть“, для Русскихъ же она была дѣломъ чести и  
крайней необходимости подавить возмущеніе, которое грози-  
ло неисчислимыми послѣдствіями. Обѣ стороны твердо рѣ-  
шились не уступать; поэтому все обѣщало что сраженіе бу-  
детъ однимъ изъ самыхъ отчаянныхъ. Брестъ-Литовское шос-  
се представляло собой главную операціонную линію Русскихъ,  
которые имѣли на немъ большія массы войскъ, лишенныя  
возможности пролунуться впередъ, пока Ольховая роща, ле-  
жащая на флангѣ шоссе, находилась въ рукахъ Поляковъ.  
Поэтому роща сдѣлалась первымъ предметомъ дѣйствій и на  
нее направилась всѣ усилія бго корпуса. Резервамъ прика-  
зано было слѣзнуть изъ Милосны къ арміи и расположиться  
позади барона Розена, къ которому отправилась и самъ фельд-  
маршалъ.

Въ десятомъ часу канонада по всей линіи становилась все  
сильнѣй и оживленнѣе. Высоко подкимавшіяся облака дыма  
носились въ воздухѣ, и всевозможные снаряды съ шипѣньемъ  
разрѣзали его во всѣхъ направленіяхъ, когда наши уланъ  
полныхъ рысяхъ прибыли къ мѣсту боя. Мы видѣли ка-  
подъ градомъ ядеръ и картечи, колонны бго Корпуса хрѣ-  
шли въ атаку на Ольховую рощу. Зная что на нихъ, сост-  
авшихъ на половину изъ Русскихъ, на половину изъ Лит-  
вовъ и вообще уроженцевъ западнаго края, не вполнѣ по-  
гаются высшее начальство, они хотѣли именно въ эту ми-  
ту выказать себя достойными полного довѣрія, какъ великіе  
русскихъ соратниковъ своихъ, такъ и фельдмаршала.

Говоря по правдѣ, нашъ полкъ въ то время, по сво-  
емъ составу, находился, относительно русскихъ  
служивцевъ, точно въ такомъ же положеніи и точно та-

стремился доказать на дѣлѣ что онъ достоинъ имени и любви своего августѣйшаго шефа.

Вѣтвь отъ холма, на которомъ находился со свитою Дибичъ, у выхода изъ большого лѣса, расположилась 3я кирасирская дивизія съ двумя уланскими полками: нашимъ и Украинскимъ; еще даѣе вѣтвь, у Окунѣвской дороги, сталъ гвардейскій отрядъ цесаревича. Проходя мимо холма, мы ясно видѣли своеобразную фигуру фельдмаршала на лошади. Черты его были холодны, серьезны и спокойны,—ничто не изсблщало что происходитъ въ душѣ его.

Время близилось уже къ полудню. Ольховая роща переходила изъ рукъ въ руки. Тамъ уже лежали груды раненыхъ и убитыхъ, и надъ ними кипѣлъ жаркій стрѣлковый и рукопашный бой, то угасая на время отъ обоюднаго изнуренія силъ, то опять возгораясь съ новымъ ожесточеніемъ. Наконецъ Поляки напрягли самыя отчаянныя усилія. Самъ Хлопицкій, безъ сабли, съ короткою трубкой въ зубахъ, лѣшкомъ ведетъ въ рощу новые баталіоны; утомленные наши солдаты еще разъ уступаютъ этому натиску и теряютъ рощу. Поляки начинаютъ уже массами выходить изъ олушки и выстраиваются впереди. Ихъ одушевленіе, храбрость и натискъ кажутся непреоборимыми.

Замѣтя внезапную перемѣну въ ходѣ сраженія, когда атакующіе сдѣлались вдругъ атакованными, фельдмаршалъ убѣдился что настала рѣшительная минута. Быстро сдѣлавъ надлежащія распоряженія, далъ онъ шпоры колю и ломчался въ самый развалъ битвы.

— Куда вы, ребята? Вѣдь непріятель тамъ! Впередъ, впередъ! Кричалъ онъ отступающимъ баталіонамъ и, ставъ во главѣ ихъ, лично повелъ атаку. Примѣръ и самоотверженіе главнаго вождя подбѣстивали: изумленные, обрадованные и бодренныя присутствіемъ главнокомандующаго, войска, съ крикомъ „ура“, опять идутъ на непріятеля. Съ барабаннымъ ревомъ, со скаченными впередъ штыками, безъ выстрѣла врываются они въ рощу и, не замѣчая жесточайшаго огня, по группамъ тѣмъ выбиваютъ изъ нея противника. Какъ градъ сыпался на нихъ пули, не умолкая свистала картечь и вся земля была взрыта граватами. Ни одного неповрежденнаго дѣльца не осталось въ рощѣ. Болѣе восьми тысячъ убитыхъ раненыхъ лежавшихъ въ тѣсномъ пространствѣ, показывали ожесточеніе съ которымъ дрались обѣ стороны. Вели-

кій князь, съ возвышенія у лѣса, въ грустномъ безмоаніи глядѣлъ на эту отчаянную борьбу.

Уже былъ третій часъ въ началѣ, когда успѣхъ бол, съ симъ послѣднимъ залатіемъ роцци, сталъ казаться на нашу сторону.

Первый періодъ сраженія кончился: прологъ къ побѣдѣ былъ исполненъ, оставалось разыграть второй актъ кровавой драмы, къ которому графъ Толь устремился со всею своею энергіей, не развлекаясь никакими побочными обстоятельствами. Теперь должно было начаться общее наступленіе всей русской линіи.

Конныя батареи съ кавалеріей должны были двигаться впереди, съ тѣмъ чтобы первая разгромила, а вторая разсыпала отступающаго непріятеля; позади, для довершенія побѣды штурмомъ Пражскихъ укрѣпленій, слѣдовала лѣхота. Главное условіе успѣха заключалось теперь въ одновременности движенія различныхъ частей составлявшихъ первую линію. Кирасиры 3й дивизіи вмѣстѣ съ нашимъ полкомъ должны были наступать нѣсколько правѣе Ольховой роцци.

Поляки, устроенные вновь своими генералами, отступили въ довольно изрядномъ порядкѣ и, пользуясь всѣми мѣстными преградами, домами, околами и рвами, заняли вторую позицію позади Грохова.

Графъ Толь съ нетерпѣніемъ ожидалъ минуты когда можно будетъ устремить всю массу кавалеріи на непріятельскую лѣхоту и, пользуясь ея замѣшательствомъ, нанести роковую окончателное пораженіе. Планъ задуманъ былъ хорошо и смѣло, но пересѣченная мѣстность препятствовала ея счастливому выполненію. Гроховскія поля всегда отличались толкостію, и потому, въ видахъ осушенія, были изрыты частыми рвами и глубокими канавами, изъ которыхъ воды достигали въ ширину до трехъ сажень и болѣе. Эта препятствія затрудняли движеніе и причиняли значительную потерю времени. Для того чтобы провести кирасиръ чрезъ канаву, саперы должны были предварительно настлать мостики чрезъ который наша кавалерія переходила въ глубокихъ канавкахъ справа по три и принуждена была развертываться по ту сторону дефиле подъ огнемъ непріятеля. По мѣрѣ прибытія полковъ, графъ Толь выстраивалъ ихъ въ боевой порядокъ. Впереди стали 24 орудія конной артиллеріи, подъ начальствомъ генерала Герштейнцвейга. Въ ста шагахъ



лѣвѣ—нашъ полкъ, а правѣ—зеленые кирасиры принца Альберта Прусскаго; оба полка въ дивизионныхъ колоннахъ. Во второй линіи, за нашимъ полкомъ, расположился Стародубовскій кирасирскій; за зелеными кирасирами—Новгородскій кирасирскій и, наконецъ, за симъ послѣднимъ, въ третьей линіи, сталъ кирасирскій Военнаго Ордена полкъ. Непріятельскія батареи громили нашъ фронтъ гранатами и ядрами. Въ 4мъ эскадронѣ рядовому Павтелеймонову снесло ядромъ голову: но туловище его осталось неподвижно и продолжало прямо сидѣть на лошади. Видъ этого „всадника безъ головы“ наводилъ на людей лавическій ужасъ. Замѣтивъ такое впечатлѣніе, полковникъ Матѣевъ подѣхалъ къ нему и, чтобы свалить трунь, перерубилъ саблею путаище. \* Рядовому 1го взвода того же эскадрона, Крупскому, срѣзало ядромъ верхъ шалки, не причинивъ ему ни малѣйшей контузіи; туля и чешуи остались на головѣ. \*\* Въ это же время былъ сильно контуженъ въ затылокъ корнетъ Добровольскій, командовавшій въ 4мъ эскадронѣ 2мъ взводомъ. Мѣсто его заступилъ корнетъ Лагода. Потерлѣло и еще нѣсколько человекъ. Генералъ Герштенцвейгъ, видя что уламы несутъ напрасныя потери отъ артиллерійскаго огня, подскакалъ къ генералу Маркову и посоветовалъ ему подать полкъ на нѣкоторое разстояніе назадъ, и когда это было сдѣлано, то снаряды противника стали бить нашихъ лошадей, людямъ же не причиняли болѣе вреда.

Кирасирамъ принца Альберта и нашему полку велѣно было произвести главную атаку. Предъ началомъ ея, графъ Толь озвалъ къ себѣ всѣхъ бригадныхъ и полковыхъ командировъ и указалъ пункты куда каждый изъ нихъ долженъ былъ направиться. Планъ состоялъ въ томъ чтобъ обскакавъ вѣщу ударить на лѣвый флангъ противника и отбросить его въ Гославскія болота, прикрывавшія правое крыло Поляковъ. Вторая линія должна была дѣятельно поддерживать первую. Графъ Толь заявилъ что общій сигналъ къ атакѣ будетъ

\* Разказъ В. Д. Лобамова.

\*\* Его же. Замѣчательно что подобный же случай, и тоже безъ малѣйшей контузіи, имѣлъ мѣсто въ 3мъ эскадронѣ Ямбургскаго уланскаго полка, при штурмѣ Варшавы, когда рядовому Семю Ереву, въ присутствіи гр. Паскевича, пробило ядромъ верхъ шалки тави въ лѣй спереди и свали праваяно-круглую дыру. (Истор. Ямб. л. 4, стр. 468.)

лодамъ движеніемъ впередъ нашего полка, который онъ самъ поведетъ на противника. За симъ начальники частей возвратились къ своимъ полкамъ и бригадамъ.

Наступалъ самый рѣшительный и вмѣстѣ блестящій для Русскихъ моментъ этой битвы. По настоящему, время для атаки было уже потеряно, благодаря канавамъ затрунчавшимъ слѣдованіе кавалеріи. Важно было ударить на отступавшихъ Поляковъ когда они еще находились въ движеніи ко второй своей позиціи, а не тогда когда уже они ее заняли. Тѣмъ не менѣе, надо было чѣмъ-нибудь рѣшительнымъ кончить день кровопролитнѣйшаго боя. Графъ Толъ считывалъ на предварительную подготовку атаки огнемъ нашей конной артиллеріи; межъ тѣмъ баронъ Мейендорфъ, командиръ кирасирскаго принца Альберта полка, съ рѣшительною наружностію соединявшій героическое мужество, видя что польская батарея сильно поражаетъ его полкъ, обратился къ начальнику своей дивизіи за разрѣшеніемъ немедленно же захватить ее. Разрѣшеніе дано, и Мейендорфъ, ставъ впередъ полка, какъ буря несется съ нимъ въ атаку, и выждавъ условнаго сигнала.

Графъ Голь, хотя и недовольный этою послѣдностію, тѣмъ не менѣе приказываетъ Герштендвейгу съ его конными батареями тотчасъ двигаться впередъ рысью, а самъ тоже начинаетъ движеніе съ нашимъ полкомъ чтобы быть на одной высотѣ съ Мейендорфомъ. Подъ картечнымъ огнемъ наш полкъ перешелъ другую канаву, и тутъ 1й дивизионъ, подъ начальствомъ полковника Витте, успѣвшій по тонкому проламывавшемуся льду, перейти еще одинъ новый ровъ, бросился въ карьеръ на три каре „Чвартаковъ“, расположенныхъ уступами на равнинѣ. Полковникъ Витте, врубивши въ непріятеля, поднять былъ штыками съ лошади, корнетъ Каппюлеръ убитъ на повалъ предъ самымъ каре, корнетъ графъ Девертонъ-де-Вернонь, подъ которымъ застрѣла лошадь, тутъ же смертельно былъ раненъ картечью въ лобъ; командиръ лейбъ-эскадрона ротмистръ баронъ Привицъ, раненый при семъ пулею въ лѣвую руку и сильнѣе контуженный картечью въ лѣвую ногу, первый бросился режь передній и задній фасы каре. Непріятель былъ смущенъ и разсѣянъ.

2му дивизиону, подъ начальствомъ полковника князя Волнецкаго, посчастливилось менѣе. Ему довелось вести атаку

нѣсколько лѣвѣе, на непріятельскую батарею, которая молча выжидала своего противника. 4й эскадронъ, въ ожиданіи разсыпной атаки, приближался къ ней крупною рысью, какъ вдругъ между нимъ и батареей легла незамѣченная ранѣе канава, болѣе двадцати футовъ въ ширину, затаившаяся ледяною корою. Уланъ разчитывали перейти ее, подобно 1му дивизиону, но слабый ледъ не выдержалъ напора столькихъ копытъ и съ трескомъ провалился подъ первую шеренгой. Произошла нѣкоторая остановка и замѣшательство. Въ этотъ мигъ, выжидавшая батарея гранула въ эскадронъ залпомъ картечи. Много людей и лошадей было ранено и перебито. Утеръ-офицеру Курѣеву, который ѣздилъ въ замкѣ 12мъ номеромъ, оторвало голову. Ротмистръ баронъ Розенъ, выведя людей изъ предательской канавы, пытался было перейти ее снова, но князь Воропецкій, предвидя что попытка эта *не дано* случаетъ останется тщетною, повернулъ дивизионъ направо и, подъ огнемъ непріятельскихъ стрѣлковъ, скрытыхъ на другой сторонѣ, повелъ его отыскивать болѣе удобный путь для наступленія. \*

Графъ Толь, недовольный тѣмъ что остальные кирасирскіе полки не поддержали отчаянную атаку Мейендорфа, приказалъ имъ немедленно продолжать движеніе, а самъ, собравъ нашъ полкъ, повелъ его рысью впередъ къ Пражскимъ укрѣпленіямъ. Но было уже поздно. На правомъ флангѣ непріятеля замѣтили мы какое-то необыкновенное движеніе и вслѣдъ за симъ показалась небольшая горсть зеленыхъ кирасиръ, за которою въ разбродъ слѣдовали еще нѣсколько кучекъ: это былъ Мейендорфъ съ остатками своего храбраго полка пробившійся назадъ чрезъ всѣ непріятельскія линіи. Впечатаніе его атаки на обѣ стороны было такъ велико что артиллерійскій огонь на нѣкоторое время совершенно прекратился и взоры всѣхъ, какъ Поляковъ такъ и Русскихъ, единодушно устремились на отражныхъ всадниковъ. Когда они вернулись, уничтоженные болѣе чѣмъ на половину, все стѣснилось кругомъ ихъ; графъ Толь обнялъ Мейендорфа и благодарилъ его; со всѣхъ сторонъ раздавались похвалы ему и его храбрымъ сподвижникамъ. \*\*

Вся линія русскихъ войскъ была уже въ полномъ наступле-

\* Разказы барона А. Ф. Розена и Добанева.

\*\* Ф. Смитъ ч. I, стр. 423.

ни; корлуса первый и шестой пѣхотные проходили черезъ Гроховъ. Впереди конная батарея, подъ прикрытiемъ кавалерiи, слѣдовала за неприятелемъ на разстоянiи ближняго выстрѣла и громила сосредоточеннымъ огнемъ его ряды толпившіеся вокругъ Праги. Правое крыло Поляковъ было совершенно разстроено, центръ истощенъ и на половину уничтоженъ. Генералъ Марковъ во время этого наступленiя дозволилъ нѣсколькимъ удалыцамъ выѣхать на фланкировку. Графъ Толь, шедшій съ нашимъ полкомъ, подоидя къ самой Прагѣ, готовился овладѣть ея укрѣпленiями, какъ вдругъ прискакалъ ординарецъ и доложилъ ему что фельдмаршалъ немедленно требуетъ его къ себѣ. Сдавъ начальство графу Витту, Толь съ большимъ неудовольствiемъ и въ крайней досадѣ поѣхалъ къ Дибичу, котораго отыскалъ гдѣ-то около Кавенчина съ совершенно измѣнившимися военными намѣренiями. Фельдмаршалъ велѣлъ прекратить дальнѣйшее преслѣдованiе: его смущала мысль что ночной штурмъ поведетъ за собою тѣ же ужасающія сцены какими нѣкогда сопровождался штурмъ Суворовскiй. Онъ находилъ что уже поздно, темно, что польская армiя и безъ того уже на половину уничтожена и что на слѣдующее утро по всей вѣроятности будетъ предложена капитуляція. \* Такимъ образомъ удобная минута миновалась безвозвратно и заставила фельдмаршала въ послѣдствiи горько раскаиваться въ томъ что не послѣдовалъ благоразумному совѣту своего помощника.

Лейбъ-гвардiи уланскiй цесаревича поакъ въ этотъ день понесъ немалыя потери. Корнетъ Книполеръ, какъ уже сказано, убитъ; графъ Девертонъ-де-Вермонъ умеръ къ слѣдующему утру; \*\* ротмистръ Марковичъ, раненый картечью въ бедро съ раздробленiемъ кости, скончался черезъ недѣлю

\* Ibid. стр. 427.

\*\* Мать его графиня де-Вермонъ обратилась въ послѣдствiи въ поакъ съ просьбою чтобъ ей были присланы на память о славѣ его крестъ и что-нибудь изъ наиболѣе любимыхъ имъ вещей. Желанiе почтенной матери могло быть исполнено только на половину: къ кресту графъ де-Вермонъ не представляли, какъ умершаго чрезъ нѣсколько часъ послѣ сраженiя; вещи же его во время возмущенiя были разграблены въ Варшавѣ, а нашлись при немъ только свѣчка писемъ на русскомъ и французскомъ языкахъ, да коротенькая курительная трубка—это и было выслано графинѣ (Журн. вход. 6. 1881 года, отъ 12 декабря, № 447, и исх. бум., отъ 15 декабря 1881 года, ва № 459.

полковникъ Витте получилъ штыковыя раны въ лѣвый бокъ и въ голову; спасла его отъ смерти толстая солдатская португеза которою онъ опоясался, потерявъ свою незадолго до атаки; \* о ранѣ ротмистра барона Притвица уже сказано выше; поручикъ Мелисиво довольно опасно раненъ пулей въ лѣвую руку выше локтя; корнетъ баронъ Корфъ получилъ такую же рану, но съ раздробленіемъ кости, вслѣдствіе чего пришлось ему ампутировать руку около плеча корнетъ Крашевскій получилъ двѣ огнестрѣльныя раны въ лѣвую руку и въ грудь, послѣдняя въ особенности опасна. Ротмистръ Вейсъ второй, штабъ-ротмистръ Чуйшовъ, поручики: Сливцкій, Курсель и Кричипскій, корнеты: Добровольскій и Земецкій получили болѣе или менѣе опасныя контузіи преимущественно въ грудь и въ лѣвыя руки и ноги. Это доставалось имъ главнѣйшимъ образомъ во время фланговаго движенія втораго дивизиона вправо, мимо канавы, подъ картечью польской батареи и ружейнымъ огнемъ застрѣльчиковъ. Такимъ образомъ, не считая убитаго и двухъ скончавшихся отъ ранъ, пострадало у насъ 12 офицеровъ; нижнихъ же чиновъ вышло изъ фронта убитыми 18, ранеными 70, изъ коихъ 30 человекъ опасно. Получившихъ легкія контузіи и оставшихся во фронтѣ мы уже не считаемъ; конская же убыль полка за этотъ день простиралась до 124 головъ.

За Гроховскую битву, сверхъ наградъ офицерамъ, было пожаловано въ полкъ двадцать знаковъ отличія военнаго ордена, изъ коихъ двѣнадцать въ первый и восемь во второй дивизионы.

День Гроховскаго боя навсегда остается для полка чтимымъ и памятнымъ: съ того времени въ воспоминаніе славнаго участія нашихъ улавъ въ семь сраженіи положено: въ день 13го февраля быть полковому празднику Лейбъ-Гвардіи Улавскаго Его Высочества, а нынѣ Его Величества полка, причемъ во время литургіи поминаются имена нашихъ соотечественниковъ „на полѣ брани убиенныхъ и отъ ранъ скончавшихся“.

ВСЕВОЛОДЪ КРЕСТОВСКІЙ.

\* Рассказъ барона А. Ф. Розена.

---

# Т Ъ М А

(ИЗЪ БАЙРОНА)

---

Я видѣлъ сонъ, который не вполнѣ  
Былъ своимъ несбыточнымъ. — Затмилось солнце,  
Померкли въ небѣ звѣзды и блуждали,  
Утрата путь, по вѣчному пространству;  
Земля сковалась холодомъ и сѣло  
Носилась въ непроглядной тьмѣ беззвонной,  
И время шло, но свѣтъ не возвращался.  
Замолкли всѣ людскія страсти, ужасъ  
Объялъ людей, и всѣ сердца застыли  
Въ одной молбѣ — о возвращеньи свѣта.  
Костры повсюду запылали. Храмы,  
Дворцы царей и хижины убогихъ  
Шли на костры, — сжигались города.  
И люди вкругъ своихъ жилищъ горящихъ  
Толпились чтобъ при заревѣ пожара  
Послѣдній разъ взглянуть въ лицо другъ другу.  
Счастливы былъ тотъ кто жилъ въ странѣ вулкановъ,  
Кому во тьмѣ свѣтилъ ихъ грозный свѣточъ.  
Весь миръ объять былъ страшнымъ ожиданьемъ.  
Кругомъ дѣла пылали, вѣковыя  
Деревья ладали съ ужаснымъ трескомъ,

Но часъ отъ часа пламя ихъ ослабѣло  
И гасло вдругъ — и снова всюду тѣма.  
И люди точно привидѣнья были,  
Когда огонь, во мракѣ ярко вспыхнувъ,  
Порой ихъ озарялъ. Одни лежали,  
Припавъ къ землѣ съ рыданьями, другіе  
Съ безумною улыбкой прижимали  
Свой подбородокъ къ судорожно сжатымъ  
Худымъ рукамъ, а третьи торопливо  
Взадъ и впередъ метались, раздувая  
Костры, и въ безлокойномъ ожиданьи  
Глядѣли вверхъ на черный сводъ небесный,  
Объявшій саваномъ весь міръ, и снова  
Съ проклятьями бросались на земь, воя  
И скрежеща зубами. Птицы съ крикомъ  
Въ смятеніи летали надъ землею;  
Сотнась и звѣри, кроткіе отъ страха,  
И змѣи приползли и, извиваясь  
Среди людей, шипѣли лишь, не жаля,  
И люди ихъ на лицу убивали.  
Война, затихшая на время, снова  
Возникла; лица добывалась кровью,  
И каждый насыщался, сидя мрачно  
Вдали отъ всѣхъ. Любви ужъ не осталось,  
И вся земля одной прониклась думой —  
О смерти неизбежной. Лютый голодъ  
Терзалъ людей; скелеты чуть живые  
Глодали кости везарытыхъ труловъ  
Чтобъ голодъ утолить. Собаки даже  
Бросались на господъ своихъ; одна лишь  
Вѣрна осталась тѣлу господина  
И стерегла его, и отгоняла  
Звѣрей и птицъ, и голодомъ томимыхъ  
Людей, пока не падали они  
Въ изнеможеньи или на другіе  
Бросались трупы. Вѣрная собака,  
Сама забывъ о лицѣ, съ тихимъ воемъ  
Лизала руку мертвую, на ласку  
Не отвѣчавшую, пока издохла.  
Всѣ люди вымерли; остались двое  
Изъ жителей большой столицы, — оба

Врагами были прежде и случайно  
 Сошлись у потухающаго пепла  
 Святаго алтара, гдѣ много было  
 Набросано въ костеръ вещей священныхъ  
 Для цѣли святотатной. Подойдя  
 Къ потухшему костру, дрожа отъ стужи,  
 Они послѣдшаю раскопали пепелъ  
 Своими исхудалыми руками;  
 Ихъ слабое дыханье оживило  
 Огонь, подъ пепломъ тлѣвшій. Слабо вспыхнувъ,  
 Онъ озарилъ ихъ лица — и взглянули  
 Тогда враги въ лицо одинъ другому, —  
 Взглянули, вскрикнули и пали мертвы.  
 Хотя они другъ друга не узнали,  
 Но умерли отъ ужаса при видѣ  
 Своихъ злобѣщихъ лицъ, на коихъ голодъ  
 Оставилъ надпись — *срагъ*. Такъ всѣ погибли.  
 Міръ опустѣлъ. Могучій, населенный,  
 Онъ глыбой сталъ, лишеной всякой жизни,  
 Безъ зелени, цвѣтовъ, безъ человѣка  
 И безъ живыхъ существъ — смѣшенъемъ праха.  
 Озера, рѣки и моря затихли,  
 Все замерло въ ихъ глубинахъ. Недвижно  
 Лежали на поверхности, сгнивая,  
 Пустые корабли и распадались;  
 Обломки ихъ, улавши, замирали  
 На мѣстѣ: волны ихъ не уносили.  
 Приливы и отливы океановъ  
 Въ гробахъ лежали: мѣсяцъ, ихъ владыка,  
 Давно угаснулъ. Замерли и вѣтры  
 Въ недвижномъ воздухѣ; исчезли тучи —  
 Тьма не нуждалась въ помощи ихъ слабой.  
 Весь безпредѣльный міръ объятъ былъ тьмою.

П. КАДЕНОВЪ.



---

# АННА КАРЕНИНА \*

РОМАНЪ

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Каренины мужъ и жена продолжали жить въ одномъ домѣ, встрѣчались каждый день, но были совершенно чужды другъ другу. Алексѣй Александровичъ за правило поставилъ каждый день видѣть жену для того чтобы прислуга не имѣла права дѣлать предположенія, но избѣгалъ обѣдовъ дома. Вронскій никогда не бывалъ въ домѣ Алексѣя Александровича, но Анна видала его внѣ дома и мужъ зналъ это.

Положеніе было мучительно для всѣхъ троихъ, и ни одинъ изъ нихъ не въ силахъ былъ бы прожить и одного дня въ этомъ положеніи еслибы не ожидалъ что оно измѣнится, и что это только временное, горестное затрудненіе которое пройдетъ. Алексѣй Александровичъ ждалъ что страсть эта пройдетъ, какъ и все прохóдитъ; что всѣ про это забудутъ, и имя его останется неопозореннымъ. Анна, отъ которой зависѣло это положеніе и для которой оно было мучительнѣе всѣхъ, переносила его потому что она не только ждала, но

\* См. *Русск. Вѣстн.* №№ 1, 2, 3 и 4й 1875 года и № 1 1876 года.

твердо была увѣрена что все это очень скоро развяжется и уяснится. Она рѣшительно не знала что развяжетъ это положеніе, но твердо была увѣрена что это что-то придетъ теперь очень скоро. Вронскій, невольно подчиняясь ей, тоже ожидалъ чего-то независимаго отъ него, долженствовавшего разъяснить всѣ затрудненія.

Въ срединѣ зимы Вронскій провелъ очень скучную недѣлю. Онъ былъ приставленъ къ пріѣхавшему въ Петербургъ иностранному принцу и долженъ былъ показывать ему достопримѣчательности Петербурга. Вронскій самъ былъ представителемъ; кромѣ того, обладалъ искусствомъ держать себя достойно-почтительно, и имѣлъ привычку въ обращеніи съ такими лицами; потому онъ и былъ приставленъ къ принцу. Но обязанность его показалась ему очень тяжела. Принцъ желалъ ничего не упустить такого про что дома у него спросятъ: видѣлъ ли онъ это въ Россіи; съ другой стороны, и преимущественно, онъ интересовался тѣмъ чтобы не упустить специально русскія удовольствія. Вронскій обязанъ былъ руководить его въ томъ и въ другомъ. По утрамъ они ѣздили осматривать достопримѣчательности; по вечерамъ участвовали въ національныхъ удовольствіяхъ. Принцъ пользовался необыкновеннымъ даже между принцами здоровьемъ; и, гимнастикой и хорошимъ уходомъ за своимъ тѣломъ, онъ довелъ себя до такой силы что несмотря на излишества которыми онъ предавался въ удовольствіяхъ, онъ былъ свѣжъ какъ большой зеленый гляцовитый голландскій огурецъ. Принцъ имѣлъ большое пристрастіе къ удовольствіямъ, въ особенности къ національнымъ. Онъ много путешествовалъ и находилъ что одна изъ главныхъ выгодъ теперешней легкости путей сообщеній состоитъ въ доступности національныхъ удовольствій. Онъ былъ въ Испаніи и тамъ давалъ серенады и сблизился съ Испанкой, игравшею на мандолинѣ. Въ Швейцаріи убилъ *гемза*. Въ Англіи скакалъ въ красномъ фракѣ черезъ заборы и на пари убилъ 200 фазановъ. Въ Турціи былъ въ гаремѣ, въ Индіи ѣздилъ на слонѣ и теперь въ Россіи желалъ вкусить всѣхъ специально русскихъ удовольствій.

Вронскому, бывшему при немъ какъ бы главнымъ церемоніймейстеромъ, большаго труда стоило распределять всѣ предлагаемыя принцу различными лицами русскія удоволь-

ствія. Были и рысаки, и блины, и медвѣжья охоты, и тройки, и Цыгане, и кутежи съ русскимъ битьемъ посуды. И принцъ съ чрезвычайною легкостью усвоилъ себя русскій духъ, близъ подносы съ посудой, сажалъ на козлы Цыганку и, казалось, спрашивалъ: что же еще, или только въ этомъ и состоитъ весь русскій духъ?

Въ сущности изъ всѣхъ русскихъ удовольствій болѣе всего нравились принцу французскія актрисы, балетная танцовщица и шампанское съ бѣлою печатью. Вронскій имѣлъ привычку къ прищамъ, но отъ того ли что онъ самъ въ послѣднее время очень перемѣнился, или отъ слишкомъ большой близости съ этимъ принцемъ, эта медвѣля показалась ему страшно тяжела. Онъ всю эту медвѣлю, не переставая, испытывалъ чувство подобное человеку который былъ бы приставленъ къ опасному сумашедшему, боялся бы сумашедшаго и вмѣстѣ, по близости къ нему, боялся бы и за свой умъ. Вронскій постоянно чувствовалъ необходимость ни на секунду не ослаблять тона строгой официальной почтительности чтобы не быть оскорбленнымъ. Манера обращенія принца съ тѣми самыми лицами которыя, къ удивленію Вронскаго, изъ кожи вонъ лѣзли чтобы доставлять ему русскія удовольствія, была презрительна. Его сужденія о русскихъ женщинахъ, которыхъ онъ желалъ изучать, не разъ заставляли Вронскаго краснѣть отъ негодованія. Главная же причина почему принцъ былъ особенно тяжелъ Вронскому, была та что онъ невольно видѣлъ въ немъ себя самого. И то что онъ видѣлъ въ этомъ зеркалѣ, не льстило его самолюбію. Это былъ очень глупый, и очень самоувѣренный, и очень здоровый, и очень честолюбивый человекъ и больше ничего. Онъ былъ джентльменъ — это была правда, и Вронскій не могъ отрицать этого. Онъ былъ ровень и неискателевъ съ высшими, былъ свободенъ и простъ въ обращеніи съ равными и былъ презрительно добродушенъ съ низшими. Вронскій самъ былъ таковымъ и считалъ это большимъ достоинствомъ; но въ отношеніи принца онъ былъ низшій, и это презрительно добродушное отношеніе къ нему возмущало его.

„Глупая говядина! неужели я такой?“ думалъ онъ.

Какъ бы то ни было, когда онъ простился съ нимъ на седьмой день предъ отъѣздомъ его въ Москву и получилъ благодарность, онъ былъ счастливъ что избавился отъ этого

неловкаго положенія и непріятнаго зеркала. Онъ простился съ нимъ на станціи, возвращаясь съ медвѣжьей охоты, гдѣ всю ночь у нихъ было представленіе русскаго молодечества.

Вернувшись домой, Вронскій нашелъ у себя записку отъ Анны. Она писала: „Я больна и несчастлива, я не могу выѣзжать, но и не могу долѣе не видать васъ. Пріѣзжайте вечеромъ. Въ семь часовъ Алексѣй Александровичъ ѣдетъ на совѣтъ и пробудетъ до десяти.“ Подумавъ съ минуту о странности того что она зоветъ его прямо къ себѣ, несмотря на требованіе мужа не принимать его, онъ рѣшилъ что поѣдетъ.

Вронскій былъ въ эту зиму произведенъ въ полковники, вышелъ изъ полка и жилъ одинъ. Позавтракавъ, онъ тотчасъ же легъ на диванъ, и въ пять минутъ воспоминанія безобразныхъ сценъ видѣнныхъ имъ въ послѣдніе дни перелутались и связались съ представленіемъ объ Аннѣ и мужикѣ-обкладчикѣ который игралъ важную роль на медвѣжьей охотѣ, и заснулъ. Онъ проснулся дрожа отъ страха. Было темно. Онъ вскочилъ, зажегъ свѣчу. — Что такое? Что? Что такое страшное я видѣлъ во снѣ? — Да, да. Мужикъ-обкладчикъ, кажется; маленькій, грязный, со взерошеною бородой, что-то дѣлалъ нагнувшись, и вдругъ заговорилъ по-французски какія-то страшныя слова. Да, больше ничего не было во снѣ, сказалъ онъ себѣ. Но отчего же это было такъ ужасно? Онъ живо вспоминалъ опять мужика и тѣ непонятныя французскія слова которыя произносилъ этотъ мужикъ, и ужасъ пробѣжалъ холодомъ по его спинѣ.

Что за вздоръ! подумалъ Вронскій и взглянулъ на часы.

Было уже половина девятаго. Онъ позвонилъ человѣка и послѣшнѣю одѣлся и вышелъ на крыльцо, совершенно забывъ про сонъ и мучась только тѣмъ что олоздалъ. Подъѣзжая къ крыльцу Карениныхъ, онъ взглянулъ на часы и увидалъ что было безъ десяти минутъ девять. Высокая, узенькая карета запряженная парой сѣрыхъ, стояла у подъѣзда. Онъ узналъ карету Анны. „Она ѣдетъ ко мнѣ, подумалъ Вронскій, и лучше бы было. Непріятно мнѣ входить въ этотъ домъ. Но все равно; я не могу прятаться,“ сказалъ онъ себѣ, и съ тѣми усвоенными имъ съ дѣтства приемами человѣка которому нечего стыдиться, Вронскій вышелъ изъ саеи и подошелъ къ двери. Дверь отворилась, и швейцаръ съ ла-

домъ на рукѣ подовзвалъ карету. Вронскій, не привыкшій замѣчать подробности, замѣтилъ однако теперь удивленное выраженіе съ которымъ швейцаръ взглянулъ на него. Въ самыхъ дверяхъ Вронскій почти столкнулся съ Алексѣемъ Александровичемъ. Рожокъ газа прямо освѣщалъ безкровное, осумувшееся лицо подъ черною шляпою и бѣлый галстукъ блестящій изъ-за бобра пальто. Неподвижные, тусклые глаза Каренина устремились на лицо Вронскаго. Вронскій поклонился, и Алексѣй Александровичъ пожевавъ ртомъ поднималъ руку къ шляпѣ и прошелъ. Вронскій видѣлъ какъ онъ не оглядываясь сѣлъ въ карету, принималъ въ окно пледъ и бинокль и скрылся. Вронскій вошелъ въ переднюю. Брови его были нахмурены и глаза блестяли злымъ и гордымъ блескомъ. „Вотъ положеніе!“ думалъ онъ. „Еслибъ онъ боролся, отстаивалъ свою честь, я бы могъ дѣйствовать, выразить свои чувства; но эта слабость, или подлость... Онъ ставитъ меня въ положеніе вора и обманщика, тогда какъ я не хотѣлъ и не хочу этимъ быть.“

Со времени своего объясненія съ Анной въ саду Вреде, мысли Вронскаго много измѣнились. Онъ невольно, покоряясь слабости Анны, которая отдавалась ему вся и ожидала только отъ него рѣшенія ея судьбы впередъ покоряясь всему, давно пересталъ думать чтобы связь эта могла кончиться какъ онъ думалъ тогда. Честолюбивые планы его опять отступили на задній планъ, и онъ, чувствуя что вышелъ изъ того круга дѣятельности въ которомъ все было опредѣлено, отдавался весь своему чувству, и чувство это все сильнѣе и сильнѣе привязывало его къ ней.

Еще въ передней онъ услышалъ ея удаляющіеся шаги. Онъ понялъ что она ждала его, прислушивалась и теперь вернулась въ гостиную.

— Нѣтъ! вскрикнула она, увидавъ его; и при первомъ звукѣ ея голоса слезы вступили ей въ глаза, — нѣтъ, если это такъ будетъ продолжаться, то это случится еще гораздо, гораздо прежде!

— Что, мой другъ?

— Что? Я жду, мучаюсь, часъ, два... Нѣтъ, я не буду... Я не могу ссориться съ тобой. Вѣрно ты не можешь. Нѣтъ, не буду.

Она положила обѣ руки на его плечи и долго смотрѣла на него глубокимъ, восторженнымъ и вмѣстѣ испытую-

щимъ взглядомъ. Она изучала его лицо за то время которое она не видала его. Она, какъ и при всякомъ свиданіи, сводила въ одно въ мысляхъ то воображаемое представленіе о немъ (несравненно лучшее, невозможное въ дѣйствительности) съ нимъ какимъ онъ былъ.

## II.

— Ты встрѣтилъ его? спросила она когда они сѣли у стола подъ лампой.—Вотъ тебѣ наказаніе за то что опоздалъ.

— Да, но какже? Онъ долженъ былъ быть въ совѣтѣ?

— Онъ былъ и вернулся, и опять поѣхалъ куда-то. Но это ничего. Не говори про это. Гдѣ ты былъ? Все съ принцемъ?

Она знала всѣ подробности его жизни. Онъ хотѣлъ сказать что не спалъ всю ночь и заснулъ, но глядя на ея взволнованное и счастливое лицо ему совѣстно стало. И онъ сказалъ что ему надо было ѣхать дая отчетъ объ отъѣздѣ принца.

— Но теперь кончилось? Онъ уѣхалъ?

— Слава Богу кончилось. Ты не повѣришь какъ мнѣ невыносимо было это.

— Отчего жъ? Вѣдь это всегдашняя жизнь васъ всѣхъ молодыхъ мужчинъ, сказала она, насуливъ брови и взявшись за вязанье которое лежало на столѣ стала, не глядя на Вронскаго, озабоченно выпрастывать изъ него крючокъ.

— Я уже давно оставилъ эту жизнь, сказалъ онъ, удивляясь перемѣнѣ выраженія ея лица и стараясь проникнуть его значеніе.—И признаюсь, сказалъ онъ, улыбкой выставляя свои плотные бѣлые зубы,—я въ эту недѣлю какъ въ зеркало смотрѣлся глядя на эту жизнь, и мнѣ непріятно было.

Она держала въ рукахъ вязанье, но не вязала, смотрѣла на него страннымъ, блестящимъ и недружелюбнымъ взглядомъ.

— Нынче утромъ Лиза заѣзжала ко мнѣ—онъ еще не боится ѣздить ко мнѣ, несмотря на графиню Лидію Ивановну,—вставила она,—и разказывала про вашъ Аѳинскій вечеръ. Какая гадость!

— Я только хотѣлъ сказать что...

Она перебила его:

— Эта Тегесе была которую ты зналъ прежде?

— Я хотѣлъ сказать...

— Какъ вы гадки мужчины! Какъ вы не можете себя пред-

оставить что женщина этого не может забыть, говорила она горячася все болѣе и болѣе и этимъ открывая ему причину своего раздраженія.—Особенно женщина которая не можетъ знать твоей жизни. Что я знаю? что я знала? говорила она,— то что ты скажешь мнѣ. А почему я знаю правду ли ты говорилъ мнѣ....

— Анна! Ты оскорбляешь меня. Развѣ ты не вѣришь мнѣ? Развѣ я не сказалъ тебѣ что у меня вѣтъ мысли которую бы я не открылъ тебѣ?

— Да, да, сказала она, видимо стараясь отогнать ревнивыя мысли.— Но еслибы ты зналъ какъ мнѣ тяжело! Я вѣрю вѣрю тебѣ.... Такъ что ты говорилъ?

Но онъ не могъ сразу вспомнить того что онъ хотѣлъ сказать. Эти припадки ревности въ последнее время все чаще и чаще находившіе на нее ужасали его и, какъ онъ ни старался скрывать это, охлаждали его къ ней, несмотря на то что онъ зналъ что причина ревности была любовь къ нему. Сколько разъ онъ говорилъ себѣ что ея любовь была счастье; и вотъ она любила его какъ можетъ любить женщина для которой любовь перестала воѣ блага въ жизни, и онъ былъ гораздо дальше отъ счастья чѣмъ когда онъ поѣхалъ за ней изъ Москвы. Тогда онъ считалъ себя несчастливѣмъ, но счастье было впереди; теперь же онъ чувствовалъ что лучшее счастье было уже позади. Она была совсѣмъ не та какою онъ видѣлъ ее первое время. И нравственно, и физически она измѣнилась къ худшему. Она вся расширѣла и въ лицѣ ея въ то время какъ она говорила объ актрисѣ было злое, искажавшее ея лицо, выраженіе. Онъ смотрѣлъ на нее какъ смотритъ человекъ на сорванный имъ и завядшій цвѣтокъ, въ которомъ онъ съ трудомъ узнаетъ красоту за которую онъ погубилъ и сорвалъ его. И несмотря на то онъ чувствовалъ что тогда когда любовь его была сильнѣе, онъ могъ, еслибы сильно захотѣлъ этого, вырвать эту любовь изъ своего сердца, но теперь когда, какъ въ эту минуту, ему казалось что онъ не чувствовалъ любви къ ней, онъ зналъ что связь его съ ней не можетъ быть разорвана.

— Ну, ну, такъ что ты хотѣлъ сказать мнѣ про принца? Я прогнала, прогнала бѣса, прибавила она. Бѣсомъ называлась между ними ревность.— Да, такъ что ты началъ говорить о принцѣ? Почему тебѣ такъ тяжело было?

— Ахъ, невыносимо, сказалъ онъ, стараясь уловить нить

потерянной мысли.—Онъ не выигрываетъ отъ близкаго знакомства. Если опредѣлить его, то это прекрасно-выкормленное животное, какія на выставкахъ получаютъ первыя медали и больше ничего, говорилъ онъ съ досадою, заинтересовавшею ее.

— Нѣтъ, какже! возразила она.—Все-таки онъ многое видѣлъ, образовавъ.

— Это совсѣмъ другое, образованіе, ихъ образованіе. Онъ видно что и образовавъ только для того чтобъ имѣть право презирать образованіе, какъ они все презираютъ кромѣ животныхъ удовольствій.

— Да вѣдь вы всѣ любите эти животныя удовольствія, сказала она, и опять онъ замѣтилъ мрачный взглядъ который избѣгалъ его.

— Что это ты такъ защищаешь его? сказалъ онъ улыбаясь.

— Я не защищаю, мнѣ совершенно все равно, но я думаю что еслибы ты самъ не любилъ этихъ удовольствій, то ты могъ бы отказаться. А тебѣ доставляетъ удовольствіе смотрѣть на Терезу въ костюмѣ Евы...

— Опять, опять дьяволъ, взявъ руку которую она положила на столъ и цѣлуя ее сказалъ Бронскій.

— Да, но я не могу. Ты не знаешь какъ я измучалась ожидая тебя.—Я думаю что я не ревнива. Я не ревнива; я вѣрю тебѣ когда ты тутъ со мною, но когда ты гдѣ-то одинъ ведешь свою неловкую мнѣ жизнь...

Она отклонилась отъ него, выпростала наконецъ крючокъ изъ вязанья и быстро съ помощью указательнаго пальца стали накидываться одна за другой петли бѣлой, блестящей подъ свѣтомъ лампы, шерсти, и быстро, нервически стала поворачиваться тонкая кисть въ шитомъ рукавчикѣ.

— Ну, какже? гдѣ ты встрѣтилъ Алексѣя Александровича? вдругъ ненатурально зазвенѣлъ ея голосъ.

— Мы столкнулись въ дверяхъ.

— И онъ такъ поклонился тебѣ?

Она вытянула лицо и полузакрывъ глаза, быстро измѣнила выраженіе лица, сложила руки, и Бронскій въ ея красномъ лицѣ вдругъ увидалъ то самое выраженіе лица съ которымъ поклонился ему Алексѣй Александровичъ. Онъ улыбнулся, а она весело засмѣялась тѣмъ милымъ, груднымъ смѣхомъ который былъ одною изъ ея прелестей.

— Я рѣшительно не понимаю его, сказалъ Бронскій.—Если-



Он послѣ твоего объясненія на дачѣ онъ разорвалъ съ тобой, еслибъ онъ вызвалъ меня на дуэль; но этого я не понимаю: какъ онъ можетъ переносить такое положеніе? Онъ страдаетъ, это видно.

— Онъ? съ усмѣшкой сказала она.—Онъ совершенно доволенъ.

— За что мы всѣ мучаемся когда все могло бы быть такъ хорошо?

— Только не онъ. Развѣ я не знаю его, эту ложь, которой онъ весь пропитанъ?... Развѣ можно, чувствуя что-нибудь, жить какъ онъ живетъ со мной? Онъ ничего не понимаетъ, не чувствуетъ. Развѣ можетъ человѣкъ который что-нибудь чувствуетъ жить съ своею такою для него женой въ одномъ домѣ? Развѣ можно говорить съ ней? Говорить ей ты?

И опять она невольно представила его. „Ты, ma chère, ты Анна!“

Это не мушкетеръ, не человѣкъ, это кукла. Никто не знаетъ, но я знаю. О, еслибъ я была на его мѣстѣ, я бы давно убила, я бы разорвала на куски эту жену такую какъ я и не говорила бы: ты ma chère, Анна. Это не человѣкъ, это министерская машина. Онъ не понимаетъ что я твоя жена, что онъ чужой, что онъ лишній.... Не будемъ, не будемъ говорить!..

— Ты не права и не права, мой другъ, сказалъ Вронскій, стараюсь усложнить ее.—Но все равно, не будемъ о немъ говорить. Расскажи мнѣ, что ты дѣлала? Что съ тобой? Что такое эта болѣзнь, и что сказалъ докторъ?

Она смотрѣла на него съ насмѣшливою радостью. Видимо на нашей еще смѣшной и уродливой стороны въ мужѣ и Анна времени чтобъ ихъ высказать.

Но онъ продолжалъ:

— Я догадываюсь что это не болѣзнь, а твое положеніе. Когда это будетъ?

Насмѣшливый блескъ потухъ въ ея глазахъ, но другая улыбка—знавія чего-то неизвѣстнаго ему и тихой грусти замѣнила ея прежнее выраженіе.

— Скоро, скоро. Ты говорилъ что наше положеніе мучительно, что надо развязать его. Еслибы ты зналъ какъ мнѣ тяжело, что бы я дала за то чтобы свободно и смѣло убить тебя! Я бы не мучилась и тебя не мучила бы своею любовью.... И это будетъ скоро, но не такъ какъ мы думаемъ.

И при мысли о томъ какъ это будетъ, она такъ показала.

лась жалка самой себѣ что слезы выступили ей на глаза; она не могла продолжать. Она положила блестящую под лампой кольца и близкой руку на его рукавъ.

— Это не будетъ такъ какъ мы думаемъ. Я не хотѣла тебѣ говорить этого, но ты заставилъ меня. Скоро, скоро все развяжется, и мы всѣ, всѣ успокоимся и не будемъ больше мучиться.

— Я не понимаю, сказалъ онъ, понимая ее.

— Ты спрашивалъ: когда? скоро. И я не переживу этого. Не перебивай. И она заторопилась говорить.—Я знаю это и знаю вѣрно. Я умру и очень рада что умру и избавлю себя и вас.

Слезы потекли у нея изъ глазъ; онъ нагнулся къ ея рукѣ, сталъ цѣловать, стараясь скрыть свое волненіе, которое, онъ зналъ, не имѣло никакого основанія, но онъ не могъ преодолѣть его.

— Вотъ такъ, вотъ это лучше, говорила она, пожимая своимъ движеніемъ его руку.—Вотъ одно, одно что намъ осталось.

Онъ оломился и поднималъ голову.

— Что за вздоръ! Что за бессмысленный вздоръ ты говоришь!

— Нѣтъ, это правда.

— Что, что правда?

— Что я умру. Я видѣла сонъ.

— Сонъ? повторилъ Вронскій и мгновенно вспоминалъ свой его мужика во снѣ; опять ужасъ холодомъ пробѣжалъ по его спинѣ.

— Да, сонъ, сказала она.—Давно ужъ я видѣла этотъ сонъ. Видѣла что я вбѣжала въ свою спальню, что мнѣ нужно тамъ взять что-то, узнать что-то; ты знаешь, какъ это бываетъ! снѣ, говорила она, съ ужасомъ широко открывая глаза,— въ спальнѣ, въ углу стоитъ что-то.

— Ахъ, какой вздоръ! Какъ можно вѣрить....

Но она не позволяла себя перебить. То что она говорила было слишкомъ важно для нея.

— И это что-то повернулось и я вижу что это мужикъ въ верошечномъ бородой, маленькій и страшный. Я хотѣла бѣжать, но онъ нагнулся надъ мѣшкомъ и руками что-то положила тамъ...

Она представила какъ онъ колошенился въ мѣшкѣ. Ужасъ былъ на ея лицѣ. И Вронскій, вспоминая свой сонъ, чувствовалъ такой же ужасъ наполнившей его душу.

— Онъ колошится и приговариваетъ по-французски: скоро, скоро и знаешь, грассируетъ: Il faut le battre le fer, le broyer, le pétrir... И я отъ страха захотѣла проснуться, проснулась... но я проснулась во снѣ. И стала спрашивать себя, что это значить? И Корней мнѣ говоритъ: „родами, родами умрете, родами, матушка“... И я проснулась...

— Какой вздоръ, какой вздоръ! говорилъ Вронскій, но онъ самъ чувствовалъ что не было никакой убѣдительности въ его голосъ.

— Но не будемъ говорить. Позволи, я велю подать чаю. Да подожди, теперь не долго я...

Но вдругъ она остановилась. Выраженіе ея лица мгновенно измѣнилось. Ужасъ и волненіе вдругъ замѣнились выраженіемъ тихаго, серьезнаго и блаженнаго вниманія. Онъ не могъ понять значенія этой перемѣны. Она слышала въ себѣ движеніе новой жизни.

### III.

Алексѣй Александровичъ, послѣ встрѣчи у себя на крыльцѣ съ Вронскимъ, поѣхалъ, какъ и намѣренъ былъ, въ итальянскую оперу. Онъ отсидѣлъ тамъ два акта и видѣлъ всѣхъ кого ему нужно было. Вернувшись домой, онъ внимательно осматривалъ вѣшалку, и замѣтивъ что военнаго пальто не было, по обыкновенію прошелъ къ себѣ. Но противно обыкновенію онъ не легъ спать, и проходилъ взадъ и впередъ по своему кабинету до трехъ часовъ ночи. Чувство гнѣва на жену, не хотѣвшую соблюдать приличій и исполнять единственное поставленное ей условіе, не принимать у себя своего любовника, не давало ему покоя. Она не исполнила его требованія, и онъ долженъ наказать ее и привести въ исполненіе свою угрозу — требовать развода и отнять сына. Онъ зналъ всѣ трудности связанныя съ этимъ дѣломъ, но онъ сказалъ что сдѣлаетъ это, и теперь онъ долженъ исполнить угрозу. Графиня Лидія Ивановна намекала ему что это былъ лучший выходъ изъ его положенія, и въ послѣднее время практика разводовъ довела это дѣло до такого усовершенствованія что Алексѣй Александровичъ видѣлъ возможность преодолѣть формальныя трудности. Кромѣ того, бѣда одна не ходитъ, и дѣла объ устройствѣ инородцевъ и объ орошеніи полей Зарайской

губерніи навлекли на Алексѣя Александровича такіа непріятности по службѣ что онъ все это послѣднее время находился въ крайнемъ раздраженіи.

Онъ не спалъ всю ночь, и гнѣвъ его, увеличиваясь въ какой-то огромной прогрессіи, дошелъ къ утру до крайнихъ предѣловъ. Онъ послѣдно одѣлся, и какъ бы неся полную чашу гнѣва и боясь расплескать ее, боясь вмѣстѣ съ гнѣвомъ утратить энергію важную ему для объясненія съ женой, вошелъ къ ней какъ только узналъ что она встала.

Анна, думавшая что она такъ хорошо знаетъ своего мужа, была поражена его видомъ когда онъ вошелъ къ ней. Лобъ его былъ нахмуренъ и глаза мрачно смотрѣли впередъ себя, избѣгая ея взгляда, ротъ былъ твердо и презрительно скатъ. Въ походкѣ, въ движеніяхъ, въ звукѣ голоса его, была рѣшительность и твердость какихъ жена никогда не видала въ немъ. Онъ вошелъ въ комнату и, не поздоровавшись съ нею, прямо направился къ ея письменному столу и взявъ ключи отворилъ ящикъ.

— Что вамъ нужно?! вскрикнула она.

— Письма вашего любовника, сказалъ онъ.

— Ихъ здѣсь нѣтъ, сказала она, затворяя ящикъ, но по этому движенію онъ понялъ что угадалъ вѣрно и грубо оттолкнувъ ея руку, быстро схватилъ портфель въ которомъ онъ зналъ что она клала самыя нужныя бумаги. Она хотѣла вырвать портфель, но онъ оттолкнулъ ее.

— Сядьте! мнѣ нужно говорить съ вами, сказалъ онъ положивъ портфель подъ мышку и такъ напряженно прижавъ его локтемъ что плечо его подвинулось.

Она съ удивленіемъ и робостью молча глядѣла на него.

— Я сказалъ вамъ что не позволю вамъ принимать вашего любовника у себя.

— Мнѣ нужно было видѣть его чтобъ...

Она осталась, не находя никакой выдумки.

— Не вхожу въ подробности о томъ для чего женщинамъ нужно видѣть любовника.

— Я хотѣла, я только... вспыхнувъ, сказала она. Его грубость раздражила ее и придала ей смѣлости. — Неужели вы не чувствуете какъ вамъ легко оскорблять меня сказала она.

— Оскорблять можно честнаго человѣка и честную женщину, но сказать вору что онъ воръ есть только la constatation d'un fait.

— Этой новой черты жестокости я не знала еще въ васъ.

— Вы называете жестокостью то что мужъ предоставляеть женѣ свободу, давая ей честный кровъ имени только подъ условіемъ соблюденія приличій. Это жестокость?

— Это хуже жестокости, это подлость, если уже вы хотите знать, со взрывомъ злобы вскрикнула Анна, и вставъ хотѣла уйти.

— Нѣтъ! закричалъ онъ своимъ лискливымъ голосомъ, который поднялся теперь еще нотой выше обыкновеннаго. И схвативъ своими большими пальцами ее за руку такъ сильно что красные слѣды остались на ней отъ браслета который онъ прижалъ, насильно посадилъ ее на мѣсто.

— Подлость? Если вы хотите употребить это слово, то подлость это то чтобы бросить мужа, сына, для любовника, и ѣсть хлѣбъ мужа.

Она нагнула голову. Она не только не сказала того что она говорила вчера любовнику, что онъ ея мужъ, а мужъ лишній; она и не подумала этого. Она чувствовала всю справедливость его словъ и только сказала тихо:

— Вы не можете описать мое положеніе хуже того какъ я сама его понимаю, но зачѣмъ вы говорите все это?

— Зачѣмъ я говорю это? зачѣмъ? продолжалъ онъ также гнѣвно. — Чтобы вы знали что такъ какъ вы не исполнили моей воли относительно соблюденія приличій, я приму мѣры чтобы положеніе это кончилось.

— Скоро, скоро оно кончится и такъ, проговорила она, и опять слезы, при мысли о близкой, теперь желаемой смерти, выступили ей на глаза.

— Оно кончится скорѣе чѣмъ вы придумали съ своимъ любовникомъ. (Онъ выговаривалъ особенно часто это слово.) Вамъ нужно удовлетвореніе животной страсти.

— Алексѣй Александровичъ, я не говорю что это не великодушна, но это не порядочно — бить лежачаго.

— Да, вы только себя помните, но страданія человѣка который былъ вашимъ мужемъ вамъ не интересны. Вамъ все равно что вся жизнь его рушилась, что онъ пеле... пеле... пелестрадалъ.

Алексѣй Александровичъ говорилъ такъ скоро что онъ запутался и никакъ не могъ выговорить этого слова. Онъ выговаривалъ его подъ конецъ *пелестрадалъ*. Ей стало смѣшно и тотчасъ стыдно за то что ей могло быть что-нибудь смѣшно

въ такую минуту. Онъ остановился, и къ удивленію своему, Анна, взглянувъ на него, увидала что глаза его подернулись слезами. И въ первый разъ она на мгновеніе почувствовала за него, перенеслась въ него и ей жалко стало его. Но что жъ она могла сказать или сдѣлать? Она опустила голову и молчала. Онъ тоже помолчалъ нѣсколько времени и заговорилъ потомъ уже менѣе пискливымъ, холоднымъ голосомъ, подчеркивая произвольно избранныя, не имѣющія никакой особенной важности слова.

— Я пришелъ вамъ сказать, сказалъ онъ.

Она взглянула на него. „Нѣтъ, это мнѣ показалось,“ подумала она, вспоминая выраженіе его лица, когда онъ запнулся на словѣ *пелестрадалъ*: „нѣтъ, развѣ можетъ человѣкъ съ этими мутными глазами, съ этимъ самодовольнымъ спокойствіемъ, чувствовать что-нибудь.“

— Я не могу ничего измѣнить, прошелтала она.

— Я пришелъ вамъ сказать что я завтра уѣзжаю въ Москву и не вернусь болѣе въ этотъ домъ, и вы будете имѣть извѣстіе о моемъ рѣшеніи черезъ адвоката которому я поручу дѣло развода. Сынъ же мой переѣдетъ къ сестрѣ, сказалъ Алексѣй Александровичъ, съ усиліемъ вспоминая что онъ хотѣлъ сказать о сынѣ.

— Вамъ нуженъ Сережа чтобы сдѣлать мнѣ больно, проговорила она, изподлобья глядя на него.—Вы не любите его.. Оставьте Сережу.

— Да, я потерялъ даже любовь къ сыну, потому что съ нимъ связано мое отвращеніе къ вамъ, но я все-таки возьму его. Прощайте.

И онъ хотѣлъ уйти, но теперь она задержала его.

— Алексѣй Александровичъ, оставьте Сережу, прошелтала она еще разъ.—Я болѣе ничего не имѣю сказать. Оставьте Сережу до моихъ... Я скоро рожу, оставьте его.

Алексѣй Александровичъ вслыхнулъ, и вырвавъ у ней руку, вышелъ молча изъ комнаты.

#### IV.

Приемная комната знаменитаго петербургскаго адвоката была полна когда Алексѣй Александровичъ вошелъ въ нее. Три дамы: старушка, молодая и кулчиха, три господина

одинъ банкиръ-Нѣмецъ, съ перстнемъ на пальцѣ, другой купецъ съ бородой, и третій сердитый чиновникъ въ вицъ-мундирѣ съ крестомъ на шеѣ, очевидно давно уже ждали. Два помощника писали на столахъ, окриля перьями. Письменные принадлежности, до которыхъ Алексѣй Александровичъ былъ охотникъ, были необыкновенно хороши. Алексѣй Александровичъ не могъ не замѣтить этого. Одинъ изъ помощниковъ не вставая, прищурившись, сердито обратился къ Алексѣю Александровичу.

— Что вамъ угодно?

— Я имѣю дѣло до адвоката.

— Адвокатъ занятъ, строго отвѣчалъ помощникъ, указывая перомъ на дождавшихся и продолжалъ писать.

— Не можетъ ли онъ найти время? сказалъ Алексѣй Александровичъ.

— У него нѣтъ свободнаго времени, онъ всегда занятъ. Извольте подождать, или можетъ-быть у васъ есть рекомендація?

— Такъ не потрудитесь ли подать мою карточку, достойно сказалъ Алексѣй Александровичъ, видя необходимость открыть свое инокенито.

Помощникъ взялъ карточку и очевидно не одобряя ее содержания прошелъ въ дверь.

Алексѣй Александровичъ сочувствовалъ гласному суду въ принципѣ, но въ некоторыхъ подробностяхъ его примѣненія у насъ онъ не вполне сочувствовалъ по известнымъ ему, высшимъ служебнымъ отношеніямъ и осуждалъ ихъ насколько онъ могъ осуждать что-либо высочайше утвержденное. Вся жизнь его протекала въ административной дѣятельности, и потому когда онъ не сочувствовалъ чему-либо, то несочувствіе это было смягчено признаніемъ необходимости ошибокъ и возможности исправленія въ каждомъ дѣлѣ. Въ новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ онъ не одобрялъ тѣхъ условій въ которыхъ была поставлена адвокатура. Но онъ до сихъ поръ не шлъ дѣла до адвокатуры, и потому не одобрялъ ее только теоретически; теперь же неодобреніе его еще усилилось тѣмъ несприятнымъ впечатлѣніемъ которое онъ получалъ въ присутствіи адвоката.

— Сейчасъ выйдутъ, сказалъ помощникъ, и дѣйствительно черезъ двѣ минуты въ дверяхъ показалась длинная фигура стараго правовѣда, совѣщавшагося съ адвокатомъ и самого адвоката.

Адвокатъ былъ маленькій, коренастый, лѣтливый чело-  
вѣкъ съ черно-рыжеватою бородой, свѣтлыми длинными бре-  
вами и нависшимъ лбомъ. Онъ былъ наряженъ какъ женихъ,  
отъ галстука и двойной цѣлочки до лаковыхъ ботинокъ. Лицо  
было умное, мужицкое, а нарядъ былъ франтовской и дур-  
наго вкуса.

— Пожалуйте, сказалъ адвокатъ, обращаясь къ Алексию  
Александровичу. И мрачно пропустивъ мимо себя Каренина,  
онъ затворилъ дверь.

— Не угодно ли? Онъ указалъ на кресло у письменнаго,  
уложеннаго бумагами стола и самъ сѣлъ на предсѣдатель-  
ское мѣсто, потирая маленькія руки съ короткими обросши-  
ми бѣлыми волосами пальцами и склонивъ на бокъ го-  
лову. Но только-что онъ успокоился въ своей значительной  
позѣ какъ надъ столомъ пролетѣла моль. Адвокатъ съ бы-  
стротой, которую нельзя было ожидать отъ него, разналъ  
руки, поймалъ моль и опять принялъ прежнее положеніе.

— Прежде чѣмъ начать говорить о моемъ дѣлѣ, сказалъ  
Алексій Александровичъ, удивленно прослѣдивъ глазами за  
движеніемъ адвоката,—я долженъ замѣтить что дѣло о кото-  
ромъ я имѣю говорить съ вами должно быть тайной.

Чуть замѣтная улыбка раздвинула рыжеватые нависше  
усы адвоката.

— Я бы не былъ адвокатомъ еслибы не могъ сохранять  
тайны вѣренныя мнѣ. Но если вамъ угодно подтвержденіе...

Алексій Александровичъ взглянулъ на его лицо, и уви-  
далъ что сѣрые умные глаза смѣются и какъ будто все  
уже знаютъ.

— Вы знаете мою фамилію? продолжалъ Алексій Але-  
ксандровичъ.

— Знаю васъ и вашу полевую—опять онъ поймалъ моль—  
дѣятельность какъ и всякій Русскій, оказалъ адвокатъ на-  
клонившись.

Алексій Александровичъ вздохнулъ, собираясь съ духомъ.  
Но разъ рѣшившись, онъ уже продолжалъ своимъ пискли-  
вымъ голосомъ, не робѣя, не заливаясь и подчеркивая нѣко-  
торыя слова.

— Я имѣю несчастіе, началъ Алексій Александровичъ,—  
быть обманутымъ мужемъ и желаю законно разорвать сло-  
женія съ женою, то-есть развестись; но притомъ такъ чтобы  
сынъ не оставался съ матерью.



Старые глаза адвоката старались не смѣяться, но они прыгали отъ неудержимой радости, и Алексѣй Александровичъ видѣлъ что тутъ была не одна радость человѣка получающаго выгодный заказъ, тутъ было торжество и восторгъ, былъ блескъ, похожій на тотъ зловѣщій блескъ который онъ видѣлъ въ глазахъ жены.

— Вы желаете моего содѣйствія для совершенія развода?

— Да, именно, но долженъ предупредить васъ что я рискую злоупотребить вашимъ вниманіемъ. Я пріѣхалъ только предварительно посовѣтоваться съ вами. Я желаю развода, но для меня важны формы при которыхъ онъ возможенъ. Очень можетъ быть что если формы не совпадутъ съ моими требованіями, я откажусь отъ законнаго исканія.

— О, это всегда такъ, сказалъ адвокатъ,—и это всегда въ вашей волѣ.

Адвокатъ опустилъ глаза на ноги Алексѣя Александровича, чувствуя что онъ видомъ своей неудержимой радости можетъ оскорбить кліента. Онъ посмотрѣлъ на мошь, пролетѣвшую предъ его носомъ и державая рукой, но не поймалъ ее изъ уваженія къ положенію Алексѣя Александровича.

— Хотя въ общихъ чертахъ наши законоположенія объ этомъ предметѣ маѣ извѣстны, продолжалъ Алексѣй Александровичъ,—я бы желалъ знать вообще тѣ формы въ которыхъ на практикѣ совершаются подобнаго рода дѣла.

— Вы желаете, не поднимая глазъ, отвѣчалъ адвокатъ не безъ удовольствія, входя въ тонъ рѣчи своего кліента,—чтобы я изложилъ вамъ тѣ пути по которымъ возможно исполненіе вашего желанія.

И на подтвердительное наклоненіе головы Алексѣя Александровича онъ продолжалъ изрѣдка только взглядывая мелькомъ на покраснѣвшее пятнами лицо Алексѣя Александровича.

— Разводъ по нашимъ законамъ, сказалъ онъ съ легкимъ отблкомъ неодобренія къ нашимъ законамъ,—возможенъ, какъ вамъ извѣстно, въ слѣдующихъ случаяхъ... Подождать, обратился онъ къ высунувшемуся въ дверь помощнику. Но все-таки всталъ, сказалъ нѣсколько словъ и сѣлъ опять.—Въ слѣдующихъ случаяхъ: физическіе недостатки супруговъ, затѣмъ безвѣстная пятилѣтняя отлучка, оказалъ онъ, загнувъ поросшій волосами короткій палецъ. Затѣмъ прелюбо—дѣяніе (это слово онъ произнесъ съ видимымъ удовольствіемъ). Подраздѣленія слѣдующія: Онъ продолжалъ загигать свои толстые пальцы.

хотя случаи и подраздѣленія очевидно не могли быть классифицированы вмѣстѣ. Физическіе недостатки мужа или жены, затѣмъ прелюбодѣяніе мужа или жены. Такъ какъ всѣ павши вышли, онъ ихъ всѣ разогнулъ и продолжалъ:—это взглядъ теоретическій, но я полагаю что вы сдѣлали мнѣ честь обратиться ко мнѣ для того чтобъ узнать практическое приложеніе. И потому руководствуясь antecedентами, я долженъ доложить вамъ что случаи разводовъ всѣ приходятъ къ слѣдующимъ: физическихъ недостатковъ нѣтъ какъ я могу понимать? И также, безвѣстнаго отсутствія?..

Алексѣй Александровичъ утвердительно склонилъ голову.

— Приходить къ слѣдующимъ: Прелюбодѣяніе одного изъ супруговъ и уличеніе преступной стороны по взаимному соглашенію, и помимо такого соглашения — уличеніе виновное. Долженъ сказать что послѣдній случай рѣдко встрѣчается въ практикѣ, сказалъ адвокатъ, и мелькомъ взглянувъ на Алексѣя Александровича, замолкъ какъ продавецъ пистолетовъ, описавшій выгоды того и другаго оружія и ожидающій выбора своего покупателя. Но Алексѣй Александровичъ молчалъ и потому адвокатъ продолжалъ:—Самое обычное и простое, разумное, я считаю, есть прелюбодѣяніе по взаимному соглашенію. Я бы не позволялъ себѣ такъ выразиться, говоря съ человѣкомъ неразвитымъ, сказалъ адвокатъ,—но полагаю что для насъ это понятно.

Алексѣй Александровичъ былъ однако такъ разстроены что не сразу понялъ разумность прелюбодѣянія по взаимному соглашенію и выразилъ это недоумѣніе въ своемъ взглядѣ; но адвокатъ тотчасъ же помогъ ему.

— Люди не могутъ болѣе жить вмѣстѣ, вотъ фактъ. И если оба въ этомъ согласны, то подробности и формальности становятся безразличны. А съ тѣмъ вмѣстѣ это есть прочѣйшее и вѣрнѣйшее средство.

Алексѣй Александровичъ вполнѣ понялъ теперь, но у него были религіозныя требованія которыя мѣшали допущенію этой мѣры.

— Это внѣ вопроса въ настоящемъ случаѣ, сказалъ онъ.— Тутъ только одинъ случай возможенъ: уличеніе виновное, подтвержденное письмами которыя я имѣю.

При упоминаніи о письмахъ, адвокатъ поджалъ губы и произвелъ тонкій, соболѣзнуюющій и прерывательный звукъ.

— Изволите видѣть, началъ онъ.—Дѣла этого рода рѣшаются, какъ вамъ извѣстно, духовнымъ вѣдомствомъ, отцы же протопопы въ дѣлахъ этого рода большіе охотники до мальчишкихъ подробностей, сказалъ онъ съ улыбкой показывающей сочувствіе вкусу протопоповъ.—Письма безъ сомнѣнія могутъ подтвердить отчасти; но улики должны быть добыты прямымъ путемъ, то-есть свидѣтелями. Вообще же если вы сдѣлаете мнѣ честь удостоить меня своимъ довѣріемъ, предоставьте мнѣ же выборъ тѣхъ мѣръ которыя должны быть употреблены. Кто хочетъ результата, тотъ допускаетъ и средства.

— Если такъ, вдругъ поблѣднѣвъ, началъ Алексѣй Александровичъ, но въ это время адвокатъ всталъ и опять вышелъ къ двери къ перебивавшему его помощнику.

— Скажите ей что мы не на дешевыхъ товарахъ, сказалъ онъ и возвратился къ Алексѣю Александровичу.

Возвращаясь къ мѣсту, онъ поймалъ незамѣтно еще одну моль. „Хорошъ будетъ мой репсъ къ дѣту“, подумалъ онъ, шурясь.

— Итакъ вы изволили говорить... сказалъ онъ.

— Я сообщу вамъ свое рѣшеніе письменно, сказалъ Алексѣй Александровичъ, вставая, и взялся за столъ. Постоявъ немного молча, онъ сказалъ:—Изъ словъ вашихъ я могу заключить слѣдовательно что совершеніе развода возможно. Я просилъ бы васъ сообщить мнѣ также какія ваши условія.

— Возможно все, если вы предоставите мнѣ полную свободу дѣйствій, не отвѣчая на вопросъ, сказалъ адвокатъ.—Когда я могу разчитывать получить отъ васъ извѣстія? спросилъ адвокатъ подвигаясь къ двери и блестя и глазами и лаковыми саложками.

— Черезъ недѣлю. Отвѣтъ же вашъ о томъ принимаете ли вы на себя ходатайство по этому дѣлу и на какихъ условіяхъ, вы будете такъ добры сообщить мнѣ.

— Очень хорошо-съ.

Адвокатъ почтительно поклонился, вылустилъ изъ двери кліента и оставшись одинъ, отдался своему радостному чувству. Ему стало такъ весело что онъ протавно своимъ планамъ сдѣлалъ уступку торговавшейся барынѣ и пересталъ ловить моль, окончательно рѣшивъ что къ будущей зимѣ надо перебить мебель бархатомъ какъ у Сиговина.

## V.

Алексѣй Александровичъ одержавъ блестящую побѣду въ засѣданіи комиссіи семнадцатаго августа, но послѣдствіи этой побѣды подрѣзали его. Новая комиссія для изслѣдованія во всѣхъ отношеніяхъ быта инородцевъ была составлена и отправлена на мѣсто съ необычайною, возбуждаемою Алексѣемъ Александровичемъ быстротой и энергіей. Черезъ три мѣсяца былъ представленъ отчетъ. Быть инородцевъ былъ изслѣдованъ въ политическомъ, административномъ, экономическомъ, этнографическомъ, матеріальномъ и религиозномъ отношеніяхъ. На всѣ вопросы были прекрасно изложены отвѣты и отвѣты не подлежащія сомнѣнію, такъ какъ въ были произведеніемъ, всегда подверженной ошибкамъ, человеческой мысли, но всѣ были произведеніемъ служебной дѣятельности. Отвѣты всѣ были результатами официальныхъ данныхъ, донесеній губернаторовъ и архіереевъ, основанныхъ на донесеніяхъ уѣздныхъ начальниковъ и благочинныхъ, основанныхъ съ своей стороны на донесеніяхъ волостныхъ правленій и приходскихъ священниковъ; и потому всѣ эти отвѣты были несомнѣнны. Всѣ тѣ вопросы о томъ, напримѣръ, почему бываютъ неурожаи, почему жители держатся своихъ вѣрованій и т. п., вопросы которые безъ удобства служебной машины не разрѣшаются и не могутъ быть разрѣшены вѣками, получили ясное, несомнѣнное разрѣшеніе. И рѣшеніе было въ пользу мнѣнія Алексѣя Александровича. Но Стрёмовъ, чувствуя себя задѣтымъ за живое въ послѣднемъ засѣданіи, употребилъ при полученіи донесеній комиссіи не ожидаемую Алексѣемъ Александровичемъ тактику. Стрёмовъ, увлекши за собой нѣкоторыхъ другихъ членовъ, вдругъ перешелъ на сторону Алексѣя Александровича и съ жаромъ не только защищалъ приведеніе въ дѣйствіе мѣры предлагаемыхъ Каренинымъ, но и предлагалъ другія крайнія въ томъ же духѣ. Мѣры эти, усиленные еще противъ того что было основною мыслью Алексѣя Александровича, были приняты, и тогда обнажилась тактика Стрёмова. Мѣры эти, доведенныя до крайности, вдругъ оказались такъ глупы что въ одно и то же время и государственные люди, и общественное мнѣніе, и умныя дамы и газеты, все обрушилось

на эти мѣры, выражая свое негодованіе противъ самихъ мѣръ и ихъ признаннаго отца Алексѣя Александровича. Стрёмовъ же отстраивился дѣлая видъ что онъ только сѣло сѣдовалъ плану Каренина и теперь самъ удивленъ и возмущенъ тѣмъ что сдѣлано. Это подрѣзало Алексѣя Александровича. Но несмотря на падающее здоровье, несмотря на семейныя горести, Алексѣй Александровичъ не сдавался. Въ комиссіи произошелъ расколъ. Одни члены со Стрёмовымъ во главѣ оправдывали свою ошибку тѣмъ что они повѣрили ревизионной, руководимой Алексѣемъ Александровичемъ комиссіи, представившей донесеніе и говорили что донесеніе этой комиссіи есть вздоръ и только исписанная бумага. Алексѣй Александровичъ съ партіей людей видѣвшихъ опасность такого революціоннаго отношенія къ бумагамъ, продолжалъ поддерживать данныя выработанныя ревизионною комиссіей. Вслѣдствіе этого въ высшихъ сферахъ и даже въ обществѣ все спуталось, и несмотря на то что всѣхъ это крайне интересовало никто не могъ понять, дѣйствительно ли бѣдствуютъ и погибаютъ инородцы или процвѣтаютъ. Положеніе Алексѣя Александровича, вслѣдствіе этого и отчасти вслѣдствіе лавшаго на него презрѣнія за невѣрность его жены, стало весьма шатко. Онъ принялъ важное рѣшеніе. Онъ къ удивленію комиссіи объявилъ что онъ будетъ просить разрѣшенія самому ѣхать на мѣсто для изслѣдованія дѣла.

И испросивъ разрѣшеніе, Алексѣй Александровичъ отправился въ дальнія губерніи. Отъѣздъ Алексѣя Александровича надѣлалъ много шума; тѣмъ болѣе что онъ при самомъ отъѣздѣ офиціально возвратилъ при бумагѣ прогонныя деньги выданныя ему на двѣнадцать лошадей для проѣзда до мѣста назначенія.

— Я нахожу что это очень благородно, говорила про это Бетси съ княгиней Мягкою.—Зачѣмъ выдавать на почтовыхъ лошадей когда всѣ знаютъ что вездѣ теперь желѣзные дороги?

Но княгиня Мягкая была несогласна, и мнѣніе княгини Тверской даже раздражило ее.

— Вамъ хорошо говорить, сказала она,—когда у васъ миліоны, а не знаю какіе, а я очень люблю, когда мужъ ѣздитъ ревизовать лѣтомъ. Ему очень здорово и пріятно проѣхать, а у меня ужъ такъ заведено, что на эти деньги у меня экипажъ и извозчикъ содержатся.

Проѣздомъ въ дальнія губерніи Алексѣй Александровичъ остановился на три дня въ Москвѣ. На другой день своего прѣзда онъ поѣхалъ съ визитомъ къ генералъ-губернатору. На перекресткѣ у Газетнаго Переулка гдѣ всегда толпятся экипажи и извозчики, Алексѣй Александровичъ вдругъ услышалъ свое имя выкрикиваемое такимъ громкимъ и веселымъ голосомъ что онъ не могъ не оглянуться. На углу тротуара, въ короткомъ, молодомъ пальто, съ короткою, модною шляпою на бекрень, сіяя улыбкой бѣлыхъ зубъ между красными губами, веселый, молодой, сіяющій, стоялъ Степанъ Аркадьевичъ, рѣшительно и настоятельно кричавшій и требовавшій остановки. Онъ держался одною рукою за окно остановившейся на углу кареты, изъ окна которой высовывались женская голова въ бархатной шляпѣ и двѣ дѣтскія головки, и улыбался и махилъ рукою зятя. Дама улыбалась доброю улыбкой и тоже махала рукою Алексѣю Александровичу. Это была Долли съ дѣтьми.

Алексѣй Александровичъ никого не хотѣлъ видѣть въ Москвѣ, а менѣе всего брата своей жены. Онъ приподвѣлъ шляпу и хотѣлъ проѣхать, но Степанъ Аркадьевичъ велѣлъ его кучеру остановиться и подбѣжать къ нему черезъ снѣгъ.

— Ну какъ же грѣхъ не прислать сказать! Давно ли? А вчера былъ у Дюссо и вижу на доскѣ „Каренинъ“, а мнѣ и въ голову не пришло что это ты, говорилъ Степанъ Аркадьевичъ, высовываясь съ головой въ окна кареты. А то я бы зашелъ. Какъ я радъ тебя видѣть, говорилъ онъ подолывая ногу объ ногу чтобы отжаться съ вѣхъ снѣгъ.—Какъ же грѣхъ не дать знать, повторилъ онъ отворяя дверь кареты.

— Мнѣ некогда было, я очень занятъ, сухо отвѣтилъ Алексѣй Александровичъ.

— Поидемъ же къ женѣ, она такъ хочетъ тебя видѣть.

Алексѣй Александровичъ развернулъ плащъ подъ которымъ были закутаны его зябкія ноги, и выйдя изъ кареты, пробрался черезъ снѣгъ къ Дарьѣ Александровнѣ.

— Что же это, Алексѣй Александровичъ, за что вы насъ такъ обходите? сказала Долли, улыбаясь.

— Я очень занятъ былъ. Очень радъ васъ видѣть, сказалъ онъ тономъ который ясно говорилъ что онъ огорченъ этимъ,—какъ ваше здоровье?

— Ну что моя милая Анна?

Алексѣй Александровичъ промышлялъ что-то и хотѣлъ уйти. Но Степанъ Аркадьевичъ остановилъ его.

— А вотъ что мы сдѣлаемъ завтра. Доли, зови его объ-  
дать; позовемъ Кознышева и Песцова чтобъ его угостить мос-  
ковскою интеллигенціей.

— Такъ пожалуйста пріѣзжайте, сказала Доли,—мы васъ  
будемъ ждать въ пять, шесть часовъ, если хотите. Ну что  
моя милая Анна? Какъ давно.

— Она здорова, хмурясь промышлялъ Алексѣй Алексан-  
дровичъ.—Очень радъ, и онъ направился къ своей каретѣ.

— Будете? прокричала Доли.

Алексѣй Александровичъ проговорилъ что-то, чего Доли  
не могла слышать въ шумѣ двигавшихся экипажей.

— Я завтра заѣду, прокричалъ ему Степанъ Аркадьевичъ.

Алексѣй Александровичъ сѣлъ въ карету и углубился въ  
нее такъ чтобы не видать и не быть видимымъ.

— Чудакъ! сказалъ Степанъ Аркадьевичъ жемъ, и взглянувъ  
на часы, сдѣлалъ предъ лицомъ движеніе рукой означающее  
ласку жемъ и дѣтямъ, и молодецки пошелъ по тротуару.

— Стива! Стива! закричала Доли, покраснѣвъ.

Онъ обернулся.

— Мнѣ вѣдь нужно пальто Гришѣ купить и Танѣ, дай же  
мнѣ денегъ.

— Ничего, ты скажи что я отдамъ, и онъ скрылся, весело  
кинувъ головой проѣзжавшему знакомому.

## VI.

На другой день было воскресенье. Степанъ Аркадьевичъ  
зашагалъ въ Большой Театръ на релетицію балета и передалъ  
Машѣ Чибисовой, хорошенькой, вдовѣ поступившей по его  
протекціи танцовщицъ, обѣщанные наканунѣ коралочки, и за  
кулисою, въ дѣловой темнотѣ театра успѣлъ поцѣловать ея  
хорошенькое, просіавшее отъ подарка личико. Кромѣ по-  
дарка коралковъ, ему нужно было условиться съ ней о сви-  
даніи послѣ балета. Объяснивъ ей что ему нельзя быть къ  
началу балета, онъ обѣщался что пріѣдетъ къ послѣднему  
акту и свезетъ ее ужинать. Изъ театра Степанъ Аркадь-  
евичъ заѣхалъ въ Охотный рядъ, самъ выбралъ рыбу и спар-  
жу къ обѣду, и въ 12 часовъ былъ уже у Дюссо, гдѣ ему  
нужно было быть у троихъ, какъ на его счастье, стоявшихъ

въ одной гостиницѣ: у Левина, остановившагося тутъ и недавно пріѣхавшаго изъ-за границы, у новаго своего начальника, только-что поступившаго на это высшее мѣсто и ревизовавшаго Москву и у зятя Каренина чтобы его непремѣнно привезти обѣдать.

Степанъ Аркадьевичъ любилъ пообѣдать, но еще болѣе любилъ дать обѣдъ, не большой, но уютный и по вѣдъ и питью, и по выбору гостей. Программа нынѣшняго обѣда ему очень понравилась: будутъ окуны живые, спаржа и la pièce de résistance чудесный, но простой ростбифъ, и сообразные вина: это изъ вѣды и питья. А изъ гостей будутъ Кити и Левинъ и, чтобы незамѣтно это было, будетъ еще кузина и Щербачкій молодой, и la pièce de résistance изъ гостей Козышевъ Сергѣй и Алексѣй Александровичъ. Сергѣй Ивановичъ Москвичъ и философъ, Алексѣй Александровичъ Петербуржецъ и практикъ; да позоветъ еще извѣстнаго чудака интуриста Песцова, либерала, говоруна, музыканта, историка и милѣйшаго пятидесятилѣтняго жошу, который будетъ союзни гарнировать къ Козышеву и Каренину. Онъ будетъ раздоривать и стравливать ихъ.

Деньги отъ кульца за лѣсъ по второму сроку были получены и еще не издержаны, Долли была очень мила и добра послѣднее время, и мысль этого обѣда во всѣхъ отношеніяхъ радовала Степана Аркадьевича. Онъ находился въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Были два обстоятельства немножко непріятныя; но оба эти обстоятельства толкали въ морѣ добродушнаго веселья которое водовалось въ душѣ Степана Аркадьевича. Эти два обстоятельства были: первое то что вчера, онъ встрѣтивъ на улицѣ Алексѣя Александровича замѣтилъ что онъ сухъ и строгъ съ нимъ и свѣда это выраженіе лица Алексѣя Александровича и то что онъ не пріѣхалъ къ нимъ и не далъ знать о себѣ, съ тѣми толками которые онъ слышалъ объ Аннѣ и Вронскомъ, Степанъ Аркадьевичъ догадывался что что-то не ладно между мужемъ и женою. Переговоривъ объ этомъ съ женою, въ даръ providѣнья которой онъ такъ вѣрилъ, онъ нашелъ что и она то же думаетъ. Долли даже сказала мужу:—Я ни за что и никогда не повѣрю чтобъ Анна стала дурною. Вѣрно клевета, сплетки. А ты поговори съ нимъ откровенно: онъ кажется такой холодный и сухой человекъ. Я боюсь его. И какъ онъ странно перемѣнился. Онъ опустился. Совѣтъ старикомъ сталъ, прибавила она.



— Нѣтъ, вотъ что, оказалъ Степанъ Аркадьевичъ,—я не гдѣю этого, а я его притащу къ тебѣ обѣдать непременно, *il tirez-lui les vers du nez*; ты это лучше сдѣлаешь.

Это было одно непріятное. Надо было говорить о тяжести и можетъ-быть столкнуться съ враждебностью. Другое немаложко непріятное было то что новый начальникъ, какъ всѣ новые начальники, имѣлъ ужь репутацію страшнаго человека, встающаго въ 6 часовъ утра, работающаго какъ лошадь и требующаго такой же работы отъ подчиненныхъ. Кроме того, новый начальникъ этотъ еще имѣлъ репутацію медвѣдя въ обращеніи и былъ по слухамъ человекъ совершенно противоположнаго направленія тому къ которому принадлежалъ прежній начальникъ и до сихъ поръ принадлежалъ самъ Степанъ Аркадьевичъ. Вчера Степанъ Аркадьевичъ являлся въ службу въ мундирѣ и новый начальникъ былъ очень любезенъ и разговорился съ Облонскимъ какъ съ знакомымъ, поэтому Степанъ Аркадьевичъ считалъ своею обязанностью имѣть ему визитъ въ сюртукѣ. Мысль о томъ что новый начальникъ можетъ не хорошо принять его было это другое непріятное обстоятельство. Но Степанъ Аркадьевичъ истинно чувствовалъ что все *образуется* прекрасно. Всѣ люди, всѣ человекъ, какъ и мы грѣшныя: изъ чего злиться и бороться, думалъ онъ входя въ гостилицу.

— Здорово, Василій, говорилъ онъ въ шляпѣ набекрень, похода по корридолу, и обращаясь къ знакомому лакею, — бакенбарды отлустилъ. Левинъ — 7й номеръ, а? Проводи жалуста. Да узнай, графъ Аничкинъ (это былъ новый начальникъ) приметъ ли?

— Слушаю-сь, улыбаясь отвѣчалъ Василій. — Давно къ тебѣ не жаловали.

— Я вчера былъ, только съ другаго подѣзда. Это 7й. Левинъ стоялъ съ тверскимъ мужикомъ по срединѣ комнаты аршиномъ мѣрилъ свѣжую медвѣжью шкуру когда вошелъ Степанъ Аркадьевичъ.

— А, убили? крикнулъ Степанъ Аркадьевичъ.—Славная штука. Медвѣдица? Здравствуй, Архилъ!

Онъ пожалъ руку мужику и присѣлъ на стулъ не снимая шапки и шляпы.

— Да сними же, посиди, весело улыбаясь и снимая съ него шапку, сказалъ Левинъ.

— Нѣтъ, маѣ некогда, я только на одну секундочку, отвѣ-

чалъ Степанъ Аркадьевичъ. Онъ распахнулъ пальто, но потомъ снялъ его и просидѣлъ цѣлый часъ слушая разказы Левина и мужика о послѣдней охотѣ.

Левинъ уже двѣ недѣли вернулся изъ-за границы. Онъ былъ въ деревнѣ и теперь пріѣзжалъ на медвѣжью охоту. Левинъ вернулся послѣ своего четырехмѣсячнаго путешествія совершенно другимъ человекомъ. Какъ и вслѣдствіе чего произошла въ немъ эта перемѣна отъ отчаянія въ жизни къ совершенному спокойствію и постоянной веселой возбужденности? онъ ни теперь, ни послѣ не могъ себѣ объяснить. Когда онъ уѣзжалъ, мракъ смерти покрывалъ для него весь міръ. Одно только дѣло его давало ему точку опоры, но и самое это дѣло казалось ничтожнымъ и маленькимъ въ сравненіи съ тѣмъ открывшимся ему необъятнымъ мракомъ смерти, застилавшимъ все существующее. Вопросъ смерти представившійся ему съ такою силой остался столь же не только неразрѣшеннымъ, но и недоступнымъ какъ и прежде; дѣло его точно также какъ и тогда казалось маленькимъ, ничтожнымъ только средствомъ для того чтобы прожить жизнь; ничего радостнаго и счастливаго не случилось съ нимъ; состояніе его здоровья было теперь такое же какъ и тогда; но потому ли что онъ немного приглядѣлся къ темнотѣ покрывавшей для него тогда весь міръ и привыкъ къ ничтожеству себя и своего дѣла, или потому что послѣ темноты, къ которой онъ пріучилъ свой душевный взглядъ, все свѣтлое казалось особенно радостно, или потому что не говоря о разрѣшеніи, онъ но только признаніе вопроса о смерти освѣжаетъ жизнь, даетъ ей большую прелесть, или безъ всякой причины, только потому что такъ должно было быть; но послѣднее время онъ видѣлъ одно хорошее и радостное въ мірѣ и людяхъ, и незамѣтно перешелъ отъ отчаянія къ радостному сознанію жизни котораго онъ никогда прежде не испытывалъ.

— Ну, однако мнѣ пора, сказалъ Степанъ Аркадьевичъ вставая въ десятый разъ.

— Да вѣтъ, посиди, говорилъ Левинъ, удерживая его. — Теперь когда же увидимся? Я завтра ѣду.

— Я-то хорошъ! Я затѣмъ пріѣхалъ... Непремѣнно пріѣзжай нынче ко мнѣ обѣдать. Братъ твой будетъ, Каренинъ, и зять, будетъ.

— Развѣ онъ здѣсь? сказалъ Левинъ и хотѣлъ спросить про Кити. Онъ слышалъ что она была въ началѣ зимы

Петербургъ у своей сестры, жены дипломата, и не зная вер-  
нулась ли она или нѣтъ, но раздумалъ спрашивать. Будетъ,  
не будетъ, все равно.

— Такъ прѣдешь?

— Ну разумѣется.

— Такъ въ пять часовъ и въ сюртукѣ.

И Стенанъ Аркадьевичъ всталъ и пошелъ ввизъ къ ново-  
му начальнику. Инстинктъ не обманулъ Степана Аркадьевича.  
Новый, страшный начальникъ оказался весьма обходитель-  
ный человекъ, и Степанъ Аркадьевичъ позавтракалъ съ  
нимъ и засидѣлся такъ, что только въ четвертомъ часу по-  
палъ къ Алексѣю Александровичу.

## VII.

Алексѣй Александровичъ, вернувшись отъ обѣдни, прово-  
дилъ все утро дома. Въ это утро ему предстояло два дѣла.  
Впервыхъ, принять и направить отправляющуюся въ Петер-  
бургъ и находившуюся теперь въ Москвѣ делегацию игород-  
цевъ; во вторыхъ, написать общающее письмо адвокату. Де-  
путация, хотя и вызванная по инициативѣ Алексѣя Александр-  
овича, представляла много неудобствъ и даже опасностей, и  
Алексѣй Александровичъ былъ очень радъ что засталъ ее въ  
Москвѣ. Члены этой делегации не имѣли ни малѣйшаго по-  
нятія о своей роли и обязанности. Они были наивно увѣре-  
ны что ихъ дѣло состоитъ въ томъ чтобъ излагать свои нуж-  
ды и настоящее положеніе вещей, прося помощи правитель-  
ства и рѣшительно не понимали что нѣкоторыя заявленія и тре-  
бованія ихъ поддерживали враждебную партію и потому губили  
все дѣло. Алексѣй Александровичъ долго возился съ ними,  
написалъ имъ программу, изъ которой они не должны были  
выходить и отпустивъ ихъ, написалъ письма въ Петербургъ  
на направленія делегации. Главнымъ помощникомъ въ этомъ  
дѣлѣ должна была быть графиня Лидія Ивановна. Она была  
специалистка въ дѣлѣ делегаций, и никто какъ она не умѣлъ  
пущировать и давать настоящее направленіе делегациямъ.  
Окончивъ это, Алексѣй Александровичъ написалъ и письмо  
адвокату. Онъ безъ малѣйшаго колебанія далъ ему разрѣше-  
ніе дѣйствовать по его благоусмотрѣнію. Въ письмо онъ вло-  
билъ три записки Вронскаго къ Аннѣ, которыя нашлись въ  
этотомъ портфель. Съ тѣхъ поръ какъ Алексѣй Александр-

ровичъ выѣхалъ изъ дома съ намѣреніемъ не возвращаться въ семью, и съ тѣхъ поръ какъ онъ былъ у адвоката и сказалъ хоть одному человѣку о своемъ намѣреніи, съ тѣхъ поръ особенно какъ онъ перевелъ это дѣло жизни въ дѣло бумажное, онъ все больше и больше привыкалъ къ своему намѣренію и видѣлъ теперь ясно возможность его исполненія.

Онъ запечатывалъ конвертъ къ адвокату когда услышалъ громкіе звуки голоса Степана Аркадьевича. Степанъ Аркадьевичъ спорилъ со слугой Алексѣя Александровича и настаивалъ на томъ чтобы о немъ было доложено.

Все равно, подумалъ Алексѣй Александровичъ, тѣмъ лучше, а сейчасъ объявлю о своемъ положеніи въ отношеніи къ его сестрѣ и объясню почему я не могу обѣдать у него.

— Проси! громко проговорилъ онъ, собирая бумаги и укладывая ихъ въ бюро.

— Ну вотъ видишь ли что ты врешь и онъ дома, отыгнулъ голосъ Степана Аркадьевича лакею, не пускавшему его. На ходу снимая пальто, онъ улыбался вошелъ въ комнату.—Ну я очень радъ что засталъ тебя. Такъ я надѣюсь, весело началъ было Степанъ Аркадьевичъ, но тотчасъ же смѣнивъ мрачное выраженіе лица зятя остановился.

— Я не могу быть, холодно, стоя и не сажая гостя, сказалъ Алексѣй Александровичъ.

Алексѣй Александровичъ думалъ тотчасъ стать въ тѣ холодныя отношенія, въ которыхъ онъ долженъ былъ быть съ братомъ жены, противъ которой онъ начиналъ дѣло развода но онъ не разчитывалъ на то море добродушія, которое выливалось изъ береговъ въ душѣ Степана Аркадьевича.

Степанъ Аркадьевичъ широко открылъ свои блестящіе ясные глаза.

— Отчего ты не можешь? Что ты хочешь сказать? съ недоумѣніемъ сказалъ онъ по-французски, поворачивая на обросшей волосами бѣлой шеѣ сбившійся галстукъ. Нѣтъ, ужъ это обѣщано. И мы всѣ разчитываемъ на тебя.

— Я хочу сказать что не могу быть у васъ, потому что тѣ родственныя отношенія которыя были между нами должны прекратиться.

— Какъ? То-есть какже? Почему? съ страдальческою улыбкой проговорилъ Степанъ Аркадьевичъ.

— Потому что я начинаю дѣло развода съ вашею сестрою моею женой. Я долженъ былъ...

Но Алексѣй Александровичъ еще не успѣлъ окончить своей рѣчи какъ Степанъ Аркадьевичъ уже поступилъ со-  
стоитъ не такъ, какъ онъ ожидалъ. Степанъ Аркадьевичъ  
всталъ и сѣлъ въ кресло. — Нѣтъ, Алексѣй Александровичъ  
то ты говоришь! вскрикнулъ Облонскій и еще большее стра-  
даніе выразилось на его лицѣ.

— Это такъ.

— Извини меня я не могу и не могу этому вѣрить...

Алексѣй Александровичъ сѣлъ, чувствуя что слова его не  
имѣли того дѣйствія которое онъ ожидалъ, и что ему необхо-  
димо будетъ объясняться и что какія бы ни были  
его объясненія, отношенія его къ шуринамъ останутся тѣ же.

— Да, я поставленъ въ тяжелую необходимость требовать  
извода.

— Я одно скажу, Алексѣй Александровичъ. Я знаю тебя  
и отличнаго, справедливаго человѣка, знаю Анну—извини  
меня, я не могу перемѣнить о ней мнѣніе—за прекрасную,  
индивидуальную женщину, и потому извини меня, я не могу вѣ-  
рить этому. Тутъ есть недоразумѣніе, сказалъ онъ, ударивъ  
рукою по столу, это вѣрно!

— Да, еслибъ это было только недоразумѣніе...

— Позволь, я понимаю, перебилъ Степанъ Аркадьевичъ. —  
Да, разумѣется... Одно, не надо торопиться. Не надо, не надо  
торопиться.

— Я не торопился, холодно сказалъ Алексѣй Александро-  
вичъ, — а совѣтоваться въ такомъ дѣлѣ ни съ кѣмъ нельзя.  
Я твердо рѣшилъ.

— Ахъ! это ужасно, сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, и слезы  
вступили ему на глаза.—Я бы одно судьялъ, Алексѣй Але-  
ксандровичъ, умоляю тебя, сдѣлай это, сказалъ онъ. — Дѣло  
не такъ начато, какъ я полагалъ. Прежде чѣмъ ты начнешь  
его, поговори съ моею женой, поговори съ ней. Она лю-  
битъ Анну какъ сестру, любитъ тебя, и она удивительная  
женщина. Ради Бога, поговори съ ней. Сдѣлай мнѣ эту друж-  
бу, я умоляю тебя.

Алексѣй Александровичъ задумался и Степанъ Аркадьевичъ  
съ участіемъ смотрѣлъ на него, не прерывая его молчанія.

— Ты съѣдешь къ ней?

— Да я не знаю. Я потому не былъ у васъ. Я полагаю что  
на отношенія должны измѣниться.

— Отчего же? Я не вижу этого. Позволь мнѣ думать что  
нельзя нашихъ родственныхъ отношеній, ты имѣешь ко

миѣ, хотя отчисти, тѣ дружескія чувства которыя я всегда имѣлъ къ тебѣ.. И истинное уваженіе, сказалъ Степанъ Аркадьевичъ пожимая его руку.—Еслибы даже худшія предположенія твои были справедливы, я не беру и никогда не возьму на себя судить ту или другую сторону и не вижу причины почему наши отношенія должны измѣниться. Нѣ теперь сдѣлай это, пріѣзжай къ женѣ.

— Ну, мы иначе посмотримъ на это дѣло, холодно сказалъ Алексѣй Александровичъ. — Впрочемъ, не будемъ говорить объ этомъ.

— Нѣтъ, почему же тебѣ не пріѣхать? Хоть ямиче обидать. Жена ждетъ тебя. Пожалуста, пріѣзжай. И, главное переговоры съ ней. Она удивительная женщина. Ради Бога на колѣняхъ умоляю тебя.

— Если вы такъ хотите этого—я пріѣду, вдохнувъ сказалъ Алексѣй Александровичъ.

И желая перемѣнить разговоръ, онъ спросилъ о томъ что интересовало ихъ обоихъ, — о новомъ начальникѣ Степана Аркадьевича, еще не старомъ человѣкѣ, получившемъ вдругъ такое высокое назначеніе.

Алексѣй Александровичъ и прежде не любилъ грѣфа Анныкина и всегда расходился съ нимъ во мнѣніяхъ, но теперь могъ удерживаться отъ помятой для служащихъ неависимого человѣка потерпѣвшаго поражение на службѣ къ человеку получившему повышение.

— Ну, что, видѣлъ ты его? сказалъ Алексѣй Александровичъ съ ядовитой усмѣшкой.

— Какже, онъ вчера былъ у насъ въ присутствіи. Онъ кажется, знаетъ дѣло отлично и очень дѣтеленъ.

— Да, но на что направлена его дѣятельность? сказалъ Алексѣй Александровичъ. — На то ли чтобы дѣлать или передѣлывать то что сдѣлано. Несчастье нашего государства—это бумажная администрація, которой онъ достойный представитель.

— Право я не знаю что въ немъ можно осуждать. Навѣрное я не знаю, но одно—онъ отличный малый, отвѣтилъ Степанъ Аркадьевичъ.—Я сейчасъ былъ у него, и право отличный малый. Мы позавтракали, и я его научилъ дѣлаешь это питье, вино съ апельсинами. Это очень прохладаетъ. И удивительно что онъ не зналъ этого. Ему очень понравилось. Нѣтъ, право, онъ славный малый.

Степанъ Аркадьевичъ взглянулъ на часы.

— Ахъ, батюшка, ужъ пятый, а мнѣ еще къ Долговушину. Такъ пожалуста прѣвѣжай объѣхать. Ты не можешь себѣ представить какъ ты меня огорчишь и жену.

Алексѣй Александровичъ проводилъ шурина совсѣмъ уже не такъ какъ онъ его встрѣтилъ.

— Я общалъ и прѣвѣду, отвѣчалъ онъ уныло.

— Повѣрь что я цѣлю и надѣюсь ты не раскаешься, отвѣчалъ, улыбаясь, Степанъ Аркадьевичъ.

И на ходу надѣвая пальто онъ задѣлъ рукой по головѣ лакея, засмѣялся и вышелъ.

— Въ пять часовъ и въ сюртукѣ пожалуста, крикнулъ онъ еще разъ, возвращаясь къ двери.

### VIII.

Уже былъ шестой часъ и уже нѣкоторые гости прѣѣхали когда прѣѣхалъ и самъ хозяинъ. Онъ вошелъ вмѣстѣ съ Сергѣемъ Ивановичемъ Кознышевымъ и Песцовымъ, которые въ одно время столкнулись у подвѣзда. Это были два главные представителя московской интеллигенціи, какъ называлъ ихъ Облонскій. Оба были люди уважаемые и по характеру, и по уму. Они уважали другъ друга, но почти во всемъ были совершенно и безнадежно несогласны между собою—не потому чтобъ они принадлежали къ противоположнымъ направленіямъ, но именно потому что были одного лагеря (враги ихъ смѣшивали въ одно), но въ этомъ лагерѣ они имѣли каждый свой оттѣнокъ. А такъ какъ нѣтъ ничего неспособнѣе къ соглашенію какъ размыслие въ полувотвлеченностяхъ, то они не только никогда не сходились въ мнѣніяхъ, но привыкли уже давно, не сердясь, только по-смѣиваться неисправимому заблужденію одинъ другаго. Они выходили въ дверь, разговаривая о погодѣ. Степанъ Аркадьевичъ, замѣтивъ въ тѣсной передней уже не мало шубъ, съ ними вмѣстѣ вошелъ въ гостиную. Въ гостиной сидѣли уже князь Александръ Дмитріевичъ тещъ, молодой Щербацкой, Туровцынъ (товарищъ по кутежамъ, добродушный малый въ сорока лѣтъ) и Кити.

Степанъ Аркадьевичъ тотчасъ же увидалъ что въ гостиной безъ него дѣло идетъ плохо. Дарья Александровна въ своемъ парадномъ стромѣ шелковомъ платьѣ, очевидно озабоченная и

дѣтьми, которыя должны обѣдать въ дѣтской оди, и тѣмъ что мужа еще нѣтъ, не сумѣла безъ него хорошенько перемѣшать все это общество. Всѣ сидѣли какъ поповны въ гостяхъ (какъ выражался старый князь), очевидно въ недоумѣннн зачѣмъ они сюда попали, выжимая слова чтобы не молчать. Добродушный Туровцынъ очевидно чувствовалъ себя не въ своей сферѣ и улыбка толстыхъ губъ, съ которою онъ встрѣтилъ Степана Аркадьевича, какъ словами говорила: „Ну, братъ, засадилъ ты меня съ умными! Вотъ вылить, и въ *Château des fleurs*, это по моей части“. Старый князь сидѣлъ молча съ боку поглядывая своими блестящими глазами на Каренина, и Степанъ Аркадьевичъ понималъ что онъ придумалъ уже какое-нибудь слово чтобы отпечатать этого государственнаго мужа на котораго какъ на стерлядя зовутъ въ гости. Кити смотрѣла на дверь, собираясь съ силами чтобы не покраснѣть при входѣ Константина Левина. Молодой Щербачкой, съ которою она познакомилъ Каренина, старался показать что это нисколько его не стѣсняетъ. Самъ Каренинъ былъ по петербургской привычкѣ на обѣдѣ съ дамами во фракѣ и бѣломъ галстукѣ, и Степанъ Аркадьевичъ по его лицу понималъ что онъ прѣхалъ только чтобы исполнить данное слово и, присутствуя въ этомъ обществѣ, совершалъ тяжелый долгъ. Онъ-то былъ главнымъ виновникомъ холода заморозившаго всѣхъ гостей до прѣзда Степана Аркадьевича.

Войдя въ гостиную, Степанъ Аркадьевичъ извинился, объяснивъ что былъ задержанъ тѣмъ княземъ который былъ всегдашнимъ козломъ искулителемъ всѣхъ его олаздываемыхъ и отлучекъ, и въ одну минуту всѣхъ перезнакомилъ и, сведя Алексѣя Александровича съ Сергѣемъ Кознышевымъ, попустилъ имъ тему объ обрусеннн Польши, за которую онъ тотчасъ удѣлились вмѣстѣ съ Песцовымъ. Потрѣпавъ плечу Туровцына, онъ шепталъ ему что-то смѣшное и пододвинулъ его къ женѣ и къ князю. Потомъ сказалъ Кити о томъ что она очень хороша сегодня и познакомила Щербачкаго съ Каренинымъ. Въ одну минуту онъ такъ перемѣсилъ все это общественное тѣсто что стала гостиница хоть куда и голоса оживленно зазвучали. Одного Константина Левина не было. Но это было къ лучшему потому что выйдя въ столовую, Степанъ Аркадьевичъ къ ужасу своему увидалъ что лортвейнъ и хересъ взяты отъ Делрэ, а не отъ Леше, и онъ, распорядившись послать кучера какъ можно скорѣе къ Леше, направился опять въ гостиную.



Въ столовой ему встрѣтился Константинъ Левинъ.

— Я не опоздалъ?

— Развѣ ты можешь не опоздать,, взявъ его подъ руку, сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.

— У тебя много народа? Кто да кто? невольно краснѣя, спросилъ Левинъ, обивая перчаткой снѣгъ съ шапки.

— Все свои. Кити тутъ. Пойдемъ же я тебя познакомлю съ Каренинымъ.

Степанъ Аркадьевичъ, несмотря на свою либеральность, зналъ что знакомство съ Каренинымъ не можетъ не быть лестно и потому угощалъ этимъ лучшихъ друзей. Но въ эту минуту Константинъ Левинъ не въ состоянн былъ чувствовать всего удовольствія этого знакомства. Онъ не видалъ Кити послѣ памятнаго ему вечера на которомъ онъ встрѣтилъ Вронскаго, если не считать ту минуту когда онъ увидалъ ее на большой дорогѣ. Онъ въ глубинѣ души зналъ что онъ ее увидитъ нынче здѣсь. Но онъ, поддерживая въ себѣ свободу мысли старая увѣрить себя что онъ не знаетъ этого. Теперь же когда онъ услышалъ что она тутъ, онъ вдругъ почувствовалъ такую радость и вмѣстѣ такой страхъ, что ему захватило дыханіе и онъ не могъ выговорить того что хотѣлъ сказать.

Какая, какая она? Та ли такая была прежде или та такая была въ каретѣ? Что если правду говорила Дарья Александровна? Отчего же и не правда? думалъ онъ.

— Ахъ, пожалуйста познакомь меня съ Каренинымъ, съ трудомъ выговорилъ онъ, и отчаянно-рѣшительнымъ шагомъ вошелъ въ гостиную и увидѣлъ ее.

Она была ни такая какъ прежде, ни такая какъ была въ каретѣ; она была совсѣмъ другая, и Дарья Александровна говорила правду...

Она была испуганная, робкая, пристыженная и оттого еще болѣе прелестная. Она увидала его въ то же мгновеніе какъ онъ вошелъ въ комнату. Она ждала его. Она обрадовалась и смутилась отъ своей радости до такой степени что была минута, именно та когда онъ подходилъ къ хозяйкѣ и опять взглянулъ на нее, что и ей, и ему, и Долли которая все видѣла, казалось что она не выдержитъ и заплачетъ. Она покраснѣла, поблѣднѣла, опять покраснѣла и замерла чуть вздрагивая губами и ожидая его. Онъ подошелъ къ ней поклонился и молча протянулъ руку. Еслибы не легкое дрожаніе губъ и

влажность покрывавшая глаза, и прибавившая имъ блеска, улыбка ея была почти спокойна когда она сказала:

— Какъ мы давно не видались, и она съ отчаянною рѣшительностію пожала своею холодною рукою его руку.

— Вы не видали меня, а я видѣлъ васъ, оказалъ Левинъ, сіяя улыбкой счастья. — Я видѣлъ васъ когда вы съ желѣзной дороги ѣхали въ Покровское.

— Когда? спросила она съ удивленіемъ.

— Вы ѣхали въ Покровское, говорилъ Левинъ чувствуя что счастье заливаетъ его душу, что онъ захлебывается отъ счастья. И какъ я смѣлъ соединять мысль о чемъ-нибудь не виновномъ съ этимъ трогательнымъ существомъ. И да, кажется, правда то что говорила Дарья Александровна, думалъ онъ.

Степанъ Аркадьевичъ взялъ его за руку и подвелъ къ Каренину.

— Позвольте васъ познакомить. Онъ назвалъ ихъ имена.

— Очень пріятно опять встрѣтиться, холодно сказалъ Алексѣй Александровичъ пожимая руку Левину.

— Вы знакомы? съ удивленіемъ спросилъ Степанъ Аркадьевичъ.

— Мы провели вмѣстѣ три часа въ вагонѣ, улыбаясь сказалъ Левинъ, — но вышелъ какъ изъ маскарада заинтригованнымъ, я по крайней мѣрѣ.

— Вотъ какъ! Милости просимъ, сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, указывая по направленію къ столовой.

Мушкетеры вышли въ столовую и подошли къ столу съ закуской уставленной шестью сортами водокъ и столькими же сортами сыровъ съ серебряными лопаточками и безъ лопаточекъ, икрами, селедками, консервами разныхъ сортовъ и тарелками съ ломтиками французскаго хлѣба.

Мушкетеры стояли около пахучихъ водокъ и закусокъ и разговоръ объ обрусѣніи Польши между Сергѣемъ Ивановичемъ Кознышевымъ, Каренинымъ и Песцовымъ затихалъ въ ожиданіи обѣда.

Сергѣй Ивановичъ, умѣвшій какъ никто, для окончанія самаго отвлеченнаго и серіознаго спора неожиданно подсыпать аттической соли и этимъ измѣнять настроеніе собесѣдниковъ, сдѣлалъ это и теперь.

Алексѣй Александровичъ доказывалъ что обрусѣніе Польши можетъ совершиться только вслѣдствіе высшихъ при-

циповъ которые должны быть внесены Русскою администраціей.

Песцовъ настаивалъ на томъ что одинъ народъ ассимилируетъ себя другой только когда онъ гуще населенъ.

Козышевъ признавалъ то и другое, но съ ограниченіями. Когда же они выходили изъ гостиной, чтобы заключить разговоръ, Козышевъ сказалъ улыбаясь:

— Поэтому для обрусенія инородцевъ есть одно средство, выводить какъ можно больше дѣтей. Вотъ мы съ братомъ хуже всѣхъ дѣйствуемъ. А вы, господа женатые люди, въ особенности вы, Степанъ Аркадьевичъ, дѣйствуете вполнѣ патриотически; у васъ сколько? обратился онъ ласково улыбаясь хозяину и подставляя ему крошечную рюмочку.

Всѣ засмѣялись и въ особенности весело Степанъ Аркадьевичъ.

— Да, вотъ это самое лучшее средство, сказалъ онъ, прожевывая сыръ и наливая какую-то особеннаго сорта водку въ подотыканную рюмку. Разговоръ дѣйствительно прекратился на шуткѣ.

— Этотъ сыръ не дуренъ. Прикажете? говорилъ хозяинъ.— Неужели ты опять былъ на гимнастикѣ? обратился онъ къ Левину, лѣвою рукой ощупывая его мышцу. Левинъ улыбнулся, накрутилъ руку, и подъ пальцами Степана Аркадьевича какъ круглый сыръ подаялся стальной бугоръ изъ-подъ тонкаго сукна сюртука.

— Вотъ биденсъ-то! Самооно!

— Я думаю надо имѣть большую силу для охоты на медвѣдей, сказалъ Алексѣй Александровичъ имѣвшій самую туманную лоятію объ охотѣ, намазывая сыръ и прорывая топольскій какъ паутина мякоть хлѣба.

Левинъ улыбнулся.

— Никакой. Напротивъ, ребенокъ можетъ убить медвѣдя, сказалъ онъ сторонясь съ легкимъ поклономъ предъ дамами, которыя съ хозяйкой подходили къ столу закусокъ.

— А вы убили медвѣдя, мнѣ говорили, сказала Кити тѣтено стараясь поймать выскочившій непокорный, отскакивающий грибокъ и встрахивая кружевами, сквозь которыя блѣдала ея рука.— Развѣ у васъ есть медвѣди? прибавила она въ полоборота, повернувъ къ нему свою прелестную головку и улыбаясь.

Ничего казалось не было необыкновеннаго въ томъ что она сказала, но какое невыразимое словами значеніе было въ

каждомъ звукѣ, въ каждомъ движеніи ея губъ, глазъ, руки, когда она говорила это! Тутъ была и просьба о прощеніи, и довѣріе къ нему, и ласка, нѣжная, робкая ласка, и обѣщанія и надежда, и любовь къ нему, въ которую онъ не могъ не вѣрить и которая душила его счастьемъ.

— Нѣтъ, мы ѣздили, въ Тверскую губернію. (Возвращаясь оттуда я встрѣтился въ вагонѣ съ вашимъ зятемъ, сказалъ онъ съ улыбкой.—Это была снѣжная встрѣча.

И онъ весело и забавно разказалъ какъ онъ, не спавъ всю ночь, въ полушубкѣ, ворвался въ отдѣленіе Алексѣя Александровича.

— Кондукторъ, противно пословицѣ, хотѣлъ по платку проводить меня вонъ; но тутъ ужъ я началъ выражаться высокими слогами, и... вы тоже, сказалъ онъ, забывъ его имя и обращаясь къ Каренину,—сначала по полушубку хотѣли тоже изгнать меня, но потомъ заступились, за что я очень благодаренъ.

— Вообще весьма неопредѣляемая права пассажировъ на выборъ мѣста, сказалъ Алексѣй Александровичъ обтирая платкомъ концы своихъ лапцевъ.

— Я видѣлъ что вы были въ нерѣшительности насчетъ меня, добродушно улыбаясь сказалъ Левинъ,—но я поторопился начать умный разговоръ чтобы загладить свой полушубокъ.

Сергѣй Ивановичъ, продолжая разговоръ съ хозяйкой и однимъ ухомъ слушая брата, покосился на него. Что это съ нимъ нынче? Такимъ побѣдителемъ, подумалъ онъ. Онъ не зналъ что Левинъ чувствовалъ что у него выросли крылья. Левинъ зналъ что она слышитъ его слова и что ей пріятно его слышать. И это одно только занимало его. Не въ одной этой комнатѣ, но во всемъ мірѣ для него существовало только онъ, получившій для себя огромное значеніе и важность, и она. Онъ чувствовалъ себя на высотѣ, отъ которой кружилась голова, и тамъ гдѣ-то въ виду, далеко, были всѣ эти добрые славные Каренины, Обломскіе и весь міръ.

Совершенно незамѣтно, не взглянувъ на нихъ, а такъ какъ будто ужъ некуда было больше посадить, Степанъ Аркадьевичъ посадилъ Левина и Кити рядомъ.

— Ну ты хоть сюда садь, сказалъ онъ Левину.

Обѣдъ былъ также хорошъ какъ и посуда, до которой былъ охотникъ Степанъ Аркадьевичъ. Супъ Мари-Луизъ удался

прекрасно; пирожки крошечные, тающие во рту, были безукоризненны. Два лакея и Матвей въ бѣлыхъ галстукахъ дѣлали свое дѣло съ кушаньемъ и виномъ незамѣтно, тихо и слоро. Обѣдъ съ матеріальной стороны удался; не менѣе онъ удался и со стороны не матеріальной. Разговоръ, то общій, то частный, не умолкалъ, и къ концу обѣда такъ оживился что мушкетеры встали изъ-за стола не переставая говорить, и даже Алексѣй Александровичъ оживился.

## IX.

Песцовъ любилъ разсуждать до конца и не удовлетворился словами Сергѣя Ивановича, тѣмъ болѣе что онъ почувствовалъ несправедливость своего мнѣнія.

— Я никогда не разумѣлъ, сказалъ онъ за супомъ обращаясь къ Алексѣю Александровичу,—одну густоту населенія, но въ соединеніи съ основами, а не съ принципами.

— Мнѣ кажется, неторопливо и вяло отвѣчалъ Алексѣй Александровичъ,—что это одно и то же. По моему мнѣнію, дѣйствовать на другой народъ можетъ только тотъ который имѣетъ высшее развитіе, который..

— Но въ томъ и вопросъ, перебилъ своимъ басомъ Песцовъ, который всегда торопился говорить и казалось всегда всю душу полагалъ на то о чемъ онъ говорилъ,—въ чемъ полагать высшее развитіе. Англичане, Французы, Нѣмцы, кто стоитъ на высшей стелени развитія? Кто будетъ национализовать одианъ другаго? Мы видимъ что Рейль офранцузился, а Нѣмцы не ниже стоять, кричалъ онъ,—тутъ есть другой законъ.

— Мнѣ кажется что вліяніе всегда на сторонѣ истиннаго образованія, сказалъ Алексѣй Александровичъ слегка поднимая брови.

— Но въ чемъ же мы должны полагать признаки истиннаго образованія? сказалъ Песцовъ.

— Я полагаю что признаки эти извѣстны, сказалъ Алексѣй Александровичъ.

— Вполнѣ ли они извѣстны? съ тонкою улыбкой вмѣшался Сергѣй Ивановичъ.—Теперь признано что настоящее образованіе можетъ быть только чисто классическое; но мы видимъ ожесточенные споры той и другой стороны и нельзя отрицать

чтобъ и протавный лагерь не имѣлъ сильныхъ доводовъ въ свою пользу.

— Вы классикъ, Сергѣй Дмитричъ. Прикажете краснаго? сказалъ Степанъ Аркадьевичъ радуясь тому возвышенному тону который принимаетъ разговоръ.

— Я не высказываю своего мнѣнія о томъ и другомъ образованіи, съ улыбкой спускожденія какъ къ ребенку сказалъ Сергѣй Ивановичъ, подставляя свой стаканъ,—я только говорю что обѣ стороны имѣютъ сильные доводы, продолжалъ онъ обращаясь къ Алексѣю Александровичу.—Я классикъ по образованію, но въ спорѣ этомъ я лично не могу найти своего мѣста. Я не вижу ясныхъ доводовъ почему классическимъ наукамъ даю преимущество предъ реальными.

— Естественныя имѣютъ столь же педагогически развивательное вліяніе, подхватилъ Песцовъ.—Возьмите одну астрономию, возьмите ботанику, зоологию съ ея системой общихъ законовъ.

— Я не могу вполнѣ съ этимъ согласиться, отвѣчалъ Алексѣй Александровичъ.—Мнѣ кажется что нельзя не признать того что самый процессъ изученія формъ языковъ особенно благотворно дѣйствуетъ на духовное развитіе. Кромѣ того, нельзя отрицать и того что вліяніе классическихъ писателей въ высшей степени нравственное, тогда какъ къ несчастью съ преподаваніемъ естественныхъ наукъ соединяются тѣ вредныя и ложныя ученія которыя составляютъ язву нашего времени.

Сергѣй Ивановичъ хотѣлъ что-то сказать, но Песцовъ своимъ густымъ басомъ перебилъ его. Онъ горячо началъ доказывать несправедливость этого мнѣнія. Сергѣй Ивановичъ спокойно дожидаясь слова очевидно съ готовымъ побѣдительнымъ возраженіемъ.

— Но, сказалъ Сергѣй Ивановичъ тонко улыбаясь и обращаясь къ Каремину, — нельзя не согласиться что взвѣситъ вполнѣ всѣ выгоды и невыгоды тѣхъ и другихъ наукъ—трудно, и что вопросъ о томъ какія предпочесть не былъ бы рѣшенъ такъ скоро и окончательна еслибы на сторонѣ классическаго образованія не было того преимущества которое вы сейчасъ высказали: нравственнаго—disons le mot—анти-нигилистическаго вліянія.

— Безъ сомнѣнія.

— Еслибы не было этого преимущества анти-нигилистическаго вліянія на сторонѣ классическихъ наукъ, мы бы больше

подумали, завѣсили бы доводы обѣихъ сторонъ, съ тонкою улыбкой говорилъ Сергѣй Ивановичъ,—мы бы дали просторъ тому и другому направленію, но теперь мы знаемъ что въ этихъ пилуляхъ классическаго образованія лежитъ цѣлебная сила антиингиализма, и мы смѣло предлагаемъ ихъ нашимъ пациентамъ... А что какъ нѣтъ и цѣлебной силы? заключилъ онъ, высылая аттическую соль.

При пилуляхъ Сергѣя Ивановича всѣ засмѣялись, и въ особенности громко и весело Туровцынъ, дождавшійся наконецъ того смѣшнаго чего онъ только и ждалъ слушая разговоръ.

Стеланъ Аркадьевичъ не ошибся пригласивъ Песцова. Съ Песцовымъ разговоръ умный не могъ умолкнуть ни на минуту. Только что Сергѣй Ивановичъ заключилъ разговоръ своею шуткой, Песцовъ тотчасъ поднималъ новый.

— Нельзя согласиться даже съ тѣмъ, сказалъ онъ,—чтобы правительство имѣло эту цѣль. Правительство очевидно руководствуется общими соображеніями, оставаясь индифферентнымъ ко вліяніямъ которыя могутъ имѣть принимаемая мѣры. Напримеръ, вопросъ женскаго образованія долженъ бы былъ считаться зловреднымъ, но правительство открываетъ женскіе курсы и университеты.

И разговоръ тотчасъ же перескочилъ на новую тему женскаго образованія.

Алексѣй Александровичъ выразилъ мысль о томъ что образованіе женщинъ обыкновенно смѣшивается съ вопросомъ о свободѣ женщинъ и только по этому можетъ считаться вреднымъ.

— Я, напротивъ, полагаю что эти два вопроса неразрывно связаны, сказалъ Песцовъ,—это ложный кругъ. Женщина лишена правъ по недостатку образованія, а недостатокъ образованія происходитъ отъ отсутствія правъ.—Надо не забывать того что порабощеніе женщинъ такъ велико и старо что мы часто не хотимъ понимать ту причину которая отдѣляетъ ихъ отъ насъ, говорилъ онъ.

— Вы сказали права, сказалъ Сергѣй Ивановичъ дождавшись молчанія Песцова, — права занимаія должностей присяжныхъ, гласныхъ, предсѣдателей управъ, права служащаго, члена парламента..

— Безъ сомнѣнія.

— Но если женщины, какъ рѣдкое исключеніе, и могутъ

завимать эти мѣста, то, мнѣ кажется, вы неправильно употребили выраженіе „права“. Вѣрнѣе бы было сказать: обязанности. Всякій согласится что исполняя какую-нибудь должность присяжнаго, гласнаго, телеграфнаго чиновника, мы чувствуемъ что исполняемъ обязанность. И потому вѣрнѣе выразиться что женщины ищутъ обязанностей и совершенно закононо. И можно только сочувствовать этому ихъ желанію помочь общему мужскому труду.

— Совершенно справедливо, подтвердилъ Алексѣй Александровичъ.—Вопросъ, я полагаю, состоитъ только въ томъ способны ли онѣ къ этимъ обязанностямъ.

— Вѣроятно будутъ очень способны, вставилъ Степанъ Аркадьевичъ, — когда образованіе будетъ распространено между ними. Мы это видимъ....

— А пословица, сказалъ князь давно ужъ прислушиваясь къ разговору и блестя своими маленькими ласкѣшливыми глазами,—при дочеряхъ можно: волосъ долоть...

— Точно также думали о неграхъ до ихъ освобожденія, сердито сказалъ Песцовъ.

— Я нахожу только страннымъ что женщины ищутъ новыхъ обязанностей, сказалъ Сергѣй Ивановичъ, — тогда какъ мы къ несчастію видимъ что мужчины обыкновенно избѣгаютъ ихъ.

— Обязанности сопряжены съ правами, власть, деньги, почести: ихъ-то ищутъ женщины, сказалъ Песцовъ.

— Все равно что я бы искалъ права быть кормилицей и обижался бы что женщинамъ платятъ, а мнѣ не хотятъ, сказалъ старый князь.

Туровцынъ разразился громкимъ смѣхомъ, и Сергѣй Ивановичъ пожалѣлъ что не онъ сказалъ это. Даже Алексѣй Александровичъ улыбнулся.

— Да, но муцина не можетъ кормить, сказалъ Песцовъ,—а женщина...

— Нѣтъ, Англичанинъ выкормилъ на кораблѣ своего ребенка, сказалъ старый князь, позволяя себѣ эту вольность разговора при своихъ дочеряхъ.

— Сколько такихъ Англичанъ, столько же и женщинъ будетъ чиновниковъ, сказалъ уже Сергѣй Ивановичъ.

— Да, но что же дѣлать дѣвушка у которой нѣтъ семьи? вступился Степанъ Аркадьевичъ, вспоминая о Чибиковой, которую онъ все время имѣлъ въ виду, сочувствуя Песцову и поддерживая его.



— Если хорошенько разобрать историю этой дѣвушки, то вы найдете что эта дѣвушка бросила семью или свою или сестрину гдѣ бы она могла имѣть женское дѣло, неожиданно вступая въ разговоръ сказала съ раздражительностью Дарья Александровна, вѣроятно догадываясь какую дѣвушку имѣлъ въ виду Степанъ Аркадьевичъ.

— Но мы стоимъ за принципъ, за идеалъ, звучнымъ басомъ возражалъ Песцовъ.—Женщина хочетъ имѣть право быть независимую, образованною. Она стѣснена, подавлена сознаниемъ невозможности этого.

— А я стѣсненъ и подавленъ тѣмъ что меня не примутъ въ кормилицы въ Воспитательный Домъ, опять сказалъ старый князь къ великой радости Туровцына со смѣху уронившаго спаржу толстымъ концомъ въ соусъ.

## Х.

Всѣ принимали участіе въ общемъ разговорѣ кромѣ Кити и Левина. Они слышали про что говорилось. И сначала когда говорилось о вліяніи которое имѣеть одинъ народъ на другой, Левину невольно приходило въ голову то что онъ имѣлъ сказать по этому предмету; но мысли эти, прежде для него очень важныя, какъ бы во снѣ мелькали въ его головѣ и не имѣли для него теперь ни малѣйшаго интереса. Ему даже странно казалось, зачѣмъ они такъ стараются говорить о томъ что никому не нужно. Для Кити точно также казалось должно бы быть интересно то что они говорили о правахъ и образованіи женщинъ. Сколько разъ она думала объ этомъ, вспоминая о своей заграничной пріятельницѣ Варенькѣ, о тяжелой зависимости, сколько разъ думала про себя то съ ней самой будетъ если она не выйдетъ замужъ, сколько разъ спорила объ этомъ съ сестрою! Но теперь это нисколько не интересовало ее. У нихъ шелъ свой разговоръ съ Левинымъ, и не разговоръ, а какое-то таинственное общеніе, которое съ каждою минутой все ближе связывало ихъ и производило въ обоихъ чувство радостнаго страха передъ тѣмъ неизвѣстнымъ, въ которое они вступали.

Сначала Левинъ на вопросъ Кити о томъ какъ онъ могъ имѣть ее прошлаго года въ каретѣ, рассказалъ ей какъ онъ изъ съ покоса по большой дорогѣ и встрѣтилъ ее.

— Это было рано, рано утромъ. Вы вѣрно только проску-

лись. Матаи́ ваша спала въ своемъ уголкѣ. Чудное утро было. Я иду и думаю: кто это четверней въ каретѣ? Славная четверка съ бубенчиками, и на мгновенье вы мелькнули, и вижу я въ окно—вы сидите вотъ такъ, и обѣими руками держите завязки чепчика и о чемъ-то ужасно задумались, говорили оны улыбаясь.—Какъ бы я желалъ знать о чемъ вы тогда думали. О важномъ?

„Не была ли расстрепана?“ подумала она, но увидавъ восторженную улыбку, которую вызывали въ его воспоминаніи эти подробности, она почувствовала что напротивъ впечатлѣніе произведенное ею было очень хорошее. Она покраснѣла и радостно засмѣялась.—Право не помню.

— Какъ хорошо смѣется Туровцынъ! сказалъ Левинъ, любясь на его влажные глаза и трясущееся тѣло.

— Вы давно его знаете? спросила Кити.

— Кто его не знаетъ!

— И я вижу что вы думаете что онъ дурной человекъ?

— Не дурной, а ничтожный.

— И неправда. И лоскорѣй не думайте больше такъ, сказала Кити.—Я тоже была о немъ очень низкаго мнѣнія, но это, это премилый и удивительно добрый человекъ. Сердце у него золотое.

— Какъ это вы могли узнать его сердце?

— Мы съ нимъ большіе друзья. Я очень хорошо знаю его. Пршлую зиму вскорѣ послѣ того... какъ вы у насъ были, сказала она съ виноватою и вмѣстѣ доврчивою улыбкой, у Доминкѣти всѣ были въ скарлатинѣ, и онъ зашелъ къ ней какъ-то. И можете себѣ представить, говорила она шепотомъ:—ему такъ жалко стало ее что онъ остался и сталъ помогать ей ходить за дѣтьми. Да; и три недѣли прожилъ у нихъ въ домѣ, какъ нянька ходилъ за дѣтьми.

— Я рассказываю Константину Дмитричу про Туровцына въ скарлатинѣ, сказала она перегнувшись къ сестрѣ.

— Да, удивительно, прелесть! сказала Домли, взглянувъ на Туровцына, чувствовавшаго что говорили о немъ, и кроко улыбаясь ему. Левинъ еще разъ взглянулъ на Туровцына и удивился какъ онъ прежде не понималъ всей прелести этого человека. Онъ испытывалъ теперь новое чувство вѣжливости и даже умиленія къ этому человеку.

— Виноватъ, виноватъ и никогда не буду больше думать о людяхъ, весело сказалъ онъ, искренно высказывая то что онъ теперь чувствовалъ.

## XI.

Въ затѣянномъ разговорѣ о правахъ женщинъ были щекотливые при дамахъ вопросы о равенствѣ правъ въ бракѣ. Песцовъ во время обѣда нѣсколько разъ налеталъ на эти вопросы, но Сергѣй Ивановичъ и Степанъ Аркадьевичъ осторожно отклоняли его.

Когда же встали изъ-за стола и дамы вышли, Песцовъ, не сѣдая за ними, обратился къ Алексѣю Александровичу и принялся высказывать главную причину неравенства. Неравенство супруговъ, по его мнѣнью, состояло въ томъ что невѣрность жены и невѣрность мужа казнятся неравно и закономъ и общественнымъ мнѣнiемъ.

Степанъ Аркадьевичъ послѣшво подошелъ къ Алексѣю Александровичу, предлагая ему курить.

— Нѣтъ, я не курю, спокойно отвѣчалъ Алексѣй Александровичъ и какъ бы умышленно желая показать что онъ не боится этого разговора, обратился съ холодною улыбкой къ Песцову.

— Я полагаю что основанiя такого взгляда лежатъ въ самой сущности вещей, сказалъ онъ и хотѣлъ пройти въ гостиную; но тутъ вдругъ неожиданно заговорилъ Туровцынъ, обращаясь къ Алексѣю Александровичу.

— А вы изволили слышать о Прячниковѣ, сказалъ Туровцынъ, оживленный вылитымъ шампанскимъ и давно ждавшій случая прервать тяготившее его молчанiе. — Вася Прячниковъ, сказалъ онъ съ своею доброю улыбкой влажныхъ и румяныхъ губъ, обращаясь преимущественно къ главному гостю Алексѣю Александровичу. — Мы нынче разказывали. Онъ дрался на дуэли въ Твери съ Квятскимъ и убилъ его.

Какъ всегда кажется что зашибаетъ какъ нарочно именно больное мѣсто, такъ и телерь Степанъ Аркадьевичъ чувствовалъ что на бѣду нынче каждую минуту разговоръ наладалъ на больное мѣсто Алексѣя Александровича. Онъ хотѣлъ опять отвести зятя, но самъ Алексѣй Александровичъ съ любопытствомъ спросилъ за что дрался Прячниковъ.

— За жену. Молодцомъ поступилъ. Вызвалъ и убилъ.

— А? равнодушно сказалъ Алексѣй Александровичъ и, поджавъ брови, прошелъ въ гостиную.

— Какъ я рада что вы пришли, сказала ему Доли съ испуганною улыбкой, встрѣчая его въ проходной гостиной, — мнѣ нужно поговорить съ вами. Сядемте здѣсь.

Алексѣй Александровичъ, съ тѣмъ же выраженіемъ равнодушія которое придавали ему приподнятыя брови, сталъ подлѣ Дарьи Александровны и притворно улыбнулся.

— Тѣмъ болѣе, сказалъ онъ, — что я и хотѣлъ просить вашего извиненія и тотчасъ откланяться. Мнѣ завтра надо вѣхать.

Дарья Александровна была твердо увѣрена въ невинности Анны и чувствовала что она блѣднѣетъ и губы ея дрожать отъ гнѣва на этого холоднаго, безчувственнаго человѣка, такъ покойно намѣревающагося погубить ея невиннаго друга.

— Алексѣй Александровичъ, сказала она, съ отчаяввою рѣшительностью глядя ему въ глаза. — Я спрашивала у васъ про Анну, вы мнѣ не отвѣтили. Что она?

— Она, кажется, здорова, Дарья Александровна, не глядя на нее отвѣчалъ Алексѣй Александровичъ.

— Алексѣй Александровичъ, простите меня, я не имѣю права... но я какъ сестру люблю и уважаю Анну, я прошу, умоляю васъ сказать мнѣ что такое между вами, въ чемъ вы обвиняете ее?

Алексѣй Александровичъ поморщился и почти закрывъ глаза опустилъ голову.

— Я полагаю что мужъ передалъ вамъ тѣ причины почему я считаю нужнымъ измѣнить прежнія свои отношенія къ Аннѣ Аркадьевнѣ, сказалъ онъ не глядя ей въ глаза, а недовольно оглядывая проходившаго черезъ гостиную Щербацкаго.

— Я не вѣрю, не вѣрю, не могу вѣрить этому, сжимая предъ собой свои костлявыя руки, съ энергическимъ жестомъ проговорила Доли. Она быстро встала и положила свою руку на рукавъ Алексѣя Александровича. — Намъ помѣшаютъ здѣсь. Пойдемте сюда, пожалуста.

Волненіе Доли дѣйствовало на Алексѣя Александровича. Онъ всталъ и покорно пошелъ за нею въ классную комнату. Они сѣли за столъ, обтянутый изрѣзанною перочинными ножами клеенкой.

— Я не вѣрю, не вѣрю этому, проговорила Доли, стараясь уловить его избѣгающій ея взглядъ.

— Нельзя не вѣрить фактамъ, Дарья Александровна, сказалъ онъ съ удовольствіемъ, ударя на слово *фактамъ*.

— Но что же она сдѣлала? проговорила Дарья Александровна.—Что именно она сдѣлала?

— Она презрѣла свои обязанности и измѣнила своему мужу. Вотъ что она сдѣлала, сказалъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть! Нѣтъ, ради Бога, вы ошиблись! говорила Долли, дотрогиваясь руками до висковъ и закрывая глаза.

Алексѣй Александровичъ холодно улыбулся одними губами, желая показать ей и самому себѣ твердость своего убѣжденія, но эта горячая защита хотя и не колебала его, разстраивала его рану. Онъ заговорилъ съ большимъ оживленіемъ.

— Весьма трудно ошибаться когда жена сама объявляетъ о томъ мужу. Объявляетъ что восемь лѣтъ жизни и сынъ, что все это ошибка, и что она хочетъ жить сначала, сказалъ онъ сердито, соля носомъ.

— Анна и порокъ — я не могу соединить, не могу вѣрить этому.

— Дарья Александровна! сказалъ онъ теперь прямо взглянувъ въ доброе взволнованное лицо Долли и чувствуя что языкъ его невольно развязывается.—Я бы дорого далъ чтобы сомнѣніе еще было возможно. Когда я сомнѣвался, мнѣ было тяжело, но легче чѣмъ теперь. Тогда я сомнѣвался, то была надежда, но теперь нѣтъ надежды и я все-таки сомнѣваюсь во всемъ. Я такъ сомнѣваюсь во всемъ что я ненавижу сына и иногда не вѣрю что это мой сынъ. Я очень несчастливъ.

Ему не нужно было говорить этого. Дарья Александровна поняла это, какъ только онъ взглянулъ ей въ лицо и ей стало жалко его и вѣра въ невинность ея друга поколебалась въ ней.

— Ахъ! это ужасно, ужасно! Но неужели это правда что вы рѣшились на разводъ.

— Я рѣшился на послѣднюю мѣру. Мнѣ больше нечего дѣлать.

— Нечего дѣлать, нечего дѣлать, проговорила она со слезами на глазахъ.

Она знала что надо дѣлать то что она дѣлала—нести крестъ.

— Нѣтъ не нечего дѣлать, сказала она.

— То-то и ужасно въ этомъ родѣ горя что нельзя какъ во всякомъ другомъ—въ потерѣ, въ смерти, нести крестъ, а тутъ нужно дѣйствовать, сказалъ онъ какъ будто угадывая ея мысль.—Нужно выйти изъ того унижительнаго положенія въ которое вы поставлены, нельзя жить втроемъ.

— Я понимаю, я очень понимаю это, сказала Долац, и опустила голову. Она помолчала думая о себѣ, о своемъ семейномъ горѣ и вдругъ энергическимъ жестомъ подняла голову и умоляющимъ жестомъ сложила руки. — Но постойте, вы христіанинъ. Подумайте о ней, что съ ней будетъ если вы бросите ее.

— Я думалъ, Дарья Александровна и много думалъ, говорилъ Алексѣй Александровичъ. Лицо его покраснѣло пятнами и глаза, блестя болѣе обыкновеннаго, глядѣли прямо на нее. Дарья Александровна теперь всею душой уже жалѣла его. — Я это самое сдѣлалъ послѣ того какъ мнѣ объявлено было ею же самой мой позоръ, я оставилъ все по старому. Я далъ возможность исправленія, я старался спасти ее. И что же? Она не исполнила самого легкаго требованія—соблюденія приличій, говорилъ онъ разгорячась. — Спасать можно человека который не хочетъ погибать, но если натура вся такъ испорчена, развращена что самая погибель кажется ей спасеніемъ, то что же дѣлать?

— Все, только не разводъ! отвѣчала Дарья Александровна.

— Но что же все?

— Нѣтъ, это ужасно. Она будетъ ничьею женой, она погибнетъ!

— Что же я могу сдѣлать? поднимая плечи и брови, сказалъ Алексѣй Александровичъ. Воспоминаніе о послѣднемъ проступкѣ жены такъ раздражило его что онъ опять сталъ холоденъ какъ и при началѣ разговора. — Я очень васъ благодарю за ваше участіе, но мнѣ пора, сказалъ онъ вставая.

— Нѣтъ, постойте! Вы не должны погубить ее. Постойте, я вамъ скажу про себя. Я вышла замужъ и мужъ обманывалъ меня; въ злобѣ, ревности я хотѣла все бросить, я хотѣла сама... но я опомнилась, и кто же? Анна спасла меня. И вотъ я живу. Дѣти растутъ, мужъ возвращается въ семью и чувствуетъ свою неправоту, не всегда, но чувствуетъ, дѣлается чище, лучше, и я живу... я простила и вы должны простить.

Алексѣй Александровичъ слушалъ, но слова ея уже не дѣйствовали на него. Въ душѣ его опять подымалась вся злоба того дня когда онъ рѣшился на разводъ. Онъ отряхнулся и заговорилъ пронзительнымъ, громкимъ голосомъ:

— Простить я не могу и не хочу и считаю несправедливымъ. Я для этой женщины сдѣлалъ все, и она затолкала все

въ грязь, которая ей свойственна. Я не злой человекъ, я никогда никого не ненавижу, но ее я ненавижу всѣми силами души и не могу даже простить ее, потому что слишкомъ ненавижу за все то зло которое она сдѣлала мнѣ, проговорилъ онъ со слезами злобы въ голосъ.

— Любите ненавидящихъ васъ, стыдливо прошептала Дарья Александровна.

Алексѣй Александровичъ презрительно усмѣхнулся. Это онъ давно зналъ, но это не могло быть приложимо къ его случаю.

— Любите ненавидящихъ васъ, а любить тѣхъ кого и ненавидѣть нельзя. Простите что я васъ разстроилъ. У каждого своего горя достаточно, и, овладѣвъ собой, Алексѣй Александровичъ спокойно простился и уѣхалъ.

## XII.

Когда встали изъ-за стола, Левину хотѣлось идти за Кити въ гостиную, но онъ боялся не будетъ ли ей это неприятно по слишкомъ большой очевидности его ухаживания за ней. Онъ остался въ кружкѣ мушницъ, принимая участіе въ общемъ разговорѣ и не глядя на Кити, чувствовалъ ея движенія, ея взгляды и то мѣсто на которомъ она была въ гостиной.

Онъ сейчасъ уже на практикѣ и безъ малѣйшаго усилія исполнялъ то обѣщаніе, которое онъ далъ ей—всегда думать хорошо про всѣхъ людей и всегда всѣхъ любить. Разговоръ зашелъ объ общинѣ, въ которой Песцовъ видѣлъ какое-то особенное начало, называемое имъ хорошимъ началомъ. Левинъ былъ несогласенъ ни съ Песцовымъ, ни съ братомъ который какъ-то по своему и признавалъ и не признавалъ значеніе русской общины. Но онъ говорилъ съ ними, стараясь только помирить ихъ и смягчать ихъ возраженія. Онъ нисколько не интересовался тѣмъ что онъ самъ говорилъ, еще менѣе тѣмъ что они говорили, но только желалъ одного, чтобъ имъ и всѣмъ было хорошо и пріятно. Онъ зналъ теперь то что одно важно. И это одно было сначала тамъ въ гостиной, а потомъ стало подвигаться и остановилось у двери. Онъ не оборачиваясь почувствовалъ устремленный на себя взглядъ и улыбку. И не могъ не обернуться. Она стояла въ дверяхъ со Щербачкинымъ и смотрѣла на него.

— Я думалъ, вы къ фортепьянамъ идете, сказалъ онъ, подходя къ ней,—вотъ чего мнѣ не достаетъ въ деревнѣ: музыки.

— Нѣтъ, мы шли только затѣмъ чтобы васъ вызвать, и благодарю, сказала она, какъ подаркомъ, награждая его улыбкой,—что вы пришли. Что за охота спорить? Вѣдь никогда одинъ не убѣдитъ другаго.

— Да, правда, сказалъ Левинъ,—большею частью бываетъ что спорить горячо только оттого что никакъ не можешь понять что именно хочетъ доказать противникъ.

Левинъ часто замѣчалъ при спорахъ между самыми умными людьми, что послѣ огромныхъ усилій, огромнаго количества логическихъ тонкостей и словъ, спорящiе приходили наконецъ къ сознанию того что то что они долго бились доказать другъ другу давнымъ давно, сначала спора, было извѣстно имъ, но что они любятъ равное и потому не хотятъ назвать того что они любятъ чтобы не быть оспоренными. Онъ часто испытывалъ что иногда во время спора поймешь то что любить противникъ, и вдругъ самъ полюбишь это самое, и тотчасъ согласишься и тогда все доводы отпадаютъ какъ ненужные; а иногда испытывалъ наоборотъ,—выскажешь наконецъ то что любишь самъ и изъ-за чего придумываешь доводы и если случится что выскажешь это хорошо и искренно, то вдругъ противникъ соглашается и перестаетъ спорить. Это-то самое онъ хотѣлъ сказать.

Она сморщила лобъ, стараясь понять. Но только что онъ началъ объяснять, она уже поняла.

— Я понимаю; надо узнать за что онъ спорить, что онъ любить, тогда можно...

Она вполнѣ угадала и выразила его дурно выраженную мысль. Левинъ радостно улыбнулся. Такъ ему поразительно былъ этотъ переходъ отъ залутовавшаго многословнаго спора съ Песцовымъ и братомъ, къ этому лаконическому и ясному, безъ словъ почти, сообщенiю самыхъ сложныхъ мыслей.

Щербацкiй отошелъ отъ нихъ, и Кити, подойдя къ разставленному карточному столу, сѣла и взявъ въ руки мѣлокъ стала чертить имъ по новому зеленому сукну расходящiеся круги.

Они возобновили разговоръ шедшiй за обѣдомъ: о свободѣ и занятiяхъ женщины. Левинъ былъ согласенъ съ мнѣнiемъ Дарьи Александровны что дѣвушка не вышедшая замужъ найдетъ себѣ дѣло женское въ семьѣ. Онъ подтверждалъ это



тѣмъ что онъ прежде говаривалъ, что ни одна семья не можетъ обойтись безъ помощницы, что въ каждой бѣдной и богатой семьѣ есть и должны быть няньки наемныя или родныя.

— Нѣтъ, сказала Кити, покраснѣвъ, но тѣмъ смѣлѣе глядя на него своими правдивыми глазами,—дѣвушка можетъ быть такъ поставлена что не можетъ безъ униженія войти въ семью, а сама...

Онъ понялъ ее съ намека.

— О, да, сказалъ онъ,—да, да, да, вы правы, вы правы.

И онъ понималъ все что за обѣдомъ доказывалъ Песцовъ о свободѣ женщинъ только тѣмъ что видѣлъ въ сердцѣ Кити страхъ дѣвства и униженія и, любя ее, онъ почувствовалъ этотъ страхъ и униженье и сразу отрекся отъ своихъ доводовъ.

Наступило молчаніе. Она все чертила мѣломъ по столу. Глаза ея блестя тихимъ блескомъ. Подчиняясь ея настроенію, онъ чувствовалъ во всемъ существѣ своемъ все усиливающеся напряженіе счастія.

— Ахъ! я весь столъ исчертила, сказала она и, положивъ мѣлокъ, сдѣлала движенье какъ будто хотѣла встать.

„Какъ же я останусь одинъ безъ нея“, съ ужасомъ подумалъ онъ и взялъ мѣлокъ.—Постойте, сказалъ онъ садясь къ столу.

— Я давно хотѣлъ спросить у васъ одну вещь.

Онъ глядѣлъ ей прямо въ ласковые, хотя и испуганные глаза.

— Пожалуста спросите.

— Вотъ, сказалъ онъ, и написалъ начальныя буквы: к, в, м, о: э, н, м, б, з, л, в, н, и, т? Буквы эти значили: „когда вы мнѣ отвѣтили что этого не можетъ быть, значило ли это что никогда или тогда?“ Не было никакой вѣроятности чтобъ она могла понять эту сложную фразу, но онъ посмотрѣлъ на нее съ такимъ видомъ что жизнь его зависить отъ того пойметъ ли она эти слова.

Она взглянула на него серьезно, потомъ оперла нахмуренный лобъ на руку и стала читать. Изрѣдка она взглядывала на него спрашивая у него взглядомъ. „То ли это что я думаю?“

— Я поняла, сказала она, покраснѣвъ.

— Какое это слово? сказалъ онъ, указывая на н, которымъ означалось слово: *никогда*.

— Это слово значить *никогда*, сказала она,—но это не правда.

Онъ быстро стеръ и подалъ ей мѣлъ и всталъ. Она написала: Т, я, н, м, и, о.

Долли утѣшилась совѣтъ отъ горя причивеннаго ея разговоромъ съ Алексѣемъ Александровичемъ когда она увидѣла эти двѣ фигуры: Кити съ мѣлкомъ въ рукахъ и съ улыбочкой робкою и счастливою, глядящею вверхъ на Левина и его красивую фигуру, нагнувшуюся надъ столомъ съ горящими глазами, устремленными то на столъ, то на нее. Онъ вдругъ просіялъ, онъ понялъ. Это значило: „тогда я не могла иначе отвѣтить“.

Онъ взглянулъ на нее вопросительно, робко.

— Только тогда?

— Да, отвѣчала ея улыбка.

— А т... А теперь? спросилъ онъ.

— Ну такъ вотъ прочтите. Я скажу то, чего бы желала. Очень бы желала. Она написала начальныя буквы: ч, в, м, з, и, л, ч, б. Это значило: „чтобы вы могли забыть и простить что было“.

Онъ схватилъ мѣлъ напряженными, дрожащими пальцами и смазавъ его написавъ начальныя буквы слѣдующаго: „мнѣ нечего забывать и прощать, я не переставалъ любить васъ.“

Она, взглянула на него съ остановившеюся улыбкой.

— Я поняла, шепотомъ сказала она.

Онъ сѣлъ и написавъ длинную фразу. Она все повала и не спрашивая его: такъ ли, взяла мѣлъ и тотчасъ же отвѣтила.

Онъ долго не могъ понять того что она написала и часто взглядывалъ въ ея глаза. На него нашло затмѣнiе отъ счастья. Онъ никакъ не могъ подставить тѣ слова какія она разумѣла; но въ прелестныхъ сіяющихъ счастьемъ глазахъ ея онъ понималъ все что ему нужно было знать. И онъ написавъ три буквы. Но онъ еще не кончилъ писать, а она уже читала за его рукой и сама докончила и написала отвѣтъ: Да.

— Въ secretaire играете? сказалъ старшій князь, подходя.— Ну, поѣдемъ однако если ты хочешь послѣтъ въ театръ.

Левинъ вскалъ и проводилъ Кити до дверей.

Въ разговорѣ ихъ все было сказано, было сказано что она любить его и что скажетъ отцу и матери что завтра онъ придетъ утромъ.

## XIII.

Когда Кити уѣхала и Левинъ остался одинъ, онъ почувствовалъ такое беспокойство безъ нея и такое нетерпѣливое желаніе поскорѣе, поскорѣе дожить до завтрашняго утра, когда онъ опять увидитъ ее и навсегда соединится съ ней, что онъ испугался какъ смерти этихъ четырнадцати часовъ, которые ему предстояло провести безъ нея. Ему необходимо было быть и говорить съ кѣмъ-нибудь чтобы не оставаться одному, чтобы обмануть время. Степанъ Аркадьевичъ былъ бы для него самый пріятный собесѣдникъ, но онъ ѣхалъ, какъ онъ говорилъ, на вечеръ, въ дѣйствительности же въ балетъ. Левинъ только успѣлъ сказать ему что онъ счастливъ и что онъ любитъ его, и никогда, никогда не забудетъ то что онъ для него сдѣлалъ. Степанъ Аркадьевичъ ничего не сказалъ, но его восторженный взглядъ и улыбка показали Левину что онъ понималъ, какъ должно, это чувство. Онъ понималъ что это чувство выше словъ и что говорить объ этомъ чувствѣ нельзя, а можно только умиляться и онъ съ умиленіемъ пожалъ его руку. Дарья Александровна, прощаясь съ нимъ, тоже какъ бы поздравляла его, сказавъ: „какъ я рада что вы встрѣтились опять съ Кити, надо дорожить старыми дружбами“, но Левину не пріятны были эти слова Дарьи Александровны. Она не могла понять какъ все это было высоко и недоступно ей и она не должна была смѣть уломивать объ этомъ. Левинъ простился съ ними, но чтобы не остаться одному прицѣпился къ своему брату.

— Ты куда ѣдешь?

— Я въ засѣданіе.

— Ну и я съ тобой. Можно?

— Отчего же? поѣдемъ, улыбаясь сказалъ Сергій Ивановичъ.— Что съ тобой нынче?

— Со мной? Со мной счастье, сказалъ Левинъ, опуская окно кареты, въ которой они ѣхали.—Ничего тебѣ, а то душно. Со мной счастье. Отчего ты не женился никогда?

Сергій Ивановичъ улыбнулся.

— Я очень радъ, она кажется олавная дѣ..... началъ было Сергій Ивановичъ.

— Не говори, не говори, не говори! закричалъ Левинъ, схвативъ его обѣими руками за воротникъ его шубы и запакивая

его. „Она славная дѣвушка“ были такія простыя, неизменные слова, столь несоотвѣтственныя его чувству.

Сергій Ивановичъ засмѣялся веселымъ смѣхомъ, что съ нимъ рѣдко бывало.

— Ну все-таки можно сказать что я очень радъ этому.

— Это можно завтра, завтра, и больше ничего. Ничего, ничего, молчаніе! сказалъ Левинъ и, залагнувъ его еще разъ шубой, прибавилъ:—я тебя очень люблю. Что же можно имѣть въ засѣданіи?

— Разумѣется, можно.

— О чемъ у васъ нынче рѣчь? спрашивалъ Левинъ, не переставая улыбаться.

Они пріѣхали въ засѣданіе. Левинъ слушалъ какъ секретарь, заливаясь, читалъ протоколъ котораго очевидно самъ не понималъ, но Левинъ видѣлъ по лицу этого секретаря какой онъ былъ милый, добрый и славный человекъ. Это видно было по тому какъ онъ мѣшался и конфузился читая протоколъ. Потомъ начались рѣчи. Они спорили объ отчисленіи какихъ-то суммъ и о проведеніи какихъ-то трубъ, и Сергій Ивановичъ уязвилъ двухъ членовъ и что-то побѣдоносно долго говорилъ; и другой членъ, записавъ что-то на бумажкѣ, заробѣлъ сначала, но потомъ отвѣтилъ ему очень ядовито и мило. И потомъ Свіяжскій (онъ былъ тутъ же) тоже что-то сказалъ такъ красиво и благородно. Левинъ слушалъ ихъ и ясно видѣлъ что ни этихъ отчисленныхъ суммъ, ни трубъ, ничего этого не было и что они вовсе не сердились, а что они были всѣ такіе добрые, славные люди и такъ все это хорошо, мило шло между ними. Никому они не мѣшали и всѣмъ было пріятно. Замѣчательно было для Левина что они всѣ для него нынче были видны насквозь, и по маленькимъ, прежде незамѣтнымъ признакамъ, онъ узнавалъ душу каждаго и ясно видѣлъ что они всѣ были добрые. Въ особенности его, Левина, они всѣ чрезвычайно любили нынче. Это видно было по тому какъ они говорили съ нимъ, какъ ласково, любовно смотрѣли на него даже всѣ незнакомые.

— Ну что же, ты доволенъ? спросилъ у него Сергій Ивановичъ.

— Очень. Я никакъ не думалъ что это такъ интересно, славно, прекрасно.

Свіяжскій подошелъ къ Левину и звалъ его къ себѣ чай пить. Левинъ никакъ не могъ понять и вспомнить

чѣмъ онъ былъ недоволенъ въ Свіажскомъ, чего онъ искалъ отъ него. Онъ былъ умный и удивительно добрый человекъ.

— Очень радъ, сказалъ онъ. И спросилъ про жену и про свояченицу. И по странной филиаціи мыслей, такъ какъ въ его воображеніи мысль о свояченицѣ Свіажскаго связывалась съ бракомъ, ему представилось что никому лучше нельзя разказать своего счастья какъ женѣ и свояченицѣ Свіажскаго, и онъ очень былъ радъ ѣхать къ нимъ.

Свіажскій разспрашивалъ его про его дѣло въ деревнѣ, какъ и всегда не предполагая никакой возможности найти что-нибудь не найденное въ Европѣ, и теперь это нисколько не неприятно было Левину. Онъ, напротивъ, чувствовалъ что Свіажскій правъ, что все это дѣло ничтожно и видѣлъ удивительную мягкость и нѣжности, съ которою Свіажскій избѣгалъ высказыванья своей правоты. Дамы Свіажскаго были особенно милы. Левину казалось что онѣ все уже знаютъ и сочувствуютъ ему, но не говорятъ только изъ деликатности. Онъ просидѣлъ у нихъ часъ, два, три, разговаривая о разныхъ предметахъ, но подразумѣвалъ одно то что наполняло его душу и не замѣчалъ того что онъ надобѣлъ имъ ужасно и что имъ давно пора была спать. Свіажскій проводилъ его до передней, зѣвая и удивляясь тому странному состоянию, въ которомъ былъ его пріятель. Былъ второй часъ. Левинъ вернулся въ гостиницу и услужался мысли о томъ какъ онъ одинъ теперь съ своимъ нетерпѣніемъ проведетъ остающіеся ему еще десять часовъ. Не славшій чередовой лакей зажечь ему свѣчи и хотѣлъ уйти, но Левинъ остановилъ его. Лакей этотъ Егоръ, котораго прежде не замѣчалъ Левинъ, оказался очень умнымъ и хорошимъ, а главное добрымъ человекомъ.

— Что же, трудно Егоръ не спать?

— Что дѣлать! Наша должность такая. У господъ покойнѣе; за то расчетовъ здѣсь больше.

Оказалось что у Егора была семья, три мальчика и дочь швея которую онъ хотѣлъ отдать замужъ за прикащика въ шорной лавкѣ.

Левинъ, по этому случаю, сообщилъ Егору свою мысль о томъ что въ бракѣ главное дѣло любовь, и что съ любовью всегда будешь очастливъ, потому что счастье бываетъ только въ себѣ самомъ.

Егоръ внимательно выслушалъ и очевидно вполне понималъ

мысль Левина, но въ подтвержденіе ея онъ привелъ неожиданное для Левина замѣчаніе о томъ что когда онъ жилъ у хорошихъ господъ, онъ всегда былъ своими господами доволенъ и теперь вполнѣ доволенъ своимъ хозяиномъ, хотъ онъ Французъ.

Удивительно добрый человекъ, думалъ Левинъ.

— Ну, а ты Егоръ, когда женился, ты любилъ свою жену?

— Какъ же не любить, отвѣчалъ Егоръ.

И Левинъ видѣлъ что Егоръ находится тоже въ восторженномъ состояніи, и намѣревается высказать всѣ свои душевные чувства.

— Моя жизнь тоже удивительная. Я съизмалства, началъ онъ, блестя глазами очевидно заразившись восторженностію Левина, также какъ люди заражаются зѣвотой.

Но въ это время послышался звонокъ; Егоръ ушелъ и Левинъ остался одинъ. Онъ почти ничего не ѣлъ за обѣдомъ, отказался отъ чая и ужина у Свѣжскихъ, но не могъ подумать объ ужинѣ. Онъ не спалъ прошлую ночь, но не могъ и думать о снѣ. Въ комнатѣ было свѣжо, но его душила жара. Онъ отворилъ обѣ форточки и сѣлъ на столъ противъ форточекъ. Изъ-за покрытой снѣгомъ крыши видны были узорчатый съ цѣлями крестъ и выше его, поднимающійся треугольникъ созвѣздія Возничаго съ желтовато-яркою Капеллой. Онъ смотрѣлъ то на крестъ, то на звѣзду, вдыхалъ въ себя свѣжій морозный воздухъ равномерно вбѣгающій въ комнату, и какъ во снѣ сѣдѣлъ за возникающими въ воображеніи образами и воспоминаніями. Въ четвертомъ часу онъ услышалъ шаги по корридору и выглянулъ въ дверь. Это возвращался знакомый ему игрокъ Мяскинъ изъ клуба. Онъ шелъ мрачно, насулившись и откашливаясь. Бѣдный, несчастный, подумалъ Левинъ и слезы выступили ему на глаза отъ любви и жалости къ этому человекъ. Онъ хотѣлъ поговорить съ нимъ, утѣшить его; но вспомнивъ что онъ въ одной рубашкѣ, раздумалъ и опять сѣлъ къ форточкѣ, чтобы купаться въ холодномъ воздухѣ и глядѣть на этотъ чудной формы молчаливый, но полный для него значенія крестъ и на возносящуюся желтоватую звѣзду. Въ седьмомъ часу зашумѣли полотеры, зазвонили къ какой-то службѣ и Левинъ почувствовалъ что начинаетъ зябнуть. Онъ затворилъ форточку, умылся, одѣлся и вышелъ на улицу.

## XIV.

На улицахъ еще было пусто. Левинъ пошелъ къ дому Щербацкихъ. Парадная дверь была залерты и все спало. Онъ пошелъ назадъ, вошелъ опять въ номеръ и потребовалъ кофе. Другой лакей принесъ ему. Левинъ хотѣлъ вступить съ нимъ въ разговоръ, но лакею позвонили и онъ ушелъ. Левинъ попробовалъ отпить кофе и положить калачъ въ ротъ, но ротъ его рѣшительно не зналъ что дѣлать съ калачомъ. Левинъ выплюнулъ калачъ, надѣлъ пальто и пошелъ опять ходить. Былъ десятый часъ, когда онъ во второй разъ пришелъ къ крыльцу Щербацкихъ. Въ домѣ только-что встали и поварь шелъ за провизией. Надо было прожить еще по крайней мѣрѣ два часа. Всю эту ночь и утро онъ жилъ совершенно безсознательно и чувствовалъ себя совершенно изъятымъ изъ условій матеріальной жизни. Онъ не вѣлъ цѣлый день, не спалъ двѣ ночи, провелъ нѣсколько часовъ раздѣтымъ на морозѣ и чувствовалъ себя не только свѣжимъ и здоровымъ какъ никогда, но онъ чувствовалъ себя совершенно независимымъ отъ тѣла: онъ двигался безъ усилія мышцъ и чувствовалъ что все можетъ сдѣлать. Онъ былъ увѣренъ что полетѣлъ бы вверхъ или сдвинулъ бы уголъ дома есaubъ это понадобилось. Онъ проходилъ остальное время по улицамъ безпрестанно поглядывая на часы и радостно оглаживаясь по сторонамъ.

И что онъ видѣлъ тогда, того послѣ уже онъ никогда не видалъ. Въ особенности дѣтъ шедшія въ школу, голуби сизые, слетѣвшіе съ крыши на тротуаръ и сайки посыланная мукой, которыя выставила невидимая рука, тронули его. Эти сайки, голуби и два мальчика были неземныя существа. Все это случилось въ одно время: мальчикъ подбѣжалъ къ голубю и улыбался взглянулъ на Левина; голубь затрепалъ крыльями и отпорхнулъ, блестя на солнцѣ между дрожащими въ воздухѣ пылинками сѣнга, а изъ окошка пахнуло духомъ лещанаго хлѣба и выставились сайки. Все это вмѣстѣ было такъ необычайно хорошо что Левинъ засмѣялся и залакалъ отъ радости. Сдѣлавъ большой кругъ по Газетному Переулку и Кисловкѣ, онъ вернулся опять въ гостиницу и положивъ предъ собой часы сѣлъ ожидая двѣнадцата. Въ осѣдшемъ

вомеръ говорили что-то о машинахъ и обманѣ, и капля утренняя кашлемъ. Они ничего не знали и не понимали что уже стрѣлка подходитъ къ двѣнадцати. Стрѣлка подошла. Левинъ вышелъ на крыльцо. Извозчики очевидно все знали. Они съ счастливыми лицами окружили Левина спора между собой и предлагая свои услуги. Стараясь не обидѣть другихъ извозчиковъ и обѣщая съ тѣми тоже поѣздить, Левинъ взял одного и велѣлъ ѣхать къ Щербацкимъ. Извозчикъ былъ прелестенъ въ бѣломъ высунутомъ изъ подъ кафтана и натянутаго на валитой красной, крѣпкой шеѣ воротѣ рубахи. Сави у этого извозчика были высокія, ловкія, такія на какихъ онъ уже послѣ никогда не ѣздилъ и лошадь была хороша и старалась бѣжать но не двигалась съ мѣста. Извозчикъ зналъ домъ Щербацкихъ и особенно почтительно къ свѣдоку округливъ руки и сказавъ „пру“, осадилъ у подъѣзда. Швейцаръ Щербацкихъ навѣрное все зналъ. Это видно было по его улыбкѣ его глазъ и по тому какъ онъ сказалъ:

— Ну, давно не были, Константинъ Дмитріевичъ.

Не только онъ все зналъ, но онъ очевидно ликовалъ и дѣлалъ усилія чтобы скрыть свою радость. Взглянувъ въ его старческіе милые глаза, Левинъ понялъ даже что-то еще новое въ своемъ счастьи.

— Встали?

— Пожалуйте! А то оставьте здѣсь, сказалъ онъ улыбаясь, когда Левинъ хотѣлъ вернуться взять шалку. Это что-нибудь значило.

— Кому доложить прикажете? спросилъ лакей.

Лакей былъ хотя и молодой и изъ новыхъ лакеевъ, франтъ, но очень добрый и хорошій человекъ и тоже все понималъ.

— Княгиня... Князю... Княжѣ... сказалъ Левинъ.

Первое лицо которое онъ увидалъ была mademoiselle Linon. Она шла чрезъ залу и буфетку и лицо ея сіяло. Онъ только-что заговорилъ съ нею, какъ вдругъ за дверью послышалась шорохъ платья, и mademoiselle Linon исчезла изъ глазъ Левина и радостный ужасъ близости своего счастья сообщился ему. Mademoiselle Linon заторопилась и, оставивъ его, пошла къ другой двери. Только-что она вышла, быстрые, быстрые, легкіе шаги зазвучали по паркету и его счастье, его жизнь, онъ самъ—лучшее его самого себя, то чего онъ искалъ и желалъ такъ долго, быстро, быстро близилось къ нему. Она не шла, но какою-то невидимой силой несась къ нему.



Онъ видѣлъ только ея ясные, правдивые глаза, испуганные той же радостью любви, которая наполняла и его сердце. Глаза эти свѣтились ближе и ближе, ослабляя его своимъ свѣтомъ любви. Она остановилась подлѣ самого его. Руки ея подымались и опять опускались.

Она сдѣлала все что могла, она подбѣжала къ нему и отдавалась вся робѣя и радуясь. Онъ обнялъ ее и прижалъ губы къ ея рту, искавшему его поцѣлуя.

Она тоже не спала всю ночь и все утро ждала его. Мать и отецъ были беспорочно согласны и счастливы ея счастьемъ. Она ждала его. Она первая хотѣла объявить ему свое и его счастье. Она готовилась одна встрѣтить его и радовалась этой мысли и робѣла и стыдилась и сама не знала что она сдѣлаетъ. Она слышала его шаги и голосъ и ждала за дверью пока уйдетъ mademoiselle Linon. Mademoiselle Linon ушла. Она не думая, не спрашивая себя какъ и что, подошла къ нему.

— Пойдемте къ мамѣ! сказала она, взявъ его за руку. Онъ долго не могъ ничего сказать, не столько потому чтобъ онъ боялся словомъ испортить высоту своего чувства, сколько потому что каждый разъ какъ онъ хотѣлъ сказать что-нибудь, вмѣсто словъ, онъ чувствовалъ что у него вырвутся слезы счастья. Онъ взялъ ея руку и поцѣловалъ.

— Неужели это правда? сказалъ онъ наконецъ глухимъ голосомъ. — Я не могу вѣрить что ты любишь меня!

Она улыбнулась этому „ты“, и той робости съ которою онъ вглядывалъ на нее.

— Да, значительно медленно проговорила она! я такъ счастлива.

Она не выпуская руки его вошла въ гостиную. Княгиня, увидавъ ихъ, задышала часто и тотчасъ же заплакала, и тотчасъ же засмѣялась и такимъ энергическимъ шагомъ какого не ждалъ Левинъ подбѣжала къ нимъ и, обнявъ голову Левину, поцѣловала его и обмочила его щеки слезами.

— Такъ все кончено. Я рада. Люби ее. Я рада... Кити!

— Скоро устроились! сказалъ старый князь, стараясь быть равнодушнымъ, но Левинъ замѣтилъ что глаза его были влажны когда онъ обратился къ нему.

— Я давно, всегда этого желалъ, сказалъ онъ, взявъ за руку Левина, и притягивая его къ себѣ. — Я еще тогда когда эта вѣтревица вздумала...

— Пала! воскликнула Кити и закрыла ему ротъ руками.

— Ну, не буду, сказалъ онъ. — Я очель очель... ра. Ахъ какъ я глулъ.

Онъ обнялъ Кити, поцѣловалъ ее лицо, руку, олять лицо и перекрестилъ ее.

И Левина охватило новое чувство любви къ этому прежде чуждому ему человѣку, старому князю, когда онъ смотрѣлъ какъ Кити долго и нѣжно цѣловала его мясистую руку.

Княгиня сидѣла въ креслѣ молча и улыбалась, князь сѣлъ подлѣ нея. Кити стояла у кресла отца, все не выпуская его руку. Всѣ молчали.

Княгиня первая назвала все словами и перевела всѣ мысли и чувства въ вопросы жизни. И всѣмъ одинаково странно и больно даже это показалось въ первую минуту.

— Когда же? Надо благословить и объявить. А когда свадьба, мы подумаемъ. Какъ ты думаешь, Александръ?

— Вотъ онъ, сказалъ старый князь указывая на Левина.— Онъ тутъ главное лицо.

— Когда? сказалъ Левинъ краснѣя.— Завтра. Если вы меня спрашиваете, то по моему нынче благословить и завтра свадьба.

— Ну, полно шоп снэг, глупости.

— Ну черезъ недѣлю.

— Онъ точно сумашедшій.

— Нѣтъ, отчего же?

— Да помилуй, радостно улыбаясь этой поспѣшности, сказала мать.— А приданое?

Неужели будетъ приданое и все это, подумалъ Левинъ съ ужасомъ, а впрочемъ развѣ можетъ приданое и благословенье и все это—развѣ это можетъ испортить мое счастье. Ничто не можетъ испортить. Онъ взглянулъ на Кити и замѣтилъ что ее нисколько, нисколько не оскорбила мысль о приданомъ. Стало-быть это нужно, подумалъ онъ.

— Я вѣдь ничего не знаю, я только сказалъ свое желаніе, проговорилъ онъ извиняясь.

— Такъ мы разсудимъ. Телерь можно благословить и объявить! Это такъ.

Княгиня подошла къ мужу, поцѣловала его и хотѣла идти, но онъ удержалъ ее, обнялъ и нѣжно какъ молодой влюбленный нѣсколько разъ улыбаясь поцѣловалъ ее. Старики очевидно спутались на минутку и не знали хорошенько они ли олять влюблены или только дочь ихъ. Когда князь съ княгиней вышли, Левинъ подошелъ къ своей невѣстѣ и взялъ ее за руку. Онъ телерь овладѣлъ собой и могъ говорить, и ему

многое нужно было сказать ей. Но онъ сказалъ совсѣмъ не то что нужно было.

— Какъ я зналъ что это такъ будетъ. Я никогда не надеялся; но въ душѣ я былъ увѣренъ всегда, сказалъ онъ. — Я вѣрю что это было предназначено.

— А я? сказала она. — Даже тогда....—Она осталась и опять продолжала рѣшительно глядя на него своими правдивыми глазами:—даже тогда когда я оттолкнула отъ себя свое счастье. Я любила всегда васъ одного, но я была увлечена. Я должна сказать. Вы можете забыть это?

— Можетъ-быть это къ лучшему. Вы мнѣ должны простить многое. Я долженъ сказать вамъ.

Это было одно изъ того что онъ рѣшилъ сказать ей. Онъ рѣшился сказать ей съ первыхъ же дней двѣ вещи—то что онъ не такъ чистъ, какъ она, и другое—что онъ лѣвый. Это было мучительно, но онъ считалъ что долженъ сказать и то и другое.

— Нѣтъ, не теперь, послѣ, сказалъ онъ.

— Хорошо, послѣ, но непременно скажите. Я не боюсь ничего. Мнѣ нужно все знать. Теперь кончено.

Онъ досказалъ:—Кончено то что вы возьмете меня какой бы я ни былъ, не откажетесь отъ меня. Да?

— Да, да.

Разговоръ ихъ былъ прерванъ mademoiselle Linon, которая хотя и притворно, но вѣжливо улыбаясь пришла поздравлять свою любимую воспитанницу. Еще она не вышла какъ съ пожеланіями пришли слуги. Потомъ пріѣхали родные и началась тотъ блаженный сумбуръ изъ котораго Левинъ не выходилъ до другаго дня своей свадьбы. Левину было постоянно неловко, скучно, но напряжение счастья шло все увеличиваясь. Онъ постоянно чувствовалъ что отъ него требуется многое, чего онъ не знаетъ, и онъ дѣлалъ все что ему говорили, и все это доставляло ему счастье. Онъ думалъ что его сватовство не будетъ имѣть ничего похожаго на другія, что обычныя условія сватовства испортятъ его особенное счастье, но кончилось тѣмъ что онъ дѣлалъ то же что другіе и счастье его отъ этого только увеличивалось и дѣлалось болѣе и болѣе особеннымъ, не имѣвшимъ и не имѣющимъ ничего подобнаго.

— Теперь мы поѣдимъ конфетъ, говорила Mlle Linon, и Левинъ вѣдалъ покупать конфеты.

— Ну, очень радъ, сказалъ Свѣжскій.—Я вамъ совітую букеты брать у Омина.

А надо? И онъ ѣхалъ къ Омину. Братъ говорилъ ему что надо занять денегъ, потому что будетъ много расходовъ, подарки..

А надо подарки? И онъ скакалъ къ Фульде.

И у коадитера, и у Омина, и у Фульда онъ видѣлъ что его ждали, что ему рады и торжествуютъ его счастье также какъ и всѣ съ кѣмъ онъ имѣлъ дѣло въ эти дни. Необыкновенно было то что его всѣ не только любили, но и всѣ прежде несимпатичные, холодные, равнодушные люди, восхищаясь имъ, покорялись ему во всемъ, вѣжло и деликатно общались съ его чувствомъ и раздѣляли его убѣжденіе что онъ былъ счастливѣйшимъ въ мірѣ человекомъ, потому что невѣста его была верхъ совершенства. То же самое чувствовала и Кити. Когда графиня Нордстонъ позволила себѣ замечнуть о томъ что она желала чего-то лучшаго, то Кити такъ разгорячилась и такъ убѣдительно доказала что лучше Левина ничего не можетъ быть на свѣтѣ что графиня Нордстонъ должна была признать это, и въ присутствіи Кити безъ улыбки восхищенія уже не встрѣчала Левина.

Объясненіе обѣщанное имъ было одно тяжелое событіе того времени. Онъ посоветовался со старымъ княземъ и, получивъ его разрѣшеніе, передалъ Кити свой дневникъ въ которомъ было написано то что мучало его. Онъ и писалъ этотъ дневникъ тогда въ виду будущей невѣсты. Его мучали двѣ вещи: его неневѣжливость и невѣріе. Признаніе въ невѣріи прошло незамѣченнымъ. Она была религіозна, никогда не сомнѣвалась въ истинѣхъ религіи, но его вѣдшее невѣріе даже нисколько не затронуло ее. Она знала любовью всю его душу и въ душѣ его она видѣла то чего она хотѣла, а что такое состояніе души называется быть невѣрующимъ, это ей было все равно. Другое же признаніе заставило ее горько плакать.

Левинъ не безъ внутренней борьбы передалъ ей свой дневникъ. Онъ зналъ что между имъ и ею не можетъ и не должно быть тайнъ, и потому онъ рѣшилъ что такъ должно; но онъ не далъ себѣ отчета о томъ какъ это можетъ подѣйствовать, онъ не перенесся въ нее. Только когда въ этотъ вечеръ онъ пріѣхалъ къ нимъ предъ театромъ, вошелъ въ ея комнату и увидалъ залаканное, несчастное отъ непоправимаго, имъ произведеннаго горя, жалкое и милое лицо, онъ поглялъ ту лучину, которая отдѣляла его позорное прошедшее отъ ея голубиной чистоты и ужаснулся тому что онъ сдѣлалъ.

— Возьмите, возьмите эти ужасныя книги, сказала она, оттакаявая лежавшія предъ ней на столѣ тетради.— Зачѣмъ вы дали ихъ мнѣ?

— Нѣтъ, все-таки лучше, прибавила она, сжаившись надъ его отчаяннымъ лицомъ.— Но это ужасно, ужасно!

Онъ опустилъ голову и молчалъ. Онъ ничего не могъ сказать.

— Вы не простите меня, прошепталъ онъ.

— Нѣтъ, я простала, но это ужасно.

Однако счастье его было такъ велико что это признаніе не нарушило его, а придало ему только новый отблескъ. Она простала его; но съ тѣхъ поръ онъ еще болѣе считалъ себя недостойнымъ ея, еще лиже нравственно склонялся предъ нею и еще выше цѣнилъ свое незаслуженное счастье.

## XV.

Невольно перебирая въ своемъ воспоминаніи впечатлѣнія разговоровъ вѣданныхъ во время и послѣ обѣда, Алексѣй Александровичъ возвращался въ свой одинокій номеръ. Слова Дарьи Александровны о прощеніи произвели въ немъ только досаду. Приложение или неприменіе христіанскаго правила къ своему случаю былъ вопросъ слишкомъ трудный, о которомъ нельзя было говорить слегка, и вопросъ этотъ былъ уже давно поднятъ и рѣшенъ Алексѣемъ Александровичемъ отрицательно. Изъ всего сказаннаго болѣе запаали въ его воображеніе слова гаулаго добраго Туровцева: „*Молодецки поступилъ, вызвалъ на дуэль и убилъ*“. Въ очевидно сочувствовалъ этому, но не выказали сочувствія только потому что я поступилъ иначе.

Впрочемъ это дѣло кончено, нечего думать объ этомъ, сказалъ онъ себѣ. И только думая о предстоящемъ отъѣздѣ и дѣлѣ ревизіи, онъ вошелъ въ свой номеръ и спросилъ у проводившаго швейцара гдѣ его лакей; швейцаръ сказалъ что лакей только-что вышелъ. Алексѣй Александровичъ велѣлъ себѣ подать чаю, сѣлъ къ столу, и взявъ Фрума сталъ соображать маршрутъ путешествія.

— Двѣ телеграммы, сказалъ вернувшійся лакей, входя въ комнату.— Извините, ваше превосходительство, я только вышелъ.

Алексѣй Александровичъ взялъ телеграммы и распечаталъ. Первая телеграмма было извѣстіе о назначеніи Стрелова на то самое мѣсто котораго желалъ Каренинъ. Алексѣй Александровичъ бросилъ делешу и, покраснѣвъ, всталъ, и сталъ ходить

по комматъ. „Quos vult perdere dementat“, сказалъ онъ, разумѣя подъ quos тѣ лица которыя содѣйствовали этому назначенію. Ему не то было досадно что не онъ получилъ это мѣсто, что его очевидно обошли, но ему непонятно, удивительно было, какъ они не видали что боатуиъ, фразеръ—Стремомъ мнѣ всякаго другаго способеъ къ этому. Какъ они не видали что они губили себя, свой prestige этимъ назначеніемъ!

„Что-нибудь еще въ этомъ родѣ“, сказалъ онъ себѣ желая, открывая вторую денешу. Телеграмма была отъ жены. Подлисъ ея синиикъ карандашомъ „Анна,“ первая бросилась ему въ глаза. „Умираю, прошу, умоляю пріѣхать. Умру съ прощаніемъ слокойнѣ“, прочелъ онъ. Онъ презрительно улыбауся и бросилъ телеграмму. Что это былъ обманъ и хитрость, въ этомъ, какъ ему казалось, въ первую минуту, не могло быть никакого сомнѣнія. Нѣтъ обмана предъ которымъ она бы остановилась. Она должна родить. Можетъ-быть болѣзнь родовъ. Но какая же изъ цѣль? Узаконить ребенка, компрометировать меня и помѣшать разводу, думалъ онъ. Но что-то тамъ сказано: умираю.... Онъ перечелъ телеграмму; и вдругъ прямой смыслъ того что было сказано въ ней поразилъ его.—А если это правда? сказалъ онъ себѣ. Если правда что въ минуту страданій и близости смерти она искренно рассказываетъ и, я принявъ это за обманъ, откажусь пріѣхать. Это будетъ не только жестоко и все осудятъ меня, но это будетъ гауло съ моей стороны.

— Петръ, оставови карету.—Я ѣду въ Петербургъ, сказалъ онъ лакею.

Обдумавъ разъ свое положеніе и предстоящую ему дѣтельность Алексѣй Александровичъ уже не разстраивалъ своего рѣшенія, придумывая впередъ различныя случайности могуція измѣнить его. Онъ рѣшилъ что поѣдетъ въ Петербургъ и увидитъ жену. Если ея болѣзнь есть обманъ, то онъ промолчитъ и уѣдетъ. Если она дѣйствительно больна при смерти и желаетъ его видѣть предъ смертью, то онъ долженъ простить ее если застанетъ въ живыхъ, и отдать послѣдній долгъ если пріѣдетъ слишкомъ поздно. Всю дорогу онъ не думалъ больше о томъ что ему дѣлать, не представляя себѣ картинъ того что онъ увидитъ.

Съ чувствомъ усталости и нечистоты производимымъ ночью въ вагонѣ, онъ въ равнемъ туманѣ Петербурга ѣхалъ по пустынному Невскому и глядѣлъ предъ собою, не думая о томъ что ожидало его. Онъ не могъ думать объ этомъ потому что

представляя себѣ то что будетъ, онъ не могъ отогнать предположенія о томъ что смерть ея развяжетъ сразу всю трудность его положенія и особенно долго останавливался на этомъ предположеніи. Хлѣбки, лавки заперты, ночные извозчики, дворники метущіе тротуары мелькали въ его глазахъ, и онъ наблюдалъ все это, стараясь заглушить въ себѣ мысль о томъ что ожидаетъ его и чего онъ не смѣетъ желать и все-таки желаетъ. Онъ подѣхалъ къ крыльцу. Извозчикъ и карета со спящимъ кучеромъ стояли у подъезда. Входя въ сѣни, Алексѣй Александровичъ какъ бы досталъ изъ дальняго угла своего мозга рѣшеніе и справился съ нимъ. Тамъ значилось: „Если обманъ, то презрѣніе спокойное и увѣять. Если правда, то соблюсти приличія.“

Швейцаръ отворилъ дверь еще прежде чѣмъ Алексѣй Александровичъ позвонилъ. Швейцаръ Петровъ имѣлъ странный видъ въ старомъ сюртукѣ, безъ галстука и въ туфляхъ.

— Что барыня?

— Слава Богу, вчера разрѣшилась благополучно.

Алексѣй Александровичъ остановился и любѣдѣлъ. Онъ ясно почувствовалъ теперь съ какою силой онъ желалъ ея смерти.

— А здоровье?

Карней въ утреннемъ фартукѣ сбѣжалъ съ лѣстницы.

— Очень плохо, отвѣчалъ онъ.—Вчера былъ консилиумъ и теперь докторъ здѣсь.

— Возьми вещи, сказалъ Алексѣй Александровичъ, и испытывая нѣкоторое облегченіе отъ извѣстія что есть все-таки надежда смерти, онъ вошелъ въ переднюю.

На вѣшаахъ было военное пальто. Алексѣй Александровичъ замѣтилъ это и спросилъ:

— Кто здѣсь?

— Докторъ, акушерка и графъ Вронскій.

Я все готовъ перенести, только бы все кончилось, подумалъ Алексѣй Александровичъ, и прошелъ во внутреннія комнаты.

Въ гостиной никого не было; изъ ея кабинета, на звукъ его шаговъ, вышла акушерка въ чепцѣ съ лиловыми лентами.

Она съ фамильярностью близости смерти подошла къ Алексѣю Александровичу и взявъ его за руку повлекла въ спальню.

— Слава Богу что вы пріѣхали. Только о васъ и о васъ, сказала она.

— Дайте же льду скорѣе, сказалъ изъ спальни повелительный голосъ доктора.

Алексѣй Александровичъ прошелъ въ ея кабинетъ. У ея стола бокомъ къ слуху на низкомъ стулѣ сидѣлъ Вронскій и, закрывъ лицо руками, плакалъ. Онъ вскочился на голосъ доктора, оттаялъ руки отъ измученнаго перебивавшагося лица и увидалъ Алексѣя Александровича. Увидавъ мужа, онъ такъ смутился что олять свѣтъ, втягивая голову въ плечи, какъ бы желая исчезнуть куда-нибудь; но онъ сдѣлалъ усиліе надъ собой, поднялся и сказалъ:

— Она умираетъ, доктора сказали что нѣтъ надежды, а весь въ вашей власти, но позвольте мнѣ быть тутъ... впрочемъ я въ вашей волѣ, я...

Алексѣй Александровичъ увидавъ слезы Вронскаго вдругъ почувствовалъ приливъ того душевнаго расстройства которое производилъ въ немъ видъ страдающей другіихъ людей, и отворачивая лицо онъ, не дослушавъ его словъ, послѣшше пошелъ къ двери. Изъ спальни слышался голосъ Анны, говорившій что-то. Голосъ ея былъ веселый, оживленный, съ чрезвычайно опредѣленными интонаціями. Алексѣй Александровичъ вошелъ въ спальню и подошелъ къ кровати. Она лежала повернувшись лицомъ къ нему. Щеки рѣдкіи румянцемъ, глаза блестящи, маленькія, бѣлыя ручки высовывалась изъ манжетъ кофты, играли, перебивая его, угломъ одѣяла. Казаалось, она была не только здорова и свѣжа, но въ наилучшемъ расположеніи духа. Она говорила скоро, звучно и съ необыкновенно правильными и прочувствованными интонаціями.

— Потому что, Алексѣй, я говорю про Алексѣя Александровича (какая странная, ужасная судьба, что оба Алексѣи, не правда ли?), Алексѣй не отказалъ бы мнѣ. Я бы забыла, онъ бы простилъ... Да чтожь онъ не ѣдетъ? Онъ добръ, онъ самъ не знаетъ какъ онъ добръ. Ахъ, Боже мой, какая тоска! Дайте мнѣ поскорѣй воды. Ахъ, это ей, дѣвочки моей, будетъ вредно! Ну, хорошо, ну дайте ей кормилицу. Ну, я согласна, это даже лучше. Онъ пріѣдетъ, ему больно будетъ видѣть ее. Отдайте ее.

— Анна Аркадьевна, онъ пріѣхалъ. Вотъ онъ, говоритъ акушерка, стараясь обратить на Алексѣя Александровича ея вниманіе; но она смотрѣла мимо.

— Ахъ, какой вздоръ! Да дайте мнѣ ее, дѣвочку, дайте. Онъ еще не пріѣхалъ. Вы оттого говорите, что не простить, что вы не знаете его. Никто не зналъ. Одна я, и то мнѣ тяжело стало. Его глаза, надо знать, у Сережи точно такіе же, и я ихъ видѣть не могу отъ этого. Дали ли Сережѣ обѣдаты?



Вѣдь я знаю, всё забудутъ. Онъ бы не забылъ. Надо Сережу перевести въ угольную и Mariette попросить съ нимъ лечь.

Вдругъ она ожалась, затихла и съ испугомъ, какъ будто ожидая удара, какъ будто защищаясь, подняла руки къ лицу. Она увидала мужа.

— Нѣтъ, нѣтъ, заговорила она,— я не боюсь его, я боюсь смерти. Алексѣй, подойди сюда. Я тороплюсь оттого что мнѣ некогда, мнѣ осталось жить не много, сейчасъ начнется жаръ, и я ничего ужъ не пойму. Теперь я ловимаю и все понимаю, я все вижу.

Сморщенное лицо Алексѣя Александровича приняло страдальческое выраженіе; онъ взялъ ее за руку и хотѣлъ что-то сказать, но никакъ не могъ выговорить; нижняя губа его дрожала, но онъ все еще боролся съ своимъ волненіемъ и только изрѣдка взглядывалъ на нее. Но каждый разъ какъ онъ взглядывалъ, онъ видѣлъ глаза ея, которыя смотрѣли на него съ такою умиленною и восторженною нѣжностью какой онъ никогда не видалъ въ нихъ.

— Подожди, ты не знаешь.... Постоите, постоите....—Она остановилась какъ бы собираясь съ мыслями.—Да, начинала она.—Да, да, да. Вотъ что я хотѣла сказать. Не удивляйся на меня. Я все та же.. Но во мнѣ есть другая, я ее боюсь—она полюбила того, и я хотѣла возненавидѣть тебя и не могла забыть про ту которая была прежде. Та не я. Теперь я настоящая, я вся. Я теперь умираю, я знаю, что умру, спроси у него. Я и теперь чувствую, вотъ они, луды на рукахъ, на ногахъ, на пальцахъ. Пальцы вотъ какіе—огромные! Но это все скоро кончится... Одно мнѣ нужно, ты прости меня, прости совсѣмъ. Я ужасна, но мнѣ няня говорила: святая мученица, какъ ее звали? она хуже была. И я поѣду въ Римъ, тамъ пустыня, и тогда я никому не буду мѣшать, только Сережу возьму и дѣвочку... Нѣтъ, ты не можешь простить, я знаю, этого нельзя простить. Нѣтъ, нѣтъ, уйди, ты слышкомъ хороша. Она держала одною горячею рукою его руку, другою отталкивала его.

Душевное разстройство Алексѣя Александровича все усиливалось и дошло теперь до такой степени что онъ уже пересталъ бороться съ нимъ; онъ вдругъ почувствовалъ что то что онъ считалъ душевнымъ разстройствомъ было, напротивъ, блаженное состояніе души, давшее ему вдругъ новое никогда неиспытанное имъ счастье. Онъ не думалъ что тотъ христіанскій законъ которому онъ всю жизнь свою

хотѣлъ сѣдовать, предписывалъ ему прощать и любить своихъ враговъ; но радостное чувство любви и прощенія ко врагамъ наполняло его душу. Онъ стоялъ на колѣнахъ и положивъ голову на ея руку, которая жгла его огнемъ черезъ кофту, рыдалъ какъ ребенокъ. Она обняла его лѣшивъющею главу, подвинулась къ нему и съ вызывающею гордостью подавала къ верху глаза.

— Вотъ онъ, я знала! Теперь прощайте всѣ, прощайте... Опять они пришли, отчего они не уходятъ?.. Да снимите же съ меня эти шубы.

Докторъ отялъ ея руки, осторожно положилъ ее на подушку и накрылъ съ плечами. Она покорно легла навзничъ и смотрѣла предъ собой сіяющимъ взглядомъ.—Помни одно, что мнѣ нужно было одно прощеніе, и ничего больше я не хочу... Отчего жъ онъ не придетъ? заговорила она обращаясь въ дверь къ Вронскому.—Подойди, подойди. Поддай ему руку.

Вронскій подошелъ къ краю кровати и закрылъ лицо руками.

— Открой лицо, смотри на него. Онъ святой, сказала она.— Да открой, открой лицо! сердито заговорила она.—Алексѣй Александровичъ открой ему лицо. Я хочу его видѣть.

Алексѣй Александровичъ взялъ руки Вронскаго и отвелъ ихъ отъ лица, ужаснаго по выраженію страданія и стыда, которыя были на немъ.

— Поддай ему руку. Прости его.

Алексѣй Александровичъ подалъ ему руку не удерживая слезъ которыя лились изъ его глазъ.

— Слава Богу, слава Богу, заговорила она,—теперь все готово. Только невозможно вытянуть ноги. Вотъ такъ, вотъ прекрасно. Какъ эти цвѣты сдѣланы безъ вкуса, совсѣмъ не похоже на фіалку, говорила она, указывая на обои. Боже мой, Боже мой! Когда это кончится? Дайте мнѣ морфину. Докторъ! дайте же морфину. О Боже мой, Боже мой!

И она заметалась на постели.

Докторъ и доктора говорили что это была родильная горячка, въ которой изъ ста было 99 шансовъ что кончится смертью. Весь день былъ жаръ, бредъ и безпамятство. Къ полночи больная лежала безъ чувствъ и почти безъ пульса.

Ждали конца каждую минуту.

Вронскій уѣхалъ домой, но утромъ онъ пріѣхалъ узнать, и Алексѣй Александровичъ, встрѣтивъ его въ передней, сказалъ: „Оставайтесь, можетъ-быть она спроситъ васъ,“ и самъ

провелъ его въ кабинетъ жены. Къ утру опять началось волненіе, живость, быстрота мысли и рѣчи, и опять кончилось безпамятствомъ. На третій день было то же, и доктора сказали что есть надежда. Въ этотъ день Алексѣй Александровичъ вышелъ въ кабинетъ гдѣ сидѣлъ Вронскій, и, залеревь дверь, сѣлъ противъ него.

— Алексѣй Александровичъ, сказалъ Вронскій, чувствуя что приближается объясненіе,—я не могу говорить, не могу понимать. Пощадите меня. Какъ вамъ ни тяжело, повѣрьте что мнѣ еще ужаснѣе.

Онъ хотѣлъ встать. Но Алексѣй Александровичъ взялъ его за руку и сказалъ.

— Я прошу васъ выслушать меня, это необходимо. Я долженъ вамъ объяснить свои чувства, тѣ которыя руководили мной и будутъ руководить, чтобы вы не заблуждались относительно меня. Вы знаете что я рѣшился на разводъ и началъ это нечестное и дурное дѣло. Не жалею отъ васъ что начиная дѣло я былъ въ нерѣшительности, я мучился; признаюсь вамъ что желаніе мстить вамъ и ей преслѣдовало меня.—Онъ прямо и кротко глядѣлъ въ его глаза.—Когда я получилъ телеграмму, я поѣхалъ сюда съ тѣми же чувствами, скажу больше, я желалъ ея смерти. Но... Онъ помолчалъ въ раздумьи открытъ ли или не открытъ ему свое чувство.—Но я увидѣлъ ее и простилъ. И счастье прощенія открыло мнѣ мою обязанность. Я простилъ совершенно. Я хочу подставить другую щеку, я хочу отдать рубаху, когда у меня берутъ кафтанъ, и молю Бога только о томъ чтобы Онъ не отнял у меня счастье прощенія.

Слезы стояли въ его глазахъ, и свѣтлый, спокойный блескъ ихъ поразилъ Вронскаго.

— Вотъ мое положеніе. Вы можете затоптать меня въ грязь, сдѣлать посмѣшищемъ свѣта, я не покину ея, и никогда слова упрека не скажу вамъ, продолжалъ онъ.—Моя обязанность ясно начертана для меня: я долженъ быть съ ней и буду. Если она пожелаетъ васъ видѣть, я дамъ вамъ знать, но телерь, я полагаю, вамъ лучше удалиться.

Онъ всталъ, и рыданья прервали его рѣчь. Вронскій тоже поднялся, и въ нагнупомъ, не выпрямленномъ состояніи изподлобья глядѣлъ на него. Онъ не понималъ чувства Алексѣя Александровича. Но онъ чувствовалъ что это было что-то высшее и даже недоступное ему въ его міровоззрѣніи.

*(Продолж. слѣд.)*

ГРАФЪ ЛЕВЪ ТОЛСТОЙ.

---

# С О Н Е Т Ъ

---

ИЗЪ ШЕКСПИРА.\*

---

О, не тревожь меня напрасными мольбами!  
Прощающихъ слезъ моихъ тебѣ не искулить!  
Докачивай скорбѣ, не взглядами—словами,  
И силою сражай: къ чему тебѣ хитрить!

Скажи что ужь давно не милъ тебѣ я болѣ,  
Но на другихъ при мнѣ такъ вѣжно не гляди;  
Нѣтъ, не лукавь со мной! твоей я отдаю волю  
Свою судьбу; я слабъ: скорбѣ, не щади!

Я все тебѣ прощу, и даже то что зная  
Какъ трепетно твой взглядъ ловилъ я каждый мигъ,  
Ты отъ него меня заботливо спасаая,  
Все имъ, жестокая, делъяла другихъ.

Но только не томи тяжелымъ ожиданьемъ  
И разомъ ты убей меня съ моимъ страдаьемъ.

ГРАФЪ ИВ. МАМУНА.

---

\* O call me not to justify the wrong!

---

# ДВѢ СУДЬБЫ

---

РОМАНЪ  
УИЛКИ КОЛЛИНЗА

---

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

---

## V. Моя исторія.

Когда вы видѣли меня въ послѣдній разъ, мнѣ было тринадцать лѣтъ. Теперь вы встрѣчаете меня опять когда мнѣ двадцать три.

Моя исторія за этотъ промежутокъ времени можетъ быть разказана въ немногихъ словахъ.

О моемъ отцѣ я долженъ сказать что конецъ его жизни оправдалъ предсказаніе госпожи Дермоди. Не прошло года послѣ нашего переселенія въ Америку какъ за полнѣйшею гибелью его земледѣльческихъ предпріятій послѣдовала его смерть. Еслибы не малелькій доходъ моей матери, укрѣпленный за ней предъ ея свадьбой, мы остались бы совершенно разоренными и зависящими отъ милосердія свѣта.

Какъ ни жаль было намъ покинуть добрыхъ друзей, которыхъ мы приобрѣли между чистосердечнымъ и гостепріимнымъ населеніемъ Соединенныхъ Штатовъ, но были причины заставлявшія насъ вернуться послѣ смерти отца на родину.

---

\* См. № 1 Русск. Вѣсти.

Кромѣ девера, о которомъ уже было уломянуто на этихъ страницахъ, у моей матери былъ еще одинъ родственникъ, кузень по имени Джерменъ, на котораго она возлагала большія надежды, какъ на человѣка который могъ помочь мнѣ устроить мою карьеру. Я еще въ дѣтствѣ заключилъ изъ нѣкоторыхъ семейныхъ разговоровъ что этотъ мистеръ Джерменъ любилъ мою мать когда они оба были молоды. Онъ оставался до сихъ поръ холостякомъ, и вѣроятно лѣтъ тому назадъ наследовалъ послѣ смерти брата значительное состояніе. Приобрѣтеніе богатства не произвело никакой перемѣны въ его образѣ жизни. Когда мы съ матерью вернулись въ Англію, онъ былъ одинокимъ старикомъ отдалившимся отъ всѣхъ своихъ другихъ родственниковъ. Если бы мнѣ удалось повѣрнуться мистеру Джермену, я могъ бы считать свою будущность до нѣкоторой степени обезпеченной.

Вотъ что было главною причиною побудившею мать мою возвратиться въ Англію. У меня же была и другая причина—влеченіе къ уединеннымъ берегамъ Зеленаго Озера.

Я надѣялся что прежніе сосѣди Дермоди могли помочь мнѣ отыскать Мери. Добрый старый управляющій былъ сердечно любимъ и почитаемъ въ своемъ маленькомъ мірѣ. Очень могло быть что нѣкоторые изъ его многочисленныхъ друзей въ Суффокѣ узнали что-нибудь о немъ въ теченіе года, который я провелъ въ Америкѣ. Въ моихъ мечтахъ о Мери,—а я мечталъ о ней дни и ночи,—озеро съ его лѣсистыми берегами было всего чаще сценой среди которой являлся мнѣ образъ моей утраченной подруги. Только у этихъ береговъ, казалось мнѣ, могъ я найти путь къ единственному счастью котораго я желалъ,—къ счастью соединиться опять съ Мери.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Лондонъ я отправился въ Суффокъ. Мать отказалась сопровождать меня. Въ ея годы ей было бы слишкомъ тяжело увидать опять знакомыя мѣста, въ которыхъ теперь хозяйничали чужіе.

Какъ больно сжалось мое молодое сердце когда я увидалъ опять знакомыя зеленыя воды. Было это вечеромъ. Первое что бросилось мнѣ въ глаза, была ярко окрашенная лодка, нѣкогда моя лодка, та самая въ которой я и Мери такъ часто катались вмѣстѣ. Теперь въ ней катались люди нанимавшіе нашъ домъ. Ихъ веселый смѣхъ оглашалъ тихую поверхность озера, ихъ флагъ развѣвался на мачтѣ, на которую мнѣ не суждено было привязать флагъ вышитый для меня

маленькою Мери. Я отвернулся от лодки, мнѣ было слишкомъ тяжело глядѣть на нее. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по берегу, я увидалъ на противоположной сторонѣ озера темныя арки лѣтней валади. Вотъ изгородь за которою мы прятались слѣдя за приманкой утокъ, вотъ отверстія въ которыя Тришъ, терьеръ, выходилъ возбуждать глупое любопытство птицъ, а вотъ и извилистая тропинка въ лѣсу по которой мы съ Мери ушли въ коттеджъ управляющаго въ тотъ день когда жестокое внимательство отца разулило насъ. Какъ благоразумно поступила моя мать отказавшись взглянуть опять на эти старыя, дорогія мѣста. Я отвернулся от озера и пошелъ искать успокоенія въ лѣсу.

Послѣ часовой прогулки вдоль извилистаго берега, я обогнулъ озеро и подошелъ къ коттеджу который нѣкогда былъ домомъ Мери.

Дверь была отворена незнакомою мнѣ женщиной. Она учтиво пригласила меня войти въ гостиную, но я уже вытерпѣлъ довольно, я рѣшилъ не переступить порога этого дома и разспросить женщину у двери. Разспросы продолжались не долго. Женщина была новопрїѣзжая въ Суффокъ; ни она, ни мужъ ея никогда не слышали о Дермоди.

Я пошелъ въ другіе коттеджи. Сумерки сгущались, взошелъ мѣсяцъ, огни въ рѣшетчатыхъ окнахъ начали исчезать, а я все еще продолжалъ мое утомительное странствованіе и вездѣ получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ. Никто не зналъ ничего о Дермоди, всякій спрашивалъ меня не приехалъ ли я какого-нибудь извѣстія о немъ. Мнѣ и теперь тяжело вспомнить какъ неудачны были всѣ мои усилія въ этотъ вечеръ. Я переночевалъ въ одномъ изъ коттеджей, а на слѣдующій день вернулся въ Лондонъ убитый своею неудачей, равнодушный ко всему.

Какъ бы то ни было, но мы были разлучены не совсѣмъ. Предсказаніе госпожи Дермоди исполнилось. Я видалъ Мери въ снѣ.

Иногда она являлась съ зеленымъ флагомъ въ рукѣ и повторяла свои прощальныя слова: „не забывай Мери“. Иногда она приводила меня въ нашъ достопамятный уголокъ въ гостиной коттеджа, развертывая бумагу на которой ея бабушка написала для насъ молитвы и мы опять какъ въ былое время молились вмѣстѣ и пѣли гимны. Однажды она явилась въ со слезами на глазахъ: „мы должны ждать, милый, наше

время еще не пришло“, сказала она. Два раза я видѣлъ ее какъ будто взволнованною чѣмъ-то, два раза она говорила мнѣ: „живи терпѣливо, живи безгрѣшно, Джорджъ, ради меня“.

Мы съ матерью поселились въ Лондонѣ и мое образованіе было поручено частному наставнику. По прошествіи нѣкотораго времени въ нашемъ положеніи произошла новая перемѣна. Къ великому удивленію моей матери она получила брачное предложеніе отъ мастера Джермена.

„Не приходите въ ужасъ отъ моего предложенія“ (писалъ старый джентльменъ). „Вы вѣроятно не забыли что я любилъ васъ когда мы оба были молоды и бѣдны. Превія чувства, конечно, уже не могутъ вернуться. Все что я могу просить у васъ въ мои годы это быть подругой конца моей жизни и позволить мнѣ отчасти замѣнить отца для вашего сына. Подумайте объ этомъ, дорогая моя, и скажите согласны ли вы занять мѣсто у очага одиокаго старика.“

Моя мать, сконфуженная какъ молодая дѣвушка, возложила всю отвѣтственность рѣшенія на своего сына. Я рѣшилъ не колеблясь. Давъ согласіе она приметъ руку человѣка достойнаго и почтеннаго; человѣка который былъ преданъ всю жизнь, и возвратитъ себѣ общественное положеніе и благосостояніе которыхъ лишилъ ее мой отецъ. Къ тому же я любилъ мистера Джермена, а мистеръ Джерменъ любилъ меня. Въ виду всего этого зачѣмъ было матери отказываться отъ него? Она не могла дать мнѣ удовлетворительнаго отвѣта на этотъ вопросъ и въ скоромъ времени сдѣлалась женою мастера Джермена. Я долженъ прибавить что она никогда не имѣла повода раскаться что приняла въ этомъ случаѣ совѣтъ сына.

Годы проходили и мы съ Мери все еще были разлучены и я видалъ ее только во снѣ. Годы проходили и для меня насталъ критическій періодъ который бываетъ въ жизни каждаго мужчины. Я достигъ возраста когда самая сильная изъ всѣхъ страстей беретъ верхъ надъ всеми другими чувствами и покоряетъ себѣ не только тѣло, но и духъ.

До этого времени я былъ вѣренъ моимъ первымъ и самымъ дорогимъ надеждамъ, я жилъ ради Мери терпѣливо, безгрѣшно. Теперь терпѣніе покинуло меня и я причисляю мою невинность къ числу другихъ утраченныхъ преимуществъ прошлаго. Мои дни были, правда, посвящены заветамъ которыя предписывалъ мнѣ мой наставникъ, но за



ночи проходили въ безумномъ кутежѣ, о которомъ я до сихъ поръ не могу вспомнить безъ отвращенія. Я осквернилъ мои воспоминанія о Мери обществомъ женщинъ достигшихъ высшей степени безчестія. Я говорилъ себѣ: я уже слишкомъ долго жилъ надеждой на нее, теперь мнѣ осталось только забыть ее и насладиться моею молодостью.

Дойдя до такого униженія я все еще иногда вспоминалъ съ сожалѣніемъ о Мери,—всего чаще по утрамъ, когда мы доступаѣе для всего хорошаго,—но я пересталъ видѣть ее во снѣ. Мы разлучились теперь въ полномъ смыслѣ слова. Чистый духъ Мери не могъ сообщаться съ моимъ; чистый духъ Мери покинулъ меня.

Лишнее говорить что мнѣ не удалось скрыть мое безнравственное поведеніе отъ матери. Ея горе нѣсколько отравило меня. Я сдѣлался воздержаннѣе и началъ стараться исправиться. Мистеръ Джерменъ, хотя я и уронилъ себя въ его глазахъ, былъ слишкомъ справедливымъ человѣкомъ чтобы признать меня окончательно погибшимъ. Онъ посоветовалъ мнѣ какъ лучшее средство для исправленія выбрать какую-нибудь профессію и начать работать серіознѣе чѣмъ я работалъ до тѣхъ поръ.

Я посоветовалъ совѣту моего добраго друга и втораго отца взглянуть мою вину предъ нимъ избравъ профессію врача, которая была его профессіей пока онъ не получилъ богатства. Мистеръ Джерменъ былъ хирургомъ, я тоже рѣшилъ заняться хирургомъ.

Предавшись такому трудному дѣлу можетъ-быть нѣсколько рано, я могу сказать по крайней мѣрѣ что работалъ я усердно. Я заслужилъ расположеніе профессоровъ подъ руководствомъ которыхъ занимался и сохранилъ его до конца. Я долженъ сознаться что мое нравственное исправленіе далеко не было полнымъ. Я работалъ, но работалъ эгоистично съ ожесточеннымъ сердцемъ. Относительно религіи и ответственности я принялъ матеріалистическія воззрѣнія одо изъ моихъ товарищей, развратнаго человѣка вдвое меня хуже. Я не вѣрилъ ни во что кромѣ того что могъ видѣть и слышать. Я утратилъ всякую вѣру въ человѣчество. Я презиралъ всѣхъ женщинъ за исключеніемъ моей матери. Мои воспоминанія о Мери ослабѣвали все болѣе и болѣе и наконецъ сдѣлались незначительнымъ звеномъ въ цѣпи моихъ воспоминаній. Я продолжалъ хранить зеленый

флагъ, хранилъ по привычкѣ, но не носилъ его болѣе съ собою. Онъ лежалъ забытый въ одномъ изъ ящичковъ моего стола. Время отъ времени во мнѣ пробуждалось сомнѣнiе что я велъ жизнь недостойную меня, но оно овладѣвало мои мыслями не надолго. Презирая другихъ я долженъ былъ разсуждая логически, презирать и самого себя.

Такъ я дожилъ до совершеннолѣтiя. Къ двадцати одному году я утратилъ всѣ иллюзиіи моей юности.

Ни мать моя, ни мистеръ Джерменъ не могли пожаловать ни на что особенное въ моемъ поведеніи, но оба они сами безлокоились обо мнѣ. Наконецъ мой вотчимъ, послѣ долги и тревожныхъ размышленій, пришелъ къ заключенію что единственнымъ средствомъ къ моему нравственному возрѣженію была перемѣна обстановки и образа жизни.

Въ то время о которомъ я пишу теперь, англійское правительство признало нужнымъ послать специальную дѣлу матическую миссію въ Индію, къ одному туземному владѣльцу правившему отдаленною провинціей нашихъ индійскихъ владѣній. Въ этой провинціи было не совсѣмъ спокойно, и эта миссія по прибытіи въ Индію должна была отправиться въ мѣсто своего назначенія подъ охраной правительственныхъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ. Докторъ прикомандованный къ миссіи, старый другъ мистера Джермена, нуждался въ помощникѣ на искусство котораго онъ могъ бы полагаться. Эта должность по ходатайству мистера Джермена была предложена мнѣ. Я принялъ ее не колеблясь. Единственная гордость какаѣ у меня осталась была жалкая гордость индифферентизма. Мнѣ было все равно гдѣ мнѣ придется жить своимъ дѣломъ.

Мнѣ долго не удавалось убѣдить мать хотя бы подумать о нашемъ плаваніи. Въ концѣ-концовъ она уступила, но все неохотно. Признаюсь, я простился съ ней со слезами на глазахъ, съ первыми слезами послѣ многихъ лѣтъ.

Исторія нашей экспедиціи есть часть исторіи британской Индіи, ей не мѣсто на этихъ страницахъ.

Лично о себѣ я долженъ сказать что не прошло и года послѣ прибытія миссіи къ мѣсту ея назначенія какъ я потерялъ возможности отправлять мою обязанность. Мы расположились лагеремъ за стѣнами города и однажды подверглись нападению фанатическихъ туземцевъ. Нападеніе это было отражено безъ большаго труда и съ незначи-

вою потерей съ нашей стороны. Въ числѣ пострадавшихъ былъ и я. Перехода изъ одной лалатки въ другую я былъ равенъ кольемъ.

Еслибы моя рана была нанесена европейскимъ оружіемъ, она не могла бы имѣть серьезныхъ послѣдствій. Но остріе индійскаго копья было отравлено. Я избѣгулъ смертельной опасности, но по какому-то особенному, до сихъ поръ необъяснимому для меня дѣйствию яда на мой организмъ, моя рана упорно отказывалась закрыться.

Я былъ отосланъ для излѣченія въ Калькутту. Здѣсь моя рана скоро совсѣмъ зажила, но потомъ неожиданно открылась опять. Это повторилось два раза, и наконецъ врачи признали за лучшее отправить меня въ отечество. Они рассчитывали на подкрѣпляющее дѣйствіе морскаго путешествія и роднаго воздуха. Въ индійскихъ же климатахъ я не могъ, по ихъ мнѣнію, рассчитывать на полное излѣченіе.

За два дня до отплытія изъ Індіи я получалъ поразительное извѣстіе отъ матери. Моя будущая жизнь, если только у меня было будущее, должна была принять совершенно новое направленіе. Мистеръ Джерменъ скончался внезапно отъ болячки сердца. По его духовному завѣщанію, подписанному въ день когда я уѣхалъ изъ Англіи, мать моя наследовала жизненный доходъ, а я большую часть его состоянія съ безусловнымъ условіемъ принять его имя. Я, конечно, согласился на условіе и сдѣлался Джорджемъ Джерменомъ.

Спустя три мѣсяца я свидѣлся съ матерью.

Еслибы не моя рана которая по временамъ все еще беспокоила меня, мое положеніе было бы одними изъ самыхъ блестящихъ. Я былъ богатымъ джентльменомъ, я обладалъ иможемъ въ Лондонѣ и помѣстьемъ въ Пертширѣ. Но невотра на это, я въ двадцать три года былъ однимъ изъ самыхъ несчастныхъ смертныхъ.

А Мери?

Что случилось съ Мери въ теченіе этихъ десяти лѣтъ послѣ нашей разлуки?

Вы прочли мою исторію. Прочтите еще нѣсколько страницъ и вы узнаете ея исторію.

## VI. Ея исторія.

Все что будетъ разказано въ этой главѣ о Мери я узналъ много лѣтъ спустя послѣ того періода моей жизни на которомъ я остановился. Прошу васъ не упускать этого изъ виду.

У отца Мери, кромѣ родственниковъ въ Лондонѣ о которыхъ мы слышали отъ него, были также родственники въ Шотландіи о которыхъ онъ никогда не говорилъ намъ. Мой отецъ былъ сильно предубѣжденъ противъ Шотландцевъ, а Дермоди, хорошо зная отца, опасался чтобы это предубѣжденіе не распространилось и на него, если онъ скажетъ о своей шотландской роднѣ. Дермоди былъ человѣкъ осторожный, и мы никогда не слышали отъ него о Шотландіи.

Покинувъ службу моего отца, онъ переправился частью сушей, частью моремъ къ своимъ роднымъ въ Гласто. По характеру и по опытности въ своемъ дѣлѣ этотъ человѣкъ могъ быть счастливою находкой для всякаго помѣщика который привалъ бы его услуги. Друзья его начали хлопотать за него, и шесть недѣль спустя онъ получилъ мѣсто управляющаго помѣстьемъ одного джентльмена на восточномъ берегу Шотландіи и переселился въ свой новый домъ съ матерью и дочерью.

Оскорбительныя слова сказанныя ему моимъ отцомъ на боко залали въ его душу. Увѣдомляя своихъ лондонскихъ родныхъ о полученіи новаго мѣста онъ не сообщилъ имъ своего новаго адреса и такимъ образомъ лишилъ ихъ возможности удовлетворить повѣренныхъ моей матери. Чувства ея дочери и мои были принесены имъ въ жертву частью ея оскорбленному самоуваженію, частью убѣжденію что въ состояніи неравенства нашего общественнаго положенія онъ обязанъ былъ сдѣлать все что могъ чтобы помѣшать всякимъ дальнѣйшимъ сношеніямъ между нами.

И уединившись въ отдаленной части Шотландіи малое семейство скрылось отъ меня безслѣдно.

Но какъ я видалъ Мери и говорилъ съ ней во свѣтъ, такъ и она видала меня и говорила со мной во свѣтъ. Во свѣтъ сообщались невинныя стремленія и надежды моего дѣтскаго сердца. Ея бабушка, твердо державшаяся своей вѣры что

нашъ союзъ предопредѣленъ на небесахъ, поддерживаема и ободряема ея. Отецъ ея говорилъ ей, какъ и мой отецъ говорилъ мнѣ, что мы не увидимся болѣе, но ея счастливые сыны поддерживали въ ней надежду на лучшее будущее. Такимъ образомъ духомъ мы все еще жили вмѣстѣ, желали и надѣялись вмѣстѣ.

Первымъ горемъ постигшимъ семейство Дермоди была смерть его матери, которая умерла отъ улады силъ, доживъ до глубокой старости. Въ послѣднія минуты сознанія она сказала Мери: „не забывай никогда что ты и Джорджъ духи посвященные другъ другу. Жди и вѣруй что никакія земныя силы не въ состояніи помѣшать вашему будущему союзу“.

Слова эти были еще живы въ душѣ Мери когда наше общеніе во снѣ внезапно прекратилось. Для нея оно прекратилось въ то же самое время какъ и для жема, въ первые дни моего ладенія.

Чувствительная натура дѣвушки была потрясена этимъ шеніемъ. У нея не было теперь женщины которая могла бы дать ей совѣтъ и утѣшить ее. Она жила одна съ своимъ тѣмъ, а отецъ всегда перемѣнялъ разговоръ когда она говорила обо мнѣ. Затянутое горе, угнетающее и тѣло и умъ, начало угнетать ее, и легкая простуда перешла въ ея стоющемъ организмѣ въ горячку. Нѣсколько недѣль она была въ смертельной опасности. Въ это время, по приказанію доктора, были обриты ея прекрасныя волосы. Эта жертва, необходимая для спасенія ея жизни, оказалась въ послѣдствіи невозвратимою жертвой. Ея волосы никогда не достигли своей прежней длины и навсегда утратили свой прелестный рыжеватый-темный цвѣтъ, замѣнившійся однообразно штановымъ, безъ всякихъ оттѣнковъ. Увидавъ ее послѣ мѣсяца шотландскіе друзья Мери едва узнали ее.

Но за утраченную прелесть волосъ природа вознаградила новыми прелестями въ лицѣ и фигурѣ.

Не прошло года послѣ ея болѣзни, и слабый ребенокъ какъ я зналъ ее у Зеленаго Озера превратился, благодаря шотландскому воздуху и здоровому образу жизни, въ цвѣтущую дѣвушку. Ея черты остались попрежнему неправильны, но перемѣна къ лучшему была тѣмъ не менѣе значительна. Худощавое лицо пополнило, блѣдность замѣнилась мягкостью. Что же касается ея стака, его замѣчательная

красота поражала даже грубыхъ людей среди которыхъ она жила.

Она измѣнилась не только физически но и нравственно. Въ этотъ періодъ ея жизни бывали минуты когда даже покойной отецъ не узнавалъ ея. Она утратила свою дѣтскую живость, свое милое дѣтское добродушіе. Молчаливая и углубленная въ самое себя, она покорно выносила рутину своей всѣдневной жизни. Надежда свидѣться когда-нибудь со мной начала казаться ей теперь несбыточною надеждой. Она не ждалась ни на что. Хорошее здоровье которымъ она теперь пользовалась имѣло укрѣпляющее вліяніе на ея душу. Когда отецъ разъ или два спросилъ ее продолжаетъ ли она думать обо мнѣ, она отвѣчала спокойно что она теперь согласна на этотъ счетъ съ его мнѣніемъ. Она дѣйствительно была уверена что я уже давно забылъ ее. Притомъ, сдѣлавшись старше, она тоже начала думать что еслибъ я даже остался вѣренъ ей, брачный союзъ между нами былъ невозможенъ вслѣдствіе неравенства нашего общественнаго положенія. Она должна была забыть меня какъ я забылъ ее. Такъ, судя по всему видимому, предсказаніе покойной госпожи Дермоди должно было быть причислено къ числу несбытшаго предсказаній.

Слѣдующее замѣчательное событіе въ семейной хроникѣ послѣ болѣзни Мери случилось когда ей было девятнадцать лѣтъ. Даже теперь, столько времени спустя, сердце мое сжимается отъ боли, мужество измѣняетъ мнѣ когда я думаю объ этомъ критическомъ періодѣ въ жизни Мери.

Однажды у восточныхъ береговъ Шотландіи разразилась необычайно сильная буря. Въ числѣ погибшихъ судовъ было одно голландское судно разбившееся близъ утесистаго берега на которомъ жилъ Дермоди. Всегда первый во всякомъ дѣлѣ, управляющій и теперь первый рѣшился подать помощь пассажирамъ разбитаго судна. Онъ уже перешелъ на берегъ одного изъ нихъ и былъ опять на пути къ кораблю когда сильный порывъ вѣтра откинулъ его къ утесамъ. Онъ былъ спасенъ своими сосѣдями рискуя своими для этого собственною жизнью. Докторъ осмотрѣвшій его нашелъ переломленную кость и серіозныя ушибы и раны. Все это было бы поправимо еслибы вѣскольکو времени спустя въ состояніи здоровья больнаго не обнаружилась симптомъ серіозной и третней болѣзни заставившіе доктора заключить что Дермоди

никогда не будетъ въ состояніи вернуться къ своему прежнему дѣятельному образу жизни и останется навсегда калѣкой.

Въ виду такого грустнаго положенія дѣлъ хозяинъ Дермоди сдѣлалъ ровно столько сколько можно было требовать отъ его человѣколюбія. Онъ нанялъ другаго управляющаго, а прежнему позволялъ прожить въ своемъ имѣніи еще три мѣсяца. Это снисхожденіе дало возможность бѣдному старику собраться съ послѣдними силами и посоветоваться съ друзьями насчетъ своего сомнительнаго будущаго.

Положеніе было дѣйствительно ужасное. Жить впередъ своимъ трудомъ Дермоди былъ не способенъ, а проценты съ незначительной суммы которую ему удалось скопить были слишкомъ недостаточны для жизни вдвоемъ съ дочерью. Его шотландскіе друзья были люди добрые и готовые сдѣлать для него все что могли, но они сами были бѣдны.

При такихъ печальныхъ обстоятельствахъ человѣкъ котораго Дермоди ослѣпъ съ разбитаго судна сдѣлалъ предложеніе однаково изумившее отца и дочь. Онъ предложилъ Мери выйти за него замужъ и добровольно брать на себя обязательство что ея домъ будетъ и домогъ ея отца до конца жизни старика.

Человѣкъ который такимъ образомъ вмѣшался въ судьбу Дермоди въ самое тяжелое для нихъ время былъ голландскій джентльменъ, Эрнестъ Ванъ-Брандтъ. Онъ былъ пайщикомъ въ одной рыболовной компаніи на берегахъ Зюдеръ-Зе и былъ на пути въ сѣверную Шотландію чтобы вступить въ сношеніе съ тамошними рыболовными компаніями когда судно потерпѣло крушеніе. Мери, при первой же встрѣчѣ, произвела на него сильное впечатлѣніе, и въ надеждѣ пріобрѣсти со временемъ ея расположеніе, онъ остался вблизи отъ ея дома. Онъ былъ красивый человѣкъ въ цвѣтѣ лѣтъ и съ хорошими средствами. Дѣлая предложеніе, онъ указалъ на нѣсколько извѣстныхъ и уважаемыхъ лицъ въ Голландіи какъ на людей которые не откажутся дать нужныя свидѣнія о его характерѣ и общественномъ положеніи.

Мери долго раздумывала прежде чѣмъ дала согласіе.

Надежда на бракъ со мной была давно покинутою надеждою. Одинокое будущее имѣетъ мало привлекательнаго для женщинъ и думая о своемъ будущемъ, Мери естественно воображала себя женой. Но могла ли она надѣяться на что-нибудь лучше того что ей предлагали теперь? Господинъ

Ванъ-Брандтъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ хорошимъ женихомъ. Онъ любилъ Мери самую преданною любовью, а къ отцу ея питалъ благодарное расположеніе какъ къ человеку счастному ему жизнь. Почему ей было не принять его предложенія когда у нея не было никакой другой надежды въ сердцѣ?

Подъ вліаніемъ такихъ соображеній она рѣшилась сказать роковое „да“.

Но давая согласіе, она открыла г. Ванъ-Брандту всю правду. Она призналась ему что долгое время мечтала совсѣмъ о другомъ, что въ сердцѣ ея еще не совсѣмъ угасла старая любовь и что къ новой любви она не была способна. Уваженіе, благодарность и симпатію она могла предложить отъ чистаго сердца, а со временемъ могла придти и любовь. Отъ своего прошлаго и отъ связанныхъ съ нимъ надеждъ и желаній она уже давно отказалась. Ощущеніе для отца и спокойное счастье для самой себя было все чего она теперь желала. Такое счастье она надѣялась найти подъ кровомъ человека который любилъ и уважалъ ее. Съ своей стороны она обѣщала быть для него доброю и преданною женою. Высказавъ все это она предоставила ему рѣшить самому можетъ ли онъ жениться на ней при такихъ условіяхъ.

Мистеръ Ванъ-Брандтъ принялъ условія не колеблясь.

Они были бы обвѣнчаны немедленно еслибы въ состояніи здоровья Дермоди не произошло значительной перемѣны къ худшему. Обнаружились симптомы которые были неожиданностью для самого доктора, и онъ предостерегъ Мери что конецъ можетъ быть близокъ. Докторъ выписанный господиномъ Ванъ-Брандтомъ изъ Эдинбурга подтвердилъ мнѣніе своего провинціального собрата. И дѣйствительно, бѣдный старикъ прожилъ послѣ этого только нѣсколько дней. Въ послѣднее утро онъ вложилъ руку дочери въ руку Ванъ-Брандта и сказалъ со своимъ обычнымъ простодушіемъ:

— Сдѣлайте ее счастливою, сэръ, и вы оплатите мнѣ спасеніе вашей жизни. Онъ скончался спокойно въ объятіяхъ дочери.

Будущность Мери зависѣла теперь вполнѣ отъ ея жениха. Ея родственники въ Глазго были слѣшкомъ обременены родными дочерами чтобы взять на свое попеченіе чужую, а лондонскіе родственники считали себя обиженными тѣмъ что е



отецъ отдался отъ нихъ. Г. Ванъ-Брандтъ былъ настолько внимателенъ и деликатенъ что переждалъ пока не стихло первое отчаяніе дѣвушки, но потомъ началъ настаивать чтобъ она дала ему право заботиться о ней въ качествѣ мужа.

Они были обвѣнчаны въ Шотландіи въ то самое время когда я вернулся изъ Индіи. Мери былъ тогда двадцать одинъ годъ.

Исторія нашей десятилѣтней разлуки теперь извѣстна. Разказъ доведенъ до начала новаго періода въ нашей жизни.

Я живу съ матерью въ своемъ Пертширскомъ имѣніи которое наследовалъ отъ вотчина. Мери только-что вышла замужъ и привыкаетъ къ своимъ новымъ обязанностямъ и преимуществамъ своего положенія. Она тоже живетъ въ Шотландіи и по роковой случайности недалеко отъ моего имѣнія. Я не подозреваю о ея близости; имя мистрисъ Ванъ-Брандтъ, если я и слышалъ его, не имѣетъ для меня никакого значенія. Родственные духи все еще разлучены. Ни у нея, ни у меня нѣтъ и мысли о томъ что мы когда-нибудь должны встрѣтиться опять.

## VII. Ж ен щ и н а н а м о с т у .

Моя мать заглянула въ дверь библіотеки и оторвала меня отъ моихъ книгъ.

— Я повѣсила маленькую картинку въ моей комнатѣ, сказала она.—Пойдемъ со мной на верхъ и скажи мнѣ все мнѣніе о ней.

Я всталъ и послѣдовалъ за матерью. Она указала мнѣ на миниатюрный портретъ который повѣсила надъ каминомъ.

— Узнаешь ты кто это? спросила она полугрустно, полужутливо.—Джорджъ! Неужели ты дѣйствительно не узнаешь что это ты самъ въ тринадцать лѣтъ?

Могъ ли я узнать себя? Изнуренный болѣзью и горемъ, загорѣвшій во время долгаго обратнаго пути на родину, съ волосами уже рѣдѣвшими у лба, съ утомленнымъ, беззащитнымъ взглядомъ, былъ ли я хоть сколько-нибудь похожъ на красиваго, полнаго, кудряваго мальчика съ открытымъ взглядомъ котораго видѣлъ предъ собой на миниатюрномъ портретѣ? Одинъ видъ этого портрета произвелъ на меня самое

стравное дѣйствіе. Онъ поразилъ меня подавляющею грустью, онъ преисполнилъ мое сердце безнадежнымъ отчаяніемъ за самого себя. Извинившись какъ сумѣлъ предъ матерью и ушелъ отъ нея и черезъ минуту былъ внѣ дома.

Я прошелъ паркъ и вышелъ изъ границъ своихъ владѣній. Продолжая идти все дальше по проселочной дорогѣ я подошелъ къ нашей прекрасной рѣкѣ, такъ хорошо знакомой любителямъ уженія. Но время года было неудобное для уженія и на рѣкѣ не видно было никого когда я усѣлся на берегу. Старый каменный мостъ былъ на разстояніи ста ардовъ отъ меня; лучи заходящаго солнца, проникая подъ его арку, окрашивали воду въ красноватый цвѣтъ.

Лицо мальчика на миниатюрномъ портретѣ не выходило у меня изъ головы. Оно какъ будто говорило мнѣ съ упрямкомъ: взгляни каковъ ты былъ прежде, подумай каковъ ты теперь.

Я уткнулъ лицо въ мягкую, душистую траву и раздумался о послѣднихъ годахъ моей жизни.

Каковы будутъ послѣдствія? Какое утѣшеніе ждетъ меня въ будущемъ если я буду жить какъ живутъ другіе?

Любовь? Бракъ? Я расхохотался при одной мысли объ этомъ. Послѣ невинно-счастливыхъ дней моего дѣтства я былъ такъ же далекъ отъ любви какъ насѣкомое которое ползло по моей рукѣ лежавшей на травѣ. Имѣя деньги и конечно могъ купить себѣ жену, но можно ли любить купленную жену какъ я любилъ Мери въ тѣ счастливые дни когда былъ снятъ мой портретъ?

Мери? Жива ли она? Не вышла ли она замужъ? Узналъ ли бы я ее еслибъ увидалъ? Конечно нѣтъ. Я не видалъ ее съ тѣхъ поръ какъ ей было десять лѣтъ; теперь она женщина. Узнала ли бы она меня еслибы мы встрѣтились? Портретъ, продолжая укорять меня, повторилъ: взгляни каковъ ты былъ прежде, подумай каковъ ты теперь.

Я всталъ и началъ ходить взадъ и впередъ по берегу, стараясь дать мыслямъ какое-нибудь другое направленіе.

Тщетныя усилія. Мери послѣ многолѣтняго изгнанія воцарилась опять въ моемъ сердцѣ. Я слылъ. Солнце быстро опустилось. Подъ арками стараго каменнаго моста начало темнѣть. Красноватый цвѣтъ воды смѣнился стальнымъ. На безоблачномъ небѣ замелькали первыя звѣзды. Въ листьяхъ деревьевъ слышались первыя вздохи ночнаго вѣтра. И чѣмъ

темнѣе становилось тѣмъ яснѣе возставало предо мною прошлое, тѣмъ живѣе становилась долго пропадавшій образъ маленькой Мери.

Не подготовленіе ли это къ ея возвращенію въ мои своднѣя такую какова она теперь въ первомъ цвѣтѣ молодости и женственности?

Пусть будетъ такъ.

Я не былъ болѣе недостоинъ ея. Одно дѣйствіе моего портрета на меня было уже доказательствомъ нравственной и умственной перемѣны къ лучшему начавшейся въ то время когда я лежалъ безпомощнымъ между чужими въ чужой сторонѣ. Болѣзнь, которая для многихъ была наставницею и другомъ, сослужила такую же службу и для меня. Я оглянулся съ ужасомъ на свое прошлое, на свои пороки, на потерянные годы, когда я сомнѣвался во всемъ прекрасномъ, во всемъ что украшаетъ жизнь. Исправленный страданіемъ, очищенный горемъ, развѣ я не имѣлъ права надѣяться что ея духъ и мой соединятся опять?

Я всталъ, намѣреваясь вернуться домой. Я вышелъ изъ дома подъ вліяніемъ непреодолимаго въ нѣсколько минутъ побужденія искать облегченія въ движеніи и въ перемѣнѣ мѣста. Облегченіе не приходило, душа моя была все также взволнована какъ и прежде. Не лучше ли было вернуться домой и развлечься любимой игрой въ ликетъ?

Я повернулся чтобъ идти назадъ и, поднявъ глаза, остановился пораженный спокойною красотой заката догораваго надъ темною линіей перилъ моста.

Я стоялъ одинъ въ гущавшейся темнотѣ ночи, въ тишинѣ угасаваго дня и смотрѣлъ на потухавшій закатъ.

Внезапно въ картинѣ произошла перемѣна. На мѣсту появилась человѣческая фигура. Она медленно шла за перилами, озаряемая послѣдними длинными лучами свѣта съ запада. Пройдя мостъ, она остановилась и вернулась опять на средину. Здѣсь она остановилась опять. Прошло нѣсколько минутъ, а она все стояла томная и неподвижная за темными перилами моста.

Я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ чтобъ взглянуть на нее поближе. По одеждѣ я увидѣлъ что это была женщина.

Она не могла разглядѣть меня въ тѣни деревьевъ. Она стояла закутавшись въ длинную тальму и глядя внизъ на темнѣвшую рѣку.

Чего она ждетъ тамъ такъ поздно и одна?

Когда я задалъ себѣ этотъ вопросъ, она подняла голову и взглянула вдоль моста сначала въ одну сторону, потомъ въ другую. Не ждетъ ли она кого-нибудь, кто долженъ придти къ ней? Или не опасается ли она что кто-нибудь наблюдаетъ за ней?

Сердце мое сжалось отъ внезапнаго подозрѣнія. Я послѣшнво поднялся по склону берега съ намѣреніемъ подойти къ ней и заговорить съ ней пока еще было не поздно.

Она не замѣчала меня пока я не подошелъ къ ней. Я былъ въ неудержимомъ волненіи, не зная какъ она отвесится къ моему вмѣшательству. Но лишь только она повернулась ко мнѣ и взглянула на меня, самообладаніе вернулось ко мнѣ. Ожидая встрѣтить чужую, я какъ будто встрѣтилъ друга.

Однако она была чужая для меня. Я никогда прежде не видалъ этого серьезнаго и благороднаго лица, этой высокой фигуры, грацію и стройность которой не могла скрыть даже длинная тальма. Ее нельзя было назвать въ строгомъ смыслѣ слова красивою женщиной. Въ наружности ея были недостатки замѣтные даже въ сумеркахъ. Ея волосы, напярмѣръ, видѣвшіеся изъ-подъ круглой садовой шляпки, были коротки какъ у мушны, и цвѣтъ ихъ былъ непріятный каштановый, безъ блеска, столь обычный между Англичанками. Но въ выраженіи ея лица и въ манерахъ была какая-то особенная прелесть которая тотчасъ же возбудила во мнѣ симпатію къ ней. Она лѣвила меня съ перваго взгляда.

— Позвольте спросить не заблудились ли вы? сказалъ я.

Она смотрѣла на меня какимъ-то странно-вопрошающимъ взглядомъ. Мое обращеніе къ ней повидимому не удивило и не смутило ея.

— Я хорошо знакомъ съ этою мѣстностью, продолжалъ я.— Не могу ли я быть полезенъ вамъ?

Она не слускала съ меня своего упорнаго вопрошающаго взгляда. Мнѣ показалось что лицо мое поразило ее какъ лицо которое она когда-то знала, но потомъ забыла. Если у нея дѣйствительно была эта мысль, она прогнала ее, слегка трянувь головой, и устремила опять взглядъ на рѣку какъ будто я пересталъ интересовать ее.

— Благодарю васъ. Я не заблудилась. Я привыкла ходить одна. Прощайте.

Она сказала это холодно, но учтиво. Ея голосъ былъ

обворожительны; поклонъ, съ которымъ она оставила меня, былъ образцомъ безыскусственной граціи. Она повернулась въ ту сторону съ которой вошла на мостъ, когда я увидалъ ее, и медленно удалилась въ полумракѣ по большой дорогѣ. Я не могъ усложиться. Вопреки прелестному выраженію ея лица и обворожительнымъ манерамъ я замѣтилъ въ этой женщинѣ что-то странное, что-то такое что показалось мнѣ недобрымъ признакомъ. Не обманула ли она меня? Не для того ли только отошла она отъ рѣки чтобъ избавиться отъ меня?

Я рѣшилъ подождать не оправдается ли мое подозрѣніе. Сойдя съ моста и перейдя чрезъ дорогу я вошелъ въ садъ слускавшійся къ берегу рѣки. Спрятавшись здѣсь за первымъ большимъ деревомъ я могъ видѣть мостъ и надѣялся разглядѣть ее если она вернется когда еще будетъ не совсемъ темно. Въ саду же было такъ темно что я только ощупью могъ добраться до подходящаго для меня дерева.

Только-что я успѣлъ установиться на неровной почвѣ позади дерева какъ въ ночной тишинѣ ясно раздался въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ меня человѣческій голосъ.

Голосъ былъ женскій, не громкій, молящій, слова же были слѣдующія:

— Спаситель, сжался надо мною!

Затѣмъ воцарилась опять тишина. Я взглянулъ въ безотчетномъ страхѣ на мостъ.

Мое подозрѣніе оправдалось. Женщина стояла на перилахъ. Не успѣлъ я сдѣлать движенія, не успѣлъ я вскрикнуть, не успѣлъ даже перевести духъ какъ она бросилась въ воду.

Течение было въ мою сторону. Я увидалъ ее когда она поднялась на поверхность въ срединѣ рѣки. Я бросился какъ сумашедшій къ волѣ. Когда я остановился чтобы сбросить шаялу, сюртукъ и сапоги она скрылась опять. Я былъ искуснымъ пловцомъ. Лишь только я окунулся въ воду мое самообладаніе вернулось ко мнѣ, я почувствовалъ себя опять самими собою.

Течение несло меня къ срединѣ рѣки и значительно увеличивало скорость съ которою я плылъ. Когда женщина поднялась опять на поверхность я былъ уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея. Еще одинъ взмахъ и я обнялъ ее лѣвою рукой и приподнялъ ея голову надъ водой. Она была безъ

чувствъ. Я не слыша и не чувствуя ни малѣйшаго утомленія охватилъ ее такъ какъ мнѣ было удобнѣе.

Первая же попытка показала мнѣ всю невозможность добраться съ такою тяжестью до берега противъ теченія которое съ обѣихъ сторонъ стремилось къ срединѣ рѣки. Я попробовалъ плыть въ одну сторону, попробовалъ плыть въ другую и отказался отъ попытки. Мнѣ оставалось только предоставить себя теченію. Ярдовъ лять, десять выше рѣки дѣлала поворотъ огибая выступъ берега. Близъ этого мѣста находился небольшой трактиръ, пріютъ любителей ужекаго время рыболовнаго сезона. Доплывъ до этого мѣста я сдѣлалъ опять попытку направиться къ берегу и опять напрасно. Единственная надежда теперь была на помощь обитателей трактира. Я крикнулъ какъ только могъ громко. Мой голосъ былъ слышимъ. Кто-то вошелъ въ лодку. Пять минутъ спустя я вытащилъ женщину на берегъ и понесъ ее съ человѣкомъ подавшимъ мнѣ помощь въ прибрежный трактиръ.

Трактирщица и ея служанка обѣ готовы были сдѣлать все что могли и обѣ не имѣли ни малѣйшаго понятія какъ поступить къ дѣлу. Къ счастью мое медицинское образованіе дало мнѣ возможность дать имъ надлежащія предписанія. Яркій огонь, теплая одѣяла, бутылки съ горячей водой были приготовлены немедленно. Я указалъ женщинамъ что они должны были дѣлать чтобы помочь мнѣ оживить утопающаго. Мы трудились всѣ вмѣстѣ, но всѣ наши усилія были напрасны, женщина лежала безъ малѣйшаго признака жизни, повидимому мертвая.

Оставалась послѣдняя надежда, надежда на дѣйствіе такъ называемаго искусственнаго дыханія, еслибы мнѣ удалось устроить поскорѣе необходимый аппаратъ. Я попробовалъ было объяснить хозяйкѣ что мнѣ было нужно, почувствовалъ при этомъ какое-то странное затрудненіе въ языкѣ, какъ вдругъ она отскочила отъ меня съ крикомъ ужаса.

— Боже милостивый! Вы истекаете кровью, сэръ! Что это значитъ? Вы ранены?

Услыхавъ это я понялъ что случилось. Старая индійская рана, раздраженная вѣтромъ что я вытерпѣлъ въ этотъ вечеръ, открылась опять. Я старался пересилить внезапно овладѣвшую мною слабость, я попробовалъ сказать хозяйкамъ что они должны были сдѣлать. Напрасно. Я упалъ на колѣни,

голова моя безсознательно опустилась на грудь утопленницы распростертой на низкомъ ложѣ. Смерть среди жизни владѣвшая ею овладѣла и мною. Потерявъ сознание объ окружающемъ насъ мірѣ, мы лежали обливаемая моею кровью, соединенные нашимъ смертельнымъ обморокомъ.

Гдѣ были наши души въ это время? Были ли онѣ вмѣстѣ? Чувствовали ли онѣ одна другую? Соединенные духовною связью, непонятною и незамѣтною для насъ во плоти, такъ какъ мы встрѣтились на роковомъ мосту какъ чужіе, не узнали ли мы другъ друга въ обморокѣ? Вы, кто любилъ и утратилъ любимое существо, вы, чьимъ единственнымъ утѣшеніемъ въ этомъ мірѣ была вѣра въ другой мірѣ—можете ли вы отвернуться отъ моихъ вопросовъ съ презрѣніемъ? Можете ли вы сказать на чистой совѣсти что вы никогда не задавали себѣ такихъ вопросовъ?

### VIII. Родственные души.

Утреннее солнце свѣтившее въ плохо драпированное окно, грязная деревянная кровать съ грубыми столбиками для завѣса доходившими до потолка, по одну сторону кровати малое лицо моей матери, по другую пожилой джентльменъ, котораго я не узналъ—такова была обстановка при которой я вернулась въ мірѣ въ которомъ мы живемъ.

— Посмотрите, докторъ, посмотрите! Онъ оломился наконецъ.

— Откройте ротъ, сэръ, и примите глотокъ этой микстуры.

По одну сторону кровати надо мною радовалась моя мать, по другую пожилой джентльменъ котораго она называла докторомъ предлагалъ мнѣ ложку водки съ водой. Онъ называлъ эту смѣсь жизненнымъ эликсиромъ и просилъ меня (говоря съ сильнымъ шотландскимъ акцентомъ) обратить вниманіе на то что онъ пробовалъ ее самъ.

Возбудительное средство произвело свое дѣйствіе. Я почувствовалъ себя сильнѣе, мой разумъ просвѣтлѣлъ. Я припомнилъ важнѣйшія событія прошлаго вечера. Прошло еще минуты двѣ и въ моей памяти возсталъ образъ особы которая была причиной всѣхъ этихъ событий. Я попробовалъ приподняться, я спросилъ съ нетерпѣніемъ: гдѣ она?

Докторъ поднесъ мнѣ новую ложку жизненнаго элексира и повторилъ торжественно:

— Откройте ротъ, сѣръ, и примите глотокъ этой микстуры. Я настаивалъ на своемъ.

— Гдѣ она? повторилъ я.

Докторъ настаивалъ на своемъ.

— Примите микстуру, повторилъ онъ.

Я былъ слишкомъ слабъ чтобы сопротивляться, я исполнилъ его требованіе. Докторъ кивнулъ моей матери и сказалъ: „теперь онъ начнетъ поправляться“. Мать сжалась надо мною и облегчила мою тревогу.

— Дама совѣтъ поправилась, Джорджъ, благодаря господу доктору.

Я взглянулъ на моего коллегу по профессіи съ новымъ интересомъ. Онъ былъ главнымъ хранителемъ свѣдѣній которыхъ я жаждалъ узнать.

— Какъ вы оживили ее? спросилъ я.—Гдѣ она теперь?

Докторъ сдѣлалъ мнѣ рукою знакъ чтобъ я замолчалъ.

— Намъ слѣдуетъ объясниться съ самаго начала, сѣръ, сказалъ онъ.—Вы не должны говорить. Каждый разъ какъ вы откроете ротъ вы примите глотокъ этой микстуры. Я и матушка ваша расскажемъ вамъ все что вы желаете и имѣете право знать. Такъ какъ я случайно попалъ первый на сцену дѣйствія мнѣ приходится и рассказывать первому. Вы позволите мнѣ составить еще немного жизненнаго элексира и затѣмъ, какъ говорить лгать, я передамъ мое правдивое сказаніе.

Онъ говорилъ самымъ правильнымъ и изысканнымъ англійскимъ языкомъ какой я когда-либо слышалъ, но съ сильнымъ шотландскимъ акцентомъ. Безполезно было спорить съ этимъ крѣпко-головымъ, крѣпко сложеннымъ, упрямымъ человекомъ. Я обратился за ободреніемъ къ кроткому лицу моей матери и предоставилъ доктору полную свободу дѣйствій.

— Мое имя Макъ-Глю, продолжалъ онъ.—Я имѣлъ честь засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе въ вашемъ собственномъ домѣ, когда вы пріѣхали въ эту мѣстность, но вы не можете припомнить меня теперь и это весьма естественно, такъ какъ ваши умственные способности, вслѣдствіе обильной потери крови (съ чѣмъ вы сами согласитесь какъ врачъ) находятся въ ненормальномъ состояніи.

Я вышелъ изъ терпѣнія.



— Оставьте меня, прерывай я.— Говорите мнѣ о женщинахъ.

— Вы открыли ротъ, сэръ! воскликнулъ мистеръ Макъ-Глю строго.— Вы знаете какое наказаніе послѣдуетъ за этимъ. Примите глотокъ микстуры. Я предупредилъ васъ что мы пойдемъ впередъ систематически, продолжалъ онъ, заставивъ меня покориться наказанію.— Все въ свое время, мистеръ Джермень, все въ свое время. И такъ я говорилъ о вашемъ болѣзненномъ состояніи. Какъ я узналъ о вѣшномъ болѣзненномъ состояніи? Къ счастью для васъ я проѣзжалъ вчера по такъ-называемой нижней дороге, идущей вдоль берега рѣки, и подѣзжая къ этому трактиру (они называютъ его гостиницей, но по моему это не что иное какъ трактиръ) я еще въ полмили услышалъ визгъ здѣшной хозяйки. Она хорошая женщина, какъ вы сами убѣдитесь со временемъ, но въ затруднительныхъ положеніяхъ никуда не годится. Лежите спривно, я подхожу теперь къ главному. Желая узнать не относилась ли визгъ къ чему-нибудь такому что требовало моей медицинской помощи, я вошелъ въ этотъ домъ и увидалъ васъ и незнакомую даму въ позѣ которую я, въ качествѣ правдиваго разсказчика, долженъ назвать не совѣмъ приличной. Молчитъ! Я шучу, я знаю что вы оба были въ обморокѣ. Выслушавъ все что имѣла сказать мнѣ хозяйка и отдѣливъ по мѣрѣ возможности истину отъ истерическаго бреда я увидалъ себя поставленнымъ между двумя законами. Законъ учтивости повелѣвалъ мнѣ обратиться съ моими услугами сначала къ женщинамъ; законъ человеколюбія указывалъ мнѣ на васъ, такъ какъ вы все еще истекали кровью. Я не молодой человекъ, я заставилъ женщину подождать. И не легко же было справиться съ вами, мистеръ Джермень. Вы не шутите этой раной, сэръ. Избави васъ Богъ раздражить ее спать. Если вамъ случится когда-нибудь гуляя вчеромъ видать женщину въ водѣ, вы поступите благоразумно если предоставите ее самой себѣ. Что такое? Вы кажется собираетесь открыть ротъ? Вы хотите принять глотокъ микстуры?

— Онъ хочетъ узнать о дамѣ, сказала моя мать объявляя мнѣ мое желаніе.

— О, онъ хочетъ узнать о дамѣ, сказалъ мистеръ Макъ-Глю такимъ тономъ какъ будто эта тема имѣла для него мало привлекательнаго.— Что мнѣ сказать вамъ о дамѣ? Красивая особа, безспорно красивая особа. Еслибы считали все съ ея костей, скелетъ получился бы великодушный.

Замѣтите что безъ красиваго скелета не можетъ быть красивой женщины. Въ нравственномъ же отношеніи я не совсѣмъ хорошаго мнѣнія о ней. Я увѣренъ что въ этой драматической сценѣ которую она устроила на мосту замѣшавъ мушкетера. (Извините что я говорю это при васъ, сударыня.) Но такъ какъ мушкетеръ этотъ не я, мнѣ нѣтъ до этого никакого дѣла. Мою обязанностью относительно этой женщины было возстановить ея жизненную машину. И, видите Богъ, это оказалось очень труднымъ дѣломъ, сѣрь. Съ ней было даже трудно сладить чѣмъ съ вами. Я ни разу во все время моей практики не встрѣчался съ пациентами которые возвращались бы къ жизни и ея тревоженіямъ такъ неохотно какъ вы двое. И когда я наконецъ привелъ ее въ чувство, когда я самъ готовъ былъ упасть въ обморокъ отъ усталости, угадайте—я разрешаю вамъ отвѣтить мнѣ на этотъ разъ—угадайте что она сказала мнѣ лишь только пришла въ себя.

Я былъ въ слишкомъ большомъ нетерпѣніи чтобы тратить время на угадываніе.

— Я не могу угадать, отвѣчалъ я съ раздраженіемъ.

— Конечно не можете, подтвердилъ мистеръ Макъ-Ган-Первыя слова съ которыми она обратилась къ человеку вырвавшему ее, такъ-сказать, изъ самой пасти смерти, былъ вотъ какія: „какъ вы смѣете вмѣшиваться въ мои поступки? Зачѣмъ помѣшали вы мнѣ умереть?“ Ея собственныя слова сѣрь, я готовъ подтвердить это клятвой. Мнѣ стало такъ досадно что я, какъ говорится, сдалъ ей сдачу ея же монетой. „Рѣка близко, сударыня, сказалъ я.—Бросьтесь опять, что касается меня, я дамъ вамъ слово что не сдѣлаю ни что бы помѣшать вамъ утопиться.“ Она взглянула на меня съ сомнѣніемъ. „Вѣдь вы человѣкъ вытащившій меня изъ воды“ сказала она. „Избави меня Богъ, отвѣчалъ я.—Я только докторъ имѣвшій глупость вмѣшаться въ ваше положеніе послѣ того какъ васъ уже вытащили изъ рѣки.“ Она обратилась къ хозяйкѣ. „Кто же спасъ меня?“ спросила она. Хозяйка сказала ей и назвала васъ по имени. „Джерменъ“, повторила дама. „Я никогда не слыхала этого имени. Желала бы я знать не тотъ ли это человѣкъ который говорилъ со мной на мосту“. „Да сказала хозяйка,—мистеръ Джерменъ говорилъ что встрѣтился съ вами на мосту.“ Услышавъ это дама подумавъ немного и спросила можно ли ей повидаться съ мистеромъ Джерменомъ. „Кто бы онъ ни былъ“, прибавила она,—но онъ

рисковалъ жизнью чтобы спасти меня и я должна поблагодарить его." „Вы не можете поблагодарить его сегодня," сказалъ я. „Я оставилъ его на верху между жизнью и смертью и послалъ за его матерью. Подождите до завтра." Она повернулась ко мнѣ съ полуслуганымъ, полусердитымъ взглядомъ. „Я не могу ждать," отвѣчала она, „вы не понимаете что вы сдѣлали возвративъ меня къ жизни. Я должна теперь бѣжать, а завтра же должна уѣхать изъ Пертшира. Въ какомъ часу уходитъ первый почтовый дилижансъ на югъ?" Такъ какъ мнѣ нѣтъ никакого дѣла до почтовыхъ дилижансовъ, а посоветовалъ ей обратиться съ этимъ вопросомъ къ хозяйкѣ, самъ же отправился къ вамъ чтобы взглянуть не нуждается ли вы въ моей помощи. Но найдя васъ въ наилучшемъ положеніи какого только можно было ожидать я поручилъ васъ вашей матушкѣ и отправился домой, гдѣ меня ждали другіе больные. Когда же я вернулся сюда сегодня утромъ хозяйка встрѣтила меня извѣстиемъ что она уѣхала.— Кто уѣхала? спросилъ я.—Барыня, отвѣчала хозяйка;—она уѣхала сегодня съ первымъ почтовымъ дилижансомъ.

— Неужели вы хотите сказать что ея уже нѣтъ въ этомъ домѣ? воскликнулъ я.

— Это именно я и хотѣлъ сказать, объявилъ докторъ такъ же положительно какъ и прежде.—Спросите вашу матушку и она подтвердитъ это къ вашему удовольствію. Мнѣ нужно побывать у другихъ больныхъ и я прощусь съ вами. Вы не увидите болѣе вчерашнюю даму и тѣмъ лучше. Я заѣду къ вамъ опять часа черезъ два и если не найду въ васъ перемены къ худшему мы перенесемъ васъ изъ этого неприятнаго мѣста въ комфортабельную постель которая ждетъ васъ въ вашемъ домѣ. Не давайте ему говорить, сударыня, не давайте ему говорить.

Съ этими прощальными словами мистеръ Макъ-Глю оставилъ васъ однихъ.

— Правда ли это? спросилъ я у матери.— Неужели она въ этомъ дѣлѣ уѣхала не повидавшись со мной?

— Не было возможности удержать ее, Джорджъ, отвѣчала мать.—Она уѣхала съ утреннимъ дилижансомъ въ Эдинбургъ.

Я былъ горько разочарованъ. Да! Горько разочарованъ, эта эта женщина была мнѣ чужая.

— Видѣли вы ее? спросилъ я.

— Я видѣла ее только нѣсколько минутъ когда шла въ твою комнату, милый мой.

— Что она говорила?

— Она просила меня извиниться за нее предъ тобой. Она сказала: „передайте мистеру Джермену что мое положеніе ужасно. Помочь мнѣ не можетъ никто. Я должна бѣжать отсюда. Въ старой жизни я не могу вернуться. Это такъ же невозможно какъ еслибъ я была уже на томъ свѣтѣ. Я должна найти новую жизнь въ новомъ мѣстѣ. Попросите мистера Джермена простить мнѣ что я уѣду не повидавшись съ нимъ. Я не смѣю ждать, меня могутъ оставить. Есть человекъ котораго я рѣшилась не видѣть болѣе никогда! никогда! никогда! Прощайте и постарайтесь простить меня.“ Она закрыла лицо руками и не сказала болѣе ни слова. Я попыталась вызвать ее на откровенность, но она не поддалась и я принуждена была оставить ее. Въ жизни этой бѣдной женщины есть какое-нибудь ужасное несчастье, Джорджъ. И какая интересная особа. Нельзя было не сочувствовать ей, заслуживаетъ ли она этого или нѣтъ. Въ ней много загадочнаго. Она говоритъ по-англійски безъ малѣйшаго иностраннаго акцента, но имя у нея иностранное.

— Она сказала вамъ свое имя?

— Нѣтъ и я не рѣшилась спросить у нея, но здѣшняя хозяйка не такъ совѣстлива. Хозяйка сказала мнѣ что простившаяся ея бѣлье взглянула на мѣтку. Бѣлье замѣчено именемъ Ванъ-Брандтъ.

— Ванъ-Брандтъ? Повторилъ я.— Это какъ будто голландское имя. Однако вы говорите что она говоритъ по-англійски какъ Англичанка. Можетъ-быть она родилась въ Англіи.

— Или замужемъ за иностранцемъ, прибавила моя мать. Предположеніе что она замужня было почему-то противно мнѣ. Я жалѣлъ что мать высказала его, а не хотѣлъ принять его и остался при своей увѣренности что незнакомка была дѣвушка. Считаю ее дѣвушкой я могъ позволить себѣ мечтать о ней, я могъ утѣшать себя надеждой что мнѣ удастся отыскать интересную бѣглянку которая такъ сильно заинтересовала меня, чье отчаянное покушеніе на самоубійство едва не сдѣлалось причиной моей смерти.

Я зналъ что если она уѣхала въ Эдинбургъ (а она повсѣвѣроятности должна была выбрать Эдинбургъ если желала скрыться), возможность отыскать ее въ этомъ большомъ го-

родѣ при моемъ болѣзненномъ состояніи была весьма сомнительна. Однако я не отказывался; я не хотѣлъ отказаться отъ надежды. У меня была какая-то фантастическая (можетъ-быть мнѣ слѣдуетъ оказать какая-то суевѣрная) увѣренность что если намъ съ ней суждено было вытерлѣть вмѣстѣ смертельную опасность и быть возвращенными къ жизни вмѣстѣ, то и въ будущемъ насъ ожидаютъ какія-нибудь общія радости или общія несчастія. „Мнѣ кажется что я увижу ее,“ было моею послѣднею мыслью предъ тѣмъ какъ я заснулъ отъ слабости спокойнымъ сномъ.

Въ этотъ вечеръ я былъ перемещенъ домой и въ эту ночь видѣлъ ее во снѣ.

Ея образъ былъ запечатѣнъ въ моей памяти такъ же ясно какъ вовсе не похожій на него образъ ребенка Мери, спившейся мнѣ въ былое время. Она приснилась мнѣ въ томъ же костюмѣ въ какомъ я видѣлъ ее на мосту. Она взглянула на меня тѣмъ же взглядомъ какимъ встрѣтила меня когда я подошелъ къ ней въ сумеркахъ. Слуста немного лицо ея прояснилось божественно-прекрасною улыбкой и она прошептала мнѣ на ухо: „другъ, узнаешь ты меня?“

Я конечно узналъ ее, но вмѣстѣ съ тѣмъ у меня было какое-то необъяснимое сомнѣніе. Признавъ ее за женщину такъ живо заинтересовавшую меня на мосту, я былъ однако недоволенъ собою, какъ бы чувствуя что въ этомъ признаніи была какая-то ошибка. Съ этимъ чувствомъ я проснулся и не могъ болѣе заснуть въ эту ночь.

Слуста три дня я уже чувствовалъ себя настолько сильнымъ чтобы прокатиться съ матерью въ покойной старомодной коляскѣ вѣкогда принадлежавшей мистеру Джермену.

На четвертый день мы рѣшились сдѣлать экскурсію къ большому водопаду въ недалекомъ разстояніи отъ нашего дома. Моя мать очень любила это мѣсто и часто выражала желаніе имѣть какой-нибудь снимокъ съ него. Мнѣ пришлось въ голову взять съ собою мой альбомъ и попробовать не дастся ли мнѣ срисовать водопадъ.

Отыскивая альбомъ я открылъ старое бюро не отпиравшееся со времени моего отъѣзда въ Индію и въ одномъ изъ ящиковъ этого бюро случайно нашелъ когда-то столь дорогой мнѣ подарокъ, зеленый флагъ вышитый для меня моею бывшею маленькою Мери.

При видѣ этой забытой вещицы я вернуся мысленно въ коттеджъ управляющаго и вспоминалъ предсказаніе его старой матери насчетъ меня и Мери, предсказаніе которое она высказывала съ такою увѣренностью.

Старушка утверждала что никакія земныя силы не помѣшаютъ мнѣ и Мери вступить со временемъ въ брачный союзъ. Гдѣ же свидѣнія посредствомъ которыхъ мы должны были, по ея словамъ, сообщаться въ разлуку? Прошло много лѣтъ, а я не видалъ Мери ни на яву, ни во снѣ. Прошло много лѣтъ и мнѣ опять приснилась женщина, но эта женщина была незнакомка которую я вытащилъ изъ воды! я подумалъ, сколько перемѣвъ произошло въ моей жизни, но подумалъ это безъ презрѣнія и горечи. Новая любовь вкрадывалась въ мое сердце уже успѣла смягчить и облагородить меня. Бѣдная маленькая Мери, сказалъ я и съ этими словами ноціювалъ зеленый флагъ съ чувствомъ благодарности къ невозвратимому прошлому.

Мы отправились къ водопаду.

День былъ прекрасный; уединенная лѣсная картина казалась красивѣе чѣмъ когда-либо. У водопада для удобства посетителей была выстроена владѣльцемъ этого мѣста деревянная бесѣдка. Моя мать предложила мнѣ снятъ видъ съ этого пункта. Я началъ рисовать, но какъ я ни старался, результатъ не удовлетворилъ меня и я бросилъ работу не одѣлавъ и половины рисунка. Оставивъ альбомъ и карандашъ на столѣ, я предложилъ матери перейти небольшой деревянный мостъ пересѣкавшій рѣку ниже водопада и взглянуть на картину съ какого-нибудь другаго пункта.

По другую сторону рѣки видъ водопада представлялъ еще большія трудности для неопытнаго художника - любителя какимъ былъ я. Мы пошли обратно въ бесѣдку.

Я опередилъ мать. Подходя къ отворенной двери бесѣдки я остановился пораженный внезапнымъ зрѣлищемъ. Мы оставили бесѣдку пустою. Теперь какая-то женщина сидѣла у стола и писала моимъ карандашомъ въ моемъ альбомѣ.

Подождавъ съ минуту я одѣлавъ еще нѣсколько шаговъ впередъ и остановился опять въ невыразимомъ изумленіи. Теперь я ясно разглядѣлъ что женщина сидѣвшая у стола была та самая которую я вытащилъ изъ воды.

Я былъ увѣренъ что не ошибался. Та же самая одежда, то же самое лицо которое я видѣлъ въ сумеркахъ на мосту, которое я видѣлъ ночью во снѣ. Это была она, я видѣлъ ее такъ же ясно какъ солнце отражавшееся въ водопадѣ. И она держала въ рукахъ мой карандашъ и писала въ моемъ альбомѣ.

Мать моя подойдя ко мнѣ замѣтила мое волненіе.

— Что такое, Джорджъ? воскликнула она.

Я указалъ на отворенную дверь бесѣдки.

— Что же тамъ такое? спросила она.

— Развѣ вы не видите что кто-то сидитъ у стола и пишетъ въ моемъ альбомѣ?

Мать взглянула на меня внимательно.

— Не заболѣлъ ли онъ опять? прошептала она про себя.

Въ эту минуту женщина положила карандашъ на столъ и медленно встала.

Она взглянула на меня грустнымъ, молящимъ взглядомъ, она подняла руку и сдѣлала мнѣ знакъ чтобъ я подошелъ къ ней. Я повиновался безотчетно, я пошелъ къ ней движимый какою-то непобѣдимой силой. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея я остановился. Она подошла ко мнѣ и тихо приложила руку къ моей груди. Ея прикосновеніе преисполнило меня какимъ-то страннымъ чувствомъ восторга смѣшаннаго съ ужасомъ. Слуста немного она заговорила тихимъ, мелодичнымъ голосомъ, сливавшимся съ отдаленнымъ шумомъ падавшей воды и въ этихъ смѣшанныхъ звукахъ я различалъ слова: „Вспомни меня, вернись ко мнѣ.“ Она отняла руку съ моей груди; дневной свѣтъ въ комнатѣ омрачился какою-то мимолетною тѣнью. Когда прояснилось женщины уже не было.

Я оломнился.

Я увидалъ удалявшіяся тѣни давша мнѣ понять что время близилось къ вечеру, я увидалъ нашу коляску подѣзжавшую къ бесѣдкѣ. Я почувствовалъ на плечѣ руку матери и услышалъ ея встревоженный голосъ. Я сдѣлалъ ей знакъ чтобъ она не беспокоилась обо мнѣ, но не могъ сказать ни слова. Я думалъ только объ альбомѣ. Такъ же ясно какъ я видѣлъ женщину, видѣлъ я и то что она писала карандашомъ въ моемъ альбомѣ.

Я подошелъ къ столу и взглянулъ на чистое пространство

ввиду страницы лодъ моимъ неоконченнымъ рисункомъ. Мать послѣдовала за мною и тоже заглянула въ альбомъ.

Подъ рисункомъ было написано нѣсколько словъ! Женица исчезла, но оставила послѣ себя написанныя слова, видимыя не для меня одного, но и для матери.

Вотъ эти слова, написанныя въ двѣ строки, какъ я переписываю ихъ здѣсь:

*Когда источникъ святаго Антонія  
Освященъ полнымъ мѣсяцемъ.*

*(Продолженіе слѣдуетъ.)*



---

# ТРИ ДНЯ ВЪ ТАОРМИНЪ

---

## ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАПИСОКЪ

---

Въ сторонѣ отъ большой дороги по которой обыкновенно путешественники объѣзжаютъ Европу, въ мѣстности рѣдко посѣщаемой иностранцами, лежитъ нагорный городокъ Таормина, когда-то занимавшій видное мѣсто между городами Сициліи, теперь же мало кому извѣстный даже по имени. Судьба соединила въ немъ все что могло бы сдѣлать его привлекательнымъ для туриста: онъ лежитъ въ сторонѣ благоуханнаго климата, населенъ народомъ приветливымъ и веселымъ, и рѣдко гдѣ можно встрѣтить болѣе поразительное и стройное сочетаніе величественной красоты природы съ грустною прелестью обломковъ созданій рукъ человѣческихъ. Но та же судьба поставила его на одной изъ окраинъ бывшаго европейскаго міра и удалила отъ общаго вниманія, какъ что съ тѣхъ поръ какъ изъ укрѣпленнаго и важнаго міста онъ превратился мало-по-малу въ маленькій провинціальныи городокъ, въ него заглянули только немногіе путешественники да нѣкоторые ученые изслѣдователи древности. Едва ли прійдетъ въ голову тому кто посѣтитъ Таормину думать объ этой ея неизвѣстности. Мнѣ кажется что такъ какъ она есть, удѣлявшая отъ напыва гостей, она лучше, чѣмъ еслибъ ее посѣщали столько же сколько Железское

озеро, Рига или Помпею. Правда, въ ней нѣтъ тѣхъ удобствъ жизни и гулянья, того комфорта, который всюду привозятъ съ собой путешественники, требующіе развлеченія; но за то нѣтъ также ни раскиданныхъ повсюду ресторановъ, ни повсемѣстной продажи туземныхъ произведеній, ни разныхъ украшеній и усовершенствованій природы, которыхъ не избѣгаетъ ни одна изъ часто посѣщаемыхъ достопримѣчательностей. Красота ея осталась неподдѣльною, естественною, а недостатки и угловатости или теряются въ общемъ цѣльномъ впечатлѣніи, или придаютъ ей еще больше своеобразности и характерности.

Отправляясь покататься по Италіи, и мы какъ многіе другіе сначала не подумали бы о Таорминѣ. Только уже по прїѣздѣ въ Сицилію, услышавъ восторженные отзывы одного знакомаго о красотѣ ея мѣстоположенія и развалинъ, мы рѣшили заѣхать въ нее. Это было тѣмъ болѣе удобно что ближайшій путь нашъ лежалъ почти мимо.

Рано утромъ, еще до шести часовъ, выѣхали мы изъ Катаны. Железная дорога между прибережными городами Сициліи, то есть пока еще только отъ Мессины до Сиракузъ, идетъ по самому берегу моря, у подошвы горъ и огибаеть почти всѣ извѣстныя мысовъ и заливовъ. Только когда встрѣчается неодолима преграда—утесъ слускающійся прямо въ море—она прорѣзываетъ его насквозь тоннелемъ. Проложенная такимъ образомъ дорога представляетъ безконечное разнообразіе любознательнаго. взгляду: малѣйшій изгибъ ея выказываетъ новыя сочетанія скалъ, каждую скалу въ новомъ видѣ, заливъ съ другой стороны, море въ иныхъ берегахъ. При нѣкоторыхъ поворотахъ видишь, съ одной стороны, вдали, за предѣлами яркоголубаго моря, берега Калабріи въ сѣровато-розовомъ туманѣ, съ другой—иногда раздвинется ближайшая стѣна скалъ, и видны дальше нагромоздившіяся одна надъ другой вершины. Вблизи по горамъ глазъ различаетъ зелень: миндальныя, оливковыя, померанцевыя деревья и разныя подобныя, для насъ оражерейныя, растенія. Мѣстности между Мессиною и Катаньей славятся своими садами, своею роскошною растительностью; ее называютъ садомъ Сициліи. И правда, зелени много, но эта зелень не тѣ густыя высокія деревья которыя мы привыкли видѣть на нашей родинѣ. Оливки, сѣроватая скорѣе чѣмъ зеленая, не даютъ свѣжести своимъ видомъ; померанцы слишкомъ темны и не довольно

густы и при томъ они не достигаютъ большаго роста. Они больше нравятся когда находишься въ какомъ-нибудь хорошо содержимомъ саду, посреди нихъ, когда можешь ихъ различать и любоваться ихъ разнообразною листвою; но издали, въ общемъ, они не производятъ впечатлѣнія.

Впрочемъ надо вспомнить что мы видѣли эти сады осенью, когда они уже потеряли часть своей свѣжести.

Постоянно любясь и переходя отъ одного окна нашего куня къ другому, мы не замѣтили какъ прошло почти два часа и поѣздъ остановился у станціи Джардини, откуда идутъ двѣ дороги въ Таормину: одна доступная только пѣшеходамъ и осламъ, другая давшая, по которой можно ѣхать и въ экипажѣ.

Надо знать что желѣзная дорога въ Сициліи еще новостъ, къ ней еще не привыкли, для нея еще далеко не все устроено и приспособлено. Больше всего неустроенность видна на станціяхъ. Это по большей части все еще временныя, маленькія деревянныя постройки, похожія на сараи, построенныя плохо, со щелями, съ худо затворяющимися дверьми, съ простыми деревянными окамейками, иногда покрытыми кожей и Богъ вѣсть когда успѣвшими состарѣться и испачкаться. Носильщики (факины) не имѣютъ права выходить на платформу, вѣроятно во избѣжаніе толкотни, и всякій долженъ самъ тащить свой багажъ. Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить что послѣднее встрѣчается и въ самыхъ цивилизованныхъ городахъ Италіи, какъ въ Миланѣ и Римѣ. Факины доносятъ вещи до дверей ожидательной залы и объявляютъ что дальше онъ не имѣетъ права идти. Нечего дѣлать, приходится нести самому. Въ Сициліи нѣтъ по крайней мѣрѣ притязаній на благоустройство, и потому подобныя неприятели не такъ поражаютъ своею неожиданностію.

Продолжавшись съ прочимъ народомъ сквозь станціонный домикъ, мы очутились на улицѣ, или лучше сказать на шоссеной дорогѣ, такъ какъ почтовый и желѣзный пути здѣсь идутъ почти рядомъ. Плоскій берегъ такъ узокъ что саженахъ въ трехъ-четырехъ отъ рельсовъ уже лежитъ песокъ омываемый волнами моря, а съ другой стороны почти тотчасъ за шоссе начинается крутой подъемъ. На этой узкой полосѣ, сжатой между горами и моремъ, разбросано нѣсколько домиковъ — вотъ и весь городокъ Джардини. Онъ

смотреть какъ-то скучно и непривѣтливо, совсѣмъ въ разладъ съ своимъ привлекательнымъ названіемъ, и въ одинъ giardino (садъ) не смягчаетъ своею зеленью холодную сухость стѣрыхъ скалъ.

Едва мы успѣли выйти на крыльцо, какъ насъ разомъ обступила кучка факиновъ, проводниковъ съ ослиами и мальчиковъ, каждый со своими предложеніями. Экипажей была всего только одна коляска и веттурино явилась тоже къ нашимъ услугамъ; но вида иностранцевъ и пользуясь отсутствіемъ конкуренціи, запросилъ такую цѣну что мы молча раскланялись съ нимъ и пошли дальше. Толпа факиновъ отъ насъ не отставала и даже сдѣлалась еще неотвязчивѣе, такъ какъ мы не сошлись съ извозчикомъ. Двое или трое изъ нихъ завладѣли нѣскими мѣшками и пальто, одинъ объявилъ себя проводникомъ по древностямъ (*guida delle antichità*), еще нѣсколько человекъ предлагали своихъ ословъ для прогулки. Но въ это время мы чувствовали потребность болѣе настоятельную чѣмъ прогулка по древностямъ, потому что въѣхали изъ Катаньи безъ завтрака: въ шестомъ часу утра въ гостиницѣ еще все спало, а на станціяхъ въ Сициліи весьма достать ничего съѣдобнаго, какъ въ другихъ странахъ; здѣсь станціи исполняютъ только свое первое назначеніе: дать возможность лошадѣ остановиться и принять или вылустить пассажировъ и грузъ.

— Нѣтъ ли здѣсь гдѣ-нибудь отеля или ресторана, гдѣ бы можно было налить кофе? спросили мы нашихъ провожатыхъ.

Этотъ вопросъ былъ такъ неожиданъ что озадачилъ ихъ и они не сейчасъ отвѣчали. Первый нашелся *guida delle antichità* и предложилъ что проводить насъ до отеля.

— А порядочный отель?

— О, превосходный, отличный. Останетесь довольны.

И вся компанія отправилась за нами дальше по указанію гвиды, сдѣлавшагося теперь нашимъ полнымъ хозяиномъ.

Пройдя нѣсколько сотенъ шаговъ по шоссе, мы остановились предъ небольшимъ домикомъ, чисто выбѣленнымъ, какъ и всѣ бѣдыя жилища Италіянцевъ. Узенькая каменная лѣстница, прислоненная къ боковому фасаду, вела во второй этажъ, который, кажется, и былъ единственнымъ обитаемымъ; что было внизу, не знаю; вѣроятно сосѣдство моря, приливъ, а еще больше бури заставляютъ избѣгать саишкомъ

изкаго жилья. Мы вошли по узенькой лѣстницѣ и очутились въ довольно большой комнатѣ, занимающей кажется весь передъ дома. Одна дверь ведетъ въ заднюю комнату; другая, противоположная ей, служащая также и окномъ, на большую террасу во всю ширину дома, которая выходитъ на море. Убранство комнаты, если его можно назвать убранствомъ, не только просто, но почти бѣдно. Круглый столъ, на верхней доскѣ котораго трудно уже разобрать какого онъ дерева, нѣсколько простыхъ стульевъ вокругъ, два другіе стола, ровесники первому, у стѣны что-то въ родѣ комода или низенькаго шкала, да еще кровать въ дальнемъ углу, кровать безъ постели, со сложеннымъ пополамъ пестрымъ тиковымъ матрасомъ, вѣроятно для того чтобы постель понапрасну не лылилась — вотъ и все. Превосходный отель оказался просто маленькою остеріей. Но лучше его не было въ городѣ, а мы были слишкомъ голодны чтобы пренебречь и этимъ убѣжищемъ, и усѣвшись, спросили себѣ кофе. Кофе явился, и хлѣбъ тоже, но сливокъ и молока не оказалось. Благословенная Италия, богатая столькими произведеніями природы, бѣдна только двумя вещами: въ ней нѣтъ молока и хорошаго хлѣба. Въ большихъ городахъ, гдѣ бываетъ много иностранцевъ, всегда можно достать молоко, даже и подъ названіемъ сливокъ; но въ деревняхъ и маленькихъ городкахъ, особенно лѣтомъ, когда отъ жары все такъ скоро портится, а сохранять негдѣ, молока нечего и спрашивать. Въ Сициліи особенно не привыченъ для иностранцевъ хлѣбъ, и потому во всѣхъ гостиницахъ — подаютъ такъ называемый *pane francese*; но по моему крутой и сладковатый сицилійскій хлѣбъ все-таки лучше этого безвкуснаго подражанія французскому, и мы постоянно, къ великому удивленію слугъ, требовали *pane siciliano*.

Пока мы завтракали, нашъ гвида распорядился нанять намъ ослевъ до Таормины, и мы не теряя времени усѣлись въ удобныя сѣдла какъ въ кресла и распустивъ зонтики отъехали въ дальнѣйшій путь, точно въ экипажъ: привычные ослы шли мѣрнымъ и спокойнымъ шагомъ, сами выбирая дорогу и почти не нуждаясь въ проводникѣ.

Теперь когда я вспоминаю объ ослахъ, мнѣ всегда приходится въ голову, какъ справедлива наша пословица что добрая слава лежитъ а худая бѣжитъ. Ослы извѣстны всему міру какъ глупыя, упрямыя и лѣнивыя животныя; има осла

стало вездѣ, даже въ тѣхъ странахъ гдѣ они не водятся, символомъ этихъ недостатковъ, однимъ изъ самыхъ обидныхъ сравненій. Какъ это случилось что только дурныя и даже можетъ-быть случайныя черты осла сдѣлались въ общемъ мнѣнii характеристикой всего рода, а добрыхъ и постоянныхъ качествъ его никто не знаетъ и не хочетъ знать, рѣшительно необъяснимо. Оселъ, маленькое но сильное и крѣпкое животное, служить въ хозяйствѣ какъ никакое другое. Онъ исполняетъ всѣ возможныя работы, возить и носить съ утра до ночи: отъ него требуется даже то что ему совсѣмъ не по силамъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только увидѣть осла въ хоть бы въ Неаполѣ на набережной около таможи, нагруженныхъ привозимыми и увозимыми тяжестями. Иногда возъ своею величиной почти поглощаетъ величину осла и впряженное животное кажется не больше собаки, стоящей у стога сѣна. Оно все вытягивается чтобы стащить возъ съ мѣста, но силъ не хватаетъ: тогда на него сыпаются удары, да не кнутомъ или хлыстомъ, а самыми здоровыми лапками и полѣвьями, такими что могутъ отбить послѣднюю силу. Иной разъ оселъ останавливается чтобы перевести духъ, и за это лобот. Очень можетъ быть что на него, какъ на забитаго человѣка, находятъ иногда минуты совершеннаго равнодушiя и безчувственности, потому что за все онъ получаетъ лобот.

Состраданiе которое возбудили въ насъ осла чрезмѣрными трудами и терпѣнiемъ еще увеличилось, когда намъ пришлось ночевать разъ въ одномъ маленькомъ сицилійскомъ городкѣ. Балконъ нашей комнаты выходилъ въ садъ, возлѣ котораго были разныя хозяйственныя постройки, между прочимъ и хлѣвъ. Вечеромъ, когда на улицахъ все успокоилось, и всѣ воротились въ свои дома, подъ нашими окнами вдругъ раздался не то плачь, не то завыванiе такимъ жалобнымъ, тоскливымъ голосомъ что приковалъ невольное вниманiе. Оказалось что это былъ голосъ осла. Окончивъ свой трудовой, тяжелый день, и оставшись на свободѣ и, если можно такъ выразиться, наединѣ съ самимъ собою, онъ точно плакалъ надъ своею тягостною жизнью и изливалъ тоску среди ночной тишины. Слушая его, невозможно было представить себѣ чтобы это животное не чувствовало горя, не нуждалось въ привязанности и ласкѣ. Этотъ голосъ не могъ быть

простымъ безпричиннымъ крикомъ, а не выраженіемъ дѣйствительнаго чувства.

Насъ отправило въ путь довольно большое общество. Кромѣ гвдмы и двухъ погонщиковъ, шло еще нѣсколько женщинъ и мужчинъ. Какъ послѣ оказалось, они шли въ Таормину къ обѣднѣ, такъ какъ было воскресенье, и кромѣ того, праздникъ въ одной изъ тамошнихъ церквей, *Мадонны della Rossa*. Они присоединились къ намъ, потому что въ обществѣ веселѣе идти и почти все время болтали на своемъ грубоватомъ, оригинальномъ нарѣчii. По природной вѣжливости и добротѣ, они не хотѣли однако выдѣлять изъ общества и насъ, иностранцевъ, незнакомыхъ съ ихъ языкомъ. Которые знали изъ нихъ по-итальянски, старались чтобъ и мы принимали участіе въ разговорѣ; не знавшіе тоже выражали свою внимательность знаками и дѣйствіями, кто поправитъ что-нибудь на сѣдлѣ, кто угоститъ плодами изъ своего заласа, кто укажетъ на видъ или сорветъ и подастъ вѣтку ползучаго растенія. Такимъ образомъ, мы шли въ дружескомъ обществѣ. Довольно узкая каменистая дорожка вела вверхъ, не круто, но постоянно поднимаясь и извиваясь. Нѣсколько больше чѣмъ чрезъ полчаса пути, который намъ, непривычнымъ жителямъ равнины, не разъ показался неможко страшнымъ, мы подѣхали къ воротамъ города Таормины.

Чтобы представить себѣ какъ можно яснѣе положеніе той мѣстности гдѣ мы находились, надобно взглянуть на карту Сициліи.

Цѣль горъ окружающая Этну, приближившись къ морю со стороны сѣвера, склонается въ него четырьмя постепенно понижающимися вершинами. Первая и самая высокая изъ нихъ называется *Monte Venere*, слѣдующая за нею *Mola*, потомъ гора съ остатками древняго Сарадинскаго замка на вершинѣ, которая поэтому носитъ въ народѣ имя *Castello*; наконецъ, четвертая вершина, удивенной формы и съ выемкой посрединѣ въ родѣ сѣдла, вдается уже въ море въ видѣ мыса и замыкаетъ съ сѣверной стороны тотъ небольшой заливъ который закрытъ съ юга мысомъ *Наксось*. Замковая гора стоитъ на самомъ берегу моря; у подошвы ея остается только узкая полоса земли и здѣсь-то и лежитъ *Джардини*. Она поднимается круто, мѣстами обрывисто. Почти на двухъ гретахъ ея высоты на ней образовался неширокій карнизъ,

надъ которымъ, если смотрѣть со стороны моря, вершина стоитъ въ видѣ довольно правильнаго конуса. Этотъ карнизъ легко и удобно соединяется съ четвертою изъ названныхъ горъ, которой удлиненная вершина приходится почти на одной съ нимъ высотѣ и какъ будто составляетъ его продолженіе. На этой-то узкой нагорной полосѣ и частью на склонахъ, гдѣ только позволяла крутизна, лежалъ древній Тауроменіумъ.

Тауроменіумъ былъ основанъ, по словамъ Діонисія Сиракузскаго, въ IV вѣкѣ до Р. X. Жители Наксоса, котораго укрѣпленія были разрушены тиранномъ Діонисіемъ, возстали противъ Сиракузскаго владычества, и въ войнѣ Діонисія съ Карфагенянами приняли сторону послѣднихъ. Но Наксосъ, лишенный укрѣпленій, лежащій на открытомъ и ровномъ мѣстѣ, представлялъ слѣшкомъ мало защиты, и они переселились на близъ лежащую гору Тавръ (Taurus). Мѣсто избранное ими, омываемое съ двухъ сторонъ горными потоками, а съ двухъ другихъ ограниченное крутыми склонами, само по себѣ уже было закрыто отъ нападеній; они еще болѣе усидили его, построивъ въ немногихъ открытыхъ мѣстахъ стѣны и поставивъ на вершинѣ крѣпость, съ которой можно было обозрѣвать всю окрестность. Новая крѣпость, отъ имени горы на которой была воздвигнута, получила имя Тауроменія (Taurostadium, Taurostadium, Taurostadium, Тауроменіонъ). Она оказалась такъ неприступна, что Діонисій, несмотря на всѣ свои усилія, не въ состояніи былъ одолѣть ея. За то послѣ, заключивъ миръ съ побѣжденными Карфагенянами, онъ не упустилъ случая потребовать ее себѣ и получилъ по договору. Чтобы обезпечить ее въ своей власти, онъ выселилъ оттуда большую часть жителей и переселилъ вмѣсто нихъ Сиракузянъ. Но эта мѣра не могла долго дѣйствовать, такъ какъ при его слабосильномъ наслѣдникѣ все что было подъ властью Сиракузъ возстало, и самъ Діонисій Младшій былъ изгнанъ изъ Сициліи.

Въ Тауроменіумѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ Сициліи, появились свои тиранны. Въ числѣ древностей отысканныхъ въ его развалинахъ находятся три монеты съ изображеніемъ человѣка съ повязкой на головѣ которая заставляетъ предполагать что это изображеніе Го сударей. Двое изъ нихъ по всѣмъ признакамъ представляютъ одно и то же лицо, такъ что слѣдовательно монеты могутъ быть отнесены ко времени двухъ владителей. Намъ



известны только два тирана Тауроменіума: одинъ Андромакъ, отецъ историка Тимея, властвовавшій послѣ изгнанія Діонисія Младшаго; другой Тивдаріонъ, принявшій господство послѣ вторичнаго освобожденія Тауроменіума отъ Сиракузскаго владычества при тиранѣ Агаеоклѣ. На обратной сторонѣ монетъ выбито имя Тауроменіума и гербъ города—быкъ (taurus). Такимъ образомъ ничто не мѣшаетъ предположить что на этихъ монетахъ мы имѣемъ портреты двухъ тиранновъ Тауроменіума. Одинъ изъ нихъ, вѣроятно Андромакъ, изображенъ пожилымъ человѣкомъ, съ бородой, съ добродушнымъ выраженіемъ лица; другой, безбородый юноша, красивый, съ курчавыми волосами, съ лицомъ смѣлымъ и энергичнымъ.

При Андромакѣ въ Тауроменіумѣ увеличилось населеніе, такъ какъ туда перешли и остальные жители Наксоса, развилась торговля, городъ разбогатѣлъ и распространился. До сихъ поръ еще видны остатки древнихъ стѣнъ въ далекомъ разстояніи отъ того мѣста которое теперь занято городомъ. Увеличились также и военныя силы, и жители Тауроменіума прославились уже не только защитой своей неприступной рѣлости, но и храбростью и искусствомъ въ открытомъ раженіи.

Покой и благоденствіе никогда не были продолжительны въ Сициліи. Своею красотой она постоянно привлекала новыхъ завоевателей, и къ ней можно справедливо отнести слова знаменитаго совета Филікайи: ей часто приходилось

.....del non suo ferro cinta  
Pugnar, col braccio di straniera genti,  
Per servir sempre, o vincitrice, o vinta.

При Агаеоклѣ то сиракузскіе, то кареагенскія войска грабили и опустошали города Сициліи, въ томъ числѣ и Тауроменіумъ. Послѣ смерти Агаеокла, въ разныхъ мѣстахъ появились новые тиранны; они скоро увидѣли свое безсиліе противъ внутреннихъ и вѣншихъ враговъ, заключили между собой союзъ и кромѣ того призвали на помощь царя Пирра. Съ радостью привѣтствовалъ его народъ когда онъ высадился на берегъ Сициліи, и первый городъ принявшій его въ своихъ стѣнахъ былъ Тауроменіумъ. Однако Пирръ скоро обратился изъ защитника въ завоевателя и принужденъ былъ возвратиться въ Италію.

Скоро появилась новый врагъ, болѣе настоятельный и сильный чѣмъ всѣ прежніе, — Римъ, давно уже мечтавшій о владѣніи плодороднымъ островомъ. Въ виду опасности, враждовавшіе между собой Карфагенъ и Сиракузы соединились, но и вмѣстѣ не могли пересилить его. Тиранинъ Сиракузскій Гіеронъ II заключилъ миръ съ Римомъ, и между прочими городами получилъ въ свою власть и Тауромениумъ. Нѣсколько лѣтъ правленіе Гіерона было счастливымъ временемъ въ исторіи Тауромениума. Онъ оправился отъ бѣдствій и вмѣстѣ съ гражданскимъ благоденствіемъ томъ стали развиваться науки и искусства. Значеніе его возрасло когда послѣ смерти Гіерона онъ передался Риму и былъ принятъ имъ въ число союзныхъ городовъ, честь которой удостоилась еще только одна Мамертина. Къ этому времени относятся почти всѣ самыя роскошныя изъ построекъ которыхъ развалины видны теперь. Страбонъ упоминаетъ о Тауромениумѣ какъ объ одномъ изъ наиболее населенныхъ городовъ Сициліи послѣ Мессаны и Катаны. В надписяхъ открытыхъ въ самомъ городѣ есть между прочимъ указанія на значительныя суммы, которыя тратились на публичныя зрѣлища. Конечно и въ это время случалось ему переживать тяжелые дни, смотря по тому кто были лица стоявшія во главѣ правленія. Такъ, принявъ сторону Помпея въ борьбѣ его съ Лепидомъ, онъ въ послѣдствіи долженъ былъ дориспоплатиться за это.

Во время постоянныхъ войнъ, то междуусобныхъ, то вѣшнихъ, послѣ дѣленія Римской Имперіи, Таормина должна была быть одною изъ самыхъ важныхъ крѣпостей. Но по свидѣтельству историковъ, искусства и промышленности ней замѣтно упали, и ни одна изъ найденныхъ въ ней древностей не относится ко времени первыхъ двухъ вѣковъ христіанства.

Въ началѣ IX вѣка на берега Сициліи высадились Сарацины, и скоро бѣольшая часть городовъ была въ ихъ рукахъ. Таормина держалась дольше всѣхъ другихъ и тамъ уже почти сто лѣтъ спустя, въ 902 году, удалось имъ завладѣть ею, разбивъ Таорминцевъ въ открытомъ бою во время одной ихъ вылазки. Но Таормина не теряла возможности возставать снова, разъ выдержала еще одну осаду и наконецъ была взята приступомъ. За это упорство ей пришлось съвою потерлѣть; изъ нея была выслана бѣольшая часть жителей.

вмѣсто нихъ поселена цѣлая колонія Сарацинъ и самое имя города замѣнено другимъ. Это новое имя однако не вытѣснило стараго и исчезло съ удаленіемъ Сарацинъ. Во время ихъ владычества, Сицилія не пользовалась миромъ; за то они сумѣли увеличить ея богатства и дать много вышшаго блеску и великолѣпія ея городамъ. Таормина служила имъ почти исключительно какъ крѣпость, и кромѣ замка, въ который они обратили древній акрополь, въ ней нѣтъ остатковъ ихъ построекъ.

Въ XI столѣтіи Таормина перешла въ руки Нормановъ и въ послѣдній разъ снова приобрѣла значеніе и снова въ ней развились и промышленность и искусство. Конечно, самостоятельность и роскошь временъ Андромаха или союза съ Римомъ уже не могли возвратиться, такъ какъ первенствующимъ городомъ былъ въ то время Палермо и всѣ богатства сосредоточивались въ немъ. Но все-таки и въ Таорминѣ видны слѣды красивыхъ норманскихъ построекъ.

Послѣ Сицилійской Вечерни начался упадокъ всего острова. Мало-по-малу Таормина теряла свою важность какъ городъ и какъ укрѣпленное мѣсто. Еще нѣсколько разъ встрѣчается ея имя въ исторіи, когда во время войнъ ей удавалось послужить какой-нибудь сторонѣ своимъ неприступнымъ положеніемъ, но это было уже не потому что на нее разчитывали, а скорѣе случайно.

Ея укрѣпленія и украшенія мало-по-малу разрушились и теперь отъ сильнаго и богатаго Тауроменіума остался маленькій городокъ; сжавшійся на одномъ карнизѣ Замковой Горы, грязневый, мало кому извѣстный, богатый только красотой окружающей природы да обломками напоминающими о прошломъ.

Онъ состоитъ изъ одной улицы, идущей вдоль карниза, и множества маленькихъ переулковъ, отдѣляющихся отъ нея въ обѣ стороны. Въ одну сторону они доходятъ до обрыва, въ другую до подъема. Это точно рыбій хребетъ. Въ двухъ мѣстахъ улица расширяется и образуетъ площадки, мѣсто сбора народа въ правдивичные дни. Улица съ одного конца переходитъ въ дорожку по которой мы поднимаемся, съ другаго—въ шоссевую дорогу, далекими изгибами слускающуюся звизъ и сообщающую Таормину съ почтовымъ трактомъ, идущимъ по морскому берегу.

Распростившись съ нашими осликами и ихъ хозяевами,

которые не преминули поторговаться за „buona mano“ (на чай), мы отправились въ сопровожденіи guida delle antichità въ гостиницу чтобы сложить свой маленькій багажъ и немного отдохнуть предъ осмотромъ древностей Таормины. Guida обѣщалъ показать намъ ихъ всѣ до 5 часовъ полудни, за плату въ четыре франка. На площадкѣ у церкви мы увидѣли толпу народа въ праздничныхъ одеждахъ. Многие, какъ видно, не найдя мѣста въ церкви, стояли на лаверти и въ дверяхъ и молились; другіе, въ ожиданіи конца службы, прогуливались по площадкѣ и болтали между собой. Къ нимъ присоединились и наши спутники, пришедшіе изъ Джардини. Guida сообщилъ намъ что въ этотъ день будетъ въ Таорминѣ большой праздникъ и соберется еще много народу изъ окрестныхъ мѣстъ.

Въ Таорминѣ двѣ гостиницы. Чтобы дойти до той которую мы выбрали, нужно было пройти бѣльшую часть довольно длиннаго городка, такъ что мы могли ознакомиться съ нимъ. Переулки, отдѣляющіеся отъ главной улицы, шириною не болѣе полутора или двухъ аршинъ, ведутъ къ садикамъ, занимающимъ все мѣсто на карнизѣ пока не начинается крутизна. Фруктовые садики играютъ роль скорѣе нашихъ огородовъ чѣмъ садовъ, потому что все въ нихъ устроено для хозяйства, а не для удовольствія. Тутъ же находится помѣщеніе для домашнихъ животныхъ, изъ которыхъ болѣе всѣхъ даютъ себя знать ослы и особенно поросята. Они приходятъ въ свои квартиры только по ночамъ; днемъ же ослы работаютъ, а ихъ сожителю гуляютъ и прохожій имѣеть удовольствіе безпрестанно встрѣчаться съ ними на улицѣ и поневолѣ уступать имъ дорогу. Метутся ли когда-нибудь улицы, не знаю; думаю скорѣе что нѣтъ. Двухэтажные бѣлые домики смотрятъ, въ противоположность улицамъ, чистенькими и нѣкоторые даже хорошенкыми, благодаря поставленнымъ на окошкахъ цвѣтамъ. Гостиница Тимео, въ которой мы остановились, ничѣмъ не отличается отъ другихъ домовъ по наружному виду кромѣ маленькой выѣски. Сложивъ въ ней все что у насъ было съ собою, мы отправились въ дальнѣйшій путь.

Самая главная замѣчательность Таормины ради которой бываютъ въ ней ея рѣдкіе посѣтители, это развалины древняго греко-римскаго театра, первоначально построеннаго по правиламъ греческаго искусства, а послѣ исправленнаго и перестроеннаго Римлянами. Онъ помѣщается на той длинной

горѣ со впадиной въ формѣ сѣдла, о которой упоминаютъ выше, и къ нему-то повелѣ насъ вожатай.

Дойдя почти до конца главной улицы, до ея сѣверныхъ воротъ, надо завернуть въ одинъ изъ переулочковъ. Съ начала идешь промежду домовъ и садишковъ; потомъ переулочекъ заворачиваетъ, немного поднимается, и горизонтъ его расширяется: съ правой стороны каменный заборъ садовъ сменяется свободно растущими кактусами, за которыми виденъ отлогій склонъ, покрытый оливами и лемеранцами, за тѣмъ обрывъ и безконечное море; слѣва высокою стѣной поднимается скала: это значитъ что съ Таорминскаго карниза мы перешли на гору театра и дорожка идетъ по ея откосу.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ ходьбы вдали показался бѣленькій домикъ *custode*, хранителя театра и его древностей, и предъ нимъ рѣшетка съ калиткой поперекъ дорожки. Послѣ мы узнали что калитка запирается на ночь и на то время когда *custode* уходитъ въ городъ, но что эта предосторожность касается болѣе животныхъ, чѣмъ людей. Какъ жаль что не догадались поставить рѣшетку также и предъ началомъ дорожки ведущей къ театру.

Мы шли по ней, и слыша разказы гвиды о томъ что многія царственныя особы, между прочимъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ и принцъ Гумбертъ посѣщали Таормину, думали: неужели эта дорожка не была тщательно вычищена предъ ихъ прѣздомъ?

Мы подошли къ домику. Насъ встрѣтилъ низенькій, сѣдой, давно уже небритый старичокъ съ голубыми глазами и съ серьезно прѣвѣтливою улыбкой. Онъ предложилъ намъ отдохнуть въ его домикѣ прежде чѣмъ начать осмотръ театра, и усадилъ насъ съ любезностью хозяина и Итальянца. Въ домикѣ было всего двѣ комнаты. Первая—кабинетъ *custode*. На столѣ посреди нея книги и рисунки (не продажныя, а предметъ его занятій), также большая книга гдѣ путешественники записываютъ свои имена. Въ углу комнаты лалки тоже съ рисунками; на стѣнѣ портретъ пожилаго человѣка, съ которымъ можно было узнать кустода дѣтъ двадцать тому назадъ. Во второй комнатѣ, чисто выбѣленной, лежатъ обломки камней и статуи, найденныхъ въ развалинахъ театра, а на стѣны вѣшаны камни съ надписями, тамъ же отысканные. Кустодъ предложилъ намъ разсмотрѣть все это и началъ показывать и разказывать съ живостью, краснорѣчіемъ

и знаніемъ. Видно было что проживъ свой вѣкъ посреди этихъ древностей, онъ сжился съ ними и полюбилъ ихъ. Вообще очень плохо образованный, но чрезвычайно любознательный, онъ заинтересовался театромъ Таорминъ, получилъ его подъ свой надзоръ, и принялся его изучать. Онъ нашелъ возможность прочесть всѣ существующія описанія этого театра и провѣрилъ ихъ на мѣстѣ. По описаніямъ другихъ театровъ онъ ознакомился съ ихъ обыкновеннымъ устройствомъ, узналъ что гдѣ должно быть и такимъ образомъ сдѣлался въ состояніи принимать участіе въ тѣхъ изысканіяхъ которыя предпринимались учеными на развалинахъ; а хорошо зная мѣстность, не рѣдко былъ полезнымъ помощникомъ. Понятно что все что открывалось и находилось въ театрѣ, становилось важно и дорого для него, а самый театръ сдѣлался ему близокъ и милъ, какъ родное дитя. вмѣстѣ съ тѣмъ, находясь часто въ сношеніяхъ съ людьми образованными и учеными, онъ подвинулся выше своего прежняго уровня и сталъ цѣнить ученость. Съ особенно высокимъ уваженіемъ говорилъ онъ объ археологическихъ обществахъ и о знаменитомъ археологѣ герцогѣ Серра ди Фалько, котораго зналъ лично. \* Чрезвычайно занимательно было слушать разказы которыми онъ сопровождалъ осмотръ всякой мелочи. Въ продолженіе своей долгой службы при театрѣ онъ встрѣчался со многими замѣчательными людьми и сохранилъ въ памяти эти встрѣчи со множествомъ подробностей. Показывая и объясняя, онъ безпрестанно вставлялъ свои воспоминанія, и эти эпизоды, очевидно доставляя болшее удовольствіе ему самому, дѣлали рѣчь его еще оживленнѣе.

Похваставшись своимъ маленькимъ музеемъ, онъ повелъ насъ въ театръ, древній главный входъ въ который былъ какъ разъ возлѣ его домика. Выше уже было сказано что гора на которой мы находились имѣетъ удлинненную вершину со впадиной по срединѣ, такъ что напоминаетъ видъ сада. Въ этой-то впадинѣ и лежитъ Таорминскій театръ, что представляетъ одно изъ доказательствъ его первоначальнаго греческаго происхожденія. Известно что Греки при постройкѣ

\* Герцогъ Серра ди Фалько, президентъ Неаполитанскаго Археологическаго Общества, занимался древностями Сициліи и въ 1841 году издалъ замѣчательное сочиненіе: *Le antichità della Sicilia*.

театровъ обыкновенно прискивали такое мѣсто гдѣ бы сама природа давала готовое обрѣзаніе, и почти всегда вырубали на склонѣ какого-нибудь холма за городомъ часть предназначаемую для зрителей, пристраивая къ холму то чего не доставало по требованію общепринятаго плана. Римляне же строили театры въ городѣ, большею частью на ровномъ мѣстѣ и должны были воздвигать все зданіе. Кромѣ того у Грековъ мѣсто назначаемое для театра должно было быть открытое и здоровое, а нѣкоторые писатели утверждаютъ что, въ числѣ необходимыхъ условій было и красивое мѣстоположеніе. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ Таорминская гора представляетъ все что только можно было желать, и строители съ догадливостью и искусствомъ воспользовались ея уютнымъ и вмѣстѣ величественнымъ расположеніемъ.

Съ двухъ сторонъ впадины, съ юго-востока и сѣверо-запада, возвышаются естественныя стѣны длинной горы; ласкость самой впадины, нѣсколько приподнимаясь съ сѣверо-восточной стороны, образуетъ тоже невысокую стѣну, и такимъ образомъ является пространство окруженное съ трехъ сторонъ и открытое съ четвертой, то-есть готовое основаніе для театра. Этому пространству была придана правильная форма полукруга (собственно нѣсколько больше половины круга), наклонъ скатовъ выровнены и въ нихъ устроены мѣста для зрителей; къ открытой сторонѣ пристроена сцена и ея принадлежности. Планъ всего зданія совершенно соответствуетъ обыкновенному плану греческихъ театровъ, который, хотя и былъ принятъ Римлянами, однако подвергся у нихъ нѣкоторымъ измѣненіямъ. Различіе это, собственно не очень большое, состояло въ слѣдующемъ. И тѣ, и другіе въ основаніе плана брали кругъ, діаметромъ равный діаметру срединной части театра, арены или конистры. Линія сцены опредѣлялась у Грековъ стороною вписаннаго въ этотъ кругъ квадрата, а параллельная этой сторонѣ касательная обозначала конецъ сцены; Римляне же опредѣляли ее стороною вписаннаго равносторонняго треугольника. Этимъ способомъ опредѣлялось удаленіе сцены отъ центра и ея глубина; ширина же была почти равна діаметру круга, такъ что общій планъ представлялъ полукругъ съ продолженными почти параллельно сторонами. Такимъ образомъ у Грековъ сцена отнимала отъ круга гораздо меньше пространства, чѣмъ у Римлянъ. Не вся остальная часть арены была свободна. Собственно

сценой назывался у тѣхъ и у другихъ порталъ, служившій постояннымъ украшеніемъ мѣста, на которомъ происходило представленіе. Предъ сценой было свободное мѣсто, называвшееся *proscenium* или у Грековъ *λογεῖον*, наша авансцена, и здѣсь-то всегда говорили актеры, какъ и показывается греческое названіе (*λογεῖον*, мѣсто гдѣ говорятъ). *Proscenium* отнималъ отъ арены столько мѣста, что у Грековъ ей оставалось около двухъ третей круга, у Римлянъ же только половина круга. Эта оставшая свободная часть была окружена мѣстами. У Грековъ на ней помѣщался хоръ, посреди нея ставился жертвенникъ Діониса и вокругъ него происходили пляски, отчего и самая арена получила названіе оркестры\*. У Римлянъ пляска не составляла принадлежности театральнаго представленія, и самое дѣйствіе сосредоточивалось на сценѣ; потому-то и сцена дѣлалась больше. Оркестра была для нихъ лишнею, и въ послѣдствіи ее заняли мѣстами для самыхъ почетныхъ зрителей. Сцена возвышалась надъ оркестрой на нѣсколько футовъ (до 10 и даже до 12) и сообщалась съ оркестрой посредствомъ ступеней.

Въ Таорминскомъ театрѣ діаметръ всего зданія равняется  $422\frac{1}{2}$  пальмамъ, а діаметръ оркестры  $134\frac{1}{2}$  пальмамъ\*. По сторонамъ сцены находились двѣ пристройки, двѣ большія, высокія залы, которыя сводчатыми дверьми сообщались со сценой, съ *proscenium*омъ и съ узкимъ пространствомъ сзади сцены, носившимъ названіе *postscenium*'а. Всѣ эти три „закулисы“, если можно такъ выразиться, помѣщенія служили для одѣванья актеровъ и для сохраненія театральныхъ принадлежностей. Изъ двухъ боковыхъ залъ были также выходы изъ театра, вѣроятно тоже служившіе для однихъ актеровъ. Всѣ эти пристройки должны были быть покрыты крышею. Теперь крыша существуетъ только надъ двумя боковыми залами. *Postscenium* сообщался со сценой тремя очень высокими арками, изъ которыхъ средняя, больше другихъ, обозначала входъ во дворецъ, или въ какое-нибудь другое важное зданіе, а боковыя веди въ постороннія, меньшаго значенія жилища. Подъ сценой шелъ клоакъ, служившій для отвода воды, которая отъ дождей могла накопляться въ оркестрѣ.

\* *Palmo*—мѣра, имѣющая нѣсколько разную величину въ разныхъ мѣстностяхъ Италіи. Въ Сициліи она равняется 9,58 рус. дюйм. Слѣдовательно ширина всего театра приблизительно около 47 сажел., а ширина оркестры 15 сажел.



Просцениумъ, какъ онъ теперь есть, возвышается надъ оркестрой очень мало, такъ мало что на его поверхности замѣтенъ даже сводъ идущей подъ нимъ клоака. Впрочемъ это и не была дѣйствительная его высота. На крайней стѣнкѣ сцены видны восемь большихъ дыръ, въ которыхъ, какъ думаютъ, укрѣплялись бабки, поддерживавшія деревянный полъ. Такимъ образомъ, высота просцениума могла быть не меньше высоты сцены, и вмѣстѣ съ тѣмъ акустическое устройство театра значительно выигрывало.

Мѣста для зрителей, какъ уже сказано выше, были вырублены ступенями въ скалѣ. Они начинались не отъ самой поверхности оркестры, а нѣсколько выше ея, такъ что изъ оркестры нельзя было всходить на ступени. Трудно сказать съ достовѣрностью сколько было ступеней, потому что онѣ почти совершенно сгладились отъ времени; но нѣкоторые данія заставляютъ предполагать что въ двухъ мѣстахъ онѣ прерывались площадками необходимыми для того чтобы входящіе въ театръ могли удобнѣе расходиться по нему, отыскивая мѣста. Прямо противъ сцены ступени доходили до самаго верха откоса, то-есть до самаго гребня горы; съ боковъ же естественныя стѣны поднимаются выше и защищаютъ театръ съ сѣверо-западной и съ юго-восточной стороны. По верху, надъ послѣдней ступенью мѣсть, идетъ невысокая (около 7—8 фут.) стѣнка, составляющая границу театра. Въ ней на равныхъ разстояніяхъ находятся восемь входныхъ дверей. Это послѣднее обстоятельство доказываетъ что и ступени театра должны были быть прорѣзаны въ восьми мѣстахъ лѣстницами для спуска, и слѣдовательно были раздѣлены на девять отдѣловъ (κερκίδες, cunei). Есть основаніе думать что каждый отдѣлъ былъ посвященъ кому-нибудь изъ боговъ, носилъ его имя, и мѣста на нижней ступени предназначались жрецамъ этого бога. Нижняя часть среднего отдѣла, прямо противъ сцены, была всегда занята мѣстами самыхъ важныхъ лицъ въ городѣ \*. Стѣнка

\* Нѣкоторые думаютъ что въ Таорминскомъ театрѣ было десять отдѣловъ и девять спусковъ; но во первыхъ, это опровергаютъ восемь входныхъ дверей; а во вторыхъ, одинъ спускъ былъ бы тогда въ среднѣ, чего никогда не встрѣчается въ театрахъ греческой постройки, такъ какъ средина занималась почетными мѣстами. Въ римскихъ же театрахъ бывало нечетное число спусковъ: оно у насъ не имѣетъ, такъ какъ почетныя мѣста находились не на ступеняхъ театра, а въ оркестрѣ.

идущая по верху, на всемъ своемъ протяженіи украшена нишами, попеременно то закругленными на верху, то сведенными углами на подобіе фронтона. Думаютъ что въ этихъ нишахъ стояли бронзовыя вазы, которыя, по словамъ Витрувія, ставились въ театрѣ для увеличенія резонанса. Въ стѣнки, вокругъ всего театра, идетъ ровное пространство шириною футовъ 10—12. Это мѣсто, оставшееся по греческому обычаю открытымъ, было, какъ думаютъ, во время Римскаго владычества, обращено въ лортикъ, согласно тому какъ это дѣлалось въ римскихъ театрахъ. При этомъ, основаніемъ колоннъ служила съ одной стороны вышеупомянутая стѣнка, съ другой же вѣроятно были поставлены пьедесталы, такъ какъ ничто не указываетъ на существованіе другой подобной стѣнки. Колонны лортика соединялись арками, о чемъ можно только догадываться по обломкамъ.

Въ театрѣ подвигались по дѣйствицамъ находившимся по обѣимъ сторонамъ пристроенъ къ сценѣ. Со стороны ближайшей къ городу была дѣйствица широкая и отлогая, но она доходила только до первой площадки, а дальше продолжалась гораздо уже и круче. Вѣроятно, первая половина ея была потому устроена удобнѣе что предназначалась для важныхъ особъ, никогда не поднимавшихся выше первой площадки, а вторая часть, по которой ходили только простые граждане, не нуждалась въ такихъ заботахъ. Съ другой стороны сцены шла дѣйствица одинакая до самаго верха, и предполагаютъ что она назначалась для женщинъ имѣвшихъ въ театрѣ опредѣленные мѣста.

Поднявшись по „дѣйствицѣ женщинъ“, мы пошли по бывшему лортику и остановились прямо противъ сцены. Стоя здѣсь, находишься на самомъ гребнѣ горы, который въ этомъ мѣстѣ такъ узокъ что почти непосредственно за бывшими въшшими рядомъ колоннъ начинается крутой скатъ; такимъ образомъ въ обѣ стороны открывается широкій видъ. Съ одной стороны, подъ нашими ногами спускается театръ, на которомъ время и непогоды сгладили ступени, а трава покрывала ихъ зеленымъ ковромъ; ниже лежала тоже зеленая оркестра усыпанная обломками колоннъ, дальше сцена со своими разрушенными украшеніями. Отъ ея прежняго двухъэтажнаго лортика остался теперь рядъ обломковъ колоннъ, кое-гдѣ стоящихъ, кое-гдѣ валяющихся въ беспорядкѣ по землѣ и покрытыхъ ползучими растеніями. Только съ

правой стороны, между двумя арками возвышается красивая группа четырехъ колоннъ изъ коихъ на двухъ держится кусокъ архитрава. За колоннами, въ задней стѣнѣ сцены, на мѣстѣ трехъ дверей, продѣланы три огромныя арки, и въ промежуткахъ между ними нѣсколько нишъ. Были ли эти арки въ дѣйствительности только отверстіями для входа, или служили также для чего-нибудь другаго, на примѣръ для вѣшанья декораций\*, во всякомъ случаѣ никогда, въ самое блестящее время театра, не могли онѣ такъ украшать его какъ теперь, когда за ними уже нѣтъ *postscenium*'а и вѣшной стѣны. Въ каждой аркѣ, какъ въ огромной рамѣ, видна великолѣпная картина: въ одной безбрежное, ярко синее море, съ такою высокою линіей горизонта что человѣку не привыкшему къ горамъ кажется даже невѣроятнымъ чтобъ это все могло быть море; въ другой заливъ Джардини съ кое-гдѣ видными лодочками и съ тонкою полоской мыса Наксоса; всего правѣе зеленые сады надъ обрывомъ, бѣлые домики Таормины и желтовато-сѣрые камни подошвы Замковой Горы. Выше, надъ правою аркой и стѣной, сама Замкова Гора со своими развалинами, потомъ гора Мола, а нѣсколько лѣвѣе ихъ, въ дали, величественная пирамида Этны. Когда видишь Этну тогда становится понятнѣе то простое и вмѣстѣ съ тѣмъ выразительное имя которое даютъ ей и Арабы и нынѣшніе Сицилійцы; они называютъ ее просто Гора (Джебель, *il Monte*, по мѣстному говору *Munti*)\*\*. Въ самомъ дѣлѣ, въ сравненіи съ нею всѣ другія горы исчезаютъ какъ кустарникъ предъ

\* Известно что древніе употребляли живопись для украшенія сценъ; но какъ далеко простирались ихъ требованія относительно декораций и какимъ образомъ онѣ выполнялись, этого источники не разъясняютъ. Положительныя свидѣнія мы имѣемъ только объ одномъ родѣ декораций: на подвижной треугольной горизонтальной рамѣ укрѣплялись стойки картины; рама поворачивалась, обращала къ зрителямъ ту картину которая требовалась представляемъ. Но эти декорации (*versura*, периакт), ставившіяся обыкновенно съ двухъ боковъ сцены, служили скорѣе для того чтобы напоминать о мѣстѣ дѣйствія чѣмъ изображали самое мѣсто; также какъ въ XVI в. въ Англіи на театрахъ для той же цѣли ставились вывѣски съ именемъ мѣста.

\*\* Другое сицилійское названіе Этны есть *Muncibeddu*, италіанское *Mongibello*, то-есть гора Джебель. Непонятная слова Джебель, народъ принялъ его за названіе давшее горѣ Арабами.

старымъ дубомъ и кажется что одна гора стоитъ посреди холмистой страны; забываешь что нѣсколько времени тому назадъ, когда ея вершина была скрыта за облаками, эти же холмы, окружающіе ея подошву, казались большими горами, восхищали своими смѣлыми очертаніями и пугали торчащими скалами и стремнинами: Она, какъ царица, затмѣваетъ всѣхъ своимъ простымъ и величавымъ видомъ.

Мы долго не могли отвести глазъ отъ этой картины.

— А посмотрите-ка сюда, signori miei, оказалъ кустодъ.—  
Вонъ Калабрія.

Мы повернулись въ противоположную сторону и увидѣли опять море, и на горизонтѣ, въ голубомъ туманѣ дали, и гибны сѣро-розовыхъ береговъ Калабріи. Этотъ видъ, не такой богатый и разнообразный какъ первый, имѣлъ свою особую привлекательность. Тамъ былъ материкъ, тамъ далеко была наша родина, и думы, сожалѣнія и надежды тѣснились въ душѣ, вызывая другъ друга.

Кустодъ оторвалъ насъ отъ мечтаній и повелъ разсматривать всѣ частности театра. Можно было замѣтить что театръ построенъ частью изъ широкихъ квадратныхъ кирпичей толщиною въ 1—2 вершка, частью изъ разныхъ камней неправильной формы, скрѣпленныхъ вмѣстѣ. Между ними попадаются также и куски лавы. Отдѣлка и украшенія состояли изъ разноцвѣтнаго мрамора и гранита, какъ видно по остаткамъ колоннъ и по кускамъ камней валяющихся вблизи. Обтесанные куски лавы, не простой сѣрой которая шла на постройку и до сихъ поръ служитъ для мощенія улицъ, а красивой матово-черной, гораздо болѣе рѣдкой, тоже употреблялись для отдѣлки, и выдѣляясь на сѣромъ фонѣ наружной стѣны оживляютъ ея однообразіе.

По бокамъ сцены, какъ уже сказано выше, расположены двѣ комнаты для актеровъ; на плоскихъ крышахъ этихъ комнатъ видны остатки стѣнъ, продолжавшихся еще выше: вѣроятно надъ ними былъ второй этажъ. Теперь здѣсь устроены террасы, и основанія стѣнъ втораго этажа служатъ имъ вмѣсто барьера. Конечно, ихъ поддерживаютъ и не позволяютъ имъ приходиться въ большій упадокъ. Террасы очень удобно сообщаются со ступенями театра, между тѣмъ какъ сообщенія отъ нижнихъ комнатами не замѣтно. Это заставляетъ думать, не было ли на нихъ также устроено какіхъ-нибудь особыхъ привилегированныхъ мѣстъ для зрителей.

Есть по крайней мѣрѣ одно извѣстiе подтверждающее эту догадку, хотя оно и касается одного римскаго театра. Светонiй разсказываетъ что Неронъ смотрѣлъ однажды на ристалища съ помѣщенья надъ сценой.

Сцена и сохранившiяся ея украшенiя разсмотрѣны и приведены въ тотъ порядокъ въ какомъ теперь находятся благодаря трудамъ комиссiи древностей, производившей раскопки Таорминскаго театра подъ начальствомъ герцога Серра ди Фалько. До сороковыхъ годовъ сцена и оркестра были завалены грудами мусора, подъ которыми трудно было что-нибудь разобрать. Была видна только задняя стѣна и въ ней между арками по три ниши, въ которыхъ вѣроятно прежде стояли статуи. Слѣды калителей и архитрава на стѣнѣ показали изслѣдователямъ что между нишами стояли пиластры коринтскаго ордена. Предъ пиластрами шелъ рядъ колоннъ, что доказывалось только остатками базъ; самыхъ же колоннъ не было. Раскапывая кучи мусора, въ немъ нашли множество обломковъ и между прочимъ нѣсколько кусковъ колоннъ которые какъ разъ соответствовали стоявшимъ базамъ; оказалось что нѣкоторые куски приходились одинъ къ другому, и такимъ образомъ было возможно поставить на мѣсто тѣ четыре колонны которыми мы любовались съ верхнихъ ступеней театра. Потомъ нашелся даже и кусокъ архитрава, очевидно принадлежавшiй имъ же, и онъ тоже былъ положенъ на свое мѣсто. Всѣ работы этой комиссiи, также какъ и другiя изслѣдованiя ученыхъ, доказали что театръ Таормины есть одинъ изъ самыхъ важныхъ въ числѣ сохранившихся до насъ остатковъ греческихъ театровъ. Правда, въ немъ очень пострадали отъ времени самая ступени и мѣста; но за то нѣтъ другаго въ которомъ бы лучше сохранилась сцена и окружающiя ее постройки. Въ этомъ отношенiи онъ уступаетъ только театру въ Афинахъ, считающемуся самымъ полнымъ изъ всѣхъ памятниковъ этой отрасли греческой архитектуры.

Между другими обломками, лежащими и теперь въ оркестрѣ, видѣли мы нѣсколько камней длиною около аршина и меньше, а шириной не больше четверти аршина, съ высеченными на нихъ греческими надписями. На одномъ можно было прочесть ΙΕΡΕΙΑ, на другомъ ΦΙΛΙΕΤΟΥΣΔΒ, на иныхъ видны только разрозненныя буквы. Можетъ-быть эти надписи служили для обозначенiя нѣкоторыхъ зрительскихъ

мѣста, такъ какъ особенно почетныя лица имѣли свои постоянныя мѣста въ театрѣ; на примѣръ важнѣйшимъ жрецамъ и жрицамъ предоставлялась самая нижняя ступень, а сѣдующія двѣ или три ступени жрецамъ низшаго разряда. Остальныя мѣста также не оставались на произволь публики: судя по догадкамъ ови были нумерованныя. Въ Афинскомъ театрѣ найдены мѣдныя бляшки, очевидно служившія билетомъ для входа. На нихъ выбиты цифры обозначающія номеръ мѣста и рядъ, и буквы, указывавшія названіе отдѣла.

Кустодъ показывалъ и объяснялъ намъ все съ видомъ знатока и съ такою радостною горделивостью какъ будто театръ былъ его открытіемъ. Онъ заботился чтобы мы не пропустили ни малѣйшей подробности. Между прочимъ нельзя было не обратить вниманія на замѣчательное акустическое устройство: что сказано на сценѣ или на аренѣ слышно отчетливо во всѣхъ мѣстахъ театра.

Выѣстъ съ нами по развалинамъ ходили два молодые Нѣмца, братья. Одинъ изъ нихъ уже семь лѣтъ живетъ въ Таорминѣ; другой пріѣхалъ погостить къ нему на недѣлку изъ Берлина. Пріѣзжій, кулець, повидимому очень поверхностно образованный, смотрѣлъ на все съ довольно равнодушнымъ восхищеніемъ, какъ будто только для того чтобы показать внимательность и деликатность въ отношеніи къ тѣмъ кто ему показывалъ. Казалось, для него Таорминскій театръ, и море, и Этна, ничѣмъ не лучше Тиргартена. Самое великолѣпное мѣсто въ мірѣ, по его словамъ,—конечно оно совсѣмъ въ другомъ родѣ,—прибавлялъ онъ въ скобкахъ, это Берлинъ; а самое интересное и важное изъ всѣхъ человѣческихъ занятій (этого онъ не говорилъ, но оно вытекало изъ всѣхъ его словъ), это продажа дамскихъ готовыхъ платьевъ. Пробывъ только два дня въ Таорминѣ, гдѣ еще не былъ никогда прежде, онъ уже скучалъ и съ нетерпѣніемъ ждалъ того времени когда можно будетъ, не свѣстясь предъ братомъ, уѣхать въ Мессину и заняться тамъ устройствомъ торговыхъ сношеній съ берлинскою фирмой. Братъ его былъ совершенная противоположность. Живописецъ пейзажистъ, онъ семь лѣтъ тому назадъ заѣхалъ сюда во время своего художническаго путешествія, и остался. Теперь уже едва ли когда-нибудь онъ вернется въ Германію, потому что Таормина привязала его къ себѣ тѣсными узами: онъ женился на Сицилійкѣ, сдѣлался здѣсь владѣльцемъ

обширныхъ виноградныхъ садовъ, и его два маленькіе сына цѣлый день возятся на скалахъ, не боясь обрывовъ и не говорятъ иначе какъ на сицилійскомъ нарѣчіи. Между прочимъ онъ завладѣлъ маленькимъ домикомъ стоящимъ надъ театромъ, на той вершинѣ которая дальше вдалась въ море. Когда-то, во время посѣщенія какого-то важнаго лица, этотъ домикъ выстроили для того чтобы предложить высокому посѣтителю закуску, не заставляя его удаляться отъ предестей природы и разваливъ въ тѣсный и грязный городокъ. Когда домикъ исполнилъ свое назначеніе и сдѣлался никому не нужнымъ, живописецъ испросилъ позволенія помѣстить въ немъ свою мастерскую. Теперь онъ по цѣлымъ днямъ работаетъ въ немъ, никѣмъ не тревожимый и навѣрное никакой другой пейзажистъ въ мірѣ не можетъ наблюдать изъ своихъ оконъ (у него они смотрятъ на всѣ четыре стороны) такихъ разнообразныхъ и роскошныхъ сочетаній красокъ и такихъ переливовъ свѣта и тѣни.

Возвращаясь въ городъ нѣсколько утомленные, мы со смущеніемъ поглядывали на вершину Замковой Горы. Тамъ была вторая достопримѣчательность Таормины, развалины замка временъ Сарациновъ, и туда намъ предстояло совершить восхожденіе. Это казалось такъ высоко, а полуденное солнце такъ жгло и такъ ярко освѣщало весь склонъ горы что мы усомнились въ своихъ силахъ. Но отложить прогулку, сознаться въ своей усталости и лѣви было совѣстно и предъ собою и еще больше предъ проводникомъ. Мы вздумали опять обратиться къ помощи ословъ, и чтобы похлопотать объ нихъ, зашли въ гостиницу.

— Не дѣлайте этого, сказалъ Пеливо, нашъ хозяинъ.— Вамъ будетъ гораздо страшнѣе ѣхать верхомъ чѣмъ идти; и притомъ есть такія мѣста гдѣ на ослахъ даже совсѣмъ неудобно проѣхать. Еще подниматься можно, а слускаться... нѣтъ, не совѣтую.

Плохое утѣшеніе нашимъ непривычнымъ ногамъ! Нечего дѣлать, мы отдохнули немного и собравшись съ силами, пустились въ новый путь.

Проводникъ повелъ насъ опять по узенькому переулочку который вышелъ на задворки почти къ самой кручѣ подъема и мы начали подниматься по очень извилистой, каменистой, но удобной дорожкѣ. На ровной и голой горѣ всѣ изгибы этой дорожки были видны съ каждаго ея мѣста. Впередѣ и

свади шли и постоянно обгоняли насъ мужчины, женщины, дѣти. Всѣ они торопились на праздникъ Мадонны della Rossa. На горѣ, приблизительно около трети не дохода до ея вершины, есть небольшое ровное мѣсто и на немъ маленькая церковь Мадонны, на половину высѣченная въ скалѣ, отчего она и называется Madonna della Rossa. Снаружи она имѣетъ почти обыкновенный видъ, потому что къ скалѣ построена каменная стѣна и надъ нею видно начало крыши; но когда войдешь внутрь, то почувствуешь себя совершенно какъ въ пещерѣ. Стѣна противоположная входу и часть потолка, просто необдѣланная скала, холодная и сырая, такъ какъ свѣтъ и тепло проникаютъ въ церковь только сквозь маленькую входную дверь. Въ этой-то церкви, очень почитаемой во всей окрестности, былъ храмовой праздникъ и его торжествовали самымъ веселымъ и разнообразнымъ способомъ. Все утро Мадонну чествовали ружейною пальбой, къ которой особенно пристрастны жители горъ; и въ самомъ дѣлѣ, выстрѣлы въ горахъ, повторяемые безчисленнымъ эхомъ и перекатывающимися подобно грому, имѣютъ необыкновенную торжественность. Послѣ обѣда началась около церкви ярмарка, музыка и пляска, а вечеромъ предполагалось устроить фейерверкъ. Церковь была отперта весь день и въ ней постоянно можно было застать нѣсколько молящихся женщинъ. На площадкѣ предъ нею и на другой площадкѣ съ боку было тѣсно отъ собравшагося народа. Въ одномъ мѣстѣ мальчишки играли въ игру въ родѣ нашихъ городковъ, только бросая не палки, а миндальные орѣхи, а пожилые люди курили, сидя вокругъ на камняхъ. Немного дальше, въ сторонѣ отъ церкви, расположились продавцы самыхъ разнообразныхъ товаровъ, начиная отъ пестрыхъ бумажныхъ платковъ, кожи и ремней, до вина, плодовъ и поджаренныхъ миндальныхъ орѣховъ. Тутъ было всего тѣсно и шумно, продавцы выкрикивали свои товары, покупатели торговались (до чего Италиявцы большіе охотники), дѣти кричали и визжали, играя между собою, все собраніе ѣло, пило и болтало. Тутъ же въ уголѣ музыкантъ игралъ на волынкѣ, припрыгивая въ тактъ, а возлѣ него четыре пары молодежи танцевали какой-то однообразный и некрасивый танецъ, подскакивая попеременно то на одной, то на другой ногѣ и крутясь то попарно, то по четыре.

Нѣсколько ребятъ, стариковъ и старухъ, завидя проходя-



щихъ синьйоровъ, окружили насъ, и разомъ перемѣнивъ веселую физиономію на грустную, правились просить милостыню, сопровождая слова свои выразительными жестами, доказывавшими ихъ крайнюю нужду и голодъ.

— Signori! Qualche cosa! Una bagatella! Un... И при этомъ три пальца вдругъ поднимались наравнѣ съ лицомъ, и какъ-то такъ поворачивались, а лицо принимало такое неуловимое и вмѣстѣ съ тѣмъ пожатое выраженіе что сейчасъ же становилось ясно значеніе недоговоренной фразы: „Вѣдь я у васъ прошу самую малость, для васъ она ровно ничего не значить, вы и не замѣтите что отдали, а для меня это будетъ кусокъ хлѣба.“

Въ южной Италиі, въ простомъ народѣ, такъ распространенъ обычай просить милостыню что ее просить всякій. Иногда ребята, шума и смѣясь, играютъ на улицѣ, и вдругъ, увидя прохожаго, прекращаютъ игру и окружаютъ его съ просьбами. Иногда видишь, идетъ на встрѣчу порядочно одѣтая женщина, какъ будто занятая какимъ-нибудь дѣломъ; но вотъ она поровнялась, и вдругъ протягивается рука и раздается жалобный голосъ. Если не обратитъ вниманія, то нищій пропустивъ васъ снова принимаетъ прежнее выраженіе и возобновляетъ прерванное занятіе. Если же чѣмъ-нибудь выкажешь къ нему участіе, то ужъ онъ не отстанетъ и добьется своего.

Пройдя на нѣсколько болѣе просторное мѣсто, мы пристали на камешекъ отдохнуть и за два сольда выпили стаканъ очень вкуснаго мекрѣпкаго и сладкаго вина изъ виноградниковъ Monte Verone. Недалеко отъ насъ отдыхали и ласлись ослы, такъ какъ многіе богомольцы и гуляющіе не пришли, а пришли на праздникъ и притомъ не изъ очень близкихъ мѣстъ. Только-что мы усѣлись, насъ окружило нѣсколько мальчиковъ и дѣвочекъ и прося милостыню, принялись насъ разсматривать навѣрное не съ меньшимъ любопытствомъ, чѣмъ мы глядѣли на все окружающее. У насъ было съ собою нѣсколько конфетъ и мы стали угощать ими ребятшекъ. Тотчасъ это размеслось по всей толлѣ и со всѣхъ сторонъ стали появляться новые ребята съ протянутыми руками и съ смѣющимися, но скривившими глазками, подватыми на насъ изъ-подлобья. Нѣкоторые хитрецы, съѣвъ свою долю, авались во второй разъ, прося шепотомъ „un dolce“ и протягивая руку изъ-за товарищей, въ надеждѣ что мы ихъ не узнаемъ.

Когда мы уже собрались уходить, къ намъ пристало нѣскольکو дѣвочекъ, и на одну изъ нихъ нельзя было не обратитъ вниманія. Ей было лѣтъ десять. Прехорошенькая собой, худенькая и стройная, съ живыми черными глазами и съ короткими кудрявыми и вклоченными волосами; она просила милостыню весело улыбаясь, хитро заглядывая въ лицо своими блестящими глазенками и тутъ же болтая всякій вздоръ.

Ей отвѣчали что нѣтъ мелочи.

— Ну такъ сладенькаго!

— Ничего больше не осталось.

— Ничего не осталось? Ахъ вы бѣдные, бѣдные, бѣда-жечки! А вотъ я такъ богатая! Ужь не угостить ли мнѣ васъ! Посмотрите-ка!

И она, при громкомъ хохотѣ подругъ, вытащила изъ кармана сначала какую-то тряпочку, потомъ камешекъ, и наконецъ два персика.

— Вотъ что у меня есть! А у васъ-то ничего нѣтъ!

И она торжествующимъ взглядомъ повела по собранію своихъ слушницъ. Видно было что она затѣивающа всѣхъ шалостей между ними, и что на нее смотреть съ тѣмъ уваженіемъ какимъ всегда пользуются сильные и смѣлые.

Заинтересовавшись веселою болтушкой, мы спросили какъ ее зовутъ.

— Santa Venere (святая Венера), отвѣчала она, ни на минуту не задумываясь и поворачиваясь на одной ножкѣ.

При такомъ неожиданномъ отвѣтѣ всѣ, въ томъ числѣ мы, залились дружнымъ хохотомъ, а она еще съ большею смѣлостью, продолжала увѣрять что это дѣйствительно ея имя.

Долго еще послѣ того какъ мы разошлись она подзаговаривала своихъ подругъ, болтая безъ умолку на своемъ оригинальномъ нарѣчій. Послѣ мы узнали отъ проводника что зовутъ Мариетта, что она сиротка и живетъ на улицѣ, вочу гдѣ придется, питаемъ тѣмъ что ей дадутъ добрые люди. С грустью разказывалъ онъ про нее, а мы, слушая, съ грустью думали что можетъ ожидать въ будущемъ это бѣдное, одинокое дитя съ его живою, необузданною природой!

Удобная дорожка, по которой мы шли до сихъ поръ, продолжалась только до Мадонны della Восса. Дальше не было даже и тропинки, и надо было взбираться по торчащимъ сѣ

ламъ, полагаясь на опытность проводника, въ иныхъ мѣстахъ перескакивая, въ другихъ перелѣзая, постоянно опасаясь и избѣгая фикусовъ, которые такъ предательски протягиваютъ свои лапы. На горахъ Сициліи почти исключительно растутъ фикусъ (колючая индійская смоковница, *oruntia ficus indica*) въ формѣ кустарника съ огромными овальными листьями, усыпанными мельчайшими колючками, которыя такъ легко садатъ въ нихъ что при малѣйшемъ вѣтрѣ отрываются, летятъ по воздуху и насаждаютъ на все что имъ попадетса на пути. Вездѣ, гдѣ ни садутъ, онѣ держатся крѣпче чѣмъ на своемъ родномъ листѣ; особенно бѣда если имъ встрѣтится шерстяное платье—много достанется работы щеткѣ, пока онѣ отлипнутъ отъ него. Попадъ на человѣческую кожу, онѣ колютъ ее какъ заноза, и такъ какъ онѣ чрезвычайно мелки, то снять ихъ почти такъ же трудно какъ вынуть занозу. Но этотъ кустарникъ имѣетъ и свою хорошую сторону, за которую пользуется большою любовью Сицилійцевъ и вообще всѣхъ южныхъ Италіянцевъ. По краямъ его листьевъ выростають плоды, иногда букетомъ, по нѣскольку вмѣстѣ, величиной и формою похожіе на лимоны. Ихъ темная, желтоватокрасная кожа вся усыпана черными пятнышками и отстаетъ также легко какъ съ фиги. Эти плоды называются индійскими фигами, *figue d'India*, а простонародный выговоръ перелѣзая ихъ въ *figuerine*. Сицилійцы ѣдятъ ихъ въ огромномъ количествѣ, и увѣряютъ что ничего нѣтъ сочнѣе и прохладительнѣе ихъ; въ жаркое время только фигерины и спасаютъ отъ томительной жажды. Ихъ употребляютъ не только на мѣстѣ, но даже вывозятъ туда гдѣ онѣ сами не растутъ; въ Неаполѣ, напримѣръ, вся набережная уставлена лотками съ этими фигами, а мостовая лестрѣветъ обрывками темно-красной кожи. Мы пробовали ихъ, но намъ онѣ показались совершенно безвкусными, чѣмъ-то въ родѣ переспѣлыхъ огурцовъ только гораздо сочнѣе и гораздо хуже. Замѣчательно что этотъ южный плодъ всего лучше когда его немного тронетъ холодъ. Поэтому чтобъ имѣть самыя вкусныя фигерины, а именно, какъ только завяжутся плоды, ихъ обрываютъ. Черезъ нѣсколько времени онѣ начинаютъ цвѣсти опять, и новые плоды поснѣваютъ уже въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Намъ разказывали занимательную легенду о томъ, какимъ образомъ люди дошли до такой хитрости.

Когда-то очень давно жили въ одномъ городѣ два человека, и изъ-за чего-то поссорились. Одинъ изъ нихъ рѣшился во что бы то ни стало отмстить другому, такъ чтобы тотъ во всю жизнь не могъ забыть. Долго онъ придумывалъ: наконецъ, разъ ночью забрался въ садъ своего врага, и обломалъ у него всѣ уже завязавшіеся плоды на фигеринахъ. Врагъ его жилъ доходими съ этого сада, и это ищеніе лишило его хлѣба на цѣлый годъ. Несчастный не зналъ что ему дѣлать и думалъ что зимой ему придется идти по-міру. Прошло нѣсколько времени, и однажды, ходя по своему опустошенному саду, онъ замѣтилъ что на фигеринахъ образуются новые плоды. Въ изумленіи и радости созвалъ онъ сосѣдей, и всѣ единодушно признали въ этомъ чудѣ перстъ Божій, указывающій правоту обиженнаго и награждающій его за потерю. Плоды созрѣли, когда уже прошло ихъ обычное время и ни въ одномъ саду не было больше фигеринъ; къ новому изумленію, они оказались гораздо лучше и вкуснѣе обыкновенныхъ. Счастливецъ-хозяинъ началъ снова торговлю, и всѣмъ расхватъ покупали чудесные плоды, платя вдвое и втрое дороже только чтобы получить ихъ. И онъ не только не пошелъ по-міру, но прославился и сдѣлался богачомъ. Съ тѣхъ поръ люди умѣютъ дѣлать такъ что у нихъ есть фигерины и лѣтомъ и зимой.

Взобравшись наверхъ, мы забыли о всѣхъ трудностяхъ подъема, забыли о предстоявшихъ трудностяхъ спуска. Вокругъ насъ разстилался видъ хоть не такой разнообразный какъ съ возвышенности театра, но болѣе обширный и болѣе дикій. Этны совсѣмъ не было видно, но тѣмъ величественнѣе казались другія горы, громоздившіяся вокругъ. На высотѣ предъ нами синее море сливалось съ синимъ небомъ. Вблизи бѣлѣлась Таормина, а съ другой стороны, на соседней горѣ, деревня Мола казалась кучкой камешковъ. Мы стояли на небольшомъ пространствѣ, окруженномъ облаками стѣнъ, стѣрыхъ какъ и самыя горы. Вѣроятно только одно неприступное положеніе дѣлало Таорминскій замокъ грозною крѣпостью, такъ какъ судя по величинѣ, не могли заключать въ себѣ многочисленнаго гарнизона, ни хранить большихъ запасовъ. Телерь отъ него осталось такъ мало что по развалинамъ можно угадать развѣ только его планъ, да то не вполнѣ.

Проводникъ привелъ насъ на одинъ узкій выступъ, и мы увидѣли какъ разъ подъ собой почти отвѣсную кручу горы

а внизу пестрое волнующееся пятно: это была толпа народа у Мадонны della Rossa. На другой сторонѣ подобный же выступъ выходитъ еще дальше длиннымъ и узкимъ мысомъ, и стѣна замка, почти вездѣ идущая по самому краю плоскаго пространства вершины, оставляетъ его вѣ. На наружной сторонѣ стѣны сдѣлана здѣсь маленькая ниша, въ которой можетъ помѣститься только одинъ человѣкъ. Съ этого мѣста виденъ почти весь обращенный къ морю склонъ горы; по словамъ проводника, тутъ была сторожка и наблюдательный постъ замка. Пробираясь по торчащимъ камнямъ въ эту нишу, висящую надъ крутымъ обрывомъ, нельзя не испытывать нѣкотораго страха; но когда станешь на мѣсто, то чувствуешь себя такъ безопасно что весь страхъ пропадаетъ, и спокойно смотришь въ глубь бездны подъ ногами. Когда же уступишь мѣсто другому и видишь какъ онъ стоитъ на тѣсной площадкѣ, надъ крутизною, гдѣ, кажется, при первомъ неосторожномъ движеніи, съ трехъ сторонъ грозитъ неминуемая гибель, то духъ замираетъ и боишься смотреть на него чтобы своимъ испуганнымъ взглядомъ не пробудить и въ немъ тревоги.

Новыя испытанія ожидали насъ при спускѣ. Нашъ проводникъ, забывъ что мы не умѣемъ ходить по горамъ, спрыгиваетъ иной разъ съ какого-нибудь камня и идетъ спокойно дальше; а мы стоимъ, помогая другъ другу, не зная какъ сойти и наконецъ съ сердцемъ зовемъ его, упрекая въ невнимательности. Онъ бѣжитъ назадъ и вѣжливо, хоть съ едва замѣтною улыбкой, подставляетъ руку локтемъ по итальянскому обычаю. Пройдетъ нѣсколько времени и повторяется то же самое. Мы вздохнули свободно когда очутились опять около ярмарки у Мадонны, и каменистая дорожка отъ нея уже показалась намъ ровнымъ и гладкимъ лутемъ.

Праздникъ у Мадонны все еще разгорался, и всю дорогу вблизи намъ безпрестанно попадались шедшіе туда нарядные люди. Попались даже и военные музыканты, которые отправлялись вѣроятно на сѣвну волынщику.

Хоть было еще жарко, когда мы возвращались съ нашей прогулки, но живительный горный и вмѣстѣ съ тѣмъ морской воздухъ проникалъ какою-то свѣжестью и веселостью и заставлялъ забывать утомленіе. Нигдѣ еще не замѣчали мы чтобы такъ легко и глубоко дышалось какъ здѣсь. Этотъ

воздухъ, и роскошная природа съ красотою развалинъ, и оригинальный городокъ, еще не утратившій своей особенной физиономіи, все вмѣстѣ неостраимо влекло къ себѣ и не хотѣлось разстаться съ Таорминою. Почти все уже было готово къ нашему отъѣзду, и въ тотъ же вечеръ знакомые ждали насъ въ Мессинѣ; но денька два-три тихой, безлунной и привольной жизни смотрѣли такъ соблазнительно что даже и колебаться было невозможно. Прежде чѣмъ мы спустились съ Замковой Горы, уже было рѣшено что мы остаемся въ Таорминѣ на неопредѣленное время, и нужно было только отыскать прежнія распоряженія. Это сдѣлалось скоро и безъ труда. Пришлось поговорить только съ извозчикомъ который долженъ былъ везти насъ въ Джардини. Онъ былъ самъ изъ Джардини, и ему никакъ не хотѣлось отказаться отъ мысли что возвращеніе домой принесетъ ему четыре франка. Даже „*buona шапо*“ не сразу успокоила его, и онъ все продолжалъ твердить что его обманули и обидѣли.

Спустившись въ Таормину, надобно было осматривать еще нѣкоторыя замѣчательности; но послѣ театра онѣ не показались намъ очень интересными, и потому мы можетъ-быть не были къ нимъ такъ внимательны какъ бы слѣдовало. Намъ показали старое аббатство, L'Abadia vecchia, чрезвычайно красивое зданіе эпохи Нормановъ; дворецъ герцога С. Стефано, для украшенія котораго, говорятъ, было взято много вещей изъ развалинъ театра; еще одинъ домъ, обращенный въ частное жилище, но сохранившій фасадъ норманской эпохи и украшенія изъ черной лавы. Потомъ повели насъ въ одинъ переулокъ, провели чрезъ жилой домъ, и старушка живущая въ этомъ домѣ за три сольда отперла намъ дверь и впустила въ какой-то садъ окруженный со всѣхъ сторонъ высокою каменною стѣной, очевидно древней постройки. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ стѣнѣ есть отверстія какъ будто для того чтобы впускать воду. Что это была за постройка, трудно судить безъ основательной подготовки и знаній. Проводникъ объяснялъ что это была въ древности *намазия*, разумѣя подъ этимъ словомъ не морское сраженіе, что оно собственно означаетъ, а бассейнъ гдѣ дѣлались представленія морскихъ сраженій. Такой бассейнъ обыкновенно имѣлъ неправильную изогнутую форму, въ родѣ озера, которое и долженъ былъ изображать, и окружался амфитеатромъ для зрителей. По большей части это было сооруженіе временъ

ное, непрочное, и ни одно подобное не сохранилось до насъ. Они устраивались конечно только въ мѣстахъ удаленныхъ отъ моря и гдѣ не было подобныхъ природныхъ бассейновъ. То что проводникъ называлъ Таорминскою навмахіей есть длинное четырехугольное пространство около десяти сажень въ ширину и шестидесяти въ длину. Внутри его стѣны не представляютъ ничего особеннаго, кромѣ вышеупомянутыхъ отверстій: съ внѣшней же стороны одна изъ стѣнъ, обращенная къ морю, украшена полеремѣнно большими круглыми и маленькими четырехугольными нишами. Эту стѣну, обросшую ползучими растеніями, видѣли мы еще издали, изъ театра, посреди домиковъ Таормины.

Утомленные и голодные, воротились мы наконецъ въ гостиницу, гдѣ насъ ждалъ обѣдъ съ обильнымъ десертомъ изъ разныхъ фруктовъ, которыми такъ богата Сицилія. Нельзя между прочимъ не вспомнить что нигдѣ не приходилось намъ ѣдать такихъ вкусныхъ, сочныхъ и душистыхъ маленькихъ фигъ какъ въ Таорминѣ.

Надобно было еще позаботиться на счетъ помѣщенія, такъ какъ мы оставались не на одну ночь. Во второмъ этажѣ небольшой нашей гостиницы, назначенномъ для путешественниковъ (въ нижнемъ жили хозяева и помѣщалась кухня), было всего три комнаты: общая, столовая и два номера. Одинъ номеръ былъ занятъ, другой слишкомъ тѣсенъ для насъ. Еще одна комната въ третьемъ половинномъ этажѣ, устроенномъ подъ крышей, намъ также не годилась. Сынъ хозяина, Пелино, сумѣлъ все уладить. Онъ уговорилъ одинокаго путешественника который занималъ лучшій номеръ перейти въ другой, маленькій, и такимъ образомъ очистилъ для насъ отличное и удобное помѣщеніе, съ балкономъ выходившимъ въ садъ и съ великолѣпнымъ видомъ на море и на театръ. Съ однимъ только мы не могли помириться: это съ цѣною. Зная что Италіяны вообще охотники запрашивать, мы стали торговаться. Пелино, чрезвычайно услужливый и вмѣстѣ съ тѣмъ тихій и скромный молодой человекъ, ничего не могъ уступить, несмотря на все свое желаніе, потому что это завистло отъ отца. Надобно было пригласить самого хозяина. Явился высокій, красивый мужчина лѣтъ около пятидесяти, очень прилично одѣтый, съ черными бакенбардами и въ шотландской шапочкѣ. Повидимому ему очень хотѣлось быть похожимъ на англійскаго джентльмена. Съ совершенною вѣжли-

востью и вмѣстѣ съ твердостью сказалъ онъ намъ что ничего не можетъ уступить, такъ какъ назначенная имъ цѣна—il prezzo giusto. Конечно мы этому не повѣрили. Писавъ догадъ переговоровъ, которые не привели ни къ какому результату, вдругъ онъ перемѣнилъ тонъ.

— Ecco, signori: если вы не желаете платить столько, я вамъ уступаю. Обавить цѣну я не могу, и поэтому отдаю вамъ комнату даромъ. Поживете, оцѣните ее, и когда будете уѣзжать, заплатите мнѣ сколько вамъ будетъ угодно.

— Помилуйте, да такъ нельзя!

— Я хозяинъ дома, возразилъ онъ, гордо поджавъ голову;— я имѣю полное право дѣлать съ нимъ что хочу и не брать денегъ когда не хочу. Этого мнѣ никто не можетъ запретить.

Что было дѣлать съ человѣкомъ который такимъ особеннымъ образомъ выражалъ непреклонность своей воли? Пришлось согласиться на его первоначальное требованіе, и тогда онъ съ полнымъ достоинствомъ удалился внизъ по хозяйству.

Кромѣ самого хозяина, донъ-Франческо Флореста, котораго всѣ съ почтеніемъ называли сеньоръ донъ-Франческо, и его сына Пелино, въ домѣ было еще двѣ хозяйки: мать Пелино (мы ее и не видали; она, кажется, была постоянно въ кухнѣ); и жена его, донна Лиза, молоденькая, полновѣкая женщина, съ грустнымъ и ласковымъ взглядомъ мягкихъ черныхъ глазъ. Она убирала комнаты и прислуживала намъ. Молодые супруги жили какъ кажется душа въ душу, но оба были грустны, задумчивы, точно какая-то тѣнь лежала на нихъ. Не бросалъ ли эту тѣнь сухой, заключенный въ своемъ достоинствѣ сеньоръ донъ-Франческо, этотъ полный господинъ въ своемъ домѣ? Такъ по крайней мѣрѣ казалось.

Единственное беззаботное и веселое существо въ домѣ была служанка, помогавшая и Лизѣ въ уборкѣ комнатъ и матери въ стряпнѣ, и смѣрившая за домашними животными. На ея некрасивомъ лицѣ была постоянно добродушная, привѣтливая улыбка, которая еще больше расширялась, когда къ ней обращались съ какою-нибудь просьбой.

Не знаю почему она мнѣ напомнила Диккенсову Пегготтъ, няню Давида Коллерфильда: можетъ-быть оттого что ея ладони были такъ тѣсно стянута на груди что казалось при малѣй-



шесть напряженія луговицы отлетятъ. Этого однако ни разу не случилось при насъ, несмотря на то что она постоянно работала.

Когда послѣ обѣда мы вышли на улицу, примирившійся донъ-Франческо присоединился къ намъ и предложилъ прогуляться вмѣстѣ.

Онъ повелъ насъ за городъ, на шоссеюную дорогу, которая соединяетъ Таормину съ почтовымъ трактомъ. Въ сравненіи съ улицей въ самой Таорминѣ, эта дорога представляетъ необыкновенное явленіе. Она содержится въ такомъ порядкѣ, и на всемъ ея протяженіи господствуетъ такая чистота что идя по ней воображаешь себя въ какомъ-нибудь общественномъ саду.

— Это наша промената, сообщилъ намъ донъ-Франческо.

Дорога извиляется по склону театральной горы и огибаеть ее. На томъ мѣстѣ гдѣ гора всего дальше выступаетъ въ море устроена небольшая площадка, огороженная камешною балюстрадой и уставленная скамейками. Это бельведеръ, стрѣлка Таормины, и здѣсь по вечерамъ собирается много гуляющихъ. Мы не встрѣтили никого, потому что праздникъ Мадонны увлекъ всѣхъ въ другую сторону.

Уже темнѣло когда мы возвратились въ городъ и по совѣту хозяина пошли на площадь, гдѣ приготавлился фейерверкъ по случаю праздника. Итальянцы большіе любители фейерверковъ и иллюминацій, и нѣтъ ни одного народа который бы умѣлъ съ такимъ вкусомъ устраивать ихъ.

Небольшая площадка, главная площадь Таормины, открыта и огорожена рѣшеткой со стороны моря; съ другихъ сторонъ ее окружаютъ общественныя зданія: тутъ стоитъ церковь, кофейня, и еще одинъ домъ, какъ мы послѣ узнали, казино или клубъ. Площадка и ближайшая часть улицы уже были полны народомъ. Нѣсколько десятковъ человекъ оканчивали постановку декораций для фейерверка. Мальчики и юноши забавлялись въ ожиданіи его, крутя по воздуху зажженные факелы и заставляя толпу разбѣгаться съ хохотомъ и визгомъ. Черезъ освѣщенныя окна одноэтажнаго домика казино, или, лучше сказать, чрезъ двери его выходившія на балконъ, видно было что онъ состоитъ изъ двухъ большихъ комнатъ, очень прилично убранныхъ, и пока еще совершенно пустыхъ. Предъ кофейней и въ кофейнѣ сидѣло нѣсколько человекъ;

мы присоединились къ нимъ и за пять оальдовъ (су) \* получили по огромной порціи мороженаго.

— Начинается, начинается! раздались крики дѣтей, и толпа засуетилась, выбирая мѣста, откуда бы лучше видѣть фейерверкъ. Мы тоже встали и умиѣстились около балкона казино.

— Вамъ тутъ будетъ плохо видно, вдругъ раздался голосъ возлѣ насъ.—Пойдемте лучше съ нами въ казино. Тамъ гораздо удобнѣе.

Это были наши утренніе знакомцы, живописецъ съ братомъ. Мы охотно согласились на ихъ предложеніе.

Комнаты казино были освѣщены маленькими безвильными лампочками; на столахъ, покрытыхъ зелеными суконными скатертями, лежали сицилійскія и италіянскія газеты; на однихъ столикахъ стояли шахматы. Наши слутники объяснили намъ что это читальня и сборное мѣсто всѣхъ образованныхъ Таорминцевъ. Не знаю содержится ли она городомъ или обществомъ; знаю только что всякій имѣетъ право войти туда читать или играть въ шахматы; никакія другія игры не позволены и точно также не допускаются ни валитки, ни что бы то ни было сѣдбное. Какъ не уважать той страны гдѣ въ такомъ заходустѣ какъ Таормина возможно подобное учрежденіе, обезпеченное отъ всякаго безпорядка?

Скоро крики дѣтей и шумъ взвизнувшей ракеты возвѣстали что фейерверкъ начинается, и выйдя на балконъ смотрѣть его, мы олять были изумлены Таорминой: такъ это новое впечатлѣніе было непохоже на то которое утромъ произвелъ на насъ городъ своими улицами и домами. Фейерверкъ былъ такъ красивъ, разнообразенъ и составленъ съ такимъ вкусомъ что одѣлалъ бы честь какому-нибудь изъ нашихъ столичныхъ загородныхъ гуляній. Публика была очень довольна и выражала свое одобреніе шумными аплодисментами. Особенно понравилась заключительная декорация, которая была и въ самомъ дѣлѣ очень эффектна и послѣ нея рукоплесканія долго не прекращались. Зажиганіе фейерверка производилось такъ проворно что едва только одна фигура успѣвала погаснуть какъ всплывала новая, не заставляя зрителей ни на минуту ждать и скучать. Нельзя не вспомнить при этомъ что утромъ еще на площади не было замѣтно никакихъ приготовленій къ фейерверку, а на другой день уже не остав-

\* 1, франка, т.-е. около семи копѣекъ.

лось и свидѣвъ его и все было въ обыкновенномъ своемъ видѣ.

Послѣ фейерверка мы ушли домой, а народъ перешелъ на другую площадку на противоположномъ концѣ города, и тамъ, судя по звукамъ доносившимся до насъ, началась музыка и танцы. Многие гуляли въ это время по улицѣ и нѣкоторые веселые люди обнимались и цѣловались. Странно было только то что вездѣ не было слышно лѣсенъ. Мы долго еще стояли на своемъ балконѣ посреди густой тьмы ночи и наслаждались теплотой, мягкимъ воздухомъ. Въ дали едва слышны были звуки музыки; внизу неумолкаемо и ровно шумѣло море; гдѣ-то близко въ травѣ чирикалъ кузнечикъ, неизгнѣнный спутникъ лѣтней ночи.

Солнце уже свѣтило высоко и ярко когда мы встали на другое утро, но нашъ балконъ былъ еще защищенъ отъ его лучей и мы могли, не боясь жара, любоваться открывавшимся съ него видомъ. Подъ самымъ балконномъ былъ небольшой садикъ; за нимъ начинался крутой обрывъ горы, слускавшійся почти отвѣсно въ море, и темная зелень гранатовыхъ и лавандовыхъ деревьевъ росшихъ на краю его была намъ видна на голубомъ фонѣ моря. Прямо предъ нами море свалилось съ небосклономъ. Налѣво по карнизу горы табулась Таормина, потомъ, огибая заливъ, поднималась гора театра, и посреди ея двухъ вершинъ виденъ былъ самый театръ, такъ покойно сидящій на своемъ уютномъ мѣстечкѣ. Дальше гора вдавалась въ море, и недалеко, чуть видными точками, мелькали рабычьи лодки. Вправо отъ насъ видъ былъ закрытъ ближайшими домами; выглядывала только острая коса Накоса, а вверху часть склона Этны; но стоило взойти на террасу на крышѣ дома и тогда открывалась и вся Этна, и Мола, и Замковая Гора, на которой ясны были всѣ изгибы дорожки, ведущей къ Мадоннѣ della Rocca. Всего привлекальнѣе смотрѣли развалины театра, и вышедши изъ дому мы прямо направились туда. Тамъ уже гуляли два путешественника. Одинъ изъ нихъ, судя по наружности и по одеждѣ, принадлежалъ къ духовному сословію. Это былъ человѣкъ еще молодой, серьезный и задумчивый. Наканунѣ мы видѣли его съ нашего балкона какъ онъ ходилъ по одной изъ террасъ театра съ чѣмъ-то бѣлымъ въ рукахъ, какъ будто съ листомъ бумаги. Теперь онъ былъ тоже съ тетрадью. Когда мы разговорились, онъ разказалъ намъ что живетъ въ Мес-

силѣ и почти каждый день прѣзжаетъ въ Таормину любоваться природой. Изъ-за этой ли неутолимой любви къ природѣ, или изъ-за какой-нибудь другой странности, только, какъ мы узнали послѣ, многіе считаютъ его помѣшаннымъ. Мы говорили съ нимъ довольно долго, но по его спокойнымъ, разумнымъ рѣчамъ не могли замѣтить ничего подобнаго. Другой путешественникъ былъ молодой дюссельдорфскій живописецъ, нашъ сосѣдъ по гостиницѣ, тотъ самый который уступилъ въ нашу пользу лучшей номеръ. Онъ сидѣлъ на уступѣ театра и срисовывалъ въ свой альбомъ прелестную группу четырехъ колоннъ, которою мы такъ любовались накануне. Онъ сумѣлъ найти такое мѣсто что эта группа представлялась ему почти вся на фонѣ арки въ задней стѣнѣ, и за нею въ этой аркѣ не было видно ничего кромѣ безкомечнаго, яркаго моря. Скоро пришли также наши вчерашніе знакомые Нѣмцы, и мы всѣ, окруживъ живописца, кто сидѣлъ, кто лежалъ, любовались то его картинкой, то ея оригиналомъ, недосыгаемымъ по силѣ и жизни красокъ.

Погода была прекрасная, но замѣтно было что въ ней готовилась перемѣна. Море не лежало ровною скатертью какъ накануне. Оно волновалось и каждая волна, освѣщенная лучами солнца, сверкала и переливалась серебромъ. Въ дали шелъ мелкій дождикъ, и въ нѣкихъ мѣстахъ приближаясь къ поверхности воды и попадая подъ лучъ солнца, онъ искрился и казалось, точно блестящая пыль поднимается отъ сверкающихъ волнъ. Кое-гдѣ мелькали рыбацкія лодки. Одна изъ нихъ торопилась къ берегу, но разстояніе между нею и ею почти не уменьшалось, несмотря на то что она, казалось, двигалась очень быстро. Вотъ она подняла парусъ и хотѣла воспользоваться вѣтромъ, но вѣтеръ вѣрно не поддавался, и долго еще мы видѣли ее все почти такъ же далеко какъ прежде. Прошло нѣсколько времени; вѣтеръ крѣпчалъ. Тучи надвигались и дождь уже не сыпался искрами, а густымъ туманомъ лежалъ надъ потемнѣвшимъ моремъ. Буря приближалась медленно, но неуклонно. Никому изъ насъ не хотѣлось разставаться съ этимъ завлекательнымъ зрѣлищемъ, а между тѣмъ надо было спастись отъ дождя. Мы воспользовались приглашеніемъ таорминскаго художника и перешли въ его мастерскую въ домикъ на скалѣ. Изъ оконъ этого домика приближеніе бури по морю представилось въ еще болѣе поразительномъ видѣ. Дождь двигался быстро, почти

видимо, точно какъ огромная туча, залопочившая собою всю атмосферу, и мало-по-малу поглощая море, все болѣе и болѣе суживала горизонтъ. Волны совершенно потемнѣли и верхушки ихъ покрылись бѣлою пѣной. Иногда вѣтеръ сильнымъ порывомъ разрѣзывала дождевую массу и тогда мѣстами она становилась еще чернѣй, мѣстами освѣщалась какимъ-то зловѣщимъ красноватымъ свѣтомъ. Все ближе и ближе надвигалась туча, вѣтеръ рвался въ окно и свистѣлъ по расщелинамъ скалъ, и наконецъ все вокругъ заволокло непроницаемымъ туманомъ и дождь крупными каплями застучалъ по стекламъ и по крышѣ. Хозяинъ-художникъ переводилъ насъ отъ одного окна къ другому, и восхищалась вмѣстѣ съ нами, указывая то на тотъ, то на другой эффектъ. По его внимательной заботливости видно было что онъ и какъ будто гордился тѣмъ что для него подобныя явленія природы свои, родныя, и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ радъ что могъ показать ихъ намъ въ такой полнотѣ и разнообразіи какія онъ одинъ только могъ наблюдать изъ своего нагорнаго владѣнія.

Буря скоро пронеслась, вѣтеръ утихъ, но дождь еще долго не прекращался, и нашему обществу все-таки не удалось избѣгнуть его, возвращаясь въ городъ.

Нашъ сосѣдъ по гостиницѣ, г. П., оказался очень любезнымъ и пріятнымъ сосѣдомъ. Онъ путешествовалъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ, іенскимъ профессоромъ, и расстался съ нимъ въ тотъ день какъ мы пріѣхали: живописцу захотѣлось побывать еще въ Таорминѣ, а профессоръ воспользовался временемъ чтобы съѣздить въ Палермо. Разговорившись съ нами, онъ показалъ намъ два свои альбома, одинъ съ видами Италіи, другой съ видами окрестностей Іены. Показывая и объясняя ихъ, онъ самъ восхищался и увлекался воспоминаніями съ восторженностью художника и съ наивностью ребенка. Несмотря на довольно плотную фигуру и довольно густую бороду, это былъ человѣкъ еще очень молодой, а умомъ и душой казался еще моложе своихъ лѣтъ. Все его изумляло, приводило въ восторгъ или въ ужасъ и вызывало восклицанія въ родѣ: Ungeheuer! Wundervoll! Fabelhaft grandiose! Entsetzlich! И надо было имѣть нѣкоторый лавкъ чтобы не быть ошеломленнымъ подобными выраженіями, пересылавшими его рѣчь. Наши разказы о Россіи приводили его въ неслыханное изумленіе. Какъ очень многіе.

изъ иностранцевъ, онъ какъ будто не зналъ что въ Россіи есть мѣста не покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ и что аудиторы не круглый годъ ходятъ въ шубахъ. Впрочемъ, съ подобными повятіями такъ часто приходится встрѣчаться за границей что они не поражали насъ въ П. и не мѣшали намъ быть съ нимъ совершенными друзьями; тѣмъ болѣе что онъ охотно отказывался отъ своихъ ошибочныхъ мнѣній.

Наше пребываніе въ Таорминѣ прошло незамѣтно посреди прогулокъ. Каждый день, иногда и не одинъ разъ, бывали мы въ театрѣ, и кустодъ, встрѣчая насъ привѣтливою улыбкой уже не шелъ за нами, зная что мы больше не нуждаемся въ его объясненіяхъ. За то мы заходили иногда въ его домикъ послѣ прогулки, и тогда онъ, усадивъ насъ у рабочаго стола, утолялъ свою жажду поговорить: вспоминалъ случаи изъ своей жизни, разказывалъ о своемъ семействѣ, о красавицѣ дочери, которую у него чуть было не взяли на сцену, и самъ увлекался своими разказами. Иногда входилъ въ дѣло его рисунки, которые не отличались ни умѣемъ, ни знаніемъ перспективы, но были сдѣланы съ замѣчательною внимательностью и любовью къ дѣлу.

Не одинъ разъ были мы и на „стрѣжакѣ“, предъ которымъ море разстилается широкимъ полукругомъ, отъ Калабріи почти до Сиракузъ. Вечеромъ, во время заката солнца и послѣ, нельзя наглядѣться на это море. Тогда оно переливается всѣми возможными красками: то ярко-голубою, то золотистою, то блѣдно-розовою; и постепенно густѣя, всѣ эти краски сливаются наконецъ въ одну темно-фіолетовую массу, когда звѣзды загораются на небѣ.

Во время прогулокъ за городомъ намъ пришлось видѣть нѣсколько древнихъ надгробныхъ памятниковъ. Они попадаются по сторонамъ шоссеиной дороги, ведущей изъ Таормины внизъ. Это небольшія, но съ виду массивныя постройки изъ крупныхъ кирпичей и камней, всего около двухъ саженъ въ поперечникѣ. Планы ихъ всегда квадратныя, отъ безъ всякихъ украшеній подымаются надъ низкимъ широкимъ основаніемъ. Крыша, сведенная плоско и правильно, выступаетъ надъ стѣнами и одна только кое-какими украшеніями фронтонѣ нѣсколько смягчаетъ суровый видъ памятника; впрочемъ и эти украшенія состоятъ только въ выступаніи щемъ рядѣ кирпичей. Гдѣ-то въ окрестностяхъ Таормины есть подобный памятникъ гораздо большей величины,

дверью, черезъ которую можно войти внутрь его, но намъ не удалось его видѣть.

Въ одномъ мѣстѣ, шоссе, прорѣзывая себѣ дорогу въ горѣ, напало вѣроятно на катакомбы, которыя были вмѣщены внутри скалы. Теперь около этого мѣста въ скалахъ, между которыми идетъ дорога, видны полуобвалившіяся вши такой формы какъ овѣ обыкновенны бывали въ катакомбахъ, то есть узкія, гаубокія и длинныя, съ нѣскольکو закругленнымъ верхомъ.

Наконецъ наступило и время отъѣзда. Мы должны были рано утромъ выѣхать изъ Таормины чтобы послѣть въ Джардини, къ девятичасовому поѣзду, и наканунѣ за ужиномъ прощались съ П. Овѣ оставался еще на день, потому что не успѣлъ кончить одного рисунка, и жалѣлъ что мы уже уѣзжаемъ.

— А видѣли ли вы восходъ солнца въ театрѣ? вдругъ спросилъ онъ посреди разговора.

Восходъ солнца—это такое зрѣлище котораго обыкновенно не пропускаетъ никто изъ посѣщающихъ Таормину; но мы его не видали.

— Не видали? воскликнулъ П.—Что вы? Да вы, значить, какъ говорятъ Италіявцы, ничего не видали! Non avete veduto niente! Какъ это можно! Это такое необычайное зрѣлище, это что-то такое баснословное, сверхъестественное!... Вы никогда ничего подобнаго не увидите! Es ist fabelhaft, wundervoll!

Не нужно было и восторженности П., чтобы убѣдить насъ, потому что намъ самимъ хотѣлось видѣть восходъ солнца въ театрѣ, но все не удалось. Мы рѣшили теперь никакъ не упустить послѣдняго случая, и Пелино обѣщалъ разбудить насъ вовремя.

На другое утро было еще темно и прохладно когда мы вышли изъ дому, но уже быстро свѣтало. Кустоде, предупреденный хозяиномъ съ вечера, оставилъ калитку не замкнutoю, и мы взобрались на верхъ театра, откуда любовались имъ и въ первый разъ.

На востокѣ небо было уже свѣтло и едва мы успѣли приступить на камняхъ какъ засвѣтилась легкимъ розовымъ свѣтомъ чистая, безоблачная вершина Этны и заалѣлъ и свѣтъ на ней, и бѣлый дымокъ, постоянно надъ ней стоящій. Мы оглавулись; солнца еще не было видно; его видѣла одна только

Эта. Прошло вѣсколько мгновеній и изъ-за горъ Кмалбрнъ показался огромный огненный сегментъ. Быстро, почти видимо поднимался онъ и выросталъ, и также видимо разстлался розовый свѣтъ, спускаясь по Этвѣ. Уже солнце все было надъ горизонтомъ, уже половина Этвы была освѣщена, а окрестныя горы и театръ все еще лежали въ тѣни.

Но вотъ и насъ пригрѣло солнышко, напоминая что пора идти собираться въ путь, а мы все еще стояли, любовались и не могли наглядѣться. Никогда еще Эта не была такъ прекрасна, какъ въ то утро: будто нарочно, чтобы на прощанье оставить въ насъ лучшее впечатлѣнiе, явилась она въ полномъ блескѣ своего величiя и красоты. Ни малѣйшаго тумана не было видно вокругъ нея, и мягко, но ясно освѣщенныя прямо направленными на нее лучами солнца, она казалась будто придвинулась къ намъ. Мнѣ всегда было жаль что я не умѣю рисовать: но теперь глядя на Этву, мнѣ казалось что и самый лучший, искусный художникъ былъ бы такъ же беспомощенъ какъ я. Рисунокъ покажетъ только очеркъ, но никакия краски не въ состоянiи передать тотъ вѣжнѣйшій и самый свѣтъ который освѣщала и блестящiй свѣтъ на вершинѣ, и темныя латна дѣсовъ на склонахъ горы; и никакое искусство не можетъ дать не видѣвшему понятiе о постоянномъ переливѣ и перемѣнѣ цвѣта ея по мѣрѣ того какъ солнце поднималось на своемъ пути.

Мы возвратились въ гостиницу уже не кутаясь въ свое верхнее платье отъ холода какъ утромъ, а причесавъ въ тѣнь отъ жаркихъ лучей. Сборы наши были не долги. Взглянувъ еще разъ на видъ съ балкона, мы взяли свои вещи, дружески распрощались съ хозяевами и съ П., и пошли внизъ, гдѣ ждалъ насъ тотъ самый веттурино котораго мы такъ обидѣли въ праздникъ Мадонны della Rossa. И хозяйка, и П. и улыбающаяся служанка, все вышли провожать насъ на крыльцо. Насъ усадили въ коляску, помогла уложить вещи, вѣсколько разъ повторилось прощанiе и сопровождаемые восклицанiями и пожеланiями *buon viaggio, gute Reise, auf Wiedersehen, addio*, мы покатали по шоссе и скоро за извѣннами скрылась отъ насъ Таормина и ея театръ, и великолѣпная Эта.

O. O.



# ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ

## Парламентское слѣдствіе объ условіяхъ труда во Франціи.

Цѣлый рядъ забастовокъ, происходившихъ въ концѣ 1871 въ началѣ 1872 года во многихъ промышленныхъ и рудоплавленныхъ мѣстностяхъ, въ Бросакѣ, въ Сентъ-Флоривѣ (въ Юи де-Домскомъ департаментѣ), въ Сентъ-Этьеннѣ и въ каменноугольныхъ коляхъ департаментовъ Сѣвернаго и Пале-Кале, побудилъ Національное Собраніе, по предложенію герцога д'Одиффре-Паке учредить большое парламентское слѣдствіе о положеніи рабочихъ. Съ этою цѣлью 8го марта 1872 года была назначена коммиссія, тотчасъ же раздѣлившаяся на три подкоммиссіи, изъ коихъ каждой поручено было изслѣдовать: 1) матеріальное и экономическое положеніе рабочихъ; 2) заработная плата и отношенія между рабочими и хозяевами, и 3) умственное и нравственное состояніе рабочихъ. Эти подкоммиссіи трудились съ благоразумною медленностью, и даже самое существованіе ихъ было почти забыто, когда одна изъ нихъ, которой поручено было изслѣдованіе отношеній между рабочими и хозяевами, внезапно заявила о своемъ существованіи обнародованіемъ доклада г. Дюкарра, одного изъ своихъ членовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ люзскаго промышленника. Къ сожалѣнію докладъ

этотъ большею частію не затрогиваетъ прямо вопроса со ставлявшаго предметъ занятій подкоммиссіи; вмѣсто того чтобы представить точныя свѣдѣнія объ отношеніяхъ дѣйствительно существующихъ нынѣ между рабочими и хозяевами, онъ посвященъ большею частію историческому изложенію, составленному еще весьма поверхностно, объ этихъ отношеніяхъ со времени римскаго владычества до нашихъ дней. Это называется у насъ начинать съ потолка. Тѣмъ не менѣе въ немъ можно встрѣтить мѣстами нѣкоторыя данныя заслуживающія вниманія. Съ другой стороны, подкоммиссія, разославшая списокъ вопросовъ (questionnaire) президентамъ торговыхъ палатъ, совѣтовъ приюдомовъ, землевладѣльческихъ комитетовъ и пр., получила нѣсколько интереснѣе отвѣтовъ, которые резюмированы въ дополнительномъ докладѣ г. Луи Фавра, секретаря коммиссіи. Мы попытаемся изложить его сущность, какъ дѣлали по поводу другихъ свѣдѣній, но предупреждаемъ читателей что на этотъ разъ мы имѣемъ дѣло съ матеріаломъ довольно скуднымъ и что только важность вопроса побуждаетъ насъ къ изложенію занятій коммиссіи, которая, повидимому, болѣе расположена была схоронить этотъ вопросъ объ отношеніяхъ рабочихъ и хозяевъ, чѣмъ позаботиться о надлежащемъ его разъясненіи.

Прежде всего предстояло опредѣлить границы свѣдѣній. Коммиссія рѣшила что она ограничится изслѣдованіемъ промышленности въ собственномъ смыслѣ. На этомъ основаніи она устранила: 1) Работы исключительно земледѣльческія, которыя, какъ показало свѣдѣніе 1872 года, занимаютъ и питаютъ во Франціи 18.513.325 жителей (52% населенія) и ежегодное производство которыхъ исчислено въ восемь миллиардовъ 2) Торговые обороты, банки, транспорты, занимающіе 1.490.061 лицъ. Семейства этихъ рабочихъ составляютъ 3.842.878 душъ или вмѣстѣ 5.332.946 (15% населенія). 3) Всѣхъ правды въ томъ числѣ лицъ принадлежащихъ къ либеральнымъ профессіямъ, заключающимъ въ себѣ личный составъ правительственный, административный, обучающій и пр. (10% населенія). Остаются только собственно такъ-называемыя промышленныя профессіи, со включеніемъ множества ремеселъ, занимающихъ 3.131.989 человекъ, изъ коихъ 794.720 хозяевъ и 2.337.269 рабочихъ, составляющихъ съ ихъ семействами 8.400.000 душъ (33% населенія), производство коихъ исчисляется въ 12 миллиардъ

довъ франковъ. Едва ли нужно прибавлять что эти исчисленія сдѣланы *gross modo*. Замѣтимъ что они доводятъ земледѣльческое и промышленное производство Франціи до 20 милліардовъ, а присовокупляя къ нему отъ четырехъ до пяти милліардовъ на услуги по торговлѣ и перевозкѣ, на производство художественное, литературное и пр., мы дойдемъ до общей цифры 25 милліардовъ, изъ коихъ только 3 милліарда поглащаются налогомъ, то-есть около восьмой части. Цифры эти маѣ кажутся нѣсколько преувеличенными, но весьма трудно, чтобы не сказать невозможно, при настоящемъ положеніи статистики достигнуть болѣе точнаго исчисленія. Невозможно также узнать какимъ образомъ эта гипотетическая сумма 24 или 25 милліардовъ продуктовъ распредѣляется между землевладѣльцами, капиталистами, промышленниками и рабочими. Но еслибы даже комиссія могла добыть себѣ въ этомъ отношеніи достаточно точныя свѣдѣнія, а все-таки сомнѣваюсь чтобъ она рѣшилась ихъ обнародовать.

За то она ставитъ на видъ что число профессій значительно, что оно увеличивается безпрестанно по мѣрѣ развитія и усовершенствованія промышленности. Въ Парижѣ въ XIII вѣкѣ регламентъ Этьена Буало показывали ихъ 100, въ 1875 году въ томъ же городѣ 988 профессіи, распредѣленныя на 23 категоріи, зависящія отъ трибунала прюдомовъ. Статистика заработной платы въ главныхъ городахъ департаментовъ показываетъ 62 обычныхъ профессіи которыя встрѣчаются повсюду.

Комиссія замѣчаетъ также что численныя отношенія рабочихъ къ хозяевамъ 24: 8, а общій средній выводъ по 3 рабочихъ на каждого хозяина, а именно: въ промышленности исключительно обширной (*extractive*) 11 рабочихъ на одного хозяина, въ крупной промышленности 6 рабочихъ на одного хозяина, а въ мелкой менѣ двухъ. Городъ Парижъ включается въ этотъ общій средній выводъ, но важность его населенія и его производства отводить ему особое мѣсто. Въ парижской промышленности считаютъ 38.772 хозяина и 550.000 рабочихъ, изъ коихъ 62.000 обозначаются названіемъ *façonniers*, работаютъ у себя на дому съ однимъ ученикомъ или работникомъ. Въ Парижѣ отношеніе между ними 48: 4, двѣнадцать рабочихъ на одного хозяина.

Достаточно сказать что несмотря на примѣненіе науки къ производству, во Франціи все-таки господствуетъ мелкая

промышленность. По другому отчету, касательно цѣнностей, производимыхъ ежегодно, коммиссія относитъ 6 миллиардовъ 442 милліона къ мелкой промышленности и 6 миллиардовъ 360 милліоновъ къ крупной. Необходимо при этомъ замѣтить что въ послѣдней существуютъ множество категорій и что въ строгомъ смыслѣ названіе это слѣдовало бы предоставить той только которая употребляетъ механическіе двигатели. Эта послѣдняя сосредоточивается въ 16.280 заведеніяхъ, употребляющихъ около 800.000 рабочихъ, то-есть почти треть общаго числа рабочихъ въ промышленности; такимъ образомъ средняя пропорція того что можно назвать дѣйствительно крупной промышленностью есть 50 рабочихъ на одного хозяина, да и то эта средняя пропорція даетъ еще неложное понятіе о дѣйствительномъ положеніи вещей. Коли Анзена, напмѣръ, заключаетъ 14.000 рабочихъ, коли Крѣзо 10.000. Число паровыхъ машинъ во Франціи 32.000, имѣющія вмѣстѣ силу 900.000 лошадей, изъ коихъ 320.000 употребляются въ 16.280 вышеупомянутыхъ промышленныхъ заведеніяхъ. Къ этому надо прибавить 260.000 гидравлическихъ лошадей или вмѣстѣ 580.000 механическихъ лошадей, въ 75 килограмметровъ каждая (килограмметръ есть единица работы необходимой для поднятія тяжести одного килограмма на высоту одного метра). Каждая паровая или механическая лошадь представляетъ работу трехъ живыхъ лошадей. Сила живой лошади равняется силѣ семи человекъ. Двигательная сила употребляемая французскою промышленностью исчисляемая въ 580.000 паровыхъ лошадей, что равняется механическимъ трудамъ силъ 1.740.000 живыхъ лошадей или 12 милліоновъ людей.

Эта громадная сила, служащая двигателемъ крупной промышленности, пріобрѣтеніе современное, и, благодаря этому пріобрѣтенію, наше промышленное производство удесятилось въ теченіе послѣдняго столѣтія. Для обозначенія ея прогрессивнаго движенія коммиссія приводитъ нѣкоторыя цифры, интересныя во многихъ отношеніяхъ. Въ 1788 году итогъ французскаго промышленнаго производства исчислялся въ 931 милліонъ ливровъ (около милліарда франковъ); въ 1847 году отъ 7 до 8 милліардовъ; мы видѣли выше что нынѣ онъ простирается до 12 милліардовъ. Отчеты вѣдшей торговли сообщаютъ не менѣе любопытныя сравнительныя цифры. Въ 1715 году вѣдшая торговля Франціи простиралась до 212 милліоновъ ливровъ,

изъ коихъ 118 принадлежали привозу и 94 отпуску; въ 1788, наканунѣ революціи, она достигала 983 милліоновъ ливровъ, изъ нихъ 517 приходилось на привозъ и 466 на отпускъ. Въ 1827 году, когда возстановлено было правильное обнародованіе статистики вѣншей торговли, она простиралась до 921 милліона фравковъ; въ 1837—до 1.087 милліоновъ, въ 1847—до 1.867 милліоновъ, въ 1857—до 3.789 милліоновъ, въ 1867—до 5.851, а въ 1873—до 7.526 милліоновъ.

Если вы бросите взглядъ на эти цифры, то васъ невольно поразитъ громадный ущербъ нанесенный французской промышленности революціонною бурей, за которою послѣдовала военная диктатура, виновница континентальной блокады. Въ-сто того чтобы возрасть, съ 1788 года до 1827, вѣншая торговля упала съ 988 милліоновъ на 921, между тѣмъ какъ позволительно предположить что при нормальномъ порядкѣ она бы утроилась въ эти сорокъ лѣтъ. Вѣдь ушестерилась же она въ послѣдующіе сорокъ лѣтъ, съ 1827 года по 1867. Сколько благосостоянія, сколько цивилизаціи во всѣхъ видахъ парализовало это промедленіе производства, причиненное внутреннею анархіей, междоусобіемъ и вѣншею войной! Намъ то и дѣло толкуютъ о благодѣяніяхъ революціи; пусть же приглядятся ловчимательнѣе, чего стоило это нашествіе внутренняго варварства, и пусть изслѣдуютъ затѣмъ не превысилъ ли *пассивъ* этой мануфактуры прогресса, коей двигателями были гильотина и конфискація, ея актива.

Но возвратимся къ нашей статистикѣ. Въ цифрѣ товаровъ привезенныхъ во Францію суровье необходимое для промышленности занимаетъ 65%, естественные предметы потребления 22% и предметы фабрикованные 13%. Что касается предметовъ вывезенныхъ изъ Франціи, то естественные продукты занимаютъ въ нихъ 49%, а мануфактурные 51%. Изыскаемо было также, какова была въ массѣ ежегодныхъ продуктовъ французской промышленности стоимость суровья (земледѣльческіе продукты французскіе и привозные), и стоимость производства (заработная плата, расходы по фабрикаціи и барыши). Изслѣдованія по этому предмету показываютъ что въ 1788 году, въ милліардѣ фабричныхъ продуктовъ, суровье входило на 40%, а промышленное производство на 60%. Въ 1850 году пропорція была слѣдующая: суровье 56%, производство—44%. Наконецъ въ 1873 суровье 60%, производство 40%, какъ разъ обратная пропорція 1788 году, что объяс-

яется экономіей, которую можно было осуществить въ фабрикаціи усвоеніемъ механическихъ двигателей и устройствъ бывшихъ послѣдствіемъ онаго; услуги эти, однако, не были приобретены въ ущербъ труду, потому что производство увеличилось въ пропорціи отъ 1 на 12; пропорція эта была бы гораздо значительнѣе безъ застоя причиненнаго революціей.

Вслѣдъ за этимъ было бы весьма интересно изслѣдовать также какая часть въ 60% промышленнаго производства 1788 года и въ 40% того же производства въ 1873 приходилась, съ одной стороны, на долю труда, съ другой—на долю капитала, смысленности и духа предпріимчивости, но коммисія не заблагоразсудила приступить къ этому изслѣдованію, которое показалось ей повидимому слишкомъ труднымъ или слишкомъ щекотливымъ; по всѣмъ свѣдѣніямъ касательно „распредѣленія“ она ограничилась сообщеніемъ средняго вывода заработной платы и сравненіемъ ее за два года, 1853 и 1871, какъ въ Парижѣ, такъ и въ департаментахъ. Вотъ эта сравнительныя цифры:

	Въ Парижѣ:		Увеличеніе процент:
	1853—	1873.	
Мушкы.....	3,82	4,99	31%
Женщины.....	2,12	2,78	31%
<i>Въ департаментахъ:</i>			
Мушкы.....	2,06	2,90	41%
Женщины.....	1,07	1,48	38%

Къ несчастію это увеличеніе заработной платы во множествѣ случаевъ только кажущееся. Оно почти всегда вызывается увеличеніемъ цѣнъ на большую часть жизненныхъ потребностей. Докладъ представленный г. Луи Фавромъ объ отвѣтахъ торговыхъ палатъ и другихъ совѣщательныхъ собраній не оставляетъ въ этомъ отношеніи никакаго сомнѣнія. Такъ напримѣръ:

Въ вѣдомствѣ торговой палаты Труа заработная плата увеличилась на 50% въ теченіе 50 лѣтъ. Цѣны на жизненные потребности слѣдовали, повидимому, такой же прогрессіи.

По заключеніямъ земледѣльческихъ коммисій Седана и Мезьера „въ теченіе двадцати лѣтъ заработная плата увеличилась на одну треть, но цѣны почти на всѣ предметы необходимые для жизни удвоились. Одна только пшеница осталась почти неподвижною“.

Въ Эльбёфѣ, вмѣсто увеличенія, въ послѣдніе годы въ заработной платѣ замѣтно уменьшеніе на 10<sup>0</sup>/<sub>0</sub>.

Въ Морбигааскомъ департаментѣ, по докладу префекта, заработная плата повысилась очень мало; цѣны на жизненные потребности удвоились.

Прочіе доклады представляютъ почти такія же свѣдѣнія. Можно допустить, однако, не принимая оптимистическихъ заключеній г. Дюкарра по этому вопросу о заработной платѣ, что рабочій не только номинально, но и дѣйствительно вознаграждается лучше чѣмъ полувѣка тому назадъ: если большая часть предметовъ необходимыхъ для жизни повысилась въ цѣнѣ, нѣкоторые, какъ напримѣръ шерсть, остались почти безъ перемѣны, то умноженіе желѣзныхъ дорогъ принесло выгоды рабочему, хотя во Франціи въ болѣе слабой степени чѣмъ повсюду въ другихъ мѣстахъ, давая ему возможность путешествовать скорѣе и дешевле, открыты были безмездныя школы для дѣтей и пр. Къ несчастью, если доходъ его возвысился въ теченіе послѣдняго полулѣтца, то не замѣтно чтобъ онъ приучился употреблять его лучше. Напротивъ. Доклады свидѣтельствуютъ что слишкомъ во многихъ мѣстностяхъ развились пьянство и безнравственность.

Пьянство, еще рѣдкое на югѣ, говоритъ г. Луи Фавръ, становится развѣдающею язвой на востокѣ, на сѣверѣ, на западѣ и въ центрѣ Франціи. Зло переходитъ въ хроническое, эпидемическое. Оно парализуетъ какъ физическую, такъ и нравственную жизнь населеній. Религіозныя вѣрованія угасаютъ. Духъ семейный ослабѣваетъ. Отцы слишкомъ часто забываютъ о добрыхъ примѣрахъ которые они обязаны подавать своимъ дѣтямъ. Дѣти нерѣдко оставляютъ своихъ состарѣвшихся или немощныхъ родителей безъ всякихъ иныхъ средствъ кромѣ богадѣленъ и общественной благотворительности.

Съ другой стороны, присовокупляетъ докладчикъ, статистика обнаруживаетъ страшныя подробности о ежедневно увеличивающемся числѣ преступленій, совершенныхъ молодыми людьми моложе двадцати лѣтъ и о свойствахъ этихъ преступленій.

Наконецъ, среднее число дѣтей все уменьшается въ семьяхъ рабочихъ, потому ли что рождающихся меньше, или что смертность дѣтей возрастаетъ.

„Нерѣдко случается встрѣчать, читаемъ далѣе въ докладѣ

г. Луи Фавра, семейства имѣвшія по семи или по восьми дѣтей, изъ коихъ двѣ трети умерли въ первые мѣсяцы своего существованія. Фактъ этой чрезмѣрной смертности дѣтей указывается особенно въ докладахъ о департаментѣ Геро. Докладчикъ не встрѣтилъ никакихъ объясненій о причинахъ этой смертности; но слишкомъ очевидно что эти причины заключаются въ бѣдности и особенно въ недостатокъ ухода, въ ослабленіи семейныхъ чувствъ, и это составляетъ одну изъ самыхъ значительныхъ черныхъ точекъ, которыя облачаетъ сѣдствіе.

Что касается отношеній между рабочими и хозяевами, то и они оставляютъ многого желать; антагонизмъ не прекратился и даже, за исключеніемъ Верхне-Рейнскаго департамента, гдѣ отношенія эти удовлетворительны, вообще усилался. Рабочіе продолжаютъ вѣрить что ихъ эксплуатируютъ хозяева, и вслѣдствіе этого доступны всѣмъ полстрекательствамъ социализма.

Такова мало утѣшительная картина физическаго и нравственнаго состоянія рабочихъ занятыхъ промышленностью, изображаемая г. Луи Фавромъ. Какія средства предпринять для исправленія этого зла? Относительно этого пункта, рабочими и хозяевами высказываются діаметрально противоположныя мнѣнія.

Жалобы рабочихъ, или по крайней мѣрѣ тѣхъ которые имѣютъ притязаніе быть ихъ представителями, надо сознаться, крайне неразумны. По правдѣ сказать, для повѣрки этихъ жалобъ комиссія не произвела никакого новаго сѣдствія. Она ограничилась прочтеніемъ доклада рабочихъ посланныхъ на Вѣвскую всемірную выставку и постаралась выбрать изъ этого доклада мѣста наиболѣе проникнутыя социализмомъ. Надо замѣтить что ей было изъ чего выбрать. Рабочіе отправленные въ Вѣну на счетъ синдикальныхъ палатъ и на суммы собранныя по подпискѣ, были избраны изъ главнаго штаба рабочихъ-краснобаевъ, получившихъ полуобразованіе, почеркнувшихъ свои экономическія сѣдствія изъ книгъ Луи Блана, Фурье, Прудона и пр., и мечтающихъ о радикальномъ переустройствѣ общества революціонными способами. Изъ доклады слишкомъ отзываются этимъ жалкимъ воспитаніемъ. Комиссія, напимѣръ, приводитъ слѣдующее заявленіе, заимствованное изъ доклада парижскихъ столяровъ рѣзной мебели



съ присоединеніемъ доклада столяровъ гнutoй мебели, дабы показать какъ велики и опасны притязанія рабочихъ:

„Въ Вѣнѣ также какъ въ Парижѣ, Берлинѣ, Лондонѣ, Нью-Йоркѣ, Флоренціи, Брюсселѣ и пр., говорятъ делегаты рабочихъ рѣзкой мебели, цѣна за ручную работу далеко не соответствуетъ необходимымъ потребностямъ рабочаго. Во всѣхъ городахъ въ мірѣ, заработная плата всегда недостаточна; если и случается что она удовлетворительна для рабочаго, то это бываетъ рѣдкимъ исключеніемъ и только въ тѣхъ случаяхъ когда оказывается недостатокъ въ ихъ спеціальности или когда они обнаруживаютъ способности выше обыкновенныхъ. Въ этихъ случаяхъ она является привилегіей немногихъ, но общая цифра заработной платы всегда основана на строго необходимомъ. До тѣхъ поръ пока распределеніе социальныхъ богатствъ будетъ производиться посредниками, взимающими исключительно въ свою пользу избытокъ, предоставляемый имъ коммерческимъ закономъ, заработная плата будетъ всегда недостаточна для покрытія необходимыхъ расходовъ и одному пролетариату придется выносить двойное бремя эксплуатаціи, которая, подобно прокажѣ, распространяется и подтачиваетъ непрерывно производителей и потребителей, присваивая себѣ ежегодно капиталъ по меньшей мѣрѣ въ шесть миллиардовъ, котораго большая часть должна бы поступать на улучшеніе быта рабочихъ.“

Докладъ рабочихъ гнutoй мебели указываетъ происхожденіе этихъ *шести миллиардовъ*, отвлеченныхъ отъ ихъ значенія.

Въ немъ говорится слѣдующее:

„Когда извѣстно что продукты проданные для личнаго потребленія достигаютъ суммы около 15 миллиардовъ франковъ, между тѣмъ какъ при покупкѣ они стоить производителямъ только 7½ миллиардовъ; что по удержанію 7% на расходы по торговлѣ, что составляетъ 1 миллиардъ 50 милліоновъ, остается еще ежегодный барышъ въ 6 миллиардовъ 450 милліоновъ, то можно сказать себѣ: Еслибы вмѣсто того чтобы бессмысленно класть этотъ скандальный барышъ въ карманы людей коиъ все искусство заключается въ раздѣленіи продуктовъ и въ предоставленіи ихъ потребителямъ, мы имѣли благоразуміе оставить ассоціацію и обойтись безъ этихъ слишкомъ корыстолюбивыхъ посредниковъ, то реализованные барыши доставили бы намъ

серіозное сбереженіе, и ассоціація производства вскорѣ бы завершила нашу эманципацію и сдѣлала бы между нами воѣ эти лобочныя учрежденія, общества вспомога- тельныя и цѣлыя, создавныя главнымъ образомъ невѣжествомъ и для того чтобы пренятствовать рабочему выйти изъ положе- нія лица зависащаго отъ заработной платы.“

Очевидно на эти аргументы отвѣчать не трудно и даже можно отвѣчать гораздо лучше чѣмъ комиссія, принимаю- щая на себя защиту мелочныхъ торговцевъ, мясниковъ, хлеб- никовъ и пр., которыхъ она представляетъ почти какъ благо- дѣтелей рабочаго класса. Несомнѣнно что эти посредники отнюдь не реализуютъ баснословныхъ барышей, приписывае- мыхъ имъ докладами делегатовъ, и этимъ послѣднимъ конеч- но очень нелегко было бы оправдать фантастическую цифру 6 миллиардовъ 450 миллионовъ, которую они приписываютъ имъ; несомнѣнно также что общества потребленія, какъ ихъ представляютъ себѣ рабочіе, то-есть общества въ которыхъ капиталъ былъ бы подчиненъ труду, суть истинные эконо- мическіе уроды, неспособные къ жизни, но значить ли это чтобы торговля и въ особенности торговля розничная, въ томъ видѣ какъ она существуетъ нынѣ, не была доступна ника- кому экономическому прогрессу? Ужели это механизмъ до- стигшіи степени совершенства, за предѣлами коего нѣтъ уже ничего болѣе? Комиссія такъ предполагаетъ повидимому и конечно ошибается—ея консервативная рутиня также далека отъ истины, какъ и утопія рабочихъ-соціалистовъ. И дѣ- ствительно нѣтъ причины чтобы торговля не подвергалась преобразованіямъ одинаковымъ съ тѣми которыя обновляютъ видъ промышленности. Лавки торговцевъ соответствуютъ мелкимъ промышленнымъ мастерскимъ. Но мелкія мастер- скія мало по малу уступаютъ мѣсто большимъ мануфакту- рамъ, фабрикующимъ продукты болѣе совершенныя, въ боль- шемъ изобиліи и по цѣнамъ гораздо болѣе дешевымъ. Поче- му же бы мелкимъ торговымъ мастерскимъ не подчиниться такому же преобразованію? Они подчиняются уже ему до известной степени. Въ Парижѣ, напримѣръ, не видимъ ли мы что въ послѣднія двадцать лѣтъ маленькіе магазины усту- паютъ мѣсто громаднымъ базарамъ, носящимъ названія: *Bel- le jardinière, le bon marché, le Louvre* и пр. Недалека минута, когда они должны будутъ исчезнуть предъ подавляющею конкуренціей заведеній которыя продаютъ дешевые пре-

меты лучшаго качества и которая во всяком случаѣ имѣютъ болѣе интереса сохранить свою репутацію и не обманывать своихъ покупателей. Въ эту именно минуту мелкая торговля, угрожаемая въ своемъ существованіи, поднимаетъ отчаянные вопли и требуетъ покровительства фискальныхъ мѣръ противъ этой прогрессивной конкуренціи. Покровительства этого она не получитъ и получить не можетъ, и послѣ болѣе или менѣе продолжительной агоніи она должна исчезнуть. И почему же то что происходитъ нынѣ въ Парижѣ, не повторялось бы въ другихъ мѣстахъ и во всехъ отрасляхъ торговли? Когда этотъ естественный переворотъ совершится, когда торговля будетъ организована болѣе экономическимъ образомъ, торговые расходы, противъ которыхъ вопіютъ рабочіе, будутъ значительно понижены и ограничатся строго необходимымъ. Къ этому можно присовокупить что если этотъ переворотъ не совершится скорѣе, то виноваты въ томъ болѣею частию потребители и въ особенности рабочіе, привыкшіе обыкновенно покупать въ кредитъ. Развѣ покупать въ кредитъ не одно и то же что занимать натурой? И развѣ трудно понять что мелкій торговецъ дѣлающій кредитъ, то-есть ссужающій капиталы мелкими частями подъ формою товаровъ заемщикамъ бѣднымъ и не особенно надежнымъ, принужденъ для покрытія своихъ рисковъ взимать высокой процентъ? Большая часть мелкихъ торговцевъ вмѣстѣ съ тѣмъ и банкиры потребителей, и главнымъ образомъ обязанны этому банкирскому дѣлу своимъ существованіемъ. Стоитъ потребителямъ привыкнуть къ покупкѣ на чистыя деньги и эта масса ливидъ погибаетъ за недостаткомъ лицъ, мелкія лавочки закроются и будутъ замѣнены большими магазинами или отдѣленіями этихъ магазиновъ, гдѣ мелкій потребитель будетъ получать все что ему нужно лучшаго качества и по сходной цѣнѣ. Итакъ, не все ложно въ жалобахъ рабочихъ на чрезмѣрную дороговизну посредниковъ; но только они не видятъ настоящаго средства противъ этого зла, и первые возстаютъ противъ постепеннаго замѣщенія мелкихъ лавочекъ большими магазинами.

Точно также встрѣчается смѣшеніе истиннаго и ложнаго во мнѣніяхъ господствующихъ между рабочими относительно регламентаціи заработной платы. Большая часть изъ нихъ все еще убѣждена что „саларіатъ есть только видоизмѣненіе

работы" и что рабочий тогда только будетъ действительна свободенъ, когда каждый состоящій на жалованьи перейдетъ въ положеніе компаньона. Разумѣется, ничего не можетъ быть фальшивѣе этого взгляда, заимствованнаго отъ социалистскихъ преданій 1848 года. Волервыхъ, опытъ, подтверждающій относительно этого пункта теорію, доказалъ что ассоціаціи рабочихъ, какъ ихъ понимаютъ социалисты, существовать не могутъ, что во всякомъ предпріятіи главнымъ распорядителемъ долженъ быть капиталъ, потому что на немъ лежитъ отвѣтственность, потому что въ случаѣ убытка, онъ одинъ, по самому свойству своему, долженъ выносить этотъ убытокъ. Затѣмъ опытъ доказалъ еще что рабочий заинтересованъ въ полученіи своей доли въ производствѣ подъ формой вознагражденія опредѣленнаго, непосредственнаго и вѣрнаго, каковы бы ни были результаты предпріятія. Итакъ, въ этомъ двоякомъ отношеніи полное заблужденіе социалистовъ и рабочихъ проникнутыхъ ихъ ученіями не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Но значитъ ли это что нынѣшній способъ регламентаціи заработной платы есть идеаль, отъ котораго запрещено уклоняться? Значитъ ли это что невозможно представить себѣ ничего лучше системы прямыхъ и личныхъ отношеній между хозяевами и рабочими? Такъ думаетъ коммиссія, и она усиливается доказать свое мнѣніе. Докладчикъ ея, восходя ко временамъ древняго Рима, разсматриваетъ рабство, систему корпорацій и товарищества, и доходя до настоящаго порядка, объявляетъ что не только этотъ порядокъ превосходитъ всѣ предшествовавшіе, но что нѣтъ ничего выше того что онъ называетъ „личною свободой труда“, то-есть системы индивидуальныхъ отношеній между хозяиномъ и рабочимъ. На этомъ основаніи онъ абсолютно осуждаетъ промышленныя коалиціи, *trade unions* и синдикальныя палаты рабочихъ, которыя начали организоваться въ Парижѣ. Конечно многое можно сказать противъ коалицій, *trade unions* и синдикальныхъ палатъ рабочихъ (которыя не что иное какъ неполная копія съ *trade unions*), но во всякомъ случаѣ онѣ суть факты и факты возникшіе не безъ причинъ. А причина эта для каждого безпристрастнаго и хладнокровнаго наблюдателя заключается именно въ несовершенствѣ системы прямыхъ и личныхъ отношеній между

промышленникомъ и рабочимъ и въ злоупотребленіяхъ порождаемыхъ этою системою.

Несомнѣнно что цѣна на трудъ, какъ и на всякій другой товаръ, опредѣляется отношеніемъ спроса къ предложенію, но необходимо принять въ соображеніе вліяніе которое обоюдное положеніе двухъ заинтересованныхъ сторонъ имѣетъ на опредѣленіе этого отношенія. За исключеніемъ нѣсколькихъ большихъ центровъ производства, гдѣ предприниматели вступаютъ въ дѣйствительную конкуренцію при требованіи труда, мы видимъ вообще одного или немногихъ промышленниковъ въ присутствіи большого числа рабочихъ, большею частію лишенныхъ всякихъ ресурсовъ, не имѣющихъ ни указаній ни средствъ необходимыхъ для перемѣщенія ихъ предложенія. Почти всегда предприниматель располагаетъ несравненно въ высшей степени, чѣмъ рабочій, *пространствомъ и временемъ*—этими двумя существенными факторами для установленія цѣны. Пространствомъ, потому что ему гораздо легче добыть рабочихъ на сторонѣ, чѣмъ рабочему добыть себѣ хозяевъ. Временемъ, потому что онъ можетъ гораздо долѣе обойтись безъ труда рабочихъ, чѣмъ рабочіе безъ платы предпринимателей. Отсюда двойная причина подчиненности рабочаго „производителя и продавца труда“, въ настоящей системѣ прямыхъ и индивидуальныхъ отношеній между обѣими сторонами. Отсюда произвольное пониженіе платы за трудъ. Отсюда также попытки, сначала грубыя и насильственныя, для исправленія этихъ причинъ неравенства и утѣшенія: рабочіе массою отказываются отъ труда—это забастовка; они стовариваются между собою чтобы продолжать забастовку насколько у нихъ достанетъ средствъ—это стачка или коалиція. Ясно, что стовариваясь такимъ образомъ чтобы лишить предпринимателя необходимаго для него агента, они наносятъ ему убытокъ, который можетъ достигнуть значительной цифры, если стачка затянется. Итакъ можетъ случиться что ему выгоднѣе согласиться на увеличеніе платы, чѣмъ переносить убытокъ, и бываютъ случаи, когда онъ дѣйствительно соглашается. Тѣмъ не менѣе омытъ забастовокъ и стачекъ доказываетъ наконецъ рабочимъ истину факта что ихъ шансы на успѣхъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ они долѣе могутъ упорствовать въ своемъ отказѣ отъ работы. Вотъ что повело къ учрежденію постоянной стачки или *trade union* съ ея системою аффилицій и поборовъ, назна-

ченыхъ для поддержанія стачекъ. При *trade union* обѣ причины неравенства указанныя выше исчезаютъ: рабочій, состоящій членомъ одной изъ этихъ ассоціацій, достигшихъ своего полнаго развитія, какова напиримѣръ ассоціація „соединенныхъ плотниковъ“, располагаетъ наравнѣ съ предпринимателемъ пространствомъ и временемъ. Благодаря сносеніямъ, которыя *trade union* поддерживаетъ со всѣми частями Англіи и даже до Австраліи, рабочій также легко можетъ отыскивать заработную плату тамъ гдѣ она выше, какъ и хозяинъ отыскивать себѣ рабочихъ тамъ гдѣ они дешевле. Благодаря капиталу, составившемуся отъ складчинъ въ частѣ общества, онъ можетъ оставлять непродуманными свои руки и умъ столько же времени сколько хозяинъ оставляетъ непродуманными свои капиталы. На будущее время обѣ стороны равны, и ни одинъ изъ договаривающихся не можетъ, развѣ только случайно и въ видѣ искаженія, притѣснить другихъ. Это результатъ значительный, болѣе значительный чѣмъ можно себѣ вообразить, ибо онъ устраиваетъ жалобу, составляющую краеугольный камень континентальнаго социализма: на эксплуатацію рабочаго хозяиномъ, труда капиталомъ. Рабочій, принадлежащій къ могущественному *trade union*, вполнѣ сознаетъ что эта эксплуатація не существуетъ, онъ создаетъ силу и независимость, которыя даетъ ему ассоціація, и каковы бы ни были волненія, производимыя движеніемъ *trade unions*, результата этого достаточно чтобы доказать ихъ пользу. Въ конечномъ результатѣ, эти учрежденія, вызвавшія столько порицаній со стороны близорукихъ консерваторовъ, болѣе всѣхъ другихъ причинъ предохраняли Англію отъ социализма и демагогіи, содѣйствуя устраниенію неравенства, искажавшаго систему прямыхъ и личныхъ отношеній между предпринимателями и рабочими.

Слѣдуетъ ли отсюда что прогрессъ долженъ на этомъ и остановиться? Забастовка привела къ коалиціи, а эта послѣдняя породила *trade union*. Въ свою очередь *trade union* должна подчиниться неизбежному перевороту: онъ слѣдуетъ посредникомъ, какіе существуютъ во всѣхъ сферахъ производства, и недостатокъ которыхъ ощущается только въ производствѣ труда. Между производителемъ зерноваго хлѣба и его потребителемъ существуетъ хлѣбный торговецъ, между плантаторомъ и мануфактуристомъ—бумажный negociantъ, между капиталистомъ и заемщикомъ—банкиръ. Меж-

ду рабочимъ, производителемъ труда, и промышленникомъ, потребляющимъ этотъ товаръ, не долженъ ли прогрессъ установить такого же посредника и подъ влияніемъ тѣхъ же самыхъ причинъ? И подобно тому какъ хлѣбный торговецъ оказываетъ услугу земледѣльцу и потребителю хлѣба, бумажный торговецъ лавватору и мануфактуристу, банкиръ капиталисту и заемщику, не очевидно ли что посредникъ, общество производящее торговлю трудомъ,—составлено ли оно самими рабочими или помимо ихъ,—оказалъ бы такую же услугу и промышленникамъ и рабочимъ. При настоящемъ положеніи отношеній прамыхъ и личныхъ, промышленники принуждены покупать трудъ въ розницу у каждаго рабочаго и никогда не увѣрены что этотъ товаръ будетъ доставляемъ имъ правильно и постоянно. Сверхъ того они обязаны покупать его наличными деньгами—рабочій, взятый отдѣльно, не можетъ имъ сдѣлать кредита. Насколько выгодно бы имъ было покупать его гуртомъ у посредника, который бы подрядился или поставялъ въ продолженіе опредѣленнаго времени необходимое число рабочихъ, или же выполнить собственными рабочими заводскія работы по опредѣленной такѣ и олтотъ! Они имѣли бы для правильнаго и своевременнаго выполненія этихъ работъ недостающую имъ гарантію: въ случаѣ невыполненія они могли бы выговорить вознагражденіе за убытки—дѣло невысказанное съ рабочими отдѣльно нанятыми; наконецъ они могли бы платитъ за поставку труда, какъ и за всякую другую поставку, купеческими срочными векселями и такимъ образомъ уменьшать въ значительной степени свой оборотный капиталъ. Для рабочихъ выгоды происходящія отъ учрежденія этого посредствующаго механизма, коего *trade union* есть зародышъ, были бы еще значительнѣе: на будущее время всякая эксплуатація была бы невозможна, трудъ имѣлъ бы свой коммерчески опредѣленный курсъ, какъ его имѣютъ зерновой хлѣбъ и хлопкъ,—„коммерчески“, говоримъ мы, то-есть по условію между сторонами одинаково владѣющими капиталами и одинаково располагающими пространствомъ и временемъ. Посредствующее общество, занимаясь специально изслѣдованіемъ потребностей рынка и заключающее контракты по такѣ самой выгодной для поставки труда, заключило бы въ свою очередь условія и съ ними, давая имъ средство участвовать во всѣхъ выгодахъ котормя его капиталъ и профессиональ-

ное знаніе торговли трудомъ доставили бы ему самому. Въ обмѣнъ на эти гарантіи и выгоды, оно могло бы подчинить своихъ кліентовъ спасительной дисциплинѣ, требовать отъ нихъ строгаго исполненія ихъ обязательствъ подъ страхомъ предоставленія ихъ личному одиночеству, которое теперь для нихъ губительно.

Для того кто свѣдѣть съ нѣкоторымъ вниманіемъ за экономическимъ переворотомъ совершившимся въ Англіи въ последнее полу столѣтіе въ оферѣ труда, свѣдѣніемъ котораго было возникновеніе и прогрессивное развитіе *trade unions*, таково дѣйствительно направленіе принимаемое этимъ движеніемъ, и таковыми являются ближайшія послѣдствія, а послѣдствія въ высшей степени благотворныя, такъ какъ они заключаютъ въ себѣ умиротвореніе отношеній между хозяевами и рабочими. Нужно ли прибавлять что это движеніе и его послѣдствія совершенно ускользаютъ отъ близорукихъ глазъ консерваторовъ нашей свѣдственной комиссіи? Для нихъ нынѣшняя система отношеній хозяевъ и рабочихъ есть крайній предѣлъ прогресса и все что имѣетъ цѣль изменить его, должно быть отвергнуто, какъ опасная утопія. Вотъ почему комиссія усиливается набросить тѣнь на судикальныя палаты рабочихъ, которыя начали основываться въ послѣдніе годы въ Парижѣ по примѣру судикальныхъ палатъ предпринимателей. Докладъ г. Луи Фавра представляетъ объ этихъ послѣднихъ нѣкоторыя свѣдѣнія не лишены интереса и я привожу ихъ вкратцѣ.

Въ Парижѣ существуютъ двѣ категоріи судикальныхъ палатъ-хозяевъ: 1) Тѣ которыя группируются въ союзы и имѣютъ общее мѣстопребываніе и общіе статуты; 2) тѣ которыя живутъ отдѣльною жизнью.

Первая категорія подраздѣляется: 1) Судикальныя палаты, такъ-называемыя палаты о постройкѣ, которыя заключаютъ въ себѣ соединеніе одиннадцати палатъ предпринимателей: плотниковъ, каменщиковъ, мостовщиковъ, печниковъ, слесарей, маляровъ, стекольщиковъ, зеркальниковъ, каретниковъ, шорниковъ, обойщиковъ, кузнецовъ и мѣдниковъ. 2) Группа носящая названіе *Национальнаго Союза* и состоящая изъ 75 палатъ промышленниковъ и торговцевъ.

Во второй категоріи принадлежатъ 22 палаты организованныя отдѣльно, въ числѣ коихъ находится палата ткачей, одна изъ важнѣйшихъ.



Большая часть палатъ возникла послѣ политическаго движенія 1848 года. Тѣ которыя относятся къ прѣшествовавшему времени, составлены изъ отраслей промышленности и торговли относящихся къ снабженію Парижа или къ постройки зданий. Можно упомянуть напримѣръ торговую палату голландца, которая есть остатокъ старинныхъ корпорацій и происхождение которой относится къ незапамятному времени. Всѣ эти палаты, конхъ бюро возобновляются въ опредѣленные сроки, формируются посредствомъ выборовъ. Цѣлыя учрежденія формулованы, впрочемъ, выраженіями довольно неопредѣленными: наблюденіе за профессиональными интересами, охраненіе оныхъ, безопасность и благосостояніе торговли. Они главнымъ образомъ имѣютъ въ виду устраненіе всегда очень начетистаго вмѣшательства дѣльцовъ и посредниковъ. Такимъ образомъ *Национальный Союзъ* предоставляетъ почти безвозмездно къ услугамъ своихъ членовъ: 1) Бюро тяжбныхъ дѣлъ, коему поручается давать словесныя консультациі и вести тяжбныя дѣла всякаго рода; 2) справочное бюро, имѣющее средства сообщать членамъ о состоятельности и нравственности лицъ съ которыми они находятъ въ дѣловыхъ отношеніяхъ; 3) страховое бюро для повѣрки полисовъ; 4) бюро о патентахъ на изобрѣтенія, занимающееся переговорами о патентахъ и полученіемъ ихъ, храненіемъ образцовъ и фабричныхъ клеймъ, преслѣдованіемъ за контрафакцію; 5) лабораторію промышленной химіи; 6) бюро чистоты, издающее періодическій журналъ и ежегодникъ. Всѣ эти услуги подчинены наблюденію общаго синдиката, состоящаго изъ бюро каждой изъ 75 палатъ Союза и подъ главнымъ руководствомъ директора, настоящаго предпринимателя услугъ Союза, который за 30 фр. ежегодно взимаемыхъ исключительно въ его пользу съ cadaго изъ членовъ, принимаетъ на себя покрытие всѣхъ расходовъ, содержаніе случившихъ при различныхъ бюро, доставленіе помѣщеній для собраній, созваніе членовъ и даже вербовку новыхъ.

Во время всемірной выставки 1867 года, рабочіе, ссылаясь на существованіе палатъ хозяевъ, спрашивали дозволено ли имъ будетъ въ свою очередь устроить синдикальныя палаты. Въ докладѣ отъ 30го марта 1868 года министръ г. де-Форестъ-Ларокеттъ далъ на этотъ вопросъ благопріятный отвѣтъ. Въ видѣ послѣдствія этого палаты начали организоваться, и число ихъ простирается до 50, заключающихъ въ себѣ около

25.000 рабочихъ, хотя о нихъ и не имѣется точныхъ статистическихъ данныхъ. Между ними слѣдственная коммиссія указываетъ палату часовщиковъ, имѣющую слѣдующій составъ: 1) Посobie не имѣющимъ занятій рабочимъ основаніемъ пріюта; 2) устройство справочнаго бюро, гдѣ рабочіе могутъ узнавать о вакантныхъ мѣстахъ; 3) делегация посредническихъ коммиссій, имѣющихъ цѣлью улаживать полюбовно распри съ хозяевами, желающими согласія; 4) изученіе вопросовъ могущихъ содѣйствовать физическому и нравственному улучшенію быта рабочихъ; 5) централизація справокъ относящихся къ обученію; 6) самое дѣятельное содѣйствіе къ улучшенію часової промышленности. Можно также замѣтить синдикальную палату рабочихъ на обоимъ фабрикахъ, которой удалось уладить много столкновеній назначеніемъ делегатовъ, кои было поручено условиться съ делегатами отъ хозяевъ; палату маляровъ, бронзовщиковъ, башмачниковъ, машинистовъ, столяровъ, портныхъ и палату типографчиковъ. Программы этихъ палатъ тождественны, но по свѣдѣніямъ собранымъ слѣдственной коммиссіей, движеніе ихъ не очень дѣятельно. Палаты устраиваются съ трудомъ. Складчина не уплачивается. Такъ напримѣръ въ Парижѣ существуютъ отъ 19 до 25 тысячъ рабочихъ портныхъ; отъ 1.000 до 1.200 изъ нихъ интересуются движеніемъ; 500 дѣлаютъ нѣкоторыя пожертвованія, едва 300 входятъ въ составъ синдикальной палаты, къ которой тѣмъ не менѣе въ минуту кризиса желаетъ воссоединиться вся профессія. Между бронзовщиками то же явленіе, тѣ же явленія и тѣ же результаты. Было бы справедливо однако, не безъ основанія замѣчать оцѣнку изъ докладчиковъ, г. Луи Фавръ, судить о будущемъ синдикальныхъ палатъ по первому неуспѣху. Если онѣ не успѣли устроиться, онѣ все-таки устроятся наконецъ. Желательно ли чтобы онѣ этого достигли? На этотъ вопросъ докладчики отвѣчаютъ отрицательно. Они радуются что движеніе синдикальныхъ палатъ до сихъ поръ не распространилось въ провинціи и одна изъ нихъ, г. Дюкарръ, приравняетъ ихъ даже къ Бабѣфизму. „Въ Парижѣ, говоритъ онъ, программа синдикатовъ находитъ наиболѣе сторонниковъ: численность ихъ простирается тамъ, какъ говорятъ, до 25.000. Чтобы помѣнить эту цифру слѣдуетъ припомнить что въ 1793 году коммиссія Бабѣфа считала въ нихъ 17.000 членовъ.“ Настоящая коммиссія идетъ еще далѣе: она упоминаетъ съ виднымъ удовольствіемъ

твiемъ о многочисленныхъ желанiяхъ хозяевъ въ пользу возстановленiя прежнихъ законовъ о коалиціяхъ, отмѣненныхъ Имперiей въ 1864 году; она приводитъ даже соображенiя на слованiи конхъ Парижская торговая палата мотивируетъ это желанiе?

„Постоянное повышенiе ручной работы, говоритъ докладчикъ торговой палаты, поведетъ къ неизбѣжному паденiю нашихъ промышленныхъ продуктовъ. Подъ влiянiемъ законовъ 1864 года всякое промышленное предпріятiе основанное на ручной работѣ сдѣлалось опаснымъ съ финансовой точки рѣнія.... Свобода нарушена не только въ лицѣ хозяевъ; рабочая ассоціація не болѣе уважаетъ ее и въ лицѣ рабочаго, которому она предписываетъ свой законъ....“ Торговая палата заключаетъ такъ: „Соображаясь съ мнѣнiемъ большинства синдикальныхъ палатъ (хозяевъ) и руководствуясь чувствами заинтересованныхъ, палата большинствомъ девяти голосовъ противъ семи выражаетъ желанiе объ отмѣнѣ закона 5 мая 1864 года; она полагаетъ что эта мѣра положить конецъ гибельнымъ раздорамъ, возникающимъ между хозяевами рабочими.“ Это заключенiе Парижской торговой палаты, надо сказать правду, вѣрно выражаетъ мнѣнiя и тенденціи громаднаго большинства нашихъ промышленниковъ, а не слѣдуетъ удивляться если слѣдственная коммиссія приняла его благопріятно, хотя она и отступила предъ выраженiемъ общаго желанiя о возстановленiи закона противъ коалицій. Но не заключается ли это желанiе въ ея формулѣ о прямыхъ и индивидуальныхъ отношенiяхъ между хозяевами и рабочими? Если формула эта есть выраженiе стимы въ дѣлѣ заработной платы, если невозможно придумать никакого другаго способа отношенiй и вознагражденiй за трудъ, то не слѣдуетъ ли запретить все что отъ него уклоняется? Не слѣдуетъ ли запретить разомъ коалиціи, *trade unions* и синдикальныя палаты, такъ чтобы рабочiй былъ всегда поставленъ лично и непосредственно предъ промышленниками безъ возможности прибѣгать къ какому-либо посредничеству или къ какой-либо вышней поддержкѣ? Слѣдуетъ ли Парижской торговой палатѣ, которая въ этомъ случаѣ является довольно наивною и мало заботится о противорѣчiяхъ, не единственное ли это дѣйствительное средство обновить разомъ и „постоянное повышенiе ручной работы“ и положить конецъ „гибельнымъ раздорамъ“ возникаю-

щимъ между хозяевами и рабочими"? Очевидно что то злева были бы въ восторгѣ еслибы повышение на ручную работу оставовилось, но раздѣляли ли бы рабочіе этотъ восторгъ и чувства ихъ относительно ихъ хозяевъ улучшились бы? Вотъ до чего дѣлаи теперь наши промышленники консерваторы. Еслибы только послушать ихъ, то пришлось бы возстановить въ ихъ пользу ту систему покровительства противъ рабочаго которая была дополненіемъ къ системѣ покровительства противъ потребителя и которую Имперія, несмотря на множество неизвинительныхъ ошибокъ, чинила по крайней мѣрѣ достоинство уничтожить. Конечно не возможно еще дѣлать слишкомъ большихъ и близкихъ надеждъ на пользу которую могли бы извлечь для себя наши рабочіе изъ свободы предоставленной имъ въ 1864 году, и которая, впрочемъ, далеко не равняется той какою пользуются англійскіе рабочіе; многіе вѣроятіа что прогрессъ, на который я указывалъ выше, въ организаціи и развитіи торговли трудомъ,—прогрессъ, началом коего были *trade unions*, осуществится въ Англіи гораздо скорѣе чѣмъ во Франціи, но не прискорбно ли видѣть что въ этомъ вопросѣ, какъ и во многихъ другихъ, наши руководящіе классы отступаютъ назадъ и не видятъ иного спасенія для себя какъ въ возстановленіи законовъ самыхъ несправедливыхъ и притѣснительныхъ? Благодаря Бога, не въ этомъ заключается спасеніе. Средство противъ злоупотребленій свободы во Франціи заключается не въ возстановленіи законовъ о коалиціяхъ, также какъ въ Россіи оно не заключалось въ возстановленіи крѣпостнаго состоянія. Оно заключается въ развитіи и естественномъ усовершенствованіи экономического организма, совершающихся постепенно подѣ покровительствомъ и по внушенію самой свободы.

Г. ДЕ-МОЛИНАРИ.

---

## ВОСКРЕСЕНЬЕ ВЪ БЕРЛИНѢ

---

Когда подъѣзжаешь къ какому-либо городу въ Россіи, прежде всего, иногда верстъ за пять или даже за десять, начинаешь сверкать аркіа звѣзды отъ золотыхъ и вызолоченныхъ местовъ и куполовъ, потомъ яснѣе и яснѣе обрисовываются мнѣя церкви, которыя въ большинствѣ случаевъ и составляютъ главную часть картины города. Видъ Берлина не имѣетъ чего подобнаго. Расположенный на совершенно гладкой равнинѣ, онъ представляетъ собою однообразную темносѣрую массу домовъ, надъ которыми вѣчно разстилаются облака дыма и часто, конечно, въ соединеніи съ пылью. Изъ этой однообразной массы выдаются только куполъ на королевскомъ дворцѣ, новая еврейская синагога и двѣ вызолоченныя фигуры на двухъ церквахъ близъ театра, которыя впрочемъ не памятники, чѣмъ церкви въ собственномъ смыслѣ. Императору Великому понравились двѣ церкви въ Римѣ, и онъ захотѣлъ по образцу ихъ построить двѣ церкви въ Берлинѣ, по нимъ сторонамъ театра. Вызолоченныя фигуры на этихъ церквахъ, принимаемыя обыкновенно за изображенія святыхъ христіанской церкви, на самомъ дѣлѣ представляютъ а Добродѣтель, а другая Религію. Никакихъ другихъ крестовъ не видно, какъ будто въ Берлинѣ ихъ и совсѣмъ нѣтъ. Только когда путешественнику приходится проѣзжать отъ въ разныхъ направленіяхъ, онъ замѣчаетъ что и въ Берлинѣ имѣются церкви, хотя по внѣшнему виду нѣко

торыхъ изъ нихъ и трудно предположить чтобъ онѣ служили мѣстомъ собранія христіанъ современнаго намъ Берлина. Русскія церкви, даже въ самыхъ глухихъ селахъ, всегда имѣютъ видъ какъ будто онѣ только-что выштукатурены и выкрашены. Лютеранскія церкви въ Петербургѣ и Москвѣ въ этомъ отношеніи ничѣмъ не отличаются отъ церквей русскихъ. Въ Берлинѣ же большинство церквей совершенно почернѣли, какъ будто онѣ за непригодностью совсѣмъ заброшены, въ теченіе вѣковъ покрылись пылью и теперь ждутъ только своей очереди разрушенія. Еслибы Вавилонская башня уцѣлѣла до нашего времени, она не могла бы почернѣть и залесневѣть болѣе чѣмъ церковь Николая; еще не видалъ катакомбъ въ Римѣ, но не думаю чтобъ изстѣны были болѣе мрачны, чѣмъ наружный видъ церквей *Spittelkirche, Marien, Dreifaltigkeits, Jerusalem*. При видѣ этой заброшенности церквей, къ которымъ какъ будто уже давно „заросла народная тропа“, Русскому извинительно подумать что въ настоящее время церковь въ Берлинѣ должно-быть одно „преданье старинныя глубокой“.

И однакожь еслибы кто опросилъ: укажите мнѣ городъ гдѣ по преимуществу отражались бы всѣ церковныя и религіозныя вопросы нашего времени? Трудно было бы не назвать именно Берлинъ центромъ всей современной многосложной борьбы на Западѣ между церковью и государствомъ. Да и гдѣ, ни въ Лондонѣ, ни въ Парижѣ, ни въ Вѣнѣ, ни даже въ самомъ Римѣ, не принимаются такъ живо къ сердцу всѣ подобныя вопросы какъ именно въ Берлинѣ.

Посмотрите на канцлера Имперіи. Чтò-то тревожное творится на Балканскомъ полуостровѣ; вся европейская печать заговорила о Восточномъ вопросѣ; депеша слѣдуетъ за депешей; всѣ дипломаты устремили все свое вниманіе на эту новую точку. Но все это движеніе повидимому совершенно не касается князя Бисмарка. По изображенію сатирическаго листка, среди всеобщей суеты онъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ сидитъ у раскрытаго окна и преспокойно покуриваетъ трубку. \* Вотъ что-то шумятъ въ Парижѣ: Бисмаркъ наклоняетъ нѣсколько голову и прислушивается; но все это не кладетъ морщинки на его чело и нисколько не прерываетъ его куренія.

\* Именно въ такомъ видѣ представляется отношеніе Бисмарка къ Восточному вопросу кажется въ *Kladderadatsch*.

стуетъ ему сѣднть за фантастическими образами дыма. Но вотъ подали делешу изъ Рима, и канцлеръ измѣнился въ лицѣ, трубка отложена въ сторону, прежнее хладнокровіе исчезло, брови сдвинулись, лобъ испещренъ морщинами, всѣ нервы въ напряженіи, какъ у атлета на древнихъ статуяхъ. О чемъ свидѣтельствуетъ подобное явленіе? О томъ ли что въ Берлинѣ церковные вопросы потеряли свое значеніе!? Думаю что не о томъ.

Если отъ дипломатіи и политики обратимся къ наукѣ, то и въ ней увидимъ то же явленіе. Возьмемъ Берлинскій Университетъ. Оставимъ въ сторонѣ факультетъ богословскій, потому что борьба съ Римомъ въ немъ предполагается сама собою; возьмемъ другіе факультеты. Вотъ профессоръ Дройзенъ читаетъ гражданскую исторію, но и онъ не опустил случая вопросъ религиозный выдвинуть на первое мѣсто. Разумно его краткій очеркъ фебреліанизма и нѣмецкаго католицизма въ одной изъ лекцій текущаго семестра. Дюрингъ (Dühring), философъ и экономистъ, но и онъ съ религиозной борьбы началъ свои вечерніа бесѣды. Вирховъ (Virchow) профессоръ патологической анатоміи и гистологіи, и однакожь съезъ вужнымъ прочесть публичную лекцію *Die gegenwärtige kirchlich-politische Lage*.

Искусство всегда еще яснѣе отражаетъ духъ времени чѣмъ наука. Въ Берлинскомъ Пассажѣ сосредоточено все чтобы заинтересовать публичку. Какіе же именно предметы вожены самыми привлекательными? Новый ли лампачикъ юбѣдѣ надъ Французами? Наглядное ли изображеніе пяти миллиардовъ? Музы ли Греціи и Венера Медицейская? Со- сѣмъ не то. Самая выдающаяся картина, около которой вчно собирается самая многочисленная толпа—это двѣ во- ковыя фигуры въ ростъ человека: *Klosterskellermeister, Ru- iman und die Obermagd Kerhildis*. За симъ картины: *Koch und Kellermeister, Die Weinprobe*. Далѣе безчисленныя вари- ции на ту же тему, въ маленькихъ фотографическихъ кар- очкахъ: *Der Bischof, Die Unfehlbarkeit, Ist das nicht ein from- mer Bruder?* По поводу одной палской энциклаики кажется ввладцать разныхъ видовъ. *Die Mönche, Die Bluthochzeit in Jesuitenstücklein....* вотъ темы воодушевляющія художни- овъ и чарующія публичку....

Итакъ, съ одной стороны, церкви какъ будто сданныя въ

архивъ, и утѣренія нѣкоторыхъ газетъ и журналовъ въ томъ же смыслѣ; съ другой, самый живой интересъ къ церковнымъ вопросамъ всюду, въ политикѣ, наукѣ, искусствѣ! Что вѣрнѣе и болѣе отвѣчаетъ дѣйствительному положенію дѣла? Поиду въ тѣ церкви которыя мнѣ показались заброшенными. Можетъ-быть внутри онѣ не таковы какъ представляются снаружи.

Берлинскія церкви въ будни обыкновенно залерты. Естественно нужно воспользоваться воскресеньемъ.

Въ *Berliner Intelligenz-Blatt* и въ *Berliner Fremden- und Anzeigebblatt* обыкновенно заранее печатается расписание когда, гдѣ и какого рода богослуженіе будетъ происходить во всѣхъ берлинскихъ церквахъ въ воскресенье и въ другіе дни недѣли, еслибы гдѣ таковое было предложено. Форма этихъ объявленій слѣдующая: „*Parochial. Pred. Naatz. Vorm. 10 Uhr. Sonntagschule Mitt. 12 U. Pred. Ziethe Ab. 6 U. Dom. 4 Uhr biblische Besprechung mit Männern und Junglingen. Französisch. Kirche 3, Uhr...*“ и т. д. Изъ расписанія оказывается что въ Берлинѣ всѣхъ церквей съ капеллами около 50. Это же расписание даетъ возможность заранее составить планъ какъ воспользоваться временемъ въ воскресенье. Обычай добрый. Желающіе благочестиво провести означенный день могутъ начать пѣть церковныя гимны и слушать поученія съ ранняго утра и, переходя изъ церкви въ церковь, поучаться до глубокаго вечера.

Къ воскресному богослуженію есть нѣкоторое приготовленіе. Именно, воскресной школь (*Sonntagschule*), или что одно и то же, богослуженію для дѣтей (*Kindergottesdienst*) предшествуетъ предварительное приготовленіе самихъ учителей воскресныхъ школъ (*Vorbereitung zur Sontagschule*). Слѣдуя и я тому же самому порядку и еще въ пятницу вечеромъ отправляюсь въ *Stifts Kapelle* (Oranienburgstr. 76 а), гдѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, предложено приготовленіе къ воскресной школь.

Приготовленіе происходило не въ самой церкви, а въ отдѣльной капеллѣ. Собралось 18 человекъ: два учителя и 16 учительницъ. Когда пришелъ проповѣдникъ, онъ прежде всего прочиталъ краткую молитву, затѣмъ всѣ вмѣстѣ пропѣли два пункта изъ *Kinderharfe Liederbuch für Evangel. Sonntagschulen*, гдѣ собраны гимны удобопонятныя для дѣтей. Это



была въ сущности слѣвка для дѣтскаго богослуженія въ церкви. Далѣе проповѣдникъ объявлялъ что для воскресной школы назначается 20 гл. *Дѣян. Апост.* отъ 2 ст. по 12 и самъ прочелъ второй стихъ, третій прочла одна изъ учительницъ, четвертый начала читать слѣдующая по порядку. Нужно замѣтить что въ этомъ стихѣ много собственныхъ именъ: Sopater von Veröa, Aristarchus, Gajus von Derbe, Timotheus und Tro... Trophimus. Послѣдніе звуки этого слова окончились звонкимъ смѣхомъ читавшей.

Не знаю что именно послужило главною причиною къ смѣху. Мнѣ показалось что читавшая никакъ не ожидала встрѣтить въ *Дѣяніяхъ Апостольскихъ* слова: „Трофимъ“ и, разобравъ его почти по складамъ, не могла удержаться отъ смѣха. Это можетъ случиться и не съ пятнадцатилѣтнею учительницей. Вѣдь разказываютъ же про одного англійскаго чтеца ларемій какъ онъ видимо затруднялся многократнымъ перечисленіемъ въ книгѣ пророка Давида именъ Сидраха, Мисаха и Авденаго и какъ наконецъ разсѣкъ Гордіевъ узелъ; въ началѣ кое-какъ ихъ перечислялъ, а во всѣхъ остальныхъ стихахъ гдѣ уломяются эти имена замѣлялъ ихъ словами „вышеупомянутые джегтамены“.

Смѣхъ заразительнъ, особенно во всѣхъ случаяхъ подобныхъ настоящему. Всѣ другія учительницы, читая по порядку дальѣйшіе стихи, не могли освободиться отъ этого впечатлѣнія. Но оно висколько не коснулось проповѣдника. Его характеръ весьма выдержанъ; онъ прошелъ добрую школу; въ его лѣта многіе другіе проповѣдники не удержались бы отъ улыбки.

По прочтеніи означенныхъ стиховъ, проповѣдникъ сталъ предлагать различные вопросы учителямъ и учительницамъ: какое главное содержаніе прочитаннаго; что значитъ преломленіе хлѣба, первый день недѣли, на какое богослуженіе указываютъ слова: „Павелъ простеръ слово до полуночи и бесѣдовалъ съ ними до наступленія дня“; подробности о юности Эвтихія, и т. д. Почти на всѣ эти вопросы проповѣдникъ получалъ удовлетворительные отвѣты и присоединялъ къ нимъ только краткія дополненія. Въ заключеніе, какъ и вначалѣ, всѣ вмѣстѣ прочли нѣскольکو строкъ изъ той же книжки дѣтскаго богослуженія.

Подобное предварительное приготовленіе къ воскресной школѣ, не представляя ничего особеннаго, имѣетъ однакожъ

весьма важное значеніе въ томъ отношеніи что, вопервыхъ, учителя и учительницы являются въ школу дѣйствительно подготовленными; вторыхъ, всѣ дѣйствуютъ въ одномъ и томъ же направленіи и всѣ одинаково объясняютъ избранное мѣсто Писанія и главное, приготовленіе это представляетъ твердую и несомнѣнную гарантію въ томъ что въ воскресной школѣ дѣйствительно преподается только то что въ ней должно преподаваться по взгляду самого настоятеля церкви, представителя той или другой общины.

*Stifts-Kapelle*, гдѣ происходило приготовленіе къ воскресной школѣ, стоитъ почти напротивъ новой еврейской синагоги, о которой я упоминалъ въ своихъ начальныхъ строкахъ. Когда я выходилъ изъ капеллы, въ синагогѣ происходило вечернее богослуженіе, и я воспользовался удобнымъ случаемъ для осмотра ея внутренняго устройства. Эта синагога безусловно лучше всѣхъ другихъ церквей въ Берляѣ. Красива она снаружи, но еще изящнѣе внутри. Во время вечерняго богослуженія, внутренняя скинія, при роскошномъ газовомъ освѣщеніи, представляетъ величественную картину, и я, при входѣ, конечно, не замедлилъ снять шляпу, но это возбудило почти такую же тревогу со стороны блюстителей церковнаго порядка какъ еслибы кто-нибудь во время православнаго богослуженія вздумалъ надѣть шляпу. Что считается преступленіемъ у однихъ, составляетъ положительное предписаніе у другихъ.

Новая синагога принадлежитъ, такъ-сказать, старо-Евреямъ. Въ Берлинѣ есть еще реформированное іудейство. Въ чемъ состоитъ сущность означенной реформаціи, я не знаю; изъ словъ своего сосѣда старо-Еврея могъ узнать только что приверженцы реформаторскаго направленія—*воскресники*; конечно не въ томъ смыслѣ что признаютъ воскресеніе Іисуса Христа, а только въ томъ что перенесли свою субботу на воскресенье; кромѣ того, они ввели нѣмецкій языкъ вмѣсто еврейскаго. Впрочемъ въ этомъ посаѣднемъ отношеніи и сами старо-Евреи не особенные старовѣры. Многія молитвы раввинъ читалъ по-нѣмецки; на томъ же языкѣ произносятся и поученія. Наши домашніе, вилевскіе старовѣры Евреи могутъ видѣть изъ этого что введеніе отечественнаго языка въ богослуженіе нисколько не ослабитъ его внутренняго значенія, и я искренно пожелалъ имъ чтобъ они въ Вильнѣ построили подобную же благообразную скинію и ввели бы въ свое бого-

служеніе лучшей порядокъ, чѣмъ какой господствуетъ у нихъ въ настоящее время. Особенно время бы совзять имъ совершенную неумѣтность ихъ обычной, довольно причудливой формы молитвы въ вагонахъ желѣзной дороги. За границей, конечно, много Евреевъ, но мнѣ ни разу не приходилось встрѣчать здѣсь того явленія которое такъ обычно близъ Динабурга и Вильны.

Въ *Stifts-Kapelle* и въ новой еврейской синагогѣ я былъ въ пятницу вечеромъ. Въ воскресенье, то было 3 октября, прежде всего отправился въ *Dorotheenstadt*, церковь ближайшую отъ моего мѣстожительства и которую путеводитель по Берлину причисляетъ *zu den äusserlich hübschesten Kirchen*. Среди берлинскихъ церквей она дѣйствительно составляетъ замѣчательное исключеніе и, возобновленная въ 1868 году, не имѣетъ того мрачнаго вида какъ многія другія церкви въ Берлинѣ.

Внутри церкви нѣтъ иконостаса; но иконъ довольно. На престолѣ, который по виду ничѣмъ не отличается отъ престола въ православныхъ церквахъ, по срединѣ стоитъ небольшое вылитое распятіе; предъ нимъ лежитъ Библія въ бархатномъ золото-обрѣзномъ переплетѣ; по обѣимъ сторонамъ горятъ восковыя свѣчи; за престоломъ слѣдующія иконы: Рождество Христово, Воскресшій Христосъ, Апостолы Петръ и Павелъ. Мнѣ конечно не безмѣлство что протестанты не признаютъ иконъ. Говоря такимъ образомъ, я хотѣлъ только сказать что по внутреннему устройству церковь вполнѣ отвѣчаетъ обычному русскому понятію о храмѣ, и что тѣ же самыя изображенія безъ всякой перемѣны могли бы быть перенесены въ православныя храмы и конечно назывались бы иконами. Единственное исключеніе составила бы небольшая мѣдная статуя Лютера, поставленная на особомъ возвышеніи прямо противъ проповѣднической кафедры.

При входѣ въ церковь кистеръ предложилъ книгу. Ея заглавіе слѣдующее: *Gesangbuch zum Gottesdienstlichen Gebrauch für Evangelische Gemeinden*. Многіе, говоря о послѣдователяхъ реформациі XVI столѣтія, называютъ ихъ безразлично то протестантами, то евангеликами. Но подобное смѣшеніе понятій—совершенноый произволъ и стоитъ въ прямомъ противорѣчій съ историческими фактами. Въ XVI, XVII и XVIII столѣтіяхъ евангеликовъ не было; тогда были лютеране,

кальвинисты и многія другія богословскія направленія и секты. Почти всѣ они отличались крайнею исключительностію: кальвинисты часто ненавидѣли лютеранъ больше чѣмъ самихъ католиковъ; съ своей стороны, лютеране не рѣдко писали сочиненія на тему: „Почему имѣть любезнѣе общеніе съ Турками и магометанами, нежели съ кальвинистами?“ Много было попытокъ къ примиренію враждующихъ сторонъ, особенно во время синкретическихъ и лигиистическихъ споровъ, но всѣ онѣ оказывались безуспѣшными. Только послѣ событій конца прошедшаго столѣтія многіе ясно сознали какъ неумѣстна борьба изъ-за мелочныхъ схоластическихъ тонкостей, при видѣ общаго и болѣе страшнаго врага. Прусское правительство употребило всѣ средства чтобъ осуществить на дѣлѣ эту новаго рода унию. Результатомъ именно этихъ усилій явилась такъ-называемая „Евангелическая“ церковь и слѣдовательно такъ-называемые евангелики. Послѣ перваго предисловія къ *Gesangbuch* означено: *Berlin, den 25 Aug. 1829*; это и есть день рожденія „евангелической“ церкви. Есть въ Берлинѣ и древне-лютеранская церковь (*Annenstrasse 52*), но она считается и поставлена въ расписаніи *ausserhalb der Landeskirche*, наравнѣ съ различными сектами.

Въ *Gesangbuch* всѣхъ пѣсней 950; изъ оглавленія приложеннаго въ концѣ книги видно что все это обще-христіанскія молитвы и обще-назидательныя гимны, безъ всякаго отъѣва борьбы съ какими-либо партіями.

Предъ началомъ богослуженія сыграна была на органѣ *Melodie*, т.-е. пѣнь или гласъ для показанія того какъ именно нужно пѣть тѣ гимны, нумера которыхъ были означены на особыхъ доскахъ по обѣимъ сторонамъ храма. За симъ нѣсколько стиховъ пропѣлъ хоръ, состоявшій изъ 15 человекъ мужчинъ и женщинъ. Далѣе слѣдовало общее пѣніе при аккомпанементѣ органа.

Когда въ Виенской семинаріи существовало общее пѣніе всѣхъ воспитанниковъ семинаріи въ числѣ 300 человекъ, многіе нарочно прѣзжали изъ Москвы чтобы прослушать богослуженіе именно въ семинаріи и выносили самое глубокое и отрадное впечатлѣніе. Но еще сильнѣе и неострашимѣе вліяніе общаго пѣнія на самихъ поющихъ. И я рѣшительно не понимаю во имя какихъ соображеній оно потому почти совсѣмъ уничтожено. Во всѣхъ училищахъ и школахъ пѣніе должно бы составлять одно изъ существенныхъ средствъ воспитанія.

Что касается въ частности органовъ, то вопросъ о нихъ тѣсно связанъ съ другимъ болѣе общимъ вопросомъ о значеніи музыки вообще. Вилленскіе Евреи при пѣніи своихъ гимновъ заботятся, послѣ громогласности, главнымъ образомъ о своей независимости другъ отъ друга и введеніе того способа пѣнія какой существуетъ въ здѣшней новой еврейской синагогѣ вѣроятно долгое время стали бы считать вреднымъ для религіознаго чувства; потому что этотъ стройный хоръ, эти звуки органа стали бы развлекать ихъ мысль, и вмѣсто содержанія гимна сосредоточивали бы ихъ вниманіе на чисто вѣдшей гармоніи звуковъ. И они были бы правы; потому что въ первое время они дѣйствительно изъ синагоги выносили бы только впечатлѣніе чисто вѣдшаго свойства. Только съ теченіемъ времени многіе изъ нихъ поняли бы что музыка не только не противорѣчитъ религіозному чувству, но и выражаетъ и возвышаетъ его. Многіе, но не всѣ. Въ этомъ какъ и во многомъ другомъ сужденіе условливается столь разнообразными взглядами и состояніемъ духа что не возможно вывести одно общее правило. Одинъ молится усерднѣе въ простой сельской церкви, когда поетъ одинъ сельскій дѣлчокъ, другой при стройномъ хорѣ пѣвчихъ. Римскому католику противно пуританское пѣніе; пуританину ненавистна музыка которую въ Римѣ называютъ небесною. Когда въ церковной практикѣ рѣшался вопросъ о живописи, сужденія о ней были также не одинаковы. Одни изъ учителей церкви оласались допускать въ церкви какія-либо вѣдшія изображенія, чтобы мысли еще не окрѣвшихъ въ вѣрѣ не привязались къ нимъ какъ къ идоламъ, другіе, напротивъ, именно для слабыхъ въ вѣрѣ считали особенно цѣлесообразными священныя изображенія, потому что постоянно находясь предъ взоромъ вѣрующихъ, они обращаютъ ихъ взоры отъ предметовъ земныхъ къ небеснымъ, и чего люди не книжные не могли бы заимствовать изъ Библіи, то легко усвоятъ и изучаютъ при пособіи изображеній различныхъ библейскихъ предметовъ. Подобными же соображеніями условливается и различіе сужденій о значеніи музыки вообще и въ частности органовъ. Если смотрѣть на нихъ какъ на простое развлеченіе и услажденіе слуха, въ такомъ случаѣ, конечно, имъ мѣтъ мѣста въ церкви. Но органы въ сущности менѣе развлекаютъ мысль чѣмъ пѣніе посредственнаго хора; въ послѣднемъ случаѣ при различныхъ соло всегда является

какое-то оласеніе что вотъ голосъ лѣвца оборвется, сфальшивить въ тонѣ и под. Съ органами этого не можетъ случиться. Кромѣ того, и что особенно важно, при общемъ лѣвнѣ органъ играетъ роль хорошаго регента и цѣлаго хора. Онъ постоянно и мощно управляетъ всѣмъ лѣвнѣмъ, покрываетъ ошибки отдѣльных лѣвцовъ и придаетъ стройность лѣвнѣ, которое безъ него, вѣроятно, оказалось бы далеко не таковымъ. Я думаю даже что добрая половина всѣхъ собравшихся въ церкви отказалась бы отъ лѣвнѣя, еслибы не было органа; теперь же всѣ, и дѣти и старушки, поютъ отъ чистаго сердца, заранѣе увѣренныя что ихъ лѣвнѣ не нарушить гармонію, если только ихъ сердце не обуяли болѣе честолюбивыя помышленія.

Предъ окончаніемъ лѣвнѣя гимна, у престола появилась проповѣдникъ. Обратясь лицомъ къ народу, онъ началъ: „Во имя Отца“ и пр. прочиталъ нѣсколько молитвъ въ обще-христіанскомъ смыслѣ: „всемилосердый Боже“, „Наша помощь“, „Господи Боже, небесный Отче“; за симъ нѣсколько стиховъ изъ IV главы къ Ефесеямъ и потомъ „Вѣрую“ по символу такъ называемому апостольскому. Послѣ каждой молитвы хоръ отвѣчалъ: аминь; послѣ Апостола—аλληлуія. Началось снова общее лѣвнѣ; хоръ, помѣщавшійся на хорахъ, счелъ свое дѣло оконченнымъ и незамѣтно удалился чрезъ особыя двери. Проловѣдникъ, находившійся у престола, возвратился въ діакониконъ, или что то же, въ боковую капеллу.

На кафедрѣ взошелъ новый проповѣдникъ. Прежнему проповѣднику можно было смѣло дать лѣтъ 55; новому проповѣднику, по крайней мѣрѣ, осьмой десятокъ.

Мнѣ лично не нравятся слишкомъ молодые проповѣдники, особенно когда они начнутъ говорить о суетности міра, тщетѣ человѣческихъ усилій и под. Во всѣхъ такихъ случаяхъ мнѣ представляется что проповѣдникъ или говоритъ по заказу, или принадлежитъ къ лицамъ у которыхъ даже въ юности пухъ бьетса какъ у столѣтней старицы. Юноша говори о силѣ, энергіи, вступиай въ жизнь съ вѣрою и оставь старцамъ проповѣдывать о томъ на что они имѣютъ право, основываясь на своей долголѣтней опытности.

Проловѣдникъ, старецъ по своимъ лѣтамъ, по фамиліи *Vater*, прочиталъ съ кафедрѣ Евангеліе, именно повѣствованіе о исцѣленіи разслабленнаго, по Матею въ главѣ IX, и непосредственно затѣмъ началъ слово: „Нынѣ день благода-

ренія за добрую жатву; размыслимъ о благодарности къ Богу. Она 1) долаге справедливости; 2) истинно прекрасное свойство души, и 3) полезна. Самъ Духъ Святой да укрѣпитъ и ослушетъ“ и пр. За симъ перешелъ къ развитію каждой части въ отдѣльности. Мысли проповѣдника самыя обычныя; но онъ высказываетъ ихъ какъ будто бы онѣ были величайшія открытія, и сопровождаетъ свои слова тѣлодвиженіями съ истинно-юношескою энергіей. Нѣкоторое время я удивлялся, какъ можно такъ горячиться, высказывая такія простыя мысли, противъ которыхъ никто никогда не спорилъ и не подумаетъ спорить? Но самъ же проповѣдникъ помогъ разрѣшенію этой загадки. Вѣроятно онъ не подозрѣвалъ чтобы на хорахъ, непосредственно подавъ его кафедры, былъ какой-либо свидѣтель, а потому и не принялъ никакой предосторожности. Въ то время когда одна рука очень энергически поясняла слово, другая очень осторожно вытаскивала часы. Проповѣдникъ очень горячился и въ то же время, незамѣтно для слушателей, наблюдалъ за теченіемъ времени. Эта исторія вниманія часовъ повторилась въ теченіе проповѣди четыре раза и объяснила истинный источникъ одушевленія оратора.

Проповѣдь была написана предварительно; но проповѣдникъ почти не обращался къ рукописи и употреблялъ всѣ средства чтобъ отстранить отъ слушателей самое подозрѣніе въ ея существованіи. Листочки почтовой бумаги малаго формата тщательно были вшиты въ Библію и онъ обращался къ нимъ, какъ будто пріискивая текстъ. Подобное стараніе мнѣ показалось нѣсколько дѣтскимъ со стороны проповѣдника-старца. Обдуманное слово лучше необдуманнаго, и рукопись не есть свидѣтельство бездарности или невниманія къ дѣлу.

Какъ извѣстно, существуетъ много разказовъ объ усыпляющемъ вліяніи длинныхъ и скучныхъ протестантскихъ проповѣдей и о средствахъ какія въ разные времена были принимаемы протестантскими проповѣдниками для предотвращения этого зла; именно, какъ съ этою цѣлію они будто бы заводили въ церквахъ особаго рода стулья, съ которыхъ всякій задремавшій непремѣнно падалъ; какъ навивали особыхъ старичковъ, чтобъ они ходили по церкви и будили засылавшихъ; какъ снабжали церковныхъ сторожей особенными длинными палками разнаго фасона (съ подушечками на

концѣ, со щетками, или безъ оныхъ) чтобы будить спящихъ ударами по головѣ или треніемъ щеткою по лицу и пр. и пр. Всѣ подобныя сказанія по отношенію къ XVI и XVII столѣтіямъ нисколько не невѣроятны. Въ сущности вѣтъ ничего страшнаго и въ томъ обстоятельствѣ что крестьяне не въ состояніи слѣдить за словомъ проповѣдника въ теченіе цѣлаго часа. Но въ настоящемъ случаѣ проповѣдь продолжалась только 35 минутъ, и такъ какъ вниманіе собравшихся въ церкви не было утомлено предварительнымъ богослуженіемъ, продолжавшимся около 30 минутъ, то не было даже и повода къ какой-либо усталости. Все дамское общество (изъ 223 человекъ было только 16 мужчинъ) слѣдило за проповѣдью съ полнымъ вниманіемъ. Когда я былъ въ новой еврейской синагогѣ, тамъ женщины составляли едва пятую долю всѣхъ бывшихъ въ синагогѣ и притомъ онѣ разговаривали, смѣялись и дорприровали.

Предъ началомъ проповѣди церковь заперла, чтобы входящіе не развлекали вниманія слушающихъ. Средство, конечно, совершенно цѣлесообразное. По окончаніи проповѣди церковь снова отперла; многіе сочли все дѣло оконченнымъ и направились къ выходу. Время было отправиться и мнѣ.

Когда непосредственно за симъ я взшелъ въ *Dom* или Соборъ, проповѣдникъ *Stöcker* всходилъ на кафедру; прочиталъ то же самое Евангеліе, какъ и въ Доротеевской церкви; почти тѣми же словами началъ свою проповѣдь, какъ и *Vater*; во части дѣленія иныя: 1) жатва земная, и 2) жатва небесная. Церковь полна народа; всѣ мѣста заняты и многіе принуждены стоять; повидимому въ церкви болѣе 1.000 человекъ. Пролоповѣдникъ (онъ считается лучшимъ въ Берлинѣ) говорить съ одушевленіемъ; всѣ слушаютъ съ полнымъ вниманіемъ. Особенно хорошо было заключеніе слова, что жатва обширна, а дѣлателей мало, что само общество должно принять участіе въ приготовленіи дѣлателей и помочь тѣмъ кто готовится къ подобному дѣланію на богословскомъ факультетѣ въ университетѣ.

За симъ проповѣдникъ объявилъ о предстоящихъ бракахъ, прочиталъ молитву за императора, императорскій домъ, воинство и пр. Далѣе онъ же прочиталъ „Отче нашъ“, и въ заключеніе преложилъ общее благословеніе.

Посамышались стройные звуки хора, помѣщавшагося на хорахъ, за престоломъ. Въ хорѣ не менѣе 70 человекъ и одинъ



мушны, взрослые и мальчики. Хоръ замѣнялъ одинъ клирошь, а всѣ присутствовавшіе въ церкви—другой; первый стихъ пѣлъ хоръ, слѣдующій пѣли всѣ съ аккомпанементомъ органа. Это полеремѣнное и иногда совмѣстное пѣніе очень живо, и до его окончанія не выходили изъ церкви.

За симъ въ Соборѣ остались только тѣ кто желалъ причастаться. Литургія, какъ извѣстно, состоитъ изъ двухъ частей: литургіи оглашенныхъ и литургіи вѣрныхъ. Въ православной церкви обѣ части литургіи составляютъ одно непрерывное богослуженіе. Въ *Agende für die evangelische Kirche in den königlich-preussischen Landen. Berl. 1829*, та и другая часть литургіи составляютъ два отдѣльных богослуженія. Въ литургіи оглашенныхъ, послѣ Евангелія, обыкновенно говорится проповѣдь. Все сказанное выше относится именно къ этой части литургіи. По окончаніи ея почти всѣ уходятъ изъ церкви и остаются только одни причастники, для которыхъ особый проповѣдникъ и начинаетъ литургію вѣрныхъ словами: „Горѣ имѣемъ сердца“. Причастниковъ было человѣкъ около тридцати.

Берлинскій Соборъ по внѣшнему не отличается отъ самой обыкновенной церкви. Внутри также нѣтъ ничего особенно достопримѣчательнаго, за исключеніемъ запрестольной картины *Сошествіе Св. Духа* и другой мозаической—*Апостолъ Петръ* (подарокъ палы Льва XII Фридриху Вильгельму III). Русскій туристъ не можетъ не замѣтить что на престолахъ Соборѣ горятъ свѣчки, по видимому еще болѣе толстые, чѣмъ какіе въ обыкновенномъ употребленіи въ Москвѣ. За Соборомъ начата постройка новаго, болѣе обширнаго собора; но, какъ говорятъ, за недостаткомъ денегъ работа остановилась въ 1848 году; пять милліардовъ въ этомъ отношеніи еще не оказали вліянія, но надежда на продолженіе дѣла потеряна.

Было около 12 часовъ. Въ половинѣ перваго назначена воскресная школа въ *Parochial*, или что то же, въ Приходской церкви. Согласно съ заранее составленнымъ планомъ, я послѣдовалъ въ школу. Дѣти были уже въ церкви. Мальчики и дѣвочки, приблизительно отъ 5 до 13 лѣтъ, раздѣлялись на восемь группъ. Каждая группа занимала мѣсто поодаль отъ другой и имѣла своего отдѣльнаго учителя или учительницу. въ группы мальчиковъ (8+12); пять группъ дѣвочекъ (0+4+3+3+10); одна смѣшанная изъ мальчиковъ и дѣво-

чекъ (7); два учителя, шесть учительницъ. То что предварительно преподаано было проповѣдникомъ учителямъ и учительницамъ, теперь они сами преподавали и разъясняли дѣтямъ. Для воскресныхъ школъ, какъ оказывается, нѣтъ строго обязательнаго порядка въ избраніи текста. Въ *Stifts-Kapelle* текстомъ служила 20 гл. Дѣян. Апостольскихъ; здѣсь же, въ *Parochial*, Мѣ. XXII, 2—14 стихи. По простествіи получивъ взошелъ проповѣдникъ и за симъ начался тотъ же самый порядокъ какой мы уже видѣли въ *Stifts-Kapelle*. Прочли нѣсколько стиховъ изъ *Kinderharfe*; за симъ проповѣдникъ прочиталъ 2й стихъ означенной главы Евангелія Матвея; всѣ группы вмѣстѣ прочли 3й стихъ и т. д. попеременно. Потомъ проповѣдникъ сталъ предлагать дѣтямъ тѣ же самые вопросы какіе прежде предлагалъ учителямъ и учительницамъ, когда приготовлялъ ихъ къ воскресной школѣ. Послѣ того или другаго вопроса онъ обыкновенно спрашиваетъ: кто скажетъ? Знающіе вскакиваютъ или поднимаютъ руку, причемъ онъ предоставляет говорить обыкновенно сначала маленькимъ, а потомъ болѣе взрослымъ. При такомъ способѣ веденія дѣтъ, дѣти менѣе способныя не подвергаются особенному униженію и слѣдовательно не теряютъ охоты учиться въ воскресныхъ школахъ. По отвѣтамъ дѣтей проповѣдникъ имѣетъ полную возможность судить все ли и то ли именно преподаано дѣтямъ что, по его мнѣнію, имъ нужно знать.

Мнѣ хотѣлось узнать, кто именно учителя и учительницы въ воскресныхъ школахъ, какія отъ нихъ требованія и условія. При выходѣ изъ церкви, я спросилъ объ этомъ одного изъ учителей; онъ отвѣтилъ что въ воскресныхъ школахъ учатъ болѣею частью ученики и ученицы гимназій высшихъ классовъ; никакихъ формальностей нѣтъ и все зависитъ отъ усмотрѣнія проповѣдника, что онъ самъ преподаетъ потому что „это очень интересно и мои родители желаютъ“, что въ церкви Іоанна, въ Моабитѣ, число дѣтей въ воскресной школѣ до 300, учителей и учительницъ до 30. Въ воскресной школѣ учатъ всѣ, кто чувствуетъ въ себѣ призваніе и кого проповѣдникъ находитъ способнымъ. Узнавъ потомъ что говорить съ Русскимъ, очень обрадовался, потому что онъ уже послѣдній годъ учится въ реальномъ училищѣ, и потомъ прямо въ Россію на какуюнибудь желѣзную дорогу. „Въ такомъ случаѣ можетъ-быть еще увидимся,“ сказалъ я при прощаніи по-русски. Учитель очень изумился и отвѣтилъ что по-русски онъ не знаетъ ни одного

слова „Какъ же вы думаете поступить на желѣзную дорогу въ Россіи?“— „Да развѣ это нужно? Мой отецъ служилъ на желѣзной дорогѣ въ Россіи восемь лѣтъ, не зналъ и теперь не знаетъ ни одного слова по-русски.“— „Противъ факта возражать не буду; но все же мнѣ кажется что въ настоящее время на русокихъ желѣзныхъ дорогахъ вамъ не найти мѣста, если не выучитесь по-русски хотя сколько-нибудь.“ Учитель призадумался, впрочемъ намѣренія не измѣняетъ; „потому что здѣсь, въ Германіи, достать порядочное мѣсто трудно, а онъ уже положилъ взять какую-либо должность на желѣзной дорогѣ съ жалованьемъ около двухъ тысячъ рублей.“

Въ 2 часа назначена пробная проповѣдь въ церкви Апостола Петра. За партами сидятъ, кромѣ обыкновенной публики, два очень древнихъ проповѣдника. На кафедрѣ всходитъ кандидатъ *Woelfer*. Опускается на колѣна не слышно, молится не помрачая лица и не позабывъ довольно живописно положить на кафедрѣ свою очень нѣжную руку. Въ первой части своей проповѣди онъ поставилъ доказать несомнѣнную истинность божественнаго посланничества Іисуса Христа, и въ подтвержденіе этой мысли приводилъ: а) слова Самого Іисуса Христа. б) свидѣтельства апостоловъ, и в) указывалъ на засвидѣтельствованіе этого посланничества Самимъ Богомъ Отцомъ и Духомъ Святымъ, при крещеніи Іисуса Христа во Иорданѣ. Итакъ, сказалъ проповѣдникъ въ заключеніе своей первой части, основываясь на всѣхъ этихъ свидѣтельствахъ, наша вѣра стоитъ твердо. Во второй части онъ доказывалъ что „хорошо“ быть христіаниномъ. Эта часть мнѣ очень понравилась. Собственно слова проповѣдника не были особенно доказательны. Но его симпатичное лицо и искреннее задушевное убѣжденіе въ томъ что онъ желалъ доказать, невольно подкупали въ его пользу и дѣлали даже какъ бы излишними самыя доказательства. Онъ какъ бы говорилъ: „Зачѣмъ вамъ отвлеченныя доказательства? Посмотрите на меня какъ хорошо быть христіаниномъ.“

Въ то время какъ публика находилась еще подъ живымъ вліяніемъ проповѣди, въ церковь вошелъ нѣкто въ шляпѣ и въ такомъ видѣ сѣлъ за парту, наглядно свидѣтельствуя о не менѣе сильномъ вліяніи пивоваренія и вивокуренія. Только послѣ долгихъ убѣжденій со стороны кистера, онъ рѣшился оставить церковь; но и при этомъ никакъ не соглашался выйти въ ближайшую дверь, потому что онъ въ эту дверь во-

шелъ, слѣдовательно шелъ съ этой стороны; прямой луть ему телерь чрезъ другія двери, на противоположной сторонѣ церкви, и не безъ торжества, въ сопровожденіи кистера, прошелъ въ шаялѣ чрезъ всю церковь, не дѣлая уклоненій и изгибовъ на своей кратчайшей линіи. Впрочемъ, говоря вообще, случаи положительнаго ольяненія въ Берлинѣ довольно рѣдки; за пьянымъ обыкновенно бѣгаютъ мальчишки и многіе съ любопытствомъ наблюдаютъ изъ оконъ и лавокъ.

Церкви: Доротеи, Соборъ, Приходская и Петра принадлежатъ „евангеликамъ“. Въ 3 часа назначено богослуженіе во французской церкви (Friedrichsstadt), впрочемъ на нѣмецкомъ языкѣ. Я хотѣлъ посмотрѣть, нѣтъ ли во французской церкви какихъ-либо особенностей. Но войдя въ церковь, нашелъ въ ней только кистера и органиста. Минувъ черезъ лять я думалъ было уже уйти, но потомъ рѣшилъ посмотрѣть чтò будетъ и углубился въ чтеніе гимновъ. Около 10 минутъ четвертаго послышались звуки органа и вскорѣ появился проповѣдникъ (Palmié) не съ проповѣдью, въ обычномъ значеніи этого слова, а такъ-сказать съ сердечнымъ изліяніемъ чувствъ благодарности къ Богу за хорошій урожай хлѣбовъ въ нынѣшнемъ году. Единственнымъ слушателемъ былъ я, ибо какой же кистеръ станетъ слушать проповѣдь?

Въ 4 часа назначено въ Соборѣ „Biblische Besprechung mit Männern und Junglingen“, Hofprediger Вагг. \* Отправляясь въ соборъ, я ожидалъ собесѣдованія въ обычномъ значеніи этого слова, въ родѣ воскресныхъ и пасхальныхъ битвъ съ раскольниками въ Московскомъ Кремлѣ, но встрѣтилъ иное. Въ Соборѣ (Dom) собственно мужей не оказалось, собрались только одни юноши (числомъ 42), повидимому не учившіеся въ школахъ. Проловѣдникъ пролѣлъ съ ними нѣсколько гимновъ (безъ органа), прочиталъ избранное мѣсто изъ Библии, и сталъ предлагать различные вопросы по поводу прочитаннаго, какъ это видѣли въ Stifts-Kapelle, когда другой проповѣдникъ приготовлялъ учителей и учительницъ къ воскресной школѣ. „Vorbereitung zur Sonntagsschule“ и „biblisch Besprechung“ въ сущности ничѣмъ не различаются между собою; почему и не считаю нужнымъ далѣе останавливаться

\* Поперемѣнно одно воскресенье со взрослыми мужчинами, другое съ женщинами.

на этой формѣ порученій. Проловѣдникъ Бауръ ведетъ дѣло какъ человекъ вполне опытный; но нѣкоторыя его манеры не одобрилъ бы новый проловѣдникъ изъ церкви Петра. Такъ, напримѣръ, онъ сложитъ свои руки назадъ подъ сюртукомъ \* и въ такомъ видѣ рассказываетъ по церкви, съ одушевленіемъ распѣвая гимны.

Въ 5 часовъ „Rosenkranz-Andacht“ въ католической церкви Св. Гедвиги. Этотъ видъ богослуженія бываетъ въ Берлинѣ только однажды въ мѣсяцъ, именно въ первое воскресенье каждаго мѣсяца. „Rosenkranz“—собственно розовый вѣнокъ. Первоначально для прославленія святыхъ и Дѣвы Маріи употреблялись вѣнки изъ розъ, подобно тому какъ вѣнками же прославляли героевъ древности. Въ послѣдствіи розовый вѣнокъ сталъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣняться вѣнкомъ изъ изреченій и молитвъ, но названіе вѣнка осталось то же. Далѣе святая католической церкви Бригитта составила подобный же вѣнокъ изъ шариковъ разной величины для обозначенія различныхъ молитвъ, какія нужно читать послѣ того или другого шарика. Доминикъ (въ XIII ст.) и его орденъ придали различнымъ шарикамъ таинственный смыслъ, конечно такой же странный и произвольный, какъ у нашихъ раскольниковъ въ „лѣстовкѣ“. Какъ общественное богослуженіе Rosenkranz состоитъ главнымъ образомъ изъ „Богородице Дѣво радуйся“, „Отче нашъ“ и „Вѣрую“. Ксендзъ съ каедръ, кромѣ того, читаетъ нѣкоторые стихи: Только до проловѣди прочли „Богородице Дѣво радуйся“, какъ мнѣ показалось, не менѣе 30 разъ, разъ 15 „Отче нашъ“, раза 3 „Вѣрую“. Стихи читаетъ ксендзъ, остальное прочитывается всѣми присутствующими вслухъ. Въ слѣдовавшей за тѣмъ проловѣди объяснялось различіе большого креста латинскаго и малаго вѣмецкаго, вмѣстѣ съ таинственнымъ значеніемъ того и другаго. Проловѣдникъ говоритъ свободнѣе, чѣмъ Vater Доротеевской церкви, производитъ болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ евангелическіе проловѣдники.

Обращаетъ вниманіе одна внѣшняя особенность при проловѣди. Каждый разъ какъ проловѣднику случится употребить слова: таинство, Марія, Іисусъ, большинство слушателей дѣлаетъ нѣчто въ родѣ „киксена“.

Католическая церковь Гедвиги, по внѣшнему и внутрен-

\* Проловѣдники въ Parochial и въ Stiffts-Kapelle были также въ сюртукахъ особеннаго церковнаго фасона.

нему устройству, ничѣмъ не отличается отъ церквей протестантскихъ. Въ церкви собралось народа больше, чѣмъ было утромъ въ Соборѣ; большинство молящихся стоитъ на колѣнахъ.

По окончаніи проповѣди снова обратился къ Rosenkranz; но я предпочелъ отправиться къ методистамъ.

Въ церкви епископальнаго методизма (Lunkerstrasse 5—6) нѣтъ никакихъ иконъ и картинъ, повидимому нѣтъ даже и изображенія креста. Въмѣсто всего этого, на восточной, внутренней стѣнѣ капеллы написаны золотыми буквами на языкахъ англійскомъ и нѣмецкомъ такъ-называемый алостольскій символъ вѣры, десять заповѣдей и Отче нашъ. Въмѣстѣ съ методистами присутствуютъ нѣкоторые изъ „Общества Братьевъ“ (Brüder Gemeinde). У нихъ есть своя особая капелла, но богослуженіе бываетъ только утромъ и нѣтъ вечераго. „Братья“ въ методистской церкви замѣчаютъ многія уклоненія отъ чистоты Евангелія; имъ не нравится даже эта простая надпись на стѣнѣ золотыми буквами; въ ней они видятъ наломиваніе иконъ; несогласны они съ методистами и въ нѣкоторыхъ догматическихъ ученіяхъ. Но тѣмъ не мѣнѣ считаютъ себя болѣе близкими къ этой общинѣ, чѣмъ къ какой-либо другой. Кромѣ того, въ настоящемъ случаѣ всѣхъ особенно интересуетъ проповѣдь; потому что, говорятъ, ее будетъ держать методистскій миссіонеръ изъ Америки. Въ Капеллѣ собралось около 100—150 человекъ. Вотъ выдѣлился проповѣдникъ, лапъ предъ каедрой на колѣна и сталъ вслухъ отъ имени общины исповѣдывать грѣхи и молить Бога о помилованіи. Какая противоположность съ новымъ проповѣдникомъ въ церкви Петра! Тамъ было нѣжно, изящно, плавно: здѣсь же все лорывисто, рѣзко. Тамъ на лицѣ проповѣдника не было ни одной морщинки: здѣсь все лицо оратора-миссіонера судорожно сжимается, перекашивается и принимаетъ самыя страшныя формы. Тамъ взглядъ и вся фигура проповѣдника—изящная картина, здѣсь же какой страшный блуждающій взглядъ у проповѣдника, когда онъ вдругъ откроетъ глаза! Но именно эти-то страшныя свойства и дѣлаютъ его особенно пригоднымъ для проповѣди методистскаго ученія. Г. Woelfer явился съ проповѣдью о томъ, какъ „хорошо“ быть христіаниномъ, и онъ дѣйствительно хорошъ въ этой роли проповѣдника мира, счастья, любви, блаженства. Методистскій проповѣдникъ

вѣдникъ имѣеть новую цѣль. Онъ видитъ что всѣ мы пали, всѣ осуждены на вѣчныя мученія, что вотъ уже разверзается геенна огненная и поглощаетъ грѣшниковъ и, какъ бы извергаясь вмѣстѣ съ другими въ адъ, онъ при паденіи въ послѣдній разъ вдругъ вскрикиваетъ: Боже услыши! Боже помилуй! И почти вся церковь залакала. Такъ проповѣдникъ молился болѣе получаса, во все время оставаясь на колѣнахъ, лицомъ обратившись къ народу, но почти постоянно съ закрытыми глазами. Впрочемъ теперь почти уже никто не смотрѣлъ на проповѣдника, всѣ пали на колѣна, закрыли свои лица и только глубокими вздохами и слезами свидѣтельствовали что они не пропускаютъ ни одного слова. За симъ пропѣли гимнь. Проловѣдникъ смотритъ какъ-будто спокойнѣе и началъ слово, по обычаю всѣхъ другихъ проповѣдниковъ. Но опять какое мрачное міровоззрѣніе! Тамъ, въ церкви Петра, проповѣдывали, какъ „хорошо“ быть христіанцомъ: здѣсь же проповѣдникъ все человѣчество изображаетъ одною огромною больницей; различныя государства, націи и области представляетъ различными отдѣленіями одной и той же всемірной клиники, всемірнаго госпиталя, для болящихъ различными недугами.

Въ заключеніе снова пропѣли гимнь и другой проповѣдникъ началъ молитву; но она не произвела особеннаго впечатлѣнія на слушателей.

По окончаніи богослуженія многіе устремились къ первому проповѣднику и глубоко благодарили его за назиданіе.

Теперь, согласно съ планомъ, мнѣ оставалось побывать только въ „свободно-религіозной общинѣ“ (Rosenthalerstrasse № 38), гдѣ въ 7¼ часовъ вечера назначено публичное преніе о нѣкоторыхъ пунктахъ ученія этого новаго общества. При входѣ въ залу, которая служитъ вмѣстѣ и церковью общества, я залася нѣкоторыми сочиненіями и такъ-сказать, катихизисомъ общины. Трудно сказать что собственно осталось отъ церкви и религіи въ свободно-религіозной общинѣ. Что религія должна остаться, это проповѣдуется ясно, но что именно должно составлять религію, это вопросъ весьма темный. Г. Шеферъ (Herr Schäfer), представитель общины, открывая собраніе, заявилъ что будетъ отвѣчать на всѣ возраженія противъ его утренней проповѣди, и повторилъ тезисы, какіе въ ней раскрыты, и по его мнѣнію, вполнѣ доказаны. Онъ

исходилъ приблизительно изъ слѣдующихъ соображеній: Жизнь народовъ проходитъ тѣ же періоды развитія, какъ и жизнь отдѣльныхъ людей. Въ дѣтяхъ преобладаетъ чувствительность (Sinnlichkeit), въ юношахъ чувство (Gefühle), въ мужскомъ возрастѣ разсудокъ (Verstand). У народовъ на ранней ступени развитія, чувствительныя побужденія опредѣляютъ все, и религіозныя воззрѣнія не выходятъ изъ предѣловъ чувственности. Соответственно дальнѣйшему развитію, возвышаются и религіозныя воззрѣнія. Въ вышнѣйшихъ религіяхъ господствуетъ чувство, въ догматическомъ отношеніи какъ вѣра, въ нравственномъ—какъ любовь. Задача дальнѣйшаго, прогрессивнаго религіознаго развитія состоитъ въ томъ чтобы надъ чувствомъ возвысить разсудокъ, какъ силу знанія и правды. Чувство раздѣляетъ людей и производитъ диссонансы и войны; напротивъ, разсудокъ и разумъ примиряютъ и соединяютъ, показывая общность и солидарность человѣческихъ интересовъ.

Въ залѣ собралось около 100 человѣкъ, между ними оказалось до семи оппонентовъ. Нѣкоторые возражали съ психологической точки зрѣнія; другіе — на основаніи исторіи, философіи и религіи. Въ залѣ были и спеціалисты богословы; но они не возражали и желали быть только посторонними зрителями. Вообще это не „Besprechung“ въ смыслѣ проповѣдника Баура въ Соборѣ, а настоящій диспутъ и очень оживленный; онъ окончился около половины одиннадцатаго.

На землѣ уже считается до 1.000 религій. Г. Шеферъ предлагаетъ новый планъ объединить все человѣчество посредствомъ возвышенія разума надъ чувствомъ, и нѣтъ никакого сомнѣнія что въ случаѣ успѣха только прибавить новую секту.

Единственный источникъ всего сказаннаго—мое личное наблюденіе. Здѣсь оно оканчивается, вмѣстѣ съ симъ оканчиваются и замѣтки. Скажу только пару словъ, чтобы соединить конецъ съ началомъ. Если провести отъ Триеста двѣ прямыхъ линіи, одну къ Петербургу и другую къ Каде, то получится треугольникъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ-сказать, „географическая область распространенія“ трехъ главныхъ вѣроисповѣданій въ Европѣ. Страны лежація къ востоку отъ этого треугольника составляютъ область греко-восточнаго исповѣданія; къ западу—римскаго католицизма; внутри тре-



угольника—протестантизма. И въ частности, по отношенію къ Западной Европѣ, югъ безраздѣльно принадлежитъ католицизму; сѣверъ—протестантизму; средняя полоса—смѣшаннаго вѣроисповѣданія и какъ бы осуждена на борьбу между католицизмомъ и протестантизмомъ. Уже 300 лѣтъ велась эта борьба, продолжается теперь, какъ это видно всюду въ дипломатіи, наукѣ, искусствѣ, не говоря уже о богословскихъ факультетахъ, церковныхъ проповѣдникахъ и собственно богословской литературѣ. И нѣтъ данныхъ для рѣшенія вопроса, когда окончится эта борьба.

Процентное отношеніе бывшихъ въ церкви къ общей численности жителей города, конечно, не значительно; но съ другой стороны, не нужно забывать что я былъ только въ восьми церквахъ, тогда какъ ихъ около пятидесяти, и что въ каждой изъ нихъ въ воскресные и праздничные дни богослуженіе совершается по крайней мѣрѣ два раза, въ нѣкоторыхъ же три и четыре раза. Не нужно забывать и того, по моему мнѣнію, весьма важнаго явленія, что въ церквахъ большинство женщины. Если матери семейства съ удовольствіемъ поютъ церковные гимны: можно съ несомнѣнною ручаться что ихъ дѣти будутъ воспитаны въ подобныхъ же воззрѣніяхъ.

Не дѣлая болѣе никакихъ выводовъ, заключу словомъ апостола: *Бойся Бога и дѣлай правду, во всякомъ языкѣ призывающаго Ему есть* (Дѣян. X, 35). И еще: *вся искушающе, добраа ерѣсите.*

Д. КАСИЦЫНЪ.

---

# МЫСЛЬ ОБЪ ОСВОБОЖДЕНІИ РУССКИХЪ КРЕСТЬЯНЪ

ВЪ XVII И XVIII СТОЛѢТІА

---

ПО ДОКУМЕНТАМЪ МОСКОВСКАГО ГЛАВНАГО АРХИВА МИ-  
НИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ

---

Князь Димитрій Алексѣевичъ Голицынъ, российский по-  
сланникъ при Версальскомъ дворѣ въ послѣдніе годы цар-  
ствованія Лудовика XV и первые Лудовика XVI, въ пере-  
пискѣ своей съ вице-канцлеромъ княземъ Александромъ Ми-  
хайловичемъ Голицынымъ, высказывалъ между прочимъ пред-  
положенія свои о возможности освобожденія крестьянъ въ  
Россіи съ дарованіемъ имъ надѣла.

Прежде чѣмъ передавать два его по сему предмету пись-  
ма, отъ 30го октября 1765 и 11го мая 1766 года (сохранен-  
шіяся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Ино-  
странныхъ Дѣлъ), замѣтимъ что предокъ князя Д. А. Голи-  
цына, князь Василій Васильевичъ Голицынъ положилъ въ  
роду своемъ основаніе такихъ благожелательныхъ отношеній  
русскаго князя къ русскому крестьянину.

У покойнаго Михаила Петровича Погодина удалось мнѣ  
видѣть книгу, принадлежащую Александру Ивановичу Кошеле-  
ву, изъ которой онъ извлекъ любопытныя свѣдѣнія для сво-

Въ монографіи о „Стрѣлецкихъ бунтахъ“. \* Это *Relation curieuse et nouvelle de Moscovie contenant l'état présent de cet Empire; des expéditions des Moscovites en Crimée en 1689; les causes des dernières révolutions* и пр., à Paris, MDCXCVIII. \*\* Въ книжкѣ этой, на страницѣ 215 говорится: „Galischine... Il voulait commencer par affranchir les païsans, et leur abandonner les terres qu'ils cultivaient“... Затѣмъ исчисляются богатства князя В. В. Голицына: „Quand aux denrées qui en ont le reste du revenu, il est difficile d'en savoir bien au juste a valeur. \*\*\*

Перелиска съ руссiйскимъ вице-канцлеромъ княземъ А. М. Голицынымъ посланника при Французскомъ дворѣ князя Д. А. Голицына. \*\*\*\*

I.

Fontenebleau, ce 30 8bre 1765.

Mon Prince,

.....  
.....

Je suis comblé, mon Prince, que mes reflexions sur la propriété des biens ayent été goûtées de Vous. Elle ne doivent cependant être regardées qu'une ébauche; mais Vous y avez mis la dernière main par l'observation juste que Vous en faites, *en regardant cette propriété de biens comme un moyen d'inspirer l'amour de la Patrie; et que le soldat combattant alors pour lui-même, redoublerait d'ardeur de défendre les frontières*

\* Журналъ Мин. Нар. Просв. 1874 года, часть CLXVI, отд. 2, стр. 200—270 и 1875, январь, 182—210.

\*\* Любопытное и новое повѣствованіе о Россіи содержащее въ себѣ: настоящее положеніе этого государства, Крымскій походъ 1689; ричины посадыныхъ переворотовъ и пр. въ Парижѣ, 1698.

\*\*\* „Голицыны... они хотѣли начать съ освобожденія крестьянъ и ударить имъ обрабатываемыя ими земли“... „Что же до естественныхъ произведеній составляющихъ остальную часть его доходовъ, то весьма затруднительно опредѣлить въ точности ихъ стоимость“...

\*\*\*\* Записки на поляхъ писемъ сдѣланныя, суда по почеркамъ, принадлежать: государыни императрицѣ Екатерины II, графу Н. И. Панину и князю А. М. Голицыну. Записки эти приводятся въ подлинныхъ прижизненныхъ. Французскій текстъ писемъ малочитаемъ въ сохраненіемъ своеобразности и некоторыхъ ошибокъ подлинника.

*de l'Etat auquel il tient par plus d'un lien, etc....* Je suis de Votre avis, mon Prince, qu'une introduction générale et subite, pour ainsi dire, d'un pareil règlement dans un Etat aussi vaste que l'Empire de Russie, pourra rencontrer des inconvéniens, et qu'un changement successif serait peut-être plus convenable; mais voici les réflexions que j'ai fait là-dessus.

Il est incontestable qu'une chose réellement avantageuse s'établit bien plus solidement lorsqu'elle est adoptée par une nation que lorsqu'elle est ordonnée; et plus cette adoption est volontaire, plus on peut compter sur la stabilité d'un usage reçu.

L'adoption volontaire ne peut être que successive, et pour l'occasionner il faut l'exemple. \* Qui peut mieux le donner que Sa Majesté l'Impératrice Elle-même. Ses terres sont à sa disposition de même que tout le reste de l'Empire. Si Elle y accorde la propriété de biens à Ses païsans, sans faire mention seulement de ceux qui appartiennent à nous autres seigneurs, cet effet de Ses bontés ne peut en produire, selon moi, qu'un merveilleux, sur eux, et j'en vois déjà de trois espèces qui ne manqueront pas de suivre Son exemple dans l'instant même.

1. Ceux qui entendent bien leurs intérêts, et ont le coeur patriotique. \*\*

2. Ceux qui n'entendent rien aux affaires, mais qui voudront faire leur cour à Sa Majesté.

Et,—comme inmanquablement une pareille innovation sera le sujet des conversations des sociétés, les gens qui suivent aveuglement les modes feront la 3me espèce.

Sans Vous citer, mon Prince, les païs étrangers que Vous connaissez mieux que moi, la Russie même nous fournit une foule d'exemples, où l'apparence seule de cette propriété de biens fait toujours prospérer le païsan.

Nos *оборонца* *депеану* ne sont-ils pas toujours *plus riches* que les *анбнѹе*? Et ceux qui ne sont pas régis par des *нпукану* *ку* ne sont-ils pas encore cent fois plus heureux que ceux où il y en a? Le plus essentiel selon moi est d'abolir l'usage de

\* Il est encore douteux si un exemple édifierait nos compatriotes et les encouragerait à le suivre; cela est assez problématique. Au surplus un tel arrangement pourroit peut être compromettre la sûreté des possesseurs etc.

\*\* Peu de personnes voudroient sacrifier de grands intérêts aux beaux sentimens d'un coeur patriotique.

recevoir nos revenus en denrées et principalement les *абозы*. Tout le mal que ces maudits *абозы* font au pauvre païsan est incroyable. Perte de tems, de leurs chevaux etc., et tout ce qui leur en revient. C'est une oeconomie bien mal entendue de nos seigneurs Russes de croire que ces provisions ménagent leur bourse. L'expérience démontre tous les jours le contraire. Là où se font les provisions, la consommation est toujours du double plus forte. Ne vaudrait-il beaucoup mieux recevoir tout en argent? Il en resulterait certainement des biens infinis pour le seigneur même, ne fut-ce que la diminution de cette quantité prodigieuse de domestiques dont nos maisons sont remplies, \* et qu'on ne doit regarder qu'autant de bras arrachés à l'agriculture—source et la véritable base de la prospérité et de la suffisance d'un Etat.

Pour assurer cette propriété de biens il serait indispensable, je crois, d'envoyer tous les ans deux *juges ambulants* \*\* dans chaque Province, à l'imitation de Guillaume le Conquérant, et qu'on pourrait choisir parmi les officiers des Gardes ou les seigneurs de la Cour même; qui décideraient & jugeraient toutes les disputes et procès entre les paysans et ceux qu'ils pourraient avoir contre les seigneurs, les acorder etc. Ils prendraient en même tems une exacte connaissance de l'état de la province où ils auraient été envoyés, et en feraient leur rapport par écrit au Senat, rapport sur lequel on se réglerait dans la suite touchant tout ce qui pourrait améliorer et produire de l'avantage à cette Province.

Il est certain que n'ayant pas de puissance qui défende et protège le païsan contre la tyrannie du seigneur Russe, la propriété de biens ne peut y être qu'imaginaire, \*\*\* et on n'y pourra jamais mettre en execution le moindre réglemeut touchant l'agriculture, les arts et métiers et la circulation d'argent ou le commerce intérieur. Pour y suppléer, je crois qu'il serait excellent de former dans toutes les villes capitales des Provinces un Tribunal à l'instar de celui que les Romains nommaient *Quindecim Viri*. Le devoir de ces 15 était d'assigner les terres aux vétérans, de les limiter, de régler la taxe que chaque terre doit payer, de juger et appaiser toutes les disputes relatives à l'agri-

\* C'est une très grande vérité.

\*\* Ces juges ambulans sont encore en usage en Angleterre et qu'on nomme des assises.

\*\*\* Cela est incontestable.

culture, aux contrats, aux confiscations; d'assurer à chacun la propriété de ses terres. Ils avaient le même pouvoir en un mot sur tout ce qui s'appelle agriculture.

Les avantages qui proviendront de la propriété de biens ne peuvent être qu'essentiels selon moi. Indépendamment de l'amour de la Patrie qu'elle inspire, je crois qu'il n'y a que ce seul moyen de peupler la Russie et d'y faire fleurir les arts et les sciences, car je reviens toujours à l'idée de M. Hume qui dit dans son essai sur l'origine des arts et des sciences: *De la loi des états bien gouvernés provient la propriété des biens des particuliers. De la propriété provient l'assurance et la tranquillité de l'esprit. De cette tranquillité provient la curiosité; De la curiosité provient toute sorte de savoir dans les arts, le commerce et la science.* Mais le plus essentiel c'est l'attachement du peuple pour le souverain qui aurait établi un pareil Règlement; attachement fondé sur la reconnaissance d'avoir formé son bien-être. Qui mieux le mérite, mon Prince, que Sa Majesté notre très auguste souverain? Elle doit déjà s'être attachée tous nos cœurs: Elle ne fera donc par là que mettre la dernière main à l'ouvrage. Telles sont mes idées, mon Prince, sur la propriété des biens. Je dois vous avouer qu'elles sont le fruit de mes fréquentes conversations sur ce sujet avec M. S a n c h è s. Ce respectable vieillard a des notions si justes sur ces sortes de choses qu'on est tout surpris de les rencontrer dans un homme aussi éloigné du maniement des affaires qu'il l'a été toute sa vie. \* On ne peut avoir débattu cette matière plus à fond que je l'ai fait avec lui. Il en a composé un mémoire, où toutes ces idées sont insérées, qui me paraît excellent et n'a d'autre défaut que l'obscurité du stile, qui effectivement est inintelligible, surtout pour ceux qui ne sont pas accoutumés à son langage.

.....

Mon Prince,

Votre très-humble et très-obéissant  
serviteur Dimitri Prince de Galitzin

---

\* Beaucoup d'humanité, de zèle & de bonne volonté ne suffisent pas seules pour mettre en pratique de grands projets. Ils pourroient faire aisément les genereux lui, Pr. Galitzin & ses semblables & à peu de frais. Mais leur leur conteraient rien d'accorder la propriété des biens à leurs peuples, mais ceux qui en ont plusieurs milliers & sont des riches terres penseroient & parleroient autrement.

Приводимъ переводъ этого письма:

Фонтевебло, 30го октября 1765.

.....  
 Я счастливъ, князь, что мои мысли „о собственности“ встрѣчаютъ ваше одобреніе. Ихъ слѣдуетъ считать лишь наброскомъ, но вы придали ему окончательную отдѣлку справедливымъ замѣчаніемъ что „собственность должна считаться средствомъ для вдохновенія любви къ отечеству, и что воишь, сражающійся и за самого себя, съ удвоенною ревностью станетъ защищать границы государства, съ которыми онъ получить органическую связь“ и пр. Я совершенно раздѣляю мнѣніе ваше что „общее и повсемѣстное введеніе подобнаго устройства въ государствѣ столь обширномъ какъ Россія, могло бы встрѣтить неудобства, и что постепенная перемѣна была бы можетъ-быть приличнѣе“.

Однакоже полагаю слѣдующее: несомнѣнно что все истинно полезное укореняется прочнѣе когда его принимаетъ самъ народъ, а не тогда когда его вводятъ путемъ приказанія. И чѣмъ это принятіе добровольнѣе, тѣмъ болѣе можно разчитывать на прочность установившагося обычая.

Добровольное принятіе совершается лишь исподоволь, но чтобы вызвать его нуженъ примѣръ. \* Кто же можетъ подать лучшій какъ не сама ея величество государыня? Земли ея находятся въ ея распоряженіи наравнѣ со всѣмъ остальнымъ государствомъ. Если въ нихъ она даруетъ своимъ крестьянамъ собственность, не упоминая даже о земляхъ намъ, господамъ, принадлежащихъ, то таковой опытъ ея милосердія не можетъ не произвести, по моему мнѣнію, чудеснаго дѣйствія, и маѣ уже заранѣе видятся три разряда подражателей ея величеству:

1) Люди хорошо понимающіе свои выгоды и обладающіе патриотическимъ сердцемъ. \*\*

2) Тѣ которые въ дѣлахъ ничего не смыслятъ, но пожелаютъ угодить ея величеству;

А какъ подобное нововведеніе не замедлитъ сдѣлаться

\* Еще сомнительно чтобы примѣръ вразумилъ нашихъ соотечественниковъ и увлекъ ихъ за собою; это даже мало вѣроятно. Къ тому же подобное распоряженіе можетъ нарушить безопасность помѣщиковъ и пр.

\*\* Мало найдется охотниковъ большими выгодами жертвовать прекраснымъ чувствованіемъ патриотическаго сердца.

предметомъ общихъ толковъ, то люди сѣбно подражающіе модамъ составляютъ послѣдній 3й разрядъ.

Не говоря о чужихъ земляхъ, которыя вамъ, князь, извѣстны лучше чѣмъ мнѣ, сама Россія даетъ намъ множество примѣровъ тому что одного призрака этой собственности достаточно для благосостоянія крестьянина.

Развѣ наши оброчныя деревни не богаче барщинныхъ? И развѣ имѣнія гдѣ нѣтъ прикащиковъ не во сто разъ счастливѣе тѣхъ которыя управляются ими? Самое существовавшее, по моему, это отмѣнить *сборы припасами и главное, обозы*. Посторонній не повѣритъ всей безднѣ зла причисляемаго обозами бѣднымъ крестьянамъ. Потеря времени, гибель лошадей— и все что изъ того истекаетъ. Ошибаются наши русскіе бары въ своихъ понятіяхъ объ экономіи, полагая что привозные припасы берегаютъ ихъ средства. Ежедневный опытъ указываетъ противное. Тамъ куда привозятся запасы, ихъ всегда расходуется вдвое. Не гораздо ли лучше все получать деньгами? Безконечная польза вытекала бы отсюда и для самаго помѣщика, хотя бы ужъ уменьшеніе громаднаго числа дворовыхъ переполняющихъ наши дома, \* и которыя вѣдь всѣ оторваны отъ земледѣлія, источника и основы довольства и процвѣтанія государства.

Чтобъ обезпечить пользованіе этою собственностію кажется было бы необходимо ежегодно посылать въ каждую область двухъ или трехъ объѣздныхъ судей,\*\* на подобіе учрежденія Вильгельма-Завоевателя, выбирая ихъ изъ офицеровъ гвардіи и даже изъ придворныхъ. Они разбирали бы и рѣшали споры и тяжбы между крестьянами, между ними и помѣщиками, примиряли бы ихъ и пр. Въ то же время они собирали бы точныя свѣдѣнія о состояніи области куда посланы и представляли бы о ней письменный докладъ сенату,— докладъ который послужилъ бы основаніемъ для всяческихъ улучшеній признаваемыхъ въ послѣдствіи необходимыми.

Конечно, при отсутствіи власти которая защищала бы крестьянина отъ тираніи русскаго помѣщика, собственность первого оставалась бы призрачною,\*\*\* и невозможно было бы осуществленіемалѣйшей мѣрыотносительно земледѣлія, искусствъ, ремеслъ и денежнаго обращенія или внутренней торговли.

Съ этою цѣлію думаю хорошо было бы учредить въ каждой

\* Великая истина.

\*\* Такіе объѣздные суды доселѣ въ обычаѣ у Англичанъ: ихъ называютъ *ассизами*.

\*\*\* Это несомнѣнно.



изъ областныхъ городовъ присутствіе, подобное существовавшему въ Римѣ подъ именемъ *quindecim viri*. Обязанности этихъ четырнадцати было: отводить земли ветеранамъ; размежевывать и облагать участки; судить и миротворить во всѣхъ пререканіяхъ возникающихъ изъ землевладѣнія и земледѣлія, изъ договоровъ и запрещеній; обезпечивать каждому свободное пользованіе поземельною собственностью. Словомъ, власть ихъ простиралась на все что называется сельскимъ хозяйствомъ.

Выгоды которыхъ можно ожидать отъ собственности существенны. Независимо отъ любви къ отечеству, которую она внушаетъ, я полагаю что въ ней заключается единственное средство заселить Россію и насадить въ ней науки и искусства. Всегда при этомъ обращаюсь къ выводу Юма, въ его *Опытъ о происхожденіи искусствъ и науки*: „Изъ законовъ государствъ, хорошо управляемыхъ, происходитъ обезпеченіе частной собственности; собственность рождаетъ увѣренность и спокойствіе духа; изъ этого спокойствія развивается люболытство, а люболытствомъ порождается всякаго рода знаніе въ искусствахъ, торговлѣ и наукахъ“. Но самое существенное—это привязанность народа къ государю, который ввелъ бы подобный уставъ: любовь основанная на признательности къ виновнику благосостоянія. Кто, князь, болѣе нашей августѣйшей государыни уже заслужилъ эту привязанность? Она уже привязала къ себѣ наши сердца, а этимъ она довершила бы свое дѣло.

Таковы, князь, мои мысли о *поземельной собственности*. Я долженъ вамъ признаться что онѣ явились во мнѣ плодомъ частыхъ бесѣдъ по сему предмету съ г. Санше. Почтенный старецъ обладаетъ по этому предмету такими вѣрными свидѣніями что удивляешься встрѣтить ихъ въ человѣкѣ столь удаленномъ въ теченіе всей жизни отъ управленія дѣлами.\* Въ разговорахъ съ нимъ мы исчерпали этотъ предметъ до дна. О немъ онъ составилъ подробную записку, единственный недостатокъ которой темнота слога, почти недоступна-

\* Искренней любви къ человечеству, усердія и благой воли недостаточно для осуществленія великихъ предположеній. Голицыну и его подобнымъ легко и дешево стѣбитъ великодушничать. Имъ ничего не стѣбитъ даровать своимъ крестьянамъ право собственности на земли; но богатые землесобственники, у которыхъ крестьянъ многія тысячи, будутъ мыслить и заговорять иное.

го въ особенности для людей непривычныхъ къ способу его  
выраженій.

.....  
.....

Князь,

Вашъ покорявшій и послушавшій слуга  
Димитрій, князь Голицынъ.

## II.

Paris, ce 26 Mai 1766. \*

Mon Prince,

Vos lettres sont de vrais aiguillons pour moi et vos objections m'encouragent au travail et me fournissent toujours de nouvelles idées. Permettez donc que j'aie l'honneur de répondre à celles du 4 et 7 avril.

L'agriculture en Russie, il est vrai, n'est pas dans un état aussi peu florissant qu'on se l'imagine peut-être chez l'étranger; cependant, vu cette immensité de terrain qu'elle possède et la fertilité de son sol, on devrait s'y attendre à des récoltes bien plus considérables, et la pousser au point d'être regardée en quelque façon comme le grenier de l'Europe. La Sicile l'était autrefois de l'Empire Romain. Qu'est ce qu'une petite isle en comparaison d'un vaste Empire comme la Russie? Voilà cependant les modèles que nous devons imiter.

A l'égard des artistes et des savans rien ne me paraît plus sage que les arrangemens que prend Sa Majesté en conséquence. Certes, si quelque chose peut contribuer à leur avancement, leur progrès &c, la fondation des académies, les réglemens de ces académies en sont d'excellens moyens. Mais je craigne toujours, confirmé par les exemples que l'histoire nous fournit, que tant que le commerce intérieur ne sera pas au point où il doit être, ces moyens ne soient trop peu suffisans. Et le commerce intérieur ne sera jamais dans le vrai état de prospérité, sans qu'on y introduise peu à peu la propriété du mobilier des païsans. Le tiers-état est une chose indispensable encore pour faire fleurir les arts et les sciences.

La formation de ce tiers-état n'est pas ce qui me présente des difficultés, Sa Majesté Impériale n'a qu'à le vouloir. Mais le rendre riche, à son aise, le mettre à

\* Рыкою вице-канцлера: Получено 11го июня.

même de jouir, de profiter des fruits de son travail, c'est là peut-être l'impossible chez nous.\* Croyez-vous, mon Prince, que la quantité d'ouvriers dont chaque maison de seigneur russe est remplie, n'en soient des objets insurmontables? Soustrayez toutes ces maisons de grands seigneurs du total des habitans de Pétersbourg et de Moscou, et voyez ensuite le peu de monde qui reste pour qui les ouvriers libres puissent travailler.

Quelle est l'intention de ces seigneurs quand ils font élever un jeune homme dans un métier quelconque? Vous les avez, mon Prince, et chacun d'eux Vous le dira: c'est pour n'avoir pas besoin de l'ouvrier d'un autre, d'un étranger, et pour s'épargner quelque chose sur les différens ouvrages, dont ils ont besoin. Ceci-même sert de règle, de base à notre économie. Qu'est-ce qu'un économiste, qu'est-ce qu'une maison bien montée en Russie? C'est celui ou celle qui contient quantité de gens dont la plupart sont des ouvriers. Dans tous les païs étrangers les ouvriers domestiques sont défendus; on y a des maîtrises, et les arts mécaniques y prospèrent et fait prospérer les arts libéraux et les sciences. *Hume* me confirme dans cette opinion lorsqu'il dit: Que chez le

\* Князь Голицынъ, хорошо знакомый съ гжею Жофреми и бывшій посредникомъ въ переплюкъ съ нею государыни, очевидно наклоняетъ на слѣдующее обстоятельство. Гжа Жофреми неоднократно, въ письмахъ своихъ, умоляла государыню учредить въ Россіи среднее сословіе\*. Изъ отвѣтовъ государыни на эти представленія видно что ея величество сознавала трудность создать то что не вышло изъ исторической почвы. Тамъ же мѣсто въ заботѣ о семъ прежденіи и среди трудовъ по составленію проекта уложенія, государыня писала къ гжѣ Жофреми слѣдующее:

15го января 1766: „...Madame, encore une fois je vous promets un *état mitoyen*, mais aussi sera t-il le plus difficile à établir“. (Еще разъ обращаю вамъ среднее сословіе, но за то же и трудно будетъ устроить его).

6го апрѣля 1766: „...L'*état mitoyen* existera devrait-il porter votre nom, puisque par expérience vous trouvez cet état si heureux, il faudra bien l'établir, ce motif me ferait aisément résoudre et agir, car je le compte pour un devoir essentiel de ma place“. (Среднее сословіе будетъ существовать, еслибы даже пришлось ему носить ваше имя, такъ какъ вы убѣждены по опыту что это сословіе самое счастливое. Нужно будетъ создать его: это соображеніе меня скоро побудитъ дѣйствовать, такъ какъ я считаю осуществленіе его долгомъ моего сама). Изъ Сборника Историческаго Общества, т. I, 1867, стр. 86,84—2 Лст.

*Potentat où il n'y aura pas un fabricant qui sache faire une aulne de drap si fin, que sa valeur arrive au prix d'une guinée, il est impossible qu'il se puisse former un astronome.* Cette idée sans être prise dans le sens littéral, en offre cependant une qui me paraît d'autant plus juste, que l'histoire de tous les tems n'a jamais manqué de le confirmer; c'est que toutes ces choses ont un enchaînement entre elles, des analogies les unes aux autres, et il est à craindre qu'en voulant établir les sciences et les arts, sans leur faire servir le commerce intérieur et les arts mécaniques de base, on ne manque le but qu'on se propose ou qu'on n'y parvienne que difficilement.

Pour ce qui regarde les Juges Ambulans, je dois vous observer, mon Prince, que c'est exactement pour la plus prompte administration de la justice et non pour la faire languir qu'ils sont destinés. Il faut que j'aye me sois mal expliqué puisque Vous l'avez pris dans le sens contraire; permettez donc que je vous rappelle les exemples qui m'en ont donné l'idée.

*En France,* „l'iniquité des comtes, des seigneurs et des autres magistrats subalternes dans l'administration de la justice „était devenue un fléau d'autant plus redoutable pour le peuple, „que leur tyrannie s'exerçait à l'ombre et par le secours des „lois. Soit qu'ils refusassent de juger ou jugeassent mal, les „opprimés étaient obligés de souffrir ces injustices; il était „trop difficile et trop dispendieux de se pourvoir en déni de justice ou en cassation par devant le tribunal du Prince. Si on y „portoit enfin ses plaintes, on n'y trouvoit pour juges que des „courtisans corrompus, prêts également à refuser ou à vendre „la justice, et toujours disposés par leur propre intérêt à condamner les plus faibles. Les Envoyés Royaux (ou Juges Ambulans) remedièrent à la plupart de ces abus par les Assises „qu'ils tenoient dans leurs légations. La conduite des juges fut „éclairée, ils furent obligés d'obéir aux lois. Cette cour suprême „du Roi, où il était presque impossible de parvenir, fut à la fois „présente dans chaque province, et la faiblesse du peuple y „trouva un azile toujours ouvert contre la puissance des grands. (*Observations sur l'histoire de France, par l'abbé Mably.*)

*En Angleterre:* Dans le temps des Saxons aucun appel n'était reçu à la cour du Roi excepté dans le cas de déni, ou de délai de justice de la part des cours inférieures, et le même usage était suivi dans la plus grande partie des royaumes féodaux. Guillaume le Conquérant autorisa sa cour à recevoir les appels

des cours des baronies et des Conti-Cours... Mais, pour que la dépense et la fatigue des voyages ne dégoutassent pas les plaideurs d'appeller à ce tribunal suprême, et ne les fissent pas acquiescer plus volontiers aux jugemens des Cours inférieures, il établit des juges ambulants, qui faisaient leur tournée par tout le Royaume et jugeaient tous les procès portés devant eux (Hume, *l'Histoire d'Angleterre, de la maison de Plantagenet*).

Maxime constante en fait de gouvernement: le mal est toujours à coté du bien, comme le bien est toujours à coté du mal. Les plus grands biens ont suivi les plus grands maux. Les croisades (ce fléau imaginé par l'ambition et la politique et soutenu par le fanatisme et la superstition) sont les premières causes de l'excellent gouvernement qui existe actuellement ici... L'intolérance y soutient et fait fleurir le commerce.

Quelque sage que paraisse être un établissement, les abus, pour peu qu'on se relâche, ne manquent pas de s'y introduire, et votre réflexion est très judicieuse, mon Prince, lorsque vous objectez que ce serait en quelque façon soumettre le peuple à une nouvelle espèce de vexation que d'envoyer des juges ambulans et retarder l'administration de la justice en les rendant contrôleurs des actions de leurs prédécesseurs.

C'est à l'égard du premier cas que le gouvernement doit s'intéresser d'avantage, et y procéder avec le plus de sévérité, seul moyen, selon moi, d'empêcher les abus, et si la peine ou la récompense deviennent le fruit de la malversation ou de l'intégrité de ces juges ambulants, on les prévientra facilement.

Le second point ne souffre aucune difficulté. Contrôler les actions de leurs prédécesseurs ne doit jamais être l'objet de leur mission, ce n'est qu'en passant pour ainsi dire qu'ils s'en informeront. Leur premier devoir sera de prendre connoissance des procès, disputes, etc. et de les terminer. Le second de s'informer de la situation de la Province, de son commerce, des richesses, et de l'industrie des habitants, etc. Ce n'est qu'après avoir rempli ces deux objets qu'ils peuvent se faire instruire de la conduite qu'ont tenue leurs prédécesseurs et en faire leur rapport à l'Impératrice ou au Sénat.

Au reste, pour peu qu'on croye qu'il y a de l'inconvénient à les charger de la censure reciproque les uns des autres, on n'a qu'à les en dispenser, car c'est le point le moins important de leur légation.

Le nombre de 16 juges serait effectivement trop petit, si on

l'établissait pour toute la Russie en general, mais comme je n'en avois proposé que pour les domaines de l'Impératrice, je compte qu'il serait satisfaisant. Leurs courses même ne doivent pas être fort à charge aux paisans, il n'est question que d'aller et venir, ce qui en fait deux dans l'année; et elle le deviendraient encore moins par la suite des tems, car à mesure que l'agriculture, le commerce intérieur et la population augmenteront, les grands chemins se formeront aussi, et les postes ne manqueront pas de s'établir de même partout en Russie, ainsi qu'elles sont en France, \* étant aussi une branche d'industrie et de gain pour les habitans.

Il ne me reste plus qu'un mot à ajouter pour répondre à la remarque que Vous me faites l'honneur de me faire au sujet des artistes français. Vous croyez, mon Prince, que les meilleurs sont étrangers ici. En fait de peinture, sculpture, gravure & architecture, je puis Vous garantir que les plus habiles sont les nationaux; Il y en a d'étrangers, mais de très mediocres. Peut-être se trouve-t-il dans les arts mechaniques quelques étrangers de premier ordre; le reste est tout français.

J'ai l'honneur etc.

Dimitri, Prince de Galitzin.

Въ переводѣ:

Парижъ, 26го мая 1766.

Князь,—Письма ваши возбуждаютъ меня къ труду, и возбужденія въ нихъ плодять новыя мысли. Принимаюсь отвѣчать на ваши отъ 4го и 7го апрѣля.

Правда что земледѣліе идетъ въ Россіи лучше чѣмъ о немъ думаютъ иностранцы; однакоже, если нѣкогда маленькая Сицилія служила житницей для Римской Имперіи, то отъ нашего отечества, съ его безмѣрными пространствами и плодородіемъ его почвы, можно было бы ожидать подобной услуги для всей Европы.

Мнѣ кажется что ея величество избрала наилучшія мѣры относительно развитія у насъ наукъ и художествъ: ничто, конечно, не представляетъ лучшихъ залоговъ для ихъ успѣванія какъ основаніе академій и правильное устройство сихъ учрежденій. Но, опираясь на примѣръ исторіи, боюсь что средства эти окажутся слабы если одновременно не будетъ у насъ подвѣта внутренняя торговля. А она, въ свою

\* Рукою императрицы: *Toutte (sic) la France ne fait pas la moitié du gouvernement de Novogrod.*

очередь, не можетъ процвѣсти если не будетъ *мало-по-малу* *дано у насъ право собственности крестьяна на ихъ движимое и недвижимое. Среднее сословіе* также необходимо для процвѣтанія наукъ и художествъ.

Образованіе средняго сословія не встрѣтитъ, по моему, затрудненій: ея императорскому величеству стоить только пожелать онаго. Но устроить его богатство, довольство, поставить его въ возможность пользоваться плодами своего труда, вотъ что можетъ быть у насъ невозможно. Не кажется ли вамъ, князь, какъ мнѣ, что препятствіемъ въ этомъ случаѣ непреодолимымъ послужитъ множество ремесленниковъ наполняющихъ дома русскихъ бояръ? Исключивъ изъ общаго числа жителей Москвы, и даже Петербурга, бояръ нашихъ, скажите, велико ли останется населеніе на которое придется работать свободнымъ ремесленникамъ?

Какова цѣль бояръ когда они отдають крѣпостныхъ юношей въ ученіе любому ремеслу? Каждый вамъ отвѣтитъ: та, чтобы не вуждаться въ чужомъ ремесленникѣ, и чтобы дѣлать сбереженія на различныхъ подѣлкахъ, въ коихъ мы вуждаемся. Такой обычай служитъ правиломъ и основой нашему хозяйству. Что такое хозяйство, что такое благоустроенное господское хозяйство въ Россіи? Это тотъ или то которые содержатъ наибольшее число людей (дворовыхъ) изъ коихъ большинство — ремесленники. Вездѣ въ чужихъ земляхъ дворовые ремесленники запрещены; тамъ существуютъ цехи, и потому цвѣтутъ ремесла и искусства, помогая процвѣтанію наукъ и свободныхъ художествъ. Юнгъ подтверждаетъ мое мнѣніе: „Если государь,“ говоритъ онъ, „не вослѣдуетъ у себя фабриканта способнаго выткать сукно стоить тонкое чтобы оно достигло цѣны двѣхъ гиней за аршинъ, то тѣмъ менѣе вослѣдуетъ въ его государствѣ астрологомъ.“ Не принимая этихъ выраженій въ буквальный смыслъ, должно однакоже согласиться что всѣ предметы производства имѣютъ между собою до того тѣсную связь и зависимость что желая утвердить въ странѣ науки и искусства, не на основаніи предварительно созданныхъ внутреннихъ торговли и ремеслъ, непременно встрѣтишься на пути къ этой цѣли съ величайшими препятствіями.

Относительно „Объѣздныхъ Судей“ я долженъ замѣтить, князь, что ихъ учрежденіе должно служить къ ускоренію правосудія суда, а отнюдь не къ замедленію. Вѣроятно я

невѣрно выразился если дѣло представляется вамъ въ обратномъ смыслѣ. Позвольте мнѣ напомнить вамъ образцы которые родили во мнѣ мысль о нихъ.

*Во Франціи*, несправедливость графовъ, господъ и другихъ низшихъ отправителей правосудія была тѣмъ болѣе страшнымъ бичомъ для народа что тираннія ихъ дѣйствовала въ тѣни при помощи законовъ. Отказъ въ правосудіи или правосудіе были одинаково тяжелы для судящихся: добиться отъ нихъ рѣшенія или права отъзываетъ предъ королевскимъ судомъ представляло затрудненія непреодолимыя. Въ случаѣ обжалованія, и на высшей степени суда, обиженный встрѣчалъ царедворцевъ лодкушныхъ, равно готовыхъ продать свою помощь или отказать въ оной, но во всякомъ случаѣ расположившихся, для собственной выгоды, обвинить слабѣйшаго. Учрежденіе королевскихъ пословъ (или Обѣздатыхъ Судей) облегчало бо́льшую часть этихъ золъ повременными обѣздами въѣздомъ имъ области. *Въ темноту закрытаго суда внесены были свѣтъ*, и судьи увидѣли необходимость слѣдовать законамъ. Этотъ высшій королевскій судъ, дотошъ недоступный, явился одновременно во всѣхъ областяхъ; и безпомощный народъ нашелъ легко обрѣлъ защиту отъ притѣвленій сильныхъ. (*Observation sur l'histoire de France, par l'abbé Mably.*)

*Во Англіи*, въ періодъ Саксонскій, кромѣ случаевъ отъзавъ или отсрочки правосудія въ нижнихъ судахъ, никакой отъзавъ не принимался на королевскомъ судѣ. И такой обычай былъ общимъ для большинства феодальныхъ государствъ. Вильгельмъ Завоеватель разрѣшилъ своей палатѣ принимать отъзавы на рѣшенія баронскихъ и графскихъ судовъ. Но чтобъ отъ обращеній къ высшему суду не отвратили тяжущихся издержки и затрудненія лутевыя, при которыхъ они невольно должны были бы соглашаться на рѣшенія нижнихъ судовъ, онъ учредилъ *объединенные судей* обязанными обѣзгать все королевство и лично, на мѣстахъ, разбирать всѣ тяжбы. (Юмъ, *Исторія Англіи и Плантагенетовъ.*)

Правило общее при правленіи: зло всегда стоитъ рядомъ съ добромъ, и добро идетъ бокъ-о-бокъ со зломъ. За величайшими бѣдствіями слѣдуетъ лучшее благосостояніе. Крестовые Походы,—бичъ, изобрѣтенный честолюбіемъ и видами политическими, поддержанный изуверствомъ и суевѣріями,—послужили основаніемъ къ учрежденію здѣсь превосходнаго управленія, нынѣ существующаго. Нетерпимость поддерживаетъ и заставляетъ процвѣтать торговлю.



Какъ бы ни были мудры учрежденія, раслуцвенность въ ихъ дѣйствіяхъ не преминетъ породить злоупотребленія; и ваше замѣчаніе, князь, совершенно вѣрно что посольство объѣздныхъ судей обременитъ народъ новыми новинностями, а отправление ими суда затормозитъ вообще судъ, если имъ вмѣнится въ обязанность повѣрять дѣйствія ихъ предшественниковъ.

Въ настоящемъ случаѣ особую важность имѣетъ первое замѣчаніе. Здѣсь требуется дѣйствовать съ особою строгостію; и строгость—единственное, по моему, средство чтобъ отвратить злоупотребленія. Для предупрежденія ихъ необходимо установить награду за дѣйствія безпристрастныя и кару за неправосудіе.

Вторая часть вашего замѣчанія легко удовлетворяется. Повѣрка дѣйствій предшественниковъ никогда не должна быть поставлена въ обязанность новымъ судьямъ; пусть они будто стороной, о нихъ навѣдываются. Ихъ *первою* обязанностію должно быть освѣдомиться о тяжбахъ, ссорахъ и т. п., и ихъ покончить. *Второю*, ознакомиться съ состояніемъ области, съ ея торговыми, со средствами и промыслами жителей и пр. *Только* исполнивъ эти двѣ обязанности, они могутъ обратить вниманіе на образъ дѣйствій своихъ предшественниковъ и донести о нихъ императрицѣ или Сенату.

Наконецъ, стоить найти неудобнымъ порученіе имъ взаимнаго соглядатайства чтобъ ихъ отъ него освободить, ибо оно есть далеко не важнѣйшая цѣль ихъ порученія.

Шестнадцать судей конечно недостаточно для всей Россіи; но я имѣлъ въ виду лишь удѣльными имѣніями государыми, и потому полагалъ такое число судей удовлетворительнымъ. Самыя поѣздки ихъ не могутъ значительно обременить крестьянъ, ибо имъ придется въ годъ проѣхать только два раза, на мѣсто и обратно. А съ теченіемъ времени поѣздки судей еще болѣе для нихъ облегчатся, ибо, съ развитіемъ земледѣлія, внутренней торговли и умноженіемъ населенія устроятся большія дороги и по всей Россіи установятся почты, подобно какъ во Франціи, \* такъ какъ онѣ сами по

\* Противъ этого мѣста въ письмѣ, очевидно доложенномъ государымъ, есть соотвѣствующая отпѣтка ея величества:

„Вся Франція представляетъ едва половину Новгородской губерніи.“

себѣ составляютъ важную отрасль промышленности и важны для мѣстныхъ жителей.

Окончу отвѣтомъ на замѣтку вашу которая касается искусства у Французовъ. Вы полагаете, князь, что лучшіе изъ художниковъ у нихъ—иностранцы. Въ дѣлѣ живописи, вазиля, рѣзбы и зодчества, увѣряю васъ, самые искусные—изъ Французовъ. Есть и иностранцы, но они представляютъ посредственность. Быть-можетъ изъ иностранцевъ есть первостепенные ремесленники; остальные все — Французы.

Имѣю честь быть и проч.

Димитрій, князь Голицынъ.

Въ печати сдѣлались извѣстны нѣсколько предположеній объ улучшеніи крестьянскаго быта въ Россіи, одновременныхъ или близкихъ ко времени учрежденія императрицею Екатериной II Вольнаго Экономическаго Общества. Юбилейное изданіе Общества заключаетъ въ себѣ полную исторію сего вопроса. „Исслѣдованіе о крѣпостномъ состояніи крестьянъ въ Россіи“, сдѣланное въ 1767 году А. Я. Полѣновымъ, было напечатано въ *Русскомъ Архивѣ* г. Бартевева. Но князь Д. А. Голицынъ предупредилъ всѣхъ отечественныхъ писателей. Мысли высказываемыя имъ въ печатаемыхъ книгѣ письмахъ представляютъ не отвлеченный трудъ ученаго, а дѣловое изложеніе тѣхъ дѣйствительныхъ золъ которыя были такъ тяжелы крестьянамъ.

Многое въ предположеніяхъ князя Голицына могло казаться несбыточнымъ. Такъ, напримѣръ, устройство повсюду „большихъ“ дорогъ, и Россія покрытая сѣтью почтовыхъ сообщеній казалась до того немислима что даже со стороны императрицы явилось замѣчаніе: *Toute la France ne fait pas la moitié du gouvernement de Novgorod*. И тѣмъ не менѣе, по мановенію мудрой государыни, быстро осуществилось и то чтѣ ей самой казалось неосуществимымъ. Не далѣе какъ чрезъ шесть лѣтъ послѣ втораго изъ писемъ князя Голицына, государыня, по возвращеніи изъ своего путешествія на Новгородъ, Псковъ и Смоленскъ до Могилева и обратно въ Петербургъ, изъявляла монаршее благоволеніе Смоленскому дворянству, и ставила его въ образецъ другимъ областямъ Имперіи, по отличію устроенной имъ грунтовой дорогѣ, вездѣ обсаженной деревьями.

А. РАЧИНСКІЙ.

---

---

# ЛИТЕРАТУРА И КРИТИКА

---

Въ журналахъ нашихъ опять начались въ послѣднее время толки о критикѣ, ея значеніи и теперешнемъ состояніи у насъ. По этому поводу не можемъ не высказать мыслей къ которымъ все снова невольно приходимъ слѣдя за нашею современною литературой.

Больше всего толкуемъ мы о томъ чего у насъ нѣтъ. О здоровьи говорятъ постоянно больные, люди правдивые любятъ проповѣдовать необходимость и святость труда, бѣднаки разсуждаютъ о богатствѣ, о значеніи денегъ. И это естественно. Стану ли я распространяться о томъ что мнѣ привычно, съ чѣмъ я сжился, что для меня въ порядкѣ вещей? И въ мысляхъ нашихъ, и въ разговорахъ и въ литературѣ вербѣдо впередъ выдвигается то именно чего въ жизни не достаетъ. Идеалія, какъ извѣстно, возникаетъ въ обществахъ утомленныхъ искусственными условіями жизни; усерднѣе всего восхваляются гражданскія доблести въ эпохи политическаго упадка или застоя. Люди большею частью хотятъ быть не тѣмъ что они есть, и хотѣніе это высказываютъ изустно и письменно. Нѣмцы хотятъ быть воинами, Французы республиканцами, граждане Сѣверной Америки хотятъ быть джентльменами. Чѣмъ же хотимъ быть мы, преслѣдуемые Русскіе? Мы хотимъ... мы хотимъ такъ многого

что трудно сразу сказать чего именно хотимъ въ особенности. Если судить однако по толкамъ, часто и настойчиво повторяющимся и въ печати и въ обществѣ, едва ли не больше всего хотимъ мы „разумно ко всему относиться“. Таково, кажется, одно изъ любимыхъ теперь выраженій. Смыслъ его не совсѣмъ ясенъ. Случается, и не рѣдко, что люди съ одинаковымъ жаромъ требующіе разумнаго отношенія къ предмету, понимаютъ такое отношеніе совершенно различно. Разумно относиться къ окружающему, значить, конечно, каждый предметъ ставить на принадлежащее ему мѣсто, придавать каждому истинную его цѣну. Такая оцѣнка предметовъ и явленій дѣйствительности, каждаго порознь и въ связи другъ съ другомъ, называется критикой. Критика есть достоинствѣ разума. Разумное отношеніе значить, другими словами, отношеніе критическое. Критику, слѣдовательно, въ истинномъ смыслѣ этого слова, ставимъ мы себѣ въ обязанность и заслугу, критику считаемъ отличительною чертой и драгоценнымъ благомъ нашего времени. Гдѣ же у насъ критика? Гдѣ эта спокойная, внимательная, всесторонняя, по возможности, оцѣнка явленій? Вы слышите споры, видите столкновеніе противорѣчащихъ мнѣній, борьбу противоположныхъ интересовъ, но каждый стоитъ на своемъ, лишь для приличія, и то не всегда, выслушавъ другую сторону; подъ вліяніемъ раздраженія выдвигаются крайности, вопросы сбиваются, понятія смѣшиваются, обсужденіе дѣла смѣняется личными пререканіями, и напрасно покажи бы вы путеводной нити для выхода изъ страшнаго такимъ образомъ лабиринта недоумѣній, ошибокъ, противорѣчій. Наша печать или просто зачисляетъ факты, или вступаясь въ споръ становится органомъ одной изъ сторонъ и пресѣдуетъ нападками другую. Тутъ есть все что хотите кромѣ разумнаго отношенія къ дѣлу. Въ наукѣ, въ искусствѣ то же самое. Есть у насъ люди трудящіеся, ученые, люди талантливые, но ихъ труды и произведенія, появляясь въ свѣтъ, на короткое время служатъ предметомъ разговора въ сравнительно тѣсныхъ кругахъ, большинство же общества или пропускаются безъ вниманія, или принимаютъ такъ-сказать на вѣру, то съ бессознательнымъ одобреніемъ, то съ бессознательнымъ порицаніемъ, смотря по имени и положенію автора. Злѣмъ произведенія эти скоро забываются, не оцѣнены по достоинству. Страшное дѣло! Нѣмцы, Англичане, внимательно вглядываются въ явленія нашей литера-

туры, съ большимъ уваженіемъ произносятъ имена русскихъ писателей нежели мы, Русскіе. Плодотворныя попытки таланта, поучительные знаки времени, не поставленныя въ должный свѣтъ, на должное мѣсто, не растолкованныя большинству, затерялись для насъ въ произведеніяхъ дня, въ журнальномъ хламѣ и только очень немногимъ сказали то что должны были сказать цѣлому обществу. Опять приходимъ къ тому же: нѣтъ у насъ критики. Отчего же нѣтъ ея? На это находимъ неожиданно довольно странный отвѣтъ въ январьской книжкѣ *Вѣстника Европы*, въ статьѣ г. Пыпина. Критика пришла у насъ въ уладокъ, говорить г. Пыпинъ, волевыхъ, оттого что стало возможно говорить прямо о такихъ вопросахъ которыхъ прежде приходилось касаться только косвенно: о вопросахъ политики, экономіи, общественнаго устройства; въ вторыхъ, оттого что истинно-художественныхъ произведеній мало вообще, а у насъ въ особенности. Не то же ли это какъ еслибы кто-нибудь, разсуждая о неудовлетворительномъ состояніи, положимъ, медицины въ известной мѣстности, объяснялъ уладокъ этой науки тѣмъ что можно заниматься и химіей, и математикой, а также и тѣмъ что вполнѣ здоровыхъ людей мало вообще на свѣтѣ, а въ данной мѣстности особенно? Впрочемъ намъ нѣтъ ни малѣйшаго дѣла до оригинальности мнѣній г. Пыпина; мы далеки отъ желанія вступать съ нимъ или съ кѣмъ другимъ въ полемику. Если мы уломаемъ объ этомъ невольна удивляющимъ разсужденіи, то потому только что въ немъ, помимо, конечно, желанія и безъ вѣдома автора, высказывается дѣйствительная причина уладка или, лучше сказать, отсутствія у насъ критики. Надо начать издалека и внимательно вникнуть въ дѣло чтобъ уразумѣть эту причину.

Въ странномъ положеніи находится теперь наша литература, наша умственная жизнь вообще. Мы вдругъ почему-то вообразили себѣ что повали тайну жизни, надъ которою люди до насъ напрасно ломали себѣ головы, и что тайна эта заключается именно въ отсутствіи всего таинственнаго, всего недоступнаго чувствамъ, не поддающагося расчету. Когда собственно, кѣмъ, гдѣ и какъ сдѣлано это удивительное открытіе, мы не знаемъ, да и знать намъ не нужно. Оно сдѣлано, и довольно. Дѣло рѣшено, ясно, несомнѣнно. Чего же еще? Мы гордо стоимъ на достигнутой нами высотѣ и съ сожалѣніемъ, конечно, въскола-

ко презрительнымъ, оглядываемся на прежнія поколѣвiя, только искавшiя истины, которою мы обладаемъ. У насъ съ вами, очевидно, не можетъ быть органической связи. Между нами бездна. Они блуждали въ потемкахъ, мы озарены свѣтомъ знанiя; ихъ дѣятельность была лишь рядъ гадательныхъ попытокъ, наша отличается разумною послѣдовательностью; они метались ощулью туда и сюда, мы идемъ сознательно къ ясно понимаемой нами цѣли. Уваженiе къ прошедшему есть предрассудокъ. Мы не можемъ дорожить тѣмъ чѣмъ дорожили отцы и дѣды наши. Заниматься тѣмъ чѣмъ они занимались, увлекаться тѣмъ что ихъ увлекало, было бы для насъ ребячествомъ. Кто выбившись на прямой, широкій и твердый путь, добровольно вернется бродить по окольнымъ, гаухимъ, болотистымъ дорогамъ? Кто съ высоты современнаго развитiя согласится лизойти до обсуждения вопросовъ волновавшихъ людей полвѣка тому назадъ? Это было бы смѣшно. Вопросы эти или признаны праздными и отстранены навсегда, или рѣшены окончательно. Что тогда было трудно, для насъ легко; что тогда казалось сложнымъ и темнымъ, для насъ просто и ясно. Для нашего мышления исходною точкой служить то, предъ чѣмъ тогда въ недоумѣнiи останавливались.

Это странное самообольщенiе, овладѣвшее въ послѣднiе годы значительною частью нашихъ образованныхъ и пишущихъ людей, во многихъ отношенiяхъ весьма вредно отозвалось и на жизни, и на литературу нашей. Установился, между прочимъ, цѣлый кодексъ обязательныхъ для современнаго человѣка понятiй и мнѣнiй, и цѣлый рядъ соответствующихъ имъ словъ и оборотовъ рѣчи. Эти слова и обороты, повторяясь безпрестанно, вездѣ: и въ разговорахъ, и въ публичныхъ пренiяхъ, и въ печати, составили особаго рода искусственный, условный языкъ, умѣнiе владѣть которымъ стало считаться признакомъ образованности. Къ этому языку мы такъ уже привыкли что почти разучились говорить и писать на простомъ русскомъ языкѣ. Какъ нѣкогда русскiя слова были непонятны нашимъ дамамъ и молодымъ щеголямъ безъ французскаго перевода, такъ теперь многимъ изъ насъ обыкновенныя выраженiя кажутся дикими и неясными, если не перевести ихъ на условный современный языкъ. И какъ нѣкогда все французское казалось прекраснымъ, изящнымъ, такъ теперь все оказанное на этомъ языкѣ кажется унылымъ

и дѣльными. Самы того не подозревая, мы пришли къ тому же надъ чѣмъ смѣялся Мольеръ. Какъ придворные литераторы и ученые дамы его времени, такъ и мы щеголаемъ другъ предъ другомъ искусственными, непонятными для непосвященнаго выраженіями. Какъ во времена господства ложно-классической школы, форма у насъ стала на мѣсто содержанія. Встрѣчая извѣстныя, привычныя фразы и реченія, всакій доволенъ; никто и не думаетъ добираться до ихъ настоящаго смысла. Да и самъ пишущій или говорящій не очень заботливо спрашиваетъ себя что именно хочетъ онъ сказать. Имѣя право разчитывать что извѣстныя слова во всякомъ случаѣ произведутъ желаемое впечатлѣніе, публицисты и ораторы наши естественно пользуются этимъ легкимъ средствомъ дѣйствовать на публику. Такимъ образомъ, вмѣсто мыслей, ходитъ въ обществѣ нашемъ извѣстное количество установившихся, стереотипныхъ выраженій. Ими до-рожать какъ чѣмъ-то серіознымъ, не понимая въ сущности и не спрашивая что они значать. „Я честно отношусь къ дѣлу хозяйства“, говоритъ вамъ помѣщикъ; и прекрасно! И вы довольны, и онъ. А что онъ тѣмъ временемъ разоряется, это обстоятельство постороннее, не имѣющее значенія.

Чрезвычайно трудно при такихъ условіяхъ добиться въ чемъ бы то ни было настоящей ясности. Существуетъ, во первыхъ, дѣльный рядъ общепринятыхъ укоренившихся предубѣжденій; существуетъ затѣмъ привычка къ поверхностности, привычка довольствоваться неопредѣленными фразами вмѣсто опредѣленныхъ понятій; существуетъ наконецъ опасность что употребляемые вами слова для васъ и для вашихъ собесѣдниковъ или читателей значать не одно и то же. Является необходимость, если хотите не напрасно вести рѣчь, сначала выяснять значеніе весьма обыкновенныхъ словъ; а это отчасъ же производитъ впечатлѣніе непріятное. Собесѣдникъ или читатель обижается. Кто жъ этого не знаетъ? восклицаетъ онъ. Зачѣмъ толкуете вы то что разумѣется само обою? Въ томъ-то и бѣда что у насъ почти ничто само собою не разумѣется. Играя верхушками образованія, мы забываемъ его основы. Объ этихъ-то основахъ и нужно прежде всего говорить. Здѣсь корень многихъ золъ, проявляющихся въ нашей общественной жизни; здѣсь причина упадка нашей литературы и отсутствія у насъ критики.

Критика есть, какъ самое слово показываетъ, распознаваніе, разумная оцѣнка. Но оцѣнка предполагаетъ извѣстную норму цѣнности, извѣстную постоянную мѣру. Критика предполагаетъ критерій. Оцѣнка есть сравненіе: сравненіе неизвѣстнаго съ извѣстнымъ, сомнительнаго съ несомнѣннымъ, мѣняющагося съ неизмѣннымъ, частнаго съ общимъ. Рѣшить хорошъ или дуренъ данный предметъ, полезно или вредно данное явленіе, вѣрно или ложно данное сужденіе, могутъ только тогда когда есть что-нибудь для меня само по себѣ несомнѣнно хорошее, несомнѣнно полезное, несомнѣнно истинное. Насколько предметъ соотвѣтствуетъ этимъ нормамъ, настолько и будетъ онъ имѣть цѣны для меня. Различныя основанія оцѣнки, различныя нормы очевидно ведутъ за собою и оцѣнку различную. Только тогда могутъ люди судить одинаково объ одномъ и томъ же предметѣ, когда они мѣряютъ его одною мѣркою, когда точки отсчета ихъ одинаковы. Только тогда люди могутъ и понимать другъ друга. Если то, что для меня благо, для другаго зло, если я считаю истинной то что другой считаетъ ложью, мы не можемъ не только согласиться, но и разсуждать другъ съ другомъ, ибо все что я ни скажу будетъ выражать для моего собесѣдника прямо противоположное того что хочу я выразить. Чтобы цѣлое общество могло имѣть о чемъ-нибудь мнѣніе, могло цѣнить что-нибудь, чѣмъ-нибудь дорожило, или что-нибудь порицало, всѣ лица составляющія это общество должны принимать одно и то же за норму, должны судить на однихъ и тѣхъ же основаніяхъ. Общественное мнѣніе предполагаетъ необходимо существованіе нѣкоторыхъ всеми признаваемыхъ истинъ, нѣкоторыхъ свойственныхъ всемъ общимъ понятій. Назовемъ такіа понятія словомъ, когда-то любимымъ, и теперь нерѣдко, но не всегда кстатѣ употребляемымъ, назовемъ ихъ идеями. Только на основаніи идей могутъ сложиться въ обществѣ одинаковыя воззрѣнія; только идеи связываютъ другъ съ другомъ людей, различныхъ по происхожденію, по характеру, по образованію, по занятіямъ. Только идеи дѣлаютъ общество обществомъ, а не собраніемъ отдельныхъ единицъ. Лишь опираясь на идеи, лишь во имя идей можетъ съ успѣхомъ развиваться и общественная дѣятельность и литература. Общественный дѣятель долженъ дѣйствовать для общества, дѣлать то что полезно, что нужно обществу; что общество признаетъ за благо. Что же будетъ онъ дѣлать



и какъ дѣйствовать, если нѣтъ ничего всѣми равно за благо признаваемаго, если полезное по мнѣнію однихъ, другимъ кажется вреднымъ? Различіе мнѣній, конечно, всегда и вездѣ существуетъ; люди всегда будутъ спорить другъ съ другомъ; но самый споръ возможенъ только между людьми разсуждающими на одинаковыхъ основаніяхъ, согласными въ исходныхъ началахъ; самое различіе мнѣній можетъ возникнуть только на почвѣ общихъ идей. Если же нѣтъ точекъ на которыхъ всѣ различныя мнѣнія сходятся, если нѣтъ идей, тогда общество распадается на отдѣльные кружки, на единицы, и всякая общественная дѣятельность теряетъ смыслъ. Теряетъ мысль и литература. Писатель обращается не къ отдѣльнымъ лицамъ, не къ кружку друзей и знакомыхъ. Онъ пишетъ для общества. Только общественная оцѣнка, только соизнаніе умственной связи съ людьми далекими, ему неизвестными и его лично не знающими, только убѣжденіе что онъ выказываетъ въ словѣ, облачаетъ въ образы то что каждый носитъ въ себѣ, что каждому близко и дорого, только такое ознаніе, такое убѣжденіе даетъ писателю силу, согрѣваетъ и возвышаетъ талантъ. Одоленіе нужно писателю; не ради пустого тщеславія, а какъ правданіе предъ самимъ собою, какъ доказательство что онъ не теряетъ даромъ трудъ и время, не воюетъ съ вѣтрами мельницами; что мысли, надежды, желанія, наполняющія, волнующія его душу, вся внутренняя жизнь его, не хитера, не личная особенность или случайное настроеніе, что достойное или горькое для него, другихъ людей также радуетъ и огорчаетъ. Писателю нуженъ также безпристрастный, искренній судъ, нужна критика. Личь только выйти изъ той умственной связи съ обществомъ, которая есть смыслъ его дѣятельности, личь только, увлекаясь личными наклонностями, отступить отъ идей, выраженіе которыхъ составляетъ достоинство его произведеній, общество сейчасъ же должно указать ему эти уклоненія, критика должна растолковать ему его ошибки. Призаніе критики непрерывно поддерживать и уяснять сознаніе тѣхъ идей, на которыхъ основана и связь литературы съ обществомъ, и связь дѣльныхъ лицъ въ обществѣ. Гдѣ нѣтъ идей, тамъ нѣтъ и связи, тамъ нѣтъ, очевидно, и критики. Можетъ ли одинокое не быть идей въ обществѣ? Могутъ ли люди, въ высшемъ разномъ связанные, не имѣть никакой умственной связи

другъ съ другомъ? Очевидно не могутъ. При безконечномъ разнообразіи временныхъ и мѣстныхъ условій, личныхъ особенностей, все-таки есть общее между всеми людьми, есть понятія по необходимости свойственныя всякому человѣку, поскольку онъ человѣкъ. Эти понятія развиваются, измѣняются, получаютъ то или другое значеніе, но продолжаютъ существовать вездѣ и всегда. Какъ законы природы, независимо отъ воли и разумнаго людей, идеи живутъ и дѣйствуютъ въ человѣческихъ обществахъ. Но какъ законы природы могутъ быть сознаваемы болѣе или менѣе ясно, болѣе или менѣе числомъ лицъ. Этимъ опредѣляется степень развитія общества. Человѣкъ можетъ жить вопрекоръ требованіямъ физической природы: не спать по ночамъ, вѣствовать въ мѣру и не вовремя, не упражнять, а истощать свои силы. Точно также онъ можетъ, вопрекоръ самому себѣ, отрицать существованіе идей, не признавать ничего общаго, никакого. Слѣдствіемъ въ обоихъ случаяхъ бываетъ расстройство какъ отдѣльнаго, такъ и общественнаго организма. Какъ пріятное здоровому противно больному, какъ больнаго раздражаетъ то что веселитъ здороваго, такъ, утративъ сознаніе идей, и отдѣльный человѣкъ, и цѣлое общество теряютъ внутреннюю гармонію и нормальное отношеніе къ окружающему. Является разрозненность, непониманіе другъ друга, равнодушіе къ общественнымъ интересамъ, преслѣдованіе только личныхъ выгодъ, дѣятельность лишь во имя личныхъ убѣжденій. Является неминуемо упадокъ умственной жизни, упадокъ литературы. Какъ не сознать, что всѣ эти признаки мы видимъ теперь предъ собою? Рѣчь, конечно, идетъ не объ отдѣльныхъ личностяхъ, тѣмъ ярче выдающихся чѣмъ менѣе имъ подобныхъ, не объ отдѣльныхъ явленіяхъ, тѣмъ болѣе отрадныхъ чѣмъ рѣже они встрѣчаются, а о господствующемъ настроеніи, о большинствѣ нашего общества. Оно пришло къ такому состоянію вслѣдствіе слишкомъ слѣпшаго, неосновательнаго просвѣщенія. Было время еще очень недавно, когда вдругъ безъ подготовки, безъ достаточныхъ предварительныхъ знаній, познакомились мы съ германскою философіей. Мы восхитились тогда новымъ міромъ, который открылся для насъ. Не пройдя дороги, очутились мы у цѣли. Не зная ни исторіи, ни природы, мы овладѣли разгадкою смысла и исторіи и природы. Мы веждавно получали отвѣтъ на вопросы, кото-

рыхъ еще и не предлагали себѣ. Проверить отвѣтъ этотъ мы не могли. Мы не имѣли никакихъ средствъ замѣтить ошибки, односторонности, крайности философа, и личныя мнѣнія мыслителей приняли за самую истину. Обладаніе этою истиною не могло насъ не радовать. Мы гордились сознаниемъ мировыхъ идей и, дорожа ими, конечно больше всего, видя въ нихъ самую сущность знанія, съ преобреженіемъ относились къ отдѣльнымъ фактамъ. А между тѣмъ изслѣдованіе фактовъ усердно продолжалось на западѣ. Размышленіе о конечныхъ причинахъ шло объ руку съ изученіемъ природы. Также внезапно, какъ прежде философію, узнали мы послѣдніе результаты этого изученія. Оказалось что многія толкованія, которыя насъ удовлетворяли, несостоятельны, что многія положенія, въ истинѣ которыхъ мы не думали сомнѣваться, противорѣчатъ очевиднымъ, осязательнымъ фактамъ. Случилось то что неминуемо должно было случиться. Легко принявъ философію, мы также легко отказались отъ нея. Отъ отрицанія отдѣльныхъ фактовъ во имя идей мы перешли къ отрицанію идей во имя отдѣльныхъ фактовъ. Не вдумавшись въ отношеніе мышленія къ изученію природы, не понявъ еще что если обобщеніе должно опираться на факты, то и изслѣдованіе фактовъ не имѣетъ смысла безъ обобщенія, что лишь соединеніе того и другаго составляетъ науку, мы олять ради одной стороны ея отвергли другую. Ухватившись за одну половину, лишь въ фактическомъ званіи стали мы полагать науку, стали противопоставлять дѣйствительность идеямъ, жизнь теоріи, какъ будто идеи не та же дѣйствительность, какъ будто жизнь безъ теоріи возможна. Отсюда разобщеніе наше съ прошедшимъ и странно преувеличенное сознаніе превосходства надъ нимъ. Мы вообразили себѣ что дѣлаемъ что-то совсѣмъ другое, чѣмъ дѣлали прежнія поколѣнія, стремимся къ совсѣмъ другимъ цѣлямъ, чѣмъ стремились они. Отсюда ложное положеніе, въ какое стала у насъ наука. Сама себя не понимая, она вступила во вражду со своими собственными основами, съ началами давшими ей существованіе: принялась оспаривать то, чѣмъ сама живетъ, что призвана подтвердить: вѣру во всеобщее, истину идей. Отсюда и уладокъ искусства, литературы повѣстической или художественной. Разумѣя подъ дѣйствительностью лишь отдѣльные факты, имъ однимъ приписывая несомнѣнную истину, мы эту истину приняли за норму, за

основаніе оцѣнки, мы стали требовать отъ искусства соотвѣтствія этой дѣйствительности. Жизнь, то-есть то что мы всё видимъ и знаемъ, что мы сами каждый день дѣлаемъ, стало для насъ единственнымъ достойнымъ предметомъ искусства. Оно въ нашихъ глазахъ не что иное какъ копія съ жизни. Достоинство копіи, конечно, опредѣляется ея вѣрностью. Задача критики, следовательно, въ томъ только по нашему заключается чтобы рѣшить—представляетъ ли намъ произведеніе искусства то именно что мы видимъ въ окружающей насъ дѣйствительности, и такъ именно какъ мы это видимъ. Если представляетъ—произведеніе это хорошо, если нѣтъ—оно никуда не годится. Съ этой точки зрѣнія искусство, очевидно, можетъ быть только или пустою забавой или средствомъ проводить извѣстныя мысли. Такимъ и является оно у насъ. Мы понимаемъ только повзю или шуточную, или тенденціозную. То-есть, въ сущности мы отрицаемъ повзю, отрицаемъ искусство послѣдовательно и необходимо, потому что отрицаемъ идеи которыя составляютъ его содержаніе. Искусство призвано дать человеку то именно чего не даетъ ему окружающая дѣйствительность: наглядно, осязательно, словомъ, звуками, красками, очертаніями выражать идеи, сознаніе которыхъ составляетъ силу и счастье человѣка, которыхъ присутствіе чувствуетъ онъ и въ себѣ, и въ окружающемъ мірѣ, но не можетъ распознать среди шума разнородныхъ голосовъ, среди пестроты мѣняющихся явленій. Уловить гармонію въ этомъ шумѣ, единство въ этой пестротѣ, усмотрѣть и показать намъ общее въ частномъ, вѣчное въ преходящемъ есть назначеніе художника, есть дѣло таланта, генія. Вѣра въ идеи, живое сознаніе ихъ есть исходная точка и конечная цѣль какъ науки такъ и искусства. И вѣра эта присуща человѣку несмотря на временныя заблужденія. Разсѣивать заблужденія эти—задача критики. Она должна толковать намъ то что въ насъ самихъ, иногда безсознательно, происходитъ, улавливать противорѣчія, въ которыя впадаемъ мы съ самими собою, и, объясняя ихъ источникъ, указывать ихъ разрѣшеніе. Прежде всего не должна она подчиняться вкусу времени, смущаться господствующими предубѣжденіями. Это силы вовсе не такъ страшны какъ можетъ казаться съ перваго взгляда. Большинство почитается имъ только потому что не слышитъ возраженій, не видитъ лучшаго. То что должна говорить здравая критика,

тѣ идеи которыя она призвана выяснять, распространять и поддерживать, такъ свойственны самой природѣ челоуѣка, такъ соотвѣтствуютъ его внутреннимъ желаніямъ и потребностямъ, что онъ всегда будетъ радъ возвратиться къ нимъ и отказаться ради ихъ отъ безотрадныхъ и неразумныхъ заблужденій. Такъ не разъ бывало въ челоуѣческихъ обществахъ, такъ будетъ надо надѣяться и у насъ. Стоить намъ только подумать серьезно о смыслѣ повторяемыхъ нами по привычкѣ фразъ, и лустота ихъ сейчасъ же обнаружится; стоитъ только взглянуть внимательно на вызванные нами же призраки, и призраки эти исчезнутъ сами собой.

И. ПАВЛОВЪ.

---

## ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА

---

Озмѣн. Новый сборникъ стиховъ Я. П. Полонскаго. Часть I.  
С.-Петербургъ. 1876.

Волпреки общепринятому мнѣнію, будто въ наше время не существуетъ больше никакого запроса на поэзію, будто среди поглощающихъ насъ практическихъ и общественныхъ интересовъ даже совѣстно заниматься такими пустяками какъ стихи, будто, однимъ словомъ,

Въ нашежъ вѣкъ зрѣломъ,  
Извѣстно вамъ — всѣ заняты мы дѣломъ —

вопреки всѣмъ этимъ увѣреніямъ, никогда быть-можетъ не печаталось столько стиховъ и никогда русскіе поэты не обнаруживали такой плодовитости, какъ именно въ настоящее прозаическое время. И что всего замѣчательнѣе, стихами переполнены именно тѣ журналы которые болѣе всѣхъ глумятся надъ поэзіей и съ особеннымъ самодовольствомъ кричатъ о практическихъ задачахъ вѣка, о реалистическомъ и серьезномъ направленіи новаго поколѣнія вообще и своихъ сотрудниковъ въ особенности. Разверните любую книжку *Дѣла* или *Отечественныхъ Записокъ*, и вы найдете тамъ десятки страницъ наполненныхъ стихами. Г. Некрасовъ сочиняетъ цѣлыя опереточныя либретто, объемомъ въ вѣскомя

печатных листовъ. *Вѣстникъ Европы* также изобилуетъ стихотвореніями. Въ книжной торговлѣ являются многотомныя изданія Шиллера, Гёте, Байрона, Гейне въ русскихъ стихотворныхъ переводахъ, и не только являются, но и расходятся въ лубикѣ съ замѣчательною быстротой, въ такомъ большомъ числѣ экземпляровъ, какого рѣдко достигаютъ самыя сенсационныя прозаическія изданія. Нѣтъ кажется ни одного такого маленькаго иностраннаго поэта изъ котораго въ русскихъ журналахъ не являлось бы переводовъ. Еслибы была возможна основательная книжная и журнальная статистика, мы навѣрное убѣдились бы что въ самыя романтическія эпохи своей жизни, русское общество никогда не поглощало столько стиховъ, какъ въ послѣднія пятнадцать лѣтъ, ознаменованныя говеніемъ на искусство вообще и поэзію въ особенности.

Мы могли бы воспользоваться этимъ обстоятельствомъ чтобы показать до какой степени вкусъ и потребности общества разошлись съ тенденціозною рутинной современнаго журнализма, еслибы это не было уже довольно старою и общеизвѣстною истиной.

Правда, во всей этой массѣ стиховъ, въ которой плаваешь современная литература, очень не много поэзіи. Сомнѣваемся, напримѣръ, чтобы легко было открыть ея присутствіе въ новомъ произведеніи г. Некрасова, одна только вторая часть котораго заняла въ январьской книжкѣ *Отечественныхъ Записокъ* полсотни страницъ, и изъ котораго мы, во избѣжаніе дальнѣйшей оцѣнки, приведемъ здѣсь слѣдующую выдержку:

Время выдти на поприще новое,  
 Честь имѣю проектъ предложить,  
 Все обдуманно — дѣло готовое,  
 Стѣбитъ только уставъ сочинять.  
 Мысль — „Центральнаго дома терпимости“,  
 Такова наша мысль! Скажутъ намъ:  
 Прежде Невскій флажкомъ выности,  
 И на то я согласенъ дамъ!  
 Вамъ порукою наше серьезное  
 Отношеніе къ дѣламъ вообще,  
 Что развитіе ей грандіозное  
 Мы надѣемся дать не воще:  
 Лишь бы намъ разрѣшили концессию...  
 Учредимъ капиталъ на плахъ,  
 И убивъ мелочную профессію,  
 Двинемъ дѣло на всѣхъ парусахъ!

Но если въ подобныхъ произведеніяхъ и замѣчается болѣе людѣвки подѣ вкусы толкачаго рынка чѣмъ поэзіи, то нельзя однако же сказать чтобы не появлялось въ наше время и настоящихъ, хорошихъ стиховъ, не чуждыхъ того поэтическаго вліянія которое украшало и облагораживало поэзію предыдущей эпохи. Къ числу такихъ дѣйствительно поэтическихъ явленій текущей литературы слѣдуетъ отнести и новый сборникъ стихотвореній Я. П. Полонскаго *Озими*, на который мы хотимъ обратить вниманіе нашихъ читателей.

До сихъ поръ на страницахъ *Русскаго Вѣстника* намъ не случалось говорить о талантѣ г. Полонскаго. Между тѣмъ изъ повтовъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ никто чаще его не доставляетъ публикѣ эстетическія наслажденія. Муза его не утратила ни свѣжести, ни плодовитости: въ его стихахъ и теперь слышится молодость, молодой поэтической задоръ и молодая задумчивость. Пишетъ г. Полонскій много, даже больше чѣмъ писалъ прежде. Новая книжка его стихотвореній, составившаяся изъ произведеній послѣднихъ лѣтъ, заключаетъ въ себѣ до сорока піесъ, между которыми нѣсколько поэмъ значительнаго объема; а въ нее еще не вошли двѣ самыя большія повѣсти въ стихахъ, написанныя въ семидесятыхъ годахъ, *Мили* и *Камомъ* и большое сатирическое произведеніе *Собаки*, составляющее само по себѣ цѣлую книжку. Такая плодовитость возможна только при условіи, когда поэтъ вполне овладѣваетъ стихомъ и всѣми техническими трудностями своего искусства. Для г. Полонскаго „языкъ боговъ“, или говоря проще стихотворная рѣчь, дѣйствительно составляетъ его природный языкъ. Ритмъ и рима ему повинуются охотно, на его стихахъ никогда не лежитъ печать напряженія или труда. Онъ не дорабатываетъ свой стихъ до той изысканной виртуозности, которая иногда украшала, а чаще портила произведенія покойнаго Мей; но въ его стихѣ много изящества, соединеннаго съ простотою, и въ особенности много того совершенно индивидуальнаго качества, которое мы назвали бы хрустальною прозрачностью. Эта прозрачность, дѣлающая стихи г. Полонскаго иногда похожими на поэтизованный лепетъ ребенка, отражается и на самомъ содержаніи его поэзіи. Лучшими его вещами остаются до сихъ поръ тѣ въ которыхъ выразилась присущая его таланту изящная грація мысли и формы и молодая, мечтательная и отчасти нарядная веселость. Рѣзкія и сильныя



проявленія чувства не въ характерѣ этого таланта, и хотя въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ произведеніяхъ г. Половскаго замѣтно стараніе придать стиху силу и горечь, но мы предпочитаемъ тѣ болѣе раннія созданія его музы гдѣ онъ вполне вѣренъ своей поэтической природѣ, гдѣ онъ отдается въ одно и то же время своей нарядной печали и своей мечтательной, тихой веселости. Въ этомъ чарующемъ соединеніи различныхъ струй чувства, когда ни одинъ звукъ не раздается крикливо и рѣзко, но слышится ролщущая и крадущаяся въ душу гармонія—заключается, по нашему мнѣнію, главное очарованіе поэзіи г. Половскаго. Чтобы лучше пояснить нашу мысль приведемъ здѣсь одно стихотвореніе принадлежащее пятидесятигь годамъ, но пропущенное почему-то въ прежнихъ изданіяхъ, и которымъ начинается книжка *Озимей*. Оно называется *Примадонна*.

О, пой, примадонна!  
 Авось вдохновенье  
 Твое оживитъ насъ  
 Хотя на мгновенье,  
 Непомнить минуты  
 Отрады случайной,  
 Минуты для свѣта  
 Покрываетъ тайной.  
 Въ тяжелое время  
 Всеобщаго торга  
 Такъ рѣдки, такъ савдки  
 Волненья восторга!  
 О, пой, примадонна!  
 Топа рукопаещеть;  
 Ожившее сердце  
 Пугливо трепещеть...  
 И мнитъ: бабъ рай,  
 У замкнутой двери,  
 Поеть безнадежно  
 Забудшая лери;  
 А демонъ изъ бездны,  
 Навѣву внимаю,  
 Гремя, рукопаещеть  
 Изглавляѣ рай...

Собственно говоря это только поэтическая бездѣлка, и мы ссылаемся на нее вовсе не какъ на яркій образецъ творчества. У г. Половскаго есть вещи гораздо болѣе серьезныя, гораздо

полюще выражающія поэтическую мысль. Но намъ захотѣлось прежде всего напомнить это стихотвореніе потому что въ его конструкціи, въ его стихѣ, въ извѣдномъ подтекстѣ вдохновеннаго чувства, съ особенною ясностью ощущается что-то мечтательное, нарядное и невозможно грустное, что всегда есть въ лучшихъ произведеніяхъ нашего поэта. Пусть притомъ читатель обратитъ вниманіе съ какою извѣстною творческою непринужденностью отъ лирической темы этого стихотворенія отдѣляется образъ съ опредѣленными, хотя только едва обозначенными очертаніями: примадонна, заставляющая „въ тяжелое время всеобщаго торга“ пугливо трепетать ожившее сердце, превращается въ заблудшую лери поющую у вратъ потеряннаго рая, а тогла пробужденная этою небесною мелодіей, та самая тогла которая участвуетъ во „всеобщемъ торгѣ“, внимааетъ ей какъ демонъ мучительно и сладостно ввѣлованный въ своей темной безднѣ.

Извѣстная образность представляетъ одну изъ самыхъ увлекательныхъ сторонъ поэзіи г. Полонскаго. Припомнимъ его давнюю и лучшую поэму *Кузнечикъ-Музыкантъ*; сколько тамъ разсыано граціозныхъ, нарядныхъ, веселыхъ образовъ, сколько въ этихъ образахъ красивой поэтичности, тихаго чувства и иногда осторожной, благородной ироніи! Г. Полонскій часто является замѣчательнымъ жанристомъ, въ лучшемъ, извѣнѣишемъ смыслѣ этого термина, которымъ такъ много злоупотребляютъ въ современномъ русскомъ искусствѣ. Въ его отношеніяхъ къ своимъ героямъ у него часто сквозитъ какая-то особая, чрезвычайно милая шутливость, онъ какъ будто играетъ и ими, и своими стихами, и своими образами, играетъ той красотой которую вѣдетъ отъ изображаемыхъ имъ картинокъ. Вообще, весьма немногіе изъ нашихъ поэтовъ умѣютъ такъ извѣдно и мило шутить какъ г. Полонскій: его иронія прозрачна какъ солнечный лучъ. Припомнимъ хотя бы слѣдующія строки послѣ разговора бабочки съ кузнечикомъ во второй актѣ этого прелестнаго шуточнаго вѣоса:

И она сложила

Крышечку (такъ точно бабужкины звуки,  
Гостю присѣдая, складываютъ ручки)  
И по-надъ дорожкой, тако козылаа,  
Словно листикъ вѣтронъ сорваннымъ, мелькая  
Вдальную кривень, повеселась сальфида.  
Скоро мой кузнечикъ потерялъ изъ вида

Полезу фео, подскакнуъ, вѣднпаса  
 Въ уоки ржамаго колоса и зашаса  
 Что проклятый вѣтеръ колосъ нагибаетъ,  
 Нагибая колосъ, видѣтъ вдаль нѣшаетъ...  
 Въ этомъ положеньи шмель его увидѣлъ  
 И нескромнымъ словомъ прыгнулъ обидѣлъ.  
 Вѣдмелкй кузнечикъ тутъ же спохватился,  
 Растопыривъ фалды и въ траву свалился.

или припомнимъ слѣдующую сцену бала на сѣкомыхъ:

Копшата гостя. Въ мѣсячномъ оіань  
 Бабочки порхаютъ въ балыкомъ одѣань.  
 Стрекова, сцѣпившись съ стрековой, несется.  
 Пестрый вихоръ вальса шеститъ и вьется,  
 Жухолцы ходятъ около буфета,  
 Ползаютъ козявки, и большаго свѣта  
 Жесткія особы—Божія коровки  
 Собрались другъ другу показать обманки.  
 Моча подбирался къ двумъ зеленымъ мухамъ,  
 Два жучка какихъ-то выступаютъ брюхомъ  
 На короткихъ ножкахъ. Муравей, съ шнуровкой  
 Подъ жалеюмъ подымъ, съ желателькой коровкой  
 Важно и небрежно, присѣдая, плашетъ и т. д.

Мы приведемъ эти выдержки затѣмъ что самая талантливая произведенія нашей поэзіи скоро забываются, и въ настоящее время мало кто помнитъ *Кузнечика-Музыканта*, эту прелестнѣйшую изъ поэтическихъ шутокъ, которую во всякой другой литературѣ оцѣнили бы очень высоко. Мы причисляемъ ее къ шуткамъ, однако къ такимъ гдѣ веселость идетъ рядомъ съ грустью и гдѣ разлито много любвеобильнаго, искренняго и хорошаго чувства: вспомнимъ хотя бы заключительную лѣсью поэмы, за чтеніемъ которой цемить сердце.

Образность, присущую таланту г. Половскаго, мы назвали изощреною, и въ этомъ качествѣ мы видимъ одну изъ индивидуальностей нашего поэта. Даже тамъ гдѣ онъ рисуетъ образы мрачныя, отталкивающіе, онъ не оскорбляетъ нашего чувства. Въ новой книжкѣ его есть стихотвореніе *Голодъ*, въ которомъ это народное бѣдствіе олицетворено въ живой фигурѣ, чрезвычайно яркой и вмѣстѣ съ тѣмъ не лишеною сильнаго народнаго колорита. И несмотря на мрачный характеръ этой фигуры, несмотря на присутствіе народнаго элемента, юмшиаемаго у насъ обмкловенно въ смыслѣ простонародной

грубости, — взгляните съ какимъ художническимъ тактомъ нарисованъ у г. Полонскаго этотъ страшный образъ:

Словно свое чудище,  
Голодъ зарождается;  
Овъ въ дыравомъ рубашѣ  
За гумномъ сномается,  
Въ огородахъ прячется,  
Замы дожидается,  
На распутѣ плачется —

Буря ли промосится  
Али дождикъ хлещется —  
Пахарю мерещится,  
Голодъ въ шбу просится —  
Воевъ воаконъ — скобается,  
Съ домовыми борется...

Съ ащюю утробюю,  
Съ немасытною ащююю,  
Съ вѣщюю угрозащюю...  
Голодъ подъ жорозамъ  
Не боится холода,  
Добѣжить до города...

Мы не претендуемъ въ этой бѣглой замѣткѣ, вызванной появленіемъ *Озимей*, дать полную оцѣнку таланта г. Полонскаго и всего того что овъ произвелъ въ продолжительный періодъ своей литературной дѣятельности. Эта почтенная, болѣе чѣмъ тридцатилѣтняя дѣятельность могла бы быть предметомъ большой критической статьи. Въ настоящей замѣткѣ мы слѣдимъ перейти къ обзору тѣхъ болшею частью 'поэтическихъ произведеній поэта которыя вошли въ составъ новаго сборника его стихотвореній.

Далеко не раздѣляя мнѣнія тѣхъ которые полагаютъ что г. Полонскій истощилъ уже свои темы и свои лучшіе мотивы, мы должны однако сказать что выборъ піесъ для этого послѣдняго изданія не отличается тою строгостью, съ какою поэтъ отвесилъ къ самому себѣ въ первомъ изданіи, вышедшемъ въ серединѣ пятидесятихъ годовъ. *Озимей* не состоитъ изъ однихъ только чистыхъ жемчужинъ поэзіи, какъ та первая книжка стихотвореній г. Полонскаго. Въ новомъ сборникѣ есть вещи довольно слабыя, напр. *Мишенька*, *Полъшанская*, *Отрадная Встрѣча* и нѣкоторыя другія. Къ этой же категоріи мы отвесили бы и большой отрывокъ изъ поэмы *Браты*,

еслибы здѣсь въкоторыя отдѣльныя прекрасныя мѣста не выкупали блѣдности и растянутости цѣлаго. Можно пожалѣть также что авторъ не исключалъ изъ многихъ весьма хорошихъ стихотвореній сильно вредящихъ имъ вставокъ тенденціознаго и рутинно-обличительнаго свойства (например, въ стихотвореніи *Голодъ* такъ и рѣжетъ куплетъ объ аванасахъ въ сахарѣ и о свѣтскихъ красавицахъ). Все такое слѣдовало бы предоставить въ исключительное распоряженіе гг. Некрасова, Минаева и имъ подобныхъ стихотворцевъ. Но такихъ, сравнительно слабыхъ произведеній, въ новомъ сборникѣ г. Полонскаго немного; они исчезаютъ между стихотвореніями запечатлѣнными симпатичнымъ и еще свѣжимъ талантомъ. Лучшее изъ нихъ, по нашему мнѣнію—*Казиміръ Великій*. Тема его, указанная автору покойнымъ Гальфердингомъ, заимствована изъ разказа польскаго лѣтописца Длугоша о раздѣлѣ королемъ Казиміромъ хлѣба изъ своихъ магазиновъ во время голода. Стихотвореніе начинается тѣмъ, какъ

Въ росписныхъ самахъ, ковромъ покрытыхъ,  
На распахку, въ буркѣ боевой,  
Казиміръ, круаъ польскій, мчится въ Краковъ  
Съ молодой, веселою женой.

Онъ слѣшитъ домой съ охоты. Въ Краковѣ его ждутъ „возводы, шляхта, Краковяки, музыка и танцы, и вино“. Но круаъ не въ духѣ: онъ слышалъ какъ бродячій гусляръ пѣлъ лѣсникамъ о страшномъ голодѣ, отъ котораго гибнетъ народъ, и лѣсна эта омрачила круаъ. Онъ везетъ гусяра съ женой, для того чтобъ услышали веселящіеся магнаты „то что слыана пѣлъ онъ лѣсникамъ“. Во время блестящаго пира въ новомъ королевскомъ замкѣ, среди нарядной толпы выступаетъ гусляръ.

Отъ него надворной вѣетъ стужей,  
Искры свѣга таютъ въ волосахъ,  
И какъ тѣнь лежитъ румянецъ сизый  
На его обвѣтренныхъ щекахъ.

Онъ поетъ „про славные походы на сосѣдей, Нѣмцевъ и Татаръ“; въ толпѣ слышатся шумныя одобренія—

Только круаъ махнулъ рукой, махнурасъ—  
Доскаты лѣсни эти я слышалъ!

Гусляръ затягиваетъ другую—про любовь, про молодость чары прекрасной королевы; но Казиміръ попрежнему мраденъ и велитъ пѣть ту лѣсни которую подслушалъ онъ у

него въ лѣсу. Смущенный гусляръ затягиваетъ заунывный  
голосомъ:

Ой вы, хлопцы, ой вы, Божья люди!  
Не враги трубать въ побѣднѣй рогъ,  
По пустымъ полямъ шагаетъ голодъ,  
И кого на встрѣтить—взаетъ съ ногъ.

Онъ поетъ про страданія хлопцовъ, про корысть павозъ,  
поднявшихъ цѣну на хлѣбъ въ эту годину народнаго бѣдствія.

Не успѣвъ онъ кончить этой пѣсни:  
„Правда ли?“ вдругъ воскликнулъ Казиміръ,  
И привсталъ, и въ гнѣвъ, весь багровый,  
Озираетъ оштрафенный пиръ.

Поднялось, дрожать, бабдируютъ гости.  
„Что же вы не скажете пѣвца?  
Божья правда шла съ вами изъ народа  
И дошла до нашего лица..“

Завтра же, въ подрывъ корыоти вашей,  
Я мои амбары отопру..“

Вы... ажецы! Глядите, я, король вашъ,  
Клянусь за правду гусляру..“

И пѣвцу поклонъ отъбоявъ, вышекъ  
Казиміръ—и пиръ его притихъ..“

„Хлопскій круаъ!“ въ сѣняхъ бормочутъ павы..  
„Хлопскій круаъ!“ лепечутъ жемы ижы..“

Какъ видать читатели, стихотвореніе это не совсѣмъ при-  
надлежитъ къ области такъ-называемаго „чистаго искус-  
ства“; въ немъ есть общественная идея, которая въ перво-  
начальной редакціи стихотворенія, сколько намъ помнится,  
была выражена яснѣе, чѣмъ въ томъ видѣ въ которомъ эта  
піеса является въ *Озимъхъ*. Но никто конечно не назоветъ  
это произведеніе тенденціознымъ: идея въ немъ такъ тѣсно  
связана съ поэтическимъ образомъ что ихъ не оторвать одну  
отъ другаго. Еслибы наши такъ-называемые „гражданскіе“  
поэты понимали въ такомъ смыслѣ внутреннюю содержа-  
тельность поэзіи, литература освободилась бы отъ множе-  
ства скучныхъ и фальшивыхъ созданій, наполнившихъ ее  
въ послѣдніе годы..

Отрывокъ изъ поэмы *Братья*—самая длинная вещь въ  
сборникѣ. Мы опасаемся произвестъ объ этомъ произведе-  
ніи опредѣленное сужденіе, такъ какъ замыселъ поэта оста-  
ся неисловеннымъ, и идея не выясненною. Задумана была

эта поэма кажется очень широко, и суда по некоторымъ признакамъ слѣдуетъ полагать что поэтъ имѣлъ въ виду положить въ нее много задушевнаго, заветнаго и можетъ-быть припомнить много личныхъ впечатлѣній. Но работа осталась не конченною, и напечатанный отрывокъ еще не даетъ возможности судить о цѣломъ. Мы видимъ только рядъ картинъ, написанныхъ мѣстами свободно и широкою кистью, мѣстами же не совсѣмъ удачныхъ. Герой поэмы, насколько онъ выяснился, принадлежитъ къ категоріи артистическихъ натуръ, которыми изобиловало наше общество сороковыхъ годовъ. Авторъ проводитъ его черезъ рядъ впечатлѣній, сначала въ Москвѣ, гдѣ на него обрушивается одна изъ тѣхъ вседо-политическихъ невзгодъ, какія были перѣдки въ тогдашнее время, потомъ въ Римѣ, въ интереснѣйшую эпоху изгнанія палы и борьбы съ войсками Французской республики. На этой канвѣ поэтъ изобразилъ много узоровъ, отмѣченныхъ поэтической силой и красотой; въ особенности хороша картина тогдашняго Рима. Нельзя не остановиться также на слегка набросанной женской фигурѣ, появляющейся въ началѣ поэмы на пикникѣ, устроенномъ въ Москвѣ друзьями увѣщающаго въ Римъ героя: по мягкости и изяществу рисунка, этотъ вожель начетанный образъ принадлежитъ къ самымъ удачнымъ въ поэмѣ. Въ загородномъ вокзалѣ, гдѣ веселится кутающая молодежь, входитъ никому не знакомая дѣвушка:

Гостья, вѣя

Ночною влагой, какъ вечная фея,  
 Показавъ къ сатирамъ на балкетъ,  
 Дрожаа.... Зимней ночи холодъ  
 Лежалъ румянцемъ на ея лицѣ;  
 Румянецъ этотъ былъ какъ утро молодъ  
 И свѣжъ какъ роза въ свадебномъ вѣнцѣ;  
 Придирчива къ ея кудрамъ свѣжизни  
 Растаяли въ амазны; до косынки,  
 До самыхъ плечъ ея, со всѣхъ сторонъ  
 Спадали кудри, русые какъ левъ;  
 Ея глаза не цвѣтали цвѣта —  
 И при свѣчахъ асма была лазурь,  
 Лазурь напоминающая лѣто  
 Въ дни жаркіе безъ льда и безъ бурь...  
 Въ лиловомъ платьѣ, съ лентой надъ приборомъ,  
 Въ надорванныхъ перчаткахъ, шла она,  
 Скользя по лицамъ неспокойнымъ взоромъ...

Бъ сожалѣнью, въ дальнѣйшемъ роль этой дѣвушки оказывается довольно банальною, и поэтическое очарованіе окружающее ея первое появленіе, разсѣивается. Шутка, которая всегда такъ мила и изящна у г. Полонскаго, на этотъ разъ является какъ-будто не кстати.

Между мелкими стихотвореніями вошедшими въ *Озими* болѣе другихъ намъ нравится *Ночная Дума*, съ эпиграфомъ изъ Державина: „Я червь—я богъ.“ Здѣсь мысль также глубока, какъ изящна форма. Въ ночной темнотѣ лютъ прислушивается къ звукамъ, въ которыхъ сказывается неутомная, лихорадочная и страстная жизнь большого города, и имъ овладѣетъ мысль о томъ что онъ, постигающій прекрасное и великое, полный титаническихъ сновъ—онъ червь ничтожный для этой многоголовной толпы, служащей личнымъ страстямъ и пророкамъ.

Съ этой жаждой, что водѣ не просить,  
И которой не зальетъ виною,  
Для себя—я духъ, стремящейся полныи,  
Для другихъ—я червь на двѣ морскаго.  
Духа титаническіе стоиы  
Слышитъ ли во мракѣ кто-нибудь?  
Знаетъ ли хоть кто-нибудь на свѣтѣ  
Отчего такъ трудно дышитъ грудь!

*Ночная Дума* облегчаетъ намъ переходъ къ тѣмъ довольно многочисленнымъ въ *Озимяхъ* стихотвореніяхъ, въ которыхъ подъ болѣе или менѣе безукоризненною формою бьетъ тревожная мысль поэта, обращенная къ вершениымъ задачамъ и тайнымъ недугамъ современнаго общества. Тревожное и въ большинствѣ случаевъ грустное отношеніе къ этимъ лозмамъ выразилось въ стихотвореніяхъ: *Рознь*, *На улицахъ Парижа*, *У сатаны*, *Блаженъ озлобленный поэтъ*, *Старые и новые души* и другіе. Въ этихъ произведеніяхъ мы напрасно стали бы искать твердо обозначенныхъ идеаловъ, но за то въ нихъ много человѣческаго отношенія ко всему человѣческому. Поэту очевидно необходима вѣра въ то что подъ отрицательными явленіями современной действительности существуетъ нѣчто лучшее, хотя нельзя сказать чтобъ эта вѣра выразилась въ его стихотвореніяхъ въ формѣ достаточно доказательной. Въ особенности страннымъ представляется стихотвореніе: *Блаженъ озлобленный поэтъ*, гдѣ высказанныя г. Полонскимъ мысли очень мало совпадаютъ



его собственной повтической деятельностью и гдѣ замѣчается какъ бы попытка возвеличить ходуляма фигуру ашихъ доморощеныхъ Ювеналовъ. Болѣе ясное отношеніе къ общественнымъ темамъ мы находимъ въ большой фантастической сценѣ *У сатаны*. Содержаніе ея—докладъ Асмодеа сатанѣ объ успѣхахъ зла среди человечества. „Зло своимъ утроило“—говорить служебный гений тьмы:

Многое множество

Душъ а довелъ до ничтожества;

И какъ изъ ада

Кристаллизованный чадъ

Въ миръ выметають кавадъ,

Такъ эти души, до заобы изврѣшя,

Окаменѣшя,

Смерть выметають въ твой адъ.

Сатана возражаетъ что для ловли этихъ мелкихъ душонокъ „тысяча шмыгаетъ мелкихъ чертей“. Онъ интересуется узнать объ общемъ ростѣ человечества, узнать куда ведетъ его разумъ? На отвѣтъ Асмодеа что умъ человѣческой хватается эту путеводную нить, конецъ которой теряется въ Безвѣчномъ, онъ замѣчаетъ что лучшее средство гасить и вять заключается въ разливанномъ морѣ человѣческой глупости. Онъ гнѣвенъ, его раздражаютъ слова Асмодеа о пророкающихъ сѣменахъ блага и добра, объ успѣхахъ человѣческаго знанія. „Что сдѣлалъ ты для того, восклицаетъ онъ, объ извратить Божье дѣло, чтобъ извести душу міра и жертвить его тѣло?“ Асмодей слышитъ услокоить его что земля добро часто завершается зломъ, и продолжаетъ кимъ образомъ:

Было великое время:

Изъ скептицизма

И заго сомнѣнія

Выросо сѣмя

Уразумѣнія.

Разумъ всѣмъ громко подсказывать сталъ:

„Равенство“, „братство“, „свобода“.

Тутъ же одинъ идеалъ

Три идеала!

Но у меня

Вышло изъ нихъ три урода,

Три безобразія.

Вавѣсивъ мевѣжество массъ,

Я заключаю что въ Европѣ у насъ  
 Массы людей—та же Азія:  
 Тотъ же мускульскій прахъ  
 Царствуетъ въ нѣдрахъ народа,  
 И воплотилась въ богиню свобода,  
 И нарядилась въ красный кофакъ;  
 Я приподнесъ ей въ тавернѣ  
 Чашу вина,  
 И захмѣляла она;  
 Эту блудницу, какъ идола черни,  
 Я препоясалъ мечомъ,  
 Ей подчинилъ эшафоты,  
 Рядомъ поставилъ ее съ палачомъ,  
 И не одни идіоты  
 Вѣрятъ съ тѣхъ поръ,  
 Что тиракка народа  
 Есть молодая свобода,  
 Что ее символъ—топоръ.

Отъ „свободы“ отчетъ Асмодея переходитъ къ „равенству“.  
 Онъ продолжаетъ:

Изъ равенства тоже  
 Вышло Прокустово ложе  
 Кровь пошла;,  
 Вмѣсто шеста, подчалась  
 Надъ головами  
 Та гильботина *святая*  
 Что, повижая  
 Уровень мысли во имя страстей,  
 Стала орудіемъ власти моеѣ.  
 Люди губили людей безсознательно,  
 Гибель равнала людей,  
 И такъ успѣшно равнала,  
 Что окончательно  
 Равенство пало:  
 Цезарь возсталъ  
 Грозный и стопобѣдный,  
 И покорялся ему какъ судьбѣ.  
 И покалонился  
 Даже фигурѣ его темно-нѣдной  
 На тѣмпо-нѣдномъ столбѣ!

Мы позволили себѣ эти выписки, потому что приведенныя мѣста представляютъ самую сильную и образную часть „философической оценки“, по серьезности замысла наиболѣе образной.

щающей на себя вниманіе въ *Озимь*. Надо однако сказать что общее впечатлѣніе піесы довольно смутное: въ ней поэтъ слишкомъ далеко отошелъ отъ самого себя, и мы не чувствуемъ въ ней той чистой, прозрачной струи, которая присуща его поэзіи. Въмѣсто того, здѣсь слышится скорбное уныніе и сматеніе мысли, не находящей опоры. Сначала какъ будто поэтъ слѣдитъ за старою идеей борьбы добра со зломъ, истины съ ложью; но въ результатѣ выходитъ скорѣе такъ, какъ будто множество золь борятся между собою, и судьбы міра зависятъ отъ того, какое изъ всѣхъ пораженныхъ въ немъ золь восторжествуетъ надъ другими. Вообще во всѣхъ позднѣйшихъ произведеніяхъ г. Полонскаго, претендующихъ на такъ-называемыя современныя общественныя темы, звучатъ унылыя и скорбныя звуки. Онъ ни отъ кого не ждетъ „сокровищъ сердца, силы мысли“, и признается что все, чѣмъ онъ дышетъ, покуда, онъ творитъ „почти изъ ничего“. Онъ сѣтуетъ что „мы всё косимся на искусство“, что одна только „карикатура тѣшитъ насъ“, что „лирикъ забить сатирой“, и какъ бы въ опроверженіе тому что самъ онъ сказалъ въ стихотвореніи: „Блаженъ озлобленный поэтъ“ онъ продолжаетъ:

Но гдѣ жь и ты,  
 Бичъ зла, вреда и лютоты—  
 Ты, нами вызванный сатирикъ?  
 Увы! безъ власти надъ толою  
 И ты помикъ своей главою:  
 Тола въ чутьѣ непогрѣшима,  
 И помала что сгорача  
 Ты все клеймилъ неумолимо,  
 Заа отъ добра не отаща..

Все это, какъ видать читатели, довольно далеко отъ пребыванія „озлобленнаго поэта“ въ состояніи блаженства и въ ореолѣ величія, какъ его изображаетъ г. Полонскій въ упомянутомъ дифирамбѣ. Въ томъ же стихотвореніи *Рознь*, изъ котораго мы заимствовали только-что приведенныя строки, поэтъ замѣчаетъ что наше племя видитъ другъ въ другѣ „не то глаулца, не то врага“, и обращается къ локолатію съ такими словами:

Застрѣльщики, безъ всякой рати!  
 Въ войну играть — свое топтать —  
 Своимъ задоромъ щеголать  
 Мы рады кстату и не кстату...

Когда къ намъ съ Запада заходитъ  
 Чередовой, чужой вопросъ,  
 Изъ насъ — какой молодкосозъ,  
 Какой мудрецъ перомъ не водить!  
 Засмлой килатасъ враждой,  
 Мы поднимаемъ чуть не вой.  
 Литература колобродитъ...  
 Но если жизненный вопросъ,  
 Вопросъ насущный мы затронемъ —  
 Какъ скоро мы его хоронимъ  
 Безъ шума и гражданскихъ славъ!

Вникая въ эти скорбные голоса, раздающіеся въ *Озилетъ*, нельзя не придти къ заключенію что общественныя темы представляютъ источникъ мало родственныи таланту нашего поэта, и что въ этой сферѣ у него нѣтъ ни ясно очерченнаго идеала, ни положительнаго отвѣта на „проклятые вопросы“, съ которыми со времени Гейне такъ любятъ возиться поэты XIX вѣка. Поэтому мы никакъ не можемъ согласиться съ рецензентомъ одной петербургской газеты который опредѣляя лучшія стороны таланта г. Полонскаго, заключаетъ такъ: „Сверхъ того у него есть отзывчивость на тревоженія современной жизни — отзывчивость, говорящая о поэтической впечатлительности его ума и чувства. Нѣтъ почти ни одного современнаго вопроса, ни одного движенія современной мысли, на которые такъ или иначе не отозвался бы г. Полонскій. А этого далеко нельзя сказать о всѣхъ его сверстникахъ и товарищахъ по искусству.“ Мы, напротивъ, думаемъ что отзывчивость на современные вопросы, обнаружившаяся въ послѣдніе годы въ поэзіи автора *Кузничка-Музыканта*, есть отзывчивость искусственная, вызванная скорѣе вѣншимъ спросомъ литературнаго рыка, чѣмъ внутреннимъ развитіемъ таланта. Лучшими произведеніями г. Полонскаго остаются попрежнему тѣ гдѣ онъ отзывается на вѣчно и одинаково звучація струны человѣческой природы, а не на раздраженія мимо идущихъ вопросовъ и явленій. Такъ и въ новомъ сборникѣ его стихотвореній перлами слѣдуетъ по нашему мнѣнію назвать тѣ въ которыхъ онъ остался вѣрнъ своимъ прежнимъ вдохновеніямъ и отъ которыхъ вѣетъ прелестью ласковаго, молодого и мечтательнаго чувства. Изъ такого рода *Озилетей* пророка остаются свѣжіе весенніе злаки.

А.

# О Г Л А В Л Е Н І Е

ТОМА СТО ДВАДЦАТЬ ПЕРВАГО.

Я Н В А Р Ъ.

Стр.

Военная жизнь въ Варшавѣ съ 1815 по 1831 годъ. Эпизодъ изъ исторіи лейбъ-гвардіи Уланскаго Его Величества полка. <i>В. В. Крестовскаго</i> .....	5	✓
Мои первыя испытанія и успѣхи, соблазнамъ и дѣла. Воспоминанія Одиссея Полихроніадеса, загорскаго Грека. Гл. I—VII. <i>К. Н. Леонтьева</i> .....	58	✓
Екатериинская Коммиссія 1767—1769. Гл. I—III. <i>П. Б. Бланка</i> .....	126	✓
Пѣсни кавказскихъ горцевъ. Стихотвореніе. <i>А. А. Фета</i> .	173	
Разрушенная Невѣста. Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ съ эпилогомъ. <i>Д. В. Аверкіева</i> .....	175	✓
Дѣя судьбы. Романъ Уилки Коллинза. Переводъ съ англійскаго. Гл. I—IV.....	277	✓
Аня Каренина. Романъ. Часть третья. Гл. XI—XXVIII. <i>Графа Л. Н. Толстаго</i> .....	305	✓
О связи между явленіями развитія годовой жизни растений и потребнымъ для этихъ явленій количествомъ теплоты. <i>Я. Я. Цыткова</i> .....	391	
По вопросу о наймѣ рабочихъ <i>А. А. Фета</i> .....	408	
Медіумизмъ и философія. Воспоминанія о профессорѣ Московскаго Университета Юркевичѣ. <i>А. Н. Аксакова</i> .....	442	
Критики того берега. Гл. I—X. <i>А. С. Шкларевскаго</i> ...	470	
Литературное обозрѣніе. <i>А.</i> .....	496	

## ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Какъ мы теперь живемъ. Романъ Автони Троллопа. Переводъ съ англійскаго. Конецъ первой части. Часть вторая. Гл. I. ✓

ФЕВРАЛЬ.

	Стр
✓ <b>Екатерининская Коммиссія 1867—1769. Гл. IV—VI.</b> <i>П. Б. Бланка</i> .....	511
✓ <b>Мои первая испытанія и успѣхи, соблазны и дѣла.</b> <b>Воспоминанія Одиссея Полихроніадеса, загорскаго</b> <b>Грека. Гл. VIII—XII. К. Н. Леонтьева</b> .....	567
✓ <b>Ночь Св. Сатурнина и Гроховская Битва. Эпизодъ изъ</b> <b>исторіи лейбъ-гвардіи Уланскаго Его Величества</b> <b>полка. В. В. Крестовскаго</b> .....	626
<b>Тьма. (Изъ Байрона.) Стихотвореніе. П. А. Каленова</b> ...	677
✓ <b>Анна Баренина. Романъ. Часть четвертая. Гл. I—XVI.</b> <i>Графа Л. Н. Толстаго</i> .....	679
<b>Советъ. Изъ Шекспира. Стихотвореніе. Графа Н. А.</b> <i>Мамуна</i> .....	746
✓ <b>Двѣ Судьбы. Романъ Уилки Коллинза. Переводъ съ ан-</b> <b>глійскаго. Гл. V—VIII</b> .....	747
<b>Три дня въ Таорминѣ. Изъ путевыхъ записокъ. О. С.</b>	775
<b>Экономическая корреспонденція. Г. де-Молитари</b> .....	815
<b>Воскресенье въ Берлинѣ. Д. Ф. Касицына</b> .....	835
<b>Мысль объ освобожденіи русскихъ крестьянъ въ XVII</b> <b>и XVIII столѣтія. А. В. Рачинскаго</b> .....	856
<b>Литература и критика. И. Н. Павлова</b> .....	873
<b>Литературная замѣтка. А.</b> .....	884

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

- ✓ **Какъ мы теперь живемъ. Романъ Антони Троллопа.**  
**Переводъ съ англійскаго. Часть вторая. Гл. II—VIII.**

# ИЗДАВАЕМЫЙ ЛѢСНЫМЪ ОБЩЕСТВОМЪ ЛѢСНОЙ ЖУРНАЛЪ

выходить въ 1876 году разъ въ два мѣсяца, въ февраль, апрѣль, июнь, августъ, октябрь и декабрь, выпусками не менѣе семи печатныхъ листовъ въ каждомъ.

Въ программу *Лѣснаго Журнала* входятъ:

- 1) Статьи по всемъ отраслямъ лѣснаго хозяйства.
- 2) Вліяніе законовъ и обычаевъ на успѣхи лѣснаго хозяйства.
- 3) Лѣсоторговый отдѣлъ. Движеніе лѣсной торговли въ разныхъ мѣстностяхъ, рыночныя цѣны на лѣсной матеріалъ и т. л.
- 4) Лѣсохозяйственная библиографія. Разборъ важнѣйшихъ русскихъ и иностранныхъ сочиненій по лѣсному хозяйству.
- 5) Лѣсная хроника и смѣсь.
- 6) Извѣстія о дѣятельности Лѣснаго Общества.
- 7) Обзоръ вновь выходящихъ постановленій по лѣсному управленію.
- 8) Объявленія касающіяся предметовъ лѣснаго хозяйства.

*Лѣсной Журналъ* разсылается *бесплатно* всемъ гг. членамъ Лѣснаго Общества; для *не-членовъ* подписная цѣна за шесть выпусковъ 1876 года *четыре рубля* съ пересылкой и доставкой.

Подписка принимается въ *С.-Петербургѣ*: въ Лѣсномъ Обществѣ, у Сивяго моста, въ домѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ, у комиссіонера Лѣснаго Общества М. П. Надѣина, въ „Книжномъ магазинѣ для прогородныхъ“; въ книжныхъ магазинахъ *Черкесова, Базунова, Колесова и Мысина (въ Гостиномъ дворѣ), у А. Ф. Девриена (Васильевскій Островъ, по Большому проспекту, д. № 8, кв. № 11) и у редактора „Лѣснаго Журнала“, Н. С. Шафранова, на Выборгской Сторонѣ, въ зданіи Земледѣльческаго Института; въ Москвѣ: въ Центральномъ книжномъ магазинѣ (Славяноскій Базаръ) и въ книжныхъ магазинахъ Соловьева и Васильева (на Страстномъ бульварѣ); въ Одессѣ: въ конторѣ Мосегина и К<sup>о</sup> (на Соборной площади, въ домѣ Полудова); въ Рязнѣ: въ книжномъ магазинѣ Килмела.*

Объявленія помѣщаемыя въ *Лѣсномъ Журналѣ* оплачиваются по 4 рубля за цѣлую печатную страницу и по 2 рубля за подстраницы.

*Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры „Лѣснаго Журнала“ за 1872, 1873, 1874 и 1875 гг. (по 6 выпусковъ) продаются такъ же по 4 руб. съ пересылкой за годовое изданіе.*

*Редакторъ Н. Шафрановъ.*

Тамъ же продаются:

1) *Альбомъ тончайшихъ поперечныхъ разрѣзовъ древесины 50 древесныхъ породъ, для изученія анатомическаго ея строенія, съ объяснительною брошюрой, проф. Нердлингера. Русское 2е изданіе Н. С. Шафранова. С.-Петербургъ 1873 г. Цѣна 3 р. 70 к., съ пересылкою 4 р. Рекомендованъ Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. для реальныхъ училищъ. Для училищъ уступка 10%.*

2) *Атласъ лѣсостатистической Россіи. Изданіе Лѣснаго Общества. С.-Петербургъ. 1873 г. Цѣна 3 р. съ пересылкой.*

3) *Нердлингеръ. Технические свойства древесины. Руководство для лѣсничихъ, инженеровъ, архитекторовъ и дроводѣловъ. Съ нѣмецкаго перевелъ Н. С. Шафрановъ. С.-Петербургъ. 1868 г. 444 стр. Цѣна 1 р.; въсовыхъ за 2 фунта.*

4) *Шафрановъ Н. С. Лѣсоохраненіе. С.-Петербургъ. 1875 г. Второе дополненное изданіе. Цѣна съ пересылкой 2 р.*

5) *Шафрановъ Н. С. Лѣсовозраженіе (Ученіе о производствѣ продуктовъ лѣснаго хозяйства). С.-Петербургъ. 1875 г. Цѣна 3 р. 50 к. съ пересылкою.*

6) *Шлейденъ М. Дерево и лѣсъ. Переводъ съ нѣмецкаго А. Рудзкаго. Изданіе Лѣснаго Общества. С.-Петербургъ. 1873 г. 95 стр. Цѣна 60 к. съ пересылкой*

7) *Буркгардъ. Посѣвъ и посадка лѣса. Переводъ съ нѣмецкаго Н. С. Шафранова. С.-Петербургъ. 1876 г. 701 стр. Цѣна 5 р. съ пересылкой.*



Перваго февраля вышла и разослана гг. подписчикамъ февральская (2) книжка ежемѣсячнаго историческаго иллюстрированнаго сборника

## „ДРЕВНЯЯ И НОВАЯ РОССІЯ“.

### СОДЕРЖАНІЕ БЯ СЛѢДУЮЩЕЕ:

**ТЕКСТЪ:** I. Екатерина II и Густавъ III. Акад. Я. К. Грота. — II. Восточный вопросъ 50 лѣтъ назадъ. Ст. 1. Акад. С. М. Соловьева. — III. Жизнь и дѣятельность Н. Д. Иванова, ректора университета Св. Владимира и вице-предсѣдателя Кіевской археографической комиссіи. Гл. V. Проф. А. В. Романовича-Словатинскаго. — IV. Михаилъ Петровичъ Погодинъ (1800—1875). Некрологъ. Проф. К. Н. Бестужева-Рюмина. — V. С.-Петербургскія Вѣдомости во время Французской революціи. Гл. IV и V. (Окончаніе.) Проф. А. Г. Брикера. — VI. Суворовъ въ народной повѣсти. Д. Л. Мордзюца. — VII. Осударевы дороги въ Повѣнецкомъ уѣздѣ, Олонецкой губерніи. В. Н. Майнова. — VIII. КРИТИКА И БИБЛОГРАФІЯ. I. Исторія Россійской Академіи М. И. Сухомякова. Выпускъ второй. Слб. 1875. Л. Н. Майнова. — II. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Сергѣя Соловьева. Томъ XXV. М. 1875 Е. А. Бллова. — IX. ИСТОРИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ. Письмо князя Б. А. Голицына къ Лефорту. Письмо князя В. В. Долгорукаго къ Петру Великому. Письмо кабинетъ-секретаря Макарова къ Екатеринѣ I. Письмо оберъ-фискала Нестерова къ князю Меншикову. Приказъ канцлера Головкина дьякамъ Посольскаго Приказа. Письмо канцлера Головкина къ дьяку Родостамову. Списокъ прислуги Екатерины I. Письмо императрицы Анны Ивановны С. А. Салтыкову. Отвѣтъ Салтыкова императрицѣ. — X. Юбилей Крылова (открытокъ изъ записокъ Н. И. Греча). — XI. Бѣлинскій въ Симферополѣ. И. А. Шлакова. — XII. Последнее слово моимъ противникамъ-норманистамъ. I. Г. Васильевскому. Проф. Д. И. Иловайскаго.

**РИСУНКИ.** I. Екатерина II (съ гравюры проф. Уткина). — II. Густавъ III. — III. М. П. Погодинъ. — IV. Осударевы дороги въ Повѣнецкомъ уѣздѣ. — V. Рисунокъ креста проектированнаго въ память Полтавской битвы.

*Подписная цѣна для городскихъ подписчиковъ:* въ Петербургѣ 12 руб. 50 к. съ доставкою на домъ, 12 р. безъ доставки; *для иногородныхъ:* 1) въ Москвѣ 13 р. 50 к. съ доставкою на домъ, 12 р. 50 к. безъ доставки; 2) въ губерніи 13 р. 50 к. съ пересылкою; *для заграничныхъ* 14 р. вса Европа (кромя Франціи), 16 р. Франція.

*Подписка принимается въ Петербургѣ,* въ конторѣ редакціи Сборника, на Невскомъ проспектѣ, рядомъ съ пассажемъ, д. № 46, при хромолитографіи и типографіи издателя В. И. Граціанскаго; *въ Москвѣ,* при книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Разсрочка платежа подписной суммы допускается по соглашенію съ конторой редакціи Сборника „ДРЕВНЯЯ И НОВАЯ РОССИЯ“ за 1875 годъ, состоящій изъ трехъ томовъ, по четыре книжки въ каждомъ и заключающій около 150 печатныхъ листовъ большаго формата, in 4<sup>o</sup>, въ два столбца печати на страницѣ, съ 65 гравюрами на деревѣ, литографіями и хромолитографіями, можно получать въ конторѣ редакціи по слѣдующей цѣнѣ: *съ пересылкою* 13 р., *съ обыкновенной обложкою* 12 р. Пересылка 1 р. 50 к. 2.000.

1 февраля вышла и разслана подлищикамъ Пя, февральская, книга историческаго журнала:

## „РУССКАЯ СТАРИНА“.

Содержаніе книги: I. Записки Гарновскаго: дворъ императрицы Екатерины II въ 1787 году. — II. Судьба православной русской церкви въ царствованіе Александра I, изъ записокъ Стурдзы. Сообц. проф. *Н. И. Барсовъ*. — III. Профессоръ *И. В. Буяльскій*, 1789—1866 гг., біографическій очеркъ. Состав. профес. *Я. А. Чистовичъ*. — IV. Моя жизнь и художественно-археологическіе труды, разказъ академика *Ф. Г. Солнцева*, гл. II: 1818—1828 гг. — V. Виссарионъ Григорьевичъ Бѣлиевскій въ 1832—1838 гг., новыя данныя для его біографіи. (Окончаніе). — VI. *А. Н. Сѣровъ*, очерки и замѣтки о музыкѣ, 1841—1842 гг. — VII. Подъ Варной 10 сентября 1828 г. Изъ воспоминаній *П. А. Степанова*. — VIII. Очеркъ событій на Кавказѣ въ 1837—1850 гг. — IX. Восточная война; кн. *И. Ф. Паскевичъ* и кн. *М. Д. Горчаковъ* въ 1854 г. — X. Графъ Модестъ Андреевичъ Корфъ, 1800—1876 гг., біограф. очеркъ, состав. *В. В. Стасовъ*. — XI. Воспоминаніе о гр. *М. А. Корфѣ*, акад. *Я. К. Грота*. — XII. Павелъ Михайловичъ Строевъ, † 6 января 1876 г., статья профессора *К. Н. Бестужева-Рюмина*. — XIII. Къ пятидесятилѣтію Втораго Отдѣленія Канцеляріи Его Императорскаго Величества: 1) Историческій обзоръ комиссіи составленія законовъ и 2) Предположенія къ окончательному составленію законовъ, двѣ записки *М. М. Сперанскаго*. Сообц. съ предислов. акад. *А. Ф. Бычкова*. — XIV. Листки изъ записной книжки *Русской Старины*: 1) Проклятіе Степана Габбова въ 1721 г. — 2) Скоряковъ-Писаревъ и гр. Девьеръ въ Сибири въ 1727—1742 гг. — 3) *А. В. Суворовъ* и кн. *Аркадій Суворовъ*. — 4) *Кирилъ Флоринскій*, епископъ сѣвскій (герой записокъ *Добрынина*) въ 1773 г. — 5) Письма *Дениса Ив. фонъ-Визина* съ примѣч. *П. А. Ефремова*. — 6) Встрѣча съ *А. С. Пушкинымъ* въ Могилевѣ, въ 1824 г. — XV. Замѣтки о воспроизведеніи гравюръ и рисунковъ гелиографіей.

Приложенія: I. Портретъ Екатерины II, точный снимокъ съ гравюры Чезезова 1762 г. — II. Портретъ В. Г. Бѣлинскаго, гравировалъ академикъ Л. А. Спрыковъ.

(Къ первой книгѣ *Русской Старины* 1876 года приложены портреты Лжедмитрія I и И. И. Михельсона; гравировалъ на мѣди академикъ Пожсалостинъ.)

Отпечатано и поступило въ продажу *третье изданіе* перваго года *РУССКОЙ СТАРИНЫ*, то-есть 1870 годъ, въ трехъ томахъ, 2.700 страниць, съ двумя гравированными портретами, шестидесятью рисунками и снимками. Цѣна *всего* рублей съ пересылкой, а въ переплетахъ *десять рублей*.

Подписка на *РУССКУЮ СТАРИНУ* 1876 года (седьмой годъ изданія) продолжается. Цѣна за 12 книгъ съ портретами русскихъ достопамятныхъ людей, гравированными на мѣди и на деревѣ, также съ рисунками, снимками и прочими приложеніями *восемь рублей* съ пересылкой,

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ у *Базунова* (Невскій, № 30); въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ *Соловьева*, на Страстномъ бульварѣ, домъ Алексѣева.

Гг. иногородныхъ подлищиковъ просятъ *исключительно* обращаться въ редакцію *РУССКОЙ СТАРИНЫ* въ С.-Петербургъ, Надеждинская, домъ № 42, квартира № 12. 2.013.

— Положеніе дѣлъ измѣнилось, сказалъ Поль хриплымъ голосомъ.

Онъ пришелъ къ ней по ея приглашенію, считая трудностью не принять его, но это свиданіе было очень тяжело для него. Онъ думалъ что имѣлъ достаточныя причины не исполнить обѣщанія которое далъ этой женщинѣ, но это были такія причины которыхъ онъ не рѣшился высказать ей. Онъ узналъ объ ея прошломъ такія вещи что, знай онъ ихъ прежде, онъ не попалъ бы въ свое телерешнее неприятое положеніе. Но онъ любилъ ее когда-то и ея проступки не лишили ее его симпатіи.

— Въ чемъ же состоитъ перемѣна? Не въ томъ ли что я стала двумя годами старше?

И она взглянула въ зеркало какъ бы спрашивая себя не сдѣлалась ли она въ самомъ дѣлѣ такою безобразною что тототъ человѣкъ не можетъ любить ее. Нѣтъ, она все еще была красива, хотя красота ея принадлежала къ такому роду какой рѣдко встрѣчается въ наши дни. Современные мужчины цѣнятъ формы выше выраженія и женщины стараются поддѣлываться подъ ихъ вкусъ. Съ помощью ваты и фальшивыхъ волосъ можно создать какія угодно формы. Скульпторы занимающіеся этимъ дѣломъ, то-есть парикмахеры и подиетки, достигли въ своемъ искусствѣ высокаго совершенства. Создаваемые ими фигуры имѣютъ всегда благородныя чертанія, иногда доходящія до сладострастной полноты, иногда сохраняющія классическую умѣренность, иногда отличающіяся живописною растрепанностью доходящею впрочемъ до излишества когда скульпторъ долго не прикладываетъ рукъ къ растрепанной фигурѣ. Краски хотя и употребительны, но это не такія краски какія мы любили въ малое время. Любовь къ плоти и крови замѣнилась въ наше время любовью къ конскому волосу и жемчужной пудрѣ. Кистрисъ Гёртаъ не была красавицей въ современномъ вкусѣ. Она была брететка съ большими круглыми голубыми глазами которые могли быть и очень мягкими, и очень строгими. Ея шелковистые волосы, почти совсѣмъ черные, лами безчисленными локонами на шею и плечи. Ея щеки, бы и шея были полны и выраженіе ея лица измѣнялось почти съ каждымъ словомъ которое она говорила. Носъ ея былъ довольно толстъ и имѣлъ въ себѣ что-то наломанное моську, но тѣмъ не менѣе это былъ носъ который могъ

казаться влюбленному въ нее человѣку безукоризненнымъ. Ротъ у нея былъ большой и она рѣдко показывала зубы, подбородокъ круглый, склонный сдѣлаться двойнымъ. Бюстъ ея былъ полный и красивый, но она одѣвалась такъ просто какъ будто пренебрегала его красотой. Она не носила другихъ платьевъ кромѣ черныхъ, но это были не печальныя траурныя платья, а всегда очень красивыя, всегда хорошо сшитыя, хотя и простыя. Она была безспорно красива и видно было что она сознавала это, но настолько насколько женщина должна это сознавать. О своихъ лѣтахъ она никогда не говорила. Ей могло быть отъ тридцати до тридцати пяти, но она была изъ тѣхъ женщинъ для которыхъ годы проходятъ почти безслѣдно.

— Вы все также прекрасны какъ и прежде, сказалъ онъ.

— Не говорите мнѣ этого. На что мнѣ моя красота если она не можетъ привязать васъ ко мнѣ? Сядьте и объяснитесь.

Она выпустила его руку и сѣла противъ стула на которомъ указала ему.

— Я уже сказалъ вамъ все въ моемъ письмѣ.

— Вы ничего не сказали мнѣ въ вашемъ письмѣ кромѣ того что мы должны разстаться. Развѣ вы разлюбили меня?

Она опустила на полъ у его ногъ и облокотилась на его колѣни.

— Полъ, сказала она, — я перѣехала Океанъ для того чтобы повидаться съ вами, а вы не хотите даже поцѣловать меня. Поцѣлуйте меня еще разъ, хотя бы намъ дѣйствительно необходимо было разстаться.

Онъ конечно поцѣловалъ ее, поцѣловалъ долгимъ, горячимъ поцѣлуемъ. Могъ ли онъ не сдѣлать этого? Онъ былъ бы очень радъ еслибъ она не приѣзжала, но когда она стояла у его ногъ, могъ ли онъ не поцѣловать ея?

— Теперь расскажите мнѣ все, повторила она сѣвъ на скамеечку у его ногъ.

Она была не изъ тѣхъ женщинъ которыхъ мужчина можетъ оскорблять безнаказанно. Даже въ ту минуту когда она ласкала его Полъ чувствовалъ что она можетъ прибить его прежде чѣмъ онъ уйдетъ отъ нея. Зная искренность и силу ея любви онъ зналъ также и горячность ея характера. Они познакомились когда ѣхали вмѣстѣ изъ Санъ-Франциско въ Англію. Она выказала ему участіе когда онъ былъ боленъ, несчастенъ и бѣденъ — такъ какъ онъ уѣхалъ изъ Америки

не имѣя ничего, и они дали другъ другу слово быть мужемъ и женой прежде чѣмъ высадятся въ Ливерпулѣ. Онъ открылъ ей свое положеніе и разказалъ ей исторію всей своей жизни. Это было до его вторичной поѣздки въ Америку, когда онъ еще не зналъ Гамильтона К. Фискера. Она же не открыла ему о себѣ почти ничего кромѣ того что она была вдова и ѣхала ло дѣламъ въ Парижъ. Прощаясь съ ней на станціи желѣзной дороги въ Лондонѣ, откуда она отправлялась въ Дувръ, онъ былъ влюбленъ въ нее и предлагалъ сопровождать ее, но она отклонила это предложеніе. Проводивъ ее онъ вспомнилъ что ему придется разказать о своей помолвкѣ Роджеру Карбери и только тутъ сообразилъ какъ мало зналъ онъ о женщинѣ на которой обѣщалъ жениться. Онъ зналъ что она была нѣсколькими годами старше его, но не зналъ ничего объ ея средствахъ къ жизни и объ ея родствѣ. О своемъ покойномъ мужѣ она сказала ему только что это былъ величайшій негодяй когда-либо существовавшій и что освобожденіе отъ него было величайшимъ благополучіемъ въ ея жизни. Эта женщина была такъ умна и такъ привлекательна что онъ провелъ нѣсколько недѣль въ ея обществѣ и полюбилъ ее даже не замѣтивъ недостатка откровенности съ ея стороны.

Онъ призвался во всемъ своему другу Роджеру и Роджеръ совѣтовалъ ему не жениться на женщинѣ которую онъ зналъ такъ мало. Роджеръ употребилъ все усилія чтобъ отговорить Поля отъ его намѣренія и не совсѣмъ безуспѣшно. Не естественно ли что молодой человекъ во время долгаго пути наслаждался обществомъ умной, красивой женщины и воображалъ что можетъ быть очастливъ съ нею всю жизнь, и не естественно ли что разставшись съ ней онъ убѣждается что это была ошибка? Но Монтго, вполнѣ уверивъ своей вдовѣ, былъ вполнѣ вѣренъ ей. Онъ далъ ей слово, говорилъ онъ, и долженъ сдержать его. Возвратясь въ Калифорнію онъ навелъ справки о ней и узналъ съ помощью Гамильтона К. Фискера что въ Санъ-Франциско мистрисъ Герталь считалась загадочною особой. Нѣкоторые отвергали то она была когда-то замужемъ, другіе считали это несомнѣннымъ и даже увѣряли что мистеръ Герталь былъ еще живъ. Достоверно же было извѣстно только то что мистрисъ Герталь гдѣ-то въ Орегонѣ прострѣла кому-то голову. Ее не судили потому что общественное мнѣніе въ

Орегоны вполнѣ оправдывало ея поступокъ. Всѣ были согласны что она очень умна, очень красива, но и очень опасна. У нея всегда были деньги, но никто не зналъ откуда она брала ихъ.

На пути въ Санъ-Франциско Поль видѣлся съ ней въ Нью-Йоркѣ и вопреки предостереженіямъ своего друга возобновилъ свои обѣщанія. Онъ сказалъ ей что ѣдетъ узнать что можно сдѣлать съ его разстроеннымъ состояніемъ,—въ то время, какъ читатель можетъ-быть помнитъ, не было еще рѣчи о великой желѣзной дорогѣ,—и она обѣщала послѣдовать за нимъ. Съ тѣхъ поръ до настоящей встрѣчи она не видалась. Она не исполнила своего обѣщанія прійхать въ Санъ-Франциско пока онъ былъ тамъ. Въ Лондонѣ онъ получилъ отъ нея нѣсколько писемъ и въ своихъ отвѣтахъ на нихъ старался дать ей понять что ихъ связь должна быть разорвана. Несмотря на это она пріѣхала въ Лондонъ.

— Разкажите мнѣ все, говорила она прижавшись къ нему и глядя ему въ лицо.

— Но вы.... Когда пріѣхали вы сюда?

— Сюда, то-есть въ этотъ домъ, я пріѣхала третьяго дня. Во вторникъ я высадилась въ Ливерпулѣ и узнавъ что вы по всей вѣроятности въ Лондонѣ отправилась сюда. Я понимаю что вы могли отвыкнуть отъ меня. Послѣ нашего путешествія вмѣстѣ прошло такъ много времени, а наше свиданіе въ Нью-Йоркѣ было такъ кратко и печально. Я не имѣла тогда никакихъ средствъ къ существованію, но не сказала вамъ этого потому что вы сами были бѣдны. Но теперь я выручила мое состояніе, я вырвала его изъ самой пасти грабителей. (По тону которымъ она это сказала было ясно что она дѣйствительно способна отстоять свою собственность или то что считаетъ своею собственностью.) Мнѣ нельзя было пріѣхать въ Санъ-Франциско въ то время какое я назначила, а когда я пріѣхала васъ уже не было тамъ. И вотъ я здѣсь. Кого другаго, а меня нельзя упрекнуть въ мелостомствѣ. (Когда она сказала это онъ обмякъ опять ее голову и прижалъ ее къ себѣ.) А теперь,—повторила она,—разкажите же мнѣ о себѣ.

Поль былъ въ самомъ неловкомъ и затруднительномъ положеніи. Есlibъ онъ былъ въ силахъ исполнить свой долгъ какъ слѣдуетъ, онъ отстранилъ бы ее отъ себя и сказалъ



бы ей прямо что какъ это ни душно съ его стороны, но онъ не имѣетъ намѣренія жениться на ней.

Но онъ былъ или самшкомъ мужествомъ, или самшкомъ наподушенъ для такого поступка. Когда она сидѣла у его ногъ, онъ говорилъ себѣ что она никогда не будетъ его женой, что онъ никогда не женится ни на комъ кромѣ Гетты Карбери, но онъ не зналъ какъ сказать это ей съ надлежащею учтивостію и въѣсть съ тѣмъ съ надлежащею внушительностію.

— Я занятъ здѣсь нашею желѣзною дорогою, сказалъ онъ.— Вы вѣроятно слышали о нашемъ предпріятіи.

— Слышала ли я? Въ Санъ-Франциско не говорятъ ни о чемъ кромѣ этого дѣла. Гамильтонъ Фискеръ тамъ герой дня и дѣла вашъ, когда я уѣзжала, покупалъ виллу въ семьсотъ четыре тысячи долларовъ. Но тамъ говорятъ что большею частію выгоды нельзуютесь вы, Лондонцы, и многіе злятся на Фискера за его поѣздку сюда и за то что онъ сдѣлалъ здѣсь.

— Предпріятіе кажется идетъ хорошо, сказалъ Поль, вспоминая со стыдомъ какъ мало онъ зналъ о положеніи дѣла.

— Вы главный директоръ въ Англии?

— Нѣтъ, я членъ фирмы управляющей дѣлами въ Санъ-Франциско. Главный директоръ здѣсь мистеръ Мельмотъ.

— А! Я о немъ слышала. Это великій человѣкъ. Вѣдь онъ Французъ, не правда ли? У насъ толковали о томъ чтобы пригласить его въ Калифорнію. Вы знакомы съ нимъ?

— Да, я видалась съ нимъ разъ въ недѣлю.

— Еслибы мнѣ предложили увидать вашу королеву или кого-нибудь изъ вашихъ лордовъ, я предпочла бы чтобы мнѣ показали этого человѣка. Говорятъ что онъ держитъ въ своихъ рукахъ весь коммерческій міръ. Какая власть! Какое величіе!

— Все это было бы прекрасно еслибы было достигнуто честными средствами, возразилъ Поль.

— Такой человѣкъ не обязанъ стѣсняться правилами честности въ достиженіи своихъ цѣлей, какъ великій полководецъ не обязанъ стѣсняться правилами человеколюбія когда необходимо пожертвовать арміею. Такое величіе несомнѣнно съ мелочными стѣсненіями. Пигмей останавливается предъ лужей; великанъ шагаетъ черезъ рѣку.

— Я предпочитаю останавливаться предъ лужами, сказалъ Монтегю.

— О, Польша, вы не созданы для коммерціи. Я сама сознаю что коммерція не имѣетъ въ себѣ ничего благороднаго на низшихъ ступеняхъ. Сидѣть за конторкой съ девяти часовъ утра до девяти вечера для того чтобы жить въ довольствіи, вовсе не завидная участь. Но такой человѣкъ какъ Мельмотъ однимъ почеркомъ пера веромасть милліонами. Развѣ его считаютъ не честнымъ?

— Онъ мой партнеръ и мнѣ можетъ-быть не слѣдуетъ говорить о немъ дурно.

— Странно было бы еслибъ о такомъ человѣкѣ не говорила дурно. Вѣдь были люди называвшіе Наполеона трусомъ, а Вашингтона измѣнникомъ. Вы должны показывать мнѣ Мельмота. Я готова поцѣловать руку у такого человѣка, хотя я не снизошла бы до того чтобы сказать хоть одно почтительное слово которому-нибудь изъ вашихъ императоровъ.

— Боюсь чтобы вамъ не пришлось убѣдиться что вынѣ идолъ стоитъ на глиняныхъ ногахъ.

— Вы вѣроятно хотите сказать этимъ что онъ не стѣняется вашими нравственными правилами въ приобритеніи богатства. Всѣ люди преступаютъ эти правила, но только съ тою разницею что большинство дѣлаетъ это украдкой, безпрестанно отдергивая назадъ грабящую руку, молясь объ избавленіи отъ искушенія, притворяясь презирающими то что имъ дороже всего въ мірѣ, а такой человѣкъ какъ Мельмотъ говоритъ прямо что онъ презираетъ ваши законы, что богатство есть сила, а сила есть благо и что чѣмъ богаче человѣкъ, тѣмъ онъ можетъ быть выше и благороднѣе. Я уважаю человѣка который способенъ опрокидывать идоловъ преграждающихъ ему путь.

Монтегю былъ другаго мнѣнія. Онъ считалъ могущественнаго директора компаніи величайшимъ негодяемъ когда-либо существовавшимъ. Энтузіазмъ мистрисъ Гертль и ея краснорѣчіе были очень милы, но тяжело было думать что они трепещутъ на такой недостойный предметъ.

— Лично я не люблю его, сказалъ Польша.

— А я ожидала найти что вы живете душа въ душу.

— О, вѣтъ.

— Но ваше предпріятіе процвѣтаетъ?

— Да, повидимому, процвѣтаетъ. Это одно изъ тѣхъ рокованыхъ предпріятій которыя ставятъ человѣка въ такое положеніе что онъ не знаетъ въ выигрышѣ онъ или въ про-

ирышѣ пока не выйдетъ изъ компаніи. Я была вовлечена въ это дѣло противъ воли, я не могъ отказаться.

— Я думала что оно очень выгодно.

■ — Немедленные результаты были дѣйствительно блестящіе.

— Довольно и этого, Поль. А теперь когда мы разговаривались полпрежнему разкажите мнѣ что все это значить. Съ тѣхъ поръ какъ мы разстались я ни съ кѣмъ не говорила такъ какъ говорю съ вами. Разкажите мнѣ почему мы должны разойтись. Вы когда-то любили меня, не правда ли?

Она предпочла бы не отвѣчать на этотъ вопросъ, но она ждала отвѣта и онъ сказалъ:

— Вы это знаете.

— Да, я это знаю и кромѣ того я знаю что вы были увѣрены и теперь еще увѣрены въ моей любви къ вамъ. Но не ошибаюсь ли я? Говорите прямо. Можетъ-быть вы сомнѣваетесь въ моей любви?

Онъ не сомнѣвался въ ея любви и принужденъ былъ сознаться въ этомъ.

— О, какъ вы мямлите! Говорите прямо если можете сказать что-нибудь противъ меня. Вы во всякомъ случаѣ обязаны мнѣ многимъ. Я никогда не оскорбляла васъ, никогда не гнала вамъ, я не взяла у васъ ничего кромѣ вашего сердца. Съ своей стороны я отдала вамъ все что могла отдать. (Она быстро встала и остановилась немного поодаль отъ него.) Если вы возненавидѣли меня, скажите это прямо.

— Вивифрида! воскликнулъ онъ.

— Вивифрида! Наконецъ-то вы рѣшились назвать меня по имени, тогда какъ я съ самаго начала называла васъ Подемъ. Говорите же! Не полюбили ли вы другую?

Въ эту критическую минуту Поль Монтегю доказалъ что онъ не былъ трусомъ. Зная характеръ этой женщины, зная ея вспыльчивость и горячность онъ принялъ ея вызовъ и сказалъ ей правду.

— Да, я люблю другую, сказалъ онъ.

Она стояла молча, глядя ему въ лицо, обдумывая какъ начать нападеніе на него и сжимая свою правую руку пальцами лѣвой.

— О, прошептала она,—такъ вотъ почему мнѣ говорить это я больше не нужна.

— Нѣтъ, возразилъ онъ,—причиной было не это.

— Какъ! Развѣ есть еще другая причина? Не знаю что бы

это могло быть. Развѣ только то что полюбивъ другую вы возненавидѣли меня.

— Выслушайте меня, Виллифрида.

— Нѣтъ, сэръ. Теперь я для васъ не Виллифрида. Какъ сдѣла вы сдѣлать меня когда у васъ уже было на языкѣ сказать мнѣ что вы не любите меня? Такъ вы любите другую. Я слишкомъ стара чтобы нравиться вамъ, слишкомъ груба, слишкомъ не похожа на вашихъ жеманныхъ соотечественницъ. Какія же могутъ быть другія причины? Вы скажете ихъ, чтобъ я могла доказать вамъ что вы лжете.

Но ему не совсѣмъ легко было высказать эти причины, хотя онѣ казались столь ясными и убѣдительными когда ихъ высказывалъ Роджеръ.

— Мы слишкомъ мало знаемъ другъ друга, сказалъ онъ.

— Чтѣ же вы хотите знать? Спрашивайте и я буду отвѣчать. Развѣ я когда-нибудь отказывалась отвѣчать вамъ? Что касается меня, я съ своей стороны думаю что знаю васъ достаточно. Чтѣ же вы хотите знать? Спрашивайте. Не интересуетесь ли вы узнать каковы мои матеріалыныя средства? Когда вы сдѣлали мнѣ предложеніе вы знали что у меня не было ничего. Теперь же у меня хорошее состояніе. Вы знаете что я вдова. Чтѣ сказать мнѣ вамъ еще? Если вы хотите знать о негодяѣ который былъ моимъ мужемъ, я могу разказать вамъ многое. Но я думаю что тому кто любить не совсѣмъ пріятно слышать о томъ кто можетъ-быть нѣкогда былъ любимъ.

Онъ зналъ что его положеніе было вполне беззащитно. Онъ можетъ-быть поступилъ бы благороднѣе если бы не упоминалъ ни о какихъ причинахъ кромѣ своей любви къ другой. Въ такомъ случаѣ онъ долженъ былъ бы признать себя непостояннымъ, измѣнникомъ. Простулокъ который кажется ничтожнымъ тѣмъ кто не страдаетъ отъ него, пострадавшему кажется ужаснымъ, непростительнымъ, заслуживающимъ вѣчнаго наказанія. Ему пришлось бы услышать что онъ негодяй, ему пришлось бы вытерпѣть заслуженное наказаніе отъ раздраженной женщины, но онъ былъ бы избавленъ отъ дальнѣйшихъ умственныхъ усилій. Его положеніе было бы ясно. Теперь же оно было въ высшей степени неопредѣленно.

— Я не хочу знать ничего, сказалъ онъ.

— Такъ зачѣмъ же было и говорить что мы слишкомъ

мало знаемъ другъ друга? Это слишкомъ недостаточная причина для того чтобъ измѣнить женщину. Почему вы не говорили этого когда мы были въ Нью-Йоркѣ? Подумайте какъ это низко.

— Я не считаю себя низкимъ.

— Конечно нѣтъ. Мущина обманувъ женщину всегда найдеть себѣ оправданіе. Кто она... та особа которую вы любите?

Онъ понималъ что ни подъ какимъ видомъ не долженъ былъ называть Гетту Карбери. Онъ никогда не говорилъ ей о своей любви къ ней и она ничѣмъ не обнаружила что любить его.

— Я не могу назвать ее, сказалъ онъ.

— А я, которая пріѣхала изъ Калифорніи чтобы повидаться съ вами, должна ли я вернуться назадъ ни съ чѣмъ только потому что вы любите другую? И вы считаете это честнымъ? Вы способны бросить меня пожавъ мнѣ руку, вы уйдете безъ всякой боли въ сердцѣ, безъ угрызеній совѣсти.

— Я этого не сказалъ.

— Однако вы считаете Мельмота безчестнымъ и не можете слышать какъ я хвалю его. Развѣ самъ вы не обманщикъ?

— Надѣюсь что нѣтъ.

— Развѣ вы не обѣщали жениться на мнѣ? Говорите, сэръ?

— Обѣщалъ.

— А теперь вы отказываетесь исполнить свое обѣщаніе? Вы должны отвѣтить мнѣ.

— Я не могу жениться на васъ.

— Если такъ, то развѣ вы не обманщикъ?

Много труда стоило бы ему доказать ей въ это время что человекъ можетъ нарушить обѣщаніе и не быть обманщикомъ. Онъ рѣшилъ что не женится на ней когда еще не зналъ Гетты Карбери, рѣшилъ это вслѣдствіе того что слышалъ объ ея прежней жизни и вслѣдствіе того что не былъ увѣренъ въ смерти ея мужа. Если мистеръ Гёртъ действительно былъ еще живъ Поль имѣлъ полное право отказаться отъ исполненія своего обѣщанія. Онъ не считалъ себя обманщикомъ, но онъ не былъ готовъ къ самозащитѣ.

— О, Поль, сказала она внезапно перемѣнивъ тонъ,—вѣдь я прошу васъ о счастіи цѣлой жизни. Какъ мнѣ доказать вамъ что отъ этого действительно зависитъ счастье всей моей жизни? Вы уже дали слово и той... другой?

— Нѣтъ, сказалъ онъ,—я не давалъ ей слова.

— Но она любить васъ?

— Она не признавалась мнѣ въ любви.

— А вы говорили ей что любите ее?

— Нѣтъ.

— Такъ между вами еще нѣтъ ничего! И вы способны прогнать меня на женщину которой не отъ чего страдать, которая не имѣетъ права жаловаться, которая, сколько вамъ извѣстно, не думаетъ даже о васъ.

— Можетъ-быть и не думаетъ.

— Такъ вы все еще можете остаться моимъ. О, Поль, вернитесь ко мнѣ. Способна ли какая-нибудь женщина любить васъ такъ какъ я васъ люблю, посвятить вамъ всю свою жизнь? Подумайте что я сдѣлала прѣхавъ сюда, гдѣ у меня нѣтъ ни одного друга, если только вы мнѣ не другъ. Я сказала моей здѣшней хозяйкѣ что вы мой женихъ.

— Вы это сказали?

— Да. Развѣ я не имѣла на это права? Развѣ вы не были моимъ женихомъ? Могла ли бы я принимать васъ здѣсь не рискуя подвергнуться оскорбленіямъ, можетъ-быть отказу отъ квартиры, еслибы не открыла цѣли моего прѣзда сюда? Я прѣехала потому что вы обѣщали жениться на мнѣ и я не постыдилась бы заявить объ этомъ во всѣхъ лондонскихъ газетахъ. Я сказала хозяйкѣ что я невѣста Поля Монтегю, который управляетъ здѣсь вмѣстѣ съ Мельмотомъ компаніей новой желѣзной дороги, и что Поль Монтегю придетъ ко мнѣ сегодня утромъ. Она слишкомъ доверчива чтобъ усомниться въ справедливости моихъ словъ, а еслибы она усомнилась, я показала бы ей ваши письма. Теперь идите и объявите ей, если смѣете, что я сказала ей неправду.

Хозяйки не было въ комнатѣ и онъ не счелъ своею медленною обязанностью обличить женщину съ которой онъ во всякомъ случаѣ поступилъ дурно. Онъ былъ въ такомъ затруднительномъ положеніи что ему необходимо было подумать. Нѣсколько минутъ спустя онъ взялъ шляпу.

— Вы откроете хозяйкѣ что я сказала ей неправду?

— Нѣтъ, не сегодня, отвѣчалъ онъ.

— И вы придете ко мнѣ опять?

— Да, приду.

— У меня нѣтъ здѣсь ни одного друга кромѣ васъ, Поль. Помните это. Вспомните также всѣ ваши обѣщанія, вашу прежнюю любовь и будьте великодушны со мной.

И она отпустила его не сказавъ болѣе ни слова.

## II. Мистрисъ Гёртль отправляется въ театръ.

На другой день послѣ вышеописаннаго свиданія, Поль Монтегю получилъ отъ мистрисъ Гёртль слѣдующее письмо:

„Мой милый Поль,—Мнѣ кажется что мы съ вами повали вчера другъ друга не влоанѣ. Я по крайней мѣрѣ увѣрена что вы не повали до какой степени вся моя жизнь связана съ вами. Вамъ стоить только вспомнить наше путешествіе изъ Савъ-Франциско въ Лондонъ чтобы почувствовать какъ искренно я люблю васъ. Женщина предается такой любви всецѣло. Она не можетъ какъ мущина заглушить ее общественною дѣятельностью, если же она *должна* заглушить ее, это испытаніе для нея несравненно тяжелѣе чѣмъ для мущины. Любящая женщина сосредоточиваетъ на любимомъ существѣ всѣ свои мысли и чувства и отказывается отъ всякихъ другихъ интересовъ. Я отказалась для васъ отъ всего.

„Но я не увижусь до того чтобы умолять васъ о любви. Если вы, выслушавъ меня, повторите что я не нужна вамъ, потому что вы узнали женщину красивѣе меня, я не брошусь къ вашимъ ногамъ съ мольбой о пощаду, хотя не ругаюсь чтобы мое негодованіе не заставило меня сдѣлать какое-нибудь другое безуміе. Но я хочу чтобы вы выслушали меня. Вы говорите что есть женщина которую вы любите больше меня, но что вы еще не признавались ей въ любви. Увы, я слишкомъ опытна чтобы удивляться что преданность мущины не продавалась двухъ лѣтъ въ отсутствіи его возлюбленной. Мущина не можетъ жить любовью къ отсутствующей, какъ способна на это женщина. Но мнѣ кажется что когда вы увидали меня, въ вашемъ сердцѣ должно было оживиться воспоминаніе о прежней любви, что вы должны были сознаться себѣ что было время когда вы любили меня, и что вы могли бы полюбить меня опять. Если вы меня бросите, на вашей душѣ будетъ большой грѣхъ, потому что вы погубите меня. Что же касается той, другой, вы не будете ни въ чемъ виноваты противъ нея если перестанете думать о ней, потому что она, какъ вы сами говорите, даже не поговриваетъ о вашей любви.

„Вы намекали что есть и другія причины, что мы слишкомъ мало знаемъ другъ друга. Вы конечно хотѣли сказать

этимъ что вы слышкомъ мало знаете обо мнѣ. Вы были совершенно спокойны на этотъ счетъ въ счастливые дни нашей любви, и я подозреваю что васъ смутили сплетни вашихъ партнеровъ въ Санъ-Франциско. Если это такъ, вы обязаны были провѣрить эти слухи прежде чѣмъ бросить любящую васъ женщину какъ грязную перчатку, вслѣдствіе того что о ней говорятъ дурно люди не знающіе ея. Мой покойный мужъ, Карадонъ Гёрта, былъ генералъ - агторнеемъ въ Канзасѣ когда я вышла за него. У меня было значительное состояніе оставленное мнѣ матерью. Мужъ мой промоталъ изъ него все что могъ, потомъ бросилъ меня и уѣхалъ въ Техасъ, гдѣ и умеръ отъ пьянства. Я не послѣдовала за нимъ и послѣ его отъѣзда вышла замужъ за себя разводную по Канзасскимъ законамъ. Затѣмъ я отправилась въ Санъ-Франциско чтобы хлопотать о возвращеніи мнѣ части моей собственности которую мужъ мой, поддѣлавъ мою подпись, незаконно продалъ одному моему соотечественнику живущему теперь въ Парижѣ. Въ Санъ-Франциско я встрѣтилась съ вами — и вотъ вамъ вся моя исторія. Вы можете-быть не вѣрите мнѣ и теперь, но въ такомъ случаѣ развѣ вы не обязаны провѣрить справедливость вашихъ сомнѣній и моихъ словъ?

„Я стараюсь писать хладнокровно, но страсти терзаютъ меня. Я тоже слышала въ Калифорніи распуценныя обо мнѣ сплетни и вскорѣ затѣмъ получила ваше письмо. Тогда я рѣшила отправиться къ вамъ лишь только позволить мнѣ дѣла. Я была занята тогда своею тяжбой и мнѣ хотѣлось выиграть ее прежде чѣмъ отправиться къ вамъ. Я имѣла на это двѣ причины. Во первыхъ, я дала себѣ слово что не дамъ обману восторжествовать надъ правдой, во вторыхъ, мнѣ не хотѣлось пріѣхать къ вамъ нищей. Въ былое время мы съ вами были такъ откровенны насчетъ нашихъ денежныхъ дѣлъ что я упоминаю теперь о нихъ не стѣсняясь. Мнѣ кажется что между мужчиною и женщиной которые дали другъ другу слово быть мужемъ и женой не должно быть подобнымъ стѣсненій. Когда мы пріѣхали сюда вмѣстѣ у каждаго изъ насъ было свое состояніе, но мы не могли пользоваться нашею собственностью. Послѣ того я преодолѣла свои затрудненія и возвратила себѣ свое состояніе и судя по тому что я слышала въ Санъ-Франциско вы съ своей стороны едѣлали то



же самое. Во всякомъ случаѣ я не желаю ничего лучшаго какъ чтобы наши денежныя дѣла были впредь общими.

„Теперь о моемъ настоящемъ положеніи. Я пріѣхала сюда совершенно одна. Съ тѣхъ поръ какъ мы видѣлись съ вами въ Нью-Йоркѣ жизнь моя была не легка. Одна, предоставленная самой себѣ, я должна была вести отчаянную борьбу. Оба мнѣ распространили жестокія слухи. Тѣ которыя дошли до васъ относились вѣроятно къ моему мужу. Послѣ того было не мало слуховъ о моихъ отношеніяхъ съ вами. Сюда я пріѣхала не такъ какъ обыкновенно пріѣзжаютъ мои соотечественницы, со мной нѣтъ кучи рекомендательныхъ писемъ и я не могу разчитывать найти здѣсь друзей готовыхъ принять меня. Я пріѣхала сюда только для того чтобы увидать васъ. Теперь я рѣшаюсь просить васъ облегчить мое одиночество. Вы знаете — кому же и знать это какъ не вамъ? — что характеръ у меня общительный и не склонный къ меланхоліи. Проведемъ весело хоть одинъ день. Дайте мнѣ увидѣть васъ такимъ какъ вы были прежде, а мнѣ показать себя такою какъ я была въ былое время.

„Завѣжайте за мной, отправимся вмѣстѣ обѣдать, а потомъ въ какой-нибудь театръ. Я обещаю не говорить о признаніи которое вы сдѣлали мнѣ во время нашего послѣдняго свиданія, хотя это признаніе лежитъ тяжелымъ бременемъ на моемъ сердцѣ. Не знаю что, можетъ-быть жевское тщеславіе, внушаетъ мнѣ надежду что если мы увидимся олять и поговоримъ попрежнему, въ васъ пробудятся ваши прежнія чувства ко мнѣ.

„Вы можете быть увѣрены что застанете меня дома во всякое время. Мнѣ некуда ходить здѣсь и я по всей вѣроятности не выйду изъ дома если вы не зайдете за мной. Однако увѣдомьте меня хоть одною строчкой согласны ли вы на мое предложеніе, чтобы мнѣ не задержать васъ надѣваніемъ шляпки.

„Ваша всѣмъ сердцемъ  
„Винифрида Гертль.“

Не мало времени потратила она на это письмо, хотя старалась чтобы оно вышло такимъ какъ будто вышло изъ-подъ ея пера безъ всякаго труда. Она написала его сначала начерно, потомъ переписала, но переписывая сдѣлала умышленно двѣ помарки, для того чтобы оно казалось написаннымъ наскоро. Она много думала надъ нимъ. Она подавила всѣ

порывы своего негодованія. Приглашая его къ себѣ она дала ему понять что онъ можетъ не опасаться ногтей разсерженной львицы, хотя она дѣйствительно была зла какъ львица у которой отняли ея дѣтеныша. Она какъ будто игнорировала свою соперницу, имя которой еще не было ей извѣстно. Она говорила о чувствахъ своего возлюбленнаго къ этой другой женщинѣ какъ о пустой фантазіи которую легко забыть. Она говорила много о своемъ оскорбленіи, но старалась воздерживаться отъ упрековъ оскорбителю. Приглашаемый такимъ образомъ онъ не могъ не принять приглашенія. О своемъ состояніи она говорила для того чтобы дать ему понять что онъ могъ жениться на ней безъ всякихъ опасеній на этотъ счетъ. Перечитывая свое письмо она нашла что оно написано тономъ неподдѣльной женской искренности. Она запечатала его, надписала адресъ и откинулась на спинку кресла чтобы обдумать свое положеніе.

Онъ женится на ней или она сдѣлаетъ что-нибудь такое что имя Винифриды Гёртль разнесется по всему свѣту. У нея еще не было готоваго плана мщенія. Она давала себѣ слово даже не думать о мщеніи пока не увѣрится вполнѣ что оно заслужено, однако мысль о мщеніи не покидала ея ни днемъ, ни ночью. Возможно ли чтобы она со всѣми ея умственными и внѣшними преимуществами была брошена человѣкомъ котораго она при всей своей любви къ нему считала несравненно ниже себя? Онъ обѣщаль жениться на ней и онъ исполнитъ свое обѣщаніе, или весь свѣтъ узнаетъ о его низкой измѣнѣ.

Поль Монтегю, прочитавъ письмо, понялъ какъ затруднительно было его положеніе. Онъ былъ вполнѣ увѣренъ что сердце его отдаво всецѣло другой, но не видалъ исхода изъ олутивавшихъ его затрудненій. Въ письмѣ мистрисъ Гёртль не было ни слова которое онъ могъ бы опровергнуть. Онъ дѣйствительно любилъ ее когда-то и обѣщаль жениться на ней, но потомъ рѣшился измѣнить своему слову вслѣдствіе того что узналъ объ опасной таинственности которою была окружена эта женщина. Жениться на неизвѣстной Американкѣ о которой онъ знаетъ только то что она красива и умна было бы безразсудствомъ, говорилъ ему Роджеръ Карбери. Очень можетъ-быть что она авантюристка, что у нея никогда не было мужа или что у нея въ настоящее время два или три мужа, словомъ, что она олицетвореніе всего дур-

наго и опаснаго. Все что Поль слышалъ о ней въ Севъ-Франциско только подтверждало эти подозрѣнія. Никакое несчастіе не могло быть хуже такой женитьбы, говорилъ Роджеръ и Поль вѣрилъ своему ментору и сталъ вѣрить еще охотнѣе когда узналъ Гетту Карбери.

Но какъ долженъ онъ былъ поступить теперь? Послѣ того что произошло между ними онъ не могъ бросить мистрисъ Гертль въ ея квартирѣ въ Нелингтонѣ безъ всякаго объясненія. Она не стерпѣла бы этого. Ея послѣднее предложеніе, какъ ни было оно странно и почти комично при ихъ трагическихъ отношеніяхъ, было отчасти облегченіемъ. Забывать за ней, отобѣдать съ ней, свозить ее въ театръ было не трудно и могло быть даже пріятно, въ особенности если она сдержитъ обѣщаніе не говорить о своихъ страданіяхъ. Онъ вспомнилъ вѣсколько счастливыхъ вечеровъ которые провелъ съ ней, когда они впервые познакомились въ Нью-Йоркѣ. Лучшей подруги чѣмъ она для такой *partie de plaisir* какъ она предлагала нельзя было желать. Она умѣла говорить, умѣла слушать, умѣла сидѣть молча и одною своею близостью заставляла сосѣда наслаждаться ея женственнымъ прелестію. Онъ былъ очень счастливъ въ ея обществѣ. Еслибы было возможно онъ избавилъ бы себя отъ искушенія, но воспоминаніе о прежнихъ наслажденіяхъ отчасти примирило его съ исполненіемъ опасной необходимости.

Но когда вечеръ пройдетъ, какъ разстанется онъ съ ней? Что скажетъ онъ ей, когда подведетъ къ двери ея дома? Ему придется условиться съ ней на счетъ слѣдующаго свиданія. Онъ сознавалъ опасность своего положенія и не видалъ выхода изъ него. Онъ не могъ обратиться теперь за совѣтомъ къ Роджеру Карбери. Роджеръ былъ теперь его соперникомъ и его женитьба на вдовѣ была бы полезна для Роджера. Онъ зналъ что другъ его былъ слишкомъ честенъ чтобы дать совѣтъ основанный на такомъ разчетѣ, но онъ уже не могъ быть вполнѣ откровеннымъ въ этомъ дѣлѣ съ Роджеромъ. Онъ не могъ бы сказать не упоминая о Геттѣ всего что ему нужно было бы сказать, а о Геттѣ онъ не хотѣлъ говорить съ своимъ соперникомъ.

Другаго друга которому онъ могъ бы довѣриться онъ не имѣлъ. Съ минуту у него было намѣреніе написать мистрисъ Гертль прямо и откровенно, что такъ какъ онъ никогда не женится на ней, то считаетъ себя обязаннымъ избѣгать ея

общества. Но потомъ онъ представилъ себѣ ея одиночество и рѣшилъ что ему не слѣдуетъ покидать ее не повидавшись съ ней. И вотъ что онъ отвѣтилъ ей:

„Дорогая Вивифрида, — Я заѣду за вами завтра въ половинѣ шестаго. Мы будемъ обѣдать въ Теслявѣ, потому я возьму ложу въ Геймаркетѣ. Теслявѣ влоавѣ приличное мѣсто, тамъ бываетъ много дамъ. Вы можете обѣдать въ шляпкѣ.

„Преданный вамъ

„П. М.“

Смутное опасеніе заставило его подписать П. М. вмѣсто полного имени. Написавъ письмо, онъ раздумался объ опасности своего положенія. Мистрисъ Гёртъ сказала ему что она назвала себя хозяйкѣ дома его невѣстой, и онъ, отказавшись опровергнуть это заявленіе немедленно, какъ будто подтверждалъ его. Теперь онъ обѣщалъ захватить за ней чтобы отправиться веселиться вмѣстѣ.

До сихъ поръ она казалась ему откровенною, скромною, неспособною къ интригамъ. Онъ зналъ что она страстна, капризна, вспыльчива, но онъ никогда не замѣчалъ въ ней лживости. Но можетъ-быть онъ не могъ понять женщину которая была опытнѣе его? У него являлось это подозрѣніе, но онъ отговаривалъ его и старался увѣрить себя что она не обманщица. Однако развѣ ея послѣдній поступокъ не давалъ ему права опасаться что она замышляетъ завлечь его въ свои сѣти? Какъ бы то ни было, но отвѣтъ былъ посланъ, и онъ началъ готовиться къ завтрашнему дню рѣшивъ не думать объ опасностяхъ. Онъ заказалъ обѣдъ, взял ложу и въ назначенный часъ явился опять въ ея квартиру.

Хозяйка ввела его въ гостиную улыбаясь, и онъ понималъ что эта улыбка относилась къ нему. То была улыбка похвалы и ему и себѣ самой, ему какъ принятому жениху, себѣ какъ женщинѣ съ тѣмъ что еще одинъ мужчина пойманъ и закрѣпощенъ. Кому не знакома эта улыбка? Какой мужчина пойманный и закрѣпощенный не сердился въ душѣ на такую улыбку, понимая что цѣлью ея было внушить ему сознаніе его зависимости. Впрочемъ въ большинствѣ случаевъ сердиться не стоить. Если мы понимаемъ что надъ нами насмѣхаются, что на насъ смотрятъ какъ на лѣтучихъ съ отрѣзанными шпорами, мы можемъ съ гордостью вспомнить что въ результатѣ мы все же выиграли больше чѣмъ потеряли. Но у Поля Монтегю не было такого утѣшенія. Онъ чув-

отвѣчалъ что угрожавшая ему опасность усиливалась съ каждымъ часомъ; и что избавленіе становилось все труднѣе и труднѣе. Съ минутой онъ готовъ былъ остановить хозяйку, сказать ей правду и вынести неизбежныя послѣдствія такого поступка. Но это бѣло бы предательствомъ, и онъ не хотѣлъ, онъ не могъ этого сдѣлать.

Но ему некогда было обдумать свое положеніе. Лишь только хозяйка затворила дверь, мистрисъ Гёртль, совсѣмъ готовая, вышла изъ своей спальни. Ничто не могло быть проще и изящнѣе ея наряда. Былъ июль, погода стояла теплая; мистрисъ Гёртль надѣла легкое черное платье изъ матеріи которая называется, если не ошибаюсь, гренадиль, съ высокимъ воротомъ и очень красивое. Сама же она была еще красивѣе. Шляпка на ней была также черная, маленькая и простая, но очень изящная. Бываютъ случаи когда мущина отправляясь съ женщиной въ театръ желаетъ чтобы нарядъ ея бросался въ глаза; въ такихъ случаяхъ ему нравится пунцовая накидка, бѣлое платье, перчатки какого-нибудь яркаго цвѣта и цвѣты или драгоценныя камни въ волосахъ. Въ подобныхъ нарядахъ отправляются въ театръ наши дѣвушки когда хотятъ чтобы весь свѣтъ узналъ кто онѣ такія. Но бываютъ случаи когда мущина предпочитаетъ чтобы его спутница была одѣта красиво, но просто, чтобы нарядъ ея былъ разчитанъ только на то чтобы понравиться ему. Все это мистрисъ Гёртль понимала какъ нельзя лучше, и Поль, ничего не понимавшій въ женскихъ нарядахъ, остался доволенъ. Вы желали чтобы я была въ шляпкѣ, сказала она,—и вотъ я готова. И она подавала ему руку съ улыбкой и ласковымъ взглядомъ, какъ будто между ними не было никакого повода къ недовольству другъ другомъ. Когда они сѣли въ экипажъ хозяйка дома смотрѣла на нихъ и сказала что-то имъ вслѣдъ. Поль не разсмышлялъ ея словъ, но былъ увѣренъ что это былъ намекъ на его предполагаемую женитьбу.

Ни въ экипажѣ, ни во время обѣда, ни во время театральнаго представленія она не сдѣлала никакого намека на ихъ отношенія. Они обращались другъ съ другомъ какъ въ былое время въ Нью-Йоркѣ. Она шептала ему пріятныя слова, прикасалась время отъ времени къ его рукѣ и казалась бо-  
лье расположенною слушать чѣмъ говорить. Время отъ времени она налюбопытала ему о нѣкоторыхъ событіяхъ изъ ихъ рошлаго, о нѣкоторыхъ шуткахъ, о часахъ отдыха, о

минутахъ блаженства, но она дѣлала это такъ какъ сдѣлалъ бы всякій другой, еслибы только кто-нибудь другой могъ сдѣлать это такъ мило. Платокъ ея былъ надушевъ духами которые нѣкогда нравились ему, на пальцѣ ея было кольцо которое подарилъ ей онъ. Однажды онъ самъ причесалъ ея локоны, и теперь они были причесаны точно такъ же. У нея была манера встраивать головой, очень милая манера, но которая казалась опасною въ ея годы, потому что могла выдать первые проблески сѣдыми омрачающіе молодость. Онъ однажды шутя посоветовалъ ей быть осторожнѣе. Она еще не оставила эту манеру, и когда онъ улыбнулся, она сказала ему что все еще можетъ дѣлать это ничѣмъ не рискуя. Есть тысячи мелкихъ нѣжностей которыя милы для влюбленныхъ, отъ которыхъ не откажется ни одна женщина, которымъ даже любящіе мужчины покоряются съ наслажденіемъ, но которыя при другихъ обстоятельствахъ казались бы пошлостями. Многое въ этомъ отношеніи дается природою, но также многое есть сдѣланное искусствомъ. Мистрисъ Гертль владела этимъ искусствомъ въ совершенствѣ. Она не сдѣлала никакого намека на ихъ помолвку, не сказала ему ничего неприятнаго, она ублажала его тонкою лестью, и хотя онъ сознавалъ что надъ головой его висѣлъ мечъ который долженъ былъ упасть и уже отчасти упалъ въ этотъ вечеръ, но онъ былъ счастливъ.

Есть мужчины которые по природѣ своей не любятъ женщинъ, хотя многіе изъ нихъ бываютъ женаты, имѣютъ дочерей и всю жизнь живутъ окруженные женщинами. Другіе же напротивъ имѣютъ сильнѣйшее влеченіе къ женщинамъ и рѣдко бываютъ счастливы вдали отъ женскаго общества. Поль принадлежалъ къ послѣднему роду. Въ настоящее время онъ былъ влюбленъ въ Гетту Карбери и не былъ влюбленъ въ мистрисъ Гертль. Онъ отказался бы отъ значительной части обѣщанныхъ ему выгодъ отъ желѣзной дороги еслибы взамѣлъ этого можно было мгновенно переправить мистрисъ Гертль въ Санъ-Франциско и несмотря на это онъ былъ счастливъ въ ея обществѣ.

— Исполненіе не совсѣмъ хорошо, сказалъ онъ въ концѣ представленія.

— Что за бѣда? возразила она.—Наслажденіе и страданіе зависятъ отъ нашего собственнаго расположенія духа. Испол-

женіе не безукоризненно, но я слушала, смѣялась и плакала потому что была счастлива.

Онъ принужденъ былъ сознаться что тоже провелъ вечеръ съ удовольствіемъ.

— А развѣ намъ часто случается пользоваться истиннымъ удовольствіемъ? Я не думаю чтобъ какая-нибудь дѣвушка плакала когда-нибудь какъ эта актриса отомъ что ее возлюбленный говорилъ съ другою женщиной. Меня возмущаетъ что писатели и актеры такъ мало знаютъ человѣческую природу.

Положеніе героини на сценѣ было такъ похоже на ея положеніе что онъ не могъ возразить ни слова. Она знала что слова ея смутятъ его.

— Женщина скрываетъ такія слезы, продолжала она.—Ее можно застать въ слезахъ потому что она не всегда въ силахъ удерживать ихъ, но она постарается скрыть ихъ отъ своей соперницы. Не правда ли?

— Мнѣ кажется что вы правы.

— Медея не плакала когда узнала Креузу.

— Не всѣ женщины Медеи, возразилъ онъ.

— Но многія похожи на эту дикую царицу. Я готова ѣхать если хотите. Я никогда не жду завѣса. У меня нѣтъ чудовищаго букета который я могла бы бросить на сцену. Намѣрены вы проводить меня домой?

— Конечно.

— Необходимости въ этомъ нѣтъ никакой. Я не боюсь доѣхать одна въ наемномъ экипажѣ.

Но само собою разумѣется что онъ проводилъ ее въ Ислингтонъ. Это было его обязанностью. Она не умолкала во всю дорогу. Какое удивительное мѣсто Лондонъ. Какъ онъ обширенъ и какъ онъ грязенъ. Нью-Йоркъ конечно меньше, но Нью-Йоркъ по ея мнѣнію пріятнѣе. Но царь между городами это Парижъ. Она не любитъ Французовъ, а Англичанъ любить даже больше чѣмъ Американцевъ, но только мушьянъ. Что же касается женщинъ, она кажется никогда не будетъ въ состояніи полюбить ихъ.

— Я терпѣть не могу никакой утрировки, говорила она.—Я люблю добродѣтель, люблю законность, люблю и религіозность, если только ее не навязываютъ насильно, но мнѣ противно то что ваши женщины называютъ приличіями. Наше поведеніе сегодня было по всей вѣроятности въ высшей степени неприлично, но я увѣрена что мы не сдѣлали ничего дурнаго.

— Я тоже полагаю что мы не сдѣлали ничего дурнаго, заявилъ Поль смѣло.

Отъ Геймаркета до Ислингтона путь далекій, но наконецъ экипажъ остановился у квартиры мистрисъ Гёртль.

— Вотъ я и дома, сказала она.—Даже самый домъ имѣеть какой-то чолорный видъ который страшить меня.

Говоря это она вышла изъ экипажа. Поль постучался въ дверь.

— Войдите на минуту, сказала она когда онъ залпятилъ извожнику. Хозяйка стояла предъ ними придерживая отворенную дверь. Было около полуночи, но помолвенные могутъ не стѣсняться часами. Хозяйка дома, респектабельная вдова и мать пятерыхъ дѣтей, поняла это и улыбнулась олять когда онъ послѣдовалъ за мистрисъ Гёртль въ гостиную. Мистрисъ Гёртль уже сняла шляпку и входя въ комнату бросила ее на диванъ.

— Затворите на минуту дверь, сказала она, и Поль повиновался. Тогда она внезапно бросилась въ его объятія и не цѣлуя его, но глядя ему въ лицо воскликнула:—О, Поль, милый мой, возлюбленный мой, я не допущу чтобы вы бросили меня. Нѣтъ, нѣтъ, никогда! Я клянусь вамъ въ этомъ, и вы должны вѣрить мнѣ... Нѣтъ ничего чего я не сдѣлала бы изъ любви къ вамъ, но освободить васъ я не могу.—Она оттолкнула его отъ себя и отвернулась ломая руки.—Однако я сдержу слово которое дала вамъ на нынѣшній день. Этотъ день долженъ быть небольшимъ оазисомъ среди нашихъ невгодъ, праздникомъ въ нашей тяжелой жизни, и я не хочу портить его. Вы навѣстите меня олять, не правда ли?

Онъ кивнулъ головой, поцѣловалъ ее и ушелъ не сказавъ ни слова.

### III. Долли Локгестафъ посѣщаетъ Сити.

Читатели знаютъ какъ шла карточная игра въ Медвѣжьемъ Саду въ ночь послѣ воскресенья. Въ слѣдующій понедѣльникъ сэръ-Феликсъ не былъ въ клубѣ. Онъ слѣдилъ во время игры за Майльзомъ Грендоломъ и былъ увѣренъ что тотъ сплутовалъ нѣсколько разъ. Сэръ-Феликсъ не зналъ какъ долженъ онъ быть поступить въ своемъ положеніи. При всей его порочности поступокъ Грен-



долгъ былъ для него новостью и поразила его какъ нѣчто ужасное. Чтò могъ онъ одѣлать? Онъ былъ увѣренъ что не ошибся, но боялся что Ниддердеаль, Грасслокъ и Лонгестафъ не повѣрятъ ему. Онъ могъ бы сказать Монтегю, но Монтегю, какъ ему казалось, имѣлъ слишкомъ мало авторитета въ клубѣ чтобы быть ему полезнымъ. Во вторникъ онъ опять не пошелъ въ клубъ. Онъ сильно чувствовалъ недостатокъ возбужденія къ которому привыкъ, но дѣло было слишкомъ важно чтобы оставить его безъ вниманія. Онъ не рѣшался сѣсть играть съ человѣкомъ который лаутовалъ въ игрѣ. Но въ среду утромъ жизнь начала казаться ему нестерпимою безъ картъ, и около пяти часовъ вечера онъ отправился въ клубъ. Тамъ онъ засталъ по обыкновенію Долаи Лонгестаффа пившаго хересъ и горькую.

— Гдѣ вы пропадали? спросилъ Долаи. Долаи былъ въ этотъ день возбужденъ сознаниемъ исполненнаго долга. Онъ побывалъ у сестры, написалъ рѣзкое письмо отцу и чувствовалъ себя почти дѣловымъ человѣкомъ.

— У меня были дѣла, сказалъ Феликъсъ, который провелъ послѣдніе два дня въ нестерпимой праздности. Затѣмъ онъ заговорилъ опять о деньгахъ которыя долженъ былъ ему Долаи. Онъ не жаловался, не просилъ о немедленной уплатѣ, но объяснилъ дѣловымъ тономъ что если расчетъ возможенъ, деньги были бы ему въ настоящее время какъ нельзя болѣе кстати.

— Мнѣ крайне нужно взять акціи, сказалъ онъ.

— Вы конечно имѣете право требовать ваши деньги.

— Я не говорю этого, другъ мой. Я вполнѣ увѣренъ въ васъ. Вы не похожи на Майльза Грендола.

— Конечно нѣтъ. У бѣднаго Майльза нѣтъ ничего, а я могу имѣть деньги и поэтому долженъ платить.

— Это не оправданіе для Грендола, сказалъ сэръ-Феликъсъ.

— Человѣкъ не можетъ платить когда у него нѣтъ ничего, Карбери. Но человѣкъ конечно обязанъ платить. Я получилъ письмо отъ нашего юриста полчаса тому назадъ, вотъ оно. (И Долаи вынулъ изъ кармана письмо которое онъ дѣйствительно прочелъ часъ тому назадъ, но которое было отдано въ его квартиру рано утромъ.)

— Мой отецъ хочетъ продать Пиккерингъ, а Мельмотъ хочетъ купить его. Отецъ не можемъ продать безъ моего согласія, а я требую половину вырученной суммы. Я знаю

свои права. Я заинтересованъ въ продажѣ имѣнія больше чѣмъ онъ. Имѣніе не особенно хорошо, и они хотятъ взять за него пятьдесятъ тысячъ сверхъ перевода лежащаго на немъ долга. Получивъ двадцать пять тысячъ я могъ бы очистить отъ долговъ мое собственное имѣніе и получать хорошій доходъ. Судя по этому письму они готовы согласиться на мои условія.

— Какъ это было бы хорошо для васъ, Долли.

— О, да. Я конечно не прочь отъ этого, но мнѣ жаль имѣнія. Я не могу похвалить себя, я слишкомъ лѣнивъ чтобъ исполнять свои обязанности какъ слѣдуетъ, но во мнѣ есть что-то такое что возмущается противъ расточенія по клочкамъ фамильной собственности. Человѣкъ не долженъ расточать фамильную собственность.

— Вы никогда не жили въ Пиккерингъ?

— Нѣтъ, и я не думаю чтобы въ этомъ имѣніи былъ какой-нибудь прокъ. Оно даетъ намъ три процента съ суммы своей стоимости, между тѣмъ какъ отецъ платитъ шесть процентовъ на сумму за которую оно заложено. А я плачу двадцать пять процентовъ на займы мною деньги. Я смыслу въ этомъ болѣе чѣмъ вы думаете. Я знаю что имѣніе слѣдуетъ продать, и теперь оно по всей вѣроятности будетъ продано. Старый Мельмотъ все это знаетъ. Если хотите отправитесь завтра въ Сити, и я расплачусь съ вами. Онъ дастъ мнѣ впередъ тысячу фунтовъ, и вы купите акціи. Вы обѣдаете здѣсь?

Сэръ-Феликсъ отвѣчалъ что будетъ обѣдать въ клубѣ, но играть въ карты не останется, прибавилъ онъ со значительною таинственностью. Онъ охотно согласился отправиться на слѣдующій день въ Абчёрчъ-Ленъ, но ему не легко было убѣдить своего друга назначить для поѣздки не слишкомъ поздній часъ. Долли предлагалъ сойтись въ клубѣ въ четыре часа пополудни, сэръ-Феликсъ хотѣлъ захватить за нимъ на его квартиру въ полдень. Кончилось тѣмъ что оба сдѣлали уступку и согласились выѣхать въ два часа. Затѣмъ они пообѣдали вмѣстѣ. Рядомъ съ ними, на другомъ столѣ, обѣдалъ Майльсъ Грендолъ. Майльсъ и Долли часто перекидывались словами, но молодой баронетъ не принималъ участія въ ихъ разговорѣ, и Грендолъ ни разу не обратился къ нему.

— Развѣ вы въ ссорѣ съ Майльсомъ? спросилъ Долли, когда они перешли въ курильную комнату.

— Я не могу выносить его.

— Я знаю что вы никогда не любили другъ друга, но прежде вы по крайней мѣрѣ разговаривали и всегда играли вмѣстѣ.

— Играли вмѣстѣ! Въ томъ-то и бѣда. Несмотря на его безобразный выигрышъ въ воскресенье, онъ все еще долженъ мнѣ много, больше чѣмъ вы.

— Это-то и было причиной что вы не играли два послѣдніе вечера?

Сэръ-Феликсъ подумалъ съ минутой.

— Нѣтъ, не это было причиной, отвѣчалъ онъ.—Я скажу вамъ всю правду завтра въ экипажѣ.

И онъ ушелъ изъ клуба, объявивъ что отправится въ Гроувеноръ-Скверъ повидаться съ Мери Мельмотъ. Онъ дѣйствительно отправился въ Скверъ, но подѣхавъ къ дому не рѣшился войти. Зачѣмъ пойдетъ онъ туда? Онъ не можетъ сдѣлать ничего пока не получитъ согласія старика Мельмота, а согласіе его онъ получитъ только тогда когда покажетъ что у него есть деньги. Какъ провела онъ остальную часть вечера, читателямъ нѣтъ надобности знать. Вернувшись домой онъ нашелъ слѣдующее письмо отъ Мери:

„Среда, послѣ полудня.

„Милый Феликсъ,—Почему вы не бываете у насъ? Мама не сказала бы ничего еслибы вы пришли, а папа рѣдко бываетъ дома. Миссъ Лонгестаффъ все еще у насъ и по вечерамъ у насъ обыкновенно бываютъ гости. Сегодня мы отправляемся обѣдать къ графинѣ Стивенеджъ, папа, мама и я. Мама сказала мнѣ что тамъ будетъ лордъ Ниддердель, но вамъ нечего опасаться. Лорда Ниддерделя я не люблю, а я выйду замужъ только за того кого люблю. Вы знаете кого я люблю. Миссъ Лонгестаффъ очень сердится что не можетъ ѣхать съ нами. Она говоритъ что съ нашей стороны неучтиво оставлять ее одну. Какъ вамъ это нравится? Вечеромъ мы отправимся на музыкальный вечеръ къ леди Гамутъ и возьмемъ ее съ собой. Но она говоритъ что терпѣть не можетъ музыку. Чтò это за несносное созданіе! Удивляюсь, для чего папа пригласилъ ее къ намъ. Завтра вечеромъ мы будемъ дома и надѣюсь что вы придете.

„Почему не пишете вы мнѣ на имя *Didon*? Она не выдастъ насъ. А если и выдастъ, чтò за бѣда? Я намѣрена держаться

своего слова. Я останусь вѣрна вамъ хотя бы нана избилъ меня до полусмерти. Онъ однажды приказалъ мнѣ принять предложеніе лорда Ниддердеала, потому не вѣдалъ отказать ему, а теперь хочетъ опять чтобы я вышла за него. Но я не поддамся. Я не выйду ни за кого кромѣ моего возлюбленнаго.

„Ваша навсегда

„Мери.“

Теперь когда у Мери явился собственный интересъ въ жизни она хотѣла наслаждаться ею вполнѣ. Всѣ ея сношенія съ сэръ-Феликсомъ были для нея наслажденіемъ, тогда какъ для него они были только скукой. Онъ былъ готовъ жениться на дѣвушкѣ хоть завтра—съ тѣмъ условіемъ конечно чтобы полученіе денегъ было обезпечено, но онъ былъ вовсе не расположенъ утомлять себя игрой въ любовь. Такую игру онъ предпочиталъ вести съ Реби Рѣгльсъ.

На слѣдующій день въ назначенное время сэръ-Феликсъ явился къ своему другу и ему пришлось ждать только часъ пока Доли завтракалъ и одѣвался. На пути въ Сити сэръ-Феликсъ разказалъ Доли о возмутительномъ поступкѣ Майльза Грендола.

— Клянусь Георгіемъ, это ужасно! воскликнулъ Доли. — И вамъ дѣйствительно показалось что онъ это сдѣлалъ?

— Мнѣ не показалось, я видѣлъ ясно какъ онъ сдѣлалъ это три раза. Я увѣренъ что у него былъ всегда въ запасѣ тузъ.

Доли молчалъ.

— Какъ мнѣ поступить? спросилъ сэръ-Феликсъ.

— Ей-Богу не знаю.

— Что сдѣлали бы вы на моемъ мѣстѣ?

— Ничего. Я не повѣрилъ бы собственнымъ глазамъ, а еслибы повѣрилъ, то постарался бы не глядѣть на него.

— Но вы не стали бы больше играть съ нимъ?

— Конечно сталъ бы. Иначе пришлось бы имѣть съ нимъ скучнѣйшее объясненіе.

— Но, Доли, подумайте только...

— Все это прекрасно, милый мой, но я не хочу думать.

— И вы не дадите мнѣ никакого совѣта?

— Нѣтъ, я не дамъ вамъ никакого совѣта. Я жалѣю что вы сказали мнѣ объ этомъ. Почему вы выбрали своимъ повѣреннымъ меня? Почему вы не сказали Ниддердеалу?

— А Ниддердеаль оказалъ бы почему вы не сказали Лонгестаффу.

— Нѣтъ, онъ не сказалъ бы этого. Никому не придется въ голову выбрать для такого сообщенія меня. Еслибъ я зналъ заранѣе о вашемъ намѣреніи, я не поѣхалъ бы съ вами.

— Что за вздоръ, Доли!

— Я не могу выносить такихъ вещей. Я и теперь весь дрожу.

— Но вы намѣрены играть съ нимъ попрежнему?

— Конечно. Но если онъ начнетъ выигрывать ужь слишкомъ безсовѣстно, я можетъ-быть подумаю объ этомъ. Вотъ и Абчёрчъ-Лемъ. Теперь къ денежному человѣку.

Денежный человѣкъ принималъ ихъ любезнѣе чѣмъ ожидалъ сэръ-Феликсъ. О Мери и о состояніи сэръ-Феликса конечно не было сказано ни слова. Оба они, сэръ-Феликсъ и Доли, были удивлены сообразительностью съ которою великій финансистъ понялъ ихъ планы и готовностью съ которою онъ вошелъ въ ихъ интересы. Онъ избавилъ ихъ отъ неприятныхъ разспросовъ о томъ какъ былъ сдѣланъ долгъ. Доли былъ приглашенъ подписать пару документовъ, а сэръ-Феликсъ одинъ документъ и затѣмъ имъ было объявлено что ихъ дѣло кончено. Мистеръ Адольфусъ Лонгестафъ заплатилъ сэръ-Феликсу Карбери тысячу фунтовъ, а сэръ-Феликсъ Карбери уполномочилъ мистера Мельмота приобрести на эту сумму акціи новаго предпріятія. Сэръ-Феликсъ попробовалъ объяснить что онъ приобретаетъ акціи съ намѣреніемъ перепродать ихъ немедленно. Онъ дѣйствительно полагалъ что будучи директоромъ и имѣя небольшую сумму для начала онъ могъ имѣть такимъ образомъ постоянный правильный доходъ. Такой образъ дѣйствій, сколько ему было извѣстно, былъ дозволенъ Полю Монтегю единственно потому что онъ былъ директоромъ и положилъ небольшой капиталъ въ предпріятіе. Къ сожалѣнію мистеръ Мельмотъ при всемъ своемъ радушіи не хотѣлъ войти въ подробности. Онъ соглашался на все. „Само собою разумѣется что вы пожелаете продать опять; я буду слѣдить для васъ за курсомъ.“ Выйдя отъ него молодые люди были увѣрены только въ томъ что мистеръ Адольфусъ Лонгестафъ уполномочилъ мистера Мельмота заплатить вмѣсто него тысячу фунтовъ сэръ-Феликсу Карбери, и что сэръ-Феликсъ уполномочилъ того же великаго человѣка обратить эту сумму въ акціи новой Мексиканской дороги.

— Однако почему же онъ не далъ вамъ расписки? спросилъ Доуди на обратномъ пути.

— Я думаю что ему можно вѣрить и такъ, сказалъ сэръ-Феликсъ.

— О, да, конечно. Для него тысячи фунтовъ все равно что для насъ полукроны. Тѣмъ не менѣе онъ величайшій негодяй въ мѣрѣ.

Сэръ-Феликсъ уже начиналъ беспокоиться насчетъ своей тысячи фунтовъ.

#### IV. Мужество миссъ Мельмотъ.

Леди Карбери продолжала расспрашивать сына объ успѣхѣ его сватовства, и сэръ-Феликсъ таготился этими разспросами.

— Я говорилъ съ ея отцомъ, сказалъ онъ угрюмо.

— Что же онъ сказалъ?

— Понятно что онъ сказалъ. Онъ спросилъ каковъ мой доходъ. Онъ извѣстный кормстолюбецъ.

— И онъ запретилъ тебѣ бывать у нихъ?

— Довольно, матушка. Что пользы отъ вашихъ разспросовъ? Если вы оставите меня въ покоѣ, я сдѣлаю все что могу.

— А сама она согласна идти за тебя?

— Конечно согласна. Я ужъ говорилъ вамъ это въ Карбери.

— Въ такомъ случаѣ, Феликсъ, тебѣ сдѣдало бы увести ее. Право. Это дѣлается на каждомъ шагу и никто не считаетъ этого дурнымъ когда муштина женится на дѣвушкѣ. Теперь у тебя есть деньги, и ты можешь увести ее. Судя по всему что я слышала, она такая дѣвушка что охотно согласится бѣжать съ тобой.

Сынъ выслушивалъ эти совѣты молча. Онъ самъ думалъ что Мери согласилась бы бѣжать съ нимъ еслибъ онъ предложилъ это ей. Ея отецъ почти намекалъ на возможность побѣга, но при этомъ далъ ясно понять что послѣ такого поступка страстному любовнику пришлось бы удовольствоваться одною своею возлюбленною и не ждать приданого. Но не было ли это только угрозой? Богатые отцы обыкновенно прощаютъ бѣжавшихъ дочерей, а въ этомъ случаѣ бѣжавшая дочь вернулась бы къ отцу съ титуломъ. Такъ думалъ

сэръ-Феликсъ молча слушаая мать. Она прочла его мысли и продолжила:

— Конечно это сопряжено съ вѣкоторымъ рискомъ, Феликсъ.

— А что если придется остаться ни съ чѣмъ? сказалъ Феликсъ.—Я не вынесу этого. Мнѣ кажется что я убью ее.

— О, вѣтъ, Феликсъ, ты этого никогда не сдѣлаешь. Рискъ былъ бы самый незначительный. Въ такомъ поступкѣ не было бы ничего такого что могло бы оскорбить его серьезно. Ему некому оставить свои деньги кромѣ дочери и ему пріятнѣе будетъ дожить остатки жизни съ дочерью, съ леди Карбери, чѣмъ одному.

— Вы знаете что я не соглашусь жить съ нимъ.

— И не было бы никакой надобности жить съ нимъ. Она стала бы навѣщать своихъ родителей, а ты могъ бы бывать у нихъ когда вздумается. Неужели такія пустыя опасенія могутъ остановить тебя? Подумай что ждетъ тебя безъ этой жеманьбы? Мы всѣ умремъ съ голоду если не случится чего-нибудь особеннаго. Я на твоёмъ мѣстѣ увезла бы ее немедленно, Феликсъ. Говорятъ она совершеннѣйшая.

— Я даже не знаю куда везти ее, сказалъ сэръ-Феликсъ смущенный смѣлостію плана своей матери.—На шотландскій бракъ теперь уже нельзя разчитывать.

— Само собою разумѣется что ты долженъ обвѣнчаться съ ней немедленно.

— Мнѣ кажется что благоразумнѣе будетъ остаться при теперешнихъ отношеніяхъ пока ея состояніе не будетъ укрѣплено за ней.

— Нѣтъ, вѣтъ. Весь свѣтъ будетъ противъ тебя. Если же ты увезешь ее и женишься на ней, весь свѣтъ будетъ за тебя. А это-то тебѣ и нужно. Отецъ и мать навѣрное уступятъ если....

— Мать не имѣетъ никакого значенія.

— Отецъ уступитъ если общество будетъ за тебя. Я могла бы привлечь на свою сторону мистера Альфа и мистера Броуна. Я рискнула бы на твоёмъ мѣстѣ, Феликсъ. Годовой доходъ въ десять тысячъ встрѣчается не часто.

Сэръ-Феликсъ не далъ согласія на совѣты матери. У него не было никакого желанія облегчить ея безпокойство уврѣненіемъ что оны начнеть дѣйствовать. Но совѣты ея были такъ смѣлы что пробудили энергію даже въ немъ. Въ

настоящее время у него было достаточно денегъ чтобы привести въ исполненіе ея планъ, и онъ зналъ что если оны отложить, то можетъ-быть никогда впередъ не будетъ находиться въ такомъ благоприятномъ положеніи. Онъ рѣшилъ спросить у кого-нибудь куда ему увезти ее и что ему дѣлать съ ней и потомъ предложить ей побѣгъ. Майльзъ Грендоузъ могъ бы дать ему полезный совѣтъ, потому что Майльзъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ былъ опытный человѣкъ. Но съ Майльзомъ сэръ-Феликсъ не хотѣлъ совѣтоваться. Ниддерделъ былъ его пріятелемъ, но Ниддерделъ хотѣлъ самъ жениться на миссъ Мельмотъ. Грасслокъ не утерпѣлъ бы чтобы не пересказать Ниддерделю. Долли былъ ни на что не годенъ. Не можетъ ли помочь ему Негг Фосснеръ? Не было ли видному затрудненію изъ котораго Негг Фосснеръ не вывелъ бы человѣка за деньги.

Въ четвергъ вечеромъ сэръ-Феликсъ отправился въ Гросвеноръ-Скверъ какъ желала того Мери, но къ несчастію засталъ въ гостиной самого Мельмота. Тутъ же былъ лордъ Ниддерделъ и его старый отецъ, маркизъ Аудъ Рукки, съ которымъ Феликсъ не былъ знакомъ. Это былъ страшный, подагристый старикъ съ водянистыми глазами и съ жесткими, сѣдыми, почти бѣлыми волосами. Когда сэръ-Феликсъ вошелъ, онъ стоялъ опершись на два костыля. Всѣ три дамы были также въ гостиной. Въ швейцарской высокій лакей объявилъ сэръ-Феликсу что дамы вѣтъ дома, но черезъ минуту за одной изъ дверей послышался шопотъ, въ которомъ, какъ онъ узналъ позже, принимала дѣятельное участіе *madame Didon*, и вслѣдъ за этимъ другой высокій лакей опровергнулъ слова перваго и проводилъ сэръ-Феликса въ гостиную. Феликсъ, въ сильномъ смущеніи, пожалъ руки дамамъ, поклонился Мельмоту, который сдѣлалъ видъ что не замѣчаетъ его, и кивнулъ Ниддерделю. Но не успѣлъ онъ сѣсть на мѣсто какъ маркизъ вывелъ его изъ затруднительнаго положенія.

— Не пойти ли намъ внизъ? сказалъ маркизъ.

— Какъ вамъ угодно, милордъ, отвѣчалъ Мельмотъ. — Я провожу васъ. Маркизъ молча указалъ сыну костылемъ на дверь, и лордъ Ниддерделъ, повинувшись этому знаку, вышелъ вслѣдъ за финансистомъ.

*Madame Melfmont* была вѣдъ себя отъ волненія.

— Вы не должны были приходиться, сказала она. — *Il faut que vous vous retirez.*



— Очень жаль, пробормоталъ сэръ-Феликсъ въ смущеніи.

— Я кажется здѣсь лишняя, сказала миссъ Лонгестафъ выпрявившись во весь ростъ и уходя изъ комнаты.

— *Qu'elle est méchante*, сказала madame Мельмотъ. — О, она очень дурная дѣвушка. Вамъ лучше бы уйти, сэръ-Феликсъ, право.

— Нѣтъ, сказала Мери, подошла къ нему и взявъ его за руку. — Для чего ему уходить? Я хочу чтобы папа узналъ все.

— *Il vous tuega*, сказала madame Мельмотъ. — Боже мой, онъ васъ убьетъ.

— Пусть убьетъ, отвѣчала Мери, прижимаясь къ своему возлюбленному. — Я ни за что не выйду за лорда Ниддердела. Я не уступлю, хотя бы отецъ истерзалъ меня въ клочки. Феликсъ, вы любите меня?

— Конечно, люблю, отвѣчалъ онъ, обнявъ рукой ея талию.

— Мама, сказала Мери, — знайте что я никогда не буду ни чьею женой кромѣ этого человѣка, никогда, никогда! Феликсъ, скажите ей что вы любите меня.

— Надѣюсь что вы это знаете, сударыня, сказалъ Феликсъ.

Онъ былъ такъ смущенъ что не зналъ что дѣлать и что говорить.

— Милая моя, это неприлично, сказала madame Мельмотъ. — Сэръ-Феликсъ, вамъ лучше уйти, право лучше. Будьте такъ любезны.

— Не уходите, сказала Мери. — Нѣтъ, мама, онъ не уйдетъ. Я пойду внизъ въ комнату папа и скажу имъ всѣмъ что я никогда не выйду за Ниддердела и что я люблю вотъ этого человѣка. Пойдемте, Феликсъ.

Предложеніе было не совсѣмъ по вкусу сэръ-Феликсу. Въ глазахъ маркиза была какая-то дикая свирѣлость, а Мельмотъ былъ всегда угрюмъ.

— Мнѣ кажется что я не въ правѣ поступить такъ. Это домъ мистера Мельмота, сказалъ онъ.

— Какъ хотите, сказала Мери. — Я уже объявила сегодня папа что не выйду за лорда Ниддердела.

— Разсердился онъ на васъ?

— Онъ засмѣялся. Онъ увѣрялъ что никто не посмѣетъ пойти противъ него. Но я не локорюсь, хотя бы онъ убилъ меня. Феликсъ, если вы не измѣните мнѣ, ничто не разлучитъ насъ. Я не постыжусь объявить всему свѣту что я люблю васъ.

Madame Мельмотъ сидѣла вздыхая; сэръ-Феликсъ стоялъ объязъ талию Мери, слушая ея увѣренія и почти не отвѣчая на нихъ когда на лѣстницѣ въезавно послышались тяжелые шаги.

— C'est lui, простонала madame Мельмотъ вскочивъ съ мѣста и выбѣгая изъ комнаты. Мери подняла голову, и сэръ-Феликсъ поцѣловалъ ее въ губы.

— Будьте мужественны, и я не уступлю, сказала она вырываясь изъ его объятій.

Мистеръ Мельмотъ вошелъ и оглянулъ комнату.

— Гдѣ другіе? спросилъ онъ.

— Мама вышла только сейчасъ, а миссъ Лонгестаффъ ушла раньше.

— Сэръ-Феликсъ, я считаю нужнымъ сказать вамъ что моя дочь помолвлена съ лордомъ Ниддерделемъ.

— Сэръ-Феликсъ, я не помолвлена съ лордомъ Ниддерделемъ, возразила Мери.—Для чего вы говорите это, папа? Я не пойду за лорда Ниддердела, хотя бы вы изрубили меня въ куски.

— Она должна выйти замужъ за лорда Ниддердела, продолжалъ Мельмотъ обращаясь къ сэръ-Феликсу.—Такъ какъ это уже рѣшено окончательно, то вы можете - быть сочтете за лучшее не посѣщать насъ болѣе. Когда свадьба совершится я почту за честь возобновить знакомство съ вами и всегда радъ видѣть васъ въ Сити.

— Папа, мы любимъ другъ друга, сказала Мери.

— Вздоръ!

— Нѣтъ, не вздоръ. Я не выйду ни за кого другаго. Я ненавижу лорда Ниддердела и этого страшнаго старика. Сэръ-Феликсъ хорошій человекъ. Еслибы вы любили меня, папа, вы не захотѣли бы сдѣлать меня несчастною на всю жизнь.

Отецъ бросился къ ней съ поднятою рукою, но она только ближе прижалась къ своему возлюбленному. Сэръ-Феликсъ не зналъ что ему сдѣлать и всею душой желалъ быть подалше отъ дома мистера Мельмота.

— Убирайся въ свою комнату, негодная, сказалъ Мельмотъ.

— Я уйду спать если вы прикажете, папа.

— Я приказываю. Какъ смѣешь ты обращаться съ мною такимъ образомъ въ моемъ присутствіи? Развѣ ты не понимаешь что безчестишь себя?

— Нѣтъ, я не безчещу себя. Чѣмъ онъ хуже лорда Ниддердела? О, пала, пустите меня. Мнѣ больно. Я уйду.

Онъ схватилъ ее за руку, оттащилъ къ двери и вытолкнулъ изъ комнаты.

— Я очень сожалѣю, мистеръ Мельмотъ, что я былъ отчасти причиною этой неприятной сцены.

— Уйдите и не приходите больше, вотъ и все. Двоимъ нелзя жемиться на одной. Вы должны знать что я не такой чловѣкъ чтобы дать дочери хотъ одивъ шиллингъ если она выйдеть замужъ противъ моей воли. Клянусь Богомъ, сэръ-Феликсъ, что она не получитъ ничего если выйдеть за васъ. Но если вы откажетесь отъ нея, я всегда буду радъ содѣйствовать вамъ во всѣхъ дѣлахъ какія у васъ могутъ быть въ Сити.

Послѣ этого сэръ-Феликсъ ушелъ. Когда онъ проходилъ по швейцарской какаа-то женщина услѣла сувуть ему въ руку записку которую онъ прочелъ подъ первымъ газовымъ фонаремъ на улицѣ. Записка была написана въ этотъ день утромъ и потому въ ней не было ни слова о послѣдней сценѣ. Вотъ что онъ прочелъ:

„Надѣюсь что вы придете сегодня вечеромъ. Есть нѣчто чего вы еще не знаете, но что вы должны знать. Когда мы жили во Франци, пала счелъ нужнымъ перевести часть своего состоянiя на мое имя. Не знаю сколько именно, но полагаю что это сумма на которую мы могли бы жить всѣ, еслибъ остальное какимъ-нибудь образомъ погибло. Онъ никогда не говорилъ объ этомъ со мной, но я знаю что онъ это сдѣлалъ и что это не можетъ быть передѣлаво безъ моего разрѣшенiя. Сегодня онъ очень сердитъ на васъ потому что я сказала ему что никогда не откажусь отъ васъ. Онъ говоритъ что не дастъ мнѣ ничего если я выйду замужъ безъ его согласiя. Но я знаю навѣрное что онъ не можетъ взять назадъ тѣ деньги которыя перевелъ на мое имя. Я говорю вамъ это потому что считаю своимъ долгомъ говорить вамъ все.

„М.“

Прочитавъ это письмо сэръ-Феликсъ подумалъ что невѣста его весьма предприимчивая особа. Ей повидимому было все равно до какой степени она повредитъ отцу, и она хладнокровно предлагала обобрать его. Но сэръ-Феликсъ не

видѣлъ причиною не взять денегъ переведенныхъ на имя Мери, если это дѣйствительно было возможно. Онъ не зналъ какъ дѣлаются такіа дѣла, но онъ былъ опытиѣ Мери и думалъ что со стороны человѣка въ положеніи Мельмота весьма естественно было обезпечить отъ случайностей часть своего состоянія переведа ея на имя дочери. Но могъ ли онъ, если онъ дѣйствительно это сдѣлалъ, взять деньги назадъ, сэръ-Феликсъ не зналъ. Мери, которая во время совершенія дѣла была пассивнымъ орудіемъ, теперь получила выгоды своего положенія. Женитесь на мнѣ безъ согласія отца, говорила она, и мы отнимемъ у него деньги которыя онъ ради своихъ цѣлей перевелъ на мое имя. До сихъ поръ сэръ-Феликсъ смотрѣлъ на Мери какъ на безхарактерное, ничтожное созданіе, достойное вниманіе только въ качествѣ дочери богатаго человѣка, теперь онъ началъ смотрѣть на нее какъ на что болѣе значительное. Она имѣла свою собственную волю, тогда какъ мать ея не имѣла никакой. Она не боялась своего грубаго отца, тогда какъ онъ, сэръ-Феликсъ, дрожалъ предъ нимъ. Она готова была претерпѣть побои и смерть ради своего возлюбленнаго и безъ сомнѣнія согласилась бы и на побѣгъ еслибъ ей предложить его.

Сэръ-Феликсу казалось что въ теченіе послѣдняго мѣсяца онъ приобрѣлъ много опытности. Вещи которыя казались ему прежде рискованными, трудными или даже невозможными, теперь были ему ничо чемъ. Онъ выигралъ двѣ или три тысячи фунтовъ въ карты, тогда какъ прежде, когда онъ велъ мелкую игру, проигрывать былъ неизмѣннымъ результатомъ. Онъ приступилъ къ ухаживанію за богатою наследницею неохотно, опасаясь трудностей предпріятія и не питая большой надежды на успѣхъ. Теперь дѣвушка готова была идти за нимъ куда угодно. Потомъ онъ замѣтилъ что одинъ его пріятель плутовалъ въ карточной игрѣ и узналъ что это совсѣмъ не такой ужасный простулокъ какъ онъ думалъ. Если это не особенно дурно, если такому человѣку какъ Майльзъ Грендолъ позволительно плутовать, то почему не плутовать и ему, сэръ-Феликсу? Это было бы очень легкимъ средствомъ къ обогащенію. Онъ вспомнилъ что ему случалось иногда заставлятъ своихъ партнеровъ въ вистѣ снимать карты вторично. Это было почти неумышленнымъ плутовствомъ и оставалось незамѣченнымъ. Теперь ему казалось что можно было бы дѣлать безнаказанно плутни и

оважнѣе. Но ничто не было для него такъ назидательно въ его знакомствѣ съ нравами и обычаями свѣта какъ предложеніе Мери обобрать ея отца. Это было прекрасною рекомендаціей для дѣвушки въ его глазахъ. Мери, несмотря на вою молодость и на замкнутую жизнь которую она вела до ихъ поръ, сумѣла освободиться отъ предразсудковъ называемыхъ честностью, отъ этихъ лугалъ задерживающихъ великіе людскіе замыслы.

Какъ же поступить ему? Сумма денегъ переведенная на имя Мери была по всей вѣроятности очень велика, тысячь пятьдесятъ, а можетъ-быть и больше. Такой человѣкъ какъ Мельмотъ не станетъ утруждать себя лустаками. Но если эръ-Феликсъ и Мери потребуютъ себѣ эти деньги какъ мужъ и жена, они должны будутъ отказаться отъ надежды получить еще что-нибудь отъ Мельмота. Мельмотъ не протитъ подобнаго оскорбленія. А пятьдесятъ тысячъ, если и дастся получить ихъ, не особенно большое богатство. При этомъ Мельмотъ имѣетъ средства сдѣлать обладаніе этими деньгами весьма хлопотливымъ.

Таковы были глубокія воды въ которыя готовился погрузиться эръ-Феликсъ, и онъ былъ далеко не слокоенъ, хотя любилъ глубокія воды.

## V. Обѣщаніе мистера Мельмота.

Въ слѣдующую субботу въ газетѣ мистера Альфа *Вечерняя Каветра* появилась статья о Южно-Центральной, Тихоокеанской и Мексиканской желѣзной дорогѣ. Статья эта обратила на себя большое вниманіе, хотя въ сущности была замѣчательна только тѣмъ что не оставляла въ умѣ читателя никакого опредѣленнаго понятія о томъ, выгодно или невыгодно было предпріятіе. Издатель могъ въ послѣдствіи сослаться съ гордостью на эту статью, и въ случаѣ еслибъ эта дорога дѣлалась великимъ всесвѣтнымъ фактомъ и еслибы, наоборотъ, предпріятіе оказалось низкимъ мошенничествомъ шайки негодяевъ. Статья была таинственна, поучительна, занимательна, отличалась знаніемъ дѣла, какъ и всѣ статьи *Вечерней Каветры*, и главное, въ ней была пропія. Послѣ вседѣнія пропія была сильнѣйшимъ орудіемъ *Вечерней Каветры*. Статья восхваляла, конечно въ ироническомъ тонѣ,

герцогиня помогавших Мельмоту, составъ англійской дирекціи компаніи, восхваляла идею цивилизовать Мексику посредствомъ соединенія ея съ Калифорніей. Но къ послѣдней похвалѣ было прибавлено нѣсколько проницательныхъ замѣчаній о неспособности Англій вѣрить въ успѣхъ какого-нибудь дѣла не ею предпринятаго. Затѣмъ было нѣсколько словъ объ универсальности коммерческаго гевія мистера Мельмота, но трудно было рѣшить было ли это сказано въ смыслѣ пресказанія подлѣйшаго ладенія и безчестія, или же въ смыслѣ всемірнаго торжества и безпримѣрнаго коммерческаго успѣха.

Въ клубахъ статья приписывалась самому мистеру Альфу Старый Сплинтеръ, сотрудничавшій въ продолженіе сорока лѣтъ въ нѣсколькихъ крулныхъ журналахъ и обладавшій прекраснымъ погребомъ винъ, увѣрялъ что видѣлъ эту статью насквозь. *Вечерняя Камера*, говорилъ онъ, имѣла въ виду сдѣлать все возможное для облаченія Мельмота, не навиская на себя обвиненія въ диффамаци. Но другіе журналисты не раздѣляли этого мнѣнія. Если статья имѣла эту цѣль, говорили они, что же означалъ параграфъ въ которомъ говорилось что мысль о соединеніи двухъ океановъ была яснымъ свидѣтельствомъ божественности человеческого гевія? Старый Сплинтеръ смѣялся и говорилъ что въ наше время даже журналисты не настолько умны чтобы понимать пронику. Однако и остальной свѣтъ не раздѣлялъ его мнѣнія и статья подняла цѣну акцій.

Леди Карбери раздѣляла мнѣіе большинства и была въ восторгѣ. Будущность сына представлялась ей въ самомъ блестящемъ свѣтѣ. Онъ былъ возлюбленнымъ Мери Мельмотъ, онъ былъ директоромъ великаго предпріятія, онъ засталъ за однимъ столомъ съ тузами коммерческаго міра, онъ былъ самымъ красивымъ молодымъ человѣкомъ въ Лондонѣ къ довершенію всего баронетомъ. По временамъ ей приходило въ голову самыя сумасбродныя мысли. Не довѣрится ли е мистеру Альфу? Чего не сдѣлали бы вмѣствѣ два такіе человека какъ Мельмотъ и Альфъ еслибы свести ихъ? Альфъ сталъ бы писать для Мельмота, а Мельмотъ сталъ бы награждать Альфа акціями. Что если она пригласитъ къ себѣ Мельмотъ и улыбнется ему, будетъ льстить ему какъ она умѣла льстить и отнесетъ на его счетъ фразу о величіи мысли соединить желѣзною дорогой два океана? Не сдѣлается ли онъ въ е рукахъ мягкимъ какъ воскъ? Еслибъ это удалось ей и Ф

какъ увезъ бы Мери, развѣ не легко было бы получить рожденіе? Она могла бы также прибѣгнуть къ помощи мистера Броуна и даже мистера Букера. Такой человѣкъ какъ Мельмотъ долженъ дорожить расположеніемъ журналистовъ. Кто задумался бы купить акціи предпріятія, когда мистеръ Альфъ и мистеръ Броунъ сказали бы что это предпріятіе въ рукахъ божества? Мечты леди Карбери были нѣсколько смутны, но она всѣми силами старалась прояснить ихъ. Въ воскресенье послѣ полудня къ ней зашелъ мистеръ Букеръ и между прочимъ говорилъ съ ней о статьѣ. Она довѣрила ему собственныхъ видовъ на Мельмота, считая необходимымъ быть осторожной, но слушала съ жаднымъ вниманіемъ.

— Вы считаете его честнымъ? спросила леди Карбери.

Мистеръ Букеръ улыбнулся и не рѣшался отвѣтить.

— Я хочу сказать, настолько честнымъ сколько это возможно въ обширныхъ предпріятіяхъ.

— Это необходимая оговорка, сказалъ мистеръ Букеръ.

— Если человѣкъ знаетъ что такое-то дѣло будетъ благоотвѣдно для человѣчества и что для его успѣха необходимо только создать вѣру въ него, развѣ онъ не будетъ благодарителемъ своихъ ближнихъ, если внушить эту вѣру?

— Вопреки правдѣ? спросилъ мистеръ Букеръ.

— Вопреки чему бы то ни было, возразила леди Карбери энергіей. — Къ такимъ людямъ нельзя прилагать обыкновенныя требованія.

— Вы оправдываете зло ради достиженія добра.

— Я не считаю этого зломъ. Вы уничтожаете тысячу живыхъ существъ въ каждомъ стаканѣ воды который выливаете, однако это не останавливаетъ васъ когда вамъ хочется пить. Вы не можете отправить корабль въ море не подоргнувъ опасности нѣсколькихъ человѣческихъ жизней, однако множество кораблей отправляется въ море и множество людей погибаетъ. Вы говорите что Мельмотъ можетъ ворить сотни людей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ можетъ дать богатство и счастье милліонамъ.

— Вы превосходная казуистка, леди Карбери.

— Я восторженная поклонница благодарительной смѣлости, возразила леди Карбери съ очевиднымъ самодовольствомъ. — Еслибъ я пользовалась вашимъ значеніемъ въ нашей ответственной литературѣ, мистеръ Букеръ.

— Я не имѣю никакого значенія, леди Карбери.

— Имѣете и очень большое. Еслибъ я была на вашемъ мѣстѣ, я не поколебалась бы поддержать всю силой вѣнѣ моего изданія этого великаго человѣка и его великое пріятіе.

— И на слѣдующій день я былъ бы отставленъ, сказавъ мистеръ Букеръ съ улыбкой и вставая чтобы проститься.

Когда онъ ушелъ, леди Карбери припомнила свой разговоръ съ нимъ и рѣшила что она ничѣмъ не скомпрометтировала себя. Она не разчитывала сдѣлать много съ помощью Букера.

Въ слѣдующій вторникъ, ея назначенный день, въ ея гостиной были всѣ ея три издателя и еще одинъ человѣкъ познанный чительнѣе каждаго изъ нихъ. Не долго думая и не сказавъ никому ни слова, леди Карбери послала приглашеніе Мельмоту. Она написала ему очень милую записку въ которой напомнила ему ихъ встрѣчу въ Кавершамъ и то что тогда Мельмотъ и его дочь уже ознакомили ее однажды своимъ посѣщеніемъ, затѣмъ дала ему понять что изъ всѣхъ сыновъ міра сего онъ единственный предъ которымъ она наслажденіемъ преклонила бы колѣна. Въ отвѣтъ на это она получила краткое извѣщеніе, написанное Гредоломъ, что мистеръ Мельмотъ принимаетъ ея лестное приглашеніе.

Когда великій человѣкъ вошелъ въ ея гостиную, леди Карбери, съ отличавшею ее любезностью, тотчасъ же приняла его подъ свое крылышко. Она заговорила съ нимъ объ ихъ дорогихъ друзьяхъ въ Кавершамъ, выразила сожалѣніе о занятіи сына мѣшающъ ему бывать тамъ чаще и затѣмъ рѣшила съ чрезвычайною смѣлостью къ стать въ *Вечерней Медры*. Ея другъ, мистеръ Альфъ, издатель газеты, вполне оцѣнилъ величіе характера мистера Мельмота и всю полноту его великихъ предпріятій, сказала она. Мельмотъ поклонился и пробормоталъ что-то въ отвѣтъ.

— Я должна представить вамъ мистера Альфа, сказала леди Карбери.

Когда они были представлены другъ другу, мистеръ Альфъ заявилъ что представленіе едва ли было нужно, такъ какъ онъ однажды уже имѣлъ удовольствіе быть гостемъ мистера Мельмота.

— У меня перебывало множество людей которыхъ я знаю когда не видалъ и по всей вѣроятности никогда не увижу, сказалъ Мельмотъ.



— И я была однимъ изъ этихъ несчастныхъ, прибавилъ мистеръ Альфъ.

— Жаль что вы попали въ ихъ число. Еслибы вы вошли въ карточную комнату, вы нашли бы меня тамъ.

— О, еслибы я знала это! сказалъ мистеръ Альфъ.

Но провѣя издателя, которая была такимъ сильнымъ орудемъ въ его газетѣ, осталась непонятою Мельмотомъ.

Леди Карбери, видя что отъ этого представленія желая кидать немедленной пользы, перешла къ другому.

— Мистеръ Мельмотъ, сказала она ему шепотомъ, — маѣ бы хотѣлось бы познакомиться васъ съ мистеромъ Броуномъ. Съ нимъ вы еще никогда не встрѣчались, я увѣрена. Утренняя газета обременительнѣе для издателя чѣмъ вечерняя. Мистеръ Броунъ издаетъ, какъ вамъ вѣроятно извѣстно, *breakfast Table*. Онъ едва ли не самый вліятельный человѣкъ въ Лондонѣ. Его коммерческія статьи, прибавила она, повиновѣе голосъ еще болѣе, — считаются откровеніемъ, положительнымъ откровеніемъ.

Мистеръ Мельмотъ и мистеръ Броунъ были представлены другъ другу и леди Карбери удалась, но не настолько чтобы не слышать ихъ разговора.

— Становится жарко, сказалъ Мельмотъ.

— Очень жарко, сказалъ Броунъ.

— Сегодня въ Сити было болѣе семидесяти градусовъ. Кажется это сильная жара для іюня.

— Дѣйствительно очень жарко, повторилъ мистеръ Броунъ.

На этомъ разговоръ прервался. Мистеръ Броунъ отошелъ мистеръ Мельмотъ остался одинъ посреди комнаты. Леди Карбери сказала въ эту минуту что и Римъ былъ построенъ въ одинъ день. Она, конечно, надѣялась положить въ этотъ день больше кирпичей, но во всякомъ случаѣ не надо было вѣдать духомъ.

Но Мельмотъ самъ имѣлъ сказать ей нѣчто, и онъ высказалъ это прежде чѣмъ ушелъ.

— Вы были очень добры что пригласили меня, леди Карбери, сказалъ онъ. Леди Карбери возразила что доброта была только на его сторону. — И я пріѣхалъ потому что маѣ нужно сказать вамъ нѣчто, продолжалъ Мельмотъ. — Я не охотился до вечернихъ собраній. Вашъ сынъ сватался къ моей дочери (Леди Карбери посмотрѣла на него во всѣ глаза, показала руки, потомъ, подумавъ, положила руку на его ру-

кавъ). — Я долженъ объявить вамъ, сударыня, что дочь моя помолвлена съ другимъ.

— Вы не станете стѣснять ея чувства? мистеръ Мельмотъ.

— Я не дамъ ей ни одного шиллинга, если она выйдетъ за другого, вотъ и все. Вы наломали мнѣ въ Кавершамъ твою вашу сына одинъ изъ директоровъ нашей компаніи.

— Да, да.

— Я очень уважаю вашего сына, сударыня. Я не хочу повредить ему какимъ бы то ни было образомъ. Если онъ объявитъ моей дочери что беретъ назадъ свое предложеніе, по тому что я не даю согласія на ихъ бракъ, я позабочусь чтобъ онъ имѣлъ блестящій успѣхъ въ Сити. Я выведу его въ люди. Прощайте, сударыня.

И Мельмотъ ушелъ, не сказавъ болѣе ни слова.

Итакъ, великій человекъ бралъ на себя положительное обязательство „вывести въ люди“ Феликса, если Феликсъ послушается его. Въ противномъ же случаѣ, то-есть если Феликсъ настоитъ на своемъ и женится на его дочери, Мельмотъ угрожалъ не дать ему ничего. Объ этомъ стоило подумать серьезно. Леди Карбери не сомнѣвалась что Мельмотъ имѣлъ возможность вывести въ люди Феликса съ помощью своего вліянія въ Сити, но для прочности такого положенія нужны были качества которыхъ, какъ она опасалась, въ сынѣ ея не было. Съ другой стороны, женитьба на дѣвушкѣ безъ денегъ была бы положительною гибелью. Еслибы это случилось, у Феликса не осталось бы никакой надежды въ жизни, никакого исхода изъ бѣдности. Она видѣла предъ собой настоящую трагедію, когда воображала сына женатымъ на такой дѣвушкѣ какой она считала Мери Мельмотъ, и безъ всякихъ средствъ къ существованію кромѣ того что могла ему дать она, его мать. Она умерла бы съ горя, и единственною перспективою для молодыхъ людей осталось бы нищенство и рабочій домъ. Она содрогалась думая объ этомъ. Ея прекрасный мальчикъ былъ такъ щедро одаренъ вѣщими дарами, былъ такъ достоинъ всѣхъ благъ большаго свѣта, думала она. Какъ ни унизительно было ея честолюбіе, но ея материнская любовь была безкорытна и благородна.

Но Мери была единственною дочерью. Отцу некому было передать кромѣ нея всѣ пріобрѣтенныя имъ блага. Ему, конечно, пріятно было бы имѣть зятемъ лорда, и естественно что вслѣдствіе этого онъ отталкивалъ ея сына и грозилъ ей

ать ему ничего, если онъ женится на его дочери. Но не будетъ ли столь же естественно что онъ помирится съ этимъ бракомъ, когда нельзя будетъ поправить дѣла? Если вернется къ нему съ титуломъ, хотя и не съ такимъ высокимъ какого онъ желалъ. Относительно ея самой великой филансити, по ея мнѣнію, былъ очень грубъ. Онъ воспользовался приглашеніемъ чтобы высказать ей свои угрозы въ ея собственномъ домѣ. Но она готова простить ему это. Она забудетъ объ этомъ если нужно.

Она оглянула комнату, ища друга съ которымъ могла бы посоветоваться съ искреннимъ чувствомъ женской безлопачности. Ея естественнымъ и лучшимъ другомъ былъ Роджеръ Карбери. Но еслибы даже онъ былъ въ Лондонѣ, она не могла бы посоветоваться съ нимъ ни о чемъ что касалось Мельмотовъ. Она знала что онъ посоветовалъ бы ей не имѣть ничего общаго съ такими людьми. Но вѣдь милый Роджеръ былъ человѣкъ отсталый и вовсе не понималъ современныхъ людей. Онъ жилъ въ такое время которое было въ своемъ родѣ хорошо, но которое уже прошло. Взглядъ ея становился на мистера Броунъ. Мистера Альфа она боялась уже начинала думать что онъ слишкомъ мудреный человѣкъ чтобы быть ей полезнымъ. Мистеръ Броунъ былъ мягче. Мистеръ Букеръ былъ полезенъ какъ литераторъ, но не могъ быть для нея симпатичнымъ другомъ. Мистеръ Броунъ былъ въ послѣднее время очень любезенъ съ ней, такъ любезенъ что однажды у нея даже явилось опасеніе что чувствительный старый гусь сдѣлаетъ опять гаупость. Это было бы очень непріятно, но она могла воспользоваться его дружескимъ расположеніемъ къ ней. Когда гости начали расходиться, она отвела его въ сторону и спросила: не останется ли онъ еще на нѣсколько времени, такъ какъ ей хотѣлось бы посоветоваться съ нимъ. Онъ обѣщалъ остаться и тогда всѣ посторонніе разошлись, она попросила удалиться Гетту.

— Мнѣ нужно поговорить съ мистеромъ Броуномъ о дѣлѣ, сказала она.

— Боюсь что вамъ не удалось сойтись съ мистеромъ Мельмотомъ, сказала она, когда они остались одни. Мистеръ Броунъ сидѣлъ на краю дивана рядомъ съ ея кресломъ. — Я очень жалю объ этомъ, потому что онъ во всякомъ случаѣ замѣчательный человѣкъ.

— Можетъ-быть, но онъ одинъ изъ тѣхъ людей дарованіи которыхъ не проявляются въ разговорѣ. Онъ, конечно, вѣрнѣе думать обо мнѣ то же самое, потому что я сказалъ еще меньше чѣмъ онъ.

— Вы были не расположены говорить, сказала леди Карбери съ вѣжливой улыбкой. — Но мнѣ хочется поговорить съ вами. Мнѣ кажется что я могу смотрѣть на васъ какъ на истиннаго друга.

— Еще бы, сказала онъ, протягивая ей руку.

Она дала ему свою, но спустя минуту принуждена была отнять ее, такъ какъ онъ не выпускалъ ее добровольно. „Старый гаулецъ“, подумала она.

— Теперь поговоримте о дѣлѣ. Вы знаете моего сына Феликса? (Редакторъ кивнулъ утвердительно). Онъ сдѣлалъ предложеніе дочери этого человѣка и получилъ ее согласіемъ.

— Сдѣлалъ предложеніе миссъ Мельмотъ? Говорятъ что она богатѣйшая невѣста какаѣ когда-либо существовала. Я думалъ что ее отдадутъ за лорда Ниддердела.

— Она дала слово Феликсу. Она влюблена въ него до безумія, какъ и онъ въ нее. (Леди Карбери имѣла намѣреніе представить дѣло въ настоящемъ свѣтѣ, зная что нельзя дать полезный совѣтъ, не зная всей правды; но ложь такъ вошла въ ея натуру что она не могла воздержаться отъ нея). Мельмотъ, конечно, мечтаетъ выдать ее за лорда. Онъ прѣзжалъ сюда чтобы сказать мнѣ что если дочь его выйдетъ за Феликса, то онъ не дастъ ей ни гроша.

— Долженъ ли я понять что онъ сказалъ это въ видѣ угрозы?

— Да, онъ сказалъ это въ видѣ угрозы. Но въ наше время молодые люди рѣдко отказываются отъ брака вслѣдствіе клятвы отца. Мельмотъ сказалъ мнѣ что если Феликсъ откажется отъ своего намѣренія, то онъ дастъ ему возможность составить состояніе въ Сити.

— Это ложь, сказалъ Броунъ съ увѣренностью.

— Вы такъ думаете?

— Да, я такъ думаю. Такое обязательство, еслибъ оно было принято искренно, заставило бы меня думать о Мельмотѣ еще хуже чѣмъ я думаю о немъ теперь.

— Однако онъ обѣщалъ.

— Онъ обѣщалъ съ намѣреніемъ обмануть.

— Вы знаете что сынъ мой директоръ этой большой ам...

риканской дороги. Слѣдовательно Мельмотъ имѣеть возможность исполнить свое обѣщаніе.

— Сэръ-Феликсъ попалъ въ число директоровъ потому что имѣеть титулъ и потому что Мельмотъ надѣялся что, какъ молодой человекъ, онъ не будетъ мѣшаться въ дѣла. Феликсу можетъ-быть удастся продать съ выгодой нѣскольکو акцій, но если не ошибаюсь у него нѣтъ капитала чтобы принять участіе въ такомъ предпріятіи.

— Да, у него нѣтъ капитала.

— Я не дамъ бы никакой вѣры такому обѣщанію, леди Карбери.

— Вы думаете что онъ долженъ жениться на дѣвушкѣ безъ согласія ея отца?

Мистеръ Броунъ подумалъ прежде чѣмъ отвѣтилъ на этотъ вопросъ. Однако это было главнымъ вопросомъ на который леди Карбери желала получить отвѣтъ. Ей хотѣлось имѣть въ комъ-нибудь поддержку еслибы побѣгъ совершился. Она встала, мистеръ Броунъ тоже всталъ.

— Мнѣ можетъ-быть слѣдовало бы сказать вамъ съ самаго начала что Феликсъ еще далеко не рѣшился увести ее. Она же вполнѣ согласна бѣжать съ нимъ. Какъ вы полагаете, хорошо или дурно онъ поступитъ если увезетъ ее?

— Трудный вопросъ, леди Карбери.

— Это дѣлается ежедневно. Лионель Гальдшейверъ увезъ недавно леди Джулію Стартъ, однако теперь весь свѣтъ бываетъ у нихъ.

— О, конечно, люди бѣгаютъ и потомъ все улаживается. Въ приведенномъ вами примѣрѣ женихъ былъ богатъ и говорятъ что старая леди Катчбой, мать леди Джуліи, сама устроила побѣгъ, какъ самое вѣрное средство овладѣть богатою добычей. Молодой лордъ не выказывалъ расположенія жениться и мать придумала это средство.

— Въ этомъ нѣтъ ничего постыднаго.

— Я не говорю что это постыдно, но это одинъ изъ такихъ поступковъ которые рѣдко кто совѣтуетъ. Если вы хотите знать мое мнѣніе о послѣдствіяхъ побѣга, я думаю что Мельмотъ проститъ дочь и дастъ ей денегъ.

— Какъ я рада что вы это думаете.

— Но я твердо увѣренъ что его обѣщанію помощи вѣрить не слѣдуетъ.

— Я сама это думаю. Благодарю васъ, сказала леди Кар-

бери. Она уже рѣшила что Феликсъ долженъ увезти миссъ Мельмонтъ. — Вы были такъ добры. И она протянула ему руку, какъ будто хотѣла проститься съ нимъ.

— А теперь, сказалъ онъ,—я съ своей стороны имѣю сказать вамъ нѣчто.

## VI. Мистеръ Броунъ рѣшился.

— А теперь я съ своей стороны имѣю сказать вамъ нѣчто. Выговоривъ эти слова мистеръ Броунъ всталъ, но тотчасъ же сѣлъ опять. Въ его манерахъ и наружности выражалось сильное замѣшательство, которое не было загадкой для леди Карбери. Она думала что понимала его причину и предвидѣла послѣдствія. „Чувствительный старый гусь“ собирается одѣлать нѣчто весьма комичное, думала она. Но какъ ни была она провидцательна, постулокъ на который рѣшился мистеръ Броунъ превосходилъ ея ожиданія.

— Леди Карбери, сказалъ онъ вставая вторично, — мы оба уже не такъ молоды какъ были прежде.

— Конечно нѣтъ и поэтому мы можемъ дозволить себѣ удовольствіе быть друзьями. Ничто кромѣ пожилыхъ лѣтъ не даетъ мужчинамъ и женщинамъ права быть въ дружескихъ отношеніяхъ.

Эти слова поставили мистера Бруна въ весьма затруднительное положеніе. Смыслъ ихъ былъ очевидно тотъ что онъ по крайней мѣрѣ достигъ такихъ лѣтъ что всякій намекъ на любовь съ его стороны былъ смѣшонъ. Однако онъ еще былъ ближе къ пятидесяти чѣмъ къ шестидесяти годамъ, онъ еще могъ пройти легко пять или шесть миль, онъ могъ кататься верхомъ въ паркѣ съ непринужденнымъ видомъ сорокалѣтняго и потомъ работать ночью пять или шесть часовъ съ прилежаніемъ и постоянствомъ, которыя были возможны только при крѣпкомъ здоровьи. Думая о себѣ и о своемъ положеніи, мистеръ Броунъ не видалъ причины почему ему не быть влюбленнымъ.

— Надѣюсь что мы друзья, сказалъ онъ нѣсколько грустно.

— О, конечно, и поэтому-то я и обратилась къ вамъ за совѣтомъ. Еслибъ я была молода, я не рѣшилась бы на это.

— Я не вижу почему. Я не совсѣмъ понимаю это. Но это не касается моей настоящей цѣли. Сказавъ что мы оба уже

не такъ молоды какъ были прежде, я сказала ужасную пошлость.

— Я не подумала этого, сказала леди Карбери улыбаясь.

— Можетъ-быть это не было бы пошлостью есаибъ я договорилъ то что хотѣлъ сказать.—Мистеръ Броунъ запутался и не зналъ какъ выйти изъ затрудненія.—Я хотѣлъ сказать что мы еще не настолько стары чтобы не могли любить, выговорилъ онъ наконецъ.

Добрый, милый, глупый человекъ! Съ какой стати дѣлаетъ онъ изъ себя такого осла? Это даже хуже поцѣлуя, потому что это не такъ легко замать и забыть. Леди Карбери даже въ эту минуту не догадывалась что редакторъ *Morning Breakfast Table* намѣревался предложить ей законный бракъ. Она знала или ей казалось что мужчины среднихъ лѣтъ любятъ играть въ любовь и устраивать чувствительныя сцены. Неестественность такихъ чувствъ и вредъ который они могли причинить не шокировали ее. Еслибы мистеръ Броунъ признался ей въ любви къ какой-нибудь другой женщинѣ, она была бы готова причислить ее къ числу своихъ друзей, чтобы такимъ образомъ усилить свое вліяніе надъ нимъ. Но для нея самой такое притворство, такая игра въ любовь была бы стѣснительна и вслѣдствіе этого нежелательна. Но чтобы человекъ въ положеніи мистера Броуна, человекъ пользовавшійся могуществомъ, большимъ доходомъ, вліяніемъ на все окружающее его общество, человекъ за которымъ ухаживали, котораго боялись, котораго почти боготворили, чтобы такой человекъ пожелалъ раздѣлить ея участь, ея невзгоды, ея борьбу и бѣдность — не приходило ей даже въ голову. Это было бы доказательствомъ такой преданности къ какой она не считала способнымъ ни одного мужчину и которая удивила бы ее тѣмъ болѣе что была внушена ею самой. Она была такого низкаго мнѣнія о мужчинахъ и женщинахъ вообще, и о мистерѣ Броунѣ и о себѣ въ частности что не предполагала возможности подобной жертвы.

— Мистеръ Броунъ, сказала она, — я не ожидала что вы воспользуетесь моею довѣрчивостью для того чтобы оскорблять меня такимъ образомъ.

— Оскорблять васъ, леди Карбери! Ваше мнѣніе по меньшей мѣрѣ странно. Я рѣшился послѣ долгаго размышленія просить васъ быть моею женой. Что я буду огорченъ и болѣе чѣмъ огорченъ вашимъ отказомъ—понятно само собою.

Что я долженъ быть готовъ къ такому огорченію, я знаю самъ. Что же касается васъ, вамъ очень легко выйти изъ дилеммы.

Слово „жена“ поразило ее какъ громовой ударъ. Оно сразу измѣнило всѣ ея чувства къ нему. Она не любила его и была увѣрена что не могла полюбить его. Еслибъ ей суждено было полюбить кого-нибудь, она полюбила бы какого-нибудь красиваго мота, который ловилъ бы бременемъ на ея шеѣ. На этого человѣка она смотрѣла какъ на друга, который могъ быть полезенъ, потому что зналъ свѣтъ. Теперь же онъ далъ ей ясное доказательство что зналъ свѣтъ не лучше другихъ. Мистеръ Броунъ, издатель *Morning Breakfast Table*, просилъ ее быть его женой! Къ ея удивленію примѣшалось чувство вѣжливости, напомнившее ей ея далекую молодость и едва не заставившее ее расслакаться. Возможно ли что этотъ человѣкъ предложилъ взять на себя половину ея бремени и подѣлиться съ ней всѣми своими преимуществами! Какое idiotство! И вмѣстѣ съ тѣмъ какое величіе! Она не предполагала въ немъ до сихъ поръ ничего кромѣ большаго ума и можетъ-быть вѣкоторыхъ безстрастныхъ остатковъ порочныхъ наклонностей его молодости. Теперь она узнала что у него было сердце, сердце неравнодушное къ ея прелестямъ.

Она должна была отвѣтить ему, и со стороны такой женщины естественно было подумать сначала о себѣ самой, не принимая въ соображеніе его интересовъ. У нея не было и мысли о любви къ нему, но она тотчасъ же сообразила что онъ можетъ избавить ее отъ ея затрудненій. Какимъ благомъ было бы дать отца и еще такого отца Феликсу! Какъ легко могла бы составить себѣ литературную карьеру жена издателя *Morning Breakfast Table*. Затѣмъ она вспомнила что кто-то говорилъ ей что мистеръ Броунъ получалъ три тысячи фунтовъ въ годъ за свои труды. Она могла бы привлечь въ свою гостиную весь свѣтъ, или ту часть свѣта какую пожелаала бы видѣть у себя, еслибъ была женой мистера Бруна. Всѣ эти мысли и чувства мелькнули у нея въ минуту молчанія послѣдовавшаго за предложеніемъ, но онъ не заглушилъ другихъ мыслей и другихъ чувствъ. Самымъ искреннимъ стремленіемъ этой женщины было стремленіе къ свободѣ, которой она была такъ долго лишена своимъ первымъ замужествомъ. Она попробовала даже убѣжать отъ тиранинн мужа, но подавленная строгимъ судомъ общественнаго мнѣнія, принуждена была



вернуться къ нему опять. Наконецъ пришло время когда она сдѣлалась свободной. Свобода принесла ей съ собою множество надеждъ и эти надежды, хотя еще не исполнившіяся и омраченныя множествомъ неудачъ, были все еще живы, какъ и воспоминаніе о вынесенной тирании. Какъ бы то ни было, но она должна была отвѣтить.

— Мистеръ Броунъ, сказала она, — а вѣдь себя отъ изумленія. Я не ожидала ничего подобнаго.

Послѣ этого мистеръ Броунъ могъ продолжать свое объясненіе свободнѣе.

— Леди Карбери, сказалъ онъ, — я прожилъ долгое время холостымъ и иногда думалъ что мнѣ лучше остаться холостымъ на всю жизнь. Я работалъ всегда такъ много что мнѣ некогда было думать о любви и сознать потребность въ ней которая тѣмъ не менѣе была. Такъ продолжалось долго. Потомъ я началъ замѣчать что если самъ я еще не считалъ себя слишкомъ старымъ для любви, то другіе думали объ этомъ иначе. Въ это время я встрѣтилъ васъ. Я сказалъ въ началѣ, не совсѣмъ учтиво можетъ-быть, что вы тоже уже не молоды. Но вы еще сохранили красоту, энергію и свѣжесть молодости. Я полюбилъ васъ. Я говорю съ вами откровенно и рискую можетъ-быть подвергнуться вашему гнѣву. Я много думалъ прежде чѣмъ составилъ окончательное мнѣніе о васъ. Трудно узнать чужую душу, но мнѣ кажется что я знаю вашу, и если вы согласны довѣрить мнѣ свое счастье, я готовъ довѣрить вамъ свое.

Бѣдный мистеръ Броунъ! Обладая способностями пригодными для изданія ежедневной газеты, онъ не былъ одаренъ способностью распознавать женскіе характеры, если вѣрилъ въ свѣжесть души леди Карбери. Онъ былъ сильно ослабленъ любовью если рѣшался довѣрить ей свое счастье.

— Вы дѣлаете мнѣ такъ много чести, сказала леди Карбери.

— Такъ каковъ же вашъ отвѣтъ?

— Могу ли я отвѣтить вамъ немедленно? Это такая неожиданность для меня. Мнѣ кажется что я вижу все это во снѣ. Я смотрю на ваше положеніе какъ на самое почетное, на ваше благосостояніе какъ на лучшее чего только можно желать.

— Это благосостояніе, каково бы оно ни было, я всей душой готовъ раздѣлить съ вами.

— Я слышу это, но все еще не могу повѣрить. Притомъ могу ли я опредѣлить такъ скоро мои собственные чувства? Мой первый бракъ, мистеръ Броунъ, былъ несчастливъ. Я много страдала, страдала такъ что едва была въ силахъ вести мое испытаніе. Наконецъ я получила свободу и надѣялась что она сдѣлаетъ меня счастливою.

— Сдѣлала она васъ счастливою?

— Она сдѣлала меня менѣе несчастливою. Кромѣ этого я должна подумать о многомъ другомъ. У меня есть сынъ и дочь, мистеръ Броунъ.

— Вашу дочь я могу любить какъ родную и надѣюсь что вы повѣрите моей любви къ вамъ, если я общаю ради васъ подвергнуться всѣмъ неприяностямъ которыя можетъ навлечь на меня будущая карьера вашего сына.

— Мистеръ Броунъ, я люблю моего сына и всегда буду любить больше всего въ мірѣ.

Это было сказано съ намѣреніемъ охладить горячность влюбленнаго, но онъ вѣроятно разчитывалъ что если ему удастся добиться ея согласія, время измѣнить ея чувства.

— Мистеръ Броунъ, сказала она,—я теперь такъ взволнована что было бы лучше еслибы вы оставили меня одну. Къ тому же теперь уже поздно. Служанка ждетъ и вѣроятно удивляется что вы засидѣлись такъ долго. Теперь около двухъ часовъ.

— Когда могу я надѣяться получить отвѣтъ?

— Я не заставаю васъ ждать долго. Я напишу вамъ завтра или послѣзавтра. Я знаю что мнѣ слѣдовало бы имѣть готовый отвѣтъ, но я такъ удивлена что не могу отвѣтить немедленно.

Онъ поцѣловалъ ея руку и вышелъ не сказавъ болѣе ни слова.

Когда онъ подошелъ къ выходной двери, она была открыта съ наружной стороны и сэръ-Феликсъ, возвращавшійся изъ клуба, вошелъ въ домъ своей матери. Молодой человѣкъ взглянулъ на мистера Бруна съ дерзкимъ удивленіемъ.

— Однако, старый пріятель, вы засиживаетесь здѣсь долго, сказалъ онъ. Онъ былъ почти пьянъ и мистеръ Броунъ, замѣтивъ это, прошелъ молча. Леди Карбери все еще стояла въ гостиной, пораженная предшествовавшимъ объясненіемъ и въ перѣшимости насчетъ будущаго, когда услышала на лѣстницѣ шаги сына. Она не могла не выйти къ нему.

— Феликсъ, сказала она, — для чего ты такъ шумишь когда возвращаешься домой?

— Ш-шумлю? Я вовсе не шумлю. — Теперь должно быть еще очень рано; ваш-ша лублика только расходится; я встрѣтилъ въ дверяхъ этого журналиста и онъ не хотѣлъ назвать себя Броуномъ. Онъ стр-рашмай оселъ, этотъ редакторъ. О, не безпокойтесь, матушка, я совсѣмъ въ порядкѣ.

Съ этими словами онъ отправился въ свою спальню и мать послѣдовала за нимъ чтобы поставить свѣчу на средину стола, подальше отъ логаа кровати.

Мистеръ Броунъ на пути въ редакцію своей газеты испыталъ всѣ муки сомнѣнн, овладѣвающн человѣкомъ когда онъ только-что сдѣлалъ то что въ теченн нѣсколькихъ дней и недѣль рѣшалъ никогда не дѣлать. Последнее явленн которе онъ видѣлъ въ дверяхъ своей возлюбленной, не могло ободрить его. Какое несчастн можетъ быть ужаснѣ какъ имѣть лющаго, порочнаго сына? Когда сама судьба подвергаетъ человѣка такому несчастн, его еще можно вынести, но для чего человѣку навлекать его на себя добровольно? А мать такъ предала этому негодню! Затѣмъ тысячи другихъ мыслей осадили его. Какъ сживется онъ съ своимъ новымъ положеннмъ? Ему придется нанять новую квартиру, подчиниться новымъ порядкамъ, имѣть новыя удовольствн. А что выиграетъ онъ чрезъ это? Леди Карбери была красивая женщина и ему нравилась ея наружность. Онъ считалъ ее также умною женщиной, и такъ какъ она льстила ему, онъ любилъ говорить съ ней. Онъ жилъ уже достаточно долго чтобы научиться благоразумн, но теперь, идя по улицѣ, онъ подзрѣвалъ что поступилъ не совсѣмъ благоразумно. Время отъ времени онъ ободрялъ себя воспоминаннмъ о красивой наружности леди Карбери и старался убѣдить себя что жизнь его въ его новомъ домѣ будетъ прнятнѣе чѣмъ въ старомъ, хотя и не такъ свободна. Но какъ ни ободрялъ онъ себя, воспоминанн о пьяномъ молодомъ баронетѣ омрачало картину его будущаго.

Но къ добру или къ худу велъ сдѣланный имъ шагъ, отступленн было уже невозможно. Ему не приходило въ голову что леди Карбери могла отказать ему. Вся его олытность опровергала подобное предположенн. Крѣпости которыя колеблются, всегда въ концѣ-концовъ сдаются. Женщины сомнѣвающимся всегда рѣшаютъ свои сомнѣнн согласнмъ. Она,

безъ сомнѣнія, приметъ его предложеніе и сложитъ оружіе. Принявшись за работу онъ старался настроить себя на самодовольный тонъ, но затаенная грусть брала верхъ надъ всеми другими чувствами.

Леди Карбери перешла изъ спальни сына въ свою и просидѣла бодрствуя и думая большую часть ночи. Въ эти нѣсколько часовъ она была благороднѣе и великодушнѣе чѣмъ когда-либо въ послѣдніе годы. Она сознавала что женитьба на ней не принесла бы счастья мистеру Броуну, и старалась думать только о немъ, не принимая въ соображеніе собственнаго тяжелаго положенія. Хотя въ минуты торжества, повторявшіяся впрочемъ довольно часто, она представляла себѣ будущность сына въ самомъ блестящемъ свѣтѣ, тѣмъ не менѣе она сознавала какія опасности угрожали ему и предвидѣла катастрофу которою онъ могъ кончить. Ему угрожала полнѣйшая гибель, и она должна была погибнуть вмѣстѣ съ нимъ. Что бы ни случилось съ нимъ, какъ бы низко ни упалъ онъ, она знала что, замужня или одинокая, она послѣдуетъ за нимъ. Если ея разсудокъ будетъ предписывать ей покинуть его, ея сердце возьметъ верхъ надъ разсудкомъ. Тамъ гдѣ дѣло касалось ея сына, она не имѣла собственной воли. Относительно всего остальнаго она владела собой, могла размышлять, соображать, разчитывать, могла подавлять свои чувства, лицежрить и бороться, но любовь къ сыну брала верхъ надъ нею, и она сознавала это. Хорошо ли будетъ если она, зная за собой эту слабость, выйдетъ замужъ вторично?

А ея свобода? Если даже Феликсъ доведетъ ее до полнѣйшаго разоренія, она все же останется свободной. Она думала что если даже случится худшее, у нея хватитъ силъ вынести нищету или жить своимъ трудомъ. Хотя Феликсъ былъ въ своемъ родѣ тираномъ, онъ не могъ приказывать ей дѣлать одно и не дѣлать другаго. Повтореніе брачныхъ клятвъ было само по себѣ неприятно для нея. Что же касается любви къ мистеру Броуну, удовольствія отъ его ласкъ, особеннаго счастья въ его присутствіи, она не чувствовала ничего подобнаго. Въ какое положеніе поставилъ бы этотъ бракъ ее и Феликса и мистера Бруна? Еслибы Феликсъ дошелъ до гибели, развѣ мистеръ Броунъ не удержалъ бы ея при себѣ? И еслибы, наоборотъ, Феликсъ вознесся до небесъ и сдѣлался однимъ изъ почитаемыхъ кумировъ столицы, развѣ онъ не

она не должны были бы удержатъ при себѣ мистера Броуна? Вотъ какъ она смотрѣла на дѣло.

Дочь почти не входила въ ея соображенія. Въ случаѣ ея замужества Гетта имѣла бы комфортабельный домъ, еслибы выжидала до того чтобы принять его. Почему не хочетъ она выйти замужъ за Роджера Карбери и освободить ее отъ себя? До брака Гетта, конечно, должна была жить съ ней, но Гетта могла располагать собою какъ угодно, и ея вкусы и желанія не имѣли значенія въ соображеніяхъ ея матери.

Но ей придется сказать о своемъ намѣреніи дочери, если она рѣшится выйти замужъ за мистера Броуна, и въ такомъ случаѣ чѣмъ скорѣе она это сдѣлаетъ тѣмъ лучше. Въ эту ночь она не приняла никакого рѣшенія. Когда она склонялась отвергнуть предложеніе, ей представлялся спокойный, комфортабельный домъ и покровительство могущественнаго владетеля *Breakfast Table* и сомнѣнія вновь овладевали ею. Она легла въ постель все еще въ нерѣшимости.

На слѣдующее утро за завтракомъ она предложила дочери притворнымъ равнодушіемъ вопросъ о человѣкѣ котораго уже почти рѣшила назвать своимъ мужемъ.

— Нравится тебѣ мистеръ Броунъ, Гетта?

— Да, я не имѣю ничего противъ него. Мнѣ вѣтъ дѣла до него. Почему вы это спрашиваете?

— Потому что между моими лондонскими знакомыми вѣтъ человѣка который былъ бы такъ искренно расположенъ ко мнѣ какъ онъ.

— Мнѣ всегда казалось что онъ любитъ поступать по-своему.

— Почему же ему не поступать по-своему?

— Мнѣ кажется что обращеніе его проникнуто тѣмъ эгоизмомъ который такъ свойственъ жителямъ Лондона. Все что онъ говоритъ какъ будто говорится только изъ учтивости.

— Не знаю чего ты ожидаешь отъ людей, Гетта? И кому жители Лондона хуже другихъ людей? Я считаю мистера Броуна самымъ обязательнымъ человѣкомъ изъ всѣхъ кого я знаю. Впрочемъ; стоить только кому-нибудь понравиться мнѣ и ты не найдешь въ немъ ничего хорошаго. Единственный человѣкъ о которомъ ты думаешь хорошо это стартеръ Монтегю.

— Мама, какъ это несправедливо и жестоко! Я никогда

не уломинаю о мистерѣ Монтегю, когда этого можно избѣгнуть, и я не сказала бы ни слова о мистерѣ Броунѣ, еслибы вы не спросили меня.

## VII. Леди Монюграмъ.

Джорджіана Лонгестаффъ провела уже у Мельмотовъ двѣ недѣли, и ея надежды на лондонскій сезонъ еще не начали осуществляться. Братъ не беспокоилъ ея болѣе, и ея семейство повидимому не обратило вниманія на ея внимательство. Два раза въ недѣлю она получала отъ матери холодное, скучное письмо, и отвѣчая на эти письма, она старалась наполнить свой почтовый листокъ разказами о высшемъ свѣтѣ и сплетнями которыя она передавала бы съ такимъ же наслажденіемъ съ какими мать читала ихъ, еслибы къ ея лондонской жизни не примѣшалось много горечи. Она не могла сказать что бывала въ тѣхъ домахъ куда стремилась, потому что это было бы чистою ложью, но она умалчивала также и о своихъ обманутыхъ ожиданіяхъ. Она предпочла ѣхать къ Мельмотамъ чѣмъ остаться въ Кавершамѣ, и теперь ей хотѣлось сознаться что она ошиблась. „Надѣюсь что вы добры съ тобою“, писала леди Помона. Но Джорджіана не говорила добры или нѣтъ были съ ней Мельмоты. Она избѣгала говорить о нихъ.

На самомъ дѣлѣ для нея лондонскій сезонъ проходилъ очень непріятно. Ея образъ жизни былъ вовсе не похожъ на тотъ къ которому она привыкла. Домъ ея отца въ Бротон Стритѣ никогда не былъ особенно веселымъ, но ихъ жизнь тамъ была обставлена удобствами неизвѣстными въ великолѣпныхъ палатахъ Гросвеноръ Сквера. Ихъ домъ былъ наполненъ книгами, красивыми бездѣлушками и множествомъ различныхъ домашнихъ божковъ которыя скопляются годами и соответствуютъ вкусу ихъ обладателей. Въ Гросвеноръ-Скверѣ не было домашнихъ ларовъ, не было ни бездѣлушекъ, ни книгъ, ничего кромѣ великолѣпія, пышности и тщеславія. Жизнь Лонгестаффовъ не была свободною, естественною, и теллеktуальною жизнью, но жизнь Мельмотовъ была такъ густа что казалась нестерпимою даже Джорджіанѣ Лонгестаффъ. Джорджіана пріѣхала въ Лондонъ готовая вынести многое достиженія своей цѣли. Еслибы она могла

полдень кататься по парку въ приличномъ обществѣ, а пол-ночь проводить въ великосвѣтскихъ домахъ, она помирилась бы со всеми неприятностями своей жизни. Но она не пользовалась тѣмъ что ей было нужно. У нея была лошадь, но не было приличныхъ слугаковъ. Живя дома, она выѣзжала кататься иногда съ Примрозами, иногда со своимъ отцомъ и въ паркѣ бывала всегда окружена толпой молодежи, и хотя эти катанія по одному и тому же мѣсту, въ одномъ и томъ же обществѣ были скучною забавой, но они предписывались высшимъ свѣтомъ, и она была довольна. Теперь же ей стоило большаго труда найти приличныхъ слугаковъ. Теперь даже Пенелопа Примрозъ поднимала носъ предъ нею, та самая Пенелопа которую она сама когда-то третировала свысока. Она должна была просить позволенія ѣздить съ ними и видѣла что ее едва терпѣли въ ихъ обществѣ.

Но вечера были еще хуже. Она могла выѣзжать только въ сопровожденіи madame Мельмотъ, а madame Мельмотъ предпочитала принимать у себя. Общество собиравшееся у Мельмотовъ было крайне антипатично для миссъ Лонгестафъ. Она не знала кто были эти люди, откуда они приходили и чѣмъ занимались. Ей казалось что между ею и ими было такъ же мало общаго какъ между нею и лавочниками изъ маленькаго городка близъ Кавершама. Она просиживала между ними долгіе вечера молча и возмущалась окружающею ея вульгарностью. Что же касается выѣздовъ, ее брали повидимому въ очень знатные дома. Миссъ Мельмотъ была принята двумя герцогинями и маркизою Аудъ-Раки; она имѣла доступъ на загородныя увеселенія двора и получала приглашенія на блестящіе правдики устраиваемые въ честь того или другаго путешествующаго владыки. Миссъ Лонгестафъ знала какія усилія употребляли Мельмоты, иногда удачно, иногда неудачно, чтобы получать эти приглашенія, знала и о торгахъ предшествовавшихъ этимъ приглашеніямъ и производившихся съ помощью лорда Альфреда и его могущественной сестры. Въ Лондонѣ ожидали въ это лѣто посѣщенія Китайскаго императора, и рѣшено было что какое-нибудь частное лицо изъ торговаго сословія должно дать обѣдъ чтобы показать императору какъ живутъ англійскіе негоціанты. Обязанность эта была предоставлена Мельмоту, съ условіемъ что онъ истратитъ на банкетъ десять тысячъ фунтовъ, а въ вознагражденіе получить семейный билетъ на большой правдикъ устраи-

вавшійся для императора въ Виндзорскомъ паркѣ. Джорджіана пользовалась своею долей во всѣхъ этихъ увеселеніяхъ, но она являлась въ общество какъ членъ фамиліи Мельмотовъ и встрѣчаясь со своими старыми друзьями не примыкала къ ихъ кружку. Она находилась постоянно позади madame Мельмотъ, и наконецъ самая форма сланы и покроя платья этой женщины стали ей ненавистны.

Она объявила своимъ родителямъ что ей необходимо было отправиться на это время года въ Лондонъ. Она не постыдилась объявить имъ прямо свою цѣль, и эта цѣль какъ и средства для ея достиженія были ими одобрены. Ей нужно было пристроиться. Начиная свою карьеру она надѣялась завербовать лорда, но лорды рѣдки. Сама она была не особенно знатна, не особенно даровита, не особенно красива и не имѣла состоянія. Она уже давно рѣшила что можетъ обойтись и безъ лорда и удовольствоваться подходящимъ простымъ смертнымъ, который имѣлъ бы приличное положеніе въ обществѣ и достаточныя средства чтобъ ѣздить ежегодно въ Лондонъ. Онъ долженъ быть джентльменомъ, и не дурно было бы еслибъ онъ былъ членомъ парламента. Но главнымъ условіемъ было то чтобъ онъ принадлежалъ къ извѣстному кругу общества. Она предпочла бы бѣдствовать всю жизнь чѣмъ выйти за какого-нибудь провинціальнаго Вайтстебля. Гости у Мельмотовъ она не встрѣчала подходящихъ жениховъ. Единственная цѣль ради которой она подчинилась униженности своего положенія была повидимому дальше отъ нея чѣмъ когда-либо. Когда ей приходилось танцевать или обмѣниваться нѣсколькими словами съ Ниддерделемъ и Грасслокомъ, они относились къ ней съ пренебреженіемъ которое она чувствовала, хотя не могла опредѣлить ясно въ чемъ оно выражалось. Даже Майлзъ Гредоль, котораго она не удостоивала вниманія, обращался съ ней теперь съ какимъ-то возмутительнымъ покровительствомъ. Все это терзало ея сердце.

По временамъ до нея доходили также различные слухи изъ которыхъ она заключала что несмотря на успѣхъ мистера Мельмота въ обществѣ все болѣе и болѣе утверждалось мнѣніе что онъ не что иное какъ крупаый мошенникъ.

— Вашъ хозяинъ удивительный человекъ, сказалъ ей однажды лордъ Ниддердель.

— Никакъ нельзя угадать что будетъ съ нимъ въ концѣ



концовъ. Нѣтъ ничего выгоднѣе какъ быть грабителемъ если только удастся грабить много, сказалъ лордъ Грасслокъ, не называя прямо Мельмота, но ясно намекая на него.

Въ Вестминстерѣ была вакансія члена парламента.—Онъ добьется избранія, сказалъ кто-то.—Да, если деньги могутъ это сдѣлать, онъ будетъ членомъ парламента, сказалъ другой. Джорджіана понимала что Мельмотъ былъ допущенъ въ общество только вслѣдствіе громаднаго денежнаго значенія которое ему приписывалось и что даже тѣ кто принимали его считали его мошенникомъ. Таковъ былъ человекъ котораго избрала ее отецъ для того чтобы подъ его защитой она могла искать себѣ мужа.

Въ отчаяніи она рѣшилась написать своей старой подругѣ Джуліи Триплексъ, теперь женѣ сэръ-Дамаска Монограма. Она нѣкогда была дружна съ Джуліей Триплексъ и симпатизировала ей когда та сдѣлала блестящую партію. Джулія была бѣдна, но очень хороша собой, а сэръ-Дамаскъ былъ чрезвычайно богатъ. Отецъ его занимался подрядами, но сэръ-Дамаскъ не занимался ничѣмъ кромѣ охоты. Онъ держалъ множество лошадей на которыхъ ѣздили его друзья, яхту на которой плавали его друзья, большой лѣсъ, болото и фазаній дворъ. Онъ стрѣлялъ голубей въ Гаррингамѣ, ѣздилъ четверней по парку, имѣлъ ложа на всѣ скачки и былъ добродушнѣйшимъ человекомъ въ мірѣ. Онъ одержалъ полную побѣду надъ свѣтомъ, онъ заставилъ забыть что былъ внукомъ мясника и былъ теперь въ такомъ почетѣ какъ еслибы Монограмы участвовали въ Крестовыхъ Походахъ. Леди Джулія сумѣла оцѣнить свое положеніе и воспользоваться имъ. Она расточала шампанское и улыбки и увѣрила всѣхъ, не исключая и самой себя, что она влюблена въ своего мужа. Леди Монограмъ взобралась на самую вершину общественной лѣстницы и могла быть очень полезнаю для своей подруги. И надо отдать ей справедливость, она была вѣрна дружбѣ пока Джорджіана сохраняла свое достоинство. Но поселившись у Мельмотовъ, Джорджіана уронила свое достоинство, и леди Монограмъ рѣшилась отвернуться отъ нея.

„Безсердечное, лживое, напыщенное созданіе,“ думала Джорджіана принимаясь писать слѣдующее письмо:

„Дорогая леди Монограмъ,—Мнѣ кажется что вы не понимаете моего положенія. Вы вѣроятно рѣшились бросить

меня. Не правда ли? Мнѣ это очень больно. Вы никогда не были злою и тѣмъ болѣе не можете быть злою теперь когда вамъ все улыбается. Я не думаю чтобъ я сдѣлала что-нибудь такое что должно заставить стараго друга вернуться отъ меня, и потому я прошу васъ дать мнѣ возможность объясниться. Пережила въ васъ относительно меня есть вѣроятно сдѣлать того что я живу въ этомъ домѣ. Но вы должны были знать меня настолько чтобъ понять что я здѣсь не по своей волѣ. Все это устроилъ папа. Если эти люди почему-нибудь не хороши, папа вѣроятно не знаетъ этого. Они дѣйствительно люди неприятные и вовсе не похожіе на тѣхъ среди которыхъ я привыкла жить. Но папа сказалъ что онъ намѣренъ провести этотъ сезонъ въ Кавершамѣ, а что я должна отправиться къ Мельмотамъ, и я конечно покорилась. Я не думаю чтобы такой старый другъ какъ вы, другъ котораго я всегда любила больше всѣхъ, долженъ былъ вслѣдствіе этого отвернуться отъ меня. Я забочусь не о приглашеніяхъ въ вашъ домъ, но о вашей дружбѣ. Я не приглашаю васъ къ себѣ сюда, но если вы позволите я приѣду къ вамъ.

„Ваша, какъ и всегда,

„Джоржіана Лонгестафъ.“

Большаго труда стоило ей это письмо. Леди Монограмъ была моложе ея и вѣкъ была ниже ея по общественному положенію. Въ первое время ихъ дружбы Джоржіана иногда властвовала надъ Джуліей Прилексъ, и Джуліа ухаживала за ней чтобъ получить приглашеніе на какой-нибудь балъ или рауть. Ея замужество устроилось весьма неожиданно и въ то время когда Джоржіана уже начинала повижать свои требованія и перенесла свой воздушный замокъ изъ Палаты Лордовъ въ Палату Общинъ. Теперь же она была вынуждена просить о вниманіи и о продолженіи знакомства. Она послала свое письмо по почтѣ и на другой день получила слѣдующій отвѣтъ доставленный лакеемъ:

„Милая Джоржіана,—Я буду конечно очень рада видѣть васъ у себя. Не знаю о какомъ разрывѣ вы говорите. Я никогда не разрываю ни съ кѣмъ. Мы попали въ несходныя положенія, но не по моей винѣ. Сэръ-Дамаскъ не желаетъ чтобъ я бывала у Мельмотовъ. Что могу я сдѣлать? Вы

сами не посовѣтовали бы мнѣ поступать вопреки желаніямъ мужа. Я ничего не знаю о Мельмотахъ. Я разъ была у нихъ на балу, но въ этомъ нѣтъ ничего предосудительнаго. Завтра, — или лучше сказать сегодня, такъ какъ я пишу по возвращеніи съ бала леди Килларней, — я буду дома все утро до трехъ часовъ, но если хотите застать меня одну, пріѣзжайте до завтрака.

„Любящая васъ Д. Монограмъ.“

Джорджіана свизшла до того что попросила у Мельмота карету и около полудня явилась къ леди Монограмъ. Подруги поцѣловались, конечно, и Джорджіана немедленно приступила къ объясненію.

— Надѣюсь, Джулія, что вы пригласите меня на вашъ второй балъ?

— Я пригласила бы васъ на первый еслибы вы жили въ домѣ вашего отца. Вы это знаете.

— Не все ли равно въ какомъ домѣ я живу?

— Разница состоитъ въ томъ съ кѣмъ вы живете, душа моя. Я не желала бы ссориться съ вами, но я не могу знаться съ Мельмотами.

— Никто васъ объ этомъ и не просить.

— Но вы живете у нихъ.

— Развѣ нельзя пригласить кого-нибудь одного не приглашая всѣхъ съ кѣмъ онъ живетъ? Это дѣлается ежедневно.

— Кто-нибудь долженъ бы былъ привезти васъ.

— Я могла бы пріѣхать съ Примрозами.

— Я не имѣла возможности пригласить васъ. Дамаскъ не хотѣлъ этого. Въ февралѣ Мельмоты были еще мало извѣстны, и Дамаскъ позволялъ мнѣ съѣздить къ нимъ. Теперь же онъ не желаетъ чтобъ я продолжала знакомство съ ними, а побывавъ разъ въ ихъ домѣ, я не могла пригласить васъ не приглашая ихъ.

— Я смотрю на это иначе, Джулія.

— Очень жаль, душа моя, но я не могу идти противъ мужа.

— У нихъ бываетъ весь свѣтъ, сказала Джорджіана стараясь оправдаться. — Недавно у нихъ обѣдала герцогиня Стивенеджъ.

— Понятно для чего это дѣлается, возразила леди Монограмъ.

— Весь свѣтъ добывается приглашенія на обѣдъ который

онъ дастъ императору въ июль и даже на балъ, который будетъ послѣ обѣда.

— Слупая васъ, Джорджіана, можно подумать что вы ничего не понимаете. Люди стремятся видѣть императора, а не Мельмотовъ. Мы сами поѣхали бы есаубы не было всей этой суматохи.

— Какой суматохи?

— Я называю суматохой все это волненіе и терпѣть этого не могу. Съѣздить туда когда тамъ будетъ Китайскій императоръ все равно что съѣздить на театральное представленіе. Мельмоту или кому-нибудь другому поручается пригласить въ свой домъ весь Лондонъ, и весь Лондонъ ѣдетъ. Но это вовсе не обязываетъ къ знакомству. Я могла бы послѣ этого встрѣтиться съ madame Мельмотъ и преспокійно не поклониться ей.

— Я назвала бы это грубостью.

— Называйте какъ угодно. Мы въ этомъ несогласны. Мнѣ кажется что вы и не можете понимать эти вещи такъ ясно какъ понимаютъ ихъ другіе. Я не виню васъ въ томъ что вы поселились у Мельмотовъ, хотя мнѣ было очень непріятно узнать объ этомъ. Но какъ бы то ни было, мнѣ кажется что вы теперь уже не въ правѣ ожидать что люди изъ-за васъ станутъ навязывать себѣ знакомство съ Мельмотами.

— Я и не ожидала этого, сказала Джорджіана со слезами. Въ эту минуту дверь отворилась, и въ комнату вошелъ сэръ-Дамаскъ.—Я говорила съ вашею женой о Мельмотахъ, обратилась къ нему Джорджіана въ надеждѣ что хоть онъ приметъ ея сторону.—Я гошу у нихъ и нахожу жестокииъ со стороны вашей жены что она не хочетъ навѣстить меня.

— Какъ поживаете, миссъ Лонггестаффъ? Она не знакома съ Мельмотами. И сэръ-Монограмъ скрестилъ руки, поджалъ брови и привалъ такой видъ какъ будто развѣшилъ затрудненіе.

— Она знакома со мною, сэръ-Дамаскъ.

— О, да, съ вами она знакома, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Мы всегда рады видѣть васъ, миссъ Лонггестаффъ. Жаль что вы не были у насъ въ Аскотъ. Но что дѣлать?—И онъ привалъ опять такой видъ какъ будто развѣшилъ всѣ затрудненія.

— Я сказала ей что ты не желаешь чтобъ я бывала у Мельмотовъ, вмѣшалась леди Монограмъ.

— Да, конечно, тебѣ не зачѣмъ бывать тамъ. Оставайтесь завтракать, миссъ Лонгестаффъ.

— Нѣтъ, благодарю васъ.

— Если вы уже пріѣхали, оставайтесь, сказала леди Монграмъ.

— Нѣтъ, благодарю васъ. Жаль что мнѣ не удалось убѣдить васъ. Я не могла разорвать нашу старую дружбу безъ всякаго объясненія.

— Не говорите о разрывѣ, воскликнулъ баронетъ.

— Я называю это разрывомъ, сэръ-Дамаскъ. Я надѣялась что мы поймемъ другъ друга, я и ваша жена, но она не хочетъ понять меня. Я считала бы своею обязанностью навѣщать ее гдѣ бы она ни жила. Она думаетъ иначе. Прощайте.

— Прощайте, душа моя. Если вамъ хочется ссориться, я въ этомъ не виновата.

Сэръ-Дамаскъ проводилъ Джорджіану до кареты.

— Чтò за глупое созданіе! обратилась къ нему жена когда онъ вернулся.—Она не могла провести одного сезона въ деревнѣ, когда всему свѣту извѣстно что отецъ ея не имѣетъ средствъ жить въ Лондонѣ. Она предпочла поселиться у этой дрянн и теперь дѣлаетъ видъ что не понимаетъ почему ея старые друзья отвернулись отъ нея. Ей пора бы быть умнѣе.

— Ей можетъ-быть хочется повеселиться, замѣтилъ сэръ-Дамаскъ.

— Повеселиться! Ей хочется поймать мужа. Вотъ ужъ двѣнадцать лѣтъ какъ она выѣзжаетъ и все безуспѣшно. Она еще не замужемъ и я понимаю ея душевное состояніе и сочувствую ей. Но если она намѣрена прибѣгать къ такимъ средствамъ, она должна быть готова къ тому что всѣ бросятъ ее. Ты помнишь эту женщину?

— Какую женщину?

— Madame Мельмотъ.

— Я никогда не видалъ ея.

— Видѣлъ. Ты былъ у нихъ со мной въ тотъ вечеръ когда принцъ танцевалъ съ ихъ дочерью. Развѣ ты не помнишь загорѣлую, толстую женщину которая стояла на верху лѣстницы? Настоящее пугало!

— Я не взглянулъ на нее. Я тогда думалъ сколько денегъ все это стоило.

— Но я-то хорошо помню ее, и если Джорджіана Лонгестаффъ думаетъ что я поѣду въ ихъ домъ рискуя познако-

миться съ madame Мельмотъ, она жестоко ошибается. И если она полагаетъ что поступая такъ какъ она поступаетъ ей удастся найги себѣ мужа, она тоже ошибается.

Ничто можетъ-быть не отвращаетъ такъ сильно холостыхъ людей отъ женитьбы какъ тонъ которымъ замужнія женщины говорятъ объ усиліяхъ употребляемыхъ ихъ незамужними подругами чтобы выйти замужъ.

### VIII. Джонъ Кромбъ.

Сэръ-Феликсъ Карбери обѣщалъ Реби Рёгальсъ придти къ ней на огородъ Шилсъ-Акрской фермы, но не сдержалъ обѣщанія и давая его не имѣлъ намѣренія сдержать его. Но Реби надѣялась на свиданіе и ждала на огородѣ пока дѣдъ не вернулся съ Гарльстонской ярмарки. Часъ былъ назначенъ равній, но въ часахъ легко ошибиться, и Реби думала что такой свѣтскій молодой человекъ какъ ея возлюбленный могъ легко принять послѣполуденное время за утро. Она охотно простила бы подобную ошибку еслибы только онъ пришелъ. Но онъ не пришелъ и она принуждена была вернуться по зову дѣда домой не видавъ своего возлюбленного.

Послѣ этого прошло три недѣли, и она ничего не слышала о сэръ-Феликсѣ, но постоянно думала о немъ. Что же касается ея деревенскаго обожателя, она не могла не видаться съ нимъ, хотя и старалась избѣгать его. Однажды послѣ обѣда дѣдъ ея, вернувшись изъ Бонгея, объявилъ ей что вечеромъ придетъ Джонъ Кромбъ.

— Позаботься чтобъ ему было что поуживать.

— Джонъ Кромбъ придетъ сегодня, дѣдушка? Я предпочла бы чтобъ онъ не приходилъ.

— Какъ это хорошо съ твоей стороны, сказалъ старикъ нахлобучивъ на голову шапку и усѣвшись въ деревянное кресло у очага. Когда онъ сердился, онъ всегда надѣвалъ на голову шапку, и Реби хорошо знала это обыкновеніе.— Ты не рада ему когда онъ почти что мужъ тебѣ. Слушай, Реби. Я положу конецъ этому. Въ будущемъ мѣсяцѣ ты будешь обвѣчана съ Джономъ Кромбомъ и я попрошу сдѣлать оглашеніе.

— Священникъ можетъ оглашать что ему угодно, дѣдушка, я не могу помѣшать ему въ этомъ, но никто не можетъ обвѣчывать меня безъ моего согласія.

— А почему ты не согласи, безпутная ты дѣвчонка?

— Вы выпили, дѣдушка.

Онъ рѣзко повернулся къ ней и швырнулъ ей въ голову свою старую шляпу, но это ни мало не смутило Реби, которая уже привыкла къ подобному обращенію. Она подняла шляпку и подала ее ему съ холоднымъ равнодушіемъ разчитаннымъ на то чтобы вывести его изъ терпѣнія.

— Слушай Реби, сказалъ онъ.—Если ты выйдешь за Джона Кромба, ты получишь въ приданое пять сотей фунтовъ и мы устроимъ вдѣсь обѣдъ и танцы и созовемъ весь Бонгей.

— Очень мнѣ нуженъ вашъ Бонгей со всеми его пьяными болванами умѣющими только пить да курить. А Джонъ Кромбъ превзойдетъ въ этомъ ихъ всѣхъ. Нѣтъ человека который бы могъ выпить больше лива чѣмъ Джонъ Кромбъ.

— Я однако еще никогда не видалъ его пьянымъ, возразилъ фермеръ ударивъ кулакомъ по столу.

— Но чѣмъ больше онъ пьетъ, тѣмъ онъ становится глупѣе. Нечего говорить мнѣ о Джонѣ Кромбѣ, дѣдушка. Я сама его хорошо знаю.

— Однако ты прежде соглашалась идти за него, ты дала ему обѣщаніе.

— Если я и дала ему обѣщаніе, я не первая дѣвушка отступающая отъ своего слова и не лосѣдная.

— Такъ не пойдешь за него?

— Не пойдю, дѣдушка.

— Такъ выпутывайся сама какъ знаешь. Я въ этомъ тебѣ не помощникъ.

— Не безпокойтесь объ этомъ, дѣдушка.

— И прекрасно. Онъ придетъ сегодня и ты локомчишь съ нимъ какъ знаешь. Ты думаешь что я не знаю о твоихъ шашняхъ.

— О какихъ шашняхъ? Вы не знаете ни о какихъ шашняхъ, потому что ихъ нѣтъ. Вы ничего не можете сказать противъ меня.

— Онъ сегодня придетъ сюда и если ты наконецъ столкуешься съ нимъ, я буду очень радъ. Ты получишь пятьсотъ фунтовъ и кромѣ того я сдѣлаю обѣдъ и балъ и созову весь Бонгей. Онъ не хочетъ ждать больше.

— Никто и не проситъ его ждать. Пусть убирается куда знаетъ.

— Если же ты не сойдешься съ нимъ...

— Не сойдусь, дѣдушка.

— Да дашь ли ты мнѣ договорить, безлутная? Во всемъ Суффокѣ и во всемъ Норфокѣ нѣтъ фермера который далъ бы родной дочери столько сколько я хотѣлъ дать тебѣ. Ты этого не чувствуешь. Если не хочешь взять лятьсотъ фунтовъ, не бери и убирайся изъ Шилсъ-Акра.

— Очень мнѣ нуженъ Шилсъ-Акръ! Самое противное мѣсто во всей Англіи.

— Такъ найди лучше, найди лучше. Больше мнѣ нечего сказать тебѣ. Джонъ Кромбъ придетъ сегодня уживать, и ты переговоришь съ нимъ сама. Чортъ меня возьми если я вмѣшаюсь въ это дѣло. Но знай что ты не оставешься здѣсь. Шилсъ-Акръ для тебя не хорошъ, самое противное мѣсто. Я думаю что тебѣ придется побывать въ мѣстахъ противнѣе Шилсъ-Акра прежде чѣмъ ты угомонишься.

Старикъ пригласилъ Джона Кромба уживать, и миссъ Рѣгельсъ принялась немедленно за приготовленіе. Она была не прочь угостить молодого человѣка и притомъ она считала своею обязанностью заниматься хозяйствомъ дѣда. Но приготовляя ужинъ она говорила себѣ что въ этотъ вечеръ она во что бы то ни стало дастъ повать Джону Кромбу что никогда не будетъ его женой. Хозяйничая въ кухнѣ, нарѣзывая окорокъ и ощипывая курицу она дѣлала сравненіе между Джомомъ и сэръ-Феликсомъ Карбери. Она представляла себѣ голову Джона Кромба съ волосами торчавшими какъ цѣтава отъ касавшей на нихъ лыли и мягкія, длинныя, расчесанныя кудри другаго, такія пріятныя, такія соблазнительныя что ей постоянно хотѣлось гладить ихъ; представляла себѣ грубое, широкое, честное лицо мучаика съ неворотливымъ ртомъ, съ широкимъ носомъ, съ большими широко раскрытыми глазами изъ угловъ которыхъ онъ постоянно вычищалъ муку и пыль, и съ другой стороны бѣлые зубы, красивый ротъ, изящныя брови и вѣжкій цвѣтъ лица своего лондонскаго возлюбленнаго, Райское блаженство съ однимъ хотя бы въ теченіи одного краткаго года стоило цѣлой жизни съ другимъ. „Противъ своего сердца не слѣдуетъ идти, и я не пойду“, сказала она себѣ. „Джонъ Кромбъ получитъ ужинъ, узнаетъ всю правду и уйдетъ домой. Онъ заботится объ ужинѣ больше чѣмъ обо мнѣ.“ И съ этимъ окончательнымъ рѣшеніемъ она положила курицу въ горшокъ. Дѣдъ сказалъ ей чтобъ она убиралась изъ Шилсъ-Акра. И прекрасно. У нея есть немало



своихъ денегъ и она уйдетъ въ Лондонъ. Она знаетъ что будутъ говорить о ней, но ей нѣтъ дѣла до старшихъ сплетницъ. Она сумѣетъ оградить себя, она скажетъ что дѣдъ самъ прогналъ ее изъ своего дома.

Ровно въ семь, какъ было назначено, Джонъ Кромбъ постучался въ заднюю дверь фермы. Онъ пришелъ въ сопровожденіи Джоэ Миксета, бонгейскаго булочника, который, какъ всѣмъ уже было извѣстно, долженъ былъ быть шаферомъ на его свадьбѣ. Характеръ Кромба не лишень былъ многихъ прекрасныхъ качествъ. Онъ умѣлъ зарабатывать деньги и заработавъ умѣлъ тратить ихъ и беречь не владея въ крайности. Онъ не боялся никакой работы и никого изъ людей. Онъ былъ честенъ и не стыдился за свои поступки. У него были также своего рода рыцарскія идеи насчетъ женщинъ. Онъ готовъ былъ любить всякаго кто обижалъ женщину, а за близкую ему женщину онъ былъ бы опаснымъ мстителемъ. Но Реби была права сказавъ что онъ не умѣлъ говорить. Онъ дѣйствительно не былъ одаренъ краснорѣчіемъ. Онъ умѣлъ отличить хорошую муку отъ плохой и зналъ какую цѣну могъ дать за нее чтобы получить при продажѣ хорошей барышъ. Онъ зналъ цѣну чистой совѣсти и не думая много пришелъ къ заключенію что честность была лучшею политикой. Джоэ Миксетъ, который былъ человекъ живой и рѣчистый, утверждалъ что тотъ кто купитъ Джона Кромба за дурака даромъ броситъ деньги. Джоэ Миксетъ былъ по всей вѣроятности правъ, но Джонъ Кромбъ поступилъ очень глупо и неосторожно допустивъ то что его ожидаемая женитьба на Реби Рѣгельсъ сдѣлалась предметомъ толковъ и сплетенъ для всего Бонгея. Его любовь была уже давно извѣстна всѣмъ, и хотя онъ никогда не говорилъ много, но больше всего говорилъ на эту тему. Онъ гордился красотой Реби, ея приданымъ, своимъ положеніемъ жениха, словомъ, онъ не пряталъ свой свѣтильникъ подъ срудомъ. Оглашеніе ихъ помолвки усилило предубѣжденіе Реби противъ человека которому она нѣкогда дѣйствительно дала слово. Явившись теперь для окончательнаго объясненія, такъ какъ до него не разъ доходили слухи что Реби передумала, онъ привелъ съ собой Джоэ Миксета какъ бы для того чтобы имѣть свидѣтеля своего торжества. „Для чего онъ привелъ его? подумала Реби. — Что за глупецъ этотъ Джонъ. Нѣтъ конца его дурачествамъ.“

Гнѣвъ старика утихалъ по мѣрѣ того какъ онъ выливалъ свое пиво пока Реби страдала, и теперь онъ встрѣтилъ своихъ гостей съ искреннимъ радушіемъ.

— Вы ли это, Джоэ Миксетъ? Добро пожаловать. Входите пріятель. Какъ поживаете, Джонъ? Реби готовитъ намъ кое-что на ужинъ. Слышите какъ хорошо пахнетъ?

Джонъ поднялъ свой толстый носъ, понюхалъ и засмѣялся.

— Джону не хотѣлось идти домой въ темнотѣ, сказалъ булочникъ со своею обычною шутовствомъ,—и я пришелъ чтобы помочь ему разогнать призраки.

— Очень радъ. Чѣмъ больше, тѣмъ веселѣе. У Реби хватить угощенія на васъ обоихъ. Такъ Джонъ Кромбъ боится призраковъ? Тѣмъ нужнѣе ему имѣть въ домѣ кого-нибудь кто разгонялъ бы ихъ.

Влюбленный, до сихъ поръ сидѣвшій молча, теперь рѣшился спросить: „гдѣ она, мистеръ Рѣгальсъ?“ Они сидѣли въ такъ называемой чистой или передней кухнѣ, гдѣ старикъ и его внучка проводили большую часть дня, а Реби страдала въ задней кухнѣ. Когда Джонъ предложилъ свой вопросъ, въ соседней комнатѣ ясно слышался звонъ тарелокъ и горшковъ. Черезъ минуту Реби вышла къ гостямъ и обтеревъ руки фартукомъ протянула ихъ двумъ молодымъ людямъ. Принявшись за стряпню, она надѣла длинный кухонный фартукъ и теперь не сочла нужнымъ снять его для своего обожателя.

— Дѣдушка сказалъ что вы придете ужинать, и я должна была заняться стряпней. Вы извините что я въ фартукѣ, мистеръ Миксетъ.

— Онъ очень идетъ къ вамъ, миссъ. Моя мать говоритъ что для дѣвушки нѣтъ лучшей рекомендаціи въ глазахъ мужчины какъ домовитость. Какъ ты думаешь объ этомъ, Джонъ?

— Она мнѣ очень нравится въ такомъ видѣ, сказалъ Джонъ потирая руки о колѣнки и поднявъ глаза на свою возлюбленную.

— Это имѣетъ видъ такой домовитости, Джонъ, прибавилъ Миксетъ.

— Какъ это несносно, проворчала Реби и рѣзко повернувшись ушла въ другую комнату.

— Теперь вы видѣли собственными глазами, сказалъ фермеръ предоставляя влюбленному вывести изъ постулка дѣвушку какое угодно заключеніе.

— Я не прочь жениться хоть сейчасъ, сказала Джонъ.

— Именно такъ, сказалъ Джозе Миксетъ.—Въ его домѣ все готово, не правда ли, Джонъ? И колыбель и горшокъ для ложки и все остальное. Молодая женщина которая войдетъ въ домъ Джона будетъ знать что она съѣстъ когда встанетъ и на что она ляжетъ когда захочетъ спать.

Онъ старался говорить громче чтобы Реби могла слышать.

— Что правда, то правда, сказалъ Джонъ засмѣявшись.— Въ моемъ домѣ полтора года лудовъ вещей кромѣ того что оставила мать.

Послѣ этого гости и хозяинъ сѣли молча пока Реби не вошла опять. Въ этотъ разъ она была безъ фартука и несла вареную курицу. За ней слѣдовала дѣвушка съ блюдомъ жареной ветчины и съ громадною пирамидой вареныхъ овощей. Старикъ всталъ и открывъ въ стѣнѣ потайную дверцу, ключъ отъ которой всегда хранился въ карманѣ его панталонъ, вынулъ кувшинъ эля и поставилъ его на столъ. Изъ другаго шкафа, ключъ отъ котораго также хранился у него, онъ вынулъ бутылку джину. Когда все было готово мушкетеры усѣлись вокругъ стола, но Джонъ Кромбъ нѣсколько разъ взглянулъ на стулъ прежде чѣмъ рѣшился сѣсть.—Если вы сядете, я угощу васъ чѣмъ-нибудь, сказала наконецъ Реби и послѣ этого онъ тотчасъ же сѣлъ. Реби разрѣзала курицу и раздѣлила другія яства стоя, и повидимому отъ нея и не ожидали что она сядетъ потому что никто не пригласилъ ея. Хотите джину или эля? мистеръ Кромбъ, спросила она когда другіе наполнили свои стаканы. Онъ повернулся къ ней и взглянулъ на нее такимъ взглядомъ который могъ бы смягчить сердце амазонки и молча протянувъ ей свою кружку, указавъ головой на кувшинъ съ пивомъ. Она наполнила кружку до краевъ лѣваго лива какъ онъ любилъ. Онъ поднесъ кружку ко рту и вылилъ ее въ горло какъ въ бочку. Она наполнила ее опять. Она готова была оказать ему всевозможное вниманіе лишь бы только онъ не требовалъ любви.

Сѣдено было много, потому что подано было новое блюдо ветчины и новая гора калусты, но сказано было очень мало, почти ничего. Джонъ Кромбъ съѣлъ свою долю курицы, тщательно оглодавъ и почти изжевавъ кости, съѣлъ также вторую порцію ветчины и калусты. Онъ не спрашивалъ лива, но выпивалъ его всякій разъ какъ Реби наполняла его кружку. Когда все было сѣдено, Реби удалилась въ заднюю кухню

и угостила себя тамъ кускомъ курицы который предусмo-  
трительно не подала на столъ и подѣлилась своею долей со  
служавкой. Вѣла она стоя и кончивъ тотчасъ же принялась  
за мытье посуды. Мущины между тѣмъ закурили трубки и  
сидѣли молча. Такъ продолжалось съ полчаса, въ продоже-  
ніи котораго Реби вышла въ заднюю дверь и обоидя домъ  
прокралась въ свою комнату. Но она не рѣшалась лечь въ  
постель опасаясь чтобы дѣдъ не привелъ къ ней ея обожа-  
теля. Дверь ея комнаты не запиралась. Ужасно было бы уви-  
дать предъ собой Джона Кромба послѣ его ятаго или ше-  
стаго стакана пива. И она была увѣрена что если онъ при-  
детъ, то приведетъ съ собою и Джоу Миксета, чтобы послѣд-  
ній объяснился за него. Она сѣла и стала прислушиваться.

Прокуривъ съ полчаса старикъ кликнувъ внучку, но ко-  
нечно не получивъ отвѣта. „Куда дѣвалась дрянная дѣвчонка?“  
проворчалъ онъ медленно направляясь въ кухню. Служанка,  
услышавъ шаги хозяина, успѣла спрятаться заблаговременно  
на дворѣ. „Чортъ бы побралъ этихъ дѣвок!“ закричалъ ста-  
рикъ подойдя къ двери. „Онъ гдѣ-нибудь за воротами. Доста-  
нется же ей если она будетъ продолжать вести себя такъ.“  
Затѣмъ онъ вернулся къ своимъ гостямъ.

— Она ушла куда-то, объявилъ онъ.—Вылейте еще стаканъ  
вина, мистеръ Кромбъ, а я пойду поищу ее.

— Я лучше вылью пива, оказалъ Джонъ повидимому со-  
вершенно равнодушный къ исчезновенію своей возлюбленной.

Трудное дѣло взялъ на себя старикъ. Онъ обошелъ дворъ,  
прошелъ по огороду спотыкаясь между грядками и не смѣя  
звать громко чтобы не дать повода думать что дѣвушка дѣй-  
ствительно пропала. Но въ душѣ онъ былъ встревоженъ и  
огорченъ неблагодарностью внучки. Развѣ онъ не обѣщавъ  
дать ей пятьсотъ фунтовъ? „Чортъ бы ее побралъ,“ пробормо-  
тала онъ возвращаясь опять къ дому. Послѣ долгихъ по-  
исковъ онъ вошелъ опять въ кухню гдѣ сидѣли его гости и  
ввелъ за руку Реби. Она была уже полураздѣта когда дѣдъ,  
отыскавъ ее, приказалъ ей одѣться и идти къ гостямъ  
и вслѣдствіе этого костюмъ ея былъ въ большомъ беспоряд-  
кѣ. Она сама сознавала что ей сѣдвало сойти внизъ и ска-  
зать Джону Кромбу разъ навсегда что она никогда не будетъ  
его женой.—Вы могли бы отвѣтить ему вмѣсто меня, дѣду-  
шка, сказала она. Въ отвѣтъ на это дѣдъ ударилъ ее и на-  
звалъ ее идиоткой.—О, если пошло на то, я не боюсь ни Джона



О подпискѣ на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ въ 1876 году.

Годовое изданіе РУССКАГО ВѢСТНИКА, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, стоить въ 1876 г. въ Москвѣ и Петербургѣ, безъ доставки, пятнадцать рублей; съ доставкою на домъ въ Москвѣ и Петербургѣ шестнадцать рублей и съ почтовою пересылкою во всѣ мѣста Россіи семнадцать рублей.

Заграничныя высылаютъ за доставку въ государства Германскаго Почтоваго Союза: въ Италію, Бельгію, Францію, Нидерланды, Швейцарію, Сербію, Румынію, Англию, Дانیю, Швецію, Грецію, Европейскую Турцію, Испанію, Португалію, Норвегію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты 18 руб. Въ прочія мѣста за границей по предварительному соглашенію съ редакціей.

Подписка на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ принимается:

ВЪ МОСКВѢ:

Въ конторѣ Университетской Типографіи на Страстномъ Бульварѣ.

Иногородные адресуются исключительно: въ редакцію РУССКАГО ВѢСТНИКА, въ Москвѣ.

Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе книжекъ предъ тѣми изъ подписчиковъ кои обратятся непосредственно въ контору редакціи и въ контору Университетской Типографіи.

О подпискѣ на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ въ 1876 году.

Цѣна за МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ на 1876- годъ: въ Москвѣ, безъ доставки на домъ, на 12 мѣсяцевъ, безъ казенныхъ объявленій тринадцать рублей; съ доставкою на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкою во всѣ мѣста Россіи шестнадцать рублей; съ казенными объявленіями, издаваемыми особо три раза въ недѣлю, цѣна безъ доставки пятнадцать рублей; съ доставкою и пересылкою восемнадцать рублей.

Подписка на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской типографіи, на Страстномъ Бульварѣ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи (Катковъ),  
на Страстномъ Бульварѣ.













